UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01145498 0

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
ЛЕ. OCT 02 1997

541611
27-5-52

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1911 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1911.

PG
3337
P5
1910
t. 8

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ИПОХОНДРИКЪ.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Николай Михайлычъ Дурнопечинъ (ипохондрикъ), 35 лѣтъ.
Соломонида Платоновна, тетка его, 60 лѣтъ.
Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, братъ Н. М. Дурнопечина въ 4-мъ колѣнѣ, 48 лѣтъ.
Настасья Кирилловна Бѣлогривова, дама лѣтъ 50, дальняя родственница Н. М. Дурнопечина.
Ванечка, сынъ ея, 21 года.
Надежда Ивановна Каноричъ, дѣвица, 36 лѣтъ.
Михайла Иванычъ Каноричъ, братъ ея, 33 лѣтъ.
Никита, слуга Дурнопечина, 40 лѣтъ.
Сергѣй, цырюльникъ, слуга Соломониды Платоновны.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ комнату въ родѣ кабинета; столъ съ различными вещами; мебель хорошая; на диванѣ разложено платье; на стѣнѣ виситъ большое зеркало, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ (сидитъ передъ столомъ въ ватномъ пальто). Вотъ тебѣ и родина, а все эта тетушка выписала... воздухъ здѣсь, писала, очень хорошъ. Нечего сказать: славный! Что вотъ ни пріѣхалъ сюда, все хуже и хуже. Удивительное дѣло, какъ идетъ моя жизнь! Страхъ какой-то... тоска... скука... (Вздыхаетъ). А какъ другіе, посмотришь, прекрасно живутъ, веселые такіе...

смѣлые... жизнью какъ-то умѣютъ пользоваться, а ты вотъ сиди себѣ да думай; но это было бы еще ничего, жилъ бы себѣ просто, такъ нѣтъ: безпрестанно наскакиваешь на затруднительныя положенія, изъ которыхъ не знаешь какъ и выпутаться. Вотъ хоть бы взять изъ моихъ отношеній къ Надеждѣ Ивановнѣ, чѣмъ я тутъ виноватъ? что я такое сдѣлалъ? Мальчишкой бывши, покуртизанилъ, а теперь вотъ и раздѣлывайся: «Руки, пишетъ, на себя наложу, если не женитесь»... а какой я женихъ? куда я годенъ? А съ другой стороны, и въ самомъ дѣлѣ подумаешь: что если вправду руки на себя наложитъ? что тогда ляжетъ на совѣсть? Пожалуй, и самъ не перенесешь... особенно при моемъ здоровьѣ... Вонъ опять начало давить подъ ложкою... Такъ... пора... конечно, пора... Охъ, ужъ это мнѣ утро! ужасное это время утро... Вчера даже мало и ужиналъ, желудокъ долженъ бы быть хорошъ. (Беретъ зеркало со стола и смотритъ языкъ). Ну, такъ и есть, желтоватъ... съ краевъ-то ничего — красенъ, а въ серединѣ желтоватъ. (Входитъ Никита).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ и Никита.

Никита (про себя). Опять ротъ пялитъ передъ зеркаломъ.

Дурнопечинъ (услышавъ его шаги). Никита! а Никита! поди сюда, встань поближе, встань вотъ тутъ, противъ меня!

Никита (подходя). Ну-съ?

Дурнопечинъ (глядя ему въ глаза). Скажи мнѣ, братецъ, — только, смотри, говори правду, не лги: чувствуешь ты что-нибудь по утрамъ?

Никита. Какъ не чувствовать: на то живой человѣкъ, чтобы чувствовать.

Дурнопечинъ. Что жъ ты чувствуешь?

Никита. Да что чувствовать-то? — все чувствую-съ.

Дурнопечинъ. А, братецъ, какой ты безтолковый!.. Я не про то тебѣ говорю.

Никита. Про что же вы говорите?

Дурнопечинъ. Я тебя спрашиваю: не чувствуешь ли ты по утрамъ, или послѣ обѣда — вечеромъ, этакого... непріятнаго ощущенія... тяжести?

Никита. Нѣтъ-съ: этого, кажись, не чувствую.

Дурнопечинъ. Припомни-ка хорошенько.

Никита. Чего припоминать-то, право, не чувствую-съ. Вонъ, грѣшнымъ дѣломъ, иногда съ похмелья, такъ болитъ голова по утрамъ.

Дурнопечинъ. По крайней мѣрѣ, не хочется ли тебѣ, этакъ, вставши поутру, поскорѣе бы на воздухъ? Или вотъ, напримѣръ, скажи мнѣ, братецъ: можешь ли ты сейчасъ поутру заниматься чѣмъ-нибудь, не чувствуешь ли ты этакой лѣни, тоски?..

Никита (съ улыбкою махнувъ рукою). Не знаю, что̀ вы такое говорите. Наше извѣстное дѣло: не хочешь, да дѣлаешь. Вонъ за водой сходишь, сапоги вычистишь, самоваръ тоже велишь поставить поваренку,—не этакая жизнь-то, какъ ваша: валяться некогда.

Дурнопечинъ (разсердясь). Что̀ ты за околесную городишь? Чортъ тебя знаетъ: о сапогахъ да о самоварѣ мелешь. Все не то говоришь, о чемъ тебя спрашиваютъ.

Никита. Что̀ же мнѣ говорить-то? Вѣдь я не баринъ какой-нибудь ученый.

Дурнопечинъ. Ну, ладно, ступай. (Никита хочетъ уйти. Дурнопечинъ, проведя по лбу рукою, поблѣднѣвъ и сконфуженнымъ голосомъ) Никита, постой... поди сюда... У меня, братецъ, опять изнурительная испарина показалась.

Никита. Ничего нѣтъ, никакой совсѣмъ испарины не бывало.

Дурнопечинъ (еще болѣе блѣднѣя). Какъ нѣтъ? Давай-ка сюда руку. (Беретъ у Никиты руку и водитъ по своему лбу). На лбу-то не чувствуешь? что̀, нѣтъ?.. а? нѣтъ, спорщикъ этакій!

Никита. Ну, что̀ же такое? Есть, показалась маленька.

Дурнопечинъ. То-то маленькая показалась, а у тебя такъ вотъ и нѣтъ: ни тоски, ничего нѣтъ. Видно что здоровый человѣкъ.

Никита. Я почемъ знаю: можетъ-быть, и у меня есть

Дурнопечинъ. Да, есть у тебя, только не то: лошадиное здоровье у тебя есть. Вотъ теперь у меня испарина, тамъ слабость, а тутъ, смотришь, сухотка, да и карачунъ.

Никита. Вы вѣдь, уже извѣстно, давнишній трусъ: еще молоденькимъ были, прыщикъ, бывало, какой-нибудь вскочитъ: «Ой, Никита, умираю, совсѣмъ погибъ, ой, ступай за докторомъ», — а что̀ докторъ, — придетъ только да разсмѣется: «Трусъ, говоритъ, Никита, твой баринъ, вотъ что̀!..»

Дурнопечинъ. Ну, да, трусъ, хорошъ теперь прыщикъ: весь позвоночный столбъ пораженъ — хорошъ прыщикъ! Въ лѣчебникѣ именно сказано: начинается тоскою, апатіею, потомъ изнурительный потъ, разслабленіе, худоба и конецъ дѣлу. Господи Боже мой! что̀ мнѣ дѣлать? кто мнѣ поможетъ? (Встаетъ, схватываетъ себя за голову и начинаетъ ходить по комнатѣ). Доктора!.. Знаю я, какъ они лѣчатъ: или припадки замазы-

вают, или гнут человѣка подъ систему свою. Вотъ ихъ правило! Знаю я, очень хорошо знаю... я самъ всѣ лѣчебники выучилъ наизусть, такъ ужъ очень хорошо понимаю, какъ все это надежно. (Ложится на диванъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ хныкать).

Никита (подходя къ нему). Николай Михайлычъ! а Николай Михайлычъ! Что вы это такое, сударь, дѣлаете, не стыдно ли вамъ?

Дурнопечинъ (не обращая на него вниманія). Преступникъ, даже самый преступникъ—и тому остается надежда: его, можетъ-быть, простятъ; а у меня даже этого нѣтъ! Ой, тошно, тошно!...

Никита (съ сердцемъ). Ахъ, ты, Царь небесный! что это за баринъ такой, словно маленькій ребенокъ.

Дурнопечинъ. Дай воды! дай... только не холодной!

Никита (подавая ему воду). Хоть бы вы себя-то, Николай Михайлычъ, пожалѣли. Отъ этого, сударь, безъ болѣзни болѣзнь приключится: ей-Богу, накликиваете на себя Богъ знаетъ что, да и только.

Дурнопечинъ. Жалкій, братъ, я человѣкъ: недолго, кажется, осталось мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!

Никита. Васъ вѣдь и не урезонишь, а какъ Богъ святъ, у васъ ничего нѣтъ: такъ только одна сумнительность и больше ничего. Вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, у меня у самого это бывало.

Дурнопечинъ (немного успокаиваясь). Бывало, я думаю, у тебя въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ тридцать градусовъ тепла.

Никита. Нѣтъ, право, зимой бывало... въ дорогѣ, вотъ когда бывало.

Дурнопечинъ. Что же послѣ?

Никита. Да что послѣ — ничего: квасу только ковша два выпьешь.

Дурнопечинъ. Долго ли у тебя это было?

Никита. Лѣтъ семь было, да и теперь еще есть... А какъ я вотъ что вамъ скажу: какъ я въ Москвѣ, въ мальчикахъ въ горячкѣ лежалъ, такъ вотъ ужъ лежалъ: оглохъ совсѣмъ, ни руки ни ноги не владали. Доктора говорили, что безпремѣнно умру; а послѣ, черезъ недѣлю, такъ началъ кашицу уписывать, только давай. Харчей-то исправныхъ не было, а то бы все, кажись, по-моему, съѣлъ.

Дурнопечинъ. Горячка! что такое горячка?—въ горячкѣ человѣкъ или выздоровѣетъ, или умретъ, а у меня другое дѣло.

Никита. А у васъ и совсѣмъ ничего нѣтъ, вотъ что у васъ! Такъ вы только, больно ужъ робки. Лучше бы погулять, сударь, сходили: на базарѣ народу видимо-невидимо.

Дурнопечинъ. Мнѣ бы самому хотѣлось; да не холодно ли?

Никита. Никакого совсѣмъ нѣтъ холода; лучше провѣтритесь.

Дурнопечинъ. Ну, хорошо! Что же я надѣну?

Никита. Такъ ступайте: пальто ватное.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, нельзя такъ: простудишься. Дай хоть кашемиръ.

Никита. Зачѣмъ кашемиръ: лучше простынете.

Дурнопечинъ. Какія ты глупости говоришь,—давай, когда велятъ,—весь въ испаринѣ, а ступай въ одномъ пальто. (Никита даетъ кашемиръ, которымъ Дурнопечинъ старательно обматываетъ шею, закладываетъ уши пенькою и, надѣвъ теплую шапку и калоши, идетъ).

Никита (въ дверяхъ, вслѣдъ ему). Что обѣдать-то прикажете готовить?

Дурнопечинъ (за сценой). Ну, что-нибудь... Какъ будто не знаешь?

ЯВЛЕНІЕ III.

Никита (съ сердцемъ). Да я почему знаю; теперь вотъ не говоритъ, а ужо станетъ спрашивать, отчего того да другого нѣтъ. (Къ публикѣ) Каждое утро этакія штуки откалываетъ. Поди ты: что съ нимъ сдѣлаешь? (Передразнивая Дурнопечина) «Ой, не могу ничего ѣсть, ой, ничего не надо, и слышать, говоритъ, о пищѣ не могу»; а какъ проголодается, такъ всего давай; уписываетъ такъ, что за ушами трещитъ; а наѣстся, опять за тѣ манеры. Удивительная вещь, право! Боленъ, говорили вонъ въ Москвѣ, въ какой-то апохондріи,—экая болѣзнь славная!—все на ногахъ, да ничего и не худѣетъ! Съ жиру бѣсится—вотъ что—да! Кабы посадить на постныя щи, да заставить бы, какъ мужика, воза два дровъ перерубить, такъ бы все прошло. Расхныкался, зачѣмъ вотъ потъ въ ваточномъ сюртукѣ прошибаетъ; экая бѣда случилась!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тотъ же, Настасья Кирилловна и Ванечка.

Настасья Кирилловна (растопыривая руки). Никитушка! другъ мой... тебя ли я вижу? Еще Господь Богъ привелъ съ вами встрѣтиться... Поцѣлуемся, другъ мой! (Хочетъ поцѣловать Никиту).

Никита (цѣлуя у нея руки). Какъ возможно-съ!... Пожалуйте ручку.

Настасья Кирилловна. Ничего, ничего, мой другъ, лучше

бы поцѣловались... Охъ, задохнулась бѣжавши. Сейчасъ только узнала, что вы здѣсь; но гдѣ же дядюшка-то? Дай мнѣ его, ненагляднаго, поскорѣе увидать.

Никита. Они гулять ушли.

Настасья Кирилловна. Какъ гулять ушелъ!... Развѣ онъ ходитъ еще? А вѣдь меня напугали, сказали, что онъ ужасно боленъ.

Никита. Здоровье наше извѣстное; каждый день все хвораемъ.

Настасья Кирилловна. Слышала, слышала... И ты-то, Никитушка, что-то похудѣлъ: точно лицо-то ободранное. И ты-то ужъ не боленъ ли?

Никита. Нѣтъ-съ, я ничего, мы не господа, хворать не любимъ.

(Ванечка, смотрѣвшій первоначально на потолокъ, на стѣны, подошелъ потомъ къ большому зеркалу и началъ оглядывать себя во всевозможныхъ положеніяхъ).

Настасья Кирилловна. Что говорить: конечно, человѣкъ простой всегда бываетъ здоровѣе, но дядюшка-то... Ахъ, Творецъ небесный! Все это время я какъ будто бы предчувствовала: въ городъ ѣхать не надобно, а хочется... Ванечка тоже подмываетъ; но у Алексѣя Яковлевича обыкновенный его проклятый геморрой; онъ у меня въ это время прескердитый, прекапризный, а на лошадей такъ всегда ужасно скупъ; какъ ѣхать куда-нибудь, такъ и исторія, хоть до драки дѣло. Ну, думаю, впрочемъ, ничего! Встала сегодня еще въ четыре часа утра, велѣла потихоньку заложить бричку, разбудила Ванечку,— поѣдемъ, говорю, другъ мой, покуда папенька спитъ, — такъ въ пять часовъ и укатили, онъ еще и не просыпался. Да ты узналъ ли, Никитушка, моего Ванечку-то? Посмотри, батюшко, какой молодецъ выросъ! Ванечка! Поди, другъ мой, познакомься! Это камердинеръ дяденьки. Что, Никитушка, вѣрно, не узналъ?

Никита. Никакъ нѣтъ-съ: узналъ.

Настасья Кирилловна. Ну и хорошо... Славный ты, Никитушка, человѣкъ, право! Вотъ я и своей прислугѣ все говорю: вотъ, говорю, берите примѣръ съ дяденькинаго человѣка, вотъ служитъ, такъ служитъ: съ малолѣтства никуда не отлучался отъ него. Ты, кажется, еще молоденькимъ поступилъ къ нему?

Никита. Въ мальчикахъ только, въ Москвѣ, три года жилъ, а тутъ все при немъ.

Настасья Кирилловна. Знаю, знаю, Никитушка, рѣдкостный, можно сказать, ты камердинеръ. Вотъ хоть бы съ этого взять: до сихъ поръ ты не женатъ словно бобыль какой,

Никита. Нашему брату не приходится жениться.

Настасья Кирилловна. Такъ, конечно, такъ, да другіе-то, другъ мой, изъ вашей братіи такъ не разсуждаютъ. Вотъ хоть бы у насъ, какъ двадцать одинъ годъ минулъ, такъ и является: давай баринъ невѣсту, хоть роди да давай. Ой, что это я все не про то говорю. Скажи-ка лучше мнѣ про дяденьку: что, трудно онъ боленъ? Я думаю, такъ только, черезъ силу таскаетъ ноги? Ванечка! тебѣ, можетъ-быть, трубки покурить хочется? Угости его, Никитушка, трубочкой. У васъ, богачей, вѣрно, ужъ есть табакъ? Онъ у меня презастѣнчивый: никогда самъ ничего не попроситъ.

Никита. Ну, этого добра у насъ нынче и въ заводѣ нѣтъ; баринъ ужъ съ полгода, какъ пересталъ курить: лѣкаря запретили.

Ванечка (съ важностью). Что это, маменька, вы все просите? У меня свои папиросы есть. (Вынимаетъ изъ кармана двѣ самодѣльныя папиросы). Человѣкъ, дай мнѣ огня!

Настасья Кирилловна. Ну, когда есть, такъ и прекрасно. Дай ему, Никитушка, огня, да разскажи мнѣ что-нибудь про дядюшку!

Никита (подавая Ванечкѣ спичку, который, закуривъ папиросу, разваливается на диванѣ). Что дядюшка?.. слава Богу; ничего!

Настасья Кирилловна. Очень онъ слабъ?

Никита. Ничего-съ.

Настасья Кирилловна. А блѣденъ этакъ и худъ?

Никита. И этого ничего нѣтъ.

Настасья Кирилловна. Ударовъ съ нимъ не бывало ли? Нынче все больше удары поражаютъ.

Никита. Какіе удары? Такъ вотъ только рооки они очень и сумнительны.

Настасья Кирилловна. Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескрытная болѣзнь: вначалѣ ихъ и замѣтить трудно, а тутъ вдругъ однимъ разомъ и покончитъ. Сдѣлалъ ли онъ какое-нибудь по имѣнію-то своему распоряженіе? Вѣдь бездѣтный, Никитушка, самъ согласись. Вотъ хоть бы взять съ тебя: далъ ли онъ тебѣ вольную-то? обезпечилъ ли тебя?

Никита. А мнѣ зачѣмъ вольная? Я и при господахъ живу.

Настасья Кирилловна. Стало-быть, онъ ничего этакого, о духовной, не думалъ, завѣщанія еще никакого не писалъ?

Никита. А Богъ ихъ знаетъ: мое дѣло лакейское, со мной не станетъ говорить.

Настасья Кирилловна. Конечно, конечно, Никитушка; я только такъ спросила, потому что неровенъ часъ, эти вещи

всегда нужно дѣлать заблаговременно, а особливо при слабомъ здоровьѣ... Ванечка, не хочешь ли, другъ мой, чаю? Тридцать верстъ вѣдь проѣхали. Угости, Никитушка, чайкомъ! У васъ, я думаю, не занимать стать этого добра, да и хлѣбца бѣлаго вели подать: ѣсть что-то хочется.

Никита. Извините-съ: я думалъ, что вы кушали...

Настасья Кирилловна. Пить-то мы пили, ну, да съ дороги обыкновенно горячаго хочется. (Никита уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Настасья Кирилловна и Ванечка.

Ванечка. Мы здѣсь долго, маменька, просидимъ? Мнѣ къ Надеждѣ Ивановнѣ хочется.

Настасья Кирилловна. Ахъ, ты, дурачокъ, дурачокъ этакій! Балую я тебя очень: не то бы мнѣ съ тобой надобно было дѣлать. Какой еще ты женихъ?

Ванечка. Вотъ вы, маменька, и на попятный дворъ; это ужъ подло... У ней сто душъ-съ. Я вамъ денегъ за это дамъ; мнѣ жениться на ней очень хочется. Она такая добрая, все со мной заигрываетъ.

Настасья Кирилловна. Не пойдетъ она, мнѣ кажется, за тебя, Ванечка! Конечно бы, недурно, да молодъ ты еще очень.

Ванечка. Нѣтъ, маменька, ничего, пойдетъ! Я ей одну штучку скажу, такъ пойдетъ.

Настасья Кирилловна. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Молодо, зелено, но все-таки погодимъ, другъ мой, теперь нельзя: надобно здѣсь побыть: здѣсь-то, душа моя, намъ большая польза можетъ быть. Посмотри-ка, комната-то какая отличная... Вещи-то все какія богатыя... Поди-ка сюда, погляди: какое пальто безподобное. Вотъ бы тебѣ такое; я думаю, чай, впору будетъ.

Ванечка (подходя и разсматривая пальто). Да-съ, маменька, пальто важное; пуговицы, должно-быть, московскія: здѣсь этакихъ совсѣмъ нѣтъ.

Настасья Кирилловна. У него все московское: страшный вѣдь богачъ; большіе имѣетъ капиталы. Надѣнь-ка, примѣряй, другъ мой! (Ванечка надѣваетъ и охорашивается). Ахъ, какъ прелестно на тебѣ сидитъ... безподобно! Ну, погоди, другъ мой, мы у него какъ-нибудь его выхлопочимъ.

Ванечка (улыбаясь). Не дастъ, маменька, жалко будетъ.

Настасья Кирилловна. Ай, нѣтъ, не говори: онъ предобрѣйшій и прекротственный всегда былъ, а теперь и по-

давно: куда ему беречь? Говорятъ, не-сегодня-завтра ляжетъ въ могилу. (Таинственнымъ полушопотомъ) Я даже думаю о духовной попросить: не сдѣлаетъ ли онъ духовной на наше семейство.

Ванечка (смѣясь). Ой, маменька, какія, я вижу, вы ловкія! Недаромъ папенька говоритъ, что вамъ бы на бѣдность ходить сбирать: вы бы у мертваго выпросили.

Настасья Кирилловна. Что же такое? Это не воровство какое-нибудь: женщина не мужчина, чѣмъ ей промышлять для семейства? А папенькѣ твоему ужъ обыкновенно: чѣмъ бы нибудь только, да обидѣть меня. (Подходя къ столу) Ахъ. здѣсь-то, здѣсь-то, Ванечка, посмотри: какія прелести! (Беретъ папиросницу). Это что еще такое? Бумажникъ, что ли?

Ванечка. Нѣтъ, маменька, это папиросница. Вотъ бы эта мнѣ нужна штука!

Настасья Кирилловна. Возьми!

Ванечка (сомнѣваясь). Ай, нѣтъ, стыдно!

Настасья Кирилловна. Ничего, возьми, право, возьми, я ему сама послѣ скажу. Изъ кармана-то у тебя совѣстно ужъ будетъ взять. (Суетъ ему въ карманъ).

Ванечка. Ну, маменька, смотрите, какъ онъ разсердится да браниться начнетъ.

Настасья Кирилловна. Вотъ пустяки: этакій благородный человѣкъ разсердится! Еще очень будетъ радъ, что породственному, безъ церемоній позаимствовались.

Ванечка. Ну, ладно, маменька, я все на васъ сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

Настасья Кирилловна. Ну, хорошо, говори на меня, что съ меня, старухи, взять. (Осматривая комнату) Чего бы у него еще попросить? Право, ужъ и не знаю... Развѣ вотъ шапку тебѣ бобровую. Помнишь, ты у меня еще все просилъ.

Ванечка. Ну, ужъ это дудки-съ — это вещь дорогая — рублевъ пятьдесятъ стоитъ. (Надѣваетъ шапку, сворачиваетъ ее набекрень и смотрится въ зеркало) А вѣдь славно, маменька! Точно какой турка.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Дурнопечинъ.

Настасья Кирилловна (всплеснувъ руками). Ахъ, дядюшка! (Бросается обнимать его). Ванечка, обнимай дѣдушку! (Ванечка, быстро снимая шапку, тоже обнимаетъ). Батюшка!.. Милый вы мой! красавецъ вы мой, безцѣнный! Васъ ли я вижу, ненаглядный мой! Ванечка, поди, поцѣлуй у дяденьки ручку. (Ванечка хочетъ

поцѣловать. но Дурнопечинъ не даетъ и едва приходитъ въ себя отъ объятій).

Дурнопечинъ. Полноте... не надобно, мои милый! Я васъ сначала и не узналъ. (Выходитъ на авансцену и задумывается).

Настасья Кирилловна (слѣдуя за нимъ). Мудрено ли, кровный мой! Десять лѣтъ вѣдь не видались! Да вы сядьте, голубчикъ мой! Посмотрите, какъ вы слабы: на себя не похожи!..

Дурнопечинъ. А что? (съ безпокойствомъ).

Настасья Кирилловна. Ужасно перемѣнились, дядюшка!.. Позвольте мнѣ Ванечку моего представить: старшій сынъ мой, дядюшка!

Ванечка. Я васъ, дѣдушка, вовсе не такимъ воображалъ.

Дурнопечинъ (погруженный самъ въ себя). А какимъ же?

Ванечка. Да я думалъ, что вы съ усами-съ.

Настасья Кирилловна (перебивая). Онъ по нашимъ-то словамъ, дядюшка, воображалъ васъ этакимъ молодцомъ, какъ прежде вы были.

Дурнопечинъ. Стало-быть, я очень перемѣнился?

Настасья Кирилловна. Ахъ, дядюшка, узнать нельзя. Вотъ какъ бы, кажется, на дорогѣ встрѣтились да наплевали въ глаза, такъ и тутъ бы не признала.

Дурнопечинъ (грустнымъ голосомъ). Все боленъ, Настасья Кирилловна!

Ванечка. Вы бы, дѣдушка, верхомъ катались. Вонъ у папеньки только отъ этого и проходитъ.

Настасья Кирилловна (перебивая). Что это, Ванечка, ты про папеньку говоришь. У него ужъ болѣзнь извѣстная, отъ которой моціономъ лѣчатся. А вотъ дядюшка, какъ я вижу, такъ весь разстроенъ.

Дурнопечинъ (качая съ грустью головой). Именно, весь разстроенъ. Не о лѣченьи надобно думать, а о другомъ.

Настасья Кирилловна (тоже грустно). Что это, дядюшка... Конечно, болѣзнь, видно, большая, однако, мой безцѣнный, почему же и не попользоваться: вотъ бы вы попробовали каждое утро огуречный разсолъ пить или можжушный квасъ: одна моя знакомая такъ отъ водяной этимъ вылѣчилась, да и водяная-то съ ней отъ пьянства приключилась; доктора сказали, что просто неизлѣчима.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, мой другъ, что огуречный разсолъ, что можжушный квасъ, все это пустяки.

Ванечка. Вы, должно-быть, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ этакій больной: все только про болѣзнь и говорите.

Дурнопечинъ. Что дѣлать, братецъ, не удивляйся! Мо-

жетъ-быть, и самъ будешь такой же хилый, какъ я... Здорова ли семья твоя, Настасья Кирилловна?

Настасья Кирилловна. Ой, что это вы, дяденька, безпокоитесь и вспоминаете объ этихъ пустякахъ! Лучше про себя-то, отецъ мой, разскажите: что такое съ вами?

Дурнопечинъ (съ горькой улыбкой). Что такое со мной... видишь, ничего.

Настасья Кирилловна. Да вы ужъ очень, дяденька, въ отчаяніе-то приходите. Ну, что же дѣлать, если болѣзнь, можетъ-быть, даже и опасна; по крайней мѣрѣ добрыя дѣла старайтесь дѣлать: это, дяденька, лучше лѣкарей помогаетъ. Вотъ, напримѣръ, изволили вы пріѣхать сюда, не забудьте-ка вашихъ родныхъ, которые васъ любятъ и уважаютъ, такъ повѣрьте, что сейчасъ все пройдетъ. (Переминаясь) Вотъ бы я, дяденька, къ вамъ съ пребольшой моей просьбицей, — знаете, я думаю, отецъ мой, наше состояніе: семейство большое, а воспитывать нечѣмъ. Ванечку теперь, по несчастію, выключили изъ гимназіи, за непонятіе въ наукахъ; надобно бы въ службу опредѣлить, а одѣть не на что. Вотъ нынче пальты всѣ носятъ, а у него ничего нѣтъ! Не пожалуете ли ему, отецъ мой, вонъ это сѣрое пальтичко? У васъ оно, я думаю, валяется, а онъ бы въ немъ по праздникамъ нащеголялся. Ванечка, другъ мой, проси дѣдушку, что это какой ты застѣнчивый!

Ванечка (сконфузившись и улыбаясь). Дѣдушка!

Дурнопечинъ. Развѣ оно тебѣ нравится?

Ванечка. Нравится, дѣдушка!

Дурнопечинъ. Возьми!..

(Настасья Кирилловна и Ванечка ловятъ у Дурнопечина руки, чтобъ поцѣловать).

Дурнопечинъ. Ну, полноте, полноте.

Настасья Кирилловна. Вы, дѣдушка... вотъ бы... Господи Боже мой, и говорить-то не смѣю!.. Презентуйте ему, отецъ мой, еще шапочку. Стыдно сказать, а головы прикрыть нечѣмъ...

Дурнопечинъ. Какую это?

Настасья Кирилловна. Да вонъ бобровую-то, дяденька: она у васъ ужъ и поистерта...

Дурнопечинъ (съ улыбкою). Возьмите, пожалуй!

(Настасья Кирилловна и Ванечка бросаются обнимать Дурнопечина).

Настасья Кирилловна (сквозь слезы). Одинъ только Богъ васъ можетъ наградить, что не оставляете сиротъ. Ванечка! Надѣнь же всѣ подарки и покажись дѣдушкѣ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, послѣ... Я послѣ на него посмотрю. Мнѣ ѣсть что-то хочется.

Настасья Кирилловна. Покушайте, благодѣтель мой! Что это, я вижу, вы и аппетиту ничего не имѣете.

Дурнопечинъ. Все худо, Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Вижу, дядюшка, все очень хорошо вижу; но что же, родной мой, дѣлать. Ну, когда Богъ послалъ на васъ такое испытаніе, думайте, по крайней мѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ. (Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ, но склоняетъ голову на руки и задумывается). Господи, (всплеснувъ руками) Боже мой! Легче бы, кажется... глаза мои не видали этого человѣка. Вы, дяденька, по крайней мѣрѣ, вспомните то, что есть старики, которые, что называется, доживаютъ послѣднія минуты, и тѣ... ну, обыкновенно, думаютъ, какъ бы заблаговременно распорядиться, чтобы память ихъ могли помянуть настоящимъ образомъ... я вотъ только говорить вамъ не смѣю... ну, да, впрочемъ, кого любишь, такъ говорить можно прямо: человѣкъ вы холостой, одинокій,—подумали ли вы, отецъ мой, о духовной-то... этого дѣла всякому человѣку никогда откладывать не слѣдуетъ.

Дурнопечинъ (съ горькою улыбкой). Такъ ты думаешь, что мнѣ пора думать о духовной?

Настасья Кирилловна. Я, дяденька, не къ этому говорю. Конечно, вамъ еще не послѣдній пришелъ конецъ; но вѣдь, отецъ мой, этакое важное дѣло надобно дѣлать, ахъ! въ какомъ здравомъ разсудкѣ!

Дурнопечинъ. Въ здравомъ разсудкѣ!.. да, конечно... а у меня ужъ его скоро совсѣмъ не будетъ. (Вздыхая) Спасибо, хоть правду говоришь.

Настасья Кирилловна. Всегда говорю, дяденька, правду, такой ужъ глупый характеръ! Сколько я за эту правду страдала: только что не били меня за мою справедливость. Вотъ хотя бы и про себя—не могу передъ вами скрыть: бѣдность, дяденька, совсѣмъ меня погубила. Алексѣй Яковлевичъ ничего не даетъ мнѣ на семейство: чайку, дяденька, по три мѣсяца въ глаза не видимъ, только въ гостяхъ гдѣ-нибудь и полакомимся, а дома, не повѣрите, все сидимъ на простыхъ щахъ. Не осчастливите ли, благодѣтель мой, не пожалуете ли чего-нибудь по дарственной или по духовной? Человѣкъ вы холостой!.. у васъ все прахомъ пройдетъ. Ванечка, что это ты сидишь! Умоляй дѣдушку облагодѣтельствовать тебя! (Ванечка встаетъ).

Дурнопечинъ (сидѣвшій въ задумчивости, встаетъ). Ну, хорошо, ладно... ступайте туда въ гостиную. Я усталъ. Поди, Настасья

Кирилловна, возьми и сына... Ступайте... Я сдѣлаю, только подите отсюда.

Настасья Кирилловна. Дядюшка! Да вы не осердились ли?

Дурнопечинъ. Нѣтъ. Подите... послѣ... (Отходитъ и ложится на диванъ. Молчаніе. Настасья Кирилловна смотритъ съ испугомъ и удивленіемъ на Дурнопечина).

Настасья Кирилловна. Пойдемъ, Ванечка!

Ванечка. Пойдемте, маменька! Дѣдушка, вѣрно, соснуть хочетъ. (Настасья Кирилловна и Ванечка на цыпочкахъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ (съ дивана). Все ужъ теперь кончено! Всѣ это знаютъ! Всѣ это видятъ! А я — глупецъ: думалъ еще жить, думалъ жениться, послужилъ бы даже, а вотъ теперь женись и служи... Я спокоенъ, я вотъ теперь пообѣдаю, а тутъ спать лягу, а тутъ и умру... (Склоняетъ голову въ совершенномъ отчаяніи).

Занавѣсъ падаетъ.

СЦЕНА II.

Зала въ домѣ Канорича

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна выходитъ задумавшись. Михайла Иванычъ идетъ за ней молодцомъ и куритъ. Садятся.

Михайла Иванычъ. Ну, такъ какъ же? У васъ съ нимъ и того...

Надежда Ивановна (въ раздумьѣ). Да.

Михайла Иванычъ. Экая ракалія, скажите, пожалуйста! Нѣтъ, баринъ, шалишь... не на того напалъ. Михайла Ивановъ самъ изъ обожженныхъ кирпичей... Ухъ, какъ я этакихъ господъ умѣю учить! Какъ, напримѣръ, ихъ мошенническія физіономіи умѣю встряхивать, чудо! Безъ бани жарко у меня будетъ...

Надежда Ивановна. Не кляни его, Мишель: онъ не виноватъ.

Михайла Иванычъ. Прахъ ихъ побери: виноватъ ли онъ тутъ, или нѣтъ. Я не приказная строка, вины разбирать; а по-нашему, если онъ благородный человѣкъ, такъ фокусы выкидывать нечего, а поступай на чистоту.

Надежда Ивановна (вздыхая). Онъ любилъ меня. Ахъ,

если бы ты только зналъ, какъ онъ любилъ меня... Если бы ты видѣлъ, сколько прекрасной души въ этомъ человѣкѣ!

Михайла Иванычъ. Ну, а теперь что же? Теперь-то куда душа у него дѣвалась: на Нижегородскую, что ли, его прекрасная душа уѣхала?

Надежда Ивановна. Теперь онъ совсѣмъ перемѣнился: его узнать нельзя.

Михайла Иванычъ. Эге, любезнѣйшая, въ томъ-то и штука, какъ онъ смѣлъ перемѣниться! Знаемъ мы эти дѣла: шамшурку гдѣ-нибудь завелъ, такъ и тянетъ въ другую сторону. Врешь, мой милый, отобьемъ! Слава Богу, у Михайлы Иванова никто еще отъ рукъ не отбивался: такъ пугну, что портретъ мой спишетъ да каждый день и будетъ ему кланяться, чтобы помиловалъ. Охъ, какой вѣдь я на этихъ господъ крутой человѣкъ: трудно, больно трудно со мной справляться! У Михайлы Иванова вотъ какой характеръ: какъ гдѣ увидитъ онъ этакого щелкопера, такъ руки и чешутся, чтобъ дать барину урокъ, да такой урокъ, чтобы до новыхъ вѣниковъ помнилъ. Эхъ, сестренка, не знаешь ты своего братишку... огневый я человѣкъ!

Надежда Ивановна (съ чувствомъ). Мишель! У меня къ тебѣ одна просьба: не брани его такъ, не проклинай и прости... Ты посмотри на него, какъ онъ грустенъ и печаленъ.

Михайла Иванычъ. Ахъ, вы, бабы! Вамъ бы все сентиментальничать, а дѣла настоящаго вы не понимаете. Ты въ него влюбилась, да и замужъ тебѣ хочется; ну, такъ и женись, каналья, когда случай есть.

Надежда Ивановна. Но если онъ, братецъ, любитъ другую, если онъ измѣнилъ мнѣ въ своихъ чувствахъ?..

Михайла Иванычъ. Тю-тю-тю! Измѣнилъ въ чувствахъ, любитъ другую! Скажите, пожалуйста, какія чувствительныя сердца! Мало чего нѣтъ, да на дѣлѣ выходитъ, чтобъ женился, такъ и женись.

Надежда Ивановна. Не будь такъ жестокъ, Мишель! Но только сходи къ нему и разскажи ему будто такъ исторію, что одного человѣка любила одна дѣвушка и въ продолженіе десяти лѣтъ только о немъ и думала.

Михайла Иванычъ. То-есть это ты о немъ десять лѣтъ думала? А курчавый-то капитанъ, это какого сорта птица, а?..

Надежда Ивановна (покраснѣвъ). Это была, братецъ, ошибка... заблужденіе.

Михайла Иванычъ. Скажите, пожалуйста: этотъ господинъ вотъ ошибка, курчавый капитанъ заблужденіе. Ну, а исправническій учитель тоже заблужденіе?

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, тутъ была совершенная клевета! Мы были только дружны и больше ничего. Но оставимъ это... Ты скажи ему, что эта дѣвушка, можетъ-быть, въ гробъ сойдетъ отъ любви къ нему, и замѣчай, что̀ въ это время съ нимъ будетъ: поблѣднѣетъ ли онъ, встревожится ли?.. А послѣ все мнѣ и разскажешь.

Михайла Иванычъ. Нѣтъ, я совсѣмъ буду не такъ съ нимъ говорить и стану наблюдать его совершенно другимъ манеромъ. Я приду, поклонюсь, конечно, и слѣдующую къ нему рѣчь поведу: «Не угодно ли вамъ, скажу, милостивый государь. видѣть этотъ кулакъ, т.-е. мой кулакъ! Въ немъ, я вамъ доложу, ровно десять фунтовъ: теперь, изволите видѣть, онъ для васъ совершенно безвреденъ и таковымъ же останется и на будущее время въ такомъ только случаѣ, когда вы женитесь на такой-то дѣвицѣ — и наименую, конечно, тебя; но если же нѣтъ!.. если не такъ!.. то извините меня: эти десять фунтовъ принуждены будутъ пересчитать ваши ребра и доберутся, можетъ-быть, еще кой до чего... и до физіономіи». Тутъ ужъ я и буду наблюдать: поблѣднѣетъ онъ или нѣтъ. Струситъ, наша взяла; заартачится, десять фунтовъ въ ходъ пустимъ.

Надежда Ивановна (взявъ стремительно брата за руку). О, Бога ради, братъ, что̀ ты говоришь... заклинаю тебя нашей любовью: не дѣлай этого, не убивай его, не обагряй своихъ рукъ въ его крови!

Михайла Иванычъ (съ улыбкой). Охъ, вы, женщины: слабый вы сосудъ!.. Но, впрочемъ, изволь... для тебя на первый разъ колотить его не стану, а покуда словесно объясню ему дѣло, но только, знаешь, повнятнѣе, повразумительнѣе.

Надежда Ивановна. И грубо не говори съ нимъ, братецъ, а скажи ему, какъ я тебѣ говорила. Если же онъ будетъ показывать, что не понялъ, такъ отдай ему вотъ это письмо, и тутъ уже смотри, глазъ съ него не спускай. Онъ долженъ очень сконфузиться: тутъ я ему напоминаю ужасную вещь.

Михайла Иванычъ. Какую же это ужасную вещь,—поцѣлуй, что ли, во мракѣ ночи?

Надежда Ивановна. Нѣтъ, что̀ поцѣлуй... Мы разставались тогда съ нимъ: онъ ѣхалъ надолго служить въ Петербургъ, конечно, оба плакали; я заставила его поклясться мнѣ... и подарила ему локонъ моихъ волосъ.

Михайла Иванычъ. Вотъ какая у васъ ужасная вещь... Ну, а онъ что̀?..

Надежда Ивановна. И онъ мнѣ своихъ отрѣзалъ. (Со вздо-

хомъ) Они тутъ въ письмѣ. Я ихъ возвращаю ему и прошу, чтобы и онъ мнѣ мои прислалъ, если не любитъ меня...

Михайла Иванычъ. Фу, ты, канальство, какія конфетности! Волосы дарили другъ другу на память! Ахъ, вы, простофили деревенскія!

Надежда Ивановна. Не смѣйся, Мишель; это ужасно!.. Поди, поговори съ нимъ, какъ я тебя просила. (Хочетъ итти, но останавливается). Братъ, ты не убьешь его? Не заставь меня, мой другъ, раскаиваться въ моей откровенности.

Михайла Иванычъ (съ усмѣшкой). А развѣ тебѣ жалко будетъ, какъ я убью его, а?

Надежда Ивановна. Да, мой другъ, я до сихъ поръ еще люблю его!

Михайла Иванычъ. Хорошо... тамъ видно будетъ.

Надежда Ивановна. Прощай, мой другъ! Не проклинай его и прости меня! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Михайла Иванычъ (одинъ). Ну, Михайла Ивановъ, опять, братъ, тебѣ работа! Только смотри, не срѣжься, не окопфузь себя. Припомни-ка, какова была съ кираспромъ за жидовку перепалка: скверная вѣдь, братъ, штука вышла. Здоровъ ужъ очень былъ, обломъ этакій: съ перваго раза ужъ очень костоломную сдачу далъ, ну и сробѣлъ, а этотъ ничего — михрютка, — справимся. Съ другой стороны, смѣшонъ и ты, Михайла Ивановъ: все бы тебѣ, забубенная голова, практика была; но, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ и нельзя: главное, надобно сестрѣ себя показать, а то, пожалуй, и держать не станетъ, а уваженіе-то ужъ всякое потеряетъ. (Встаетъ, закуриваетъ трубку и опять садится).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тотъ же и Ванечка.

Ванечка (входя). Надежда Ивановна гдѣ-съ?

Михайла Иванычъ (обертываясь). Что-съ?

Ванечка. Надежда Ивановна гдѣ-съ?

Михайла Иванычъ. А зачѣмъ она вамъ?

Ванечка. Маменька велѣла имъ сказать, что она ужо придетъ къ нимъ чай пить.

Михайла Иванычъ. А кто ваша маменька?

Ванечка. Настасья Кирилловна.

Михайла Иванычъ. Хороню, скажу...

Ванечка. Надежда Ивановна гдѣ-съ теперь?

Михайла Иванычъ. Она тамъ, у себя... Развѣ вамъ нужно ее видѣть?

Ванечка. Да-съ, нужно.

Михайла Иванычъ. Посидите тутъ... она придетъ. (Ванечка садится; Михайла Иванычъ осматриваетъ его). Вы служите, что ли, гдѣ-нибудь?

Ванечка. Нѣтъ еще. Маменька сначала хотѣла отпустить меня въ военную, а теперь въ штатскую отдаетъ-съ.

Михайла Иванычъ. Въ штатскую... А что, вы боитесь вашей маменьки? Сѣчетъ она васъ?

Ванечка (улыбаясь). Нѣтъ-съ... какъ можно-съ. Я не дамся; да меня никто и не повалитъ: у насъ папенька только строгъ, а маменька ничего, добрая-съ.

Михайла Иванычъ (осматривая Ванечку). Что это какія узенькія на васъ брюки, точно дудочки? Кто это вамъ шилъ?

Ванечка. Дяденьки Никандра Семеныча портной — онъ хорошій: въ Петербургѣ учился.

Михайла Иванычъ. Скверно же въ Петербургѣ учатъ... Который вамъ годъ?

Ванечка. Двадцать второй.

Михайла Иванычъ. Только еще... А давно вы бреетесь?

Ванечка. Ужъ два года-съ. Усы такъ у меня еще на пятнадцатомъ году выросли: я ихъ все шалилъ да перочиннымъ ножичкомъ подбривалъ... Какія вы славныя кольца пускаете!

Михайла Иванычъ. А что?

Ванечка. Да такъ-съ: хорошо. Я никакъ не могу выучиться... Вы умѣете папиросы руками дѣлать?

Михайла Иванычъ. Нѣтъ, я не курю папиросъ: бабье кушанье! Я къ трубкѣ привыкъ.

Ванечка. А за охотой вы ходите?

Михайла Иванычъ. Прежде ходилъ... А вы развѣ охотникъ?

Ванечка. Я нынче все лѣто ходилъ-съ; мнѣ дяденька Никандръ Семенычъ щенка легаваго подарилъ трехъ мѣсяцевъ; я его хочу самъ учить, чтобы стойку зналъ; а то вонъ у насъ дворовая Лапка только за бѣлками ходитъ, а стойки ничего не знаетъ: все спугиваетъ-съ.

Михайла Иванычъ. Вы хорошо стрѣляете?

Ванечка. Не знаю; кажется, хорошо-съ. Этта вотъ зайца такъ важно поддѣлъ; гоны четверы былъ отъ меня, такъ и срѣзалъ: всѣ четыре лапки отшибъ. Дичи нынче около насъ очень мало стало-съ: полушубинскіе ребята всю перевели; имъ баринъ каждый мѣсяцъ по фунту пороху выдаетъ, чтобъ только

стрѣляли; даже въ наше болото заходятъ, всѣхъ утокъ, подлецы, распугали, — теперь ни одной нѣтъ.

Михайла Иванычъ. Ну, а этакъ за женщинами вы тоже охотитесь, а?

Ванечка. Нѣтъ-съ. За ними зачѣмъ охотиться.

Михайла Иванычъ. А что же?

Ванечка (улыбаясь). Да такъ-съ: онѣ не утки.

Михайла Иванычъ. Экая важность, что не утки. Но, можетъ-быть, онѣ сами за вами охотятся?

Ванечка. Да-съ, можетъ-быть; всяко случается... Сами-то вы охотитесь ли?

Михайла Иванычъ. За женщинами? Грѣшный человѣкъ... любитель и мастеръ этого дѣла; только бы замѣтить гдѣ-нибудь, ужъ не уйдетъ.

Ванечка (смѣясь). Я тоже-съ...

Михайла Иванычъ. То-есть, какъ этакъ: ловки тоже?

Ванечка. Да-съ; только у насъ папенька очень этого не любитъ: что немного гдѣ замѣтитъ, тутъ же и приколотитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна (входя). Братъ, ты не ушелъ еще?.. Ахъ, Ванечка, давно ли ты здѣсь?

Ванечка (встаетъ, кланяется и, сконфузясь, говоритъ). Маменька приказала вамъ кланяться, велѣла сказать, что вечеромъ придетъ чай пить.

Надежда Ивановна. Я буду дома... Ты скоро пойдешь, Мишель?

Михайла Иванычъ. Скоро: только трубку докурю и водки выпью.

Надежда Ивановна. Ты помнишь, что я тебѣ говорила?

Михайла Иванычъ. Помню. Прощай! Оставляю тебя въ пріятномъ, но опасномъ обществѣ! Этотъ молодой человѣкъ мнѣ самъ признался, что онъ величайшій стрѣлокъ на женщинъ, а потому я тебѣ, какъ братъ, совѣтую опасаться.

Ванечка (сконфузясь). Нѣтъ-съ... А вы развѣ братецъ ихъ?

Михайла Иванычъ. Есть немного... съ лѣваго бока... Прощайте!.. Прощай, Надя. Поцѣлуй покрѣпче! Какъ знать, чѣмъ наша исторія кончится!

Надежда Ивановна (обнимая брата). Мишель! Не рискни на что-нибудь ужасное!..

Михайла Иванычъ. Нѣтъ, ничего... Прощай! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Ванечка и Надежда Ивановна. Нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Надежда Ивановна сидитъ задумавшись, а Ванечкѣ очень хочется съ ней говорить, но онъ не находится.

Надежда Ивановна. Давно ты здѣсь, Ванечка?

Ванечка. Сегодня утромъ пріѣхали-съ. Я все просилъ маменьку, чтобы онѣ сюда ѣхали-съ.

Надежда Ивановна (смотря на Ванечку, съ грустной улыбкой). Зачѣмъ же тебѣ хотѣлось сюда?

Ванечка. Мнѣ къ вамъ хотѣлось.

Надежда Ивановна. Зачѣмъ ко мнѣ?

Ванечка. Такъ-съ, очень хотѣлось... Я-было вамъ, Надежда Ивановна, утокъ настрѣлялъ, да проклятыя собаки и съѣли; у насъ вѣдь никогда ихъ не кормятъ: все, чтобы сами себѣ промышляли; вотъ онѣ этакъ и промышляютъ.

Надежда Ивановна. Merci, мой другъ! Но только я утокъ не ѣмъ: онѣ мнѣ какъ-то противны.

Ванечка. Нѣтъ, ничего-съ. Эти были хорошія. Онѣ противны, какъ травы хватятъ, а эти еще не хватили. Я вотъ вамъ скоро селезня подарю-съ; маленькаго еще поймалъ, все овсомъ теперь кормятъ.

Надежда Ивановна. Ну, хорошо, подари.

Ванечка. А вы мнѣ сами что подарите?

Надежда Ивановна. Я тебѣ кисетъ вышью шерстями.

Ванечка. Нѣтъ-съ, я не хочу кисета.

Надежда Ивановна. Отчего же?

Ванечка. Да такъ-съ. Зачѣмъ мнѣ кисетъ-то? Что онъ мнѣ такое! Я и безъ него могу жить. Мнѣ бы лучше, какъ лѣтомъ тогда, ручку вашу давали, такъ это лучше-съ.

Надежда Ивановна. Развѣ ты любишь мою ручку?

Ванечка. Очень люблю-съ!

Надежда Ивановна. Ну на тебѣ ее! Садись около меня! (Подаетъ ему руку). Ну, что ты теперь станешь съ нею дѣлать? (Ванечка сначала цѣлуетъ руку, потомъ кладетъ ее на свою ладонь, а другою начинаетъ гладить. Нѣсколько минутъ молчаніе). Послушай, Ванечка! Ты любилъ кого-нибудь, кромѣ меня?

Ванечка. Нѣтъ-съ. Право, нѣтъ—вы первыя-съ.

Надежда Ивановна. А что же ты Мишелю говорилъ?

Ванечка. Да я смѣялся такъ... Они спрашиваютъ: хожу ли я за охотой—за женщинами? Я и сказалъ-съ...

Надежда Ивановна. Что жъ ты сказалъ?

Ванечка. Я говорю, что женщины не утки, и больше ничего... такъ только... право, ничего... посмѣялись.

Надежда Ивановна. А про меня чего-нибудь ты не сказалъ ли ему?

Ванечка. Ай, нѣтъ, какъ возможно-съ! Я про васъ никому въ свѣтѣ не скажу-съ. Мы говорили такъ... о другихъ.

Надежда Ивановна. А развѣ ты любилъ другихъ?

Ванечка. Да что?.. Какъ же? Я не знаю-съ!..

Надежда Ивановна. Какъ же не знаешь?.. Стало-быть, ты меня обманываешь и былъ влюбленъ въ другую?

Ванечка. Ни въ кого-съ... Умереть на этомъ мѣстѣ, ни въ кого-съ!.. Мы такъ только... смѣялись.

Надежда Ивановна. Надъ чѣмъ же вы смѣялись? Ты, вѣрно, что-нибудь ему разсказывалъ?

Ванечка. Я ничего не разсказывалъ, право-съ! Они сами все выдумывали!

Надежда Ивановна (подумавъ и вздохнувъ). И пожалуйста, никому ничего не говори, тѣмъ больше, что мы съ тобой скоро должны будемъ совершенно разстаться!..

Ванечка. Зачѣмъ? Нѣтъ-съ... Я здѣсь на службу опредѣлюсь. (Цѣлуетъ ея руку). Вы прежде, Надежда Ивановна, добрѣе были-съ... Помните, въ саду... а теперь вотъ не хотите...

Надежда Ивановна. Что это? Поцѣловать тебя? Не могу... ни за что на свѣтѣ не могу!.. Если ты объ этомъ заговорилъ, такъ я и руку возьму. (Выдергиваетъ руку).

Ванечка. Вотъ вы какія! Жалко, что ли, вамъ руки-то?

Надежда Ивановна. Не могу, Ванечка! Я теперь совсѣмъ въ другомъ положеніи; я со стыда сгорю, если позволю себѣ поцѣловать тебя.

Ванечка. Да что же тутъ со стыда-то сгорать? Экая важность!

Надежда Ивановна. Клянусь тебѣ честью, не могу! Повѣрь ты мнѣ! Мы должны разстаться: я не должна даже видѣть тебя... и записку мою даже отдай мнѣ, пожалуйста!

Ванечка. Вотъ славно!.. Славно же вы обманываете...

Надежда Ивановна (грустно). Я не обманываю... Ты самъ послѣ согласишься, что невозможно... Я поклялась не принадлежать никому... Я даже стыжусь моихъ прошедшихъ поступковъ съ тобою... Поѣзжай съ маменькой въ деревню и забудь меня. (Ванечка надулся). Что же тебя такъ огорчаетъ тутъ?

Ванечка. Еще бы! Замужъ, говорили, пойдете за меня, а тутъ и отпираетесь.

Надежда Ивановна. Послушай, Ванечка! Я, ей-Богу, не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать! Мнѣ очень жаль тебя... Ну, постой! Изволь, я поцѣлую тебя: стань вотъ тутъ на колѣни

противъ меня, только не дотрогивайся до меня... вотъ такъ... я сама тебя поцѣлую.

(Ванечка встаетъ; Надежда Ивановна беретъ его за руку и ставитъ его противъ себя на колѣни; потомъ обѣими руками беретъ его за голову и цѣлуетъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Кабинетъ Дурнопечина

ЯВЛЕНІЕ I.

Николай Михайлычъ сидитъ задумавшись въ своемъ креслѣ, съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ уксусѣ. Никита стоитъ со сложенными руками и флегматически смотритъ въ окно. Настасья Кирилловна сидитъ на отдаленномъ стулѣ, вяжетъ чулокъ и съ подобострастіемъ глядитъ на Дурнопечина.

Настасья Кирилловна. Дядюшка, можно поговорить?

Дурнопечинъ. Что?

Настасья Кирилловна. Поговорить, спрашиваю, можно ли?.. Не обезпокою ли я васъ?

Дурнопечинъ. Ничего, говори.

Настасья Кирилловна. Я вотъ хочу, дядюшка, вамъ разсказать, какъ прошлой зимой я ѣздила въ Петербургъ, Ванечку въ корпусъ отвозила, такъ вотъ ужъ страху-то навидалась, умру, кажется, а не забуду.

Дурнопечинъ. Какого же страху?

Настасья Кирилловна. Ѣхала я, дяденька, на одной лошади, въ кибиточкѣ. Извозчикъ былъ отъ насъ, знакомый. Все ѣхали хорошо. Подъ самымъ Петербургомъ съѣхались на станціи съ купцомъ; извозчику моему онъ былъ знакомый человѣкъ, и напились они, отецъ мой, пьяны. Ахъ, Царь небесный, и вспомнить-то страшно! Стала я извозчику говорить: «Не стыдно ли, говорю, Парфенъ, такъ поступать... ѣдешь ты съ благородною дамой, а напиваешься; закладывай, говорю, скорѣе лошадь да поѣдемъ». А сама себѣ думаю, какъ бы поскорѣе его съ этимъ разбойникомъ-то разлучить да отрезвить бы поскорѣе на морозѣ. Ну-съ... извозчикъ мой поболталъ такъ немного, однако послушался, заложилъ... усѣлись... Вдругъ этотъ разбойникъ-то купецъ увидалъ, да пьяный, этакій безобразный, въ кибитку ко мнѣ и влѣзъ... «Я, говоритъ, тоже поѣду», да такъ всей валевой на меня и навалился. Что мнѣ дѣлать! Смерть, вижу, моя приходитъ. Ребенка прижала къ себѣ и начала ему говорить:—«Что, я говорю, вы, господинъ купецъ, дѣлаете? Неужели на васъ и начальства нѣтъ? Я,

говорю, окольныхъ сейчасъ скличу»... Не тутъ-то было... лежитъ безбожникъ этакій, да еще и ругается. Мой-то подлецъ началъ тоже его руку тянуть: «ничего, говоритъ, барыня, онъ мнѣ, говоритъ, человѣкъ знакомый, мнѣ сталѣе васъ на дорогѣ выкинуть, чѣмъ ему не услужить». Залилась я, дяденька, послѣ этой грубости горькими слезами, вынла съ ребенкомъ изъ повозки, выпросилась у священника... тутъ и ночевала...

Дурнопечинъ. Никита! Намочи платокъ еще уксусомъ. (Хочетъ подать Никитѣ платокъ; но Настасья Кирилловна вскакиваетъ и беретъ у него платокъ).

Настасья Кирилловна. Дядюшка! Позвольте, я вамъ это сдѣлаю.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, душа моя! Никита ужъ знаетъ... Ты лучше разсказывай.

Настасья Кирилловна. Да не безпокою ли я васъ, отецъ мой?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ничего... (Никитѣ) Намочи.

Никита. Перестали бы, сударь, лучше... А то посмотрите, лобъ-то и безъ того красенъ.

Дурнопечинъ. Пожалуй. Теперь я гораздо поосвѣжился; такъ легко стало.

Настасья Кирилловна. Прикажете разсказывать, дядюшка? Стыдно бы и говорить, что со мной, глупой старухой, ваши питерскіе франты сдѣлали. Ну, да пусть васъ посмѣшитъ.

Дурнопечинъ. Что же такое съ тобою сдѣлали?

Настасья Кирилловна. Жила я тамъ, дяденька, ровно два мѣсяца. Деньги мои и сначала маленькія были, а тутъ такъ подошли, хоть на дорогу нечего... Иду я по самой тамошней большой улицѣ, по Невской, вдругъ нагоняетъ меня молодой человѣкъ, нарядный такой, въ бекешп, и началъ меня съ ногъ до головы осматривать. Я подумала да и говорю: «Милостивый государь! Лицо ваше такое доброе... я бѣдная, заѣзжая, говорю, здѣсь помѣщица, не можете ли какую-нибудь помощь оказать матери семейства?» Онъ на меня этакъ посмотрѣлъ... «Хорошо, говоритъ, но только теперь не могу, а не угодно ли, говоритъ, вамъ ужо вечеромъ прійти, въ такой-то домъ»... Теперь и позабыла куда... «Позвоните, говоритъ, но въ крыльцо не входите, потому что тутъ живетъ моя тетка, богомолка, и она никого не принимаетъ». Отошелъ онъ отъ меня, и начала я сама съ собою думать: что, думаю, не убьютъ же меня, а можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ помогутъ... Пошла я вечеромъ, отыскала домъ, позвонила-съ... Выходитъ какой-то человѣкъ.—«Подождите, говоритъ, на тратуарѣ», и ушелъ. Я стала. Вдругъ окно отворилось: «Здѣсь?»—

кто-то спрашиваетъ. «Здѣсь»,—говорю. Только я проговорила это слово, вдругъ, отецъ мой, меня съ ногъ до головы и окатили какой-то дрянью, кажется, помоями. Господи Боже мой! И на ногахъ-то устоять не имѣла силы; чуть не захлебнулась.

Дурнопечинъ (разсмѣясь). Что это, Настасья Кирилловна, какія ты глупости разсказываешь: разсмѣшила ты меня, проказница ты этакая!

Настасья Кирилловна. Что дѣлать, дядюшка, какъ хотите, такъ и судите... Я, впрочемъ, рада, что вы хоть немного поразвеселились.

Дурнопечинъ (смѣясь). Помоями облили... Славную штуку сыграли!..

Никита (тоже смѣясь). Что же, вы тутъ дождались, чтобы васъ другой разъ окатили?

Настасья Кирилловна. Ну, гдѣ же ужъ, Никитушка, дожидаться... только что привстала, да давай Богъ ноги... Пожалуй, еще убьютъ, разбойники этакіе.

Никита. Убить-то бы не убили, а другой-то бы разъ навѣрнякъ обдали.

Настасья Кирилловна. Дяденька! Вы позволите мнѣ у васъ ночки двѣ ночевать? Дѣлишки у меня здѣсь, а квартиры дорогія, безпокойныя.

Дурнопечинъ. Хорошо, ночуй!

Настасья Кирилловна (встаетъ и цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо). Видитъ Богъ, дядюшка, какъ я васъ въ душѣ любила; только вы, можетъ-быть, по бѣдности моей заключите что-нибудь другое, а я предана вамъ просто отъ сердца.

Дурнопечинъ. Ну, полно нѣжности выкидывать; лучше разскажи еще что-нибудь про себя.

Настасья Кирилловна. Сейчасъ, отецъ мой, сію секунду; мало ли со мной, дурой, приключеньевъ было. Была я еще молода... всего первымъ ребенкомъ брюхата, и пріѣхали мы съ моимъ благовѣрнымъ въ губернскій городъ; щеки тогда у меня были розовыя, малиновыя... сама я была развеселая, вотъ и повадился къ намъ офицеръ ходить, онъ у Алексѣя Яковлевича еще юнкеромъ въ ротѣ служилъ... и ходилъ онъ къ намъ почти каждый день, и все со мною заговариваетъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Прохоръ Прохорычъ.

Прохоръ Прохорычъ. Здѣсь господинъ Дурнопечинъ живетъ?

Никита. Здѣсь. Вы кто такіе?

Прохоръ Прохорычъ. Это ужъ, любезный, не твое дѣло... Могу я ихъ видѣть?

Никита. Вотъ они сами сидятъ!

Прохоръ Прохорычъ. А!.. (Подходитъ къ хозяину и кланяется; тотъ привстаетъ). Я, кажется, имѣю честь видѣть Николая Михайловича Дурнопечина?

Дурнопечинъ. Точно такъ!

Прохоръ Прохорычъ. Я самъ тоже Дурнопечинъ: Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, и прихожусь вамъ братъ въ четвертомъ колѣнѣ. Настасья Кирилловна, мое вамъ почтеніе! Вы вѣдь тоже наша общая родственница; я это знаю очень хорошо... Давно, братецъ, изволили пожаловать въ наши мѣста?

Дурнопечинъ. Да ужъ я и не помню; кажется, съ мѣсяцъ... Садитесь!

Прохоръ Прохорычъ. Всепокорнѣйше благодарю за ваше родственное вниманіе и воспользуюсь приглашеніемъ, потому что я сегодняшнее утро верстъ пять прошелъ пѣшкомъ. Самъ за припасами на базаръ всегда хожу: съ малолѣтства эту привычку имѣю. Прислуга у меня маленькая, да и не вѣрна; никогда по вкусу не купитъ... (Садится). Такъ вы изволите говорить, что уже съ мѣсяцъ, какъ прибыли въ нашъ городъ?

Дурнопечинъ. Кажется...

Прохоръ Прохорычъ (съ ядовитою улыбкою). Настасья Кирилловна раньше всѣхъ успѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. (Къ Настасьѣ Кирилловнѣ) Я всегда полагалъ, что вы дама очень тонкая.

Настасья Кирилловна. Гдѣ ужъ намъ, Прохоръ Прохорычъ!.. Мы люди бѣдные; это впору только вамъ, богачамъ.

Прохоръ Прохорычъ. Кто богатъ и кто бѣденъ, это знаетъ только Богъ. На это не хватитъ даже и вашей тонкости... Не обезпокоилъ ли я васъ, братецъ, своимъ посѣщеніемъ? Я слышалъ, что вы не такъ здоровы?

Дурнопечинъ. Да, я все хвораю.

Прохоръ Прохорычъ. Изъ лица, впрочемъ, вы довольно свѣжи. Не отъ бездѣйствія ли это происходитъ? Вы, кажется, изволили весьма мало на службѣ состоять?

Дурнопечинъ. Года три въ военной службѣ служилъ.

Настасья Кирилловна. Что дяденькѣ-то на службѣ состоять: у нихъ и безъ этого есть состояніе.

Прохоръ Прохорычъ. Состояніе и служба — двѣ вещи разныя, это ужъ дѣло не вашей тонкости, Настасья Кирилловна. (Обращаясь къ Дурнопечину) Я самъ, къ несчастію, потерялъ службу, которой, можно сказать, душой и тѣломъ посвящалъ все время.

Дурнопечинъ. Вы не служите?

Прохоръ Прохорычъ. По однимъ насказамъ, или, откровенно сказать, и самъ не знаю за что. Объ усердіи моемъ можете спросить всякаго мальчишку, такъ и тотъ скажетъ вамъ. Погибели моей захотѣлось злымъ людямъ; но по милости Творца живу еще: не потерялся совершенно. Теперь я занимаюсь частными дѣлами и, благодареніе Богу, имѣю кусокъ чернаго хлѣба.

Настасья Кирилловна. Найдется, Прохоръ Прохорычъ, я думаю, у васъ и бѣлый.

Прохоръ Прохорычъ. Бѣлый хлѣбъ предоставлю вамъ, Настасья Кирилловна, ѣсть по гостямъ, а я ѣмъ свой черный. Я имѣю къ вамъ, братецъ, маленькое дѣльцо и желалъ бы съ вами поговорить наединѣ.

Дурнопечинъ (съ неудовольствіемъ). Что такое вамъ надобно отъ меня?

Прохоръ Прохорычъ. Дѣло, братецъ, безотлагательное дѣло имѣю вамъ сообщить; позвольте мнѣ имѣть секретную аудіенцію.

Дурнопечинъ. Выйди, Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна (вставая и съ сердцемъ подбирая вязанье). Знаемъ мы, Прохоръ Прохорычъ, ваши секреты; немало вы, я думаю, простыхъ-то людей обманули: у одной Поддевкиной сотнями тысячъ пользовались.

Прохоръ Прохорычъ. Вамъ все хочется сосчитать мои деньги. Не сочтете, ошибетесь; лучше разсмотрите шкатулку вашего супруга, а до моихъ денегъ вамъ далеко.

Настасья Кирилловна (уходя). Убереги Богъ; нищему руку прожжетъ ваша копейка, Прохоръ Прохорычъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ.

Прохоръ Прохорычъ. Не любитъ меня наша общая родственница... Что дѣлать?.. Не говори правды, не теряй дружбы. Совершенно потерянная женщина! Я, конечно, никакъ не смѣю вамъ совѣтовать, а напрасно вы изволите ее принимать: отъ нея каждую минуту надо ожидать какой-нибудь непріятности.

Дурнопечинъ (перебивая). Какое вы дѣло имѣете до меня?

Прохоръ Прохорычъ. Исковое, братецъ! Исковое дѣло должно, по несчастью, между нами затѣяться.

Дурнопечинъ (измѣнившись нѣсколько въ лицѣ). Это съ какой еще стати?

Прохоръ Прохорычъ. По наслѣдственному имѣнію нашей бабки, Ольги Дурнопечиной, которое совершенно незаконно поступило большею частью во владѣніе вашего покойнаго батюшки, а моего дяди.

Дурнопечинъ. Господи Боже мой, это еще съ чего пришло вамъ въ голову? Владѣли-владѣли, а тутъ вдругъ и незаконно стало.

Прохоръ Прохорычъ. Десятилѣтней давности, братецъ, еще не прошло. Духовная совершенно незаконна-съ; покойная бабка никакъ не имѣла права дробить достояніе, но оно, какъ, можетъ-быть, вамъ небезызвѣстно, раздѣлено: бо́льшая часть (ужъ я не говорю, какія для этого были употреблены мѣры... самыя не родственныя мѣры... но только бо́льшая часть) поступила во владѣніе вашего родителя, а другая часть — общей нашей теткѣ Соломонидѣ Платоновнѣ, дай ей Богъ доброе здоровье, или, лучше сказать, вѣчную память, по милости которой теперь вся и каша заваривается. Духовное завѣщаніе должно быть нарушено, да еще послѣдуетъ взыскъ за неправильное владѣніе.

Дурнопечинъ. Я рѣшительно не понимаю, что̀ такое вы говорите.

Прохоръ Прохорычъ. Гражданскими дѣлами, вѣроятно, мало занимались! Но я говорю сущую справедливость... Я пользовался еще расположеніемъ покойнаго вашего родителя! Прекраснѣйшій былъ человѣкъ, какъ теперь на него гляжу: собой этакій полный, глаза навыкатѣ, весельчакъ былъ такой, что и свѣтъ другого не производилъ; я ему часто говаривалъ: «Неправильно, говорю, дядюшка, Рамешками владѣете, подѣлитесь».—«А вотъ погоди, говоритъ, какъ умру, такъ тебѣ поросятую свинью оставлю...»—да самъ и захохочетъ, покойный свѣтъ.

Дурнопечинъ (хмурясь). Почему же онъ Рамешками несправедливо владѣлъ?

Прохоръ Прохорычъ. По незаконности духовной-съ. Мало ли, братецъ, какъ судьба человѣческая измѣняется: иной, смотришь, все живетъ въ богатствѣ, а вдругъ оборвется. На это никакъ нельзя надѣяться.

Дурнопечинъ. У меня на Рамешки должны быть всѣ документы.

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ-съ, у васъ не можетъ быть никакихъ документовъ; 27-й годъ, Николай Михайлычъ, купаюсь въ чернилахъ; слава Богу, пора привыкнуть, капли простого вина отъ роду въ ротъ не бралъ: незаконность дѣла по запаху слышу.

Дурнопечинъ. Что̀ жъ вы отъ меня хотите?

Прохоръ Прохорычъ. Красницу, братецъ, хочется получить. Желаніе наше небольшое, повѣрьте! Другіе бы на это не согласились. Ну, впрочемъ, Богъ съ вами: пусть я лучше обижу своихъ сиротъ, по крайней мѣрѣ буду помнить, что мы родные, и что намъ заводить дѣла грѣшно!

Дурнопечинъ (растерявшись). За что же я отдамъ вамъ Красницу, скажите, Бога ради, что вы меня за дурака, что ли, считаете?

Прохоръ Прохорычъ (усмѣхнувшись). Дураковъ, братецъ, нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ; это, можетъ-быть, бывало въ старину; но я вамъ докладываю, что по иску вы отдадите гораздо больше, потому что заплатите за неправильное владѣніе, и, кромѣ того, я заставлю васъ заплатить протори и убытки.

Дурнопечинъ (вставая). Сдѣлайте милость, избавьте меня отъ этихъ дѣлъ!.. Я человѣкъ больной... нуждаюсь въ спокойствіи... теперь рѣшительно ничего не знаю.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ угодно вамъ, братецъ. Конечно, по родству, я хотѣлъ дать вамъ полезный совѣтъ; но что жъ дѣлать: вольному воля, спасенному рай. Духовная незаконна-съ, во-первыхъ, потому, что родовое имѣніе не дробится, во-вторыхъ—десятилѣтней давности еще не прошло, и въ-третьихъ—имѣніе семь лѣтъ состояло въ единственномъ вашемъ владѣніи; слѣдовательно: завѣщаніе нарушится, принадлежащая намъ часть должна быть выдѣлена, за неправильное владѣніе послѣдуетъ взыскъ, да сверхъ того вы обяжетесь пополнить протори и убытки. Братецъ, мнѣ васъ жаль: вы лишитесь всего состоянія!

Дурнопечинъ. Еще прошу васъ, избавьте меня отъ вашихъ дѣлъ.

Прохоръ Прохорычъ. Извольте, я повинуюсь; но все-таки повторяю, образумьтесь: вы на краю бездны!

Дурнопечинъ. Сдѣлайте милость, прошу васъ.

Прохоръ Прохорычъ. Повинуюсь: только позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ еще разъ прибыть къ вамъ и разсмотрѣть ваши документы; можетъ-быть, я по документамъ вамъ разъясню.

Дурнопечинъ. Извольте, но только Бога ради не теперь. Я боленъ, я еще не обѣдалъ, пощадите меня: я человѣкъ больной.

Прохоръ Прохорычъ (пожимаетъ плечами и, отойдя къ дверямъ, пріостанавливается и снова возвращается). Николай Михайлычъ! Угодно вамъ дать намъ пятнадцать тысячъ отступного? Богъ съ вами, хоть мы и обижены будемъ, но крайней мѣрѣ дѣло не затѣется. (Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ смотрѣть въ окно. Прохоръ Прохорычъ кланяется ему въ тылъ). До пріятнаго свиданія-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дурнопечинъ (проворно отвертывается отъ окна, подходитъ къ столу и садится). Батюшки мои, гдѣ у меня акты-то? Въ шкатулкѣ ихъ нѣтъ. Да... я ихъ Никитѣ отдалъ. (Торопливо звонитъ и кричитъ) Никита! Поди сюда... поди сюда скорѣе, тюлень этакій! (Никита входитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Дай мнѣ, братецъ, бумаги, которыя я тебѣ отдалъ въ Москвѣ убрать.

Никита (немного смѣшавшись). Какія бумаги?

Дурнопечинъ (поблѣднѣвъ). Какъ какія бумаги? Ахъ, ты, чортъ проклятый! Бумаги на имѣніе, акты всѣ.

Никита (еще болѣе смѣшавшись). Никакихъ, кажись, мнѣ не отдавали.

Дурнопечинъ. Какъ я тебѣ не отдавалъ? Что ты хочешь, злодѣй, со мной сдѣлать? Погубить, что ли, меня совсѣмъ вздумалъ? Гдѣ бумаги-то, ну, давай же, разбойникъ этакій; что же ты стоишь, гдѣ онѣ?

Никита. Да почемъ я знаю, Николай Михайлычъ; я неграмотный; мало ли вы отдавали мнѣ бумагъ; всего и не припомнишь.

Дурнопечинъ (выходя изъ себя). А! Не припомнишь, не припомнишь, душегубъ этакій! Врешь, злодѣй, ты укралъ ихъ у меня да и продалъ моимъ врагамъ!.. Вонъ откуда пошло... вонъ отчего этотъ господинъ приходилъ ко мнѣ.

Никита (обидѣвшись). Благодарю покорно-съ, хорошее слово отъ васъ выслушалъ: двадцать лѣтъ служу, спина пороху не пропадало, а тутъ и воромъ сталъ.

Дурнопечинъ. А! Тебѣ обидно, горько... а мнѣ не обидно, что ты меня погубилъ! Ну, гдѣ же бумаги мои? Давай! Онѣ мнѣ нужны. Съ бумагами связано все мое состояніе... гдѣ же онѣ? Я тебѣ въ Москвѣ самъ, своими руками, ихъ отдалъ.

Никита. Да развѣ онѣ гдѣ-нибудь въ чемоданѣ завалялись? Вы вѣдь всегда отдаете ихъ такъ, просто; иной разъ и слова не промолвите, пихнете да и только: убирай тамъ, какъ знаешь. Я грамотѣ не умѣю; пожалуй, во что-нибудь нужное и ваксу обернешь.

Дурнопечинъ (почти со слезами). Такъ ты это ваксу обернулъ моими документами? Разбойникъ ты этакій! Что ты те-

перь надѣлалъ? Мало тебѣ, что я каждый день страдаю да умираю, тебѣ этого мало: безъ куска хлѣба еще оставилъ. Варваръ ты этакій! Все вѣдь у меня отнимутъ... и тебя-то, разбойника, возьмутъ! Выслужиться, что ли, передъ новыми господами захотѣлъ? Черезъ недѣлю сошлютъ на поселенье за твою мошенническую штуку!

Никита (сначала нахмуривается, потомъ начинаетъ утирать глаза). Что мнѣ другіе господа, во снѣ о другихъ-то господахъ не снилось. Кажется, кромѣ усердія моего, никогда ничего не было, а тутъ ужъ и воромъ сталъ. Безпокойства этакого и врагу бы не пожелалъ доставить, не то что барину. (Плачетъ). И безъ того ужъ замаялся, какъ вы и по болѣзни-то мучите себя да терзаете, а тутъ, ну-ка, этакое дѣло затѣять, барскія бумаги продать... Скорѣе бы, кажись, руку по локоть отрубить, чѣмъ на этакое порѣшился.

Дурнопечинъ. Плачь, плачь! Нечего, снявши голову, по волосамъ плакать. (Кидается въ кресло). Прекрасно, безподобно, доказывай теперь право на владѣніе, когда клочка документовъ нѣтъ. Все ужъ теперь обдѣлано да справлено.

Никита (подходя съ робостью къ барину). Батюшка, Николай Михайлычъ, не терзайте вы себя такъ. Я виноватъ-съ: вы, справедливо, отдавали мнѣ этакія бумаги съ кружками.

Дурнопечинъ. Поди ты лучше съ глазъ монхъ, злодѣй! Состряпалъ... дѣло... хорошо заплатилъ мнѣ за любовь мою.

Никита (со слезами на глазахъ). Николай Михайлычъ, отецъ мой, сдѣлайте милость, прикажите меня наказать. Никогда щелчкомъ вашей милости не былъ тронутъ; дьяволь, видно, меня попуталъ за мои грѣхи. Я очень вѣдь виноватъ. По глупости своей тогда же хотѣлъ васъ спросить, да не успѣлъ: дѣло было спѣшное; индюшку, батюшка, обернулъ въ ваши бумаги, а какъ, по пріѣздѣ сюда, вы изволили кушать, такъ въ сѣняхъ и было поставлено, а тутъ вороны ли, крысы ли и съ костями-то утащили, проклятыя.

Дурнопечинъ (въ совершенномъ отчаяніи). Хорошо, братецъ, я это зналъ прежде. Ступай, благодарю покорно.

Никита (становясь на колѣни). Прикажите, батюшка, меня наказать.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ванечка.

Никита (проворно встаетъ съ колѣнъ).

Дурнопечинъ (не глядя). Кто тамъ?

Ванечка. Это, дѣдушка, я-съ... Маменька гдѣ?

Дурнопечинъ. Не знаю. (Никита, сердито посмотрѣвъ на Ванечку, уходитъ).

Ванечка (садясь). Что у васъ, дѣдушка, голова, что ли, болитъ? (Дурнопечинъ не отвѣчаетъ). Мнѣ, дѣдушка, у маменьки жить не хочется. Что дома-то дѣлать? Нечего-съ. Не маленькій—на собакахъ-то шерсть бить. Я ужъ хочу особливо жить... Я вамъ, дѣдушка, хочу секретъ сказать. Вы не разскажете никому?

Дурнопечинъ. Что?

Ванечка. Секретъ вамъ скажу-съ.

Дурнопечинъ. Какой секретъ?

Ванечка. Про себя, дѣдушка: я жениться хочу-съ.

Дурнопечинъ (улыбаясь). Часъ отъ часу не легче. Женись, когда охота есть.

Ванечка. У меня невѣста хорошенькая, такая тоненькая. Я бы къ вамъ, дѣдушка, съ просьбой, да не смѣю-съ.

Дурнопечинъ. Еще что такое?

Ванечка. Да вотъ, дѣдушка: маменька у насъ вѣдь ничего не смѣетъ-съ, все папенька; а онъ на деньги такой жила, что не приведи Господи! Соберетъ оброкъ съ мужиковъ, принесетъ къ маменькѣ: «на, говоритъ, понюхай, чѣмъ пахнетъ...»— да самъ и запретъ ихъ въ шкатулку. Дайте мнѣ, дѣдушка, взаймы рублевъ двѣсти на свадьбу; я вамъ отдамъ. У невѣсты сто душъ; я съ нея сейчасъ выверну. (Дурнопечинъ пожимаетъ плечами). Дадите, дѣдушка? Я васъ въ посаженые отцы позову; свадьбу важную задамъ. У дяденьки Никандра Семеныча пѣвчихъ выпрошу-съ. Дадите, дѣдушка?

Дурнопечинъ. Нѣтъ у меня денегъ.

Ванечка. Вотъ ужъ и нѣтъ, жалко, вѣрно; я вѣдь вамъ непремѣнно отдамъ. Сдѣлайте милость, дѣдушка, пожалуйте: я вамъ въ ножки поклонюсь.

Дурнопечинъ (съ сердцемъ). Отвяжитесь вы отъ меня, мучители этакіе... Ну, что ты пристадъ, оболтусъ? Какія у меня деньги! Жениться еще, молокососъ, выдумалъ; въ службу бы лучше шелъ, а не о женитьбѣ думать.

Ванечка. Ну вотъ вы ужъ, дѣдушка, и разсердились, а маменька говорила, что вы добрые. У папеньки вѣдь въ службу не выпросишься; ему что ни толкуй, онъ только бранится. «Коли, говоритъ, не хотѣлъ учиться, такъ коровъ паси». Я какъ женюсь, такъ всѣмъ имъ шишъ покажу, безпремѣнно въ юнкера пойду.

Дурнопечинъ. Ну, полно тутъ болтать, ступай куда-нибудь. Какъ будутъ линіи деньги, такъ дамъ.

Ванечка. Дадите? Благодарю васъ покорно, дѣдушка. Я

пойду теперь маменьку искать; ея, вѣрно, ужъ здѣсь нѣтъ; она такая у насъ непосѣда: все шлется. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ (одинъ). Чтобы чортъ васъ всѣхъ побралъ, проклятые! Только-что послѣ примочки немного получше стало, сутяга навязался на шею: половину имѣнія оттягать хочетъ. Какъ бы онъ, плутъ, не узналъ, что у меня деньги есть... Хорошо, что сберегъ да скопилъ пятьдесятъ тысячъ: по крайней мѣрѣ двѣ тысячи процентовъ буду получать. Куда бы мнѣ ихъ спрятать подальше? Въ шкатулку,—всѣ знаютъ; развѣ въ карманъ въ халатъ этотъ зашить, да и снимать ужъ не стану, такъ въ немъ и спать буду. Какъ бы вынуть ихъ осторожнѣе, а то подсмотритъ еще кто-нибудь... (Встаетъ, приставляетъ къ дверямъ стулъ, осторожно отпираетъ шкатулку, вынимаетъ деньги и кладетъ ихъ въ карманъ). Теперь покуда такъ полежать, а тамъ потихоньку сыщу гдѣ-нибудь иголочку съ ниткой да и зашью. Иголки-то даже спросить боюсь: догадаются...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дверь съ шумомъ растворяется: стулъ летитъ; Дурнопечинъ вздрагиваетъ, проворно запираетъ шкатулку и запахиваетъ халатъ. Является Михайла Иванычъ.

Михайла Иванычъ. Фу ты, канальство, какая баррикада построена! (Подходя) Честь имѣю явиться.

Дурнопечинъ (смѣшавшись). Ухъ, Михайла Иванычъ, извините вы меня, дуракъ мой лакей дверь заставилъ.

Михайла Иванычъ. Ничего-съ!.. мы ее сломали! Такая ужъ у Михайлы Иванова рука: на что ляжетъ, то и ломитъ—желѣзо не всякое терпитъ!.. (Садясь) Чѣмъ вы занимаетесь?.. Вѣроятно, цыдулки къ дамамъ писали: этимъ, знаете, обыкновенно люди занимаются въ уединеніи.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какія цыдулки... (Вздохнувъ) Съ дѣлами своими все возился.

Михайла Иванычъ (недовѣрчиво). Конечно-съ, такъ вотъ мы и повѣримъ сейчасъ! Вы, батенька, какъ я слышалъ, охъ, какой тонкій человѣкъ; какъ говорится: лисій хвостъ да волчій ротъ... Сестра моя поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень огорчается, что вы такъ не добры: совершенно насъ забыли.

Дурнопечинъ. Очень благодаренъ Надеждѣ Ивановнѣ; но, право, я боленъ: дѣла... нездоровье... ей-Богу, не знаю, какъ я еще и живъ.

Михайла Иванычъ. Да что жъ такое нездоровье? Это совершенно пустое: здоровье и нездоровье отъ насъ зависитъ. На меня, скажу вамъ, въ полку напала крымская лихорадка; въ одинъ день свернуло какъ сидорову козу; но, къ сей несчастью, Михайлу Иванова никто еще не сламливалъ: «шалишь, говорю я ей, старушка, не на того напала». Она меня, знаете, гнетъ, а я купаться, потомъ къ товарищамъ: пью пуншъ, водку, въ картишки, конечно, схватимся, да и валяй такъ цѣлый день. Отстала-съ!

Дурнопечинъ. По комплекціи, можетъ-быть, вы здоровы; организмъ, вѣроятно, имѣете сильный.

Михайла Иванычъ. Не могу пожаловаться: здоровъ-съ! Но главное, характеръ имѣю кремневый. Подлости рѣшительно не могу терпѣть... Въ жизнь мою двухъ жидовокъ, одну гречанку-торговку и трехъ помѣщиковъ такъ за подлость отдѣлалъ, что и дни покончили... Не могу видѣть подлости, такъ все и повернется въ душѣ: точно сумасшедшій. На десяткѣ дуэлей, которыя имѣлъ въ полку, я изъ трехъ монхъ противниковъ сдѣлалъ рѣшето: по мертвымъ стрѣлялъ нѣсколько разъ... Что это вы такимъ нахмуреннымъ сидите, какъ будто бы сердиты на что или чѣмъ-нибудь недовольны?

Дурнопечинъ. Я всегда такой.

Михайла Иванычъ. Будто?.. (Усмѣхаясь) А мнѣ говорили, что вы большой волокита... этакъ съ бацу бьете... Одна дѣвушка мнѣ сказала, извините меня, что я говорю прямо... что вы, не помню, когда это было, славно къ ней подъѣхали.

Дурнопечинъ. Мало ли что было, Михайла Иванычъ; время мое прошло: теперь я совершенно больной и разстроенный человѣкъ.

Михайла Иванычъ. Д-д-да... Ну, конечно, вамъ, какъ мужчинѣ, можетъ-быть, прошло; намъ даже похвастаться этимъ можно, потому что на насъ сукно: съ насъ все, какъ съ гуся вода. Но дѣвушка, вы, конечно, понимаете сами, не могла этого забыть: на ея совѣсти осталось пятно! (Дурнопечинъ потупляется). Вы, вѣроятно, догадываетесь, о комъ я говорю, и надѣюсь, что мы останемся друзьями. Какъ благородный человѣкъ, вы сами понимаете, что дворянка... дѣвица, у которой есть братъ... зачѣмъ же забывать совершенно? Сестра мнѣ чистосердечно во всемъ раскаялась... Я ее не могъ укорять, потому что всѣ женщины имѣютъ слабости.

Дурнопечинъ (смѣшавшись). Мнѣ, право, очень совѣстно, Михайла Иванычъ, передъ вами и вашею сестрицею... Я ихъ очень люблю и уважаю, но что могу сдѣлать? Каждый день у меня или болѣзнь, или непріятности. Вонъ лакей мой, и

тоть, глядя на меня, замучился. Войдите вы въ мое положеніе: я совершенно потерянный человѣкъ.

Михайла Иванычъ. Благодарю за откровенность; но сестра сама желаетъ раздѣлить съ вами бремя жизни.

Дурнопечинъ. Невозможно, Михайла Иванычъ, для меня это счастье, какъ благородный человѣкъ, говорю вамъ, невозможно... Я очень бѣденъ, совсѣмъ нищій сдѣлался; у меня теперь никакого нѣтъ и состоянія.

Михайла Иванычъ. Вотъ тебѣ разъ!.. Да куда же оно у васъ дѣвалось?.. Въ омутъ, что ли, провалилось?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ: по процессу отходитъ,—я тяжбу проигралъ.

Михайла Иванычъ (смотритъ нѣсколько минутъ на Дурнопечина). Вы въ штатской служили?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ. А что же?

Михайла Иванычъ. Ничего-съ! А у васъ, какъ я вижу, штатскія этакъ наклонности: крючки вилять вы мастеръ... вамъ бы въ актеры итти, вы славно бы разыгрывали роли.

Дурнопечинъ (усмѣхнувшись). Почему же бы я роли разыгрывалъ?

Михайла Иванычъ. Такъ-съ — ничего; понимаемъ тоже немного: сами на этихъ дѣлахъ зубы пріѣли; но оно, скажу вамъ, не всегда удается,—на кого наскочишь: другой, пожалуй, и самъ разыграетъ роль, да такую, что и затылокъ затрещитъ.

Дурнопечинъ. Что жъ мнѣ дѣлать, Михайла Иванычъ, сами вы разсудите?

Михайла Иванычъ. Ну, ужъ это, сдѣлайте милость, извините меня, учить мнѣ васъ не приходится, потому что я учитель медвѣжій. Во всякомъ случаѣ позвольте вамъ вручить письмо отъ сестры, которая совершенно въ отчаяніи. (Подаетъ Дурнопечину письмо, которое тотъ торопливо развертываетъ и читаетъ).

Дурнопечинъ (разводя руками). Ей-Богу, я не знаю, что мнѣ дѣлать? Зачѣмъ же Надежда Ивановна такъ огорчается? Время еще не ушло; можетъ-быть, я поправлюсь и въ здоровьѣ и въ дѣлахъ моихъ.

Михайла Иванычъ. Да-съ, если вы говорите насчетъ времени, такъ время, конечно, ничего: мѣсяцъ, два—что такое!—подождать можно; но вы возьмите и мое положеніе: пріѣхавъ черезъ пять лѣтъ воспользоваться деревенскими удовольствіями, я вдругъ вижу, что сестра умираетъ; отчего же умираетъ?—отъ неблагодарности. Это, какъ хотите, могло взорвать всякаго благороднаго человѣка, и особенно съ моимъ огневымъ характеромъ. Я долженъ вамъ прямо сказать: я шелъ къ вамъ на смерть.

Дурнопечинъ. Что же это такое? Помилуйте, изъ-за чего же это?..

Михайла Иванычъ. Вполнѣ согласенъ и очень радъ, если вы открываете мнѣ вашу душу: я самъ человѣкъ благородный и умѣю понимать благородство другихъ. Если вамъ угодно свадьбу отложить на мѣсяцъ или на два, это весьма извинительно.

Дурнопечинъ. Да ужъ, сдѣлайте милость, нельзя ли повременить?

Михайла Иванычъ. Извольте-съ. Между знакомыми людьми дѣлаются и не такого рода одолженія; но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ поцѣловать васъ, какъ будущаго родственника.

Дурнопечинъ (привставъ). О... благодарю васъ покорно! (Цѣлуются).

Михайла Иванычъ. Вы, должно-быть, очень трусливаго и скромнаго характера?

Дурнопечинъ. Да-съ, что ужъ у меня взять, больной, разстроенный...

Михайла Иванычъ. Вотъ какъ иногда, знаете, судьба человѣческая играетъ. Ну, за что бы вы были моей жертвой? Что вы такое для меня?—муха: а я бы долженъ былъ васъ уничтожить, какъ какого-нибудь таракана бездушнаго! Ну, какъ, напримѣръ, рукой прикажете убить? — отъ щелчка не пикнете. Стрѣляться угодно?..—давайте: въ бубноваго туза на сто саженъ попадаю. На саблях хотите?..—какъ бы вы тамъ себѣ ни лавировали, принесу мою шашку, перехвачу вашу шпагу пополамъ и размозжу вамъ голову!

Дурнопечинъ. Стало-быть, кромѣ здоровья, вы и сильны очень...

Михайла Иванычъ. Есть немножко... (Засучиваетъ передъ Дурнопечинымъ руку). Видали вы этакіе мускулы? Дайте-ка, я пожму вашу руку.

Дурнопечинъ (убирая руку). Нѣтъ, зачѣмъ же-съ.

Михайла Иванычъ. И не совѣтую... я лучше ужъ попробую надъ чѣмъ-нибудь другимъ. (Беретъ палку). Позволите?

Дурнопечинъ. Что такое?

Михайла Иванычъ. Потѣшиться немного. (Переламываетъ палку). Хрупка, канальство. (Переламываетъ еще). Фу, какая гниль! (Переламываетъ еще). И тутъ, голубушка, не стерпѣла. Плохо бы было, если бы на ея мѣстѣ были кости человѣческія.

Дурнопечинъ (насильно улыбаясь). Богатырь... богатырь... Надолго однако вы изволили сюда пріѣхать?

Михайла Иванычъ. Этого я и самъ еще не знаю-съ.

Утомился на бивацкой жизни. Вы, можетъ-быть, не повѣрите; но къ погодѣ даже иногда кости ноютъ; хочется немножко отдохнуть и побыть съ сестрою. (Вставая) Честь имѣю кланяться.

Дурнопечинъ (тоже вставая). Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее уваженіе Надеждѣ Ивановнѣ и попросите ее не огорчаться; Богъ дастъ, все поправится.

Михайла Иванычъ. Не безпокойтесь, теперь ничего ужъ не можетъ быть; я беру все на себя! Она, между нами сказать, немного сентиментальна; стиховъ начиталась; комплекціи тоже слабой; но я не балую ея, выправку дѣлаю порядочную: распеканье каждое утро идетъ. Надѣюсь, что мы будемъ видаться.

Дурнопечинъ. Я непремѣнно буду... И вы меня не забывайте: я иногда расхвораюсь, такъ и нехотя дома сижу.

Михайла Иванычъ (ударивъ себя по лбу и какъ бы вспомнивъ что-то). Да!.. У васъ въ домѣ никого этакой нѣтъ?..

Дурнопечинъ. Чего-съ?

Михайла Иванычъ. Ну, то-есть... понимаете?

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ, полноте, гдѣ?.. до того ли?..

Михайла Иванычъ. То-то! Я васъ хотѣлъ предувѣдомить. Если есть, такъ надо пораньше выпроводить. Это я знаю по себѣ. На меня въ Царствѣ Польскомъ навязалась одна этакая штука, такъ всю дорогу гналась за мной. На пяти станціяхъ все колотилъ ее мѣднымъ горячимъ чайникомъ—этакъ, знаете, бьешь и кипяткомъ поливаешь,—только этимъ и отбился. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дурнопечинъ (одинъ). Скажите на милость — убить меня приходилъ! Этакую штуку сказалъ! Хорошо, что я славпрогадъ да схитрилъ. Ну, вотъ говорятъ: ничѣмъ ни занимаешься, о болѣзни все думаешь,—вотъ сегодня цѣлый день не думаю о болѣзни, такъ другія радости являются! Досаднѣе всего, что кто же молоденькимъ не влюблялся въ барышень и не цѣловался съ ними по закоулкамъ? Неужели же всѣхъ на арканѣ тянули жениться на нихъ? Это, право, только со мной можетъ случаться. Рѣшительно не могу сообразить, что теперь мнѣ предпринять? Ѣхать куда-нибудь, такъ на станціи нагонятъ: что захотятъ тамъ, то и сдѣлаютъ. Лучше ужъ женюсь, если очень станутъ на горло наступать, а тамъ что будетъ, то будетъ. Здоровья ужъ не буду беречь: ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ чемъ не стану остерегаться; нарочно въ одномъ сюртукѣ буду выходить, авось простужусь, да и концы въ воду.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тотъ же и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна (вбѣгая впопыхахъ). Батюшка, дядюшка, бабушка Соломонида Платоновна пріѣхала.

Дурнопечинъ. Ну, вотъ, наконецъ... Гдѣ же она теперь?

Настасья Кирилловна. Въ соборъ проѣхала. Я ее изъ окошка увидала и выбѣжала къ ней. О васъ спрашивала; вы, дядюшка, не сказывайте ей, какъ вы изволили меня и Ванечку моего облагодѣтельствовать: она у насъ вѣдь не приведи Господи какая строптивая. Я нарочно бѣжала васъ предувѣдомить. Въ горницѣ, дяденька, велите все поприбрать: она сейчасъ пріѣдетъ.

Дурнопечинъ. Знаю, что пріѣдетъ. У меня безпорядица страшная... браниться еще, пожалуй, начнетъ. (Звонитъ; входитъ печальный Никита).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Никита.

Дурнопечинъ. Прибери тамъ все хорошенько въ гостиной.

Никита (мрачно). Въ гостиной все прибрано-съ.

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, Никитушка, прибери, батюшка, еще почище: бабушка Соломонида Платоновна будетъ сейчасъ; она ни на что не посмотритъ и тебя, пожалуй, по щекамъ отдѣлаетъ. (Никита уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ (подумавъ). Развѣ съ ней о документахъ потолковать, нѣтъ ли у ней какихъ-нибудь актовъ-то?.. Что это, Настасья Кирилловна, ко мнѣ за братецъ приходилъ?

Настасья Кирилловна. Прохоръ Прохорычъ, дядюшка! Охъ, ужъ какой это человѣчекъ! и говорить страшно про него! Дьявола, кажется, и того сумѣетъ обмануть. Все теперь по дѣламъ хлопочетъ: такъ такъ, говорятъ, ограбитъ, что по міру послѣ и пойдутъ.

Дурнопечинъ. Каналья, должно-быть, страшный.

Настасья Кирилловна. Необыкновенный, дядюшка, каналья; только вотъ бабушки Соломониды Платоновны и боится. Онъ, говорятъ, разъ пріѣхалъ къ ней этакъ пьяненькій да

что-то и сказалъ... она его, попросту, велѣла лакеямъ на конюшню стащить, да и посѣкла-съ тамъ.

Дурнопечинъ. И хорошо сдѣлала. Тетка умная женщина. Я ея еще маленькимъ очень боялся.

Настасья Кирилловна. Ахъ, какая умница, дядюшка! По дѣламъ-то какая она: мужчину всякаго за поясъ заткнетъ; только вотъ для насъ бѣдныхъ родственниковъ очень строга: ни съ того ни съ сего такъ оборветъ, что легче бы сквозь землю провалиться.

Дурнопечинъ (въ раздумьѣ). Я хочу съ нею по одному дѣлу посовѣтоваться... я теперь очень въ непріятномъ положеніи.

Настасья Кирилловна. Лучше и не надобно, дядюшка, если у васъ тамъ что-нибудь такое есть. Она и лѣчитъ вѣдь безподобно: у ней насчетъ этого и книги всякія есть, и сама для себя никогда лѣкарей не зоветъ; выпьетъ тамъ, — у ней какой-то особенный травникъ есть,—все, какъ рукою, и сниметъ.

Дурнопечинъ. Развѣ она пьетъ?

Настасья Кирилловна. Не знаю, дядюшка, какъ сказать... вы только, отецъ мой, не проговоритесь какъ-нибудь, не выдайте и не погубите меня навѣки: занимается этимъ отчасти!

Дурнопечинъ. Неужели же и пьяна бываетъ?

Настасья Кирилловна. Ну нѣтъ-съ, до безобразія, конечно, не доходитъ, а такъ, этакъ навеселѣ бываетъ. Крѣпка чрезвычайно-съ! Иное утро въ шкапчикъ раза четыре сходитъ; ничего не замѣтишь, только немного пораскраснѣется да въ языкѣ поослабнетъ.

Дурнопечинъ. Странная какая женщина! Чтобы она у меня тутъ не стала куролесить!..

Настасья Кирилловна. Ой, нѣтъ, не безпокойтесь; только выговоры, можетъ, будетъ вамъ дѣлать. Она дама, надобно сказать, столичнаго ума. Если бы вы, дядюшка, видѣли, какой въ домѣ у нея порядокъ... Люди всѣ въ перчаткахъ ходятъ, точно по струнке; ни пылинки ни соринки нигдѣ нѣтъ; столъ отличнѣйшій, вина безподобныя, послѣ обѣда все фрукты или варенье. Кажется бы, гостить у ней, лучше требовать нельзя, если бы сама не была такъ строга.

Дурнопечинъ. Мнѣ ее и накормить-то будетъ нечѣмъ.

Настасья Кирилловна. Объ этомъ не безпокойтесь; она съ собой всегда все возитъ; да вамъ что?.. Конечно, богата, да не очень таровата; да вотъ хоть бы взять съ насъ бѣдныхъ родственниковъ: никогда никакой помощи не окажетъ! Только наставленія дѣлаетъ. Настеньку она брала у меня погостить, такъ не повѣрите, дяденька, каждый день дѣвочку

сѣкла: все будто бы за неопрятство, что за столомъ неопрятно сидитъ. Какъ можно сравнить съ вами! Ужъ именно сказать, благодѣтель вы всѣхъ вашихъ родныхъ... Отецъ мой! осмѣлюсь я къ вамъ еще съ одной просьбой: не возьмете ли, дяденька, младшаго моего сынишку, Пашеньку, не пристроите ли гдѣ-нибудь его въ Москвѣ? (Слышится колокольный звонъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Ванечка (вбѣгаетъ).

Ванечка. Дѣдушка!.. Маменька!.. Пожаръ у васъ!

Дурнопечинъ (вскакивая). Какъ пожаръ?

Настасья Кирилловна (тоже вскакивая). Батюшки!.. согрѣшили!..

Дурнопечинъ (растопыривая руки). Господи! Что̀ такое! (Оглядываетъ всю комнату). Никита! Злодѣй!.. гдѣ ты, разбойникъ этакій?.. Настасья Кирилловна, выбирай, что̀ тутъ есть! (На улицѣ слышенъ шумъ. Настасья Кирилловна бѣгаетъ отъ одного окна къ другому и смотритъ).

Настасья Кирилловна. Да не подождать ли, батюшка? Полымя-то нигдѣ не видать. (Къ Ванечкѣ) Гдѣ пожаръ-то, дурачокъ этакій?.. пожаръ-то гдѣ?

Ванечка. Надо полагать, здѣсь, на дворѣ. Пожарная команда уже наѣхала; меня чуть не задавила

Дурнопечинъ (подойдя къ столу и перекладывая вещи съ одного мѣста на другое). Вотъ еще! Ну что̀ это такое!.. Какъ будто нарочно весь домъ привезъ! Ванечка, что̀ ты здѣсь стоишь, братецъ! Въ гостиной у меня часы стоятъ... Никита! Гдѣ этотъ варваръ мой, Никита?

Ванечка. Ничего, дѣдушка, не безпокойтесь! Я, пожалуй, сдѣлаю-съ; все перешвыряю въ окошко. (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ. Собирай, матушка, Настасья Кирилловна!.. Нѣтъ моего злодѣя!.. Шкатулку... куда шкатулку-то дѣвать?.. Тутъ есть бумаги... платье, чортъ съ ними! Вещи-то на столѣ; трубка-то... Настасья Кирилловна, сними, матушка, ее со стѣны: полтораста рублей заплачена. (Настасья Кирилловна сбираетъ; шумъ на дворѣ усиливается: слышны голоса: „давай воды, крышу ломай; нѣтъ ли кого внутри,—выходите вонъ“).

Настасья Кирилловна. Отцы мои, крыша ужъ, видно, занялась

Дурнопечинъ. Господи Боже! Сгоришь, пожалуй: я лучше уйду.

Настасья Кирилловна. Полноте, батюшка, вѣдь не домъ горитъ.

Дурнопечинъ. Какъ не домъ, почемъ ты знаешь?.. Уйду! Ой, въ халатѣ-то нельзя: простудишься! (Проворно сбрасываетъ съ себя халатъ, надѣваетъ шубу и убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Настасья Кирилловна (продолжая собирать). Дядюшка! Дядюшка! Ну, никого нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Настасья Кирилловна и Никита.

Никита (проворно входя). Согрѣшили окаянные! Гдѣ баринъ-то?

Настасья Кирилловна. Никитушка! Что такое надѣлалось?

Никита. Баня горитъ: проклятые хозяева нажарили, ну и не стерпѣла и вспыхнула.

Настасья Кирилловна. Давай выбираться, Никитушка.

Никита. Это для какого рожна? Команда исправная, по бревнамъ все раскатаютъ.

Настасья Кирилловна. Что это, Никитушка, ты говоришь! Дядюшка приказалъ... испугался онъ очень; я думала, что умретъ сейчасъ же.

Никита. Дядюшкѣ вашему какъ не испугаться... Вишь, какъ платье-то все раскидалъ, а тамъ я виноватъ, что пропадетъ... Убираться, что ли? (Вытаскиваетъ чемоданъ и кладетъ въ него сначала халатъ, а потомъ и прочее платье).

Настасья Кирилловна. Убирайся, батюшка, поскорѣе убирайся.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Ванечка

Ванечка. Я тамъ все выкидалъ... теперь важно! Пускай горитъ.

Настасья Кирилловна. Ступай, дурачокъ этакій, за дядюшкой; куда это онъ, голубчикъ мой, скрылся?

Ванечка. Догонишь его, какъ бы не такъ. Онъ, я видѣлъ, высуня языкъ улепетываетъ, во всю ивановскую деретъ

Никита. Собирайте на всякій случай прочія-то вещи; а я все въ коляску положу да и выкачу ее на улицу. (Уноситъ чемоданъ на плечѣ).

Настасья Кирилловна (собираетъ со стола вещи и укладываетъ въ своемъ платкѣ). Ванечка! Подбирай что-нибудь.

Ванечка. Вы, маменька, мелочь подбирайте, а я стулья перекидаю въ окно. (Отворяетъ окно и начинаетъ въ него кидать стулья).

Настасья Кирилловна. Ванечка! что это ты дѣлаешь: помилуй, все переломаешь.

Ванечка. Ничего, маменька, важно откалываю: только о землю бухъ, да и встаетъ!.. Вотъ одному по ногѣ съѣздилъ: не вертись, больно горячъ.

Настасья Кирилловна. Пособи, безтолковый, поднять матери-то; что въ окно-то глаза пялишь?

Ванечка. А одѣ, небось, не сможете? Давайте сюда, понесемте! (Настасья Кирилловна и Ванечка уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Дурнопечинъ (вбѣгая). Батюшки! Гдѣ мой халатъ? Тутъ у меня пятьдесятъ тысячъ. (Осматриваетъ комнату) Ну, ничего ужъ нѣтъ—все прибрали... и послѣднее украли! Все теперь потеряно! Что теперь будетъ со мной?.. О... о... о... (Въ отчаяніи падаетъ на полъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Спальня Надежды Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна сидитъ въ блузѣ; Михайла Иванычъ полулежитъ на диванѣ.

Надежда Ивановна (потупившись). Что это ты, Мишель, говоришь. Какъ это тебѣ не совѣстно!

Михайла Иванычъ. Ничего, лихо пойдетъ: сговоры, свадьба, родины, крестины, а тамъ—вдругъ этакая маленькая штучка закричитъ: ува, ува! — а я ему соску въ ротъ... Кормилицу, главное, выбирай смазливую! я до этихъ Милитрисъ Кирбитьевенъ большой охотникъ.

Надежда Ивановна. Перестань, Мишель, мнѣ стыдно.

Михайла Иванычъ. Будто ужъ и стыдно? А сама, я думаю, объ этомъ и помышляешь... Впрочемъ, дрянь вы оба

ужасная, хилые какіе-то, мозглые, не то что, напримѣръ, Михайла Ивановъ. Офицеры, бывало, все надо мной смѣялись, что мнѣ на улицу нельзя показаться: всѣ мальчишки кричатъ: «тятенька, тятенька, дай пряниковъ»... Охъ, эти мнѣ пряники, много я на нихъ денегъ просадилъ! Разъ, на одной ярмаркѣ, сорокъ перстеньковъ купилъ; на недѣлю не стало! Я вѣдь очень добръ и великодушенъ: подарки люблю дѣлать.

Надежда Ивановна. Неужели, братецъ, онъ меня любитъ? Неужели онъ не забылъ своей Нади?

Михайла Иванычъ. Вотъ насъ что больше всего безпокоитъ: чувствительность, главное дѣло, насъ одолѣла! Утѣшься: любитъ! Кулаковъ, такъ я замѣтилъ, онъ очень не жалуетъ.

Надежда Ивановна. Зачѣмъ это ты, братецъ, такъ говоришь? Что это ты все смѣешься? Разскажи, пожалуйста, хорошенько, какъ онъ меня любитъ.

Михайла Иванычъ. А чортъ его знаетъ, какъ онъ любитъ! Я думаю, какъ собака палку. Только-что я сказалъ, какія у Михайлы Иванова медвѣжьи привычки, такъ и извиняться началъ, только что въ ноги не кланяется.

Надежда Ивановна. Поди, что это такое!.. точно съ крестьянской дѣвкой шутишь! Я, кажется, не горничная... Ты бы вспомнилъ, что тутъ моя участь рѣшается.

Михайла Иванычъ. Ну, виноватъ, право, виноватъ; не стану! Онъ любитъ тебя; малый отличнѣйшій, добрякъ большой руки. У меня былъ этакій знакомый Селифантьевъ, точь въ точь такой же дрождевикъ: мы, бывало, ему рога наклеиваемъ, а онъ благодаритъ всѣхъ да еще подарки дѣлаетъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ обо мнѣ, братецъ, говорилъ? Не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь о прошедшемъ?

Михайла Иванычъ. Нѣтъ, онъ говорилъ больше о настоящемъ и на настоящее больше напиралъ. Съ Михайлой Ивановымъ обыкновенно говорятъ о томъ, о чемъ онъ самъ захочетъ.

Надежда Ивановна. Что жъ онъ о настоящемъ говорилъ?

Михайла Иванычъ. Ну, что о настоящемъ? Говоритъ: «уважаетъ, обожаетъ тебя...» и различные тамъ этакіе фокусы-покусы. «Бѣденъ, говоритъ, только я, состоянія не имѣю никакого».

Надежда Ивановна. Братецъ! онъ обманывалъ тебя: онъ очень богатъ.

Михайла Иванычъ. Знаемъ, понимаемъ эфти дѣла, поэтому я его немного и продернулъ; ну и сбрендилъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ потомъ?

Михайла Иванычъ. Ну, что онъ? Ничего! «Виноватъ-съ, говоритъ, обожаю».

Надежда Ивановна (стремительно). Мишель! мнѣ хочется его видѣть.

Михайла Иванычъ. Что дашь?—покажу.

Надежда Ивановна. Что хочешь, братецъ, отдамъ! Жизни, кажется, не пожалѣю, чтобъ только его видѣть.

Михайла Иванычъ. Нѣтъ, зачѣмъ жизни? Мы великодушны: жизнь человѣческую щадимъ, а лучше пятьдесятъ цѣлковыхъ намъ пожалуйте.

Надежда Ивановна. Какой ты, Мишель, корыстолюбивый, это нехорошо! Зачѣмъ тебѣ деньги? Опять въ карты играть? Ты и то ужъ у меня папенькину шубу проигралъ.

Михайла Иванычъ. А вамъ, небось, жаль для брата этакихъ пустяковъ! Это ужъ, моя милая, не тово... я изъ-за тебя лобъ подставлялъ.

Надежда Ивановна. Не сердись, Мишель! у меня, право, теперь нѣтъ денегъ.

Михайла Иванычъ (кусая усы). Да-съ, конечно, у насъ только чувствительности много, а деньги только есть для адораторовъ. Исправническому учителю сюртуки дарить, такъ есть на что, а брату вытертой шубой каждый день тычемъ въ глаза. Знаемъ, милушка, все знаемъ!

Надежда Ивановна. Мишель! не говори этого: страшно слушать! За что ты меня терзаешь? Я готова тебѣ отдать все.

Михайла Иванычъ. Всего мнѣ не нужно, у васъ просятъ только пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Надежда Ивановна. Ей-Богу, у меня нѣтъ пятидесяти! Я и то ужъ въ послѣднее время заложила нѣсколько вещей.

Михайла Иванычъ. Неужели же, чортъ возьми, у васъ ничего нѣтъ денегъ?

Надежда Ивановна. Право, нѣтъ! Всего двадцать рублей серебромъ.

Михайла Иванычъ. Ну, Богъ съ вами! Давайте по крайней мѣрѣ двадцать; что жъ такое? не разбойникъ же я какой-нибудь.

Надежда Ивановна. А когда я его увижу?

Михайла Иванычъ. Да сегодня же вечеромъ поѣдемъ къ нему.

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, я боюсь: здѣсь ужасные сплетники! Скажутъ Богъ знаетъ что такое. Нельзя ли какъ-нибудь устроить это свиданіе иначе?

Михайла Иванычъ. Чего жъ тебѣ бояться со мной! У меня, моя милая, на этихъ сплетниковъ отличнѣйшая метода

есть: этакая, знаете, небольшая въ шиворотокъ затрещина; язычокъ-то немного и прикусится, говорить-то и неловко; отличнѣйшій способъ! Я одну лѣкаршу этимъ отъ болтовни полѣчилъ, сразу все прошло.

Надежда Ивановна. Полно, Мишель, шутить! Право, мнѣ не до шутокъ: тошно и грустно... я какъ будто бы что-то предчувствую. Мнѣ кажется, я очень сконфужусь, когда увижу его.

Михайла Иванычъ. Скажите, какая неопытная кошечка! Не прикажете ли съ вами нянюшку отпустить!.. Однако двадцать цѣлковенькихъ пожалуйте, мнѣ пора. (Встаетъ).

Надежда Ивановна (вынимая изъ кармана деньги и подавая). На, возьми; куда же ты?

Михайла Иванычъ (потягиваясь). Такъ, кой-куда зайду, поразсѣяться надобно; а то чортъ знаетъ: сидишь... сидишь... въ голову какая-то дрянь лѣзетъ. Прощай! въ шесть часовъ мы отправимся.

Надежда Ивановна. Что же я безъ тебя буду дѣлать? Мнѣ скучно.

Михайла Иваныч. «Любить, мечтать и изнывать...»—это у насъ въ полку одинъ офицеръ пѣсню сочинилъ, самъ на скрипкѣ разыгралъ. (Поетъ) «Любить, мечтать и изнывать». Адье-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Надежда Ивановна (одна). Какъ всѣ мужчины нечувствительны и холодны! Они совершенно безъ души! И какія мы, дѣвушки, жалкія существа! Ну, напримѣръ, мужа, друга себѣ на всю жизнь, и того мы не можемъ сами выбрать, потому что, какъ какія-нибудь невольницы, не смѣемъ и подумать предложить руку тому, кого любимъ, а должны дожидаться, должны терпѣть, страдать, и за что же? За то только, что ходимъ въ платьяхъ, а не въ сюртукахъ! Даже въ танцахъ,— ну что такое танцы? пустяки!—но и въ нихъ мы должны сидѣть, какъ истуканы, и дожидаться, какъ милости, чтобы насъ пригласили. (Задумывается на нѣсколько времени). Однако я не думала, чтобы такъ его любила. Сама не понимаю, что меня влечетъ къ нему. Конечно, онъ богатъ... Я его непремѣнно уговорю ѣхать на воды; тамъ, говорятъ, въ большой модѣ молодыя дамы. Однако это странно: какъ только я услышала, что онъ пріѣхалъ, у меня вдругъ сердце замерло, мнѣ вдругъ сдѣлалось и стыдно и весело. Какъ мы были прежде глупы и неопытны; мы оба еще ничего не понимали! Отчего

онъ тогда же не женился на мнѣ? Какъ бы мы были счастливы теперь! Но мнѣ суждено другое... (Задумывается). Зачѣмъ я позволила себѣ полюбить ужаснаго капитана? Охъ, эта совѣсть! ужасная совѣсть!.. Вотъ она когда просыпается! И стоили всѣ они любви? Я рѣшительно себя презираю. (Опять задумывается). Николя долженъ узнать о моемъ прошедшемъ; я сама ему разскажу мои ошибки! Онъ великодушенъ! Онъ проститъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Та же и Настасья Кирилловна съ Ванечкой.

Ванечка. Надежда Ивановна! я маменьку къ вамъ притаранилъ.

Надежда Ивановна (вставая). Ахъ, Настасья Кирилловна, какъ мы съ вами давно не видались! (Цѣлуются).

Настасья Кирилловна. Такъ ужъ виновата, что и говорить не смѣю. И видѣться съ вами хотѣлось, и съ пріѣздомъ братца поздравить желала, и за Ванечку поблагодарить была должна, что вы его, можно сказать, не по лѣтамъ ласкаете да принимаете,—ничего не успѣла, просто совсѣмъ сбилась съ панталыку старая баба. Сами, я думаю, слышали, что у насъ надѣлалось; дядюшка пріѣхалъ, бабушка Соломонида Платоновна наѣхала, пожаръ у дядюшки случился. Онъ, голубчикъ, перепугался ужасно, и такіе, можно сказать, случаи, хоть самой сойти съ ума.

Ванечка. Маменька съ дѣдушкой чортъ знаетъ какъ перепугались! Дѣдушка, какъ заяцъ, на-утекъ пошелъ,—драло, да-съ! А я такъ ничего: на крышу влѣзъ, важно работалъ, всего водой облили.

Надежда Ивановна. Братъ мнѣ сказывалъ. Отчего же Николай Михайлычъ такъ перепугался?—Сгорѣла только одна баня.

Настасья Кирилловна. Ну, да вѣдь мы съ нимъ пугаться-то всякихъ пустяковъ охотники!

Ванечка. Мнѣ, Надежда Ивановна, поварепка ихній сказывалъ, что дѣдушка всего боится. Разъ черезъ рѣку переѣзжали, такъ онъ все кричалъ, точно слѣпая старуха у насъ: та, вонъ, лошади дышломъ въ избу толкнули, а она думаетъ, что громъ; такая дура, что ужасть!

Настасья Кирилловна. Что дѣлать; зато предобрѣйшій человѣкъ... непомнящій, можно сказать, характеръ имѣетъ: что ему ни скажи, не разсердится, только немного нахмурится, а тутъ и ничего. Благодѣтель, можно сказать, въ нашемъ свѣтѣ для своихъ родныхъ.

Ванечка. И деньги то-съ потерялъ всѣ; лакей ужъ убралъ. Мы прибѣжали, а онъ валяется на полу да и реветъ о деньгахъ: денегъ-то жалко... Маменька, да вы поговорите съ Надеждой Ивановной, о чемъ я васъ просилъ.

Настасья Кирилловна. Онъ все-то свое мелетъ. Матушка, Надежда Ивановна, разрѣшите дѣло, какъ оно у васъ тамъ есть.

Надежда Ивановна. Что такое?

Настасья Кирилловна. Насчетъ Ванечки-то?.. Съ моей стороны отсовѣту нѣтъ; самъ свой разумъ имѣетъ. Я, конечно, желала бы, потому что все-таки, какъ мать, пользу его вижу... Онъ добрый у меня, и шалостей за нимъ особенныхъ никогда не бывало: молодъ только.

Ванечка. Да что, маменька, вы все пустяки говорите. Надежда Ивановна, я думаю, поумнѣе васъ. Что вы все глупости говорите?

Надежда Ивановна. Что такое? Я, право, ничего не понимаю.

Настасья Кирилловна. Да что, Надежда Ивановна, говорить ужъ, конечно, лучше прямо! Вы товаръ, а у меня купецъ есть. Какъ хотите, такъ и судите: я съ него воли не снимаю.

Надежда Ивановна. Теперь это невозможно, Настасья Кирилловна! Вы сами знаете, какія бываютъ обстоятельства. Я очень благодарна вамъ за честь; но я несвободна.

Ванечка. Нѣтъ, ужъ вы, Надежда Ивановна, пожалуйста, скажите. Вы вотъ все говорили: маменька... Маменька, вотъ видите, ничего-съ.

Надежда Ивановна. Нѣтъ, Ванечка, теперь я ничего не могу сказать; я сама не знаю, что со мной будетъ. У меня есть братъ... родственники... кромѣ того, есть другія еще препятствія. Въ настоящее время я никакъ не могу сказать ничего рѣшительнаго.

Настасья Кирилловна. Я съ своей стороны и не тороплю васъ, Надежда Ивановна. Конечно, этакое дѣло нельзя скоро рѣшить... Онъ-то ко мнѣ все пристаетъ. Если правду сказать, такъ и Алексѣй Яковлевичъ у меня еще ничего объ этомъ не знаетъ. Конечно, онъ не обратитъ большого вниманія, потому что къ этому ребенку никогда расположенъ не былъ, а мое большое желаніе: умерла бы, кажется, спокойно, кабы этакое дѣло сдѣлалось.

Ванечка. Да что, Надежда Ивановна, ничего да ничего!.. Что вы такое говорите!.. Надуваете вы, видно, вонъ какъ папеньку цыганъ деньгами обманулъ: завтра да завтра, а завтра удеретъ куда-нибудь.

Настасья Кирилловна. Ну, что же дѣлать, Ванечка, погодимъ, батюшка; какъ этакое дѣло вдругъ сдѣлать! Ты-то, можетъ-быть, по глупости и молодости, не понимаешь, а это дѣло вѣковое.

Ванечка. Что вы все говорите, маменька, годить да годить! Надежда Ивановна, можетъ-быть, такъ сомнѣваются; а годить нечего: меня ужъ не прибудетъ.

Надежда Ивановна (подумавъ). Я теперь въ очень странномъ положеніи и сама не знаю, что со мной будетъ... Вы, Настасья Кирилловна, не принимайте этого за совершенный отказъ, но...

Настасья Кирилловна. Понимаю, матушка, сама все понимаю и говорю только, по крайней мѣрѣ, на будущее время знать будемъ! Время еще не ушло. Богъ дастъ: наживетесь... натѣшитесь.

Надежда Ивановна. Вы гдѣ остановились?

Настасья Кирилловна. У дядюшки, у Николая Михайлыча.

Надежда Ивановна. У Николая Михайлыча?

Настасья Кирилловна. У него-съ. У кого же больше?.. Дядя намъ троюродный...

Надежда Ивановна. Я къ вамъ сегодня заѣду. Будете вы дома?

Настасья Кирилловна. Сдѣлайте милость: мнѣ очень пріятно... и дядюшка посмотритъ: онъ большое участіе въ этомъ принимаетъ.

Надежда Ивановна (вспыхнувъ). Развѣ онъ знаетъ?

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, этого нѣтъ еще, но все-таки посмотритъ. Развѣ ты, Ванечка, не говорилъ ли ему?

Ванечка. Нѣтъ, маменька, я ему такъ только сказалъ-съ.

Надежда Ивановна. Вы, пожалуйста, не говорите! Ванечка, ты, сдѣлай милость, не болтай; иначе я разсержусь и принимать тебя не стану. Настасья Кирилловна, пожалуйста, помолчите; вы сами женщина и понимаете щекотливость этого положенія.

Настасья Кирилловна. Не безпокойтесь; да намъ теперь и нельзя: теперь бабушка Соломонида Платоновна здѣсь, съ ней вѣдь не столкуешь. Я даже желала бы, чтобы и при вашемъ посѣщеніи ея не было. Ну, да, можетъ-быть, провалится куда-нибудь; не цѣлый же день станетъ сидѣть.

Надежда Ивановна. Выходитъ къ вамъ Николай Михайлычъ? Увижу я его? Онъ прежде былъ нашъ хорошій знакомый; а теперь сдѣлался какимъ-то домосѣдомъ. Я бы очень желала его видѣть.

Настасья Кирилловна. Какъ не увидѣть, онъ все съ нами сидитъ. На нездоровье все теперь жалуется; но я какъ разсмотрѣла, такъ у него никакой и болѣзни нѣтъ, а такъ только затменіе въ разсудкѣ иногда бываетъ—робость большая. (Вставая) Пойдемъ, Ванечка, что̀ больно насупился? Встань, поцѣлуй у Надежды Ивановны ручку! Она позволитъ.

Ванечка (тоже вставая). Что̀ цѣловать-то! У васъ съ Надеждой Ивановной все, пожалуй, дожидайся, все молодъ.

Надежда Ивановна (вставая и улыбаясь). Разсердился. Отчего же вы не хотите поцѣловать руки у вашей невѣсты?

Ванечка. Чорта съ два, невѣста! Дождешься!..

Настасья Кирилловна. Поцѣлуй, матушка, его въ губы; дай мнѣ старухѣ полюбоваться!

Надежда Ивановна. Пожалуй. Поди сюда, Ванечка, я поцѣлую тебя! Мнѣ его ничего не совѣстно.

Ванечка. Видно, что не совѣстно, все обманываете. (Надежда Ивановна подходитъ и цѣлуетъ его).

Настасья Кирилловна. Ну, слава Богу! Благослови васъ Господь! Пойдемъ, Ванечка! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Надежда Ивановна (одна). Онъ совершенно еще мальчикъ! Ему, я думаю, только жениться хочется; а онъ ничего не понимаетъ; но въ то же время какъ смѣлъ и дерзокъ; какъ его можно сравнить съ Nicolas! Чудный тотъ человѣкъ! Въ такое я теперь поставлена ужасное положеніе... Если Nicolas не женится на мнѣ, то я должна буду выйти за этого дурачка, потому что чего же ждать, на что еще надѣяться? Быть старой дѣвкой, беззубой и нюхать табакъ! Я отъ одной мысли въ состояніи умереть! Замужняя женщина, за кѣмъ бы она ни была, въ тысячу разъ счастливѣе дѣвушки. (Уходитъ).

Занавѣсъ падаетъ.

СЦЕНА II.

Театръ представляетъ гостиную въ квартирѣ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломонида Платоновна стоитъ и топаетъ передъ Никитой, который въ дверяхъ. Дурнопечинъ сидитъ передъ зеркаломъ. Цырюльникъ его стрижетъ.

Соломонида Платоновна. Какъ ты смѣлъ держать барина въ такой грязи? Да я съ тобой жива не разстанусь, криво-

рожій! Чтобъ въ кабинетѣ у меня сейчасъ же было все прибрано, чтобъ сегодня же крыльцо было, какъ стеклышко! Оселъ этакій!.. Пошелъ! (Выходитъ на авансцену и садится). Даже устала бранившись!.. Стриги его, Сережка; глаже стриги.

Дурнопечинъ (усмѣхнувшись). Тетушка! какъ это, право, вы безпокоитесь... Мнѣ даже совѣстно. (Смотрится въ зеркало). Теперь дѣйствительно стало какъ-то легче.

Соломонида Платоновна. Еще бы! И выбрей его, Сережка, сейчасъ, какъ можно чище: чтобы ничего подъ подбородкомъ этой дряни не было.

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужъ, тетушка, позвольте: я самъ бреюсь: я другимъ боюсь даваться.

Соломонида Платоновна. Какъ тебѣ не бояться, всего, батюшка, бойся... Брей его, нечего слушать! Безстыдникъ этакій! какъ маленькій, пожару испугался, да и одѣться еще не хочетъ; точно арестантъ какой: небритый, нестриженый! (Сергѣй начинаетъ брить).

Дурнопечинъ. Сдѣлай милость, Сережа, братъ, поосторожнѣе! Нѣтъ, ужъ подъ горломъ, пожалуйста, не брей; оставь, Бога ради.

Сережка. Ничего, сударь, не въ первый разъ; слава Богу, господъ бривали.

Соломонида Платоновна. Вѣдь гадко видѣть тебя, Николай Михайлычъ, право! Ты и на мужчину совсѣмъ не похожъ, а точно мокрая курица.

Дурнопечинъ (выбритый). Ну, слава Богу, благополучно! Поневолѣ, тетушка, будешь мокрой курицей, какъ все непріятность на непріятности.

Соломонида Платоновна (съ усмѣшкою). Какія же, батюшка, съ вами особыя несчастія случались?

Дурнопечинъ. Да хоть бы болѣзнь, тетушка, постоянная, неизлѣчимая болѣзнь...

Соломонида Платоновна. Ахъ, какой бѣдный! Не умирать ли ужъ собрались? Перестань, сударь! Отвратительно слушать: что такое у тебя болитъ?

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, конечно, по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣетъ... а у меня все болитъ, но и кромѣ того, вонъ документы на имѣніе потерялъ, гдѣ ихъ возьмешь!—а тутъ тяжба предстоитъ... Человѣка порядочнаго нѣтъ около меня; одинъ Никита, да и тотъ,—что съ него взять?—набитый дуракъ. Я ему бумаги нужныя отдалъ, а онъ ими индюшку обернулъ да и совсѣмъ потерялъ.

Соломонида Платоновна. Прекрасно, отлично сдѣлалъ! Да съ твоимъ неряшествомъ у тебя все перетеряютъ. Спросилъ ли ты съ него? наказалъ ли его, какъ слѣдуетъ?

Дурнопечинъ. Чего тутъ спрашивать? Уже не воротишь.

Соломонида Платоновна (плюетъ). Тьфу ты, дрянь этакая! Сережка! поди, позови Никиту.

ЯВЛЕНІЕ II.

Соломонида Платоновна и Дурнопечинъ; потомъ Никита.

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужъ, тетушка, оставьте; я его и такъ бранилъ.

Соломонида Платоновна. Какъ же? по головкѣ ихъ надобно за это гладить! (Входитъ Никита). Куда это ты, голубчикъ мой, барскія бумаги спровадилъ? а?..

Никита. Чего-съ?

Соломонида Платоновна. Чего-съ! дуракъ! точно не слышитъ, что его спрашиваютъ... Тебя спрашиваютъ, куда ты бумаги дѣвалъ?.. (Никита молчитъ). Что жъ ты молчишь, свинопасъ?

Никита. Барину извѣстно-съ.

Соломонида Платоновна. Барину извѣстно! Ахъ, ты, ротозѣй, а ты-то на что?.. Посмотрите, пожалуйста, съ какой онъ рожей явился! Почему ты пришелъ неумытый? Какъ ты смѣлъ явиться передъ господами въ такомъ костюмѣ? Пошелъ вонъ, неумоя! Сейчасъ приведи себя въ порядокъ! (Никита уходитъ; Соломонида Платоновна вслѣдъ ему) Погоди ты, милый мой, я до тебя доберусь еще не такъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломонида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломонида Платоновна. Что это, Николай Михайлычъ, до чего ты довелъ свою прислугу! Мнѣ видѣть все это отвратительно. Какія же это бумаги онъ у тебя затерялъ?

Дурнопечинъ. Акты на имѣніе бабушки Ольги.

Соломонида Платоновна. У тебя никакихъ не могло быть актовъ, развѣ какія-нибудь копіи; подлинные акты всѣ у меня. И для чего они тебѣ понадобились?

Дурнопечинъ. Ужъ лучше не говорите, тетушка, я съ вами хотѣлъ посовѣтоваться объ этомъ серьезно. Вчера ко мнѣ явился какой-то братецъ Прохоръ Прохорычъ: «процессъ, говоритъ, подамъ, потому что бабкина духовная будто бы незаконна»; а у меня и документовъ никакихъ нѣтъ; такъ напугалъ, что ужасъ!

Соломонида Платоновна (разсмѣявшись). Такъ это тебѣ для Прохора нужны документы: Прохоръ-то тебя напугалъ!

Ты, Николенька, совсѣмъ жалкій человѣкъ, ей-Богу! Ни дать ни взять, какъ покойная мать твоя: видно, у васъ въ крови этакая глупая трусливость! Та, бывало, седьмымъ ребенкомъ брюхата... ну что такое женщинѣ родить... а она вѣчно въ отчаяніи: умру, да не перенесу, и тому подобныя глупости.

Дурнопечинъ. Хороши глупости, какъ все отнимутъ.

Соломонида Платоновна. Это еще какъ? За отниманьето въ Сибирь ссылаютъ. Какимъ же образомъ и кто можетъ у тебя отнять?

Дурнопечинъ. Да я ужъ и самъ не знаю... мало ли что онъ тутъ говорилъ: «имѣніе, говоритъ, наслѣдственное раздроблено; за неправильное владѣніе, говоритъ, заплатите, да тамъ какіе-то протори и убытки». Красницу сначала требовалъ, а потомъ сталъ просить пятнадцать тысячъ серебромъ. Я ужъ и не знаю, что такое?

Соломонида Платоновна (качая головой). Ай да Прохоръ, молодецъ! какія штуки началъ шутить! Постой, погоди, я теперь сама съ нимъ поищу, подлецъ этакій! Онъ, я думаю, тоже и на мое имѣніе виды имѣетъ!

Дурнопечинъ. Онъ и про васъ говорилъ. Вся, говоритъ, по милости Соломониды Платоновны и каша-то заварилась.

Соломонида Платоновна. Ну да, я знаю, что я ему поперекъ горла стою. Дай-ка я съ нимъ потолкую. Пошлика къ нему, батюшка, сейчасъ отъ себя записку и позови къ себѣ. Я поговорю съ нимъ... Эй, кто тамъ? Своего человѣка мнѣ нельзя послать; узнаетъ и не пойдетъ. Никита! Эй, болванъ, Никита! (Никита входитъ проворно).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Никита.

Соломонида Платоновна. Что ты, глухъ, что ли?

Никита. Я умывался.

Соломонида Платоновна. Скажите, пожалуйста, двѣнадцатый часъ, а онъ умывается. Да что ты, баринъ, что ли, какой? Пошелъ сейчасъ, узнай, гдѣ живетъ Прохоръ Дурнопечинъ, и зови его сюда, а обо мнѣ не говори!.. Слышишь!. Пошелъ! Что еще почесываешься, невѣжа этакая!

(Никита уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Соломонида Платоновна и Дурнопечинъ; потомъ Сергѣй.

Дурнопечинъ. Да, тетушка, какъ бы его больше не разсердить, какъ бы онъ больше не надѣлалъ непріятностей.

Соломонида Платоновна. Сдѣлай милость, молчи, если ужъ такимъ дрянным родился, безъ тебя дѣло сдѣлается. Сережка! (Сережка входитъ). Пошли сейчасъ кучера, чтобы привезъ мой погребчикъ и всю закуску.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Соломонида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломонида Платоновна. У тебя, я думаю, и ѣсть-то нечего?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, тетушка, у меня, должно-быть, приготовлено.

Соломонида Платоновна. Хорошо, я думаю, съ твоимъ порядкомъ приготовлено. Какую ты водку пьешь?

Дурнопечинъ. Ай, тетушка, какая водка; я ничего не пью: кофе даже запрещенъ.

Соломонида Платоновна. Ничего не пью — гнилое созданье! Кофе даже ему запрещенъ! Для слабаго человѣка пить необходимо: ты себя не узнаешь, какъ подкрѣпишься.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Настасья Кирилловна съ Ванечкой.

Настасья Кирилловна (подходя къ рукѣ Соломониды Платоновны). Вотъ, бабушка, и я пришла... Ванечка, представься бабушкѣ. (Ванечка подходитъ къ рукѣ Соломониды Платоновны).

Соломонида Платоновна. Здравствуй. Видишь, какъ вытянуло. Поумнѣлъ ли хоть немного, а растешь, глядя на осину.

Ванечка. Я ужъ, бабенька, давно такой; не все маленькимъ быть.

Настасья Кирилловна. Молодое, бабушка, растетъ. (Къ Дурнопечину) Что, батюшка, голубчикъ мой, успокоились ли вы?

Дурнопечинъ. Да, теперь ничего. Садись. (Настасья Кирилловна и Ванечка садятся).

Соломонида Платоновна (къ Настасьѣ Кирилловнѣ). Ты это зачѣмъ сюда прибыла? Дома, видно, не сидится?

Настасья Кирилловна. Ай, нѣтъ, бабушка, какъ это возможно-съ: дѣла здѣсь имѣю.

Соломонида Платоновна. Большія, я думаю, твои дѣла. Лучше бы хозяйство-то правила, бездомовщина этакая.

Настасья Кирилловна. Я, бабушка, правлю, ей-Богу, правлю. Да и кому у меня,—сами вы знаете: дѣти малыя, вездѣ все сама.

Соломонида Платоновна. Полно, голубушка моя, казан-

ской нищей прикидываться, знаю я тебя, пустоголовая! Всего четыре лошаденки въ усадьбѣ, и тѣхъ измучила, таскаясь по гостямъ; красавица какая, вездѣ ей нужно показывать себя.

Настасья Кирилловна. Какая ужь, бабушка, красота! не красота, а бѣдность... Наговоровъ вамъ на меня много, мнѣ вы не изволите вѣрить, такъ и погибаю.

Соломонида Платоновна. Нѣтъ, милая моя, тебѣ этого еще мало, ей-Богу, мало! Какъ бы воля была, такъ бы я тебя выпорола. Алексѣй Яковлевичъ со слезами пріѣзжалъ ко мнѣ. Вонъ пострѣлятъ-то своихъ, на что похоже, перебаловала: куда они теперь годны? Ты у меня молчи лучше: знаю я, соколёна, всѣ твои шутки!.. Гдѣ это видано, у мужа съ людишками хлѣбъ воровать да утаивать; голодна, что ли, ты?

Настасья Кирилловна (плача). Весь вѣкъ отъ васъ, бабушка, обижена была, видно, и передъ дяденькой меня хотите оконфузить! Не знаю, что вамъ сдѣлала; у васъ, кажется, ничего не прошу, своимъ живу.

Соломонида Платоновна. Ахъ, Боже мой, какъ расчувствовалась, такъ вотъ мы всѣ и расплачемся съ тобой. Зачѣмъ сюда пріѣхала, для какой надобности?

Ванечка. Да что, бабенька, вы все на маменьку нападаете! Она со мной пріѣхала, да-съ!—мнѣ нужно.

Соломонида Платоновна. Дуракъ этакій! Ему нужно! Драть бы тебя нужно, вотъ что тебѣ, болвану, нужно!

Ванечка. Да что вы все ругаетесь? Мы вамъ не подчиненные! Что вы, въ самомъ дѣлѣ, куражитесь!

Соломонида Платоновна (вспыхнувъ). Ахъ, ты, щенокъ этакій, а! Скажите, пожалуйста! Стань сейчасъ на колѣни! пошелъ въ уголъ и стань! Пикнуть у меня не смѣй, дурья порода!

Ванечка. Больно ловки, такъ вотъ сейчасъ и послушаюсь... Я не къ вамъ пришелъ, а къ дяденькѣ.

Соломонида Платоновна (выходя изъ себя). Молчать, пострѣленокъ! говорятъ тебѣ, на колѣни! Ты, разиня-матушка, поставь его на колѣни.

Настасья Кирилловна. Бабушка, успокойтесь; вѣдь онъ еще глупъ, родная моя. Ванечка, стань, что это ты не хочешь потѣшить бабушку, стань, другъ мой.

Соломонида Платоновна. Стать сейчасъ, оселъ! Николай Михайлычъ, онъ въ вашемъ домѣ дѣлаетъ мнѣ этакія грубости, извольте его наказать.

Дурнопечинъ (въ сторону). Ахъ, Ты, Господи, Твоя воля! Что мнѣ съ ними будетъ дѣлать? (Къ Ванечкѣ) Стань, бра-

тецъ, какъ же ты можешь старшимъ себя грубить, да еще и не слушаешься.

Ванечка (осердясь). Какъ бы вотъ не такъ: что я вамъ, дуракъ, что ли, далея? Что вы ко мнѣ пристаете? Маменька у насъ, ужъ извѣстно... ее всякій приколотитъ, а у меня тибо! Дудки мной-то командовать! Поѣдемте, маменька, куда-нибудь; какого здѣсь чорта не видать!

Настасья Кирилловна. Ванечка, перестань, что это ты, безмозглый, говоришь! Ну, что дѣлать, сама признаюсь, слабая мать! Слышите, и меня-то онъ какъ коститъ. Молчи, душегубъ, погубилъ ты меня! Стань, злодѣй этакій, угоди хоть этимъ роднымъ-то!

Соломонида Платоновна (въ азартѣ). Вонъ, дурачье! чтобы духу вашего не было здѣсь! Николай Михайлычъ, вели ихъ прогнать.

Ванечка. Пойдемте, въ самомъ дѣлѣ, маменька, что такое! бабушка точно рехнулась.

Настасья Кирилловна (всплеснувъ руками). Ахъ, Господи, согрѣшила я окаянная!.. Лучше бы мнѣ въ утробѣ своей не носить злодѣя! Прокляну тебя, варвара!

Дурнопечинъ. Настасья Кирилловна! уведи своего дурака; онъ, вѣрно, пьянъ.

Ванечка. Сами вы, видно, съ бабушкой пьяны.

Соломонида Платоновна (вскакивая и давая Ванечкѣ пощечину). Вотъ тебѣ, бабушка, разъ! (Ванечка понятился, Соломонида Платоновна бьетъ его по другой щекѣ). Вотъ тебѣ, бабушка, два!

Настасья Кирилловна (хватая Ванечку за руку). Царь небесный! Ванечка! что мы съ тобой надѣлали?

Ванечка (вырываясь изъ рукъ). Да что, маменька, иное дѣло, я самъ сдачи дамъ: такую здоровку поднесу, что и съ ногъ полетитъ.

Настасья Кирилловна. Пойдемъ, разбойникъ! (Вытаскиваетъ его почти насильно со сцены).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дурнопечинъ и Соломонида Платоновна; потомъ Сергѣй.

Дурнопечинъ (вставая, съ безпокойствомъ). Господи Боже мой! Какъ это непріятно... ну, что это такое: дерутся, шумятъ...

Соломонида Платоновна (дуетъ на руку). Всю руку разбила... рожа-то какая сухая! Уходили вы меня, Николай Михайлычъ, съ вашей роденькой, благодарю покорно. Сережка! (Сережка входитъ). Пошелъ сейчасъ и выпроводи этихъ скотовъ

за городъ, ни минуты чтобы не были здѣсь. А если не поѣдутъ, такъ попроси городничаго отъ моего имени; скажи, что она воровски отъ мужа ѣздитъ да бѣгаетъ... Охъ, Творецъ небесный такъ разстроилась, что возможности нѣтъ. (Дышитъ тяжело).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Сергѣя, и Никита.

Никита. Пришелъ баринъ-то.

Дурнопечинъ (про себя). Ну, опять сцена, опять объясненія; измучатъ они меня сегодня; ничему не радъ.

Никита. Баринъ-то пришелъ-съ.

Дурнопечинъ (Соломонидѣ Платоновнѣ). Тетушка, Прохоръ Прохорычъ пришелъ.

Соломонида Платоновна. Что?

Никита. Баринъ, за которымъ извояпи посылать,—здѣсь.

Соломонида Платоновна. Зови! Устала я очень, а то бы я и съ этимъ молодцомъ такъ же справилась...

ЯВЛЕНІЕ X.

Соломонида Платоновна, Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ; потомъ Никита и Сергѣй.

Прохоръ Прохорычъ. Вамъ, братецъ, угодно было меня пригласить? (Увидя Соломониду Платоновну, нѣсколько конфузится и кланяется ей низко). Тетушкѣ Соломонидѣ Платоновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубокое почтеніе и поздравить съ пріѣздомъ.

Соломонида Платоновна. Благодарю васъ покорно, и васъ съ тѣмъ же, мой милый, поздравляю.

Прохоръ Прохорычъ (къ Дурнопечину). Я, кажется, братецъ, явился несвоевременно. Вѣроятно, вы, послѣ такой долгой разлуки, желаете съ тетушкой воспользоваться родственнымъ свиданіемъ, и потому позвольте мнѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что я и свои имѣю очень экстренныя дѣла.

Соломонида Платоновна. Нѣтъ, ужъ вы свои-то дѣла отложите на этотъ разъ въ сторону и побесѣдуйте съ нами. Я хочу съ вами потолковать, знаете, какъ обыкновенно я съ вами толкую.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ вамъ угодно-съ; но, впрочемъ, если я только справедливо понимаю, то, кажется, не зачѣмъ и не для чего... Наши свиданія не могутъ быть пріятны ни для васъ ни для меня. Насъ Богъ будетъ судить, тетушка,—

конечно, я все забылъ, все простилъ, сколько ни былъ вами обиженъ...

Соломонида Платоновна. Да-съ, вы прекрасный человѣкъ, вы безподобный человѣкъ! Только какой это вы съ Николенькой процессъ затѣвать? У васъ ихъ и безъ того очень много. Впору и по чужимъ плутовать; зачѣмъ ужъ заводить свои...

Прохоръ Прохорычъ. Я не понимаю, къ чему вы изволите все это говорить.

Соломонида Платоновна. Я говорю къ тому: за что вы Красницу-то съ него просите? За что вы съ него пятнадцать тысячъ требуете? Вотъ я къ чему говорю.

Прохоръ Прохорычъ. По духовной бабки Ольги.

Соломонида Платоновна. Что же это: тамъ такъ и написано?

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ, не написано, а такъ слѣдуетъ.

Соломонида Платоновна. А, это слѣдуетъ! А мнѣ не слѣдуетъ получить съ васъ тридцать тысячъ серебромъ, которыя отецъ твой у меня и матери моей перехватилъ на свое мотовство: мнѣ это не слѣдуетъ съ васъ получить?

Прохоръ Прохорычъ. Если ужъ вамъ, тетушка, угодно вызвать меня на откровенный разговоръ, то я долженъ прямо вамъ, при Николаѣ Михайловичѣ, объяснить, что на вашу часть я и не имѣю видовъ-съ. Я не звѣрь безчувственный и очень хорошо помню благодѣянія, оказанныя вами нашему семейству; но я говорю только про часть братца.

Дурнопечинъ. Какъ это вы только про меня говорите? Что жъ вы запираетесь? Вы говорили и про тетушкину часть: вы мнѣ прямо сказали, что отъ нихъ вся и каша заварилась.

Прохоръ Прохорычъ. Никакъ нѣтъ-съ, я никогда этого не говорилъ!.. Тетушка благодѣтельствовала нашему семейству да и моихъ птенцовъ, можетъ-быть, не забудетъ: я не могъ этого говорить.

Дурнопечинъ. Что это вы говорите? Какъ это вамъ не стыдно! Вы еще сказали, что—дай Богъ тетушкѣ вѣчную память,—вотъ что говорили!

Прохоръ Прохорычъ. Никогда ничего и въ помыслахъ этого не было.

Соломонида Платоновна (качая головой). Ахъ, ты, лукавый человѣкъ! Ахъ, ты, чернильная піявица! Какъ тебя не повѣсятъ до сихъ поръ! вотъ ты что мнѣ скажи, а давно бы пора, ей-Богу, пора... (Стукаетъ по столу пальцемъ). Слушай ты, приказная строка: если ты только осмѣлишься приходить безпокоить его съ твоими подлыми процессами, — онъ чело-

вѣкъ слабый и больной, онъ мой наслѣдникъ, слышишь ли? — я завтра же подамъ вексель ко взысканію и уморю тебя со всѣмъ твоимъ потрохомъ въ тюрьмѣ; на свой счетъ буду содержать, а не выпущу.

Прохоръ Прохорычъ (грустно). Обидѣть маленькихъ людей, тетушка, легко; но надобно вспомнить и послѣдній конецъ: несправедливость вопіетъ на небо.

Соломонида Платоновна. Особенно за тебя, голубчикъ мой, за тебя особенно, я думаю, дадимъ мы отвѣтъ Богу! Давай-ка посчитаемся: твой распутный родитель захватилъ тридцать тысячъ. Сестрица твоя выханжила еще при жизни у тетки пятьдесятъ душъ, и наконецъ я тебѣ самому, неблагодарному, подарила на свадьбу десять тысячъ рублей серебромъ. Ну-ка, сложи! сложеніе-то, полагаю, знаешь: тридцать да десять—сорокъ, да за души хоть по сту—пять... миленькій,—сорокъ пять тысячъ, а мы съ нимъ всего получили двѣсти душъ; что—чѣмъ пахнетъ? Какъ у тебя, безстыдника, языкъ повертывается говорить! Хорошо, что я на тебя пугало имѣю: вексель-то сохранила, а то бы совсѣмъ обобралъ. Что корчишься, не нравится?

Прохоръ Прохорычъ. Вашъ вексель, тетушка, меня денно и нощно безпокоитъ. Я дѣтьми моими пожертвовалъ бы, чтобъ только его не было; подъ клятвой бы, кажется, никогда не затѣялъ процесса, если бы вы только его уничтожили.

Соломонида Платоновна. Слышишь, Николенька, какое онъ намъ благодѣяніе оказываетъ. Кинемся ему, батюшка, въ ноги; процесса ужъ не хочетъ съ нами затѣвать. Ахъ, ты, Іуда-предатель!.. О процессѣ ты не смѣешь и думать. Ты къ нему приходилъ такъ только, нельзя ли что-нибудь сорвать. А вексель я, милушка, поберегу да и ему передамъ... Что? невкусно?

Прохоръ Прохорычъ. По векселю вы ничего не возьмете: у меня состояніе все женино.

Соломонида Платоновна. Полно, такъ ли? А если я знаю, что у тебя ничего женина нѣтъ? Да ты скорѣй удавишься, чѣмъ грошъ женѣ повѣришь; картофель на вѣсъ выдаешь,—что ты мнѣ говоришь, безобразный человѣкъ! а передашь ты женѣ состояніе. Я даже теперь вижу, что въ плутовской головѣ твоей дѣлается,—продать думаешь, что ли? Врешь—завтра же наложу запрещеніе.

Прохоръ Прохорычъ. Я ужъ ничего не могу и говорить, а долженъ только благодарить Николая Михайлыча, что они такъ возстановили васъ противъ меня.

Дурнопечинъ. Что жъ вы претендуете на меня? Вы сами начали. Мнѣ ничего вашего не нужно.

Соломонида Платоновна. Поди, убирайся домой и не трогай насъ, а не то худо будетъ.

Прохоръ Прохорычъ (подходя къ ея рукѣ). Я никогда ничего, тетушка, видитъ Богъ, никогда ничего не замышлялъ. Конечно, какъ отецъ семейства, желалъ бы что-нибудь пріобрѣсть, и мои дѣти, тетушка, тоже ваши внуки: если не для меня, такъ для Царя небеснаго, вамъ бы слѣдовало пощадить сиротъ. (Опять подходитъ къ рукѣ).

Соломонида Платоновна. Нечего тутъ лизаться, ступай и дѣлай тамъ, какъ знаешь, а мы будемъ дѣлать свое. (Выносятъ полный завтракъ, состоящій изъ колбасы, ветчины, загибенекъ, шпигованнаго поросенка, сыру, балыка и проч. Никита и Сергѣй, оба въ бѣлыхъ перчаткахъ, становятся у дверей).

Прохоръ Прохорычъ (со вздохомъ). Неравное людямъ дано счастье: одни и семействомъ обременены и стараются, и тутъ ничего не пріобрѣтаютъ, а другимъ все предоставляется: тутъ ужъ говорить нечего, а на Бога надобно возложить попеченіе.

Соломонида Платоновна. Кабы на Бога ты больше надѣялся, такъ бы было лучше, а то ты только плутовствомъ да разными штуками думаешь жить. Отправляйся, намъ пора ѣсть. (Прохоръ Прохорычъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, кромѣ Прохора Прохорыча.

Соломонида Платоновна (къ лакеямъ). Подавайте водку! Что жъ вы стоите? (Къ Дурнопечину) Выпей!—это желудочная.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, увольте: мнѣ ужъ года три запрещено.

Соломонида Платоновна. Полно: глупости,—запрещено, ужели я хуже твоего знаю. (Дурнопечинъ отхлебываетъ полъ-рюмки). Пей все, что очень церемонишься, какъ купчиха.

Дурнопечинъ (допивая). Право, много.

Соломонида Платоновна. Налей и мнѣ. (Дурнопечинъ наливаетъ, она пьетъ). Это не та,—у меня ихъ много сортовъ. Сергѣй! поди принеси зеленую, что трефолью настоена. (Дурнопечину) Та для тебя будетъ полезнѣе. (Сергѣй уходитъ).

Дурнопечинъ. Какая у васъ, тетушка, славная водка: такъ въ желудкѣ и зажгло, какъ будто бы что-нибудь тамъ ходитъ.

Соломонида Платоновна. Ѣшь загибеньки, да вонъ и сосисокъ возьми.

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, вредно будетъ; развѣ немного попробовать. (Беретъ немного на тарелку и ѣстъ). Какія отличныя загибеньки! Удивительно, какъ водка возбуждаетъ аппетитъ. (Беретъ сосисокъ, Сергѣй приноситъ графинъ съ водкой).

Соломонида Платоновна. Подай Николаю Михайлычу. Выпей, эта лучше.

Дурнопечинъ. Право, много: я, пожалуй, пьянъ буду.

Соломонида Платоновна. Велика важность, лучше уснешь.

Дурнопечинъ (выпиваетъ залпомъ и дѣлаетъ гримасу). Хохо-хо, батюшки!.. духъ захватило!.. фу, какая омега. Что это такое, точно спиртъ стоградусный.

Соломонида Платоновна (ѣстъ). Водка чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше устраиваетъ желудокъ.

Дурнопечинъ. Чего тутъ лучше, — отдышаться не могу: точно коломъ въ горло треснуло.

Соломонида Платоновна. Очень нѣженъ некстати.

Дурнопечинъ (съ жадностью начинаетъ ѣсть). Фу, канальство, какъ аппетитъ возбудился! Эй, чортъ возьми, начну катать все: что будетъ, то будетъ; двухъ смертей не бывать, а одной не миновать! Гдѣ вы это, тетушка, такую прекрасную ветчину берете? Покупаете, что ли?

Соломонида Платоновна. Нѣтъ, дома коптятъ.

Дурнопечинъ. Соблаговолите мнѣ, голубушка моя, окорочокъ!

Соломонида Платоновна. Хорошо. Сергѣй! хересу...

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, все вы меня угощаете? Что же я за дуракъ-хозяинъ!.. Никита! Поди возьми мадеры и хересу самаго лучшаго: въ пять руб. сер. бутылку. Слышишь?

Соломонида Платоновна. Ну, что ты пустяки говоришь! Какой-нибудь въ тридцать коп. сер. У меня вина все петербургскія.

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость: я хочу, чтобы было и мое; хоть шампанскаго, по крайней мѣрѣ, позвольте. Поди, купи самаго лучшаго шампанскаго двѣ бутылки!

Соломонида Платоновна. Куда двѣ! Очень ужъ раскутился; пей-ка хересъ!

Дурнопечинъ. Хересу выпью. А ты ступай. (Никита уходитъ).

Соломонида Платоновна. Будешь еще ѣсть?

Дурнопечинъ. Да ужъ позвольте. Вонъ мнѣ хочется этого поросенка; должно-быть, поросенокъ нашпигованный; вишь, каналья, какъ смотритъ; какая у него дурацкая рожа.

Соломонида Платоновна. Ну, что, теперь лучше? Прошли болѣзни? Вылѣчился отъ сухотки?

Дурнопечинъ. А чортъ ихъ знаетъ, прошли онѣ или нѣтъ. Съ сегодняшняго же дня не стану ничего думать. Вы для меня, тетушка, просто благодѣяніе оказали: вотъ хоть бы взять съ процесса... я чортъ знаетъ какъ его боялся, думалъ, что непремѣнно все возьмутъ. А тутъ эта дура Кирилловна ханжитъ... духовной проситъ... слабы вы, говоритъ, дяденька; такъ разстроился, что думалъ, — черезъ часъ же умру.

Соломонида Платоновна. Глупость и бездѣйствіе... Служить и жениться тебѣ надобно, вотъ что! Я тебя женю; ты у меня не отвертишься! Я тебя, молодца, за этимъ и выписала.

Дурнопечинъ. Неужели! Хорошо бы, тетушка, очень хорошо, но съ другой стороны... Позвольте мнѣ еще хересу выпить.

Соломонида Платоновна. Погоди, шампанское будетъ.

Дурнопечинъ. Хорошо-съ. Я вѣдь, тетушка, не то чтобы совершенно ужъ боленъ, а больше характеръ у меня скверный, особенно иногда по утрамъ. Уму невообразимо, какъ все кажется въ этакомъ черномъ цвѣтѣ. Иной разъ такъ, безъ всякой причины, раздумаешься да и зарыдаешь, точно женщина какая. Всего какъ будто бы боишься. Что ни услышишь, что съ другими случится — непріятность какая-нибудь или болѣзнь,—сейчасъ въ голову придетъ, что и со мной то же самое будетъ.

Соломонида Платоновна. Все пустяки, мой милый: у тебя истерика и геморрой, больше ничего. Отъ истерическихъ припадковъ пей по рюмкѣ водки съ гофманскими каплями, а отъ геморрою два раза въ годъ піявки ставь да моціону больше имѣй, а главное: женись. У меня для тебя прекрасная есть невѣста.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, въ здѣшнемъ мѣстѣ мнѣ нельзя жениться.

Соломонида Платоновна. Это отчего?

Дурнопечинъ. Какъ вамъ сказать, старая любовишка есть.

Соломонида Платоновна. Вотъ тебѣ на!.. какой хватъ! Что жъ такое любовишка? Мало ли, я думаю, у васъ этихъ любовишекъ? Этакъ нигдѣ нельзя жениться. Влюбленъ, что ли, ты въ кого?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какое влюбленъ... (Входитъ Никита съ шампанскимъ). Шампанское однако принесли. Разливай! (Никита наливаетъ и подаетъ).

Соломонида Платоновна (беретъ бокалъ). Разсказывай!

Дурнопечинъ (выпивая бокалъ). Да вы, я думаю, знаете. Помните, еще покойный батюшка все смѣялся: Наденька Канорычъ.

Соломонида Платоновна. Вотъ кто! Хорошу птицу убилъ. Что же у тебя связь, что ли, съ ней?

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, какая связь! Влюблена въ меня была, да и теперь еще влюблена, ну, мнѣ и жаль ея.

Соломонида Платоновна (разсмѣявшись). Что это, Николенька, и смѣшишь-то ты меня и печалишь. Неужели же ты не знаешь, что эта дура помѣшана на любви? Она въ встрѣчнаго-поперечнаго влюбляется, ей-то только не соотвѣтствуютъ; а она хоть въ твоего Никиту влюбится, не хочешь ли?

Дурнопечинъ. Богъ ее знаетъ! Я ее лѣтъ пять не видалъ. Записки теперь все пишетъ ко мнѣ: «умру, говоритъ, если вы меня оставите и презрите».

Соломонида Платоновна. Какая нѣжная! Отчего же она не умирала, когда другіе ее презирали? Она, я думаю, человѣкъ въ двадцать была влюблена, и всѣ ее презрѣли.

Дурнопечинъ. Я этого ничего не знаю. (Пьетъ шампанское). Какъ однако шампанское прохлаждаетъ. По чувствамъ своимъ, тетушка, я человѣкъ благородный и совѣстливый: лакея иногда побранишь, такъ и тутъ жалко, въ отношеніи же ея и подавно, думаешь: дѣвушка неглупая, чувствительная... можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ влюблена. Я тоже съ ней прежде нѣжничалъ и любезничалъ, въ любви даже клялся... Вы не повѣрите, съ самаго пріѣзда сюда этимъ мучусь; требуетъ, чтобы я на ней женился, а я рѣшительно не могу, да и не хочу, потому что, между нами сказать, она мнѣ и не нравится.

Соломонида Платоновна. Есть чему и нравиться: кошка ободранная. Тебѣ даже, сударь, неприлично о ней и говорить, вотъ что! Если бъ у тебя даже и было съ ней что-нибудь серьезное, такъ и тогда надобно плюнуть. Мало ли у васъ, мужчинъ, этого бываетъ; не думать же обо всѣхъ. По слабости характера да по своей добротѣ вы и гибнете. Выкинь сейчасъ все это изъ головы и не говори мнѣ объ этомъ! Я терпѣть не могу и слушать это.

Дурнопечинъ. Знаю, тетушка, видитъ Богъ, понимаю, что вы говорите справедливо. Чортъ бы ее дралъ, въ самомъ дѣлѣ, пусть умираетъ; не умретъ, я думаю... Матушка, тетушка, голубушка моя, выпьемъ еще. (Пьетъ). Жените меня на комъ хотите; я надѣюсь на васъ, какъ на каменную стѣну. Я знаю, что вы мнѣ зла не пожелаете, одно только тутъ... Чортъ знаетъ, какъ все это непріятно располагается: брата ко мнѣ вчера присылала, мужчину вершковъ десяти ростомъ; палку сломалъ, точно соломинку: «убить, говоритъ, я васъ приходилъ». Экую штуку сказалъ? «Убить, говоритъ, приходилъ».

Соломонида Платоновна (улыбаясь). Какова мерзавка! На

какія штуки поднимается! А ты, батюшка, я думаю, сейчасъ и струсилъ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, что мнѣ струсить: мнѣ ужъ нечего терять въ жизни; пускай себѣ убиваютъ, дешево не дамся. (Ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла) По крайней мѣрѣ хоть стуломъ голову проломлю, а дешево не дамся! (Встаетъ). Выпьемте, тетушка, еще!

Соломонида Платоновна. Нѣтъ, не хочу. (Зѣваетъ). И такъ много пили. Прощай! Я поѣду соснуть.

Дурнопечинъ. Прощайте, тетушка! У меня бы вамъ отдохнуть, да только безпокойно будетъ. Хозяйство у меня никуда негодно идетъ... Жените меня, голубушка! Холостому очень непріятно жить. Чортъ знаетъ, въ какую исторію и непріятность иногда можно попасть.

Соломонида Платоновна. Ну, полно, разворался ужъ очень, отдохни и ты. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ одинъ; потомъ Никита.

Дурнопечинъ (ходя взадъ и впередъ). Жениться недурно, очень бы недурно... Я вотъ теперь разсуждаю, каковы женщины... Какія онѣ плутовки! А мы-то, дураки, о нихъ страдаемъ да ночи не спимъ... все думаемъ, что онѣ влюблены въ насъ; а онѣ просто способны влюбиться въ каждаго. И какъ тонко, какъ хитро поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, въ двадцать человѣкъ она была влюблена, все ничего, а отъ меня умираетъ. (Садится и зѣваетъ).

Никита (провожавшій Соломониду Платоновну, возвратившись, убираетъ завтракъ). Соснуть бы, сударь, легли, какъ и тетенька.

Дурнопечинъ. Я лягу... Мнѣ сегодня, Никита, гораздо лучше и не болитъ ничего, и какъ-то весело.

Никита (улыбаясь). Ну да, оно, осмѣлюсь доложить, вы сегодня хмельненьки, такъ куражу-то и прибавляетъ.

Дурнопечинъ. Можетъ-быть; а главное дѣло, братецъ, я радуюсь, что развязался съ этой барышней Канорычъ. Знаешь, я думаю?

Никита. Какъ не знать-съ. Этто зазывала меня къ себѣ: чаемъ, водкой поила и все объ васъ разспрашивала: «нѣтъ ли, говоритъ, у барина въ Москвѣ невѣсты?»

Дурнопечинъ. Какая любопытная! И безстыдница какая! Навязывается, братецъ, теперь на меня, чтобы я женился на ней.

Никита. Ну, нѣтъ-съ. Я съ своей стороны не совѣтую. Она мнѣ, признаться, и на лицо не нравится: худа очень.

Дурнопечинъ. Чего ужъ взять, повесница мнѣ и при этомъ въ каждаго встрѣчнаго мужчину влюбляется.

Никита. Ну, а это ужъ и совсѣмъ никуда не годится: мы даже, лакеи, того обѣгаемъ.

Дурнопечинъ. То-то и есть. Ты, впрочемъ, Никита, тоже, должно-быть, сегодня выпилъ: краснорѣчивъ очень.

Никита. Выпилъ, батюшка, грѣшнымъ дѣломъ вынилъ. Въ погребокъ какъ за шампанскимъ ходилъ, такъ хозяинъ поднесъ три стаканчика. Сначала тоже насчетъ документовъ огорчился, а тутъ тетенька пообидѣла маленько, такъ и выпилъ-съ. Купецъ отличнѣйшій: сколько, говоритъ, барину угодно, въ долгъ до Нижегородской можемъ вѣрить.

Дурнопечинъ (падѣвая халатъ и ложась на диванъ). Ну, ничего... ты мнѣ служишь хорошо, я тобою доволенъ. Ступай!

Никита. Слушаюсь, почивайте съ Богомъ! (Беретъ между прочимъ со стола бутылку съ хересомъ и, уходя, пьетъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Кабинетъ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ спитъ. Входитъ Никита сильно уже навеселѣ.

Никита. Еще спитъ!.. и будить-то жалко!.. Баринъ у меня отличнѣйшій... Что мнѣ жить? Мнѣ житье лучше супротивъ всѣхъ лакеевъ... Я барина долженъ беречь, какъ зѣницу ока... Онъ человѣкъ нездоровый... Онъ теперь выпивши спать легъ... это у него силы нѣтъ; а коли теперь другой въ удовольствіи свое время препроводитъ, разгуливаетъ себя, то человѣкъ крѣпкій... Какъ его станешь будить, жалко! А дѣлать нечего: надо будить... Такая наша должность камердинская... Когда гости пріѣхали, сейчасъ барину доложить надо. (Осторожно подходитъ и начинаетъ слегка трогать и тормошить Дурнопечина). Николай Михайлычъ... Николай Михайлычъ!

Дурнопечинъ (взмахнувъ глазами). Что, кто?

Никита. Капорчи пріѣхали-съ: баринъ съ барышней.

Дурнопечинъ (вставая). Какъ съ барышней?

Никита. Съ барышней-съ. Васъ спрашиваютъ.

Дурнопечинъ. Ну, скажите, что это за безстыдство! Дѣ-

вушка идетъ къ холостому мужчинѣ. Что я теперь буду дѣлать! Да ты бы сказалъ, братецъ, что меня дома нѣтъ.

Никита. Какъ я могу сказать, коли они въ залу вошли. Коли бы теперь свой братъ пришелъ и коли приказанье есть, я своего брата по шеѣ могу гнать, а господамъ я ничего супротивъ говорить не смѣю!

Дурнопечинъ. Ну, ступай, зови, если ужъ ничего порядочнаго не умѣешь сдѣлать, пьяный дуралей!

Никита. Никакъ нѣтъ-съ. Что за пьяный!

Дурнопечинъ. Пошелъ ужъ, проси! (Никита идетъ, стараясь сохранить твердую походку).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ. Приму же я ихъ, дорогихъ гостей; слова не стану говорить, а если сами что начнутъ, такъ такъ ихъ отдѣлаю... тетка-то у меня подъ руками; она не выдастъ, да и Никитѣ велю у косяка стоять...

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Михайла Иванычъ съ Надеждой Ивановной; потомъ Никита.

Надежда Ивановна. Здравствуйте, Николай Михайлычъ! (Подаетъ Дурнопечину руку, которую тотъ, сконфузясь, беретъ).

Михайла Иванычъ. Честь имѣю вамъ представить мою сестрицу, изъ дворянъ дѣвицу. (Въ сторону) Фу, какъ сконфузились... Ахъ, старые черти!

Надежда Ивановна. Я хотѣла быть у вашей родственницы Настасьи Кирилловны, но она куда-то уѣхала. (Нѣжно) Впрочемъ, я желала и васъ видѣть.

Дурнопечинъ (холодно). Она уѣхала-съ.

Надежда Ивановна (немного сконфузившись). Можетъ-быть, она скоро пріѣдетъ. (Къ брату) Я ужъ и не знаю: не подождать ли ея намъ здѣсь, Мишель?

Михайла Иванычъ. Конечно, душа моя, надобно подождать, а то, какъ хочешь, неприлично: она сдѣлала тебѣ столько визитовъ, а ты еще ни разу не была у ней. Николай Михайлычъ, вѣроятно, не потяготится присутствіемъ дамы.

Дурнопечинъ (звонитъ, входитъ Никита). Куда ты, братецъ, все уходишь. Постой тамъ, за дверьми, а то спросишь, и никого нѣтъ.

Никита. Я и то все въ лакейской.

Дурнопечинъ. Тебѣ говорятъ не про лакейскую, а чтобы

ты стоялъ тутъ за дверьми. (Никита становится у косяка, стараясь сохранить прямую позу).

Михайла Иванычъ (къ Дурнопечину). Что это. Николай Михайлычъ, у васъ лицо какое пересовращенное, кутили, что ли, вы? Да вонъ тутъ и бутылки стоятъ. Пошалили, видно, этакъ, по-ефрейторски, въ одиночку.

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ... мнѣ все нездоровится. (Садится).

Надежда Ивановна (тоже садясь). Отчего это? Что такое съ вами? Помните, какіе вы прежде были веселые, живые.

Михайла Иванычъ. Онъ сердцемъ боленъ, внутри страдаетъ.

Дурнопечинъ (съ насмѣшкою). Нѣтъ-съ. Сердцемъ ужъ пускай страдаютъ другіе, а я не очень чувствителенъ.

Надежда Ивановна. Вы не чувствительны? И это вы говорите, что вы не чувствительны?

Дурнопечинъ. Да-съ, я говорю. Что жъ вамъ тутъ удивительнаго? Прежде, можетъ-быть, когда былъ молодъ и глупъ... но пора же и поумнѣть.

Надежда Ивановна. Стало-быть, вы совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечинъ. Да и помнить изъ него нечего, потому что все шалости и глупости.

Надежда Ивановна. Я не думала, чтобы для васъ въ прошедшемъ все были шалости и глупости. Для меня такъ напротивъ: я живу только прошедшимъ.

Дурнопечинъ. То вы, а то я.

Надежда Ивановна. Да, конечно: вы—мужчина и потому можете позволять себѣ все, а я—бѣдная женщина и могу жить только сердцемъ, и то въ прошедшемъ.

Михайла Иванычъ (взглянувъ въ окно). Николай Михайлычъ! Что это у васъ подъ окошкомъ? Садъ, что ли?

Дурнопечинъ. Сами видите!

Михайла Иванычъ. Могу я прогуляться?

Дурнопечинъ. Если хотите.

Надежда Ивановна. Но, можетъ-быть, Мишель, намъ пора домой.

Михайла Иванычъ. Но что жъ такое пора? Отчего жъ ты не хочешь подождать, что за нетерпѣніе! (Въ сторону) Они безъ меня лучше столкуются. (Къ нимъ) Я ухожу-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Михайлы Иваныча, который потомъ возвращается.

Надежда Ивановна. Итакъ, Николай Михайлычъ, вы говорите, что совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечинъ. Да почему же я долженъ непремѣнно помнить прошедшее? Не романы же мнѣ изъ него сочинять, не исторію про себя писать... Я, кажется, еще не великій человѣкъ.

Надежда Ивановна. Я говорю не про романы и не про исторію. Смѣяться въ этомъ случаѣ не надъ чѣмъ, да и не совсѣмъ благородно. Я васъ прошу сказать мнѣ, по вашей старой дружбѣ, откровенно: отчего вы забыли прошедшее? Тутъ ничего нѣтъ смѣшного.

Дурнопечинъ. Я и не смѣюсь, а говорю только, что время намъ открываетъ глаза.

Надежда Ивановна. Въ отношеніи кого же вамъ время открыло глаза?

Дурнопечинъ. Въ отношеніи всѣхъ и всего.

Надежда Ивановна. Въ отношеніи всѣхъ? И вы это сказали равнодушно? Стало-быть, и въ отношеніи меня, потому что и я тоже ваша старая знакомая?

Дурнопечинъ. Не знаю-съ.

Надежда Ивановна. Не знаете... какой любезный отвѣтъ... (Въ сторону) Нѣтъ, это невыносимо, онъ какъ будто бы ненавидитъ меня! (Обращаясь къ Дурнопечину съ большимъ чувствомъ) Nicolas! Неужели ты вовсе разлюбилъ свою Надю? Но если ты притворяешься, такъ зачѣмъ это, другъ мой? Для чего же ты мучишь себя и меня? Погляди на меня, какъ ты когда-то прежде смотрѣлъ. Неужели ты не понимаешь, что я пришла только видѣть тебя!

Дурнопечинъ. И напрасно это дѣлаете; это не совсѣмъ прилично.

Надежда Ивановна. Но я люблю тебя, другъ мой: я не могу жить безъ тебя!

Дурнопечинъ. Отчего же вы безъ другихъ можете жить?

Надежда Ивановна. Безъ кого безъ другихъ я могу жить?

Дурнопечинъ. Да безъ двадцати человѣкъ, въ которыхъ были влюблены.

Надежда Ивановна. Nicolas! Тебѣ, вѣрно, кто-нибудь оклеветалъ меня; но я невинна передъ тобой: я всегда тебя любила.

Дурнопечинъ (отворачивается въ сторону съ усмѣшкою). Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Надежда Ивановна. Nicolas! Не смѣйся надо мной; оскорбленная женщина ужасна въ гнѣвѣ, она способна на все.

Дурнопечинъ. Что жъ вы меня пугаете, что ли? Вашимъ братцемъ, вѣроятно, хотите устрашить? Напрасно безпокоитесь.

Надежда Ивановна. Ахъ, какъ вы ошибаетесь! Я первая заклинала брата не давать воли своему ужасному характеру, на колѣняхъ со слезами умоляла его пощадить васъ. Когда онъ узналъ, то проклялъ даже меня. (Закрываетъ глаза платкомъ).

Михайла Иванычъ. Фу, какая жара! Какая у васъ, батенька, тамъ хозяйка хорошенькая, прелесть! Сидитъ этакъ, каналья, да шерсть мотаетъ, а глаза такъ и бѣгаютъ.

Надежда Ивановна. Мишель, поѣдемъ домой.

Михайла Иванычъ. Что?.. Домой?.. Зачѣмъ домой? Отчего у тебя слезы на глазахъ; ты, вѣрно, плакала?

Надежда Ивановна. Такъ, ничего... Поѣдемъ! (Съ горькой усмѣшкой) Мы, кажется, здѣсь лишніе.

Михайла Иванычъ. Какъ лишніе? Я не полагаю, чтобы, послѣ давешняго разговора, мы могли быть лишніе.

Надежда Ивановна. Не знаю. По крайней мѣрѣ, Николай Михайлычъ мнѣ прямо сказалъ, что я была влюблена въ двадцать человѣкъ, что надъ прошедшимъ онъ смѣется, и что будто бы я тебя нарочно посылала къ нему.

Михайла Иванычъ (къ Дурнопечину). Вы это сказали?

Дурнопечинъ. Сказалъ-съ. Что жъ вамъ угодно отъ меня?

Михайла Иванычъ. Какъ что угодно! Позвольте вамъ сказать, что мнѣ даже странно слышать съ вашей стороны этотъ вопросъ: что мнѣ угодно?

Надежда Ивановна. Перестань, братъ, оставь; теперь ужъ все кончено.

Михайла Иванычъ. Какъ кончено? Для меня, душа моя, не можетъ быть кончено! Не могу же я подобныя выходки сносить равнодушно. Ты сама знаешь, что мнѣ еще никто не наступалъ на ногу, кто хоть немного берегъ свою голову.

Дурнопечинъ. До головы моей вамъ далеко, а если вы думаете, какъ простой мужикъ, драться, такъ для этого у меня лакей есть. Вонъ онъ стоитъ! (Никита нѣсколько выходитъ впередъ).

Михайла Иванычъ (засучивая рукава). Хо-хо-хо, милостивый государь, какъ вы прытки стали!.. Пьяны, что ли, вы? Нечего за стулъ-то браться.

Надежда Ивановна (къ брату). Братъ, смири себя, Бога ради, смири.

Михайла Иванычъ. Что жъ, душа моя, я готовъ для тебя сдѣлать все, но тебѣ извѣстенъ мой огненный характеръ; здѣсь оскорбляютъ честь твою, говорятъ, что я мужикъ, и наконецъ призываютъ лакея въ защиту себѣ. Подобныя вещи могутъ дѣлать только такіе подлецы, какъ этотъ господинъ.

Дурнопечинъ. Подлецы вы, а не я. Когда начали такъ поступать, такъ убирайтесь вонъ!

Михайла Иванычъ (вскрикиваетъ). Молчать! (Дурнопечинъ поднимаетъ стулъ, Никита къ нему приближается).

Надежда Ивановна (упадая на стулъ). Ахъ, дурно!

Михайла Иванычъ (поднимая кулакъ и отступая назадъ). Твоя башка остается на плечахъ только по милости этой слабой женщины. (Къ сестрѣ) Ну, полно... перестань... что за ребячество... я не буду горячиться. На человѣка, которому говорятъ въ глаза, что онъ подлецъ, на этакого человѣка не стоитъ сердиться, а надо плевать. Я бы вамъ сейчасъ же размозжилъ голову пулей, но, къ счастью вашему, вы свинцовой не стоите, а я влѣпилъ деревянную. Ну, полно, Надя, нечего тутъ дурачиться: вставай, ты видишь, я спокоенъ.

Надежда Ивановна (приподнимается). Да... Онъ... Я едва не умерла. Прощайте, Николай Михайлычъ; въ душѣ моей къ вамъ осталось одно только презрѣніе. Ненавидѣть васъ я не могу, но вы не порадуетесь моей погибели: я буду доброй и хорошей женой, но только не вашей. На раскаяніе съ вашей стороны не надѣйтесь: я васъ не прощу. Пойдемъ, братъ, Бога ради, успокой себя, ты видишь: я больше твоего теряю, но я спокойна.

Михайла Иванычъ. И я ничего... кажется, ужъ, изъ сожалѣнія къ тебѣ, ничего не рѣшаюсь предпринять. Поступайте, какъ хотите, если такъ влюблены. Я, по крайней мѣрѣ, не принимаю ничего на свой счетъ и ухожу. (Уходитъ).

Надежда Ивановна (уходя, къ Дурнопечину). Вы погубили женщину; это останется на вашей совѣсти, и вы будете наказаны. (Уходитъ съ достоинствомъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Ну да, проваливайте. Тронуть, небось, не смѣлъ. (Къ Никитѣ) Каковъ народецъ, а?

Никита. Да-съ, нечего сказать, и на господъ-то не похожи. Только бы онъ тронулъ васъ, я бы ему задалъ феферу.

Дурнопечинъ. Ты бы его больно приколотилъ?

Никита. Не далъ бы спуску. Мы попросту, по-мужицки: бей по шеѣ, пятенъ не видать.

Дурнопечинъ. Ты бы, знаешь, его съ ногъ сшибъ, а я бы его стуломъ.

Никита. Какъ бы пришлось: озорникъ этакій!

Дурнопечинъ. Теперь, пожалуйста, братецъ, никогда ихъ

не пускай ко мнѣ; какъ придутъ, такъ и гони безъ всякой церемоніи. Не бойся, ничего не будетъ. Поступай смѣлѣе.

Никита. Я-то, сударь, ничего, вы-то ужъ очень сумнительны. Вонъ не то что какай-нибудь важность, а только бумаги пропали, такъ и тутъ какъ вы себя обезпокоили...

Дурнопечинъ. На меня это, Никита, временемъ находитъ. Сегодня видѣлъ, какая штурма была; какъ бы, кажется не испугаться, а ничего, рѣшительно ничего...

Никита. Струхнули маненько.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ.

Никита. Было, Николай Михайлычъ, право, было, въ лицѣ немного перемѣнились.

Дурнопечинъ. Клянусь тебѣ честью, ничего не испугался; только дѣло въ томъ, что исторія эта еще не кончилась; красавица эта опять поддуетъ своего мѣднолобаго братца; а ему, я думаю, того только и надобно: онъ хоть на стѣну полѣзетъ.

Никита. Да что онъ можетъ сдѣлать? Коли отъ васъ приказанье есть, я его въ подворотню поглядѣть не пущу, что-что онъ баринъ.

Дурнопечинъ. Пожалуй, не пускай, такъ онъ по ночамъ подъ окошками станетъ бродить да камнемъ и съѣздитъ въ голову. Господи Боже мой! Что это за жизнь человѣческая! Страданья да мученья и больше ничего! (Садится).

Никита. Ну, опять ужъ начали.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Сергѣй.

Сергѣй (входя). Тетенька заѣхали за вами; кататься просятъ.

Дурнопечинъ. Кого? Куда просять?

Сергѣй. Тетенька зоветъ за городъ ѣхать; всѣ господа туда ѣдутъ-съ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, я не поѣду.

Сергѣй. Такъ и доложить прикажете?

Дурнопечинъ. Такъ и доложи. Скажи, что я заболѣлъ, приказалъ-де теперь извиниться, а завтра повидаюсь.

Сергѣй. Слушаю-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Идетъ же людямъ въ голову удовольствіе и веселье! Соображаютъ ли они, что на каждомъ шагу съ че-

ловѣкомъ можетъ случиться такое несчастье, отъ котораго и ноги протянешь? По-моему, такъ и на умъ не придетъ никакое удовольствіе, все бы сидѣлъ одинъ да грустилъ; хоть бы проплакаться—сегодня и плакать-то не могу.

Никита. О чемъ вамъ плакать-то? Выпили бы водочки, сейчасъ бы раскуражило.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Соломонида Платоновна.

Соломонида Платоновна (въ шляпѣ, салопѣ и съ зонтикомъ). Отчего это ты не ѣдешь кататься?

Дурнопечинъ (приподнимаясь и дѣлая кислую мину). Боленъ, тетушка, расхворался вдругъ.

Соломонида Платоновна. Чѣмъ же ты расхворался вдругъ? Если голова отъ вина болитъ, такъ невелика еще важность, лучше разгуляешься.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, сдѣлайте милость, избавьте меня, поѣзжайте однѣ, я весь боленъ.

Соломонида Платоновна (къ Никитѣ). Что такое съ нимъ случилось?

Никита. Прихворнулъ, должно-быть.

Соломонида Платоновна. Ну, такъ посылай за докторомъ, если боленъ.

Дурнопечинъ. Ой, нѣтъ, не надобно, я не хочу доктора, я ужъ года два у нихъ не лѣчусь: такъ пройдетъ. Это не отъ болѣзни,—все непріятности и опасности. Поѣзжайте, матушка тетушка, я очень несносенъ, какъ расхандрюсь.

Соломонида Платоновна (снимая шляпу и садясь). Ты лжешь, что боленъ; тебя опять что-нибудь разстроило. (Къ Никитѣ) Не былъ ли у него кто-нибудь?

Никита. Были господа.

Соломонида Платоновна. Какіе господа?

Никита. Знакомые ихніе.

Дурнопечинъ (Никитѣ). Да что ты секретничаешь, не скрывай, разскажи, какая была штурма.

Соломонида Платоновна. Да что такое у васъ? (Къ Никитѣ) Что же ты, болванъ, не говоришь! Я такихъ подзатыльниковъ надаю, что развяжу языкъ...

Никита. Канорчи приходили, баринъ съ барышней.

Соломонида Платоновна. Ну?

Никита. Приходили, сидѣли съ барономъ.

Соломонида Платоновна. Зачѣмъ же вы ихъ пустили? Отчего ты ихъ не прогналъ?

Никита. Баринъ сами ихъ прогнали.

Соломонида Платоновна. Ну и прекрасно: что жъ изъ этого?

Никита. Ничего-съ; баринъ-то тотъ ужъ очень горячился: приколотить нашего барина хотѣлъ.

Соломонида Платоновна (къ Дурнопечину). Какъ приколотить, что такое?

Дурнопечинъ. Да вы знаете, тетушка, все старая исторія... Пришла вдругъ ни съ того ни съ сего и почти прямо говоритъ, чтобы я женился на ней. Я, конечно, ее срѣзалъ, такъ братецъ кинулся на меня. Теперь, я думаю, они Богъ знаетъ на что рѣшатся... Мнѣ непремѣнно надобно куда-нибудь уѣхать, а то и головы не сносить.

Соломонида Платоновна. Вотъ что! Ахъ, какіе страсти да ужасы! Отчего же ты думаешь, что головы-то не сносить?— вотъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Дурнопечинъ. Не знаю, отчего вы не понимаете, а понять очень легко. Она ужъ, конечно, будетъ мстить: прямо мнѣ сказала, что оскорбленная женщина способна на все рѣшиться...

Соломонида Платоновна. Ну да: ужъ это она сказала, такъ, конечно, опасно. Какъ ты еще по сю пору живъ, вотъ чему я удивляюсь. Впрочемъ, мнѣ на мысль приходитъ, что врядъ ли она будетъ тебѣ мстить, потому что ужъ утѣшилась... Ахъ, вы, дурачье, дурачье! Всѣ-то вы, какъ я посмотрю, дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ.

Дурнопечинъ. Вамъ, тетушка, хорошо смѣяться. Знаемъ мы, что чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

Соломонида Платоновна. Не смѣшно мнѣ, другъ мой, тебя видѣть, а грустно и больно, потому что я тебя сердечно люблю за твою простоту и доброту, а все-таки должна сказать, что ты изъ ума выжилъ. (Никитѣ) Поди, позови сюда эту дуру Кирилловну, она тутъ рядомъ у попадьи сидитъ. (Никита уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Соломонида Платоновна, Дурнопечинъ; потомъ Настасья Кирилловна.

Соломонида Платоновна. Я тебя сейчасъ успокою насчетъ твоей мстительницы. Этакого молодого человѣка—труса и простофили, шестидесятый годъ живу на свѣтѣ, а не видывала.

Дурнопечинъ. Я ничего и не говорю про себя. Я и самъ сознаюсь, какой я человѣкъ.

Настасья Кирилловна. Что угодно, бабушка?

Соломонида Платоновна. Поди сюда.

Настасья Кирилловна. Сейчасъ. У дяденьки-то позвольте попросить извиненія. Батюшка, положили ли вы гнѣвъ на милость насчетъ моего дурака-то? (Цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо).

Дурнопечинъ. Ничего: я вовсе и сердитъ не былъ.

Соломонида Платоновна. Перестань ханжить! Разсказывай, что ты мнѣ давеча говорила.

Настасья Кирилловна. Насчетъ Ванечки, бабушка?

Соломонида Платоновна. Ну да. Разсказывай вотъ ему.

Настасья Кирилловна. Да я вѣдь ужъ не знаю-съ, не говорилъ ли имъ Ванечка. Женится, батюшка... на Надеждѣ Ивановнѣ Канорычъ женится. Вы, кажется, изволите ее знать?

Дурнопечинъ (выпучивъ глаза). Что это ты за пустяки говоришь... на Надеждѣ Ивановнѣ? Придутъ же людямъ въ голову этакія глупости.

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, ей-Богу, дядюшка, какъ это возможно-съ: смѣла ли бы я передъ вами и передъ бабушкой лгать. Слово ужъ дано.

Соломонида Платоновна. Что гримасу скорчилъ? Вотъ видишь ли, какъ она тебѣ отомстила.

Дурнопечинъ. Этого быть не можетъ! Она сейчасъ была здѣсь. Когда же она успѣла дать вамъ слово?

Настасья Кирилловна. Еще вѣдь, дядюшка, давеча утромъ насчетъ этого переговоры были: ну, да онѣ сказали, что порѣшиться не могутъ: «надежды, говоритъ, мы не снимаемъ, а повремените». А вотъ теперь, какъ бабушка приказала мнѣ изъ города ѣхать, такъ я и осмѣлилась прійти къ нимъ просить прощенія за давешнюю непріятность, тутъ у нихъ и получила записку. Пишетъ, что совершенно согласна: «брату, говоритъ, сказала, и онъ не отсовѣтываетъ». Не знаю, что будетъ изъ этого: главное, на свадьбу-то ничего не имѣю. Просила-было у протопопицы ста рублей: «нѣтъ, говоритъ, теперича, всѣ на постройки издержала»,—заборы они нынче новые дѣлаютъ-съ.

Соломонида Платоновна. Что, батюшка, успокоился ли? Въ отцы посаженые еще тебя позовутъ. Ты только не ѣзди, а то отравятъ, или этакъ, какъ въ романахъ, въ подземелья какія-нибудь спустятъ.

Дурнопечинъ. Я ужъ ничего не понимаю; впрочемъ, очень радъ, если такъ кончается. Для меня, конечно, ничего не можетъ быть лучше.

Соломонида Платоновна. Слава Богу, обрадовался. Ты, впрочемъ, Настасья Кирилловна, за будущей-то невѣсткой изволь-ка присматривать, а то вѣдь она не подъ лѣта влюбчива.

Настасья Кирилловна. Не мое ужъ, бабушка, будетъ дѣло, а мужнино: гдѣ мнѣ, слѣпой старухѣ, усмотрѣть.

Соломонида Платоновна. Дядюшки-то опасайся, онъ самъ имѣлъ на нее виды.

Дурнопечинъ. Что это, тетушка, какіе вы пустяки говорите.

Настасья Кирилловна. Ой, бабушка-матушка, все изволите шутить. Займется ли дядюшка этакими дѣлами. (Входитъ Сергѣй).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Сергѣй.

Сергѣй. Почту принесли.

Соломонида Платоновна (вставая). Сейчасъ приду. (Къ Дурнопечину) Приготовляйся кататься: несчастья ужъ всѣ кончились. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ (къ Настасьѣ Кирилловнѣ). Неужели ты, Настасья Кирилловна, говорила правду?

Настасья Кирилловна. Батюшка, какъ же не правду, отчего же вы изволите сомнѣваться? Спросите хоть у Ванечки-съ.

Дурнопечинъ (подумавъ). А гдѣ бы мнѣ Ванечку-то повидать? Гдѣ онъ теперь?

Настасья Кирилловна. У воротъ стоитъ, дожидается меня. Онъ все о деньгахъ теперь безпокоится. Сюда-то я не посмѣла его привести: бабушки побоялась. Батюшка дядюшка, отецъ мой, не поддержите ли насъ въ этакомъ случаѣ: не сыграете ли свадьбу на свой счетъ, вы ужъ и обѣщали?

Дурнопечинъ. Хорошо, я помогу: только ты позови ко мнѣ Ванечку, я съ нимъ поговорю.

Настасья Кирилловна. Бабушка-то чтобы не разгнѣвалась: меня давеча изволили просить, а о немъ и говорить не приказала. Вѣдь онъ глупъ, пожалуй, и теперь что-нибудь скажетъ.

Дурнопечинъ. Что такое бабушка, не начальница же она надъ всѣми. Позови его съ задняго крыльца: я ему подарю что-нибудь.

Настасья Кирилловна. Батюшка мой, голубчикъ, Богъ васъ наградитъ за милосердіе. Въ руки-то ему, отецъ мой, впрочемъ, не давайте; молодъ еще очень: пожалуй, издержитъ на пустяки.

Дурнопечинъ. Хорошо. Поди позови. (Настасья Кирилловна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ (одинъ). Замужъ идетъ за Ванечку. Кѣмъ утѣшилась! Не вранье ли, впрочемъ, это, не клевещутъ ли на нее? Разспрошу этого дуралея; онъ, по глупости, все разскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Дурнопечинъ, Настасья Кирилловна и Ванечка.

Настасья Кирилловна. Ванечка пришелъ, дядюшка; а я пойду да постерегу бабушку, чтобы она вдругъ не вошла и не увидѣла бы его...

Ванечка. Да что вы, маменька, бойтесь ужъ очень! Что она мнѣ сдѣлаетъ? Теперь не поддамся.

Настасья Кирилловна. Тише говори, горлопанъ этакій! Мало тебѣ давеча было?

Дурнопечинъ. Въ самомъ дѣлѣ, говори, братецъ, потише; поди сюда, сядь около меня, подвинься поближе. (Ванечка садится и подвигается).

Настасья Кирилловна (уходя). Такъ я пойду-съ.

Дурнопечинъ. Ступай.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, кромѣ Настасьи Кирилловны.

Дурнопечинъ. Ну, такъ какъ же, ты женишься, а?

Ванечка. Да-съ.

Дурнопечинъ. Влюбленъ ты въ невѣсту свою?

Ванечка. Влюбленъ-съ! Она хорошенькая, этакая модница, ученая-съ; не то что вонъ около насъ есть барышни-сосѣдки, тѣ дуры: изъ себя толстыя, неуклюжія, и говорить-то ничего не умѣютъ: все гнусятъ въ носъ.

Дурнопечинъ. Ну, а Надежда Ивановна въ тебя тоже влюблена?

Ванечка. Я не знаю-съ. Надо полагать, что влюблена.

Дурнопечинъ. Да вѣдь ты объяснялся съ ней? Когда, то-есть давно ли ты объяснялся съ ней?

Ванечка. Да что вы ужъ очень любопытны: вамъ все разсказывай; вы, пожалуй, послѣ смѣяться станете.

Дурнопечинъ. Ну вотъ еще что пришло въ голову. Надъ чѣмъ же я стану смѣяться? Я не Богъ знаетъ что тебя спрашиваю: когда ты въ любви съ ней объяснился?

Ванечка. Когда? Весной нынче, у дяденьки Никанора Семеныча на праздникѣ.

Дурнопечинъ. Ну!..

Ванечка. Мы въ гумнѣ въ горѣлки играли; она мнѣ все руку жала.

Дурнопечинъ. Руку жала?

Ванечка. Да-съ. Я и забѣжалъ въ сарай съ соломой-съ, а она за мной-съ, ловила да и толкнула меня на солому-съ, а я всталъ да ее толкнулъ, а она, будто сама встать-то не сможетъ, и схватила меня за шею, тутъ мы и поцѣловались.

Дурнопечинъ. Неужели поцѣловались?

Ванечка. Право, поцѣловались: она добрая-съ.

Дурнопечинъ. Что же послѣ?

Ванечка. Ничего. Послѣ вечеромъ все потихоньку разговаривали; она меня все стихи учила-съ. теперь ужъ забылъ какіе, а на другой день записочку мнѣ написала, чтобы я къ нимъ пріѣзжалъ. Да вы перескажете кому-нибудь, дѣдушка? Вѣдь нехорошо: пожалуй, разсердится.

Дурнопечинъ. Не бойся. что мнѣ за дѣло разсказывать.

Ванечка. То-то-съ... Я вотъ, дѣдушка, хочу у васъ попросить денежекъ: вы вѣдь ужъ обѣщались. Платья-то у меня хорошаго нѣтъ, и вѣнчаться-то не въ чемъ. Вы сдѣлайте милость, одолжите. Вонъ маменька все по попадьямъ бѣгаетъ да проситъ, что у нихъ взять—ништъ.

Дурнопечинъ. Хорошо, если ужъ я обѣщался, такъ помогу; только ты вотъ разскажи мнѣ поаккуратнѣе.

Ванечка. Да я и то разсказываю, что знаю.

Дурнопечинъ. Конечно. Вотъ что ты мнѣ скажи: сегодня невѣста, когда слово тебѣ дала. была весела и счастлива?

Ванечка. Весела-съ. О чемъ ей плакать? Замужъ-то ей ужъ давно хочется.

Дурнопечинъ. Что же, она шутитъ съ тобой?

Ванечка. Шутитъ. Я, впрочемъ, у нихъ недолго былъ-съ. Мнѣ теперь деньги безпремѣнно нужны: конфеть бы теперь надобно купить, а не на что: въ долгъ ужъ у купцовъ хотѣлъ попросить, да они на это такой народъ: на копейку въ долгъ не повѣрятъ. Пожалуйте-съ мнѣ, дѣдушка, теперь: вамъ все равно.

Дурнопечинъ. Хорошо. Скажи мнѣ еще, что Михайла Иванычъ говоритъ? Веселъ онъ тоже?

Ванечка. Веселъ-съ. Сидитъ да трубку куритъ. Шаферомъ у меня будетъ.

Дурнопечинъ. Если ты мнѣ еще скажешь одну штучку, я тебѣ сейчасъ же дамъ денегъ; только смотри, не ври.

Ванечка. Хорошо-съ.

Дурнопечинъ. Скажи ты мнѣ, что они про меня говорили?

Ванечка. Что про васъ говорили-съ? Я вамъ скажу всю правду: смѣялись надъ вами. Я сказалъ про васъ, а Надежда Ивановна мнѣ и говоритъ: «дѣдушка вашъ разслабленный, ему бы, говоритъ, калѣкой ходить да сбирать».

Дурнопечинъ. Ну, а Михайла Иванычъ что?

Ванечка. А онъ говоритъ: «напередъ, говоритъ, ему ноги и руки надо выломать да уродомъ и возить въ телѣжкѣ».

Дурнопечинъ. Что же, это онъ съ сердцемъ сказалъ?

Ванечка. Нѣтъ; такъ смѣялся. Одолжите, дѣдушка, что обѣщали: я вамъ все сказалъ; мнѣ пора.

Дурнопечинъ (вынимая красненькую и давая). Ну, на покуда десять цѣлковыхъ: нравься невѣстѣ; смотри, не упускай: эта партія для тебя выгодная.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Бабушка, я думаю, сейчасъ придетъ-съ. Ступай, Ванечка. Освободите его, отецъ мой!

Ванечка. Уйду. Что вы тутъ хлопочете? Прощайте, дѣдушка. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Насчетъ просьбы моей, дѣдушка, всю надежду теперь на васъ полагаю.

Дурнопечинъ. Хорошо. Завтра объ этомъ поговоримъ. (Настасья Кирилловна, поцѣловавъ Дурнопечина въ плечо, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Дурнопечинъ (одинъ). Это чудесно, если все такъ устроилось: теперь можно быть спокойнымъ... Однако какіе это Каноричи хитрые и безчувственные люди: шутятъ и смѣются, а давеча что изъ себя представляли. Достались же мнѣ эти три денька, нечего сказать. Вотъ какъ теперь ничего нѣтъ, такъ не выдумаешь... Никита! (Никита входитъ)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Дурнопечинъ и Никита; потомъ Соломонида Платоновна.

Дурнопечинъ. Давай мнѣ, братецъ, другой галстукъ, приготовь мнѣ сверху новое на байкѣ пальто; станемъ мы фран-

тить сегодня: завтра поѣдемъ мы съ тобой къ теткѣ въ деревню, тамъ я женюсь на хорошенькой; ты тоже женишься на какой-нибудь горничной Павлушѣ или Маврушѣ.

Никита. А что, это хорошо-съ: не вѣкъ холостымъ шататься.

Дурнопечинъ (ходя веселыми шагами и потирая руки). Непремѣнно женишься и будешь жить, веселиться и пѣть. Помнишь, какъ прежде бывало, этакъ въ пріятельской пирушкѣ, немножко тово... (Щелкаетъ себя по галстуку). Да, и запоемъ хоромъ. (Становится передъ Никитой, бьетъ тактъ рукой, запѣваетъ сначала тихонько, потомъ громче и громче)

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
Большая серебряная кружка.

(Притопываетъ ногой).

И намъ въ тебя
Давно пора
Налить пивца
И пѣть: ура, ура, ура!!!

(Никита тоже подпѣваетъ).

Дурнопечинъ. Тамъ опять куплетъ, не помню ужъ словъ; а тутъ опять припѣвъ:

И намъ въ тебя
Давно пора
Налить пивца
И пѣть: ура, ура, ура!!!

(Соломонида Платоновна, вошедшая къ половинѣ аріи, захлопала).

Соломонида Платоновна. Славно! Мастеръ! Какой пѣвецъ выискался.

Дурнопечинъ. Ой, тетушка, подслушали вы меня. Я, слава Богу, успокоился. Въ прежніе годы я весельчакъ бывалъ-съ. Бывало, по пѣлымъ ночамъ танцовалъ.

Соломонида Платоновна. Что ужъ про тебя и говорить. Собирайся!

Дурнопечинъ (оправляясь передъ зеркаломъ, поетъ на тотъ же голосъ).

Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ,
Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ.

Соломонида Платоновна. Ну, поскорѣе. Прокатимся, да мнѣ письмо писать надобно къ сестрѣ въ Саратовъ, чтобъ почаще увѣдомляла о себѣ: холера, пишутъ въ газетахъ, тамъ начинается.

Дурнопечинъ (вдругъ поблѣднѣвъ). Какъ холера?

Соломонида Платоновна. Какъ холера? Обыкновенно какъ...

Дурнопечинъ (совершенно растерявшись). Вотъ тебѣ еще новость,—я не поѣду, тетушка.

Соломонида Платоновна. Это отчего не поѣдешь?

Дурнопечинъ. Да какъ же-съ, холера!

Соломонида Платоновна. Ахъ, ты, полоумный человѣкъ: за 500 верстъ холера, а онъ не поѣдетъ; а хоть бы и здѣсь была, что жъ, ты все и будешь сидѣть закупорившись: спрячется отъ нея? (Строго, вставая передъ Дурнопечинымъ) Что вы, Николай Михайлычъ, шутите, что ли, надо мной, или ужъ совсѣмъ съ ума сошли? Сейчасъ козломъ прыгалъ, а тутъ вдругъ... Сію минуту одѣвайся и ѣдемъ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, не могу, извините меня: можетъ-быть, дѣйствительно я странный и капризный человѣкъ; но рѣшительно не могу: у меня все вдругъ заболѣло, я ужъ и сидѣть не въ состояніи; позвольте мнѣ прилечь. (Ложится на диванъ).

Соломонида Платоновна (вышедшая изъ себя и всплеснувъ руками). Батюшки мои, что это за человѣкъ! Тьфу!.. (Пошла и оборачиваясь) Этакой дряни... Этакого мозгляка... Тьфу!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Дурнопечинъ и Никита.

Никита (къ зрителямъ). Вотъ тебѣ и невѣста и катанье!

Дурнопечинъ. Нѣтъ мнѣ, видно, радостей, нѣтъ для меня счастья... Все было хорошо, только ненадолго. Грустнѣй всего, что никто въ мірѣ мнѣ не вѣритъ, никто даже и не пожалѣетъ меня... А я, право, боленъ, ужасно боленъ. Вотъ теперь ослабъ совершенно... А испарина, испарина-то какая!.. (Никита только машетъ рукой).

Занавѣсъ падаетъ.

РАЗДѢЛЪ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Прокофьичъ Манохинъ.
Кириллъ Семенычъ Манохинъ, двоюродный братъ его.
Анна Ефремовна Бурыленко, урожденная Манохина, двоюродная сестра ихъ.
Сергѣй Васильичъ Захаровъ, двоюродный племянникъ ихъ.
Эмилія Петровна Синицына, двоюродная племянница ихъ.
Катенька, воспитанница Анны Ефремовны.
Павелъ Михайлычъ Богдановъ, воспитанникъ покойнаго Михаила Евграфыча Манохина.

Матвѣевна, старая горничная, дѣвица
Ѳаддей Сидоровъ, староста
Григорій Васильевъ, старый лакей
Двое лакеевъ съ женами
Степанъ, слуга Ивана Прокофьича

} люди покойнаго Михаила Евграфыча Манохина.

Дѣйствіе происходитъ въ Починкѣ, усадьбѣ Михаила Евграфыча Манохина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную.

ЯВЛЕНІЕ I.

На авансценѣ, по правую сторону, у окна, сидитъ Катенька; около нея, развалясь въ креслахъ, съ лорнеткой въ глазу, Сергѣй Васильичъ; рядомъ съ нимъ — Эмилія Петровна; у стола на диванѣ Анна Ефремовна; къ лѣвой сторонѣ—Кириллъ Семенычъ, и невдалекѣ отъ него, за столомъ, уложеннымъ бумагами, Иванъ Прокофьичъ: въ глубинѣ сцены стоятъ: старая горничная дѣвица Матвѣевна, бурмистръ Ѳаддей Сидоровъ, старый дворецкій Григорій Васильевъ, два лакея съ женами.

Анна Ефремовна (полуобращаясь къ людямъ). Я и прежде говорила и теперь повторяю, что мнѣ ничего особеннаго не надобно: не поставь себѣ твердымъ правиломъ исполнять обя-

занность христіанки и родственницы во всѣхъ случаяхъ моей жизни, я бы не имѣла даже силы пріѣхать сюда... Вы всѣ знаете, какъ любилъ меня покойникъ; кто былъ его тайный и секретный другъ, кто былъ совѣтникъ ему во всемъ, какъ не я? Я ничего противъ прочихъ не желаю; куда мнѣ! — день мой — вѣкъ мой! (Обращаясь къ Катенькѣ, вполголоса) Catiche, arrange toi, vois donc comme ton collet est chiffonné.

Катенька. Je suis toute fatiguée du voyage, chère maman.

Анна Ефремовна. Tu dis des folies.

Сергѣй Васильичъ (теткѣ). И мы, ma tante, тоже ничего особеннаго не желаемъ: я проживаю тысячу цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, такъ для меня, право, всякаго рода наслѣдство капля въ морѣ.

Кириллъ Семенычъ. Можно ли, при этакой горести, особеннаго желать! Вотъ хоть бы я: думалъ ли прошлой весной, что черезъ годъ пріѣду къ дядюшкѣ, а его ужъ и въ живыхъ не будетъ! (Утираетъ глаза платкомъ).

Эмилія Петровна. Я ближе всѣхъ къ покойному дѣдушкѣ жила и въ прежнее время довольно часто у него бывала; но когда онъ сдѣлался серьезно боленъ, то рѣшительно отказалась, чтобы не навлечь на себя никакого подозрѣнія, и даже теперь пріѣхала потому, что этого требовалъ отъ меня мой мужъ: онъ самъ имѣетъ свое состояніе и хочетъ, чтобъ я его имѣла. Я, какъ жена, хочу исполнить его желаніе: на что онъ будетъ согласенъ, на то и я; а что онъ не корыстенъ и добръ, такъ это всѣ посторонніе знаютъ.

Иванъ Прокофьичъ. Объ этомъ-съ послѣ надобно говорить, а лучше о деньгахъ спросить: кто барскія деньги укралъ?

Анна Ефремовна. Я, мой родной, начала этотъ разговоръ къ тому, чтобы внушить имъ (указывая на людей), что мы, родные, непохожи на другихъ: наше родство служило и будетъ служить примѣромъ согласія.

Кириллъ Семенычъ. Именно, наше родство можетъ служить примѣромъ; я сегодня поутру то же самое говорилъ.

Анна Ефремовна (къ людямъ). Вы, мои голубчики, должны прежде всего думать, что правда яснѣе солнца, а ложь не поможетъ: мы будемъ всѣ дѣйствовать единодушно. Вотъ, напримѣръ, Матвѣевнѣ: какъ ей не сказать правды о деньгахъ, о которыхъ братецъ Иванъ Прокофьичъ спрашиваетъ. Къ покойному дядѣ она была всегда близка. Мы всегда ее разумѣли за женщину честную. Она первая должна открыть всю истину.

Кириллъ Семенычъ. Она и откроетъ, — въ этомъ и сомнѣваться нечего.

Матвѣевна (выступая и прикладывая руку къ сердцу). Всенижайшая мать-государыня Анна Ефремовна! Мы, еще при жизни покойнаго барина нашего, всегда къ стопамъ вашимъ припадали, а не то, что намъ, при этакомъ случаѣ, говорить какія-нибудь лживыя рѣчи. Меня, съ позволенія сказать, и безъ того вся дворня поѣдомъ ѣстъ, а я по сей день—ослѣпнуть на этомъ мѣстѣ — ни въ чемъ неповинна. Сама, передъ вашими особами, признаюсь: чайку люблю выпить, а больше ничего... Мнѣ самъ покойникъ-баринъ говаривалъ: «Пей, говоритъ, ты, Матвѣевна, сколько хочешь чаю, только не бранись», а я этого не могла, такъ повела себя съ малолѣтства: какая ни на есть правда, передъ господами не скрою.

Анна Ефремовна. Это, моя милушка, очень похвально съ твоей стороны, и потому говори все: мы тебя не выдадимъ.

Кириллъ Семенычъ. Такъ неужели же, сестрица, она думаетъ, что мы ее выдадимъ? Этого быть не можетъ.

Матвѣевна. Что̀ мнѣ думать, Кириллъ Семенычъ! Думать я не могу, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами готова открыть свою душу.

Сергѣй Васильичъ. Тебя, старушка, не о душѣ спрашиваютъ: знать твою душу намъ рѣшительно неинтересно, а ты скажи, гдѣ деньги. (Къ Катенькѣ, подавая ей папиросу) Voulez-vous fumer, mademoiselle?

Катенька. Merci, я не курю.

Сергѣй Васильичъ. Вы такъ сегодня печальны.

Катенька. Я всегда такая.

Эмилія Петровна. Отчего вы, cousin, мнѣ не предложите?

Сергѣй Васильичъ. Вы не курите.

Эмилія Петровна. Но я хотѣла бы учиться у васъ.

Сергѣй Васильичъ (подавая ей папиросу). Prenez!

Эмилія Петровна. Merci! Теперь ужъ я не хочу.

Анна Ефремовна. Говори же, милая Матвѣевна, мы ждемъ тебя.

Матвѣевна. Что̀ мнѣ, Анна Ефремовна, говорить? Говорить мнѣ больше не приходится.

Иванъ Прокофьичъ. Послѣ брата остались деньги-съ, а теперь ихъ нѣтъ налицо; такъ вы должны-съ сказать, гдѣ эти деньги.

Матвѣевна. Батюшка Иванъ Прокофьичъ, господинъ вы умный и разсудительный: экое слово вы отъ меня спросили! Моему ли глупому разуму отвѣчать на это!

Анна Ефремовна. Вотъ ужъ это, Матвѣевна, мнѣ очень непріятно слышать: отвѣчать у тебя хватитъ ума на все, но ты не хочешь; а мы на тебя надѣялись.

Матвѣевна. Ничего, матушка Анна Ефремовна, по теперешнему случаю не знаю; хоть озолотите меня, теперь ничего не могу сказать.

Кириллъ Семенычъ. Грѣхъ и стыдно тебѣ, Матвѣевна, такъ говорить. Кабы я не самъ былъ при этомъ, такъ не повѣрилъ бы.

Сергѣй Васильичъ (указывая на Григорья Васильева). Можетъ-быть, этотъ старикъ лучше скажетъ.

Анна Ефремовна. Неужели и ты, Григорій Васильевъ, возьмешь грѣхъ на свою душу?

Григорій. А я вотъ, матушка, тоже ничего не знаю: глухой да слѣпой, что мнѣ сказать!.. Какое у меня было на рукахъ барское бѣлье и платье, все цѣло; а больше что же! Хоть обыщите, у меня больше ничего нѣтъ. Подсвѣчники да ножи были у Петрушки, столовое бѣлье съ посудой у Ивана, а другое прочее я и не знаю у кого. Послѣдній годъ глаза меня больно одолѣли; вотъ хоть бы васъ: голосокъ-то еще кое-какъ слышу, а въ личико не разсмотрю. Не думалъ я пережить покойнаго барина... Что дѣлать! Не своя воля, а Божія.

Иванъ Прокофьичъ. Отъ этихъ-съ много не узнаешь. (Къ старостѣ) Вы-съ что же-съ?

Ѳаддей Сидоровъ. Я къ этому дѣлу, Иванъ Прокофьичъ, непричастенъ ничѣмъ: наша вотчина не то, чтобы была дальная. Дѣло извѣстное: соберешь оброки, принесешь барину, и конецъ! Вамъ, по этому случаю, лучше Павла Михайлыча спросить: они завсегда всѣ счеты повѣряли у покойника; а мое дѣло мужицкое: я ничего не знаю.

Анна Ефремовна. Ты, Ѳаддеюшка, сослался на вашего Павла Михайлыча очень некстати. При всей моей кротости, я видѣть не могла равнодушно этого человѣка: онъ божеское наказаніе въ нашемъ семействѣ! Не будь его, дядя былъ бы совершенно иначе расположенъ къ своимъ роднымъ. Я полагаю, братецъ Иванъ Прокофьичъ, что молодыхъ нечего и спрашивать; если старые плутуютъ, такъ молодежь, конечно, идетъ по ихъ слѣдамъ.

Ѳаддей Сидоровъ. Какъ, сударыня, вашей милости угодно, а мы за собой никакого не знаемъ плутовства.

Григорій. Ахъ, матушка Анна Ефремовна, какіе ужъ мы плуты! Глухіе да старые — экихъ вы плутовъ нашли!

Анна Ефремовна. Сдѣлайте милость, не оправдывайтесь. (Къ Ивану Прокофьичу) Я полагаю, мой родной, имъ можно итти.

Иванъ Прокофьичъ. Можно-съ: вы ихъ спрашивали, а я на нихъ ужъ насмотрѣлся.

Анна Ефремовна. Ступайте... Во всякомъ случаѣ, братъ

Иванъ Прокофьичъ, и вы, братъ Кириллъ Семенычъ, какъ старшіе въ семействѣ и мужчины, должны тутъ принять мѣры. Я объ этомъ васъ покорнѣйше прошу... Что жъ вы стоите? Ступайте. (Всѣ уходятъ, кромѣ Матвѣевны).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Сидорова, Васильева и лакеевъ съ ихъ женами.

Кириллъ Семенычъ (къ Матвѣевнѣ). Ты что еще тутъ стоишь? Ты слышала, братецъ приказалъ итти: что же тутъ вертишься? Подслушивать, что ли, хочешь?

Матвѣевна. Милости хочу вашей барской просить, меня съѣли совсѣмъ въ дворнѣ! Анна Ефремовна давеча изволила сказать, что старые плутуютъ, а молодые за ними вслѣдъ идутъ, — именно правда, мать-государыня: за это-то я и при покойномъ баринѣ пропадала, что была имъ не потатчица!.. Слѣпой этотъ Григорій Васильичъ до самаго конца при баринѣ находился... Анютка, что передъ вами стояла, только званіе носитъ замужней бабы, а живетъ невѣсть какъ. Хоть бы съ этого взять: придетъ лѣто, по домамъ, па закромкахъ грибы и ягоды носятъ, а барину все нѣтъ да не родилось... а мнѣ бездѣлицей въ глаза тычутъ... Грѣшнымъ дѣломъ самоварчикъ поставишь, такъ всѣ и кинутся... что ты тутъ, говорятъ, съ своими чаями расположилась! Избу, говорятъ, сожжешь...

Иванъ Прокофьичъ. Подите сюда ко мнѣ поближе-съ. Кто былъ послѣднее время около дяди-съ, когда онъ кончался-съ?

Кириллъ Семенычъ. Именно это всего важнѣй... Я только хотѣлъ спросить, кто при немъ послѣднее время находился.

Матвѣевна. Всѣ были, кромѣ меня; потому что меня еще за недѣлю допускать не стали... Двадцать лѣтъ ходила за покойнымъ барипомъ, а тутъ вдругъ неугодна стала!.. А насчетъ денегъ, такъ вамъ прямо доложу: это не кѣмъ другимъ сдѣлано, какъ Павломъ Михайлычемъ. Въ дворнѣ это тоже знаемо, только вамъ не скажутъ: у нихъ все это ведено заедино; поэтому давеча мнѣ и опасно было говорить... а я могу сказать вамъ всю сущую правду.

Анна Ефремовна. Правду говорить, милая моя, опасаться нечего: я и прежде говорила и теперь повторяю: правда яснѣе солнца.

Матвѣевна. Матушка Анна Ефремовна, какъ мнѣ не опа-

саться: человѣкъ я маленькій! Ну, какъ что̀ послѣ выйдетъ, такъ меня своя братія живую въ землю закопаютъ.

Иванъ Прокофьичъ. Какъ же это-съ онъ сдѣлалъ насчетъ денегъ?

Матвѣевна. Сдѣлалъ, Иванъ Прокофьичъ, просто: еще за два дня до смерти барина шкатулку спровадилъ. Немало я еще ему до этого говорила: батюшка, говорю, Павелъ Михайлычъ, баринъ этакъ труденъ, отчего вы къ братцамъ и сестрицамъ повѣстки не дадите? «Самъ Михайла Евграфычъ этого не хочетъ»,—только и отвѣтилъ... Что̀ послѣ этого станешь дѣлать? Покойникъ разумѣлъ его все равно, какъ за родного сына.

Иванъ Прокофьичъ. Куда же-съ онъ эту шкатулку дѣвалъ?

Матвѣевна. Надо полагать, увезъ къ Николаю Семенычу Бохмурову — въ дворнѣ болтаютъ про это, да и дѣвать ему больше некуда. Тотъ вѣдь, сами извольте знать, большой былъ пріятель барину: за день, кажется, передъ тѣмъ дѣломъ онъ былъ у насъ и все съ воспитанникомъ сидѣли въ кабинетѣ у покойнаго и шептались: а опосля, на другое или на третье утро, сама своими глазами видѣла, какъ нашъ-то молодчикъ сѣлъ этакъ на бѣговыя дрожки, поставилъ шкатулку передъ собой и погналъ во всю прыть. Я даже тутъ всплакала: жалко вѣдь, какъ барское добро расхищаютъ; прямо бросилась на старосту. «Что̀, я говорю, ты, такой-этакій, дѣлаешь? Три, что ли, у тебя головы? Видишь или нѣтъ, что̀ у насъ дѣлается?»— «Молчи, говоритъ, старуха! Не наше дѣло!» Охъ, милые господа мои, лучше ужъ молчать! Какъ все-то говорить, такъ и словъ недостанетъ! Сраму столько было, что я, живучи этакіе годы, не привидывала!

Сергѣй Васильичъ. Это однако становится очень любопытно... Вотъ тебѣ, старушка, десять рублей: говори, пожалуйста, откровеннѣе. Главное, скажи намъ, сколько у дяди было денегъ.

Матвѣевна (принимая деньги и цѣлуя у него руку). Тысячъ сто было-съ.

Всѣ (кромѣ Ивана Прокофьича). Сто тысячъ!

Иванъ Прокофьичъ. Нѣтъ-съ, это пустяки: ста тысячъ не было.

Матвѣевна. Ай, батюшка, какъ не быть! Куда же деньгамъ дѣваться? Послѣднее время онъ очень тугъ на нихъ сдѣлался. Не знаю, какъ другой прислугѣ, потому что отъ меня всегда всякую малость таятъ, а мнѣ такъ ужъ года два ни платьевъ, ни башмаковъ, ничего не выдавалъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что̀ же еще было?

Кириллъ Семенычъ. Срамъ-то какой еще былъ?

Матвѣевна. А такой, что какъ пріѣхалъ этотъ воспитанникъ въ обратную, сейчасъ же позвалъ бурмистра, и пошли по всѣмъ барскимъ кладовымъ и сундукамъ, перебирали и пересматривали, примѣрно сказать, съ ранняго утра до поздняго уповода.

Анна Ефремовна. Боже мой, Боже мой, на что люди рѣшаются!.. около умирающаго совершать подобныя вещи!

Эмилія Петровна. Они, вѣрно, все, что было получше, и выкрали.

Матвѣевна. Такъ для чего же, какъ не для этого, государыня моя, Эмилія Петровна! Вотъ какъ мнѣ ничего не нужно въ вашемъ шкапѣ или сундукѣ, такъ пойду ли я! Смѣю ли я это сдѣлать?

Иванъ Прокофьичъ. Что же такое-съ они выбрали изъ комода?

Матвѣевна. Не припомню, Иванъ Прокофьичъ! Съ моей ли, батюшка, памятью всякую малость помнить! Вотъ теперь извольте спросить меня, что сегодня поутру было,—не помню.

Иванъ Прокофьичъ. Говорите дальше-съ.

Матвѣевна. А дальше, Иванъ Прокофьичъ, было такое дѣло: запечатали комоды, вдругъ говорятъ: собрать всю дворню въ залу. Пришли мы, и я, грѣшная, приплелась. Изъ кабинета выходитъ Павелъ Михайлычъ, и обѣ дверцы растворились нараспашку. Батюшка-баринъ привсталъ этакъ немного на постелькѣ: видно, что ему сказать что-то хочется, а молвы нѣтъ, только глазами обводитъ всѣхъ...

Иванъ Прокофьичъ. Какъ молвы нѣтъ?

Матвѣевна. Такъ-съ, ничего не сказалъ.

Кириллъ Семенычъ. Да, вонъ она какая правда выходитъ!

Иванъ Прокофьичъ. Языкъ, что ли, у него отнялся?

Матвѣевна. Почти что такъ. Какой ужъ у этакого больного человѣка можетъ быть языкъ! Только что сворачивали, что будто бы по его приказанію дѣлалось; а онъ и въ добрую пору не любилъ приказанія давать: не очень разговорчивъ былъ, нечего сказать.

Анна Ефремовна. Для чего жъ созывали васъ всѣхъ?

Матвѣевна. Къ наградѣ всѣ позваны были: «Баринъ вашъ,—началъ Павелъ Михайлычъ:—за вашу вѣрную службу желаетъ васъ наградить. Вотъ, говоритъ, Оаддей Сидоровъ, тебѣ пятьдесятъ рублей серебромъ: ты, говоритъ, никогда ни въ чемъ замѣченъ не былъ»... Замѣтишь ли этакого плута? Въ глазахъ проведетъ хоть кого. «Вотъ и тебѣ, старичокъ, тоже пять-

десять рублей,—Григорью говорить:—не плачь, говорить, ты не будешь безъ куска хлѣба», а тотъ ужъ и расхныкался, повалился въ ноги и встать будто не сможетъ... прехитрый старичишка! Тамъ вамъ какъ угодно понимать его, а онъ человѣкъ преехидный. Послѣ этого всѣхъ молодыхъ, которые въ горницѣ служили, по двадцати пяти рублевъ обдѣлилъ, а прочей дворнѣ—по десяти рублей на семью; а обо мнѣ и помину нѣтъ: стою, какъ оплеванная; у сердца у меня сдѣлалось тошно! «Чѣмъ я, говорю, Павелъ Михайлычъ, хуже всѣхъ прочихъ, чѣмъ я передъ барономъ провинилась?»—а сама такъ ревомъ и заревѣла. «Тебѣ, говоритъ, тоже десять рублей,— и подалъ мнѣ бумажку:—тебѣ бы и больше слѣдовало, да Михайла Евграфычъ тобою недоволенъ за то, что ты къ Аннѣ Ефремовнѣ письмо писала»... А мнѣ какъ было не писать? Господа спрашиваютъ или приказываютъ тамъ что-нибудь, а я вишь буду ослушиваться... гдѣ это видано?

Анна Ефремовна (вспыхнувъ). Ты это, милая моя, заговорила вздоръ: письмомъ ко мнѣ ты не могла разгнѣвать покойнаго дядю, и съ моей стороны было весьма натурально, что я желала провѣдать о здоровьѣ его: онъ былъ слишкомъ дорогъ и близокъ моему сердцу; а я такія имѣю правила, что вся моя жизнь посвящена на любовь къ роднымъ: въ письмѣ моемъ, ни я къ тебѣ, ни ты ко мнѣ, кажется, ничего, кромѣ какъ о здоровьѣ его, не писали.

Матвѣевна. Ничего больше не писали; а имъ показалось обидно: такое ужъ мое, видно, несчастье въ этомъ приспѣло.

Иванъ Прокофьичъ. Вы сказали-съ, что братъ молвы не имѣлъ: давно ли-съ онъ ее потерялъ?

Матвѣевна. Давно, Иванъ Прокофьичъ, давно ужъ въ языкѣ былъ нерѣчистъ, а за недѣлю до смерти хуже годовалаго ребенка говорилъ.

Иванъ Прокофьичъ. И все, что вы говорили-съ, было въ эту недѣлю-съ?

Матвѣевна. Въ эту недѣлю.

Иванъ Прокофьичъ. Потомъ-съ?

Матвѣевна. А потомъ—я вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами признаюсь—ничего потомъ больше не было.

Эмилія Петровна. Ты лжешь, Матвѣевна: когда ты приходила къ намъ въ усадьбу, на праздникъ, такъ говорила о дѣдушкиномъ шкапѣ съ книгами и о креслахъ.

Кириллъ Семенычъ. Объ этомъ и я слышалъ.

Матвѣевна. Говорила, Эмилія Петровна,—не могу потаить, говорила.

Анна Ефремовна. Какой это шкапъ съ книгами?

Матвѣевна. Покойнаго барина шкапъ съ книгами...

Иванъ Прокофьичъ. Что жъ изъ этого слѣдуетъ-съ?

Матвѣевна. Пріемышъ его взялъ къ себѣ въ тотъ самый день, вижу, и книжки барскія тащатъ къ нему во флигель, а тутъ, посмотрю, и кресла туда же! Только поглядѣла вслѣдъ, а говорить ужъ ничего не посмѣла.

Анна Ефремовна. Это превышаетъ всякое вѣроятіе. Братецъ Иванъ Прокофьичъ, родной мой, что вы намѣрены предпринять?

Иванъ Прокофьичъ. Отберемъ-съ отъ нея показаніе и, сообразно съ нимъ, будемъ-съ разыскивать.

Кириллъ Семенычъ. Непремѣнно надобно этакъ сдѣлать!

Эмилія Петровна. Если бы я предполагала, что тутъ будутъ такъ воровать, то непремѣнно бы была сама или просила бы моего мужа быть при смерти дѣдушки.

Кириллъ Семенычъ. Тогда бы и было все хорошо, и родные бы вамъ всѣ были благодарны,—а теперь что вышло! И я бы пріѣхалъ, при всемъ малолюдствѣ моемъ: на сѣнокосъ бы не посмотрѣлъ, да пріѣхалъ.

Иванъ Прокофьичъ (къ Матвѣевнѣ). Подите-съ сюда поближе: все, что вы говорили, я записалъ-съ. Грамотныя ли вы-съ? умѣете ли писать-съ?

Матвѣевна. Какая, батюшка, писака: такъ кой-какія каракульки ставлю...

Иванъ Прокофьичъ. Ну, такъ слушайте-съ, я вамъ прочитаю: «Татьяна меня зовутъ, Матвѣева дочь, крѣпостная и дворовая дѣвица умершаго Михаила Евграфыча Манохина, будучи спрашиваема его наслѣдниками: штыкъ-юнкеромъ Кирилломъ Семенычемъ Манохинымъ, провинціальною секретаршею Эмиліею Петровною Синицыною, прапорщикомъ Сергѣемъ Васильичемъ Захаровымъ, вдовою коллежскою асессоршею Анною Ефремовной Бурыленко и надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Прокофьичемъ Манохинымъ, показала, что покойный баринъ мой потерялъ языкъ за недѣлю до смерти и все это время находился въ совершенномъ безпамятствѣ. За нѣсколько дней до его смерти пріѣзжалъ и гостилъ сосѣдній помѣщикъ Николай Семенычъ Бохмуровъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда воспитанникъ нашего барина, Павелъ Михайловъ Богдановъ, вынесъ барскую шкатулку, въ которой всегда хранились барскія деньги, которыхъ было, какъ извѣстно мнѣ, тысячъ сто, и отвезъ ее, на бѣговыхъ дрожкахъ, къ тому Бохмурову. Вмѣстѣ со старостой Оадеемъ Сидоровымъ они раскрывали всѣ барскіе сундуки и комоды, пересматривали всѣ вещи, изъ которыхъ весьма много похитили;

а потомъ, собравъ всю дворню, онъ, Богдановъ, дабы скрыть свое преступленіе, началъ обдѣлять всѣхъ деньгами, а послѣ этого велѣлъ выносить различныя вещи въ занимаемый имъ флигель, какъ-то: шкапъ съ барскими книгами, кресла и проч., и когда я, видѣвъ, что господинъ мой находится близокъ къ смерти, стала имъ говорить, чтобы они извѣстили о томъ ближайшихъ родственниковъ, то онъ, Богдановъ, отозвался и велѣлъ мнѣ молчать»... Вы-съ это говорили?

Матвѣевна. Я, Иванъ Прокофьичъ...

Иванъ Прокофьичъ. Подпишите-съ. (Матвѣевна беретъ перо). Подпишите-съ свое имя и отчество, а если есть, такъ и прозвище.

Матвѣевна (подписывая). Какое прозвище! у меня никакого нѣтъ; дразнятъ Галкой, только и есть...

Иванъ Прокофьичъ. Ну, Галки не надо. Ступайте.

Матвѣевна. Батюшка Иванъ Прокофьичъ, какъ бы мнѣ чего не было.

Анна Ефремовна. Ахъ, Матвѣевна! я не думала, чтобы ты была такъ неразсудительна! Что же тебѣ можетъ быть, когда ты дѣлаешь по совѣсти?

Кириллъ Семенычъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ, Матвѣевна, ничего не боялся... Чего бояться, когда дѣло говоришь?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Степанъ.

Степанъ (входя). Воспитанникъ пришелъ-съ.

Иванъ Прокофьичъ. Пусть войдетъ!.. (Матвѣевнѣ) Ты ступай! (Степанъ и Матвѣевна уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Степана и Матвѣевны.

Анна Ефремовна (Катенькѣ). Поди и ты, душа моя, въ наши комнаты: теперь ты можешь отдохнуть. (Катенька, молча посмотрѣвъ на Анну Ефремовну, встаетъ).

Сергѣй Васильичъ. Зачѣмъ, ma tante, вы ихъ отсюда услаете? Имъ будетъ тамъ скучно.

Анна Ефремовна (не обращая вниманія на его слова, Катенькѣ). Иди! (Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Васильичъ, Эмилія Петровна, Анна Ефремовна, Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Эмилія Петровна (Сергѣю Васильичу). Какъ мнѣ васъ жаль, кузенъ!

Сергѣй Васильичъ. Что такое?

Эмилія Петровна. Ничего... Мнѣ васъ жаль.

Сергѣй Васильичъ. Благодарю, хоть и не понимаю.

Эмилія Петровна. Какъ вы нынче стали непонятливы!

Анна Ефремовна. Тебя, Эмилія Петровна, дѣйствительно понять трудно,—Сережа это справедливо говоритъ.

Эмилія Петровна. И вы меня тоже не понимаете?

Анна Ефремовна. Рѣшительно не понимаю.

Эмилія Петровна. Ахъ, Боже мой, какая я послѣ этого загадочная!.. Но все-таки скажу, что дѣвушку воспитывать трудно: надобно имѣть очень бдительный надзоръ.

Анна Ефремовна. Что же ты именно хочешь этимъ выразить?

Эмилія Петровна. Спросите лучше у Сергѣя Васильича: онъ, можетъ-быть, будетъ съ вами откровеннѣе

Анна Ефремовна. Сережа, что такое все это значитъ?

Сергѣй Васильичъ (пожимая плечами). Я, право, ma tante, не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Богдановъ.

Богдановъ (входя и поклонившись всѣмъ, на что ему никто не отвѣтилъ, къ Ивану Прокофьичу). Вы требовали меня-съ?

Иванъ Прокофьичъ (продолжая писать). Да-съ... Погодите немного. (Молчаніе).

Эмилія Петровна (Кириллу Семенычу). Я уѣхала изъ дому и, воображая скоро вернуться, захватила съ собою всѣ ключи: мой бѣдный Симонъ сидитъ теперь даже безъ чаю.

Кириллъ Семенычъ. Онъ, кажется, у васъ, какъ и я же, не охотникъ до этого.

Эмилія Петровна. Напротивъ, очень любитъ, особенно съ трубкой.

Богдановъ (Эмиліи Петровнѣ). Если вамъ угодно, такъ можно послать съ нарочнымъ.

Эмилія Петровна (съ насмѣшкой). Благодарю васъ: если я захочу, такъ и сама могу здѣсь распорядиться и послать. (Молчаніе).

Иванъ Прокофьичъ. Мы-съ извѣстились, что, въ предсмертные дни нашего дяди, распропало-съ много вещей. Вы-съ были при немъ безотлучно: не угодно ли вамъ объяснить-съ, кѣмъ именно эти вещи расхищены и гдѣ онѣ нынѣ находятся?

Богдановъ. Изъ его движимости не расхищено ничего, потому что, еще при жизни его, на все наложены его именныя печати.

Иванъ Прокофьичъ. Опечатываютъ имѣнія наслѣдники-съ или полиція, а не нахлѣбники, не имѣющіе никакого права на наслѣдство.

Богдановъ. Опечатывалъ не я, если вы разумѣете подъ именемъ нахлѣбника меня; а это была воля умирающаго.

Анна Ефремовна. Умоляю васъ, не приводите, въ этомъ случаѣ, имени нашего дяди: въ какомъ онъ былъ послѣднее время тяжкомъ положеніи, мы, какъ добрые родные, знали очень хорошо.

Эмилія Петровна. Я еще за два мѣсяца была у дѣдушки до его смерти, и тогда ужъ онъ говорилъ очень дурно.

Иванъ Прокофьичъ. Говорилъ дурно-съ и соображенія не имѣлъ-съ.

Кириллъ Семенычъ. Какое ужъ соображеніе! Я здоровый человѣкъ, помоложе его, и то соображенія не имѣю.

Богдановъ. Я не знаю-съ: Михайла Евграфычъ до послѣдней минуты не утратилъ разсудка и выражалъ свои мысли и желанія очень ясно.

Иванъ Прокофьичъ. Вы-съ говорите, что ничего изъ движимости не утрачено, а, напримѣръ-съ, гдѣ шкапъ дяди съ книгами и его любимое кресло?

Богдановъ. Шкапъ съ книгами и любимое кресло Михайлы Евграфыча у меня; но онъ самъ то и другое подарилъ мнѣ.

Иванъ Прокофьичъ. Стало быть-съ, вы признаётесь, что кресла и шкапъ захвачены вами? Такъ и запишемъ.

Богдановъ. Я не признаюсь въ этомъ: эти вещи мной не захвачены, а онѣ мнѣ подарены.

Иванъ Прокофьичъ. Въ числѣ утраченныхъ вещей похищена шкатулка съ деньгами, которыхъ хранилось до ста тысячъ.

Богдановъ (нѣсколько сконфузившись). Сколько въ этой шкатулкѣ было денегъ и какое она получила послѣ покойнаго назначеніе, я не знаю.

Иванъ Прокофьичъ. Намъ извѣстно-съ, что вы лично вынесли и увезли, а потому мы васъ спрашиваемъ: по какому вы праву завладѣли этой шкатулкой и куда именно ее скрыли?

Богдановъ. Все это происходило, когда Михайла Евгра-

фычъ былъ еще живъ, и этой шкатулки у меня, въ настоящее время, нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Однако она вами увезена, и мы знаемъ, куда именно.

Богдановъ. Можетъ-быть; но, по крайней мѣрѣ, я съ своей стороны не считаю себя ни въ правѣ ни обязаннымъ отвѣчать на это.

Анна Ефремовна. Вы, молодой человѣкъ, хотите, я вижу, совершенно вооружить насъ противъ себя; а вамъ этого не слѣдовало бы дѣлать, если не по собственнымъ чувствамъ, то въ память вашего второго отца.

Эмилія Петровна (Богданову). Вы не смѣете намъ не отвѣчать, когда мы васъ спрашиваемъ.

Богдановъ. Почему жъ не смѣю?

Эмилія Петровна. Потому что не смѣете.

Богдановъ. Странная причина!

Иванъ Прокофьичъ (перебивая его). Вы должны намъ написать, что было при смерти дяди.

Богдановъ. Что же такое было особеннаго при смерти Михайлы Евграфыча, и что я могу написать?

Иванъ Прокофьичъ. То, что вы со старостой осматривали и опечатывали всѣ дядины вещи, обдѣляли всю дворню деньгами, изъ движимости взяли себѣ шкапъ съ книгами, кресла и прочее, увезли шкатулку на бѣговыхъ дрожкахъ,— вотъ что было-съ!

Богдановъ. Нѣтъ-съ, я этого не напишу-съ!

Иванъ Прокофьичъ. Ну, не напишете, такъ ступайте!.. (Богдановъ, всѣмъ слегка поклонившись, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, что въ явленіи V-мъ.

Иванъ Прокофьичъ (обращаясь къ Кириллу Семенычу и къ Сергѣю Васильичу). Подите и велите нашимъ людямъ его арестовать... Пускай хоть въ амбаръ посадятъ и ключъ ко мнѣ принесутъ.

Кириллъ Семенычъ (Сергѣю Васильичу). Ступайте ужъ вы-съ.

Сергѣй Васильичъ (насмѣшливо). А вы то что же?

Иванъ Прокофьичъ (Сергѣю Васильичу). Нѣтъ, вы ступайте-съ!

Сергѣй Васильичъ (безпечно). Я, пожалуй, пойду... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Эмилія Петровна, Анна Ефремовна, Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна (потупляя голову). Какъ тяжело и непріятно все это видѣть!.. Такую ли дядя думалъ видѣть благодарность въ этомъ дерзкомъ мальчишкѣ, котораго воспиталъ, какъ сына, и послѣднее время, откровенно должно сказать, предпочелъ его своимъ роднымъ.

Эмилія Петровна. Какъ мнѣ жаль, что нѣтъ со мной моего Симона! Онъ бы справился съ этимъ господиномъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Посадили... (Поправляя на себѣ галстукъ и жилетъ) Онъ ужасный однако скотина... (Обращаясь къ Ивану Прокофьичу) Что жъ мы теперь предпримемъ?

Иванъ Прокофьичъ. Напишемъ-съ всѣ вмѣстѣ письмо къ Бохмурову.

Кириллъ Семенычъ. Больше этого теперь нечего дѣлать.

Анна Ефремовна. Въ какомъ же родѣ будетъ это, голубчикъ мой, письмо?

Иванъ Прокофьичъ. Въ такомъ-съ, что вотъ-съ, прибывъ въ имѣніе нашего дяди, мы-съ, къ крайнему нашему-съ удивленію, нашли многія вещи изъ движимости растраченными-съ, въ числѣ которыхъ-съ, какъ показываютъ люди, находилась и шкатулка со ста тысячами, которая, какъ знаемъ мы, отвезена-съ къ нему воспитанникомъ Богдановымъ, а потому и просимъ возвратить намъ ее по принадлежности, и что, въ противномъ случаѣ-съ, мы будемъ утруждать начальство, и онъ, неминуемо, подвергнется отвѣтственности.

Сергѣй Васильичъ. Неужели же вы думаете, что онъ отдастъ? Развѣ онъ какой-нибудь дуракъ: у него сто тысячъ въ карманѣ, а онъ отдастъ.

Иванъ Прокофьичъ. Мы сначала его попугаемъ-съ, — а если упрется, такъ жаловаться будемъ: у насъ доказательствъ-съ много. Я нарочно отбиралъ все на бумагѣ-съ.

Кириллъ Семенычъ. Братецъ ужъ знаетъ, какъ дѣло сдѣлать.

Анна Ефремовна. Отчего же ты, Сережа, думаешь, что онъ не отдастъ?

Сергѣй Васильичъ. Я ничего, ma tante, не думаю: я такъ только сказалъ.

Эмилія Петровна (Сергѣю Васильичу). Вы, кажется, теперь думаете о другомъ.

Сергѣй Васильичъ. А, да, вы не ошиблись... А сами вы о чемъ думаете?

Эмилія Петровна (вздохнувъ). Я думаю о многомъ.

Иванъ Прокофьичъ. Я буду такимъ образомъ писать-съ

Анна Ефремовна. Пиши, мой родной; я согласна.

Кириллъ Семенычъ. Какъ не согласиться! Всѣ согласны.

Иванъ Прокофьичъ (Сергѣю Васильичу и Эмиліи Петровнѣ). А вы-съ?

Эмилія Петровна. Я согласна.

Сергѣй Васильичъ. Пишите, что хотите; я желаю только деньги получить, а тамъ мнѣ все равно.

Анна Ефремовна. Это, Сережа и всѣ вы, мои друзья, теперь мало сказать, что мы согласны: мы должны просить брата Ивана Прокофьича: пусть онъ дѣйствуетъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ братъ и старшій членъ въ нашемъ семействѣ. Я напередъ увѣрена, что мы раздѣлимся дружелюбно... И потому позвольте мнѣ прежде всего васъ всѣхъ перецѣловать, въ знакъ моей искренней къ вамъ любви, и просить прощенія, если я передъ кѣмъ чѣмъ-нибудь виновата. Съ этой минуты мы должны на всю жизнь сдѣлаться друзьями. Братъ Иванъ Прокофьичъ, съ тобой цѣлуюсь съ первымъ. (Подходитъ и цѣлуетъ его). Ну, другъ мой, Сережа! (Цѣлуются). Эмилія Петровна! (Цѣлуются). Кириллъ Семенычъ! (Цѣлуются).

Сергѣй Васильичъ. C'est très joli... Cousine, laissez moi aussi baiser votre main.

Эмилія Петровна (подавая ему руку). Какъ вы любезны!

Кириллъ Семенычъ. Дай Господи, чтобы намъ въ мирѣ начать и въ мирѣ кончить.

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ залу, въ которой на столахъ разложены различныя вещи изъ движимости: на одномъ стоитъ посуда хрустальная и фарфоровая, на другомъ разложено серебро, на третьемъ положено бѣлье, и тутъ же лежитъ наверху турецкая шаль. Въ углу навалено старое платье, самовары, мѣдная и желѣзная посуда, шляпы, зонтики и проч. На авансценѣ стоитъ столъ съ бумагами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Катенька стоитъ около стола и записываетъ, Сергѣй Васильичъ около нея.

Катенька. Сергѣй Васильичъ, уйдите отсюда, Бога ради; вы мнѣ мѣшаете. Я собьюсь, и маменька разсердится. Она велѣла все записать аккуратно.

Сергѣй Васильичъ. Какъ это легко вамъ сказать и какъ мнѣ трудно исполнить! Бросьте ваше писанье: я не могу равнодушно видѣть, какъ вы свои хорошенькіе пальчики мараете въ чернилахъ. Посмотрите, какъ вы обезобразили вашу очаровательную ручку. (Береть Катеньку за руку, но та ее быстро выдергиваетъ).

Катенька. Перестаньте! Вы совершенно забываетесь! Это очень неблагородно...

Сергѣй Васильичъ. Что жъ тутъ неблагороднаго? Напротивъ, очень благородно. Вы сами сознаетесь, что говорите неправду.

Катенька. Я всегда говорю правду. Съ другими дѣвицами вы не позволите себѣ такъ обращаться, какъ со мной.

Сергѣй Васильичъ. Всѣ другія дѣвицы, кромѣ васъ, уроды, и я ихъ ненавижу.

Катенька. Вовсе не потому.

Сергѣй Васильичъ. Почему жъ вы думаете?

Катенька. Потому, что другихъ вы не смѣете, а я бѣдная дѣвушка, и меня вы можете оскорблять.

Сергѣй Васильичъ. И вы думаете, что я хочу васъ оскорблять?.. Я?.. Вы ужасно несправедливы ко мнѣ, и я буду говорить съ вами рѣшительно... Развѣ я виноватъ, что вы такія хорошенькія? Въ этомъ я рѣшительно не виноватъ.

Катенька. Я не желаю быть для васъ хорошенькой.

Сергѣй Васильичъ. Это значитъ, вы не желаете мнѣ нравиться.

Катенька. Даже очень.

Сергѣй Васильичъ. Я застрѣлюсь.

Катенька. Стрѣляйтесь: вонъ тутъ въ вещахъ есть заряженные пистолеты; можете ихъ взять.

Сергѣй Васильичъ. И вамъ не будетъ меня жаль, и васъ не будетъ потомъ мучить совѣсть? (Катенька молчитъ). Вамъ, вѣроятно, будетъ жаль?.. Признайтесь!.. Взгляните на меня: у васъ такіе чудные глазки; имъ нехорошо хмуриться. Если бъ у меня были такіе прекрасные глаза, я бы на всѣхъ смотрѣлъ ласково.

Катенька. Оставьте меня, прошу васъ въ послѣдній разъ. Я, право, буду жаловаться Аннѣ Ефремовнѣ и просить ее, чтобы она увезла меня куда-нибудь отсюда: вы мнѣ проходу не даете.

Сергѣй Васильичъ. O, mon Dieu, mon Dieu! Какъ ужасно это слышать!.. Стало-быть, вы меня совершенно не любите?

Катенька. Совершенно не люблю.

Сергѣй Васильичъ. Даже ненавидите?

Катенька. Почти.

Сергѣй Васильичъ. И любите другого?

Катенька. Можетъ-быть.

Сергѣй Васильичъ. Это ничего, я не ревнивъ; только мнѣ позвольте смотрѣть и цѣловать вашу ручку. (Беретъ ее проворно за обѣ руки и хочетъ поцѣловать ихъ).

Катенька (вырываясь, со слезами на глазахъ). Сергѣй Васильичъ... это... ужасно... Господи, какъ обращаются со мной!.. Пустите меня! (Вырывается и бѣжитъ къ правой двери).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Анна Ефремовна.

Анна Ефремовна. Что такое у васъ?

Катенька. Мамаша! Сергѣй Васильичъ... не позволяйте ему...

Анна Ефремовна. Иди къ себѣ въ комнату. (Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Анна Ефремовна (садясь). Какъ это тебѣ, Сережа, не стыдно! Что ты тутъ надѣлалъ?

Сергѣй Васильичъ. Право, ma tante, ничего: я хотѣлъ только поцѣловать ея ручку.

Анна Ефремовна. Я тебя просила нѣсколько разъ, чтобы ты перемѣнилъ свое обращеніе съ этой дѣвочкой. Неужели ты не понимаешь, что здѣсь все перетолкуютъ, особенно Эмилія...

Сергѣй Васильичъ. Что жъ мнѣ дѣлать, ma tante, я очень влюбленъ.

Анна Ефремовна. Неправда: вѣтреность тобой владѣетъ. Лучше поговоримъ о дѣлѣ: я еще вчера говорила тебѣ, что я здѣсь совершенно одна: на милыхъ братцевъ и племянницу положиться невозможно, а о твоихъ чувствахъ и расположеніи ко мнѣ я еще ничего не знаю. Можетъ-быть, и ты присоединишься къ ихъ партіи и будешь мнѣ вредить.

Сергѣй Васильичъ. Съ чего это, ma tante, вамъ пришло въ голову? Я вовсе не такой человѣкъ!..

Анна Ефремовна. Я этого, другъ мой, и не думаю, а сказала потому, что если мы не предостережемся, такъ Иванъ Прокофьичъ ничего намъ не дастъ,—помяни мое слово,—я его знаю давно. Твою безтолковую кузину и дурачка Кириллушку онъ, безъ сомнѣнія, заставитъ плясать по своей дудкѣ; но ты—другое дѣло: ты въ этомъ случаѣ долженъ дѣйствовать, какъ настоящій мужчина.

Сергѣй Васильичъ. Будьте спокойны, ma tante: я не дуракъ, я имъ гроша лишняго не уступлю.

Анна Ефремовна. Такъ и слѣдуетъ, душа моя; но я хотѣла поговорить о себѣ: я очень опасаюсь за себя: я женщина, и женщина въ этихъ дѣлахъ неопытная, и потому прошу твоего участія.

Сергѣй Васильичъ. Неужели же вы во мнѣ сомнѣваетесь? Я готовъ для васъ все сдѣлать.

Анна Ефремовна. Вѣрю и благодарю, и хочу прямо тебѣ объяснить, что отъ другихъ моихъ родныхъ, при всемъ моемъ расположеніи къ нимъ, я не видѣла, въ продолженіе всей моей жизни капли любви или уваженія, а ты еще маленькимъ росъ въ моемъ домѣ и все, бывало, нѣмовалъ: «я теты Аны наслѣдникъ».

Сергѣй Васильичъ (вздыхая). Ахъ, ma tante, я бы желалъ отъ васъ наслѣдовать одно сокровище!

Анна Ефремовна. Какое это, родной мой?

Сергѣй Васильичъ. М-lle Катишь.

Анна Ефремовна. Что это, Сережа, все у тебя дурь въ головѣ: когда ты хотя немного остепенишься?

Сергѣй Васильичъ. Не могу, ma tante: влюбленъ очень...

Анна Ефремовна. Перестань говорить глупости; мнѣ слушать даже это неприлично.

Сергѣй Васильичъ. Вы не слушайте, только не браните.

Анна Ефремовна. Ахъ, ты, повѣса, повѣса! (Встаетъ).

Сергѣй Васильичъ (тоже вставая). И я, ma tante, пойду съ вами.

Анна Ефремовна. Это зачѣмъ?

Сергѣй Васильичъ. У васъ тамъ такъ хорошо! Я бы всю жизнь хотѣлъ тамъ сидѣть.

Анна Ефремовна (береть его за ухо и тихонько деретъ). Вотъ тебѣ за это. Изволь оставаться здѣсь.

Сергѣй Васильичъ (цѣлуя у ней руку). А я все-таки пойду. (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эмилія Петровна, Кириллъ Семенычъ и Матвѣевна выходятъ изъ противоположныхъ дверей.

Эмилія Петровна. Я еще вчера это видѣла.

Кириллъ Семенычъ. А я ничего не видалъ, — хоть что хотите со мной дѣлайте, ничего не замѣтилъ.

Эмилія Петровна. Это давно извѣстно, что вы ничего не можете ни замѣтить ни понять: вы точно слѣпой какой-то!

Кириллъ Семенычъ. Что дѣлать, меня и дома люди на каждомъ шагу обманываютъ: ничего не умѣю досмотрѣть!

Матвѣевна. Я сама, Кириллъ Семенычъ, батюшка, до вчерашняго дня ничего не знала. Вотъ Эмилія Петровна призвали меня и спросили о письмѣ: я имъ сказала, а онѣ и говорятъ: гдѣ, говорятъ, Сергѣй Васильичъ? А я и доложила, что у Анны Ефремовны сидитъ — сама видѣла, шедши подъ окошкомъ. Поди, говорятъ, подслушай, что они говорятъ. Тутъ все и провѣдала. Въ дѣвичьей никого не случилось; приложила ухо къ перегородкѣ и слышу: Анна Ефремовна, на чемъ свѣтъ стоитъ, всѣхъ бранитъ—и Ивана Прокофьича и васъ обоихъ, — всѣхъ, не мое будь сказано слово, такъ и поноситъ.

Кириллъ Семенычъ (качая головой). Какіе, подумаешь, Анна-то Ефремовна и Сергѣй Васильичъ люди... недаромъ говорятъ, столичный народъ ловкій.

Эмилія Петровна. Какъ вы обо всемъ смѣшно думаете— изъ рукъ вонъ!..

Матвѣевна. Что, батюшка Кириллъ Семенычъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что толку-то, что столичные! Только слава, что въ Москвѣ живутъ, а особенно Анна Ефремовна—и не слушала бы, что про нее дворовые говорятъ... Пріѣхала тоже съ воспитанницей, а ни на той ни на другой порядочной одежонки нѣтъ! Этто, слышу, въ прачечной хохотъ: что такое?— вхожу: надъ бѣльемъ Анны Ефремовны потѣшаются... щеголихи московскія!.. А башмаки на обѣихъ такіе, что я, служанка, не стала бы носить. Почасту, говорятъ, бываетъ не

то что чаю или кофею,—обѣда не на что изготовить: все и ладитъ куда-нибудь въ гости уйти; а какъ деньги появились, такъ опять пиры да банкеты; нарядовъ сейчасъ себѣ и воспитанницѣ накупитъ: а черезъ два дня и нѣтъ ничего.

Эмилія Петровна. А про Сергѣя что говорятъ?

Матвѣевна. Тоже неисправенъ: шесть лошадей на конюшнѣ стоитъ, а при деньгахъ весьма рѣдко бываетъ. Сюда-то ѣхамши, тройку за безцѣнокъ продать: тронуться было не съ чѣмъ.

Кириллъ Семенычъ. Я вотъ вамъ, Эмилія Петровна, сказать только не смѣю, а вѣдь это все надобно разсказать брату Ивану Прокофьичу.

Эмилія Петровна. Непремѣнно разсказать! Что ихъ скрывать!

Кириллъ Семенычъ. Ты ему разскажи, Матвѣевна, все, а то послѣ узнаетъ, такъ сердиться станетъ.

Матвѣевна. Ай, нѣтъ, батюшка!.. не смѣю я говорить съ Иваномъ Прокофьичемъ!.. глядѣть даже на него боюсь!.. Съ вами да вотъ съ Эмиліей Петровной посмѣлѣе, а къ нему трепетъ чувствую!.. господинъ строгій, расчетливый.

Эмилія Петровна (Кириллу Семенычу). Вамъ надобно разсказать, а не Матвѣевнѣ.

Кириллъ Семенычъ. Да не знаю, запомню ли я... Толку-то у меня мало, на словахъ-то я очень нетолковъ!..

Эмилія Петровна. Тутъ толку очень надобно мало: вы ему скажите, что Анна Ефремовна писала къ дядѣ на насъ оскорбительное письмо и обѣщала Матвѣевнѣ за это три тысячи... Помните ли вы это?..

Кириллъ Семенычъ. А какъ онъ спроситъ письмо-то?..

Эмилія Петровна. Пожалуй, возьмите у Матвѣевны.

Матвѣевна. Изорвала, Эмилія Петровна, — тогда же, со страху, изорвала!.. Богъ заплати Аннѣ Ефремовнѣ, въ какое она меня дѣло теперь вклопала...

Эмилія Петровна. Письмо пустое, оно вовсе не нужно... Вы скажите, что она теперь въ дружбѣ съ Сергѣемъ Васильичемъ и вмѣстѣ насъ бранятъ, потому что онъ имѣетъ виды на ея воспитанницу... Этого не забудьте: это очень важно...

Кириллъ Семенычъ. Это я помню, объ этомъ не забуду.

Эмилія Петровна. Потомъ скажите... (За сценой слышенъ голосъ Ивана Прокофьича: „Эй, позвать ко мнѣ Степана!“). Вотъ ужъ онъ и идетъ, а я еще не одѣта... Какъ встала сегодня, такъ, не убравъ даже головы, хожу... Не забудьте же, разскажите

все; а я имъ, при всѣхъ, вгоню краску въ лицо... Пойдемъ, Матвѣевна, со мной: ты мнѣ разскажешь еще что-нибудь нужное. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кириллъ Семенычъ (послѣ минутнаго размышленія). Чѣмъ-то меня наградятъ, не знаю! Пожалуй, еще обманутъ: смѣлости-то у меня, какъ у другихъ, нѣтъ... (Слышенъ голосъ Ивана Прокофьича).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кириллъ Семенычъ, Иванъ Прокофьичъ, за нимъ Степанъ.

Иванъ Прокофьичъ (садясь за столъ, Степану). Я тамъ чуланы у дворни опечаталъ: если хоть одна печать-съ будетъ не цѣла, я съ васъ спрошу-съ. У воспитанника тоже флигель опечатанъ: чтобы пальцемъ никто не смѣлъ дотронуться... такъ и скажите-съ всѣмъ. Для присмотра возьмите хоть Кирилла Семеныча людей... надежны ли они у васъ-съ?

Кириллъ Семенычъ. Надежны, братецъ: какъ за самого себя ручаюсь.

Иванъ Прокофьичъ (Степану). Ступайте-съ. (Садится и начинаетъ разбирать бумаги).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, къ вамъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что такое-съ?

Кириллъ Семенычъ. Объ Аннѣ Ефремовнѣ... нехорошо она поступаетъ!.. Помните, Матвѣевна проболталась о письмѣ? Она, точно, о всѣхъ насъ писала.

Иванъ Прокофьичъ. Ну-съ?

Кириллъ Семенычъ. И всѣхъ насъ хотѣла, чрезъ Матвѣевну, очернить передъ дядей: три тысячи обѣщала ей, чтобы та насказала ему на насъ,—а теперь съ Сергѣемъ Васильичемъ въ стачку вошла... Вотъ она какая!

Иванъ Прокофьичъ. Все это пустяки-съ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, это не то что отъ себя говорю, а мнѣ Эмилія Петровна очень наказывала вамъ сказать.

Иванъ Прокофьичъ. Бабьи сплетни-съ.

Кириллъ Семенычъ. Сплетни-то сплетни-съ!.. Вчера, говорятъ, Сергѣй Васильичъ цѣлый вечеръ сидѣлъ у сестрицы...

Съ воспитанницей у него связь теперь затѣвается. Эмилія Петровна при всѣхъ хочетъ привесть ихъ въ краску.

Иванъ Прокофьичъ. Видно, ей самой завидно-съ.

Кириллъ Семенычъ. Похоже на то: не знаю, какъ нынче, а прежде между ними очень подозрительно было. Не оставьте меня, братецъ: человѣкъ я смирный; они этакіе хитрые люди: въ глазахъ обдѣлятъ; я съ ними и говорить не умѣю... Моя Варвара Михеевна, передъ отъѣздомъ сюда, цѣлый день меня бранила: и ротозѣемъ, и безпамятнымъ, и почти что дуракомъ называла, въ ноги велѣла вамъ поклониться, чтобы научили да наставили; а я одинъ что̀ съ ними сдѣлаю—пропаду!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Анна Ефремовна.

Анна Ефремовна (къ Ивану Прокофьичу). Здравствуй, мой родной! (Цѣлуется. Къ Кириллу Семенычу) Здравствуй, братъ Кирюша! (Протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ: она садится). Обошла я сейчасъ весь домъ, и такъ мнѣ сдѣлалось грустно и тошно... Нѣтъ нашего друга и благодѣтеля, не увидимъ мы его больше никогда: лежитъ онъ теперь въ сырой землѣ!..

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ тамъ-съ будемъ.

Анна Ефремовна. Конечно, всѣ тамъ будемъ: но при всемъ томъ невозможно быть равнодушнымъ при смерти близкаго человѣка, особенно съ моимъ привязчивымъ и чувствительнымъ характеромъ... Когда же мы, братъ, приступимъ къ раздѣлу?.. Право, невыносимо жить въ такомъ бездѣйствіи.

Иванъ Прокофьичъ. Хоть сейчасъ же: я все подготовилъ.

Анна Ефремовна. Сдѣлай милость, мой родной, покончите это скорѣе: я сегодня всю ночь не спала, не знала, куда дѣваться,—даже разсердилась на свою Катюшу: мнѣ тоска невыносимая, а она какъ убитая спитъ... Сходи, Кириллъ Семенычъ, и позови Сережу и Эмилію: мы сейчасъ же все покончимъ.

Кириллъ Семенычъ. Какъ братцу угодно... Прикажете позвать?

Иванъ Прокофьичъ. Позовите-съ. (Кириллъ Семенычъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Ефремовна и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна. Я, родной мой, нарочно услала брата Кирилла Семеныча. Мнѣ нужно съ тобой посовѣтоваться, и первое мое слово будетъ, чтобы намъ съ тобой, милый братъ, дѣйствовать въ нашемъ дѣлѣ единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Отчего же не единодушно-съ?

Анна Ефремовна. Ты, мой родной, какъ умный человѣкъ, самъ понимаешь, что въ этомъ состоитъ общая наша польза, и что прочихъ намъ опасаться нечего.

Иванъ Прокофьичъ. Отъ своего-съ никто не откажется.

Анна Ефремовна. По душѣ, можетъ-быть, но по уму они не поймутъ: ты самъ знаешь очень хорошо этихъ людей. Сергѣй—вѣтреный и безпутный мальчишка: деньги для него вода. Эмилія зла, но тоже пустая бабенка: она воображаетъ себя начитанной, а въ головѣ у ней ничего рѣшительно нѣтъ. Про Кириллушку и говорить нечего: по наклонностямъ онъ корыстолюбивъ, но, къ несчастію, ничего не понимаетъ.... Кто жъ тутъ еще остался? Никого... Не знаю, какъ ты, а я еще съ молодыхъ лѣтъ привыкла тебя любить и уважать больше всѣхъ моихъ родныхъ.

Иванъ Прокофьичъ. И я васъ уважаю-съ.

Анна Ефремовна. Благодарю, мой другъ. Будь увѣренъ, что вполнѣ это чувствую, и потому рѣшаюсь тебя прямо спросить: что ты предполагаешь назначить мнѣ изъ имѣнія покойнаго дяди?

Иванъ Прокофьичъ. Что сами захотите-съ.

Анна Ефремовна. Если ты, родной мой, такъ обязателенъ, то я не скрою отъ тебя моего желанія: мнѣ хочется получить братнину подмосковную. Знаю, что я тутъ немного выиграю, но мнѣ она необходима для моей московской жизни. Теперь я живу и каждое яйцо покупаю, а тутъ по крайней мѣрѣ запасъ свой будетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всей подмосковной много-съ.

Анна Ефремовна. Гдѣ же тутъ много, голубчикъ мой, разсуди ты хорошенько. Мнѣ подмосковная, а тебѣ этотъ Починокъ съ деревнями.

Иванъ Прокофьичъ. Если мнѣ уступятъ-съ Починокъ съ деревнями, такъ, пожалуй, берите подмосковную-съ.

Анна Ефремовна. Да какъ же иначе? Иначе и быть не можетъ. Я хоть сейчасъ подпишу Починокъ за тобой, и что бы другіе ни говорили, я слушать даже не буду... Старшій братъ, почтенный братъ, гордость, можно сказать, цѣлаго семейства— и чтобы ему не уступить лучшей усадьбы!.. это грѣхъ и стыдно!..

Иванъ Прокофьичъ. Что же-съ?.. вамъ одну подмосковную?

Анна Ефремовна. Изъ имѣнья одну подмосковную, а изъ денегъ что придется.

Иванъ Прокофьичъ. Да какія же вы еще деньги нашли?

Анна Ефремовна. Которыя похищены: онѣ, вѣроятно,

найдутся. Я, въ этомъ случаѣ, имѣю твердую и несомнѣнную надежду.

Иванъ Прокофьичъ. Чтобы отыскать-съ ихъ, такъ надобно хлопотать, а на хлопоты нужны деньги-съ.

Анна Ефремовна. Хлопотать объ этомъ, кромѣ тебя, некому,—я тебѣ скажу это въ глаза и за глаза и надѣюсь, что словъ моихъ ты не примешь за лесть.

Иванъ Прокофьичъ. Хлопотать безъ условія я не стану-съ: если сдѣлаютъ со мной условіе, пожалуй; а не то, какъ хотятъ-съ.

Анна Ефремовна. Въ чемъ же, другъ мой, условіе твое будетъ состоять?

Иванъ Прокофьичъ. Тамъ-съ увидите: я его помѣщу въ раздѣльномъ актѣ.

Анна Ефремовна. Не знаю, чего ты хочешь, и потому ничего не могу сказать, тѣмъ болѣе, что я тутъ не одна участвую,—но напередъ увѣрена въ твоемъ благородствѣ и безкорыстіи, и, чтобы показать, что я расположена къ тебѣ не на однихъ только словахъ, я торжественно тебѣ объявляю, что, какъ только кончится раздѣлъ нашъ и какъ я тамъ получу свою часть, сейчасъ же дѣлаю духовную на имя твоего сынка,—это ты знай и помни.

Иванъ Прокофьичъ. Благодарю покорно-съ.

Анна Ефремовна. Теперь мы, кажется, поняли другъ друга съ тобой, и я еще разъ повторяю: дѣйствовать единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Bonjour, ma tante! Здравствуйте, дядя! Я на васъ въ претензіи... Зачѣмъ вы заводскихъ лошадей угнали къ себѣ въ усадьбу? Я желаю ихъ за собой оставить.

Иванъ Прокофьичъ. Что вамъ пользы въ нихъ-съ?

Сергѣй Васильичъ. Гораздо больше, чѣмъ вамъ: я заводчикъ и въ лошадяхъ нуждаюсь. Мнѣ изъ домашней рухляди ничего рѣшительно не нужно: уступите только этихъ пять лошадей.

Иванъ Прокофьичъ. Мнѣ покойный дядя еще прошлаго года обѣщалъ ихъ-съ подарить.

Сергѣй Васильичъ. Обѣщалъ, да не подарилъ! Онѣ должны, какъ и все прочее, итти въ раздѣлъ.

Иванъ Прокофьичъ. Ну ужъ это завтра!

Сергѣй Васильичъ. Какъ же завтра? Я не согласенъ. (Садится съ досады).

Иванъ Прокофьичъ. Не соглашайтесь, пожалуй.

Анна Ефремовна. Теперь еще, Сережа, ничего не кончено: Богъ дастъ, будемъ дѣлиться; братъ, можетъ-быть, найдетъ и невыгоднымъ ихъ оставить за себя, или ты самъ передумаешь и уступишь, теперь еще ничего не видно.

Сергѣй Васильичъ. Во-первыхъ, ужъ онѣ отведены къ дядѣ въ усадьбу: слѣдовательно онъ нашелъ выгоднымъ ихъ взять; а во-вторыхъ, я не передумаю и не уступлю. Ѣхавши сюда, я только и мечталъ объ этихъ лошадяхъ,—а ужъ здѣсь и распорядились.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Эмилія Петровна съ Кирилломъ Семенычемъ.

Эмилія Петровна (ни съ кѣмъ не кланяясь, къ Ивану Прокофьичу). Я немного задержала: сейчасъ получила письмо отъ моего Симона и онъ прислалъ записочку, что мы желаемъ получить. (Подаетъ ему записку). Какъ тутъ написано, я не смѣю и не желаю перемѣнить. Десять лѣтъ я жила на его счетъ— и въ продолженіе этого времени бумажнаго платка не имѣла возможности купить на свои деньги; даже когда выходила замужъ, такъ онъ мнѣ дѣлалъ на свой счетъ башмаки. О сиротѣ никто изъ родныхъ не хотѣлъ подумать: всѣ были заняты собой.

Иванъ Прокофьичъ (читаетъ вслухъ, съ разстановкой, записку Эмиліи Петровны). «Желаемъ мы... получить на свою часть... подмосковную усадьбу Клинки, двадцать тысячъ деньгами и пятую часть изъ движимаго имѣнія»... Немного-съ.

Эмилія Петровна. Многаго мой мужъ и не позволитъ себѣ желать, а требуетъ, чтобы отдали намъ, что слѣдуетъ.

Анна Ефремовна. И всѣ, душа моя, хотятъ получить что слѣдуетъ, а о лишнемъ никто и не думаетъ...

Кириллъ Семенычъ. Гдѣ ужъ лишнее! Хоть бы свое получить. Я вотъ и бѣдный и семейный человѣкъ, а не смѣю просить чего-нибудь больше: прибавятъ что-нибудь изъ расположенія—благодаренъ буду, а нѣтъ,—такъ не обижусь: я такъ и женѣ сказалъ.

Эмилія Петровна. Мы съ вами, Кириллъ Семенычъ, объ этомъ по себѣ судить не можемъ: (взглядывая на Анну Ефремовну и Сергѣя Васильича) другіе думаютъ объ этомъ иначе.

Сергѣй Васильичъ. Что это значитъ, кузина, что вы, говоря эти слова, глядите на меня?

Эмилія Петровна. Ахъ, pardon! Я не знала, что на васъ нельзя взглянуть.

Сергѣй Васильичъ. Напротивъ, я всегда прихожу въ восторгъ, когда вы на меня смотрите.

Эмилія Петровна. Мегсі за комплиментъ. Сожалѣю, что не могу быть такъ же съ вами любезна.

Анна Ефремовна. Вы, Эмилія Петровна, сегодня что-то ужъ очень нелюбезны: даже теткѣ не хотите поклониться.

Эмилія Петровна. Вы, я думаю, не нуждаетесь въ моихъ поклонахъ.

Иванъ Прокофьичъ (вставая). Черновое условіе-съ подготовилъ: «18... года, октября... дня, мы, нижеподписавшіеся, а тутъ по формѣ-съ... Пунктъ первый: я, штыкъ-юнкеръ Кириллъ Семеновъ Манохинъ (Кириллъ Семенычъ подходитъ) получаю весь мужской гардеробъ покойнаго брата...»

Кириллъ Семенычъ. Вотъ за это, братецъ, благодарю: у меня все уйдетъ на пользу,—лоскуточка не брошу.

Иванъ Прокофьичъ. «А имѣющуюся изъ дамскихъ нарядовъ единственную турецкую шаль беру...» Кому тамъ-съ изъ васъ угодно? Вы ли-съ, Анна Ефремовна, возьмете, или Эмилія Петровна? Мнѣ все равно-съ... я такъ и запишу.

Эмилія Петровна. Я беру ее, дядюшка, за себя.

Анна Ефремовна. Нѣтъ, мой родной, эту шаль я желаю имѣть: она жены покойнаго брата, которая была всегда моимъ другомъ, и я желаю ее сохранить на память.

Иванъ Прокофьичъ. Какъ же-съ?

Эмилія Петровна. Я не уступаю.

Анна Ефремовна. А я подавно.

Иванъ Прокофьичъ. Такъ-съ разорвите пополамъ.

Анна Ефремовна. Пусть лучше разорвется пополамъ, но я не хочу, чтобы она была въ чьихъ-нибудь рукахъ.

Эмилія Петровна. И для меня это будетъ пріятнѣе.

Иванъ Прокофьичъ. Подайте, Кириллъ Семенычъ, шаль. (Кириллъ Семенычъ подаетъ). Рвать, что ли-съ?

Сергѣй Васильичъ (вставая и подходя). Конечно, рвать: давайте, я вамъ пособлю. (Разрываютъ шаль и подаютъ одну половину Аннѣ Ефремовнѣ, а другую Эмиліи Петровнѣ).

Сергѣй Васильичъ (садясь на мѣсто). C'est charmant!

Анна Ефремовна (Эмиліи Петровнѣ). Какъ это умно и благородно съ вашей стороны!

Эмилія Петровна. Точно такъ же, какъ и съ вашей.

Иванъ Прокофьичъ. «Пунктъ второй-съ: изъ полутора пуда серебра получить полпуда мнѣ, Ивану Прокофьичу Ма-

нохину, полпуда Аннѣ Ефремовнѣ Бурыленко и полпуда Эмиліи Петровнѣ Синицыной».

Кириллъ Семенычъ. А мнѣ-то, братецъ, что же? пустое мѣсто?

Иванъ Прокофьичъ. Вы-съ гардеробъ братнинъ получили: тутъ есть шуба въ двѣсти серебромъ.

Кириллъ Семенычъ. Какая ужъ шуба! вытерта.

Иванъ Прокофьичъ. Поправить можно-съ... «Третье: экипажи...»

Сергѣй Васильичъ. Вы обо мнѣ, Иванъ Прокофьичъ, кажется, совсѣмъ забыли; но я не умеръ еще,—увѣряю васъ: напротивъ, даже очень здоровъ.

Иванъ Прокофьичъ. Придетъ очередь и до васъ. «Экипажи: четырехмѣстную карету беру я, Кириллъ Семенычъ, двухмѣстную карету—я, Анна Ефремовна, коляску съ фордекомъ—я, Эмилія Петровна, тарантасъ крашеный—я, Сергѣй Васильичъ; а пролетки мнѣ-съ».

Сергѣй Васильичъ. Attendez, mon oncle, этого нельзя: пролетки на лежачихъ рессорахъ.

Иванъ Прокофьичъ. А вашъ тарантасъ на стоячихъ, что ли?

Сергѣй Васильичъ. Пролетки и тарантасъ двѣ вещи разныя; предоставьте мнѣ эту часть знать не хуже вашего: у меня цѣлый сарай экипажей.

Кириллъ Семенычъ. Братецъ, карета-то, которую вы мнѣ назначили, никуда не годится. У покойника индюшки въ ней яйца высиживали... Мнѣ только старье и даютъ.

Иванъ Прокофьичъ. На всѣхъ не угодишь... «Пунктъ четвертый: изъ бѣлья столоваго и прочаго, значащагося въ описи, одну половину дѣлимъ мы на равныя части—я, Анна Ефремовна, Эмилія Петровна и Сергѣй Васильичъ; а другую половину предоставляемъ мы брату и дядѣ нашему, Кириллу Семенычу, по многочисленности его семейства». Вотъ вамъ не старое.

Кириллъ Семенычъ. Не старое, братецъ: это хорошо,—да въ другомъ обидно.

Анна Ефремовна. Бѣлье, я полагаю, надобно раздѣлить поровну: кто жъ по хозяйству въ бѣльѣ не нуждается?

Эмилія Петровна. Я изъ бѣлья должна получить пятую часть: этого желаетъ мой мужъ, и я не могу измѣнить.

Иванъ Прокофьичъ. «Пятый пунктъ: посуда: пять дюжинъ тарелокъ Эмиліи Петровнѣ, стекло и хрусталь Аннѣ Ефремовнѣ, чашки, чайники и три желѣзные подноса Кириллу Семенычу, бритвенную шкатулку Сергѣю Васильичу; а

столовый и чайный приборъ съ голубыми разводами я беру за себя-съ».

Анна Ефремовна. Ты это, братъ, говоришь про саксонскій сервизъ?

Иванъ Прокофьичъ. Я не знаю-съ, какой онъ: можетъ-быть, и саксонскій.

Анна Ефремовна. Это, родной мой, перемѣните. Я буду покорнѣйше просить, чтобы этотъ сервизъ мнѣ уступили: у меня съ нимъ связано самое драгоцѣнное воспоминаніе; его подавали на моей свадьбѣ; а кому это время не дорого?

Кириллъ Семенычъ. А мнѣ опять старое: изъ чашекъ ни одной нѣтъ цѣлой,—всѣ съ трещиной; я еще вчера всѣ пересматривалъ. Согрѣшилъ я, грѣшный: ни въ чемъ мнѣ, видно, счастья нѣтъ.

Эмилія Петровна. Мнѣ пяти дюжинъ тарелокъ вовсе не нужно: что мнѣ съ ними дѣлать? Въ одномъ ужъ очень щедры, а въ другомъ скупы.

Сергѣй Васильичъ. Интереснѣе всего, что Иванъ Прокофьичъ беретъ себѣ и пролетки, и сервизы, а меня награждаетъ березовой шкатулкой съ двумя какими-то бритвами: это славно, право, славно!

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами отказались отъ движимости: я васъ не заставлялъ. Будьте благодарны, что и то даютъ... «Находящуюся въ двухъ усадьбахъ, въ здѣшнемъ Починкѣ и въ подмосковной Клинкахъ, всю мебель, а равно рогатый и другой скотъ наслѣдуютъ безраздѣльно тѣ, которые примутъ на себя вышеозначенные Починокъ и Клинки. Пунктъ седьмой: недвижимое: я, Кириллъ Семенычъ, принимаю на себя деревню Захарьино съ писаными за ней, по послѣдней ревизіи, восемьюдесятью душами и со всѣми замежеванными къ ней земельными угодьями, такъ какъ оныя прилегаютъ къ собственнымъ моимъ владѣніямъ. Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьимъ скотомъ, и семьдесятъ душъ».

Эмилія Петровна. Постойте, дяденька, я не согласна: это совершенно противно нашимъ намѣреніямъ.

Иванъ Прокофьичъ. Дайте-съ кончить-то! Послѣ наговоритесь... что вамъ не терпится!.. «А остальныя восемьдесятъ душъ около тѣхъ же Клинокъ, въ деревнѣ Зайцовѣ, получить мнѣ, Эмиліи Петровнѣ, съ половиннымъ количествомъ земли, замежеванной въ общую дачу Клинковъ съ Зайцовымъ...» Вотъ и вамъ досталось тутъ же... о чемъ хлопотали...

Анна Ефремовна. Перечитайте, мой родной, съ начала мой пунктъ: я что-то плохо понимаю. Дѣло вѣковое: надобно поступить пунктуально.

Иванъ Прокофьичъ (скороговоркой). «Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьимъ скотомъ, и семьдесятъ душъ».

Анна Ефремовна. Семьдесятъ мало, мой родной: при Починкѣ, который вы желаете оставить за собой, ихъ сто пятьдесятъ; въ этомъ количествѣ мнѣ принять безвыгодно.

Эмилія Петровна. У насъ не раздѣлъ, а умора: Аннѣ Ефремовнѣ семьдесятъ душъ съ усадьбой мало, а мнѣ только восемьдесятъ, безъ усадьбы и безо всего...

Иванъ Прокофьичъ. Никакой тутъ уморы нѣтъ, ваши восемьдесятъ душъ стоятъ вдвое противъ сестриныхъ.

Анна Ефремовна. Вотъ, видишь, мой родной, ты самъ сознаёшься, что меня обижаешь: это невозможно такъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вамъ усадьба идетъ: неужели вы этого не понимаете? «Изъ числа писанныхъ по усадьбѣ Починку полтораста душъ принять мнѣ, Сергѣю Васильичу Захарову, восемьдесятъ душъ, поселенныхъ въ деревнѣ Фарисеевкѣ; а мнѣ, Ивану Прокофьеву, владѣть остальными семьюдесятью душами и усадьбою Починкомъ, со всѣми его земельными, лѣсными и другими угодьями, скотомъ, господскимъ и надворнымъ строеніемъ, и все находящееся въ той усадьбѣ, за исключеніемъ движимости, значащейся въ раздѣльномъ актѣ, получитъ мнѣ безраздѣльно».

Сергѣй Васильичъ. Браво! Эта статья—верхъ совершенства. Вы, Иванъ Прокофьичъ, оставляете за собой и кровныхъ лошадей, и движимость, и усадьбу.

Иванъ Прокофьичъ. Вмѣсто усадьбы вамъ даютъ десять душъ лишнихъ. Братъ Кириллъ Семенычъ тоже беретъ восемьдесятъ душъ безъ усадьбы.

Кириллъ Семенычъ. Ай, братецъ! Вся ваша воля, я Захарьина не беру: что-что восемьдесятъ душъ!

Иванъ Прокофьичъ. Ну, такъ возьмите фарисеевскихъ восемьдесятъ.

Кириллъ Семенычъ. А въ Фарисеевкѣ развѣ лучше? Вотъ какъ въ Починкѣ, такъ не скажемъ...

Иванъ Прокофьичъ (передразнивая его). Не скажемъ... Вы только затѣмъ и ротъ разѣваете, чтобы сказать пустяки!.. «Объ имѣвшихся у покойнаго нашего брата деньгахъ, которыя въ настоящее время похищены, всѣ мы, вышеозначенные

наслѣдники, уполномочиваемъ разыскивать оныя коллежскаго асессора Ивана Прокофьича Манохина, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя всѣ нужные къ тому дѣлу предварительные расходы, кои мы, съ своей стороны, въ случаѣ неотысканія денегъ, обязуемся ему, Ивану Манохину, пополнить, по причитающейся на каждаго части, изъ своихъ собственныхъ доходовъ: а въ случаѣ же, буде тѣ деньги отыщутся, то предоставляемъ ему, Ивану Манохину, двѣ трети, а остальную треть раздѣлить между собой...» Вотъ и все-съ. (Садится. Молчаніе).

Эмилія Петровна (заговариваетъ первая). Ни съ четвертымъ, ни съ пятымъ, ни съ шестымъ, ни съ седьмымъ пунктами я не могу согласиться. Симонъ мнѣ назначилъ принять подмосковную Клинки, и я ихъ никому не уступлю.

Анна Ефремовна. Вы бы, Эмилія Петровна, ужъ лучше написали, чтобы вамъ все съ мужемъ отдали: это было бы выгоднѣе.

Эмилія Петровна. Всего я никакъ не надѣюсь получить, оттого что дѣйствую прямо, а не отдаленными путями. Я къ покойному дѣдушкѣ, чтобы выиграть въ его мнѣніи, не писала черезъ служанокъ писемъ. У меня нѣтъ ни воспитанницъ ни племянниковъ, которые бы мнѣ помогали, а имѣю только мужа, волю котораго и исполняю.

Анна Ефремовна. Пріостановитесь, Эмилія Петровна: вы ужъ черезчуръ зафантазировались,—пріостановитесь! Вы слишкомъ еще молоды, чтобы задѣвать тетку, къ которой вы обязаны почтеніемъ.

Эмилія Петровна. Ахъ, Боже мой! Не могу же я быть такая почтительная племянница, какъ вашъ племянникъ Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вамъ Сергѣй Васильичъ помѣшалъ? Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ; я васъ не трогаю! Что вамъ надобно отъ меня?

Эмилія Петровна. Какъ вы самолюбивы: вы думаете, что вами всѣ интересуются? Ошибаетесь: повязка съ глазъ спала, — теперь васъ очень хорошо понимаютъ. Я, дядюшка Иванъ Прокофьичъ, сказала вамъ рѣшительно, что несогласна ничего уступить, что захотятъ Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Анна Ефремовна. Она съ ума сошла, право, съ ума сошла! Ты полѣчись, душа моя: этакой болѣзни запускать не надобно. Ты и всегда была интересантка; но по крайней мѣрѣ прежде ты скрывала, а теперь... это ужасъ!

Эмилія Петровна. Пусть я буду интересантка и безумная,

а обсчитать вамъ себя не позволю. Дядя Кириллъ Семенычъ будетъ тоже согласенъ со мной, потому что, пользуясь его добротой, ему тоже ничего не даютъ.

Кириллъ Семенычъ. Истинно такъ, ничего не даютъ. Я только говорить боюсь. Какъ братцу Ивану Прокофьичу угодно, а мнѣ къ этому подписаться нельзя. Захарьина я не беру; а изъ движимости только и надѣлили старымъ платьемъ: живи, какъ хочешь! Обидѣть меня легко: человѣкъ я кроткій. Вамъ, сестрица Анна Ефремовна, хорошо: вы и умныя и бойкія; а я что?

Анна Ефремовна. Это, стало-быть, Сережа, мы съ тобой больше всѣхъ получили?

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ жъ, ma tante, я больше всѣхъ получилъ? Мнѣ Богъ знаетъ что такое надавали!.. Иванъ Прокофьичъ захватилъ все себѣ. Однѣ лошади стоятъ три тысячи цѣлковыхъ...

Анна Ефремовна. Къ этому, другъ мой, я и веду разговоръ. (Къ Эмиліи Петровнѣ и Кириллу Семенычу) Успокойтесь, милостивые государи, я тоже несогласна: брата Кирилла Семеныча мнѣ тяжело даже видѣть. Онъ старается представить изъ себя какого-то попрошайку, которыхъ никогда еще въ нашемъ родствѣ, благодаря Богу, не было. А васъ, Эмилія Петровна, я заставлю молчать, и вы раскаетесь въ томъ, что наговорили. Вы надѣетесь на благородство Сережи: остерегитесь, на все есть границы; но что слишкомъ грустно для моего сердца, такъ это то, что я ошиблась въ братцѣ Иванѣ Прокофьичѣ! За всю мою слѣпую и глупую, можно сказать, любовь, онъ мнѣ платитъ не тѣмъ...

Иванъ Прокофьичъ (сидѣвшій, отвернувшись отъ всѣхъ, устремивъ глаза на потолокъ, оборачивается къ Аннѣ Ефремовнѣ). Что же-съ вамъ еще надобно?

Анна Ефремовна. Родной мой, ты самъ знаешь, что мнѣ надобно: я желаю получить подмосковную по крайней мѣрѣ со ста душами. Отъ денегъ я тоже не могу отказаться.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ: вамъ подмосковная со ста душами да денегъ тысячъ пятьдесятъ, что ли?

Анна Ефремовна. Я довольна буду двадцатью пятью.

Иванъ Прокофьичъ. Положимъ, такъ-съ. (Сергѣю Васильичу) Вы чего желаете-съ?..

Сергѣй Васильичъ. Мнѣ надобно тоже денегъ, лошадей оставьте за мной и дайте крестьянъ.

Иванъ Прокофьичъ. Я думаю, этакъ душъ полтораста?

Сергѣй Васильичъ. Безъ усадьбы, конечно, полтораста.

Иванъ Прокофьичъ. Ну, вотъ полтораста, — да денегъ тысячъ тридцать? Довольно?

Сергѣй Васильичъ. Довольно.

Иванъ Прокофьичъ (къ Эмиліи Петровнѣ). Вамъ чего сколько-съ?

Эмилія Петровна. Мнѣ — что написано въ запискѣ; я больше не желаю.

Иванъ Прокофьичъ (къ Кириллу Семенычу). А вы что-съ?

Кириллъ Семенычъ. Серебра вы, братецъ, мнѣ ничего не дали: у меня въ домѣ всего двѣ дюжины ложекъ; мнѣ серебро очень нужно.

Иванъ Прокофьичъ. Пудъ, что ли, вамъ отдать?

Кириллъ Семенычъ. Пудъ ужъ гдѣ! Хоть бы полпуда! Изъ платья, если хотите, я уступлю вамъ или Сергѣю Васильичу.

Иванъ Прокофьичъ. А недвижимое — какъ по-вашему, сколько вамъ слѣдуетъ?

Кириллъ Семенычъ. Изъ недвижимаго, братецъ, Починокъ бы мнѣ получить; а Захарьино мнѣ не къ рукамъ.

Иванъ Прокофьичъ. Слава Богу, раздѣлились! Я тоже себѣ часть выдѣлю!.. Эй, Степанъ! (Степанъ входитъ). Позови еще Фильку и Ѳомку... (Обращается къ роднымъ) Покойной ночи желаю вамъ!.. До пріятнаго свиданья-съ! Я тоже себѣ выдѣлю! (Уходитъ въ сильномъ азартѣ).

Анна Ефремовна. Боже мой, что онъ хочетъ предпринять?

Кириллъ Семенычъ. Согрѣшили мы несчастные! (Всѣ остаются въ страхѣ или въ недоумѣніи).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Наугольная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Ефремовна сидитъ въ большихъ креслахъ; Катенька стоитъ сзади и растираетъ ей руку.

Анна Ефремовна. Не тутъ... Ниже... Неужели ты по сю пору не знаешь, которое мѣсто у меня поражено?.. Теперь выше, да прижимай крѣпче: надобно кровь разбить... Такой несообразительной дѣвочки, какъ ты, chère Катишь, трудно

даже вообразить: ты умѣешь только ѣсть и спать; признательности въ тебѣ никакой: покойна ли я, или разстроена, тебѣ все равно. (Катенька плачетъ). А, тутъ слезы... Раскаяніе, другъ мой, полезно, если оно влечетъ за собой исправленіе, а если нѣтъ, такъ для чего же оно?.. Сейчасъ раскаешься, а черезъ полчаса сдѣлаешь еще хуже.

Катенька. Я не знаю, маменька, чѣмъ я противъ васъ виновата.

Анна Ефремовна. Ты виновата холодностью, своей нелюбовью, своимъ невниманіемъ ко мнѣ.

Катенька. Я васъ очень люблю, и если что дѣлаю нехорошо, такъ безъ всякаго умысла.

Анна Ефремовна. Нехорошо дѣлать съ умысломъ или безъ умысла: все нехорошо... Отчего же я, старуха, не позволю себѣ ничего, что бы могло быть названо дурнымъ? Здѣсь теперь всѣ мои родные: чего они ни дѣлаютъ, на что ни рѣшаются, а я одна держу себя благородно... Видишь ли ты это?

Катенька. Вижу-съ.

Анна Ефремовна. А кому ты должна подражать? Мнѣ или другимъ?

Катенька. Вамъ, маменька!

Анна Ефремовна. Вамъ, маменька!.. Это только одни слова пустыя, а на дѣлѣ ничего нѣтъ.

Катенька. Я стараюсь.

Анна Ефремовна. Не вижу я съ твоей стороны никакого старанія... Если бы старалась, такъ понимала бы, въ какомъ я теперь ужасномъ положеніи! Я ѣхала сюда поправить свои обстоятельства, а что же вышло? Другой день сижу безъ кофею, потому что не на что купить этихъ пустяковъ... Будь у меня хоть сколько-нибудь денегъ, я бы минуты здѣсь не осталась и прямо бы поѣхала въ подмосковную. Ты смотришь, что я по наружности покойна,—такъ узнай, что у меня на сердцѣ происходитъ. Надобно имѣть мой твердый характеръ, чтобы все это скрыть и перенесть. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ у меня теперь остался одинъ только Сережа, а ты и того своимъ глупымъ обращеніемъ отталкиваешь отъ меня.

Катенька. Вы меня, маменька, за него въ Москвѣ сами бранили: онъ очень нехорошо со мной обращается.

Анна Ефремовна. Если я тебя бранила, такъ, вѣроятно, за что-нибудь въ самомъ дѣлѣ нехорошее, и ты все-таки должна помнить, что онъ мой племянникъ. Изволь сейчасъ утереть слезы и не хмурься! Я ненавижу сердитыя лица.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ разстроенный.

Анна Ефремовна. Вотъ онъ и самъ, легокъ на поминѣ... Что съ тобой, Сережа? На тебѣ лица нѣтъ!

Сергѣй Васильичъ. Это ужасно, ma tante! Этотъ Иванъ Прокофьичъ Богъ знаетъ что дѣлаетъ!

Анна Ефремовна. Что такое еще? Ахъ, Творецъ, Творецъ мой небесный! Пошли только терпѣнье.

Сергѣй Васильичъ. Онъ собирается къ себѣ увезти все, наряжаетъ подводы, распоряжается людьми; а когда я велѣлъ заложить пролетки и хотѣлъ осмотрѣть шесть хомутовъ,—потому что онъ какъ ни кричи, а я ему этихъ вещей не уступлю,—онъ вдругъ запрещаетъ, избилъ моего кучера.

Анна Ефремовна. Отступись, мой другъ; смири себя и отнеси это къ его необразованію.

Сергѣй Васильичъ. Хорошо необразованіе!.. Позволять себѣ дѣлать все, а мы должны смотрѣть на все равнодушно!..

Анна Ефремовна. Не равнодушно, мой другъ, а мы теперь должны имѣть другое въ виду: пускай онъ тутъ куролеситъ, а намъ надобно ѣхать въ подмосковную, которая, самъ согласись, цѣлый мѣсяцъ безъ всякаго надзора; надобно же кому-нибудь принять ее поскорѣе.

Сергѣй Васильичъ. Вы куда хотите поѣзжайте, а я отсюда не тронусь и шагу ему не дамъ ступить безъ себя.

Анна Ефремовна. Если ты, мой другъ, непремѣнно хочешь, такъ оставайся,—это будетъ даже полезно, потому что ты все-таки своимъ вліяніемъ будешь ограничивать его; но меня, мой другъ, отпусти.

Сергѣй Васильичъ. Я васъ и не держу, ma tante.

Анна Ефремовна. Но тутъ, другъ мой, дѣло вотъ въ чемъ: надѣясь на твое расположеніе, я хочу повѣрить тебѣ маленькій секретъ мой. Смѣшно сказать, а мнѣ тронуться отсюда нельзя: поѣхавъ изъ Москвы, я думала, что я сейчасъ получу наслѣдство, и очень мало взяла съ собой денегъ, и теперь сижу безъ полушки... Во всю жизнь со мной не бывало такого случая... Ты, конечно, одолжишь мнѣ рублей сто на дорогу; ужъ это будетъ и кстати къ тѣмъ, которые я тебѣ должна, и всю ужъ сумму сполна я къ тебѣ вышлю съ первой же почтой.

Сергѣй Васильичъ. Очень бы радъ вамъ служить, ma tante, но у меня у самого нѣтъ денегъ ни гроша...

Анна Ефремовна. Какъ ни гроша?

Сергѣй Васильичъ. Да такъ—ни грошa, да и только.

Анна Ефремовна (грустно). Пустяки! Не хочешь дать: это другое дѣло. Вотъ въ этакихъ случаяхъ, другъ мой, и узнаётся расположеніе. Какъ разсудить теперь хорошенько, такъ и увидишь, что Ивана Прокофьича обвинять во многомъ и не за что: онъ дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ прямо.

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ же мнѣ взять вамъ денегъ? Не украсть же ихъ мнѣ!

Анна Ефремовна. Кто жъ васъ заставляетъ украсть? И что это у васъ за выраженія! Я не Эмилія Петровна, съ той вы говорите, какъ вамъ вздумается, а со мной прошу быть осторожнѣе... (Къ Катенькѣ) Что ты здѣсь сидишь? У тебя особенная страсть быть тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Какъ гдѣ только мужчины, тутъ насъ извините, тутъ мы приросли къ мѣсту... Иди въ свою комнату. (Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Я не понимаю, ma tante, за что вы на всѣхъ сердитесь.

Анна Ефремовна. Ни на кого я не сержусь, а оплакиваю, что мнѣ цѣлый вѣкъ суждено въ людяхъ ошибаться. Я ко всѣмъ съ распростертыми объятіями и готовностью отдавать всякому родному послѣднее, а мнѣ отвѣчаютъ одной холодностью. Я другимъ снисхожу недостатки и даже терплю пороки ихъ, а мнѣ въ истинной нуждѣ никто не хочетъ помочь.

Сергѣй Васильичъ. Вы требуете невозможнаго: дай вамъ денегъ, когда ихъ у самого нѣтъ!

Анна Ефремовна. Это одна ничтожная отговорка. Если у тебя и дѣйствительно нѣтъ то ты, какъ мужчина, сейчасъ можешь достать.

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ же я могу достать? У меня нѣтъ здѣсь заемнаго банка.

Анна Ефремовна. Хорошо... будь по-вашему... (Звонитъ. Является горничная). Позови мнѣ, пожалуйста, старосту. (Къ Сергѣю Васильичу) Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ: я больна и разстроена.

Сергѣй Васильичъ. Что жъ вы меня гоните отъ себя?

Анна Ефремовна. Я не гоню, а прошу дать мнѣ покой. Это желаніе въ мои лѣта весьма извинительно; а съ твоей стороны очень неделикатно не понимать этого.

Сергѣй Васильичъ. Извольте, я уйду; пожалуй, сердитесь: для меня, право, все равно.

Анна Ефремовна. Я это вижу.

Сергѣй Васильичъ (уходя). Какъ вы смѣшны!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анна Ефремовна (вслѣдъ ему). Я сумасшедшая была, что понадѣялась на этого повѣсу. (Входитъ староста).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Ефремовна и Ѳаддей Сидоровъ.

Анна Ефремовна. Здравствуй, Ѳаддеюшка! Я ужъ тебя давно поджидаю. Что скажешь хорошенькаго?

Ѳаддей Сидоровъ. А что сказать-съ! хорошаго мало.

Анна Ефремовна. Что жъ насчетъ денегъ, голубчикъ мой, когда ты меня удовлетворишь?

Ѳаддей Сидоровъ. Искалъ вчера, по вашему приказанію.

Анна Ефремовна. Ну, что же?..

Ѳаддей Сидоровъ. Нигдѣ не могъ достать.

Анна Ефремовна. Такъ ты бы, другъ мой, покуда мнѣ своихъ далъ, хоть бы рублей семьдесятъ серебромъ: послѣ получишь.

Ѳаддей Сидоровъ. Какія у меня, сударыня, свои деньги! своихъ у меня нисколько нѣтъ.

Анна Ефремовна. Какъ же нисколько, когда ты даже передъ смертью дяди получилъ пятьдесятъ рублей серебромъ въ награду?

Ѳаддей Сидоровъ. Только и есть; да и тѣ запечатаны.

Анна Ефремовна. Отчего жъ это никто не хочетъ повѣрить мнѣ?

Ѳаддей Сидоровъ. Иванъ Прокофьичъ запретъ сдѣлалъ.

Анна Ефремовна. Это какими судьбами?

Ѳаддей Сидоровъ. Не могу ничего знать.

Анна Ефремовна. Такъ твоя обязанность, Ѳаддей Сидоровъ, внушить: ты мужикъ умный... Неужели не понимаешь, что Иванъ Прокофьичъ и я здѣсь равны.

Ѳаддей Сидоровъ. Говорено было, да толкуютъ другое. Починокъ, говорятъ, Ивану Прокофьичу достался: онъ вчера объ этомъ повѣстилъ всѣхъ.

Анна Ефремовна. А! Если это такъ, такъ поди же и объяви отъ моего имени, что Ивану Прокофьичу никогда Починокъ не достанется. Мы, всѣ родные, на это несогласны.

Ѳаддей Сидоровъ. Какъ мнѣ это, сударыня, дѣлать! Вся ваша воля... а мнѣ дѣлать эвтакія дѣла опасно!

Анна Ефремовна. Отчего же тебѣ съ Иваномъ Прокофьичемъ не опасно дѣлать? Какъ же ты его допускаешь здѣсь распоряжаться, какъ въ собственномъ имѣніи? Ты думаешь, что мы не знаемъ, что вы хлѣбъ думаете вывезти? Все, мой милый, знаемъ, все намъ извѣстно.

Ѳаддей Сидоровъ. Я тутъ воспрещать не могу.

Анна Ефремовна. Ты долженъ однако слушаться и меня.

Ѳаддей Сидоровъ. Я и то слушаюсь; отъ меня, кажись...

Анна Ефремовна. Ну, не разсуждай много, любезный... я не люблю говоруновъ. (Гордо и строго) Сколько послѣ покойнаго дяди осталось хлѣба?

Ѳаддей Сидоровъ. Хлѣба довольно-съ.

Анна Ефремовна. Сколько именно?

Ѳаддей Сидоровъ. Четвертей двѣсти съ лишкомъ есть одной ржи.

Анна Ефремовна (совсѣмъ ужъ поднявъ голову). Собери же сейчасъ какъ можно больше подводъ, забери сто четвертей и продай въ городѣ, а деньги доставь мнѣ... Можешь итти.

Ѳаддей Сидоровъ. Я, сударыня, по себѣ хлѣба продавать не смѣю: у Ивана Прокофьича теперь и ключи всѣ отъ амбаровъ на храненіи.

Анна Ефремовна. Я съ Иваномъ Прокофьичемъ не только что говорить, видѣться не хочу; а я требую, чтобы ты исполнилъ мое приказаніе; а ты дѣлай, какъ хочешь. (Староста, постоявъ нѣсколько времени, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Ефремовна сперва одна, потомъ Катенька.

Анна Ефремовна (одна). Послѣдняя надежда лопнула... Господи, вразуми меня!.. Соображеніе даже начинаю терять... Развѣ сойтись опять съ братомъ Иваномъ? Я это еще прежде предчувствовала. Пускай бы другіе ему противорѣчили: онъ бы на нихъ разсердился, а со мной бы еще больше сблизился и отпустилъ бы меня въ подмосковную. Опъ здѣсь, а я тамъ,— и прекрасно бы было!.. Катенька!.. (Катенька входитъ). Приготовься писать...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Григорій, съ заткнутой за петлю салфеткой.

Григорій. Гдѣ прикажете, матушка, на столъ накрывать? Хотѣлъ-было въ столовой — Эмилія Петровна не приказала: Матвѣевну теперь взяли для всѣхъ услугъ. Иванъ Про-

кофьичъ тоже ничего не сказалъ... На сколько теперь приборовъ накрывать—не знаю..

Анна Ефремовна. Ты все еще, Григорьюшка, попрежнему, какъ при дядѣ, бывало, хочешь видѣть всѣхъ насъ за общимъ столомъ? Нѣтъ, старичокъ, мы не только что обѣдать, мы имени слышать другъ друга не можемъ.

Григорій. Слышалъ, матушка Анна Ефремовна! Экое дѣло! все у васъ на неудовольствіе пошло.

Анна Ефремовна. Грѣхъ на дядюшкѣ: какъ бы онъ оставилъ одному, такъ бы лучше было... Я тебя думаю, Григорьюшка, взять къ себѣ. На-дняхъ ѣду я въ Москву. Соберись, голубчикъ, со мной. Что тебѣ здѣсь дѣлать!

Григорій. Какъ вамъ угодно; я ни отъ чего не прочь. Службы-то отъ меня спрашивать нельзя: старъ больно.

Анна Ефремовна. Не для службы я тебя беру, а успокоить твою старость желаю, въ память моего друга и дяди, къ которому ты неличемѣрно былъ привязанъ. У тебя, должно-быть, есть деньжонки и имѣньице какое-нибудь? Какъ бы тебѣ его выручить? Иванъ Прокофьичъ, говорятъ, все у васъ запечаталъ.

Григорій. А что, матушка, у меня ничего нѣтъ. Одинъ чуланчишко; а въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ сапожишковъ.

Анна Ефремовна. Куда же ты деньги-то дѣвалъ, пятьдесятъ рублей серебромъ, которыми тебя наградили?

Григорій. Дочкѣ отослалъ; она у меня за мѣщанина выдана. Думалъ, за старостью она призритъ: мнѣ на хлѣбъ и хватитъ, а ей будетъ полегче: даромъ что въ мѣщанствѣ, а небогато живетъ. Самъ-то бы и старателенъ и работящъ, да какъ-то безтолковъ, дуракъ очень.

Анна Ефремовна (Катенькѣ). Готова ли ты? (Григорію) Ступай; я обѣдать не буду.

Григорій. Ну вотъ тебѣ! Никто и обѣдать не хочетъ... Экія времена пришли! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна. Матвѣевна правду сказала: прелукавый старичишка! (Катенькѣ) Пиши. (Диктуетъ) «Многоуважаемый братецъ Иванъ Прокофьичъ! Другой день я не осушаю глазъ послѣ той непріятности, которая, совершенно съ моей стороны невинно, вышла между нами. Повѣрьте, родной мой братецъ, я совершенно согласна на ваши желанія, и если

что сказала, такъ для того только, чтобы остановить прочую нашу роденьку. Я прежде говорила и теперь готова письменно подтвердить, что Починокъ долженъ вамъ принадлежать, и въ доказательство этого хочу уѣхать отсюда. Изъ движимости я возьму только, что вами мнѣ предназначено. Двумѣстную карету оставляю въ вашу пользу и вмѣсто нея прошу мнѣ выдать хоть сто рублей серебромъ, чтобъ я имѣла возможность отсюда уѣхать, потому что говорю вамъ, какъ брату, на участіе котораго всегда надѣялась, что я не имѣю полушки въ моемъ кошелькѣ. При составленіи раздѣльнаго акта я буду просить васъ оставить за мной подмосковную, какъ вы уже и обѣщали. Примите, любезный братецъ, мое искреннее увѣреніе въ томъ душевномъ расположеніи, которое всегда питала по гробъ васъ любящая...» Хорошо, дай мнѣ. (Подписывается). Теперь сходи, душа моя, отыщи брата и сама отдай ему въ руки. (Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Ефремовна (одна). Хоть бы въ этомъ мнѣ успѣть! Такой страдалицы, какъ я, нѣтъ, кажется, на свѣтѣ другой! Съ пятнадцати лѣтъ все въ долгахъ, и сама не понимаю, отчего это происходитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Катенька.

Катенька (вбѣгая). Маменька!..

Анна Ефремовна. Что еще такое случилось?

Катенька. Сергѣй Васильичъ!.. онъ тамъ, въ коридорѣ: мнѣ пройти нельзя.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ (показываясь въ дверяхъ). Не вѣрьте, ma tante: я, право, ничего.

Анна Ефремовна. Сергѣй Васильичъ... имѣйте хоть сколько-нибудь стыда... Извольте отсюда итти: я видѣть васъ не желаю.

Сергѣй Васильичъ. Зачѣмъ же уйти? развѣ я вамъ мѣшаю?

Анна Ефремовна. Повторяю вамъ, идите вонъ... повѣса!

Сергѣй Васильичъ. Что жъ вы кричите? Напередъ заплатите деньги, которыя вы мнѣ должны.

Анна Ефремовна. Теперь не мѣсто и не время объ этомъ говорить... Отдала ли ты, Катюша, брату Ивану письмо, и что онъ тебѣ сказалъ?

Катенька. Отдала, маменька; онъ просилъ васъ черезъ полчаса прійти въ большую залу.

Анна Ефремовна (къ Сергѣю Васильичу). Уйдете вы или нѣтъ?

Сергѣй Васильичъ. Чѣмъ же я васъ безпокою?

Анна Ефремовна. Всѣмъ! И я вынужена буду просить сюда брата Ивана Прокофьича, чтобъ онъ васъ научилъ быть вѣжливѣе.

Сергѣй Васильичъ. Вы заблуждаетесь, ma tante. Иванъ Прокофьичъ ужъ за мной присылалъ; мы будемъ съ нимъ скоро друзья, и я ему разскажу все, на что вы меня подучали, adieu! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна (всплеснувъ руками). Боже мой, Боже мой! подкрѣпи меня... Чего я ни терпѣла, чего ни переношу! всѣ меня оскорбляютъ... (Начинаетъ рыдать).

Катенька. Да вы, маменька, успокойтесь: прилегли бы немного.

Анна Ефремовна (слабымъ голосомъ). Сведи меня. (Катенька береть ее подобострастно подъ руку и уводитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Входятъ Иванъ Прокофьичъ и Кириллъ Семенычъ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, ничего не говорилъ, ей-Богу, ничего не говорилъ: вы тогда не разслушали, а я слова противъ васъ не сказалъ. Больше все говорили Эмилія Петровна да Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофьичъ (садясь). Мнѣ-съ все равно.

Кириллъ Семенычъ. Я ужъ теперь съ Эмиліей Петровной поссорился: начала меня посылать въ городъ, чтобы я ѣхалъ да на васъ жалобу подалъ: я не согласился.

Иванъ Прокофьичъ. Въ чемъ же-съ жалобу-съ?

Кириллъ Семенычъ. А вотъ, что вы... усадьбу, говоритъ, хотите разорить. Все теперь сидитъ съ Матвѣевной да разсуждаетъ. Совѣтницу какую нашла! Даромъ, что молодая ба-

рыня, а хуже старой: въ домѣ все на замкѣ; какъ куда уѣзжаетъ изъ дому, будто не нарочно и увезетъ всѣ ключи съ собой; а Симонъ и ходитъ по горницамъ да хлопаетъ глазами. (Иванъ Прокофьичъ не слушаетъ. Кириллъ Семенычъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія) Вы бы, братецъ, опять насъ подѣлили; а то что намъ безъ васъ дѣлать! Пожалуй, живи здѣсь— толку ничего не будетъ! Лучше бы ужъ на одинъ конецъ.

Иванъ Прокофьичъ. Если-съ мнѣ не дадутъ-съ, что я себѣ написалъ-съ, я ничего не буду дѣлать.

Кириллъ Семенычъ. Такъ и возьмите, что написали: я не прочь... Стану ли я съ вами спорить?

Иванъ Прокофьичъ. А сами на Починокъ бьете?

Кириллъ Семенычъ. Въ этомъ виноватъ: прежде хотѣлось; а теперь нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Чего же вы теперь желаете?

Кириллъ Семенычъ. Душъ сто безъ усадьбы, да серебра тоже желаю: про серебро мнѣ Варвара Михеевна очень наказывала...

Иванъ Прокофьичъ. Подпишите за мной Починокъ, такъ все это получите.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Эмилія Петровна (за дверью).

Эмилія Петровна. Иванъ Прокофьичъ здѣсь?

Иванъ Прокофьичъ. Здѣсь-съ.

Эмилія Петровна. Одинъ?

Иванъ Прокофьичъ. Одинъ-съ... Вы ступайте!

Кириллъ Семенычъ. Слушаю-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Эмилія Петровна (входя въ заднюю дверь). Я пришла съ вами говорить въ послѣдній разъ: долго ли у насъ это будетъ?

Иванъ Прокофьичъ. Отъ васъ зависитъ.

Эмилія Петровна. Извините: отъ меня ничего, а все отъ васъ... Я буду губернатору жаловаться. Онъ очень любитъ брата Колю и уважаетъ все наше семейство.

Иванъ Прокофьичъ. За что же вы будете жаловаться?

Эмилія Петровна. А за то, что вы мнѣ не выдѣляете моей части.

Иванъ Прокофьичъ. Я вамъ уступаю-съ подмосковную.

Эмилія Петровна. Да гдѣ жъ это? Я ничего еще покуда не вижу. Бросила мужа, хозяйство: живу здѣсь цѣлую недѣлю, безъ обѣда, въ холоду. Анна Ефремовна трубы отъ моей комнаты не позволяетъ закрывать въ ея спальнѣ: у меня никакого терпѣнья недостаетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами еще мнѣ ничего не уступили.

Эмилія Петровна. Чего я вамъ не уступила?

Иванъ Прокофьичъ. Починка не уступаете мнѣ.

Эмилія Петровна. Напрасно: про Починокъ я ничего не говорила; берите,—только чтобы подмосковная моя была.

Иванъ Прокофьичъ. На словахъ мало говорить, а надо написать-съ.

Эмилія Петровна. Я и напишу; только вотъ еще что: я хочу, чтобы вы Аннѣ Ефремовнѣ и Сергѣю Васильичу какъ можно меньше дали.

Иванъ Прокофьичъ. Я имъ меньше и дамъ-съ.

Эмилія Петровна. Еще я требую, чтобы вы кончили сегодня. Дольше мнѣ жить здѣсь очень наскучило: я хозяйка, имѣю обязанности. Симонъ, я думаю, и теперь на меня сердится: я его совсѣмъ кинула.

Иванъ Прокофьичъ. Кончимъ... Теперь пожалуйте въ залу: я сейчасъ туда приду-съ.

Эмилія Петровна. Хорошо.

(Идетъ; навстрѣчу ей Сергѣй Васильичъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Bonjour, ma cousine!

Эмилія Петровна. Bonjour. Какъ вы сегодня добры!

Сергѣй Васильичъ. Я всегда такой.

Эмилія Петровна. Полноте обманывать. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Вы меня къ себѣ звали?

Иванъ Прокофьичъ. Да-съ... За что вы на меня сердитесь?

Сергѣй Васильичъ. Вы сами это должны хорошо знать... Позволяете себѣ дѣлать чортъ знаетъ что такое.

Иванъ Прокофьичъ. Что же я такое дѣлаю? Вы сами толкомъ не скажете, что хотите получить, а послѣ сердитесь.

Сергѣй Васильичъ. Я хочу получить денегъ, имѣнья и лошадей, которыхъ вы увели въ свою усадьбу.

Иванъ Прокофьичъ. Лошадей можно привести и назадъ: не прикованныя онѣ тамъ стоятъ.

Сергѣй Васильичъ. Сдѣлайте милость.

Иванъ Прокофьичъ. И вамъ вѣдь мнѣ надобно уступить: я для васъ все сдѣлаю-съ.

Сергѣй Васильичъ. Что же я вамъ могу уступить?

Иванъ Прокофьичъ. Я Починокъ желаю за собой оставить: онъ вамъ совершенно не нуженъ; онъ выгоденъ при хозяйствѣ, а чтобы хозяйничать, такъ надобно жить здѣсь; а вы ужъ Москвы не оставите.

Сергѣй Васильичъ. Разумѣется! Поѣду я въ эту глушь!

Иванъ Прокофьичъ. Такъ ужь и не спорьте въ этомъ; я его возьму.

Сергѣй Васильичъ. Берите.

Иванъ Прокофьичъ. При Починкѣ мнѣ пойдетъ семьдесятъ душъ и вамъ столько же,—только я не знаю, въ которыхъ мѣстахъ: здѣсь или подъ Москвой?

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ хотите; одно — чтобы было хорошее имѣнье. (Зѣваетъ). Вы слышали, тетушка Анна Ефремовна хочетъ уѣхать въ подмосковную и тамъ распоряжаться; вы остерегитесь ея.

Иванъ Прокофьичъ. Кто ее пуститъ! Пойдемте однако.

Сергѣй Васильичъ. Идемъ! (Уходятъ).

Занавѣсъ опускается.

СЦЕНА II.

Прежняя зала.

ЯВЛЕНІЕ I.

На правой сторонѣ Анна Ефремовна и Кириллъ Семенычъ, а на лѣвой — Эмилія Петровна.

Анна Ефремовна. И не дождешься, кажется, этакой радости, когда эти наши сходбища кончатся. Я въ такомъ теперь положеніи, что, ей-Богу, ничего не надобно, отъ всего готова отказаться, только бы отпустили меня въ Москву.

Кириллъ Семенычъ. Кому же, матушка сестрица, это пріятно, особенно при этомъ несогласіи? Безъ братца Ивана Прокофьича мы пропадемъ: пускай онъ хоть и лишнее возьметъ себѣ, да, по крайней мѣрѣ, развяжетъ намъ руки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ ужъ здѣсь?

Анна Ефремовна. Всѣ, мой родной... но прежде, чѣмъ начнешь, скажи мнѣ, другъ мой, что-нибудь на мое письмо въ отвѣтъ. Надобно же мнѣ знать, какъ располагать собой.

Иванъ Прокофьичъ. Все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

Анна Ефремовна. Точно ли все, мой голубчикъ? Меня это очень безпокоитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Все-съ... Прежде вотъ что-съ: всѣ вы изъявили согласіе уступить мнѣ Починокъ, такъ дайте мнѣ теперь-съ письменный отзывъ объ этомъ. Кириллъ Семенычъ, подписывайтесь.

Кириллъ Семенычъ. Вы, братецъ, почитайте прежде: всѣ послушаютъ; а я что одинъ?

Анна Ефремовна. Прочитай, мой родной!

Эмилія Петровна. Я тоже хочу, чтобъ вы прочитали всѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Точно сами грамотѣ не умѣютъ. (Читаетъ) «Мы, нижеподписавшіеся, дали сей отзывъ коллежскому асессору Ивану Прокофьичу Манохину въ томъ, что предоставляемъ ему усадьбу Починокъ, со всею движимостію...»

Кириллъ Семенычъ. А серебро, братецъ, какъ же? Вы серебра мнѣ обѣщали.

Иванъ Прокофьичъ. Серебро пойдетъ по особой росписи. (Читаетъ) «...движимостію, со всѣми земельными, лѣсными и другими угодьями, включенными въ купчую крѣпость, данную нашему дѣду, Евграфу Манохину; и ничего намъ изъ этой усадьбы себѣ не искать и вписать это слово въ слово въ нашъ раздѣльный актъ; а по имѣнію пойдутъ ему, Ивану Манохину, значащіяся по Починку пятьдесятъ душъ да въ Фарисеевкѣ двадцать! (Обращаясь къ Эмиліи Петровнѣ) Подписывайтесь.

Эмилія Петровна. Нѣтъ, я раздумала, я безъ мужа ни къ чему не могу подписаться.

Иванъ Прокофьичъ. Да вѣдь вы сами говорили, что согласны.

Эмилія Петровна. Я и теперь говорю, что согласна, но подпишусь, если мужъ мнѣ это позволитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Тьфу ты, иное дѣло. (Кириллу Семенычу) Начинайте ужъ вы по крайности!

Кириллъ Семенычъ. Я не знаю, братецъ, чтобы другіе не разсердились.

Иванъ Прокофьичъ. Да что же вамъ другіе? Другіе всѣ согласны, и этого не понимаете. (Обращаясь къ Аннѣ Ефремовнѣ) Подпишитесь, сестрица.

Анна Ефремовна. Я, мой родной, тебѣ прежде говорила и теперь повторяю, что я согласна на все, только откровенно тебѣ скажу, что я объ деньгахъ безпокоюсь.

Иванъ Прокофьичъ. Деньги вамъ будутъ. Я сейчасъ послалъ въ село къ Тихону, чтобы двѣсти цѣлковыхъ вамъ доставилъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вы врете! Тихонъ другой день, какъ уѣхалъ въ городъ, и намъ тутъ никому и ни къ чему не слѣдуетъ подписываться. Вы напишите напередъ весь раздѣльный актъ, тогда и подпишемся.

Иванъ Прокофьичъ. Раздѣлъ послѣ-съ Вы прежде это кончите; вы сами давеча уступали мнѣ Починокъ.

Сергѣй Васильичъ. Починокъ мы вамъ и отдадимъ, но напишите весь актъ.

Иванъ Прокофьичъ. Актъ мы напишемъ въ городѣ, тамъ и совершимъ; а здѣсь, пожалуй, еще ошибемся, я самъ не умѣю писать.

Эмилія Петровна. А себѣ вы умѣете писать? Отчего вы вещей не дѣлите?

Иванъ Прокофьичъ. Вещи послѣ раздѣлимъ.

Анна Ефремовна. Ахъ, нѣтъ, мой родной! Это несправедливо: вещи ты теперь раздѣли, для меня это необходимо: я завтра же уѣзжаю отсюда совсѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Намъ теперь всѣмъ надобно ѣхать въ городъ.

Эмилія Петровна. Какъ въ городъ? Это съ чего вы взяли? Я не поѣду. Довольно жила и здѣсь, благодарю покорно. Дѣлите теперь же, а не то я буду жаловаться.

Кириллъ Семенычъ. Вы, братецъ, хоть что-нибудь здѣсь раздѣлите, хоть серебра мнѣ сколько-нибудь дайте.

Иванъ Прокофьичъ. А! серебро тебѣ! Вещи вамъ раздѣлить!.. Погодите, я раздѣлю вамъ ихъ, вотъ вамъ ваши вещи!.. (Схватываетъ вдругъ палку и начинаетъ ею колотить по столу, на которомъ были разставлены фарфоръ, хрусталь, серебро и прочія лучшія вещи). Вотъ вамъ!—смотрите!—ваши вещи!

Сергѣй Васильичъ (унимая его). Что вы дѣлаете? Перестаньте! Эй, сюда! Кто тамъ есть? Погоди жъ ты у меня, чортъ этакій...

(Быстро уходитъ. Иванъ Прокофьичъ продолжаетъ колотить вещи).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Сергѣя Васильича.

Анна Ефремовна. Боже! Я не въ состояніи этого видѣть... (Тоже уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иванъ Прокофьичъ, Кириллъ Семенычъ и Эмилія Петровна.

Кириллъ Семенычъ (юля передъ Иваномъ Прокофьичемъ). Батюшка братецъ, умилостивитесь... (Хватаетъ-было его за руку).

Иванъ Прокофьичъ. Прочь! убью! (Замахивается на него палкой, но тотъ увертывается и убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Иванъ Прокофьичъ (кидаясь на Эмилію Петровну). И тебѣ то же будетъ.

Эмилія Петровна (едва убѣгая отъ него). Онъ съ ума сошелъ! Спасите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Иванъ Прокофьичъ и Ѳаддей Сидоровъ.

Ѳаддей. Батюшка Иванъ Прокофьичъ, воспитанникъ убѣжалъ изъ амбара. Подъ полъ, что ли, подлецъ, ушелъ.

Иванъ Прокофьичъ (хватаетъ его за шиворотъ). А, ушелъ! Всѣ они теперь ушли!.. Давай огня! Поджигай домъ!.. поджигай всю усадьбу! Давай мнѣ ножъ! Я перерѣжу всю скотину!.. Васъ всѣхъ перерѣжу.

(Хватаетъ со стола поварской ножъ и бѣжитъ, староста за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Ефремовна, Катенька, Кириллъ Семенычъ и Эмилія Петровна.

Анна Ефремовна (сопровождаемая Катенькой и быстро входя). Боже! Несите Неопалимую купину.

Эмилія Петровна (преслѣдуя Кирилла Семеныча). Говорятъ вамъ, закладывайте сейчасъ лошадей и везите меня отсюда!

Кириллъ Семенычъ. Матушка, да братецъ закололъ мою лошадку-то.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Матвѣевна.

Матвѣевна (вбѣгая). Отцы мои, что̀ творится! Сергѣй Васильичъ съ народомъ, съ кольями и дрекольями пошелъ на Ивана Прокофьича. Тотъ на скотномъ-было дворѣ заперся и скотинку началъ колоть, этотъ съ ружьемъ на него идетъ.

(Раздается ружейный выстрѣлъ).

Всѣ женщины и Кириллъ Семенычъ. Ай! (И присѣдаютъ).

Занавѣсъ опускается.

ВЕТЕРАНЪ И НОВОБРАНЕЦЪ.

Драматическій случай изъ 1854 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Алексѣй Петровичъ Лихаревъ, отставной полковникъ.
Аполлинарія Матвѣевна, жена его.
Александръ, гимназистъ изъ 7-го класса, сынъ ихъ.
Власій Матвѣевичъ, братъ Аполлинаріи Матвѣевны.
Макаръ Макаровичъ, небогатый помѣщикъ, сосѣдъ Алексѣя Петровича.
Селифантьевъ, отставной солдатъ и бывшій денщикъ Алексѣя Петровича.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Алексѣя Петровича.

Представляется небогатая помѣщичья гостиная. Мебель ситцевая; по стѣнамъ развѣшаны картины различныхъ полководцевъ и генераловъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аполлинарія Матвѣевна, въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ съ оборками, сидитъ на диванѣ; въ рукахъ у ней нюхательный спиртъ. Власій Матвѣевичъ, плѣшивый старикъ, въ очкахъ, помѣщается около нея. Александръ, въ гимназическомъ сюртукѣ и въ брюкахъ съ нашитыми на нихъ довольно широкими лампасами, сидитъ поодаль.

Аполлинарія Матвѣевна. Какъ же мнѣ, братецъ, не мучиться и не терзаться?.. Легко сказать: для матери двухъ дѣтей разомъ лишиться!.. (Нюхаетъ спиртъ).

Власій Матвѣевичъ. Что жъ дѣлать? Слезами ужъ не воротишь. Ты лучше разскажи мнѣ подробности!

Аполлинарія Матвѣевна. А что подробности? Въ одномъ сраженіи были ранены... другъ около дружки и стояли... промежъ собой-то они очень дружны были. Пишутъ: получасочка—голубчики мои—одинъ послѣ другого не жили... (Плачетъ).

Власій Матвѣевичъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Очень хорошо понимаю эту твою, ничѣмъ ужъ неизлѣчимую материнскую печаль и понимаю также, что она еще болѣе должна усугубляться, видя и въ послѣднемъ дѣтищѣ немного радости... (Къ Александру) Не хмурьтесь: я не потатчикъ всѣмъ вашимъ глупостямъ.

Александръ. Я, дяденька, и не прошу васъ потакать. Вы можете думать по-своему, а я по-своему.

Аполлинарія Матвѣевна (Александру). Нагруби еще дядѣ; только этого недоставало. Нечего головой мотать... все разскажу да нажалуюсь на васъ съ батюшкой. По милости Божіей, всѣ эти науки въ гимназіи проходилъ не хуже другихъ, ну, и быть бы подпорой да утѣхой родителей, — не тутъ-то было! Не сказавъ никому и не открывъ ничего, удумалъ и угадалъ самъ съ собою, чтобъ дальше ученье бросить и итти на службу на войну: значитъ, только и видѣли!

Александръ. Я, маменька, не одинъ: у насъ весь седьмой классъ въ полкъ поступаетъ.

Аполлинарія Матвѣевна. Знаю: отъ пріятелей да отъ дружковъ весь и борь-то загорѣлся... только тебѣ бы, кажется, лучше матери слушаться, а не съ другихъ брать примѣры.

Александръ. Ни съ кого я не беру примѣровъ, а дѣлаю, какъ самъ чувствую... Объ этомъ, маменька, очень ужъ много разговоровъ было.

Аполлинарія Матвѣевна. Что жъ? Молчать, что ли, еще мнѣ? И то немного, кажется, вамъ прекословила, какъ все было живо да благополучно; ну, а когда это божеское несчастье насъ постигло, ты, добрый сынокъ, невзирая ни на что, невзирая на мои горькія слезы, все-таки ѣдешь да еще просишь: «Маменька, маменькѣ не сказывайте, что братцевъ убили, а скажите, когда я совсѣмъ уѣду». Скажи старику этакое извѣстіе, когда ужъ, какъ говорится, и послѣднее у него солнышко изъ глазъ выкатится!

Власій Матвѣевичъ. Поэтому братъ еще не знаетъ о постигшемъ несчастьѣ?

Аполлинарія Матвѣевна. Нѣтъ, братецъ, духу моего никакъ не хватаетъ сказать ему; а сердце межъ тѣмъ каждую минуту обмираетъ, чтобъ не узналъ какъ стороной; газеты ужъ убираемъ, чтобъ какъ не прочелъ тамъ, и говоримъ, что не присылаютъ. Согрѣшила я, несчастная, видно, чѣмъ-нибудь предъ Богомъ! Кажется, онъ и не перенесетъ этого... Что-то храбрится, а полчеловѣка полчеловѣкъ и есть: старый да израненный... Хочу ужъ тебя попросить: ты — умный да разговорчивый, не откроешь ли ему какъ-нибудь поумнѣй и

неосторожнѣй, да чтобъ и Сашу-то въ полкъ не пускалъ, — пожалѣлъ бы себя и меня хоть немного.

Александръ. Что жъ, маменька, за что же я несчастнымъ буду?

Аполлинарія Матвѣевна. Кто же и чѣмъ несчастнымъ-то тебя дѣлаетъ?.. Вотъ, братецъ, послушайте: одна пѣсня, — только и говоритъ...

Власій Матвѣевичъ. Вопросъ вашъ, Александръ Алексѣичъ, во-первыхъ, сказанъ въ неприличномъ для сына тонѣ, а во-вторыхъ, я тоже его не понимаю: въ чемъ вы — повторяю слова вашей матери—находите ваше несчастье?

Александръ. Какъ же, дяденька! Маменька не хочетъ теперь пускать меня въ военную службу, а къ штатской я совершенно неспособенъ... Конечно-съ, погибну. Что ужъ послѣ этого я за человѣкъ буду?

Аполлинарія Матвѣевна. Что ты, не знавши про штатскую службу, говоришь! Вонъ тебѣ дяденька примѣръ: никогда въ военной не служилъ, а слава Богу, не хуже кого. Люди знаютъ и уважаютъ не меньше, чѣмъ папеньку твоего.

Александръ. То другое время было-съ! Прежде я ничего не говорилъ, а теперь, когда этакая война?.. Я не изъ третьяго класса вышелъ, я ужъ шестиклассникъ. Я думаю, маменька, я русскій-съ...

Власій Матвѣевичъ. Что же такое, что вы русскій? И мы русскіе, и если бы предстояла крайняя необходимость, такъ каждый бы изъ насъ пожертвовалъ всѣмъ:—и достояніемъ и жизнью своею: но этого еще нѣтъ!.. Въ то же время семейство ваше слишкомъ ужъ, кажется, отправило свою очередь: у васъ убиты два старшіе брата.

Александръ. Не всѣхъ, дяденька, убиваютъ. Братцамъ ужъ такъ умереть, видно, Богъ назначилъ.

Власій Матвѣевичъ. Помолчите и дайте мнѣ договорить. Такимъ образомъ, сказалъ я, очередь вашимъ семействомъ достаточно отправлена, и теперь на васъ, послѣдней ужъ опорѣ вашихъ престарѣлыхъ родителей, лежитъ не менѣе священная обязанность семьянина: — обязанность успокаивать и утѣшать ихъ, и увѣряю васъ, что службы вашей не потребуетъ царь, не нуждается въ ней отечество, и то, что вы останетесь при отцѣ и матери, всякій благомыслящій человѣкъ поставитъ вамъ въ честь, а не въ обвиненіе.

Александръ. Я бы папенькѣ и маменькѣ заслужилъ послѣ: всю бы жизнь сталъ жить при нихъ; а если теперь они меня остановятъ, такъ что жъ изъ этого будетъ? Вамъ, дяденька, въ этомъ случаѣ отговаривать и отсовѣтовать грѣшно-съ.

Власій Матвѣевичъ. Я не считаю это за грѣхъ, а, напротивъ, нахожу въ этомъ доброе дѣло и буду не только отсовѣтовать, но настою, чтобъ вы остались. Будь покойна, сестра: я открою брату печальное извѣстіе и докажу ему, что этого господина пускать не слѣдуетъ. Пойдемъ, гдѣ старикъ?

Аполлинарія Матвѣевна. У себя, кажется, въ кабинетчикѣ, либо по двору гуляетъ. Гость къ нему пріѣхалъ... сосѣдъ... подзадориваютъ только другъ друга, старые хрѣны, и о войнѣ все теперь говорятъ, точно годятся еще куда-нибудь!.. Пойдемте, я васъ провожу... (Идетъ, едва переступая, къ дверямъ).

Власій Матвѣевичъ (идя за нею и обращаясь къ Александру). Вотъ, Александръ Алексѣевичъ, гдѣ ваше геройство вы должны показать и, побѣдивъ ваше собственное увлеченіе, посвятить себя на усладу послѣднихъ дней этой бѣдной старушки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Александръ (одинъ). Что я за несчастный человѣкъ! Они съ маменькой, пожалуй, уговорятъ папеньку; наскажутъ, напугаютъ его,—онъ и не отпуститъ. Миклашевскій, я думаю, скоро ужъ офицеромъ будетъ... это ужасно!.. (Садится и закрываетъ лицо руками).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Селифантьевъ.

Селифантьевъ (войдя и вытянувшись). Шесть паръ сорочекъ, шесть брюкъ и дюжина карпетокъ принято, ваше благородіе,—извольте на записку записать!

Александръ (вставая). Что, братъ Селифантьевъ, чортъ знаетъ что такое выходитъ; я, пожалуй, и не поѣду.

Селифантьевъ. Какъ такъ, ваше благородіе?

Александръ. Да вонъ все по милости дядюшки нашего милаго... пріѣхалъ—очень нужно. Хотятъ сегодня отцу съ маменькой сказывать, что братцевъ убили, и чтобъ онъ меня не отпускалъ въ военную службу.

Селифантьевъ. Это, ваше благородіе, ничего-съ; это только пустые разговоры ихъ будутъ-съ.

Александръ. Да, какъ же, пустые разговоры!.. Увидишь вотъ...

Селифантьевъ. Ей-Богу, такъ, ваше благородіе. Старикъ не возьметъ этихъ словъ ихнихъ во вниманіе, а сдѣлаетъ, какъ ему надо, по-своему.

Александръ. Экій ты чудакъ, Селифантьевъ! По-своему

сдѣлаетъ... Онъ бы, конечно, сдѣлалъ, какъ бы братьевъ не убили; а ты знаешь, какъ это его тронетъ. Онъ нынче, посмотри, какой слезливый сталъ: прошлаго года меня въ гимназію провожалъ, такъ три версты плакалъ. Когда это прежде бывало?

Селифантьевъ (вздохнувъ). Именно, ваше благородіе, когда это бывало! Далеко противъ прежняго Алексѣя Петровича не стало! Этта, доложу, ваше благородіе, ѣхали мы съ нимъ на бѣговыхъ дрожечкахъ; гляжу, Господи ты Боже мой! Гдѣ немного этакъ маленько рытвинка, гляжу—ужъ объѣзжаетъ: боится... а въ старые годы, доложу, ваше благородіе, когда они еще на Кавказѣ служили, такъ только, Царь небесный, помилуй насъ!—словно у нихъ не одна, а пять головъ на плечахъ было. Тогда ходилъ подъ нимъ, доложу, ваше благородіе, тамошній жеребецъ: лошади тамъ, ваше благородіе, сердитыя, злыя — ячменемъ ихъ все кормятъ, — такъ нашъ Алексѣй Петровичъ, бывало, оврагъ ли, канава ли, плетень ли, никогда не объѣзжаетъ, а все напрямикъ, махнетъ — да и баста!

Александръ. Ѣздить, братъ, верхомъ я самъ ловокъ: никому не поддамся. На Абрека, небось, Гараська нашъ, тоже смѣлый и сильный, а не садился. — трусилъ: я же первый проѣхалъ, взнуздалъ только бечевкой и сѣлъ; все поле по сумету выносилъ, а не сбросилъ—шалитъ!

Селифантьевъ. Видѣлъ вѣдь я, ваше благородіе; да оно, если такъ сказать, такъ вы, пожалуй, и побойчѣе Абрека на конѣ проѣдете... важно ѣздите: оно, значитъ, смѣло-съ; да и посадка крѣпкая!.. Ученья еще, доложу, ваше благородіе, вамъ настоящаго не было...

Александръ (перебивая его). Ежели я теперь опредѣлюсь въ полкъ, такъ въ недѣлю всему выучусь; стрѣлять ужъ умѣю: этта былъ у Николая Алексѣевича; онъ этакимъ отличнымъ стрѣлкомъ считается здѣсь и восемь разъ далъ промахъ, а я три раза сряду влѣпилъ въ черный кругъ. Значитъ, теперь только маршировать выучиться да ружьемъ...

Селифантьевъ. Ружьемъ, ваше благородіе, безпремѣнно надобно, чтобъ какъ можно тверже знать; оно, доложу, ваше благородіе, плохой, значитъ, тотъ солдатъ, коли на этой балалайкѣ играть не умѣетъ.

Александръ. Еще бы! Послушай-ка, Селифантьевъ, поди, братъ, пожалуйста, принеси ружье; поучи меня хоть немного.

Селифантьевъ. Да я бы, доложу, ваше благородіе, съ великимъ моимъ удовольствіемъ; маменька ваша какъ бы только не увидали. Ей-Богу, ваше благородіе, отъ старушки

такъ много обидъ сталъ я терпѣть это время, что прости ей только Господи! Хоть бы съ вами, али со старымъ бариномъ говорить почесть-что запрещаетъ, ваше благородіе...

Александръ. Ну, что, Богъ съ ней, съ маменькой! Поди, голубчикъ, принеси: я тебѣ заплачу́ за это; на́ тебѣ полтинничекъ... (Даетъ ему полтинникъ).

Селифантьевъ (не беретъ). Полноте, ваше благородіе, не извольте безпокоиться!.. Что это: я и безъ этого готовъ и долженъ завсегда служить-съ! Сію секунду, ваше благородіе!.. (Проворно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Александръ (одинъ, ходитъ и потираетъ руки). Выучусь теперь ружью, маршировкѣ, и славно будетъ... (Взявшись за голову) Правда, эти сигналы, канальство, надобно хорошенько выдолбить: ни одного еще сигнала почти не знаю. Если бы мнѣ все это Богъ привелъ здѣсь выучить, я бы спокоенъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотъ же и Селифантьевъ (съ ружьемъ).

Селифантьевъ. Перво, ваше благородіе, съ маршировки начнете, али все вмѣстѣ, какъ прошлый разъ?

Александръ. Вмѣстѣ все лучше; скорѣе выучусь.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе. (Александръ беретъ ружье и становится во фрунтъ).

Селифантьевъ (командуетъ). Смирно!.. съ правой ноги маршъ! (Александръ маршируетъ).

Селифантьевъ (колотя себя по бедру). Разъ... два... разъ... два... разъ... два... Носки хорошенько вытягивать, ваше благородіе. Корпусомъ не валиться назадъ... Разъ... два... разъ... два... разъ... два... Ружье не свѣшивать! Стой!

Александръ (останавливается). Ты мнѣ, Селифантьевъ, не говори: «ваше благородіе», а учи, какъ рекрута.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... (Командуетъ) Налѣво кругомъ— маршъ! Разъ... два... разъ... два.. Локтей не выворачивать! Ружьемъ не вилять, какъ мѣшалкой! Хорошо! Хорошо! Браво!

Александръ. Рады стараться, ваше благородіе!.. Въ самомъ дѣлѣ хорошо, Селифантьевъ?

Селифантьевъ. Отлично, ваше благородіе, ей-Богу!.. Хорошо тѣмъ, что вы хоть бы къ ружью и маршировкѣ очень способны.

Александръ. Ну, а теперь ружейнымъ пріемамъ поучи.

Селифантьевъ. Съ ружейными пріемами, ваше благородіе, возни много; а тутъ, чего не дай Богъ, маменька взойдетъ: куда я тогда поспѣлъ? Лучше, доложу, ваше благородіе, завтра пораньше встанемъ да на зарѣ въ полѣ,—тамъ гораздо способнѣе.

Александръ. Да хоть немного поучи!.. (Становитъ ружье къ ногѣ). Хоть отъ ноги только скомандуй!

Селифантьевъ. Извольте, ваше благородіе... (Командуетъ) Отъ ноги... разъ... два... три... Отставь... Отъ ноги... разъ... два... три...

Александръ. Что, Селифантьевъ, и это хорошо?

Селифантьевъ. Ничего, ваше благородіе... хорошо-съ.

Александръ. Ну, нѣтъ, ты говори правду; не обманывай.

Селифантьевъ. Ей-ей, ваше благородіе: извѣстно, что съ ученьемъ будете почище брать; а такъ, какъ на первый разъ, такъ и очень порядочно... чистоты еще настоящей нѣтъ.

Александръ. Сегодня немного поучусь, а завтра именно, какъ ты говоришь, встану на зарѣ, уйдемъ въ поле: тамъ сколько угодно учись... (Начинаетъ кидать ружье, командуя самъ себѣ) Отъ ноги... разъ... два... три... Разъ... два... три...

Селифантьевъ (глядя на него съ умиленіемъ). Славный офицеръ вы будете, ваше благородіе! Ей-Богу, такъ-съ; тѣмъ, что главная причина, доложу, къ службѣ у васъ, какъ я вижу, большое старанье-съ будетъ.

Александръ. Ну, ужъ, братъ Селифантьевъ, только бы мнѣ отсюда вырваться... Какъ вотъ началъ собираться на службу, ни одной ночи теперь не сплю. Въ сраженіе бы мнѣ хочется поскорѣе,—ухъ бы какъ поработалъ!.. Ты часто въ сраженіяхъ, Селифантьевъ, бывалъ?

Селифантьевъ. Какъ, ваше благородіе, не бывать: какъ во фрунтѣ былъ, многіе разы бывалъ-съ.

Александръ. Страшно, или нѣтъ?

Селифантьевъ. Какъ сказать, ваше благородіе? Извѣстно, человѣкъ животолюбивъ: только то, что до первой крови: а тутъ злость возьметъ, все впередъ охота, а не велятъ,—безъ команды впередъ нельзя: стой, дѣлать нечего, на мѣстѣ да слушай, какъ эти свинцовые шмели летаютъ.

Александръ. На штыки, я думаю, лучше.

Селифантьевъ. На штыки, ваше благородіе, важно-съ. Вотъ тоже опять о вашемъ папенькѣ слово: я-то ужъ не помню, не засталъ этого; а тоже доложу, ваше благородіе, старые солдаты разсказывали, какъ Алексѣй Петровичъ еще въ маленькихъ чинахъ были, такъ въ рукопашный-то шибко

ходили: кого штыкомъ, кого прикладомъ, а кого и кулакомъ,— ломомъ ломятъ-съ.

Александръ. Храбрый папенька былъ?

Селифантьевъ. Храбрый, ваше благородіе, да и силы-то ужъ непомѣрной: девять-десять пудовъ одной рукой легонько перекидывалъ, или, по тамошнему обыкновенію, голову барану отмахнуть саблей, какъ комару, — сразу!

Александръ (ходя въ раздумьѣ по комнатѣ). А я вотъ что, Селифантьевъ, придумалъ... это славная мысль пришла мнѣ въ голову: ежели папенька послушается маменьки и не отпуститъ меня, я потихоньку уйду; до Костромы пѣшкомъ дойду— ничего; а тамъ зайду къ мужу сестры Маши: онъ парень отличный, дастъ мнѣ хоть немного денегъ.

Селифантьевъ. Денегъ немного, ваше благородіе, надо: какъ бы только Богъ до полка привелъ добраться, а тутъ что жъ? Амуниція казенная, провіантъ казенный.

Александръ. Именно такъ: непремѣнно уйду. Пускай маменька съ дяденькой сердятся, а папенька ничего... проститъ.

Селифантьевъ. Папенька-то-съ? Ежели бы теперича, примѣрно, такъ сказать, годковъ пятнадцать имъ съ костей долой, да ножки бы у нихъ поздоровѣе были, они и сами бы пошли въ службу. А что насчетъ братцевъ, такъ до кого ни коснись: коли убитъ въ сраженіи, въ царствѣ небесномъ, значитъ, будетъ. Алексѣй Петровичъ это лучше нашего знаетъ.

Александръ. Тсс, молчи! Папенька, кажется, идетъ. Смотри, никому ни-гугу, о чемъ мы съ тобой говорили. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, — поучи меня потихоньку сигналамъ.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... сейчасъ только у полковника фуражку приму-съ. (Александръ уходитъ въ кабинетъ, а Селифантьевъ отворяетъ дверь и становится около нея на вытяжку).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Алексѣй Петровичъ, совсѣмъ сѣдой, съ большими усами и бакенбардами, въ фуражкѣ, въ военномъ, на красной подкладкѣ, двухбортномъ вицмундирѣ и съ палкою въ рукѣ. Макаръ Макаровичъ въ старомодномъ, но очень чистомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ свѣтло вычищенныхъ сапожкахъ, тоже съ усами и бакенами и также совсѣмъ сѣдой.

Алексѣй Петровичъ (входя). Я вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, давеча началъ разсказывать, да все перебиваютъ... Здорово, Селифантьевъ!... (Подаетъ ему фуражку).

Селифантьевъ (принимая фуражку). Здравія желаю, ваше высокоблагородіе... (Обдуваетъ потомъ фуражку, вѣшаетъ ее на гвоздь и уходитъ за Александромъ).

Алексѣй Петровичъ. Началъ я тебѣ, братецъ, разсказывать про начальниковъ моихъ,—экіе они люди были! Привезъ меня, братецъ, въ полкъ отпускной солдатикъ. Парень я былъ лѣтъ пятнадцати, а рожей къ ставцу сѣсть не умѣлъ; изъ бѣдныхъ вѣдь, какъ и ты же, дворянчиковъ родомъ. Нынѣшніе годы вонъ съ крестьянскихъ мальчишекъ за выучку въ грамотѣ берутъ десять да двѣнадцать рублевъ, а за меня заплатили дьячку пять четвериковъ овсеца, подолбилъ я у него: «азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки, Богъ, Божество, вѣди, величество» — вотъ тѣ и ученье все!.. Съ этимъ и на службу поѣхалъ... Полками тогда, братецъ, командовали еще шефы: шефовъ-то, чай, помнишь?

Макаръ Макаровичъ. Чтой-то, сударь, шефовъ уже не помнить? Не такіе годы прошли тому: много что лѣтъ шестьдесятъ минуло!.. Бывшаго судьи, Никанора Васильича, родитель-то, выходитъ, шефомъ былъ.

Алексѣй Петровичъ. Дѣло, дѣло! Шефъ былъ,—знавалъ я его!.. И лихой былъ шефъ. Садись-ка... (Садятся). Привели меня, братецъ, этакимъ манеромъ къ этому нашему шефу, изъ нѣмцевъ былъ, Ардаліонъ Карлычъ — царство небесное! «Здорови ли ви, каспадинъ тварянинъ? гитъ. Здѣсь, гитъ, армія дѣйствующая, надобно, чтобы народъ былъ оченно здоровый». А я еще, братецъ, и отвѣчать не умѣю какъ, да отпускной-то солдатъ, что привезъ меня, спасибо, выручилъ: «здоровъ, гитъ, ваше высокородіе: всю дорогу одинъ телѣгу смазывалъ и супонь натягивалъ».—«А, это карашо, гитъ: позвать, гитъ, ко мнѣ унтеръ-офицера Соломинку». Приходитъ, братецъ, унтеръ-офицерина Соломинка, въ сажень ростомъ, рябой да черный, немного получше волка. «Вотъ тебѣ, гитъ, Соломинка, на руки каспадинъ тварянинъ, держи его въ чистотѣ, артикулу вышколи, грамотѣ пройдись, да и молитвы чтобъ зналъ». Такъ меня, братецъ, и сдали; и вотъ по сей день и блаженной памяти Ардаліонъ Карлычъ и Соломинка— оба, братецъ, въ поминальникѣ у меня записаны: нельзя, — павѣкъ человѣкомъ сдѣлали.

Макаръ Макаровичъ. Это, сударь, что въ поминальникѣ записаны, дѣло доброе: ты поминаешь, и тебя поминать станутъ. Хорошо тому, кто добро творитъ, а еще хорошѣе тому, кто добро помнитъ.

Алексѣй Петровичъ. Да какъ, братецъ, не помнить-то? Я всегда говорю: всѣ мои начальники мнѣ вторые отцы были,— не то что ужъ маленькіе, а и большіе: хоть бы покойный нашъ главнокомандующій, князь Цициановъ, — вонъ у меня въ золотой рамочкѣ виситъ. Орелъ, братецъ, былъ! Какъ те-

перь вотъ помню: тѣмъ временемъ губерніи устраивались, но и прокуроры были заведены. Къ нему тоже присылаютъ одного на Кавказъ; а такъ какъ дѣла онъ самъ рѣшалъ и утверждалъ, только вдругъ говорятъ ему, что одного дѣла нельзя исполнить, потому что прокуроръ вошелъ съ голосомъ. «Гдѣ, говоритъ, голосъ?» Подали ему. Онъ на самомъ этомъ голосѣ и пишетъ: «Гдѣ поютъ херувимы, тамъ свиной голосъ некстати!». И вслѣдъ же затѣмъ пишетъ государынѣ письмо, что-де прокуроры ему не нужны, ибо стѣсняютъ его въ распоряженіяхъ. Что жъ вѣдь, братецъ? Государыня уважила, велѣла отозвать того. Такъ вотъ какъ! Государи почитаютъ да уважаютъ такихъ людей.

Макаръ Макаровичъ. Нельзя, сударь Алексѣй Петровичъ, не уважать-то! Ты вотъ про своихъ начальниковъ разсказываешь, а и у меня командиръ тоже благодѣтель былъ. Какъ произвели меня тогда въ эти прапоры, всѣ прочіе товарищи веселятся, а я и чину не радъ, сижу да плачу.

Алексѣй Петровичъ (смѣясь). Ну, да, да, понимаю: обмундироваться, значитъ, не на что, ха-ха-ха! Самъ, братъ, на этомъ конѣ ѣздилъ! Не богатѣе тебя служилъ: съ поручичьяго чина только говядинку сталъ каждый день ѣсть, а чаекъ пить съ капитановъ... Какъ же ты однако вывернулся? Эта штука, братецъ, интересная съ молодыми офицериками бываетъ.

Макаръ Макаровичъ. А какъ, сударь, вывернулся? Къ тому тебѣ я и рѣчь веду: какъ сижу я да горюю, подвертывается ко мнѣ проклятый жиденокъ, портной (много ихъ тогда за полками шлялось), и сталъ меня уговаривать, чтобъ я взялъ у него въ долгъ парочку мундирную и сюртучную. Я сначала, по своей молодости и глупости, обрадовался.

Алексѣй Петровичъ. Такъ, такъ! Ха-ха-ха! Все, что ты мнѣ говоришь, я точно въявь вижу. Я этихъ, братецъ, жидовъ какъ огня боялся: сейчасъ падуютъ.

Макаръ Макаровичъ. Со мной, сударь, хуже вышло: обдуть-то бы ужъ Богъ съ ними, а то вышло: только-что прицѣпилъ я въ первый разъ эти эполетчики: «Къ командиру, говорятъ, пожалуйте». Являюсь я. Какъ начинаетъ онъ меня, сударь, пудрить. «Такъ-то, говоритъ, господинъ прапорщикъ, вы въ вашей нуждѣ хотите лучше одолжиться у жида, чѣмъ отнестись къ вашему начальнику? Меня, кажется, сударь, говоритъ, никто изъ господъ офицеровъ еще такъ не понималъ. Стыдно, говоритъ, вамъ, господинъ прапорщикъ, стыдно, стыдно!»—да и затвердилъ, какъ сорока Якова, разъ сто простыдилъ. Офицеровъ, сударь, полна зала; стою я ни живъ ни мертвъ: легче бы мнѣ было три дня подъ ранцемъ съ пескомъ вы-

стоять, чѣмъ это его стыженье; и кончилъ онъ, сударь, тѣмъ, что подалъ мнѣ сто рублей. «Сейчасъ же, говоритъ, расплатитесь съ жидомъ и впередъ меня, сударь, не обижайте»...

Алексѣй Петровичъ (махнувъ рукой). Да что, братецъ, и говорить объ этомъ! Опять скажу: вторые отцы были. Хоть бы съ себя теперь мнѣ взять: худъ ли, хорошъ ли, а, по милости ихъ, вѣкъ изживаю полковникомъ; дѣтей тоже взвелъ: старшій, Петрушка, ужъ капитанецъ, а второй, Николай, штабсъ-капитанецъ. Ты вотъ не видалъ, а оба ребята, братецъ, славные, умные, тихіе, скромные, да въ мундирахъ-то, шарфами перетянутся, стройные... И не дождешься, братецъ, кажется, этакой радости, какъ это благополучно все кончится, и пріѣдутъ они ко мнѣ на побывку; портреты съ обоихъ велю списать и повѣшу надъ своей кроватью, чтобъ и передъ смертью на нихъ полюбоваться. Писемъ только, братецъ, что-то отъ нихъ нѣтъ. Не знаю; такъ это меня безпокоитъ: третью ночь все ихъ обоихъ во снѣ вижу; думаю-то, что ли, я все объ нихъ.

Макаръ Макаровичъ. Съ думы, сударь, да къ сырой погодѣ!.. Всегда вѣдь сны отъ этого бываютъ-съ.

Алексѣй Петровичъ. Можетъ-быть; а ужъ что за ребята, только ну! Очень мнѣ, братецъ, хочется, чтобы они при жизни моей хоть бы до майоровъ дотянули: въ густыхъ-то эполетчикахъ мнѣ хочется посмотрѣть на нихъ, а тутъ и умеръ бы, пожалуй. Младшаго-было, свинтуна своего, — барыня ужъ очень бранится, что всѣхъ по дальнимъ мѣстамъ разсовалъ да размыкалъ, — хотѣлъ-было оставить по штатской; ну, а какъ теперь каша этакая заварилась, сталъ онъ у меня проситься. «Ступай!»—говорю. Останавливать нельзя, хоть и жалко—послѣдышекъ!..

Макаръ Макаровичъ. Останавливать, сударь, нельзя: не тѣ нынѣ времена; возстаютъ и метутся на насъ народы. Ты остановишь, другой остановитъ, — что же будетъ хорошаго? И ты, сударь, не останавливай, а то я тебя хвалить перестану.

Алексѣй Петровичъ. Да кто же тебѣ, старый, говоритъ: останавливать? Что тамъ ни говори, а въ двѣнадцатомъ году Наполеончикъ этотъ изъ двадесяти языцевъ девять языцевъ велъ за шиворотокъ, а нынче всѣ по стачкѣ идутъ: точно вѣдь, бѣлены объѣвшись, взѣлись на насъ!.. Прахъ ихъ знаетъ, что мы имъ сдѣлали... Останавливать!.. Старуха только меня, братецъ, одолѣваетъ: бранится да реветъ. Бабы, братецъ! По-нѣмецки, сиди у нихъ около юбки да сказки разсказывай,—такъ и любо имъ.

Макаръ Макаровичъ (оглядываясь и вполголоса Алексѣю Петровичу). У бабы, сударь волосъ дологъ, да умъ коротокъ...

(Смѣется и машетъ рукой).

Алексѣй Петровичъ. Именно! Я, братецъ, никогда во всю жизнь бабъ не слушалъ: у меня немного дѣлай по-своему, а слушай моей команды. Погоди-ка, постой! Это что?.. (Прислушивается). Это, братецъ, выходитъ, Сашка у Селифантьева сигналамъ учится. А? Каковъ ретивый солдатъ, новобранецъ мой — а? Александра, Александра!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Александръ, а потомъ и Селифантьевъ.

Алексѣй Петровичъ. Что ты, братецъ, тамъ дѣлаешь — а?

Александръ. Такъ, папенька, ничего-съ.

Алексѣй Петровичъ. Ну, ничего. Знаю я, что вы тамъ съ Селифантьевымъ творите. Смотри, мать услышитъ, она тебѣ дастъ, да и мнѣ не уйти: сейчасъ разревется; у нея одно орудіе, изъ которыхъ въ цѣль бьетъ. Хорошо, братецъ Макаръ Макарычъ, что я еще поотстрѣливаюсь, а то бы совсѣмъ заполопила,— такая старушонка! Гдѣ она теперь?

Александръ. Онѣ васъ пошли искать-съ. Дяденька, папенька, пріѣхалъ.

Алексѣй Петровичъ. А!.. высокоумный Власій! Ну, что жъ? Милости просимъ. Вотъ у меня, братецъ Макаръ Макарычъ, есть шуринокъ; все съ нервыхъ годовъ меня училъ и наставлялъ, что я съ женою немилосердо обращаюсь, дѣтокъ нехорошо воспитываю. А женился послѣ самъ; три года съ женою прожилъ — да и врозь!.. Сына тоже въ страхѣ и въ строгости воспитывалъ: не то, чтобъ пошутить да поврать, какъ я со своими ребятишками, а чтобъ усмѣхнуться, сказать громко при немъ не смѣлъ; а тотъ теперь, какъ только поднялся на ноги, и знать его больше не хочетъ: а у меня такъ, слава Богу, всѣ прелестные. Вонъ у меня Сашка лампасы ужъ нашилъ: думаетъ, что совсѣмъ военный. Поди сюда, поцѣлуй меня, шельмецъ! (Александръ подходитъ и цѣлуетъ отца). Вишь, какой славный малый! Послушай, Саша, прочитай ты, братецъ, Макару Макарычу стихи, которымъ я тебя выучилъ.

Александръ. Это объ грекахъ, папенька?

Алексѣй Петровичъ. Да!.. (Макару Макарычу) Это Николевъ сочинилъ. Я зналъ его лично: слѣпой былъ... (Сыну) Читай!

Александръ.

Строй, кто хочетъ, громку лиру,
Чтобъ казаться въ высокѣ;
Я налажу пѣсню міру
По-солдатски, на гудкѣ.

Алексѣй Петровичъ (Макару Макарычу). А? каково?

Макаръ Макаровичъ. Хорошо, сударь, хорошо-съ!

Александръ (продолжая).

Встарь бывали легки греки,
Нынче легокъ русачокъ;
Шагъ ему чрезъ степи, рѣки,
Съ горы на гору—скачокъ.
Пѣшій съ конным поспѣваетъ,
Онъ бѣжитъ и попѣваетъ
Въ честь начальникамъ своимъ;
Русакамъ обѣдъ не нуженъ—
За плечьми обѣдъ и ужинъ.

(Макаръ Макаровичъ отъ удовольствія киваетъ головой).

Алексѣй Петровичъ (сыну). Постой! Дальше я самъ прочту:

Съ цареградскаго престола
Втунѣ денежки летятъ,
Лишь бы батюшка Никола
Помолился у Престола,
Такъ и шведа закрутятъ.

А! Вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, и мы почитываемъ.

Макаръ Макаровичъ. Прекрасно, сударь, очень прекрасно. Спишу для себя это безпремѣнно.

Алексѣй Петровичъ. То-то прекрасно, старый ты грѣшникъ! Кайся скорѣе, скоро помрешь: прилюблпвалъ въ старые годы молодецкіе походы, красныхъ дѣвушекъ и молодыхъ молодушекъ?

Макаръ Макаровичъ. Да что жъ такое, али не прилюблпвалъ! Да еще какъ прилюблпвалъ-то, сударь! И хоть вѣрь не вѣрь, а пресчастливый былъ на это: не то, что я за ними, а онѣ за мной; а мы еще и во вниманіе не берсмъ,— ходимъ шапочка набекрень; не замай ихъ, пусть маются!

Алексѣй Петровичъ. Ишь ты какой, старая кочерга! Это, братецъ, значитъ, какъ и въ пѣснѣ говорится: распретошная моя судьбинушка, что полюбила я тебя, дѣтинушка.

Макаръ Макаровичъ. А ты бы какъ думалъ? Нынче-то нами, старымъ хламомъ, гать гатить, а прежде показать— такъ людямъ угодить... (Лукаво) Было, сударь, скажу я тебѣ, Алексѣй Петровичъ, такое у меня дѣло: я еще юнкерецъ; стоимъ мы въ Кашинѣ; только, сударь мой, въ Пробойной улицѣ, въ сѣромъ домикѣ, завелось у меня знакомство, а присмотръ строгій. Какъ намъ другъ другу сигналъ давать? И что жъ, сударь мой, на какую мы штуку поднялись! Какъ только вечерокъ, выхожу я на свое крылечко, заиграю на гитарѣ и запою, а пѣть былъ мастеръ, и запою, напримѣръ:

(Поетъ) «Душа ль моя, душенька, душа ль, милъ сердечный другъ, приходи почаще въ лугъ», — а тамъ ужъ и слышатъ, и коли мнѣ на это розовое платьице въ огородѣ показалось да махнули бѣлымъ фартучкомъ, такъ и тутъ, значитъ... есть!

Алексѣй Петровичъ. Бывало, братецъ, бывало и съ нами это. Кто на эту ногу не хромалъ! Вотъ ты про пѣсни сказалъ; я, братецъ, до пѣсенъ такой охотникъ, что, кажется, хлѣбомъ не корми меня, а пѣсни дай слушать. Какъ комендантомъ былъ въ Кубѣ, такъ человѣкъ сорокъ было у меня пѣсенниковъ, и былъ тутъ одинъ солдатикъ: маленькаго роста, шельма, но голосъ такой, что тебѣ—соловьиный! Какъ зальется, каналья, на зарѣ-то да съ кларнетомъ, такъ всю душу и вытянетъ.

Селифантьевъ. Это, ваше высокоблагородіе, про Дудышку изволите говорить?

Алексѣй Петровичъ. Про Дудышку, братецъ, про Дудышку.

Селифантьевъ. Дудышка, доложу, ваше высокоблагородіе, точно что голосъ имѣлъ-съ, а угождалъ еще много и тѣмъ, что онъ изъ цыганъ вѣдь, ваше высокоблагородіе: вертоватъ чрезвычайно, а хоть бы и про себя мнѣ сказать, я всегда могъ пѣть противъ Дудышки.

Алексѣй Петровичъ. Ну, пѣтъ!.. Хвастаешь! Не споешь противъ Дудышки, не вытянешь такъ! Жилы коротки!.. (Макару Макарычу) И этотъ вѣдь, братецъ, отлично поетъ по сю пору; парочно изъ фрунта изъ-за пѣсенъ взялъ къ себѣ въ деницики. Спой намъ, Селифантьевъ, тряхни стариной. Станемъ сегодня, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой веселиться. Не знаю передъ чѣмъ, а у меня сегодня больно весело на душѣ. Пой, Селифантьевъ.

Селифантьевъ. Какую прикажете, ваше высокоблагородіе?

Алексѣй Петровичъ. Пой мою любимую: «Молодку молодую». Знаешь ли ты, братецъ Макаръ Макарычъ, эту пѣсню?

Макаръ Макаровичъ. Полно-ка... еще не знать! На что другое у Макара разума мало, а на пѣсни-то онъ толковъ.

Алексѣй Петровичъ. Ну и ладно, коли знаешь! Слушай только да облизывайся. Закатывай, Селифантьевъ.

Селифантьевъ (вытянувшись, начинаетъ дискантомъ).

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая,
Полно по улицѣ ходити,
Черную грязь топтати.

(Въ продолженіе пѣсни Алексѣй Петровичъ бьетъ такъ палкой, а Макаръ Макаровичъ машетъ рукой).

Макаръ Макаровичъ. Начни-ка, Селифантьевъ, съ начала: ты, я вижу, въ самомъ дѣлѣ складненько поешь, — и мы

подтянули бы! Прикажи, сударь, Алексѣй Петровичъ, съ начала.

Алексѣй Петровичъ. Валяй, Селифантьевъ, съ начала.

Александръ. А потомъ Селифантьевъ, знаешь, перейди вдругъ на ту, что я тебя выучилъ.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... (Запѣваетъ, ему всѣ подтягиваютъ).

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая,
Полно по улицѣ ходити,
Черную грязь топтати,
Черную грязь топтати,
По миломъ, миломъ тосковати.

Александръ (проворно). Переходи!

Селифантьевъ (запѣваетъ вдругъ на голосъ „Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ“).

Плаваетъ по морю флотъ кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ой жги, жги, жги, говори!..
Словно стадо лебедей, лебедей.
Волны по морю кипятъ и шумятъ,
Межъ собою таку рѣчь говорятъ:
Ой жги, жги, жги, говори!
Межъ собою таку рѣчь говорятъ:
Ужъ зачѣмъ это наши корабли,
Какъ щетиною, штыками поросли?

(Всѣ подпѣваютъ. Макаръ Макаровичъ выходитъ на средину и начинаетъ подплясывать, умѣренно выкидывая ноги, пожимая плечами, помахивая платкомъ, и послѣ нѣкоторыхъ куплетовъ восклицаетъ: „Ахъ! ты! жизнь копейка! Голова наживное дѣло!..“ Александръ становится противъ Макара Макаровича, поетъ во все горло и притоптываетъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Аполлинарія Матвѣевна и Власій Матвѣевичъ.

Они останавливаются на нѣкоторое время, съ удивленіемъ, въ дверяхъ.

Аполлинарія Матвѣевна (входя). Грѣховодникъ ты этакій, Алексѣй Петровичъ! Не грѣхъ ли тебѣ? Въ такое время ты пляски да пѣсни затѣваешь... (Селифантьеву) Пошелъ, протупея, на свое мѣсто... (Въ сторону) Сомустители!

Алексѣй Петровичъ. Ну, ну, старуха, не ворчать. Что это, мати, въ черныя-то платья да въ чепцы съ ребронами разрядилась? Посмотри, Макаръ Макарычъ, на барынѣ чепчикъ, барыня ходитъ-шепчетъ.

Макаръ Макаровичъ. Вижу, сударь, вижу: барыни все въ чепчикахъ. Извините, сударыня Аполлинарія Матвѣевна,

что повеселились немножко: дѣло наше молодое, веселое... извините.

Алексѣй Петровичъ. Старуха! не хмуриться... маршъ сюда и поцѣлуй меня!

Аполлинарія Матвѣевна (садясь на диванъ). Ай, перестань ты съ своими поцѣлуями! Не надсажай ты моего сердца. Вонъ братецъ пришелъ... (Александру) Подай дядѣ стулъ, безтолковый.

Власій Матвѣевичъ. Ничего, милая, не безпокойся. Здравствуй, Алексѣй Петровичъ... (Макару Макаровичу на его поклонъ) Здравствуйте... (Садится на поставленномъ ему посреди сцены Александромъ стулѣ: въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молчаніе. Власій Матвѣевичъ съ важностью нюхаетъ табакъ).

Алексѣй Петровичъ. Здоровы ли, Власій Матвѣевичъ? Давно мы съ вами не видались.

Власій Матвѣевичъ. Слава Богу, братъ Алексѣй Петровичъ. Я и самъ давно сбирался къ вамъ: первое, что видѣться желалъ, а второе, меня безпокоитъ и здоровье сестры, которое, слышу, день ото дня слабѣетъ. Надобно ей очень беречь себя.

Алексѣй Петровичъ. Кому-съ не надобно беречь здоровье? Не только старымъ, а и молодымъ. Вотъ ваша супруга и помоложе моей, а на ладанъ, говорятъ, дышитъ... (Говоря это, Алексѣй Петровичъ подмигнулъ Макару Макаровичу). Вы лучше скажите намъ, что новаго пишутъ въ газетахъ?.. (Къ Макару Макаровичу) А у меня, братецъ, по сю пору нѣтъ газетъ, — что ты прикажешь дѣлать?

Макаръ Макаровичъ. Эка, сударь—а! Что это все нѣтъ да нѣтъ? А я, признаться, къ газеткамъ-то и подбирался-было; за ними больше и пріѣхалъ.

Алексѣй Петровичъ. Нѣтъ, братецъ, не высылаютъ да и только. Хочу ужъ самъ завтра ѣхать въ городъ на почту и разбранюсь съ этимъ почтмейстеромъ: отвѣтитъ-то, братецъ, толкомъ мнѣ не хочетъ. Я наконецъ писалъ, чтобы по книгамъ сдѣлалъ для меня выправку и прислалъ мнѣ, а я бы сейчасъ въ петербургскій почтамтъ махнулъ, такъ не дастъ, а только на словахъ приказываетъ, что нѣтъ... За хорошаго человѣка, братецъ, считалъ, а выходитъ какая-то каналья.

Аполлинарія Матвѣевна. Что горячишься и выходишь изъ себя? Пришлютъ всѣ вдругъ: не все ли равно?

Алексѣй Петровичъ. Ахъ, ты, умница моя! выдумала что! Пришлютъ? Да теперь-то за что пытаютъ меня? Разсудила! Другую недѣлю сижу, ничего не знаю... (Макару Макаровичу) И самъ-то, братецъ, какъ человѣкъ служивый, интересуюсь

а главное, о дѣтяхъ извѣстіе: вся жизнь, что называется, моя положена тамъ—и ни писемъ отъ нихъ нѣтъ ни газетъ; а она еще тутъ умствуетъ: пришлютъ!.. Гдѣ — такъ у васъ много чувствъ и любви, а тутъ такъ ужъ очень разсудительны и хладнокровны!

Власій Матвѣевичъ. Послѣдняя, самая свѣжая новость: наши войска перешли черезъ Дунай.

Алексѣй Петровичъ. Ну, вотъ, значитъ, перешли... очень радъ, очень. Стало-быть, Макаръ Макарычъ, чего мы съ тобой ждали, то и случилось.

Макаръ Макаровичъ. Это—слава Богу, сударь Алексѣй Петровичъ, слава Богу.

Алексѣй Петровичъ. Какъ же, братецъ, не слава Богу! Самъ служилъ, знаешь. Можетъ-быть, братецъ, что-нибудь тутъ и наши дѣтки заработали. Кабы, кажется, старшему Петрушѣ майора схватить, а Николаю крестикъ, такъ бы, кажется, я два дня, не отставая, плясалъ. Десять лѣтъ, братецъ, именинъ своихъ не справлялъ: все денегъ жалѣлъ, а тутъ займу да сдѣлаю пиръ на весь міръ: — музыкантовъ, пѣсенниковъ, братецъ Макаръ Макарычъ, откуда-нибудь да достанемъ... (Поетъ)

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися ратныхъ строй!

Аполлинарія Матвѣевна (въ сторону). Истерзаетъ онъ меня въ конецъ. Видѣть его не могу; пѣсни да пляски затѣваетъ, а того не знаетъ...

Власій Матвѣевичъ (сестрѣ). Вы, я слышалъ, сестрица, и послѣдняго вашего сына отправляете въ полкъ?

Аполлинарія Матвѣевна. Отправляемъ, братецъ.

Власій Матвѣевичъ. Съ кѣмъ же и при комъ вы сами останетесь? Не понимаю я, признаюсь, вашего намѣренія; очень оно, по-моему, странно.

Алексѣй Петровичъ. Что же вы находите страннаго-съ?

Власій Матвѣевичъ (какъ бы не слыхавъ Алексѣя Петровича). Материнскому самоотверженію твоему долженъ же быть когда-нибудь и гдѣ-нибудь предѣлъ. Если мы любимъ дѣтей нашихъ, то не имѣемъ ли права и отъ нихъ требовать того же? Если въ ихъ младенчествѣ, въ дѣтствѣ и юности мы заботились о нихъ, жертвовали на воспитаніе ихъ послѣдними своими средствами: не обязаны ли и они, въ нашей старости, воздать намъ возмездіе? Не имѣешь ли ты, скажу я точнѣе, полнаго права приказать твоему сыну, чтобъ онъ остался при тебѣ и посвятилъ тебѣ нѣсколько лѣтъ жизни за все, что ты сама сдѣлала для него и прочаго своего семейства?

Алексѣй Петровичъ. Ты, я вижу, Власій Матвѣевичъ,

не забылъ своей привычки съ боковъ да со стороны ставить мнѣ шпильки, а лучше бы говорилъ прямо. Я отпускаю Сашку!.. Я хочу, чтобъ онъ шелъ въ службу!.. Ну! Что жъ вамъ еще угодно съ Аполлинаріей Матвѣевной? И поѣдетъ, и, если Богу угодно, худого изъ этого ничего не будетъ. Такъ ли, Макаръ Макарычъ?

Макаръ Макаровичъ. Безъ Бога волосъ съ головы человѣческой не падаетъ.

Власій Матвѣевичъ. Есть и другая вѣдь поговорка: береженаго Богъ бережетъ. Вообразимъ себѣ, Алексѣй Петровичъ, что двое вашихъ старшихъ сыновей, или по случаю женитьбы, или пріобрѣтя состояніе въ отдаленныхъ мѣстахъ, — вообразимъ, говорю я, что они никогда уже болѣе къ вамъ не вернутся; младшій, котораго вы ведете тѣмъ же путемъ, вѣроятно, послѣдуетъ ихъ примѣру, — но что жъ изъ этого будетъ? Вы оба старики, нѣкогда многосемейные, дѣлаетесь одинокими, сирыми, проводя остатокъ дней вашихъ въ одномъ только нетерпѣливомъ и часто безплодномъ ожиданіи писемъ, потому что отдалившіяся дѣти — увы!—весьма мало думаютъ объ отцахъ и матеряхъ. Все это, говорю я, при благопріятномъ теченіи обстоятельствъ; но война исполнена и другихъ ударовъ. Что, если одинъ изъ этихъ ударовъ разразится надъ вами, и смерть похититъ вашихъ дѣтей, — что тогда будетъ? Гдѣ и въ чемъ вы найдете утѣшеніе?.. (Аполлинарія Матвѣевна начинаетъ рыдать).

Власій Матвѣевичъ (къ ней). Если вы будете плакать, я принужденъ буду замолчать. Несчастія должно встрѣчать твердо, а не падать духомъ. Надобно оберегать себя отъ новыхъ бѣдъ, а не изливаться въ безполезныхъ жалобахъ.

Алексѣй Петровичъ. Что такое онъ за рацеи читаетъ? Ты, видно, братецъ Власій Матвѣичъ, совсѣмъ изъ ума выжилъ. Что это ты ко мнѣ такимъ зловѣщимъ ворономъ пріѣхалъ накаркивать какія вѣсти? Лучше бы не ѣздилъ... (Къ женѣ) Ты что, старая, ревешь? Ты о чемъ?.. (Къ Макару Макаровичу) Макаръ Макарычъ! Что у нихъ? Сашка! Что такое у васъ? Здоровы ли братья?

Аполлинарія Матвѣевна (переходя къ Алексѣю Петровичу и упадая къ нему на плечо). Убиты, батюшка Алексѣй Петровичъ! Убиты наши съ тобой красавчики! Не увидимъ ихъ больше на этомъ свѣтѣ!

Александръ. Папенька, я не знаю... здоровы, кажется... что жъ, вѣдь...

Алексѣй Петровичъ (совсѣмъ пораженный). А!.. Убиты?.. Ну, не думалъ я этого... Что жъ вы отъ меня, какъ отъ ма-

лаго ребенка, скрывали да обманывали?.. (Крестится) Царство небесное Петру и Николаю!.. Селифантьевъ! Поди, зови священника въ церковь... Вотъ, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой сегодня поутру пѣсни пѣли, а теперь приходится панихиду служить... (Всѣ плачутъ. Алексѣй Петровичъ, обведя всѣхъ глазами) Ну, что всѣ расхныкались? Старуха!.. (Обнимаетъ жену). Не нюнить; говорятъ, не нюнить! За твои слезы и ропотъ Богъ насъ и наказалъ... (Стукнувъ палкой) Никто не смѣй у меня плакать, когда я не плачу... Сашка! Поди сюда... (Александръ подходитъ). Братьевъ, братецъ, убили... ну!

Александръ. Знаю, папенька!.. Что жъ? Отъ смерти нигдѣ не уйдешь.

Аполлинарія Матвѣевна. Оставь ты мнѣ, батюшка, хоть этого-то на поглядочку; не отнимай ты послѣдней этой радости у меня!

Алексѣй Петровичъ. Стань, Александръ, передо мной на колѣни. (Александръ становится). Благословите, Аполлинарія Матвѣевна, сына: онъ сегодня же поѣдетъ на убылое мѣсто... Ну, не выводить же меня въ конецъ изъ терпѣнія!..

Аполлинарія Матвѣевна (заливаясь слезами). Я, батюшка, ничего; дѣлай, какъ хочешь; не тревожься только: я за тебя-то больше боялась... (Благословляетъ и обнимаетъ сына).

Алексѣй Петровичъ (поднимаетъ надъ нимъ руки). Благослови тебя Господь! Возьми, царь, послѣдняго! У меня ужъ никого больше не осталось... Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Макаръ Макаровичъ. Аминь!..

Занавѣсъ падаетъ.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чегловъ-Соковинъ—молодой помѣщикъ.
Золотиловъ, зять его—помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ и уѣздный предводитель дворянства.
Калистратъ Григорьевъ—бурмистръ Чеглова-Соковина.
Ананій Яковлевъ—оброчный мужикъ Соковина, промышляющій въ Петербургѣ.
Лизавета—жена Ананія Яковлева.
Матрена—мать Лизаветы.
Баба Спиридоньевна—сосѣдка Матрены.
Дядя Никонъ—задѣльный мужичонка.
Шпрингель—губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій.
Исправникъ.
Стряпчій.
Сотскій.
Мужики: Михайла Ѳедоровъ, выборный: Давыдъ Ивановъ: молодой парень; кривой мужикъ; рябой мужикъ; понятые; бабы.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Соковина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Хорошая крестьянская изба. Въ переднемъ углу столъ, накрытый бѣлой скатертью, а на немъ хлѣбъ съ солью и образкомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Старуха Матрена сидитъ на одной лавкѣ, а на другой баба Спиридоньевна.

Спиридоньевна (глядя въ окно). Не видать, баунька... Не чуть еще!

Матрена. Ну, гдѣ еще чуть! Поди, чай, дорога-то перемётенная, все лошадкѣ-то въ упоръ... Прутъ, чай, шагомъ.

Спиридоньевна. Да кто, баунька, стрѣшникомъ-то къ нему поѣхалъ?

Матрена. Кто стрѣшникомъ?.. На чужой ужъ, мать, подводѣ поѣхали; дядя Никонъ, спасибо, поохотился, нанялся за четвертачокъ да чтобы пивца испить, а то хоть плачь: свой-то вонъ несъ-работникъ другую недѣлю заѣхалъ на мельницу и не ворочаетъ.

Спиридоньевна. А Лизавета-то, баунька, поѣхала?

Матрена. Поѣхала... женино тоже, мать, дѣло: какъ было не стрѣтить... О, Господи, Господи... грѣхи наши тяжкіе, свѣты наши темные.

Спиридоньевна (осклабляясь). Опасается она поди, баунька, его шибко?

Матрена. Какъ бы, кажись, мать, не опасаться! Человѣкъ этакій изъ души гордый, своебышный... Сама вѣдаешь, родителю своему... и тому, что ни есть, покориться не захотѣлъ: бросивши экій домъ богатый да привольный, чтобы только не быть ни подъ чьимъ началомъ, пошелъ въ наше семейство сиротское, а теперь, самъ собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагаетъ.

Спиридоньевна. Какъ не полагать! Можетъ, мнѣніемъ своимъ, сударыня, выше купца какого-нибудь себя ставитъ. Сказывали тоже наши мужички, какъ онъ блюдетъ себя въ Питерѣ: изъ званія своего никого, почесть, себѣ и равнаго не находитъ... Тоже вотъ въ трактирѣ когда придетъ чайку испить, такъ который мужичокъ побѣднѣй да попростѣй, съ тѣмъ, пожалуй, и разговаривать не станетъ; а вѣдь гордость-то, баунька, тоже врагъ человѣческій... Можетъ, за нее теперь Богъ его и наказуетъ; вдругъ теперь экую штуку брякнуть ему!

Матрена. А, эку штуку брякнуть!.. Можетъ, и жизни ся не пощадитъ: не мало я надъ ней, псовкой, выла; слезъ-то ужъ ажно не хватаетъ... «Вотъ, говорю, Ананій Яковличъ изъ Питера съѣдетъ; какъ намъ, злодѣйка, твое дѣло ему сказывать!»—«Что жъ, говоритъ, маменька, не твое горе: я въ грѣхѣ, я и въ отвѣтѣ».

Спиридоньевна. А ребенокъ-то гдѣ, баунька? Зыбки-то, словно, не видать.

Матрена. Въ горенку перенесла; вчерасятко-сь цѣлый день съ работницей оттапливала; мнѣ ни слова не молвитъ, а, вѣстимо, ради того, чтобы не такъ ужъ очешно прямо кинулся въ глаза Ананью Яковличу.

Спиридоньевна. Знаетъ ужъ онъ, чай, баунька... Поди, еще въ Питерѣ разболтали ему: хорошее-то слово лежитъ, а дурное-то бѣжитъ.

Матрена. Нѣту, родимушка, нѣту: тоже кто вотъ изъ землячковъ пойдетъ, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвились о томъ. Опасно тоже было: человѣкъ еще молодой, живетъ въ Питерѣ, услышамши про свое экое приключеніе, пожалуй, и самъ съ круга свернетъ... Не пожалѣла она, злодѣйка, ни моей старости ни его молодости!

Спиридоньевна. То, баунька, хоть бы съ себя теперь взять, — баба еще не перестарокъ: добро бы она въ наготѣ да въ нищетѣ жила, такъ бы на деньгу кинулась; а то, ну-ка, въ холѣ да въ довольствѣ жила да цвѣла.

Матрена. Народомъ это, мать, нынче стало, больно сталъ не крѣпокъ нынѣ народъ: и мужчины и женщины. Я вотъ безъ Ивана Петровича... Семь годковъ онъ втѣноры не сходилъ изъ Питера... Почти что бобылкой экіе годы жила, такъ и то: лѣто-то лѣтенско на работѣ, а зимой за скотинкой да за пряжей умаешься да упаришься,—ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то чтобы о худомъ думать.

Спиридоньевна. Это, баунька, что? Кто Богу хоть бы этимъ не противенъ, царю не виноватъ; я сама, грѣшница великая, въ дѣвкахъ вину имѣла, такъ вѣдь то дѣло: не съ кѣмъ другимъ, со своимъ же братомъ парнемъ дѣло было, а тутъ, ну-ка, съ бариномъ... Какъ только смѣлости ея хватило... И говорить-то съ ними, по мнѣ,—и то стыдобушка!

Матрена (махнувъ рукой). Не знаю, кто ужъ съ кѣмъ у нихъ заговаривалъ... Глупая да старая тоже нынѣ стала... Этта вотъ по осени болѣсть-то эта со мной была, такъ и остатки все изъабыла; а тоже помню, какъ онъ втѣноры впервые въ избу къ намъ пришелъ... Я на голбцѣ лежала, соскочила. «Здравствуйте, говорю, ваше благородіе!» А Лизанька-то что-то у печки тутъ возилась. «Здравствуй, говоритъ, старуха», и прямо къ ней. «Твоими бы руками, Лизавета, надо золотомъ шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говоритъ, какая ты расхорошая». А она, несъ, стоитъ да ухмыляется ему. Я сглупа тоже поклонилась ему. «Благодаримъ, говорю, батюшка, покорно за ваше ласковое слово...» Съ этой, что ли, поры у нихъ и пошло,—прахъ ихъ знаетъ!

Спиридоньевна. Много у нихъ мѣста-то, баунька, и безъ твоей избы было. Въ позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... Баринъ цѣлый день-деньской у Лизаветы съ полосы не сошелъ,—все съ ней разговаривалъ.

Матрена (разводя руками). Ну вотъ!

Спиридоньевна (продолжая). Да, а тутъ, какъ пошабашили, народъ тоже подшилъ: дѣвки да бабы помоложе, мало еще, кобылы экія, на полосѣ-то уходились, стали пѣсни пѣть и въ горѣлки играть. Глядь, и баринъ къ нимъ присталъ: прыгаетъ, какъ козелъ, и все становится съ твоей Лизаветой въ парѣ и никакъ ладить, чтобъ ее никто не поймалъ. Дивовали, дивовали мы втѣпоры. «Чтой-то, молъ, это, матоньки мои, баринъ-то ужъ очень больно Матренину Лизавету ласкаетъ?»

Матрена. Ничего я, мать, не знала и не вѣдала... Слѣпъ, видно, материнскій-то глазокъ на худое въ дѣткахъ. Какъ бы не у матери родной, а у свекрови злой жила, такъ не посмѣла бы этого сдѣлать. Хошь тоже много спаснбо и добрымъ людямъ: подвели, можетъ, да подстроили...

Спиридоньевна. Одинъ у насъ, голубонька, добрый человѣкъ, злодѣй нашъ бурмистръ Калистратъ Григорьичъ; вся деревня голоситъ теперь о томъ, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужнюю, а теперь, ну-ка, экими своими услугами да послугами такую надъ нимъ силу взялъ, что на удивленье: пьяный да безобразный, говорятъ вонъ дворовые, съ праздника откедова пріѣдетъ, не то, чтобы скрыться отъ барскихъ глазъ, а только то и оретъ во все горло. «Мнѣ-ста баринъ все одно, что младшій братъ: что я, говоритъ, задумаю, то онъ и сдѣлаетъ...» Словно, мать, колдовство какое надъ нимъ сотворилъ,—право-тка!

Матрена. Ну, матушка, мудреное ли это колдовство: человѣкъ умный, богатый да лукавый! Втѣпоры, какъ со злодѣйкой-то моей это приключилось, онъ приходитъ ко мнѣ. «Матрена, говоритъ, у тебя баба безъ мужа понесла; мотри, чтобы она надъ собой али надъ ребенкомъ чего не сдѣлала,—ты за то отвѣчать будешь». Я такъ, мать, и ахнула, ничего того не думаючи и не вѣдаючи; а она, псовка, и входитъ на эти слова. Я было-накинулась нее, а онъ на меня затопалъ. «Не трожь, говоритъ, ее; самъ баринъ про то знаетъ и простилъ ее».

Спиридоньевна (взглянувъ въ окно). Ѣдутъ, баунька, ѣдутъ!..

Матрена. Ну вотъ, слава тѣ, Царица Небесная! Стать-было: съ хлѣбомъ и съ солью тоже стрѣтить охота.

(Беретъ со стола хлѣбъ и становится противъ дверей).

Спиридоньевна (продолжая глядѣть въ окно). Рядомъ, баунька, Ананій-то Яковличъ съ Лизаветой сидитъ. На-ка, глянь, подъ руки ее высадилъ; таково ласково; ничего еще, сердешный, видно, не знаетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Ананій Яковлевъ въ сибиркѣ хорошаго сукна, Лизавета и дядя Никонъ съ кисой на плечѣ.

Дядя Никонъ. Вотъ тѣ, бабушка, купца питерскаго привезъ!.. У меня лошадь важная: сто пудовъ вали на нее, свезетъ,—вѣрно.

Ананій Яковлевъ (сначала помолился передъ образомъ, потомъ поклонился три раза матери въ ноги и, приложившись къ иконѣ, поцѣловался съ ней).

Матрена. Здравствуй, батюшка, соколъ мой ясный!

Дядя Никонъ. Кланяйся, братъ Ананій Яковлевичъ, и мнѣ въ ноги; сдѣлай и мнѣ это почтеніе... (Беретъ отъ Матрены хлѣбъ съ солью).

Ананій Яковлевъ (слегка улыбаясь). Что жъ, отчего? Можемъ-съ!.. (Кланяется дядѣ Никону вполспины, потомъ цѣлуется съ нимъ).

Дядя Никонъ. Вотъ это, братъ, такъ... ладно... стариковъ, братъ, уважай... На стариковскомъ, значитъ, разумѣ свѣтъ держится, аки на китахъ-рыбахъ,—вѣрно!

Ананій Яковлевъ (женѣ). Возьмите ужъ и вы-съ!

(Лизавета, конфузясь, беретъ хлѣбъ съ солью; Ананій Яковлевъ кланяется ей въ ноги и потомъ цѣлуетъ ее).

Матрена (толкая дочь). Поклонись, дура, сама-то ему въ ноги!

(Лизавета кланяется; Ананій Яковлевъ поднимаетъ ее и опять цѣлуетъ).

Спиридоньевна (жеманно). Здравствуйте, батюшка Ананій Яковличъ,—какой нарядный да хорошій стали! Какъ живете-можете?

Ананій Яковлевъ. Ничего-съ: помаленьку, Богъ грѣхамъ терпитъ... (Къ дядѣ Никону) Одолжите, пожалуста, на минуточку кису-то.

Дядя Никонъ (сбрасывая съ плечъ кису). На́те вотъ вамъ чорта-борова какого... Дѣвки и бабы... значитъ... иди сюда, ланки! Всѣмъ будутъ подарки...

Ананій Яковлевъ (вынимая изъ кисы драдедамовый платокъ и подавая его матери). Пожалуйте-съ!

Матрена (цѣлуя его въ локоть руки). Ай, батюшка, благодарствую, красавецъ мой брильянтовый!

Спиридоньевна. Ну вотъ, баунька, настоящій тебѣ старушечій: къ лицу будетъ... очень пойдетъ.

Матрена. Нешто, мать!.. Наряжаютъ да ублажаютъ меня, а я, старая, и поблагодарить-то не умѣю какъ хорошенько.

Ананій Яковлевъ (вынимая изъ кисы кусокъ шелковой матеріи и подавая его женѣ). Это для васъ теперь... пожалуйте-съ!..

(Лизавета молча беретъ и цѣлуетъ у мужа руку).

Спиридоньевна (разсматривая съ завистью подарокъ Лизаветы). Вона, мать, гарнитуры-то какія: мы и не видывали здѣсь этакихъ. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привезъ. Словно кукла нарядная, будешь ходить у насъ въ шелкахъ да въ бархатѣ.

Ананій Яковлевъ (Спиридоньевнѣ). А васъ, извините на томъ, не чаялъ здѣсь захватить... Позвольте, по крайности, хоть полтинничкомъ поклониться... (Даетъ ей полтинникъ).

Спиридоньевна. Ой, чтой-то, сударь-батюшка!.. Оченно вами благодарна... (Цѣлуетъ у него руку).

Дядя Никонъ. А мнѣ для че красной шапки не привезъ? Это ужъ, братъ, неладно,—право!

Ананій Яковлевъ. Нынѣ народъ-то прозорливъ сталъ, и безъ красной шапки понимаютъ человѣка.

Спиридоньевна. Ужъ именно, сударь!.. Можетъ, наскрозь видятъ, кто каковъ есть человѣкъ.

Матрена (зятю). Садись, батюшка, за столъ-то... (Дочери) Поди тамъ, вынимай изъ печи-то, что̀ есетко... (Спиридоньевнѣ) Анна Спиридоньевна! Потрапезуй, матка, съ нами... (Дядѣ Никону) Полно, старый хрѣнъ, болтаться-то тутъ тебѣ, словно мотовило. Залѣзай въ передній-то уголъ.

Дядя Никонъ (садясь). Залѣзъ, баушка!.. Я тѣ водки привезъ, ей-Богу! Шельма твой Анашка, питерскій вѣдь кулакъ, распоясалъ мошну на одинъ полштофъ да и думаетъ: баста! «Нѣтъ, братъ, говорю, шалишь! Съ тетки Матренинымъ пирогомъ еще надо водку пить!..» (Вынимаетъ изъ кармана полуштофъ и гладитъ его). Вотъ оно, благословленное-то мое!.. Вынимай, баушка, ковши да ендовы!

Матрена (ставя изъ шкапчика небольшіе стаканы). Пьешь и стаканчиками,—нынѣ вино-то дорогое!

Ананій Яковлевъ (женѣ). Что̀ жъ, садитесь и вы! Маменька, позвольте имъ-съ! Давно мы рядкомъ-то съ ней не сиживали.

Матрена (дочери). Садись!

Дядя Никонъ (первый наливаетъ и пьетъ). Здравія желаемъ, съ похмелья умираемъ: нѣтъ ли гривенъ шести, душу отвести...

Матрена (Спиридоньевнѣ). Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна. Ой, нѣтъ, баунька, не охота что-то.

Матрена. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, такъ, можетъ, и понравится.

Спиридоньевна (выпивая). Съ Успеньева дня, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяюшка почтенная!

Матрена. О, полно-ка, мать, какая ужъ я пивица... (Къ зятю) Ты самъ-то, батюшка, не выпьешь ли хоть передъ хлѣбомъ-то съ солью?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, благодарю; не имѣю той привычки.

Дядя Никонъ. Вотъ Лизунька такъ выпьетъ, потому самому... съ радости... мужъ пріѣхалъ... веселѣй, значитъ, принимать его будетъ: вино, значитъ, теперь духъ человѣку дастъ,—вѣрно!

Ананій Яковлевъ. Что имъ пить. Что это за глупыя рѣчи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшка Ананій Яковличъ, вологодскимъ трактомъ, чай, изволилъ ѣхать?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, какое тутъ вологодскій? Пустое дѣло это нынче трактъ сталъ: почесть что заброшенъ! Теперь чугунка народу тысячи по три за-разъ везетъ и словно птица летитъ: верстъ по тридцати въ часъ уходитъ.

Матрена и Спиридоньевна (въ одинъ голосъ). Ой, батюшки, чтой-то? Будто ужъ и по тридцати верстъ?

Ананій Яковлевъ. Это еще не такъ оченно много... такъ какъ, значитъ, дѣло еще у насъ вновѣ: такъ опасаются тоже маненько: а что въ иностранныхъ земляхъ она и шибче того ходитъ!.. Теперь хоша бы насчетъ времени этимъ большое сбереженье... значитъ, и на харчахъ барышъ; бока тоже не наломаетъ; сидишь, словно въ комнатѣ, не тряхнетъ, не вальнетъ: штука отмѣнная-съ!

Дядя Никонъ. Это, братъ, я знаю... видалъ... Теперь тысяча человѣкъ ѣдетъ... махина съ домъ... а лошадей четверка только везетъ, ей-Богу!.. Потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссе идетъ...

Ананій Яковлевъ (нѣсколько потупившись). Никакой тутъ лошади нѣтъ-съ... ни единой... А ежели и есть какая, такъ се самоё везутъ... Вы это, можетъ, дилижанецъ видали; а чугунка другое дѣло: тутъ паръ дѣйствуетъ.

Спиридоньевна. Да какъ же это, батюшки, паръ-то? Онъ у насъ токмо что въ банѣ и есетка, да горшки имъ парить умѣемъ.

Матрена. Дошелъ, видно, нынче народъ до всего.

Дядя Никонъ. И это, братъ, знаю, что ты говоришь, и то знаю!.. А вы ужъ: ахъ, ихъ, ухъ!.. и дивуютъ... Прямыя бабы, право! Митюшка, кузнецъ, значитъ, нашъ, досконально мнѣ все предоставилъ: тутъ не то что выходитъ паръ, а нечистая, значитъ, сила!.. Ей-Богу, потому самому, что ажно ржетъ, какъ съ мѣста поднимаетъ: тяжело, значитъ, сразу съ

мѣста поднять. Нѣмецъ теперь, выходитъ, самого дьявола къ своему дѣлу пригналъ. «На-ка, говоритъ, чортъ-дьяволъ этакій, попробуй—повози!»

Спиридоньевна. Ой, полно-ка, чтой-то все чертыхаешься: нашелъ мѣсто за столомъ.

Дядя Никонъ. Ей-Богу, такъ, курносая! А ты что думала: я больше его знаю... что онъ бахвалитъ!

Ананій Яковлевъ (солидно). Никакого тутъ дьявола нѣтъ, да и быть не можетъ. Теперь даже по морской части хошь бы эти паруса али греблю, какъ напредь того было, почесть что совсѣмъ кинули, такъ какъ этимъ самымъ паромъ стало невпримѣръ сподручнѣе дѣло дѣлать. Поставятъ, спокойнымъ манеромъ, машину въ нутро корабля; она вертитъ колеса, и какая ни на есть тамъ буря, ему ни почемъ. Какъ теперича сталъ вѣтеръ крѣпчать, развели огонь посильнѣе, и пошелъ скакать съ волны на волну.

Матрена. Ничего, мать Спиридоньевна, мы, вѣкъ-то съ тобой изживучи, не увидимъ.

Спиридоньевна. Какія ужъ мы, баунька, видальщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вонъ Лизавета, поди, чай, побываетъ съ мужемъ въ Питерѣ, наглядится на все!

Ананій Яковлевъ. Дляче имъ не побывать!.. Можетъ-быть, даже нынѣшнимъ годомъ этотъ случай приладимъ. Чѣмъ чужую кухарку нанимать, такъ лучше своя будетъ.

Лизавета (вспыхивая). Гдѣ ужъ намъ, сударь, въ Питеръ ѣхать: женщины мы деревенскія, небывалыя, и глядѣть мы по-тамошнему не умѣемъ, а не то что говорить.

Ананій Яковлевъ. Что жъ вы такъ себя оченно низко ставите; а какъ мы тоже Питеръ знаемъ, такъ вамъ надо быть тамо не изъ худыхъ, а можетъ, изъ самыхъ лучшихъ, по крайности я такъ, по своему къ вамъ расположенію, понимаю.

Дядя Никонъ. Ты, Анашка, меня, значитъ, въ Питеръ возьми, ей-Богу, такъ! Потому самому... Я тѣ всѣ документы представить могу. Меня, можетъ, токмо что въ деревнѣ родили, а въ Питерѣ крестили, — вѣрно! Теперь баринъ мнѣ, значитъ, говоритъ: «Никашка, говоритъ, пошто ты, старый песъ, свои старыя кости въ задѣлѣ ломаешь, — шелъ бы въ Питеръ».—«Давайте, говорю, ваше высокородіе, тысячу цѣлковыхъ; а какой я теперича человѣкъ, значитъ, безъ денегъ... какіе артикулы могу представить али фасоны эти самые... и не могу».

Ананій Яковлевъ. Въ Питерѣ-то и безъ вашихъ денегъ

много въ кабакъ уходитъ... (Обращаясь къ Спиридоньевнѣ) Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчетъ того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшка, голубчикъ, поговори-ка о хорошемъ: больно повадно твои умныя рѣчи слушать-то.

Ананій Яковлевъ. Ни одной, почесть, фабрики нѣтъ безъ него. На другую, можетъ, прежде народу требовалось тысячи двѣ, а теперь одна эта самая машина только и дѣйствуетъ. Какіе тамъ станы есть али колеса, все одна ворочаетъ: страсти взглянуть, когда вотъ тоже случалось видать, и человѣкъ двадцать какихъ-нибудь суется промежъ всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никонъ. Ты теперича, Анашка, говоришь: машина!.. Что такое значитъ машина?

Ананій Яковлевъ (не обращая на него вниманія). Начальство теперь насчетъ только того въ сумнѣніи находится, что дровъ оченно много требуется... лѣса переводятся... ну такъ тоже землю этакую нашли... болотину, значитъ, съ разными этакими кореньями, пнями въ ней... все это самое прессуютъ, сушатъ, и она горѣть можетъ! Каменный уголь тоже изъ иностранныхъ земель идетъ и тѣмъ большое подспорье для лѣса дѣлаетъ.

Дядя Никонъ. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому—ты человѣкъ торговый, а человѣкъ мастеровой, значитъ, знаетъ это. Ты теперича знаешь Николу Морского?

Ананій Яковлевъ (улыбаясь). Какъ не знать-съ: церковь извѣстная.

Дядя Никонъ. Я теперича эту самую, значитъ, колокольню щекотурилъ. Теперича, значитъ, машина сейчасъ была не въ своемъ видѣ, я... трахъ... упалъ... сажень сорокъ вышины было... баринъ тутъ изъ военныхъ былъ: «Приведите, говоритъ, его, капалью, въ чувство!..» Сейчасъ привели... онъ мнѣ два штофа водки далъ, я и выпилъ.

Спиридоньевна. Какъ ты, стараго хрыча, всего не расшибло: съ этакой вышины кувыркнулся.

Ананій Яковлевъ. Вѣрно ли вы разстояніе-то промѣряли?.. А то словно бы, кажись, какъ съ сорока-то саженъ человѣкъ слетитъ, такъ водки не захочетъ.

Дядя Никонъ. О, чортъ-дьяволъ, право! Не захочетъ?.. захотѣлъ же! Вотъ и теперь выпью,—вѣрно!.. (Пьетъ). Въ главнокомандоческомъ тоже домѣ графа Милорадыча, въ залѣ съ двойнымъ просвѣтомъ, карнизъ выводили, такъ тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я какъ теперича на глазомѣръ прикинулъ, такъ и ставь тутъ: вѣрно будетъ.

Ананій Яковлевъ. Всему дѣлу, выходитъ, уставщикъ вы были?

Дядя Никонъ. Былъ, братъ, я совсѣмъ... Теперича, что̀ такое значитъ мастеровой человѣкъ аль купецъ? Я теперича свое дѣло въ своемъ видѣ представить долженъ... А что̀ теперича торговый?.. Торговый человѣкъ... на̀ вотъ тебѣ, значитъ, на грошъ говядники купилъ, а на гривну продалъ... торговый человѣкъ, значитъ, плутъ!

Ананій Яковлевъ. За что же вы такъ все званіе порочите; мы тоже мѣста имѣемъ; разъ обманулъ, такъ другой и брать не станутъ.

Дядя Никонъ. Не станутъ, да! Что̀ такое теперь, значитъ, купецъ? Мыльный пузырь! — трахъ! ткнулъ его пальцемъ—и нѣтъ его! А мастеровой человѣкъ... Графу Милорадычу теперь надо коляску изготовить, платье себѣ испошить, супругѣ своей подаркомъ какую-нибудь вещь сдѣлать, — мастеровой человѣкъ и будь готовъ, сейчасъ команда: «пошелъ во дворецъ!»—и являйся.

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, это словно бы не такъ! Торговый человѣкъ завсегда долженъ паче себя наблюдать, чѣмъ мастеровой. У насъ теперь по нашей разносной торговлѣ, можетъ, праздника Христова нѣтъ, всѣ мы передъ публикой на глазахъ быть должны, а мастерового человѣка мы тоже знаемъ! Шесть дней поработалъ, а седьмой, пожалуй, и въ кабакѣ за бочкой провалялся.

Дядя Никонъ. Никогда этого не можетъ быть. Я теперича мастеровой человѣкъ; а ужъ бабѣ меня не надуть, — шалишь!

(Всѣ бабы блѣднѣютъ; Никонъ тянется за водкой).

Спиридоньевна (не давая ему). Полно-ка, полно, старый песъ, и то ужъ налопался: говоришь не знаемо что̀.

Матрена. Шелъ бы, батюшка старичокъ, домой... тоже умаялся, чай, съ дороги. Изъ кушанья ничего ужъ не будетъ, извини на томъ!

Дядя Никонъ (не обращая ни на кого вниманія). У меня теперь, слава тѣ Господи, полна изба ребятъ, а все мои, Никонычи, какъ разъ такъ пригнано, — вѣрно! А у торговаго человѣка, можетъ... да... торговому, видно, во всемъ отъ баръ счастье, и тутъ лишняя копейка даромъ перепала.

Ананій Яковлевъ. Къ чему же это вы рѣчь вашу такую клоните? Мудрено что-то ужъ оченно заговорили.

(Лизавета и Матрена сидятъ какъ полумертвыя).

Спиридоньевна. О, мелево, мелево и есть человѣкъ! За хозяйскимъ кушаньемъ сидитъ, хозяйское вино пьетъ, а только обиды экія говоритъ,—глупая башка этакая.

Дядя Никонъ. Что̀ жъ сидитъ? Я и встану... (Встаетъ

изъ-за стола). За что онъ теперь сердце мое раздражаетъ? Что онъ за человѣкъ теперь выходитъ, коли я однимъ словомъ его оконфузить могу?

Ананій Яковлевъ. Какое же это слово такое, чтобъ оконфузить меня?

Дядя Никонъ. Слово—да! Что ты, купецъ али генералъ?.. Барскій своякъ ты и больше ничего... Чей у тебя ребенокъ, ну-ка, говори!.. Въ томъ, значитъ, только и счастье твое, что твоя коренная у барина на пристяжкѣ пошла, право, черти, дьяволы экіе!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же безъ Никона.

Ананій Яковлевъ (стремительно вставая изъ-за стола). Фу, ты, Господи, Твоя воля! За что этотъ человѣкъ облаялъ, обнесъ тебя экими словами?

Спиридоньевна (струся). Пора однакоче домой. Прощай, баушка Матрена!.. Прощай, Лизавета Ивановна!.. Прощайте, батюшка Ананій Яковличъ!

Ананій Яковлевъ (торопливо). Прощайте-съ! (Спиридоньевна уходитъ).

Ананій Яковлевъ (тещѣ). Что это, маменька, за слова его были?

Матрена (помолчавъ). Ну, батюшка, изволилъ, чай, слышать.

Ананій Яковлевъ. Про какого онъ это тутъ ребенка болталъ?

Матрена. Можетъ-статься, про Лизаветина паренька говорилъ.

Ананій Яковлевъ (поблѣднѣвъ). Про какого это Лизаветина паренька?

Матрена. Паренекъ у нея... полутора мѣсяца теперь.

Ананій Яковлевъ. А! Дѣло-то какое... (Матери) Теперь, маменька, значитъ, повыдьте маненько.

Матрена. Помилуй, батюшка, ты ее хоть сколько-нибудь!.. Накажи ты ее сколько хошь: пусть годъ-годенской пролежитъ!.. Не лишай ты только ея жизни, не ради ея самоё, злодѣйки, а ради своей головушки умной да честной... (Кланяется ему въ ноги).

Ананій Яковлевъ (поднимая ее). Нѣтъ, ничего-съ... пожалуйте только, повыдьте-съ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ананій Яковлевъ и Лизавета. Нѣкоторое время продолжается молчаніе; Ананій Яковлевъ смотритъ Лизаветѣ въ лицо; та стоитъ, опустивъ глаза въ землю.

Ананій Яковлевъ. Что жъ это вы тутъ понадѣлали,—а? (Лизавета молчитъ).

Ананій Яковлевъ. Говорите же! Отвѣчайте хоша что-нибудь!..

Лизавета. Что мнѣ говорить?.. Никакихъ я супротивъ васъ словъ не имѣю. Какая есть ваша воля надо мной, такая и будетъ.

Ананій Яковлевъ (усмѣхаясь злобно). Гмм... воля моя!.. (Пріостанившись) Съ кѣмъ же это, выходитъ, любовь ваша была?

Лизавета. Никонъ Семенычъ говорилъ вамъ. Что жъ? Слова ихъ справедливыя были.

Ананій Яковлевъ. Ничего я его глупыхъ словъ не понялъ!.. (Опять молчаніе). Онъ тутъ про барина что-то болталъ.

Лизавета. А кто же окромя ихъ?.. Они самые.

Ананій Яковлевъ. Да, такъ вотъ оно куды пошло... Въ высокое же званье вы залѣзли!

Лизавета. Не по своей то волѣ было: тогда тоже стали повелѣнья и приказанья эти дѣлать, какъ было ослушаться?

Ананій Яковлевъ. Какія же это могли быть повелѣнья и приказанья? Ежели теперича, какъ вы говорите, силой васъ къ тому склоняли... что же мать ваша, потатчица, смотрѣла? Вы бы ей сейчасъ должны были объявленіе сдѣлать о томъ.

Лизавета. Ничего маменька про то не вѣдали: могла ли я, ради стыда одного, говорить имъ про то. Только бы ихъ подъ гнѣвъ подвела. Какая могла отъ нихъ помощь въ томъ быть?

Ананій Яковлевъ. Ахъ, ты, лукавая бестія! Коли ты теперича такъ мало чаяла помощи въ твоей матери, дляче жъ мнѣ не описала про то? Это дѣло столь, значитъ, дорого и чувствительно для души моей, что я, можетъ, бросимши бы все въ Питерѣ, прискакалъ сюда честь мою соблюсти... Теперь тоже, сколько ни велика господская власть, а все-таки имъ, какъ и другимъ прочимъ постороннимъ, не позволено того дѣлать. Земля наша не безсудная: коли онъ теперича какія притѣсненія сталъ дѣлать, я бы, можетъ, и до начальства дорогу нашелъ,—что жъ ты мнѣ, бестія, такъ ужъ оченно на страхъ-то свой сворачиваешь, какъ бы сама того, срамовщица, не захотѣла!

Лизавета (начиная плакать). Ни на что я не сворачиваю; а что, здѣсь тоже живучи, что̀ мы знаемъ? Стали стращать да пужать, что все семейство наше черезъ то погибнуть должно: на поселенье тамъ сошлютъ, а либо васъ, экого человѣка, въ рекруты сдадутъ. Думала, чѣмъ собой другихъ подводить, лучше на себѣ одной все перенесть.

Ананій Яковлевъ (ударивъ себя въ грудь). Молчи ужъ, по крайности, змѣя подколодная! Не раздражай ты еще пуще моего сердца своими пустыми рѣчами!.. Только духу моего теперь не хватаетъ говорить съ тобою какъ надо. Хотя бы и было то, чего ты, вишь, оченно ужъ испугалась, меня жалѣючи, такъ и то бы я легче вынесъ на душѣ своей: люди живутъ и на поселеньяхъ; но крайности я знать бы, что имя мое честное не опозорено и ты, бестія, на чужомъ ложѣ не безчещена!

(Лизавета продолжаетъ плакать).

Ананій Яковлевъ (начавъ ходить по избѣ). То̀ мнѣ теперича горчѣй и обиднѣй всего, что, можетъ, по своей глупой заботливости, ни дня ни ночи я не прожилъ въ Питерѣ, не думаючи объ васъ; а мы тоже время свое проводимъ не въ монастырскомъ заточеніи: хоша бы по той же нашей разносной торговлѣ—все въ народѣ: нашлись бы тамъ не хуже тебя, криворожей, изъ лица; а обращеньемъ, пожалуй, и чище будутъ... за какіе-нибудь три цѣлковыхъ на худое-то съ тобой бы пошли, такъ я и то—помысломъ моимъ, а не то что дѣломъ—не хотѣлъ вниманья на то имѣть, помня то, что я человѣкъ семейный и христіанинъ есть!

Лизавета. Живши за экія дальнія мѣста, экіе годы, станете ли безъ бабы жить? Какъ я могла то̀ знать?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ, ты знала это, шельма безстыжая! Коли бы я теперича на сторонѣ какое баловство имѣлъ, развѣ я сталъ бы такъ о домѣ думать? Кажись, ни письмами ни присылами моими забыты не были. О послѣдней сохѣ писалъ и спрашивалъ: есть ли она да исправлена ли?

Лизавета. Голова моя не съ сего дня у васъ все повинна и лежитъ на плахѣ: хотите—рубите ее, хотите—милуйте.

Ананій Яковлевъ. Твоя, вишь, повинна, а ты чужую взяла да съ плечъ срѣзала. и, какъ по чувствамъ моимъ, ты теперь хуже дохлой собаки стала для меня: мать твоя справедливо сказала, что, видишь, вонъ на столѣ этотъ ножъ, такъ я бы, можетъ, вонзилъ его въ грудь твою, кабы не жалѣлъ еще маненько самого себя; какой-нибудь теперича дуракъ — сродственникъ вашъ, мужичонка — гроша не стоящій, могъ меня обнести своимъ словомъ, теперь ступай да кланяйся по

всѣмъ избамъ, чтобы взглядомъ косымъ никто мнѣ не намекнулъ на дѣянья твои, и все, что кто бы мнѣ ни причинилъ, я на тебѣ, бестіи, вымѣщать буду: потому что ты тому единая причина и первая, значитъ, злодѣйка мнѣ выходишь... Ну, поимть еще!.. Пока не бьютъ и не тиранятъ, сколько ни достойна того... Въ жизнь свою, Господи, никогда не чаялъ такой срамоты и поруганья... Ну-ка, сказывай, придумывай-ка, что тутъ дѣлать, бестія ты этакая!.. (Садится за столъ и закрываетъ лицо руками; молчаніе).

Ананій Яковлевъ (вставая). Одного стыда людского теперь обѣгаючи, за неволю на себя все примешь; по крайности для чужихъ глазъ сдѣлать надо, что ничего аки бы этого не было: ребенокъ, значитъ, мой, и ты мнѣ пока жена честная! Но ежели что, паче чаянія, у васъ повторится съ бариномъ, такъ легче бы тебѣ... слышишь ли: голосъ у меня захватываетъ!.. легче бы тебѣ, Лизавета, было не родиться на бѣлый свѣтъ!.. Кому другому, а тебѣ пора знать, что я за человѣкъ: ни тебя, ни себя, ни вашего поганаго отродья не пощажу, такъ ты и знай то!.. Это мое послѣднее и великое тебѣ слово!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и работница.

Работница (пріотворивъ двери и заглядывая въ избу). Лизавета Ивановна, поди, мать, покорми ребенка-то грудью; а то соски никакъ не беретъ: совала, совала ему... окоченѣлъ ажно, плакамши.

(Ананій Яковлевъ вздрагиваетъ; Лизавета не трогается съ мѣста).

Ананій Яковлевъ. Что жъ ты сидишь тутъ? Ну! Еще привередничаетъ, шкура ободранная. Сказано тебѣ мое рѣшенье,— пошла!..

(Лизавета молча уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ананій Яковлевъ (ударивъ себя въ грудь). Царь небесный только видитъ, сколько, значитъ, вся внутренность моя теперь облилась кровью черною!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Деревенскій помѣщичій кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чегловъ-Соковининъ, худой и изнуренный, въ толстомъ байковомъ сюртукѣ, сидитъ, потупивши голову, на диванѣ. Развалясь, въ креслахъ помѣщается Золотиловъ, здоровый, цвѣтущій, съ нѣсколькими ленточками въ петлицѣ и со множествомъ брелоковъ на часахъ.

Золотиловъ. Какъ ты хочешь, другъ любезнѣйшій, а я никакъ не могу уложить въ своей головѣ, чтобы изъ-за какой-нибудь крестьянки можно было такъ тревожиться.

Чегловъ (съ горькой усмѣшкой). Что жъ тутъ непонятнаго?

Золотиловъ. А то, что подобныя чувства могутъ внушать только женщины, равныя намъ, которыя смотрятъ одинаково съ нами на вещи, которыя наконецъ могутъ понимать, что мы говоримъ. А тутъ что? Какъ и чѣмъ какая-нибудь крестьянская баба могла наполнить твое сердце?.. Отъ нихъ, любезный, только и услышишь: «ахъ, ты, мой сердешненькой, ахъ, ты, мой милесенькой!..» Отцы наши, бывало, проматывались на цыганокъ; но тѣ, по крайней мѣрѣ, женщины страстныя, а вѣдь наша баба — колода неотесанная: къ ней съ какой хочешь относись страстью, она преспокойно въ это время будетъ ковырять въ стѣнѣ мохъ и думать: подаришь ли ты ей новый платъ?.. И въ подобное-то полуживотное влюбиться?

Чегловъ (съ досадой). Что жъ ты мнѣ все этой любовью колешь глаза? Какое бы ни было вначалѣ мое увлеченіе, но во всякомъ случаѣ я привыкъ къ ней; наконецъ я честный человѣкъ: мнѣ Богъ знаетъ какъ ея жаль, видя, что обстоятельства располагаются самымъ страшнымъ, самымъ ужаснымъ образомъ.

Золотиловъ. Ничего я въ твоихъ обстоятельствахъ не вижу ни страшнаго ни ужаснаго.

Чегловъ. А мужъ теперь пришелъ: кажется, этого достаточно!

Золотиловъ. Что жъ такое, что пришелъ?

Чегловъ. Какъ что такое? Ты послѣ этого отнимешь у этихъ людей всякое чувство, всякій смыслъ? Долженъ же онъ узнать?

Золотиловъ. Ну, и узнаетъ и очень еще, вѣроятно, будетъ доволенъ, что господинъ приласкалъ его супругу.

Чегловъ (дѣлая нетерпѣливое движеніе). Это вы бываете до-

вольны, когда у васъ берутъ женъ, кто повыше васъ, а не мужики.

Золотиловъ. Да... ну, я этого не знаю. Во всякомъ случаѣ, если бы твой риваль даже и разсердился немного, ну, поколотитъ ее, можетъ-быть, разъ-другой.

Чегловъ. Не говори такъ, Бога ради, Сергѣй Васильичъ: къ больнымъ ранамъ нельзя такъ грубо прикасаться. У меня тутъ наконецъ ребенокъ есть, моя плоть, моя кровь: поймите вы хоть это по крайней мѣрѣ и пощадите во мнѣ хоть эту сторону!.. (Подходитъ и пьетъ водку).

Золотиловъ. Что жъ такое ребенокъ? Я и тутъ не вижу ничего, что могло бы такъ особенно тебя тревожить: вели его взять хоть къ себѣ въ комнаты, а тамъ поучишь, новоспитаешь его, сколько хочешь, запишешь въ мѣщане или въ купцы, и все дѣло кончено.

Чегловъ. Въ томъ-то и дѣло, милостивый государь, что эта женщина не такова, какъ вы всѣхъ ихъ считаете: когда она была еще беременна, я, чтобъ спасти ее отъ стыда, предлагалъ-было ей подкинуть младенца къ бурмистру, такъ она и тутъ мнѣ сказала. «Нѣтъ, говоритъ, баринъ, я имъ грѣшна и потерпѣть за то должна, а что отдать мое дитя на маяту въ чужія руки, не потерпитъ того мое сердце». Это подлинныя ея слова.

Золотиловъ. Слова очень понятныя, потому что, отними ты у нея ребенка, ваши отношенія всегда бы могли быть кончены; а теперь напротивъ: мужъ тамъ побранитъ ее, поцелкаетъ, а она все-таки сохранитъ на тебя право на всю твою жизнь. Я очень хорошо, повѣрь ты мнѣ, милый другъ, знаю этотъ народъ. Они глупы только на барскомъ дѣлѣ; но слишкомъ хитры и дальновидны, когда что коснется до ихъ собственнаго интереса.

Чегловъ (хватая себя за голову). Чувствуешь ли, Сергѣй Васильичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотинина?

Золотиловъ. Я очень хорошо, любезный другъ, знаю, что тонъ мой не долженъ нравиться; но что дѣлать? Я имѣю на него нѣкоторое право, какъ мужъ твоей сестры, которая умоляла меня, чтобъ я ѣхалъ образумить тебя.

Чегловъ. Въ чемъ же вамъ угодно образумить меня съ сестрой моей?

Золотиловъ. Въ томъ, что ты страдаешь Богъ знаетъ отъ чего. Взгляни ты на себя, на что ты сталъ похожъ. Ты изнуренъ, ты кашляешь и кашляешь нехорошо. Наконецъ, милый другъ, по пословицѣ: шила въ мѣшкѣ не утаишь,—къ

намъ отовсюду доходятъ слухи, что ты пьешь. Я къ тебѣ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу, а у тебя ужъ водка на столѣ стоитъ: ты вотъ при мнѣ пьешь третью рюмку. Такъ намъ это очень грустно, и я убѣжденъ, что эта госпожа поддерживаетъ въ тебѣ эту несчастную наклонность, чтобы ловчѣй въ мутной водѣ рыбу ловить.

Чегловъ. Что я пью и очень много, это величайшая истина; но чтобы эта женщина поощряла меня къ тому, это новая, низкая клевета вашихъ барынь-вѣстовщицъ, — такъ и скажите имъ!

Золотиловъ. То-то, къ несчастью, не клевета, а сущая истина, въ которой, впрочемъ, и обвинять тебя много нельзя, потому что въ этой проклятой деревенской жизни человѣку въ твоемъ возрастѣ, при твоемъ состояніи, съ твоимъ наконецъ образованіемъ, что тутъ и какое можетъ быть занятіе?

Чегловъ. А какое же, по вашему мнѣнію, я въ городахъ могъ бы найти себѣ занятіе?

Золотиловъ. Во-первыхъ, ты долженъ былъ бы служить. Не дѣлай, пожалуйста, гримасы... я знаю всѣхъ васъ фразу на это: «служить-то бы я радъ, подслуживаться тошно!». Но это совершенный вздоръ. Все дѣло въ лѣности и въ самолюбіи: какъ-де я стану подчиняться, когда начальникъ не умнѣй, а, можетъ-быть, даже глупѣе меня! Жить въ обществѣ по-вашему тоже пошло, потому что оно, изволите видѣть, ниже васъ.

Чегловъ. Дѣйствительно ниже!

Золотиловъ. Положимъ, такъ: но вотъ ты закабалился въ деревню; занялся ли по крайней мѣрѣ хозяйствомъ тутъ?

Чегловъ. Такъ хозяйничать, какъ вы, я не могу!

Золотиловъ. Что жъ ты можешь послѣ того дѣлать? Заниматься только любовью въ прекрасной поселянкѣ? Но хуже всего, что въ этомъ положеніи, когда оно начинаетъ тебѣ казаться нѣсколько щекотливымъ, ты, чтобы заглушить въ себѣ это, предался еще худшему пороку и, по твоему слабому здоровью, совершаешь надъ собой рѣшительное самоубійство... Не ты первый и не ты послѣдній изъ молодежи примѣръ тому,—повѣрь ты мнѣ: я вотъ теперь третье трехлѣтіе служу предводителемъ и на каждомъ шагу вижу, что какъ только дворянинъ приблизилъ къ себѣ подобную госпожу, изъ этого сейчасъ же все является: и пьянство, и домосѣдство, и одичалость. Собственно говоря, Господи Боже мой, ни я ни сестра твоя ни слова не говоримъ про твою связь: имѣй ихъ хоть двадцать, но только смотри на это иначе.

Чегловъ (съ горькой улыбкой). Какъ же это иначе, вотъ этого я не понимаю.

Золотиловъ. А такъ, какъ всѣ смотрятъ. И чтобъ успокоить тебя, я приведу свой собственный даже примѣръ, хоть это и будетъ не совсѣмъ скромно... (Вполголоса) Я вотъ женатый человѣкъ и въ лѣтахъ, а, можетъ-быть, въ этомъ отношеніи тоже не безъ грѣха; однако чрезъ это ни семейное счастье наше съ твоей сестрой не разстроено, ни я, благодаря Бога, не похудѣлъ, не спился, и какъ-то вотъ еще на-дняхъ такого рода особа вздумала передъ женой носъ вздернуть,— я ее сейчасъ же ограничилъ: знай сверчокъ свой шестокъ!

Чегловъ. Ну, вы можете смотрѣть и понимать, какъ знаете, а я смотрю... Постой однако, тамъ кто-то есть... Шороху каждаго боюсь,—вотъ мое положеніе!.. Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и бурмистръ.

Бурмистръ (показываясь). Я-съ это!

Чегловъ (съ безпокойствомъ). А, Калистратъ, здравствуй! Что ты?

Бурмистръ. Да такъ, ничего-съ, доложить только пришелъ: Ананій Яковлевъ тамъ изъ Питера сошелъ.

Чегловъ. Да, знаю! Ну, что же?

Бурмистръ (почесавъ голову). Оченно ужъ безобразничаетъ. Баба-то со мной пришла: урвалась какъ-то...

Чегловъ. Ахъ, да, позови ее... (Хватаетъ себя за голову) Господи Боже мой!

Бурмистръ (наклоняя голову за двери). Ступайте!.. Что? Да ничего, полноте!

Чегловъ. Что она?

Бурмистръ. Робѣетъ войти-то... «Чужой, говоритъ, господинъ тутъ».

Чегловъ. Ничего, Лиза, поди!.. это братъ мой: онъ все знаетъ.

Золотиловъ. Не стыдись, любезная, не стыдись... люди свои.

(Лизавета робко показывается).

Чегловъ (дотрагиваясь до ея плеча). Ну, поди, садись!.. Что твой злодѣй?

Лизавета (садясь и опуская руки). Что, баринъ. Извѣстно что!

Чегловъ. Что же такое?

Лизавета. Собирается тиранить. Пропала, значитъ, моя головушка совсѣмъ, какъ есть!

Чегловъ. Говорила ли ты ему на меня, что я во всемъ виноватъ?

Лизавета. Говорила... пытала ему по вашимъ словамъ лгать: такъ развѣ вѣрить тому?

Золотиловъ (Лизаветѣ). Какимъ же это образомъ онъ тиранить тебя хочетъ? (Чеглову) Elle est très jolie.

Лизавета. Не знаю, сударь... только то, что оченно опасно теперь, третью ноченьку вотъ не спимъ: какъ лютый змѣй сидитъ да глядитъ мнѣ въ лицо: словно умертвить меня собирается, — оченно опасно!

Чегловъ. Это ужасно, ужасно!

Бурмистръ. Какъ же это можетъ онъ сдѣлать? Владимировка-то у насъ указана про всѣхъ этакихъ — знаетъ то!

Лизавета. Что ему то?.. Кабы онъ былъ человѣкъ легкій: сорвалъ съ своего сердца да и забылъ про то; а онъ теперь, коли противъ какого человѣка гнѣвъ имѣетъ, такъ онъ у него, какъ крапива садовая, съ каждымъ часомъ и днемъ растетъ да пуще жжется.

Золотиловъ. Скотина какая, скажите!

(Чегловъ разводитъ только руками).

Бурмистръ. Это доподлинно такъ-съ: человѣкъ ехидный!.. У насъ и вообще народъ грубый и супротивный, а онъ первый на то изъ всѣхъ изъ нихъ. Какой-нибудь годъ тогда въ деревнѣ жилъ, такъ хоть бросай я свою должность: на міру слова не давалъ мнѣ сказать; все, чтобъ его слушались и по-его дѣлали.

Лизавета. Теперь главное то, баринъ, пужаетъ онъ меня, что въ Питеръ меня съ младенцемъ увезти ладитъ: а пошто мы ему?.. Чтобы мученья да притѣсненья терпѣть отъ него!

Чегловъ (закидывая голову назадъ). Нѣтъ, я не допущу этого; суди меня Богъ, а я не допущу того!

Лизавета. А мнѣ его ничего не жаль; онъ теперь говоритъ, что я ему хуже дохлой собаки стала, то забываючи, что какъ подъ вѣнецъ насъ везли, такъ онъ, може, былъ для меня такимъ. По спротиву да по бѣдности нашей сговорили да скрутили, словно живую въ землю закопали, и вся теперь наша воля, баринъ: не жить мнѣ ни съ нимъ ни при немъ... какая я теперь ему мужнина жена?.. (Начинаетъ плакать).

Бурмистръ. Никогда онъ, коли паспорта выдано не будетъ, не можетъ увезти ни тебя ни сына. Что тебѣ этимъ хоша бы себя и барина тревожить. За бѣглыхъ, что ли, онъ насъ представить хочетъ? Вотъ тутъ другой помѣщикъ сидитъ, тотъ тебѣ то же скажетъ.

Золотиловъ (Лизаветѣ). Разумѣется, не можетъ, и посмотри: какіе у тебя славные глаза, а ты плачешь и натрудняешь ихъ.

Лизавета. Ой, сударь, до глазъ ли теперь!.. какая ужь ихъ красота, какъ, можетъ, въ постелю ложимшись и поутру вставши, только и есть, что слезами обливаешься; другія вонъ

бабы, что хошь, кажись, ни потворится надъ ними, словно не чувствуютъ того, а я сама человѣкъ непереносливый: изныла всей своей душенькой съ самой встрѣчи съ нимъ... что-то хожу на свѣтѣ бѣломъ, словно шальная... подвалить подъ сердце, — вздохнуть не сможешь, точно смерть твоя пришла!.. (Продолжаетъ истерически рыдать).

Чегловъ (подходя и беря ее за руку). Послушай, не плачь, Бога ради.

Лизавета. Какъ, баринъ, не плакать-то. Его теперь одно намѣренье, чтобы какъ ни на есть, а отлучить меня отъ васъ и при себѣ держать, а я не хочу того... не желаю... не хочу! Онъ мнѣ теперь, Богъ знаетъ, супротивнѣй чего выходить: хоша бы и на худое тогда шла всамотко не изъ-подъ страху какого, развѣ вы у насъ такой? Можетъ, какъ вы еще молоденькимъ-то сюда пріѣзжали, такъ я заглядывалась и засматривалась на васъ, и сколько много теперь всѣмъ сердцемъ своимъ пристрастна къ вамъ и жалѣю васъ, сказать того не могу, а мое такое теперь намѣренье, баринъ... пускай тамъ, какъ собирается: ножомъ, что ли, рѣжетъ меня, али въ рѣкѣ топить, а мнѣ либо около васъ жить, либо совсѣмъ не быть на бѣломъ свѣтѣ: какъ хотите, такъ и дѣлайте то!

Чегловъ. Знаю все, милая моя, все знаю... но я, видишь ли, я ничтожнѣйшее существо, я подлецъ! Господи, пошли мнѣ смерть!.. (Всплескиваетъ руками и начинаетъ въ отчаяніи ходить по комнатѣ).

(Лизавета смотритъ на него съ испугомъ).

Золотиловъ (Чеглову). Чтой-то, помилуй, братецъ: будь же хоть сколько-нибудь мужчиной!.. Смѣшно наконецъ на тебя смотрѣть.

Бурмистръ (пожимая плечами). Седьмой десятокъ теперь живу на свѣтѣ, а такихъ господъ не привидывалъ, ей-Богу: мучать, терзаютъ себя изъ-за какого-нибудь мужика — дурака необразованнаго. Ежели позвать его теперь сюда, такъ я его при васъ двумя словами обрезоню. Вы сами теперь, Сергѣй Васильичъ, помѣщикъ и изволите знать, что мужику коли дать поблажку, такъ онъ возьметъ ее вдвое. Что ему такъ оченно въ зубы-то смотрѣть?.. Досконально объяснить ему все, что слѣдуетъ, и баста: долженъ слушаться, что приказываютъ.

Золотиловъ (пожимая плечами). Ей-Богу, не знаю... Конечно, ужь если такъ, такъ лучше съ нимъ прямо говорить... Какъ только это для нея будетъ?

Лизавета. А что мнѣ, сударь, таиться передъ нимъ?.. не желаю я того: а что тоже, можетъ, что не молвитъ Кали-

стратъ Григорьичъ, коли баринъ сами ему поговорятъ, такъ онъ и поиспужается маненько.

Чегловъ. Извольте, я готовъ... Я переговорю съ нимъ совершенно откровенно. Сейчасъ же позовите его. Позови его, Калистратъ.

Бурмистръ. Слушаю-съ; ее-то, по первоначалу, надо убрать. Подите къ старухѣ моей, скажите, чтобъ она сбѣгала и послала его сюда, а сами хошь у насъ тамъ, что ли, поспрятайтесь.

Лизавета (вставая). Пробѣгу задами-то, не увидитъ. Прощайте, голубчикъ баринъ!.. (Цѣлуетъ Чеглова и идетъ, но у дверей пріостанавливается). Я, можетъ, ужотатка, какъ за коровами пойду, такъ зайду сюда; а то не утерпитъ безъ того сердце мое.

Чегловъ. Ну да, хорошо.

Лизавета (Золотилову). Прощайте и вы, сударь.

Золотиловъ. Прощай, прощай, моя милая.

(Лизавета уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Золотиловъ (Чеглову). Elle est très jolie, vraiment... Что же однако вы съ этимъ господиномъ говорить будете?

Бурмистръ. Говорить съ нимъ то, что, во-первыхъ, онъ на деньгу человѣкъ жадный: стоитъ теперь ему сказать, что баринъ отпускаетъ его безъ оброка, и тамъ, ежели милость еще господская будетъ... такъ какъ они насчетъ покосу у насъ всѣ оченно маются, — покосу ему въ Филинской нашей дачѣ отвести, значитъ, и ступай съ Богомъ въ Питеръ, — распоряжайся собой, какъ знаешь! А что насчетъ теперь хозяйки... такъ какъ у ней ребенокъ есть... баринъ не желаетъ, чтобы онъ куда отлученъ былъ отъ нея... и кто теперь, выходитъ, окромя матери можетъ быть приставленъ къ своему дитю, и какимъ же манеромъ ему брать ее съ собой, — невозможно-съ!

Чегловъ (съ досадою перебивая его). Знаю я, любезный, безъ твоихъ совѣтовъ, какъ говорить.

Бурмистръ (въ свою очередь перебивая его). Мало, сударь, знаете, — извините меня на томъ; оченно мало знаете всѣ эти порядки!.. (Обращаясь къ Золотилову) Вотъ вы, Сергѣй Васильичъ, братецъ теперь ихній, можетъ, не поговорите ли имъ да не посовѣтуете ли: теперь, черезъ эту ихнюю самую доброту, такъ у насъ вотчина распущена, что хошь махни рукой: баба какая придетъ, притворится хилой: «ай, батюшка, родименькой, уволь отъ задѣлья!..» — «Ступай, матушка, будь слободна на всю

жизнь...»—того не знаючи, что вонъ и медвѣди представляютъ въ шутку, какъ онѣ на задѣлье идутъ, а съ задѣлья бѣгутъ. Мужикъ какой-нибудь, шельма, пьяница, безъ креста изъ Питера сойдетъ: вмѣсто того, чтобы съ него втрое спросить за провинность — «дать, говоритъ, ему льготу на два года; пускай поправляется».

Золотиловъ. Это значитъ—прямо баловать народъ!

Бурмистръ. Да какъ же, сударь, не баловать, помилуйте! Дворня теперь тоже: то папенькинъ камердинеръ, значитъ, и все семейство его палецъ о палецъ не ударитъ, то маменькина ключница, и той семья на томъ же положеніи. Я самъ, Господи, одному старому господину моему служилъ безъ году пятьдесятъ годовъ, да что жъ изъ того?.. Долженъ, сколько только силъ нашихъ хватаетъ, служить: и самъ я, и жена-старуха, и сынъ, али дочь, въ какую только должность назначатъ! Вѣрный рабъ, и по святому писанію, не жалѣетъ живота своего для господина.

Лакей (входя). Ананій Яковлевъ тамъ пришелъ: спрашивать, что ли, вы изволили его.

Чегловъ. Зови!.. (Лакей уходитъ).

Чегловъ (Золотилову). Я просилъ бы тебя, Сергѣй Васильичъ, выйти.

Золотиловъ. Уйду, не безпокойся!.. (Идетъ, но пріостанавливается). Зачѣмъ же водку-то пить!.. (Пожавъ плечами, уходитъ).

(Изъ другихъ дверей входитъ Ананій Яковлевъ)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чегловъ, бурмистръ и Ананій Яковлевъ.

Чегловъ. Здравствуй, Ананій.

Ананій Яковлевъ (молча кланяется и кладетъ на столъ деньги). Оброкъ-съ.

Чегловъ. Не хлопочи!.. (Помолчавъ) Хорошо нынче торговалъ?

Ананій Яковлевъ. Была торговля-съ!

Чегловъ. Все по дачамъ?

Ананій Яковлевъ. По дачамъ лѣтомъ только-съ.

Бурмистръ. Имъ въ Питерѣ хорошо: денегъ, значитъ, много... пища тоже все хорошая, трактирная... вина вволю... раскуражилъ сейчасъ самъ себя и къ барышнямъ поѣхалъ; бабы деревенскія и наплевать, значитъ, выходятъ... Хорошо тамотка, живалъ я тоже, — помню еще маненечко!

Ананій Яковлевъ. У кого блажь въ головѣ сидитъ, такъ

тому и здѣсь хорошо: можетъ, ни съ одного праздника не вернется, не нарѣзамшись, а заботливому человѣку и въ Питерѣ не до гульбы.

Чегловъ (стремительно). Дѣло въ томъ, Ананій, я призвалъ тебя потолковать: наши отношенія, въ которыхъ мы теперь стоимъ съ тобой, ты, вѣроятно, знаешь, и первая просьба моя: забудь, что я тебѣ господинъ, и будь совершенно со мной откровененъ. Какъ всѣхъ я васъ, а тѣмъ больше тебя понимаю, Калистратъ Григорьевъ можетъ засвидѣтельствовать.

Бурмистръ. Всегда и каждому могу засвидѣтельствовать; а онъ и самъ мужикъ умный; можетъ разсудить ваши слова милостивыя.

Ананій Яковлевъ. Что мнѣ тутъ разсуждать, коли я ничего не понимаю и, можетъ, понимать того не хочу, къ чему теперича одинъ пустой этотъ разговоръ итти можетъ... Нечего мнѣ тутъ понимать!

Чегловъ. Разговоръ этотъ, рано ли поздно ли, долженъ былъ бы прійти къ тому, и я опять тебѣ повторяю, что считай меня въ этомъ случаѣ совершенно за равнаго себѣ, и если я тебя обидѣлъ, то требуй какое хочешь удовлетвореніе! Будь то деньгами, и я сейчасъ перезакладываю имѣнье и отдамъ тебѣ все, что мнѣ выдадутъ...

Ананій Яковлевъ (послѣ нѣкотораго молчанія). Я хотя, сударь, и простой мужикъ, какъ вы, можетъ, меня понимаете, однакоже чести моей не продавалъ ни за большія деньги ни за малыя и разговора того, можетъ, и съ глазу на глазъ имѣть съ вами стыдился, а вы еще меня при третьемъ человѣкѣ въ краску вводите: такъ господину дѣлать нехорошо...

Чегловъ. Третій человѣкъ тутъ ничего не значитъ, — это одинъ только ложный стыдъ.

Бурмистръ. Чѣмъ же я тѣ тутъ поперекъ горла сталъ: коли господинъ мнѣ довѣрье дѣлаетъ, какъ же ты можешь лишать меня того.

Ананій Яковлевъ. Всегда могу! Я, хошь и когда-нибудь, немного вамъ разговаривать давалъ: забыли, можетъ, чай, межевку-то, какъ вы съ пьяницей-землемѣромъ, за штофъ какой-нибудь водки французской, всю вотчину было-продали, — барину-то извѣстенъ про то! А что теперешнее дѣло мое, коли на то пошло, оно наче касается меня, чѣмъ самого господина, и я запсегда вамъ роть зажму.

Бурмистръ. Къ какому слову ты тутъ межевку-то приплелъ? Что ты мнѣ тѣмъ тычешь въ глаза? Коли ты зналъ, дяче же ты втѣноры барину-то не докладывалъ? Только на міру вы, видно, горло-то перерѣдать люты, а тутъ, какъ са-

мому пришло... узломъ, такъ и на другихъ давай сворачивать... Что, я въ твоемъ дѣлѣ причиненъ?

Ананій Яковлевъ. Знаю я.

Бурмистръ. Знаешь?.. да!

Чегловъ (перебивая его). Молчи, Калистратъ! Дѣло въ томъ теперь, Ананій, я человѣкъ прямой и рѣшился съ тобой дѣйствовать совершенно откровенно; ты, говорятъ, хочешь взять съ собой въ Петербургъ жену и ребенка?

Ананій Яковлевъ (поблѣднѣвъ еще болѣе). Ежели, сударь, вамъ ужъ, значитъ, доложено и про то, такъ тѣмъ паче я имѣю на то мое безпремѣнное намѣренье.

Чегловъ. А ежели это именно одно, чего я не могу позволить тебѣ сдѣлать!

Ананій Яковлевъ. Никакъ нѣтъ-съ. Когда я, значитъ, за себя и за жену оброкъ, хоша бы двойной, предоставлю, кто жъ мнѣ можетъ препятствовать въ томъ?..

Чегловъ (ударивъ себя въ грудь). Я, слышишь ли, Ананій, я! И тѣмъ больше считаю себя въ правѣ это сдѣлать, потому что жена твоя не любитъ тебя.

Ананій Яковлевъ. Это ужъ, сударь, мое дѣло заставить тамъ ее, али нѣтъ, полюбить себя.

Чегловъ. А мое дѣло не допустить тебя ни до чего... ни до іоты... Скрываться теперь нечего, и она, бѣдная, даже не желаетъ того. Тутъ, видитъ Богъ, не только что тѣни какого-нибудь насилія, за которое я убилъ бы себя, но даже простой хитрости не было употреблено, а было дѣломъ одной только любви: будь твоя жена барыня, крестьянка, купчиха, герцогиня, все равно... и если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытянемъ тогда другъ друга на барьеръ и станемъ стрѣляться: другого выхода я не вижу изъ нашего положенія.

Ананій Яковлевъ. Ваши слова, сударь, я за одинъ только смѣхъ принять могу: наша кровь супротивъ господской ничего не стоящая, и мы наказанье только потерпѣть за то можемъ.

Чегловъ. Отчего жъ? Нисколько. Ты будешь правъ, какъ мужъ, я правъ... пойми ты, Ананій, у меня тутъ ребенокъ, онъ мой, а не твой, и наконецъ даю тебѣ клятву въ томъ, что жена твоя не будетъ больше моей любовницей, она будетъ только матерью моего ребенка—только! Но оставить въ твоей власти эти два дорогія для меня существа я не могу, понимаешь ли ты, не могу!

Ананій Яковлевъ. Коли теперича жена моя, и ребенокъ, значитъ, мой. Богъ соединилъ, человѣкъ развѣ разлучаетъ? Кто жъ можетъ сдѣлать то?

Чегловъ. Я!.. повторяю тебѣ, я! И считаю это долгомъ своимъ, потому что ты тиранъ: ты женился на ней, зная, что она не любитъ тебя, и когда она въ первое время бѣгала отъ тебя, ты силою вступилъ въ права мужа; наконецъ ты іезуитъ: показывая при людяхъ къ ней ласковость и доброту, ты мучилъ ее ревностью — цѣлыя ночи грызъ ее за какой-нибудь взглядъ на другого мужчину, за вздохъ, который у нея, можетъ-быть, вырвался изъ нелюбви къ тебѣ, — я все знаю.

Ананій Яковлевъ. Позвольте, сударь! Коли теперича эта безстыжая женщина, окромя распутства, меня оглашаетъ и порочитъ каждому стрѣчному, такъ я, можетъ, и не то еще съ ней сдѣлаю.

Чегловъ. Ничего ты съ ней не сдѣлаешь. Только перешагнувъ черезъ мой трупъ, ты развѣ можешь что-нибудь сдѣлать. Я вотъ, Калистратъ, тебѣ поручаю и прошу тебя: сдѣлай ты для меня это одолженіе—день и ночь слѣди, чтобъ волоса съ головы ея не пало. Лучше что хотите надо мной дѣлайте, чѣмъ надъ нею... она дороже мнѣ жизни моей, такъ вы и знайте, такъ и знайте!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бурмистръ и Ананій Яковлевъ.

Бурмистръ. Дуракъ-мужикъ, дуракъ, а еще питерецъ — право! Господинъ хочетъ ему сдѣлать экія милости, а онъ ну-ка!

Ананій Яковлевъ. Можетъ, тебѣ такія милости надо, а я не прошу ихъ.

Бурмистръ. Какія же тебѣ-то надо, султанъ великій? Другой мужикъ изъ того бы, что безъ оброку отпускаютъ, готовъ былъ бы для господина сдѣлать во всемъ удовольствіе; а тутъ человѣка хотѣли навѣкъ счастливымъ сдѣлать, хоша бы въ томъ-то, сколько велика господская милость, почувствовалъ, образина этакая чухонская!

Ананій Яковлевъ. Я еще даве, Калистратъ Григорьевъ, говорилъ тебѣ не касаться меня. По твоимъ лѣтамъ да по разсудку тебѣ на хорошее бы надо наставлять насъ, молодыхъ людей, а ты къ чему человѣка-то подводишь! Не мнѣ себя надо почувствовать, а тебѣ! Когда стыдъ-то совсѣмъ потерялъ, такъ хоть бы о сѣдыхъ волосахъ своихъ вспомнилъ: не уйдешь отъ могилы-то, да и на томъ свѣтѣ будешь... можетъ, и огня-то тамъ не достанетъ такого, чтобы прожечь да пропалить тебя за всѣ твои окаянства!

Бурмистръ. Какія жъ мои окаянства? Что потачки вамъ

не даю, вотъ васъ всѣхъ злоба за что,—и не дамъ, коли поставленъ на то! Старымъ господамъ вы, видно, не служивали, а мы имъ служили,—вотъ вѣдь оно откедова все идетъ! Ни одна теперича шельма изъ васъ во снѣ грозы-то такой не видывала, какъ мы кажинный часъ ждали и чаяли, что вотъ разразится надъ тобой. Я въ твои-то года, усъ-то и бороду только-что нажимши, взгляду господскаго нѣмѣлъ и трепеталъ, а ты чего только тутъ барину-то наговорилъ, — припомни-ка, башка твоя глупая.

Ананій Яковлевъ. Можетъ, вамъ такъ служить надо, а мнѣ не дляче: я барскаго хлѣба не продаю и могорычей чрезъ то не имѣю... Послѣдній какой-нибудь оброчникъ теперь барина удовлетвори, да и вамъ предоставь, такъ тоже надо все это заслужить, а я живу честно... своими трудами... и на особыя какія послуги... никогда на то не согласенъ.

Бурмистръ. Ишь, Господи, какой у насъ честной человѣкъ и противу всѣхъ праведный выискался: дивуйтесь только и дѣлайте все по-его! Давайте ему буянить надъ женщиной и командовать.

Ананій Яковлевъ. Кто жъ можетъ промежъ мужа съ женой судьей быть! Ты, что ль?

Бурмистръ. И я буду, коли въ начальство тебѣ поставленъ.

Ананій Яковлевъ. Начальство есть и повыше васъ, мы и до того тоже дорогу знаемъ.

Бурмистръ. Да, такъ вотъ начальство сейчасъ и послушаетъ тебя, рыжую бороду, такъ вотъ и скажутъ сейчасъ: «сдѣлайте одолженіе, Ананій Яковличъ, пожалуйте, приказывайте, какъ вамъ надо...» Ахъ, ты, дуракъ, мужикъ необразованный, ехидная ты животина!

Ананій Яковлевъ. Ты не лайся, пока тѣ глотку-то не заткнули...

Бурмистръ. Я тѣ еще не такъ полаю, я тѣ съ березовой лапшой полаю.

Ананій Яковлевъ. Шалишь!

Бурмистръ. Шалятъ-то телята да малые ребята, а я не шалю.

Ананій Яковлевъ. Шалишь и ты!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Золотиловъ.

Золотиловъ (входя). Тсс! Тише, что вы тутъ, скоты, орете!.. (Къ Ананію) Ты, любезный, до чего довелъ барина-то: онъ, по твоей милости, безъ чувствъ теперь лежитъ. На смерть, что ли,

ты его разсчитываешь? Такъ знай, что наслѣдниками у него мы, для которыхъ онъ слишкомъ дорогъ, и мы будемъ знать, кто его убійца. Я все слышалъ и не такъ дешикатенъ, какъ братъ: если, не дай Богъ, что случится съ нимъ, я сумѣю съ тобой распорядиться.

Бурмистръ. Мало, видно, онъ башки-то своей бережетъ; ему бы только на другихъ указывать, того не зная, что, царство небесное, старый господинъ мой теперь, умираючи, изволилъ мнѣ приказывать: «Калистратъ, говоритъ, теперь сынъ мой остается въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не прикинь ты его!»—такъ я помню эти слова ихнія и всегда, въ чемъ ни на есть господская воля, исполню ее: баринъ теперь приказалъ мнѣ, чтобы волоса съ головы бабы его не пало отъ него, и я вотъ при васъ, Сергѣй Васильичъ, говорю, что ежели я маломальски что услышу,—завтра же сдѣлаю объ ней распоряженіе—на барскій дворъ пшеницу мыть на всю зиму, на тѣ: властвуй, командуй!

Ананій Яковлевъ. Никогда ты не можешь того сдѣлать, и никого я теперь не боюсь, коли никакой вины за собой не знаю.

Золотиловъ. Ну, будетъ, безъ разсужденій: можешь отправляться... довольно съ тобой, дуракомъ, разговаривать... (Уходитъ).

Ананій Яковлевъ (тоже уходя и почти вслухъ). Я самъ, можетъ, еще менѣе того желаю хошь бы какой тамъ ни на есть разговоръ съ вами имѣть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурмистръ (вслѣдъ ему). Не сдѣлаю я?.. Сдѣлаю!.. Не сегодня ты мнѣ на сердцѣ-то наскребъ. Коли ты теперь сталъ подкопы подъ меня подводить, что я тамъ на межевкѣ что сдѣлалъ, али хлѣбъ воровски продаю,—такъ я тебѣ еще не то всучу... не такъ еще наругаюсь, и не прочихаешься, змѣя-человѣкъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Та же изба, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Матрена сидитъ у растворенаго окна, въ которое глядитъ Спиридоньевна. Лизавета лежитъ за перегородкой, гдѣ повѣшена и зыбка съ ребенкомъ.

Спиридоньевна. Такъ, слышь, баунька, онъ его уговаривалъ,—все лаской сначала... Сергѣй Васильичъ тоже при этомъ ихнемъ разговорѣ былъ, бурмистра опосля призвали... тѣ пытали-пытали его усовѣщевать, ничто не беретъ: они ему слово, а онъ имъ два! Родятся же, Господи, на свѣтъ экіе смѣлые и небоязливые люди!

Матрена. Ну, матушка, и ему тоже не легко, и самъ, можетъ, не радъ тому, что говоритъ и дѣлаетъ. Какъ по-божески теперь сказать, не ему бы ихъ, а имъ бы его оставить надо—мужъ есть.

Спиридоньевна. Ну, а вотъ поди, тоже бурмистръ, али дворовые, другое говорятъ: барина очень жалѣютъ. На Ананья-то тѣмъ разомъ разсердившись, вышелъ, словно мертвецъ, прислонился къ косяку, позвалъ человѣка: «дайте, говоритъ, мнѣ поскорѣе тазъ», и почесть что полнехонекъ его отхаркнулъ кровью. «Вотъ, говоритъ, это жизнь моя выходитъ по милости Ананія Яковлевича. Недолго мнѣ вамъ послужить... скоро будутъ у васъ другіе господа...»—такъ и жалѣютъ его оченно!

Матрена. Не знаю, мать: господинъ, вѣстимо, воленъ все сказать, а что, кажись бы, экому барину хорошему и заниматься этимъ не для чего было; себя только безпокоить, бабу баламутить и мужичка ни за что подъ гнѣвъ свой подводить... а псамъ дворовымъ, или злодѣю-бурмистру, съ полагоря на чужой бѣдѣ разводы разводить...

Спиридоньевна. То, баунька, слышь, баринъ теперь насчетъ того оченно опасается, чтобъ Лизаветѣ онъ чего не сдѣлалъ, только теперь о томъ и разговоръ съ Сергѣемъ Васильичемъ имѣетъ.

Матрена. Ну, матушка, помилуетъ ли онъ Лизавету! Подначальный ему тоже человѣкъ во всемъ, какъ есть! Толды, какъ онъ отъ барина-то пришелъ, человѣкъ это былъ, али звѣрь какой? Я со страху ажно изъ избы убѣжала: сначала, слышу, голосила она все, молила что-то его, а тутъ и молвы не стало.

Спиридоньевна (съ любопытствомъ). Билъ, значитъ, онъ ее?

Матрена. Вѣстимо, что ужъ не по головкѣ гладилъ, только то, что битье битью бываетъ розь; въ этакомъ азартѣ человѣкъ, не ровенъ тоже часъ, какъ и ударитъ... Втѣнорь, не утерпѣвши материнскимъ сердцемъ своимъ, вбѣжала въ избу-то, глядь, онъ сидитъ на лавкѣ и пѣна у рту, а она ужъ въ постелю повалилась: шлыкъ на сторонѣ, коса растрепана и лицо закрыто!.. Другія сутки вотъ лежитъ съ той поры, словечка не промолвитъ, только и сказала, чтобъ зыбку съ ребенкомъ къ ней изъ горенки снесли, чтобъ и его-то съ голоду не уморить...

Спиридоньевна. Какъ еще, мать, у нея молоко-то есть— не пропало и не изсушилось съ этихъ страховъ?

Матрена. Какое ужъ, поди, тоже молоко... Хошь бы и насчетъ пищи теперь, колькой день крохи во рту не бывало.

Спиридоньевна. Да гдѣ самъ-то? Дома, видно, нѣтъ?

Матрена. Къ священнику, что ли, пошелъ—не знаю... Меня вотъ сторожемъ приставилъ: «сидите, говоритъ, мамонька, тутъ, чтобы шагу никуда Лизавета не могла сдѣлать». Всю одежду съ нея теплую и обувку обобралъ и заперъ: сиди, несъ, арестанткой, и не жалѣю я ее нисколько—сама на себя накликаетъ это.

Спиридоньевна (взглянувъ въ сторону). Идетъ вонъ, матка!.. Назадъ ворочаетъ... Сердитый, знать, такой, и Господи: уперъ въ землю глаза и ни на что не смотритъ... Прощай, значитъ, баунька!.. Наступила я и то тѣ избу-то.

Матрена. Да зашла бы: пирожка, что ли, покушала.

Спиридоньевна. Спасибо, родимушка, неколды!.. Къ бурмистру забѣжать еще надо: пиво они новое ставили, такъ дрожденъ на онару обѣщали. Прощай!

Матрена. Прощай, прощай!

(Спиридоньевна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена (захлопнувъ окно). Ой, горя и печали наши великія! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... На одну теперь, выходитъ, Владычицу нашу, Тихвинскую Божію Матерь, всѣ и чаянія наши... Отверзи милосердія Твоего врата, матушка... Ты бо еси единъ покровъ нашъ... Заступи и помилуй!.. Угодники наши святые, Николай чудотворецъ и дьяконъ Стефанъ великомученикъ — оградите крыломъ вашимъ рабъ недостойныхъ, аще словомъ, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ согрѣшили передъ Господомъ... Батюшки наши страстотерпцы и милостивцы.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Ананій Яковлевъ.

Матрена тотчасъ же встаетъ и становится въ почтительное положеніе; Ананій Яковлевъ садится за столъ.

Матрена (послѣ короткаго молчанія). Батюшка, не прикажешь ли собрать пообѣдать? Кушанье у насъ хорошее настряпано.

Ананій Яковлевъ (облокачиваясь на столъ и склоня голову на руку). Нѣтъ-съ, неохота что-то... (Послѣ нѣкотораго молчанія) Самоварчикъ, пожалуй, поставьте; а то въ горлѣ какъ-то ужъ очень пересохло.

Матрена. Слушаю, сударь! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ананій Яковлевъ и Лизавета за перегородкой. Опять молчаніе.

Ананій Яковлевъ (взмахнувъ глазами на перегородку). Лизавета! Что вы тутъ все лежите? Подьте сюда!.. (Молчаніе). Сами худое дѣлаете да еще въ обиду вламываетесь. Не наказывать васъ хотятъ, а хоша бы мало-мальски внушить и на хорошее наставить, коли не совсѣмъ еще разсудокъ свой потеряли... Вставайте! нечего тутъ.

Лизавета. Не смогу я... Будетъ съ меня... Спасибо.

Ананій Яковлевъ. А мнѣ легче твоего? Не изъ блажи, али изъ самодурства, всамотка, куражатся надъ тобой... Не успѣли тебя за вину твою простить, какъ ты опять за то же принялась. Камень будь на мѣстѣ человѣка, такъ и тотъ лопнетъ... Не будь, кажется, ничего такого, — такъ не токмо что руку свою поднимать, а взглядомъ своимъ обидѣть васъ никогда не желалъ бы!

Лизавета. Много взглядовъ-то вашихъ видала всякихъ... и напредь того.

Ананій Яковлевъ. Врешь, всесовершенно врешь!.. Ежели и было что, такъ сама знаешь, за что и про что происходило... Мы, теперича, Господи, и всѣ мужики женимся не по особливому какому расположенію, а все-таки, коли въ церкви Божьей повѣнчаны, значитъ, надо жить по закону... Только того и желалъ я, можетъ, видючи, какъ ты рыло-то свое, словно отъ козла какого, отъ меня отворачивала.

Лизавета. Не отъ радости и я тоже отворачивалась.

Ананій Яковлевъ. Съ какой же печали-то особливой? По замужеству вашему не изъ сапогъ въ лапти обули васъ,

а словно бы понарядній супротивъ прежняго стали сарафаны-то носить... Хоть бы то теперича маненько поцѣнили, что, живши въ Питерѣ, можетъ, въ какомъ-нибудь кускѣ себѣ отказывалъ, а для чего и для кого все это было дѣлано?.. Вотъ сейчасъ въ карманѣ своемъ имѣю 500 цѣлковыхъ чистоганомъ... Думалъ: на будущій же годъ открою, хоша небольшую, свою лавочку; квартирку найму пообширнѣе; выпишу Лизавету и что ни есть стряпать самоё не заставлю, а особую кухарку на то предоставлю: на, пей чай и кофей и живи въ свое спокойствіе.

Лизавета. Ничего мнѣ вашего не надо; въ Питерѣ найдутся, окромя меня, охотницы на ваши деньги, — не позавидую имъ!

Ананій Яковлевъ. Ну да! Какъ же? Все вотъ она питерскими-то тычетъ въ глаза: коли знаешь что про Питеръ, такъ сказывай яснѣй; а я во всякій часъ хоша на судъ Господень къ отвѣту готовъ итти...

(Матрена въ это время вноситъ самоваръ и начинаетъ ставить на столъ чашки и чайникъ. Лизавета молчитъ).

Ананій Яковлевъ (продолжая). То-то!.. Видно, и отвѣчать нечего, потому что сама лучше всякаго знаешь, что никогда тамъ ничего не было, да и быть не могло; а что теперича точно что: я, можетъ, и хуже того на что пойду! Для какого рожна беречь себя стану?.. Взять, значитъ, эти самыя деньги, итти съ ними въ кабакъ и кончить тамъ... И съ ними и съ своею жизнью!

Матрена (пододвигая къ Ананію Яковлеву чашку). Налила, батюшка, чай-то!

Ананій Яковлевъ. Вижу-съ! Подайте ужъ и привередницѣ-то вашей.

Матрена. Подамъ и ей... (Уходитъ за перегородку).

Ананій Яковлевъ (отодвигая отъ себя чашку). Мнѣніемъ даже своимъ никогда не полагалъ, до чего теперь доведенъ сталъ. Все, что было думано и гадано, словно отъ дуновенія вѣтра, пало и разстроилось.

Матрена (возвращаясь съ невыпитой чашкой). Не хочетъ... не желаетъ.

Ананій Яковлевъ. Что жъ такъ? И тѣмъ ужъ, что ли, брезгуетъ?.. (Грустно улыбаясь и качая головой) Человѣкъ-то, какъ видно, заберетъ себѣ блажь въ голову, такъ что хошь съ нимъ дѣлай, ничего понять не можетъ: ты къ нему съ добромъ, а онъ все къ тебѣ съ коломъ. И вотъ теперь не то что съ гнѣвомъ какимъ, а истерзаючись всѣмъ сердцемъ моимъ и со слезами на очахъ своихъ, при матери вашей, прошу

васъ: образумьтесь и станемъ жить, какъ и прочіе добрые люди!

Лизавета. Добрые люди не указчики про насъ!

Матрена. Такъ что жъ тѣ, али на худыхъ глядѣть надо? Ишь что, псовка, говоритъ... Мало тебѣ еще, видно, было: смиренъ Ананій-то Яковлевъ, ей-Богу, смиренъ.

Ананій Яковлевъ. То бы теперь, кажись, разсудить надо: ну, пускай такъ, я пропадать, значитъ, долженъ, дуракъ, видно, и былъ! Можетъ, это еще за удовольствіе для нихъ будетъ; вы тоже, можетъ, чрезъ то въ могилу ляжете; что жъ опосля того съ самой-то послѣдуетъ? Царь Небесный справедливъ: Онъ все это видѣть будетъ и не помилуетъ тебя, Лизавета, повѣрь ты мнѣ!

Матрена. А я, батюшка, развѣ не то же ей долблю и наказываю?.. На то я ее при своемъ сиротствѣ, почесть что мірскимъ подаяніемъ да кровными своими трудами вспоила и вскормила, чтобы видѣть отъ нея экія радости... (Начинаетъ плакать).

Ананій Яковлевъ. Э, полноте, пожалуйста, хороши ужъ и вы! Говорить-то только не охота, а, можетъ, не менѣе ея имѣли въ головѣ своей фанаберію, что вотъ-де экая честь выпала—баринъ дочку къ себѣ приблизилъ,—то забываючи, что, коли на экой пакости и мерзости идетъ, такъ баринъ ли, холопъ ли, все одинъ и тотъ же чортъ — срамъ выходитъ!.. Али и въ самотка вѣкъ станутъ ублажать и барыней сдѣлаютъ: можетъ, какой-нибудь еще годъ дуру пообманываютъ, а тамъ и прогонятъ, какъ овцу паршивую! Ходи по міру на людскомъ поруганьи и посмѣяньи.

Матрена. И ништо ей, батюшка, будетъ, ништо!..

Ананій Яковлевъ. Для чего жъ доводить-то себя до того? Другое дѣло, кабы ее на худое-то толкали, а то только всѣми силами отвести ее отъ того желаютъ: самъ свое сердце смирилъ, кажись, сколько только могъ, и какой бы тамъ внутри червякъ ни сидѣлъ, все прощаю и забываю; ну, по пословицѣ: что съ возу упало, то пропало,—не воротишь! по крайности напередъ себя поправить желается. И грѣха теперь бѣжавши, какъ и священникъ вотъ тоже совѣтуетъ, завтра же поѣдемъ со мною въ Питеръ, а ежели насчетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу; прямо начальству объясню, почему и для чего это было дѣлано.

Матрена. Да ты, батюшка, такъ и сдѣлай! Что на нее смотрѣть?!. И я тебя прошу о томъ. Чего и кого тебѣ бояться тутъ?

Ананій Яковлевъ. Не о боязни рѣчь! А говоришь тоже,

все еще думаючи, что сама въ толкъ не возьметъ ли да по доброй волѣ своей на хорошій путь не вступитъ ли... А что сдѣлать, я, конечно, это сдѣлаю, какъ только желаю и думаю. Мужъ глава своей жены!.. Это не любовница какая-нибудь: коли хороша, такъ и ладно, а нѣтъ, такъ и по шеѣ прогналъ... Это дѣло въ церкви нѣтое: коли что похорошее видишь, такъ грозой или лаской, какъ тамъ знаешь, а исправить надо.

Матрена. Да какъ же, батюшка, не исправить. Коли бы часъ, дуръ-бабъ, не били да не учили, такъ что бы мы были! Ты вотъ хошь и гнѣваться на меня изволишь, а я прямо тѣ скажу: на монхъ рукахъ ты ее и не оставляй. Мнѣ съ ней не совладать: словъ монхъ бранныхъ она не слушаетъ, бить мнѣ ее силушки не хватаетъ, значитъ, и осталось одно: послать ее къ чорту-дьяволу.

Лизавета (простонавъ). Проклинайте больше, проклинайте!

Матрена. Али не прокляну, чтобы провалиться тебѣ дьяволицѣ въ тартары тартарпнскіе, на муки вѣченскія, вотъ тебѣ мое материнское слово!

Ананій Яковлевъ. Перестаньте, полноте тутъ съ вашей пустой болтовней.

Матрена. Батюшка! Вывела ужъ она меня изъ всего моего терпѣнія.

ЯВЛЕНІЕ V.

Работница (заглядывая въ дверь). Ананій Яковличъ! Бурмистръ тамотка пришелъ: спрашиваетъ тебя и Лизавету Ивановну.

Ананій Яковлевъ. Какъ Лизавету Ивановну?.. Подь сюда, взойди.

Работница (не входя). Да больно, батюшка, я необрядна, спрашиваетъ... таково много мужичья съ нимъ привалило.

Ананій Яковлевъ. Это еще что за выдумки ихнія?.. (Матренѣ) Погляди, что тамъ такое?

(Матрена и работница уходятъ).

Ананій Яковлевъ (женѣ). Ежели теперича разбойникъ этотъ ворвется сюда и вы слово при немъ промолвите, я живъ съ вами, Лизавета, не разстанусь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и бурмистръ.

Бурмистръ. Ананій Яковлевъ дома?

Ананій Яковлевъ. Былъ, да весь вышелъ... Что тѣ надо?

Бурмистръ (входя). Надо намъ!.. (Обращаясь къ дверямъ)

Входите, братцы! Выборный, входи! (Выборный входитъ). Ѳедоръ Петровичъ, входи, батюшка! Матвѣй!.. Кирила!.. Проваливайте, кто тамъ еще есть!.. (Входятъ Ѳедоръ Петровъ, кривой мужикъ, косой мужикъ, молодой парень и Давыдъ Ивановъ).

Бурмистръ (обращаясь къ Ананію Яковлеву). Я еще вчерасятко тебя на сходку звалъ, ты не пришелъ!.. Сегодня бабенка Спиридоньевна прибѣгала къ намъ и новыя извѣстія объ тебѣ дала... Значитъ, я самъ къ тебѣ съ міромъ на домъ пришелъ.

Ананій Яковлевъ. Милости просимъ... Понравится ли только вамъ угощенье мое, не знаю.

Бурмистръ. Прозубоскалишься, погоди маненько... (Обращаясь къ мужикамъ) Я теперича, господа мужички почтенные, позвалъ васъ сюда, такъ какъ мнѣ тоже одному съ этимъ человѣкомъ дѣлать нечего; на вашъ, значитъ, судъ и расправу предаю его, такъ вы то и завѣдомо свое имѣйте!

Ѳедоръ Петровъ (опираясь на клюку и шамкая). Завѣдомо намъ, Калистратъ Григорьичъ, неча тутъ имѣть, коли мы теперь ничего того не знаемъ, за что и про что привелъ ты насъ сюда.

Бурмистръ. А за то ты, старичокъ почтенный, приведенъ сюда, что мы вотъ теперича съ тобой третьимъ господамъ служимъ; всего тоже видали на своемъ вѣку: у покойнаго, царство небесное, Алексѣя Григорьича, хоть бы насчетъ того же женскаго полу, всего бывало... И въ твоемъ семействѣ немало происходило этого... не забылъ еще, можетъ, чай, того.

Ѳедоръ Петровъ (обидясь). Чтой-то, помилуй, какимъ ты меня, стараго человѣка, словомъ попрекаешь... Оставь меня, пожалуйста, прошу о томъ.

Бурмистръ. Не попрекаютъ тебя, а что хошь бы тотъ же выборный... не потантъ того: жена не жена, а все тоже близкій человѣкъ... сестра... извѣстно, тоже въ какомъ въ послѣдніе годы барина положеньи при немъ была.

Выборный (тоненькой фистулой). Я, помилуйте, сударь, какъ, значитъ, совершенно все жилъ въ Питерѣ, какъ же теперича могъ, значитъ, знать, какія тамъ положенья есть?.. А хоша бы и теперича, какъ привязанъ, значитъ, сталъ въ свою должность, тоже ничего не знаю ни про себя ни про другихъ кого.

Бурмистръ. Не про то, глупый ты человѣкъ, говорятъ, а что хвалятъ васъ очень, такъ какъ никогда никакого буянства отъ васъ не было. Вонъ тоже и Давыдъ Ивановъ. Онъ тутъ, при немъ скажу, давно бы, можетка, ему свою бабу на-

казать бы слѣдовало за всѣ ея художества, такъ онъ и тутъ, по смиренству своему, все терпитъ.

Давыдъ Ивановъ. О, батюшка, напелъ на кого указывать. Не съ сего дня я наплевалъ на то: Богъ съ ней!

Бурмистръ (показывая на Ананія Яковлева). Да, а тутъ вотъ другое говорятъ: дебошъ хотятъ дѣлать.

Ананій Яковлевъ (съ трудомъ сдерживая себя). Послушай, Калистратъ Григорьевъ, смѣяться ли ты надо мной пришелъ съ этими дураками, али совсѣмъ ужъ меня до худого довести хочешь,—скажи ты мнѣ только одно?

Бурмистръ. Нечего мнѣ тебѣ сказывать! Я ужъ нѣлъ тебѣ свою пѣсню-то: колькіе годы теперь жеребецъ этакій въ Питерѣ живетъ; баловства, можетъ, невѣсть сколько за собой имѣетъ, а тутъ по деревнѣ что маненько вышло, такъ и стерпѣть того не хочетъ; да что ты за король Моголъ такой великій?

Ананій Яковлевъ. Великій, коли самъ себя знаю!.. И тебѣ меня не учить, какъ понимать себя.

Бурмистръ. Не по своей волѣ тя учать, а барское приказаніе на то я имѣю... (Обращаясь къ мужикамъ) Баринъ, теперича, приказалъ съ отвѣтомъ всей вотчины, чтобы волоса съ главы его бабы не пало, а онъ тогда, только-что изъ горницы еще пришедши, билъ ее не на животъ, а на смерть, и теперь ни пищи ни питья не дастъ; она, молока лишившись, младенца не имѣетъ прокормить чѣмъ; такъ баринъ за все то, можетъ, первѣй, чѣмъ съ него, съ насъ спросить, и вы все единственно, какъ и я же, отвѣчать за то будете.

(Между мужиками говоръ).

Ѳедоръ Петровъ. Почто жъ мы отвѣчать за то будемъ, коли ничѣмъ тому не причиной?

Выборный. Господинъ, значитъ, помилуйте! Самъ воленъ теперь: что прикажутъ, то мы и сдѣлаемъ.

Кривой мужикъ. Извѣстно, что—господская воля.

Рябой мужикъ. Не уйдешь отъ нея тоже, паря, никуда.

Давыдъ Ивановъ. Кабы мы теперь супротивники, что ли, какіе были, ну, такъ то бы дѣло было.

Молодой парень. У насъ тоже просто насчетъ того; тогда меня на міру отбаловали, и самъ не вѣдаю за что.

Давыдъ Ивановъ. Какъ же, голова, помилуй! Хошь бы и насчетъ Ананья Яковлича, какая воля барская есть, развѣ мы знаемъ то...

Ананій Яковлевъ. Какая жъ тутъ воля барская?.. Ахъ, вы, окаянный, дикій народъ; міромъ еще себя именуютъ!.. Коли я вамъ, теперича, на судъ вашъ дурацкій преданъ,

какая же и чья тутъ воля можетъ быть?.. Али пословица-то, видно, справедлива-тка, что мірской разумъ вездѣ нынѣ изъ кабака пошелъ, такъ я вамъ, лопаламъ, три бочки выкачу, только говори, помня Бога и въ правилѣ.

Ѳедоръ Петровъ. Что жъ мы сказали не въ правилѣ... Это, братецъ, одна только напраслина твоя... Какъ вонъ, ну, на міру говорятъ о земелькѣ, что ли, али по податной части, извѣстно, мужичка кажинаго дѣло—всякій скажетъ, а тутъ, теперича, въ экомъ случаѣ, ничего мы того не знаемъ, и что жъ мы сказать можемъ.

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ, ты, старый человѣкъ, долженъ былъ бы сказать, и не то, что въ ихней шайкѣ быть, а остановить бы душегуба этого, да и другимъ тоже внушить, коли хоша маненько себя поумнѣй и почестнѣй другихъ полагаешь.

Ѳедоръ Петровъ. Мнѣ тоже, Ананій Яковличъ, не распинаться стать изъ-за тебя... Я самъ, выходитъ, человѣкъ подначальный.

Ананій Яковлевъ. Вижу я, что вы всѣ одинаковы Іуды-то предатели... Тебѣ вонъ только словомъ намекнули на твое дѣло прошлое и забытое, такъ ты и то со стыда-то всю рожу въ бороду спряталъ... Какой-нибудь пискунъ выборный про сестру свою посконную и то отъ себя отпихиваетъ,—за что жъ вы меня-то опосля того почитаете? Али всамотка совѣмъ къ подлецу Давыдкѣ примѣнить хотите, коли въ домъ мой приходите и этакой смертельной обидой меня язвите? Души моей больше не хватаетъ переносить того: я напередъ вамъ говорю,—кому голова своя дорога, такъ убирайся отседова... топоръ у меня вострый!

Ѳедоръ Петровъ. Какъ же это можно, братецъ, топоромъ ты намъ грозишь?.. Дураками и лопалами насъ облаялъ, да топоромъ еще грозишь,—за что это?

Бурмистръ. А за то, что вамъ мало еще, право! Хорошенько ихъ, Анашка! Взялъ да и пошелъ валять того да другого въ зубы: на-те, молъ, вамъ, господа міряне, коли дураки вы такіе.

Молодой парень. Что жъ вы такъ наши-то зубы оченно ужъ дешево ставите,—коли онъ насъ начнетъ бить, такъ и мы его станемъ.

Бурмистръ. Ты мнѣ бей не бей его, а хоша свяжи, да бабу ослободи мнѣ отъ него, потому самому, что не могу ее оставить при немъ. Мнѣ тутъ за нимъ не углядѣть: съ сего же дня она будетъ у меня во дворѣ въ особой келейкѣ жить, коли я теперь за нее отвѣчать долженъ!

Ананій Яковлевъ. Будто?

Бурмистръ. Ну да, будто!

Ананій Яковлевъ. Будто?.. А ежели я скорѣй по уши въ землю се закопаю, чѣмъ ты сдѣлаешь то! (Колотя себя въ грудь) Не выводи ты меня изъ послѣдняго моего терпѣнья, Калистратъ Григорьевъ: не по барской ты волѣ пришелъ сюда, а только злобу свою тѣшить надо мной; идемъ сейчасъ къ господину, коли на то пошло.

Бурмистръ. Ну да, такъ вотъ сейчасъ и пойдутъ. Сидишь и тутъ хорошъ!

Ананій Яковлевъ. Не станутъ съ тобой тутъ сидѣть; ты къ тому только, видно, и ведешь человѣка, что либо мнѣ, либо тебѣ остаться жить на свѣтѣ. Побереги ты своихъ сѣдыхъ волосъ!

Бурмистръ. Ничего я тебя не боюся, власти твоей не хватитъ ничего сдѣлать ни мнѣ ни бабѣ твоей!

Ананій Яковлевъ. Бабѣ моей! Когда она, бестія, теперь каждый шагъ мой продаетъ и выдаетъ вамъ, то я не то что таючись, а средь бѣлаго дня, на площади людской, стану ее казнить и тиранить; при вашихъ подлыхъ очахъ наложу на нее цѣпи и посажу ее въ погребъ ледяной, чтобъ замерзнуть и задохнуться ей тамъ, окаянной!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Лизавета, быстро появляется изъ-за перегородки со всклоченной головой, въ худомъ сарафанишкѣ и босикомъ.

Лизавета. Нѣту! нѣту!.. Не бывать по-вашему никогда!.. Довольно вы надо мной поначальствовали... Я вотъ, господинъ бурмистръ, теперь заявляю вамъ:—онъ тиранилъ меня, а что напредь еще сдѣлаетъ, неизвѣстно то: самъ про то не сказываетъ...

Ананій Яковлевъ (опуская руки). Лизавета, уйди... Бога ради, уйди, оставь меня при моемъ дѣлѣ.

Лизавета. Это не ваше дѣло, а мое! (Обращаясь къ мужикамъ) Всѣ вы, можетъ, видѣли, какъ я повѣнчана-то была... Въ свадебныхъ-то саняхъ почесть что связанную везли. Честь мою дѣвичью мнѣ легче бы было кинуть разбойнику въ лѣсу, чѣмъ ему—такъ съ меня спрашивать тоже много нечего, грѣшница али праведница черезъ то стала; а что стыдъ теперь всякій свой потерявши, при всемъ народѣ говорю, что барская полюбовница есть, и теперь, значитъ, ведите меня къ господину—послѣдней коровницей али собакой, но при нихъ быть желаю, а ужъ слушаться и шею свою подставлять злодѣю

своему не хочу. Онъ теперь обувку и одежду обобралъ—не остановитъ меня то, уйду къ барину...

(Начинаетъ искать на голбцѣ и по лавкамъ платье себѣ).

Ананій Яковлевъ. Лизавета, еще разъ тебѣ говорю, не дѣлай ты этого.

Бурмистръ. Нечего тутъ не дѣлай! (Молодому парню) Дай ей своего полушубка и сапогъ,—до усадьбы только довести ее.

(Молодой парень отвѣчаетъ ему на это только дикимъ взглядомъ).

Ананій Яковлевъ (обращаясь къ мужикамъ). Господа міряне! Что же это такое? Заступитесь хоша вы за меня несчастнаго! Примѣните хоша маненько къ себѣ теперешнее мое положенье: середь бѣлаго дня приходять и этакій срамъ и поруганье чинять! (Становится на колѣни) Слезно и на колѣняхъ прошу васъ, обстойте меня хоша сколько-нибудь и не доводите меня до послѣдняго. Богъ васъ наградитъ за то... (Кланяется общимъ поклономъ всему міру въ ноги).

Ѳедоръ Петровъ. Я, другъ любезный, это что? Ничего, по тебѣ говорить надо!.. (Лизаветѣ) Какъ же ты, мужняя жена, сходишь отъ мужа и какъ ты смѣешь то! Ты спроси, позволитъ ли и баринъ тѣ сдѣлать это.

Бурмистръ. Позволено, коли дѣлаютъ. Старый чортъ, суется туда же. (Молодому парню) Говорятъ тебѣ, скорѣй разболокайся и давай полушубокъ и сапоги.

Молодой парень. Нѣтъ у меня про это ни полушубка ни сапоговъ. (Быстро уходитъ).

Бурмистръ. О, дьяволъ, грубіянъ-народъ! На, Лизавета, надѣвай мою свибирку. (Снимаетъ съ себя свибирку).

Лизавета. Давайте, сударь! Я въ нее младенца, красавчика моего, заверну, а сама и такъ добѣгу: мнѣ ничего. (Проворно уходитъ за перегородку).

Ананій Яковлевъ (вскакивая и вбѣгая за ней). Не дамъ я тебѣ младенца!

Бурмистръ. Чортъ, прибьетъ еще бабу-то!.. Свяжите его, ребята, сейчасъ же!

(Никто изъ мужиковъ не трогается).

Голосъ Лизаветы. Подай младенца, подай, а то ослѣпилю тебя.

Голосъ Ананія Яковлева. Ахъ, ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня. На вотъ тебѣ твое поганое отродье! (Раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка).

Голосъ Лизаветы. Батюшки, убилъ младенца-то!

Бурмистръ. Согрѣшили грѣшные! Говорилъ вамъ, кажется, черти-дьяволы, вяжите его! (Бьетъ по шеѣ рябого мужика).

Рябой мужикъ. Чего вязать-то?.. Давайте веревку-то... гдѣ веревка-то?

Давыдъ Ивановъ (стаскивая съ полицы веревку). На вотъ тѣ веревку-то, входи туда!

Рябой мужикъ. Чего входить?.. Цапнетъ топоромъ еще, пожалуй. Сунься-ка самъ.

Голосъ Лизаветы. Батюшки, совсѣмъ ужъ не дышитъ, вся головка раскроена!

Выборный (несмѣло заглянувъ въ дверь). Ничего, значитъ, не цапнетъ: окно высадилъ и убѣгъ.

Бурмистръ. Караулъ! Бей скорѣй въ набатъ и ловите его, окаянный народъ!.. Что теперь баринъ-то съ нами сдѣлаетъ—пропали наши головы!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зала въ домѣ Чеглова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стрянчій сидитъ и пишетъ за столомъ. У того же стола сидитъ исправникъ. Передъ нимъ стоитъ бурмистръ.

Исправникъ. Отвѣчать, конечно, что будете, отчего не остановили его и не заарестовали.

Стрянчій. Удивительное дѣло это, какимъ образомъ у цѣлой деревни одинъ мужикъ убѣжалъ!

Бурмистръ. Оробѣли, ваше благородіе, такъ совершенно, что оробѣли: я втѣноры, какъ онъ въ окно-то махнулъ, почесть двѣ версты за нимъ бѣжалъ, такъ онъ обернется да и грозитъ: «только кто, говоритъ, подойди ко мнѣ, такъ живой на мѣстѣ не останется». Я, ваше благородіе, человѣкъ тоже ужъ не молоденькій: мнѣ не очень съ нимъ совладать; они вонъ пудовъ по семи говядины на башкѣ носятъ.

Исправникъ. Гдѣ онъ, каналья, можетъ скрываться?.. Другая вѣдь ужъ недѣля пошла...

Бурмистръ. Поблизости ему, ваше благородіе, тутъ быть негдѣ: онъ бы давно ужъ себя заявилъ. Я по первоначалу-то и ждалъ, что онъ либо селенье выжжетъ, либо надъ нами кѣмъ что сдѣлаетъ: а коли все благополучно, такъ наверякъ надо полагать, что въ Питеръ махнулъ: мало тамъ развѣ безпашпортныхъ-то проживаетъ. Старуха, тещка его, сказывала, что у него тысяча цѣлковыхъ въ карманѣ была, съ этакими деньгами вездѣ спокойно проживетъ; а ты вотъ за него мучься

и отвѣчай. Только теперь на вашу милость и надежду полагаемъ, коли вы защитите и помилуете насъ.

Стрянчій (ядовито). Намъ тутъ много дѣлать нечего— старше насъ тутъ членъ есть. Губернаторскихъ-то молокососовъ нынче этихъ развелось. Всю дорогу мнѣ въ тарантасѣ объяснялъ, какъ онъ тутъ всю подноготную выкапывать хочетъ.

Бурмистръ. Позвольте, сдѣлайте милость!.. Хошь, конечно, мы теперь точно—мужики—народъ необразованный, а все тоже маненько понимать можемъ такъ, что господинъ этотъ чиновникъ смѣшнѣющій: другой день теперь изволитъ ходить и подъ окнами по избамъ подслушивать, какъ будто кто изъ вотчины можетъ что про господина сказать. Вонъ и Сергѣй Васильичъ приказать мнѣ изволили: «поди, говоритъ, Калистратъ, переговори съ господиномъ исправникомъ и господиномъ стрянчимъ, а что, говоритъ, съ этимъ губернаторскимъ чиновникомъ я и дѣла никакого имѣть не хочу—не стоитъ онъ того!»

Исправникъ. Сергѣю Васильичу хорошо на насъ указывать, а тутъ какъ послѣ что выйдетъ, такъ онъ и въ сторонѣ.

Стрянчій. Мало еще, что въ сторонѣ, да первый еще тебя передъ губернаторомъ подлецомъ и взяточникомъ и облаетъ... Не съ сегодня мы его знаемъ.

Бурмистръ. Позвольте, ежели теперича такимъ манеромъ, такъ Сергѣй Васильичъ и знать про то совершенно не долженъ: мнѣ не то что какъ другому вотчино-начальнику, барину, что ли, докладывать, али съ вотчины по грошамъ да по гривнамъ сбирать надо. Вонъ я сейчасъ полтораста цѣлковыхъ имѣю и представляю ихъ. Дѣлить только, дуракъ, не умѣю какъ, а деньги готовы. (Кладетъ торопливо изъ кармана на столъ 150 цѣлковыхъ).

Исправникъ. Брать-то бы еще, братецъ, пока не за что: ничего еще не сдѣлали.

Бурмистръ. Да это не то, что за дѣло какое-нибудь, а такъ только изъ уваженія моего къ вамъ... приношу и земно о томъ только кланяюсь—принять ихъ и не побрезговать.

Исправникъ. Для чего брезговать—не поганые... (Къ стрянчему) Берите, получайте, сколько вамъ слѣдуетъ.

Стрянчій (продолжая писать). Не знаю-съ я, сколько мнѣ по-вашему слѣдуетъ.

Исправникъ. Какъ же не знаете: всегда, кажется, съ вами по-братски дѣлили пополамъ, вотъ тутъ 75 руб. ровно— берите... (Подвигаетъ стрянчему деньги; тотъ проворно и молча суетъ ихъ въ жилеточный карманъ и снова продолжаетъ писать).

Исправникъ. Человѣчекъ ужъ — нечего сказать... (Обра-

щаясь къ бурмистру съ ласковостью) Да что баринъ-то въ самомъ дѣлѣ боленъ, али такъ?

Бурмистръ. Очинно нездоровы! Горячка, сказываютъ... какъ тогда встревожились... слегли... все хуже и хуже... не знаемъ, и живъ останется ли,—подлецъ и разбойникъ, что надѣлалъ... (Увидя входящаго сотскаго съ палкою въ рукахъ и бляхою на груди) Что тѣ надо? дуракъ! лѣзетъ.

Сотскій. Народъ тамотка согналъ.

Исправникъ (стряпчему). Давайте спрашивать пока: что жъ намъ его дожидаться-то.

Стряпчій. Спрашивайте.

Бурмистръ. Со старухи Матрены, можетъ, ваше благородіе, изволите начать.

Исправникъ. Да хоть съ Матрены.

Бурмистръ (сотскому). Давай сюда Матрену! (Сотскій уходитъ). А насчетъ болтовни, ваше высокоблагородіе, вы и опасаться не извольте. Сами можете увидать: у меня не то что старшимъ всѣмъ на ротъ замки повѣшены, а какіе малые ребята были, такъ я и тѣхъ всѣхъ велѣлъ верстъ за тридцать отседова увезти, чтобы лишняго не наболтали.

ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена, робко входя, а за ней и сотскій.

Бурмистръ. Подходи тутъ ближе!.. что рыло-то ужъ больно въ землю уткнула... (Матрена подходитъ).

Исправникъ. Какъ тебя зовутъ?

Матрена (то глядя на потолокъ, то себѣ на ноги). Ну, батюшка... Господи...

Исправникъ (повторяя). Какъ тебя зовутъ?

Бурмистръ. Матреной, ваше высокородіе, вѣрно такъ-съ,—извольте писать.

Исправникъ. Да точно ли?

Бурмистръ. Точно такъ—помилуйте, станемъ ли обманывать; для чего это... (Стряпчій пишетъ).

Исправникъ. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Матрена (дрожа всѣмъ тѣломъ). Ну, батюшка... сударики мои...

Бурмистръ. Да, старый несъ, сказывай... что и того не говоришь.

Матрена (со страхомъ взглядывая на него). Я, батюшка, что!.. помилуйте...

Бурмистръ. Стара, ваше благородіе, извольте писать. Живетъ только старая кочерга, а что очинно стара; на седьмой десяткѣ, поди, идетъ... (Стряпчій пишетъ).

Исправникъ. Какой ты вѣры и бываешь ли на исповѣди и у святого причастія?

Матрена (продолжая дрожать). Ну, батюшка, вѣстимо что...

Исправникъ. Что же такое вѣстимо?

Матрена. Вѣстимо, батюшка.

Бурмистръ. Бываетъ, ваше благородіе, извольте писать: и въ Великій постъ и въ Успенки, чай, исполняетъ это... давно ужъ тоже, поди, къ савану себя готовитъ.

Исправникъ (почесывая въ головѣ). Какимъ это образомъ, бабушка, у тебя зять младенца-то убилъ?

Матрена (еще больше задрожавъ). Я, батюшка, что!.. Господи!..

Бурмистръ. Ея не было, ваше благородіе, совершенно такъ, что не было... Сказывай, что ли, дьяволъ этакій, что тебя не было тамъ.

Матрена. Не было, господинъ бурмистръ, не было.

Стрянчій (пишетъ). Не было, такъ не было.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и чиновникъ особыхъ порученій — молодой человѣкъ съ выдавшеюся впередъ челюстью, въ франтоватомъ вицмундирѣ, съ длинными красивыми ногтями и вообще, какъ видно, господинъ изъ честолюбивыхъ, но не изъ умныхъ.

Чиновникъ (сотскому). Тамъ я мужика привелъ!.. задержать его, чтобъ ни съ кѣмъ тутъ не столкнулся... (Подходитъ съ важностью къ столу).

Исправникъ (съ нѣкоторымъ подобострастіемъ). Мы ужъ, извините, начали безъ васъ.

Чиновникъ. И что же?

Стрянчій (молча пододвигая къ нему бумагу). Показаніе вотъ-съ!

Чиновникъ (пробѣжавъ бумагу). Гмм! Ничего-незнайка, по обыкновенію. Ну, ты у меня, старая, будешь знать.

Матрена. Батюшка, Господи!.. виновата... (Кланяется ему въ ноги).

Чиновникъ (толкая ее ногой). Прочь! Еще тутъ съ ней проклажаться: вытащите ее и позовите сюда жену убійцы. (Съ важностью садится на предсѣдательское мѣсто).

Бурмистръ (сотскому). Волоки ее, паря, и позови сюда поскорѣй Лизавету. (Сотскій уводитъ Матрену).

Чиновникъ (взмахнувъ глазами на бурмистра). Ты что тутъ за распорядитель и зачѣмъ здѣсь въ слѣдственной камерѣ?

Бурмистръ (струся). Такъ какъ, значитъ, ваше высокородіе, народъ тоже таперича привелъ сюда.

Чиновникъ. Это дѣло земской полиціи, а не твое... (Сильно вскрикивая) Пошелъ вонъ!

(Бурмистръ мгновенно скрывается: навстрѣчу ему сотскій вводитъ Лизавету).

Чиновникъ. Что ты ее ведешь такимъ образомъ? Оставь ее.

Сотскій. Никакъ на ногахъ-то, ваше высокородіе, не стоитъ: все вонъ и на помостѣ-то тутъ валялась.

Чиновникъ (строго официальнымъ тономъ). Ты ли жена Ананья Яковлева?

Лизавета. Я... грѣшница... грѣшница... (Склоняетъ голову).

Чиновникъ (еще строже). Съ кѣмъ ты прижила незаконнаго ребенка?

Лизавета (съ тоской разрывая рубашку). Нѣту его, батюшка, моего красавчика, нѣту! Убили, отняли его у меня!.. (Склоняетъ еще болѣе голову, и, вырываясь изъ рукъ сотскаго, падаетъ).

Чиновникъ. Держи ее, дуралей!

Сотскій (поднимая ее). Что все падаешь? Постой хоть немного передъ начальствомъ-то!

Чиновникъ. Притворщица какая,—а?

Исправникъ. Какое ужъ тутъ притворщица... человѣкъ совсѣмъ, какъ видно, ошеломленный.

Сотскій. Втѣпоры, ваше благородіе, какъ младенца-то убили, какъ ухватила его: руки окоченѣли... я прибѣжалъ и едва, почесть, выцарапалъ его у ней, а теперь только то и вопитъ, что грѣшница... Въ разсудкѣ, что ли, маненько тронулась?

Чиновникъ. Я приведу ее въ разсудокъ. Она у меня сейчасъ опомнится. Я не изъ чувствительныхъ и все знаю, какъ дѣло шло и происходило, сколько тутъ ни замазывали. Не пускать ее и посадить вотъ тутъ на кресло и позвать этого мужика изъ сѣней... Я ей вотру въ рожу краску, коли она совсѣмъ ее потеряла.

Сотскій (отводя въ сторону Лизавету и заглядывая въ дверь). Кликните ребята, Никона. (Сажаетъ Лизавету на кресло). Ну, садись вотъ тутъ... не хочешь ли водицы испить?

(Лизавета безсмысленно на него взглядываетъ и начинаетъ опять всхлипывать).

Сотскій. Ну-ну, не стану: никшни только!

Чиновникъ (со злобою глядя на нихъ). Ахъ, вы, шельма-народъ! Я всѣхъ васъ переберу и земскую полицію тутъ же вмѣстѣ... только накости и мерзости заведены по всему уѣзду: убійство сдѣлали да и убійцу убрали, чтобы совсѣмъ концы спрятать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Никонъ.

Никонъ (показываясь въ дверяхъ и обращаясь къ мужикамъ). О, черти-дьяволы, право! Я завсегда могу быть передъ госпо-

дами чиновниками,—что вы? (Въ это время показывается Золотиловъ. Никонъ вытягивается).

Золотиловъ. Позвольте, господа, мнѣ побесѣдовать тутъ. Я, какъ мѣстный предводитель, имѣю, кажется, на это нѣкоторое право.

Чиновникъ. Сдѣлайте одолженіе... (Къ Никону) Поди сюда... (Тотъ подходитъ неровными шагами). Говори, что ты мнѣ давеча разсказывалъ.

Никонъ. Говорить надо то, ваше высокородіе, по-божески, значитъ: съ Анашкой мы, теперича, ѣхали... мало развѣ у насъ пановшины-то съ нимъ было. Пьяный человѣкъ, извѣстно, ваше благородіе, колоброднтъ.

Исправникъ (покачавъ головой). Самъ-то бы лучше зѣнки-то хорошенько продралъ; а то, ишь, рожа-то у канальи: чертей въ лѣсу пугать.

Никонъ. Это вѣрно такъ, ваше высокородіе, потому что я человѣкъ порченый: первый, можетъ, мастеръ въ амперіи былъ, а чтобы теперича хозяина уважать..: никогда того не моги: цыцъ! стой! Слушай, значитъ, онъ моей команды... такъ вѣдь тоже, ваше высокородіе, горько и обидно стало то: «на-ста, говоритъ, тысячу цѣлковыхъ и отшути ему эту шутку»... Человѣкъ, значитъ, и погибать чрезъ то долженъ,—помилуйте!

Чиновникъ. Имѣлъ ли господинъ вашъ связь съ женой Ананья?

Никонъ. Было, ваше высокородіе, совершенно такъ, что происходило это: баринъ у насъ, помилуйте, ловкій... А баба наша, что она и вся-то, значитъ—тьфу!—того же курпчьяго званія; взялъ ее сейчасъ теперь подъ панаротки, вся ея и сила въ томъ... Баринъ мнѣ, теперича, приказываетъ: «Никашка, говоритъ, на какую ты мнѣ, братецъ, бабу поукажешь...»—«Помилуйте, говорю, сударь, на какую только мановеніемъ руки нашей сдѣлаемъ, та и будетъ наша...» Вѣрно такъ!

Чиновникъ (перебивая его). Дѣйствительно ли эта женщина имѣла незаконнаго ребенка?

Никонъ. Пригульный, ваше высокородіе, мальчикъ былъ: не сказываютъ только потому самому, что народъ ехидный... Мы-ста да мы-ста; а что вы-ста?—мы сами тоже съ усами... У меня, ваше высокородіе, своя дочка есть... «Какъ, говорю, бестія, ты можешь?.. цыцъ, стой на своемъ мѣстѣ...» Потому самому, ваше высокородіе, что я корень такой знаю... какъ сейчасъ, теперь, обвелъ кругомъ человѣка, такъ и не видать его... хошь восемь тысячъ цѣлковыхъ онъ бери тутъ, не видать его.

Исправникъ (махнувъ рукою). Чортъ знаетъ что такое городитъ.

Чиновникъ (стряпчему). Запишите его показаніе... (Тотъ только взглядываетъ на него).

Золотиловъ. Я полагаю, господа, что нельзя этого записывать, потому что онъ мертвецки пьянъ, на ногахъ не стоитъ.

Никонъ (пріосанясь). Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! Я только то, что человѣкъ, значитъ, нездоровый: московской части, теперь, третьяго квартала, въ больницѣ тоже семь мѣсяцевъ лежалъ, а тамъ, какъ сейчасъ привели нашего брата, сейчасъ его въ воду, въ кипятокъ самый, сажаютъ; за неволю, батюшка Сергѣй Васильичъ, у кажиннаго человѣка разслабятъ всякіе суставы, въ немъ какіе есть.

Чиновникъ. Молчи! Это наконецъ не служба, а каторга становится.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Давыдъ Ивановъ.

Давыдъ Ивановъ. Анапья, ваше благородіе, я поймалъ и привелъ. (Чиновникъ встряхиваетъ головой).

Исправникъ (съ удовольствіемъ). Ну, вотъ, слава Богу.

Сотскій (крестясь). Слава тѣ, Господи!

Золотиловъ (Давыду Иванову съ неудовольствіемъ). Гдѣ жъ ты поймалъ его?

Давыдъ Ивановъ. Я, батюшка Сергѣй Васильичъ, виноватъ тоже, значитъ: на своей полоскѣ боронилъ, глядь, онъ и выходитъ изъ-подъ Утробина, изъ лѣсу. «Давыдъ Ивановъ, говоритъ, начальство меня ищетъ?»—«Ищутъ, говорю, братъ».—«Веди, говоритъ, меня къ нимъ, хочешь связаннаго, а хочешь такъ...»—«Что, я говорю, мнѣ тя связывать».

Чиновникъ. Кто жъ ему тутъ пристанодержательствовалъ?

Давыдъ Ивановъ. Объ этомъ, ваше благородіе, тоже разговору не было. Я тоже-тка поодаль все отъ него шелъ... опасно было: человѣкъ въ этакой отчаянности, пожалуй, что и сдѣлаетъ надъ тобой.

Чиновникъ (сотскому). Поди, введи его сюда!

Сотскій. Какъ ее-то, ваше благородіе, прикинуть тутъ. Все вонъ попаваливается: попридерживаешь ее маненько.

Чиновникъ (вскрикивая). А хоть бы она сквозь землю провалилась, дуракъ этакій.

Исправникъ (вставая). Бурмистръ его можетъ привести. (Подходя къ дверямъ) Скажите Калистрату, чтобъ ввелъ сюда Анапья.

Чиновникъ. Съ кандалами на рукахъ и на ногахъ.

Исправникъ (повторяя). Скованнымъ.

Голосъ за стѣной. Слушаемъ, ваше благородіе.

Чиновникъ (стрянчему). Что же вы?

Стрянчій. Пишу-съ, только вѣдь тутъ—я не знаю.

Золотиловъ (вставая на ноги). Я опять вамъ повторяю, господа, что нельзя этого писать. Въ противномъ случаѣ я войду съ отдѣльнымъ мнѣніемъ.

Чиновникъ. Я въ вашемъ мнѣніи совершенно не нуждаюсь.

Золотиловъ. А я васъ буду просить нуждаться въ немъ. Если бы дѣло шло о какой-нибудь пропавшей лошади или коровѣ, вы бы могли быть свободны въ вашихъ дѣйствіяхъ—законныхъ и незаконныхъ; но когда оно касается дворянства, которому я имѣю честь служить, я всегда тутъ буду имѣть свой голосъ. Г. исправникъ, вы тоже избраны нами, а потому не угодно ли вамъ сказать ваше мнѣніе.

Исправникъ (струся). Пьяныхъ, конечно, что-съ не велѣно спрашивать.

Золотиловъ. Но кромѣ этого, господа, поймите вы: главное то, что вы тутъ пьяницу-мужика ставите на одну доску съ дворяниномъ, который, смѣю васъ завѣрить, ничѣмъ не запятналъ себя въ уѣздѣ...

Чиновникъ (перебивая его). Я служу правительству, а не дворянству, и во всякомъ случаѣ прошу васъ прекратить нашъ споръ, потому что убійца приведенъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Показывается Ананій Яковлевъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Выраженіе лица у него истощенное и совершенно страдальческое. Въ дверяхъ набивается толпа мужиковъ и бабъ.

Одна изъ бабъ. Какой, мать, худой и ненарядный сталъ!

Мужикъ. Самъ пришелъ—ну-ка?

(Ананій Яковлевъ прямо подходитъ къ столу. Бурмистръ становится поодаль).

Чиновникъ (оглядывая Ананія). Молодецъ славный! хоть тысячу плетей, такъ вынесетъ. (Исправнику) Опросите его заголовокъ!

Исправникъ. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Ананій Яковлевъ. Тридцать бы словно шесть минуло.

(Лизавета, услышавъ голосъ мужа, начинаетъ всхлипывать. Ананій Яковлевъ вздрагиваетъ).

Сотскій (унимая ее). Ну, полно, полно.

Исправникъ (Ананію Яковлеву). Какой ты вѣры и бываешь ли на исповѣди и у святого причастія?

Ананій Яковлевъ. Вѣры церковной и ко святымъ тайнамъ ходилъ тоже въ Питерѣ кажинный годъ.

(Лизавета еще сильнѣе начинаетъ рыдать и вытягивается всѣмъ тѣломъ).

Сотскій (Лизаветѣ). Перестань,— право, пишкни; а то хуже-тко накажуть.

Ананій Яковлевъ (блѣднѣя и нетвердымъ голосомъ). Прикажите, ваше высокородіе, ее, несчастную, отсюда вывести: и мнѣ-то ужъ тоже очень непереносно.

Чиновникъ (злобно смотря на него). Нѣтъ-съ, я этого не сдѣлаю; а нарочно буду ее держать, чтобы ты совѣсть почувствовалъ и говорилъ правду.

(Ананій Яковлевъ потупляетъ только голову).

Чиновникъ. Гдѣ жъ ты все это время пребывалъ?

Ананій Яковлевъ. Въ лѣсу на пустошахъ жилъ.

Чиновникъ (значительно). Я думаю. Кто жъ тебѣ туда пищу доставлялъ?

Ананій Яковлевъ. Какая ужъ пища,—кто ее доставитъ? Въ первый-то день, только какъ ужъ очень въ горлѣ пересохнетъ, такъ водицы изопьешь: а тутъ опосля тоже... все еще, видно, плоть-то человѣческая немощна... ослитъ всякаго... не вытерпѣлъ тоже... и на дорогу вышелъ: женщина тутъ на задѣлье ѣхала, такъ у ней коровай хлѣба купилъ, только тѣмъ и питался.

Чиновникъ. Зачѣмъ же сдался? Жилъ бы тамъ въ пустынѣ, питался акридами.

Ананій Яковлевъ. Не жизни, сударь, я тамотка искать ходилъ, а смерти чаялъ—не растерзаютъ ли, по крайности, думалъ, хотя звѣри лѣсные... отъ суда человѣческаго можно убѣжать и спрятаться, а отъ Божьяго некуда!

Чиновникъ. Гмм! Философъ какой! А давно ли и съ кѣмъ именно жена твоя имѣла связь?

(Ананій Яковлевъ молчитъ).

Чиновникъ. Можетъ-быть, съ барономъ?

Ананій Яковлевъ (краснѣя и потупляя глаза). Ничего я того, сударь, не знаю... и, кажись, это и къ дѣлу вовсе не касающееся.

Чиновникъ. А, не касающееся! Вслѣдствіе чего же ты убилъ младенца?

Ананій Яковлевъ (еще ниже потупляя голову). Убилъ... это дѣло въ азартѣ было.

Чиновникъ. А отчего же самый азартъ этотъ произошелъ?

Ананій Яковлевъ (тяжело вздыхая). Оттого, что я съ малолѣтства, видно, окаяннымъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ: на всякую малость гнѣвъ свой срывалъ да не сдерживалъ себя; все это теперь чувствуешь и понимаешь, какъ адъ-то кромѣшный разверзся передъ тобою со всѣхъ сторонъ.

Чиновникъ. Объ адѣ помышляешь, а самъ лжешь. Взгляни-

ка на образъ и повтори, что ты сказалъ. (Ананій Яковлевъ потупляетъ глаза).

Чиновникъ. Ну, гляди же! Ахъ, ты, шельма, мерзавецъ! Ни Бога ни совѣсти!.. (Къ Никону) Поди! уличай его!

Никонъ. Что мнѣ, ваше благородіе, уличать его?.. Нечего! Не очень они насъ, стариковъ, слушаютъ... ты его наставляешь на хорошее: «дѣлай, молъ, паря, такъ и такъ...»— такъ онъ тебя только областъ... Я самъ, ваше благородіе, питерецъ коренной: не супротивъ ихъ, можетъ, человѣкъ былъ; мнѣ тоже горько переносить отъ нихъ это,—помилуйте! (Плачетъ).

Чиновникъ. Ты говорилъ, что жена его была въ связи съ бариномъ?

Никонъ. Али нѣту? Она сама, ваше благородіе, тутъ сидитъ... Что не говоришь?.. Сказывай, чертовка!.. Намъ васъ тоже прикрывать не изъ чего!.. Немного, ваше благородіе, отъ нихъ вина-то видѣли... свое пьемъ,—вѣрно такъ! Вонъ онъ изъ Питера пришелъ... полштофчикомъ поклонился, да и шабашъ на томъ.

(Лизавета снова начинаетъ рыдать. Сотскій закрываетъ ей ротъ).

Чиновникъ. О, чортъ, кричитъ тутъ! Выведите ее.

Сотскій (уводя Лизавету). Пойдемъ; экая какая ты!..

(Ананій Яковлевъ смотритъ съ чувствомъ вслѣдъ за женою).

Чиновникъ (указывая Ананію Яковлеву на Никона). Что жъ? возражай ему!

Ананій Яковлевъ. Нечего мнѣ, сударь, возражать, пускай болтаетъ, что хочетъ; а я только то и знаю, что мой грѣхъ до меня, видно, пришелъ, и никто тому не причиненъ.

Золотиловъ. Эти слова его, господа, не угодно ли вамъ записать?

Чиновникъ. Нѣтъ, не угодно, потому что я знаю другихъ сообщниковъ. (Показывая на бурмистра) Вонъ одинъ тутъ налицо! (Колотя по столу) Ты у меня, рожа твоя подлая, сегодня послѣдній день не въ кандалахъ, и одно твое спасенье, если ты станешь говорить одну правду.

Бурмистръ (блѣднѣя). Мнѣ, ваше благородіе, лгать тоже тутъ не дляче,—дѣло мое стороннее!.. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложить, что я ни про что, почесть, тутъ совершенно неизвѣстенъ.

Чиновникъ (вставая и подходя къ нему). А! ты неизвѣстенъ, неизвѣстенъ!

Бурмистръ (пятясь). Совершенно такъ, ваше благородіе.

Чиновникъ. Неизвѣстенъ, борода твоя скверная! (Хватая его за бороду и таская) Неизвѣстенъ, какъ приходилъ къ нему съ народомъ и уводилъ отъ него насильно жену!..

Бурмистръ (вставая на колѣни). Въ томъ точно что, ваше благородіе, виноваты, значитъ... мы люди подчиненные, сами изволите знать, что̀ прикажутъ намъ, то мы и дѣлаемъ.

Чиновникъ. Значитъ, ты приходилъ къ нему?

Бурмистръ. Помилуйте, ваше благородіе, господинъ теперь приказываетъ, чтобъ онъ бабу не забижалъ, а онъ промежъ тѣмъ бьетъ и тиранитъ ее... долженъ же я, по своей должности проклятой бурмистерской, былъ остановить его.

(Золотиловъ показываетъ бурмистру кулакъ).

Чиновникъ (обращаясь къ Ананію). Какъ же ты говоришь, что никто въ твоемъ дѣлѣ не причиненъ?

Ананій Яковлевъ (съ презрѣніемъ взглядывая на бурмистра). Коли говорятъ на себя, пускай по-его будетъ... а я ничего того не помню и не знаю.

Чиновникъ (пожимая плечами). О-то дуракъ, дуракъ!

Бурмистръ (вставая). Ваше благородіе, теперь бить да наказывать ни за что изволите... за неволю наболтаешь, чего никогда отродясь и не бывало...

Чиновникъ (повертываясь къ нему). Опять уже не бывало—а?.. Сотскаго сюда, коли такъ... давайте мнѣ сотскихъ сюда...

(Сотскій является).

Чиновникъ (показывая на бурмистра). Заковать его сейчасъ въ кандалы и въ холодную избу посадить.

Сотскій. Нарукавниковъ-то другихъ, ваше благородіе, нѣту.

Чиновникъ (колотя его). Ты у меня, бестія, гдѣ хочешь возьми да закуй его.

Сотскій (струся). Пойдемте-съ.

Бурмистръ. Хошя на огнѣ, ваше благородіе, палить прикажите,—я ни въ чемъ тутъ не виноватъ.

Чиновникъ (ударяя себя въ грудь). Иди, говорятъ тебѣ, покуда я не убилъ тебя на мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Чиновникъ (нѣкоторое время ходитъ по комнатѣ въ сильномъ азартѣ, а потомъ обращаясь къ Ананію). А ты—дуракъ, совершенный дуракъ! Пойми ты, рожа твоя глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей былъ незаконный ребенокъ, ты наказанье себѣ облегчишь: вмѣсто того, чтобъ тебя, каналью, отдать подъ кнутъ, сошлютъ, можетъ-быть, только на покаяніе.

Ананій Яковлевъ. Все это, сударь, я самъ очень знаю, ну и себя тоже чувствуешь: ежели, паче чаянія, что и сдѣлали они супротивъ меня, не мнѣ ихъ судьей и доказчикомъ быть: мой грѣхъ больше всѣхъ ихнихъ, и наказанье себѣ облегчить нисколько того не желаю: помоги только Богъ съ

терпѣньемъ перенесть, а что хоша бы муки смертныя принять готовъ, авось хоша за то мало-мальски будетъ прощенье моему великому прегрѣшенью.

Чиновникъ. Нѣтъ, ты не Богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому что подкупленъ.

Ананій Яковлевъ (горько улыбаясь). Не для чего мнѣ, сударь, теперь ни на какой подкупъ итти: я вотъ свои, кровнымъ трудомъ нажитые, 500 цѣлковыхъ имѣю и тѣ представляю... (Вынимая и кладя деньги на столъ) Такъ какъ теперь тоже, можетъ, доступу ко мнѣ не будетъ, такъ я желаю, чтобы священникъ нашъ ихъ принялъ. Дѣло мое они знаютъ, и какъ имъ угодно: младенца ли на нихъ поминать, въ церковь ли примутъ, али сродственникамъ—семейству моему—раздадутъ, ихняя воля; а мнѣ они не для чего.

Чиновникъ. Какой благочестивый!.. Ахъ, вы, окаянный народецъ! Человѣка убилъ да свѣчку потолще поставилъ, и думаетъ, что Богъ проститъ ему. Нѣтъ, Онъ лучше бы помиловалъ тебя, кабы ты говорилъ правду.

Золотиловъ. Какую еще правду ему говорить? Вы бьете и сажаете въ кандалы людей, заставляя ихъ пристрастныя показанья дѣлать, обѣщаете преступнику облегчить наказанье съ тѣмъ только, чтобъ онъ оговаривалъ... (Обращаясь къ стряпчему и исправнику) Не угодно ли, господа, обо всемъ этомъ составить особое постановленіе?

Чиновникъ (вставая и беря фуражку). Сколько вамъ угодно, я ничего не боюсь и сейчасъ ѣду къ губернатору, потому что тутъ всѣ въ стачкѣ: и мужики и чиновники. Пускай пришлютъ, кого хотятъ... (Уходитъ).

Исправникъ. Вотъ дуракъ-то! Наболтаетъ онъ тутъ: пропадешь ни за грошъ.

Золотиловъ. Никогда этого быть не можетъ. Я самъ поѣду къ губернатору и объяснюсь... Нельзя же какому-нибудь мальчишкѣ-молокососу выдавать дворянина съ руками и ногами.

Исправникъ. Извѣстно что-съ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и сотскій.

Сотскій. Господинъ чиновникъ, ваше благородіе, Ананья приказалъ безпремѣнно, чтобъ сейчасъ въ острогъ подъ карауломъ справить.

(Всѣ потупляются. Ананій Яковлевъ слегка блѣднѣетъ. Между тѣмъ въ комнату собираются мужики и бабы, и между ними Матрена вводитъ подъ руку Лизавету).

Исправникъ. А бурмистра что же? тоже?

Сотскій. Бурмистра, ваше благородіе, они простили-съ... Разъ пятнадцать, пожалуй, имъ въ ноги поклонился: «коли, говоритъ, начальство теперь станетъ меня спрашивать, я все доложу».

Исправникъ. Гмм! Собирайте, значитъ, подводу. (Ананью) Отправляйся, братецъ, дѣлать нечего.

Ананій Яковлевъ. Позвольте, ваше благородіе, поклониться народу.

Исправникъ. Сдѣлай милость.

Ананій Яковлевъ (кланяется). Простите меня, христіане православные!..

(Начинаетъ со всѣми цѣловаться и съ первымъ бурмистромъ, а потомъ и съ прочими мужиками).

Давыдъ Ивановъ. Прощай, Ананій Яковличъ... виноватъ, братъ, что привелъ тя... самъ проспался.

Никонъ (обливаясь слезами). Всѣ тамъ, Анапа, будемъ, всѣ—до единова...

(Ананій подходитъ къ матери и женѣ. Та бросается ему сначала на руки. Онъ цѣлуетъ ее въ голову. Она упадаетъ и обнимаетъ его ноги).

Ананій Яковлевъ. Отнимите ее маненько... (Потомъ, прощаясь съ Матреной) Прощайте-съ... благословите, коли не очень гнѣвается. (Матрена его креститъ. Онъ снова обращается къ народу) Еще разъ земно кланяюсь: не помяните меня окаяннаго лихомъ и помолитесь о моей душѣ грѣшной! (Уходитъ),

(Всѣ его провожаютъ; Матрена съ другими бабами начинаютъ выть: «Уѣзжаетъ нашъ батюшка, отходитъ наше красное солнышко»).

Занавѣсъ падаетъ.

САМОУПРАВЦЫ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Платонъ Иларіоновичъ Имшинъ, генералъ-аншефъ, плохо говоритъ и понимаетъ по-французски, больше читалъ священное писаніе.

Княгиня Настасья Петровна Имшина, жена его, молодая и очень красивая женщина, но безъ всякаго образованія.

Князь Сергѣй Иларіоновичъ Имшинъ, совѣтникъ посольства; самъ съ собою постоянно думаетъ по-французски и только въ разговорѣ съ русскими переводитъ мысли свои на русскій языкъ.

Княжна Наталья Иларіоновна Имшина, въ молодости была фрейлиной, а теперь старая провинціальная барышня: бѣлится, румянится, пудрится и сильно душится.

Петръ Григорьевичъ Дѣвочкинъ, отецъ княгини Настасьи Петровны, отставной портупей-прапорщикъ; фигурой похожъ на Суворова, безпрестанно пѣтушится; цѣлый день пьянъ; куритъ изъ коротенькой трубочки корешка; человѣкъ, про котораго можно сказать: „чортъ его знаетъ что такое!“.

Губернаторъ, высокій, худощавый и задумчивый мужчина съ длиннымъ носомъ.

Рыковъ, молодой гатчинскій офицеръ.

Капитанъ-исправникъ, краснорожій, въ отставномъ военномъ мундирѣ.

Подьячій, какъ и слѣдуетъ быть подьячему.

Управитель князя Платона Иларіоновича, ходитъ въ нѣмецкомъ камзолѣ, кафтанѣ, треугольной шляпѣ, видомъ похожъ на нѣмецкаго пастора.

Шутъ Кадушкинъ, до неистовства не любитъ, когда „теленкомъ“ называютъ.

Дворецкій.

Ульяша, горничная.

Карлица, какой и слѣдуетъ быть карлицѣ.

Митричъ, старый садовникъ; человѣкъ умный, но хвастунъ и лгунъ, очень любитъ болтать.

Филька, молодой садовникъ, малый работящій, притворяется только, что думаетъ, а совершенно не можетъ этого.

Сарапка—горбатый, кривобокій и очень злой.

Буфетчикъ, офиціантъ и охотники.

Дѣйствіе происходитъ въ помѣстьѣ князя Платона Иларіоновича Имшина въ 1797 году.

ДѢЙСТВІЕ I.

Въ огромномъ каменномъ домѣ князя Платона Иларіоновича боскетная, съ зеркалами, вдѣланными въ стѣны и задрапированными съ краевъ нарисованною зеленью; мебель тяжелая изъ краснаго дерева и обитая яркимъ желтымъ штофомъ. На одной сторонѣ сцены огромный каминъ съ стоящими на немъ затѣйливыми часами; на другой сторонѣ горка съ фарфоровыми куклами и статуэтками. На потолкѣ виситъ хрустальная люстра, тоже съ зеленью изъ крашеной жести. На задней стѣнѣ два портрета: императора Павла и Вольтера; на двухъ другихъ стѣнахъ развѣшаны картины эротическаго содержанія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Платонъ Иларіоновичъ въ дорожномъ мундирѣ, но съ полнымъ комплектомъ крестовъ, звѣздъ и лентъ, въ лосинахъ и ботфортахъ, въ парикѣ съ косою въ кошелькѣ, сидитъ въ креслахъ. Княгиня Настасья Петровна въ прическѣ „узелъ Аполлоновъ“, въ узенькомъ и съ буфами на рукавахъ платьѣ, сидитъ въ другихъ креслахъ рядомъ съ мужемъ. Нѣсколько поодаль помѣщается князь Сергѣй Иларіоновичъ, въ щеголеватомъ нѣмецкомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ косою, увитою лентою, въ сапогахъ сверхъ брюкъ. Самъ онъ въ манерахъ изященъ и мягокъ. Шутъ Кадушкинъ, одѣтый совершеннымъ маркизомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, стоитъ въ строго-офиціальной позѣ у дверей.

Князь Платонъ (обращаясь съ нѣжностью къ женѣ и кладя ей руку на плечо). Ну, прощай, моя птичка, не скучай да и не веселись очень; а главное, молись Богу и будь здорова!

Князь Сергѣй. Это, я полагаю, внѣ душевной власти Настасьи Петровны: скучать она непремѣнно будетъ.

Князь Платонъ. Что было тутъ дѣлать!.. Я не былъ искателемъ счастья при новомъ дворѣ, хотѣлъ вотъ ей одной... (показываетъ на жену) посвятить всю жизнь мою; но государю самому угодно было избрать меня на столь важный постъ. Кто смѣлъ бы не повиноваться волѣ его!.. Брать же ее съ собой, когда она только еще недѣлю встала съ постели...

Княгиня. Я теперь никакъ не могу ѣхать, совершенно еще слаба.

Князь Сергѣй. О, да! Тѣмъ болѣе, что и надобности такой неотклонимой нѣтъ.

Князь Платонъ (вздохнувъ и съ удареніемъ). Надобность есть-съ! Если бы кто побывалъ у меня на душѣ и посмотрѣлъ, какая печаль тамъ вибрируется отъ разлуки съ ней, такъ не сказалъ бы: *надобности нѣтъ*.

Кадушкинъ. Я теперь, васе сіясество, на войну поѣду, сабью возьму, съяжаться буду, вотосто-съ!

Князь Платонъ. Непремѣнно, ты первый храбрецъ у меня будешь!

Кадушкинъ. Я піѣду съ войны, князю Сейгѣю гоеву сьюбью.

Князь Сергѣй. Мнѣ!.. За что?

Кадушкинъ. А помнись ли, ономнясь!.. (Обращаясь къ князю Платону) Я, васс сіясество, пьисей къ нему съ пьязникомъ поздьявить, а онъ на-ка, собаками стай тьявить меня.

Князь Сергѣй. Но мнѣ сказали, что не ты, а теленокъ зашелъ ко мнѣ въ садъ, я и велѣлъ его травить собаками.

Кадушкинъ. Я тѣ дамъ, теенокъ, чойтъ, дьявой, пьяво!

(Поднимаетъ на князя Сергѣя кулакъ).

Князь Платонъ. Ну, пишкни, Кадушка! (Обращаясь къ женѣ) Я на время моего отсутствія проспитъ брата погостить у тебя, во-первыхъ, для развлеченія твоего, а во-вторыхъ, и по хозяйству, ибо моя Настасья Петровна хозяюшка никуда негодная.

Княгиня (нѣсколько обиженнымъ тономъ). Я никогда себя особенно хорошей хозяйкой и не считала.

Князь Платонъ (Кадушкину). Поди, вели подавать лошадей и самъ одѣвайся!

(Шутъ уходитъ).

Князь Платонъ (женѣ). Ну, я желаю сказать нѣсколько словъ съ братомъ наединѣ, а потомъ прощусь и съ тобой, можетъ-быть, послѣднимъ поцѣлуемъ въ жизни.

Княгиня (вставая). Почему же послѣднимъ?

Князь Платонъ. А потому, что на войнѣ, говорятъ, прежде всѣхъ чиновъ и крестовъ надобно чаять смерти!

(Княгиня уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Такъ-то, братикъ, хоть мы съ тобой и различествуемъ во многомъ: я ужъ старъ, а ты еще въ порѣ, я человѣкъ военный, служивый, ты свѣтскій, придворный; но все-таки, полагаю, мы не по названью одному братья, по крайности въ моей душѣ, кромѣ пожеланія тебѣ всякаго добра, счастья и радостей, ничего другого не было.

Князь Сергѣй. Точно такъ же, братецъ, и я раздѣляю сіе чувство, съ присовокупленіемъ уваженія, которое всегда питалъ къ вамъ.

Князь Платонъ. Богъ съ нимъ, съ уваженіемъ!.. Любви твоей я паче всего желалъ бы и теперь хочу открыть тебѣ

самые сокровенные мои помыслы. Господь Богъ, кажется, всѣмъ меня благословилъ: богатствомъ, знатностью, чинами, царскою милостью, а межъ тѣмъ душа моя болитъ.

Князь Сергѣй. Ничего такого, братецъ, я не вижу въ вашей жизни, что̀ могло бы васъ огорчать.

Князь Платонъ. Огорчаетъ меня моя молодая жена...

(Князь Сергѣй взглядываетъ съ удивленіемъ на брата).

Князь Платонъ (продолжаетъ). Сколько я прельщенъ ея красотою и молодостью, сказать того не могу, но и опечаленъ тоже. Каждоминутно, не успокаиваясь даже во снѣ, я ее ревную ко всему, кажись, и къ каждому!

Князь Сергѣй (потупляясь). А къ этому вы имѣете еще менѣе какихъ-либо оказій.

Князь Платонъ. Самъ не вѣдаю того... посмотри однако, что̀ выходитъ: изъ какой несладкой жизни взялъ я ее — бѣдная дворяночка, отецъ—пьяница, буянъ!.. Окружилъ я ее почестями, довольствомъ, а между тѣмъ все словно бы она печалится, о чемъ-то груститъ; сидитъ по цѣлымъ часамъ, слова не промолвитъ; окликнешь ее, встрепенется точно со сна.

Князь Сергѣй. Она, сколько мнѣ кажется, отъ природы такого меланхолическаго характера...

Князь Платонъ. Нѣтъ. Въ дѣвушкахъ она была рѣзвунья и шалунья. Но какъ бы то ни было, того ужъ не воротишь; по крайности, когда я около нея, я знаю, что она не измѣнитъ мнѣ, она трепещетъ моей ревности, но теперь я уѣзжаю!.. Положимъ, что опасность эта только во мнѣніи моемъ существуетъ, тѣмъ не менѣе она мучитъ меня, какъ бы на самомъ дѣлѣ была... Чѣмъ я предотвращу ее, какія приму противъ нея мѣры?

Князь Сергѣй (съ усмѣшкою). Ceinture de virginité вы, можетъ-быть, желали бы имѣть.

Князь Платонъ. Да я и тѣмъ не успокоился бы!.. Душа моя въ этомъ случаѣ ненасытима, я хочу, чтобы она и мыслей своихъ никому другому не отдавала!.. Средство теперь одно: останься ты вмѣсто меня стражемъ, наблюдай за ней, и если въ полусловахъ ея, въ минѣ, въ улыбкѣ замѣтишь что-либо подозрительное, сейчасъ же пиши мнѣ: я брошу все и прискачу сюда.

Князь Сергѣй. Вы, братецъ, даете мнѣ порученіе... какъ это сказать по-русски... très embarassant. Есть восточная басня, что одинъ изъ персидскихъ шаховъ, когда имѣлъ гнѣвъ на кого-либо изъ своихъ придворныхъ, онъ сейчасъ же заставлялъ его стеречь вѣрность одной изъ женъ своихъ, а потомъ всегда находилъ, что тотъ не усматривалъ, и онъ казнилъ его за то.

Князь Платонъ (обезпокоеннымъ уже голосомъ). И ты поэтому не надѣешься усмотрѣть?

Князь Сергѣй. Au contraire; я напередъ увѣренъ, что образъ поведенія Настасьи Петровны спасетъ меня отъ всякаго нареканія съ вашей стороны.

Князь Платонъ. Дай-ка Богъ твоими устами пить медъ, но, впрочемъ, погоди, постой, открывать тебѣ, такъ ужъ открывать все. Есть тутъ у меня черезъ рѣку сосѣдъ, молодой гатчинскій офицерикъ—Рыковъ, такъ себѣ, изъ худородныхъ... Только ты знаешь, какъ государь не любитъ, чтобы гатчинцы ѣздили въ отпускъ, а этотъ малый каждый годъ мѣсяца по два пребываетъ здѣсь, всячески втирается ко мнѣ въ домъ, юлитъ передо мной, передъ прислугой даже...

Князь Сергѣй (потупляясь и какъ бы скрывая свои мысли). Mais... je trouve cela fort naturel, что молодой офицерикъ ищетъ чести быть принятымъ въ вашемъ домѣ.

Князь Платонъ. Положимъ, такъ; но выслушай ты меня дальше: когда получено было мое назначеніе, но не рѣшено еще было, что княгиня останется здѣсь, онъ вдругъ является ко мнѣ и просится въ адъютанты; брать мнѣ его никакой стати не было, но, чтобы повывѣдать его, говорю: «хорошо!». Малый нашъ расцвѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ; потомъ, когда слухъ прошелъ, что я ѣду одинъ, онъ вдругъ пишетъ мнѣ письмо, благодаритъ, что я изъявилъ согласіе на принятіе его къ себѣ на службу, но что онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, воспользоваться симъ не можетъ.

Князь Сергѣй. Все это... мнѣ трудно выражать мои мысли... есть одно... можетъ-быть, обыкновенное столкновеніе вещей.

Князь Платонъ. Ты думаешь?

Князь Сергѣй. Совершенно увѣренъ въ томъ, а наконецъ, если это безпокоитъ васъ, я не буду здѣсь, въ ваше отсутствіе, принимать господина Рыкова.

Князь Платонъ (почти съ плачемъ въ голосѣ). Да, не принимай его. На пушечный выстрѣлъ, Бога ради, не пускай его сюда!

Князь Сергѣй. Не пущу, soyez tranquille!

Князь Платонъ. Спасибо!.. (Цѣлуетъ его). Теперь ступай, позови сюда жену; я прощусь съ ней.

(Князь Сергѣй уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Князь Платонъ (одинъ, складывая руки). Великій Боже, если въ предвѣчномъ рѣшеніи Твоемъ назначено мнѣ за грѣхи

мои наказаніе на землѣ, то ниспошли мнѣ, какія только Твоей святой волѣ благоугодно будетъ, муки, но не измѣну жены моей!.. молю о томъ не только за себя, колико за нее.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Платонъ и княгиня Настасья Петровна.

Князь Платонъ (подходя къ женѣ и заключая ее въ свои объятія). Прощай, моя милушка, лапушка, прелесть! покажи мнѣ твои глазки: есть ли въ нихъ печаль и горе о моемъ отъѣздѣ?

(Княгиня потупляется).

Князь Платонъ. Или, можетъ, они уже радуются и обращены въ сторону?

Княгиня (еще болѣе потупляется). Никуда они не обращены, и вы только этимъ меня обижаете.

Князь Платонъ. Ну, ну, не буду!.. И на прощанье тебѣ скажу одно мое такое разсужденіе: тебѣ 25 лѣтъ, а мнѣ 65; живучи въ молодости моей, я тоже, какъ говорится, поджигалъ себя со всѣхъ концовъ, а посему, много-много, проживу еще лѣтъ пять; не отравляй ты мнѣ сего времени и не губи ни себя ни меня!.. Я теперь именно, какъ въ священномъ писаніи сказано: что возлюбитъ человѣкъ жену свою аки тѣло свое, такъ и я къ тебѣ прилѣпился; но если ты отвратишься отъ меня, такъ и я поведу себя съ тобою, какъ бы съ собственнымъ тѣломъ своимъ: никого не боючись и никого не слушаясь!

Княгиня. Ничего я этого не боюсь, потому что никогда ничего того не можетъ быть! Меня одно только теперь безпокоитъ, что князь Сергѣй будетъ жить у насъ.

Князь Платонъ. Но почему же тебя можетъ это безпокоить?

Княгиня. Онъ человѣкъ свѣтскій, жилъ всегда въ столицахъ; я женщина простая, онъ будетъ скучать со мной.

Князь Платонъ. Но онъ самъ, съ величайшей охотой и радостью, принялъ мое приглашеніе.

Княгиня (отворачиваясь въ сторону и какъ бы нѣсколько про себя). Тѣмъ хуже для меня!

Князь Платонъ. Чѣмъ же хуже для тебя?

Княгиня. А тѣмъ... Зачѣмъ вамъ нужно, чтобы онъ оставался здѣсь? Чтобы присматривать за мной?..

Князь Платонъ (сконфузясь). Не присматривать, а онъ похозяйничаетъ...

Княгиня. Что ему хозяйничать... у насъ очень вѣрный и усердный управитель... Вы вотъ ревнивы, а тутъ не видите ничего.

Князь Платонъ. Что такое ревнивъ и что такое мнѣ видѣть?..

Княгиня (торопливо и съ удареніемъ). А то, что князь Сергѣй кидаетъ иногда на меня такіе взгляды, что мнѣ совѣстно дѣлается, а вы оставляете меня жить съ нимъ съ глазу на глазъ.

Князь Платонъ (поблѣднѣвъ и сдерживаясь). Какіе же взгляды?

Княгиня. Такіе взгляды, какіе я не желаю, чтобы ни одинъ посторонній мужчина на меня кидалъ.

Князь Платонъ (притворно хохоча). Ха-ха-ха! Сергѣй кидаетъ взгляды!.. Ну, ты ошиблась! Я знаю, что онъ слабъ, по парижской своей привычкѣ, къ актрисамъ, къ дѣвкамъ городскимъ, — вообще къ женщинамъ вольнаго поведенія; но чтобы онъ сталъ кидать взгляды на женщину замужнюю, а тѣмъ паче на жену мою... Это не въ его правилахъ... Ха-ха-ха!.. Сергѣя подозрѣвать въ влюбчивости и въ сентиментальности,— этого даже всепредвидящая ревность моя не могла подмѣтить...

Княгиня. Я ни въ чемъ его не подозрѣваю, а говорю только, что онъ нѣсколько разъ позволялъ себѣ держать себя со мной очень вольно.

Князь Платонъ. Когда же онъ это дѣлалъ?

Княгиня. Нѣсколько разъ!.. Я не хотѣла только говорить вамъ и разстраивать васъ съ братомъ.

Князь Платонъ. Все вздоръ!.. Ступай, прикажи собрать все къ отъѣзду моему... Я сейчасъ уѣзжаю.

Княгиня (уходя). Подѣйствовало, вижу, а тамъ письмами докончу... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Платонъ (одинъ, въ сильномъ волненіи). Что это такое она сказала? Только одно мѣсто въ сердцѣ оставалось здоровымъ, — и то поранили... Я теперь и уѣхать не могу... (Приставивъ палецъ ко лбу) Нѣтъ, пусть они полагаютъ, что я уѣхалъ, а я вотъ буду сидѣть тутъ (показываетъ на одну изъ боковыхъ дверей), въ библіотекѣ, и подслушивать. У меня давно тамъ сдѣлано отверстіе въ эту комнату, чтобы наблюдать за женой... (Сначала свиститъ, а потомъ кричитъ) Кадушкина мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кадушкинъ мгновенно влетаетъ въ круглой шляпѣ съ кокардой, въ гороховой съ нѣсколькими воротничками шпенели, перетянутой портупеей, на которой повѣшена сабля.

Князь Платонъ. Поди сюда!

(Кадушкинъ, приложивъ руки по швамъ, приближается).

Князь Платонъ. Я отсюда выѣду и у сада сойду, а ты съ людьми и лошадьми поѣзжай до первой станціи и дожи-

дайся тамъ меня день, два, недѣлю, пока я самъ не пріѣду или не пришлю кого, — понялъ?

Кадушкинъ. Поняй, васе сіясество!

Князь Платонъ. Если люди не будутъ тебя слушаться покажи имъ вотъ мой перстень... (Подаетъ ему перстень).

Кадушкинъ (принимая перстень). Будутъ сьюсаться, васе сіясество, я имъ сказу: «цыцъ!».

Князь Платонъ. Цыцъ и ты! Дворецкаго ко мнѣ позовешь!

Кадушкинъ. Сьюсаю, васе сіясество!.. (Прикладываетъ руку къ шляпѣ, повертывается налѣво кругомъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Платонъ и дворецкій, сейчасъ же послѣ шута явившійся; одѣтъ онъ во французскомъ кафтанѣ изъ камлотовой матеріи, въ чулкахъ и башмакахъ.

Князь Платонъ (показывая на дверь въ библіотеку). Запереть всю эту половину и никого не пускать туда!.. Если кто войдетъ туда и пропадетъ что-либо изъ вещей моихъ, ты мнѣ отвѣчать за то будешь.

Дворецкій (модно раскланиваясь). Никого не будетъ допущено, ваше сіятельство!

Князь Платонъ. А ключъ отъ балкона въ садъ отдать мнѣ!

Дворецкій (проворно вынимая изъ кармана ключъ, почтительно подаетъ его князю). Смѣю представить оный!

(Князь Платонъ кладетъ ключъ въ карманъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дворецкій (одинъ, запирая дверь въ библіотеку). Не будетъ допущено, — а какъ ты сдѣлаешь то! У насъ такой насчетъ этого народецъ, что покажи имъ на какую-нибудь пустую, валяющуюся на улицѣ палочку и скажи только: не тронь этого! — такъ всякая бестія подойдетъ и дотронется!

(Изъ противоположныхъ дверей показывается Ульяша).

Дворецкій (строго къ ней). Что тебѣ надобно?.. Горничная ты, молоденькая дѣвушка, а шляешься на мужскую половину.

Ульяша. Мнѣ князя Сергѣя Иларіоновича надо.

Дворецкій. Никакого тебѣ князя не надо, сиди ты въ своей свѣтлицѣ и тки золотомъ,—вотъ ваше дѣвичье дѣло!

Ульяша (робко). Мнѣ нужно-съ!

Дворецкій. Ну, такъ вотъ что: князь приказалъ, чтобы духу вашего человѣчьяго не было, и ежели я теперь кого изъ этихъ дураковъ-лакеевъ или изъ васъ дуръ-горничныхъ здѣсь застану, такъ, какъ собаку паршивую, возьму за шиворотъ и прямо приведу къ князю на ея распоряженье!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и князь Сергѣй Иларіоновичъ.

Князь Сергѣй. Что это, Ѳедоръ Парменычъ, такъ разглагольствовать изволите?

Дворецкій. Да вотъ-съ молодой дѣвицѣ нотацію читаю, какъ себя вести надо.

Князь Сергѣй. Кому же и поучить ихъ, какъ не вамъ, Ѳедоръ Парменычъ!

Дворецкій (самодовольно). Нельзя безъ того, ваше сіятельство; насъ старики наши родители учили, а мы ихъ теперь учимъ.

Князь Сергѣй. Что же вы не провожали князя?.. Онъ уже уѣхалъ.

Дворецкій (почти съ ужасомъ). Какъ уѣхалъ?

Князь Сергѣй. Сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Дворецкій. Боже мой, бѣгу хоть вслѣдъ имъ поклониться... (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь Сергѣй и Ульяша.

Ульяша (робко подходя къ нему). Какъ же, ваше сіятельство, письмо-то отправлено ли?.. Княгиня и сегодня меня объ немъ спрашивала.

Князь Сергѣй. Отправлено, отправлено. Какая хорошенькая—а!.. (Береть ее за подбородокъ).

Ульяша. Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, чтобы отправлено было-съ; я очень боюсь, сохрани Богъ, княгиня узнаетъ, что не сама я носила, куда я тогда поспѣла!

Князь Сергѣй. Все сдѣлано, все!

Ульяша. Сдѣлайте милость!.. (Присѣдаетъ ему и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь Сергѣй (одинъ, мгновенно перемѣняя веселое выраженіе лица на озабоченное). Когда братъ жалъ мнѣ при прощаньи руку, son regard était plein de colère et de mépris. Que voulait il dire par là? Je voudrais bien le savoir! Mais, Dieu, à quoi bon se tourmenter une fois qu'il est déjà parti. Occupons-nous de notre plan, que je brule de réaliser au plus vite!.. Аббатъ Десюисъ говаривалъ: «чего женщина не сдѣлаетъ изъ любви, сдѣлаетъ изъ страха!» C'est une femme privée

d'éducation et de belles manières, mais n'importe elle est fort jolie!.. она производитъ на меня... comment dire cela... раздраженіе, mais chut!.. она идетъ... начну сейчасъ же... не буду откладывать.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Князь Сергѣй и княгиня (входитъ печальная и серьезная).

Княгиня. Какъ, братецъ, вы думаете проводить ваше время?.. Я по вечерамъ и при князѣ всегда, почесть, сидѣла у себя одна наверху.

Князь Сергѣй. Ваше время совершенно въ вашемъ распоряженіи, и я прошу у васъ только на сегодняшній вечеръ исключенія, ибо имѣю надобность говорить съ вами.

Княгиня (неохотно садясь). Только, пожалуйста, не обыкновенные ваши пустяки, которые вы мнѣ иногда говорите.

Князь Сергѣй (пожимая плечами). Увы, кузина, бывъ съ вами наединѣ, могу ли я удержать себя, чтобы не повторить вамъ своей мольбы!

(Княгиня дѣлаетъ недовольное движеніе).

Князь Сергѣй (продолжая тѣмъ же тономъ). Она, я знаю, въ глазахъ вашихъ не имѣетъ никакой цѣны; но тутъ есть, какъ бы сказать, un pétit rien... одна маленькая вещь, которая, можетъ-быть, васъ заинтересуетъ.

Княгиня. Какая бы это вещь ни была, она совершенно для меня непинтересна и непріятна.

Князь Сергѣй (протяжнымъ и знаменательнымъ голосомъ). Не выслушавъ послѣдняго куплета пьесы, нельзя говорить объ ней своего сужденія. Вчера братъ прислалъ ко мнѣ своего лакея... онъ при мнѣ началъ изъ своего платка носового très sale вынимать два письма: одно... адресованное рукою брата ко мнѣ, а другое—написанное вами къ Рыкову.

Княгиня (дѣлая движеніе и вся поблѣднѣвъ). Гдѣ же это мое письмо теперь?..

(Князь Сергѣй молчитъ).

Княгиня. Князь, вы такой добрый и благородный! Надѣюсь, вы этого письма моего не перехватили, не прочли его?

Князь Сергѣй (не спѣша и съ удареніемъ). Я письмо ваше перехватилъ... прочелъ... и оно теперь у меня...

(Княгиня опять дѣлаетъ движеніе).

Князь Сергѣй (смотря ей въ лицо). По вашему лицу, княгиня, видно, что вамъ поступокъ мой кажется неблагороднымъ... c'est une action ignoble; совершенно справедливо; но вспомните: изъ-за женщинъ люди десять лѣтъ сражались, изъ-за

любви люди идутъ на плаху, въ тюрьму, убиваютъ коварно друзей своихъ, а потому, я думаю, мое маленькое неблагородство, особенно, кто видѣлъ красоту вашу, извинительно.

Княгиня (почти плача). Князь, я и безъ того теперь такая несчастная, а вы еще смѣетесь надо мной!

Князь Сергѣй (пододвигаясь къ ней и страстнымъ голосомъ). Не смѣюсь я, кузина, а плачу... Какъ и чѣмъ мнѣ доказать вамъ весь пламень сжигающей меня страсти?.. я для васъ... какъ это... j'ai brisé, изломалъ всю мою жизнь!.. мнѣ скученъ Петербургъ, дворъ... я живу болѣе года, безъ всякой надежды, около васъ и около ревнивой пасти вашего мужа, и мнѣ остается, какъ утопающему, схватиться за соломинку, одна надежда воспользоваться вашимъ письмомъ!

Княгиня (вставая и намѣреваясь уйти). Пустите меня! Я и то долго позволила себѣ слушать непристойныя рѣчи ваши.

Князь Сергѣй (останавливая ее). Еще два слова, отъ которыхъ, можетъ-быть, зависитъ ваша и моя жизнь: по письму вашему видно, что сердце и душа ваша вся принадлежитъ тому счастливцу, (задыхающимся голосомъ) но мнѣ дайте счастье обладать вами только на самый краткій мигъ, потомъ я буду глухъ и нѣмъ къ своимъ собственнымъ чувствамъ, буду аккомодировать вашей любви къ другому, буду скрывать ее.

Княгиня. Вы, князь, такъ ужъ низко меня разумѣете, что прошу васъ оставить мой домъ.

Князь Сергѣй. Княгиня, я бѣшенъ и безжалостенъ буду къ вамъ: я отдамъ письмо ваше вашему мужу!

Княгиня (вся вспыхнувъ и съ твердостью). Кому хотите отдавайте!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Князь Сергѣй (сердито топая ногой). Она глупа, какъ послѣдняя крестьянская баба, по мужу, вѣроятно, будетъ писать; надобно предупредить ее; сейчасъ пошлю камердинера, чтобы онъ воротилъ брата... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Въ дверяхъ библіотеки щелкаетъ замокъ, и появляется князь Платонъ, блѣдный и весь дрожащій.

Князь Платонъ. Пріятныя рѣчи я выслушалъ для себя... (Ударивъ себя въ грудь) Ни Богу ни государю моему я жаловаться не стану, но только и вы ужъ, добрые люди, не подивитесь, какъ я распоряжусь со всѣми ими.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Та же боскетная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Сергѣй. Вы такъ, братецъ, скоро вернулись, что я никакъ васъ не ожидалъ.

Князь Платонъ. Я какъ получилъ отъ тебя вѣсточку, сейчасъ и поскакалъ... (Поднимаетъ дрожащей рукой письмо). А что же я стану съ письмомъ этимъ дѣлать?

Князь Сергѣй (пожимая плечами). Что заблагоразсудите.

Князь Платонъ. Я его, знаешь, пошлю по адресу; пусть Рыковъ явится сюда... Мнѣ все-таки любопытно видѣть, какъ это онъ станетъ съ женой моей обращаться!..

Князь Сергѣй. Онъ, кажется, недалеко тутъ живетъ!

Князь Платонъ. Недалеко, только черезъ рѣку, къ мосму, а можетъ, вѣдь, и къ его несчастью.

Князь Сергѣй. Hélas! онъ былъ по крайней мѣрѣ счастливъ!

Князь Платонъ. Да, въ самомъ дѣлѣ это такъ! Здѣсь, пожалуй, можетъ быть несчастливъ и тотъ, кто вовсе и не былъ счастливъ,—а, такъ?..

Князь Сергѣй. Кто же, братецъ, не былъ здѣсь счастливъ?

Князь Платонъ. А я, напримѣръ; я только былъ глупъ, а счастливъ не былъ.

Князь Сергѣй. Вы имѣете такъ много твердости характера, что эту непріятность вашу перенесете... Comment dire cela, plus avec du mépris, que de douleur, и меня, признаюсь, очень удивляетъ и безпокоитъ вашъ теперешній разстроенный видъ, вашъ странно измѣнившійся голосъ, тонъ рѣчи.

Князь Платонъ. Ну да, я удивился очень; хоть и подозрѣвалъ нѣсколько, но все-таки это была для меня нечаянность; точно обухомъ по головѣ ударили! Письмо, впрочемъ, прежде чѣмъ послать его, ты мнѣ перечти: я не все понялъ, когда первый разъ читалъ его; какъ-то въ глазахъ у меня темнѣло при семъ!

Князь Сергѣй (беретъ письмо и начинаетъ читать). «Безцѣнный голубчикъ мой Митя! Наконецъ злодѣй нашъ уѣзжаетъ...»

Князь Платонъ (перебивая его). Злодѣй! Почему же я для нея и злодѣемъ ужь сталъ?

Князь Сергѣй (читаетъ). «Хожу я цѣлые дни и только и есть, что думаю объ тебѣ... Вчера я отъ тоски зашла въ нижній этажъ нашего дома. Тамъ увидала изъ одного коридора

въ первый еще разъ подвальныя тюрьмы, съ цѣпями въ нихъ на стѣнахъ. Мужъ, говорятъ, сажалъ туда людей и пыталъ ихъ, когда имѣніе это бунтовало...»

Князь Платонъ (перебивая его). Тюрьмы съ цѣпями... Славная мысль... отличная! Я запишу ее въ своей памятной книжкѣ... (Вынимаетъ бумажникъ и записываетъ въ него).

Князь Сергѣй (продолжаетъ читать). «Болтаю, дружокъ мой, съ тобой и сама не знаю что. Пріѣзжай въ четвергъ; *старый медвѣдь*, какъ ты его называешь, непремѣнно ужъ уѣдетъ, а ты пріѣзжай подольше ко мнѣ погостить. Люди при мнѣ остаются тѣ же: Ульяша и дворецкій; они оба вѣрны намъ и преданы».

Князь Платонъ. *Старый медвѣдь... Ульяша и дворецкій!..* Постой, мнѣ все это надо записать; я долженъ съ точностью все помнить!.. (Записываетъ).

Князь Сергѣй (продолжаетъ читать). «Я очень боялась, чтобы онъ не оставилъ шута Кадушки, этотъ дуракъ очень ему преданъ и все ему передаетъ отъ слова до слова...»

Князь Платонъ. А, Кадушка! Давайте мнѣ его сейчасъ, я его расцѣлую... (Обращаясь къ брату) Ты понимаешь ли?.. Значитъ, есть еще человѣкъ около меня, на коего я могу положиться!.. Читай дальше!

Князь Сергѣй. Дальше тутъ обыкновенныя фразы: «Обнимаю тебя» и прочее...

Князь Платонъ. А много она, чай, и со страстью его обнимала; но теперь я какъ-нибудь ужъ постараюсь, что она больше не будетъ обнимать его.

Князь Сергѣй. Вотъ это, братецъ, я и желалъ бы знать, что вы намѣрены предпринять?

Князь Платонъ. Мнѣ это, знаешь, и самому какъ-то смутно еще представляется; но ревность и злоба, говорятъ, хитры на выдумки; можетъ-быть, и я выдумаю что-нибудь хорошее. Прежде всего ты пошли это письмо къ Рыкову съ какимъ-нибудь вѣрнымъ человѣкомъ.

Князь Сергѣй. Съ камердинеромъ моимъ:

Князь Платонъ. Хорошо!

Князь Сергѣй (кричитъ). Jean!

(Является камердинеръ-французъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Камердинеръ. Monsieur!

Князь Сергѣй (подавая ему письмо). Allez chez monsieur Rikoff, qui demeure de l'autre côté de la rivière...

Камердинеръ. Oui, monsieur!

Князь Сергѣй. Remettez lui cette lettre!

Князь Платонъ. И скажи ему на-словахъ, что меня дома нѣтъ; а что письмо отъ жены, которая проситъ его сейчасъ же къ ней пріѣхать.

Камердинеръ. Oui, monsieur!..

Князь Платонъ. И что письмо это подала тебѣ горничная Ульяша... (Къ брату) Понимаетъ онъ меня?

Камердинеръ. Oui, monsieur! j'ai compris tout ce que vous m'avez dit.

Князь Сергѣй. La femme de chambre de la princesse.

Камердинеръ. Je la connais, monsieur! une très jolie petite.

Князь Сергѣй. Allons!

Камердинеръ. Oui, monsieur!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Ну, а теперь, милый братъ, ты поди, скажи женѣ, что мнѣ занездоровилось, и что я воротился... Говори только это осторожнѣе и не вдругъ, а то она, пожалуй, перепугается по любви своей ко мнѣ; потомъ, когда она придетъ сюда, и ты также приходи, и я, что̀ называется, проведу вечеръ между нѣжной женой и добрымъ братомъ.

Князь Сергѣй. Въ чувствахъ моихъ къ вамъ и вашей жены есть, я полагаю, нѣкоторое различіе.

Князь Платонъ. Я и дѣлаю сіе различіе: то нѣжная жена, а ты добрый братъ; а потомъ подъѣдетъ молодой человѣкъ. Посмотрю я на него: какія же это такія онъ достоинства имѣетъ, что такъ ужъ плѣнилъ ее. Ступайте, братъ, извѣстите жену и пошлите ко мнѣ моего Кадушкина.

Князь Сергѣй. Повинуюсь... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Платонъ (одинъ). Хоть бы въ словѣ, негодяй, запнулся; но чортъ пока съ нимъ!.. паче всего мнѣ теперь жена моя. Гдѣ силы она брала въ своей маленькой душонкѣ такъ долго и такъ хитро притворяться?.. Какъ велика была любовь моя къ ней и какъ продолжительно было ея лукавство, такъ велико и продолжительно будетъ наказаніе ей мое.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотъ же и Кадушкинъ.

Князь Платонъ. Ты пріѣхалъ, мой милый, ну и прекрасно! Я тебя оцѣню и награжу скоро очень!

Кадушкинъ (вытянувшись во фрунтъ). Я, васе сіясество, какъ васъ пыиказчикъ пыискакай: «скаци, говоитъ, домой!»,—я запьягъ сейцасъ, поѣхали мы: князя Сейгѣя фьянцузиска скацеть: «князя, говоитъ, пьосятъ домой!»—«Ѣдемъ, говою, ницего, не догадайся, сто васъ нѣтъ!»

Князь Платонъ. Ты молодецъ! А скажи, что бы ты дѣлалъ, если бы три, четыре, а можетъ, и пять человѣкъ меня обидѣли?

Кадушкинъ. Я имъ гойло пеегьизу, какъ собака: амъ! амъ!. (Лаетъ).

Князь Платонъ. Отлично, безподобно. Теперь поди и припаси мнѣ дюжину охотниковъ помолодцоватѣе, чтобы они стояли внизу дома и дожидались моихъ приказаній; а самъ стой тутъ у дверей: какъ я хлопну въ ладоши, такъ и являйся налицо.

Кадушкинъ. Сьюсаю, васе сіясество!.. (Дѣлаетъ рукой подъ козырекъ, поворачивается налѣво кругомъ и идетъ; въ дверяхъ сталкивается съ княгиней и также отдаетъ ей честь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Княгиня быстро и безпокойно входитъ.

Княгиня. Вы вернулись, не поѣхали... Я ничего не знаю, сижу тамъ у себя...

Князь Платонъ. Да, мнѣ занездоровилось, кровь или желчь прилила къ сердцу, но только мнѣ нехорошо.

Княгиня. Вы бы приняли что-нибудь успокоительное.

Князь Платонъ. То-то вотъ и есть: противъ моей болѣзни медицина не выдумала еще ничего успокоительнаго.

Княгиня. Но что же вы, по крайней мѣрѣ, чувствуете? Долго ли ваша болѣзнь продолжится?

Князь Платонъ. Тебя болѣе всего безпокоитъ: долго ли моя болѣзнь продолжится... скоро, вѣроятно, пройдетъ, и я уѣду... молодыя жены вѣдь любятъ, когда отъ нихъ уѣзжаютъ старые мужья.

Княгиня. Я никогда, кажется, не давала вамъ поводу такъ думать, но все-таки я васъ буду просить, что когда вы опять поѣдете, такъ князя Сергѣя не оставляйте здѣсь со мною.

Князь Платонъ (смотря на жену). Отчего же?.. Онъ такой милый, славный!..

Княгиня. А оттого, что, только-что вы уѣхали, онъ сдѣлалъ мнѣ декларацію въ любви.

Князь Платонъ (какъ бы сильно удивленный). Князь Сергѣй?.. декларацію въ любви?..

Княгиня. Онъ и прежде говорилъ мнѣ такія слова...

Князь Платонъ (перебивая жену). Князь Сергѣй говорилъ такія слова?.. Вотъ кто бы подумалъ, повѣса какой!.. Я ему попеняю за это серьезно.

Княгиня. Онъ, вѣроятно, будетъ вамъ говорить и про меня: примите это, какъ вамъ будетъ угодно; но я вамъ повторяю, что онъ самъ хотѣлъ меня соблазнить.

Князь Платонъ. Шалунъ, шалунъ! Я ему уши за это надеру. Однако онъ идетъ; прекратимъ разговоръ объ немъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Вотъ и всѣ налицо!.. (Князю Сергѣю) Садитесь, братецъ.

(Князь Сергѣй садится).

Князь Платонъ. Что же мы теперь будемъ дѣлать? (Офиціантъ входитъ съ чаемъ). А вотъ кстати и чай подаютъ... (Беретъ и ставитъ чашку женѣ. Офиціанту) А я не хочу!.. (Офиціантъ подаетъ чай князю Сергѣю. Тотъ беретъ).

Князь Платонъ (развалясь на креслѣ, какъ бы желая понѣжиться). Скажите вы мнѣ, милые мои, какую-нибудь сказочку, убаюкайте вы меня, старика.

Княгиня (улыбаясь). Я только и знаю сказочку про бѣлаго бычка, не начать ли ее съ конца.

Князь Сергѣй (пожимая плечами). А я и той не знаю.

Князь Платонъ. Ну, такъ я вамъ скажу: одному французскому королю измѣнила жена; онъ познамѣрился отравить ее и для сего велѣлъ изготовить бульонъ съ тончайшимъ ядомъ, и подалъ его въ чашкѣ женѣ, какъ вотъ теперь подаю моей милой женѣ чай... (Подаетъ женѣ чашку). По этикету, когда король самъ что подаетъ, близкіе ему и подчиненные сейчасъ должны выпить, и такъ какъ все-таки же я король здѣсь немножко, то приказываю вамъ, моя супруга, сейчасъ же выпить вашу чашку!

Княгиня. Можетъ-быть, она тоже съ ядомъ?

Князь Платонъ. Можетъ-быть!

Княгиня. Ничего, все равно!.. (Выпиваетъ).

Князь Платонъ (взглянувъ ей прямо въ лицо). Смѣла!.. (Обращаясь къ брату) А вы, братецъ, выкушаете вашу чашку?

Князь Сергѣй. Но я не жена ваша и не измѣнила вамъ!

Князь Платонъ. Можно измѣнить и не бывъ женою, вы знаете!.. И по этикету вы не имѣете права отказаться.

Князь Сергѣй. Нѣтъ-съ, я не буду пить чаю, вы меня напугали; я очень брезгливъ!

Князь Платонъ. Трусъ вы послѣ того, и совѣсть, видно, у васъ чѣмъ-нибудь нечиста противъ меня... (Входитъ лакей).

Лакей. Дмитрій Яковлевичъ Рыковъ.

Князь Платонъ. Проси! Очень радъ видѣть молодого человѣка, очень радъ!.. (Князь Сергѣй потупляется, княгиня блѣднѣетъ).

Княгиня (про себя). Письмо мое, видно, дошло къ нему!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Рыковъ.

Князь Платонъ. Милости просимъ, мой бывшій, но не будущій адъютантъ! Скажите мнѣ по совѣсти: вы никакъ не чаяли застать меня здѣсь?

Рыковъ (почти совсѣмъ растерявшись). Я?.. Нѣтъ, что жъ?.. Конечно, что...

Князь Платонъ (обращаясь къ брату). Какой отвѣтъ удовлетворительный... (Рыкову) Какъ же это вы вошли въ гостиную и не кланяетесь дамѣ. Что это за неловкіе нынче молодые люди, точно *молодой медвѣдь* какой! Извольте сейчасъ подойти къ моей супругѣ и поцѣловать у ней руку.

(Рыковъ конфузится окончательно, но подходитъ къ рукѣ княгини. Та, вспыхнувъ и не вставая съ мѣста, подаетъ ему руку).

Князь Платонъ (съ злобной насмѣшкой обращаясь къ женѣ). А какъ вамъ, княгиня, нравится мое прозвище ему: *молодой медвѣдь?*

Княгиня (нѣсколько овладѣвая собой). Я ничего въ этомъ не нахожу похожаго на Дмитрія Яковлича!

Князь Платонъ. Ну, а *старый медвѣдь*, какъ называютъ меня иные, неужели я такъ ужъ и похожъ совсѣмъ на *стараго медвѣдя?* (Снова повертывается къ Рыкову) Что же вы, садитесь хоть наконецъ!.. А то ни съ кѣмъ не кланяетесь и стоите, какъ столбъ.

Рыковъ. Ей-Богу, вашъ пріемъ до того меня озадачилъ: я не могу еще прійти въ себя; впрочемъ, по вашему желанію, я сажусь.

Князь Платонъ. Ну-съ, и чаю выкушайте... (Офиціанту) Подай г-ну Рыкову чай. Я сейчасъ разсказываю, что одинъ

французскій король приревновалъ жену къ придворному своему и самъ ему подалъ въ такой чашкѣ, въ какой вы пьете, ядъ, и тотъ вѣдалъ, что это ядъ, и выпилъ его изъ уваженія къ королю, не поморщась.

Рыковъ. Что жъ тутъ, морщись не морщись, не поможетъ!.. (Выпиваетъ чашку).

Князь Платонъ. Вы думаете? А что, скажите, вы не чувствуете, что чай чѣмъ-то отзывается?

Рыковъ. Я не знатокъ въ чаю; для меня рѣшительно все равно, чѣмъ бы онъ ни отзывался!

Князь Платонъ (брату). Не въ васъ, князь, не брезгливъ... (Обращаясь ко всѣмъ) Приношу однако всѣмъ, всѣмъ вамъ маленькое извиненіе, что въ присутствіи вашемъ произведу расправу съ нѣкоторыми мерзавцами изъ людей моихъ... (Хлопаетъ въ ладоши, является шутъ). Дворецкаго пошли мнѣ и горничную Ульяшу!

Кадушкинъ. Сьюсаю, васе сіясество!.. (Обертывается налѣво кругомъ и уходитъ).

Княгиня (въ сторону). Онъ точно читалъ мое письмо!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, дворецкій, Ульяша и шутъ.

Князь Платонъ (дворецкому). Вы, Ѳедоръ Парменычъ, изобличаетесь въ измѣнѣ намъ, въ продажѣ нашей чести, въ сокрытіи отъ насъ того, что оскорбительнѣе для насъ всего.

Дворецкій. Я, ваше сіятельство?..

Князь Платонъ. Разговаривать еще послѣ будемъ съ вами... (Къ Кадушкину) Велите охотникамъ наложить на него цѣпи и въ подвалъ перваго номера запереть; ключъ принести ко мнѣ!.. (Шутъ уводитъ дворецкаго).

Князь Платонъ (къ Ульяшѣ). Ну, ты, красавица!..

Ульяша (падаетъ ему въ ноги). Я, ваше сіятельство, батюшка, отецъ милосердный!

Князь Платонъ. И съ тобой я тоже поговорю!.. (Къ вошедшему шуту) Сковать и ее и посадить въ подвалъ второго номера.

Княгиня. Какъ же я останусь безъ горничной?

Князь Платонъ. Я къ вамъ приставлю отличную горничную, усердную, не вѣтреную! Такъ-то-съ!..

(Встаетъ и выходитъ на авансцену, какъ бы затѣмъ, чтобы собраться съ духомъ).

Княгиня (пользуясь этимъ мгновеніемъ, подходитъ и говоритъ Рыкову). Поѣзжайте сейчасъ къ отцу и скажите, чтобы онъ пріѣзжалъ спасать меня: мужъ что-то затѣваетъ!..

Рыковъ (подходитъ къ князю Платону). До свиданья, ваше сіятельство.

Князь Платонъ. Вы ужъ уѣзжаете?

Рыковъ. Прошу позволенія на то!.. (Раскланивается княгинѣ и князю Сергѣю и идетъ).

Князь Платонъ. Я хочу, по крайней мѣрѣ, васъ проводить!

Рыковъ. Что̀ вы безпокоитесь!

Князь Платонъ. Нѣтъ-съ, мы, старинные хозяева, вѣжливы... (Уходитъ за Рыковымъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Княгиня и князь Сергѣй.

Княгиня. Безбожникъ вы этакій и безстыдникъ!

Князь Сергѣй (пожимая плечами). Отъ васъ зависѣло!.. (Слышится шумъ и крикъ Рыкова).

Княгиня (въ испугѣ). Что̀ такое? Онъ убиваетъ его?

Князь Сергѣй. Не думаю.

Княгиня. Я пойду туда и посмотрю, что̀ такое... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь Сергѣй (одинъ). Непріятно даже немножко становится: этотъ вепрь, пожалуй, Богъ знаетъ что̀ начудеситъ!.. (Прислушивается). Что̀ это такое? И княгиня, я слышу, плачетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Князь Платонъ. Какой однако сильный, двойхъ безъ всякаго оружія уложилъ, ну, а пятеро одолѣли.

Князь Сергѣй. Что̀ вы такое сдѣлали съ вашимъ гостемъ?

Князь Платонъ. Гораздо меньше, чѣмъ онъ со мной: онъ лишилъ меня всякаго душевнаго свѣта, а я пока его—только дневного и посадилъ въ склепъ, а черезъ стѣну съ нимъ и княгиню...

Князь Сергѣй. Княгиню?

Князь Платонъ. Да; она сама научила меня этому въ письмѣ своемъ къ Рыкову... Вы вѣдь читали?

Князь Сергѣй. Братецъ, вы отвѣчать будете за то передъ правительствомъ вашимъ!

Князь Платонъ. Правительство мое ничего мнѣ въ этомъ случаѣ не можетъ помочь, а потому и судить не можетъ!.. А гораздо лучше мы вмѣстѣ съ вами сообразимъ по всѣмъ законодательствамъ; что̀ съ ними надо сдѣлать то и сдѣлаемъ.

Князь Сергѣй. Это будетъ, сами согласитесь, одна только смѣшная комедія, въ которой я, je vous le dis sérieusement, не только участвовать не желаю, но даже и видѣть ее.

Князь Платонъ. А я вамъ говорю, что вы будете участвовать!.. (Хлопаетъ въ ладоши: являются двое охотниковъ). Запереть людей и лошадей князя, также и его самого не отпускать отсюда никуда!.. (Киваетъ брату головой). До свиданія. (Князь Сергѣй остается въ удивленіи; охотники приближаются къ нему).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Длинная огромная комната въ нижнемъ этажѣ дома со сводами. У одной изъ стѣнъ стоитъ столъ, покрытый чернымъ сукномъ, на немъ горятъ двѣ восковыя свѣчки и лежатъ сложенныя накрестъ двѣ шпаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

Посрединѣ стола, какъ бы на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидитъ шутъ Кадушкинъ, въ новомъ маркизскомъ костюмѣ, съ прицѣпленной шпагою сбоку. Князь Платонъ все въ томъ же дорожномъ мундирѣ; глаза у него горятъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ; лицо блѣдно и искажено. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, съ понуренною головой, стоитъ управитель. По задней стѣнѣ стоятъ молодцоватые охотники въ казацкихъ казакинахъ, съ кинжалами за поясами и съ нагайками въ рукахъ.

Князь Платонъ (съ почтеніемъ обращаясь къ шуту). Васъ, единственно вѣрный намъ другъ, избрали мы въ судьи нашего дѣла. Вѣдомо вамъ, какою мы нѣжною любовью окружали супругу нашу, считая ее женою любящею и вѣрною намъ. Нынѣ же извѣстились мы, что считаетъ она насъ первымъ злодѣемъ своимъ, измѣнила супружескому долгу, предпочтя намъ гатчинскаго офицера Рыкова.

Кадушкинъ. Ево, васе сіясество, пайками надо пьягнать!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ князь Сергѣй, совсѣмъ взбѣшенный.

Князь Сергѣй (обращаясь къ брату). Долго ли вы будете не пускать меня и не приказывать отдавать мнѣ моихъ лошадей... Что же я плѣнникъ, что ли, у васъ?..

Князь Платонъ. Нѣтъ, не плѣнникъ, пока далеко еще не плѣнникъ... Не сердитесь и поприсядьте.

Князь Сергѣй (садясь съ досадою на другой сторонѣ сцены). Я никогда себѣ не прощу, что, изъ глупой моей преданности къ вамъ, я вмѣшался въ вашу семейную исторію, что до меня совершенно не касалось!

Князь Платонъ. Вы поступили въ этомъ случаѣ, какъ добрый братъ, и, какъ добрый же братъ, поможете мнѣ и въ настоящемъ моемъ горестномъ положеніи! (Къ охотникамъ) Дворецкаго и горничную Ульяну привести. (Обращаясь снова съ почтеніемъ къ шуту) Я начинаю съ менѣе виновныхъ преступниковъ и надѣюсь, что вы каждому воздадите должное по дѣламъ его!

Кадушкинъ (горячась). Я имъ дамъ, васе сіясество:

Князь Сергѣй (кусая губы, пожимая плечами и оборачиваясь въ сторону). C'est incroyable!

ЯВЛЕНІЕ III.

Двое охотниковъ вводятъ ДВОРЕЦКАГО и УЛЬЯШУ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ.

Дворецкій (падая князю въ ноги). Помилуй, государь-князь!

Князь Платонъ (обращая на него грозный взглядъ). Въ этомъ положеніи, подлый рабъ, и отвѣчай мнѣ!

Дворецкій (не поднимаясь). Въ какомъ прикажешь, государь-князь!

Князь Платонъ (помолчавъ и подумавъ). Зналъ ли ты о любовной связи жены моей съ офицеромъ Рыковымъ?

Дворецкій. Нѣтъ, государь-князь! Рабъ вашъ смѣетъ ли думать то о госпожѣ своей!

Князь Платонъ. Подолгу ли онъ въ мое отсутствіе пребывалъ здѣсь?

Дворецкій. Дня по два, по три гостилъ.

Князь Платонъ. Отчего же ты не докладывалъ мнѣ объ томъ по моемъ возвращеніи?

Дворецкій. Государь-князь, какъ приказъ отъ тебя былъ: «чиновный или не чиновный, но ежели дворянинъ, такъ чтобы пріемъ былъ!»—такъ мы его и принимали, не думая прогнѣвить твою милость!

Князь Платонъ. Почему ты въ письмѣ жены моей названъ слугою вѣрнымъ?

Дворецкій. Государь-князь, какъ я служилъ тебѣ, такъ супругѣ твоей и всему роду твоему одинаково.

Князь Платонъ (обращаясь къ шуту). Чего онъ достоинъ?

Кадушкинъ. На посеенье его, васе сіясество, подъеца!

Князь Платонъ (обращаясь къ управителю). Со всѣмъ се-

мействомъ свести въ городъ и сослать на поселенье. (Толкая дворецкаго ногою въ лицо) Пошелъ!

Дворецкій (поднимаясь). Твоя воля, государь-князь!

Князь Платонъ (Ульяшѣ). Будешь ли ты все говорить?

Ульяша. Буду, ваше сіятельство!

Князь Платонъ. Ты носила письма къ Рыкову отъ жены моей?

Ульяша. Я-съ!

Князь Платонъ. Когда снесла первое письмо?

Ульяша. Давно-съ. Года ужъ два.

Князь Платонъ. Кто тебя послалъ съ нимъ?

Ульяша. Сама княгиня-съ... «Поди, говоритъ, снеси отъ меня къ Рыкову писулечку!» Я говорю:—«Сударыня-княгиня, ну какъ князь сповѣдуетъ это?»—«Ничего, говоритъ, тебѣ же хуже будетъ, коли ты мнѣ этимъ не угодишь». Я и понесла.

Князь Платонъ. А братъ твой носилъ?

Ульяша. Братецъ только разъ, какъ его къ князю Сергѣю Ларіоновичу послали; я тоже черезъ рѣку ходить все боялась. «Снеси, говорю, письмецо!»—онъ и взялся.

Князь Платонъ. Не приводила ли ты когда-нибудь къ княгинѣ любовника ея ночью?

Ульяша. Нѣтъ-съ.

Князь Платонъ. Гдѣ жъ и когда они имѣли любовныя свиданья? Отвѣчай мнѣ все—или сейчасъ же на дыбу отдамъ.

Ульяша (поблѣднѣвъ, задрожавъ и прерывающимся голосомъ). Ваше сіятельство... только и есть... Когда Дмитрій Яковлевичъ у насъ ночевали-съ... на другой день дѣвушки станутъ убирать его комнату, и точно, что шпильки княгини тутъ находили... особенныя у нихъ, аглицкія... принесутъ мнѣ и смѣются: «Что это, говорятъ, гдѣ ужъ вы шпильки ваши теряете».

Князь Платонъ (сухимъ голосомъ). Отъ чувства и страсти ихъ раскидывала и растеривала...

Ульяша. Да-съ!

Князь Платонъ. Есть у тебя отецъ и мать?

Ульяша. Есть маменька и папенька, въ садовникахъ въ Гурынѣ.

Князь Платонъ (къ шуту). Назначьте ей наказанье.

Кадушкинъ. И ее на поселенье, мейзавку!.. Дуя экая, смѣя байскія шпійки теять!

Князь Платонъ (управителю). И эту всю семью на поселенье! Рыкова сюда! (Управитель уводитъ Ульяшу и дворецкаго).

Князь Сергѣй (обращаясь къ брату). Вы и г-на Рыкова отдадите суду вашего шута?

Князь Платонъ (страннымъ голосомъ). Г-нъ Рыковъ, можетъ, ужъ не г-нъ Рыковъ. Вы въ дѣтствѣ, вѣроятно, слыхали сказки о чародѣѣ, который обращалъ людей въ волковъ, въ медвѣдей!.. (Встаетъ со стула, отходитъ на другую сторону сцены и все время стоитъ, обернувшись лицомъ къ публикѣ).

Князь Платонъ (обращаясь къ шуту). Сейчасъ приведутъ злѣйшаго моего врага: его надобно будетъ наказать строго.

Кадушкинъ. Я ему дамъ, подъѣду, хошенько его—пьяво!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вводятъ Рыкова, зашитаго въ медвѣжью шкуру: ноги и руки его скованы, и на лицо, тоже зашитое въ медвѣжью шкуру, но только съ прорѣзанными глазами и ртомъ, надѣтъ, какъ у медвѣдя, недоуздокъ, и отъ него идетъ цѣпь. Его вводитъ медвѣжій вожакъ съ дубиною въ рукѣ.

Князь Платонъ (встаетъ и кланяясь въ поясъ Рыкову). Здравствуйте, *молодой Михайла Ивановичъ*! Ну, какъ вамъ нравится быть въ моей шкурѣ, въ которую вы прозвищемъ вашимъ одѣли меня: вѣдь нехорошо, жутко?

Рыковъ (со скрежетомъ зубовъ). Не надругательства твои мучатъ меня, а то, что я не могу ничѣмъ тебѣ отомстить за нихъ!

Князь Платонъ (обращаясь къ шуту). Когда молодой медвѣжонокъ сердится, что съ нимъ дѣлаютъ?

Кадушкинъ. Пайками его бьютъ, вото-сто.

Князь Платонъ (Рыкову). Слышите, палками велитъ бить! Рыковъ. Подлецъ!

Князь Платонъ (бѣшенымъ, но сдержаннымъ голосомъ). Возвращаю тебѣ это сторицею, не мнѣ оно принадлежитъ, а тебѣ. Я не вкрадывался въ чужой домъ и не соблазнялъ чужихъ женъ! (Обращаясь къ шуту) Отъ обязанности судьи мы васъ избавляемъ; извольте явиться къ намъ въ качествѣ горничной княгини, будьте одѣты прилично и приведите сюда самое княгиню.

Кадушкинъ. Сисасъ, васе сіясество! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ шута.

Князь Сергѣй (обращаясь къ брату). Г-нъ Рыковъ—офицеръ, а люди нашего ранга въ подобныхъ случаяхъ стрѣляются, а не надругаются другъ надъ другомъ чрезъ своихъ лакеевъ.

Князь Платонъ. Что стрѣляться?.. Потѣшиться одну минуту; а они со мной сдѣлали то, что я во всю жизнь не буду ничѣмъ радоваться.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шутъ, одѣтый въ женское платье, вводитъ княгиню; лицо у ней заплакано, коса распущена. Отворотившись и съ омерзѣніемъ она опирается на руку шута.

Князь Платонъ. Кресло княгинѣ скорѣй!

(Князь Сергѣй, съ тоской и досадой въ лицѣ, торопливо подвигаетъ ей кресло).

Князь Платонъ (княгинѣ, показывая на Рыкова). Я хочу вамъ представить вашего стараго знакомаго, только въ новой шкурѣ... Какъ вамъ нравится: къ лучшему или худшему онъ измѣнился?

Княгиня (кидая Рыкову нѣжный взглядъ). Простите меня, Бога ради, Дмитрій Яковлевичъ, что вамъ изъ-за меня дѣлаютъ такія оскорбленія!

Князь Платонъ. Паче всего ей жаль его!.. Вамъ, можетъ, даже поцѣловать его желательно... Извольте, не только разрѣшаю это, но даже и приказываю: я хочу видѣть, такъ ли же вы цѣлуете *молодого медвѣдя*, какъ цѣловали прежде *стараго!* (Княгиня и Рыковъ отворачиваются другъ отъ друга). Я васъ подвергну пыткѣ, если вы не поцѣлуете его. (Рыкову) Я ее подвергну пыткѣ,—цѣлуйте ее скорѣй!

Рыковъ. Чтобы спасти несчастную, я готовъ все сдѣлать! (Подходитъ и цѣлуетъ княгиню).

Княгиня. Хоть бы вы передъ людьми вашими постыдились срамить такъ меня. Если не боитесь суда человѣческаго, то есть судъ Божій!

Князь Платонъ. И вообразите, княгиня, судъ Божій также существуетъ для меня, для васъ, для этого малаго, для братца моего, и еще неизвѣстно, кто будетъ на немъ правѣе. Если я всегда ненавистенъ вамъ былъ, зачѣмъ же вы выходили за меня замужъ?

Княгиня. Не тридцати лѣтъ шла за васъ,— что понимала?.. А промежъ тѣмъ отецъ хотѣлъ косу мнѣ обрѣзать, въ паневу одѣть, если не пойду за васъ...

Князь Платонъ. Жестокій родитель!.. Я всегда разумѣлъ его канальей. Вы не обижались этимъ, говорили, что я изъ гордости не велю его пускать къ себѣ въ домъ; но, положимъ, то родитель; зачѣмъ же вы сами, не дальше, какъ вчера, притворялись женой вѣрной мнѣ и нѣжной?

Княгиня. Жизнь всякому дорога: покажи разъ вамъ нелюбовь, такъ давно бы сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ очутилась теперь.

Князь Платонъ. Отчего же вы по-нынѣшнему, по-модному, не убѣжали отъ меня съ вашимъ любовникомъ?

Княгиня. Убѣжала бы, какъ бы грошъ свой какой былъ.

Князь Платонъ. Изъ-за грошей только не убѣгала?.. Не безчестная ли вы послѣ того женщина? На мое богатство вы хотѣли жить въ довольствѣ, въ почестяхъ, носить мое княжеское имя и единовременно съ тѣмъ, надругаючись и надсмѣхаючись надъ моими сѣдинами, потѣшаться съ вашимъ любовникомъ... (Обращаясь къ брату и показывая на Рыкова) По французскимъ законамъ, я могу убить его, какъ собаку, безнаказанно; а по аглицкимъ ее (показывая на жену) продать на площади; у насъ только нѣтъ ничего противъ этого; но я самъ себѣ напишу законы. (Къ женѣ) Изготовили ли вы письмо, которое я вамъ приказалъ?

Княгиня. Написала.

Кадушкинъ (подавая письмо князю). Вонъ онототко-сь.

Князь Платонъ (беря письмо и пробѣгая его). «Милостивый государь, князь Платонъ Ларіоновичъ! Увѣдомляю васъ, что сего числа бѣжала я отъ васъ съ гатчинскимъ офицеромъ Рыковымъ и никогда не имѣю намѣренія прибыть къ вамъ обратно». (Обращаясь къ брату) Вотъ вы укоряли меня въ неблагоразуміи, а посмотрите, какъ я остороженъ: письмо это я буду показывать всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, буду печаловаться и жаловаться, что меня, бѣднаго, жена бросила; а межъ тѣмъ они будутъ сидѣть тутъ, на вѣки вѣченскіе заключенные; потомъ я еще женюсь на другой, молодой, и надъ ихъ головами буду веселиться, пиры и банкеты задавать, а они будутъ стенать въ подземельѣ,—какъ вамъ нравится мой планъ, а?

(Князь Сергѣй ничего не отвѣчаетъ брату и еще болѣе отворачивается отъ него).

Рыковъ. Вы выжили, генералъ, изъ ума: неужели вы думаете спрятать насъ? Что княгиня не бѣжала, знаетъ про то родитель ея, а за меня заступится мой государь! Вспомните ваше званіе и не безчинствуйте!

Князь Платонъ. Воробью съ орлами не летать, прапорщику генерала не учить! (Вожаку) Веди его на прежнее мѣсто! (Вожакъ ведетъ).

Рыковъ (слѣдуя за нимъ). Не княжеская у тебя душа, а звѣря дикаго!

Князь Платонъ (шуту). Веди и ты госпожу свою!

Княгиня (вставая). Бываютъ злодѣи, но все не такіе, какъ вы!

Князь Платонъ. Я былъ злодѣемъ для васъ, когда не надохнулъ на васъ, какъ на собственную свою душу!

Кадушкинъ (княгинѣ). Пойдемте-съ!

Княгиня (хватая себя за голову). Бѣдная, бѣдная я!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Платонъ и князь Сергѣй.

Князь Платонъ. Ну-съ, братецъ любезный, теперь съ вами счеты! Въ тотъ вечеръ, какъ я уѣхалъ и вы бесѣдовали съ супругою моею, я сидѣлъ рядомъ тутъ въ комнатѣ и все слышалъ.

Князь Сергѣй (измѣнившись въ лицѣ). Что жъ тутъ было слышать такого особеннаго?

Князь Платонъ. Тутъ было слышать то, что вы соблазняли жену мою и за то обѣщали быть медіаторомъ ея съ другимъ.

Князь Сергѣй. Вамъ, вѣроятно, послышалось это по вашей ревности. Если я что-нибудь подобное и говорилъ, такъ это былъ одинъ свѣтскій дискуръ, который я веду со всѣми женщинами и за который ни передъ кѣмъ не считаю себя отвѣтственнымъ!

Князь Платонъ. Какъ! Ты не отвѣтственъ передъ мужемъ, думая соблазнять его жену и медіаторствовать другому, не отвѣтственъ передъ братомъ, который открывалъ тебѣ всю душу свою? Всѣ могли меня обмануть, но не ты, мерзавецъ, ибо я тебя никогда ни въ чемъ не подозрѣвалъ.

Князь Сергѣй. Если вы вашими ругательствами и насиліемъ коснетесь хоть волоса моего, то, по моему положенію въ свѣтѣ...

Князь Платонъ. Не защититъ тебя отъ меня никакое положеніе твое... Я бы сейчасъ велѣлъ тебя колесовать, если бы не щадилъ въ тебѣ крови отца. (Беретъ со стола двѣ шпаги и одну изъ нихъ кидаетъ брату). На, защищайся, подлый трусъ, если въ тебѣ хоть капля чести осталась!

Князь Сергѣй. Волею государя моего и вашего дуэли запрещены: намъ обоимъ угрожаетъ за то каторга.

Князь Платонъ. Прежде чѣмъ ты попадешь на каторгу, я распорю тебѣ животъ и всѣ кишки твои вымотаю тебѣ на шею! (Бросается на брата со шпагою).

Князь Сергѣй. Я васъ слабѣе и навѣрное долженъ быть жертвою!.. (Почти нарочно натыкается плечомъ на шпагу и падаетъ). Я раненъ, я умираю!

Князь Платонъ (людямъ). Вытащите его и бросьте въ экипажъ; пусть ѣдетъ, куда хочетъ!

(Люди поднимаютъ князя Сергѣя и уносятъ его).

Князь Платонъ (одинъ, опуская въ землю голову и руки). Будетъ! Комедія кончена! Маска снята; месть насыщена, но душа моя болитъ еще сильнѣе; горе имъ, но горе и мнѣ... (Склоняетъ голову).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Темная аллея стариннаго барскаго сада. На одной сторонѣ видна часть каменнаго дома, на другой заборъ сада, а черезъ него въ аллею прорѣзываются лучи низко спустившагося солнца. На самой аллеѣ лежатъ бревна, приготовленныя для постройки скамеекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Филька, со всклоченными волосами, въ рубахѣ и лаптяхъ, обчищаетъ кусты, растущіе около наземныхъ, съ желѣзными рѣшетками, оконъ дома. Митричъ, въ худенькой суконной куртκѣ, со стриженой головой и бритой бородой, въ дырявыхъ чулкахъ, въ худыхъ башмакахъ, стоитъ, опершись на метлу.

Митричъ. Не хаживалъ онъ тутъ, паря, николи!.. Я вотъ ужъ годовъ двадцать при садѣ, не помню того; а тутъ вотъ лавочку и столикъ велѣлъ себѣ устроить... Управитель прибѣжалъ ко мнѣ: «Подметите, говоритъ, и подстригите хорошенько въ саду!..»

Филька (сдѣлавъ усиліе надъ своимъ мозгомъ). Подметемъ! Намъ что велятъ, то и дѣлаемъ.

Митричъ (видимо довольный этимъ отвѣтомъ). Такъ! Такъ!.. Господа, что сами хотятъ, дѣлаютъ, а намъ, что велятъ, дѣлаемъ... Теперь взять — мельникъ и мельница... Мельникъ пуститъ мельницу, и мелетъ она сколько только душѣ его угодно, безъ остановки; а мельница мельнику не можетъ приказать того: заперъ онъ ее, гуляетъ, пьянствуетъ, — мельница стой, молчи. То и мы: господа — мельникъ, а мы — мельница.

Филька (совсѣмъ не понявъ Митрича). У насъ нынѣ, дядя, очень мало мельница вымалываетъ, все плотину прорываетъ!

Митричъ (нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ). Мельникъ пустой человѣкъ, такъ и быть тому надо!.. Обирай почище около оконъ!..

Филька (обирая и прикладывая ухо къ стѣнѣ). Никого что-то не чуть тутъ!

Митричъ. Тутъ не тутъ, а есть съ пудъ, какъ говорятъ про брюхатыхъ бабъ.

Филька (обращая глупое лицо свое къ Митричу и улыбаясь, по обыкновенію, всѣмъ ртомъ). Дядя!.. Тутъ, говоритъ, княгиня посажена.

Митричъ. Тише, молчокъ!.. Вытянутъ тѣ языкъ-то!.. Подь сюда!..

(Филька подходитъ).

Митричъ (кладя ему руку на плечо и почти шопотомъ). А болтовни, братецъ, Боже ты мой, сколько насчетъ этого идетъ.

(Филька глупо усмѣхается).

Митричъ (продолжаетъ тѣмъ же полушопотомъ). Ѣхалъ я это изъ Еремина, нагоняетъ меня нашъ священникъ. «Митричъ, говоритъ, пересядь ко мнѣ, поговоримъ!» Сѣлъ я къ нему. «А что, говоритъ, правда ли, что у васъ княгиня въ тюрьму посажена?» Я говорю: «Какъ, говорю, ваше священство, вы, по вашему сану, такія слова говорите?.. Я, говорю, сейчасъ князю донесу о томъ!..» Батюшки! Какъ онъ тутъ началъ: «Митричъ, говоритъ, сдѣлай милость, братецъ, не сказывай!» Завозитъ меня опосля того къ себѣ въ гости, водкой, ратафіемъ угощаетъ, студнемъ накормилъ, попадью съ мягкой постели согналъ и меня на мѣсто ея положилъ: «На, Митричъ, нѣжься, только не сказывай», а на другой день поѣхалъ я отъ него, два рубля деньгами подарилъ.

Филька (что-то такое сообразивъ). Угостилъ онъ тебя!

Митричъ. Лихо... Это все теперь по барину нашему почетъ намъ такой. Князь нашъ по государѣ второй человѣкъ въ Россіи; по его высокой и великой милости намъ никто ничего не можетъ сдѣлать. Теперь рыковскіе сколько тоже много за барина своего зарятся на насъ, — вотъ имъ всѣмъ! (Показывая кулакъ). Опомнясь на торгу въ Горкахъ тоже вышито было ловко!.. Мнѣ вѣдь вездѣ угощенье. «Митричъ, Митричъ, пожалуйте, откушайте!» Только раскланивайся.. Наперло на меня рыковскихъ человѣкъ сорокъ. «Бей, говорю, только другъ дружкѣ не мѣшай!» И взялъ одного молодого парня, да какъ свисну его подъ микитки; смотрю, завертѣлся кубаремъ, упалъ на землю и духъ изъ себя испустилъ. «Ахъ, думаю, бѣда!» Сейчасъ верхомъ на своего коня и къ князю: «Такъ и такъ, молъ, говорю, повинную несу!»—«Ты это, говоритъ, мнѣ служилъ, ничего за то не будетъ! На записку моей руки!» Такъ, паря, и проѣхало мимо!

Филька. Умеръ парень-то?

Митричъ. Нѣтъ, чортъ его дери, отдышался... Побогатырствовалъ я, паря, тоже на своемъ вѣку — довольно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и управитель, а за нимъ идетъ подьячій, въ засаленныхъ брюкахъ, въ дырявыхъ чулкахъ, въ худомъ камзолѣ и кафтанѣ и вытертомъ рыжемъ парикѣ.

Подьячій (оглядываясь кругомъ и махая на себя худымъ носовымъ платкомъ). Какой здѣсь воздухъ свободный и мѣста восхитительныя!

Митричъ (не выдержавъ, чтобы не говорить). Мѣста здѣсь привольныя, легкія!

Управитель (осматривая аллею). Все вы пообчистили тутъ?

Филька. Все-то-тко-съ!

Митричъ (съ гордостью). Больше сдѣлали, чѣмъ сказано было-съ! (Раскрывая тавлинку и подавая подьячему) Смѣю просить объ одолженіи!

Подьячій. Пріемлю! (Нюхаетъ табакъ и отщелкиваетъ пальцами). Сами стираете?

Митричъ. Самъ-съ! И ужъ безъ золы-съ, сумлѣнія не имѣйте, — терпѣть всегда не могъ этого!

Управитель (Митричу). Поди-ка, старикъ, съѣзди на Бирючую отмель. Княжна пріѣхала, скоромнаго не кушаетъ, а у насъ щеки свѣжей рыбы нѣтъ; купи стерлядей, а паче ершей и налимовъ... Поваренки-подлецы довели до чего: что князь ничего теперь не кушаетъ, такъ ничего при домѣ и держать не надо!

Митричъ. Теперь дѣло къ ночи, Николай Макарычъ, вся ваша воля: ѣхать опасно!.. На Волгѣ баловство идетъ несосвѣтимое!

Подьячій. Рапортъ есть отъ водяной коммуникаціи поручика, — разбои сильные происходятъ.

Управитель (Митричу). Такъ что же, и сидѣть все такъ дома, не ѣздить никуды?..

Митричъ. Да помилуйте, за что же я-то несчастнѣе всѣхъ?.. (Таинственнымъ голосомъ) Вонъ Семена Гаврилыча Бахирева управитель Грузинки, барское помѣстье, продалъ, деньги-то господамъ повезъ, ни много ни мало, двадцать тысячъ: на Тарутинскомъ мосту остановили, самого избили, деньги похитили, лошадь угнали, а господа думаютъ, что онъ капиталъ этотъ весь у себя утаилъ, — наказываютъ его, и погибай, выходитъ, человѣкъ!

Управитель. Да ты, старый чортъ, съ деньгами, что ли, поѣдешь?.. Много, что рыбу у тебя отнимутъ, а тебя, если и схватятъ, такъ на другой же день отпустятъ назадъ,—не надобенъ никому.

Митричъ (обидясь). Что жъ, вѣдь это про кажиннаго человѣка, пожалуй, то же самое можно сказать!

Управитель. Про кажиннаго не- про кажиннаго, а ты, старикъ, разсуди то: не молокососовъ же мнѣ посылать... а ты человѣкъ умный, толкъ въ рыбѣ знаешь... Дворецкаго теперь на поселенье услали, на кого жъ мнѣ надѣяться?

Митричъ (самодовольно). Толкъ мы въ рыбѣ знаемъ почище вашихъ дворецкихъ.

Управитель. То-то и есть... Князь теперь узнаетъ и дворецкимъ, можетъ, тебя сдѣлаетъ за то!.. Вонъ возьми Фильку съ собой для безопасности, и поѣзжайте съ Богомъ.

Митричъ (Филькѣ). Поѣдемъ, Филя!.. Жили, видно, при господахъ и умирать за нихъ надо!

Управитель. Не ропщи, старикъ, не ропщи!

Митричъ (укоризненнымъ голосомъ). Да я и не ропщу! Докладовъ только объ насъ что-то мало господамъ бываетъ! Зависть все въ человѣкахъ-то живетъ... (Уходитъ съ Филькой).

ЯВЛЕНІЕ III.

Управитель и подьячій.

Подьячій (почти со слезами въ голосѣ). Осмѣлюсь вамъ доложить, — всѣ жилы живота моего подвело: алчу и жажду коликій ужъ день!

Управитель. Погодите маленько!.. Сейчасъ выйдутъ князь сюда, — вы имъ доложите, а потомъ я васъ поведу къ себѣ: водочкой и пирожкомъ угощу, бараниики жареной дамъ.

Подьячій (голосомъ, исполненнымъ чувства). Всепокорнѣйше васъ благодарю. Очень нынѣ намъ по округѣ пріемъ скуденъ сталъ... Квасъ выпускаютъ, молоко разливаютъ по другимъ селеніямъ, въ кои пріѣдемъ мы; мимо винокурни ѣдемъ, хоть бы стаканчикъ гдѣ плеснули.

Управитель. За что вамъ угощенье дѣлать?.. Какая польза отъ васъ?

Подьячій. Какъ же, помилуйте, служба-съ!.. Порядокъ содержимъ... Князь идетъ, — умолкаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вдали аллеи показывается князь Платонъ, очень печальный и похудѣвшій, съ нимъ идетъ княжна Наталья, напудренная, въ мушкахъ, въ фижмахъ. Карлица несетъ за нею шлейфъ ея. Управитель и подьячій почтительно склоняютъ передъ ними головы.

Княжна (привѣтливо кивая головой управителю). Здравствуйте, Макарычъ!

Управитель. Честь имѣю съ пріѣздомъ поздравить, ваше

сіятельство!.. (Къ князю, показывая на подьячаго) Приказный отъ г-на капитанъ-исправника прибылъ.

Князь Платонъ (не поднимая глазъ на подьячаго). Что тебѣ надобно?

Подьячій (склоняя голову и прижимая треугольную шляпу къ животу). Господинъ капитанъ-исправникъ проситъ позволенія явиться передъ свѣтлые взоры вашего сіятельства, понеже данъ ему указъ изъ земскаго суда по челобитной портупей-прапорщика Дѣвочкина.

Князь Платонъ (еще болѣе нахмуриваясь и мрачно взглядывая на подьячаго). Ты самъ кто такой?

Подьячій (потупляя глаза). Подьячій, ваше сіятельство.

Князь Платонъ (строго). Зачѣмъ же капитанъ-исправникъ, какъ гончую собаку, засылаетъ тебя допрежде себя?

Подьячій (вытянувшись). Ихъ высокородіе по письменной части очень слабы, мыслей своихъ съ ясностью на перо изливать не могутъ, а также насчетъ подводки законовъ, и приказываютъ, чтобы я былъ при нихъ.

Князь Платонъ. Гдѣ же теперича самъ капитанъ-исправникъ?

Подьячій. Въ полверстѣ, ваше сіятельство, въ Марьинѣ, чинитъ извѣтъ по рапорту водяной коммуникаціи поручика о разбояхъ.

Князь Платонъ. Пошелъ, скажи, что можетъ пріѣхать.

Подьячій. Еще проситъ ихъ высокородіе объ милостивомъ одолженіи: супруга ихъ на коняхъ ихнихъ уѣхала на богомолье, они поѣхали въ округу на обывательскихъ; и просятъ, нельзя ли имъ хоть какую ни на есть подводу пожаловать — прибыть сюда и доѣхать обратно до града.

Князь Платонъ (потеревъ себѣ лобъ, управителю). Вели заложить мою крашеную сибирскую кибитку, запрячь тройку вятокъ, надѣть бляшную сбрую; Петру велѣть одѣться въ нарядную кучерскую одежду и ѣхать за исправникомъ... (Показывая на подьячаго) А этому дай рубль деньгами. Отправляйтесь.

Подьячій. Земно кланяюсь и благодарю, ваше сіятельство...

(Раскланивается; сопровождаемый управителемъ, уходитъ на цыпочкахъ изъ саду).

ЯВЛЕНІЕ V.

Княжна (карлицѣ). Ну, теперь можешь и ты итти отдохнуть.

Карлица. Слушаю, княжна-матушка!.. (Присѣдаетъ госпожѣ и уходитъ).

Княжна. Я нарочно, мой другъ, услала ее, чтобы еще по-

говорить съ тобою наединѣ. Какъ я предсказывала, такъ и случилось: исправникъ ѣдетъ по тому же дѣлу.

Князь Платонъ. Коли будетъ уменъ, такъ подарокъ сдѣлаю; а нѣтъ, такъ велю нагайками прогнать.

Княжна. Ахъ, мой другъ, не совѣтовала бы я тебѣ это дѣлать; при нынѣшнемъ государѣ просто опасно, — такія строгости пошли, что уму невообразимо. Братъ Сергѣй пріѣхалъ ко мнѣ, совершенно растерянный: «Братъ теперь, говоритъ, на службу не ѣдетъ, меня ранилъ...»

Князь Платонъ (перебивая сестру). Онъ меня самъ ранилъ поопаснѣе; моя царапина скоро у него пройдетъ, а рана, что онъ мнѣ нанесъ, у меня неизлѣчима.

Княжна. Слышала я это, другъ мой, онъ мнѣ разсказывалъ все; но смѣю тебя увѣрить, что это былъ одинъ только свѣтскій, придворный дискуръ... Я сама была фрейлиной при дворѣ покойной императрицы... Конечно, благодарю Бога, что родилась отъ благочестивыхъ родителей и сама всегда имѣла твердую мораль; но куртизановъ имѣла сотни около себя: точно бабочки на огонь летятъ къ тебѣ, и какъ бы соловьиные голоса окружаютъ тебя отовсюду и напѣваютъ тебѣ свои пѣсенки. — что жъ изъ того?

Князь Платонъ. То, что христіанину и неразвратнику жить становится невмоготу посреди васъ, развратниковъ.

Княжна. Только братъ не таковъ — извини меня!.. И онъ тебя истинно любитъ и уважаетъ. Намѣстникъ при мнѣ къ нему пріѣзжалъ и прямо спрашиваетъ: «Что такое у князя Платона Платоныча происходитъ?» Сергѣй юлилъ-юлилъ предъ нимъ, а потомъ тотъ уѣзжаетъ, онъ мнѣ и говоритъ: «Сестрица, вы видите, я не знаю, своимъ вліяніемъ успѣю ли отстранить, что брату, можетъ-быть, угрожаетъ!»

Князь Платонъ. Ну, ужъ я лучше самъ какъ-нибудь себя оберегу, и вообще я, какъ старшій братъ, приказываю тебѣ даже имени этого негодяя не произносить въ моемъ домѣ.

Княжна. Ты это, мой другъ, говоришь теперь въ твоемъ встревоженномъ состояніи, но надобно же думать, что и дальше будетъ... должно же тебѣ съ этой мерзкой бабенкой и съ полюбовникомъ ея сдѣлать что-нибудь: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ихъ держать, какъ арестантовъ, взапертѣ.

Князь Платонъ (устремляя на сестру пристальный взглядъ). А что бы я, по-твоему, долженъ былъ съ ними сдѣлать?

Княжна. Во-первыхъ: явись прямо къ государю, проси развода, тебѣ сейчасъ же дадутъ его: а потомъ можешь жениться: не бойся своихъ шестидесяти лѣтъ, найдутся невѣсты тебѣ.

Князь Платонъ. Такъ... совѣтъ хорошъ... А понимаешь ли ты, что эта *скверная*, какъ ты называешь, *бабенка* стала мнѣ милѣе во сто кратъ, чѣмъ когда-либо была. Я думалъ, что злобы противъ нея у меня хватитъ на цѣлый вѣкъ, а ея едва достало на два дня. Въ бояхъ при мнѣ младенцевъ на штыки поднимали, женщинъ убивали, цѣлые города держалъ я въ осадномъ положеніи и морилъ городъ голодомъ, — душа моя жалости не знала; а ее вотъ посадилъ въ склепъ и, какъ цѣпная собака, хожу все тутъ кругомъ: каждый кусокъ, который несутъ къ ней, я все осмотрю и оглядываю, хорошъ ли и вкусенъ ли; если послышу ея стонъ или вздохъ, такъ легче бы мнѣ было, если бы каленое желѣзо вонзили мнѣ въ сердце и ворочали имъ тамъ, — понимаешь ли ты это, глупая, безчувственная!.. (Отворачивается отъ сестры, закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Княжна. Мало, что понимаю, но предсказывала это: ты мужчина съ твердымъ характеромъ, но добръ, какъ ангелъ. Я даже брату Сергѣю говорила: «онъ ее проститъ и будетъ опять съ ней жить!»

Князь Платонъ. Нѣтъ, я ея не прощу и жить съ нею не буду: пока она у меня на глазахъ, я ее стану попрекать на каждомъ шагу и буду ревновать ее къ каждому человѣку, къ каждому лакею моему.

Княжна. Въ такомъ случаѣ отпусти ее лучше отъ себя!

Князь Платонъ. Чтобы она ушла къ Рыкову? Нѣтъ ужъ, мнѣ легче ее мертвой видѣть!.. (Подумавъ довольно продолжительное время) Одно, мнѣ казалось, лучше бы всего было—это какъ у прежнихъ царей было: когда Господь не благословлялъ ихъ счастьемъ въ бракѣ, супруги ихъ удалялись въ монастырь и обрекали себя монашеству... пусть и она поступитъ въ какую-нибудь женскую обитель и пострижется тамъ. Позволеніе на это я ей выхлопочу... Самому мнѣ съ ней видѣться и говорить объ этомъ тяжело, да я и не могу... Поди, сходи, спроси ее, согласна ли она это сдѣлать?

Княжна. Изволь, мой другъ, я рада хоть чѣмъ-нибудь тебѣ быть полезной... Вели только проводить меня къ ней кому-нибудь: я трусиха большая.

Князь Платонъ (свиститъ и кричитъ). Кадушкинъ!

(Кадушкинъ является).

Князь Платонъ. Проводи сестру къ княгинѣ.

Кадушкинъ. Пойдемте, матуска-баисня!.. (Ведетъ ее подъ руку и неторопливо уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Платонъ (одинъ). А можетъ-быть, Настя скажетъ: «пусть бы онъ простилъ меня, я поцѣнила бы это, а Рыкова и видѣть не хочу»; можетъ-быть, она скажетъ то... (Смѣется и плачетъ въ одно и то же время). И я ее прощу!.. непремѣнно!.. Царь и Владыка всѣхъ милостей для людей, дай мнѣ сію свѣтлую радость!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Изъ глубины сада выходитъ КАПИТАНЪ-ИСПРАВНИКЪ.

Капитанъ-исправникъ. Честь имѣю представиться вашему сіятельству.

Князь Платонъ. О, дуракъ!.. (Совладѣвъ съ собой и обращаясь къ исправнику) По какому дѣлу вамъ надо было видѣть меня?

Исправникъ (прижимая руки по швамъ). Дворянинъ Дѣвочкинъ, явясь въ земскій судъ, заявилъ, аки бы дочь его, состоящая въ супружествѣ съ вами, заключена вами въ тюрьму.

Князь Платонъ. Дочь его не заключена мною въ тюрьму, а сама сбѣжала отъ меня, вотъ ея письмо... (Подаетъ письмо).

Исправникъ (не читая его, кладетъ въ карманъ и опять продолжаетъ, держа руки по швамъ). Господинъ Дѣвочкинъ требуетъ сдѣлать обыскъ въ усадьбѣ вашей. Я говорю: «Какъ же, говорю, мнѣ въ княжескомъ домѣ дѣлать обыскъ, что вы», говорю... Онъ выругался, знаете, по-своему, по-мужицки, и передавать-то даже его слова неприлично...

Князь Платонъ (вдругъ перебивая его). Скажите, вамъ нравится мой экипажъ и лошади, на которыхъ вы пріѣхали сюда?

Исправникъ. Какъ птица, ваше сіятельство, прилетѣлъ!

Князь Платонъ. Ну, такъ садитесь опять въ этотъ экипажъ и поѣзжайте домой... лошади, кучеръ и кибитка—все ваше.

Исправникъ. Ваше сіятельство, достоинъ ли я принять такія благодѣянія!..

Князь Платонъ. Уѣзжайте скорѣе, мнѣ некогда!..

Исправникъ. Еще насчетъ подлеца этого, Дѣвочкина, осмѣливаюсь доложить... Слухи есть, что онъ стакнулся съ волжскими грабителями: «Я, говоритъ, съ ними побываю въ гостяхъ у моего зятька!»

Князь Платонъ. Можетъ побывать у меня съ кѣмъ ему угодно: у меня охотники всегда готовы. Отправляйтесь!

Исправникъ (раскланиваясь). Я вамъ, ваше сіятельство, всегда вашъ рабъ нижайшій былъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Платонъ (одинъ, нервнымъ голосомъ). Что это сестра такъ долго не идетъ,—толстая, неповоротливая дура?.. И что-то Настя скажетъ ей...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же и княжна, входитъ вся въ волненіи.

Княжна. Боже, какъ тамъ страшно, гадко: духота... сырость... мыши... я чуть не задохнулась!

Князь Платонъ (въ сторону). А Настя тамъ цѣлые дни и ночи. (Къ сестрѣ) Что же она тебѣ сказала?

Княжна. Охъ, дай собраться только съ духомъ... Она на все согласна и идетъ въ монастырь, и проситъ только за все это—сейчасъ же освободить Рыкова, который за нее страдаетъ.

Князь Платонъ (отступая отъ сестры). Освободить Рыкова... Зачѣмъ ты мнѣ это сказала... Она всей своей жизнью хочетъ освободить только Рыкова... Что ты со мной сдѣлала, безумная старуха!.. Слова твои зажгли во мнѣ опять прежній огонь; я ихъ опять буду пытать и мучить!..

Княжна. Что ты это?.. Не я безумная, а ты!

Князь Платонъ. Да, я безумецъ, но теперь ужъ вамъ меня не унять: плети и цѣпи сюда!..

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ жѳ, и вбѣгаютъ Митричъ и исправникъ.

Митричъ. Батюшка-князь, народъ какой-то съ пѣснями, съ гайканьемъ ѣдутъ къ усадьбѣ!

Исправникъ. Разбойники-съ это,—вѣрно!

Кадушкинъ (вбѣгая съ другой стороны). Разбойники, васе сіятельство, ѣдутъ!.. Ой, я боюсетка!

Князь Платонъ (бьетъ шута по лицу). Подлый трусъ, поблѣднѣлъ, какъ лягушка передъ морозомъ! Охотниковъ сюда, убью каждаго, кто хоть шагъ отступитъ назадъ!.. Всѣ за мной! (Выхватываетъ шпагу и проворно уходитъ изъ сада; шутъ убѣгаетъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Княжна, исправникъ и Митричъ.

Княжна (припрыгивая на одномъ мѣстѣ) Ай-ай, разбойники!

Исправникъ (стоя около нея и тоже подскакивая). Ничего, матушка-княжна, я самъ около васъ.

(На заборѣ сада показывается нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дѣвочкинъ, въ отставномъ военномъ мундирѣ нараспашку).

Дѣвочкинъ. Вотъ они гдѣ,—всѣ тутъ!

Княжна (отворачиваясь отъ него и опуская голову почти до земли). Самый главный атаманъ это и есть! (Убѣгаетъ).

Дѣвочкинъ (соскакивая съ забора и хватая исправника за шиворотъ). Гдѣ моя дочь?

Исправникъ. Я по вашему дѣлу здѣсь: надо-быть, гдѣ-нибудь тутъ. (Оглядывается).

Митричъ. Въ склепѣ, вотъ тутъ-съ, противъ этихъ оконъ.

Дѣвочкинъ (показывая мужикамъ на лежащія на дорожкѣ бревна). Выбивайте и выколачивайте бревнами эти окна!

(Мужики поднимаютъ и выколачиваютъ ими окна).

Голосъ княгини. Кто это тамъ?

Дѣвочкинъ. Я, моя милая!

Княгиня. Батюшка?

Дѣвочкинъ. Мы самые-съ!

Митричъ (показывая на другое окно). А здѣсь вонъ господинъ офицеръ посаженъ; вонъ они глядятъ.

Дѣвочкинъ. Выбивайте и это окно!

(Мужики выбиваютъ бревномъ и другое окно).

Рыковъ (выскакивая изъ окна). Это вы, Петръ Григорьичъ?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Управитель (вбѣгаетъ). Петръ Григорьевичъ, мужикъ, что съ вами пріѣхалъ, ранилъ очень князя, бросилъ въ него топоромъ; а другіе мужики побѣжали усадьбу поджигать.

Рыковъ. Какъ ранилъ князя и усадьбу поджигать? Этого нельзя! (Управителю). Пойдемъ со мной!

(Уходитъ проворно за управляющимъ).

Княгиня. Кто это князя ранилъ и усадьбу поджигаетъ?

Дѣвочкинъ. Ничего! это мои молодчики! Я овины имъ велѣлъ зажечь. Первѣй всего, чтобы очистить дорогу къ крѣпости, предмѣстье надо выжечь... Суворовская тактика!.. Пусть несутъ мнѣ ключи и знамена! Армеецъ сумѣетъ проучить гвардіянца, будьте покойны!

(Слышится шумъ, крикъ, и показывается пламя).

Дѣвочкинъ (слегка похлопывая въ ладоши). Ого, какъ заиграло... Браво! браво!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

(На другой день).

Гостиная въ домѣ князя Платона.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Рыковъ съ озабоченнымъ лицомъ и княгиня, вся въ слезахъ.

Княгиня. Что изъ-за меня мужу приключилось... Теперь глаза мнѣ никуда показать будетъ нельзя.

Рыковъ. Родителя вашего благодарите... Теперь я не знаю, что съ нимъ дѣлать: съ этой сволочью своей полонилъ всѣхъ людей, кого перевязали, кого сѣкутъ, порютъ, самъ онъ по усадьбѣ разгуливаетъ...

Княгиня. Но я-то, другъ мой, чѣмъ же виновата?.. (Протягиваетъ къ нему руку).

Рыковъ (отстраняя ея руку). Остерегитесь, люди сюда идутъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и дворецкій.

Княгиня (овладѣвъ собою). Ты отъ князя?

Дворецкій. Точно такъ-съ!

Рыковъ. Какимъ же образомъ тебя отпустили?

Дворецкій. Попервоначалу меня и Ульяшу губернаторъ изволилъ позвать къ себѣ. «Вотъ, говоритъ, вамъ царская милость: государь не велѣлъ васъ отправлять на поселенье. Отправляйтесь къ господамъ вашимъ, кланяйтесь имъ и скажите, что сегодня я самъ къ нимъ въ деревню пріѣду!»

Княгиня. Ты говорилъ объ этомъ князю?

Дворецкій. Докладывалъ-съ!

Княгиня. Не разсердился онъ?

Дворецкій. Лица ихъ я не имѣлъ счастья зрѣть,—за ширмами они изволятъ лежать,—а по голосу не слыхать того было... Приказали только, чтобы прислуга вся была въ мундирной формѣ и музыканты готовились.

(Рыковъ и княгиня переглядываются между собой въ удивленіи).

Рыковъ. Это что такое еще онъ затѣваетъ?.. (Къ княгинѣ) Сходите, узнайте.

Княгиня. Но зачѣмъ же это?

Рыковъ (сердито перебивая ее). Какъ зачѣмъ?.. Богъ знаетъ, какая баламутица происходитъ...

Княгиня. Мнѣ легче бы умереть, чѣмъ итти къ нему — вотъ каково мнѣ это.

Рыковъ. Бабья слабость, больше ничего.

Княгиня. Ну да, я знаю, что я глупая и слабая, но въ такой жизни, какъ моя, и мужчина потеряется... (Уходитъ неохотно).

Рыковъ (про себя). Такая каша заварилась, что приведи Богъ и расхлебать ее.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Дѣвочкинъ.

Дѣвочкинъ (дворецкому). Водочки, водочки, любезный, выдай.

Дворецкій. Сію секунду-съ! (Уходитъ).

Рыковъ (Дѣвочкину). Долго ли вы съ вашей сволочью тутъ останетесь?

Дѣвочкинъ. Да ничего, погостимъ еще... Что же вы такъ мало рады дорогимъ гостямъ?

Рыковъ. Дорогіе гости! Хоть бы вы то вспомнили, что вы, дворянинъ, пріѣхали къ своему брату, дворянину, съ мужиками и разбойниками.

Дѣвочкинъ. А какъ же мнѣ инако было къ моему высокочтимому зятюшкѣ? Онъ меня съ самой свадьбы дочкиной... тоже я тогда понапился немного... въ подворотню къ себѣ загляпуть не пущалъ; дуракомъ и пьяницей именовалъ меня на всѣ четыре стороны; я еще на прошлой баллотировкѣ хотѣлъ его за пивоворотокъ сгресть, дворянство наше заступилось за него и оттащило меня.

Рыковъ. Благородные люди, коли кѣмъ кто обиженъ, не за пивоворотокъ берутъ другъ друга, въ судахъ жалуются.

Дѣвочкинъ. Пробовалъ, жаловался, да что-то мало толку изъ того выходило, а посему самъ поймалъ, далъ въ рыло разъ-два, и дѣло съ концомъ...

Рыковъ. Дали въ рыло?! Вѣдь это не простой мужикъ, а князь... Его ранить, усадьбу разорять и выжечь! Сейчасъ губернаторъ пріѣдетъ сюда. Сколько за все это отвѣчать будете?

Дѣвочкинъ. Сколько? Нисколько! Я дочку освобождать пріѣхалъ... Шалишь, пара!.. Самъ государь прикажетъ мнѣ сдѣлать это; али теперь богатство зятя—тьфу мнѣ оно! Онъ, когда только еще предложенье Настенькѣ сдѣлалъ, раскошелился, жидоморъ такой: «На-те, говоритъ, вамъ сто душъ, собирайте, говоритъ, съ нихъ оброкъ и пользуйтесь!..»—«Не надо, говорю, силой—ограблю, а даромъ—не надо!»

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Ульяша.

Ульяша (обращаясь къ Рыкову). Княгиня васъ проситъ къ себѣ!

Рыковъ. Вышла она отъ князя?

Ульяша. Вышла-съ... (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дѣвочкинъ (одинъ, къ публикѣ). Я какъ понимаю, такъ Рыковъ отличный офицеръ, благородный!.. Сколько тоже князь ни наругался, онъ сейчасъ въ защиту ему пошелъ. «Мало ли, говоритъ, что промежъ господъ бываетъ, зачѣмъ мужиковъ мѣшать въ то!..» Благородно!.. (Лукавымъ голосомъ) Парень-то, что ранилъ князя, есауломъ у нихъ именуется... изъ-за хорошей пищи въ разбойники пошелъ... Бурлакомъ былъ и еще маленькимъ какъ-то изловчился, укралъ изъ-подъ рыла лошади овесъ, та и фыркни на него; съ тѣхъ поръ ненавѣда напала: что ни жретъ, нажраться не можетъ, и пошелъ на мірскіе хлѣбы... Подлецъ-исправникъ говоритъ: «Я, говоритъ, Петьку Дѣвочкина словлю, пошто онъ разбойникамъ пристанодержательствуетъ».—«Самъ, говорю, ты первый разбойникъ и міроѣдъ...» У меня въ указѣ объ отставкѣ сказано: «жить ему вольной волею, подать не платить къ службѣ не нудить»,—и живу, какъ хочу...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дѣвочкинъ и княжна, сопровождаемая карлицей.

Дѣвочкинъ (расшаркиваясь передъ ней). Фу, сватьюшка, какъ расфрантилась и расфуфырилась,

Княжна. Что ты, совсѣмъ, что ли, ужъ надъ нами изнаругаться хочешь?

Дѣвочкинъ. Не изнаругаться, сватьюшка; а я тоже, худъ ли, хорошъ ли, родитель есть! Мнѣ больно было за мое дѣтище... Пойду, думаю, выручу ее!.. Старый вѣдь рубака, сватьюшка, пѣхотинецъ, армеецъ, не больше-съ! Позвольте вашу драгоцѣнную ручку поцѣловать.

Княжна. Поди прочь отъ меня, недостойный человѣкъ. Не заступаться тебѣ надо бы за дочку-то, а хорошенько поучить ее, какъ надо съ мужемъ жить.

Дѣвочкинъ. Я ее, сватьюшка, и учу и браню; Богъ ее

теперь и наказуетъ за непочтеніе къ родителямъ... Я ужъ, сватьюшка, офицерикомъ къ покойной маменькѣ моей пріѣхалъ; слѣпенькая ужъ она была, съ клюкой ходила, да, что ли, какъ-то поутру къ ручкѣ къ ней подойти и забылъ... Она подкликнула меня къ себѣ: «Подь-ка, говоритъ, сюда, Петька!» И по спинѣ-то клюкой лущила-лущила меня! А я только кланяюсь ей: «Матушка, помилуй, родимая, прости!»

Княжна. И родители прежде не такіе были, не были у нихъ съ утра и до ночи глаза, налитые виномъ.

Дѣвочкинъ. Это я, сватьюшка, не запираюсь, пью, потому мнѣ нельзя, я раненъ. Мнѣ его высокопревосходительство, господинъ генералъ-штабсъ-докторъ при отставкѣ сказалъ: «Пейте, говоритъ, водку и табакъ курите! Табакъ, говоритъ, будетъ у васъ мокроту вытягивать, а водка силу давать».

Княжна. Дастъ она тебѣ силы, околѣешь гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Дѣвочкинъ. Никогда! Потому,—водка мнѣ не вредна; я все на воздухѣ и въ моціонѣ.

Княжна. Ну, прахъ тебя возьми, убирайся только отсюда поскорѣе... (Къ карлицѣ) Сведи къ брату. Заботитъ онъ меня очень, что̀ съ нимъ дѣется...

(Карлица подъ руку уводитъ госпожу).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дѣвочкинъ (одинъ, смотря вслѣдъ княжнѣ). Старуха-то сдобная, какъ бы взять ее за шиворотокъ да тряхнуть хорошенько,—Боже мой, сколько бы денегъ изъ нея посыпалось... Да-съ, да!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же и дворецкій, входитъ съ водкой.

Дворецкій. Мужикъ, что̀ съ вами пріѣхалъ, спрашиваетъ васъ-съ.

Дѣвочкинъ (немного сконфузясь). Ничего, подождетъ еще! (Наливаетъ и выпиваетъ залпомъ рюмку). Первая, говорятъ, коломъ!.. (Сейчасъ же наливаетъ и выпиваетъ другую рюмку). Вторая соколомъ! (Наливаетъ третью и четвертую и мгновенно выпиваетъ ихъ). Третья и четвертая маленькими пташками! (Дворецкому) Позови мужика.

Дворецкій. Слушаю-съ! (Уходитъ).

Дѣвочкинъ (одинъ, къ публикѣ). Есаула нашего буду имѣть честь представить вамъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Сарапка, горбатый, кривобокій, въ поддевкѣ короткой, въ смазныхъ сапогахъ и съ кистенемъ за поясомъ.

Сарапка. Что жъ, Петръ Григорьичъ, долго ли жъ намъ дожидаться тутъ?

Дѣвочкинъ. Погоди, братецъ!.. Человѣкъ помираетъ, что мнѣ тутъ дѣлать.

Сарапка. Коли годить-то, помилуйте? Мы не то, что народъ вольный,—можетъ уходить за всякій часъ безъ страха. Вы сами говорили: какъ дочку ослободимъ вашу, вы сейчасъ сто рублей выдадите.

Дѣвочкинъ. И выдадутъ.

Сарапка. Ну и выдайте коли!.. Атаманъ съ меня спроситъ. Ребята у меня галдятъ: «Либо, говорятъ, утекаемъ, либо на деревню пойдемъ!..» Исправникъ тоже скрылся; того и чай, съ командой наѣдетъ.

Дѣвочкинъ. А зачѣмъ ты, скотина, князя ранилъ! Не будь того, онъ сдался бы на капитуляцію, все бы тогда было: деньги, вино и пиво.

Сарапка. Кто его ранилъ-то; самъ лѣзъ, я только отмахнулся топоромъ; такъ ему голову-то и подставлять?—дворяне еще, право!

Дѣвочкинъ. Ты не груби, пока цѣлъ. Зуба ни одного не оставлю! (Поднимаетъ руку).

Сарапка. Свои наперед береги. (Прислушиваясь и задрожавъ всѣмъ тѣломъ) Ну, это гарнизонный барабанъ... Влопался, право, я въ это дѣло... Убѣгать надо! (Вскакиваетъ на окно, выбиваетъ раму, свиститъ и соскакиваетъ, ему отвѣчаетъ нѣсколько свистовъ).

Дѣвочкинъ. И мнѣ, черти, съ ними надо убираться! (Выпиваетъ торопливо еще рюмку водки, вскакиваетъ на окно, свиститъ и соскакиваетъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сцена нѣсколько времени остается пустою, слышны крики и выстрѣлы.

Вбѣгаетъ княжна, за ней карлица.

Княжна. Господи, опять ужъ тамъ сраженіе и драка. (Падаетъ въ кресло).

Карлица. Сраженіе, матушка, настоящее сраженіе.

(Подбѣгаетъ къ окну и начинаетъ въ него смотрѣть; раздается выстрѣлъ).

Княжна (вздрагивая всѣмъ тѣломъ). Царица небесная, прими послѣдній мой конецъ!.. Не покарай меня въ моихъ грѣхахъ: аще злобствовала, ехидствовала, коварствовала.

Карлица (смотря въ окно). Матушка, Митрій-то Яковличъ Рыковъ ловитъ того мужика, что ранилъ князя; на-ка, какъ онъ кистенемъ-то отмахнулся, ажно шапку у Митрія Яковлевича переломилъ.

Княжна. Архангелъ Михаилъ, вручи ему мечь всеразящій!.. Кроткій Давидъ побѣдилъ Голіаѳа. Царица небесная, покрой его кровомъ Твоимъ!

Карлица. Словилъ, матушка, онъ мужика-то!.. Охотники наши ему ужъ руки и ноги перевязали! И, матушка, отъ воротъ-то пыль какая идетъ!.. (Слышенъ звукъ трубъ и бой барабановъ).

Княжна. Въ трубу ужъ затрубили,—послѣдніе дни и часы приближаются.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, и вбѣгаетъ Кадушкинъ съ радостнымъ лицомъ; волосы у него всѣ опалены; одинъ глазъ совсѣмъ вышибленъ.

Кадушкинъ. Матуска-княгинюска, губейнатой съ сойдатами и двоянство ѣдутъ.

Княжна. Откуда мнѣ сіе? Пріиде помощь Господа моего!.. (Къ шуту) А ты живъ еще, бѣдняжка?

Кадушкинъ. Они меня, матуска, заззенными вѣниками пани; тоскуетъ такъ все теней... Побѣгу посьмотьеть, какъ ихъ, дьяволвъ, коетить станутъ... (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Рыковъ (весь запыленный, тревожно входитъ).

Рыковъ. Все ли здѣсь благополучно?

Княжна. Все, мой другъ, все!

Рыковъ. Гдѣ же княгиня?

Княжна. Тамъ, у князя... Онъ услышалъ шумъ и очень встревожился.

Рыковъ. Губернаторъ самъ прибылъ съ командой и сейчасъ идетъ сюда.

Княжна. Хорошо, я сейчасъ вышлю княгиню. Спаситель ты нашъ, истинный спаситель, такъ я тебя и понимаю! (Уходитъ, сопровождаемая карлицей).

Рыковъ (почтительно отворяя дверь). Хозяева просятъ ваше превосходительство пожаловать сюда.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Губернаторъ входитъ. За нимъ идетъ нѣсколько человѣкъ дворянъ, капитанъ-исправникъ, земскій засѣдатель и засѣдатель отъ дворянства.

Губернаторъ (кивая съ важностью Рыкову). Я слышалъ, князь раненъ?

Рыковъ. Очень сильно-съ!.. Причащался ужъ и исповѣдывался; не полагаемъ, чтобъ живъ остался.

Губернаторъ (грустнымъ голосомъ). Грустныя и печальныя времена!

Капитанъ-исправникъ (выдвигаясь нѣсколько впередъ и дрожащимъ голосомъ). Это, ваше превосходительство, Дѣвочкинъ навелъ весь этотъ народъ; мнѣ никакого сладу съ нимъ нѣтъ въ уѣздѣ; онъ всѣмъ ворамъ и разбойникамъ пристанодержательствуетъ,—нищу и вино имъ доставляетъ.

Губернаторъ. Арестуйте поэтому его!

Капитанъ-исправникъ (испуганнымъ голосомъ). Онъ, ваше превосходительство, опять удралъ съ разбойниками; тѣ даже не пускали его, насильно въ телѣгу вскочилъ: погодите, говоритъ, еще увидимся!

Губернаторъ. Поэтому погоню за нимъ пошлите!

Рыковъ. Господинъ Дѣвочкинъ, ваше превосходительство, пріѣхалъ съ этимъ народомъ за дочку заступаться, чтобы тоже кто-нибудь подсобилъ ему: у князя дворня большая.

Дворянинъ среднихъ лѣтъ (таинственнымъ голосомъ). У насъ, ваше превосходительство, эти богачи вотъ гдѣ сидятъ (показывая на шиворотъ). Онъ покормитъ тебя раза два въ годъ обѣдцемъ, а потомъ и дѣлаетъ съ тобой, что хочетъ: и поля у тебя мнетъ, и самого, коли попадешься, собаками затравитъ.

Другой молодой дворянинъ. Дѣвочкинъ, не таючись, ѣхалъ съ шайкой своей... Селенья черезъ три на большой дорогѣ проѣхалъ. Сзади двѣ пушки везутъ, а самъ впереди верхомъ ѣхалъ!.. Всѣмъ разсказывалъ: «князя Платона, говоритъ, полонить ѣду».

Третій старый дворянинъ (самъ уже не знаетъ, зачѣмъ объяснилъ). Съ насъ, бѣдныхъ дворянъ, что спрашивать: разбойники пріѣдутъ къ тебѣ на домъ, за неволю къ нимъ съ хлѣбомъ, съ солью выйдешь.

Губернаторъ (окончательно грустнымъ голосомъ). Печальныя времена!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и карлица, а за нею выступаетъ княжна.

Карлица. Княжна Наталья Иларіоновна желаетъ видѣть государя-губернатора.

Губернаторъ (склонивъ голову). Всегда готовъ быть ея покорнымъ слугою.

(Княжна входитъ и присѣдаетъ: всѣ подходятъ къ ней къ рукѣ).

Княжна (раскланиваясь всѣмъ общимъ поклономъ). Охъ, съ горя и печали и на привѣтствія ваши не умѣю какъ отвѣтить... Братецъ сейчасъ идетъ сюда!

Губернаторъ. Лучше поэтому ему?

Княжна. Какое, чуть живъ! Кажется, и въ разсудкѣ ужъ тронулся!

(Одна изъ дверей отворяется, и показывается князь Платонъ, худой, въ бархатномъ халатѣ. Съ одной стороны ведутъ его лакей и княгиня Настасья Петровна, а съ другой шутъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Князь Платонъ (губернатору). Извините, ваше превосходительство, что я выхожу къ вамъ въ такомъ нарядѣ.

(Губернаторъ придвигаетъ ему кресло. Князь Платонъ опускается въ него, но княгиню не отпускаетъ отъ себя. Той подвигаютъ тоже кресло. Она садится около мужа. Всѣ прочіе окружаютъ ихъ).

Князь Платонъ (снова обращаясь къ губернатору, слабымъ и протяжнымъ голосомъ). Ваше превосходительство, вѣроятно, пріѣхали усмирять меня; но я уже самъ усмирилъ себя.

Губернаторъ. Мы пріѣхали къ вамъ въ гости и привезли вамъ здоровья.

Князь Платонъ. Благодарю!.. (Опускаетъ на нѣсколько мгновеній голову, потомъ поднимаетъ ее). Я думалъ, что умереть мнѣ такъ же легко будетъ, какъ кинуть въ огонь старое платье; но пить, животолюбивъ, видно, человѣкъ, и геенна адская страшнѣе ему всѣхъ мукъ земныхъ! (Крестится и потомъ, обращаясь къ губернатору, говоритъ) Мужика, ваше превосходительство, что̀ меня ранилъ, не наказывайте... Я самъ искалъ смерти.

Губернаторъ. Будетъ исполнено ваше желаніе.

Князь Платонъ (послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, какъ бы ищетъ кого мутными глазами и наконецъ останавливаетъ ихъ на Рыковѣ). Господинъ Рыковъ! Вы поступили со мной, какъ великодушный врагъ. Я крови и смерти вашей искалъ, а вы хотѣли спасти мнѣ жизнь... (Опускаетъ голову; потомъ черезъ нѣ-

сколько мгновеній поднимаетъ глаза на княгиню). Съ вами насъ, княгиня, будетъ Богъ судить, кто изъ насъ виноватѣе, но вы... послѣ претерпѣннаго отъ меня... оплакивали мои раны, а потому... (Слабо хлопаетъ въ ладоши). Дворецкаго мнѣ!

Кадушкинъ. Двоесскій!

Князь Платонъ. Сервированъ ли тамъ столъ и готовы ли музыканты?

Дворецкій. Все готово-съ!

Князь Платонъ. Вели играть веселый тушъ! (Дворецкій уходитъ).

Князь Платонъ. Васъ, ваше превосходительство, и васъ, господа дворяне, призываю я въ свидѣтели, что, оставляя жену нашу, Настасью Петровну, наслѣдницей всего нашего... состоянія, желаю я самъ отпраздновать сговоръ ея за господина Рыкова. (Съ горькой усмѣшкой) Столъ готовъ, музыка играетъ, пожалуйте кушать! (Склоняетъ совсѣмъ низко голову. Слышится музыка).

Княгиня (плача). Простите меня, князь, не наказывайте такъ! (Беретъ у него руку и цѣлуетъ ее).

Князь Платонъ (горько усмѣхаясь). Я думалъ симъ сдѣлать вамъ пріятное!

Княжна (княгинѣ). Не противорѣчьте ужъ ему!

Губернаторъ. Совершенно не нужно противорѣчить. Больной—что малый ребенокъ.

Князь Платонъ (крестится и почти уже въ бреду). Ваше превосходительство. соблюдите этикетъ... ведите сестру мою подъ руку... а г-нъ Рыковъ мою жену и свою невѣсту... (Умолкаетъ). (Всѣ остаются въ нѣмомъ недоумѣніи. Музыка продолжаетъ играть).

Кадушкинъ (взглянувъ князю въ глаза, вскрикиваетъ). Умей!

Княгиня (становясь на колѣни предъ княземъ). Благодѣтель вы мой!

Занавѣсъ падаетъ.

ПОРУЧИКЪ ГЛАДКОВЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время, взятое мною для настоящей драмы, начинается вскорѣ послѣ смерти Петра и кончается восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны. Великій преобразователь Россіи сумѣлъ и окружать себя людьми *большими*. Минихъ, Остерманъ и Волынскій, конечно ужъ, принадлежатъ къ людямъ замѣчательныхъ дарованій и къ характерамъ сильнымъ и крупнымъ. При жизни Петра, подъ страхомъ его прозорливости и его суровой и непреклонной воли, они были только энергическими исполнителями его предначертаній; но Петра не стало,—сила, исходящая изъ центра власти, рушилась. Юному Петру II-му, слабой Аннѣ Іоанновнѣ и безпечной Аннѣ Леопольдовнѣ было не подъ силу удерживать колеса петровской машины въ ихъ прежнемъ порядкѣ; личныя страсти въ нихъ заговорили: жажда корысти, оскорбленное и неудовлетворенное самолюбіе, постоянно и издавна накапливаемая другъ къ другу вражда — все это искало выхода и находило себѣ просторъ для выраженія. Посреди всего этого, какъ бы въ дополненіе картины, является еще новый могущественный честолюбецъ—герцогъ курляндскій. Трагическое столкновеніе между этими лицами было неизбѣжно, и эту-то борьбу птенцовъ Петра съ Бирономъ, а потомъ борьбу ихъ между собою, мы и имѣли цѣлью изобразить въ нашей драмѣ, строго придерживаясь исторической достовѣрности. Вступившая на престолъ Елизавета Петровна мгновенно прекратила эту трагедію, частью потому, что вся законность престолонаслѣдія была на сторонѣ ея, а частью и оттого, что всѣ крупныя личности, созданныя Петромъ, сошли уже со сцены: Волынскій былъ казненъ Бирономъ, Биронъ свергнутъ Минихомъ, а Минихъ и Остер-

манъ въ свою очередь сосланы Елизаветою Петровною. Съ 24-го на 25-е ноября 1741 года на русское небо взошла новая заря, а съ ней пришли и новые люди, не искусившіеся еще въ опьянѣніи честолюбіемъ и чуждые личной вражды другъ къ другу: университетъ и отмѣна смертной казни, Шуваловъ и Ломоносовъ загорѣлись на немъ впослѣдствіи яркими свѣтилами!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоаннъ-Эрнстъ Бирономъ, герцогъ курляндскій и семигальскій.
Луиза-Эмилія Бирономъ, его жена.
Графъ Левенвольде, оберъ-гофмаршалъ.
Князь Куракинъ, оберъ-шталмейстеръ.
Артемій Петровичъ Волынскій, кабинетъ-министръ.
Графъ Остерманъ, кабинетъ-министръ.
Бестужевъ-Рюминъ, кабинетъ-министръ.
Графъ Минихъ, генералъ-фельдмаршалъ
Князь Черкасскій, кабинетъ-министръ
Князь Трубецкой, фельдмаршалъ
Наумовъ, тайный совѣтникъ
Мишуковъ, совѣтникъ адмиралтействъ-коллегіи
Микулинъ, оберстеръ-кригсъ-комиссаръ
Стрешневъ, маіоръ гвардіи
Уиковскій, бригадиръ отъ полиціи
} судьи надъ Волынскимъ.

Асессоръ Хрущевъ, секретарь суда
Полковникъ Манштейнъ, адъютантъ Миниха.
Маркизъ де-ля-Шетарди, французскій посланникъ.
Графъ Линаръ, саксонскій посланникъ.
Шварцъ, нѣмецкій музыкантъ.
Варвара Дмитріевна, фрейлина Анны Леопольдовны.
Красноваевъ, капитанъ Преображенскаго полка, старикъ уже и одинъ изъ первыхъ потѣшныхъ солдатъ Петра.
Старикъ Салтыковъ, бывшій московскій генералъ-губернаторъ.
Пьеръ Салтыковъ, бывшій поручикъ Преображенскаго полка и перешедшій въ кирасирскій полкъ.
Старикъ Гладковъ, секретарь Волынскаго.
Молодой Гладковъ, сынъ его, поручикъ Преображенскаго полка
Вейстъ, голландецъ—учитель и гувернеръ Салтыкова.
Маіоръ Репнинъ.
Кубанецъ, перекрещенный татаринъ и камердинеръ Волынскаго.
Дорошенко, малороссъ, гусляръ и бандуристъ.
Петръ Сергѣичъ, дядька молодого Салтыкова.

Молодые офицеры Преображенскаго полка, капитанъ и солдаты Семеновскаго полка, камеръ-лакеи, лакеи и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ 1740 и 1741 годахъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Богатая офицерская квартира въ Петербургѣ. 5-е марта 1740 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Людвигъ Вейстъ, въ скромномъ голландскомъ кафтанѣ и камзолѣ, сидитъ передъ столомъ, уставленнымъ глобусомъ, зрительной трубой, математическими инструментами и книгами. Пьеръ Салтыковъ, въ новомъ кирасирскомъ мундирѣ *), прыгаетъ передъ нимъ.

Салтыковъ (напѣвая). Ich will nicht lernen, ich will nicht lernen.

Вейстъ (покачивая головой). Grosse Dummheit... Grosse!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гладковъ (въ мундирѣ Преображенскаго полка **).

Салтыковъ (также напѣвая ему). Здравствуйте, милый вы мой Гладковъ!.. Постойте! (Проворно подбѣгаетъ, надѣваетъ шляпу и вытягивается передъ нимъ). Честь имѣю явиться, поручикъ кирасирскаго полка!.. Хорошъ мундиръ?

Гладковъ. Хорошъ!

(Оба выходятъ на авансцену).

Гладковъ (съ запинкой и краснѣя). А преображенскіе мундиры твои ты куда дѣнешь?

Салтыковъ. Не знаю!.. Валяться тамъ гдѣ-нибудь будутъ.

Гладковъ (еще болѣе конфузясь). Одолжи на милость мнѣ одинъ изъ нихъ надѣть. Мнѣ завтра надо во дворецъ къ принцессѣ ѣхать, а мой мундиръ въ караулѣ солдаты табакомъ прокурили!

Салтыковъ. Съ великою радостью. (Кричитъ во все горло и притопываетъ ногой) Петръ Сергѣичъ! Петръ Сергѣичъ! Петръ Сергѣичъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Петръ Сергѣичъ.

Петръ Сергѣичъ (быстро входя). Здѣся-тко я-съ! Что такъ кричать изволите?

Салтыковъ. Подай мнѣ сейчасъ всѣ мои преображенскіе мундиры!

Петръ Сергѣичъ (перемѣняя добродушное выраженіе лица на удивленное). Это зачѣмо-тко они вамъ позанадобились?

*) См. рисунки одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, томъ II, стр. 272.

**) Тамъ же, стр. 276.

Салтыковъ. Иди, неси безъ пререканій,— маршъ!

(Петръ Сергѣичъ уходитъ, качая недовольно головой).

Салтыковъ (кладя руку на плечо Гладкова, съ коварной улыбкой). Варвару Дмитріевну, звѣло прелестную вамъ, увидите тамъ?..

Гладковъ. Безъ сомнѣнія.

Салтыковъ. И сильно плѣнены ею?

Гладковъ (улыбаясь). Всѣмъ сердцемъ моимъ пристрастенъ къ ней.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Петръ Сергѣичъ входитъ съ мундирами.

Салтыковъ (показывая ему на Гладкова). Отдай ихъ всѣ Виктору Ириархичу.

Петръ Сергѣичъ (сначала злобно взглядываетъ на Гладкова, потомъ обращается укоризненнымъ голосомъ къ барину). Сами-то при чемъ же-тко останетесь?

Салтыковъ. У меня теперь форма кирасирская — зачѣмъ же они мнѣ?.. Отдай!

Петръ Сергѣичъ. Въ полку-то не одни-то-тко они — бѣдные офицерики: дали ли бы кому и другому по мундирчику.

Гладковъ (сконфузившись). Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ же мнѣ всѣ?.. Достаточно одного, и то для надѣвки только, пока мой новый мундиръ не поспѣетъ

Салтыковъ (показывая кулакъ дядькѣ). Петръ Сергѣичъ, вы такая скотина, что я сейчасъ же васъ велю въ палаши принять!

Петръ Сергѣичъ (насмѣшливо). Да мнѣ что-то-тко-съ, ваше добро! (Къ Гладкову, показывая на мундиры) Съ собой изволите взять или въ экипажъ къ вамъ прикажете положить?

Гладковъ (вспыхнувъ). У меня нѣтъ экипажа, — ты это знаешь.

Салтыковъ (бѣшенымъ голосомъ). Ты все свое, старый чортъ, пошелъ вонъ!.. Вонъ!..

(Петръ Сергѣичъ съ прежнимъ насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ уходитъ).

Салтыковъ (Гладкову). Тебѣ въ каретѣ надо во дворецъ ѣхать, нельзя же въ бѣлыхъ штиблетахъ пѣшкомъ итти, загрязнишься!

Гладковъ (нерѣшительнымъ голосомъ). Да, тамъ какъ-нибудь надо...

Салтыковъ. У тебя, я думаю, денегъ нѣтъ на то: я самъ не имѣю оныхъ; но, погоди, какъ-нибудь тебѣ добуду. (Подходитъ къ Вейсту и начинаетъ гордымъ и въ то же время заискивающимъ тономъ) Illustrissime, sapientissime vir!.. Doctor der Philosophie!.. membre de toutes les sociétés scientifiques!.. къ вамъ

обращается съ просьбой кирасирскаго ея величества полка поручикъ Салтыковъ.

Вейстъ (поднимая на него глаза). Ja. was will lieutenant Saltikoff?

Салтыковъ. Лейтенантъ Салтыковъ проситъ доктора Вейста одолжить ему 50 гульденовъ взаймы.

Вейстъ (побледнѣвъ). Ich habe kein Geld!

Салтыковъ (обертываясь къ Гладкову). Онъ говоритъ, что у него нисколько нѣтъ денегъ. (Вейсту) Лейтенантъ Салтыковъ знаетъ, что у васъ есть деньги, и схоронены онѣ въ карманѣ вашего прекраснаго кафтана.

Вейстъ. Я не имѣю и кармановъ въ кафтанахъ моихъ.

Салтыковъ. Вы имѣете ихъ, и мы сейчасъ ихъ атакуемъ: поручикъ Гладковъ и поручикъ Салтыковъ, какъ бандиты итальянскіе, кидаются на васъ,—разъ! два! (Кидается сзади къ Вейсту, притягиваетъ его голову къ креслу и заноситъ надъ нимъ руку, какъ бы съ кинжаломъ). La bourse ou la vie! Гладковъ, кидайтесь и шарьте у него въ карманахъ!

(Гладковъ нерѣшительно приближается).

Вейстъ. Г-нъ офицеръ, не подходите, я буду лягать васъ! (Машетъ руками и лягается ногами).

Салтыковъ (крича во все горло). Нападайте, Гладковъ, или я буду принимать васъ за труса!

Гладковъ (Вейсту). Хозяинъ мнѣ приказываетъ; я долженъ ему повиноваться, иначе онъ сочтетъ меня за труса. (Сразу кидается Вейсту на руки и на ноги, а Салтыковъ лѣзетъ ему въ карманы).

Вейстъ (крича отчаяннымъ голосомъ). Господа офицеры! Es ist dumm! Я буду кричать на помощь, господа, караулъ!..

(Въ передней слышатся голоса).

Гладковъ (сейчасъ же бросая Вейста). Тамъ кто-то прибылъ.

Салтыковъ (также отпуская Вейста). Только нечаянная помощь спасла тебя, злополучный Улиссъ.

Вейстъ (проворно уходя и поправляя парикъ). Дуракъ-офицеры, скверна мальчишка! Я буду жаловаться, дуракъ-молокососы! (Уходитъ).

Салтыковъ (заглядывая въ дверь). Ба, все наши, и дѣдушка!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и капитанъ Краснобаевъ, а за нимъ входятъ молодые офицеры: Черскій, Квасниковъ, Голицынъ и Кудринъ *).

Салтыковъ (обращаясь къ капитану). Какими велѣньями рока? (Прочимъ товарищамъ подаетъ руку). Здравствуйте, здравствуйте!

*) Форму мундировъ ихъ см. рисунки одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, стр. 276.

Гладковъ (также здороваясь съ нимъ). Здравствуйте, здравствуйте!

Салтыковъ (выводя капитана на авансцену). Что, дѣдушка, изъ крѣпости?

Краснобаевъ (пожимая плечами). Изъ крѣпости!

Салтыковъ. Изъ-за польскихъ дѣвокъ, говорятъ, тебя посадили?

Краснобаевъ (продолжая удивленнымъ тономъ). Баютъ такъ!.. Только изъ кампаніи съ командой воротился, прямо къ герцогу; выходитъ, и съ нимъ нѣкій панычъ польскій, въ кунтушѣ и съ усищами: «Вы, говоритъ, въ Польшѣ пьянничали, богомерзствовали, грабежничали!». Я, знаешь, уперъ ему очи-то въ очи. «Ваша свѣтлость, говорю, мнѣ неколи было дѣлать того: я проливалъ кровь мою за государыню императрицу!» Э, взъерошился еще пуще! «Въ застѣнокъ его!» Кошками отодрали, на деревянную кобылу посадили, и паныча этого привели, показывать мя ему,—смѣется онъ!..

Салтыковъ. Sacre Dieu!.. Гвардейскаго капитана?!..

(Между офицерами также слышатся восклицанія: „Чортъ знаетъ!.. Колбасники!“).

Салтыковъ. Повѣствуйте, дѣдушка, дальше!

Краснобаевъ. Дальше, въ крѣпостцу ввергли; сижу день, недѣлю, молюсь Творцу: «Буди святая воля Его!»—а тутъ выпущаютъ: «государыня, говорятъ, васъ помиловала!». Я взглянулъ на Казанскую Божью Матерь, перекрестился... «Вѣрно, думаю, Артемій Петровичъ заступился!» Зашелъ къ нему въ канцелярію... «Нѣту, говоритъ, не я, а ты поди, говоритъ, собери субалтернъ-офицериковъ и пріѣзжайте къ Петрушѣ!» Я вотъ заѣхалъ за ними (показываетъ на офицеровъ)—и пріѣхали!

Гладковъ. Государыню, я слышалъ, принцесса Анна Леопольдовна утруждала просьбой своей объ васъ.

Краснобаевъ (опять удивленнымъ голосомъ). Ну, вотъ, поди ты! Откуда милость-то Божья пришла! А я такъ мнилъ на Артемья Петровича. (Къ публикѣ) Вмѣстѣ вѣдь насъ обоихъ съ нимъ сюда на службу гнали; онъ-то еще молоденькій птенчикъ былъ; родители его тоже побогатѣе, поумнѣе были, сами его везли; а я-то ужъ этакій дубина годовъ двадцати былъ, батька мой не пущалъ-было меня отъ дому-то, два раза его за то въ воеводской канцеляріи сѣкли, меня-то тоже скованнымъ везли, чтобы не убѣгъ; а тутъ, слава тѣ, Царица Небесная, отерпѣлся, привыкъ къ службѣ.

Салтыковъ (перебивая Краснобаева и обращаясь къ Гладкову). А вслѣдствіе какихъ рацій и дискурцій принцесса просила за капитана?

Гладковъ (потупляя глаза). Принцессу за него просила Варвара Дмитріевна.

Салтыковъ. А вслѣдствіе какихъ рацій и дискурцій Варвара Дмитріевна просила принцессу?

Гладковъ (скромно потупляя глаза). Я просилъ ее о томъ.

Салтыковъ (командуетъ). Господа штабъ- и оберъ-офицеры, на передній подзоръ! (Капитанъ и офицеры окружаютъ его).

Салтыковъ. Военная честь капитана замарана; и мы, его когорта, воздадимъ ему цезарскую почесть и станемъ качать его.

Всѣ (въ одинъ голосъ кричатъ). Качать его, качать! (Подхватываютъ капитана и начинаютъ его подкидывать).

Капитанъ (совершенно довольный). Благодарю васъ, братцы, благодарю!

Салтыковъ. Будетъ! Стой!.. Дядя Волынскій говоритъ, что въ Питерѣ просьбы—тѣ же деньги: надобно ихъ тратить только для себя; а Гладковъ истратилъ просьбу для своего начальника и камрада—качать и его!

Всѣ офицеры. Качать и его! (Подхватываютъ и начинаютъ качать Гладкова).

Краснобаевъ (выше всѣхъ его подбрасывая). Вотъ тебѣ, дѣтеныпекъ, за то, вотъ тебѣ!

Гладковъ (также очень довольный). Благодарю, господа, будетъ, будетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и дворецкій Кубанецъ.

Кубанецъ. Артемій Петровичъ жаловать изволитъ сюда!

Салтыковъ. Дядю бы покачать надо, да сердитъ очень за послѣднее время, озлится, пожалуй! Примемъ и мы печальные лики!

(Всѣ становятся въ шеренгу и принимаютъ серьезныя лица).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Волынскій *); онъ сильно кричитъ на старика Гладкова, который идетъ за нимъ въ униженной позѣ.

Волынскій (Гладкову). Я самого тебя велю палками отдуть!.. Я еще вчерася-тко тебѣ велѣлъ указъ дать, чтобы посадить его на кобылу!

*) Форму мундира см. портретъ Бестужева-Рюмина въ собраніи портретовъ Генпади въ Чертковской библіотекѣ.

Старикъ Гладковъ. Артемій Петровичъ, онъ тоже говоритъ: «Я, говоритъ, какъ и Кнутель, жаловаться буду императрицѣ!»

Волынскій (бѣшенымъ голосомъ). Ты за то отвѣчать будешь, а не я?.. Ты?..

(Старикъ Гладковъ униженно молчитъ).

Волынскій. Пошелъ, ништи!

(Старикъ Гладковъ уходитъ).

Волынскій (къ молодому Гладкову, показывая на уходящаго отца). Я изъ-за тебя, господинъ поручикъ, только и держу это подьячее тряпье! (Къ Краснобаеву) За тебя, дѣдушка, сегодня же расчетъ будетъ сдѣланъ: на той кобылѣ, на которую тебя сажали, будетъ у меня сидѣть нѣмецъ два дня, не спускаючись. (Къ племяннику) Что же ты не потрудился объ угощеніи дорогихъ гостей?

Салтыковъ (приложивъ руки по швамъ и рапортующимъ голосомъ). Пенензы не ма, ваше высокопревосходительство!

Волынскій. По обычаю... (Кубанцу) Вели приготовить ужинъ въ оружейной залѣ, а пока подать сюда романеи и кипрскаго... Хочу ужъ я за племянника справить и попировать съ вами, господа офицерство *)!

Салтыковъ (кричитъ во все горло). Добре, дидя — ура!

(Всѣ прочіе офицеры кланяются Волынскому).

Волынскій (прикладывая руки къ груди и склоняя голову, притворно-насмѣшливымъ голосомъ). Впрочемъ-тко-съ, напредь всякаго пиру, чтобы не было опосля на меня какихъ-либо жалобъ и сѣтованій, я явно и неутайно объявляю, что съ сего дня и часу азъ есмь опальный бояринъ! (Всѣ съ удивленіемъ взглядываютъ на него).

Салтыковъ (нѣсколько встревоженнымъ голосомъ). У кого же, дядя?.. Передъ государыней?..

Волынскій (тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ). Передъ его свѣтлостью герцогомъ курляндскимъ.

(Всѣ невольно потупляются).

Волынскій (самодовольно потирая руки). Не по горлу имъ какъ-то съ Остерманомъ приходится моя костяная лапа!

Краснобаевъ (съ чувствомъ взглядывая на Волынскаго). Чтобы не отгрызли они тебѣ ее, Артемій Петровичъ!

Волынскій (восклицая). Дѣдушка!.. Римскій гражданинъ Муцій Сцевола самъ сжегъ свою руку изъ любви къ отечеству!.. Мы съ тобой царя Петра сортировки люди: насъ выбирали у престола стоять за умные глаза и за быстрыя дѣла,

*) «Отечеств. Зап.» 1860 года, статья: «Артемій Петровичъ Волынскій», стр. 249.

а не за льстивыя рѣчи! Для государыни моей я жизнь мою на конъ ставилъ! Чтобы ногу верховникамъ подставлять, надо было тоже забываючи,—есть ли голова на плечахъ али нѣтъ! Долгоруковымъ руки вязать — было не малыхъ ребять пеленать!

Краснобаевъ. Согрѣшилъ, грѣшный, тогда, какъ князь-то Василій Владимировичъ сталъ требовать, чтобы мы верховникамъ присягнули, какъ рявкнули мы: «Скорѣе ноги вамъ, ваше высокопревосходительство, переломаемъ, чѣмъ сдѣлаемъ то!» *).

Волынскій (подхватывая и все болѣе и болѣе разгорячаясь). Да, а теперь все какъ-то и забываютъ то! Не потаючись передъ вами, господа офицерство, скажу: ѣдучи въ Петербургъ, думалъ первымъ человѣкомъ быть, а вышло такъ, что еле на хвостѣ очутился! Болѣе уже году собакѣ лучше жить, чѣмъ мнѣ! **). Какія бы дѣла по кабинету ни удумалъ, все по Остерманову не такъ и не ладно!.. Словно пьянаго подьячаго мнѣнья мои кассировкѣ предаютъ и извращаютъ. Одинъ только близпръ кабинетъ-министра ношу: все, что въ нашихъ кабинетскихъ указахъ изображено — все не мое-съ! Все это трудъ и потъ Остермановъ ***).

Салтыковъ. Да вамъ что, дядя! Ну и пусть будетъ Остерманово: что до того!

Волынскій. Ну, ты юнъ еще разумѣть то! Вонъ давеча Гладковъ про Кнителя помянулъ: замѣсть того, чтобы его, нѣмецкую кишку, за извѣтъ на начальство кнутьями драть— кабинетъ-министра, какъ послѣдняго всеводишку, подъ отвѣтъ °) подвели; я и не стерпѣлъ, далъ имъ маненько сдачи: прямо изобразилъ государынѣ, что ежели-де я или кто другой— вникните вы!—такими дьявольскими каналами будетъ себя производить, то,—ваше величество, вникните!—меня или кого другого не за вѣрнаго себѣ слугу, а за совершеннаго плута считать будете: а тамъ и разбери: кто и что и какъ есть! °°).

Салтыковъ. Петръ Биронъ, дядя, говорилъ, что вы тутъ разумѣли Остермана.

Волынскій. Я сегодня самому родителю его досконально

*) «Русскій Архивъ» 1866 года, книжка I, статья: «Царствованіе Анны Іоанновны», стр. 10.

**) «Чтенія Общества Исторіи и Древностей» 1858 г., ст.: «Арт. Петр. Волынскій», стр. 137.

***) «От. Зап.», ст.: «Арт. Петр. Волынскій», стр. 111.

°) Тамъ же.

°°) «Чтенія Общества Исторіи и Древностей» 1858 года, статья: «Артемій Петр. Волынскій», стр. 146.

объяснилъ, кого я разумѣю: въ совѣтѣ, по докладѣ жалобъ его высокомочнаго посла Огинскаго, чтобы за грабежи, кои вонъ аки бы капитанъ въ Польшѣ чинилъ, слать туда милліонъ вознагражденія, его свѣтлость, герцогъ Бирон, нашелъ сіи рацеи законноуважительными; но я возразилъ:—«Не разоренья, говорю, конхъ, можетъ, и не было, претятъ Польшѣ глаза, а нашъ бѣлградскій миръ: но я не вассалъ сей республики и имѣнья тамъ не имѣю; а посему поблажать финансами моего государства сей недоброжелательствующій намъ народъ не желаю!»—«Кого же вы вассаломъ симъ разумѣете?»—изволилъ спросить у меня герцогъ.—«Того, кто есть оный»,—отвѣтствовалъ я *). Онъ пожаловалъ меня гнѣвнымъ взглядомъ и вышелъ изъ совѣта.

Краснобаевъ. Вотъ этотъ то самый Огинскій и есть, вспомнилъ теперь, для коего надругались надо мной... Чтобы и тебѣ онъ чего не прилучилъ: нѣмецъ и полякъ, что клошъ,—никакой травой не одолѣешь!

Волынскій. Да вѣдь и я-то живущъ; не сразу меня тоже заморишь; мнѣ съ рожденья, видно, дана такая звѣзда, что либо быть мнѣ велику, либо погибнуть чрезъ то. Впрочемъ-тко, до поры нечего калякать! (Кубанцу) Позови сюда Дорошенку! (Кубанецъ уходитъ).

Волынскій (къ офицерамъ). Хочу васъ пѣсенками позабавить; больно у меня одинъ знакомый казакъ пѣсню одну складно поетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Дорошенко (въ костюмѣ запорожца **).

(Дорошенко входитъ и всѣмъ кланяется).

Волынскій (ему). Спой пѣсню, что мы съ тобой сложили!

Дорошенко (беретъ сначала на гусляхъ нѣсколько аккордовъ, потомъ начинаетъ чистымъ теноромъ).

Какъ въ лѣсу, лѣсу съ перелѣсками
Народилъ орелъ все орлять своихъ!

Волынскій (ходя по авансценѣ, къ офицерамъ). Орлятами именуетесь!

Дорошенко (поетъ).

Билъ крылами онъ воронье поганое,
Воронье поганое, турковъ съ шведами!

Всѣ офицеры (подхватываютъ въ одинъ голосъ).

Воронье поганое—турковъ съ шведами!

*) «От. Зап.», стат.: «Арт. Петр. Волынскій», стр. 246.
**) См. рисунки одежды и оружія россійск. войскъ, стр. 206.

Дорошенко (поетъ одинъ).

Отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе,
Налетѣлъ на орлятъ черный воронъ!

Волынскій (ходитъ по авансценѣ, къ публикѣ). Черный воронъ—нѣмецкій князь!

Дорошенко (поетъ).

Сталъ орлятъ онъ бить, надругатися,
Въ кандалы-тюрьмы ихъ ввергаючи.

Всѣ офицеры (злобно-одушевленнымъ голосомъ).

Въ кандалы-тюрьмы ихъ ввергаючи,
Надъ орлятами сталъ надругатися!

Волынскій (прихлопывая руками и самъ напѣвая). Еще!

Въ кандалы-тюрьмы ихъ ввергаючи,
Надъ орлятами сталъ надругатися!

Краснобаевъ (утирая слезы, говоритъ). Вотъ пѣсню-то, господа офицерство, поете: «отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе», а гдѣ дочь-то его, каково ей житье-то, и забыли!

Волынскій. Не забыли, дѣдушка,—вспомянемъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кубанецъ (входя). Столъ готовъ, Артемій Петровичъ!

Волынскій (къ офицерамъ). Милости просимъ!

Салтыковъ (прямо перепрыгиваетъ черезъ стулъ, бѣжитъ и напѣваетъ). Столъ готовъ, столъ готовъ!

(Всѣ офицеры идутъ за нимъ).

Краснобаевъ (также слѣдуя за ними). Стыдно вамъ, господа офицерство, ей-Богу, право! забыли царевну!

(Дорошенко также уходитъ).

Кубанецъ (подходя къ Волынскому). Извозчикъ, Артемій Петровичъ, готовъ!

Волынскій (вдругъ придавая серьезное выраженіе лицу). Поѣзжай сейчасъ въ Новгородскую губернію, отыщи и сходи къ Аннѣ Петровнѣ Долгорукой... Если къ ней не допустятъ, пойманай ее хотя въ церкви и скажи ей, что у престола одинъ за нихъ ходатай и радѣтель имъ Артемій Петровичъ Волынскій, и что ежели ей или кому изъ конфидентовъ ихнихъ надо сосланнымъ какія вѣсти передать, присылали бы о томъ въ Петербургъ ко мнѣ: все имъ въ удовольствіе сдѣлано будетъ!

Кубанецъ (покорно). По недовѣрію своему и по злобѣ своей, чтобы она не выкрикнула: «слово и дѣло!».

Волынскій. Коли выкрикнетъ, такъ заступлюсь: скажу, что нарочно подсылалъ тебя вывѣдывать. Позови мнѣ оттедова поручика Гладкова и поѣзжай съ Богомъ!

(Кубанецъ цѣлуетъ у него руку и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Волынскій (одинъ). По моему гороскопу всегда такъ сочетавалось, что когда мнѣ приходилось худо, то опосля того, какъ невзгодье разсѣевалось, выходило лучше того, чѣмъ и чаялъ... Вчерашняго числа государыня при Эйхлерѣ сказала Бирону на его домогательства: «Волынскіе нужны для Россіи!». (Со скрежетомъ зубовъ) О, курляндская собака! (Подумавъ) Допрежде всего, въ оплотъ отъ него надо собрать партію... конфидентовъ Долгорукихъ приближу къ себѣ, къ цесаревнѣ доступъ себѣ разыщу... (Слышитъ шаги, оборачивается и видитъ входящаго Гладкова). А, это господинъ офицеръ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Гладковъ.

Гладковъ (скромно подходя къ Волынскому). Ваше высокопревосходительство спрашивать меня изволили.

Волынскій. Да! (Смотритъ нѣсколько мгновеній прямо въ лицо Гладкову). Мнѣ всегда казалось, что вы умны и славожаждущи; жребій сей вамъ выпадетъ; васъ можетъ ожидать великая фортуна.

(Гладковъ при этихъ словахъ поднимаетъ глаза и уставляетъ ихъ на Волынскаго).

Волынскій (потупляя нѣсколько брови и неторопливо говоря). Вникните, что я вамъ буду сказывать: государыня императрица тяжко больна... Анна Леопольдовна не желаетъ, чтобы сынъ ея престолонаслѣдовалъ... Сама мнѣ лично изъяснила: «Вы, господа министры, выдали меня насильно замужъ, да и сына отнять хотите,—не дамъ я вамъ его!..» Какъ вы мыслите, кто при такомъ образѣ дѣйствій ближе всѣхъ стоитъ къ престолу? (Послѣ нѣкотораго молчанія) Не Биронъ же, чаю, такъ?

Гладковъ (пожимая плечами и слегка усмѣхаясь). Ваше высокопревосходительство!.. Я слишкомъ еще молодъ, чтобы предрекать такія дѣла!

Волынскій. Не сваливайте на молодость!.. Я призываю васъ на подвигъ гражданской чести: исповѣдуйте мнѣ, какъ мнятъ господа гвардейское офицерство насчетъ царевны Елизаветы?.. Ежели всѣ они единодушны съ Краснобаевымъ, то мы съ вами первые,—вникните вы!..—первые пойдемъ и явимъ ей то!

Гладковъ (твердымъ голосомъ). Я, ваше высокопревосходительство, напредъ сего, какъ за господъ офицерство, такъ и за себя скажу, что мы всѣ вѣрны единой присягѣ государынѣ императрицѣ и во всемъ волѣ ея!

Волынскій (нахмурившись и недовольнымъ тономъ). Я говорю не объ государынѣ, а объ ея наслѣдственникахъ! У людей есть двѣ свойственности: слова ихъ и мысли; такъ я желалъ бы, чтобы вы мнѣ мысли господъ офицерства насчетъ того сознали.

Гладковъ. Гдѣ жъ мнѣ, ваше высокопревосходительство, опознавать чужія мысли?

Волынскій. Мысли чужія либо въ винѣ сознаются, либо на деньги покупаются, и пока вотъ вамъ на депансы сіи! (Даетъ ему кошелекъ съ золотомъ).

Гладковъ (не беря кошелька). Ничего я, ваше высокопревосходительство, не могу сдѣлать чрезъ то.

Волынскій (не слушая его). Сдѣлаете или нѣтъ—моя рука не оскудѣетъ отъ того!.. Если господа офицерство будутъ мало лицепріятны къ Елизаветѣ, то цесаревна безъ поддержанія еще болѣе отклонится отъ мысли о царствованіи; Анна Леопольдовна, какъ сказала мнѣ, не хочетъ его для сына, и тогда, послѣ смерти императрицы, въ разумѣ сената и народа и останется одинъ Бирон. Словно по божескому предсказанію, я давно еще предрекалъ, что онъ въ Годуновы ладитъ, и вся моя кровь, коя, скажу не таючись, носитъ въ себѣ наслѣдіе московскихъ царей, волнуетъ меня, и покуда духъ Волынскаго не изшелъ до послѣдняго—я не попущу того!.. Я самъ его ближе стою къ престолу царей россійскихъ; прабабка моя была родная сестра Дмитрія Донского... Въ картинѣ родословнаго дерева моего она нарисована короованною московскимъ вѣнцомъ, и я по прямой линіи отъ нея происхожу, а не забѣлая курляндская собака.

(При этихъ словахъ Гладковъ тупится и блѣднѣетъ).

Волынскій. Вразумительнѣе всего промежъ господъ офицеровъ надо пустить сію рацею, что худо имъ было отъ него при императрицѣ, а когда самъ онъ, чего не дай Богъ и слышать, сдѣлается самодержцемъ, такъ будетъ еще и хуже того!.. (Прислушиваясь къ раздающемуся въ залѣ пѣнію: „Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ“) Ого, какъ ребята разгулялись!.. Вы сами поѣзжайте въ Семеновскій полкъ... Тамъ, подъ моей сурдинкой, то же поетъ Дорошенко... Посмотрите, какъ это все у нихъ на сердцахъ отражается, а я пойду покедова къ преображенцамъ... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Гладковъ (одинъ, съ злобной усмѣшкой). Бирономъ ладитъ въ Годуновы?.. Самъ-то ты тоже не туда ли ладишь? Поди этакія рацеи пускай промежъ господъ офицеровъ *). Больно ужъ вы, Артемій Петровичъ, привыкли людей-то кидать въ жерло огненное, словно щепки!.. Анна Леопольдовна не хочетъ престолонаслѣдія сыну... Не приняла она васъ сегодня, какъ персону въ немилости,—это я знаю, вотъ и не надо, значитъ, ея. (Съ поблѣднѣвшимъ мгновенно лицомъ и съ дрожащими губами) Такъ я возведу принцессу на тронъ!.. Я клятву ей принесъ въ томъ—не однимъ вамъ тамъ выслуживаться!.. Теперь, пожалуй, изъ-за пустой его болтовни попадешь вмѣстѣ съ нимъ головой въ омутъ! Деньги эти, чортъ бы еще съ ними, далъ!.. Если возвратить ему и оставить здѣсь, сейчасъ догадается, что перекинулся на другую сторону!.. Лучше ужъ послѣ, какъ ни на есть, возвращу; а теперь пока сначала заверну, для близиру, къ семеновцамъ, а потомъ и къ герцогу... все донесу ему...

(Идетъ неторопливо).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Тайная канцелярія.

27 іюня 1740 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, съ поставленнымъ на немъ зерцаломъ, сидятъ: фельдмаршалъ князь Трубецкой, кабинетъ-министръ князь Черкасскій, тайный совѣтникъ Наумовъ, совѣтникъ адмиралтействъ-коллегіи Мишуковъ, оберстеръ-кригсъ-комиссаръ Микулинъ, майоръ гвардіи Стрешневъ, бригадиръ отъ полиціи Унковскій, секретарь суда асессоръ Хрущевъ **).

Хрущевъ (читаетъ). «Бывшему кабинетъ-министру Волынскому, преданному суду по извѣтамъ на него камердинера его Кубанца и поручика Преображенскаго полка Гладкова, нынѣ

*) «От. Зап.», ст.: «А. П. Волынскій», стр. 148.

**) «Зап. объ Арт. Петр. Волынскомъ». «Чт. Об. Истор. и Древн.», Т. II, стр. 161

по всѣмъ его винамъ, а также по винамъ его конфидентовъ, поручика кираспрскаго полка Салтыкова и секретаря г-на Волынскаго Принарха Гладкова, приговоръ учиненъ: по допрежде приведенія онаго въ исполненіе въ законахъ указано: опросить ихъ, не имѣютъ ли они чего сказать въ препону ихъ доносителямъ».

Трубецкой (мрачнымъ, но не совсѣмъ твердымъ голосомъ). Поставьте ихъ въ очную ставку!

(Бригадиръ Унковскій встаетъ, кланяется ему и уходитъ).

Наумовъ. Все жалуется Волынскій, что мы его судимъ. Мишуковъ. И Христа судили,—не то, что кого изъ насъ!..

(Трубецкой на нихъ строго взглядываетъ; оба они замолкаютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Съ лѣвой стороны изъ трехъ разныхъ дверей выводятъ подъ стражей: изъ среднихъ дверей—Волынскаго: онъ безъ парика, лицо его болѣзненно, глаза потухшіе: на немъ нѣтъ ни крестовъ ни лентъ: шелковый цвѣтной кафтанъ и камзолъ его изорваны и запачканы; правая рука раздроблена и не дѣйствуетъ *). Изъ ближайшихъ дверей къ авансценѣ вводятъ Салтыкова, въ домашнемъ мундирѣ кираспрскаго офицера; а изъ заднихъ—старика Гладкова, въ поношенномъ кафтанѣ и камзолѣ: онъ глядитъ на всѣхъ, какъ бы не понимая ничего. Изъ дверей на другой сторонѣ сцены выпускаютъ Кубанца, а вслѣдъ за ними входитъ и Унковскій и становится у стола.

Трубецкой (не глядя на Волынскаго и показывая рукой на Кубанца). Прочтите его извѣтъ!

Хрущевъ (откашливается и читаетъ). «Родомъ я крещеный татаринъ Василій Кубанецъ. Господинъ бариинъ мой, Артемій Петровичъ Волынскій, про его свѣтлость герцога Бирона говаривалъ, что аки бы онъ въ Годуновы ладитъ и сына хотѣлъ женить на принцессѣ, но, слава Богу, та и не подумала; сочиненіе генеральное писалъ и все его для совѣщанія и похвальбы г-ну секретарю Гладкову читалъ; въ Новгородскую губернію меня, Кубанца, посылалъ къ Аннѣ Петровнѣ Долгоруковой поклонъ свезть; всегда въ удовольствіе свое имѣлъ читать книгу Юстія Липсія, гдѣ писалось объ римскихъ царицахъ: «Это бы, говаривалъ, хоть и для нынѣшняго времени читать!» А иногда приговаривалъ: «она, она!» **). (Къ Кубанцу) Твой ли это извѣтъ?

Кубанецъ (съ дрожащими мускулами въ лицѣ). Мой самый-съ!

*) «От. Зап.», ст.: «А. П. Волынскій», стр. 559.

**) «Зап. объ А. П. Волынскомъ», «Чтенія Общества Исторіи и Древностей». стр. 147, и «От. Зап.», ст.: «А. П. Волынскій», стр. 555, примѣч. 17.

Хрущевъ (Волынскому). Не имѣете ли въ препону чего сказать противъ того?

Волынскій (съ горькой усмѣшкой разводя одной рукой). Что мнѣ сказать?—Семьдесятъ дней *) вы меня спрашиваете, мучите, пытаете... наговорилъ, можетъ, на себя, чего и въ помыслахъ никогда не бывало, а тутъ еще холопа моего приводите на меня!.. За деньги я его, поганца, купилъ, за деньги въ худыхъ и добрыхъ дѣлахъ онъ мнѣ служилъ, такъ, чаю, служитъ и теперь изъ-за того же, кому это надо; никакихъ препонъ я болѣе того не скажу и ни единаго слова его за собой не оставлю!

Хрущевъ (Салтыкову). Вы?

Трубецкой (строго Хрущеву). Что вы не памятуете, что докладываете: на господина поручика Салтыкова у него нѣтъ извѣта!

Салтыковъ (притопывая ногой и показывая публикѣ на Кубанца). Мнѣ ужасно хочется расколотить его татарскую морду!

Хрущевъ (старику Гладкову). Вы?

Старикъ Гладковъ (какъ бы очнувшись отъ сна). Ваше высокородіе, пусть онъ самъ (показываетъ на Кубанца) скажетъ, на какихъ я у его высокопревосходительства Артемья Петровича ругательствахъ всегда былъ, а станетъ онъ мнѣ читать что для совѣщанія, али бы похвальбы!

Кубанецъ (потупляя глаза). У нихъ-съ и другіе всѣ приказные и всякая прислуга всегда была на большихъ ругательствахъ.

Волынскій (поднимая раздробленную руку и грозя ею Кубанцу). Только не ты, каналья, не ты, мерзавецъ! (Обращаясь къ судьямъ) Въ законахъ указано: «въ дѣлахъ грабительскихъ и смертныхъ ничего на господъ отъ холоповъ не принимать», почему же сего законоположенія не примѣнено ко мнѣ?

Трубецкой. Ваши вины государственныя и измѣнническія, а не грабительскія; окромя сего мы имѣемъ извѣтъ на васъ и отъ дворянина. (Къ Унковскому) Введите другого извѣтчика.

(Унковскій, дѣлая знакъ Кубанцу головой, уходитъ съ нимъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же безъ Унковскаго и Кубанца.

Волынскій (къ судьямъ своимъ). Почтенные и превосходительные господа!.. Горе и язвы мои (показывая на раздроблен-

*) Волынскій преданъ слѣдствію и суду 13-го апрѣля 1740 г., а казненъ 27-го іюня 1740 года. («Зап. о Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 141, и «От. Зап.», ст.: «А. П. Волынскій», стр. 569).

ную руку) дали мнѣ прозрѣніе, коего вы, въ благахъ жизни вашей, можетъ, не имѣете: великъ и страшенъ господинъ герцогъ Бирон, но Господь Богъ страшнѣе и грознѣе его! Не побойтесь временного, человѣчьяго гнѣва, чтобы не стяжать вѣчнаго гнѣва Божья!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Уиковскій, впуская впереди себя поручика Гладкова.

Салтыковъ (первый его увидавъ). Гладковъ!

Волынскій (взглянувъ на него и обращаясь къ старику Гладкову). Сынъ твой?

(Старикъ Гладковъ распускаетъ руки и потупляетъ голову).

Трубецкой (съ презрѣніемъ обращаясь къ молодому Гладкову). Въ войскахъ я зналъ измѣнниковъ, ренегатовъ, трусовъ, но за доносчика я перваго васъ, господинъ поручикъ, встрѣчаю изъ господъ офицеровъ!..

(Гладковъ молчитъ и только еще больше блѣднѣетъ).

Трубецкой. Повторите вашъ доносъ устно, а ежели какія слова скажете не такъ, какъ говорили, самихъ васъ велю пытать!

Гладковъ. Я повторю все-съ.

(Салтыковъ, сложивъ руки на груди, уставляетъ на него насмѣшливый взглядъ; Волынскій стоитъ, склонивъ голову; старикъ Гладковъ отвернулъ свое лицо въ сторону и закрылъ его руками).

Гладковъ (начинаетъ говорить нетвердымъ голосомъ и отрывистыми фразами). Г-нъ кабинетъ-министръ Волынскій... 5-го марта, на вечеринкѣ у господина Салтыкова... говорилъ мнѣ, чтобы я вывѣдывалъ, сколько господа офицеры... лицепріятны насчетъ цесаревны Елизаветы Петровны... говорилъ, что онъ самъ близокъ къ престолу россійскому... что въ картинѣ его родословнаго дерева прабабка его... нарисована коронованною московскою короною... что она — родная сестра Дмитрія Донского.

Салтыковъ (не стерпѣвъ). Вы лжете, Гладковъ!.. Когда это было?

Гладковъ (все болѣе и болѣе овладѣвая собою). Это было послѣ того, какъ вы пѣли пѣсню, какъ герцогъ Бирон мучитъ и истязуетъ офицеровъ... За то, чтобы я исполнилъ порученіе г-на Волынскаго, онъ далъ мнѣ сто червонцевъ, которые при семъ и возвращаю. (Подходитъ къ столу и кладетъ на него деньги).

Трубецкой (строгимъ голосомъ Волынскому). Не имѣете ли вы чего сказать противъ того?

Волынскій (на нѣсколько минутъ поднимаетъ гордо голову). Господинъ фельдмаршалъ, вы не съ сего часу меня знаете!

Чтобы я дѣлалъ такъ и говорилъ, надо полагать, али бы помѣшанный я былъ, али бы дуракъ съ рожденія! (Совсѣмъ мрачнымъ голосомъ) Какая теперь мнѣ впереди участь установлена, я ужъ зрю ясно; но заедино со мной, прошу васъ, велите казнить и доносчика моего!.. (Показывая на Гладкова) Изъ скудныхъ гарнизонныхъ офицеришковъ я возвелъ его въ преображенцы!.. Одинъ домъ мой, чаю, былъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ сладко ѣлъ и обласканъ былъ!.. Племянникъ мой, господинъ Салтыковъ, считая его себѣ за лучшаго друга, дѣлилъ съ нимъ послѣднюю рубаху, и за все сіе онъ пошелъ и оболгалъ насъ смертными преступленіями: такъ онъ оболжетъ и васъ, и герцога Бирона, такъ оболгалъ, чаю, и отца своего!

Гладковъ. Я не оболгалъ, а донесъ ради соблюденія данной мною присяги.

Волынскій. Двадцати еще присягамъ ты измѣнишь и донесешь, негодяй!

Трубецкой (строгимъ голосомъ). Г-нъ Волынскій!..

Волынскій. Не унимайте меня, г-нъ фельдмаршалъ! Я человѣкъ, а не Христосъ: не иму еще въ душѣ моей власти молиться за враговъ моихъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Бирономъ, въ полномъ мундирѣ оберъ-камергера и въ андреевской мантіи; не обращая вниманія на поклонъ подсудимыхъ, онъ подходитъ къ судейскому столу.

Бирономъ (къ членамъ суда). Пока вы судъ вашъ и дѣло производили, я не стѣснялъ вашей справедливости и никакихъ по оному мнѣній не представлялъ; даже жалобъ на оскорбленія, которыя господинъ Волынскій учинялъ мнѣ персонально, не приносилъ.

Волынскій (поднимая голову къ Бирону). Когда и въ чемъ мои оскорбленія къ вамъ, герцогъ, были?

Бирономъ (почти не обращая къ нему головы). Въ вашемъ домѣ меня чернымъ ворономъ именовали, намекая, полагаю, на воронъ, коій въ герцогскомъ гербѣ моемъ изображенъ. Въ присутствіи совѣта вы въ лицо мнѣ меня вассаломъ польской націи и поблажителемъ сего недоброжелательствующаго намъ народа назвали!.. За все сіе, если бы только оно персонально меня касалось, я, какъ честный рыцарь, потребовалъ бы отъ васъ сатисфакціи на оружіи; но здѣсь оскорбленъ титулъ герцога курляндскаго, титулъ, за коимъ государыня императрица *)

*) Прошеніе Бирона. «От. Зап.», ст.: «А. П. Волынскій», стр. 115.

въ замужествѣ состояла, и ежели я титулъ сей чѣмъ-либо унизилъ, или что къ измѣнѣ государства россійскаго сдѣлалъ, я государынѣ императрицѣ два смертныхъ приговора представлялъ *): одинъ (къ судьямъ), коій вы г-ну Волынскому составили, а другой, коій я самъ себѣ написалъ... Государынѣ благоугодно было утвердить первый и разорвать послѣдній!

Волынскій (отступая назадъ и весь поблѣднѣвъ). Неправда, Биронъ, неправда! Государыня милостивѣе того ко мнѣ!

Биронъ (подавая приговоръ Трубецкому). Объявите приговоръ подсудимымъ!

Трубецкой (передавая приговоръ Хрущеву). Прочтите!

Хрущевъ (читаетъ нетвердымъ голосомъ). «Вины г-на Волынскаго изображены нижеслѣдующія: первое, онъ составилъ продерзостное, плутовское письмо для приведенія вѣрныхъ ея величеству рабовъ въ подозрѣніе; второе, уподоблялъ ея величество описанной въ Юстѣ Липсіи царицѣ; третье, настоящее время называлъ временемъ Годунова; четвертое, сочинялъ разные злодѣйскіе разсужденія и проекты. За всѣ сіи его важныя, клятвопреступническія, возмутительныя и измѣнническія вины, злыя намѣренія и прочія преступленія вырвать ему языкъ, отсѣчь правую руку и голову; дочерей постричь въ монастырь; сына сослать въ Сибирь и по возрастѣ отдать въ солдаты, и все имѣніе ихъ, Волынскихъ, конфисковать» **).

(Нѣсколько времени продолжается молчаніе. Всѣ судьи сидятъ потупившись).

Волынскій (вдругъ выступаетъ и становится передъ Бирономъ на колѣни ***). Биронъ... Герцогъ... Ваша свѣтлость!.. По слабости человѣческой къ животолюбію, съ позору колѣнъ моихъ молю васъ: оставьте мнѣ жизнь! Каюсь, я виноватъ передъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ: много въ мерзкихъ словахъ и въ продерзостныхъ поступкахъ прегрѣшеній учинилъ, по учиню и исправленіе тому! Казнить меня вы всегда еще успѣете, не то что увидя отъ меня что худо, а ежели только не радѣленъ буду къ особѣ вашей: завѣряю васъ, герцогъ, Волынскій будетъ еще вамъ нуженъ!.. Звѣзды великихъ людей восходятъ и нисходятъ, спишите меня теперь вашей милостью, чтобы обрѣсти меня потомъ и въ дни вашей скудости!

(Опять продолжается нѣсколько минутъ молчаніе).

---

*) Приложенія къ запискамъ Пащекина, стр. 219.

**) «Записки объ А. П. Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 161 и 162.

***) «Записки объ А. П. Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 165.

Бирон (съ опущенными въ землю глазами). Я не могу измѣнить вашего приговора!

Волынскій (медленно поднимаясь съ колѣнъ). Ну, Бирон, я думалъ, что вы умнѣе того, чѣмъ являете теперь себя!.. Я думалъ, что вы вострой бритвы боитесь только въ чужихъ рукахъ, а въ свою съ радостью ее схватите...

Бирон (къ Ушковскому). Приступайте къ исполненію приговора!

Ушковскій (приближаясь къ Волынскому). Поспѣшите!

Волынскій (не обращая вниманія и обращаясь снова къ судьямъ). Я и прежде еще говаривалъ: намъ, русскимъ, хлѣбъ не надобенъ: мы другъ друга ѣдимъ и чрезъ то сыты бываемъ *)... Не за преступленія мои, коихъ вы каждый сторицею больше моего имѣете, казните вы меня; а разумъ мой свѣтлый противенъ вамъ! что къ государственному дѣлу я склоннѣе и способнѣе васъ!.. Кровь моя да падетъ на васъ и на чадъ вашихъ!

(Бирон поворачиваетъ свою голову).

Ушковскій (торопливо стражамъ, показывая на Волынскаго). Уведите его!

(Стража беретъ Волынскаго).

Волынскій (Салтыкову, который стоитъ, отвернувшись, и плачетъ). Не плачь, прощай!

Салтыковъ. Со злости, дядя, плачу, а не отъ другого чего!

(Волынскій обнимаетъ Салтыкова, а старику Гладкову протягиваетъ руку).

Старикъ Гладковъ (цѣлуя у Волынскаго руку). Простите меня, ваше высокопревосходительство, за моего змѣеныша!

Волынскій (останавливаясь, беря себя за голову и какъ бы въ безпамятствѣ). Въ «Отче нашъ» сказано: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!»—такъ стало, когда я не оставлю, я на себя прошу: «и мнѣ не оставь» **). (Кланяясь судьямъ) Оставляю вамъ всѣ долги ваши! (Поворачивается къ дверямъ, чтобы итти, но вдругъ останавливается). Это ужъ и священникъ!.. Удивляюсь: — онъ тотъ самый, коего я видѣлъ сегодня во снѣ, что онъ будетъ напутствовать меня! Буди во всемъ воля Божья! (Склоняетъ голову и уходитъ).

---

*) «Записки объ А. П. Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 136.

**) «Записки объ А. П. Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 164.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Волынскаго и Унковскаго.

Бирономъ (попрежнему не перемѣняя своего неподвижнаго положенія и все оставаясь лицомъ къ авансценѣ). Прочтите и прочимъ приговоръ.

Хрущевъ (беретъ бумагу и читаетъ). «Поручика Салтыкова, за конфидентство его съ дядей Волынскимъ, лишивъ чиновъ, сослать въ Москву въ монастырь, подъ присмотръ настоятеля монастырскаго!»

Салтыковъ (съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ). Поблагодарите государыню, что она оставила мнѣ жизнь; служить ей я еще буду, а съ вами, Гладковъ, также еще повстрѣчаюсь!

(Раскланивается своимъ судьямъ и, сопровождаемый стражей, уходитъ).

Хрущевъ (читаетъ). «Секретаря Гладкова, за слушаніе имъ съ похвальбой богомерзкихъ и законопротивныхъ сочиненій начальника его Волынскаго, а также за писаніе указовъ объ выключкѣ изъ конюшенной службы нѣкоторыхъ нѣмцевъ, заковать въ ножны и держать въ крѣпости» *).

Старикъ Гладковъ (кланяясь сыну). Спасибо, сынокъ, всѣхъ въ тюрьму упряталъ... Единымъ я передъ людьми и Господомъ виноватъ, что родилъ тебя на свѣтъ, ненавистнаго! Съ малыхъ лѣтъ мать и я были мы у тебя только на пересмѣшкахъ!.. Что тебѣ ни дѣлай, — все тебѣ мало и ничѣмъ ты не благодарствуешь, и на конецъ всего—на! На благодѣтеля своего пошелъ и донесъ. Идя на вѣчное мое заключеніе, не прощаюсь я съ тобой, а проклинаю тя!

(Поднимаетъ торжественно руки и уходитъ).

Трубецкой (обращаясь насмѣшливо къ Гладкову). Нежелательно бы, господинъ поручикъ, быть на вашемъ мѣстѣ никому!..

Бирономъ (серьезно взглядывая на Трубецкого). Ваше засѣданіе, господа, вы можете прекратить!

(Всѣ встаютъ, почтительно раскланиваются съ нимъ и уходятъ; Гладковъ остается).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бирономъ и Гладковъ.

Бирономъ (Гладкову). Я вамъ дамъ сейчасъ отчетъ, по коему исполнилъ ваши порученія. Вы желали, чтобы я предложилъ отъ васъ руку фрейлинѣ принцессы Анны Леопольдовны, дѣвицѣ Дмитріевой?

*) «Записки объ А. П. Волынскомъ». «Чтенія Общества Исторіи и Древностей», стр. 168.

Гладковъ. Въ этомъ, ваша свѣтлость, весь вѣнецъ моихъ желаній.

Бирономъ. Гдѣ жъ вы познакомились съ дѣвицей Дмитріевой?

Гладковъ. Я по два лѣта держалъ караулъ на дачѣ принцессы.

Бирономъ. Дѣвица Дмитріева, сколько мнѣ кажется, не красива изъ лица!

Гладковъ (потупляясь). Сердце, ваша свѣтлость, дороже красоты!

Бирономъ. Гмм... А сама дѣвица Дмитріева расположена къ вамъ душевно?

Гладковъ (еще болѣе потупляясь). Имѣю увѣренія ея въ томъ.

Бирономъ. Она теперь, по приглашенію моему, тамъ наверху. Велите служителю, чтобы онъ попросилъ ее сойти сюда!

(Гладковъ уходитъ).

Бирономъ (одинъ къ публикѣ). Русскіе многіе плуты, а этотъ и изъ многихъ очень плутоватый!

(Гладковъ возвращается).

Бирономъ (снова продолжаетъ ему говорить). Вы потомъ просились быть адъютантомъ принца Антона-Ульриха. Я говорилъ о томъ принцу, онъ беретъ васъ въ адъютанты. Такимъ манеромъ супруга ваша будетъ непрестанно пребывать передъ принцессой, а вы передъ принцемъ; какъ нѣжные супруги, вы будете откровенны другъ съ другомъ и найдете потомъ маленькое время завернуть ко мнѣ, какъ къ вашему старому знакомому, разсказать, какъ у васъ тамъ происходитъ...

Гладковъ (нѣсколько подумавъ). Мнѣ, кромѣ вашей свѣтлости, служить некому.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Варвара Дмитріевна въ костюмѣ фрейлины, съ лицомъ умнымъ, но рябымъ и некрасивымъ.

Бирономъ (любезно встрѣчая ее). Verzeihen Sie, Fräulein, что я приглашаю васъ сюда; но дѣла не даютъ мнѣ свободы мѣнять не только костюма, но даже комнатъ. (Подвигаетъ ей кресло и самъ садится). Ich bitte, setzen Sie sich!

(Варвара Дмитріевна садится на кончикъ стула. Гладковъ остается на ногахъ).

Бирономъ (указывая ей на Гладкова). Kennen Sie diesen jungen Offizieren?

Варвара Дмитріевна (сильно сконфуженнымъ тономъ). Да, я знаю очень хорошо Вячеслава Иринархича!

Бирономъ. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ сегодня непріят-

ность: его родитель, по дѣлу Волынскаго, судомъ опредѣленъ на вѣчное заточеніе!

Варвара Дмитріевна (взглянувъ съ участіемъ и съ удивленіемъ на Гладкова). Батюшка вашъ? А вы мнѣ ничего и не говорили, что онъ подъ судомъ!

Гладковъ. Я не ожидалъ самъ такой участи отцу!

Биронъ (благосклонно взглядываетъ на него). Я хотя на короткое время, но желаю заступить вамъ его! (Обращаясь къ Варварѣ Дмитріевнѣ) По русскому обычаю, говорятъ, можно быть родителемъ при крещеніи и свадебнымъ; крещенымъ я ему не могу быть, потому что онъ выросъ и высокъ теперь... осталось свадебнымъ, а это, онъ сказывалъ мнѣ, зависитъ отъ васъ!

Варвара Дмитріевна (сконфузившись). Герцогъ!

Биронъ. Er hat mir mitgeteilt, dass Sie sich heimlich lieben, и потому отказа я не жду!

Варвара Дмитріевна. О, да, герцогъ, съ моей стороны, разумѣется: но принцесса! Sie wünscht für mich eine anständigere Partie!

Биронъ. O, das tut nichts! Принцъ, по моему ходатайству, г-на Гладкова въ адъютанты къ себѣ зачислилъ; такимъ манеромъ вы имѣете совершенно равные ранги.

Варвара Дмитріевна (плача). Герцогъ, слезы благодарности наполняютъ всю мою душу; какъ и чѣмъ выразить ее?

Биронъ. Будьте счастливы и откровенны другъ съ другомъ—вотъ чего я вамъ желаю. (Встаетъ). Оставляю васъ пользоваться первыми минутами счастливой любви! (Кланяется обоимъ привѣтливо и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Варвара Дмитріевна, Гладковъ и потомъ служитель.

Варвара Дмитріевна (восторженно). Это ангелъ, а не человѣкъ! Я не знаю, отчего принцесса такъ не любитъ его и не довѣряетъ ему!

Гладковъ (разсѣянно). А принцесса не любитъ его?

Варвара Дмитріевна. До глубины души своей; но скажи, какъ и съ чего онъ тебѣ благодѣтелемъ становится?

Гладковъ (сконфуженнымъ тономъ). Началось, что призываетъ меня къ себѣ: «Хорошо, говоритъ, что вы не были конфидентомъ Волынскаго!»

Варвара Дмитріевна. А ты имъ никогда не былъ, а?

Гладковъ. Всегда совершенно избѣгалъ.

Варвара Дмитріевна. Потомъ?

Гладковъ. Потомъ спросилъ, чего я желаю, чѣмъ меня наградить? Я говорю: «Одинъ вѣнецъ монхъ желаній—просить руки Варвары Дмитріевны».

Варвара Дмитріевна (опять восторженно). О, милый мой, mercі, сто кратъ mercі! (Складываетъ набожно руки и устремляетъ глаза на небо). Благодарю тебя, Боже, что меня взяли къ принцессѣ и, глупенькую, меня поучили, и что я не противнымъ лицомъ моимъ, а разумомъ плѣнила тебя! А въ адъютанты самъ ужъ ты попросился, чтобы не разлучаться со мной?

Гладковъ (нетвердымъ голосомъ). Въ адъютанты самъ попросился.

(Входитъ служитель и начинаетъ убирать со стола).

Варвара Дмитріевна (начиная тормошить Гладкова). Ну, такъ что же ты скучный и грустный такой? Будь веселъ! Тебя участь родителя безпокоитъ—такъ, да?

Гладковъ (пожимая плечами). Разумѣется!

(Раздается барабанный бой и набатный колоколъ).

Варвара Дмитріевна (торопливо обертываясь къ служителю). Что это такое?

Служитель. Волынскаго везутъ казнить.

Варвара Дмитріевна. Ужасъ что такое! (Закрываетъ лицо руками и потомъ вдругъ обращается къ Гладкову) И, говорятъ, какой-то офицеръ первый донесъ на него,—ты слышалъ?

Гладковъ (дрожа). Нѣтъ!

Варвара Дмитріевна. Что онъ долженъ чувствовать теперь въ эту минуту, слыша этотъ погребальный звонъ; но посмотри, и ты-то какой блѣдный!

(Гладковъ отворачивается отъ нея).

Варвара Дмитріевна. Отчего это—а?

Гладковъ (съ досадою). Я думаю, вѣдь и участь отца моего также теперь рѣшается.

(Колокольный звонъ и барабанъ прекращаются).

Варвара Дмитріевна (восторженно). Затихло все!.. Радуйтесь и будьте счастливы теперь всѣ его враги и доносчики. (Гладковъ беретъ себя за виски, какъ бы боясь, что у него выскочитъ мозгъ).

Служитель. Языкъ г-ну Волынскому еще въ темницѣ отрѣзали, чтобы не крикнулъ чего! Какъ стѣна тихая, народъ шелъ! Кажись, кабы слово онъ промолвилъ, всѣхъ бы на кусочки розняли!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Парадная гостиная во дворцѣ Бирона.

18 октября 1740 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Два камеръ-лакея; одинъ снимаетъ чехлы съ мебели, а другой сметаетъ метелкой пыль.

Первый камеръ-лакей (со вздохомъ). Умерла, братъ, наша матушка государыня, Анна Іоанновна... Добрая она была!

Второй камеръ-лакей. Добрая. Теперь насчетъ присягъ ихъ всего больше мучитъ: на-дняхъ какъ-то этта къ Альбрехту привели мальчишку изъ фельдшарной школы—косу поправить. Онъ его сейчасъ въ допросъ. «Что, говоритъ, про присягу говорятъ?» Тотъ сдуру-то и бухни. «Дяденька, говоритъ, Карнауковъ съ лакеемъ Педрило разговаривали, что у царевны Елизаветы Петровны указъ состоялся, чтобы къ дому Анны Леопольдовны никого не пущать!..» И пошла переборка... драли-драли ихъ всѣхъ, и доказчика съ ними *).

Первый камеръ-лакей. Изнадругался онъ, паря, порядочно и надъ барами-то, не то что надъ чернью!

Второй камеръ-лакей. Да чего, братецъ, мнѣ одинъ монашикъ проходящій сказывалъ: «Мы ужъ, говоритъ, его въ церквахъ нашихъ потихоньку проклинать начинаемъ!..» Плети да казни, моры и голодъ только и видитъ отъ него народъ!

Первый камеръ-лакей. Сама-то этта...

Второй камеръ-лакей. Герцогиня-то?

Первый камеръ-лакей. Да, кричитъ на метрдотеля: «Гдѣ, говоритъ, говядина, что бульонъ нехорошъ!»—«Говядина, говорятъ, ваша свѣтлость, на кухнѣ».—«Носить, говоритъ, мнѣ каждый обѣдъ и показывать ее!» И разложили, братецъ, эту говядинищу-то по серебрянымъ блюдамъ, несутъ во дворецъ, смѣхъ, хохотъ у лакеевъ, паръ, душина отъ нея валитъ... Герцогъ, какъ увидалъ: «Что такое, говоритъ, вонъ подите!» Лакей драло назадъ, и герцогиня не пикнетъ: видитъ, что не дворцовое это дѣло!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Герцогъ Бирон въ полномъ траурѣ и за нимъ Гладковъ.

Бирон (камеръ-лакеямъ). Уйти отсюда!

(Тѣ почтительно кланяются ему и уходятъ).

Бирон (Гладкову строго). Офицеры Семеновскаго полка со-

*) «Маркизъ Шетарди въ Россіи», изд. Пекарскаго, стр. 180.

брались у принца, бранили меня, какъ и въ домѣ г-на Волынскаго... Предлагали принцу быть регентомъ *).

Гладковъ. Ваша свѣтлость изволите знать, что принцемъ я былъ командированъ на двѣ недѣли дѣлать за Поклонной горой облаву на медвѣдя...

Бирономъ (внимательно взглядывая на него). А жена ваша почему не писала вамъ о томъ?

Гладковъ. Жена моя, я увѣренъ, и не знала того, а если бы и знала, то письму побоялась бы довѣрить такую тайну.

Бирономъ. По крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ она вамъ разсказывала, что у нихъ происходило?

Гладковъ. По пріѣздѣ она ничего мнѣ не говорила, а я ее также не разспрашивалъ, боясь показать ей много любопытства, потому что, замѣть она это, совершенно ничего не будетъ говорить мнѣ, по преданности своей къ принцессѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и камеръ-лакей.

Камеръ-лакей (звучнымъ голосомъ). Саксонскій посланникъ, графъ Линаръ!

Бирономъ (нахмуривая брови и про себя). Пріѣхалъ вывѣдать! (Къ камеръ-лакею) Проси, помедля немного.

(Лакей уходитъ).

Бирономъ (Гладкову). Вы его видали: онъ частый гость у принцессы. Доложите ему, что печаль и государственныя занятія мѣшаютъ мнѣ къ нему выйти, а приметъ его герцогиня.

Гладковъ. А мнѣ потомъ какія будутъ приказанія, ваша свѣтлость?

Бирономъ. Приказаніе дожидаться здѣсь во дворцѣ новыхъ моихъ приказаній. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гладковъ (въ раздумьѣ). Богъ вѣдаетъ, куда приведетъ меня фортуна моя, идешь все равно что Даніилъ во рву между львами—либо тотъ, либо другой растерзаетъ, а поди оставь меня, какъ стараго архимандрита, на покоѣ, хуже смерти для меня то будетъ: словно змѣя какая, сосетъ мнѣ сердце непрестанное желаніе возвыситься... Отъ царства небеснаго, кажись, готовъ бы былъ отказаться для того! (Помолчавъ) Жена

*) «От. Зап.», статья: «Событія въ Петербургѣ 1740 и 1741 годовъ», стр. 294.

мнѣ сказывала, что генералъ-фельдмаршалъ Минихъ клятвенно обѣщался принцессѣ освободить ее отъ герцога Бирона. Принцесса сама изволила меня посылать къ нему и, вѣроятно, напредъ сего сдѣлала ему рекомендацію обо мнѣ. Фельдмаршалъ смѣрялъ меня съ головы до ногъ: «Вы, говоритъ, сказываютъ, очень храбрый и смѣлый офицеръ».—«Ваше превосходительство, говорю, какія опасности въ жизни встрѣчалъ, никогда ими не устрашался».—«И не устрашайтесь, говоритъ, устрашаются только люди слабые умомъ и духомъ!» (Показывая головою на дверь) Графъ этотъ больше всѣхъ стоитъ мнѣ поперекъ дороги—какъ нужно будетъ, такъ и убью: онъ проходитъ ночью поздно по коридору, на меня не подумаютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гладковъ и графъ Линаръ.

Графъ Линаръ (красавецъ собою, свысока кивая Гладкову головой). Gut Morgen!

Гладковъ (почтительно). Герцогъ занятъ, и васъ приметъ герцогиня!

(Графъ Линаръ красиво ему улыбается).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и герцогиня (въ дорогомъ траурномъ платьѣ).

Графъ Линаръ (ловко раскланиваясь передъ ней). Герцогиня, отъ имени государя моего позвольте мнѣ выразить печаль о потерѣ, постигшей всю Россію, герцога и все ваше семейство.

Герцогиня (также передъ нимъ модно приседая). Изъясните вашему государю, что, какъ наша печаль ни велика, но мы ее забываемъ передъ тѣмъ, что потеряла Россія: какъ и что съ ней будетъ—не знаемъ! По крайней мѣрѣ такъ думаетъ мой мужъ.

(Движеніемъ головы приглашаетъ посланника садиться и сама также садится).

Графъ Линаръ (нѣсколько конфузясь). Говорятъ, по завѣщанію государыни, до совершеннолѣтія императора, государствомъ будетъ править герцогъ.

Герцогиня. Не знаю—это пока государственная тайна.

Камеръ-лакей (входя). Французскій посланникъ маркизъ де-ля-Шетарди!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и маркизъ де-ля-Шетарди.

Герцогиня (слегка присѣдая передъ нимъ). Герцогъ очень занятъ дѣлами и поручилъ мнѣ принять васъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди (нѣсколько поморщась). Ваше траурное платье, герцогиня, объясняетъ причину моего визита.

Герцогиня (уже нѣсколько кокетничая, но съ чувствомъ). Да, пришлось надѣть этотъ печальный нарядъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди. Генералъ Любрасъ вчерашняго числа извѣстилъ меня, что императрица призвана въ вѣчность, и объявилъ, что на русскій престолъ вошелъ царь Іоаннъ III подъ регентствомъ герцога *).

Герцогиня (попрежнему съ важностью). Въ этомъ есть много, что̀ не рѣшено!

Маркизъ де-ля-Шетарди. По крайней мѣрѣ, я питаю надежду, что при настоящемъ порядкѣ дѣлъ не измѣнится благорасположеніе Россіи къ Франціи, о чемъ я и поспѣшилъ извѣстить моего короля.

Герцогиня (съ совершенной уже важностью). Да, это такъ—да!

Камеръ-лакей (входя). Графъ Остерманъ и графъ Минихъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графъ Остерманъ (его ввозятъ въ креслѣ, оба посланника поотодвигаются, чтобы дать ему мѣсто ближе къ хозяйкѣ).

Остерманъ (наклоняя, какъ котъ, голову на сторону). Желаніе представиться герцогу и вамъ, герцогиня, вызвало меня на величайшую невѣжливость: явиться къ вамъ въ креслѣ, къ которому приковала меня моя тяжкая болѣзнь.

Герцогиня (съ важностью и тонируя). Графъ, въ этомъ креслѣ вы являлись въ кабинетъ императрицы и только дѣлаете мнѣ величайшую честь, входя въ немъ и въ мою скромную гостиную.

Остерманъ (кивая головой посланникамъ). Bonjour, monsieur! Gut Morgen, графъ! (Къ герцогинѣ, показывая на посланниковъ) Присутствіе такихъ высокопочтенныхъ гостей не показываетъ, чтобы ваша гостиная была изъ скромныхъ!

Герцогиня (обидясь). Я васъ, графъ, не понимаю!

Остерманъ (нимало не сконфузясь). Я, не помню, гдѣ-то читывалъ въ исторіи, что возвышеніе государственныхъ людей

*) «Маркизъ Шетарди въ Россіи». Изданіе Пекарскаго, стр. 141.

всегда можетъ познаваться по тому, какъ много и какъ часто ѣздятъ къ нимъ посланники!

Герцогиня (опять важно и протяжно). Да... вотъ что!

Маркизъ де-ля-Шетарди. Oui, c'est vrai!

(Графъ Линаръ только красиво улыбается).

Герцогиня. Гдѣ же графъ Минихъ? объ немъ, я слыхала, докладывали!

Остерманъ (герцогинѣ). Мы пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ, но онъ увидѣлъ, что дворцовый караулъ что-то не въ порядкѣ, расшумѣлся, раскричался...

Герцогиня (съ нѣкоторымъ уже безпокойствомъ). Что тамъ такое произошло?

Остерманъ. Не военный я человѣкъ; ничего въ ихъ гнѣвѣ не понимаю, хоть и признаю всю его основательность!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и графъ Минихъ.

Герцогиня (любезно обращаясь къ нему). Какой вы, графъ, сегодня грозный, сердитый!..

Минихъ. Извиняюсь, герцогиня! (Обращаясь къ Остерману) Наша воинская канцелярія, Бога забывъ, перевираетъ: я имъ одинъ разъ навсегда сказалъ, что герцогъ желаетъ, чтобы дворцовый караулъ держали гвардейцы, а они сегодня поставили армейскихъ драгунъ!

Герцогиня. Да, пожалуйста, чтобы гвардейцы были!

Минихъ. Я сейчасъ послалъ, чтобы преображенцы постоянно держали... Герцогъ?

Герцогиня. Онъ сегодня очень грустенъ и занятъ дѣлами.

Минихъ (развязно и какъ бы ничего не подозрѣвая). Я не знаю, намъ вотъ сегодня съ графомъ (показываетъ на Остермана) Бестужевъ сигналировалъ повѣстками, чтобы мы съѣхались во дворецъ, и что всѣмъ намъ настоятельно нужно видѣть герцога.

Герцогиня (какъ бы съ неудовольствіемъ). Ахъ, этотъ геръ Бестужевъ измучилъ герцога съ своими дѣлами: онъ пріѣзжаетъ къ нему днемъ, ночью, совѣтуется, споритъ съ нимъ!

Маркизъ де-ля-Шетарди. Это, я слышалъ, очень дѣятельный человѣкъ и любитъ трудиться.

Остерманъ (подтверждая). Очень!... очень!.. (Продолжаетъ нѣжнымъ голосомъ) И что удивительнаго, Алексѣй Петровичъ еще молодъ, образованъ, сердеченъ. (Прислушиваясь) Вотъ, кажется, и онъ; легокъ на поминѣ! (Вздыхаетъ).

Камеръ-лакей (входя). Кабинетъ-министръ Бестужевъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Бестужевъ (входя тотчасъ же за камеръ-лакеемъ).

Бестужевъ (кивнувъ слегка головой Остерману, Миниху, посланникамъ и прямо обращаясь къ герцогинѣ). Мы можемъ видѣть герцога?

Герцогиня. Онъ очень занятъ!

Бестужевъ (съ удареніемъ). Мы просимъ васъ, герцогиня, объяснить герцогу, что мнѣ и товарищамъ моимъ *нужно* его видѣть, и что онъ *долженъ* къ намъ выйти! (Обращаясь къ Остерману и Миниху) Полагаю, что такъ?

Остерманъ (уклончиво). Если вы полагаете...

Минихъ (утвердительно). Такъ.

Герцогиня (поднимаясь съ кресель). Повинуюсь вашей волѣ, господа!.. (Къ посланникамъ) Pardon, messieurs! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же безъ герцогини.

Маркизъ де-ля-Шетарди (переглянувшись съ графомъ Линаромъ и обращаясь къ Бестужеву). Можетъ-быть, вы находите нужнымъ, чтобы мы удалились?

Бестужевъ. Напротивъ-съ... по крайней мѣрѣ все, что я буду теперь говорить, я желаю, чтобы вы явили государямъ вашимъ и засвидѣтельствовали передъ лицомъ всей Европы. (Къ Остерману и Миниху) Событія такого рода-съ: по городскимъ слухамъ и по нѣкоторымъ другимъ примѣтамъ, я извѣстился, что герцогъ хочетъ отказаться отъ регентства и уѣхать въ Курляндію.

(Остерманъ и Минихъ переглядываются другъ съ другомъ).

Бестужевъ (Остерману). Какъ ваше мнѣніе, графъ Остерманъ, насчетъ сего?

Остерманъ (склоняя голову). Это извѣстіе такъ ново для меня: я никогда не думалъ объ немъ и полагалъ, что и думать объ немъ не буду.

Бестужевъ. Откладывать, графъ, тутъ некогда: одна минута можетъ сдѣлать, что кормило останется безъ правящей руки!

Остерманъ (соображая). Полагаю, прежде всего надобно доложить матери императора и спросить ее.

Бестужевъ (настойчиво и насмѣшливо). Я желаю знать ваше мнѣніе, графъ, а не матери императора.

Остерманъ. Что жъ мое мнѣніе? Вы у меня спрашиваете его и не даете мнѣ времени составить оное.

Бестужевъ. Составить его очень недолговременно: если герцогъ откажется отъ пріемства регентства, кто жъ останется опекуномъ при императорѣ! Родитель его?—но принцъ, я думаю, такъ будетъ честенъ, что самъ устранится отъ того!.. Принцесса-мать если? — лучше ее въ такомъ случаѣ прямо избрать императрицей!

(Минихъ и Остерманъ молчатъ, маркизъ де-ля-Шетарди лукаво улыбается, графъ Линаръ все болѣе и болѣе начинаетъ волноваться и принимать участіе въ разговорѣ).

Бестужевъ (продолжаетъ). За избраніемъ принцессы пріѣдетъ сюда ея родитель, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, который, по свойствамъ своего характера, неотклонно насъ поссоритъ со всѣми германскими дворами *). (Къ посланникамъ) Не такъ ли я, господа, говорю?

Графъ Линаръ (нетвердымъ голосомъ). Почему же вы полагаете, что, за избраніемъ принцессы въ императрицы, непремѣнно пріѣдетъ ея родитель?

Бестужевъ (дерзко). Я полагаю, что за избраніемъ принцессы въ императрицы многимъ послѣдуетъ хорошо, но не для Россіи только!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Бирон съ заплаканнымъ лицомъ и въ полнѣйшемъ траурѣ.

Бирон. Извините, почтеннѣйшіе гости, что печаль и мои занятія по дѣламъ удержали меня въ моемъ кабинетѣ.

Бестужевъ. Извините, герцогъ, и нашу, въ этомъ случаѣ, невѣжливую настойчивость; но насъ, какъ и всю, полагаю, Россію, смутила вѣсть, что ваша свѣтлость не изволите принимать регентства.

Бирон (съ чувствомъ). Господинъ Бестужевъ, вы русскій и служите Россіи, вы не узнаете моихъ чувствованій, но вы, господинъ графъ Остерманъ, и вы, господинъ графъ Минихъ, можетъ-быть, извѣстны въ нихъ. Великое затрудненіе и большая скорбь служить не своему отечеству!.. Какъ бы ни велика была ваша любовь и преданность къ нему — вамъ не повѣрятъ въ нихъ; будь всѣ ваши намѣренія чисты и безкорыстны, злобная клевета помрачитъ ихъ **). Отъ враговъ моихъ, коихъ я имѣю, какъ песчинъ морскихъ, меня спасала милость моей государыни и благодѣтельницы; но нынѣ, за смертью ея, я

*) «Отеч. Зап.», стр. 285: «Событія 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ».
**) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 287.

одинъ остаюсь въ ихъ власти, и мнѣ два пункта: или оставить мою голову въ рукахъ ихнихъ, или имѣть за великое званіе регента Россійской имперіи скромный титулъ герцога курляндскаго—избрать послѣднее велить мнѣ мой самый простой разумъ...

Бестужевъ. Герцогъ, позвольте васъ остановить на этомъ: званіе герцога курляндскаго, коему вы теперь являете такое предпочтеніе передъ службой Россіи, кто далъ вамъ его?

Бирономъ (какъ бы обидясь). Избравшее меня дворянство курляндское и милость государыни моей!

Бестужевъ (перебивая его). Избравшее васъ дворянство, милость государыни и могущество Россіи!.. Вы всѣмъ обязаны моему отечеству, и если вы въ годину его бѣдствія, когда кормило сего великаго корабля находится въ слабыхъ рукахъ младенца, хотите бѣжать изъ него, я первый лягу на порогѣ вашемъ и буду требовать, чтобы васъ судили и казнили, какъ измѣнника!

(Биронъ стоитъ, нахмуривъ брови и опустивъ глаза въ землю).

Остерманъ (въ сторону). Смѣлъ ужъ очень Бестужевъ; понимаю теперь, откуда вѣтеръ дуетъ! Надо и мнѣ горячиться! (Взглянувъ на Миниха, который все время стоитъ, опершись на шагу) Ваша свѣтлость изволили упомянуть о врагахъ, кои васъ окружаютъ, и кто защититъ васъ отъ нихъ? Графъ Минихъ и войско россійское, которое собственнаго царя Петра защищало отъ невѣжества и злоумышленности русскихъ! (Къ Миниху) Не правда ли, графъ?

Минихъ. Я самъ служу двадцать лѣтъ чужой странѣ и о врагахъ моихъ и злобѣ ихней ни минуты не помышлялъ.

Биронъ. И я не объ нихъ, графъ, помышляю — повѣрьте мнѣ!.. Не ихъ я боюсь, а моего правленія!.. Не за жизнь мою опасаюсь, а за дѣйствія мои, чтобы были они достойны моего избранія!

Бестужевъ. Дѣйствіе, которое вы теперь умышляете, отказываясь отъ регентства, есть худшее ваше дѣло, какое вы когда-либо могли сдѣлать!..

Остерманъ (съ чувствомъ). Да, душа императрицы не порадуется за него на небесахъ!

Биронъ (какъ бы побѣжденный и совсѣмъ сконфуженный). Господа, вы поступили со мной, какъ великіе римляне!.. хочу и буду служить моему и вашему отечеству регентомъ! (Подходитъ и начинаетъ всѣхъ неловко обнимать и цѣловать *).

Маркизъ де-ля-Шетарди. Они больше бы походили на

*) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 290.

великихъ римлянъ, если бы поступили съ герцогомъ, какъ тѣ поступили въ мартовскія иды съ Цезаремъ *).

Графъ Линаръ (улыбаясь). Да!

Бестужевъ. Ваша свѣтлость, тамъ внизу дожидается депутація отъ сената.

Бирономъ. Просите ее сюда.

(Бестужевъ дѣлаетъ знакъ головой камеръ-лакею).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и человѣкъ шесть или семь сенаторовъ.

Старшій сенаторъ. Ваша свѣтлость, россійскій сенатъ, въ изъявленіе своей и всея Россіи преданности, имѣетъ счастіе поднесть вашей свѣтлости титулъ его высочества и 500 тысячъ на содержаніе вашего всепресвѣтлѣйшаго двора **).

Биронъ (гордо). Благодарю и клянусь, что буду блюсти сенатъ: правосудіе есть особенное благополучіе государства, и гдѣ нѣтъ его, тамъ нѣтъ и благословенія Божія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу, чтобы титулъ его высочества былъ поднесенъ и родителю императора ***).

Сенаторъ. Передадимъ ваше желаніе присутствію. (Отходитъ и вмѣстѣ съ товарищами становится нѣсколько въ сторонѣ).

Биронъ (Бестужеву). На два слова, Алексѣй Петровичъ!

(Отходитъ съ нимъ въ сторону и начинаетъ говорить вполголоса).

Остерманъ (Шетарди). Парижъ, пишутъ, славится нынѣ хорошими актерами?

Маркизъ де-ля-Шетарди. Да.

Остерманъ (наклоняя голову и вполголоса). Появляются и изъ русскихъ отличные!

Минихъ. И сочинители есть превосходные!

(Маркизъ де-ля-Шетарди и графъ Линаръ усмѣхаются).

Биронъ (посланникамъ). Сколько ни пріятно мнѣ ваше посѣщеніе, но мы сейчасъ должны заняться нѣкоторыми государственными дѣлами!

(Посланники тотчасъ же раскланиваются).

Маркизъ де-ля-Шетарди. Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи!

Графъ Линаръ. И съ моей стороны позвольте тоже...

(Оба уходятъ).

---

*) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 290.

**) Тамъ же, стр. 293.

***) Тамъ же.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Бирономъ, Остерманъ, Минихъ, Бестужевъ, Гладковъ и сенаторы.

Бирономъ (показывая на Бестужева). Я сейчасъ объяснилъ Алексѣю Петровичу о главной рацеѣ отказа моего: 17 октября господинъ принцъ Антонъ-Ульрихъ имѣлъ у себя собраніе господъ офицеровъ, кои, съ поднятіемъ шпагъ, пропозировали возвести его вмѣсто меня въ регенты *). Хотя симъ высокимъ званіемъ я обязуюсь неизреченной милости покойной государыни и утвержденъ нынѣ въ ономъ вашимъ избраніемъ; но если предстоящіе здѣсь чины найдутъ господина принца Антона-Ульриха способнымъ къ управленію дѣлами, то я имѣю намѣреніе сейчасъ же уступить ему всѣ права мои!..

Всѣ (въ одинъ голосъ). Мы желаемъ, чтобы вы были регентомъ, ваше высочество!

Бирономъ (всѣмъ кланяется). Поэтому прошу поступокъ принца Антона-Ульриха, какъ къ измѣнѣ государственной клонящійся, предать на всѣхъ васъ обсужденіе и наказаніе!

(Всѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переглядываются другъ съ другомъ).

Бирономъ (показывая на Гладкова). Адъютантъ его здѣсь и мною сюда потребованъ. Ему желаю я, чтобы вы передали ваше рѣшеніе! (Отходитъ и становится въ сторону).

(Всѣ нѣкоторое время недоумѣваютъ и молчатъ).

Бестужевъ (къ Остерману и Миниху). Чѣмъ же мы рѣшимъ?

Минихъ (Гладкову). Подойдите сюда!

(Гладковъ подходитъ).

Минихъ. Вы самый тотъ офицеръ, котораго принцесса вчера присылала ко мнѣ?

Гладковъ. Я самый, ваше сіятельство!

Минихъ (твердымъ начальническимъ тономъ). За безпорядокъ, произведенный принцемъ въ Семеновскомъ полку, я, властью фельдмаршала, арестую его домашнимъ арестомъ; къ нему во дворецъ, кромѣ меня, никого не допускать, а также и самъ онъ не имѣлъ бы изъ своихъ комнатъ выходу, а если имѣетъ какія-либо надобности, командировалъ бы васъ.

(Гладковъ кланяется и опять уходитъ въ глубь сцены).

Бирономъ (пожимая руки Миниху). Благодарю!

Бестужевъ. По-моему, мало!..

*) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 295.

Бирон (Гладкову). Отправляйтесь и передайте рѣшеніе принцу! (Уходитъ, сопровождаемый Бестужевымъ).

(Сенаторы кланяются ему вслѣдъ и уходятъ).

Минихъ (Остерману). А мы съ вами?..

Остерманъ. Съ вами пока, съ вами!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Гладковъ (одинъ). Ежели Бирон еще недѣлю оставитъ намъ съ Минихомъ головы на плечахъ, мы возведемъ принцессу на престолъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

8 ноября 1740 года.

Зала во дворцѣ Бирона: на одной сторонѣ ея мягкій диванъ съ стоящимъ передъ нимъ маленькимъ столикомъ; по разнымъ мѣстамъ сцены приготовлены карточные столы со свѣчами, картами и щеточками. По срединѣ сцены стоятъ три пюпитра и столикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ графъ Минихъ и графъ Левенвольде.

Минихъ (съ досадой). Нельзя же, графъ, играть на скрипкѣ *)!

Левенвольде. А ваша игра, что вы затѣваете, очень опасна!

Минихъ. Передъ этимъ нечего останавливаться: терпѣть еще долѣе въ такой власти невозможно! Семьдесятъ тысячъ семействъ, пишутъ въ нѣмецкихъ газетахъ, сосланы въ его управленіе въ Сибирь. Русскіе переносятъ-переносятъ, да и камъ вмѣстѣ съ нимъ поспибаютъ головы.

(Левенвольде возводитъ глаза къ небу и вздыхаетъ).

Минихъ. Потомъ его обращеніе съ семействомъ императора?.. Я вынужденъ былъ принца посадить подъ арестъ, иначе бы онъ его въ крѣпость упряталъ. Съ принцессой обходится, какъ съ послѣдней камеръ-фрау.

Левенвольде. Доложить и объявить обо всемъ этомъ надо!

Минихъ. Кому-съ?.. Сенату, что ли?.. Смѣшно слышать васъ, графъ! Побоится онъ его очень...

---

*) «Маркизъ де-ля-Шетарди въ Россіи 1740 и 1741 годовъ», стр. 4.

Левенвольде (съ нѣкоторой ядовитостью). Не надобно было бы предлагать ему регентства, тѣмъ болѣе, когда онъ самъ отказывался отъ него!

Минихъ. Э, полноте, пожалуйста, отказывался!.. Комедія, которую, по его приказу и сочиненію, сыгралъ Бестужевъ *). Но какъ бы то ни было, ошибкой ли, стеченіемъ ли обстоятельствъ мы были приведены къ тому, но теперь надо поправить это!

Левенвольде. Чтобы поправить, я не вижу какъ; а что головы наши будутъ на плахѣ,—это я почти навѣрное знаю!..

Минихъ. А вы думаете, безъ того намъ оставятъ ихъ? Будемте ужъ, графъ, говорить не какъ государственные люди, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ, коимъ близка жизнь своя. Не думаю, чтобы вы не замѣтили, какъ герцогъ любезенъ съ цесаревной Елизаветой Петровной.

Левенвольде (какъ бы сообразивъ). Да, онъ внимателенъ къ ней!

Минихъ (насмѣшливо). Женить ему на ней сына Петра недурно будетъ!

Левенвольде (съ нѣкоторымъ уже испугомъ). Но цесаревна сама очень далека отъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ.

Минихъ. Не знаю-съ; но знаю, что цесаревна ведетъ переговоры съ французскимъ посломъ, и когда я заявилъ о томъ Бирону и предложилъ ему, въ видахъ безопасности нынѣшняго моего государя, цесаревну Елизавету удалить на время въ монастырь, онъ руками и ногами противъ того; значитъ, у него улажено тутъ и тамъ; ему все равно,—ну, а намъ нѣтъ!

Левенвольде (окончательно испугавшись). Что это, — кому намъ?

Минихъ. Намъ-съ, нѣмцамъ!.. Мнѣ, и вамъ, и Фридриху какому-нибудь, и Карлу...

Левенвольде (потупляясь). Я, конечно, болѣе всего желаю восшествія на престолъ Анны Леопольдовны; но что же мы можемъ сдѣлать для того?

Минихъ. Пока, я надѣюсь, вы на сегодняшній вечеръ только и пригласили тѣхъ лицъ, о которыхъ я вамъ говорилъ?

Левенвольде. Только къ тѣмъ и посланы билеты.

Минихъ. Ну, а объ остальномъ я ужъ позаботился: а вы межъ тѣмъ улыбайтесь герцогу, забавляйте его музыкой!..

Левенвольде (вздыхая). Хороша для меня сегодня музыка будетъ!

---

*) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 286.

ЯВЛЕНІЕ II.

Изъ кабинета Бирона выходитъ Гладковъ и медленно проходитъ по задней части сцены.

Левенвольде (всматриваясь въ него). Что это тамъ за офицеръ проходитъ?

Минихъ (также взглянувъ туда, восклицаетъ съ удивленіемъ). Поручикъ Гладковъ!

Гладковъ (приближаясь). Я, ваше сіятельство!..

Минихъ (дрожа всѣмъ тѣломъ). Какъ смѣли вы здѣсь быть?

Гладковъ. Я самъ просилъ герцога, чтобы онъ потребовалъ меня къ себѣ.

Минихъ (Левенвольду). Мы преданы! (Къ Гладкову) Я велю васъ сейчасъ арестовать!

Гладковъ (перебивая его). Ваше сіятельство, не извольте безпокоиться; я имѣю вамъ два слова сказать.

Минихъ. Говорите!

Гладковъ. Я могу сказать только наединѣ.

Минихъ. Говорите, графъ изъ нашихъ.

Левенвольде (отмахиваясь руками). Нѣтъ, зачѣмъ же! Я могу и отойти! (Отходитъ нѣсколько въ сторону).

Гладковъ (вполголоса Миниху). Я донесъ герцогу, что противъ него заговоръ, и что его предположено арестовать черезъ три дня.

Минихъ (съ улыбкою). Послѣ сегодняшняго?

Гладковъ. Да-съ. Точно о томъ же получилъ безыменную записку г-нъ Лиманъ и тоже донесъ о томъ герцогу.

Минихъ. Записку г-нъ Лиманъ, конечно, получилъ отъ васъ?

Гладковъ. Отъ меня-съ.

Минихъ (взглянувъ на Левенвольде и показывая головой на Гладкова). Недуренъ

(Левенвольде грустно улыбается и качаетъ головой).

Минихъ (Гладкову). Поѣзжайте сейчасъ къ принцессѣ и скажите ей, что преображенцы съ заряженными ружьями стоятъ у ея дворца! По крайней мѣрѣ, вышла бы она къ нимъ и отдала бы имъ приказанія, о которыхъ я ей говорилъ. Потомъ пусть Манштейнъ ведетъ ихъ сюда! Караульному офицеру сказать моимъ именемъ, чтобы пропустилъ! Если будетъ сопротивляться, убить его или арестовать; здѣсь во дворцѣ проведете вы; расположеніе комнатъ вы знаете!

(Левенвольде отворачивается, какъ бы боясь слышать, что говоритъ Минихъ).

Гладковъ. Ваше сіятельство, не прикажете ли раздѣлиться

на два отряда: одинъ съ г. Манштейномъ войдетъ въ эти большія двери, а съ другимъ я изъ коридора, чтобы прервать герцогу всякую возможность къ отступленію.

Минихъ. Недурно!.. Если не крѣпость, то человѣка одного сумѣете взять,—ступайте!

(Гладковъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Минихъ и Левенвольде.

Левенвольде. Какъ вы этому офицеру ввѣряете такое порученіе: онъ—тотъ самый, который первый донесъ на Волынскаго!

Минихъ. Принцесса ему очень довѣряетъ... Еще съ годъ тому назадъ, держа на дачѣ караулъ у нея, онъ остановилъ ее въ саду, бросился передъ ней на колѣни и поклялся возвести ее на престолъ.

Левенвольде (останавливая его испуганнымъ голосомъ). Тсс... Замолчите, Бога ради, идутъ сюда...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Бирон; его сопровождаетъ, въ подобострастной позѣ, Куракинъ.

Куракинъ. У Остермана, ваше высочество, говорятъ, три бога: нѣмецкій, русскій и турецкій. Сначала онъ помолится нѣмецкому богу, потомъ русскому, потомъ турецкому, а выйдетъ изъ моленной,—всѣхъ ихъ и обманетъ!

Бирон (слегка смѣясь). Остроумно и справедливо. (Къ Миниху и Левенвольде) Какъ я рано васъ вижу, господа, у себя; благодарю, что вы такъ нетерпѣливо желали меня видѣть

(Левенвольде потупляется).

Минихъ (спокойно). Мы не знали часу, къ коему вашему высочеству угодно, чтобы мы прибыли къ вамъ.

Бирон (съ гримасой). Я желалъ бы, чтобы вы всѣ часы дня и ночи были около меня!..

Минихъ. Это зачѣмъ такъ?

Бирон (съ удареніемъ). Чтобы не были никогда *противъ меня*... Мнѣ сильно нездоровится сегодня, я попрошу извиненія у гостей и прилягу! (Полуложится на диванъ). Левенвольде, распоряжайтесь этикетомъ, а вы, Куракинъ ужиномъ; но вотъ и герцогиня!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и герцогиня.

Герцогиня (входя). Bonsoir, messieurs, bonsoir. (Прямо обращаясь къ Миниху) Я непремѣнно, графъ, желаю съ вами въ карты играть: вы мнѣ такъ любезно въ прошлый разъ проиграли 300 червонцевъ, что я желаю у васъ еще выиграть!

Минихъ (вѣжливо ей кланяясь). Если вамъ угодно! (Оба усаживаются за карточный столъ. Входятъ другіе гости, все мужчины. Они кланяются герцогинѣ, та полуоборачивается къ нимъ и киваетъ головой; потомъ они издали кланяются герцогу; тотъ имъ, не приподнимаясь съ дивана, киваетъ головой).

Герцогиня (вполголоса Миниху). Мужъ мой за что-то на васъ сердится!

Минихъ (тасуя карты). За что?

Герцогиня. Не знаю; но не безпокойтесь; я васъ помирю съ нимъ!

(Начинаютъ играть).

Бирономъ (Куракину). Куракинъ, присядьте ко мнѣ и разскажите, какой вы намъ ужинъ заготовили.

Куракинъ (присаживаясь и обрадованнымъ голосомъ). Ужинъ, ваше высочество, будетъ букетъ всей европейской кухни: соте съ пѣтушьими гребешками,—пѣтухъ еще пѣлъ; ему отрубили голову, отрѣзали гребешокъ и бородку, сейчасъ сварили ихъ и положили на блюдо.

Бирономъ. Пѣтухъ еще пѣлъ, и ему голову срубили! Что это, не намекъ ли на кого-нибудь и на что-нибудь?

Куракинъ (съ чувствомъ собственнаго достоинства). Герцогъ, я въ кушаньи всегда только кушанье и вижу, ибо предпочитаю сіе всему на свѣтѣ.

Бирономъ. Дальше!

Куракинъ. Дальше!.. Есть у насъ свои блага природныя, которыя человѣкъ не цѣнитъ,—это наши маленькія гатчинскія форели...

Бирономъ. Недурны!..

Куракинъ. Я, ваше высочество, возилъ ихъ въ Парижъ на кораблѣ; четыре различныя воды онѣ перемѣнили; жили въ удушьѣ корабельнаго трюма, и мы ихъ потомъ съ графомъ Стенбокомъ ѣли въ одномъ изъ лучшихъ отелей — тамошнія форели и наши: наши вышли лучше!

Бирономъ (не слушая его). А жаркое какое?

Куракинъ. Жаркое—фазаны!

Бирономъ. Фазаны сухи очень—вонъ какъ лицо у Миниха!..

Мнѣ не знаю почему-то представляется, что оно изъ фазаньяго мяса.

Куракинъ. Но не полагаю, чтобы оно такъ же было вкусно!.. Все то зависитъ отъ того, что фазаны — дичь, убиваются на мѣстѣ и привозятся сюда почесть вяленые; мои же фазаны, которые я имѣю честь презентовать вамъ на ужинъ, живые, маленькими изъ степей привезенные и на птичникѣ у меня вскормленные... Я однимъ могу похвалиться въ жизни, что блюда, для коего бы мясо было убито два дня тому назадъ,—не ѣдалъ; въ животномъ то и дорого, чтобы оно у васъ на языкѣ сохранило еще остатокъ жизни своей, своихъ страстей, чувствъ...

Бирон (не слушая его и какъ бы про себя). Левенвольде совершенно приросъ къ Минниху, точно отойти отъ него не смѣетъ... Графъ Левенвольде!..

(Левенвольде вздрагиваетъ и обращается къ нему).

Бирон. Займите и прочихъ моихъ гостей!

Левенвольде. Съ удовольствіемъ! (Подходитъ и усаживаетъ нѣкоторыхъ гостей въ карты играть, а съ другими начинаетъ разговаривать потихоньку).

Куракинъ (стараясь съ своей стороны занять Бирона). Про Левенвольде, ваше высочество, разсказываютъ, что онъ въ молодости такъ любилъ танцовать, что разъ, когда онъ ходилъ по залѣ отца, бывшая тутъ легавая собака начала чесаться и стучать ногой, графъ сейчасъ же началъ подпрыгивать и приговаривать: «почаще, почаще, мой другъ!».

Бирон (нѣсколько улыбаясь). Забавно! А что, скажите, про васъ разсказываютъ: хитрецъ вы или весельчакъ?

Куракинъ. Про меня докторъ Санхецъ говорилъ, что у меня одинъ недостатокъ и противъ него одно лѣкарство. Это отправить меня въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни вина, ни водки, ни пива, ни меду *).

Бирон. Всего этого и въ крѣпости нѣтъ!.. Графъ Левенвольде!

Левенвольде (опять обертываясь къ Бирону съ нѣкоторымъ испугомъ). Къ вашимъ услугамъ!

Бирон. Вы намъ какое-то музыкальное удовольствіе хотѣли доставить?

Левенвольде. Квартетъ: двѣ скрипки, флейта и цимбалы; послѣднія очень пріятный инструментъ.

Бирон. Гдѣ же они?

Левенвольде. Дожидаютъ въ сосѣдней комнатѣ.

---

*) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Сочиненіе Щербатова.

Бирон. Позовите их.

(Левенвольде уходит и сейчас же возвращается с четырьмя музыкантами. Бирон их внимательно осматривает с головы до ног)

Левенвольде. Прикажете начинать?

Бирон. Прошу вас.

(Музыканты начинают играть. Все гости внимательно слушают).

Герцогиня (переставая играть). Прелесть! Безподобно!

Минихъ. Отлично! (Смотрит на часы).

Бирон (Миниху). Что вы все смотрите на часы?

Минихъ (спокойно). Смотрю: долго ли мы съ герцогиней играли.

Бирон (движеніемъ руки останавливая игру квартета). Эти цимбалы очень похожи на наши русскія гусли, и онѣ мнѣ напоминают Волынскаго. Онъ нарочно выписалъ малороссагусляра, который пѣлъ про меня ругательныя пѣсни. Я потомъ велѣлъ этого музыканта заморозить...

(Всѣ молчатъ и потупляются).

Бирон (къ музыкантамъ). Можетъ, и васъ сюда выписали играть что-нибудь про меня?

Флейта (вставая и довольно бойко). Нѣтъ, ваше высочество!

Бирон. Вы кто такой—жидъ?

Флейта. Нѣтъ—нѣмецкій музыкантъ Шварцъ.

Бирон. Врете — жидъ... продажный народъ; продажнѣе, чѣмъ русскіе!

Герцогиня (оборачиваясь къ мужу и строгимъ голосомъ). Что у тебя сегодня за голосъ, за выраженія?.. Съ гостьми надобно быть любезну, а не сердиту!

Бирон. Да, я сердитъ сегодня. (Къ музыкантамъ) Какъ у васъ по имени этотъ царь, который, когда гнѣвался, его Давидъ успокаивалъ?

(Музыканты переглядываются и молчатъ).

Минихъ. Царь Саулъ.

Бирон. Да, Саулъ! Я самъ сегодня Саулъ. Говорятъ, когда человѣкъ сердитъ, ему скорѣй всего надо давать ѣсть!.. (Къ Куракину) Князь Куракинъ, будьте такъ добры—распорядитесь, чтобы намъ немедля давали ужинать!

Куракинъ (подойдя къ дверямъ и къ стоящимъ тамъ камеръ-лакеямъ). Подавать!

(Тѣ вносятъ нѣсколько маленькихъ, совсѣмъ уже накрытыхъ и съ винами, столиковъ, разставляютъ ихъ по сценѣ и приставляютъ къ нимъ стулья).

Минихъ (съ неудовольствіемъ герцогинѣ). Что такъ рано ужинать?.. Мы не кончили еще партіи.

Герцогиня (обертываясь къ мужу). Эрнестъ! мы не кончили еще игры.

Бирон. Это до меня нисколько не касается, я спать хочу! (Вставая и обращаясь къ гостямъ) Прошу! (Садится къ столу, ближайшему къ авансценѣ).

Герцогиня (Миниху). Пойдемте, покоримтесь ему! (Подходятъ съ Минихомъ и садятся за одинъ столъ съ Бирономъ; обращаясь къ мужу) Я не понимаю, что такое съ тобой; ты забываешь всякое приличіе!

Бирон. Вонъ графъ Минихъ, можетъ-быть, понимаетъ, что со мной. (Обращаясь къ Миниху) Вы опять, какъ за обѣдомъ же, сѣли *противъ меня!*

Минихъ (смѣясь). Вы этимъ *противъ* цѣлый день меня сегодня попрекаете!

Бирон. Боюсь, чтобы мнѣ всю жизнь не пришлось васъ этимъ попрекать; кстати, мнѣ давно хотѣлось васъ спросить: какъ вы больше дѣлали нападенія на непріятеля, днемъ или ночью?

Минихъ (нѣсколько сконфузившись). Мнѣ столько разъ случалось нападать, что всяко бывало: и днемъ и ночью; я только никогда не упускалъ благопріятнаго случая на то *).

Бирон. Только!.. (Прислушавшись и поблѣднѣвъ) Что это за шумъ? (Поднимается на ноги).

Герцогиня (также приподнимаясь). Я какъ будто бы слышу солдатскіе шаги!

(Минихъ встаетъ и отходитъ на другую сторону сцены).

Бирон (кричитъ страшнымъ голосомъ на камеръ-лакеевъ). Что тамъ за шумъ?

(Тѣ блѣднѣютъ и молчатъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ дверяхъ показывается Манштейнъ съ преображенцами. На лицахъ всѣхъ гостей, кромѣ Миниха, изображается страхъ и удивленіе. Левенвольде не знаетъ, куда и глядѣть.

Бирон (еще болѣе поблѣднѣвъ, отступая нѣсколько назадъ и хватаясь за стулъ, къ Манштейну). Какъ вы смѣли сюда войти?

Манштейнъ (ровнымъ голосомъ и приложивъ руку къ шляпѣ). По волѣ государя моего, Іоанна третьяго, и родительницы его, принцессы Анны Леопольдовны, арестую васъ, герцогъ курляндскій!

Бирон (едва соображая, что говорить). На эту дерзость я могу только дать отвѣтъ въ моемъ кабинетѣ! (Повертывается и хочетъ уйти, но тамъ ему навстрѣчу выходитъ Гладковъ).

---

*) «Жизнь графа Миниха», сочиненіе Галема, стр. 192.

Бирон (понявъ, въ чемъ дѣло). А, отсюда вы! (Отталкиваетъ Гладкова и хочетъ уйти, но тотъ хватаетъ его сзади, оба скрываются, слышится шумъ).

Герцогиня (обращаясь къ Миниху). Графъ, спасите мужа моего и меня, я приказываю вамъ это... Я прошу васъ!

Минихъ (одному изъ офицеровъ). Арестуйте и герцогиню пока.

Герцогиня (въ отчаяніи). Минихъ? Я скорѣе бы повѣрила смерти безсмертнаго Бога, чѣмъ тому, какъ вы поступили съ нами *)! (Падаетъ въ обморокъ на руки офицера и солдатъ; тѣ уносятъ ее).

Куракинъ (заглянувъ въ двери и обращаясь къ Миниху). Солдаты начинаютъ бить герцога прикладами!

Минихъ (подойдя къ двери). Отстать! Смирно! Герцогъ, не сопротивляйтесь, иначе я велю васъ убить!

Голосъ Гладкова. Теперь ничего-съ; я связалъ ему руки шарфомъ **)!

Минихъ. Г-нъ Гладковъ! Свезите герцога за конвоемъ въ крѣпость и донесите правительницѣ, что ея приказаніе исполнено! (Отходитъ отъ двери и обращаясь къ Манштейну) А вы отправляйтесь къ войскамъ и объявите, что, по волѣ матери императора, герцогъ Бирон арестованъ, и что, впредь до совершеннолѣтія сына, она сама вступитъ въ управленіе имперіей!

(Манштейнъ раскланивается съ нимъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Минихъ, Куракинъ, Левенвольде и нѣкоторые гости, которые не разбѣжались отъ страха.

Минихъ (самодовольно обращаясь ко всему обществу). Извините, господа, что я вамъ ужинъ поразстроилъ—можете продолжать его!

Нѣсколько голосовъ. Какой ужинъ теперь, помилуйте!

Куракинъ. Ужинъ не ужинъ, а за здоровье освободителя надо выпить. (Къ лакеямъ) Разлейте и подавайте вино.

Старикъ Салтыковъ. Именно освободителя. (Кланяясь Миниху) Дай вамъ Богъ всякаго счастья и здоровья.

Минихъ. Я желаю только счастья Россіи.

Старикъ Салтыковъ. А для Россіи, чтобы доносчиковъ меньше было. Въ мое генералъ-губернаторство въ Москвѣ, въ Ельцѣ по городу ходила въ брильянтахъ и бархатѣ Пастька-доказчица, которая на всѣхъ, на кого озлобится, донесетъ, и всѣ ради того чествуютъ и угощаютъ ее ***).

*) «От. Зап.»: «Соб. 1740 и 1741 годовъ въ Петербургѣ», стр. 101.
**) Тамъ же, стр. 300.
***) «Русскій Архивъ», стр. 365.

Майоръ Репнинъ. И чтобы народу полегче было. Я самъ былъ гоняемъ по областямъ, и если гдѣ есть неплательщики, предписано было ихъ самихъ, родныхъ ихнихъ и сосѣдей ставить голыми ногами на снѣгъ и бить палками *). При Грозномъ отъ опричниковъ этого не было.

(Лакеи подносятъ вино).

Куракинъ. Вино готово-съ!

(Всѣ берутъ въ руки по бокалу и поздравляютъ Миниха; онъ почти со всѣми цѣлуется).

Куракинъ (подойдя также къ Миниху). А мнѣ, ваше сіятельство, позвольте, вмѣсто похвальнаго слова, вамъ разсказать одинъ анекдотъ про монаха. (Съ разстановкой) Сей монахъ, съ большимъ трудомъ, въ постный день, приготовилъ себѣ яичницу и, поставя оную въ шкапъ, пошелъ покалякать съ братіей въ садъ; въ сіе время другіе монахи, всѣ имѣвшіе отличное обоняніе, пронюхали яичницу, пришли къ нему въ келью и съѣли ее.

Минихъ (съ усмѣшкой). Не похожъ ли я на этого монаха?

Куракинъ. Частью, и я даже боюсь, чтобы вамъ не прозѣвать у принцессы вашей яичницы; по разнымъ придворнымъ запахамъ, я это сильно подозрѣваю, — вамъ не мѣшало бы сейчасъ же ѣхать туда!

Минихъ. Хорошо, поѣду: (Поворачивается, но видитъ, что ввозятъ въ креслахъ Остермана и входитъ Гладковъ). А, вотъ нашъ любезнѣйшій графъ! (Про себя) Не къ добру эта лисица пріѣхала сюда!

Остерманъ (совершенно болѣзненнымъ голосомъ, показывая на двѣ бумаги въ своей рукѣ). Я привезъ манифестъ правительницы, а вотъ тутъ и награды!

Минихъ (явно взволнованнымъ голосомъ). Кому же и какія?

Остерманъ (тѣмъ же болѣзненнымъ и неторопливымъ голосомъ). Я назначенъ генералъ-адмираломъ, съ завѣдываніемъ иностранными дѣлами... Вамъ, Куракинъ, пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго... принцъ Брауншвейгскій назначенъ генералиссимусомъ...

Минихъ (не могши совладѣть съ собой). А мнѣ что же? Я чѣмъ назначенъ?

Остерманъ. Вамъ, кажется, желалось быть герцогомъ малороссійскимъ?..

Минихъ. Да, если ужъ не я генералиссимусъ!..

---

*) «Русскій Архивъ», стр. 366.

Остерманъ (совершенно спокойно). Вы первымъ министромъ назначены!

Минихъ. Но что же я буду дѣлать тутъ?

Остерманъ (какъ бы не слыхавъ его). Вы сдѣланы еще полковникомъ конногвардейскаго полка! (Всѣ въ удивленіи).

Куракинъ (къ публикѣ). Яичницу-то и съѣли у Миниха!

Минихъ (обращаясь къ Гладкову). Вы чѣмъ награждены?

Гладковъ (потупляя глаза). Я произведенъ въ слѣдующій чинъ.

Минихъ (опять не утерпѣвъ и потирая руки). Мы съ вами больше всѣхъ дѣлали и меньше всѣхъ получили—ничего!

(Остерманъ сидитъ, поникнувъ головой, какъ бы ни въ чемъ неповинный).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Лѣтній садъ. Въ лѣвой сторонѣ ворота дворца и находящаяся около нихъ гауптвахта съ будкою на плацу. Вдали виднѣется замерзшая и блистающая Нева. На небѣ, высоко надъ обезлиственными деревьями, стоитъ луна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Гладковъ и капитанъ Семеновскаго полка.

Гладковъ (капитану). Сегодняшнюю ночь на этой гауптвахтѣ вы будете держать караулъ! Будьте все время на плацу! Опасайтесь паче чѣмъ за жизнь вашу быть небдительнымъ.

Капитанъ (флегматическимъ голосомъ). Слушаю-съ! (Хочетъ уйти).

Гладковъ (останавливая его). Господинъ капитанъ!

(Капитанъ останавливается).

Гладковъ. Генералиссимусъ извѣстился, что вы съ вашей семьей терпите великую нужду; онъ очень сожалѣетъ, что вы не сказали ему о томъ; онъ желаетъ быть дружественнымъ покровителемъ господъ офицеровъ и посылаетъ вамъ 300 червонцевъ *).

Капитанъ (принимая деньги, прежнимъ равнодушнымъ тономъ). Благодарю-съ.

Гладковъ. Генералиссимусъ надѣется, что вы, за его участіе, отплатите ему вашей вѣрностью.

---

*) «Шетарди», стр. 261.

Капитанъ. Мнѣ какъ прикажутъ, такъ я служить и буду.

Гладковъ. Идите на вашъ постъ!

(Капитанъ отходитъ къ гауптвахтѣ и, остановившись на плацу, облокачивается на барьеръ).

Гладковъ (одинъ на авансценѣ). Онъ либо дуракъ, либо что-то не вѣренъ!.. Самъ ужъ буду бодрствовать!.. Четыре ночи я не сплю и стерегу ихъ!.. Лихорадка во всемъ тѣлѣ... Словно какое божеское потемнѣніе на нее снизошло... Маркизъ Ботта при мнѣ ей говоритъ: «Ваше высочество, спасите себя и императора, вы на краю бездны» *)!.. А она ему указала въ карты прилежнѣе играть. Съ Минихомъ поссорилась, Остерманъ же поддулъ; а потомъ и Остерману стала недовѣрять! Сегодня онъ еле выпросилъ аудіенцію у нея, чтобы хоть что-нибудь ей внушить. И теперь сидитъ у нея!.. Очень гребтитъ мнѣ, что она ему скажетъ...

(Уходитъ озабоченною походкою подъ ворота дворца).

ЯВЛЕНІЕ II.

Капитанъ (на плацу; смѣясь и показывая головою на Гладкова).

Ишь какіе нынѣ добрые стали!.. (Съ таинственнымъ видомъ обращаясь къ публикѣ и вынимая изъ кармана бумагу) Фирманъ отъ цесаревны разосланъ, чтобы испортить всѣ барабаны у карауловъ; я ужъ у своего размахнулъ ножомъ кожу; пусть по пустымъ-то дырамъ бьютъ—умора!

(Зѣваетъ и потомъ поворачивается и уходитъ въ караульню).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ маркизъ де-ля-Шетарди и Шварцъ, оба закутанные въ мѣховые плащи. Они проходятъ и говорятъ скороговоркой. За ними слѣдуетъ Краснобаевъ въ преображенскомъ плащѣ.

Маркизъ де-ля-Шетарди. Вы говорите, что Лестокъ поѣхалъ уже въ казармы?

Шварцъ. Да. А оттуда по Невѣ: объѣздныхъ тамъ нѣтъ,— и сюда!

Маркизъ де-ля-Шетарди. А деньги, скажите?

Шварцъ. Вручены въ собственныя руки ея высочества. «Чѣмъ, говоритъ, я заслужила такое участіе?»—«Все, говорю, желаніе короля Франціи видѣть васъ на тронѣ предковъ вашихъ, и надѣюсь, что со стороны маркиза ничего не упущено къ тому!»—«О, да, говоритъ, и попросите господина маркиза передать королю, что съ сего часу все мое вниманіе напра-

*) «Соб. въ Петерб. въ 1740—1741 гг.», стр. 329.

влено будетъ на то, чтобы во всемъ пользоваться его совѣтами и выказывать ему слѣпое уваженіе» *).

Маркизъ де-ля-Шетарди. А что подвинуло ее такъ скоро на сегодняшнее предпріятіе?

Шварцъ. Ей извѣстно стало, что графу Левенвольде поручено сдѣлать ей предложеніе отъ Людвига Вольфенбюттельскаго.

Маркизъ де-ля-Шетарди. А!

Шварцъ. Потомъ я доносилъ ей, что принцъ вчера опять говорилъ женѣ, что цесаревна будетъ не первою русскою царевною, которую *укротитъ* монастырь **). Наконецъ господинъ Лестокъ сегодня утромъ представилъ ей картинку, на которой она на одной сторонѣ изображена въ императорской коронѣ, а на другой въ монашескомъ одѣяніи, и предлагалъ ей выбирать ***).

Маркизъ де-ля-Шетарди. И она, разумѣется, выбрала первое... А кто, скажите, съ вами этотъ старикъ?

Шварцъ. Это одинъ изъ приверженцевъ цесаревны. Онъ больше всѣхъ теперь воодушевляетъ солдатъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди (ласково обращаясь къ Краснобаеву). Вы участвуете въ этомъ дѣлѣ?

Краснобаевъ. Участвую, ваше... извините, титула вашего не знаю.

Шварцъ (уча его). Господинъ маркизъ.

Краснобаевъ. Господинъ маркизъ!.. Государыня правительница за жизнь мою просила покойную государыню, Анну Іоанновну. Теперь меня сама изъ рудниковъ освободила... Я, господинъ маркизъ, по дѣлу господина Волынскаго судимъ былъ. Тогда у него пѣсню пѣли... Изъ пѣсни, господинъ маркизъ, слова не выкинешь. До сихъ поръ, слезы проливаючи, вспоминаю: «Отлетѣлъ орелъ въ царство Божіе».

Маркизъ де-ля-Шетарди (съ удивленіемъ глядя на Краснобаева, Шварцу). Que me chante-t-il là?

Шварцъ. Это пѣсня, сочиненная въ честь Петра.

Краснобаевъ (продолжаетъ, съ дрожащими губами). Я говорю: «Вы, говорю, господа офицеры, пѣсню поете, а гдѣ дочь-то его, царствуетъ ли она на престолѣ?» Тогда Артемій Петровичъ: «Погоди, говоритъ, дѣдушка!» Не дождался, свѣтъ, царство ему небесное!.. Принцессѣ государынѣ дай Богъ всякаго благополучія, всякаго здравія, а ужъ на престолъ пусть взыдетъ дщерь Петра! (Совсѣмъ рыдая) «Отлетѣлъ орелъ въ цар-

*) «Шетарди», стр. 324.
**) «Шетарди», стр. 331.
***) «Жизнь принцессы Анны Леопольдовны», стр. 29.

ство Божіе!», и я за тобою скоро буду тамъ, ваше императорское величество!..

(Поднимаетъ руку къ небу).

Маркизъ де-ля-Шетарди (Шварцу). Est-ce qu'il est fou?

Шварцъ. Non, mais il adore Pierre le Grand et toute sa famille.

Краснобаевъ (обиженнымъ тономъ). Не знаю, что̀ вы по-вашему, по-иностранному, говорите; можетъ, смѣетесь надо мной,—но я вамъ слуга надобный. Мнѣ тоже нашъ молоденькій офицеръ Кудаевъ сталъ-было поперечить, я какъ зыкнулъ на него. Гдѣ, говорю, тебѣ, молокососу, вѣдать то; пропала вся наша Россія, если цесаревна не приметъ престола,—весь народъ гребтитъ о томъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди. И народъ?

Краснобаевъ. Паче, чѣмъ твои всѣ-съ! Я своимъ преображенцамъ что̀ рекъ?.. Коли теперь въ нашемъ простомъ званіи отецъ помираетъ, сына нѣтъ, разѣ не дочь ему наслѣдствуетъ, али сестра, али племянница?.. Ну, тогда Анну Іоанновну пріяли, молоденька еще цесаревна была, а тутъ, на̀-ка, и сына Анны Леопольдовны. Намъ тоже въ той силѣ вѣдомо, что Екатерина Іоанновна жила въ несогласіи съ своимъ супругомъ, а Елизавета Петровна монаршая дочь. «Что̀ жъ, говоритъ ужъ и Кудаевъ, вся наша рота желаетъ быть на престолѣ цесаревнѣ, и я, Кудаевъ, хоть на смерть подпишусь въ томъ!» *).

Маркизъ де-ля-Шетарди (Шварцу). Цесаревна знаетъ его?

Шварцъ. Мы сейчасъ изъ дворца. Онъ будетъ командовать переднимъ отрядомъ. Время однако торопитъ насъ. Честь имѣю раскланяться. (Краснобаеву) Пойдемте!

Краснобаевъ. Пойдемте-съ!.. Помоги Господи—наша матушка, Царица небесная!

(Оба уходятъ на Неву).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маркизъ де-ля-Шетарди (одинъ, размышляя). Золотомъ Франціи цесаревна будетъ возведена на престолъ... Благорасположеніе двухъ державъ такимъ образомъ укрѣпится надолго... Не забыть приписать въ донесеніи министру, что «иностранные послы здѣсь ежедневно подкупаютъ приверженцевъ для своихъ государей... Службѣ короля можетъ быть нанесенъ ущербъ, если и на будущее время пренебрежено бу-

*) «Шетарди», стр. 205.

детъ пріобрѣтеніемъ такихъ друзей для Франціи; какимъ бы переворотамъ дворъ здѣшній ни подвергался, подобныя средства всегда ведутъ къ раскрытію истины и къ возстановленію вѣрныхъ соображеній» *). (Слыша стукъ отъѣзжающаго экипажа) Я слышу стукъ экипажа; уйду въ этотъ сосѣдній домъ; онъ у меня давно ужъ нанятъ, чтобы наблюдать за дворцовыми событіями. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

На горизонтѣ начинаетъ заниматься заря. Изъ-подъ воротъ дворца выбѣгаетъ Гладковъ, въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. Выраженіе лица его отчаянное. Онъ хохочетъ какимъ-то судорожнымъ смѣхомъ. Варвара Дмитріевна, также въ одной накинутой на плечи кацавейкѣ, идетъ за нимъ.

Варвара Дмитріевна. Вячеславъ, побойся Бога: ты въ одномъ мундирѣ на такомъ холоду.

Гладковъ (не обращая вниманія на слова жены, съ тѣмъ же хохотомъ, обращаясь къ публикѣ). Остерманъ сталъ ей докладывать и устрашать ее; а она велѣла принести новенькую рубашечку императора и начала ему показывать ее **).

Варвара Дмитріевна (кротко). Отъ разлуки съ графомъ, она сама не помнитъ, что говоритъ и дѣлаетъ.

Гладковъ (бѣшенымъ голосомъ). А это она помнитъ, что графъ, передъ отъѣздомъ, взялъ у невѣсты тридцать тысячъ, да брильянтовъ тысячъ на полтораста ***), и обѣимъ имъ ни строчки не пишетъ,—помнитъ это? А промежъ тѣмъ другихъ людей, коихъ къ ней преданность не такова, обижаетъ: я ей сталъ подтверждать донесеніе Остермана, а она мнѣ на это сказала: «Вы, говоритъ, обманули же Бирона, можетъ-быть, и меня обманываете».

Варвара Дмитріевна. Ахъ! Это она сказала безъ всякаго умысла, и какъ это одно ея слово такъ тебя печалитъ?

Гладковъ (съ рыданіемъ и ожесточеніемъ въ голосѣ). Меня?.. меня?.. Когда всѣ помыслы и чаянія жизни моей я сопрягъ съ нею!.. За едино слово противъ нея я на благодѣтеля моего донесъ смертный доносъ!.. Отцомъ моимъ, какъ Каинъ-братоубійца, проклятъ за нее. Честь мою офицерскую проигралъ для нея за ничто, какъ мѣдную пуговицу.

Варвара Дмитріевна (сначала какъ бы шутя). Ты говоришь, какъ будто бы плѣненъ ею былъ.

---

*) «Шетарди», стр. 342.

**) «Шетарди», стр. 330.

***) «От. Зап.»: «События въ Петербургѣ въ 1740—1741 годахъ».

Гладковъ (снова захохотавъ судорожнымъ смѣхомъ). Ха-ха-ха!.. А ты думала, что фрейлина принцессы была вѣнцомъ моихъ желаній!

Варвара Дмитріевна (совсѣмъ ошеломленная этими словами). Да, Вячеславъ, я думала это; но будь покоенъ, фрейлина принцессы не будетъ обременять тебя; завтра же уйду въ монастырь и постригусь.

Гладковъ (насмѣшливымъ тономъ). Васъ постригутъ и безъ того, если еще сдѣлаютъ вамъ милость эту! (Совсѣмъ отчаяннымъ голосомъ) Завтра, послѣзавтра, насъ непремѣнно арестуютъ; единое спасеніе—измѣнить ей.

Варвара Дмитріевна. Нѣтъ, не измѣняй! (Ядовито) Тѣмъ паче ты ее любишь!

Гладковъ (въ совершенномъ экстазѣ). Не знаю, любилъ ли я ее,—душа человѣческая потемки; но я хотѣлъ высоко-высоко стоять около ея трона, какъ Волынскій, какъ Бирономъ около императрицы... Выходило же тѣмъ такое счастье!.. (Прислушавшись) Тсс... постой!.. Гости ужъ, кажется, жалуютъ. (Бѣжитъ къ Невѣ). Такъ и есть! (Снова бѣжитъ на авансцену, къ женѣ). Бѣги во дворецъ, спасай принцессу, себя, спрячьтесь пока куда-нибудь.

Варвара Дмитріевна. Но какъ же ты, Вячеславъ?

Гладковъ (бѣшенымъ голосомъ). Иди, или, клянусь Богомъ, я самоё тебя, какъ измѣнницу, велю поднять на штыки!..

(Варвара Дмитріевна уходитъ).

Гладковъ (подбѣгая къ гауптвахтѣ). Господинъ капитанъ, приготовьтесь къ отпору!

(Капитанъ лѣниво выходитъ изъ гауптвахты, а вслѣдъ за нимъ и солдаты).

Гладковъ (барабанщику). Бей тревогу!

Барабанщикъ (испуганнымъ голосомъ). Барабанъ испорченъ.

Гладковъ. Бей на головѣ своей ее, каналья!

(Замахивается на него шпагой, но съ поднятой рукой останавливается, потому что къ гауптвахтѣ подошли преображенцы. Самой ротой командуетъ Краснобаевъ, а переднимъ взводомъ Салтыковъ).

Краснобаевъ (звучнымъ голосомъ). Именемъ государыни Елизаветы Петровны требую, господинъ капитанъ, чтобы вы сдались!

Капитанъ (солдатамъ). Клади оружіе!

Гладковъ (тѣмъ же солдатамъ). Не смѣть! Я адъютантъ генералиссимуса и не приказываю вамъ! (Къ капитану) Вамъ сейчасъ генералиссимусъ денегъ далъ, хотя бы то вспомнили.

Капитанъ. Вамъ самимъ господинъ Волынскій денегъ давалъ, на-те вамъ ваши деньги!

(Кидаетъ ему кошелекъ и переходитъ въ ряды преображенцевъ).

Гладковъ (опять къ солдатамъ). Не смѣть сдаваться. Я вами командую!

Краснобаевъ. Не дури, Вячеславушка, измѣнить не грѣхъ, коли надо то.

Гладковъ. Много ужъ измѣнялъ, только проку изъ того нѣтъ!

(Вырываетъ у одного изъ солдатъ ружье).

Краснобаевъ. А коли такъ, (къ фузилеру) пристрѣлика его!

Салтыковъ. Нѣтъ, ужъ это я! (Поднимаетъ ружье противъ Гладкова). Защищайтесь, Гладковъ; я васъ вызываю на дуэль.

(Оба выстрѣливаютъ въ одно время. Гладковъ падаетъ).

Салтыковъ (мотнувъ головою). Это тебѣ поминки по дядѣ!

Краснобаевъ (взглянувъ на упавшаго Гладкова). Ловко цапнуто, не пикнулъ, сердечный!

(Всѣ преображенцы уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Изъ углового дома выходитъ маркизъ де-ля-Шетарди, и садъ начинаетъ постепенно наполняться народомъ.

Маркизъ де-ля-Шетарди (проворно проходя). Переворотъ, кажется, кончился! Каждый день я здѣсь жилъ, ожидая, что меня арестуютъ, колесуютъ, четвертуютъ... Сама цесаревна меня предостерегала, что на обѣдѣ у генералиссимуса меня могутъ отравить—времена и нравы добрые! (Уходитъ).

Голосъ въ народѣ. Баютъ—царевна царствовать начала.

Другой голосъ. Читаютъ про то на улицахъ, самъ слышалъ.

Третій голосъ. Въ колокола бы, паря, звонить надо.

Четвертый голосъ. Просился, прахъ дери, на колокольню, не пущаютъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Изъ дворца выбѣгаетъ Варвара Дмитріевна, ее преслѣдуютъ солдаты.

Варвара Дмитріевна (умоляющимъ голосомъ). Вячеславъ, Вячеславъ, спаси меня! (Увидя трупъ Гладкова) А, это ты!.. Убитъ уже! (Падаетъ съ рыданіемъ на трупъ).

Одинъ изъ преслѣдовавшихъ ее солдатъ. Не трожь ее, паря, чортъ ее дери!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Изъ-подъ воротъ дворца выходятъ остальные преображенцы. Съ другой стороны въѣзжаетъ верхомъ камеръ-юнкеръ Воронцовъ, преслѣдуемый толпой народа.

Воронцовъ. Манифестъ: «Божіею милостью мы, Елизавета Петровна...»

(Народъ и войско заглушаютъ его криками „ура“).

Краснобаевъ (громче всѣхъ крича). Ура!

Салтыковъ (вторя ему). Ура, дѣдушка!

Воронцовъ (быстро повернувъ лошадь и показывая на Неву шляпой). Государыня въ саняхъ ѣдетъ!

(Всѣ кидаются туда, летятъ шапки на воздухъ и неумолкаемое „ура!“ Заря все болѣе и болѣе разгорается).

Занавѣсъ падаетъ.

БЫВЫЕ СОКОЛЫ.

Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евграфъ Осипычъ Бакреевъ, статскій совѣтникъ и очень богатый помѣщикъ.
Вѣра } дочери его.
Софья }
Борисъ Бакреевъ, сынъ его.
Петръ Николаичъ Сашанскій, оберъ-секретарь сената и пріятель молодого Бакреева.
Лука Кузьмичъ Цаплиновъ, отставной военный, пріятель старика Бакреева и его управляющій.
Ключница Бакреева, молодая дворовая женщина.
Егоръ, мужъ ея—ткачъ.
Вдова Крапивкина, приказничиха.
Миша, семилѣтній ребенокъ.
Засѣдатель московскаго земскаго суда.
Читальщикъ.
Лакеи, конюхъ Порфирій; одна старуха, другая старуха, дворовые бабы и мужики.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной Бакреева.

ДѢЙСТВІЕ I.

Зала въ домѣ Бакреева, посреди̇нѣ столъ, на которомъ приготовленъ чайный приборъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Борисъ Бакреевъ и Сашанскій (входятъ).

Борисъ. Это странно было съ твоей стороны — стыдиться мнѣ сказать.

Сашанскій. Я не знаю — стыдъ ли это или страхъ; но только откровенно говорю: она, въ этомъ черномъ платьѣ, съ

вѣчно опущеннымъ взоромъ, какимъ-то восторгомъ наполняетъ мнѣ сердце.

Борисъ. И сенатскіе секретари, значитъ, иногда бываютъ поэтами.

Сашанскій. Видно, что бываютъ.

Борисъ (серьезно). Она дѣвушка славная; я, хоть и братъ ей, но могу сказать это... Хочешь, я переговорю съ ней?

Сашанскій. Сдѣлай милость!.. Практическіе мои расчеты таковы: жалованья я получаю 600 руб., съ имѣнья своего — до тысячи, а тамъ, если нужно будетъ, уроки стану давать.

Борисъ. Да это вздоръ—проживете! Наконецъ у нея приданое свое будетъ—отецъ долженъ же дать... Я хочу для обѣихъ сестеръ теперь же настоять, чтобы онъ объявилъ имъ приданое... дѣвушки богатыя, а пожалуй, по милости его молчанія, просидятъ въ дѣвкахъ... И младшая Соня молода еще, но отличная дѣвушка, съ превосходнымъ сердцемъ!

Сашанскій. Это какой-то сіяющій херувимъ!

Борисъ (съ удовольствіемъ). Да, и наружности прекрасной! Въ Вѣрѣ, признаюсь, меня ужасно удивляетъ эта ея какая-то страстная религіозность: откуда она, почему, отчего явилась?

Сашанскій. Бугорокъ, вѣроятно, у нея религіозный есть, у васъ это семейное: она въ отца пошла!

Борисъ. Что въ отца?!.. Богомольству его, во-первыхъ... говоритъ только какъ-то неловко... я не вѣрю; а Вѣра, если это дѣлаетъ, такъ совершенно искренно; точно какое несчастіе или горе съ ней случилось... дѣвушка 25 лѣтъ, для нея ужъ не существуетъ никакихъ радостей!

Сашанскій (съ нѣкоторымъ волненіемъ). Ваши, должно-быть, пріѣхали!.. Лука Кузьмичъ идетъ.

Борисъ. Вотъ и этотъ тоже—богомольный человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Цаплиновъ.

Цаплиновъ (входя). Съ праздникомъ честнымъ, господа!

Борисъ. Съ праздникомъ честнымъ.

Цаплиновъ (Сашанскому). Давно ли изволили прибыть?

Сашанскій. Съ часъ пріѣхалъ! И знаете, что передъ самымъ моимъ отъѣздомъ сюда, мнѣ цѣлый вечеръ разсказывали про васъ, что вы прежде и кутила, и волокита, и въ карточки перекинуть—были.

Цаплиновъ (потупляя голову). Всѣмъ былъ—каюсь!

Борисъ. Вмѣстѣ съ родителемъ моимъ подвизались.

Цаплиновъ. Все вмѣстѣ съ Евграфомъ Осипычемъ: съ

кадетскаго званія въ дружбѣ пребываемъ; въ нынѣшнемъ вѣкѣ ужъ этого нѣтъ.

Борисъ. Хорошъ и вашъ вѣкъ былъ!

Цаплиновъ. Не хвалю! Хоть бы насчетъ тѣхъ же картъ, мы съ Евграфомъ Осипычемъ мичманами, мальчишками... Не любитъ онъ теперь этого — и вспоминать даже не приказываетъ... Мичманами и мальчишками ѣзжали въ Ригу съ англинскими шкиперами играть, и прежде такъ это считалось: лошадью кого надуть, въ карты навѣрнякъ обыграть, жену у другого отбить, никакой вины въ этомъ нѣтъ человѣку, и еще честь великая, — такъ мы дурманчикъ съ собой важивали: у жида одного въ Петербургѣ тогда только и приготовлялся. Удивительная вещь: съ рюмки — человѣкъ ходитъ, глядитъ, говоритъ,—а настоящимъ манеромъ ничего не понимаетъ.

Борисъ. Какъ же васъ не били? Замѣчали же, вѣроятно?

Цаплиновъ. Ну да, бить... ужъ это что же!.. А что точно, что неудовольствія большія бывали-съ. Алябьевская-то исторія при насъ была, на нашихъ глазахъ—пьяные вѣдь всѣ были, и пьянство такое вообще было непомѣрное, пунши саженями пили: такъ, знаете, стаканчикъ на стаканчикъ, чтобы сажень вышла. Ну, а Евграфъ Осипычъ всегда вѣдь во всемъ гигантъ былъ! «Мнѣ, говоритъ, сажень много... мнѣ всего аршинчикъ этакій аршинный», и сколько въ него стакановъ установится,—сорокъ восемь, кажется, пришлось... всѣ и выкушалъ въ вечеръ.

Сашанскій. Какъ еще вы оба до сихъ поръ здоровы такъ и крѣпки!

Цаплиновъ (со вздохомъ). Больше милосердіемъ Божіимъ... Тогда у Евграфа Осипыча эта ссора съ капитаномъ корабля вышла. При морской-то дисциплинѣ, не оробѣлъ начальника своего, по чину капитана 2-го ранга, схватилъ за шиворотокъ и спустилъ-было его за бортъ. Шесть мѣсяцевъ потомъ солдатомъ былъ, да, къ счастью, императоръ Александръ I воцарился; онъ его какъ-то зналъ, любилъ и простилъ его сейчасъ же. Призываетъ меня послѣ того Евграфъ Осипычъ... «Нѣтъ, братъ, говоритъ, Лука, такъ жить нельзя...»—и вступили послѣ того въ законный бракъ—и пошло ихъ честное и праведное житье.

Борисъ. А вы послѣ того еще долго пьянствовали?

Цаплиновъ. Не то что пьянствовалъ, въ бѣдность больше впалъ. Три года помощникомъ письмоводителя въ кварталѣ былъ... Воспитательный домъ тогда отстраивали... мусоръ нанялся возить на себѣ въ тачкѣ; думалъ, не подойдетъ ли кто изъ царской фамиліи и не замѣтитъ ли, что отставной офи-

церъ мусоръ на себѣ возитъ... ночь ночуешь на улицѣ — холодно, другую — еще холоднѣе... Пришелъ къ Евграфу Осиповичу, — тогда они подмосковную эту купили, — аки блудный сынъ къ отцу: нагъ, босъ и гладенъ. «Прими!» — говорю. Принялъ!

Сашанскій. Ну, и блаженствуете съ тѣхъ поръ?

Цаплиновъ. Да я не знаю, какъ это назвать, — пожалуй, что блаженствую: тѣломъ моимъ сталъ здравъ, душой — покоенъ... Какъ Муравьевъ, въ наше время сочинитель былъ, должно-быть, сродственникъ тому, что ко святымъ мѣстамъ путешествовать изволилъ, пишетъ это Брянчанинову, своему другу:

Тѣснятся вкругъ тебя прилежные селяне!
Ахъ, счастливы сто кратъ, свое лишь счастье зная.
Трудятся, суетно свой умъ не бременя.
Гуляютъ лѣтни дни, иль пляской заключаютъ!

Такъ и я: всему, кажется, сердцемъ моимъ радуюсь: каждой травкѣ, каждой коровкѣ, лошадкѣ,—каждый человѣкъ мнѣ кажется милъ.

Борисъ. А посѣкать этихъ прилежныхъ селянъ все-таки любите?

Цаплиновъ. Творю волю пославшаго мя, — что вашъ родитель велитъ, то и дѣлаю, — въ единой рукѣ держу пальму благословляющую, а въ другой — мечъ наказующій.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Софья.

Софья (входя). Отецъ пріѣхалъ?

Цаплиновъ. Со старостой церковнымъ счеты свесть изволилъ остаться.

(Сашанскій кланяется Софьѣ).

Софья (нѣсколько конфузясь). Здравствуйте, Сашанскій! Я видѣла изъ окна, какъ вы подъѣхали... (Цаплинову) А сестра гдѣ?

Цаплиновъ. На могилку къ маменькѣ, должно-быть, пошли. Панафиду, кажется, желаютъ тамъ отслужить.

Борисъ. Вѣчно съ панафидами.

Софья (Борису). Мнѣ съ тобой, братъ, надо еще поговорить по секрету—pardon, m-r Сашанскій!

Сашанскій. Сдѣлайте одолженіе!.. (Отходитъ вмѣстѣ съ Цаплиновымъ въ сторону).

Софья (вполголоса брату). Вѣра рѣшительно хочетъ итти въ монастырь!.. Мы сегодня всю ночь съ нею проплакали, — и

непремѣнно требуетъ, чтобы и я съ тобой ѣхала въ Москву и никакъ не оставалась здѣсь жить.

Борисъ. Богъ знаетъ, что̀ такое! А я-было ей жениха приготовилъ,—предложеніе хотѣлъ-было дѣлать.

Софья. Кого?

Борисъ. Сашанскій сватается.

Софья (вся вспыхнувъ). Сашанскій?!. Я этого не ожидала!

Борисъ. А вы отчего это такъ покраснѣли — а? Это что̀ значитъ?

Софья. Вовсе и не думала краснѣть,—нисколько!

Борисъ. Чего нисколько!.. И слезы ужъ на глазахъ.

Софья (быстро утирая слезы). Никакихъ слезъ нѣтъ.

Борисъ (беря и показывая ей ея руку). А это что̀ же?.. Вода?..

Софья (топнувъ ножкой). Борька, перестань! Я въ самомъ дѣлѣ заплачу.

Борисъ (поддразнивая). А!.. Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—вотъ въ чемъ!

Софья (быстро говоря). Ну что̀ жъ, положимъ, было маленькое увлеченіе, а теперь и прошло все... Для сестры, дѣйствительно, если только она согласится, прекрасная это партія будетъ... Ты, пожалуйста, настаивай.

Борисъ (нахмуриваясь). Да, съ Вѣрой надобно будетъ поговорить серьезно, какъ объ этомъ, такъ и вообще обо всемъ ея душевномъ состояніи.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и ключница, быстро входя съ самоваромъ.

Ключница. Баринъ изъ церкви пріѣхалъ!

(Всѣ обращаютъ свой взглядъ на дверь).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и старикъ Бакреевъ, очень сѣдой, но еще здоровый и крѣпкій мужчина, съ густо нависшими бровями, съ сухимъ твердымъ взглядомъ, въ щеголеватомъ бѣломъ жилетѣ, низенькой, круглой шляпѣ и съ тростью съ серебрянымъ набалдачникомъ. За нимъ идетъ Вѣра, такъ же, какъ и Софья, высокая и красивая дѣвушка, но старше ея лѣтъ на пять и съ лицомъ истощеннымъ и печальнымъ.

Старикъ Бакреевъ (кланяясь всѣмъ общимъ поклономъ). Богъ вамъ милости прислалъ!

(Софья и Борисъ подходятъ и цѣлуютъ руку у отца. Сашанскій ему почтительно кланяется).

Старикъ Бакреевъ (Сашанскому). Здравствуйте, очень радъ васъ видѣть!

(Цаплиновъ подходитъ, раболѣпно беретъ у него шляпу и палку и ставитъ въ уголъ. Ключница тоже подходитъ и цѣлуетъ руку у барина).

Старикъ Бакреевъ (грозя ей пальцемъ). Твой мужъ снова мнѣ нагрубилъ: только я изъ церкви, онъ навстрѣчу мнѣ пьяный и, по обыкновенію, цѣлое море дерзостей и неприличія... Ну, ужъ извини, я опять велѣлъ его взять.

Ключница (покраснѣвъ). Вся ваша воля господская.

Старикъ Бакреевъ (обращаясь къ Цаплинову). Вы взяли, надѣюсь?

Цаплиновъ. Взялъ-съ... Пускай теперь попроспится, а завтра и поучимъ.

Старикъ Бакреевъ (садясь за столъ). Ну, теперь станемъ чай распивать!... Помолясь, можно и покушать. (Садится на особое предъ столомъ покойное кресло).

(Вѣра начинаетъ разливать чай, Софья помѣщается около нея, Цаплиновъ присаживается только на кончикъ стула. Молодой Бакреевъ и Сашанскій усаживаются поодаль на другой сторонѣ сцены).

Вѣра (Сашанскому). Вамъ угодно чаю?

Сашанскій. Нѣтъ, mercі.

Вѣра (Борису). А тебѣ, братъ?

Борисъ. Нѣтъ, я ужъ пилъ.

Старикъ Бакреевъ (нахмуривъ брови). Ты бы могъ, кажется, и подождать отца. Я люблю, чтобы, когда дѣти мои живутъ у меня, такъ подчинялись бы и привычкамъ моимъ.

Борисъ (усмѣхаясь про себя). Я не зналъ, что вы придаете этому такую цѣну... Если хотите, я и совсѣмъ не буду пить чай.

Старикъ Бакреевъ. Вамъ говорятъ не объ *совсѣмъ*, а объ нѣкоторыхъ обычаяхъ, которые у меня въ домѣ введены и соблюденіемъ которыхъ вы бы показали уваженіе ко мнѣ.

(Нѣсколько минутъ продолжается тяжелое и непріятное молчаніе).

Старикъ Бакреевъ (обращаясь къ Сашанскому). На васъ, Петръ Николаичъ, я тоже сердитъ.

Сашанскій. За чай же?

Старикъ Бакреевъ. Нѣтъ, не за чай! До такой степени я не позволю себѣ распространять правъ моихъ на васъ; но за дѣло мое, которое опять вернули для справокъ. Скажи имъ, гдѣ дверь находилась: на церковномъ ли погостѣ или за оградой, и оцѣни ее по мѣстнымъ цѣнамъ, чего она стоитъ... Такъ между пріятелями не дѣлается... По крайней мѣрѣ въ наше время мы и не такими вещами другъ друга обязывали.

Сашанскій (немного сконфузившись). Что жъ тутъ пріятель или не пріятель,—это все равно; но, во-первыхъ, дѣло ваше

разсматривалъ не я одинъ и, кромѣ того, по личному моему убѣжденію, нахожу, что эти вопросы нужны и законны. Нельзя же было не обсудить двухъ вещей: имѣлъ ли мужикъ, беря дверь, денежный интересъ, или желалъ подсмѣяться надъ церковною вещью? Разумѣется, ни то ни другое...

Старикъ Бакреевъ (перебивая его). Гдѣ же этотъ законъ, что цѣнная вещь или нѣтъ; крупица хлѣба и жемчужина тамъ едино стоитъ. Укравшій ее—тать!.. Каторга ему.

Сашанскій (пожимая плечами). Ну нѣтъ, я этого не думаю.

Старикъ Бакреевъ (не слушая его и все болѣе и болѣе разгорячаясь). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дѣвку, съ придурью отъ рожденья, за то, что она на денежку, которую ей дали на свѣчку, купила себѣ колачъ, судили и били кнутьями безщадно; то были религія и судьи, а нынче судятъ все мальчишки-молокососы.

Сашанскій (усмѣхаясь). Такого рода правосудіе, я не нахожу, чтобъ было высокаго качества.

Старикъ Бакреевъ. Нѣтъ-съ, высокаго, потому что изъ высокаго источника проистекаетъ.

Борисъ (весь вспыхнувъ и обертываясь къ отцу). Между этимъ высокимъ источникомъ и подобнымъ варварствомъ, точно такъ же, какъ между этимъ высокимъ источникомъ и вашимъ дѣломъ съ мужикомъ, ничего нѣтъ общаго,—нисколько.

Старикъ Бакреевъ (нахмуря брови). Что ты хочешь этимъ сказать?

Борисъ. То, что всѣ говорятъ. Въ Москвѣ одинъ господинъ въ цѣломъ обществѣ при мнѣ говорилъ, что вы все это дѣло затѣяли даже и не изъ религіознаго рвенія, а просто изъ личной мести къ мужику.

Старикъ Бакреевъ. При тебѣ это говорили? Что же ты сказалъ этому господину и клеветнику на меня?

Борисъ. Ничего не сказалъ!.. Я не счелъ даже за нужное объявить ему, что я сынъ вашъ.

Старикъ Бакреевъ. Ты, значитъ, устыдился меня? Чѣмъ же я такъ ужъ особенно провинился, что лишенъ былъ этой высокой чести? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, надобно знать, чтобы исправиться потомъ.

Борисъ. Я не знаю, есть ли тутъ ваша вина или нѣтъ; равно какъ и того, что клевещетъ ли этотъ господинъ на васъ, или говоритъ правду.

Старикъ Бакреевъ. Нѣтъ, ты, я увѣренъ въ томъ, совершенно убѣжденъ, что онъ говоритъ правду.

Борисъ. Никакихъ данныхъ не имѣю ни за ни противъ того.

Старикъ Бакреевъ. А, ты не имѣешь никакихъ данныхъ *за!* Такъ пошелъ же вонъ, мерзавецъ, изъ моего дома! Какъ онъ сталъ нынче разговаривать съ отцомъ!.. Я не хочу, чтобы одинъ видъ твой развращалъ твоихъ сестеръ.

Борисъ. Съ большимъ бы удовольствіемъ ушелъ, если бы не было этихъ бѣдныхъ сестеръ моихъ, которымъ я обязанъ быть защитникомъ.

Старикъ Бакреевъ (обертываясь къ дочерямъ). Стало-быть, вы нуждаетесь въ защитникахъ?.. Значитъ, нуждаетесь?

(Обѣ дѣвушки молчатъ).

Старикъ Бакреевъ (совершенно бѣшенымъ голосомъ). Ну, такъ и я найду себѣ защитника, погодите! (Обращаясь къ Сашанскому) А васъ, милостивый государь... во всемъ этомъ я вижу и ваше вліяніе, но кто такимъ образомъ вооружаетъ дѣтей противъ родителей, вы сами знаете, какое заслуживаетъ названіе... и васъ прошу сдѣлать для меня то же, что и сыну предложилъ сдѣлать. Надѣюсь, вы поняли меня? (Уходитъ).

Сашанскій (очень сконфузясь). Что жъ... Конечно, я...

Софья (вставая и идя за отцомъ). Я пойду какъ-нибудь вразумлять его! (Уходитъ).

Цаплиновъ (изъ другого угла комнаты). Стыдно вамъ, молодые люди, такъ старичка сердить, — очень стыдно, — а еще ученые!

Борисъ (обращаясь къ нему). Ты что тутъ квакаешь?.. Убирайся отсюда!

Цаплиновъ. Нѣтъ-съ, вы не можете мнѣ сказать того... Вонъ родитель вашъ вамъ и вашему пріятелю сказали, чтобы вы уѣзжали, онъ имѣлъ право, а вы не можете того приказать.

Борисъ. Я не могу?.. (Подходитъ и беретъ его за воротникъ сюртука).

Цаплиновъ. Не можете!.. За воротникъ-то не извольте брать.

Борисъ. Не могу?.. (Подтаскиваетъ Цаплинова къ дверямъ и, что есть силы, выталкиваетъ его за дверь въ шею).

Цаплиновъ (за дверьми). Припомните, г-нъ Бакреевъ, я кавалеръ и дворянинъ!

Борисъ. Я тебѣ дамъ, кавалеръ и дворянинъ!

Сашанскій (подходя къ Борису). Полно, Борисъ, перестань!

Борисъ (бѣшенымъ голосомъ). Смѣетъ мнѣ сказать, что отецъ можетъ меня выгнать, а его нѣтъ!

Сашанскій. Ну, и пускай его говоритъ!.. Что съ нимъ разсуждать очень. А я пока... прощай, до свиданья,—я ѣду!

Борисъ. Что за вздоръ,—оставайся: на зло этому старому хрычу надобно остаться!

Сашанскій. Не могу я этого сдѣлать: онъ послѣ этого въ самомъ дѣлѣ велитъ меня выгнать.

Борисъ (съ сердцемъ). Ну, пожалуй, поѣзжай, — для меня все равно.

Сашанскій. На всѣхъ разсердился. (Вѣрѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ) Честь имѣю кланяться. (Борису) Мы съ тобой вскорѣ какъ-нибудь увидимся или перепишемся.

Борисъ (какъ бы думая о другомъ). Хорошо! (Подаетъ Сашанскому руку; тотъ пожимаетъ ее, еще разъ раскланивается съ Вѣрой и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра и Борисъ.

Вѣра (подходя къ брату, ласково ему). Успокойся, Борисъ!.. Ну, зачѣмъ было такъ говорить и затѣвать всѣ эти сцены!

Борисъ. Что жъ терпѣть все? Онъ мало того, что браниттъ меня, какъ ему угодно,—онъ сталъ ужъ дѣлать грубости и невѣжливости моему пріятелю, выгоняетъ его изъ дому и дойдетъ наконецъ до того, что будетъ требовать, чтобы всѣ не только дѣлали, какъ онъ хочетъ, но чтобы всѣ думали, какъ онъ думаетъ. Я, впрочемъ, очень радъ, что объясненіе это такъ кончилось... Теперь дѣло все въ тебѣ: выходи замужъ, возьмемъ Софью и переѣдемъ всѣ въ Москву.

Вѣра (удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ). Мнѣ замужъ?

Борисъ. Что жъ тутъ необыкновеннаго? Сашанскій сватается къ тебѣ; кажется, человѣкъ достойный.

Вѣра. Нѣтъ, Борисъ, я не хочу замужъ ни за Сашанскаго ни за кого.

Борисъ. Что же, въ монастырь все?

Вѣра (кротко). А куда же мнѣ больше?

Борисъ. Послушай, Вѣра, ты дѣвушка умная, неужели ты не понимаешь, что, живя въ мірѣ и выйдя даже замужъ, ты также можешь молиться Богу и быть хорошей женщиной.

Вѣра. Я не могу ни выйти замужъ ни быть хорошей женщиной.

Борисъ. Но сознайся: или у тебя есть какая-нибудь тайна, или ты помѣшанная?

Вѣра. И тайна есть у меня, и помѣшанная я.

Борисъ. Какая же тайна? Отчего же ты не хочешь сказать мнѣ! Неужели я не заслужилъ отъ тебя столько довѣрія, что ты боишься открыть мнѣ, что тяготитъ твою душу?

Вѣра. Открыть мою душу я могу только одному Богу; можетъ-быть, Онъ проститъ меня, а можетъ-быть, и нѣтъ,—а ты не спрашивай. (Быстро уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Борисъ (одинъ). Богъ знаетъ что̀ такое: «не могу быть хорошей женщиной», «можетъ, проститъ меня Богъ, а можетъ, и нѣтъ»,—ничего не понимаю! Всего вѣроятнѣе—какая-нибудь несчастная любовь; но къ кому же? Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ института, я думаю, у нашего родителя лица человѣческаго не видала! Какъ знать, можетъ-быть, какая-нибудь несчастная встрѣча въ лѣсу съ какимъ-нибудь мерзавцемъ. Я это разыщу, поразспрошу стороной сосѣдей, людей и доберусь, въ чемъ тутъ дѣло.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Утро. Кабинетъ; на стѣнѣ портреты разныхъ генераловъ и духовныхъ особъ; мебель тяжелая и вальяжная.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одной сторонѣ старикъ Бакреевъ помѣщается около стола, на другой Цаплиновъ сидитъ передъ старинной конторкой съ листомъ бумаги въ рукахъ.

Старикъ Бакреевъ. Ну!

Цаплиновъ (откашливаясь, начинаетъ читать). «Вдова чиновница, предъявила аттестатъ мужа, десять человѣкъ дѣтей».

Старикъ Бакреевъ (подумавъ). Ну!.. дать ей... полтинникъ.

Цаплиновъ (продолжаетъ читать). «Священникъ села Грохова, побило весь хлѣбъ градомъ, проситъ о вспомоществованіи».

Старикъ Бакреевъ. Выдать ему четверть изъ старой ржи.

Цаплиновъ. «Кузьма Николаевъ, мастеровой, два дня вышелъ изъ больницы».

Старикъ Бакреевъ. На заводъ, на чугунный, мять глину на формы.

Цаплиновъ (на минуту пріостановясь, читаетъ). Не желаютъ они, проклятые, какъ-то этого. Сколько вотъ ихъ посылали, — всѣ уходятъ.

Старикъ Бакреевъ. Не желаютъ, такъ и убирались бы.

Цаплиновъ (продолжая читать). «Статская совѣтница Лингенштейнъ обращается съ письмомъ, — жалуется на болѣзнь и тяжкую нужду».

Старикъ Бакреевъ. О, чортъ!.. согрѣшилъ, грѣшный!.. Эти

ужъ мнѣ статскія совѣтницы... послать ей десять цѣлковыхъ... Теперь письмо... гдѣ главная-то заноза и чирей мой... Пиши!

(Цаплиновъ беретъ перо, бумагу и приготовляется писать).

Старикъ Бакреевъ (диктуетъ). «Ваше высокосіятельство... имѣю смѣлость... приложить при семъ... двѣ тысячи цѣлковыхъ на пособіе... на пособіе къ воздвигаемому вами храму...»

Цаплиновъ (останавливаясь писать). Храму...

Старикъ Бакреевъ. «И дерзаю при семъ... раскрыть раны собственной... грѣшной души моей... Единородный сынъ мой... Борисъ Бакреевъ... послѣ развратной и разорительной жизни... влекущей меня... къ безпрерывной уплатѣ... по его долгамъ, прибылъ ко мнѣ въ имѣніе... возмутилъ своихъ сестеръ противъ меня... избилъ моего управляющаго...»

Цаплиновъ (останавливаясь писать). «Дворянина и кавалера», я полагаю, прибавить надо...

Старикъ Бакреевъ. Ну, прибавь: «дворянина и кавалера...» (продолжаетъ диктовать) «и свою дерзостную руку... обѣщаетъ поднять и противъ меня...»

Цаплиновъ (написавъ). Меня...

Старикъ Бакреевъ (продолжаетъ диктовать). «Ваше высокосіятельство, не столько въ личное охраненіе... сколько въ исправленіе его дурной нравственности... я, по силѣ 2164 ст. XV тома свода законовъ... желаю посадить его въ смирительный домъ...»

Цаплиновъ (останавливаясь). Смирительный домъ, *слово* и *добро* большія писать?

Старикъ Бакреевъ. Большія, разумѣется. (Диктуетъ) «Надѣюсь, ваше высокосіятельство, что вы поймете чувства... несчастнаго отца... камнями и жерновами... плачу я, ниша сію просьбу... по исполненіе оной... приму однакоже... за новое проявленіе ко мнѣ милости Божіей... и вашей высоко чтимой мною благосклонности ко мнѣ». Дай-ка, покажи теперь.

(Цаплиновъ подаетъ).

Старикъ Бакреевъ. Что ты такое тутъ нацарапалъ?.. Одна строчка сюда, другая — туда... на смѣхъ, что ли, ты такъ пишешь?

Цаплиновъ (сконфузясь и трусливо усмѣхаясь). Ну, сударь, Евграфъ Осипычъ, старъ вѣдь ужъ я, слѣпъ тоже...

Старикъ Бакреевъ. Врешь! Врешь! Пьянствуешь съ своей метрессой по ночамъ, вотъ грабли-то и дрожатъ поутру... Человѣка нѣтъ около меня... Всякое пустое дѣлишко долженъ сдѣлать самъ. Для чего я держу тебя?.. На физіономію твою глядѣть, что ли? Такъ, слава Богу, насмотрѣлся...

Цаплиновъ. Я перепишу-съ.

Старикъ Бакреевъ. Десять разъ перепиши!.. двадцать!.. чтобы буквы у меня кривой не было... понимаешь ли ты, къ кому пишешь?.. Только въ грѣхъ меня ввелъ передъ молитвой. (Сердито встаетъ, уходитъ въ спальню и захлопываетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ II.

Цаплиновъ (одинъ, къ публикѣ). За что онъ меня разбранилъ? За то, что онъ богатъ, а я бѣденъ, — за то только!.. Старъ я теперь; но если бы еще сто лѣтъ пришлось мнѣ прожить на свѣтѣ и каждый день я могъ надругаться и казнить этого человѣка, такъ сотой доли ему не отплатилъ бы за себя и за другихъ. Что ему дочери, лакеи, дѣвки, мужики— все равно, всѣхъ одинаково лаетъ. Словно конь степной! Закусилъ удила и несется въ сей жизни, куда ему угодно и какъ угодно. Какую я теперь про него штуку подозрѣваю, — давно бы наказану ему надо быть, а дѣлать нечего — молчи, переписывай его посланіе. (Беретъ свое письмо и начинаетъ его переписывать). И сынокъ-то тоже такой же озорникъ, — не лучше папеньки будетъ. Вотъ теперь посиди-ка въ тюрьмѣ... Тѣмъ я, по крайней мѣрѣ, доволенъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Ключница и начинаетъ сердито переставлять разныя вещи.

Цаплиновъ (обертываясь къ ней и тоже сердито). Что ты тутъ дѣлаешь?

Ключница. Пыль стираю-съ!

Цаплиновъ. Смотри, расшиби что-нибудь.

Ключница. Голову бы себѣ разбить я была бы рада больше всего.

Цаплиновъ (продолжая писать). Голову свою, пожалуй, бей, никто не запретитъ того, хоть и пожалѣемъ мы немножко.

Ключница. Пожалѣете вы!.. Теперича мужа... за что и про что мучите человѣка?

Цаплиновъ (продолжая писать). За грубость!

Ключница. Оставьте меня, такъ онъ и не станетъ грубить... Словно на деревнѣ дѣвокъ одинокихъ нѣтъ; на меня, несчастную, пала эта участь!

Цаплиновъ (продолжая писать). Воля господская, ниже не прейдеши ее.

Ключница. На одной недѣлѣ третій разъ хлещутъ человѣка; спина-то у него и то ужъ, точно у татарской лошади, не заживаетъ даже. Терпимъ-терпимъ, да и жаловаться пойдемъ.

Цаплиновъ (продолжая писать). Ничего изъ того не будетъ.

Ключница. Простите его хоть на сегодняшній-то разъ!

Цаплиновъ (обертываясь къ ней). Да я-то что тутъ?.. Проси барина.

Ключница. Они гнѣваться еще больше изволятъ, когда я ихъ прошу: «Ты, говорятъ, очень его любишь!». Попросите ужъ вы, сдѣлайте милость!

Цаплиновъ. Я доложу, — мнѣ не тяжело.

Ключница. Онъ говоритъ: «я, говоритъ, барину въ ноги поклониться желаю и прощенья у него попросить; грубить ужъ, говоритъ, больше не стану».

Цаплиновъ (не поднимая головы). Кабы онъ дѣйствительно истинно раскаялся, такъ мы бы его пальцемъ не тронули: сиди себѣ въ своей ткацкой и тки полотна.

Ключница. Мнѣ-то бы очень тоже сладко было жить.

Цаплиновъ. И горечи особенной я никакой не вижу.

Ключница (какъ бы не слушая его). На улицу срамъ выйти. Явно да открыто экое дѣло дѣлать! (Сморкается въ фартукъ и утираетъ слезы).

Цаплиновъ. Ну, нечего тутъ рюмить — доложатъ...

Ключница. Сдѣлайте милость. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Цаплиновъ (одинъ). Не дожить намъ до добра съ этой четой... Другой годъ, кажется, Евграфъ Осипычъ взялъ эту госпожу въ приближенныя себѣ: супругъ ея каждую недѣлю ему грубитъ, и каждую недѣлю мы его сѣчемъ. Рожа-то у него точно не человѣчья стала... звѣремъ какимъ-то на тебя смотритъ. Въ первый разъ вотъ поочувствовался немножко и хочетъ попросить прощенья.

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Вѣра въ черномъ дорожномъ платьѣ.

Вѣра. Батюшка въ своей комнатѣ?

Цаплиновъ. На молитвѣ, надо полагать, изволитъ стоять... у себя въ спальнѣ-съ.

Вѣра. Скажите, что я пришла.

Цаплиновъ (раболѣпно подходитъ и стучитъ три раза въ дверь).

Голосъ Бакреева. Аминь!

Цаплиновъ (пріотворяя въ спальню дверь). Вѣра Евграфовна пришли къ вамъ.

Голосъ Бакреева. Хорошо!

(Цаплиновъ той же раболѣпной походкой отходитъ отъ двери и совсѣмъ уходитъ изъ кабинета).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра и старикъ Бакреевъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Старикъ Бакреевъ. Это ты, Вѣра?

Вѣра. Да, батюшка... Я совсѣмъ ужъ уѣзжаю въ монастырь.

Старикъ Бакреевъ. Ну, да приметъ тебя Господь Богъ въ Свое лоно.

Вѣра (нѣсколько помолчавъ). Батюшка!.. Монашество, говорятъ, есть та же смерть. Желаніе и волю умирающихъ близкіе обыкновенно исполняютъ. (Съ улыбкою) И мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы три мои желанія исполнили.

Старикъ Бакреевъ (не совсѣмъ сурово). Говори, ну!

Вѣра. Первое желаніе — простите брата.

Старикъ Бакреевъ (сейчасъ же нахмурясь). Чтобы онъ билъ меня, затѣмъ развѣ.

Вѣра. Онъ и не думалъ, батюшка, никогда этого; онъ вспыльчивъ, но благороденъ.

Старикъ Бакреевъ. Не вспыльчивъ онъ, а нарочно разстраиваетъ меня, чтобы ускорить мою смерть, которой онъ только и ждетъ; такъ нѣтъ еще: вретъ!.. Я самъ надъ нимъ надругаюсь прежде.

Вѣра. Никогда онъ, батюшка, этого не ждетъ, и если виноватъ въ чемъ, такъ самъ придетъ попросить прощенья у васъ... Второе — отпустите съ нимъ въ Москву сестру, — это моя твердая и непреклонная воля!

Старикъ Бакреевъ (съ раздраженіемъ). Не могу я этого сдѣлать! Не могу!.. Вы ужъ, значитъ, всѣ меня хотите покинуть... Она тамъ съ этимъ негодяемъ — братцемъ своимъ—Богъ знаетъ что надѣлаетъ!

Вѣра. Ничего она не надѣлаетъ. (Строго) Я, батюшка, жила все въ деревнѣ, при васъ, а надѣлала то, чего никто, я думаю, не надѣлалъ!..

Старикъ Бакреевъ (сконфуженный и смущенный). Вѣра, въ такую минуту, передъ такой продолжительной разлукой... мы, можетъ-быть, даже не увидимся съ тобой, — ты говоришь мнѣ это и укоряешь меня, — это жестоко съ твоей стороны.

Вѣра. Я не укоряю васъ, батюшка, а прошу только за Соню: она молода еще, ей хочется развлеченій; а жизнь въ уединеніи можетъ повліять дурно и на ея здоровье и на ея характеръ.

Старикъ Бакреевъ (съ тѣмъ же смущеніемъ). Но долженъ же я это переселеніе молодой дѣвушки къ холостому брату обдумать хоть сколько-нибудь... компаньонку, что ли, ей нанять.

Вѣра. Наймите компаньонку... Теперь третья просьба о васъ самихъ: батюшка, молитесь искреннѣй, усерднѣй!.. Объ этомъ молитъ васъ ваша несчастная дочь... (Кидается ему на грудь и обнимаетъ его).

Старикъ Бакреевъ (совсѣмъ растерявшись). Вѣра, милая, ангелъ мой, я буду молиться, буду!..

Вѣра (со стономъ). Молитесь и покайтесь: насъ страшное на томъ свѣтѣ ожидаетъ наказаніе, — страшное!

Старикъ Бакреевъ. Ничего, Вѣра, ничего!.. Царь небесный милосердъ: Онъ, можетъ-быть, проститъ и меня, а тебя за что же?.. Ты святая и безъ того.

Вѣра (восклицаетъ). Я святая!.. Господи, и Ты до сихъ поръ не поразишь меня громами Твоими!

Старикъ Бакреевъ (перебивая ее, испуганнымъ голосомъ). Братъ и сестра твои идутъ!.. Я не хочу и не могу ихъ видѣть.

Вѣра. Уходите!

(Старикъ Бакреевъ уходитъ. Вѣра нѣсколько оправляется и утираетъ слезы на глазахъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра, Борисъ и Софья.

Софья (Вѣрѣ). Неужели ты хочешь ѣхать, не позавтракавши?

Вѣра. Ахъ, я совершенно ничего не хочу!

Софья. Какъ же это?.. Сорокъ верстъ ѣхать голодной!.. Извольте кушать!.. Потомъ люди желаютъ съ тобой всѣ проститься.

Вѣра. Ну, хорошо.

Софья (подходя къ двери). Подавайте!

(Ключница вноситъ закуску; за ней постепенно входятъ горничныя, два лакея, нѣсколько дворовыхъ мужиковъ и бабъ и Цаплиновъ).

Вѣра (брату). Я просила за тебя отца, чтобы онъ простилъ тебя. Онъ желаетъ, чтобы ты попросилъ у него извиненія.

Борисъ. Въ чемъ же мнѣ у него извиненія просить?

Вѣра. Ну, да такъ... ты знаешь, эти старики... у нихъ въ этомъ случаѣ самолюбіе даже страдаетъ... Сестру онъ отпускаетъ съ тобой.

Борисъ. Я радъ, разумѣется, этому; но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ же хоть сколько-нибудь обезпечить насъ: самъ я, ты знаешь, живу на холостую ногу.

Вѣра. Разумѣется, обезпечитъ: значитъ, все теперь улажено! (Къ людямъ) Прощайте, милые! Не согрѣшила ли я передъ кѣмъ-нибудь, не обидѣла ли кого-нибудь?

(Всѣ горничныя подходятъ къ ней къ рукѣ и въ одинъ почти голосъ):

Ой, матушка, какія ужъ обиды отъ васъ были!

Одна старуха. Жаль намъ, матушка, очень больно жаль всѣмъ тебя. Экая ты молоденькая въ монастырь идешь!.. На одной молитвѣ заморятъ тебя тамъ!

Другая женщина. Зато Богу она будетъ пріятна.

Прежняя старуха. Будетъ, вѣстимо.

Конюхъ Порфирій (подходитъ къ рукѣ Вѣры). Сѣрку-то, сударыня, кто безъ васъ хлѣбцемъ будетъ кормить? Ему будетъ скучно безъ васъ.

Вѣра. Ты корми!

Конюхи. Кормить и мы будемъ!

(Ключница подходитъ къ ея рукѣ).

Вѣра. А мужъ твой все еще сидитъ?

Ключница. Все сидитъ-съ!

Вѣра (обращаясь къ Цаплинову). Сейчасъ же извольте его выпустить! Я забыла отцу сказать объ этомъ.

Цаплиновъ. Выпустимъ-съ, Евграфъ Осипычъ, можетъ, прикажутъ.

Вѣра. Непремѣнно!.. Я, впрочемъ, сама пойду попрошу отца. (Уходитъ; ключница догоняетъ ее и цѣлуетъ у нея руку).

Софья. И я съ тобой пойду! (Уходитъ вслѣдъ за сестрой).

(Дворовые люди и Цаплиновъ тоже уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Борисъ на авансценѣ, а ключница въ глубинѣ сцены.

Борисъ (самъ съ собой). Совсѣмъ уѣзжаетъ... Такими вещами люди не шутятъ... (Показывая головой на ключницу) Попробую разспросить эту дуру, не скажетъ ли она мнѣ чего-нибудь... Эй, Агаѳья, поди сюда!

(Ключница подходитъ).

Борисъ. Послушай, отчего и для чего барышня въ монастырь идетъ?

Ключница. Богомольны вѣдь, сударь, онѣ очень... Года три богомольствуютъ.

Борисъ. Не любила ли она кого-нибудь?.. Не была ли этакъ... въ кого-нибудь несчастнымъ образомъ влюблена?

Ключница. Нѣтъ-съ!.. ничего этого про нихъ сказать нельзя. Извѣстно вѣдь-съ, папеньку своего одного онѣ всегда только и любили.

Борисъ (поблѣднѣвъ). Какъ папеньку любила? Что ты хочешь этимъ сказать?

Ключница. Любили-съ, почитали ихъ очень.

Борисъ (беря себя за голову). Развѣ была насчетъ этого какая-нибудь болтовня?

Ключница (глухимъ голосомъ). Насчетъ чего-съ?

Борисъ. Насчетъ папеньки и Вѣры?

Ключница (испугавшись и покраснѣвъ). Ну, батюшка, развѣ мы, слуги и служанки, можемъ знать, что тамъ у господъ есть?

Борисъ. Говори прямѣе и яснѣй!.. На тебѣ денегъ! (Даетъ ей денегъ).

Ключница. Здѣсь въ домѣ, извѣстно, гдѣ же? Хоть бы и Софья Евграфовна все тоже вмѣстѣ больше съ Вѣрой Евграфовной...

Борисъ. Такъ, стало, было же гдѣ-нибудь?

Ключница. Ну, батюшка, помилуйте—виновата я. Извѣстно, онѣ часто съ папенькой ѣздили вдвоемъ... Кучера болтали потомъ, разсказывали...

Борисъ (перебивая ее). Довольно, ступай!

(Ключница уходитъ).

Борисъ. Такъ вотъ оно что!.. Разспрашивать даже теперь боюсь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Борисъ, Вѣра и Софья.

Вѣра. Ну, вотъ я и совсѣмъ теперь! (Софьѣ) Поцѣлуй меня еще!.. Не изволь плакать, — будетъ ужъ... Наплакались мы съ тобой! (Подходитъ къ брату) Прощай, Борисъ!.. Но что такое, что съ тобой?

Борисъ (Софьѣ). Софья, выйди!.. Мнѣ надо съ Вѣрой одному остаться.

(Софья уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Вѣра и Борисъ смотрятъ нѣкоторое время прямо въ лицо другъ другу.

Борисъ (поторопливо). Мнѣ теперь становятся немножко понятны ваше богомольство и отчужденіе отъ свѣта!.. Это хорошо... Оно такъ и быть должно... Необходимое послѣдствіе...

Вѣра. Я очень рада, что тебѣ нравится то, что я дѣлаю.

Борисъ. Она рада!.. Вы, вѣроятно, не совсѣмъ меня понимаете... Я предугадываю, напримѣръ, причину, по которой вы идете въ монастырь.

Вѣра. Ты?!..

Борисъ. Да, я... Вы идете потому, что очень любили отца.

Вѣра (вспыхнувъ, но спокойно). Я любила его.

Борисъ (ударивъ себя въ грудь). Вѣра, пойми ты это и скажи мнѣ скорѣй: правда это, или нѣтъ?

Вѣра. Въ чемъ правда, — я не понимаю, и, наконецъ, ты не духовникъ мой!

Борисъ. Нѣтъ, ты понимаешь, и я повторяю тебѣ: не отыгрывайся словами; если существовало то, что я думаю, такъ монастыремъ не отвертишься; лучше отдай себя гражданской казни, пусть тебя колесуютъ, четвертуютъ, раскидаютъ твои поганые останки на съѣденіе псамъ...

Вѣра. Всѣ твои слова и оскорбленія я не принимаю: въ тебѣ говоритъ не ты, а твой безумный гнѣвъ. Уѣзжай въ Москву, возьми сестру съ собой, — а обо мнѣ совершенно забудь.

Борисъ (хватая себя за виски). О, я выжму изъ головы весь мозгъ мой, чтобы частичка имени твоего не осталась въ моей памяти, низкая, подлая ханжа!.. Ступай!

Вѣра (поднимая глаза къ небу). Господи, прости ему!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья (вбѣгая). Братъ, что такое?

Борисъ. Прочь и ты отъ меня!.. Ты такая же притворщица и развратница будешь, какъ и та, что ушла! Врагомъ я вамъ дѣлаюсь изъ нѣжнаго брата!

Софья (глядя на него со страхомъ). Боже мой!.. Онъ кажется, съ ума сошелъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Гостиная. Направо комната Вѣры, а налѣво комната Софьи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья (быстро входя, съ волненіемъ). Кажется, это онъ пріѣхалъ. (Торопливо подходитъ къ зеркалу и начинаетъ поправлять прическу).

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Сашанскій.

Софья (торопливо). Pardon, m-r Сашанскій, что я васъ безпокоила и писала къ вамъ.

Сашанскій. Напротивъ!.. Только вѣдь какъ понравится мой пріѣздъ вашему батюшкѣ!

Софья. Отецъ ничего... Да онъ, я не знаю, куда-то уѣхалъ сегодня.

Сашанскій. Что такое съ Борисомъ Евграфовичемъ происходитъ?

Софья. Понять не могу!.. Вмѣсто того, чтобы проститься съ Вѣрой, онъ ее разбранилъ... Та уѣхала вся въ слезахъ... На меня тоже закричалъ... И вотъ другой день ходитъ мрачный и сердитый; ни съ кѣмъ не говоритъ, — и все это, вѣроятно, за то, что Вѣра не пошла за васъ замужъ.

Сашанскій. За это?

Софья. Да, онъ ужасно въ этомъ случаѣ похожъ на отца: что захочетъ, такъ чтобы непремѣнно по-его дѣлалось.

Сашанскій. Очень жаль въ такомъ случаѣ, если это за меня...

Софья. Непремѣнно за васъ! Вы, пожалуйста, урезоньте его... Наконецъ на меня-то за что онъ сердится,—я-то ужъ ни въ чемъ не виновата... До свиданья покуда... Онъ видѣлъ, что вы пріѣхали, и сейчасъ же, вѣроятно, выйдетъ къ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сашанскій (одинъ). Славная дѣвушка!.. На Вѣру Евграфовну теперь ужъ надежды нѣтъ... Что, если бы эта за меня пошла,— отлично бы.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сашанскій и Борисъ.

Борисъ (входя). Очень радъ, другъ любезный, что ты надумалъ и опять пріѣхалъ къ намъ.

Сашанскій. Пріѣхалъ, какъ ты изволишь видѣть. Говорятъ, ты тутъ очень буянишь и сердишься и, главное, за меня будто бы?

Борисъ. Кто тебѣ это говорилъ?

Сашанскій. Мнѣ писала Софья Евграфовна. Она очень огорчена, что ты такой печальный и разстроенный, и просила меня пріѣхать сюда..

Борисъ. Она лучше бы объ себѣ больше заботилась... Вѣрѣ я дѣлалъ предложеніе, — она не приняла его и сама совсѣмъ отправилась въ монастырь.

Сашанскій. Слышалъ это я. Очень жаль.

Борисъ. Нѣтъ, ты благодари Бога тысячекратно, что она настолько еще честная дѣвушка, что сочла за лучшее не замужъ выйти, а погребсти себя въ монастырѣ.

Сашанскій. Что жъ тутъ лучшаго, — я не вижу.

Борисъ. А то: дѣлай самое смѣлое предположеніе—пороку, злу,—и ты только сотую долю вообразишь себѣ того, что тутъ происходило.

Сашанскій. Не понимаю я тебя!..

Борисъ (беря его за руку). Я долго думалъ, говорить ли мнѣ тебѣ или нѣтъ; есть случаи, которые страшно и произносить даже собственному своему уху; но молчаніе о преступленіи, говорятъ, есть то же потворство!.. Слушай! Темное предчувствіе мнѣ говорило, что домъ отца моего — это вертепъ, бездна, въ которой клокочутъ пороки, и что для этого человѣка ничего нѣтъ святого, ни Бога, ни совѣсти, ни чести женщины, ни даже чести собственной своей дочери!

Сашанскій (даже поблѣднѣвъ). Борисъ, что ты говоришь?!

Борисъ (колотя себя въ грудь). Да!.. Собственной дочери...

Сашанскій. Больное воображеніе твое тебя можетъ Богъ знаетъ увести куда!

Борисъ. Воображеніе!.. А отчего же, когда я намекнулъ ей объ этомъ, она ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ не возразила мнѣ? Она очень хорошо видѣла, что это сушитъ мой мозгъ, поднимаетъ ужасомъ мои волосы! Если это нелѣпость, такъ разсмѣйся, расхохочись сама, а то у нея, какъ у каторжныхъ преступниковъ это бываетъ, кромѣ полнѣйшаго равнодушія, ничего не было на лицѣ.

Сашанскій. Очень естественно!.. Она, вѣроятно, до безумія оскорбилась этимъ.

Борисъ. А я не оскорбленъ? Не оскорбленъ, не говорю уже, какъ братъ, какъ сынъ, а какъ человѣкъ въ своихъ общечеловѣческихъ чувствахъ? Что жъ мнѣ потатчикомъ, что ли, ихъ быть?.. Я открыто судомъ буду требовать, чтобы ее выгнали изъ монастыря, а этого злодѣя на каторгу сослали!

Сашанскій. Ей-Богу, мой умъ даже помрачается отъ всего того, что я слышу: отца твоего, во-первыхъ, никакъ не сошлютъ. и ты достигнешь только одного, что эту несчастную жертву подвергнешь небывалому позору за проступокъ, въ которомъ она, можетъ-быть, и не виновата; а если и виновата, такъ давно ужъ обмыла его слезами покаянія.

Борисъ. Нѣтъ, такія вещи покаяніемъ не обмываются!.. Отчего же не сошлютъ отца?.. Деньгами откупится?.. Такъ я дойду до царя, — того не купишь!..

Сашанскій. Не деньгами откупится, а главное, какъ и чѣмъ ты докажешь?

Борисъ. Въ такомъ случаѣ я убью или его, или себя!.. Понимаешь ли ты меня: я не въ состояніи выносить подоб-

наго семейнаго позора... Мнѣ стыдно стѣнъ, гадко собственное тѣло, потому что оно состоитъ изъ однихъ частичекъ съ нимъ. Кромѣ того, какъ справедливо говоритъ Вѣра, мнѣ необходимо увезть съ собой Соню въ Москву, а то милый родитель измучитъ ее своими капризами, бранью, своими расправами съ людьми; но какъ я это сдѣлаю?—у меня копейки своей нѣтъ! Хорошо, если онъ соблаговолитъ отпустить ее со мной, а если нѣтъ, такъ, значитъ, и оставляй эту новую жертву въ его когтяхъ.

Сашанскій. Нѣтъ, это невозможно!.. Ее необходимо увезти хоть бы даже безъ позволенія его.

Борисъ. Тогда онъ лишитъ меня и послѣднихъ крохъ; значитъ, ступай мы съ нею оба прямо на снѣгъ.

Сашанскій. Ну, нѣтъ!

Борисъ. Да какъ нѣтъ!.. Ты теперь юристъ, — научи, гдѣ у насъ законы, которые бы въ подобныхъ обстоятельствахъ спасали отъ подобныхъ родителей?

Сашанскій. Законъ есть... но путемъ суда, какъ ты думаешь, это невозможно: произойдетъ такая ужасная огласка... Лучше бы всего, мнѣ казалось,—нынче вотъ эти новые жандармы образовались, — ѣхать къ жандармскому генералу, объявить ему и просить его защиты, чтобы онъ вызвалъ старика, напомнилъ ему обязанности отца; а если онъ и въ этомъ случаѣ станетъ упорствовать, такъ попугалъ бы его.

Борисъ. Хорошо и это пока!... Я готовъ сейчасъ же ѣхать... откладывать нечего... Экипажъ съ тобой, — ты не отпускалъ?

Сашанскій. Со мной!

Борисъ. Довези меня, пожалуйста!.. Мнѣ самому хоть бы клячи какой-нибудь подъ верхъ нанять даже не на что.

Сашанскій. Сдѣлай милость!

Борисъ. Такъ я желаю немедленно это сдѣлать!.. Довольно ужъ терпѣть отъ него!.. Я въ минуту соберусь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сашанскій (одинъ). Ей-Богу, до сихъ поръ не вѣришь тому, что слышишь; а съ другой стороны—что мудренаго? Въ сенатѣ у насъ судится три дѣла такого же рода, а сколько, вѣроятно, неоглашенныхъ подобныхъ случаевъ: по дикости и преступности нравовъ, мы точно еще живемъ въ средневѣковыя времена... (Слышится колокольчикъ). Кто это такой?.. (Подходитъ и глядитъ въ окно). Какой-то маленькій и пузатенькій господинъ пріѣхалъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сашанскій и засѣдатель земскаго суда.

Засѣдатель (входя, раскланивается съ Сашанскимъ). Вы господинъ Бакреевъ?

Сашанскій. Нѣтъ-съ.

Засѣдатель. Кто же вы такой?

Сашанскій. Я Сашанскій.

Засѣдатель. А, да, такъ-съ! Да вы не обманываете ли меня?

Сашанскій (усмѣхаясь). Съ какой же стати мнѣ васъ обманывать! Вамъ кого собственно нужно: стараго Бакреева или молодого?

Засѣдатель. Стараго я ужъ видѣлъ,—у прихода бесѣдовалъ съ нимъ... Мнѣ молодого надо.

Сашанскій. Молодой сейчасъ выйдетъ; поприсядьте немножко.

(Засѣдатель садится).

Сашанскій (ему). Вы чиновникъ, что ли, какой-нибудь?

Засѣдатель (съ гордостью). Я засѣдатель земскаго суда!

Сашанскій. Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали и молодой Бакреевъ вамъ нуженъ?

Засѣдатель (разводя руками и въ нѣкоторомъ раздумьѣ). Я не знаю, какъ считать: секретное ли это дѣло, или нѣтъ?.. Въ смирительный домъ, по волѣ родителя, ихъ велѣли провезти и посадить.

Сашанскій (испуганный и удивленный). Что за глупости такія... не можетъ быть!..

Засѣдатель. Предписаніе на то имѣю строжайшее: въ 24 часа велѣно исполнить.

Сашанскій (растерявшись). Господи Боже мой, есть же Твой судъ! Вы, пожалуйста, не говорите ему, по крайней мѣрѣ, вдругъ,—это надобно какъ-нибудь постепенно сказать.

Засѣдатель. Да вы сами-то кто такой?

Сашанскій. Я другъ его, оберъ-секретарь сената.

Засѣдатель. А, оберъ-секретаремъ сената изволите служить!.. Ну, такъ сами знаете: наша часть только исполнительная.

Сашанскій. Никто отъ васъ ничего и не требуетъ, кромѣ нѣкоторой вѣжливости и деликатности.

Засѣдатель. Да это что-съ! Извольте!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Борисъ Бакреевъ.

Борисъ (въ дорожномъ платьѣ). Ну, ѣдемъ! (Увидя засѣдателя, раскланивается съ нимъ).

Сашанскій. Это г-нъ засѣдатель земскаго суда... Тутъ ужасная глупость вышла... отецъ твой подалъ тамъ на тебя кляузное прошеніе и требуетъ посадить тебя въ смирительный домъ.

Борисъ. Кто жъ его послушаетъ?

Сашанскій. Статья эта есть, — онъ имѣетъ такое право, но это, разумѣется, вздоръ, и арестъ даже, по закону, долѣе шести мѣсяцевъ продолжаться не можетъ.

Борисъ. Такъ, стало-быть, меня однако все-таки сажаютъ?

Сашанскій. Ну да, разумѣется.

Засѣдатель. Строжайшее предписаніе на то имѣю.

Борисъ. Вы, что ли, сажать меня будете?

Засѣдатель. Я-съ!

Борисъ (уже смѣясь, къ Сашанскому). А, каковъ?!. Каковъ родитель, а?.. Я все-таки прежде заѣду къ жандармскому генералу.

Сашанскій (къ засѣдателю, нѣсколько запекивающимъ голосомъ). Мы всѣ вмѣстѣ заѣдемъ къ жандармскому генералу и объявимъ ему, по какой причинѣ этотъ арестъ происходитъ.

Засѣдатель. Не могу того-съ! Мнѣ предписано г. Бакреева съ мѣста взять и на мѣсто привезти.

Сашанскій. Что за пустяки!.. такая формальная точность... Г-нъ Бакреевъ не государственный преступникъ.

Засѣдатель. Мнѣ какъ предписано, я и долженъ исполнить такъ.

Сашанскій (разсердясь). Ничего вамъ не предписано!.. Дѣпегъ вамъ дали,—вотъ что!

Засѣдатель. Нѣтъ, господинъ оберъ-секретарь, не извольте такъ говорить, я про васъ сказать того не могу и вы про меня тоже.

Сашанскій. А я могу!

Засѣдатель (тоже разсердясь). Ну, такъ и я могу!.. Извѣстенъ тоже сепатъ вашъ вдоль и поперекъ, къ кому и какъ ходятъ. (Выпрямляясь) Зная законы, какъ вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ совершенно постороннее вамъ дѣло? Я съ вами и разговаривать не хочу, да-съ! (Гордо отворачивается отъ Сашанскаго и обращается строго къ Борису) Г-нъ Бакреевъ,

извольте сейчасъ же со мной ѣхать, иначе — я составлю постановленіе.

Борисъ (оборачивается къ засѣдателю и, подойдя къ нему, начинаетъ тихимъ, но бѣшенымъ голосомъ). Дня три тому назадъ я такого же подлеца и агента моего отца, который вздумалъ мнѣ давать совѣты, вытолкалъ въ шею; точно то же сдѣлаю и съ вами.

Засѣдатель (раскланиваясь). Благодарю васъ покорно... Чѣмъ я заслужилъ это?

Борисъ (наступая на него). А вотъ тѣмъ!.. Вы знаете моего отца и знаете, каковъ онъ?

Засѣдатель (совсѣмъ оробѣвъ). Вашъ родитель человѣкъ почтенный,—только то и могу сказать.

Борисъ. Ну, такъ я тоже сынъ его, во мнѣ его же кровь течетъ... Если онъ замучитъ васъ кляузами, такъ я задушу васъ собственными руками сію же минуту, если вы не повезете меня къ генералу.

Засѣдатель. Позвольте-съ!.. Вы сами говорите про родителя вашего; узнаетъ онъ, что тогда мнѣ будетъ?

Борисъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до васъ ни до родителя моего, мнѣ нужно къ жандарму,—понимаете ли вы?

Сашанскій. Родитель этого никакимъ образомъ не узнаетъ.

Засѣдатель (съ нѣкоторою торжественностью). Господа, извольте, я готовъ... отсюда, по крайней мѣрѣ, поскорѣе уѣдемте.

Борисъ. Отсюда сейчасъ, только съ сестрой переговорю... Соня! Соня!

Засѣдатель (къ публикѣ). Положеніе полицейскаго чиновника хуже собачьяго, ей-Богу: и губернаторовъ-то бойся, и начальству угождай!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Софья вбѣгаетъ; но, увидя засѣдателя, становится въ нѣсколько удивленную позу.

Борисъ. Поздравь меня еще съ радостью: отецъ сажаетъ меня въ смирительный домъ.

Софья (поблѣднѣвъ). Какъ?.. за что?

Борисъ. Не знаю.

Софья (обращаясь къ Сашанскому). За что его сажаютъ?

(Сашанскій пожимаетъ плечами).

Засѣдатель. За разорительное поведеніе и грубые поступки.

Софья (почти не помня себя, къ брату). Какъ же я буду?..

Я ни за что тутъ одна не останусь!.. Что я безъ тебя и безъ Вѣры буду дѣлать?..

Борисъ (потрясая кулаками въ воздухѣ). О, силы небесныя!

Софья (начиная рыдать). Несчастная я, несчастная!

Сашанскій (подходя къ ней). Послушайте, если вы не хотите разставаться съ братомъ, поѣдемте со мной и остановитесь пока у меня.

Софья. Извольте, только я не знаю, прилично ли это будетъ! (Къ брату) Можно?

Борисъ. Должно даже!.. Я скорѣй умру, чѣмъ оставлю здѣсь тебя!.. (Къ засѣдателю) Ѣдемте!

Софья (къ Сашанскому сконфуженнымъ голосомъ). Ѣдемте и мы!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ключница (быстро входя). Батюшки, и барышня-то уѣхала съ чужимъ бариномъ!.. Чтобы не разсердился старый-то баринъ... отъ него и жива не уйдешь!.. Когда, Господи, жизнь этакая пройдетъ!.. И онъ, чу, подъѣхалъ къ крыльцу!.. Онъ и есть!.. Идетъ ужъ, пыхтитъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Та же и старикъ Бакреевъ.

Старикъ Бакреевъ (по обыкновенію, отдавая шляпу и палку, мрачнымъ голосомъ). На, бери!

Ключница. Барышня наша уѣхала, вы изволили видѣть?

Старикъ Бакреевъ. Видѣлъ!.. Богъ съ ней!.. Брата проводить, видно, поѣхала... (Садится у стола и задумывается; потомъ, разведя руками) Какъ Вѣра уѣхала, словно ангелъ отлетѣлъ изъ дома!.. Такъ мнѣ все что-то грустно, тошно.

Ключница. Ну, батюшка, все вотъ вы гнѣваться изволите и безпокоите себя этимъ,—тревожите.

Старикъ Бакреевъ. Да, я гнѣвенъ и строптивъ! А кто меня гнѣвить?.. все вы да дѣтки.

Ключница. Ну, батюшка, мы развѣ что отъ глупости и неразумѣнія скажемъ или сдѣлаемъ.

Старикъ Бакреевъ. Твой мужъ, небось, мнѣ горло перѣдаетъ: тоже отъ глупости или неразумѣнія!

Ключница. Онъ, батюшка, прощенья у васъ проситъ. «Мнѣ ужъ, говоритъ, наказанья тоже очень не переносны». Лука Кузьмичъ собирается теперь прутьями съ проволокой сѣчь его. «Если, говоритъ, баринъ проститъ меня, я впередъ никогда не буду».

Старикъ Бакреевъ. Да не будетъ ли?

Ключница. Не будетъ-съ!

Старикъ Бакреевъ. Ну, хорошо. Позови ко мнѣ Цаплинова, да и сама, смотри, служи послѣ того хорошо.

Ключница (уходя). Я служить буду-съ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Старикъ Бакреевъ (одинъ). Тяжело мнѣ сегодня... что-то больно тяжело!.. Сына вотъ въ смирительный домъ посадилъ, а теперь словно бы и жаль!.. Каналья, вѣдь встрѣтился: ѣдетъ, шапки не приподнялъ отцу!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тотъ же и Цаплиновъ.

Старикъ Бакреевъ. Ты что это вздумалъ прутьями съ проволокой ужъ сѣчь народъ?

Цаплиновъ. Да вѣдь отъ васъ приказанье такое было!

Старикъ Бакреевъ. Тебѣ когда приказано было?.. Въ гнѣвѣ тебѣ человѣкъ сказалъ, такъ ты нѣтъ, чтобы умиротворить да отвести его отъ этого, ты, какъ бѣсъ какой, на худое-то еще его наведешь и наставишь.

Цаплиновъ (разведя руками). На что жъ такое на худое я васъ наставилъ?

Старикъ Бакреевъ. Ты сына у меня въ смирительный домъ посадилъ!.. Ты зачѣмъ письмо это сейчасъ переписалъ, фю-ты, запечаталъ и отправилъ?..

Цаплиновъ. Да помилуйте, вы хоть сейчасъ его простите, кто вамъ это запретитъ!

Старикъ Бакреевъ. Нѣтъ, ужъ теперь я изъ гордости не прощу... я въ жизнь мою еще ни отъ одного слова, которое сказалъ или написалъ, не отпирался. Я въ грѣхахъ моихъ каюсь одному только Богу, я и священнику ихъ не сказываю, такъ ужъ передъ сыномъ финтить да изгибаться не стану: разъ наказалъ, такъ и быть должно!

Цаплиновъ. Такъ и будетъ!.. Чѣмъ же я-то тутъ виноватъ?

Старикъ Бакреевъ. Ты виноватъ тѣмъ, что онъ по шеѣ тебя вытолкалъ.

Цаплиновъ (склоняя голову). Что и по шеѣ меня вытолкали — и въ томъ я виноватъ сталъ... Слава Тебѣ, Господи!

Старикъ Бакреевъ. Оба мы съ тобою виноваты, оба окаянные!

Цаплиновъ. Окаянные-то окаянные.

Старикъ Бакреевъ. Поди сейчасъ позови Егорку: я хочу простить его!

Цаплиновъ. Простите его... и мнѣ тоже легче будетъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Старикъ Бакреевъ (одинъ). Человѣкъ думаетъ, что онъ царь земли, а онъ такая же слабая былинка, какъ и послѣдняя гадина морская; одно дуновеніе Божіе—и нѣтъ его!.. Я вотъ величаюсь передъ людьми, когда разговариваю съ ними, а самъ съ собою въ душѣ моей думаю другое... Вѣрѣ я сказалъ, что молюсь,—а много ли?.. минуты молитвы... а цѣлые дни плотоугодья, злобы, отчаянія!.. Дьяволъ словно по стопамъ моимъ ходитъ и шепчетъ мнѣ: «Ты грѣшникъ нераскаянный; тебѣ не отпустятся твои грѣхи... Дѣлай все,—тебѣ все равно!..» Теперь вотъ я Егорку простилъ, а не знаю, надолго ли?.. Какой-то огонь горитъ во мнѣ противъ всѣхъ и всего, потому что я знаю, что эти всѣ и все тоже противъ меня...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Старикъ Бакреевъ, Цаплиновъ и Егоръ со вклоченной бородой и головою, съ обезображеннымъ лицомъ и весь перепачканный въ глинѣ и сѣнѣ.

Старикъ Бакреевъ (обращаясь къ нему). Ты пьянствуешь, грубишь!.. Не дорожи я твоею женою, я бы тебя давно въ Сибирь сослалъ,—не надобенъ ты мнѣ совершенно.

Егоръ. Я не буду-съ!

Старикъ Бакреевъ. Ну, и не будь!.. А если хоть слово мнѣ дерзкое скажешь, буду сѣчь, не милуя, не щадя, каждый день.

Егоръ. Не буду-съ! Позвольте въ ноги вамъ поклониться!

Старикъ Бакреевъ. Поклонись, — это хорошо; но только искренно, съ раскаяніемъ, а не такъ, какъ вы обыкновенно передъ господами и образами бултыхаетесь.

(Егоръ подходитъ, кланяется барину въ ноги, потомъ вдругъ поднимается).

Старикъ Бакреевъ (схватывая себя за желудочный бокъ). А, что такое?.. (Вытягивается въ конвульсіяхъ и начинаетъ хрипѣть: хы-хы-хы).

Цаплиновъ. Злодѣй, что ты сдѣлалъ?! (Кидается на Егора).

Егоръ. И тебѣ то же будетъ! (Хочетъ ударить его ножомъ, но Цаплиновъ схватываетъ его за руку, и начинается борьба).

Цаплиновъ. Караулъ!

Егоръ. Не скричишь никого! (Выдергиваетъ изъ рукъ Цаплинова руку свою съ ножомъ и сразу перерѣзываетъ ему горло. Цаплиновъ, отскочивъ отъ него, падаетъ).

Егоръ (мрачно осмотрѣвъ оба трупа, подходитъ къ дверямъ). Кто тамъ есть?.. Я обоихъ баръ убилъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Ключница (вбѣгая). Это что такое?!.. Варваръ!.. Развѣ затѣмъ тебя привели сюда?!.. Крови-то сколько, батюшки!.. (Бросается на полъ и начинаетъ фартукомъ вытирать кровь).

Егоръ (попрежнему смотря мрачно). Не трожь, не вытирай— все заодно отвѣчать-то.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Та же гостиная. Два огромныя зеркала завѣшаны чернымъ сукномъ. Двѣ арки въ залу задрапированы тоже чернымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

У окна передъ маленькимъ аналойцемъ стоитъ Читальщикъ.

Читальщикъ (смотря въ развернутую передъ нимъ книгу). «Помилуй мя, Боже, по великей милости Твоей»... (пересчитывая по пальцамъ) Господи помилуй... Господи помилуй... Господи помилуй...

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Крапивкина въ худенькомъ салопишкѣ и ведя подъ руку семилѣтняго мальчика.

Крапивкина (подходя робко къ дьячку). Господинъ читальщикъ, скоро будутъ подаянія раздавать?

Читальщикъ (останавливаясь читать и нюхая табакъ). Скоро, надо-быть.

Крапивкина. Я теперича дворянка, и вонъ у меня мальчикъ — сынокъ... Конечно, что на улицѣ много собралось нищей братіи, но мнѣ тоже толкаться промежъ мужиковъ?..

Читальщикъ. Посидите тутъ — ничего.

Крапивкина (ребенку). Поклонись прежде дяденькѣ, милушка! (Подходитъ съ ребенкомъ къ одной изъ арокъ, раздвигаетъ нѣсколько драпировку, нагибаетъ головку мальчика въ землю разъ, два, три и потомъ, полуобращаясь къ читальщику) Любилъ моего Петеньку по-

койникъ—и, Боже ты мой, какъ любилъ! (Отходитъ затѣмъ отъ арки, садится и начинаетъ вздыхать; ребенокъ становится около ея колѣнъ).

Крапивкина (снова обращаясь къ читальщику). Ножомъ, говорятъ, батюшка, обоихъ онъ порснулъ?..

Читальщикъ. Ножомъ: генерала-то въ животъ подъ самое сердце, а тому горло перемахнулъ.

Крапивкина (слегка простанывая). Царица небесная!.. Родятся на свѣтъ экіе злодѣи!

Читальщикъ (продолжая читать). Господи помилуй... Господи помилуй... Господи... Господи помилуй...

Крапивкина (снова обращаясь къ нему). Много, видно, багюшка, васъ чтецовъ-то? (Показывая головой на залу) И тамъ, вонъ, читаютъ?

Читальщикъ (опять нюхая табакъ). Двѣнадцать человѣкъ... во всѣхъ комнатахъ, гдѣ покойникъ сидѣлъ, али что дѣлалъ.

Крапивкина. Такъ, такъ... грѣшныя тоже души... не своей смертью померли... надо все это отчитать.

Читальщикъ. Нельзя безъ того: всѣ мертвыми-то брезгуютъ; одна церковь пріемлетъ ихъ... «Камо пойду отъ духа твоего святаго и отъ лица твоего камо бѣжу».

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и ключница съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, въ траурѣ и плерезахъ, выходитъ изъ-подъ арки.

Крапивкина (всѣчасъ вставая и подходя къ ней). Г-жа служанка,—Вѣра Евграфовна скоро сюда выйдутъ?

Ключница. Придутъ-съ.

Читальщикъ (показывая на догорѣвшую свѣчу). Свѣчи вотъ всѣ вышли.

Ключница. Принесетъ барышня сама... Меня къ исправнику требуютъ за пса экого!.. (Проворно уходитъ подъ другую арку).

Читальщикъ (продолжая читать). «Хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его во утвержденіе силы Его».

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Вѣра въ черной рясѣ, повязанная простымъ бѣлымъ платкомъ на головѣ и съ пучкомъ восковыхъ свѣчъ въ рукахъ.

Вѣра (увидавъ Крапивкину и очень сконфузясь). Ахъ, вы это! (Ребенокъ по знаку Крапивкиной подходитъ и цѣлуетъ руку у Вѣры).

Вѣра (въ сильномъ волненіи). Здравствуй, Петя!

Крапивкина (вполголоса, такъ, чтобы не слыхалъ читальщикъ).

Ужъ бѣдной дворянкой назвалась!.. Всѣмъ сказывалась, что подаяніе пріѣхала просить... Несчастіе-то, матушка, думано ли гадано ли, какое случилось!

Вѣра (все еще въ волненіи и не спуская глазъ съ ребенка). Да, что дѣлать!

Крапивкина. Отъ Евграфа Осипыча я въ прошломъ мѣсяцѣ всего получила пятьдесятъ рублей; стало-быть, до того полугодья мнѣ слѣдуетъ дополучить 30 рублей. У меня и расписка насчетъ этого ихней рукой есть.

Вѣра. Хорошо, хорошо!.. Заплатятъ все вамъ... Вы ступайте пока въ мою комнату и, пожалуйста, никуда не выходите и ребенка не выпускайте... Я позову васъ потомъ.

Крапивкина. Я пріѣхала... Слышу тоже, этакая Божья воля разразилась; думаю, можетъ, пожелаютъ, чтобы и мальчикъ на похоронахъ былъ... За своего сынишку ужъ всю дорогу выдавала.

Вѣра. Ну да, это хорошо, что вы пріѣхали!.. Ступайте только поскорѣе и сидите тамъ.

(Крапивкина съ мальчикомъ уходятъ въ комнату направо. Вѣра плотно притворяетъ за ними дверь и отдаетъ свѣчи читальщику).

ЯВЛЕНІЕ V.

Изъ комнаты Софьи выходитъ Сашанскій.

Вѣра (читальщику). Разставьте тамъ свѣчи!

(Читальщикъ уходитъ подъ арку).

Вѣра (Сашанскому). Здравствуйте, Николай Петровичъ! Поздравляю васъ!.. Я очень рада, что вы сдѣлали Сонѣ предложеніе и женитесь на ней; ей нуженъ хорошій руководитель!

Сашанскій (сконфуженнымъ голосомъ). Вамъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ мое поведеніе. Всего нѣсколько дней тому назадъ я дѣлалъ вамъ предложеніе и не былъ такъ счастливъ, чтобы получить согласіе.

Вѣра. Какое ужъ мое согласіе; я не замужница...

Сашанскій (тѣмъ же нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ). Я, ей-Богу, все ваше семейство, брата вашего, васъ обѣихъ, какой-то одинаковой любовью люблю... Когда Софья Евграфовна въ этомъ ея непріятномъ положеніи поѣхала ко мнѣ на холостую квартиру, Борису Евграфовичу угрожалъ этотъ смирительный домъ, думаю, лучше позволю себѣ сдѣлать предложеніе, по крайней мѣрѣ буду имѣть официальное право быть ихъ защитникомъ.

Вѣра (съ удареніемъ). Все это показываетъ одно, что вы добрый и чудесный человѣкъ! Сестра васъ давно любитъ!

Сашанскій (сконфузясь, съ удовольствіемъ). Борисъ Евграфычъ говорилъ мнѣ это.

Вѣра. А скажите, гдѣ онъ и что дѣлаетъ?

Сашанскій. Сидитъ у себя въ кабинетѣ, разстроенный очень, задумчивый...

Вѣра. Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ нимъ.

Сашанскій. Я ему скажу.

Вѣра. Да, пожалуйста, скажите.

(Сашанскій уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра (одна). Попросить его объ ребенкѣ и сказать ему все, какъ было... Это значитъ дать ему поводъ обременить свою душу еще новымъ проклятіемъ меня и отца... Но это уже Богъ съ нимъ, пусть бы только ребенку простилъ его несчастное рожденіе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра и Борисъ Бакреевъ.

Вѣра. Сейчасъ вынесъ тѣла будетъ.

Борисъ. Это, я полагаю, и безъ меня могли бы сдѣлать.

Вѣра. Братъ, не говори такъ!.. Провожать отца въ могилу, съ такимъ чувствомъ непріязни, грѣхъ!

Борисъ. Есть у людей грѣшки и побольше этого, да ничего себѣ—живутъ. Я никогда не былъ особенно нѣжнымъ сыномъ и не пользовался особенно пылкою любовью отца, какъ вы, напримѣръ.

Вѣра. Тебѣ хочется оскорблять меня, — ну, и оскорбляй!.. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ оскорбленія, котораго я не была бы достойна, но я страдаю за тебя, братъ!.. Умиротвори твое сердце, прости отцу все, что онъ сдѣлалъ тебѣ злого,—и тебѣ будетъ легче!..

Борисъ (заскрежетавъ зубами). Не отецъ мнѣ сдѣлалъ злое, а ты! Я тебя считалъ за ангела чистоты, а ты преступница, которой имени нѣтъ!.. (Показывая на публику) Смотри, тысячи глазъ глядятъ на тебя!.. И ты всѣмъ внушаешь ужасъ! Нѣтъ въ мірѣ уголка, гдѣ бы ты могла пріютиться и не произвести омерзѣнія!.. Нѣтъ милосердія, которое бы простило тебѣ вину твою!

Вѣра. Господь Богъ вывелъ же Лота съ дочерьми изъ Гоморры!

Борисъ. Такъ вѣдь мать, потакавшую ихъ преступленію,

Онъ обратилъ въ камень,—обрати и ты меня!.. Можетъ-быть, я и буду смотрѣть на все это иначе. Что тебя могло привести и подвигнуть на подобное страшное преступленіе?

Вѣра. Дьяволъ!

Борисъ (трагически смѣясь). Вотъ это лучше всего: дьяволъ! Ахъ, вы, ханжи и изувѣры! Если ты сама въ самомъ дѣлѣ вѣришь искренно въ это, то неужели ты думаешь меня убѣдить въ томъ? Я, слава Богу, еще не идіотъ и не дуракъ совсѣмъ. Весь этотъ дьяволъ состоитъ изъ невѣжества, изъ жизни въ глуши и изъ какого-то дурацкаго, слѣпого благоговѣнія передъ родителемъ. «Охъ! Паненька! Ахъ, драгоцѣнный родитель! Онъ великій у насъ человѣкъ». А тутъ, можетъ-быть, пришла на подмогу выпитая лишняя рюмка вина и разыгравшаяся кровь. Этотъ злодѣй англійскихъ шкиперовъ думаномъ опаивалъ, чего жъ ему стоило женщину одурманить?

Вѣра. Ничѣмъ онъ меня не одуманивалъ; онъ самъ былъ во власти того же дьявола.

Борисъ (ударяя себя въ грудь). Не говори ты мнѣ о дьяволѣ, не серди ты меня! Я еще понимаю, что можно сдѣлать мерзость, преступленіе; но не понимаю, какимъ образомъ ты остаешься жить послѣ того! Какъ ты не утопилась и не удавилась, что бы сдѣлала, вѣроятно, всякая хоть сколько-нибудь честная и порядочная крестьянская дѣвка!..

Вѣра (перебивая его). А если жизнь моя еще нужна была другому, ни въ чемъ неповинному существу?

Борисъ (съ ужасомъ отступая отъ нея). Такъ, значитъ, есть еще и вѣчный напоминатель вашего преступленія?.. Нѣтъ тебѣ прощенія!..

Вѣра (съ воплемъ). Братъ!

Борисъ. Нѣтъ, я не братъ тебѣ и ты мнѣ не сестра! (Быстро уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра (одна). Скорѣй тигра можно умилостивить, чѣмъ его!.. Вашей, по крайней мѣрѣ, жалости я умоляю, всѣ матери земли: въ этомъ нѣжномъ, страстномъ чувствѣ, столь знакомомъ вашему материнскому сердцу, — я не могу даже признаться сыну моему безъ того, чтобы онъ не возненавидѣлъ меня!.. Рожденіемъ его мало что преступила законы божескіе, человѣческіе,—я оскорбила самую природу!.. Но, кажется, идетъ Сашанскій!.. Попробую еще его попросить!.. Господи, подкрѣпи меня!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра и Сашанскій быстро входитъ.

Сашанскій. Борисъ Евграфычъ сейчасъ уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву.

Вѣра (постепенно овладѣвая собой). Да!.. его очень разстраиваетъ вся эта процессія! У него такъ еще недавно была непріятность съ отцомъ... а теперь онъ его видитъ умершимъ такой ужасной смертью... Пускай его поуспокоится. Богъ съ нимъ, мы и безъ него все справимъ.

Сашанскій. Въ такомъ случаѣ совершенно мною располагайте!.. Не нужно ли, чтобы я что-нибудь дѣлалъ, помогалъ вамъ?

Вѣра (съ улыбкою). О, до васъ есть у меня большая просьба!

Сашанскій. Сдѣлайте милость, приказывайте!

Вѣра. Дѣло вотъ въ чемъ... У отца моего... я монахиня,— стало-быть, мнѣ можно говорить прямѣе, чѣмъ позволительно это дѣвицѣ,—была связь съ одной женщиной... и есть ребенокъ отъ нея. Мать умерла, и малютка воспитывался у одной женщины... Когда отецъ самъ былъ живъ, разумѣется, онъ наблюдалъ, чтобы ребенку было хорошо; но теперь этого нѣтъ, я тоже ухожу въ монастырь и хочу даже дать обѣтъ—не выходить изъ стѣнъ его ни для какихъ мірскихъ дѣлъ

Сашанскій. Мальчика взять и помѣстить въ какое-нибудь болѣе благонадежное мѣсто?

Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ!.. Мнѣ бы хотѣлось не того... Если бы вы... я ужъ совсѣмъ всякую церемонію откладываю... у васъ у самихъ могъ быть до женитьбы ребенокъ; мать его, положимъ, умерла, и вы бы этого ребенка, о которомъ я вамъ говорила, взяли къ себѣ, какъ вашего собственнаго сына, а въ приданое за нимъ, по волѣ покойнаго отца, пойдетъ вся часть моего состоянія.

Сашанскій. Мнѣ ничего этого, Вѣра Евграфовна, не нужно. Но чтобы только это не подѣйствовало непріятно на Софью Евграфовну.

Вѣра. Спросимъ ее. Если ей объявить, что это ребенокъ отца, то я, признаться, не надѣюсь на ея скромность: она непремѣнно скажетъ Борису; а того въ этомъ случаѣ я рѣшительно боюсь: онъ непремѣнно станетъ мстить и преслѣдовать несчастнаго сироту! (Подходя къ Софьиной комнатѣ) Соня!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Софья.

Вѣра (беря ее за руку и полушутливымъ голосомъ). Я становлюсь между женихомъ и невѣстой посредницей. Вы, можетъ-быть, Софья Евграфовна, немножко предполагаете, что Николай Петровичъ не первую же васъ полюбилъ?

Софья (вспыхнувъ). Какъ не первую?

Вѣра. Да вотъ меня же прежде тебя полюбилъ!

Софья. Ахъ, ma soeur, ты шутишь?

Вѣра. А прежде меня еще другую любилъ. (Серьезнымъ уже тономъ) Словомъ, у него есть ребенокъ—сынъ, котораго мать умерла. Николай Петровичъ, женившись на тебѣ, желаетъ взять его къ себѣ и просилъ меня сказать тебѣ объ этомъ. Скажи прямо: не будетъ ли это тебѣ непріятно?

Софья. Нисколько!.. Напротивъ, я очень буду рада имѣть пасынка.

Вѣра. Смотри, Соня, сознательно ли ты говоришь?

Софья. Совершенно сознательно!

Вѣра. И будешь любить ребенка?

Софья. Буду.

Вѣра. Поклянись мнѣ въ томъ.

Софья. Клянуся Богомъ моимъ и я не знаю еще чѣмъ.

Вѣра (Сашанскому). Ну вотъ вамъ.

Сашанскій (беря и цѣлуя руку невѣсты). Благодарю васъ, Sophie.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и ключница.

Ключница. Злодѣй-то мой просится съ покойными барами проститься,—поклониться имъ... снятся они ему все...

Вѣра. Хорошо; пускай приведутъ.

Ключница (вѣрѣ). А прикажете поднимать гроба-то? Пришелъ народъ.

Вѣра (Сашанскому). Распорядитесь тамъ, Николай Петровичъ.

(Сашанскій уходитъ).

(Въ залѣ, въ отдаленіи, слышится: „Помяни, Господи, душу усопшаго боярина Евграфа“. Огромный хоръ: „Вѣчная память“. Басъ, гораздо болѣе слабый: „Помяни, Господи, душу усопшаго боярина Луки“, два козлиныхъ голоса: „Вѣчная память, вѣчная память!“).

Вѣра (торопливо сестрѣ). Поди и ты съ женихомъ—ступайте съ нимъ за процессіей,—я сейчасъ приду.

(Софья уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Вѣра (одна). Уносятъ ужъ!.. И я... только взгляну еще разъ на своего крошку и сама въ свою живую могилу—въ келью... (Подходитъ къ дверямъ своей комнаты). Г-жа Крапивкина, выдьте и ребенка возьмите съ собой!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Вѣра, Крапивкина и ребенокъ.

Вѣра. Недѣли черезъ три этакъ или черезъ мѣсяцъ, какъ сестра Соня выйдетъ замужъ... она выходитъ за Сашанскаго...

Крапивкина. Такъ-съ.

Вѣра. Вы возьмите Петю и пріѣзжайте съ нимъ, и вызовите самого Сашанскаго, а не сестру... понимаете?.. и скажите, что это тотъ мальчикъ, о которомъ я ему говорила.

Крапивкина. Хорошо бы ему, сударыня, и у меня было... привыкъ ужъ онъ очень ко мнѣ.

Вѣра. Ну, я этого ничего не знаю!.. На это есть воля покойнаго отца... такъ—такъ!..

Крапивкина. Слушаю-съ! Гробъ можно проводить?.. Тоже благодѣяніями Евграфа Осипыча сколько лѣтъ пользовалась.

Вѣра (обрадовавшись). Сходите, а мальчика здѣсь оставьте, что̀ ему тамъ...

Крапивкина. Пусть здѣсь останется,—я приду за нимъ послѣ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Вѣра и ребенокъ.

Вѣра (беретъ за руку ребенка, обнимаетъ и начинаетъ его цѣловать, цѣловать).

Ребенокъ (прижимаясь къ ней). Мама!

Вѣра. Тсс, тише!.. Не мама я тебѣ, нѣтъ!

Ребенокъ. Мама!

Вѣра. Ни, ни, нѣтъ! (Убѣгаетъ).

(Ребенокъ съ испуганнымъ и заплаканнымъ лицомъ остается передъ публикой).

(Входитъ читальщикъ).

Читальщикъ. Что̀, мальчикъ,—а? (Начинаетъ читать псалтырь) «Милосердія двери отверзи намъ...»

Занавѣсъ падаетъ.

ВААЛЪ

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

> И крадете, и убиваете, и клянетесь лживо, и жрете Ваалу.
>
> *Іеремія, 7, 9.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бургмейеръ, Александръ Григорьевичъ, богатый коммерсантъ.
Клеопатра Сергѣевна, жена его.
Мировичъ, Вячеславъ Михайловичъ, депутатъ отъ земства.
Куницынъ, Петръ Ѳедоровичъ, вольнопрактикующій адвокатъ.
Толоконниковъ, Измаилъ Константиновичъ, техникъ-строитель.
Самаханъ, Авдей Игафраксевичъ, извѣстный врачъ.
Руфинъ, Симха Рувимычъ, еврей.
Евгенія Николаевна Трехголовова, молодая вдова.
Татьяна, кухарка.
Лакеи.

ДѢЙСТВІЕ I.

Роскошно убранный, огромный мужской кабинетъ; въ немъ малахитовый каминъ съ большимъ зеркаломъ; на стѣнахъ подлинные Ванъ-Дикъ и Рубенсъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеопатра Сергѣевна и Евгенія Николаевна; обѣ красивыя молодыя женщины. Клеопатра Сергѣевна, видимо, собиралась куда-то ѣхать и была уже въ шляпкѣ; но, заинтересованная словами своей подруги, пріостановилась ненадолго и, смотрясь будто бы въ зеркало, слушаетъ ее; а Евгенія Николаевна сидитъ въ креслѣ.

Евгенія Николаевна. Какъ тебѣ угодно, но въ этомъ ты никого не увѣришь.

Клеопатра Сергѣевна (обертываясь къ ней). Въ чемъ мнѣ и кого увѣрять?

Евгенія Николаевна. Въ томъ, что будто бы ты ничего не видѣла и не понимала, что Мировичъ въ тебя влюбленъ до безумія!

Клеопатра Сергѣевна (покраснѣвъ нѣсколько въ лицѣ). Я вовсе этого не говорю!.. Я очень хорошо это видѣла и понимала; но что̀ жъ изъ того?

Евгенія Николаевна. А то, что неужели, по крайней мѣрѣ, ты жалости не чувствуешь къ нему, или, лучше сказать, неужели тебѣ не совѣстно противъ него?

Клеопатра Сергѣевна (съ удивленіемъ). Почему же мнѣ можетъ быть совѣстно противъ него? Я съ нимъ не кокетничала, я его не завлекала.

Евгенія Николаевна (устремляя внимательно на пріятельницу свои проницательные глаза). Ты не кокетничала?.. Ты?.. Клеопаша!.. Ты можешь все говорить, все, только не это!..

Клеопатра Сергѣевна (нѣсколько сконфуженная этими словами). Напротивъ, кажется, я смѣло могу говорить это.

Евгенія Николаевна (прищуривая уже свои глаза и снова устремляя ихъ на пріятельницу). А эти прогулки на дачѣ вдвоемъ?.. А эти игранья въ табельку по цѣлымъ вечерамъ? Какая страстная картежница вдругъ сдѣлалась!.. Это что̀ же такое?

Клеопатра Сергѣевна (еще болѣе конфузясь). Вначалѣ я дѣйствительно нѣсколько неосторожно себя съ нимъ держала; но мнѣ просто пріятно было его общество: онъ тутъ умнѣй всѣхъ, собой красивъ, образованный, свѣтскій человѣкъ... Я полагала, что между нами можетъ существовать дружба; но, разумѣется, какъ только замѣтила, что въ немъ зарождается совершенно иное чувство ко мнѣ, я спрятала все въ своей душѣ и стала съ нимъ въ самыя холодныя, свѣтскія отношенія.

Евгенія Николаевна (съ ироническою улыбкой и пожимая плечами). И зачѣмъ ты это дѣлала? Для кого и для чего?

Клеопатра Сергѣевна (снова съ удивленіемъ). Какъ для кого и для чего? Неужели ты, Женя, этого не понимаешь?

Евгенія Николаевна (опять пожимая плечами). Нѣтъ, не понимаю!

Клеопатра Сергѣевна. Не понимаешь того, что я замужняя женщина, что я люблю моего мужа, что мужъ мой любитъ меня, и что мнѣ, по всему этому, было бы очень глупо, смѣшно и наконецъ нечестно позволить себѣ увлечься почти мальчикомъ, съ которымъ у меня никогда не можетъ быть ничего серьезнаго!

Евгенія Николаевна (усмѣхаясь злою улыбкой). Во всѣхъ этихъ словахъ твоихъ, Клеопаша, что ни слово, то неправда.

Ты говоришь: «любишь мужа». Такъ ли ты выразилась? Ты его уважаешь,—это такъ! И онъ совершенно достоинъ того!

Клеопатра Сергѣевна. Но какимъ же образомъ ты знаешь мое чувство къ мужу: любовь ли это, или одно уваженіе?

Евгенія Николаевна. Такимъ, что тебѣ 25 лѣтъ, а мужу твоему 45 лѣтъ; но, при такой разницѣ въ лѣтахъ, врядъ ли женщинѣ естественно питать къ мужчинѣ какую-нибудь особенно ужъ пламенную страсть, и у васъ, я думаю, стремленія даже совершенно разныя: тебѣ, вѣроятно, иногда хочется поболтать, понѣжничать, помандальничать, а почтеннѣйшій Александръ Григорьичъ, какъ я его ни уважаю, но совершенно убѣждена, что онъ вовсе не склоненъ къ этому.

Клеопатра Сергѣевна. Что жъ изъ того, что онъ не склоненъ къ тому? Я вовсе его люблю не за это, а за то, что онъ меня любитъ!

Евгенія Николаевна (съ сильнымъ удареніемъ на первомъ словѣ). Н-ну, любитъ.

Клеопатра Сергѣевна. Что это за восклицаніе: «ну»?

Евгенія Николаевна. Восклицаніе, что мнѣ одинъ очень умный и пожилой господинъ, много жившій на свѣтѣ, говорилъ, что онъ не зналъ еще ни одного брака, въ которомъ мужъ оставался бы вѣренъ своей женѣ долѣе пяти лѣтъ; а вы ужъ, кажется, женаты лѣтъ восемь.

Клеопатра Сергѣевна (съ нѣкоторымъ негодованіемъ). Нѣтъ, твой пожилой господинъ немножко ошибается: Александръ мнѣ вѣренъ и до сихъ поръ!

Евгенія Николаевна (пожимая плечами). Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ! Господи, какъ мы иногда, женщины, въ этомъ случаѣ бываемъ слѣпы: мужъ мой, съ которымъ я прожила всего три года, который, какъ сама ты видѣла, любилъ меня до безумія; но при всемъ томъ, когда онъ умеръ, я имѣла неудовольствіе узнать, что моя хорошенькая горничная была въ нѣкоторыя минуты предметомъ его страсти.

Клеопатра Сергѣевна. Но что однако, Жени, ты хочешь всѣмъ этимъ сказать: что мужъ мой не любитъ меня и тоже измѣнятъ мнѣ?

Евгенія Николаевна. Нисколько я не хочу этимъ ничего сказать, а такъ только мы разсуждаемъ вообще.

Клеопатра Сергѣевна. Странныя разсужденія: по любви твоей ко мнѣ, я думаю, что если что-нибудь знаешь про мужа, такъ должна была бы не обиняками, а прямо и откровенно мнѣ сказать,—вотъ какъ бы я поступила въ отношеніи тебя...

Евгенія Николаевна. Но что же я могу сказать, когда я сама ничего не знаю?

Клеопатра Сергѣевна. Тогда къ чему же всѣ эти разговоры, которые все-таки меня тревожатъ и которые ты вотъ уже нѣсколько разъ начинаешь?

Евгенія Николаевна (порывисто вставая съ кресла и съ какимъ-то даже азартомъ). Я начинаю, потому что Мировичъ меня просилъ объ этомъ!

Клеопатра Сергѣевна (снова съ удивленіемъ). Съ какой же стати Мировичу было просить тебя? И что за дружба такая между вами вдругъ началась?

Евгенія Николаевна. Не дружба, но помилуй: я почти каждый день видала его у васъ, и немудрено, что давно уже смѣюсь ему насчетъ этого; а вотъ это, какъ-то на-дняхъ, встрѣтила его на дачѣ и выспросила у него все.

Клеопатра Сергѣевна (недовольнымъ сконфуженнымъ тономъ). И что же онъ тебѣ разсказалъ?

Евгенія Николаевна. Разсказалъ, что онъ дѣлалъ тебѣ признаніе въ любви,—дѣлалъ вѣдь?

Клеопатра Сергѣевна (съ волненіемъ). Дѣлалъ, къ сожалѣнію.

Евгенія Николаевна. И что ты его совершенно отвергнула.

Клеопатра Сергѣевна (какъ бы усмѣхаясь). Разумѣется, конечно! Знаешь, Женя, какая это у тебя отвратительная привычка про всѣхъ все вывѣдывать!

Евгенія Николаевна. Почему же отвратительная? Напротивъ, очень пріятно это.

Клеопатра Сергѣевна. Только ужъ никакъ не для тѣхъ, про кого ты вывѣдываешь.

Евгенія Николаевна. Что же тѣмъ-то?

Клеопатра Сергѣевна. То, что кому же пріятно, чтобы его тайну, какая бы она пустая ни была, знали другіе: тайна до тѣхъ поръ только и тайна, пока ея никто не знаетъ.

Евгенія Николаевна. Что жъ ты думаешь, я буду разсказывать, что мнѣ говорилъ Мировичъ?

Клеопатра Сергѣевна. Очень вѣроятно, что и разскажешь: ни одна женщина въ этомъ случаѣ не поручится за себя, хоть тутъ и разсказывать особенно нечего.

Евгенія Николаевна. Если бы даже и было что, такъ, будь увѣрена, все бы во мнѣ умерло. Я никакъ ужъ не сплетница! Слыхала ли ты, чтобы я про кого бы то ни было говорила что-нибудь дурное?

Клеопатра Сергѣевна. Говорить ты, можетъ-быть, не говоришь, но зато сама-то съ собою очень много думаешь о другихъ и ужъ охотница всѣхъ и во всемъ подозрѣвать!..

Отчего вотъ я нисколько не интересуюсь и никого не разспрашиваю: ухаживаетъ ли кто за тобой или нѣтъ?.. Сама ты любишь ли кого?..

Евгенія Николаевна (перебивая ее). Ахъ, пожалуйста, разспрашивайте и узнавайте! Я не разсержусь на это. Я вдова, а потому мнѣ все позволительно. Я разспросила Мировича просто изъ жалости къ нему, потому что послѣдній разъ, какъ я его видѣла, онъ былъ совершенно какой-то потерянный и въ отчаяніи теперь отъ мысли, что не разсердилась ли ты на него очень за его объясненіе?

Клеопатра Сергѣевна. Разсердиться я не разсердилась, а больше была бы довольна, если бъ онъ не дѣлалъ мнѣ его.

Евгенія Николаевна. А бывать у васъ въ домѣ можетъ ли онъ послѣ этого?

Клеопатра Сергѣевна (усмѣхаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ краснѣя въ лицѣ). Конечно, я тоже бы больше желала, чтобы онъ не бывалъ у насъ; но все-таки не считаю себя въ правѣ запретить ему это.

Евгенія Николаевна. Но мужу ты не говорила объ этомъ объясненіи?

Клеопатра Сергѣевна. Зачѣмъ же я мужу стану говорить о всякомъ вздорѣ?.. Только ты, пожалуйста, предувѣдомь Мировича, что я буду съ нимъ крайне осторожна и совершенно холодна.

Евгенія Николаевна. О, Боже мой! онъ ничего не надѣется и ничего не ожидаетъ! Ему бы хоть только молча и издали любоваться на свое жестокое божество!

Клеопатра Сергѣевна (съ притворною насмѣшкой). Можетъ, если ему это не скучно, «любоваться издали на свое жестокое божество!..» (Начиная надѣвать перчатки) Однако прощай!.. Мнѣ пора ѣхать съ визитами. Ты подождешь Александра Григорьича?

Евгенія Николаевна. Да, мнѣ нужно спросить его объ одномъ дѣлѣ.

Клеопатра Сергѣевна (идетъ къ дверямъ, но на полдорогѣ пріостанавливается и, грозя пальчикомъ, говоритъ подругѣ). А объ мужѣ мнѣ, я тебя прошу, не внушай никогда никакихъ подозрѣній. Я мнительна и самолюбива!.. Я въ отношеніи его сдѣлаюсь совершенно иною женщиной, если онъ мнѣ измѣнитъ.

Евгенія Николаевна. Хорошо, хорошо, не стану.

Клеопатра Сергѣевна. Прошу тебя, не дѣлай этого!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Евгенія Николаевна (одна). «Измѣнить ей мужъ»!.. Мнѣ, я думаю, лучше другихъ знать, какъ онъ тебѣ вѣренъ, хотя я тоже очень хорошо изъ разныхъ мелочей замѣчаю, что онъ со мной такъ только для шутки! Видитъ, женщина молодая, красивая; сама почти ему объяснилась въ любви; отчего же съ ней не сблизиться и не заплатить ей маленькую сумму денегъ за то? Но онъ тутъ только ошибается въ одномъ: я вовсе не изъ такихъ глупенькихъ и смирныхъ существъ, чтобы любовью моею можно позабавиться и бросить меня потомъ, когда угодно... Я эту дурочку, супругу его, сведу съ Мировичемъ... Она лжетъ!.. Она влюблена въ него по уши, такъ что даже боится встрѣчаться съ нимъ, и только мужа притрухиваетъ; но они сойдутся непремѣнно... Бургмейера это, разумѣется, взорветъ; онъ сейчасъ же отстранитъ ее отъ себя, а я приду и сяду на ея мѣсто,—тогда Александръ Григорьичъ и увидитъ, какъ со мной можно сближаться только для шутки! Это, право, какая-то несправедливость судьбы: я съ этой Клеопашей росла и училась вмѣстѣ, всегда была лучше ея собой, умнѣй, ловчѣе, практичнѣе наконецъ, и вдругъ она выходитъ за богача, за милліонера; а я принуждена была выйти за полусумасшедшаго мальчика, который Богъ знаетъ что мнѣ насказалъ о своемъ состояніи, а когда умеръ, то оказалось, что я нищая!.. Если ужъ такъ мало счастья и удачъ въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, умникомъ своимъ надобно что-нибудь для себя сдѣлать: мужчины хоть и воображаютъ, что они умнѣй насъ, проницательнѣй, но ужъ насчетъ хитрости, извините: мы во сто разъ ихъ похитрѣе!.. Отчего это однако Александръ Григорьичъ такъ мраченъ послѣднее время?.. (Взглядывая въ окно) Вонъ онъ идетъ,—на что это похоже?.. Какъ будто бы къ смерти приговоренный! Сегодня же я его разспрошу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Александръ Григорьевичъ Бургмейеръ, уже съ просѣдью мужчина, со взглядомъ нѣсколько суровымъ, но вмѣстѣ и со смущеннымъ. На худощавыхъ пальцахъ его виднѣются два-три драгоцѣнныя кольца, на часовой цѣпочкѣ и ключикѣ тоже замѣтны драгоцѣнные камни. Во всемъ костюмѣ его чувствуется лондонскій покрой.

Бургмейеръ (протягивая руку Евгеніи Николаевнѣ). Здравствуйте, другъ мой!.. Клеопатры Сергѣевны, вѣроятно, дома нѣтъ!

Евгенія Николаевна. Нѣтъ, она уѣхала съ визитами и просила меня безъ нея ужъ подождать васъ!

Бургмейеръ (ставя въ сторону свою шляпу и палку). Не ревнива же она, видно!

Евгенія Николаевна. О, нисколько! Она ничего даже и не подозрѣваетъ.

(Оба садятся. Бургмейеръ сейчасъ же задумывается).

Евгенія Николаевна (устремляя на него внимательный взоръ и какимъ-то ласковымъ и заползающимъ въ душу голосомъ). Я собственно пріѣхала къ вамъ и дожидалась васъ, чтобы передать вамъ мою радость, которую я переживала за васъ во вчерашнемъ собраніи вашихъ акціонеровъ:—это невѣроятно, какой восторгъ во всей публикѣ былъ къ вамъ!

Бургмейеръ (на минуту улыбнувшись). Да, криковъ много было.

Евгенія Николаевна (тѣмъ же вкрадчивымъ голосомъ). Это больше даже, чѣмъ крики... Вонъ въ театрѣ кричатъ иногда и бѣснуются какой-нибудь пѣвицѣ или актеру; но тутъ были слезы благодарности къ вамъ, молитвы за васъ. Около меня одинъ старичокъ сидѣлъ; онъ небогатый, должно-быть, и если получитъ, по вашему обѣщанію, на свой капиталецъ тридцать процентовъ, такъ будетъ имѣть возможность безбѣдно существовать съ двумя внучатами своими. Онъ все время шепталъ: «Г. Бургмейеръ пенсію мнѣ даетъ!.. Пенсію!». Вы сами тоже очень интересны были... Когда вы кончили читать отчетъ и вамъ всѣ захлопали, вы встали этакъ, оперлись слегка на столъ рукою и блѣдный этакій, взволнованный были!.. Вотъ именно, какъ, бывши еще молоденькою дѣвушкою, воображала себѣ всегда великихъ людей въ минуту ихъ торжества: когда какого-нибудь побѣдителя встрѣчаетъ народъ, или оратору апплодируютъ послѣ его рѣчи, они всегда должны быть блѣдные немножко, взволнованные...

(Бургмейеръ, весьма внимательно прослушавшій всѣ эти слова и видимо подъ вліяніемъ какой-то внутренней муки, всталъ, вышелъ на авансцену и отвернулся даже отъ Евгеніи Николаевны, которая, въ свою очередь, посмотрѣла на него сначала съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а потомъ сама тоже встала и, какъ кошка, подойдя къ Бургмейеру, положила ему обѣ руки на плечо).

Евгенія Николаевна. Положимъ, вы вчера могли быть грустны и взволнованы, но зачѣмъ же эта печаль продолжается и сегодня?

Бургмейеръ (оборачиваясь къ ней и стараясь привѣтливо улыбнуться). Да такъ ужъ!.. Не веселитъ что-то ничто!

Евгенія Николаевна. Но, другъ мой, что же можетъ быть за причина тому? Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ

вы на себя непохожи! Отчего и чему вы можете печалиться? Вы милліонеръ!.. У васъ прекрасная жена, которая васъ любитъ и которую вы любите тоже; наконецъ, Александръ, у тебя, какъ самъ ты видишь, хорошенькая любовница, которая отъ тебя ничего не требуетъ и проситъ только позволить ей любить тебя и быть съ ней хоть немножко, немножко откровеннымъ.

Бургмейеръ (какъ бы встрянувъ). Да, Женни, я и самъ хочу тебѣ открыться. Я думалъ-было Клеопатрѣ Сергѣевнѣ разсказать, но зачѣмъ же еще ее рановременно тревожить? Притвори всѣ двери и посмотри, чтобы кто не подслушалъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

Евгенія Николаевна (заглянувъ во всѣ двери, притворивъ ихъ и возвратившись къ Бургмейеру). Тамъ нѣтъ ни одной души человѣческой.

Бургмейеръ (беря ее за руку и во весь свой монологъ легонько, но нервно ударяя своею рукой по ея рукѣ). Вотъ видишь, ты мнѣ сейчасъ сказала: «Вы милліонеръ!.. Вы благодѣтель общества!.. Имя ваше благословляютъ!.. За васъ молятся старцы и дѣти!..» Ну, такъ знай, Женни, что я не милліонеръ, а нищій и разоритель всего этого благословляющаго меня общества!

Евгенія Николаевна. Александръ Григорьичъ, возможно ли это послѣ того, чему вчера я сама была свидѣтельницей! Не пугаетъ ли васъ въ этомъ случаѣ ваше болѣзненнымъ образомъ настроенное воображеніе?

Бургмейеръ (слегка, но грустно улыбаясь). Ха-ха-ха!.. Воображеніе! Къ несчастью-съ, не въ воображеніи моемъ это только происходитъ, а въ дѣйствительности существуетъ; впрочемъ, прежде всего надо дѣло сдѣлать!.. (Подходитъ къ своему письменному столу и, вынувъ изъ него довольно толстый пакетъ, подаетъ его Евгеніи Николаевнѣ). Тутъ вотъ вашъ маленькій капиталъ, который вы мнѣ довѣрили и который я нахожу теперь нужнымъ, для пользы вашей, извлечь изъ моихъ дѣлъ; кромѣ того, прибавлена нѣкоторая сумма отъ меня,—это вамъ на память обо мнѣ за вашу дружбу...

Евгенія Николаевна (испуганнымъ голосомъ). Александръ, ты, значитъ, совсѣмъ меня удалить отъ себя хочешь?

Бургмейеръ. Нѣтъ, Женни, нѣтъ!.. Пожалуйста, этого не думай; но мало ли что можетъ случиться! Можетъ-быть, мнѣ понадобится уѣхать вдругъ за границу; наконецъ я умереть могу неожиданно: въ животѣ и смерти каждаго человѣка Богъ воленъ.

Евгенія Николаевна. Александръ! Мнѣ странно ужъ начинаетъ становиться отъ твоихъ словъ... Какъ ты ни мало

меня любишь, если даже совсѣмъ меня не уважаешь и не цѣнишь, но я тебя люблю, спокойствіе твое дороже мнѣ собственнаго!.. Я со слезами тебя прошу быть со мной откровеннымъ!.. (На глазахъ ея въ самомъ дѣлѣ показываются слезы).

Бургмейеръ. Сейчасъ, Женни, сейчасъ. Я все тебѣ разскажу откровенно... (Видимо дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы начать разсказывать). Послѣдній подрядъ мой, что и ты, конечно, знаешь, есть одно изъ самыхъ крупныхъ моихъ предпріятій: въ немъ заинтригованы состоянія всѣхъ видѣнныхъ тобою вчера акціонеровъ и бо́льшая часть моего состоянія. Черезъ нѣсколько дней будетъ пріемъ этому подряду; но онъ далеко не исправно и совершенно нечестно даже сдѣланъ.

Евгенія Николаевна. Александръ Григорьичъ, я просто не вѣрю словамъ вашимъ!.. Станете ли вы такъ дѣлать!..

Бургмейеръ. Я и не дѣлалъ прежде такъ, когда богатъ былъ, а теперь я нищій сталъ!..

Евгенія Николаевна. Но куда же ваше состояніе могло дѣваться?

Бургмейеръ. Все состояніе мое, всѣ почти деньги, которыя слѣдовали на этотъ подрядъ, у меня улетучились въ прошлогодней игрѣ моей на биржѣ, и весь этотъ подрядъ мой произведенъ на фу-фу, подъ замазку и краску, и то даже въ долгъ!

Евгенія Николаевна (сильно пораженная). Господи, Боже мой! Но зачѣмъ же вы это, Александръ, играли на биржѣ?

Бургмейеръ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что на землю ниспосланъ новый дьяволъ-соблазнитель! У человѣка тысячи, а онъ хочетъ сотни тысячъ. У него сотни тысячъ, а ему давай милліоны, десятки милліоновъ! Они тутъ, кажется, недалеко... передъ глазами у него, стоитъ только руку протянуть за ними... Насъ въ мірѣ много такихъ прокаженныхъ, въ которыхъ сидитъ этотъ дьяволъ и заставляетъ насъ губить себя, семьи наши и милліоны другихъ слѣпцовъ, ввѣрившихъ намъ свое состояніе.

Евгенія Николаевна. Но неужели же вамъ теперь никакъ и ничѣмъ нельзя поправить вашихъ дѣлъ?

Бургмейеръ. Совершенно возможно! Ничего не стоитъ!.. Черезъ годъ же я могъ бы сдѣлаться вдвое богаче, чѣмъ былъ прежде.... на-дняхъ вотъ мнѣ должна быть выдана концессія, на которой я сразу могъ бы нажить милліонъ, не говоря уже о томъ, что если я удержу мои павшія бумаги у себя, то онѣ съ теченіемъ времени должны непремѣнно подняться до номинальной цѣны; такимъ образомъ весь мой проигрышъ биржевой обратится въ нуль, если еще не прине-

сетъ мнѣ барыша!.. Но дѣло все въ томъ, что концессію эту утвердятъ за мной тогда только, когда не поколеблется мой кредитъ; а онъ останется твердымъ въ такомъ лишь случаѣ, если у меня примутъ послѣдній подрядъ мой, но его-то именно и не принимаютъ.

Евгенія Николаевна. Но, другъ мой, говорятъ, всегда можно подкупить принимающихъ лицъ... Тутъ нужны только деньги, и вотъ возьмите для этого всѣ эти мои деньги; кромѣ того, я попрошу у пріятельницъ моихъ денегъ для васъ.

Бургмейеръ. Дѣло не въ деньгахъ... Денегъ есть настолько, но въ комиссіи сидитъ человѣкъ, котораго не купишь...

Евгенія Николаевна. Кто это такой?

Бургмейеръ. Мировичъ, мальчишка, отъ земства приставленный!

Евгенія Николаевна (переспрашивая и какъ бы не вѣря ушамъ своимъ). Мировичъ?

Бургмейеръ. Да.

Евгенія Николаевна (начиная уже хохотать). Ха-ха-ха! Душенька, ангелъ мой, Александръ Григорьичъ, вы какимъ-то ребенкомъ мнѣ теперь представляетесь! Неужели вы боитесь Мировича, одного только Мировича?

Бургмейеръ. Не его я боюсь, а протеста его и заявленія. Пойми ты, что̀ выйдетъ: это сейчасъ, разумѣется, разгласится; акціи нашего послѣдняго дѣла шлепнутся съ рубля на полтину. Въ правительственныхъ сферахъ это увидятъ; концессіи мнѣ поэтому не выдадутъ, и я сразу подорванъ буду во всѣхъ дѣлахъ моихъ.

Евгенія Николаевна. Но Мировичъ не подастъ, я думаю, никакого протеста.

Бургмейеръ. Однакожъ онъ его подалъ. Это фактъ уже совершившійся.

Евгенія Николаевна. Подалъ, потому что на него надобно было употребить нѣкоторое особое вліяніе... Неужели же, Александръ Григорьичъ, вы не замѣчали, что Мировичъ безъ ума влюбленъ въ вашу жену?

Бургмейеръ (весь вспыхивая при этомъ, нахмуриваясь и отворачиваясь отъ Евгеніи Николаевны). Это я видѣлъ отчасти; но какая же польза можетъ проистечь отъ того?

Евгенія Николаевна. А такая, что Клеопатра въ этомъ случаѣ можетъ быть отличною ходатайницей. Онъ, конечно, не въ состояніи ни въ чемъ будетъ отказать ей.

Бургмейеръ. Но почему же онъ не въ состояніи ей отказать? Между ними, надѣюсь, существуетъ только то, что Мировичъ влюбленъ въ жену мою, но никакъ не больше!

Евгенія Николаевна. Между ними существуетъ... Только вы, пожалуйста, не выдайте меня, я вамъ говорю это по секрету... Существуетъ то, что Мировичъ объяснялся вашей женѣ въ любви: она его совершенно отвергла, но это еще лучше, потому что, если теперь она хоть сколько-нибудь польститъ его исканіямъ, такъ онъ, я не знаю, на что не готовъ будетъ рѣшиться.

Бургмейеръ (продолжая оставаться нахмуреннымъ и съ явнымъ раздраженіемъ въ голосѣ). Все это прекрасно-съ. Но какъ же все это осуществить?

Евгенія Николаевна (какъ бы не понявъ его). Что такое тутъ осуществлять?

Бургмейеръ (разсмѣявшись уже какою-то злою усмѣшкой). Ну да, сказать женѣ и просить, что ли, ее, чтобъ она извѣстнымъ образомъ дѣйствовала?.. Вы на себя, надѣюсь, не возьмете этого сдѣлать?

Евгенія Николаевна. Ахъ, другъ мой, нѣтъ никакого сомнѣнія, что я сейчасъ же была бы готова; но я напередъ увѣрена, что не успѣю ничего тутъ сдѣлать. По-моему, вамъ лучше всего самому переговорить объ этомъ съ Клеопашей, потому что, какъ она ни хитритъ со мною, но я хорошо вижу, что она не совсѣмъ равнодушна къ Мировичу и если теперь осторожно держитъ себя съ нимъ, такъ это просто изъ страха къ вамъ: она боится, что васъ очень этимъ огорчитъ и разсердитъ!.. Но когда вы ей намекнете этакъ легонько, то она, конечно, сейчасъ же пойметъ, что это не будетъ для васъ такимъ ужъ страшнымъ ударомъ.

Бургмейеръ (съ судорожнымъ смѣхомъ). Какъ ужъ не понять тогда! Главное, я-то при этомъ являюсь очень красивъ предъ ней въ нравственномъ отношеніи!

Евгенія Николаевна. Что же вы-то тутъ? Я, конечно, не знаю; но судя по себѣ, то хоть я и не жена ваша, однако, чтобы помочь вамъ... будь въ меня влюбленъ Мировичъ, я, не задумавшись, постаралась бы свертѣть ему голову, закружить его окончательно...

Бургмейеръ (перебивая ее). То вы, а то жена моя.

Евгенія Николаевна. Какая же разница?.. Неужели вы хотите этимъ сказать, что для меня все возможно, а женѣ вашей наоборотъ?

Бургмейеръ. О, подите, Господь съ вами!.. (Взглядывая въ окно) Карета жены, кажется, въѣхала на дворъ.

Евгенія Николаевна (тоже взмахивая глазами въ это окно). Да, это Клеопаша... Она, конечно, прямо пройдетъ къ вамъ Мнѣ оставаться, или лучше уѣхать?

Бургмейеръ. Уѣзжайте лучше.

Евгенія Николаевна (сбираясь уходить, говоритъ Бургмейеру скороговоркой). Если вы только, другъ мой, вздумаете вдругъ уѣхать за границу, то Клеопаша, вѣроятно, не поѣдетъ съ вами; но меня вы возьмите; я рабой, служанкой, но желаю быть при васъ. Денегъ моихъ я тоже не возьму!.. (Кладетъ деньги на столъ). Онѣ больше, чѣмъ когда-либо, должны теперь оставаться у васъ!.. (Уходитъ въ одну изъ дверей).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бургмейеръ (прикладывая руку къ одному изъ виековъ своихъ). Какой демонъ внушилъ Евгеніи подсказать мнѣ эту мысль, которая и безъ того смутно меня мучитъ нѣсколько дней!.. И я самъ... не насмѣшка ли это судьбы!.. я самъ долженъ итти къ женѣ моей, этой чистой и невинной пока голубкѣ, и сказать ей: «поди, соблазняй и обманывай своими ласками и кокетствомъ посторонняго тебѣ мужчину, чтобы только онъ не вредилъ дѣламъ моимъ...» А что же другое мнѣ осталось дѣлать? Смѣло итти на разореніе съ тѣмъ, чтобъ опять потомъ начать трудиться; но на какомъ поприщѣ я могу трудиться? Я умѣю только торговать; для этого же надобно имѣть или кредитъ, или деньги, а я того и другого лишусь. Значитъ, впереди у меня полнѣйшая, совершенная нищета; но это чудовище терзаетъ нынче людей пострашнѣй, чѣмъ въ прежнія времена: обыкновенно найдется какой-нибудь добрый родственникъ, или вѣрный старый другъ, или благодѣтельный вельможа, который дастъ уголь, кусокъ хлѣба и старенькое пальтишко бывшему милліонеру; а теперь къ очагу, въ кухню свою, никто не пуститъ даже погрѣться, и я вмѣстѣ съ бѣдною женой моею долженъ буду умереть гдѣ-нибудь на тротуарѣ съ холоду, съ голоду!.. Я для спасенія ея же самой принужденъ рѣшиться на все...

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Клеопатра Сергѣевна; Бургмейеръ употребляетъ все усиліе надъ собой, чтобы казаться спокойнымъ.

Клеопатра Сергѣевна. Ты одинъ?.. Жени поэтому уѣхала!

Бургмейеръ. Уѣхала.

Клеопатра Сергѣевна (подходя къ мужу). Отчего ты мнѣ не разсказалъ, какія вчера овація получилъ!.. Жени мнѣ говорила, что тебя аплодисментами встрѣтили и аплодисментами проводили. Мнѣ очень жаль, что ты не взялъ меня съ собою. Я очень бы желала видѣть твое торжество.

Бургмейеръ. Не пріучай себя, Клеопатра, къ моимъ торжествамъ. Можетъ-быть, тебѣ скоро придется видѣть и позоръ мой.

Клеопатра Сергѣевна (разсмѣявшись даже). Позоръ твой?.. Но отчего же и гдѣ же?

Бургмейеръ. Оттого, что я на-дняхъ, вѣроятно, долженъ буду объявить себя банкротомъ.

Клеопатра Сергѣевна (уже съ безпокойствомъ). Но какимъ образомъ и на чемъ ты могъ обанкротиться?

Бургмейеръ. На послѣднемъ подрядѣ моемъ, который у меня не принимаютъ, а если не примутъ его, такъ и не дадутъ мнѣ другого дѣла, отъ котораго я ожидалъ нажить большія деньги и ими пополнить всѣ мои теперешніе недостатки...

Клеопатра Сергѣевна (все съ болѣе и болѣе возрастающимъ безпокойствомъ). Кто жъ это?.. Комиссія, значитъ, не принимаетъ у тебя подряда?

Бургмейеръ. Не комиссія вся... Напротивъ, всѣ почти члены принимаютъ, за исключеніемъ одного только Мировича.

Клеопатра Сергѣевна (поблѣднѣвъ при этомъ имени). Почему жъ онъ не принимаетъ его?

Бургмейеръ. Говоритъ, что подрядъ дурно выполненъ.

Клеопатра Сергѣевна. Но въ чемъ именно? Онъ и судитъ, я думаю, не можетъ.

Бургмейеръ. Много тамъ нашелъ.

Клеопатра Сергѣевна (усмѣхнувшись какъ бы больше сама съ собой). Странно!.. (Послѣ нѣкотораго размышленія, обращаясь къ мужу) Послушай, я, конечно, не хотѣла тебѣ и говорить объ этомъ, потому что считала это пустяками; но теперь, я полагаю, должна тебѣ сказать: Мировичъ неравнодушенъ ко мнѣ и даже намекалъ мнѣ на это... Я, конечно, сейчасъ же умѣрила его пылъ и прочла ему приличное наставленіе; но неужели же этотъ непріемъ — месть съ его стороны?.. Я всегда считала его за человѣка въ высшей степени честнаго.

Бургмейеръ. Вовсе не месть... Подрядъ дѣйствительно отвратительнѣйшимъ и безобразнѣйшимъ образомъ выполненъ... Деньги, которыя на него слѣдовали, я всѣ потерялъ въ прошлогодней биржевой горячкѣ.

Клеопатра Сергѣевна. Это ужасно!.. Вотъ ужъ никакъ не ожидала того!.. Точно съ неба свалилось несчастье.

Бургмейеръ. Ужаснѣе всего тутъ то, что, прими они отъ меня этотъ подрядъ и утвердись за мною новое дѣло мое, я бы всѣ барыши отъ него употребилъ на исправленіе теперешняго подряда, хоть бы онъ и былъ даже принятъ!.. Ты знаешь, какъ я привыкъ мои дѣла дѣлать!

Клеопатра Сергѣевна. Еще бы! Но ты объясни все это Мировичу. Онъ, я все-таки убѣждена, человѣкъ добрый и умный.

Бургмейеръ. Что ему объяснять? Развѣ онъ повѣритъ мнѣ!.. Онъ прямо на это скажетъ: «всякій подрядчикъ готовъ съ божбою завѣрять, что онъ исправитъ свой подрядъ послѣ того, какъ у него примутъ его, а потомъ и надуетъ». Онъ, кажется, всѣхъ насъ, предпринимателей, считаетъ за одинаковыхъ плутовъ-торгашей.

Клеопатра Сергѣевна. Какъ это глупо съ его стороны, я нахожу...

Бургмейеръ. Глупо ли, умно ли, но онъ такъ думаетъ... (Усмѣхаясь) Вотъ если бы ты, что ли, съѣздила къ нему и поумилостивила его. Кто жъ можетъ въ чемъ отказать рыдающей младости и красотѣ?

Клеопатра Сергѣевна (замѣтно удивленная этимъ предложеніемъ мужа). Мнѣ къ нему съѣздить, ты говоришь?

Бургмейеръ (опять съ усмѣшкой). Да!

Клеопатра Сергѣевна (нахмуривая свой лобъ и подумавъ немного). Нѣтъ, Александръ, я не въ состояніи этого сдѣлать... Я оттолкнула отъ себя Мировича, и послѣ того ѣхать къ нему... унижаться... просить его — это будетъ слишкомъ тяжело для моего самолюбія. Я рѣшительно отъ этого отказываюсь. Кромѣ того, я думаю, и пользы это никакой не принесетъ: потому что онъ, вѣроятно, затаилъ въ отношеніи меня непріязненное чувство.

Бургмейеръ (какъ бы совсѣмъ ужъ разсмѣявшись). Ну, тогда полюбезничай, пококетничай съ нимъ!

Клеопатра Сергѣевна (снова съ удивленіемъ). То-есть какъ же это такъ я стану любезничать съ нимъ?

Бургмейеръ (все еще какъ бы шутя). Какъ обыкновенно женщины любезничаютъ...

Клеопатра Сергѣевна (съ вспыхнувшимъ лицомъ). Такъ ты поэтому желаешь, чтобъ я не просто попросила Мировича, а чтобъ даже пококетничала съ нимъ?

(Бургмейеръ на это ничего не отвѣчаетъ и даже не смотритъ на жену).

Клеопатра Сергѣевна (продолжаетъ съ болѣе и болѣе разгорающимся лицомъ). А если я, Александръ, сама въ этой игрѣ увлекусь Мировичемъ?

Бургмейеръ (уже съ гримасою въ лицѣ). Что жъ!..

Клеопатра Сергѣевна. И если я... я скажу ужъ тебѣ прямо: я сама немножко неравнодушна къ Мировичу и только не давала этому чувству развиться въ себѣ, — вѣдь это, Александръ, прикладывать огонь къ пороху!

Бургмейеръ (съ суровою во всемъ лицѣ). Очень понимаю; но что жъ дѣлать, если ничего другого не осталось?

Клеопатра Сергѣевна (съ настойчивостью). Такъ, стало-быть, для тебя ничего не будетъ значить, если между нами что и произойдетъ?

Бургмейеръ (опять какъ бы разсмѣявшись). Что жъ особенно важнаго тутъ можетъ произойти?

Клеопатра Сергѣевна (отступая даже нѣсколько шаговъ отъ мужа). Да, по-твоему, это и не особенно важно!.. (Беретъ себя за голову). Господи!.. (Къ мужу) Постой!.. Дай мнѣ опомниться и сообразить все, что я отъ тебя слышала!.. (Опускается на кресло; глаза ея принимаютъ мрачное выраженіе). Ты, значитъ, желаешь и очень будешь доволенъ, если я, жена твоя, для того, чтобъ убѣдить тамъ въ чемъ-то Мировича, сдѣлаюсь даже его любовницей, — это ты, кажется, хотѣлъ сказать и къ этому велъ весь разговоръ твой?.. (Со смѣхомъ, но сквозь слезы) А я-то, глупая, думала, что ты меня такъ любишь, что не перенесешь даже измѣны моей...

Бургмейеръ (пораженный и испуганный словами жены). Но почему же непремѣнно любовницей? Какимъ образомъ ты вывела это изъ словъ моихъ?

Клеопатра Сергѣевна (вставая съ кресла). А чѣмъ же, ты думаешь? Неужели ты полагаешь, что за то, что у меня хорошенькіе глазки и губки, такъ всякій мужчина для меня все и сдѣлаетъ? И зачѣмъ наконецъ я стану останавливать себя?.. Чтобы ты смѣялся надъ моею вѣрностью съ своими возлюбленными, которыя,—справедливо, видно, мнѣ говорили,—у тебя уже существуютъ!.. Нѣтъ-съ!.. Довольно мнѣ душить себя... Знайте, что я сама люблю Мировича, и теперь приказывайте мнѣ, что я должна дѣлать: ѣхать къ Мировичу, что ли? Теперь, сейчасъ же?.. Заставить его подписать бумагу?

Бургмейеръ (совсѣмъ уничтоженный). Успокойся, Клеопатра, я только пошутилъ это... Я не ожидалъ, что ты такъ примешь слова мои.

Клеопатра Сергѣевна. Какъ же ты ожидалъ, что я приму ихъ? Я денно и нощно молила Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ совладѣть съ моею страстью; но ты самъ меня кидаешь въ эту пропасть, такъ и пеняй на себя!.. Я съ удовольствіемъ, даже съ восторгомъ поѣду къ Мировичу; но только я ужъ и останусь тамъ, не возвращусь къ тебѣ больше.

Бургмейеръ (съ мольбою въ голосѣ). Клеопатра, прости меня! Не дѣлай ничего. Не ѣзди никуда. Пусть я погибну. Извини мнѣ минуту человѣческой слабости.

Клеопатра Сергѣевна. Поздно ужъ теперь! Достаточно,

что ты мнѣ разъ это сказалъ. Я все теперь прочла, что таилось у тебя на душѣ въ отношеніи меня. Теперь я не жена больше ваша, а раба и служанка, которая пока остается въ вашемъ домѣ затѣмъ, чтобы получить приказаніе, что она должна дѣлать, чтобы расплатиться съ вами за тотъ кусокъ хлѣба, который вы ей давали, и за тѣ тряпки, въ которыя вы ее одѣвали. Буду ожидать вашихъ приказаній!.. (Идетъ въ свою комнату).

Бургмейеръ (слѣдуя за ней). Клеопатра, умоляю тебя!.. Забудь, что я сказалъ! Это дьяволъ двинулъ моими устами... Я никогда ничего подобнаго не думалъ... Потеря тебя будетъ для меня дороже всего.

Клеопатра Сергѣевна (обертываясь къ нему и съ глазами, пылающими гнѣвомъ). Неправда-съ!.. Не вѣрю!.. Я поняла теперь васъ насквозь: вы дѣйствительно, какъ разумѣетъ васъ Мировичъ, торгашъ въ душѣ... У васъ все товаръ, даже я! (Захлопываетъ за собою дверь и даже запираетъ ее).

Бургмейеръ (въ полномъ отчаяніи). Боже, это выше силъ моихъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Небольшая гостиная въ квартирѣ Мировича. Тутъ же стоитъ и его письменный столъ со множествомъ бумагъ и книгъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мировичъ, молодой человѣкъ, съ львиною почти гривой густыхъ волосъ, съ небольшой, красивой бородкой, съ лицомъ умнымъ и имѣющимъ даже какой-то поэтическій оттѣнокъ. Одѣтъ онъ въ сѣренькій, домашній, съ красной оторочкой пиджакъ и въ широкія клѣтчатыя шаровары. Куницынъ, пріятель его, тоже молодой, очень рослый и смазливый мужчина, представляетъ собой отъявленнаго франта, хоть и не совсѣмъ хорошаго тона, такъ что визитка на немъ какъ-то слишкомъ коротка, брюки крайне узки, сапоги на черезчуръ толстыхъ подошвахъ, борода подстриженная, усы нафабрены и закручены нѣсколько вверхъ.

Мировичъ (замѣтно горячась). Тутъ, я тебѣ говорю, такія мошенничества происходятъ, что вообразить невозможно, и мошенничества, самымъ спокойнымъ образомъ совершаемыя: четыре мѣсяца я знакомъ съ господиномъ Бургмейеромъ и его семействомъ; каждый день почти бывалъ въ его домѣ, и онъ обыкновенно весьма часто и совершенно спокойно мнѣ говорилъ, что вотъ я буду принимать его подрядъ, что, вѣроятно, найдутся нѣкоторыя упущенія; но что онъ сейчасъ же

все поправить, такъ что я былъ совершенно спокоенъ и ни минуты не помышлялъ, что мнѣ придется встрѣтить тутъ столько подлости, гадости и непріятностей.

Куницынъ (какимъ-то удалымъ тономъ). Почему жъ непріятностей?.. Ничего, сдери ты съ этого Бургмейера денегъ по больше, — вотъ и все!

Мировичъ. Прахъ его возьми съ его деньгами, — очень онѣ мнѣ нужны! Но милѣй всего то съ ихъ стороны, что, кажется, они навѣрное разсчитывали поддѣть меня на глупѣйшую штуку. Въ самый день осмотра господинъ Бургмейеръ вдругъ заѣзжаетъ за мной въ колескѣ, вмѣстѣ съ нимъ и техникъ его, — это какой-то флюгеръ, фертикъ, но господинъ, какъ видно, наглости неописанной!.. Поѣхали мы всѣ вмѣстѣ, и, разумѣется въ первомъ же зданіи оказывается, что одну половину нельзя показывать, потому что она почему-то заперта; въ другомъ мѣстѣ зачѣмъ-то завѣшаны окна; тутъ завтракъ подошелъ, послѣ котораго дождикъ сильный полилъ, и неудобно стало наружныя стѣны осматривать; а тамъ, при каждой остановкѣ, шампанское, коньякъ! Словомъ, пролетѣли съ быстротою пушечнаго выстрѣла, и вдругъ меня спрашиваютъ: «какъ я нашелъ?» Я говорю: «Никакъ, потому что ничего не видалъ!» — «Да какъ, помилуйте, мы думали... у насъ и протоколъ осмотра ужъ готовъ. Ваши товарищи подписали его даже!» И дѣйствительно, показываютъ мнѣ протоколъ, всѣми этими господами подписанный.

Куницынъ. Такъ... такъ... Они всѣ давнымъ-давно куплены, и про тебя даже говорили, что вашу милость тутъ обработали посредствомъ бабенки: ты, сказываютъ, влюбленъ въ эту мадамъ Бургмейершу. Персона она изящная!

Мировичъ (замѣтно сконфуженный этими словами). Если бы даже я и влюбленъ былъ въ нее, такъ это ни къ чему бы не послужило.

Куницынъ. Послужило бы къ тому, что ломаться бы долго не стала, а атанде-то бы не много разъ сказала.

Мировичъ. Ври больше! У тебя на все одинъ взглядъ, тогда какъ мадамъ Бургмейеръ такое святое, честное и нравственное существо, что какія бы между нами отношенія ни были, но ужъ, конечно, она никогда бы ни на какой черный поступокъ не стала склонять меня.

Куницынъ. Ну да, какъ же! «Честное, святое существо!» Какъ гдѣ, братъ, сотни-то тысячъ затрещатъ, такъ всякая изъ нихъ, какъ карась на горячей сковородѣ, завертится и на какую хочешь штуку пойдетъ.

Мировичъ. Ну, поумѣрь, пожалуйста, нѣсколько цинизмъ твой.

Куницынъ. Что мой цинизмъ!.. Я, братъ, говорю правду... Какъ же ты однако поступилъ потомъ?

Мировичъ. Поступилъ такъ, что на другой день поѣхалъ ужъ со своимъ техникомъ, осмотрѣлъ все подробно, и вотъ тебѣ результатъ этого осмотра... (Подаетъ Куницыну кругомъ исписанный листъ).

Куницынъ (просматривая этотъ листъ). Ахъ, мои миленькіе, душеньки!.. 47 статей противъ контракта не выполнили!

Мировичъ. Ровно 47 статей.

Куницынъ. Тутъ ужъ, значитъ, никакая мадамъ Бургмейерша ничѣмъ не поможетъ!

Мировичъ. Полагаю.

Куницынъ. Хорошенько ты ихъ, братецъ, хорошенько! Я самъ тебѣ про себя скажу:—я ненавижу этихъ милліонеровъ!.. Просто, то-есть, на улицѣ встрѣчать не могу, такъ бы взялъ кинжалъ, да въ пузо ему и вонзилъ; потому завидно и досадно!.. Ты, чортъ возьми, годъ-то годенской бѣгаешь-бѣгаешь, высуня языкъ, и все ничего; а онъ только ручкой поведетъ, контрактикъ какой-нибудь подпишетъ, — смотришь, ему сотни тысячъ въ карманъ валятся!..

Мировичъ. Почему же ты-то такъ ужъ жалуешься? И твое адвокатское ремесло очень выгодное.

Куницынъ. Э, вздоръ, пустяки! Гроши какіе-то, если сравнить его, напримѣръ, съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ; тамъ ужъ, братъ, именно: если бы, кажется, меня только лизнуть пустили этой благодати, такъ у меня бы сто тысячъ на языкѣ прильнуло, а у насъ что?.. Да и не по характеру мнѣ какъ-то это!.. Все вѣдь, братъ, это брехачи: «господа судьи, господа присяжные, внемлите голосу вашей совѣсти!». А самъ въ это время думаетъ: приведетъ ли мнѣ Господь содрать съ моего кліента побольше да повѣрнѣе; а тѣ тоже — шельма-народецъ: какъ ему выигралъ процессъ, такъ онъ, словно изъ лука стрѣла, отъ тебя стрекнетъ: другого съ собаками потомъ не отыщешь. Пустое дѣло! И я ужъ, братъ, теперь другую аферу задумалъ. Видишь на мнѣ платье, — хорошо?

Мировичъ. Отличное.

Куницынъ. На полторы тысячи цѣлковыхъ сдѣлалъ себѣ всякой этой дряни и каждый день то въ маскарадѣ, то въ собраніи танцую. На богатой купеческой дочкѣ хочу жениться, а это не вывезетъ, къ какой-нибудь мужелюбивой толстухѣ въ утѣшители пойду.

Мировичъ. Что это за страсть у тебя, Куницынъ, разныя мерзости на себя взводить, которыя ты никогда, я убѣжденъ, и сдѣлать не способенъ!

Куницынъ. Отчего не способенъ?.. Непремѣнно сдѣлаю. Нынче, братъ, только тѣмъ людямъ и житье, которые любятъ лазить въ чужіе карманы и не пускать никого въ свой... Тутъ, смотришь, мошенникъ, тамъ плутъ, въ третьемъ мѣстѣ каналья, а живя посреди розъ, невольно примешь ихъ аромать. Женитьбы я себѣ не вытанцую, заберусь куда-нибудь казначеемъ въ банкъ, стибрю оттуда милліонъ и удеру въ Америку,— ищи меня тамъ!

Мировичъ. Но что такое ты за благополучіе особенное видишь въ деньгахъ?.. Нельзя же на деньги купить всего.

Куницынъ (подбочениваясь обѣими руками и становясь предъ пріятелемъ фертомъ). Чего нельзя купить на деньги?.. Чего?.. Въ нашъ вѣкъ пара, желѣзныхъ дорогъ и электричества тамъ, что ли, чортъ его знаетъ!

Мировичъ. Да хоть бы любви женщины — настоящей, искренней! Таланту себѣ художественнаго! Славы честной!

Куницынъ. Любви-то нельзя купить?.. О-хо-хо-хо, мой милый!.. Еще какую куплю-то!.. Прелесть что такое!.. Пламенѣть, горѣть... обожать меня будетъ!.. А слава-то, братъ, тоже нынче вся отъ героевъ къ купцамъ перешла... Вотъ надняхъ этому самому Бургмейеру въ акціонерномъ собраніи такъ хлопали, что почище короля всякаго; насчетъ же талантовъ... это на фортепьянчикахъ, что ли, на подобіе твое, играть, или вонъ, какъ нашъ общій товарищъ, дуракъ Муромцевъ, стишки кропать, такъ мнѣ этого даромъ не надо!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ лакей и подаетъ Мировичу три визитныя карточки.

Мировичъ (просматривая ихъ). Что это такое? Симха Рувимычъ Руфинъ, московскій купецъ 1-й гильдіи.

Куницынъ (подхватывая). Жидъ, должно-быть. Я-зи, ва-зи!

Мировичъ (продолжая). Измаилъ Константиновичъ Толоконниковъ, техникъ-строитель.

Куницынъ (опять подхватывая). Знаю!.. Бить даже былъ по рожѣ за свои плутни и все-таки къ онымъ стремится.

Мировичъ (кидая карточки на столъ). И monsieur Бургмейеръ наконецъ!

Куницынъ (съ какимъ-то почти восторгомъ). Прибылъ, значитъ, здравствуйте! Легокъ, выходитъ, на поминѣ!

Мировичъ (съ досадою). Пять разъ онъ уже самъ ко мнѣ пріѣзжалъ; а теперь съ компаніей даже какой-то прибылъ. Чего они хотятъ отъ меня, желательно знать?

Куницынъ. Надо, видно!.. (Берясь за шляпу) Я вотъ уйду,

а ты ихъ прими и пробери ты каждаго изъ нихъ, канальевъ, такъ, чтобъ его какъ на прутѣ забило! Главное, жиденка-то этого, Симху Рувимыча,—шельма, должно-быть, первостатейная! А самого monsieur Бургмейера, знаешь, если онъ дастъ тебѣ тысчонокъ пятьдесятъ-шестьдесятъ, такъ чортъ съ нимъ: прости его!

Мировичъ (съ досадою). Отвяжись ты съ своими тысчонками!

Куницынъ. Нѣтъ, братъ, тысчонки отличнѣйшая вещь!.. (Уходитъ, напѣвая куплетъ собственнаго сочиненія: „Когда бъ я былъ Аркадскимъ принцемъ, тысчонки бралъ бы я со всѣхъ!“).

Лакей (все ожидавшій приказанія Мировича съ видимымъ нетерпѣніемъ). Можно этимъ господамъ войти-съ?

Мировичъ. А тебѣ что̀ такое тутъ за безпокойство?

Лакей (недовольнымъ голосомъ). Мнѣ что-съ! Они не ко мнѣ пріѣхали, а къ вамъ... (Поворачивается и хочетъ уходить).

Мировичъ (крича ему вслѣдъ). Прими ихъ!

(Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мировичъ (одинъ). Я убѣжденъ, что господинъ Бургмейеръ подкупилъ моего лакея, потому что этотъ дуракъ почти за пиворотъ меня всякій разъ хватаетъ, чтобъ я принималъ его скорѣе; тутъ даже эти господа не могутъ безъ денегъ ступить!.. Куницынъ совершенно справедливо говоритъ, что ихъ хорошенько надобно пробрать, чтобъ они попяли наконецъ, что нельзя же мною злоупотреблять до безконечности!.. (Становится около одного изъ своихъ креселъ и гордо опирается рукой на его спинку).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Бургмейеръ и за нимъ смиренной походкой крадется Симха Рувимычъ Руфинъ, очень молодой еще и весьма красивый собою еврей. Оба они, издали и молча поклонившись хозяину, становятся въ сторонѣ; Толоконниковъ же, съ книгой въ рукѣ, подходитъ прямо къ Мировичу и раскланивается съ нимъ нѣсколько на офицерскій манеръ, то-есть приподнимая слегка плечи вверхъ и даже ударяя каблукъ о каблукъ, какъ бы все еще чувствуя на нихъ шпоры.

Толоконниковъ (совершенно развязнымъ тономъ). Вчерашняго числа-съ вамъ угодно было прислать къ намъ замѣчанія ваши касательно исполненія подряда.

Мировичъ (въ свою очередь тоже рѣзко). Да-съ, я присылалъ ихъ и желаю, чтобы замѣчанія эти включены были въ протоколъ, гдѣ и будутъ составлять мое отдѣльное мнѣніе.

Толоконниковъ (слегка раскланиваясь предъ Мировичемъ, но тѣмъ не менѣе съ явно-насмѣшливою улыбкой). Этому желанію вашему я, конечно, никакъ не могу воспрепятствовать и только позволю себѣ замѣтить, что въ эти замѣчанія вкралось много неточностей.

Мировичъ (гордо). А именно какія-съ?

Толоконниковъ (съ прежнею усмѣшкой и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно пунктуальнымъ тономъ). Вы-съ изволите писать, что зданія скрѣплены, вмѣсто желѣзныхъ гвоздей, деревянными... прекрасно-съ! Но надобно было указать, гдѣ именно и во сколькихъ мѣстахъ; а то, можетъ-быть, дѣйствительно какой-нибудь одинъ дуракъ, пьяный рабочій, полѣзясь итти за желѣзнымъ гвоздемъ, и вбилъ деревянный,—это ничего не значитъ... (Приподнимаетъ при этомъ плечи).

Мировичъ. Нѣтъ-съ, тутъ не одинъ деревянный гвоздь, а ихъ сотни, и они даже выкрашены черною краской, чтобъ издали казались желѣзными.

Толоконниковъ (приподнимая еще выше плечи). Но все-таки они должны быть сосчитаны отъ перваго гвоздя до послѣдняго...

Мировичъ. Что же, мнѣ для этого лазить по всѣмъ вашимъ крышамъ?

Толоконниковъ (съ удареніемъ). Непремѣнно-съ!.. Непремѣнно!.. Изъ этого, сами согласитесь, долженъ возникнуть искъ къ подрядчику; а потому это дѣло денежное, и данныя для него должны быть опредѣлены съ полною точностью... Далѣе-съ потомъ: вы указываете, что щебенной слой только въ вершокъ, тогда какъ онъ долженъ быть въ четыре... На это я имѣю честь предъявить вамъ статью закона... (Раскрываетъ держимую имъ книгу и съ гордостью подаетъ ее Мировичу). 1.207 статья, параграфъ 2-й!..

(Мировичъ начинаетъ читать указанную ему статью).

Толоконниковъ (продолжая на него попрежнему насмѣшливо смотрѣть и какъ бы толкуя ему). Въ статьѣ этой прямо сказано, что даже въ казнѣ, при сдачѣ однимъ начальникомъ дистанціи другому лицу, на толщину щебенного слоя обращать вниманіе запрещено-съ; потому что щебень-съ не мука!.. Изъ него тѣста не сдѣлаешь, чтобъ онъ вездѣ ровными слоями ложился!.. Въ практикѣ случается обыкновенно такъ, что въ одномъ мѣстѣ слой этотъ на полвершка, а въ другомъ и на восемь вершковъ.

Мировичъ (возвращая Толоконникову книгу). Статья эта нисколько не касается нашего случая!.. Это сказано для послѣдующихъ сдачъ; а при первоначальномъ пріемѣ всякій

подрядъ принимается по контракту: въ контрактѣ говорится, что щебенной слой долженъ быть равномѣрный въ четыре вершка, онъ и долженъ быть такимъ!

Толоконниковъ (восклицая). Но этого невозможно выполнить физически, какъ на луну, напримѣръ, прыгнуть!

Мировичъ (довольно хладнокровно). Если нельзя было подрядъ выполнить физически, такъ нечего было и брать его.

Толоконниковъ (опять поднимая плечи). Что жъ, нельзя было выполнить!.. Это будетъ, извините вы меня, прямымъ стѣсненіемъ всякой предпріимчивости... Каждый, не юристъ даже, скажетъ вамъ, что законъ выше всякаго контракта... Въ наше время, когда все такъ двинулось впередъ, ставить такія преграды! Мнѣ, признаюсь, въ васъ, человѣкѣ образованномъ, очень странно встрѣтить такія преграды!

Мировичъ. Въ моихъ понятіяхъ вы, вѣроятно, еще многое найдете страннымъ для васъ, точно такъ же, какъ и я въ вашихъ...

Толоконниковъ (насмѣшливо расшаркиваясь передъ Мировичемъ). Мои-съ понятія самыя обыкновенныя, самыя вульгарныя! Впрочемъ, перейдемте лучше къ дѣлу: въ запискѣ вашей затѣмъ объяснено, что деревянныя зданія выстроены изъ однихъ столбовъ, обшитыхъ снаружи и внутри тесомъ... Совершенно вѣрно-съ! Но подрядчикъ иныхъ и не обязанъ былъ дѣлать.

Мировичъ (отступая даже шагъ назадъ). Какъ не обязанъ?

Толоконниковъ (съ замѣчательною смѣлостью и съ нѣкоторымъ какъ бы самодовольствомъ). Такъ-съ, не обязанъ! Въ контрактѣ только сказано, что выстроить столько-то зданій, такой-то величины, но какимъ способомъ — не указано.

Мировичъ (выйдя наконецъ изъ себя и тоже сильно уже возвыся голосъ). Но вѣдь-съ выстроены не зданія, а бараки!

Толоконниковъ (съ прежнею смѣлостью). Можетъ-быть-съ, и бараки!.. Но всякій подрядчикъ, разумѣется, желаетъ воспользоваться недомолвками контракта.

Мировичъ (поблѣднѣвъ даже отъ гнѣва). Послушайте, господинъ Толоконниковъ, дайте себѣ хоть немного въ томъ отчетъ, что вы говорите: то у васъ контрактъ все, то ничего не значитъ!.. Что вы, запугать и закидать словами вашими меня думаете?.. Такъ, во-первыхъ, я не изъ трусливыхъ; а во-вторыхъ, смѣю васъ завѣрить, что я хоть и молодъ, но изъ молодыхъ ранній и всякую плутню и гадость понять могу.

Толоконниковъ (въ свою очередь распѣтушась). Тутъ-съ нѣтъ плутней и гадостей, извините вы меня!

Мировичъ (хватая со стола тотъ листъ, который показывалъ Куницыну, и тряся имъ почти предъ носомъ Толоконникова). Въ этомъ дѣлѣ, вы говорите, нѣтъ плутней и гадостей? Въ этомъ?

Толоконниковъ (отстраняя отъ себя бумагу). Позвольте-съ, позвольте... Прежде всего я просилъ бы васъ не совать мнѣ въ лицо бумагъ вашихъ и не кричать на меня, — я не подчиненный вашъ, и повторяю вамъ, что тутъ никакихъ нѣтъ плутней, а что если вы находите ихъ, то, (съ ироническою улыбкой) вѣроятно, сами имѣете какія-нибудь побочныя причины на то...

Мировичъ (подступая къ нему). Какія я побочныя причины имѣю на то? Какія-съ?.. Я требую, чтобы вы сейчасъ же мнѣ это объяснили, или я васъ заставлю раскаяться въ томъ, что вы мнѣ сказали, и научу васъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

Бургмейеръ (испуганный этою начинающеюся ссорой). Господинъ Мировичъ, успокойтесь! Господинъ Толоконниковъ, замолчите!

Толоконниковъ (съ тою же насмѣшливою, хоть и не совсѣмъ искреннею улыбкой обращаясь къ Мировичу). Не слѣдуетъ ли вамъ самимъ-съ прежде поучиться, какъ выражаться! Я сказалъ вамъ единственно потому, что вы сами мнѣ гораздо больше сказали.

Мировичъ (въ окончательной запальчивости). Я вамъ имѣю право это говорить, а вы мнѣ нѣтъ, — понимаете ли вы это?

Толоконниковъ (по наружности все еще какъ бы продолжавшій усмѣхаться). Нѣтъ-съ, не понимаю: кто, можетъ-быть, скажетъ, что вы имѣете это право, а кто—и я. Во всякомъ случаѣ я вижу, что дальнѣйшія наши объясненія ни къ чему не могутъ привести,—честь имѣю кланяться!.. (Раскланивается, прищелкнувъ каблуками). Очень жаль, что мы всего только другой разъ въ жизни встрѣчаемся съ вами и должны такъ ужъ непріязненно разстаться!

Мировичъ. А мнѣ вообще очень жаль, что я съ вами въ жизни встрѣтился.

Толоконниковъ (вспыхнувъ въ лицѣ). Взаимно и мнѣ тоже!

(Уходитъ, не кланяясь болѣе съ Мировичемъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мировичъ, Бургмейеръ и Руфинъ.

Мировичъ (съ сильнымъ неудовольствіемъ). Это никакого терпѣнія нѣтъ! Я наконецъ велю запереть двери и никого не пускать къ себѣ.

Бургмейеръ (сконфуженно и робко обращаясь къ Мировичу). Г. Толоконниковъ, Вячеславъ Михайловичъ, собственно хо-

тѣлъ только объясниться съ вами, какъ техникъ, и оправдаться предъ вами въ техническомъ отношеніи.

Мировичъ (съ тою же досадливостью). Что ему было оправдываться предо мной! Я совершенно убѣжденъ, что онъ въ техническомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи невѣжда, нахалъ и подлецъ! (Взглядывая на Руфина) Но что этому господину еще угодно отъ меня?

Бургмейеръ (потупляя глаза и тѣмъ же смущеннымъ тономъ). Это новый подрядчикъ, который желалъ бы взять на себя исправленіе моего подряда.

Мировичъ (Руфину). Вы еврей?

Руфинъ. Еврей, господинъ.

Мировичъ. А давно ли вы купцомъ первой гильдіи стали?

Руфинъ. Съ 12-го апрѣля, господинъ.

Мировичъ. То-есть со вчерашняго числа?

Руфинъ. Да, господинъ.

Мировичъ (разсмѣявшись). Это ужъ смѣшно даже становится!.. Что же, вы подрядъ господина Бургмейера готовы взять на себя?

Руфинъ. Готовъ, господинъ. Мнѣ ни копейки денегъ не надо впередъ ни то, ни полушки! Вами сорокъ семь пунктовъ неисправностей найдено! Я берусь такъ: я исправлю первый пунктъ, — вы заплатите мнѣ за первый пунктъ изъ залоговъ господина Бургмейера. Я исправлю второй пунктъ, вы заплатите мнѣ за второй пунктъ изъ денегъ господина Бургмейера! Я исправлю третій, вы заплатите мнѣ за третій!

Мировичъ. Все это очень хорошо-съ; но, къ сожалѣнію, до меня нисколько не касается.

Руфинъ. Какъ же, господинъ, это васъ не касается? Это выгода вашего начальства.

Мировичъ. Да-съ, но начальство мое меня на то не уполномочило... Мнѣ велѣно подрядъ принять, если я, по моему убѣжденію, найду его выполненнымъ противу всѣхъ пунктовъ контракта; но я его не нашелъ такимъ, а потому не принимаю,—вотъ и вся моя роль!

Руфинъ. Но какъ же, господинъ, мнѣ дѣлать? Куда жъ мнѣ итти теперь?

Мировичъ. Итти вамъ, когда подрядъ отъ господина Бургмейера будетъ отобранъ,—исправлять его на счетъ залоговъ, вѣроятно, будутъ съ торговъ,—тогда итти на торги и заявить тамъ ваше предложеніе.

Руфинъ (какъ бы начиная уже горячиться). Но я, господинъ, не могу тогда сдѣлать этого моего предложенія. Время уйдетъ: пора рабочая придетъ... народъ и матеріалы, господинъ, вдвое

дороже будутъ... Я тогда вчетверо, впятеро запрошу съ васъ... Мои цѣны, господинъ, выгодны. Вотъ мои цѣны!.. (Подаетъ Мировичу бумагу и почти насильно оставляетъ ее въ рукахъ его).

Мировичъ (бросая на столъ бумагу). Очень вѣрю-съ, но все-таки ничего не могу сдѣлать.

Руфинъ (опять какъ бы горячась). Я, господинъ, объявилъ вамъ мои цѣны!.. Если потомъ будутъ производиться поправки изъ залоговъ г. Бургмейера по цѣнамъ выше моихъ, г. Бургмейеръ станетъ съ васъ требовать убытки.

Мировичъ. Что жъ дѣлать, я и заплачу ему ихъ, если меня присудятъ къ тому. Все это, конечно, вы очень остроумно придумали; но не приняли въ расчетъ одного, что я васъ видалъ у господина Бургмейера и даже знаю, что вы одинъ изъ приказчиковъ его.

Руфинъ (нимало не конфузясь). А я былъ приказчикомъ у господина Бургмейера; но я отошелъ отъ него... Я имѣю свои подряды... Я купецъ 1-й гильдіи.

Мировичъ. Со вчерашняго числа только, а потому вы не купецъ 1-й гильдіи, а вы подкупное, подставленное лицо, — вотъ вы кто такой!.. (Обращаясь къ Бургмейеру) Александръ Григорьичъ, какъ вамъ самимъ не скучно разыгрывать всѣ эти комедіи? Вы мало что лично Богъ знаетъ сколько разъ со мной объяснялись, но вы еще напускаете на меня разныхъ вашихъ благородныхъ сподвижниковъ, которые меня, какъ дурака какого-нибудь, хотятъ въ глазахъ провести.

Бургмейеръ (съ потупленною головой). Я такъ, Вячеславъ Михайлычъ, растерянъ, что не знаю и самъ, что дѣлаю и что вокругъ меня дѣлается. Они, конечно, желали, чтобы хоть сколько-нибудь помочь мнѣ, и я прошу у васъ той лишь милости: позволить мнѣ съ вами говорить не какъ уже подрядчику, желающему васъ обмануть, а какъ человѣку, сокрушенному подъ гнетомъ своихъ обстоятельствъ.

Мировичъ. Что вамъ говорить, я не знаю! Говорите, если вамъ необходимо это... (Становится опять къ одному изъ своихъ креселъ и опирается на спинку его рукою).

Руфинъ (покорно обращая свой взглядъ на Бургмейера). А я, господинъ, не нуженъ больше?

Бургмейеръ (окончательно сконфуженный этимъ вопросомъ). Нѣтъ! (Руфинъ смиренно кладетъ подъ мышку свою фуражку и уходитъ медленною жидовскою походкой, какъ бы изображая всею своею фигурой: „Нѣтъ, не все еще испробовано; можно было еще попытаться!“).

Мировичъ (при этомъ смѣется, глядя на публику, и затѣмъ обращается къ Бургмейеру). Я слушаю васъ.

Бургмейеръ (разбитымъ и прерывающимся голосомъ). Подрядъ мой, Вячеславъ Михайлычъ, самъ признаюсь вамъ въ томъ,

совершенно не выполненъ, и мало что долженъ быть исправленъ: его надобно весь сломать и заново сдѣлать.

Мировичъ (почти надменно). Зачѣмъ же вы его дѣлали такимъ?

Бургмейеръ. Не для барышей; а потому только, что прошлымъ лѣтомъ я потерялъ милліонъ моего состоянія на американскихъ бумагахъ.

Мировичъ. Все это, конечно, очень жаль; но какъ же тутъ быть?

Бургмейеръ. Быть тутъ очень бы просто было! При моихъ оборотахъ милліонъ этотъ для меня ничего не значитъ. Надняхъ же мнѣ должна быть выдана концессія на дѣло, которое дастъ мнѣ такой же милліонъ, и я бы съ этими деньгами не только что исправилъ и передѣлалъ мой подрядъ, но я бы сдѣлалъ его образцомъ архитектурнаго и инженернаго дѣла.

Мировичъ (насмѣшливо). Когда подрядъ вашъ будетъ образцомъ архитектурнаго и инженернаго дѣла, тогда я и назову его такъ, а теперь пишу, каковъ онъ есть.

Бургмейеръ. Но вѣдь мнѣ, поймите вы это, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, могутъ выдать концессію, пока я еще не заявленъ несостоятельнымъ подрядчикомъ, и я въ этомъ случаѣ ужъ прошу васъ не за себя, а за моихъ несчастныхъ акціонеровъ: людей недостаточныхъ, у которыхъ въ этихъ акціяхъ весь кусокъ хлѣба.

Мировичъ. Все это, опять я вамъ повторяю, мнѣ очень грустно и тяжело; но при всемъ этомъ публично и нагло я ни для кого и ни для чего въ мірѣ лгать не стану.

Бургмейеръ. Ну, послушайте, вотъ еще другая комбинація: вчера я получилъ телеграмму... (Вынимаетъ изъ бумажника дрожащими руками телеграмму и показываетъ ее Мировичу). Въ ней, вы видите, пишутъ, что мнѣ могутъ выдать концессію до сдачи этого подряда моего; а потому возьмите вы назадъ ваше заявленіе... Скажитесь больнымъ... Пока на ваше мѣсто будутъ назначать другого, время протягивается... Одного только промедленія прошу у васъ, Вячеславъ Михайлычъ! У меня пять тысячъ рабочихъ собрано и стоятъ наготовѣ; какъ только я получу разрѣшеніе на новое мое предпріятіе, я всѣхъ ихъ двину на мой теперешній подрядъ... Потомъ вы хоть опять вступайте въ комиссію, хоть присылайте, сколько угодно, другихъ еще комиссій, я не буду бояться за дѣло мое; потому что, клянусь вамъ всѣмъ святымъ для человѣка, оно будетъ исполнено въ десять разъ лучше того, чѣмъ я обязался его сдѣлать... Мнѣ мое торговое имя, Вячеславъ Михайлычъ, важнѣе всего.

Мировичъ. Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, Александръ Григорьичъ, но и того не могу для васъ сдѣлать. Я началъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ и долженъ продолжать это. Вотъ сейчасъ вашъ же техникъ сказалъ мнѣ, что я, вѣроятно, имѣю побочныя причины находить все дурнымъ, и вдругъ я найду или все хорошимъ, или благоразумно устраню себя!.. Тогда прямо скажутъ, что причины эти удалены какимъ-нибудь нечестнымъ образомъ.

Бургмейеръ. Этого техника, дурака и болвана, я удалю, если хотите, за границу; я его десять, двадцать лѣтъ оттуда не выпущу.

Мировичъ. Но это не одинъ вашъ техникъ скажетъ, а въ умахъ всего общества такъ это скажется и отразится... Я же, Александръ Григорьичъ, только еще вступаю въ жизнь, и мнѣ странно было бы на первыхъ шагахъ сдѣлать одну изъ величайшихъ подлостей.

Бургмейеръ. Общество ничего и знать не будетъ! Какимъ образомъ и почему общество узнаетъ: худо ли, хорошо ли я исполнилъ мой подрядъ, почему и зачѣмъ вы отстранились отъ пріема? Но если бы даже оно и узнало, такъ должно еще выше васъ оцѣнить и поблагодарить, потому что вы этимъ мало что спасете меня и состояніе людей, ввѣрившихъ мнѣ свои капитальцы, но вы спасете самое предпріятіе! Вы, Вячеславъ Михайловичъ, молоды еще и не знаете, какъ эти дѣла дѣлаются. Ну, вы мнѣ повредите, у меня отнимутъ это дѣло... передадутъ другому лицу... Тотъ, разумѣется, наблюдая свои выгоды, позачинитъ кое-что, позакрѣпитъ, позакраситъ!.. Положимъ, вы и у него не примете, сдадите третьему лицу... Тотъ точно такъ же сдѣлаетъ... Наконецъ вы примете же когда-нибудь; а дѣло будетъ все-таки не въ должномъ видѣ, и только я одинъ... я, согрѣшившій въ немъ и готовый принесть настоящую искупительную жертву, исправлю его совершенно! Во имя всего этого, я на колѣняхъ осмѣливаюсь умолять васъ быть милостивымъ... (Хочетъ стать на колѣни).

Мировичъ (не допуская его это сдѣлать). Александръ Григорьичъ, пожалуйста, перестаньте! Эти сцены, ей-Богу, ни къ чему не поведутъ!.. (Взглянувъ въ окно) Боже мой! Клеопатра Сергѣевна пріѣхала!

Бургмейеръ. Жена!.. Все кончено теперь!.. (Быстро уходитъ, совершенно потерявшись).

Мировичъ (въ сторону и тоже сильно смущенный). Неужели и съ этой стороны будетъ еще нападеніе на меня!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеопатра Сергѣевна (входя и какимъ-то почти полупомѣшаннымъ голосомъ). Я уже не велѣла вамъ сказывать объ себѣ, Мировичъ, и вошла... примите меня и не выгоняйте!.. Дайте мнѣ стулъ!.. Я очень устала.

(Мировичъ подаетъ ей кресло).

Клеопатра Сергѣевна (сѣвъ). Мужъ мой здѣсь, или ушелъ?

Мировичъ. Ушелъ вдругъ, не знаю почему-то!

Клеопатра Сергѣевна. Онъ хорошо это и сдѣлалъ! Сядьте и сами около меня, Мировичъ!

(Мировичъ пододвигаетъ стулъ и садится около нея).

Клеопатра Сергѣевна (кладя свою руку на его руку). Скажите, правду ли вы говорили, что вы меня любите?

Мировичъ. Божество мое, неужели вы думаете, что я могъ бы васъ обманывать!.. (Склоняетъ свою голову на руку Клеопатры Сергѣевны и цѣлуетъ ее).

Клеопатра Сергѣевна. Я вамъ вѣрю, Мировичъ, и сама вамъ признаюсь, что я васъ люблю. Но я хочу вамъ разсказать прежде про себя: я горда очень, Мировичъ, страшно горда и самолюбива!.. Можетъ-быть, меня Богъ за это и наказываетъ!.. Господинъ Бургмейеръ этотъ еще издавна благодѣтельствовалъ нашей семьѣ; онъ выкупилъ отца изъ ямы; содержалъ потомъ мою бѣдную больную мать; меня даже воспитывалъ на свой счетъ!.. Мнѣ безпрестанно говорили, что онъ спаситель нашъ, и что я должна за него выйти замужъ. Онъ мнѣ очень не нравился, но я не хотѣла ему оставаться обязанною за себя и за семью мою и рѣшилась собою заплатить ему за все это!.. Послѣ того я стала привыкать къ нему... Мнѣ казалось, что онъ-то ужъ очень меня любитъ: каждое слово, каждое маленькое желаніе мое было закономъ для него! Я капризничала надъ нимъ часто, онъ все это переносилъ; когда я дѣлалась больна, онъ совершенно терялся. Мнѣ думалось, что если я полюблю кого-нибудь другого, такъ это для Бургмейера будетъ ужаснѣе потери чести, состоянія, самой жизни даже! Въ прошломъ году я встрѣтилась съ вами. Вячеславъ, я полюбила васъ съ первой же минуты!.. Вы заговорили со мной, я не помню о чемъ, но только совершенно о другомъ, о чемъ всегда другіе говорили при мнѣ. Я всю жизнь только и слышала, что какой товаръ выгоднѣе купить, чего стоитъ абонементъ итальянской оперы; меня возили по модисткамъ, наряжали, такъ что вы показались мнѣ совершенно человѣкомъ съ другой земли. Сначала я была въ вос-

торгѣ отъ моего чувства къ вамъ, но потомъ я испугалась: мнѣ сдѣлалось жаль Бургмейера, сдѣлалось страшно за самоё себя—мнѣ казалось, что ты меня любишь только мимолетною любовью. Я отвергла тебя, но надолго ли бы силъ моихъ хватило на это, я не знаю и, конечно, рано или поздно, а я сказала бы тебѣ всю правду, и теперь только случай поторопилъ это. Мужъ мой, (съ грустною усмѣшкой) послѣ всей-то воображаемой мною любви его ко мнѣ, на-дняхъ мнѣ говоритъ: «Дѣла мои запутались и зависятъ отъ Мировича; поди къ нему, кокетничай съ нимъ, соблазни его и выпроси у него согласіе не вредить мнѣ!» Слыхалъ ли ты, Вячеславъ, чтобы какой-нибудь мужъ осмѣлился сказать женѣ своей, самой грязной, самой безнравственной, подобную вещь! Я въ минуту же вырвала изъ души къ Бургмейеру всякое малѣйшее чувство и пришла къ тебѣ. Сдѣлай по-его, какъ онъ проситъ, заплати ему этимъ за меня и возьми меня къ себѣ!

Мировичъ (все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ волненіемъ слушавшій Клеопатру Сергѣевну, при послѣднихъ словахъ ея всталъ съ своего мѣста). Клеопатра Сергѣевна, за откровенность вашу я и самъ отплачу̀ вамъ полною моею откровенностью: что обладать вами есть одно изъ величайшихъ блаженствъ для меня, вы сами это знаете; но тутъ, подумали ли вы объ этомъ, насъ можетъ, какъ сами желаете того, соединить только, я не скажу—преступленіе, нѣтъ, а что-то хуже того, что-то болѣе ужасное!.. Соединить мой подлый и безчестный поступокъ!

Клеопатра Сергѣевна. Тутъ не будетъ, Вячеславъ, безчестнаго поступка съ твоей стороны... Мужъ мой самъ мнѣ сказалъ... предо мной ему нечего было выдумывать и лгать... сказалъ, что онъ весь свой подрядъ исправитъ потомъ.

Мировичъ. Какая жъ польза будетъ отъ его исправленія? Я все-таки войду съ нимъ въ плуговскую сдѣлку; но наконецъ я ни слова бы не говорилъ, если бы только это касалось меня. Пусть меня клеймятъ и позорятъ! Тому, что я пылаю къ тебѣ неудержимою любовью — никто, конечно, не повѣритъ. Нынче этому никто не вѣритъ! Всѣ назовутъ меня сладенькимъ селадономъ, готовымъ изъ-за хорошенькой женщины сдѣлать всевозможный гадкій поступокъ. Я все бы это перенесъ, но, сокровище мое, тутъ тебя заподозрятъ и объяснятъ, что ты была сообщницей твоего мужа.

Клеопатра Сергѣевна. Нѣтъ, Вячеславъ, я не сообщница его!.. Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ и прошу тебя за мужа, потому что хочу навѣки и навсегда съ нимъ разстаться и расквитаться.

Мировичъ. Знаю я, Клеопаша, и все это вижу!.. Если бы

ты только знала, какую я адскую и мучительную борьбу переживаю теперь!.. Тутъ этотъ манящій меня рай любви, а тамъ—шуточка!—я поступкомъ моимъ долженъ буду измѣнить тому знамени, подъ которымъ думалъ вѣкъ итти! Все наше поколѣніе, то-есть я и мои сверстники, еще со школьныхъ скамеекъ хвастливо стали порицать и проклинать нашихъ отцовъ и дѣдовъ за то, что они взяточники, казнокрады, кривосуды, что въ нихъ нѣтъ ни чести ни доблести гражданской! Мы только тому симпатизировали, только то и читали, гдѣ ихъ позорили и осмѣивали! Наконецъ мы сами вотъ выходимъ на общественное служеніе, и я, одинъ изъ этихъ дѣятелей, прямо начинаю съ того, что̀ дѣлали и отцы наши, именно съ того же лицепріятія и неправды, лишь нѣсколько изъ болѣе поэтическихъ причинъ, и не даю ли я тѣмъ права всему отрепью старому со злорадствомъ указать на меня и сказать: «Вотъ, посмотри, каковы эти наши строгіе порицатели, какъ они честно и благородно поступаютъ». Ты, Клеопаша, какъ женщина, можетъ-быть, не поймешь даже въ этомъ случаѣ моихъ чувствъ...

Клеопатра Сергѣевна. Напротивъ, Вячеславъ, я все это понимаю и больше еще начинаю тебя любить и уважать за то!.. Господь съ тобой, иди своей дорогой!.. Я не буду тебѣ мѣшать... (Встаетъ съ своего кресла). Прощай!

Мировичъ (въ тоскливомъ недоумѣніи). Но куда же ты идешь?

Клеопатра Сергѣевна. Куда? Домой!..

Мировичъ (задыхающимся голосомъ). Погоди, Клеопаша, еще одну минуту погоди!

Клеопатра Сергѣевна (покорно). Хорошо.

Мировичъ (схватывая себя въ отчаяніи за голову). Что̀ я за ничтожный и малодушный человѣкъ! Чего трепещу?.. Чего боюсь?.. Она отдаетъ мнѣ всю себя, всю жизнь свою, а я въ прахъ уничтожаюсь предъ фантомомъ, созданнымъ моимъ воображеніемъ, и тѣмъ, что̀ скажутъ про меня потомъ нѣсколько круглоголовыхъ Трурновъ! (Садится за столъ и опускаетъ свою голову на руки).

Клеопатра Сергѣевна (тихо подходя къ нему и слегка дотрагиваясь до его плеча). Послушай, Вячеславъ, если для тебя то и другое такъ тяжело, то, изволь, я останусь у тебя и такъ: не дѣлай ничего для мужа!.. Пусть съ нимъ будетъ, что̀ будетъ!... Я чувствую, что ты мнѣ дороже его!

Мировичъ (открывая лицо свое, обращая его къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и какимъ-то иронически-грустнымъ голосомъ). Просто... не дѣлая ничего—тебя взять у него! Но не очень ли ужъ это будетъ немилосердно противъ него: я у него отнимаю самую

дорогую жемчужину, а ему за то не возвращаю ничего! Нѣтъ ужъ!.. Пусть, по крайней мѣрѣ, онъ владѣетъ своими милліонами!.. Я ему спасу ихъ!

Клеопатра Сергѣевна (мрачно). А если ты, Вячеславъ, раскаешься потомъ?

Мировичъ. Какъ же я раскаюсь? Ты сама же хотѣла остаться у меня безъ всякой жертвы съ моей стороны, и если я поступилъ теперь такъ, то это было дѣломъ совершенно свободной воли моей! (Садится за столъ, начинаетъ быстро и быстро писать. Написавъ торопливо и какъ бы самъ не сознавая того, что дѣлаетъ, звонитъ. Вбѣгаетъ лакей).

Мировичъ (съ лицомъ совершенно пылающимъ, подавая сложенную бумагу лакею). Поди, ты знаешь эту нашу комиссію! Отнеси туда эту бумагу!.. Скажи, что я боленъ, что не буду больше у нихъ участвовать и совсѣмъ въ отставку выхожу, и чтобы мнѣ прежнюю мою бумагу возвратили съ тобой.

Лакей. Слушаю-съ... (Уходитъ).

Мировичъ (обращаясь къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и какимъ-то притворно-веселымъ тономъ). Клеопатра Сергѣевна, я сдѣлалъ все, что желалъ вашъ мужъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Еще болѣе богатый кабинетъ, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. Сзади письменнаго стола, уставленнаго всевозможными украшеніями, виднѣется огромной величины несгораемый шкапъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бургмейеръ, очень уже постарѣвшій и совсѣмъ почти посѣдѣвшій, сидитъ на диванѣ около маленькаго, инкрустаціей выложеннаго столика, склонивъ голову на руку.

Бургмейеръ. Такіе приливы крови дѣлаются къ головѣ, что того и жду, что съ ума сойду, а это хуже смерти для меня... Въ могилу ляжешь, по крайней мѣрѣ, ничего чувствовать не будешь, а тутъ на чье попеченье останусь? На Евгенію Николаевну много понадѣяться нельзя!.. Я ужъ начинаю хорошо ее понимать: она, кромѣ своего собственнаго удовольствія, ни о чемъ, кажется, не заботится...

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Руфинъ.

Руфинъ (тихимъ и почти робкимъ голосомъ). Докторъ пріѣдетъ, господинъ!

Бургмейеръ (не взглядывая даже на него). Когда?

Руфинъ. Скоро, господинъ! Онъ меня сначала спросилъ: «Господинъ Бургмейеръ, этотъ капиталистъ здѣшній?»—«Да!» говорю.—«Ну такъ, говоритъ, скажите ему, что я буду; но я, говоритъ, для этого съ дачи въ городъ долженъ пріѣзжать, а потому желаю съ него получить тысячу рублей серебромъ за визитъ!..» Я хотѣлъ ему сказать: «господинъ докторъ, дорого это очень; не для одного же господина моего вы поѣдете, и далеко ли ваша дача отъ городу»; но побоялся: онъ сердитый, надо-быть, этакій!.. лютый!.. При мнѣ тутъ двухъ лакеевъ прогналъ. «Я, говоритъ, Христа-ради вашихъ господъ лѣчить не намѣренъ!»

Бургмейеръ (слегка усмѣхнувшись при этомъ разсказѣ, а потомъ вынувъ изъ кармана ключъ и подавая его Руфину). Въ шкапу... на второй полкѣ лежитъ отсчитанная тысяча. Вынь ее и подай мнѣ.

(Руфинъ довольно ловко и умѣло отперъ этимъ ключомъ шкапъ, вынулъ изъ него сказанную ему тысячу и, заперевъ снова шкапъ, ключъ вмѣстѣ съ деньгами подалъ съ нѣкоторымъ раболѣпствомъ Бургмейеру, который то и другое небрежно сунулъ въ боковой карманъ пальто своего).

Руфинъ (все еще видимо занятый мыслью о докторѣ). Ежели теперь господинъ докторъ въ десять такихъ домовъ съѣздитъ—это десять тысячъ въ день!.. Ни на какомъ дѣлѣ, господинъ, такихъ барышей получить нельзя!

Бургмейеръ (почти не слушавшій его). А объ этихъ господахъ... какъ я тебѣ приказывалъ—ты разспрашивалъ тамъ на дачахъ?

Руфинъ. О господинѣ Мировичѣ и нашей Клеопатрѣ Сергѣевнѣ?

Бургмейеръ. Да!

Руфинъ. Разспрашивалъ, господинъ!.. Очень бѣдно живутъ... такъ... въ маленькой лачужечкѣ!..

Бургмейеръ. Но нельзя ли какъ поискуснѣй денегъ имъ послать?

Руфинъ. Да гдѣ жъ это?.. Сколько разъ я, господинъ, имъ носилъ деньги—не берутъ!.. Народъ они глупый, молодой.

Бургмейеръ. Или, по крайней мѣрѣ, постараться, чтобы занятіе какое-нибудь пріискать ему.

Руфинъ. Какое жъ ему занятье, господинъ?.. Службу ка-

зенную онъ какъ-то все не находитъ!.. По коммерціи ежели его пристроить? Къ намъ онъ не пойдетъ!.. Гордость его велика! Покориться вамъ не захочетъ! Другимъ рекомендовать,— чтобы выговаривать послѣ не стали. Человѣкъ онъ, надо полагать, вѣтреный, пустой!

Бургмейеръ. Но такъ бы и сказать кому-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ коммерсантовъ, что онъ человѣкъ пустой, и чтобы ничего важнаго ему не довѣряли, а что я секретно, будто бы это отъ нихъ, стану ему платить жалованье.

Руфинъ. Кто жъ на это, господинъ, согласится?.. Какъ, скажутъ, намъ платить ему чужое жалованье, и зачѣмъ намъ пустой человѣкъ?

Бургмейеръ. Согласятся, можетъ-быть!.. Устрой какъ-нибудь, Симха, это, пожалуйста!

Руфинъ. Господинъ, служить вамъ готовъ!.. (Съ нѣсколько забѣгавшими изъ стороны въ сторону глазами) Вотъ счета еще! Я заѣхалъ въ два магазина! Мнѣ ихъ тамъ подали!.. (Подаетъ Бургмейеру два счета).

Бургмейеръ (взглянувъ на нихъ). Что это?.. Опять Евгенія Николаевна на восемь тысячъ изволила набрать?

Руфинъ (какъ-то странно усмѣхаясь). Ну да, дама молодая... Веселиться, наряжаться желаетъ.

Бургмейеръ. Что жъ такое наряжаться? Она въ какіе-нибудь мѣсяцы сорокъ тысячъ ухлопала!.. При томъ я никакихъ особенныхъ нарядовъ и не вижу на ней. Куда она ихъ дѣваетъ? Изволь сегодня же объѣхать всѣ магазины и сказать тамъ, чтобы безъ моей записки никто ей въ долгъ не отпускалъ; иначе я имъ платить не стану.

Руфинъ. Но, господинъ, не сконфузимъ ли мы ее этимъ очень? Вы бы ей прежде поговорили!..

Бургмейеръ. Я ей двадцать разъ говорилъ и толковалъ, что я хоть и богатъ, но вовсе не привыкъ, чтобы деньги мои раскидывали по улицѣ или жгли на огнѣ, такъ отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ, мои слова; она все свое продолжаетъ! Сегодня же объѣзди всѣ магазины и предувѣдомь ихъ.

Руфинъ. Внизу тамъ адвокатъ какой-то стоитъ и желаетъ васъ видѣть...

Бургмейеръ. Какой адвокатъ?

Руфинъ. Не знаю, господинъ, я его въ лицо никогда не видывалъ; видный этакій изъ себя мужчина, здоровый.

Бургмейеръ. Пригласи его.

(Руфинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бургмейеръ (одинъ). Странная игра судьбы! Маленькимъ мальчикомъ я взялъ къ себѣ этого жидка Симху, вырастилъ его, поучилъ немного, и онъ теперь оказывается однимъ изъ полезнѣйшихъ для меня людей и врядъ ли не единственный въ мірѣ человѣкъ, искренно привязанный ко мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Куницынъ. Онъ, кажется, нѣсколько конфузится и съ необычайною развязностью раскланивается предъ Бургмейеромъ.

Куницынъ. Честь имѣю представиться, кандидатъ правъ Куницынъ!

(Бургмейеръ, не привставши съ своего мѣста, киваетъ ему молча головою).

Куницынъ. Извините меня, что я безпокою васъ!.. Но, сколько мнѣ кажется... я все-таки являюсь къ вамъ по дѣлу, которое должно васъ интересовать.

Бургмейеръ (опять сухо). Прошу садиться.

Куницынъ (садится и нѣсколько овладѣвая собой). Надобно вамъ сказать-съ, что я человѣкъ вовсе не изъ застѣнчивыхъ; но бываютъ, чортъ возьми, обстоятельства, когда рѣшительно не знаешь, слѣдуетъ ли что дѣлать, или не слѣдуетъ!

Бургмейеръ. Если не знаешь, такъ, я полагаю, лучше и не дѣлать.

Куницынъ. Но не дѣлать, пожалуй, въ настоящемъ, напримѣръ, случаѣ, выйдетъ... какъ бы выразиться?—не совсѣмъ правдиво, что ли, съ моей стороны, а ужъ для васъ-то навѣрнякъ очень скверно будетъ!.. Дѣло это изъ ряду выходящее!.. Въ нѣкоторомъ родѣ романическое!

Бургмейеръ. Романическое даже!

Куницынъ. Очень романическое! И въ предисловіи къ сему-съ роману я долженъ вамъ объяснить, что года два тому назадъ, по моимъ финансовымъ обстоятельствамъ, которыя, между нами сказать, у меня постоянно почти находится въ весьма скверномъ положеніи, я для поправленія оныхъ весьма часто бывалъ въ маскарадахъ... распоряжался тамъ танцами... Канканирую я отлично... Словомъ, извѣстность нѣкоторую получилъ. Только разъ въ одномъ изъ маскарадовъ подходитъ ко мнѣ маска, богиней одѣтая. «Смертный, говоритъ, свободно ли твое сердце для любви?»—«Совершенно, говорю, свободно!»—«И можетъ ли, говоритъ, тебѣ довѣриться любящее тебя существо?»— «Сколько, говорю, угодно и когда

угодно!» Затѣмъ она меня беретъ подъ руку, и начинаемъ мы съ ней прохаживаться... Гляжу: ручка—прелесть!.. Знаете, точно изъ слоновой кости выточенная!.. Кожица на ней матовая, слегка пушкомъ покрытая... Сама ручка тепленькая!.. Станъ—тоже сильфида!.. Протанцовалъ я съ ней канканъ: ножка божественная!.. платьицемъ вертитъ восхитительно! Ну, думаю, лицомъ, можетъ-быть, рыло! Случались со мной этакіе примѣры разочарованія. «Не желаете ли, говорю, прекрасная незнакомка, чтобъ я ложу взялъ, гдѣ бы вы могли снять вашу маску и посвободнѣй подышать?»—«Нѣтъ, говоритъ, Пьеръ... (замѣтьте: прямо ужъ Пьеромъ меня стала называть!) Здѣсь очень многолюдно, уѣдемъ, говоритъ, лучше куда-нибудь!»—«Eh bien, madame!»—говорю, и отправились мы такимъ манеромъ съ ней въ мѣста прелестныя, но уединенныя: на Петровскій бульваръ. Здѣсь она сняла свою маску,—оказалось, что хоть немножко, какъ видно, подержаная особа, но все-таки чудо что такое: этотъ овалъ лица!.. матовый тоже цвѣтъ кожи!.. глаза большіе, черные! прямой носикъ! очертаніе рта — восхищеніе!.. Такъ что я вамъ скажу: я влюбился въ нее какъ дуракъ какой-нибудь набитый!

Бургмейеръ (замѣтно все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ вниманіемъ слушавшій Куницына). И когда же, именно, эта встрѣча съ этою госпожой была?

Куницынъ. Прошлаго года еще осенью! Но страннѣй всего въ этой, какъ сами вы видите, немножко странной любви было то, что госпожа эта никакъ не сказывалась, кто она такая: «Варвара Николаевна, Варвара Николаевна»—и больше ничего! Я, впрочемъ, объ этомъ много и не безпокоился: было бы то, что природой и Богомъ дано человѣку, а титулъ и званье что такое? Звукъ пустой!.. Путаемся мы съ ней такимъ дѣломъ около года... Только однажды, именно въ самый Варваринъ день, сошлись мы съ ней въ той же гостинницѣ... Винищемъ она меня на этотъ разъ накатила по самое горло; понимаете, что какъ будто бы это она именинница и потому угощаетъ меня!.. Сама тоже выпила порядкомъ: эти чудные глаза у ней разгорѣлись, щеки пламенѣютъ тоже, и, знаете, какъ у Пушкина это: «Безъ порфиры и вѣнца!» — «Пьеръ, говоритъ, знай: я замужняя женщина! Мужъ мой милліонеръ!.. Я его ненавижу; но онъ все адресуется ко мнѣ съ нѣжностями, и я не могу быть вполнѣ вѣрна тебѣ. Спаси меня отъ этого унизительнаго положенія: достань гдѣ-нибудь два фальшивые заграничные паспорта, мы бѣжимъ съ ними за границу, а чтобъ обезпечить себя на это путешествіе, я захвачу у мужа изъ шкатулки 600 тысячъ». Мысль эта, грѣшный че-

ловѣкъ, на первыхъ порахъ мнѣ очень понравилась. Съ одной стороны, понимаете, ревность немножко во мнѣ заговорила, а потомъ: бѣжать съ хорошенькою женщиной за границу, поселиться гдѣ-нибудь въ Пиренеяхъ, дышать чистымъ воздухомъ и при этомъ чувствовать въ карманѣ 600 тысячъ,—всякій согласится, что пріятно, и я въ недѣлю же обдѣлалъ это дѣльцо-съ: черезъ разныхъ жуликовъ досталъ два фальшивые паспорта, приношу ихъ ей. Она сейчасъ же ихъ въ карманчикъ и этакимъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ говоритъ мнѣ: «На той недѣлѣ мужъ мой уѣдетъ; я выну у него 600 тысячъ, и мы бѣжимъ съ тобой!» Точно коломъ кто меня при этомъ по головѣ съѣздилъ, и я словно отъ сна какого пробудился; тутъ-то ей ничего не сказалъ, но прихожу домой и думаю: «Госпожа эта возьметъ у мужа безъ его вѣдома и, разумѣется, желанія 600 тысячъ, или, говоря откровеннѣе, просто его обокрадетъ, и я—ближайшій сообщникъ этого воровства!» Жутко мнѣ сдѣлалось... очень!.. Вамъ никогда не случалось думать, что вотъ вы черезъ нѣсколько дней должны украсть что-нибудь?

Бургмейеръ (слегка усмѣхаясь). Нѣтъ-съ, благодаря Бога, не случалось!..

Куницынъ. Скверная, я вамъ скажу, штука это,—отвратительная! Такъ что всю ночь я вертѣлся, а на другой день не вытерпѣлъ, побѣжалъ на условленное мѣсто свиданія. «Ангелъ мой, говорю, плюнь, брось все это!.. Дѣло это неподходящее!..» Она этакъ сердито на меня воззрила, все лицо у ней даже при этомъ какъ-то перекосилось. «Такъ, говоритъ, ты такъ-то меня любишь!» — «Но, ангелъ мой, говорю, вѣдь эта продѣлка мало что ужъ совсѣмъ подлая, но даже не безопасная: насъ, какъ воровъ, и за границей найдутъ и притянутъ сюда». — «Вздоръ, говоритъ, ты трусъ, всего боишься!» Я, дѣлать нечего, съѣздилъ за законами, показываю ей. Ничему не внемлетъ и изъ-за злости-то еще проговорилась: «Если, говоритъ, ты не хочешь, такъ я и другого найду!»—и съ тѣхъ поръ скрылась отъ меня: ни слуху ни духу!

Бургмейеръ (снова какъ бы съ усмѣшкой). Все это, конечно, весьма любопытно; но почему жъ вы думаете, что меня это лично должно интересовать?

Куницынъ. Очень просто-съ, потому что особа эта, о которой я сейчасъ имѣлъ честь докладывать вамъ, должна васъ лично интересовать, что и узналъ я совершенно случайно: иду я разъ мимо вашего дома... что онъ вамъ принадлежитъ, и что съ вами живетъ нѣкая молоденькая барышня, я знаю это отъ извѣстнаго вамъ человѣка, пріятеля моего Мировича...

иду и вижу, что въ коляскѣ подлетаетъ къ вашему дому какая-то госпожа... прыгъ изъ экипажа и прямо въ парадную дверь... Я заглянулъ ей подъ шляпку... Батюшки мои, это моя Варвара Николаевна!

Бургмейеръ (удивленный и пораженный). Какъ? Варвара Николаевна ваша?.. Ко мнѣ?.. въ домъ?..

Куницынъ. Она самая-съ! И я сначала, признаться, подумалъ, что не въ гости ли она пріѣхала къ вашей этой мамзелькѣ... Гостятся онѣ иногда между собою... Подхожу къ кучеру и спрашиваю: «Какую это даму ты привезъ къ господину Бургмейеру?»—«Это, говоритъ, его экономка». Сомнѣнья тутъ разсѣялись, завѣса съ глазъ пала. Опѣшилъ, я вамъ скажу, сильно. Главное, не знаю, какъ тутъ быть: съ одной стороны, бабенка молоденькая, хорошенькая, любилъ тоже ее— какъ ее выдать?.. Жалко... А съ другой стороны, знаю, что по характеру своему она непремѣнно какого-нибудь другого плута подберетъ, они обокрадутъ васъ, и она потомъ головой можетъ поплатиться за это. Думалъ-думалъ я и пошелъ къ этому другу моему Мировичу. Онъ малый этакій благороднѣйшій, умный... Разсказываю ему и спрашиваю, какъ я долженъ поступить? Онъ-то, знаете, растерялся сначала. «По-моему, говоритъ, тебѣ слѣдуетъ итти къ господину Бургмейеру, прежде всего связать его обѣщаніемъ, что онъ судомъ эту госпожу не станетъ преслѣдовать, а потомъ открыть ему все. Нельзя же, навѣрное зная, попускать, чтобы человѣка обокрали, и, кромѣ того, этой не Варварѣ Николаевнѣ, какъ она тебѣ сказывалась, а Евгеніи Николаевнѣ не мѣшаетъ дать хорошій урокъ, такъ какъ она, по всему видно, негодяйка великая». Что я и исполнилъ.

Бургмейеръ (сильно смущенный). Очень вамъ благодаренъ; но я въ первый разъ имѣю честь васъ видѣть, а потому чѣмъ же вы можете подтвердить справедливость того, что передали мнѣ?

Куницынъ. Ей-Богу, ужъ не знаю чѣмъ. Всего лучше поищите у ней въ бумагахъ паспортовъ этихъ на французскую подданную Эмилію Журданъ и бельгійца Клямеля.

Бургмейеръ (нахмуривъ брови). Вы думаете, что они у ней цѣлы?

Куницынъ. Думаю-съ и полагаю даже, что если она еще не нашла кого-нибудь другого намѣсто меня, такъ пріискиваетъ. Вы, какъ найдете у ней эти паспорты, такъ сейчасъ мнѣ ихъ возвратите: я имъ рванцы задамъ немедля, а то, чортъ, попадешься еще съ ними, да и эту Евгенію Николаевну, что ли, судомъ ужъ не преслѣдуйте,—это для меня важнѣе всего!

Бургмейеръ. Вы поставили это условіемъ открытія вашей тайны, и я его выполню.

Куницынъ. Пожалуйста... До пріятнаго свиданія.

Бургмейеръ (подавая ему руку). До свиданія. Если сказанное вами подтвердится, то я сочту себя обязаннымъ поблагодарить васъ нѣкоторою суммою денегъ.

Куницынъ (сначала очень обрадованнымъ голосомъ). Хорошо-съ, недурно это!.. (Подумавъ немного) Только, знаете, не будетъ ли это похоже на то, что какъ будто бы я продалъ вамъ эту госпожу вашу?

Бургмейеръ. Гдѣ жъ вы ее продали? Вы, какъ сами это хорошо назвали, по чувству справедливости поступили такъ.

Куницынъ (очень довольный такимъ объясненіемъ). Конечно-съ... конечно!.. Говоря откровенно, я, идучи къ вамъ, смутно подумывалъ, что не слѣдуетъ ли г. Бургмейеру заплатить мнѣ тысчонку—другую, потому что, какъ тамъ ни придумывай, а я спасаю ему 600 тысячъ. Всякій человѣкъ, я вамъ скажу, внутри себя такая мерзость и сквернность! Buona sera, signor! (Раскланивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бургмейеръ. Предчувствіе мое, что эта госпожа совсѣмъ потерянная женщина, сбылось. (Дергаетъ за сонетку. Является лакей).

Бургмейеръ (ему). Евгеніи Николаевны, по обыкновенію, дома нѣтъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ-съ. Онѣ уѣхать изволили.

Бургмейеръ. Позови ко мнѣ Симху!

Лакей. Онъ тоже ушелъ,—его нѣтъ!

Бургмейеръ. Ну, все равно, ты!.. Возьми плотника, поди съ нимъ въ комнату Евгеніи Николаевны и разломай тамъ всѣ ящики въ столахъ и комодахъ и принеси ихъ сюда.

(Лакей стоитъ въ недоумѣніи).

Бургмейеръ. Что жъ ты стоишь?.. Словъ моихъ не понимаешь? Поди, сломай безъ всякихъ ключей всѣ ящики съ бумагами Евгеніи Николаевны и принеси ихъ мнѣ!

(Лакей уходитъ, сильно удивленный).

Бургмейеръ. Если я не найду этихъ паспортовъ, Евгенія непремѣнно запираться будетъ!.. Не дальше еще, какъ третьяго-дня, жаловалась на мою холодность и увѣряла меня въ своей любви, а сама въ это время ядъ, быть-можетъ, готовила, чтобъ умертвить имъ меня и захватить мои деньги!.. Ништо мнѣ, старому развратнику, ништо!.. Увлекся легкостью побѣды

и красотою наружности, забывъ, что подъ красивыми цвѣтами часто змѣи таятся! (Подходя къ дверямъ и съ нетерпѣніемъ кричa) Что же вы тамъ? Точно Богъ знаетъ что имъ сдѣлать надо! (Голосъ лакея: „сейчасъ—несемъ-съ!)". Гдѣ же это сейчасъ, хорошъ у нихъ сейчасъ!

(Лакей и плотникъ вносятъ каждый по два ящика).

Бургмейеръ (начиная торопливо рыться въ одномъ ящикѣ). Тутъ нѣтъ!.. (Ищетъ въ другомъ ящикѣ). И тутъ тоже!.. (Плотнику) Дай мнѣ твои ящики... Что вахлакомъ-то стоишь?

(Плотникъ подаетъ).

Бургмейеръ (разомъ ища въ обоихъ ящикахъ и вдругъ, поблѣднѣвъ даже, восклицаетъ). Они, кажется!.. Такъ и есть!.. (Вынимая изъ ящика двѣ бумаги и потрясая ими въ воздухѣ) Вонъ они, мои сокровища!.. (Кладетъ бумаги себѣ въ карманъ). Ну, ужъ она теперь у меня не увернется, шалитъ!... (Обращаясь къ лакею и плотнику, въ недоумѣніи смотрѣвшимъ на него) Отнесите все это назадъ и бросьте на полъ!..

Лакей. И ящиковъ въ столы не вдвигать-съ?

Бургмейеръ. Говорятъ тебѣ: на полъ все раскидать!

Лакей (плотнику). Пойдемъ!

(Уносятъ ящики).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бургмейеръ. Не увернется она теперь у меня — нѣтъ!.. Пріѣхала, слышу, и прямо, видно, на лакея наткнулась!.. Ну!.. Заорать изволила!.. (Изъ дальнихъ комнатъ дѣйствительно послышались крики Евгеніи Николаевны: „Что это такое?.. Какъ вы смѣли?.. Вы—воры, разбойники послѣ того!..").

Бургмейеръ. Какова тигрица?.. Какова гіена изъ кротости, которую прежде представляла собою! Ко мнѣ, вѣроятно, сейчасъ явится объясниться и гнѣваться!.. Милости прошу, пожалуйте!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ Евгенія Николаевна, вся раскраснѣвшаяся и съ какими-то взбившимися на вискахъ волосами. Съ тѣхъ поръ, какъ мы ея не видали, она пополнѣла и подурнѣла.

Евгенія Николаевна (прерывающимся отъ гнѣва голосомъ). Александръ Григорьичъ, у меня разломаны всѣ ящики въ комнатѣ, и говорятъ, что вы ихъ приказали разломать.

Бургмейеръ (по наружности спокойнымъ тономъ). Да!.. Я ихъ приказалъ разломать.

Евгенія Николаевна. По для какой цѣли — интересно

было бы знать? Любовной переписки моей съ кѣмъ-нибудь вы искали?

Бургмейеръ. Вѣроятно, нашелъ бы и любовную переписку, но я не ея искалъ, а другое; и то, что мнѣ нужно, я нашелъ!

Евгенія Николаевна. Что такое вы нашли?

Бургмейеръ. Нашелъ два заграничные фальшивые паспорта, и теперь ужъ они у меня... въ карманѣ!.. (Показываетъ себѣ на карманъ). Вы ихъ выправили, чтобъ, обокравши меня, бѣжать съ ними за границу.

Евгенія Николаевна (еще болѣе краснѣя въ лицѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы сильно удивленная тѣмъ, что слышитъ). Обокрасть васъ?.. бѣжать за границу?.. съ фальшивыми паспортами?.. Вы съ ума наконецъ сошли?.. У меня дѣйствительно валялись какіе-то два заграничные паспорта, которые я случайно подняла на улицѣ и спрашивала кой-кого изъ знакомыхъ, что мнѣ съ ними дѣлать.

Бургмейеръ. На улицѣ вы ихъ подняли?!. Послушайте, Евгенія, можно быть развратною женщиной!.. Имѣть изъ-за стараго любовника молодого!.. краснаго!.. Желать этого стараго покинуть и обокрасть!.. Все это еще понятно! Но думать, что ты этого стараго дурака можешь еще продолжать обманывать и увѣришь его, въ чемъ только пожелаешь—это ужъ глупо съ твоей стороны.

Евгенія Николаевна. Нельзя же молчать, когда взводятъ такія клеветы!.. Я какою-то злодѣйкой, героиней французскаго романа являюсь въ вашихъ словахъ!.. Кто могъ, съ какого повода и для чего, навыдумывать на меня предъ вами столько—понять не могу! (Отворачивается и старается не смотрѣть на Бургмейера).

Бургмейеръ. Это мнѣ все разсказалъ вашъ бывшій любовникъ Куницынъ, который и досталъ вамъ два фальшивые паспорта, чтобы бѣжать вмѣстѣ съ вами за границу.

Евгенія Николаевна (сохраняя болѣе оскорбленный, чѣмъ сконфуженный видъ). Какой-то еще Куницынъ любовникомъ моимъ сталъ,—только этого недоставало!

Бургмейеръ. Однако вы этого какого-то Куницына знаете?

Евгенія Николаевна. Да, я встрѣчалась съ однимъ Куницынымъ въ обществѣ.

Бургмейеръ. Полно, въ обществѣ ли? не въ уединеніи ли гдѣ-нибудь, въ трактирныхъ нумерахъ, напримѣръ!..

Евгенія Николаевна (захохотавъ уже неискренно). Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Но допустимъ, что Куницынъ мой любовникъ... что я гдѣ-то тамъ видалась

съ нимъ, и что онъ досталъ два паспорта!.. Для чего же однако Куницыну итти разсказывать вамъ все это про себя?

Бургмейеръ. Для того, что онъ не такъ еще, видно, развращенъ, какъ вы! Самъ устыдился этого поступка своего!.. Кромѣ того, ему посовѣтовалъ это сдѣлать одинъ честный пріятель его!..

Евгенія Николаевна (прерывая его). И пріятель этотъ Мировичъ, конечно?

Бургмейеръ. Мировичъ—да!

Евгенія Николаевна (опять злобно захохотавъ). Ха-ха-ха!.. Въ сущности, это не Мировичъ, а жена ваша! Мнѣ странно: вы, Александръ Григорьичъ, считаетесь еще умнымъ человѣкомъ, а такой простой лжи и выдумки понять не могли! Женѣ вашей, конечно. пріятно поссорить насъ и разлучить...

Бургмейеръ (перебивая ее и сильно раздраженнымъ голосомъ). О женѣ моей не смѣй ты и говорить своимъ богомерзкимъ языкомъ!

Евгенія Николаевна (тоже выходя изъ себя). Ахъ, этого вы мнѣ никакъ не можете запретить! Никакъ! Я мало, что вамъ говорю, но и пойду и скажу еще ея любовнику!.. Пусть и онъ знаетъ, какъ она его любитъ!.. Если она сама сдѣлала противъ васъ проступокъ, такъ не смѣй, по крайней мѣрѣ, другихъ чернить въ томъ же.

Бургмейеръ (тѣмъ же голосомъ). Кто жъ тебя можетъ очернить? Кто?.. Когда ты сама себя очернила кругомъ! Когда черна твоя душа и сердце!

Евгенія Николаевна. Прекрасно!.. Благородно!.. И для кого же это я очернила себя? Я, кажется, для васъ первая пала! И у васъ, безстыжій человѣкъ, достаетъ духу кидать мнѣ этимъ въ лицо!.. (Начинаетъ плакать). Это, конечно, одна только бѣдность моя даетъ вамъ смѣлость наносить мнѣ такія оскорбленія!.. Какъ однако ни мало имѣю, но лучше обреку себя на голодъ и нищету, а ужъ не стану переносить подобнаго униженія.

Бургмейеръ. Голодомъ и нищетой вашей вы меня не поражайте! Кромѣ собственнаго вашего капитала, который утроился въ дѣлахъ моихъ, и тѣхъ денегъ, которыя я платилъ за васъ по магазинамъ и которыя или собственно не на наряды ваши, а переходили вамъ въ карманъ.—это я тоже знаю и замѣчалъ!—но я даже дамъ вамъ возможность обокрасть меня!.. (Подходя къ шкапу и указывая на него) Вы думали. что тутъ 600 тысячъ... Ихъ даже больше туть; но вы бы могли изъ нихъ воспользоваться только десятью тысячами, потому что остальныя положены на мое имя!.. (Торопливо и дрожащими

руками отпирая шкапъ и вытаскивая оттуда огромную пачку денегъ) На-те вамъ эти деньги!.. Возьмите ихъ. (Кидаетъ деньги почти въ лицо Евгеніи Николаевнѣ, которая какъ бы случайно ловитъ ихъ въ руку).

Бургмейеръ (продолжаетъ уже бѣшенымъ голосомъ). Только сейчасъ же вонъ изъ моего дома!.. Ни минуты не оставаться!.. Иначе я велю васъ выгнать моимъ лакеямъ... (Въ одно и то же время дергаетъ за сонетку и кричитъ) Эй, люди!

Евгенія Николаевна (немного уже и струсивъ). Ты въ самомъ дѣлѣ никакъ рехнулся. Лакеевъ своихъ еще призывать вздумалъ... Я сама вспыльчива, я тебѣ всѣ глаза выцарапаю и въ лицо тебѣ наплюю, дуракъ этакій. Подлецъ! Свинья! Козелъ старый!.. (Идетъ къ дверямъ).

(Входитъ поспѣшно лакей).

Бургмейеръ (показывая ему на уходящую Евгенію Николаевну). Эта вотъ госпожа уѣзжаетъ; вынести вслѣдъ за ней куда-нибудь въ нумера и вещи ея. Чтобы, синя пороха, ничего ея здѣсь не оставалось. И не пускать ея потомъ ни въ домъ ко мнѣ, ни въ кухню, ни въ конуру даже къ подворотной собакѣ моей!

Лакей (слегка улыбаясь). Слушаемъ-съ, не станемъ пускать... Господинъ докторъ къ вамъ пріѣхалъ.

Бургмейеръ (не разслышавшій его и обращаясь къ публикѣ). Лгать этой мерзавкѣ такъ же легко, какъ пить воду, и никакого стыда при этомъ... Въ бездѣлицѣ я уличалъ ее? Въ покушеніи на воровство! Если бы даже это неправда была, такъ она, какъ женщина, должна была бы смутиться предъ однимъ ужасомъ такого обвиненія,—ничего! Въ какое, Господи, время мы живемъ!..

Лакей. Господинъ докторъ идетъ, Александръ Григорьичъ.

Бургмейеръ (услышавъ наконецъ его). Кто?

Лакей. Докторъ пріѣхалъ-съ и идетъ къ вамъ.

Бургмейеръ. Пусть идетъ!.. Богъ какой и царь прибылъ!

(Садится и начинаетъ нервно постукивать ногою).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ докторъ Самаханъ, рябой, косой, со щетинистыми черными волосами и физіономіей своей смахивающій нѣсколько на палача. Лакей почтительно предъ нимъ сторонится и уходитъ.

Самаханъ (нагло и надменно взглядывая на Бургмейера). Вы хозяинъ дома и больной?

Бургмейеръ (мрачно). Точно такъ-съ.

Самаханъ. Желаете, чтобъ я васъ изслѣдовалъ?

Бургмейеръ. Если нужно это.

Самаханъ. Конечно, нужно. Вы не лошадь, чтобы васъ зря лѣчить... (Беретъ стулъ, садится противъ Бургмейера и первоначально смотритъ на него нѣкоторое время внимательно, а потомъ довольно грубо прикладываетъ большой палецъ свой къ одному изъ вѣкъ Бургмейера, оттягиваетъ его и какъ бы самъ съ собою разсуждаетъ). Существуетъ малокровіе и замѣтно нѣсколько усиленное отдѣленіе желчи... (Затѣмъ, откинувшись на задокъ стула, Самаханъ начинаетъ уже разспрашивать Бургмейера). Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?

Бургмейеръ. Сорокъ восемь.

Самаханъ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь яркихъ и въ опредѣленной формѣ выраженныхъ болей?

Бургмейеръ. У меня голова очень часто болитъ, почему я послалъ за вами. Я страдаю тикъ-дулурё...

Самаханъ (насмѣшливо). Предоставьте мнѣ это опредѣлить, тикъ ли у васъ дулурё, или что другое. Не подвержены ли вы нѣкоторымъ дурнымъ физическимъ наклонностямъ, то-есть не пьянствуете ли, не обжираетесь ли, не очень ли много забавляетесь съ женщинами?

Бургмейеръ. Я никакихъ этакихъ наклонностей не имѣю.

Самаханъ (съ полною уже важностью). Такъ-съ. Извольте встать на ноги.

(Бургмейеръ встаетъ).

Самаханъ (прикладываетъ ухо къ его груди, но потомъ тотчасъ же въ удивленіи отступаетъ отъ него). Что это у васъ за страшное трепетаніе сердца? Меня, что ли, вы перепугались такъ?

Бургмейеръ. Нѣтъ-съ, я на прислугу свою сейчасъ только разсердился.

Самаханъ (презрительно улыбаясь). Стопло, признаюсь!.. Въ груди я ничего, кромѣ этого, не вижу дурного. Лягте на диванъ.

(Бургмейеръ не совсѣмъ охотно ложится).

Самаханъ (ставъ передъ нимъ). Согните немного ваши ноги.

(Бургмейеръ сгибаетъ. Самаханъ начинаетъ его поколачивать по животу вынутымъ изъ кармана молоточкомъ. Бургмейеръ слегка при этомъ вскрикиваетъ).

Самаханъ (опять усмѣхаясь). Нѣжны ужъ очень, чувствительны. Въ животѣ тоже никакихъ нѣтъ страданій. Поверните спиной вверхъ.

(Бургмейеръ совершенно уже нехотя поворачивается. Самаханъ большимъ пальцемъ проводитъ по всему его позвоночному столбу. Бургмейеръ уже закричалъ).

Самаханъ. Гдѣ вы почувствовали боль: въ одномъ ли какомъ позвонкѣ, или во всемъ позвоночномъ столбу?

Бургмейеръ (вставая и, видимо, не желая себя давать больше изслѣдовать). Во всемъ... Вы чуть не сломали мнѣ спины.

Самаханъ. Не вдругъ ее сломаешь. Крѣпка еще она. Боль вы чувствовали оттого, что я васъ сильно давнулъ пальцемъ. Сядьте теперь.

(Бургмейеръ садится и почти не глядитъ на доктора).

Самаханъ (тоже садясь). И извольте слушать, что я буду говорить. По утрамъ вы чувствуете желаніе кислаго и жажду...

Бургмейеръ. Это я чувствую; кромѣ того...

Самаханъ (перебивая его). Чувствуете потомъ желаніе быть скорѣе на воздухѣ...

Бургмейеръ. Можетъ-быть-съ! Но, какъ я сказалъ вамъ, сверхъ того я...

Самаханъ (закричалъ на него). Пожалуйста, не прерывайте меня!.. Вы достаточно уже говорили, позвольте мнѣ... Я безъ всякихъ вашихъ *кромѣ того* знаю, что у васъ: болѣзнь ваша есть собственно малокровіе и сопряженное съ нимъ нервное разстройство. Лѣченіе для васъ должно состоять: ѣшьте больше мяса, будьте цѣлый день на воздухѣ, да и на прислугу вашу поменьше сердитесь.

Бургмейеръ. Я бы прежде всего желалъ, чтобы вы меня отъ тикъ-дулурё избавили.

Самаханъ (передразнивая его). Тикъ-дулурё! Тикъ-дулурё какой-то затвердилъ! Весь вашъ тикъ-дулурё есть результатъ того же малокровія и по формѣ своей не что иное, какъ маскированная лихорадка. Я пропишу противъ нея вамъ мышьяку... (Поднимается съ своего стула).

Бургмейеръ (восклицая). Какъ мышьяку-съ?

Самаханъ. Такъ мышьяку... (Садится за письменный столъ и пишетъ). Отравить, вы думаете, я васъ хочу? Всякій ядъ заключитъ отъ степени концентричности, и кофе—ядъ, однако вы пьете его каждый день... (Вставая изъ-за стола и показывая на рецептъ) Принимать, какъ тутъ сказано... (Берется за шляпу).

(Бургмейеръ тоже встаетъ и подаетъ доктору приготовленную для него тысячу).

Самаханъ (кладя деньги въ карманъ). Благодарю!

Бургмейеръ. Потрудитесь, докторъ, и рецептъ вашъ взять назадъ: я по немъ принимать не стану.

Самаханъ (разсмѣявшись). Что жъ вы мышьяку, вѣроятно, испугались?

Бургмейеръ (съ волненіемъ въ голосѣ). Нѣтъ, я не того испугался!.. Я испугался еще, когда вы заранѣе велѣли мнѣ сказать, что желаете получить съ меня тысячу рублей! Врачу, который такъ относится къ больнымъ, я не могу довѣрять.

Самаханъ (насмѣшливо взглядывая на Бургмейера). А какъ же, вы думаете, я долженъ былъ бы относиться? Меня тысячи людей требуютъ въ день, и чѣмъ же, при выборѣ, могу я руководствоваться? Кто мнѣ дороже дастъ, къ тому я и ѣду.

Бургмейеръ (съ возрастающимъ волненіемъ). При выборѣ, я полагалъ бы, что вы должны были ѣхать и спѣшить туда, гдѣ больной опаснѣе и серьезнѣе боленъ.

Самаханъ (замѣтно обозлясь). Скажите, какой новый моралистъ выискался: только вамъ-то бы, господинъ Бургмейеръ, меньше, чѣмъ кому-либо, пристало быть проповѣдникомъ... Ежели я получаю много денегъ и получаю... не скрываю того... пѣсколько грубо и съ насиліемъ, то мнѣ даютъ ихъ за мое докторское провидѣніе, за то, что я... когда вы тамъ... я не знаю чтò... въ лавкѣ ли у родителей торговали, или въ крѣпостной усадьбѣ съ деревенскими мальчишками играли въ бабки, я въ это время учился, работалъ!.. Но чѣмъ вы-то, какими трудами и знаніями нажили ваши милліоны — спросите-ка вашу совѣсть и помолчите лучше! А по реценту моему я совѣтую вамъ принять! Мышьякъ, вѣроятно, вамъ поможетъ.

(Киваетъ слегка хозяину головою и, въ комнатѣ еще надѣвъ шляпу, уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бургмейеръ (оставшись одинъ и въ совершенно озлобленномъ состояніи). Поможетъ, я думаю! Какое однако пріятное положеніе: къ помощи доктора я не могу даже отнестись съ полнымъ довѣріемъ, потому что каждому изъ этихъ шарлатановъ, конечно, гораздо пріятнѣе протянуть мою болѣзнь, чѣмъ вылѣчить, да еще дерзости отъ нихъ выслушивай! Вотъ вы всѣ, жаждущіе и ищущіе милліоновъ, придите, полюбуйтесь на меня и посмотрите, какія великія наслажденія даютъ мнѣ эти милліоны! Я пересталъ даже быть человѣкомъ для прочихъ людей, а являюсь какимъ-то мѣшкомъ съ деньгами, изъ котораго каждый, такъ или иначе, ожидаетъ поживиться! Куда бы я ни устремился, чего бы ни пожелалъ, чтò бы ни полюбилъ—всюду, на всѣхъ путяхъ монхъ, какъ враги недремлющіе, стоятъ эти деньги, деньги и деньги мои! А въ концѣ концовъ, когда умру, такъ и оставить ихъ еще некому, кромѣ дурака Симхи! Женѣ ежели завѣщать, такъ приметъ ли еще она ихъ? Кромѣ того, она все-таки бросила меня, осрамила на весь міръ. Но не самъ ли я толкнулъ ее на то?.. Нѣтъ!.. Видитъ Богъ, я не желалъ этого!.. Я сказалъ ей тогда, думая, что она, для спасенія нашего общаго благосостоянія, похитрить только съ Мировичемъ, позавлечетъ его: онъ испол-

нитъ ея желаніе... Кто жъ ожидалъ, что она сама влюблена въ него до такой степени, и что просьба моя въ одно и то же время оскорбитъ ее и обрадуетъ! Когда она пришла при мнѣ къ Мировичу, я глупо, конечно, сдѣлалъ, что не увелъ ея насильно отъ него, хоть бы даже за руку... Но развѣ бы она послушалась меня? Характеръ у нея тоже не изъ покорныхъ!.. Вышелъ бы еще, пожалуй, большой скандалъ!.. Главная вина моя въ томъ, что я слишкомъ заботился собирать тѣ сокровища, которыя и тать воруетъ и тля поѣдастъ, но о другомъ-то мало помышлялъ, и потому докторъ правъ: не мнѣ кого-либо осуждать... Жена какъ хочетъ потомъ, но я съ своей стороны дѣло сдѣлаю... Симха!.. Позовите его ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ X.

На этотъ зовъ вбѣгаетъ Руфинъ.

Бургмейеръ. Гдѣ ты все бываешь?.. Точно не знаешь, что ты одинъ у меня!

Руфинъ. Я, господинъ, ходилъ объ господинѣ Мировичѣ хлопотать, и компанія «Беллы» беретъ его, чтобъ онъ уѣхалъ только въ Америку. «Мы, говоритъ, его знаемъ—онъ человѣкъ честный, а намъ честнаго человѣка тамъ и надо!»

Бургмейеръ (поблѣднѣвъ даже). Вотъ еще хорошо выдумалъ! Тогда Мировичъ совсѣмъ ужъ увезетъ у меня жену, не узнаешь, гдѣ и будетъ она!

Руфинъ (съ лукавствомъ). О, нѣтъ, господинъ, не увезетъ! Не на что будетъ увезть, да и Клеопатра Сергѣевна не поѣдетъ съ нимъ!.. (Таинственно) Все ссорятся, говорятъ, теперь!..

Бургмейеръ (почти довольнымъ голосомъ). Въ чемъ же они ссориться могутъ?

Руфинъ. Отъ бѣдности! Въ бѣдности, господинъ, все кажется, что тотъ и другой нехорошо дѣлаютъ.

Бургмейеръ. Неужели же, Симха, Клеопатра Сергѣевна и послѣ смерти моей ничего не захочетъ получить отъ меня?

Руфинъ. Не знаю, господинъ, этого, не знаю!..

Бургмейеръ. Впрочемъ, это все равно!.. Позови какого-нибудь поумнѣй нотаріуса!.. Я хочу написать духовную, и тебя я тутъ обезпечу.. вполнѣ обезпечу...

Руфинъ (цѣлуя Бургмейера въ плечо). Благодарю васъ, господинъ... (Постоявъ нѣкоторое время и переминаясь съ ноги на ногу) Я еще, господинъ, просьбу мою приношу къ вамъ: на Евгенію Николаевну вы изволили теперь разгнѣваться!.. Изволили удалить ее отъ себя!.. Что жъ теперь вамъ въ ней?.. Не позволите ли, господинъ, мнѣ жениться на ней?

Бургмейеръ (сильно удивленный). Тебѣ?.. На Евгеніи Николаевнѣ?..

Руфинъ (смѣшавшись немного). Да, господинъ!.. Теперича она встрѣтилась мнѣ: «Господинъ Руфинъ, говоритъ, если вы желаете, то можете жениться на мнѣ!»

Бургмейеръ (со сверкнувшимъ гнѣвомъ въ глазахъ). Съ какого же повода она могла сказать тебѣ это?.. Стало-быть, ты прежде говорилъ съ ней что-нибудь подобное?

Руфинъ (покраснѣвъ въ лицѣ). Какъ же я, господинъ, могъ говорить съ нею?..

Бургмейеръ. Но отчего же у тебя глаза забѣгали и все лицо твое загорѣлось заревомъ?

Руфинъ. Господинъ, я очень боюсь, что не прогнѣвалъ ли васъ совершенно!

Бургмейеръ (беретъ себя за голову). Теперь, кажется, все начинаетъ для меня проясняться!.. (Показывая публикѣ на Руфина) Онъ поэтому... взять былъ Евгеніей вмѣсто Куницына, и вотъ почему онъ такъ всегда умиротворялъ меня по случаю разныхъ долговъ ея!.. И я такимъ образомъ совсѣмъ ужъ кругомъ былъ въ воровской засадѣ... (Повертывается вдругъ къ письменному столу, проворно беретъ съ него револьверъ, подходитъ съ нимъ къ Руфину, хватаетъ его за шиворотъ и приставляетъ ему ко лбу револьверъ). Говори: ты былъ любовникомъ Евгеніи Николаевны?

Руфинъ (дрожа). О, нѣтъ, господинъ!

Бургмейеръ (почти съ пѣной у рта). Говори! Иначе я тебя, какъ собаку, сейчасъ пристрѣлю, если ты хоть минуту станешь запираться...

Руфинъ (склоняясь-было на колѣни). Виноватъ, господинъ, я только влюбленъ въ нее былъ и глазки ей дѣлалъ.

Бургмейеръ (не давая ему стать на колѣни и продолжая держать его за шиворотъ). А обокрасть меня сбирался вмѣстѣ съ нею и бѣжать за границу?.. Признавайся, или я немедля спущу курокъ!

Руфинъ (совсѣмъ потерявшись). Это она, господинъ, говорила мнѣ: «Уѣдемъ, говоритъ, и возьмемъ изъ этого шкапа деньги!»— «Зачѣмъ, говорю, у васъ свой капиталъ есть!»

Бургмейеръ (тряся его). Отчего жъ ты мнѣ не сказалъ объ этомъ и не предувѣдомилъ меня?.. Я тебя отъ голодной смерти спасъ!.. Я тебя вырастилъ... воспиталъ!.. Я хотѣлъ тебя сдѣлать наслѣдникомъ моего состоянія, а ты вошелъ въ стачку съ ворами, чтобъ обокрасть меня! Убивать я тебя не стану: изъ-за тебя въ Сибирь не хочу итти!.. (Бросаетъ въ сторону револьверъ и кричитъ) Люди! Люди!

(Вбѣгаютъ лакеи).

Бургмейеръ (почти швыряя имъ въ руки Руфина). Посадить его въ казематъ, въ подвалъ!.. И полицію ко мнѣ скорѣе... Полицію!..

Руфинъ (едва приходя въ себя). Господа лакеи! Господинъ повышибалъ мнѣ зубы!.. Окровянилъ меня!.. (Плюетъ себѣ на ладонь и показываетъ ее лакеямъ). Вотъ же кровь моя!

Бургмейеръ (съ неистовствомъ). Тащите его сію же минуту!

(Лакеи тащатъ Руфина. Онъ продолжаетъ восклицать: „Господинъ окровянилъ меня!.. Я буду жаловаться на него!“).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Бургмейеръ (одинъ). И этотъ обманулъ меня!.. У каждаго изъ поденщиковъ моихъ есть, вѣроятно, кто-нибудь, кто его не продастъ и не обокрадетъ, а около меня все враги!.. Все мои измѣнники и предатели! Мнѣ страшно наконецъ становится жить! На кинжалахъ спокойно спать невозможно. Мнѣ одинъ Богомъ ангелъ-хранитель былъ данъ—жена моя, но я и той не сберегъ!.. Хоть бы, какъ гору сдвинуть, трудно было это, а я возвращу ее себѣ... (Громко кричитъ) Кто тамъ есть!.. Введите ко мнѣ опять этого Симху.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Два лакея вводятъ Руфина подъ руки. Онъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, между ними.

Бургмейеръ (Руфину). Послушай, мошенникъ!.. Я думалъ сто тысячъ истратить на то, чтобы сослать тебя на каторгу!.. Но я все тебѣ прощу!.. Все! Понимаешь?.. Я позволю тебѣ жениться на Евгеніи Николаевнѣ, даже дамъ тебѣ приданое за ней, только разлучи ты Мировича съ моею женою и помири ты меня съ нею.

Руфинъ (сейчасъ же оправившійся и совсѣмъ какъ не битый). Господинъ!.. Но какъ же мнѣ сдѣлать то,—я не знаю.

Бургмейеръ. Врешь, врешь!.. Ваша жидовская порода черезъ деньги міромъ ворочаетъ, а ты неужели не можешь помирить меня ими съ одной женщиной?

Руфинъ (видимо начинающій кое-что соображать по этому предмету). Позвольте, господинъ!.. Теперь господинъ Мировичъ, можетъ-быть, уѣдетъ въ Америку; онъ самъ вамъ оставитъ Клеопатру Сергѣевну.

Бургмейеръ. Да не поѣдетъ онъ — пойми ты это! Вѣдь у него не твоя подлая душа, чтобы за деньги продать любовь свою!

Руфинъ (какъ бы съ нѣкоторымъ остервенѣніемъ даже). А тогда я скуплю его сохранную расписку. Я видѣлъ на двѣ тысячи его расписку, я куплю ее и посажу его въ тюрьму ею...

Бургмейеръ (смотря въ упоръ на Руфина). Расписку? Въ тюрьму?.. (Отворачиваясь потомъ отъ Руфина и махая рукой) Скупай! Сажай!.. Онъ больше тѣмъ свободу отнялъ у меня. Онъ отнялъ счастье и радости всей моей жизни,—сажай!

Руфинъ (совсѣмъ отпущенный лакеями и поднимая предъ публикой обѣ руки). Посажу!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Внутренность избушки дачной въ Зыковѣ. На одной сторонѣ сцены дрянной письменный столишко съ некрашенымъ деревяннымъ стуломъ предъ нимъ, а на другой—оборванный диванишко.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мировичъ (съ сильно уже вылѣзшими волосами, въ очень поношенномъ пальто и въ зачиненныхъ сапогахъ, въ раздумьѣ шагая по комнатѣ). Что хочешь, то и дѣлай: ни за дачу заплатить нечѣмъ, ни въ городѣ нанять квартиры не на что, а службы все еще пока нѣтъ! Сунулся-было попроситься въ судебное вѣдомство,—прямо дали понять, что я увезъ у богатаго подрядчика жену и за это промиротворилъ ему. Какимъ же образомъ дать такому человѣку мѣсто? Впрочемъ, нашлась какая-то сердобольная компанія «Беллы». Сама, неизвѣстно съ какого повода, прислала вдругъ приглашеніе мнѣ, что не желаю ли я поступить къ ней на службу съ тѣмъ, чтобъ отправиться въ Америку: «Вы-де человѣкъ честный, а намъ такого тамъ и надобно»... (Грустно усмѣхаясь) Очень благодаренъ, конечно, за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, но все-таки этого мѣста принять не могу. Если бы одинъ былъ, то, разумѣется, рѣшился бы, а тутъ гдѣ? У меня на рукахъ женщина, и здѣсь еле перебиваемся, а заѣдешь въ неизвѣстную страну, разссорившься какъ-нибудь съ компаніей и совсѣмъ на голой землѣ очутишься. Да! Стоитъ человѣку шагъ только одинъ неосторожный сдѣлать, такъ ужъ потомъ ничѣмъ его не поправишь: ни раскаяніемъ, ни готовностью работать, трудиться—ничѣмъ. Сгинь и пропадай онъ совсѣмъ. Однако что же я? Пора корректуру поправлять... (Снова съ грустною усмѣшкою) Корректоромъ ужъ сдѣлался, а то хоть съ голоду умирай... (Подходитъ къ письменному столу, садится за него и начинаетъ заниматься).

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ КУХАРКА, толстая, безобразная, грязная старуха и порядкомъ пьяная. Выйдя на средину комнаты, она останавливается, растопыря ноги.

КУХАРКА. Баринъ, а баринъ!

МИРОВИЧЪ (не глядя на нее). Что тебѣ?

КУХАРКА. Тебя баринъ какой-то съ барыней спрашиваютъ.

МИРОВИЧЪ (все-таки не глядя на нее). Меня?

КУХАРКА. Да, тебя. Онъ словно не русскій. Черномазый такой, какъ цыганъ; а барыня съ нимъ—та русская.

МИРОВИЧЪ. Что такое русская, не русскій? А Клеопатра Сергѣевна дома?

КУХАРКА. Нѣту-ти, не пріѣхамши еще. Они не Клеопатру Сергѣевну спрашиваютъ, а тебя.

ЯВЛЕНІЕ III.

Во входныхъ дверяхъ показываются ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА, въ прелестной шляпкѣ и дорогомъ шелковомъ платьѣ, и РУФИНЪ, тоже въ новомъ фракѣ, при золотой цѣпочкѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ новенькою пуховою шляпой въ рукахъ.

КУХАРКА (показывая имъ пальцемъ на Мировича). Вонъ онъ сидитъ самъ!.. (Поворачивается и хочетъ уйти, но не попадаетъ въ двери, стукается головой въ косякъ и при этомъ смѣется). Не попала!.. (Откидывается въ другую сторону и произнося при этомъ) Тѣла, стой, не разъѣзжайся! (Уходитъ).

(Мировичъ, поднявъ при этомъ голову и увидя предъ собой Евгенію Николаевну и Руфина, приходитъ въ удивленіе и привстаетъ съ своего мѣста).

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (любезнымъ и развязнымъ тономъ). Вы, Вячеславъ Михайловичъ, никакъ ужъ, конечно, не ожидали меня видѣть.

МИРОВИЧЪ (пожимая плечами). Признаюсь, не ожидалъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (выходя на авансцену). Я знала, что Клеопатры Сергѣевны дома нѣтъ. Нарочно такъ и пріѣхала лично къ вамъ... (Показывая на Руфина) Рекомендую, это мужъ мой Руфинъ.

МИРОВИЧЪ (еще съ бо́льшимъ удивленіемъ). Мужъ вашъ?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (нѣсколько сконфузившись). Да, мы третьяго-дня только обвѣнчались.

МИРОВИЧЪ (всматриваясь въ Руфина). Я немного знакомъ съ вами. Вы поэтому окрестились?

РУФИНЪ. Окрестился. Господинъ Толоконниковъ былъ моимъ

воспріемникомъ. (Слегка улыбаясь) Я ужъ теперь Симеонъ Измаилычъ называюсь, по папенькѣ моему крестному.

Мировичъ. И денежную награду, вѣроятно, за это получите?

Руфинъ. Получу; 50 рублей, говорятъ, даютъ. Я получу.

Мировичъ. Конечно. Зачѣмъ же терять? А у господина Бургмейера вы продолжаете еще быть приказчикомъ?

Руфинъ. Нѣтъ, я самъ по себѣ живу.

Мировичъ. То-есть какъ же? Какъ и тогда же сами по себѣ жили?

Руфинъ. Нѣтъ, теперь ужъ я совсѣмъ не у него.

Евгенія Николаевна (сильно волновавшаяся отъ всѣхъ разспросовъ Мировича и перебивая мужа). Мы въ совершенно отдѣльномъ домѣ живемъ. У мужа никакихъ даже дѣлъ нѣтъ отъ Бургмейера, кромѣ самыхъ незначительныхъ и, между прочимъ, вашего дѣла.

Мировичъ. Какого это моего дѣла?

Евгенія Николаевна. Сейчасъ разскажу. Но вы однако позвольте намъ попросѣсть у васъ. Сами вы насъ не приглашаете къ тому. (Мужу) Садись.

(Руфинъ сейчасъ же сѣлъ на одинъ изъ стульевъ и только никакъ не могъ сладить съ своими неуклюжими и вдобавокъ еще въ перчатки затиснутыми руками. Сама Евгенія Николаевна, съ чувствомъ брезгливости смахнувъ съ дивана пыль, усѣлась на него, вынула изъ кармана своего платья очень красивую папиросницу, взяла изъ нея спичку и папироску и закурила. Во всѣхъ манерахъ Евгеніи Николаевны, вмѣсто прежней граціозной женщины, чувствуется какая-то черезчуръ ужъ разбитная госпожа, такъ что, усѣвшись, она сейчасъ же выставила изъ-подъ платья свою красивую ботинку и начала ею играть. Мировичъ также опустился на свой стулъ).

Евгенія Николаевна (какъ-то въ сторону и наотмашь попыхивая своею папироской). Прежде, Вячеславъ Михайловичъ, вы, какъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, вѣрили въ мою дружбу; но теперь, я боюсь, вы разочаровались немножко во мнѣ.

Мировичъ. Отчасти-съ.

Евгенія Николаевна. Очень жаль. Но настоящій визитъ мой, впрочемъ, надѣюсь, опять убѣдитъ васъ нѣсколько въ ней. Что я жила въ домѣ у Александра Григорьича Бургмейера и что въ послѣднее время разссорилась съ нимъ, вы, конечно, знаете.

Мировичъ. Да-съ, я слышалъ это.

Евгенія Николаевна. И слышали тоже, что Бургмейеру вашъ пріятель Куницынъ, который Богъ знаетъ какимъ лгуномъ ужъ тутъ является, наплелъ на меня цѣлую ахинею. Бургмейеръ сначала всему вѣрилъ, но теперь, кажется, нѣ-

сколько поколебался... (Съ ироническою улыбкой) Такъ что, даже наградивши меня маленькимъ приданымъ, постарался пристроить за своего бывшаго управляющаго, какъ обыкновенно старые богатые вельможи дѣлали.

(Мировичъ при этомъ презрительно улыбнулся).

Евгенія Николаевна (замѣтивъ это). Что Куницынъ по своей вѣтрености способенъ все сдѣлать, мнѣ неудивительно; но говорятъ, будто бы онъ, — что̀ меня очень поразило, — явился къ Бургмейеру по вашему, между прочимъ, совѣту: правда это, или нѣтъ?

Мировичъ (подхватывая). Совершенная правда!

Евгенія Николаевна (нѣсколько опѣшенная этимъ). Васъ, впрочемъ, я тутъ много не виню: вы сами, вѣроятно, были введены въ обманъ, потому что я очень подозрѣваю, что всю эту исторію выдумала и заставила Куницына разсказать ее Бургмейеру собственно ваша Клеопатра Сергѣевна!

Мировичъ (уже строгимъ голосомъ). Какъ-съ Клеопатра Сергѣевна?

Евгенія Николаевна. Почти увѣрена въ томъ; и сдѣлала это затѣмъ, что сама желаетъ воротиться къ мужу: этимъ словамъ моимъ вы, конечно, не повѣрите.

Мировичъ (тѣмъ же голосомъ). Вы не ошиблись!.. Я всѣмъ даже словамъ вашимъ совершенно не вѣрю!

Евгенія Николаевна. Ваше дѣло, хотя я въ то же время опять должна сказать, что про Клеопатру Сергѣевну я только подозрѣваю; но что господинъ Бургмейеръ желаетъ съ ней сойтись, на это ужъ я имѣю положительныя и неопровержимыя доказательства.

Мировичъ. Онъ можетъ желать, сколько ему угодно, это ему никто не мѣшаетъ.

Евгенія Николаевна. Но онъ, повидимому, кромѣ желанія, имѣетъ полную надежду привести это въ исполненіе... Первое его намѣреніе было удалить васъ куда-нибудь подальше отсюда. Для этого онъ упросилъ компанію «Беллы» сдѣлать вамъ предложеніе ѣхать въ Америку. Вы, я знаю, получили такое приглашеніе?

(Мировичъ молчитъ).

Евгенія Николаевна (продолжая). Но вы, какъ я слышала, были такъ умны и проницательны, что поняли ловушку и отказались отъ этого прекраснаго предложенія; тогда господинъ Бургмейеръ рѣшился употребить противъ васъ болѣе вѣрное средство... Мужъ мой теперь налицо и можетъ подтвердить то, что̀ я вамъ говорю... Онъ велѣлъ ему скупить какое-то взысканіе на васъ, по которому ежели вы не запла-

тите Бургмейеру, то онъ поручилъ мужу посадить васъ въ тюрьму, и тогда ужъ, конечно, Клеопатрѣ Сергѣевнѣ очень удобно будетъ возвратиться къ супругу своему.

Мировичъ (со вспыхнувшимъ лицомъ). Что господинъ Бургмейеръ готовъ мнѣ сдѣлать всевозможное зло, я никогда въ этомъ не сомнѣвался.

Евгенія Николаевна. Н-ну! Можетъ-быть, тутъ и не одинъ Бургмейеръ виноватъ... Я собственно затѣмъ и пріѣхала, чтобы повторить вамъ нѣсколько разъ: «остерегитесь и остерегитесь!..» (Обращаясь къ мужу) Но скоро ли же будутъ взыскивать съ господина Мировича?

Руфинъ. Скоро! Господинъ Бургмейеръ приказалъ спѣшить мнѣ... Исполнительный листъ выданъ судомъ! Сегодня или завтра по немъ станутъ взыскивать!

Евгенія Николаевна. Уже!.. (Мировичу) Поэтому сегодня или завтра вы окончательно убѣдитесь...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ кухарка.

Кухарка. Баринъ!.. Барыня воротилась и спрашиваетъ, кто у тебя въ гостяхъ сидитъ?

Мировичъ. Скажи, что Евгенія Николаевна... или, впрочемъ, ты переврешь?

Кухарка. Переврy, баринъ!

Мировичъ. Подожди, я тебѣ напишу, и ты отдашь это барынѣ! (Пишетъ на клочкѣ бумаги и подаетъ его кухаркѣ, которая попрежнему нетвердою, но замѣтно остерегающеюся походкою уходитъ и на этотъ разъ прямо уже попадаетъ въ дверь).

Евгенія Николаевна (вставая). Мы однако позасидѣлись! Клеопатрѣ Сергѣевнѣ, вѣроятно, не будетъ большого удовольствія видѣть меня... (Мужу) Поѣдемъ.

(Тотъ сейчасъ же поднялся на ноги).

Евгенія Николаевна (Мировичу) До свиданія, Вячеславъ Михайлычъ! Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, на прощанье вашу руку!

Мировичъ (не подавая ей руки). Нѣтъ-съ, извините вы меня: я клеветникамъ и клеветницамъ не подаю моей руки.

Евгенія Николаевна (усмѣхаясь). А вы все еще считаете насъ клеветниками! Увидите сами потомъ...

(Уходитъ вмѣстѣ съ мужемъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мировичъ (оставшись-было одинъ, начинаетъ говорить). Еще новыя радости!.. Часъ отъ часу не легче! (Но въ это время изъ внутренней комнаты показывается Клеопатра Сергѣевна. Она въ черномъ шелковомъ, но почти худомъ платьѣ).

Клеопатра Сергѣевна. Ушли твои гости?

Мировичъ. Ушли!

Клеопатра Сергѣевна. Но кто такая Евгенія Николаевна Руфина?.. Жена, что ли?

Мировичъ. Жена!

Клеопатра Сергѣевна. Но почему же она Руфина?

Мировичъ. Потому что на-дняхъ вышла замужъ за управляющаго господина Бургмейера—Руфина.

Клеопатра Сергѣевна. Вотъ новость!.. (Подходитъ и садится на диванъ. Она замѣтно утомлена). Но зачѣмъ же къ намъ она пожаловала? Я вовсе не желаю ея видѣть.

Мировичъ. Она не къ тебѣ и пріѣзжала, а ко мнѣ.

Клеопатра Сергѣевна. А къ тебѣ зачѣмъ?

Мировичъ. Съ новостями разными... (Вематриваясь въ Клеопатру Сергѣевну) Но что такое съ тобой, Клеопаша? Посмотри: у тебя все платье въ грязи... лицо въ какихъ-то красныхъ пятнахъ... волосы не причесаны...

Клеопатра Сергѣевна (сначала-было слегка усмѣхаясь). Я устала очень!.. пѣшкомъ пришла изъ города... Жалко было денегъ на извозчика, да и къ тому же разсердилась... (Помолчавъ немного и съ навернувшимися слезами на глазахъ) Госпожа, которой относила я платье, ни копейки мнѣ не заплатила.

Мировичъ. Это отчего?

Клеопатра Сергѣевна (совсѣмъ сквозь слезы). Говоритъ, что я испортила ей платье, что она будетъ отдавать его передѣлывать и прикупитъ еще матеріи, а потому я даже ей останусь должна, а не она мнѣ... (Закрываетъ лицо платкомъ, чтобы скрыть окончательно полившіяся слезы).

Мировичъ. Но слезы-то такія о чемъ же?.. Изъ-за такихъ пустяковъ! Какъ тебѣ не стыдно, Клеопаша!.. На, выпей лучше воды!..

(Наливаетъ стаканъ и подаетъ его Клеопатрѣ Сергѣевнѣ).

Клеопатра Сергѣевна (отталкивая стаканъ и капризнымъ голосомъ). Не надо!.. Отвяжись!..

(Мировичъ, видимо этимъ оскорбленный, отошелъ отъ Клеопатры Сергѣевны, поставилъ стаканъ на столъ и сѣлъ заниматься).

Клеопатра Сергѣевна (продолжая плакать). Дура этакая!.. скупая!.. жадная!.. Всякую бѣдную готова обсчитать.

Мировичъ (не оставляя своей работы и съ нѣкоторою какъ бы ядовитостью). Но, можетъ-быть, ты и въ самомъ дѣлѣ дурно сшила.

Клеопатра Сергѣевна. Хорошо я сшила!.. Она придралась только такъ...

Мировичъ (опять какъ бы съ ядовитостью). Ну, не думаю, чтобъ очень ужъ хорошо...

Клеопатра Сергѣевна. Почему жъ ты не думаешь?..

Мировичъ. Потому что всѣ русскія женщины, кажется, не совсѣмъ хорошо умѣютъ шить, особенно вы, барыни.

Клеопатра Сергѣевна. Вы, мужчины, лучше!

Мировичъ. Мужчины все словно бы подаровитѣй немного и потолковѣй.

Клеопатра Сергѣевна (разсердясь). Ужасно какъ толковы! И что это за страсть у тебя, Вячеславъ, въ каждомъ разговорѣ подставить мнѣ шпильку и стороной этакъ намекнуть мнѣ, что я глупа и дѣлать ничего не умѣю.

Мировичъ. Когда жъ я это говорилъ?

Клеопатра Сергѣевна. Ты всегда это хочешь сказать и разными доводами убѣдить меня въ томъ!.. Но я тебѣ нѣсколько разъ говорила, что я очень самолюбива, и если увижу, что человѣкъ меня не уважаетъ, смѣется надо мной,—я не знаю на что готова рѣшиться.

Мировичъ. Бога ради, не развивай, по крайней мѣрѣ, далѣе этихъ сценъ!.. У насъ есть очень многое болѣе серьезное, о чемъ мы можемъ бесѣдовать и горевать...

Клеопатра Сергѣевна. Не знаю: для меня это очень серьезное, и что же еще для насъ можетъ быть серьезнѣе этого?

Мировичъ. Да хоть бы то, что вотъ сейчасъ твоя бывшая пріятельница, Евгенія Николаевна, разсказывала мнѣ.

Клеопатра Сергѣевна. Что такое она могла разсказывать тебѣ?

Мировичъ. Увѣряла, что вся эта исторія, которую про нее повѣствуетъ Куницынъ, ложь совершенная, и что будто бы даже ты все это выдумала и научила Куницына...

Клеопатра Сергѣевна. Я?.. Ахъ, она дрянь этакая. Очень мнѣ нужно что-нибудь про нее выдумывать, я и про существованіе ея совсѣмъ забыла.

Мировичъ. Потомъ она меня предостерегала, что мужъ твой очень желаетъ опять съ тобой сойтись и для того, чтобы разлучить меня съ тобою, велѣлъ даже скупить одно мое обязательство и засадить меня за него въ тюрьму.

Клеопатра Сергѣевна (поблѣднѣвъ). Тебя?.. Въ тюрьму?

Мировичъ. Да!..

Клеопатра Сергѣевна (все еще какъ бы желая не вѣрить тому, что̀ слышитъ). Вотъ ужъ про нее это можно сказать, что она сама тутъ все навыдумывала...

Мировичъ. Почему жъ навыдумывала? Отъ твоего супруга всего можно ожидать.

Клеопатра Сергѣевна. Но надолго ли же онъ можетъ тебя посадить?

Мировичъ. Пока я денегъ ему не заплачу̀.

Клеопатра Сергѣевна. Но заплатить ты не можешь никогда, потому что у тебя нѣтъ денегъ.

Мировичъ (насмѣшливо). Денегъ нѣтъ!

Клеопатра Сергѣевна. Ну, нѣтъ-съ!.. Это извините!.. Я мужу не позволю этого сдѣлать.

Мировичъ. Но какимъ же способомъ, желалъ бы я знать, ты ему не позволишь?

Клеопатра Сергѣевна. Такъ!.. Не позволю!.. (Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ). Ты эти деньги занялъ и прожилъ на меня, а потому мой мужъ и долженъ ихъ заплатить: я все-таки его жена.

Мировичъ (разводя руками и усмѣхаясь). Совершенно женская логика и даже нравственность: любовникъ женщины прожилъ на нее деньги, и потому мужъ ея долженъ заплатить ихъ!

Клеопатра Сергѣевна (съ возрастающимъ жаромъ). Долженъ!.. Да!.. Онъ заѣлъ у меня молодость, всю жизнь мою, и это ужъ не твое дѣло, а мое: пусть тутъ будетъ моя логика и моя нравственность! (Подумавъ немного) Все это, конечно, пустяки!.. Я не допущу этому быть! Для меня гораздо важнѣе тутъ другое! (Вдругъ останавливается). А теперь, пожалуйста, дай мнѣ воды!.. Я чувствую, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ что-то очень нехорошо дѣлается!.. (Показываетъ себѣ на горло. Мировичъ подаетъ ей воды. Клеопатра Сергѣевна жадно выпиваетъ цѣлый стаканъ). Ну, и поцѣлуй меня поласковѣй, знаешь, какъ въ первое время нашей любви ты меня цѣловалъ. (Мировичъ обнимаетъ ее; она сама его страстно цѣлуетъ, а потомъ какъ бы отталкиваетъ его). Довольно!.. Садись на свое мѣсто!.. Я тоже сяду: у меня ноги подгибаются... (Опускается на диванъ).

(Мировичъ также садится. Замѣтно, что онъ заранѣе предчувствуетъ нѣсколько щекотливое для него объясненіе).

Клеопатра Сергѣевна (въ какомъ-то трепетномъ волненіи). Послушай, я давно хотѣла тебя спросить, но все какъ-то страшно было: вопросъ ужъ очень важный для меня!.. Скажи!.. Но только, смотри, говори откровенно, какъ говорилъ бы ты

предъ Богомъ и своею совѣстью!.. Говори наконецъ подумавши и не вдругъ!.. Скажи: любишь ли ты меня хоть сколько-нибудь, или совсѣмъ разлюбилъ?.. По твоему обращенію со мной я скорѣй могу думать, что ты совсѣмъ меня разлюбилъ, или даже почти ненавидишь.

Мировичъ (нахмуриваясь). Клеопаша!..

Клеопатра Сергѣевна (настойчиво). Нѣтъ, ты говори мнѣ всю правду,—совершенную.

Мировичъ (понуривъ голову). Какъ мнѣ сказать тебѣ правду?.. Опредѣлить тебѣ—рѣшительно разлюбилъ ли я тебя, или нѣтъ, я не могу, потому что это для меня самого тайна. Я одно только совершенно ясно сознаю, что мужчинѣ, при благопріятныхъ даже условіяхъ жизни, когда ему не нужно ни заботиться ни трудиться, сидѣть все время около женщины и заниматься только ея любовью и ласками съ ней — невозможно!.. Это унизительно почти и позорно!

Клеопатра Сергѣевна (глухимъ голосомъ). Такъ!.. Совершенно вѣрно!

Мировичъ (продолжаетъ). Но когда еще при этомъ окружаетъ нужда, когда знаешь, что надобно заработать кусокъ хлѣба для себя и этой несчастной женщины, а работы въ то же время нѣтъ, то это пребываніе исключительно въ одной области любви есть пытка! Пытка, слагающаяся изъ каждоминутныхъ угрызеній совѣсти, скуки... презрѣнія къ самому себѣ... досады, если ты хочешь, доходящей, пожалуй, и до ненависти!

Клеопатра Сергѣевна (вспыхнувъ въ лицѣ). Это я предчувствовала и въ то же время совершенно понимаю и довольна этимъ!.. Въ тебѣ я вижу опять настоящаго мужчину, который хочетъ итти приличнымъ ему путемъ; но отчего же ты, другъ мой, послѣ этого не хочешь рѣшительно и настойчиво искать себѣ мѣсто?.. Не здѣсь наконецъ, а куда-нибудь въ отъѣздъ въ провинцію! Находятъ же люди мѣста!

Мировичъ (съ презрительною усмѣшкой). Вотъ мнѣ даетъ мѣсто компанія «Беллы»... Въ Америку только ѣхать—не угодно ли?

Клеопатра Сергѣевна. Отчего тебѣ и не ѣхать въ Америку?

Мировичъ (насмѣшливо). Очень ужъ далеко!.. Господинъ супругъ твой изобрѣлъ для меня это путешествіе; но его иниціативѣ дѣлаютъ мнѣ это предложеніе, а потому никакъ нельзя ожидать, чтобы оно было благопріятно и выгодно для меня! Кромѣ того, онъ навѣрняка, кажется, разсчиталъ, что, уѣзжая за такую даль и имѣя впереди столько случайностей, я никакъ не могу тебя взять съ собою.

Клеопатра Сергѣевна (тѣмъ же глухимъ голосомъ). Меня тебѣ брать и не для чего.

Мировичъ. Но какъ же мнѣ тебя здѣсь оставить? Не говоря о разлукѣ, которой и конца не предвидится, я въ этомъ случаѣ прямо долженъ буду обречь тебя на бѣдность.

Клеопатра Сергѣевна (какъ бы соображая что-то такое). Почему же на бѣдность?

Мировичъ. Потому что отъ себя я ничего не могу тебѣ удѣлить: мнѣ назначаютъ очень маленькое жалованье; но если ты надѣешься на работу свою, такъ ты ошибаешься: работать ты не можешь даже по здоровью твоему, и что тебѣ тогда останется?.. (Съ саркастическою усмѣшкой) Развѣ возвратиться опять къ мужу?

Клеопатра Сергѣевна (тяжело переводя дыханіе). А если и то даже?

Мировичъ (поблѣднѣвъ). Ну, это, знаешь, ужаснѣе всего бы для меня было! Это заставило бы меня потерять къ тебѣ всякое уваженіе.

Клеопатра Сергѣевна (огорченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердымъ голосомъ). За что? За что, скажи мнѣ на милость, ты потеряль бы уваженіе ко мнѣ?.. Ты, я вижу, Вячеславъ, въ самомъ дѣлѣ, ко мнѣ какой-то жестокій и немилосердый эгоистъ!.. Ты меня разлюбилъ!.. Я тебѣ въ тягость нравственно и матеріально, и ты требуешь, чтобъ я, какъ деревяжка какая-нибудь, ничего бы этого не понимала и продолжала тебя обременять собою. А что я къ мужу опять уйду, что жъ для тебя такого? Я не любовника новаго сыщу себѣ!

Мировичъ. Но послѣднее было бы для меня менѣе унизительно!.. Тогда значитъ только, что ты встрѣтила человѣка лучше, чѣмъ я, а такихъ на свѣтѣ много; но, сходясь съ мужемъ, ты какъ бы снова оцѣниваешь и начинаешь любить завѣдомо дрянь-человѣчишку, который весь состоитъ изъ жадности и вмѣстѣ какой-то внѣшней расточительности, смиренія предъ тѣмъ, кто сильнѣй его, и почти звѣрства противъ подчиненныхъ; человѣка, вѣчно жалующагося на плутни другихъ въ отношеніи его, тогда какъ самъ готовъ каждоминутно обмануть всякаго, словомъ, квинтъ-эссенцію купца.

Клеопатра Сергѣевна (отрицательно качая головой). Нѣтъ, Бургмейеръ не таковъ! И потомъ, неужели купецъ не можетъ быть хорошимъ и честнымъ человѣкомъ?

Мировичъ. Нѣтъ, не можетъ!.. Знаешь ли ты, что такое купецъ въ человѣческомъ обществѣ?.. Это паразитъ и заѣдатель денегъ работника и потребителя.

Клеопатра Сергѣевна. Но нельзя же обществу быть совсѣмъ безъ купцовъ. Они тоже пользу приносятъ.

Мировичъ. Никакой! Всѣ усилія теперь лучшихъ и честныхъ умовъ направлены на то, чтобы купцовъ не было, и чтобъ отнять у капитала всякую силу! Для этихъ господъ скоро придетъ ихъ часъ, и съ ними, вѣроятно, разсчитаются еще почище, чѣмъ нѣкогда разсчитались съ феодальными дворянами.

Клеопатра Сергѣевна. По-твоему, значитъ, всѣ ужъ купцы, безъ исключенія, дурные люди?

Мировичъ (пожимая плечами). Между тѣми изъ нихъ, которые по рожденію своему торгуютъ, можетъ-быть, еще найдется нѣсколько порядочныхъ человѣкъ, такъ какъ очень возможно, что сила обстоятельствъ склоняла ихъ къ тому; но вѣдь супругъ вашъ по личному вкусу избралъ себѣ ремесло это! Душой, такъ сказать, стремился плутовать и паразитствовать, и если ты его предпочитаешь мнѣ, чѣмъ же я, послѣ того, являюсь въ глазахъ твоихъ? Дрянью, которой ужъ и имени нѣтъ, и ты не только что разлюбить, но презирать меня должна!

Клеопатра Сергѣевна. Разлюбила ли я тебя, Вячеславъ, или нѣтъ,—это я знаю, а если ты не видишь того, такъ Богъ тебѣ судья за то!.. И тоже знаю, что любовью моею я надѣлала тебѣ много зла; но пора же и опомниться: теперь я не прежняя глупенькая мечтательница. Впрочемъ, довольно, я утомилась очень!.. Я столько сегодня пережила!.. Поди, дай мнѣ еще поцѣловать тебя!.. (Мировичъ подходитъ къ ней, обнимаетъ ее: она его страстно цѣлуетъ). А теперь я пойду лягу! Мнѣ что-то очень ужъ нездоровится... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мировичъ (одинъ). Несчастныя, несчастныя мы съ нею существа!.. И что тутъ дѣлать, какъ быть? Хорошо разнымъ мудрецамъ, удивлявшимъ міръ своимъ умомъ, силой воли, характера, рѣшать нелегкіе вопросы... Тамъ люди съ ихъ индивидуальностью—тьфу! Ихъ переставляютъ, какъ шашки: пусть себѣ каждый изъ нихъ летитъ и кувыркается, куда ему угодно. Нѣтъ, вотъ тутъ бы пришли они и разсудили, какъ разрубить этотъ маленькій житейскій Гордіевъ узелъ!

(Слышится звонкій голосъ и смѣхъ).

Мировичъ (прислушиваясь). Что это, никакъ Куницынъ?

ЯВЛЕНІЕ VII

Входитъ дѣйствительно Куницынъ.

Куницынъ (разводя словно въ удивленіи руками). Какой случай, какой случай!—какъ говорятъ въ водевиляхъ.

Мировичъ. Что такое?

Куницынъ (повторяя свое). Какой случай!.. Какой случай! Но погоди, напередъ надо произвести уплату!.. Танюшка, а Танюшка, милая моя кухарочка!

(Уходитъ въ ту дверь, изъ которой появлялась кухарка).

Мировичъ (съ досадою). Вотъ ужъ не въ пору гость!

Куницынъ (возвращаясь). Никого!.. Пустая кровать! Дѣвочка одна только сидитъ!

Мировичъ. Но гдѣ жъ Татьяна?

Куницынъ. Дѣвочка говоритъ, что ее барыня услала въ Москву съ письмомъ.

Мировичъ (въ недоумѣніи). Какъ въ Москву съ письмомъ? Зачѣмъ?

Куницынъ. Не знаю! Вретъ, вѣроятно: прелестная Таничка просто, я думаю, въ кабакъ убѣжала! Начинаю, впрочемъ, мой разсказъ: въѣхавъ въ паркъ, я захотѣлъ попройтись пѣшкомъ. Голова очень трещала: пьянъ вчера сильно былъ, и у самой церкви, носъ къ носу, сталкиваюсь съ Евгеніей Николаевной. Въ первый разъ еще мы съ ней встрѣтились послѣ роковой разлуки!.. Идетъ какой-то, батюшка, парижанкой... Экипажъ отличнѣйшій около нея ѣдетъ... Оказывается, что супругъ даже при ней есть, этотъ бургмейеровскій жидокъ!.. Какъ увидала меня Евгенія Николаевна, такъ сейчасъ и вцѣпилась и разругала меня, я тебѣ скажу, почти непристойными словами!.. Я ее таковыми же. Супругъ-было ея тутъ вступился... Я погрозилъ оному палкой... Не сойдясь такимъ образомъ въ нашихъ убѣжденіяхъ, мы разошлись, и вдругъ у воротъ ужъ твоей дачи зрю: помнишь ты этого Хворостова, что еще съ перваго курса вышелъ, по непонятію энциклопедіи правовѣдѣнія, и котораго, по случаю сходства его физіономіи съ мускулюсъ глютеусъ, обыкновенно всѣ мы называли: «господинъ Глютеусъ». Онъ здѣсь, извольте видѣть, судебнымъ приставомъ служитъ... «Здравствуйте, говорю, господинъ Глютеусъ! Куда это вы путь вашъ держите?»—«Что говоритъ, ты бранишься все...» Знаешь, съ этими надутыми щеками своими и глупою харей шепелявитъ. «Я, говоритъ, иду по службѣ!»—«Ну, пошлютъ ли, говорю, тебя, Глютка, куда-нибудь по службѣ! Что ты врешь!» Еще болѣе обозлился. «Гдѣ, говоритъ, я вру: я иду къ Мировичу, деньги съ него взыскать, двѣ тысячи рублей!»—«Что ты брешешь, говорю, показывай сейчасъ, какія это деньги?» Подалъ онъ мнѣ бумагу; въ самомъ дѣлѣ взысканіе. Я думаю: у парня ни копейки нѣтъ; чего добраго, въ тюрьму потянутъ. Хвать себя за бумажникъ: хорошо, чортъ возьми, что у меня-то на этотъ

разъ деньги случились... Сунулъ я этому дуралею въ руку двѣ тысячи цѣлковыхъ, завелъ его въ лавочку, взялъ съ него расписку и, выведя опять на тротуаръ, будто шутя, повернулъ его и трахъ въ шею, такъ что онъ носомъ почти у меня въ грязь ткнулся. Заругался, заплевался. «Ничего, говорю, подлецъ, лайся! Не станешь впередъ ходить со стараго товарища деньги взыскивать!» И вотъ тебѣ оная расписка!

(Кладетъ съ торжествомъ расписку на столъ).

Мировичъ (сгорѣвшій при этомъ разсказѣ пріятеля со стыда и беря его потомъ за руку). Благодарю тебя, добрый другъ, но, право, мнѣ совѣстно... Зачѣмъ и для чего ты это сдѣлалъ? Наконецъ гдѣ ты взялъ денегъ, и какія у тебя могутъ быть лишнія двѣ тысячи цѣлковыхъ?

Куницынъ (наивно). Деньги эти у меня, братъ, бургмейеровскія. Помнишь, онъ обѣщался меня поблагодарить, если слова мои оправдаются; а сегодня поутру вдругъ подаютъ мнѣ пакетъ, съ виду ничего особеннаго не обѣщающій; распечатываю его... Вижу: деньги!.. Пересчиталъ—двѣ тысячи рублей и коротенькая записочка, что это отъ господина Бургмейера,— кратко, деликатно и благородно!

Мировичъ (почти въ ужасѣ отступая отъ пріятеля). И ты мой долгъ заплатилъ бургмейеровскими деньгами?.. Послушай, Куницынъ, у тебя дѣйствительно, видно, нѣтъ въ головѣ никакого различія между честнымъ и безчестнымъ. Какъ тебѣ самому-то не совѣстно было принять эти деньги отъ Бургмейера, потому что ты этимъ теперь явно показалъ, что продалъ ему любившую тебя женщину, и ты еще платишь этими деньгами за меня, любовника жены Бургмейера. Понимаешь ли ты, какое тутъ сплетеніе всевозможныхъ гадостей и мерзостей? Наконецъ ты меня ставишь въ совершенно безвыходное положеніе. Я долженъ теперь бѣжать кланяться всѣмъ въ ноги, чтобы мнѣ дали двѣ тысячи рублей, которыя я могъ бы швырнуть господину Бургмейеру назадъ! Но кто жъ мнѣ повѣритъ такую сумму? Это жестоко, безчеловѣчно съ твоей стороны, Куницынъ! Если ты самъ не понимаешь, такъ спросилъ бы прежде меня: нельзя же честью другого такъ распоряжаться.

Куницынъ (совершенно опѣшенный и почесывая голову). Да, это такъ! Теперь я самъ вижу, что тутъ есть маленькая неловкость. А вначалѣ мнѣ казалось, что я пріятное для тебя дѣлаю: все-таки человѣка не посадятъ въ тюрьму!

Мировичъ. Что такое въ тюрьму? Меня не за преступленіе посадили бы въ тюрьму, и въ этомъ случаѣ гораздо бы меньше было уязвлено мое самолюбіе, чѣмъ теперь.

Куницынъ (почти сквозь слезы). Понимаю я!.. Извини, братъ!

Ей-Богу, я не ожидалъ, что такъ тебя огорчу этимъ; но погоди!.. Это поправить можно. На-дняхъ у меня еще получка будетъ, только по совершенно уже частному дѣлу: свое послѣднее имѣньишко жиганулъ по-боку—не хочу быть пропріетэромъ, и отъ меня бы вѣдь ты, конечно, принялъ деньги, чтобы заплатить тамъ какому-нибудь дьяволу долгъ твой, иначе я разссорился бы съ тобой навѣкъ. Ergo: какъ только я получу эти деньги, немедля же отправлю къ господину Бургмейеру его двѣ тысячи цѣлковыхъ и напишу ему: «Мерсі, я бабьимъ мясомъ не торгую!»—и ты тогда, выходитъ, мнѣ ужъ долженъ будешь.

Мировичъ (снова растроганный). Благодарю... Я въ дружбѣ твоей, конечно, никогда не сомнѣвался, но только на средства являть эту дружбу ты неразборчивъ

Куницынъ. Что дѣлать, братецъ, очень ужъ я нанюхался розъ-то россійскихъ. Тамъ-сямъ нюхнешь мошенниковъ-то, смотришь, и самъ сбрендилъ!.. Кто это точно стучится?.. (Прислушиваясь) Такъ и есть... (Поетъ) «Отперите, отперите!»—какъ пѣла у насъ Рехтъ. (Мировичу) Отворить, что ли?

Мировичъ. Отвори.

Куницынъ (отворяя дверь и съ удивленіемъ на лицѣ). Господинъ Бургмейеръ.

Мировичъ (тоже восклицая). Бургмейеръ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ Бургмейеръ.

Бургмейеръ (съ потупленною головой и не обращаясь собственно ни къ кому). Могу я видѣть Клеопатру Сергѣевну?

Мировичъ (гордо встряхивая предъ нимъ своими кудрями). Нѣтъ-съ, не можете.

Бургмейеръ. Она сама прислала ко мнѣ свою женщину и просила меня, чтобъ я къ ней пріѣхалъ.

Мировичъ (вспыхивая въ лицѣ). Клеопатра Сергѣевна присылала къ вамъ?

Бургмейеръ. Да, вотъ ея записка... Тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе: я велѣлъ управляющему своему скупить одно ваше обязательство съ тѣмъ, чтобъ уничтожить его; а онъ не понялъ меня и подалъ это обязательство ко взысканію.

Мировичъ (смѣясь ему въ лицо). Какой однако у васъ непонятливый управляющій! Зачѣмъ же вы держите его?

Бургмейеръ (потупляясь). Я уже отказалъ ему и теперь собственно пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ уничтожить это его распоряженіе.

Мировичъ. Напрасно въ этомъ случаѣ безпокоились: взысканіе это уже оплачено.

Бургмейеръ (еще болѣе смутившись). Очень жаль, что не поспѣлъ поправить этой ошибки... Но я все-таки просилъ бы позволенія видѣть Клеопатру Сергѣевну, потому что я и о другомъ еще желаю съ ней переговорить.

Мировичъ. Клеопатра Сергѣевна больна и, вѣроятно, не приметъ васъ.

Бургмейеръ. Но она жъ сейчасъ сама писала мнѣ записку.

Мировичъ. Когда писала, то была здорова, а теперь сдѣлалась больна.

Бургмейеръ. Мужъ, полагаю, и больную даже жену свою, лежащую въ постели, можетъ видѣть.

Мировичъ. Мужъ?.. Да!.. Но вы, кажется, немножко утратили это право. Вы забыли, что я вамъ за эту женщину спасъ ваши милліоны и приплатилъ еще къ тому болѣе чѣмъ собственною кровью, приплатилъ моею честью: а потому я васъ не считаю мужемъ Клеопатры Сергѣевны.

Бургмейеръ. Вы можете считать или не считать меня мужемъ, но законъ еще пока не лишаетъ меня этого права.

Мировичъ. А, да, вотъ что-съ! Вы на законъ думаете опираться? Въ такомъ случаѣ убирайтесь, откуда пришли, и приходите сюда съ полиціей, а иначе я васъ въ подворотню мою заглянуть не пущу.

Бургмейеръ (поднявъ наконецъ голову). Вячеславъ Михайловичъ, видитъ Богъ, я пришелъ къ вамъ не ссориться, а хоть сколько-нибудь улучшить участь моей бѣдной жены. Я отовсюду слышу, что она очень разстроила свое здоровье, а между тѣмъ по средствамъ своимъ не можетъ пригласить къ себѣ доктора; у ней нѣтъ даже сухого, теплаго угла и приличной діэтической пищи; помочь мнѣ ей въ этомъ случаѣ, я думаю, никто въ мірѣ не можетъ запретить.

Мировичъ. Да-съ, никто, кромѣ самой Клеопатры Сергѣевны.

Бургмейеръ. Но и она, я надѣюсь, не воспретитъ мнѣ этого.

Мировичъ. Если не воспретитъ,—это ея дѣло: но я лично не желаю быть передатчикомъ ей вашихъ благодѣяній, а тѣмъ болѣе раздѣлять ихъ съ нею.

Бургмейеръ. Объ васъ и объ вашемъ положеніи я знаю, что никакого права не имѣю ни думать ни заботиться.

Мировичъ. То-то, къ несчастію, вы очень заботитесь и думаете обо мнѣ: вы были такъ добры, что пріискали даже мнѣ мѣсто въ компаніи «Беллы», чтобы спровадить такимъ образомъ меня въ Америку. Управляющій вашъ по ошибкѣ хло-

почетъ засадить меня въ тюрьму и устроить тамъ мнѣ безплатное помѣщеніе; на это я вамъ, милостивый государь, скажу, что порядочные люди подобныхъ подлыхъ путей не избираютъ, и если возвращаютъ себѣ женъ, такъ пулей или шпагой.

Бургмейеръ. Я слишкомъ старъ, и слишкомъ явно для меня, что я тутъ проиграю, чтобы прибѣгать мнѣ къ подобнымъ средствамъ.

Мировичъ (засмѣясь). Вы, я думаю, давно уже для всякихъ благородныхъ средствъ были стары!.. Давно... съ дѣтства даже...

Бургмейеръ (вспыхнувъ наконецъ). Господинъ Мировичъ!

Мировичъ. Что Мировичъ?.. Обижайтесь!.. Оскорбляйтесь! Я съ открытымъ забраломъ и безъ щита готовъ принять вашъ вызовъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Входитъ Клеопатра Сергѣевна.

Клеопатра Сергѣевна (прямо обращаясь къ Бургмейеру и протягивая ему руку). Здравствуйте, Бургмейеръ, благодарю васъ, что вы пріѣхали ко мнѣ. Извините, что я долго заставила васъ ожидать себя.

Мировичъ (едва сдержаннымъ голосомъ говоритъ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ). Болѣзнь ваша, значитъ, кончилась уже?

Клеопатра Сергѣевна (скороговоркой). Кончилась... (Снова обращаясь къ Бургмейеру) Я бы прежде всего просила васъ, Александръ Григорьевичъ, заплатить двѣ тысячи долгу по взысканію на насъ.

Бургмейеръ. Но они, я слышалъ, заплачены уже.

Клеопатра Сергѣевна (съ удивленіемъ). Кто жъ ихъ заплатилъ?

Куницынъ (краснѣя въ лицѣ, робко взглядывая на Мировича и не рѣшаясь, говорить ли ему или нѣтъ). Я-съ это.

Бургмейеръ (обрадованный этимъ признаніемъ и берясь за свой бумажникъ). Если вы, то позвольте мнѣ сейчасъ же заплатить ихъ вамъ.

Куницынъ (останавливая его). Атанде-съ немного! У насъ, и кромѣ этого, есть еще съ вами счеты; мы поговоримъ потомъ.

Клеопатра Сергѣевна. Отчего же, Куницынъ, вы не хотите взять ваши деньги?

Куницынъ (опять краснѣя). Сдѣлайте милость, прошу васъ, извольте заниматься вашимъ разговоромъ и не безпокойтесь обо мнѣ.

Бургмейеръ (опять относясь къ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ и очень нерѣшительнымъ голосомъ). Вы, кромѣ этого долга, Клеопатра Сергѣевна, не имѣете ли еще въ чемъ нужды?

Клеопатра Сергѣевна (перебивая его). Нѣтъ... что жъ... Особенной нѣтъ. Но я желала бы, Александръ Григорьичъ, попросить васъ о гораздо большемъ: теперь я очень хорошо сама сознаю, сколько виновата предъ вами. Я тогда... за одно неосторожное ваше слово... чувству моему, которое слѣдовало бы задушить въ себѣ... я позволила развиться до безумія, и безумiемъ этимъ я погубила-было того человѣка, которому больше всѣхъ на свѣтѣ желала счастья. Дайте мнѣ, Александръ Григорьичъ, возможность поправить это, возьмите меня опять къ себѣ—не женой!.. Нѣтъ... зачѣмъ же это... Но я буду вашимъ другомъ... дочерью... сестрою... а Мировичу дайте еще летѣть въ жизнь: мы связываемъ ему только крылья.

Мировичъ (блѣдный, какъ мертвецъ, и потирая себѣ руки). Евгенія Николаевна, видно, вполнѣ справедливо мнѣ говорила о вашемъ давнишнемъ памѣреніи сойтись съ вашимъ супругомъ!

Клеопатра Сергѣевна (опять скороговоркой). Да, она все справедливо обо мнѣ говорила... (Бургмейеру) Вы берете меня?

Бургмейеръ. Клеопатра Сергѣевна, развѣ вы могли сомнѣваться въ этомъ? Я все готовъ исполнить, что вы желаете, и сочту за счастье для себя, что около меня будетъ жить хоть сколько-нибудь жалѣющее меня существо, а не люди, готовые отнять у меня почти жизнь!

Клеопатра Сергѣевна (съ усиліемъ надъ собой подходя къ Мировичу). Прощайте, Вячеславъ, не сердитесь на меня и не проклинайте очень, и если будете вспоминать меня, то знайте: мы, женщины, тоже имѣемъ свое честолюбіе, и когда женщина кого истинно любитъ, такъ ей вовсе не нужно, чтобъ этотъ человѣкъ вѣчно сидѣлъ около нея, и чтобы вѣчно видѣть его ласки. Напротивъ. Для нея всего дороже, чтобъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, гдѣ бы онъ ни жилъ—вмѣстѣ, или врозь съ нею!

Мировичъ (настойчиво и съ твердостью). Полноте, Клеопатра Сергѣевна, казуистикой ни себя нельзя ни въ чемъ убѣдить, ни другимъ ничего доказать! Образумьтесь лучше и поймите хорошенько: на что вы рѣшаетесь?

Клеопатра Сергѣевна (потупляясь). Я рѣшаюсь на то, что говоритъ мнѣ моя совѣсть! (Какъ-то торопливо относясь къ Куницыну) Вы, Куницынъ, были всегда такъ добры ко мнѣ... Я вамъ очень благодарна, и, пожалуйста, возьмите у мужа деньги!

Куницынъ (опять вспыхнувъ). Послѣ-съ, послѣ мы объ этомъ потолкуемъ!

Клеопатра Сергѣевна (взглядываетъ еще разъ на Мировича и идетъ къ дверямъ, но потомъ схватываетъ вдругъ себя обѣими руками за грудь и восклицаетъ) Господи, что же это я дѣлаю...

(И затѣмъ въ какомъ-то почти изступленіи вскрикиваетъ) Александръ Григорьевичъ, уведите меня отсюда, поскорѣе уведите!

(Бургмейеръ поспѣшно подаетъ ей руку и вмѣстѣ съ Куницынымъ уводитъ ее).

Мировичъ (дѣлая сначала движеніе какъ бы итти за ними, но тотчасъ же и останавливаясь). Зачѣмъ? Для чего? Романъ, какъ слѣдуетъ, прошелъ уже по всѣмъ своимъ темпамъ: было сначала сильное увлеченіе... любовь!.. Но натянутыя струны пооослабли и перестали издавать чарующіе звуки, а тутъ еще почти неотразимые удары извнѣ, и разлука неизбѣжна!

(Возвращается Куницынъ; онъ какой-то опѣшенный).

Куницынъ (выходя прямо на авансцену). Вотъ ужъ именно словами Шекспира могу сказать: «Сердце мое никогда не знало жалости, но, разсказывая эту грустную повѣсть, я буду рыдать и плакать, какъ черноликій Клиффордъ!»

Мировичъ (обращаясь къ нему и какимъ-то задыхающимся голосомъ). Что̀ тамъ такое еще происходило?

Куницынъ (сверхъ обыкновенія съ чувствомъ). Это ужасно, что̀ такое! Клеопатра Сергѣевна удержаться, главное, никакъ не можетъ: рыдаетъ на всю улицу да и баста!.. Дуракъ этотъ Бургмейеришка тоже растерялся совершенно! Тутъ оставаться, видитъ, срамъ; а везти боится—хуже обезпокоишь! Такъ что ужъ я даже закричалъ ему: «Везите, говорю, ее; можетъ-быть, лучше протрясетъ!»

Мировичъ (съ какимъ-то искривленнымъ ртомъ). Сама пожелала того и выбрала!

Куницынъ. Нѣтъ, братецъ, нѣтъ, какъ хочешь, ты тутъ во всемъ виноватъ!.. Какимъ же образомъ женщину, привыкшую къ довольству, держать въ этакой конурѣ и кормить протухлою колбасой и картофелемъ! Это какая хочешь уйдетъ—не выдержитъ. Я тебѣ всегда говорилъ, что деньги нынче все значатъ! Ну, если ихъ нѣтъ, а онѣ надобны, такъ укради ихъ, чортъ возьми! Повѣрь, что на дѣлѣ моя философія всегда вѣрнѣй твоей будетъ!

Мировичъ (уже съ гнѣвомъ). Ты дуракъ послѣ этого совершеннѣйшій, если не понимаешь того, что я слишкомъ сегодня несчастливъ и слишкомъ страдаю, чтобъ издѣваться надо мной и дѣлать наставленія мнѣ...

Куницынъ. Не стану, не стану, Богъ съ тобою! Въ Америку ѣдешь?

Мировичъ. Ѣду.

Куницынъ. Когда?.. Скоро?

Мировичъ. Послѣзавтра, вѣроятно.

Куницынъ. Ну, приду на чугунку проводить!.. Прощай!

(И, не смѣя подойти проститься съ пріятелемъ, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Мировичъ (одинъ и взмахивая какъ-то рѣшительно головою). Прими, Ваалъ, еще двѣ новыя жертвы! Мучь и терзай ихъ сердца и души, кровожадный богъ, въ своихъ огненныхъ когтяхъ! Скоро тебѣ всѣ поклонятся въ этотъ вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ, вѣкъ мѣдныхъ рублей и фальшивыхъ бумагъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ПРОСВѢЩЕННОЕ ВРЕМЯ.

Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Праклій Семенычъ Дарьяловъ, отставной корнетъ, по прежнему своему занятію шулеръ, а нынѣ директоръ компаніи „по выщипкѣ руна изъ овецъ".

Софья Михайловна — жена его.

Аполлонъ Алексѣевичъ Аматуровъ, богатый помѣщикъ, лошадиный охотникъ и господинъ, вообще живущій въ свое удовольствіе; не молодой уже, но очень еще красивый и молодцоватый собою.

Аника Матвѣичъ Блинковъ, молодой купчикъ и тоже очень богатый.

Эмилій Ѳедоровичъ Гайеръ, — другой директоръ компаніи „по выщипкѣ руна изъ овецъ".

Петръ Петровичъ Прихвосневъ, агентъ по всевозможнымъ дѣламъ и содержатель увеселительнаго сада, называемаго „Русская Забава".

Секретарь компаніи.

Надя, горничная Софьи Михайловны.

Хожалый.

Акціонеры компаніи „по выщипкѣ руна изъ овецъ".

Абдулъ-ага, татаринъ и зажиточный владѣлецъ мыльнаго завода.

Огей-Оглы-Эфенди, мулла киргизскій.

Гаспаръ Гаспаровичъ Безховъ-Муритскій, старый ростовщикъ изъ армянъ, подслѣповатый и съ трясущеюся головой.

Одинъ молодой армянинъ.

Другой молодой армянинъ.

Г-жа Трухина.

Прениратовъ, повѣренный ея.

Три чиновника.

Шесть человѣкъ артельщиковъ.

Дьячокъ.

Кучеръ.

Лакей.

ДѢЙСТВІЕ I.

Женскій будуаръ съ коврами, съ мягкою ситцевою мебелью и со множествомъ модныхъ бездѣлушекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья Михайловна сидитъ на одномъ креслѣ около стола, а Аматуровъ—на другомъ, невдалекѣ отъ нея.

Софья Михайловна (смотря со страстью на Аматурова). Ты очень меня любишь?

Аматуровъ (потупляя нѣсколько свои красивые глаза). Очень.

Софья Михайловна. Но за что?

Аматуровъ (пожимая плечами). Во-первыхъ, за то, что хороша собой!..

Софья Михайловна (слегка вспыхивая). Ну да, я знаю: ты мнѣ это ужъ говорилъ; но это собственно чувственная привязанность... А за что же еще ты меня любишь?

Аматуровъ (какъ бы нѣсколько затрудняясь). За то, что ты умна.

Софья Михайловна (довольнымъ голосомъ). Нѣтъ, ты не шутишь?.. Я въ самомъ дѣлѣ кажусь тебѣ умной?

Аматуровъ. Нисколько не шучу!

Софья Михайловна. Ну, а еще за что любишь?.. Скажи мнѣ, милый мой, мнѣ такъ отрадно это слышать!

Аматуровъ (опять пожимая плечами). Еще за то, пожалуй, что ты сама меня любишь.

Софья Михайловна. Ахъ, я тебя ужасно люблю!.. Но вотъ еще въ чемъ ты признайся мнѣ: другихъ женщинъ прежде меня ты, конечно, любилъ?.. Безъ сомнѣнія?..

Аматуровъ (усмѣхаясь). Былъ грѣхъ!

Софья Михайловна (быстро подхватывая). Разумѣется... Но которую же изъ нихъ ты больше любилъ?

Аматуровъ. Полагаю, что къ тебѣ у меня самое серьезное и большое чувство.

Софья Михайловна. Поклянись, что это ты говоришь правду!

Аматуровъ. Клянусь, или по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту мнѣ это такъ представляется.

Софья Михайловна (съ досадой). О настоящей минутѣ и не говори, а скажи, что ты всю жизнь будешь это чувствовать!

Аматуровъ. Полагаю даже, что всю жизнь...

Софья Михайловна. И какую бы, значитъ, большую

жертву или испытаніе и самоотверженіе тебѣ ни пришлось перенести за меня, ты перенесешь и не разлюбишь меня?

Аматуровъ. Зачѣмъ же разлюблять?

Софья Михайловна. А какъ мнѣ-то хорошо!.. Я бы всю жизнь такъ сидѣла и глядѣла на тебя! (Вдругъ беретъ Аматурова за руку и начинаетъ цѣловать).

Аматуровъ (нѣсколько смущенный этимъ). Ну, полноте! (Самъ начинаетъ цѣловать руку Софьи Михайловны). Но ты скажи собственно, за что меня любишь?

Софья Михайловна (стремительно). Я?.. Тебя?.. За все!.. За твой умъ!.. За сердце твое, доброе ко мнѣ!.. За твое лицо!.. За чудные глаза твои!.. Ты богъ какой-то для меня!.. Идолъ!.. И меня теперь пугаетъ одно, что неужели это когда-нибудь измѣнится, и мы должны будемъ разстаться!.. У меня при одной мысли объ этомъ холодъ пробѣгаетъ по всей.

Аматуровъ (нѣсколько встревоженнымъ тономъ). Зачѣмъ же и съ какой стати намъ разставаться?

Софья Михайловна (почти гнѣвно). Мало ли что можетъ произойти!.. Разумѣется, если бъ я была свободная женщина, тогда другое дѣло, но я замужемъ...

Аматуровъ (попрежнему съ нѣкоторымъ безпокойствомъ). А развѣ мужъ думаетъ уѣхать или переѣхать куда-нибудь?

Софья Михайловна. Не знаю!.. Кто жъ его вѣдаетъ, что онъ думаетъ!.. Ему, конечно, не должны нравиться наши отношенія... (Торопливымъ голосомъ) Однако я слышу его шаги!.. Поотодвинься отъ меня подальше!

(Аматуровъ отодвигается отъ стола, а Софья облокачивается на спинку своего кресла).

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Дарьяловъ съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ.

Дарьяловъ (грубо женѣ). Что жъ ты — готова? (Кивая небрежно и почти съ презрѣніемъ Аматурову головой) Здравствуйте!

(Аматуровъ, въ свою очередь, тоже ему довольно сухо кланяется).

Софья Михайловна. Я вовсе и не думала быть готовой.

Дарьяловъ (покраснѣвъ отъ злости). Значитъ, ты не поѣдешь?

Софья Михайловна. Я еще давеча тебѣ сказала, что не поѣду...

Дарьяловъ. Почему жъ ты не поѣдешь?

Софья Михайловна. Потому что я совершенно не нужна тутъ...

Дарьяловъ. Нѣтъ, нужна!..

Софья Михайловна. Зачѣмъ?

Дарьяловъ. Затѣмъ, что это дѣло серьезное, вѣковое... Мнѣ, можетъ-быть, нужно будетъ посовѣтоваться съ тобой.

Софья Михайловна. Я тебѣ ничего не могу посовѣтовать, потому что ничего не понимаю.

Дарьяловъ. Положимъ, что не понимаешь; но если я хочу этого.

Софья Михайловна (съ усмѣшкою). Странное желаніе...

Дарьяловъ. Вовсе не странное! Я объяснилъ тебѣ, почему я желаю; объясни и ты, почему ты не хочешь ѣхать?

Софья Михайловна. Такъ... просто не хочу...

Дарьяловъ. Но совершенно безпричинныхъ желаній быть не можетъ...

Софья Михайловна. Отчего жъ не можетъ?.. Можетъ...

Дарьяловъ (передразнивая жену). «Можетъ»! Бычокъ, по обыкновенію, нашелъ... Все равно, что стриженый, а не бритый.

Софья Михайловна (насильственно усмѣхаясь). Ну, да, конечно! Все равно, что стриженый, а не бритый.

Дарьяловъ. Значитъ, ты дура и больше ничего!

Софья Михайловна (вспыхнувъ вся въ лицѣ, но попрежнему насильственно усмѣхаясь). Если такъ по-твоему, — считай, какъ хочешь.

Дарьяловъ (окончательно выходя изъ себя). Наконецъ, ты не имѣешь права поступать такимъ образомъ: я это дѣло затѣваю для выгоды, для семейнаго благосостоянія, въ которомъ и ты, я думаю, будешь участвовать; а человѣкъ, получая какія бы то ни было для себя выгоды, долженъ же для этого потрудиться; иначе это будетъ подло съ его стороны!..

Софья Михайловна (тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ). Какимъ же особеннымъ благосостояніемъ я пользуюсь?..

Дарьяловъ. А такимъ, что ты пьешь, ѣшь вкусно, сидишь въ теплой, красивой комнатѣ, — стоитъ это чего-нибудь?

Софья Михайловна (потупляя глаза). Кускомъ хлѣба ужъ ты даже укоряешь меня?

Дарьяловъ. Я не укоряю тебя, а говорю только, что наши труды должны быть общіе.

Аматуровъ (слушавшій всю эту сцену съ понуренной головой, поднимая наконецъ лицо и обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ). Но куда это вамъ такъ не хочется съѣздить?

Софья Михайловна. Онъ ѣдетъ домъ покупать и смотрѣть, — поѣзжай и я съ нимъ...

Дарьяловъ. Да, поѣзжай, потому что, не говоря ужъ о томъ, что покупка эта не шуточная, — въ пятьдесятъ, въ шестьдесятъ тысячъ, — но въ этомъ же домѣ будетъ и квартира наша; должна ты, я думаю, видѣть ея расположеніе. Ты же

съ разными тряпками переѣдешь въ нее, и, можетъ-быть, негдѣ будетъ поставить ихъ.

Аматуровъ (Софьѣ Михайловнѣ). Конечно, вамъ нужно посмотрѣть вашу будущую квартиру!

Софья Михайловна. Какая же польза будетъ, что я ее посмотрю?.. Положимъ, что она мнѣ понравится, но онъ (показывая головой на мужа), какъ только купитъ домъ, такъ все передѣлаетъ и перемѣнитъ по-своему.

Дарьяловъ. Непремѣнно перемѣню, но что жъ изъ того?

Софья Михайловна. А то, что зачѣмъ же я буду теперь смотрѣть на эту квартиру... Тогда и посмотрю...

Дарьяловъ. А два раза невозможно посмотрѣть?.. Ослѣпнешь ты отъ этого?.. Умрешь?..

Софья Михайловна. Очень возможно, что и умру... Я безъ того себя дурно сегодня чувствую, а выѣду, еще болѣе простужусь.

Дарьяловъ. Ничего ты не чувствуешь дурно — не ври, пожалуйста! Я сказалъ ужъ тебѣ, что ты дура, и могъ бы еще прибавить эпитетъ!.. Я очень хорошо понимаю, почему ты не ѣдешь. (Сердито надѣвая шляпу, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья Михайловна и Аматуровъ.

Софья Михайловна. Вотъ такъ, — каждый день почти такія сцены; никакого терпѣнія не хватаетъ. (Начинаетъ плакать).

Аматуровъ (пододвигаясь къ ней и беря ее за руку). Ангелъ мой, не плачь! Умоляю тебя, и отчего въ самомъ дѣлѣ ты не хотѣла съѣздить и потѣшить его — чортъ бы съ нимъ!

Софья Михайловна (съ горестью и досадой въ голосѣ). Не хотѣла, потому что я желала съ тобой остаться, а съ его стороны это одинъ только фарсъ и глупая выходка!.. Я еще поутру ему говорила, что я не поѣду, и онъ ничего, а тутъ какимъ тигромъ разсвирѣпѣлымъ влетѣлъ...

Аматуровъ. Но какая же причина тому, какъ ты думаешь?

(Софья Михайловна молчитъ).

Аматуровъ. Ужъ не то ли, что я пріѣхалъ, его разсердило?

Софья Михайловна (не вдругъ). Я думаю, что это!.. Что жъ другое можетъ быть?.. Невѣжа этакій, забылъ всякое приличіе: вошелъ... не поздоровался... не поклонился тебѣ путемъ.

Аматуровъ (грустно усмѣхаясь). Ревнуетъ, видно!

Софья Михайловна. Вѣроятно!

Аматуровъ. Что жъ, онъ выражалъ это какимъ-нибудь образомъ?

Софья Михайловна. Сколько разъ, по крайней мѣрѣ, все безъ посторонннихъ, а тутъ и при тебѣ даже не выдержалъ... Ты замѣтилъ его послѣднюю милую фразу?

Аматуровъ. Замѣтилъ!.. Но отчего ты никогда не говорила мнѣ объ его ревности?

Софья Михайловна. Зачѣмъ же тебя было тревожить?.. Это мое дѣло, — я и должна все переносить на себѣ.

Аматуровъ. Какъ же, онъ такъ прямо и называлъ, что, вотъ, ты любишь Аматурова?

Софья Михайловна. Почти!

Аматуровъ. Но въ какихъ именно выраженіяхъ — я желалъ бы знать!

Софья Михайловна. Да разныя тамъ!.. Мало ли человѣкъ подъ вліяніемъ злости что можетъ наговорить: что вотъ онъ мыкается и работаетъ съ утра до ночи, а что у меня только гости, и между прочимъ вотъ ты сидишь цѣлые дни...

Аматуровъ. Что жъ ты ему на это сказала?

Софья Михайловна (съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ). Я ему на это говорю: «Отчего жъ у тебя могутъ бывать гости, а у меня нѣтъ!.. Обѣдалъ же у насъ прежде Гайеръ безпрестанно, а теперь Матлетовъ и Дементьевъ каждый вечеръ являются».—«То, говоритъ, большая разница: съ этими людьми у меня дѣла общія, а съ Аматуровымъ какія у меня дѣла?»— «А Аматурову, говорю, со мной весело». Это его ужасно обозлило!

Аматуровъ. Съ какою же цѣлью ты его еще больше злишь?

Софья Михайловна. Я нарочно это!.. Что жъ мнѣ такъ все отъ него и переносить, какъ бы онъ ни поступалъ противъ меня и что бы онъ ни сказалъ мнѣ! Но что хуже всего въ немъ: сколько бы онъ ни сердился, онъ никогда не выскажетъ того, что думаетъ и чувствуетъ, и у него всегда подъ этимъ таится совсѣмъ другое!.. Я-то его ужъ очень хорошо знаю, и мнѣ иногда страшно подумать, что это за человѣкъ...

Аматуровъ (пожимая плечами). Но согласись, что такая жизнь невозможна, и нельзя жъ тебѣ постоянно оставаться въ подобномъ положеніи.

Софья Михайловна. Конечно, тяжело, тѣмъ больше, что я... (Грустно усмѣхаясь) Я даже опасаюсь, чтобы онъ чего-нибудь еще хуже не предпринялъ противъ меня.

Аматуровъ (съ безпокойствомъ). Что жъ онъ можетъ еще хуже предпринять?

(Софья Михайловна на это молчитъ).

Аматуровъ (продолжаетъ). Если дѣйствительно, какъ ты го-

воришь, его въ настоящую минуту больше всего возмущаетъ то, что я ѣзжу къ вамъ, изволь: я буду бывать рѣже, и мы станемъ видаться въ другихъ мѣстахъ.

Софья Михайловна (съ нѣкоторымъ удивленіемъ). Въ какихъ другихъ мѣстахъ?

Аматуровъ. Очень просто: ѣзди чаще къ намъ въ домъ.

Софья Михайловна. Что же за радость — ѣздить къ вамъ въ домъ!.. Ты живешь съ сестрами, съ братьями!.. Взглянуть на тебя лишній разъ не будешь смѣть! Это пытка обыкновенно какая-то для меня, когда я бываю у васъ; кромѣ того, мужъ будетъ знать, гдѣ я часто бываю, и это ему еще непріятнѣе будетъ, чѣмъ то, что ты у насъ бываешь...

Аматуровъ (пожимая плечами). Надобно же однако что-нибудь попридумать?

Софья Михайловна (грустнымъ голосомъ). Что жъ попридумать? (Беретъ себя за голову и на нѣсколько мгновеній задумывается). Несчастная и несчастная я женщина, вотъ что!.. Одно, что (при этомъ все лицо ея вспыхиваетъ) тогда мнѣ въ голову пришло, когда онъ мнѣ сказалъ, что Матлетовъ и Дементьевъ ничего что у насъ бываютъ, потому что у него дѣла съ ними, я тутъ же и подумала, что если бы ты вошелъ съ нимъ въ дѣло.

Аматуровъ (нѣсколько удивленный). Я?

Софья Михайловна (какъ-то мрачно). Да!

Аматуровъ (попрежнему съ удивленіемъ). Но неужели бы это могло обмануть и успокоить его?

Софья Михайловна (не совсѣмъ увѣренно). Полагаю, что могло бы.

Аматуровъ. На какомъ же основаніи?

Софья Михайловна (съ нѣсколько забѣгавшими глазами). Основаній много!

Аматуровъ. А именно?

Софья Михайловна (видимо придумывая). Именно... что Дарьяловъ самъ про себя говоритъ, что у него нѣтъ ни друзей ни пріятелей, а есть одни только нужные люди,—ты тогда будешь нужный ему человѣкъ, а это положитъ большую узду на него!

(Аматуровъ при этомъ усмѣхается).

Софья Михайловна. Потомъ, ревности настоящей, то-есть ревности по любви, въ немъ ко мнѣ нѣтъ, потому что онъ давно уже любитъ другихъ женщинъ.

Аматуровъ. Но, можетъ-быть, это не мѣшаетъ ему продолжать любить тебя!

Софья Михайловна (вспыхнувъ). Съ какой же стати? чѣмъ же ты меня послѣ того считаешь? Я вовсе не изъ такихъ

женщинъ, чтобы меня совсѣмъ ужъ можно держать въ рабскомъ подчиненіи: если бы мы съ мужемъ любили другъ друга, тогда, вѣроятно, я тебя бы не полюбила, но если бы это случилось, и мужъ мой все-таки продолжалъ любить меня, я бы ему во всемъ призналась, хоть бы онъ даже убилъ меня за то! Дарьяловъ же чисто ревнуетъ меня изъ самолюбія... Боится, чтобы въ обществѣ ему не посмѣялись, что ты у насъ безпрестанно бываешь; а когда ты будешь имѣть дѣла съ нимъ, тогда никто, конечно, не посмѣетъ ему и сказать того, потому что онъ оборветъ всякаго и отвѣтитъ, что мало ли кто у него часто бываетъ по дѣламъ.

Аматуровъ (внимательно выслушавшій весь этотъ монологъ и съ прежнею усмѣшкой). Все это, можетъ-быть, весьма справедливо, но я тутъ бы нѣсколько вопросовъ желалъ сдѣлать.

Софья Михайловна. Пожалуйста!

Аматуровъ (довольно протяжно). Во-первыхъ, какую же сумму денегъ я долженъ затратить въ его дѣла?

Софья Михайловна. Ахъ, Боже мой, какую хочешь! Вы, мужчины, лучше это должны знать.

Аматуровъ (тѣмъ же протяжнымъ тономъ). Тысячъ тридцать довольно?

Софья Михайловна. Да!.. Полагаю, что довольно!

Аматуровъ (подумавъ немного и усмѣхаясь). Супругъ вашъ, скрывать этого нечего, великій аферистъ и плутъ,—что, если онъ надуетъ и обманетъ какъ-нибудь меня?

Софья Михайловна (покраснѣвъ). Нѣтъ, не думаю... Ты, впрочемъ, сдѣлай съ нимъ на бумагахъ.

Аматуровъ. Бумаги съ этими господами ничего не значатъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Баринъ пріѣхали и спрашиваютъ: скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?

Софья Михайловна (Аматурову). Начинаетъ ужъ придираться. (Лакею) Ты же вѣдь накрываешь!.. Скажи, что скоро.

Аматуровъ (вставая и берясь за шляпу). Мнѣ, полагаю, лучше теперь уѣхать, а завтра, что ли, заѣхать переговорить съ Праклѣмъ Семеновичемъ объ деньгахъ?

Софья Михайловна (нерѣшительно). Нѣтъ, зачѣмъ же завтра?.. Мнѣ очень не хочется отпустить тебя! Если бы тебѣ сейчасъ итти переговорить съ нимъ?.. Не предувѣдомленный, онъ, пожалуй, дерзость тебѣ какую-нибудь скажетъ. Погоди!..

Постой!.. (Встаетъ). Я пойду, подготовлю его немного и позову его къ тебѣ!

Аматуровъ. Отлично, это безподобно!

(Софья Михайловна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Аматуровъ (обращаясь къ публикѣ и показывая головой на ушедшую Софью Михайловну). Прелестная женщина!.. Она вся огонь и нервы!.. Мечтательница, какихъ міръ не производилъ... Воображаетъ, напримѣръ, что между мужчиной и женщиной можетъ существовать вѣчная любовь. Развѣ между обезьянами, гдѣ-нибудь на необитаемомъ островѣ, она еще осталась, а между людьми что-то не видать ея. Но попробуй Софьѣ Михайловнѣ растолковать эту простую истину! Скорѣй съ ума сойдетъ, чѣмъ повѣритъ: расплачется, разрыдается, отнесетъ непремѣнно это къ личности... скажетъ: «это вы меня разлюбили, вы такой вѣтреникъ»,—тогда какъ всѣ мужчины таковы, да и женщины тоже: она сама же, вѣроятно, года черезъ два разлюбитъ меня!.. (Пройдясь по сценѣ) Непріятно тутъ еще то, что безпрестанно приходится встрѣчаться съ ея мужемъ,—это скотина какая-то: на каждомъ шагу, явно, что съ умысломъ, дѣлаетъ мнѣ грубости и дерзости, а теперь еще денегъ ему давай, которыя, разумѣется, ухнутъ у него, и мнѣ ужъ никакими баграми не выцарапать ихъ изъ дѣлъ его! Глупо я немножко сдѣлалъ, что сказалъ: тридцать тысячъ—слишкомъ много!.. сказать бы—десять: можетъ-быть, и тѣмъ бы удовольствовались.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входитъ Дарьяловъ. Лицо его не такъ уже мрачно и гнѣвно.

Дарьяловъ. Еще разъ здравствуйте! (Протягиваетъ Аматурову руку, которую тотъ, въ свою очередь, пожимаетъ). Я давеча, разсердившись на жену, и не простился съ вами! Садитесь, пожалуйста!

(Оба садятся).

Дарьяловъ. Жена мнѣ сейчасъ сказала, что вы ѣздили къ намъ и теперь даже пріѣхали по одному дѣлу вашему?..

Аматуровъ. Да, по дѣлу...

Дарьяловъ (съ замѣтною важностью). Слушаемъ-съ!.. Будемъ слушать!..

Аматуровъ. Дѣло мое очень простое: у меня есть свободнаго капиталу тысячъ двадцать или двадцать пять!

Дарьяловъ. Жена мнѣ говорила, что даже тридцать...

Аматуровъ (нѣсколько сконфузившись). Пожалуй, что и до тридцати наберется! Получаю я съ нихъ всего по шести процентовъ. Согласитесь, что въ настоящее время это смѣшно; а потому не возьмете ли вы ихъ въ какое-нибудь ваше дѣло хоть сколько-нибудь на болѣе выгодныхъ для меня условіяхъ?

Дарьяловъ (какъ бы размышляя). На болѣе выгодныхъ для васъ условіяхъ?.. Но въ какое же собственно дѣло мое, — я недоумѣваю!

Аматуровъ. Въ какое хотите!.. У васъ ихъ много.

Дарьяловъ. Есть, конечно!.. Но все это какъ-то неподходящія. Прежде всего, какъ вы знаете, я директоръ компаніи «По выщипкѣ руна изъ овецъ»... Не акцій же этой компаніи дать вамъ на тридцать тысячъ?.. Вы ихъ можете сами пріобрѣсти въ каждой конторѣ.

Аматуровъ (усмѣхаясь). Безъ сомнѣнія...

Дарьяловъ. Затѣмъ-съ у меня пароходство по рѣкѣ Безводнѣ. Расширять это дѣло нѣтъ цѣли, потому что мѣстныя потребности не требуютъ того; улучшать тоже нѣтъ надобности, такъ какъ оно въ отличномъ видѣ!..

Аматуровъ. Новаго какого-нибудь предпріятія вы не затѣваете ли?..

Дарьяловъ. Новое у меня одно предпріятіе: я покупаю домъ! Если хотите, дайте мнѣ эти ваши тридцать тысячъ подъ вексель на покупку дома, — я вамъ двѣнадцать процентовъ дамъ!

Аматуровъ. А если бы подъ закладную?

Дарьяловъ. Подъ закладную мнѣ даромъ, безъ процентовъ, вашихъ денегъ не надобно! Очень мнѣ нужно связывать себя закладной!.. Я ихъ могу взять только подъ вексель, съ поручительствомъ жены, разумѣется!

Аматуровъ. Зачѣмъ же супругу вашу безпокоить?

Дарьяловъ. Нѣтъ-съ, нѣтъ! Извините! Я люблю дѣлать дѣла честно и аккуратно: два человѣка вѣрнѣе одного!.. Согласны?

Аматуровъ (подумавъ немного). Извольте, мнѣ все равно!.. Двѣнадцать процентовъ на рубль хорошо!..

Дарьяловъ (знаменательно). Я думаю, что недурно! Когда жъ однако я могу получить отъ васъ деньги?

Аматуровъ. Если онѣ вамъ нужны, я сейчасъ же могу за ними съѣздить!

Дарьяловъ. Нѣтъ, прежде лучше отобѣдайте у насъ; надобно выпить бутылочки двѣ клико, чтобы спрыснуть нашу сдѣлку; потомъ вы посидите съ женой, а я сосну немного; затѣмъ вмѣстѣ отправимся: вы за деньгами, а я къ маклеру за векселемъ! (Громко кричитъ) Софья Михайловна!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Софья Михайловна.

Дарьяловъ. Обѣдать, пожалуйста, поскорѣй.

Софья Михайловна. Я думала, что вы заняты... Тамъ все готово.

Дарьяловъ. Кончили ужъ мы, и вы ступайте въ залу, а я пойду и распоряжусь о шампанскомъ... Мы тутъ дѣло одно сварганили! (Проворно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аматуровъ и Софья Михайловна.

Аматуровъ (съ насмѣшкой). Совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, какъ денегъ понюхалъ; вѣжливый, любезный сдѣлался.

Софья Михайловна. У него, кажется, не хватало ихъ на покупку дома, который, онъ говоритъ, очень выгоденъ!

Аматуровъ. Я ужъ ему ихъ подъ векселъ даю, — не беретъ иначе!

Софья Михайловна (видимо думавшая не о дѣлахъ, а совсѣмъ о другомъ). Все равно это!.. О, милый мой! Ненаглядный! (Обнимаетъ Аматурова).

Аматуровъ (прижимая ее къ груди). Красавица моя, безцѣнная, сокровище мое!

(Голосъ Дарьялова изъ залы:) Идите же обѣдать!

Софья Михайловна. Сейчасъ!.. (Снова неоднократно цѣлуетъ и обнимаетъ Аматурова).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Большая зала въ домѣ Дарьялова. Въ лѣвой сторонѣ ея, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ съ бумагами, съ разными письменными принадлежностями и колокольчикомъ. Предъ столомъ поставлены два кресла. По лѣвой сторонѣ, кромѣ дивана со столомъ и нѣсколькихъ креселъ, разставлены рядами стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ Дарьяловъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, бѣлыхъ перчаткахъ, но попрежнему чѣмъ-то раздосадованный и озабоченный. За нимъ идетъ Прихвосневъ, лопоухій господинъ, съ огромными ноздрями, въ пестромъ платьѣ, съ золотой, толстой цѣпочкой, съ перстнями, кольцами.

Дарьяловъ (почти крича на Прихвоснева). Что это такое! Я жду, жду васъ! Вся внутренность перекипѣла.

Прихвосневъ (разводя руками). Да помилуйте, я вчера въ десять часовъ вечера только получилъ отъ васъ записку.

Дарьяловъ. Значитъ, вы ничего и не сдѣлали? И не привели акціонеровъ?

Прихвосневъ. Я сдѣлалъ, что можно сдѣлать въ одно утро: пригласилъ вонъ трехъ чиновниковъ...

Дарьяловъ (нетерпѣливо). Ну!..

Прихвосневъ. Потомъ заѣхалъ въ компанію «Сыродровка» и привелъ оттуда человѣкъ шесть артельныхъ.

Дарьяловъ. Ну!..

Прихвосневъ. Да еще, ѣхавши уже сюда, дорогой дьячка изъ нашего прихода Христомъ-Богомъ упросилъ, чтобы пришелъ на собраніе.

Дарьяловъ (съ досадой). Чортъ знаетъ: дьячковъ какихъ-то наприглашалъ!

Прихвосневъ (покойно). Дьячокъ—особа не подозрительная.

Дарьяловъ. Что жъ все это будетъ стоить?

Прихвосневъ (подумавъ немного). Стоить будетъ... мнѣ за утреннія хлопоты и за вечеръ, что сидѣть здѣсь буду, пятьдесятъ рублей.

Дарьяловъ. А не жирно ли это будетъ!

Прихвосневъ. Нѣтъ-съ, не жирно! Я полгорода обскакалъ... Одна компанія «Сыродворка», сами знаете, на краю города; чиновники также всѣ въ разныхъ пунктахъ, — экипажъ ужъ нарочно держу на этакіе случаи!

Дарьяловъ. Не для одного же моего дѣла вы экипажъ держите?

Прихвосневъ. Какъ не для одного?.. Я сегодняшній день, кромѣ вашего порученія, ничего не успѣю сдѣлать.

Дарьяловъ. Успѣете и другое многое!.. Сколько же прочимъ слѣдуетъ заплатить?

Прихвосневъ. Прочимъ слѣдуетъ — чиновникамъ менѣе пяти рублей серебромъ нельзя дать, а то потомъ ихъ ни на какое собраніе и не докличешься; артельнымъ, конечно, можно заплатить и по три, а дьячку тоже пять.

Дарьяловъ. Это выходитъ восемьдесятъ восемь рублей?

Прихвосневъ. Да ужъ положите на кругъ сто!.. Лучше стараться будемъ!

Дарьяловъ (съ досадой). Сто ему положить!.. На вѣсъ золота скоро вы станете цѣнить себя! Будетъ съ васъ и восьмидесяти!.. (Проворно вынувъ изъ кармана бумажникъ и вытащивъ изъ него восемьдесятъ рублей, подаетъ ихъ Прихвосневу).

Прихвосневъ (сосчитавъ деньги). Откуда же я восемь-то рублей возьму?.. Свои, что ли, прикладывать?

Дарьяловъ. Откуда хотите!.. Вы тогда, помните, съ госпожой той познакомили меня и порядочно за то получили, а она недавно тягу отъ меня дала

Прихвосневъ (огорченнымъ голосомъ). Слышалъ это я, — вѣтреница этакая!.. Кто имъ нынче въ душу влѣзетъ! Горевать вамъ, впрочемъ, много нечего, по пословицѣ: «было бы болото, а черти будутъ!».

Дарьяловъ (усмѣхаясь). Значитъ, много этихъ чертенятъ?

Прихвоснѣвъ. Много... Въ одинъ мой увеселительный садъ сколько ихъ ѣздитъ! Вотъ даже теперь со мной нѣсколько фотографическихъ карточекъ имѣю,—выпросилъ у нѣкоторыхъ, будто на память себѣ!.. Хотите полюбопытствовать?

Дарьяловъ. Кажите!

(Прихвосневъ вынимаетъ изъ кармана нѣсколько фотографическихъ карточекъ и подаетъ Дарьялову).

Дарьяловъ (разсматривая ихъ). Это кто такая, напримѣръ?

Прихвосневъ (съ гордостью). Горничная одна.

Дарьяловъ (внимательно всматриваясь въ карточку). Прелесть что такое!

Прихвосневъ. Да-съ; лучше, пожалуй, другой благородной.

Дарьяловъ (продолжая разсматривать карточки). А эта толстогубая?.. Точно негритянка какая.

Прихвосневъ. Толстогубая эта—дочка статскаго совѣтника.

Дарьяловъ. Ужъ и дочка статскаго совѣтника, — вотъ вѣдь какъ!

Прихвосневъ. Вѣрно такъ-съ!

Дарьяловъ. Но это что еще за госпожа?.. Красками даже себя расписала. Не молодая ужъ, видно!.. И набѣленная, должно-быть, нарумяненная.

Прихвосневъ. Это есть немножко!.. Подрисовывается!.. Жена тутъ одного богатаго купца, и женщина, надо полагать, этакая стыдливая, самолюбивая: въ садъ ко мнѣ ѣздила по вечерамъ съ однимъ господиномъ, часу ужъ въ двѣнадцатомъ, и то подъ вуалью.

Дарьяловъ. Да на кой чортъ ей садъ вашъ понадобился?

Прихвосневъ. Дома, вѣроятно, строгонько! Если она съ кѣмъ очень амурничать начнетъ, такъ мужъ можетъ замѣтить,—а онъ дѣйствительно, какъ я слышалъ, человѣкъ дерзкій этакій на руку!.. Пожалуй, ей и амуру шею намылитъ, а вѣдь у меня въ саду все шито и крыто!.. Умерло тутъ!..

Дарьяловъ (возвращая ему карточки). Что ужъ про васъ и говорить!.. Благодѣтель вы человѣчества. (Звонитъ въ колокольчикъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

На звонокъ этотъ является СЕКРЕТАРЬ, молодой еще человѣкъ, крайне мизерной наружности, съ глуповатымъ лицомъ, но тоже во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Дарьяловъ (ему). Тамъ собрались акціонеры. Опросите ихъ имена и фамиліи... Внесите все это въ списокъ акціонеровъ и противъ каждаго изъ нихъ отмѣтьте, что акціи были ими представляемы, а также запишите и нашего кучера,—у него очень приличная физіономія,—а потомъ всѣхъ ихъ введете сюда и посадите въ задніе ряды.

Секретарь. Хорошо-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Дарьяловъ и Прихвосневъ.

Прихвосневъ. Вы намъ, Ираклій Семенычъ, все-таки маленькую программу дайте, что намъ дѣлать, а то мы, чего добраго, собьемся съ ролей своихъ.

Дарьяловъ. Дѣлать только то, чтобы прошли и были утверждены нѣкоторыя мои предложенія! Значитъ: какъ я сдѣлаю какое-либо заявленіе и скажу, что кто съ этимъ согласенъ, пусть тотъ встаетъ, — такъ вы сейчасъ всѣ и вставайте!

Прихвосневъ (качая головой). Понимаю-съ, понимаю!

Дарьяловъ. А потомъ, если что нужно будетъ сказать за меня и въ мою пользу, вы вставайте и скажите.

Прихвосневъ. Это ужъ конечно!.. Непремѣнно! Партія поэтому противъ васъ довольно сильная есть?

Дарьяловъ (даже восклицая). Огромная!.. Какъ тигры разъяренные, такъ и рычатъ на меня.

Прихвосневъ (тоже съ одушевленіемъ). Но изъ кого жъ она можетъ состоять? Кто коноводъ у нихъ?

Дарьяловъ. Да вотъ въ первую голову этотъ Абдулка-татаринъ. Муллу, говорятъ, какого-то киргизскаго выписалъ съ доносомъ на меня.

Прихвосневъ. Ахъ, онъ мыло казанское!

Дарьяловъ. Да, каково это мыло-то казанское!.. Поддѣлъ также и этого армяшку Безхова-Муритскаго; тотъ вчера еще заходилъ и записался съ двумя какими-то дураками, на людей даже непохожи, точно черкесы какіе!

Прихвосневъ (съ удивленіемъ). Поди ты, — черкесы даже!

Дарьяловъ. Разумѣется, какіе-нибудь пріятели его, кото-

рымъ онъ надавалъ своихъ акцій; но всѣ эти господа, мнѣ чортъ ихъ дери, мерзавцы они были, мерзавцами и останутся, но кто меня удивилъ и, какъ говорится, раниль меня въ душу, такъ это другъ мой и товарищъ Эмилька Гайеръ: самъ, каналья, участвовалъ въ составленіи проекта; я ему за то изъ собственныхъ рукъ десять тысячъ заплатилъ, а онъ меня изъ благодарности пришереть къ стѣнѣ теперь хочетъ.

Прихвосневъ (какъ бы съ чувствомъ даже). Но за что же такъ именно?

Дарьяловъ. Вотъ зачѣмъ дѣла компаніи разстроились; а чѣмъ я тутъ виноватъ?.. Пошли такія несчастья. Кто жъ съ Богомъ можетъ бороться?

Прихвосневъ (разводя руками). Іаковъ поборолся съ Нимъ, и тотъ хромъ вышелъ!..

Дарьяловъ (подтверждая). И тотъ вышелъ хромъ!.. Вообще я вамъ скажу: всѣ эти восточные человѣки да нѣмцы у насъ — просто житья съ ними нѣтъ!.. Вонъ русскіе у меня... Сколько ихъ ни есть акціонеровъ... всѣ молчатъ, а эти господа, если гдѣ грошъ ихъ затронутъ, такъ живого загрызутъ.

Прихвосневъ. Дѣйствительно, жадный народъ и, главное, дерзкій этакій, дикій, неблагодарный!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ секретарь и за нимъ акціонеры, нѣсколько артельщиковъ, три чиновника и кучеръ Дарьялова.

Секретарь (имъ). Вы въ заднихъ рядахъ потрудитесь помѣститься.

(Тѣ нѣсколько робко и неумѣло садятся).

Дарьяловъ (Прихвосневу). И имъ тоже надо разсказать, что они должны дѣлать?

Прихвосневъ. Да-съ, не мѣшаетъ немножко растолковать.

Дарьяловъ (довольно гордо обращаясь къ акціонерамъ). Васъ собственно, господа, я прошу не вмѣшиваться въ пренія и разговоры, которые тутъ будутъ происходить, такъ какъ дѣло это для васъ совершенно чуждое; но будетъ говорить г. Прихвосневъ, съ которымъ вы и должны безусловно соглашаться; поэтому, какъ только я пущу вопросъ на голоса и спрошу: «Кто согласенъ съ г. Прихвосневымъ, тотъ встастъ!»—такъ вы сейчасъ и вставайте, а когда я буду голосовать мнѣнія другихъ, то вы сидите!

Одинъ изъ чиновниковъ. Знаемъ-съ эти порядки! Не въ первый разъ: я даже на прошлой недѣлѣ въ двухъ собраніяхъ былъ!.. Не ошибемся!

Дарьяловъ. Пожалуйста! (Прихвосневу) Потрудитесь имъ теперь же раздать слѣдующія деньги.

Прихвосневъ (какъ бы нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ) Раздамъ-съ; не задержу. (Начинаетъ раздавать).

Одинъ изъ артельщиковъ (Прихвосневу). За что жъ, Петръ Петровичъ, намъ меньше супротивъ другихъ? Одно, кажись, станемъ дѣлать дѣло!

Прихвосневъ. А что ты—чиновникъ или мужикъ?

Тотъ же артельщикъ. Что жъ, что мужикъ. Мужикъ развѣ не человѣкъ?

Прихвосневъ. То-то, говорятъ, маленько изъ другого тѣста состряпанъ.

(Въ это время секретарь подходитъ къ Дарьялову и что-то негромко докладываетъ ему).

Дарьяловъ (ему). Хорошо, позовите: я переговорю съ нимъ.

(Секретарь киваетъ головой, въ дверяхъ показывается хожалый).

Хожалый (громкимъ и дикимъ голосомъ). Здравья желаемъ, ваше высокородіе!..

Дарьяловъ. Поди сюда ко мнѣ поближе, любезный.

(Хожалый подходитъ).

Дарьяловъ. Тутъ у меня будутъ пускать акціонеровъ по билетамъ; не всякій же, понимаешь, можетъ лѣзть сюда.

Хожалый. Слушаю-съ, ваше высокородіе.

Дарьяловъ. Ну, если кто тамъ будетъ безъ билета силой врываться, и его станутъ не пускать, надѣюсь, что ты, по обязанности твоей службы, посодѣйствуешь.

Хожалый. Зачѣмъ, ваше высокородіе, пущать безъ билетовъ. Безъ билетовъ пущать никуда не велѣно.

Дарьяловъ. Потомъ здѣсь, собственно въ залѣ, если выйдетъ какое замѣшательство и я вынужденъ буду позвать тебя, — постоять около себя, — ты, сдѣлай милость, не откажись, постой.

Хожалый. Слушаю-съ, ваше высокородіе.

Дарьяловъ. Мало ли такихъ негодяевъ, которые могутъ поднять шумъ, гамъ...

Хожалый. Шумѣть нельзя, ваше высокородіе!.. Намъ и начальство приказываетъ: не позволять шумѣть на улицѣ даже, не то что въ комнатахъ.

Дарьяловъ. Еще бы позволять!.. Ты поэтому въ дверяхъ вотъ тутъ и встань, повыставившись немного, такъ, чтобъ я тебя видѣлъ.

Хожалый. Стану, ваше высокородіе! (Уходитъ и становится, какъ ему приказано).

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ дверяхъ показываются Абдулъ-Агабъ въ золотой ермолкѣ, въ халатѣ изъ тармаламы и въ туфляхъ, а за нимъ Агей-Оглы-Эфенди, мулла киргизскій, въ темномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ.

Абдулъ-Ага (показывая хожалому кипу бумагъ). Ты, барина, не мѣшай мнѣ. На, нюхай!.. У меня тутъ пять десятка тысячъ!.. Съ этими, чай, можно и безъ билета ходить! (Входитъ и, садясь въ переднемъ ряду, обращается къ муллѣ, показывая ему на мѣсто около себя) Садись, Агей Оглычъ!

(Мулла съ необыкновенною важностью разсаживается около него. Затѣмъ появляются Безховъ-Муритскій въ умѣренно-черкесскомъ костюмѣ, то-есть только въ длинноломъ чепанѣ и серебряномъ съ чернетью поясѣ, и вмѣстѣ съ нимъ два молодые армянина въ настоящихъ уже черкескахъ, съ патронташами и даже съ кинжалами. Всѣ они расшаркиваются Абдулъ-Агѣ, который имъ киваетъ головой и улыбается. Армяне тоже садятся въ переднемъ ряду. Лица у всѣхъ у нихъ черныя и исполнены озлобленнаго выраженія).

Дарьяловъ (секретарю, показывая на пришедшихъ). Попросите этихъ господъ предъявить свои акціи.

Секретарь (подходя къ Абдулъ-Агѣ и довольно робкимъ голосомъ). Ваши акціи позвольте видѣть.

Абдулъ-Ага. На, смотри, не фальшивыя! (Показываетъ ему акціи).

Секретарь. А акцій вашего товарища?

Абдулъ-Ага. Онъ тутъ же! Считай его тутъ!.. Ихъ хватитъ на всѣхъ на двухъ!

Секретарь. Но если они вамъ принадлежатъ, господинъ мулла не можетъ на нихъ участвовать въ собраніи.

Абдулъ-Ага. А коли я ему подарю, ты можешь мнѣ запретить то? На, Агей Оглычъ, пять тысячъ, держи ихъ въ рукахъ. Пиши его: мулла Агей-Оглы-Эфенди.

Секретарь (обращаясь къ Дарьялову). Можно ихъ записывать?

Дарьяловъ (пожимая плечами). Запишите, хоть подобныхъ вещей никогда открыто не дѣлается!

Абдулъ-Ага. Э, барина, открыто дѣлать лучше, чѣмъ потайкомъ.

Секретарь (армянамъ). Ваши билеты?

(Тѣ молча показываютъ ему свои билеты).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и хожалый.

Хожалый (не выступая изъ дверей, Дарьялову). Тамъ, ваше высокородіе, дама съ господиномъ просится переговорить съ вами.

Дарьяловъ. Проси!

(Хожалый отворяетъ дверь. Входитъ Препиратовъ, молодой еще человѣкъ, со всклоченными, курчавыми волосами, съ выдавшимся впередъ лбомъ и въ очкахъ. Онъ ведетъ подъ руку толстѣйшую г-жу Трухину, которая съ замѣтною нѣжностью опирается на его руку. Оба они подходятъ къ Дарьялову).

Г-жа Трухина. Вы господинъ директоръ?

Дарьяловъ. Вашъ покорнѣйшій слуга.

Г-жа Трухина. Я вотъ тоже желаю говорить, но я женщина—не могу того, а я вотъ довѣряю г-ну Препиратову.

Препиратовъ (густымъ басомъ). Я повѣренный г-жи Трухиной.

Дарьяловъ (Препиратову). То-есть какъ же: на настоящее только собраніе или по всѣмъ дѣламъ г-жи Трухиной?

Препиратовъ. Я имѣю полную довѣренность отъ г-жи Трухиной.

Г-жа Трухина. Я имъ во всемъ довѣряю!

Дарьяловъ (ей). Прекрасно-съ!.. Но намъ все-таки нужно видѣть самыя акціи ваши!

Г-жа Трухина. Я имъ и акціи довѣряю; я имъ довѣренность и акціи могу довѣрить! (Подаетъ акціи секретарю)

Секретарь (сосчитавъ акціи, возвращаетъ ихъ Трухиной). Вѣрно-съ!

Г-жа Трухина (суя въ карманъ акціи, говоритъ Препиратову). Вы сядьте рядомъ, поближе ко мнѣ, а то, пожалуй, украдутъ у меня билеты эти тутъ!.. (Усѣвшись на одинъ изъ стульевъ и ощупывая его) О, песъ, жесткій какой да маленькій! Словно на колъ какой сѣла!

Препиратовъ (басомъ). Угодно кресло? (Дарьялову) Могу дамѣ кресло взять?

Дарьяловъ. Сдѣлайте одолженіе.

(Препиратовъ пододвигаетъ было кресло).

Г-жа Трухина (взглянувъ на кресло). Ой, нѣтъ! полно! я увязну тутъ; лучше на двухъ стульяхъ посижу... (Садится на два стула). Посдвинь-ка ихъ полегоньку.

(Препиратовъ осторожно сдвигаетъ подъ ней два стула).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ Эмилій Ѳедоровичъ Гайеръ, разевпрѣпѣлый нѣмецъ. Онъ тоже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и замѣтно выпивши. При входѣ его хожалый дѣлаетъ подъ козырекъ, секретарь вытягивается. Гайеръ прямо подходитъ къ директорскому столу и, сѣвъ на кресло, вынимаетъ изъ кармана большую пачку акцій Общества и кладетъ ее на столъ. Рядомъ съ нимъ помѣщается и Дарьяловъ.

Гайеръ (не обращая никакого вниманія на Дарьялова, встаетъ и съ видимымъ азартомъ, такъ что у него щеки даже дрожатъ, говоритъ

акціонерамъ). Три года, милостивые государи, тому назадъ я имѣлъ честь быть вами избранъ въ директоры!.. Теперь не хочу оставаться!.. Я обманутъ, какъ болванъ, какъ свинья! Господинъ Дарьяловъ при началѣ мнѣ говорилъ: «напишите намъ проектъ упрощеннаго способа выщипки руна изъ овецъ!». Я ученый!.. Я зоологъ!.. Я химикъ!.. Я знаю это!.. Мнѣ, говоритъ, за то заплатятъ десять тысячъ. Я пишу, проектъ утверждаютъ, и мнѣ даютъ не деньгами, а акціями; я иду на биржу, мнѣ тамъ даютъ за нихъ пять тысячъ; я прихожу... «Дайте мнѣ, говорю, остальныя деньгами!..»—«Подождите, говорятъ, акціи поднимутся, и мы васъ выберемъ въ директоры!..» Я опять былъ, милостивые государи (колотя себя въ грудь), дуракъ и свинья великій!.. Я повѣрилъ!.. Я жду... Иду черезъ годъ, мнѣ треть за нихъ даютъ... иду нынче—ничего!.. Я вамъ принесъ ихъ назадъ... заплатите мнѣ деньгами... А не заплатите, я буду искъ имѣть къ гг. акціонерамъ.

Препиратовъ (вдругъ вставая и густѣйшимъ басомъ). Требую себѣ слова.

Дарьяловъ (качнувъ ему головой). Разрѣшаю вамъ.

Препиратовъ (сначала откашлянувшись и тѣмъ же густымъ басомъ). Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ правила для акціонерныхъ компаній находятся еще, такъ сказать, въ первичномъ и начинающемъ состояніи, такъ какъ это явленіе новаго міра, новой цивилизаціи и новой культуры; но тѣмъ не менѣе, сколько можно судить по духу всѣхъ законоположеній, то иски отъ частныхъ лицъ могутъ быть обращаемы только къ запасному капиталу общества или къ его имуществу, но никакъ не къ имуществу акціонеровъ!.. (Поворачивается и снова садится на свое мѣсто).

Гайеръ (еще болѣе раздраженнымъ голосомъ). Я знаю-съ... Я вотъ его предъявлю къ г. Дарьялову; а теперь говорю,—не хочу быть директоромъ больше, и вотъ вамъ акціи и бумаги всѣ!.. (Пихаетъ лежащія на столѣ бумаги и акціи). Я ухожу...

(Встаетъ съ кресель и садится на одномъ изъ стульевъ въ рядахъ акціонеровъ).

Абдулъ-Ага (ему). Ты, барина, не пошвыривай очень! Это тамъ ваши съ нимъ дѣла.

Гайеръ (въ окончательномъ азартѣ). Да, мои дѣла!.. Я имѣю дѣла. Я у Прохора Прохорыча на пять милліоновъ заводомъ правлю.... Мнѣ за каждую минуту жалованье платятъ!

Абдулъ-Ага. Это дай тѣ Богъ и больше того!.. (Дарьялову) Читай-ка намъ, барина, лучше про наши-то дѣла.

Дарьяловъ (весь красный, встаетъ и начинаетъ говорить совершенно дрожащимъ голосомъ). Милостивые государи!.. Къ великому

моему прискорбію, дѣйствительно я долженъ заявить почтеннымъ членамъ собранія, что дѣла нашего Общества находятся въ критическомъ, или, точнѣе сказать, отчаянномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ къ поправкѣ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой поддержкѣ цѣны на акціи... это, какъ я полагалъ бы съ своей стороны... если бы собраніе мнѣ разрѣшило выдать хоть три процента дивиденда изъ запаснаго капитала Общества, который, не могу скрыть, такимъ образомъ изсякнетъ весь.

Прихвостневъ (подмигнувъ своей партіи и вставъ). Г. директоръ, я просилъ бы васъ настоящее ваше предложеніе голосовать, чтобъ узнать мнѣніе большинства.

(Въ это время встаетъ Безховъ-Муритскій, все что-то писавшій и считавшій на бумажкѣ).

Безховъ-Муритскій (останавливая движеніемъ руки Прихвостнева). Позвольте-съ, я еще прежде желаю говорить! (Подноситъ исписанную имъ бумажку къ самому почти глазу своему, который у него немножко еще видитъ, и, слегка потрясывая головой, обращается къ Дарьялову). Три процента дивиденда, я сосчиталъ, на всѣ акціи Общества составятъ семьдесятъ тысячъ! Такъ?

Дарьяловъ. Вѣроятно, такъ.

Безховъ-Муритскій (продолжая смотрѣть въ бумажку). Въ отчетѣ же прошлаго года вы печатали, что запаснаго капитала у насъ двѣсти тысячъ,—куда же сто тридцать улыло?.. (Обращаясь уже къ товарищамъ своимъ и лукаво имъ подмигнувъ единственно видящимъ глазомъ) Такъ?.. куда?

Тѣ (оба въ одинъ голосъ). Да! куда?

Дарьяловъ. Вы не дали мнѣ договорить; я сейчасъ хотѣлъ объяснить, что деньги эти издержаны мной по случаю ужасныхъ несчастій, постигшихъ прошедшій годъ наше предпріятіе: у насъ сгорѣлъ заводъ и всѣ хозяйственныя при немъ учрежденія.

Гайеръ (гордо державшій ногу на ногѣ и съ какимъ-то презрѣніемъ слушавшій Дарьялова). Врете! Это не несчастіе; заводъ былъ застрахованъ. Это еще польза Обществу.

Дарьяловъ. Онъ застрахованъ былъ въ весьма маленькой суммѣ.

Гайеръ. Врете, въ большой! Я-то ужъ это знаю.

Дарьяловъ (только при этомъ пожимаетъ плечами и снова продолжаетъ свою рѣчь). Потомъ недостача шерсти! А между тѣмъ я исполнялъ контракты и, чтобы не подвергаться взысканію неустоекъ, долженъ былъ шерсть перекупать изъ вторыхъ и изъ третьихъ рукъ.

Безховъ-Муритскій (все еще стоявшій на ногахъ и державшій ухо по направленію къ Дарьялову). Отчего же вы при такихъ

несчастіяхъ не созвали собранія, не заявили ихъ и не испросили на ваши дѣйствія согласія Общества?

Дарьяловъ. Я не могъ этого сдѣлать потому, что встрѣтилъ ихъ на мѣстѣ, въ степи, въ ордѣ кочующей.

Абдулъ-Ага (вставая). Э, полно, барина, на степь-то воротить! Степь тутъ не при чемъ! Ты вонъ въ писулечкахъ своихъ... читали мнѣ въ трактирѣ... пишешь, что у тебя шерсти не хватило и овцы переколѣли,—сколько ихъ у тебя колѣло?

Дарьяловъ. Сто тысячъ.

Абдулъ-Ага. Много это, много! Вѣрно ли ты сосчиталъ?

Дарьяловъ. Вѣрно! Я самъ два раза заболѣвалъ этою ужасною болѣзнью. (Показывая на свою руку) Вонъ слѣды выжиговъ.

Абдулъ-Ага. Да хранитъ тя Богъ! Сколько же ты продалъ овцы муллѣ? (Обращаясь къ муллѣ) Агей Оглычъ, сколько ты компанейской овцы купилъ?

Мулла (вставая). Компанейска овца мы купили пятьдесятъ тысячъ.

Дарьяловъ. Вы могли и сто тысячъ купить на базарѣ.

Мулла. Нѣтъ, вся компанейска овца была начисто.

Абдулъ-Ага (муллѣ). Кажи-ка шкурку-то, что привезъ.

Мулла (вынимая изъ-подъ полы халата овечью шкурку и поднимая ее на глаза всѣхъ акціонеровъ). Это тавро компанейское.

Дарьяловъ (совершенно растерявшись). Но можетъ быть и не компанейское!

Абдулъ-Ага. Кажи тавро правленское,—сличимъ.

Дарьяловъ. Правленское тавро затеряно.

Гайеръ. Покажите мнѣ шкурку.

(Ему показываютъ ее).

Гайеръ. Компанейское тавро.

Абдулъ-Ага (Дарьялову). Такъ, барина, честные господа не дѣлаютъ.

Дарьяловъ (выйдя наконецъ изъ себя). Позвольте, господа, что такое: слѣдствіе, что ли, здѣсь надо мной производятъ, или я предсѣдательствую въ собраніи? Я желаю голосовать вопросъ: угодно ли собранію разрѣшить выдачу дивиденда изъ запаснаго капитала, или нѣтъ? Кто разрѣшаетъ, тотъ встанетъ.

(Прихвосневъ и вся его партія мгновенно встаютъ).

Безховъ-Муритскій (взглянувъ на вставшихъ акціонеровъ). Мы инаго вставанья слушаться не будемъ. (Дарьялову) Вонъ кучеровъ-то вашихъ нагнали! Я слѣпъ, да вижу: онъ у меня сначала жилъ и къ вамъ перешелъ, подтасовщикъ вы этакій и жуликъ!

Дарьяловъ. Вы не смѣете мнѣ такъ говорить!

Безховъ-Муритскій. Говорить я и не буду!.. А я васъ палкой буду бить! (Стучитъ палкой своей объ полъ и затѣмъ обращается къ товарищамъ своимъ, тоже вскочившимъ на ноги) Палками его надо бить!

Тѣ (хватаясь за кинжалы). Мы васъ палками и кинжалами будемъ бить.

Дарьяловъ. Кинжалами я вамъ не позволю бить!.. Эй, хожалый, шумятъ здѣсь!

Хожалый (входя). Господа, кричать не велѣно!

Безховъ-Муритскій. Я буду кричать!.. Онъ наши деньги всѣ разворовалъ.

Дарьяловъ. Денегъ вашихъ я не разворовывалъ: я самъ нищій!.. А когда вы такъ безчинствуете, я закрываю собраніе! (Встаетъ и идетъ къ дверямъ во внутреннія комнаты).

Всѣ армяне (слѣдуя за нимъ). Нѣтъ, погоди! Мы тебя палками будемъ бить!

Хожалый (растопыривая предъ ними руки). Позвольте, господа, шумѣть и буянить нельзя!

Всѣ армяне (въ одинъ голосъ). Мы будемъ буянить!

(Дарьяловъ въ это время скрывается за дверь, а хожалый становится для защиты ея спиной къ ней. Начинается всеобщій шумъ).

Трухина (подойдя къ Софьѣ Михайловнѣ). Вы теперича, говорятъ, супруга ихняя!.. Вы имъ должны сказать, пошто же они намъ этакія подлости дѣлаютъ.

Софья Михайловна (все время съ большимъ волненіемъ слѣдившая за ходомъ собранія и по временамъ почти страстно взглядывавшая на Аматурова, вставъ наконецъ). Ничего я не знаю!.. (Аматурову) Аполлонъ Алексѣичъ, спасите меня!

Аматуровъ (тоже вставая). Пойдемте.

Абдулъ-Ага (показывая армянамъ на Софью Михайловну). Хоть бы барыньку-то маненько аманаткой задержать!

Аматуровъ (поднимая кулакъ). Убью всякаго, кто подойдетъ ко мнѣ!

Прихвосневъ (тоже охраняя Софью Михайловну). Такъ, господа, поступать съ дамой нельзя-съ!.. нельзя!

(Оба они уводятъ ее въ ту же дверь, въ которую скрылся и Дарьяловъ. Шумъ еще болѣе усиливается: одновременно армяне схватываются съ Прихвосневымъ).

Прихвосневъ (имъ кричитъ). Мало ли, господа, съ кѣмъ можетъ быть несчастье: пожаръ... сибирская язва.

Армяне (тоже кричатъ). Мы ему дадимъ: «сибирская язва»... Ты самъ мошенникъ, коли за него.

Прихвосневъ. Я не мошенникъ, я держусь только справедливости.

Одинъ чиновникъ (толкуетъ другому). Помилуйте, не дали ни одного вопроса голосовать!.. Гдѣ жъ это бываетъ?

Гайеръ (въ свою очередь кричитъ на него). Какъ вы смѣете голосовать, когда вы всѣ купленные!

Тотъ же чиновникъ. Просимъ васъ не обижать насъ: мы чиновники.

Гайеръ. Чиновники вы—хуже сапожника!

Абдулъ-Ага (кричитъ). Тавро компанейское... Вся овца компанейская была!

Мулла (кричитъ ему въ отвѣтъ). Компанейская вся!..

Хожалый (охраняя попрежнему дверь, кричитъ съ своей стороны). Господа, не шумите, пожалуйста, а не то я свистокъ дамъ: стражу позову!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Небольшая, но очень мило убранная гостиная.

ЯВЛЕНІЕ I.

На среднемъ диванѣ, предъ круглымъ столомъ, на которомъ стоитъ прекрасный дорогой букетъ въ вазѣ, сидитъ Софья Михайловна, въ шелковомъ платьѣ и нарядномъ головномъ уборѣ. Она стала еще красивѣе, но замѣтно похудѣла и невесела. Въ этотъ день ея именины. На креслахъ помѣщаются пріѣхавшіе съ поздравленіемъ: юный Блиновъ, съ очень маленькими усиками, пухлый, румяный и, какъ слѣдуетъ для утренняго визита, въ черномъ сюртукѣ, и Прихвосневъ, тоже какой-то вымытый, причесанный и также въ черномъ сюртукѣ и даже въ лаковыхъ сапогахъ съ пуговками. Оба они замѣтно модничаютъ и тонируютъ.

Блиновъ (Софьѣ Михайловнѣ, слегка пришепетывая). Вы изволили слышать Патти?

Софья Михайловна. Ужъ три раза слышала! Я абонирована.

Блиновъ. Прекрасная пѣвица, не правда ли?

Софья Михайловна. Превосходная!

Прихвосневъ. Не нравится мнѣ, господа, ваша Патти, что угодно!..

Софья Михайловна. Почему же?

Прихвосневъ. Души нѣтъ въ пѣніи!..

Софья Михайловна. Какъ нѣтъ души въ нѣнiи? Поетъ такъ божественно, собой прелестна.

Прихвостневъ. Это такъ-съ, собой прелестна; но чувства въ голосѣ не слыхать... Какъ ее можно сравнить съ Віардо; у той точно, что душа лилась въ каждомъ звукѣ. Какъ это она пѣла: «Я все еще его... пламенно, что ли, люблю!». И этакъ, знаете, не совсѣмъ тоже чисто выговаривала по-русски,—прелесть что такое!

Софья Михайловна. Въ которомъ же это году была здѣсь Віардо?

Прихвостневъ. Въ 53-мъ! Я старшiный театралъ!

Блиновъ (показывая на Прихвостнева). Онъ самъ въ балетахъ танцовалъ; танцмейстеромъ былъ!.

Софья Михайловна (съ удивленiемъ). Вы?

Прихвостневъ (немного сконфуженный). Да-съ, по балетной части служилъ! Но всегда какъ-то къ театральной службѣ не имѣлъ расположенiя, особенно въ то время: строго очень было и безвыгодно! Я какъ тогда получилъ маленькую возможность бросить это дѣло, такъ сейчасъ же и бросилъ!

Блиновъ. Онъ въ балетахъ только чертей и игралъ, ничего другого не давали,—неловокъ очень!

Прихвостневъ. Не однихъ чертей, а и маркграфовъ иногда изображалъ! (Обращаясь къ Софьѣ Михайловнѣ и видимо желая перемѣнить тему разговора) Супругъ вашъ такъ-таки совсѣмъ и уѣхалъ отсюда?

Софья Михайловна. Онъ не то что уѣхалъ: онъ бѣжалъ! Его, говорятъ, хотѣли убить эти армяне, или въ тюрьму посадить,—не знаю ужъ!

Прихвостневъ. А васъ такъ и кинулъ безъ всякихъ средствъ?

Софья Михайловна. Кинулъ безъ всякихъ средствъ. Даже всю посуду, всю мебель продалъ заранѣе, и когда я проснулась поутру послѣ его отъѣзда, приходятъ купцы и все взяли.

Прихвостневъ (какъ бы разсердившись даже). Фу, ты, Боже ты мой!.. муженьки нынче какiе, хуже посторонних—право!

(Софья Михайловна на это промолчала).

Прихвостневъ (размышляющимъ уже тономъ). Какъ у васъ умѣнья хватило поустроиться потомъ?

(Софья Михайловна и на это ничего не отвѣтила. Блиновъ при этомъ какъ бы нѣсколько краснѣетъ и старался смотрѣть по сторонамъ).

Прихвостневъ (тѣмъ же размышляющимъ тономъ). Да-съ, да!.. Жизнь человѣческая!.. Кто знаетъ: какъ и въ какую сторону она повернетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Надя въ чистенькомъ платьицѣ, въ хорошенькихъ ботиночкахъ, причесанная. Она принесла на подносѣ двѣ чашки кофе и сухари.

Надя (подавая Прихвостневу первому, съ усмѣшкою). Здравствуйте, Петръ Петровичъ!

Прихвостневъ (тоже съ усмѣшкою). Здравствуйте, сударыня, здравствуйте! (Софьѣ Михайловнѣ, показывая ей на Надю) Именинница тоже сегодня!

Софья Михайловна. Да!.. А вы развѣ знаете ее?

Прихвостневъ. Какъ мнѣ не знать-съ, я вамъ ее и поставилъ: Аполлонъ Алексѣичъ тогда заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ: «у Софьи Михайловны нѣтъ горничной, пришлите къ ней какую-нибудь понадежнѣе».

Надя (подавая не безъ кокетства кофе Блинкову). Сухарей прикажете-съ?

Блинковъ. Нѣтъ, благодарю.

(Надя, поднявъ гордо голову, уходитъ).

Блинковъ (Софьѣ Михайловнѣ). Какая у васъ горничная хорошенькая!

Софья Михайловна. Очень хорошенькая...

Прихвостневъ (Софьѣ Михайловнѣ). Но довольны ли вы ею? Это главное.

Софья Михайловна. Пока довольна. А я и не знала, что вы прислугу рекомендуете.

Прихвостневъ. Нѣсколько ужъ лѣтъ этимъ занимаюсь, и у меня это на твердыхъ основаніяхъ устроено: какъ пришелъ кто изъ прислуги и записался, я первый вопросъ ему: «гдѣ изволилъ жить?». А потомъ черезъ одного человѣка и развѣдаю, какъ и что онъ, а потому ньянницу, или вора, или съ какими-нибудь другими качествами ужъ я не пришлю!

Блинковъ. Присылаете и вы... Рекомендовали же намъ лакея: онъ черезъ недѣлю все столовое серебро укралъ у насъ.

Прихвостневъ (какъ бы даже вспылилъ). Это-съ не онъ укралъ, а прежняя ваша прислуга, вотъ что-съ! А на него, какъ на новаго человѣка, свалили.

Софья Михайловна. Но сколько же дѣлъ у васъ? Вы и въ акціонерныхъ собраніяхъ... помните это ужасное у мужа собраніе!.. Потомъ мебель мнѣ страховали.

Прихвостневъ. Агентъ-съ я тамъ!.. Я, собственно, агентирую по разнымъ отраслямъ.

Софья Михайловна. Наконецъ у васъ садъ и кофейная, ваша эта «Русская Забава»!.. Такъ, кажется, она называется?

Прихвосневъ. Такъ-съ. Нарочно, знаете, въ русскомъ духѣ ее назвалъ для привлеченія купечества, а въ сущности это salle de danse, публика пріѣдетъ, танцуютъ, выходятъ — одни въ садъ, другіе — въ сосѣднія комнаты!.. Кто требуетъ себѣ прохладительнаго!.. Кто водочки выпьетъ!.. Кто закуситъ!

Софья Михайловна. И публика порядочная бываетъ?

Прихвосневъ. Отличная-съ, первый сортъ! (Показывая на Блинкова) Вотъ онъ со своими друзьями каждый разъ бываетъ.

Софья Михайловна (Блинкову). И весело вамъ тамъ?

Блинковъ (какъ-то глупо смѣясь). Не знаю-съ, какъ другимъ, а намъ весело! (Показывая на Прихвоснева) Ему только счастья нѣтъ отъ газетъ!.. Пишутъ, что у него въ саду ему же самому студенты бока намяли...

Прихвосневъ (опять вспыливъ). Что это за вздоръ какой вы повторяете! не стыдно ли вамъ!.. Когда это было, въ какое время?

Блинковъ. Я не знаю,—вы же судились, и на судѣ еще заперлись и сказали, что никогда этого не было.

Прихвосневъ. Да, сказалъ, потому что дѣйствительно не было.

Софья Михайловна (наивно). Чего же не было?

Прихвосневъ (нѣсколько заминаясь). Того, что я будто бы дѣйствіемъ былъ оскорбляемъ. Это все выдумалъ г. писачка, который, прямо уже теперь скажу, приходилъ ко мнѣ и просилъ двадцать пять цѣлковыхъ... Я ему не далъ, вотъ онъ и написалъ на меня. Онъ еще погоди: я его притяну къ суду; онъ поспдитъ въ Титовкѣ! (Софьѣ Михайловнѣ) Не вѣрьте, сударыня—все это клевета, и вы не будете ли такъ добры, не посѣтите ли вы мой садъ?

Софья Михайловна. Аполлонъ Алексѣичъ нѣсколько разъ меня звалъ; можетъ-быть, какъ-нибудь соберусь и пріѣду.

Прихвосневъ. Сдѣлайте милость! Билетовъ прошу не брать, а даромъ, и увидите, что у меня все чинно, прилично и на благородную ногу.

Блинковъ (Софьѣ Михайловнѣ). Когда вы будете, то позвольте пригласить васъ на двѣ кадрили и на мазурку.

Софья Михайловна (улыбаясь). Хорошо!

Блинковъ (раскланиваясь предъ ней). А теперь имѣю честь кланяться.

Софья Михайловна (протягивая ему руку). Прощайте!.. Мерсі за букетъ.

Блинковъ. Если вамъ угодно, я другой еще привезу.

Софья Михайловна. Нѣтъ, благодарю; я до цвѣтовъ не большая охотница!

Блиновъ (Прихвосневу). До свиданія!

Прихвосневъ (ему). Обѣдъ въ «Славянскомъ Базарѣ» не забудьте,—я не прощу вамъ его!

Блиновъ (смѣясь). Не знаю, будете ли еще стоить!.. (Вторично раскланивается съ Софьей Михайловной). Мой поклонъ, madame! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья Михайловна и Прихвосневъ.

Софья Михайловна. За что это вы съ него обѣдъ въ «Славянскомъ Базарѣ» требуете?

Прихвосневъ (смѣясь). Да такъ, дурачимся! Счета разные съ нимъ имѣемъ! (Болѣе уже серьезнымъ тономъ) Прекраснѣйшій молодой человѣкъ!

Софья Михайловна. А онъ однако все что-то надъ вами подтрунивалъ?

Прихвосневъ. Манера этакая глупая, купеческая; но все-таки долженъ сказать—ангельской души мальчикъ и при этомъ страшно богатъ.

Софья Михайловна. Онъ, мнѣ кажется, очень недалекъ?

Прихвосневъ. Ай, нѣтъ-съ, напротивъ. Въ языкѣ только не чистъ, а умный и, главное, любознательный; за границу нынѣшнимъ лѣтомъ собирался-было ѣхать, да тутъ грѣхъ съ нимъ маленько случился.

Софья Михайловна. Какой грѣхъ?

Прихвосневъ. Обыкновенно какой у молодыхъ людей грѣхъ бываетъ—влюбился!

Софья Михайловна. Вотъ какъ!.. Въ кого же это онъ влюбился?

Прихвосневъ. Въ васъ!

Софья Михайловна (удивленная и пораженная). Въ меня?

Прихвосневъ. Да-съ!.. До безумія!.. до сумасшествія!.. Ночи всѣ не спитъ... Первы даже разстроилъ себѣ!.. Водой теперь лѣчится.

Софья Михайловна. Но гдѣ же онъ могъ влюбиться въ меня? Онъ всего раза два или три былъ у меня.

Прихвосневъ. Страсть мгновенно людьми овладѣваетъ! Плачетъ иногда, бѣдный! Жаль даже его!

Софья Михайловна (усмѣхаясь и слегка качая головой). Въ такомъ случаѣ я еще больше убѣждаюсь, что онъ глупъ. (Покраснѣвъ немного) Развѣ онъ не знаетъ, что я люблю другого человѣка.

Прихвосневъ. Какъ не знать-съ? Знаетъ. Я даже говорилъ ему объ этомъ,—вы ужъ извините меня!

Софья Михайловна. Я нисколько этого и ни отъ кого не скрываю.

Прихвосневъ. Что тутъ скрывать! Говорю ему, что вотъ что... «Что жъ, говоритъ, этотъ другой не стоитъ любви Софьи Михайловны».

Софья Михайловна (попрежнему усмѣхаясь). Почему же онъ не стоитъ моей любви?

Прихвосневъ (замявшись немного). Потому что самъ, что ли, не любитъ, или мало васъ любитъ...

Софья Михайловна. Изъ чего же Блиновъ заключаетъ, что Аматуровъ мало меня любитъ?

Прихвосневъ (еще болѣе запинаясь). Да тамъ я не знаю; измѣняетъ, что ли, вамъ...

Софья Михайловна. Мнѣ Аполлонъ Алексѣичъ измѣняетъ?

Прихвосневъ. Блиновъ говоритъ, что измѣняетъ.

Софья Михайловна. А какъ же Блиновъ можетъ знать это?

Прихвосневъ. Знаетъ ужъ, видно!.. Не скрываютъ въ этомъ случаѣ мужчины другъ отъ друга.

Софья Михайловна (поблѣднѣвъ). Послушайте, Прихвосневъ, вы шутите это или нѣтъ?

Прихвосневъ. Сударыня, смѣлъ бы я шутить? Я, конечно, глупо сдѣлалъ, что сказалъ вамъ... Теперь васъ только обезпокоилъ...

Софья Михайловна (съ рыданіемъ въ голосѣ). Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ!.. Вы, какъ честный человѣкъ, должны были это сказать!.. Я сама замѣчала: онъ постоянно куда-то рвется отъ меня... куда-то все ему надо... Говорите, измѣняетъ онъ мнѣ, или нѣтъ?

Прихвосневъ. Ей-Богу, сударыня, не знаю!..

Софья Михайловна. Нѣтъ, вы знаете это! Вы должны это знать!.. Я на колѣняхъ васъ буду умолять, буду цѣловать ваши руки... Ну, добрый, милый Прихвосневъ, говорите! (Старается взять его за руки).

Прихвосневъ. Что мнѣ вамъ говорить, ей-Богу!

Софья Михайловна. Умоляю васъ, умоляю... Иначе я съ ума сойду. У меня ужъ голова обезчувственѣла... Вотъ она— ничего не чувствуетъ!.. Ничего!.. (Хватаетъ себя за голову и вся дрожитъ).

Прихвосневъ (не на шутку струсившій). Ну, извольте, сударыня, я скажу вамъ... Только вы послѣ, какъ-нибудь въ сердцахъ, не скажите Аполлону Алексѣевичу, что отъ меня слышали.

Софья Михайловна (стремительно). Никогда!.. Клянусь

вамъ: никогда!.. (Какъ бы машинально беря его за руку и выводя его на авансцену) Если бы пытку мнѣ даже дѣлали, на медленномъ огнѣ меня жгли, я никому не проговорюсь, что это вы мнѣ сказали. Я скажу, что по городской почтѣ мнѣ написали... Говорите, есть у него любовница?

Прихвостневъ (съ грустью пожимая плечами). Есть.

Софья Михайловна (по наружности какъ бы твердымъ и спокойнымъ голосомъ). Кто она такая?

Прихвостневъ. Да такъ, обыкновенная...

Софья Михайловна. Наемная, значитъ.

Прихвостневъ. Неужели изъ любви!.. Квартиру ей нанимаетъ. Пожалуй, не хуже этой.

Софья Михайловна (съ какимъ-то пылающимъ уже взоромъ). Значитъ, когда я была больна, когда я умирала, онъ за всю-то любовь мою къ нему ни одного вечера не хотѣлъ просидѣть у меня, говорилъ, что ему по дѣламъ надо,—это онъ къ ней ѣздилъ?

Прихвостневъ. Безъ сомнѣнія-съ. Пиры даже задавалъ тамъ... Пріѣдетъ со своими пріятелями... Тѣ тоже со своими аманками... Кутятъ... Пѣсни поютъ... Бывалъ я иногда у нихъ на этихъ собраніяхъ.

Софья Михайловна (какъ бы смѣясь). Вотъ что, какъ онъ веселился!.. Но только я теперь постараюсь сдѣлать, чтобы ему не было ужъ больше весело тамъ!.. Поѣдемте сейчасъ же и проводите меня къ этой моей соперницѣ,—я хочу ее видѣть.

Прихвостневъ. Полноте, сударыня, какъ это вамъ не стыдно—унижать себя и ѣхать къ какой-нибудь дурѣ!.. Браниться, что ли, вы съ ней будете!

Софья Михайловна. За что я буду съ ней браниться? Чѣмъ она тутъ виновата? Я только хочу посмотрѣть, хороша ли она?.. лучше ли она меня?.. Потому что я знаю, что я еще красивѣе многихъ женщинъ! (Глаза ея при этомъ полны слезъ).

Прихвостневъ. Гдѣ жъ ей быть, помилуйте, противъ васъ.

Софья Михайловна. Такъ за что же онъ предпочелъ ее мнѣ? Можетъ-быть, она больше и сильнѣй его любитъ, чѣмъ я. Въ такомъ случаѣ я предостерегу ее, несчастную!.. Я скажу ей, что этому человѣку ни души ни сердца женскаго не надо... Я тоже любила его глубоко!.. Я жизнью готова была для него пожертвовать: но онъ ничего этого не оцѣнилъ и ушелъ къ другой женщинѣ! Что же это такое?.. Прихоть! Развратъ!.. Пусть эта госпожа знаетъ, какой онъ негодяй и чувственникъ!

Прихвостневъ. Госпожа эта очень хорошо все это знаетъ и нисколько объ этомъ не безпокоится. Вы-то, по благородству чувствъ вашихъ, судите по ссбѣ...

Софья Михайловна (колотя себя въ грудь). Да! Я сужу по себѣ... Въ продолженіе трехъ лѣтъ я въ мысляхъ даже не подумала не только что разлюбить его, но даже немножко охладѣть къ нему, а онъ-то, онъ-то!.. Боже мой! Надя, дай мнѣ бурнусъ и шляпку! (Уходитъ въ сосѣднюю комнату).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прихвоневъ (почти въ отчаяніи разводя руками). Влопался теперь въ эту исторію — бѣда!.. И не расхлебаешь!.. А все этотъ дуракъ—Блиновъ! Пристадъ какъ съ ножомъ къ горлу: «Скажи да скажи про Аматурова Софьѣ Михайловнѣ; это скорѣй дѣло подвинетъ!» Вонъ оно какъ подвинуло... Баба бѣшеная, вцѣпится Аполлону Алексѣевичу въ глаза; онъ какъ-нибудь узнаетъ, или догадается, что я тутъ маненько химостилъ, и живой отъ него не уйдешь! Не смѣшно было бы, если бъ еще выгода какая-нибудь особенная открывалась, а то вздоръ: развѣ вотъ этотъ обѣдишко въ «Славянскомъ Базарѣ»,—очень онъ мнѣ нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья Михайловна въ бурнусѣ и шляпкѣ.

Софья Михайловна. Поѣдемте, покажите мнѣ дорогу... Я продамъ мои вещи и брильянты и заплачу вамъ за это.

Прихвоневъ (слѣдуя за ней съ понуренною головой, недовольнымъ голосомъ). Ничего, сударыня, мнѣ не надо! Милліоновъ бы не взялъ за это!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Надя (проворно выбѣгая изъ сосѣдней комнаты). Батюшки, я не спросила барыню, скоро ли она пріѣдетъ... (Отворяетъ окно и кричитъ) Софья Михайловна, вы когда пріѣдете, если спроситъ Аполлонъ Алексѣичъ? Ну, и не отвѣчаетъ ничего... Сердитая такая отчего-то... Но куда это она поѣхала?.. Въ городъ, должно-быть, закупить что-нибудь для вечера... У меня самой сегодня балъ будетъ... шоколаду купила, стану шоколадомъ всѣхъ поить... Удивляюсь я, какъ это другія дѣвушки простую водку пьютъ, я даже винограднаго вина не могу; зато конфетъ или фруктовъ сколько хотите съѣмъ... Пудъ бы, кажется, съѣла, если бы кто подарилъ!.. (Слышится звонокъ). Аполлонъ Алексѣичъ, вѣрно, это пріѣхалъ!..

(Бѣжитъ отворять).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входитъ проворно Аматуровъ, а за нимъ возвращается и Надя.

Аматуровъ. Софьи Михайловны дома нѣтъ, и прекрасно! (Надѣ) Пожалуйте сюда поближе ко мнѣ.

(Надя подходитъ).

Аматуровъ (подавая ей небольшую коробочку). Прошу принять и не побрезговать!

Надя (съ недоумѣніемъ). Что такое, баринъ?

Аматуровъ. Брошка и сережки съ брильянтиками на именины тебѣ.

Надя (вся вспыхнувъ). Съ какой же стати это, баринъ?

Аматуровъ. Такъ—подарить хочу.

Надя. Да, баринъ, я и надѣть не буду смѣть. Вдругъ Софья Михайловна спроситъ меня. гдѣ я взяла; я скажу, вы подарили; она Богъ знаетъ что можетъ подумать.

Аматуровъ. Кто жъ тебя заставляетъ сказать, что я подарилъ. Развѣ кто-нибудь другой тебѣ не могъ подарить?

Надя. Это такъ, баринъ, но все какъ-то опасно...

Аматуровъ. Нечего, нечего!.. Клади въ карманъ!

(Надя кладетъ коробочку въ карманъ себѣ).

Аматуровъ. Ну, а теперь еще я, моя прелестная, желаю съ тобой переговорить: неужели тебѣ не противно жить въ горничныхъ?

Надя. Что ужъ, баринъ, хорошаго!.. точно, что самая противная должность!

Аматуровъ. Но вѣдь ты портниха?

Надя. Портниха-съ; но намъ у хозяевъ, пожалуй, еще труднѣе жить-съ: у меня даже грудь начала болѣть,—сидишь все согнувшись...

Аматуровъ (перебивая ее). Я тебѣ не про хозяйку и говорю, а открой сама свою мастерскую. Полюби какого-нибудь человѣка съ состояніемъ, онъ тебѣ купитъ швейную машину, дастъ на первое обзаведеніе и потомъ слегка станетъ тебя поддерживать—и живи, значитъ, на своей волѣ.

Надя. Развѣ, баринъ, такого человѣка на улицѣ, что ли, найдешь...

Аматуровъ. Да полюби меня,—я тебѣ все это сдѣлаю!

Надя. Вы?.. Ха-ха-ха! Вотъ это отлично, безподобно! А барыню какъ же вы будете любить? Она по васъ жива сгорѣла!

Аматуровъ (вздохнувъ). Что дѣлать, барыню я разлюбилъ; съ сердцемъ своимъ не совладаешь.

Надя (качая головой). Ахъ, вы, мужчины, мужчины гадкіе!

Аматуровъ. Можетъ, и гадкіе! Но какъ же, полюбишь?

Надя. Нѣтъ, баринъ, никогда не буду согласна на это.

Аматуровъ. Почему?

Надя. Потому, баринъ, что я лучше замужъ пойду за равнаго себѣ.

Аматуровъ. За какого за равнаго?

Надя. Хоть за какого-нибудь клубскаго лакея; онъ станетъ служить, а я буду жить на квартирѣ.

Аматуровъ. И будетъ къ тебѣ этотъ клубскій лакей приходить каждый вечеръ и колотить тебя.

Надя. Ну, а то, что вы, баринъ, говорите, развѣ лучше? Мало ли насъ, дуръ, отъ того погибаетъ!

Аматуровъ. Это ужъ извини; я тебя не погублю, потому что это не простое волокитство съ моей стороны, а я влюбленъ въ тебя самымъ искреннимъ образомъ.

Надя (усмѣхаясь). Мнѣ, баринъ, смѣшно даже слышать, какъ вы говорите, что вы влюблены въ меня... Вы вотъ любите барыню мою... кучеръ вашъ разсказывалъ, что у васъ есть гдѣ-то тамъ еще другая барыня...

Аматуровъ. Положимъ, что я люблю твою барыню, и что есть еще у меня гдѣ-нибудь другая барыня; но если я всѣхъ ихъ брошу для тебя?

Надя. Не бросите, не посмѣете!.. Это не то, что нашу сестру.

Аматуровъ (прижимая руку къ сердцу). Увѣряю тебя честью...

Надя. А когда бросите, тогда и видно будетъ, а теперь я и разговору такого не хочу имѣть съ вами!.. Адье-съ, мусье! (Кокетливо приседаетъ ему и проворно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аматуровъ (оставшись одинъ и какъ бы размышляющимъ нѣсколько тономъ). Ушла!.. Что это значитъ? Въ самомъ ли дѣлѣ она prude этакая, или просто плутовочка; но какъ бы то ни было, удивительно, что у меня за характеръ: дѣвочка эта сдѣлалась теперь вѣнцомъ всѣхъ моихъ желаній! Я полъ-состоянія готовъ истратить на то, хотя напередъ знаю, что она скоро наскучитъ мнѣ; потому что, какъ дѣлаютъ вонъ другіе мужчины, любить долго одну женщину я никогда не могъ,—скорѣй бы застрѣлился! И теперь вотъ еще черта у меня: Софью Михайловну я разлюбилъ совершенно; ея ласки и нѣжности просто невыносимы мнѣ; но попробуй она сама отстранить меня отъ себя, или, что еще хуже того, полюбить другого, мучиться вѣдь буду... терзаться... ревновать стану... мстить даже готовъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Входитъ Софья Михайловна. Выраженіе лица ея почти ужасное.

Аматуровъ (увидѣвъ ее). А, вотъ и дорогая именинница наша! Поздравляю васъ съ днемъ вашего ангела.

Софья Михайловна (слегка кивая ему головой). Очень вамъ благодарна!..

(Садится на диванъ и отворачивается отъ Аматурова. На глазахъ ея, несмотря на строгое выраженіе ихъ, искрятся слезы).

Аматуровъ (все это замѣтившій и уже нѣсколько смущеннымъ голосомъ). А насчетъ подарка, извини, мой ангелъ!.. Какой случай вышелъ: третьяго-дня я заѣхалъ къ ювелиру; вижу одинъ браслетъ—чудо что такое, въ серединѣ яхонтъ, а кругомъ на золотыхъ цвѣточкахъ изумруды. Денегъ со мной не было, а онъ довольно цѣнный, такъ что я рѣшился заѣхать на другой день. Вообрази: пріѣзжаю, а его ужъ купили... Я, впрочемъ, заказалъ тебѣ сдѣлать точно такой же... Ты, надѣюсь, подождать можешь?

Софья Михайловна. Отчего жъ не подождать! Могу, могу... (Какъ-то странно смѣется).

Аматуровъ (это тоже замѣтившій и садясь на довольно отдаленное отъ Софьи Михайловны кресло, тѣмъ же смущеннымъ голосомъ). Теперь-съ второе дѣло, и опять денежное: милѣйшій супругъ вашъ Богъ знаетъ до какой наглости дошелъ... Слышу ото всѣхъ, что онъ тамъ богатѣетъ, и вдругъ вчера получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ почти приказываетъ мнѣ немедленно выслать ему на какую-то временную перевертку шесть тысячъ рублей серебромъ. Не говоря уже о томъ, что я никогда бы и ничѣмъ не желалъ ссужать подобнаго господина, но теперь даже лишенъ возможности сдѣлать это, потому что наличныя деньги, какія у меня были, я всѣ ему отдалъ, а больше у меня таковыхъ не имѣется!

Софья Михайловна. И не посылай! Кто жъ тебя заставляетъ?

Аматуровъ. Прекрасно-съ; но если онъ тебѣ начнетъ за это дѣлать непріятности?

Софья Михайловна (гордо взмахивая на него глазами). А тебѣ что за дѣло до того?

Аматуровъ. Дѣло, потому что мнѣ твое спокойствіе дорого.

Софья Михайловна. Спокойствіе мое дорого вамъ? А я и не знала этого!.. (Опять какъ-то странно смѣется и постукиваетъ ногой).

Аматуровъ. Но что жъ тутъ смѣшного, и что у тебя за тонъ сегодня?.. Сердишься, что ли, ты на меня за что-нибудь?..

Софья Михайловна. Спроси свою совѣсть, есть ли мнѣ за что на тебя сердиться, или нѣтъ,—да самъ и отвѣчай на этотъ вопросъ!

Аматуровъ. Спрашиваю и рѣшительно отвѣчаю, что не за что: я сегодня такой же, какимъ былъ и вчера...

Софья Михайловна. Да, я знаю, что ты сегодня такой же негодяй, какимъ былъ вчера и третьяго-дня...

Аматуровъ (перебивая ее). Софья Михайловна, остерегитесь въ вашихъ выраженіяхъ!

Софья Михайловна. Такимъ именемъ тебя назоветъ еще и другая женщина! Я сейчасъ была у другой твоей любовницы!.. На, смотри, кому ты дарилъ этотъ портретъ! (Показываетъ Аматурову его фотографическій кабинетный портретъ). Она также не хочетъ держать его у себя и пускать тебя къ себѣ.

Аматуровъ (сильно смущенный). Я въ этомъ нисколько не нуждаюсь!

Софья Михайловна. Не лги ужъ, пожалуйста! Ну, разлюбилъ, приди, скажи!.. Но крайней мѣрѣ, честнымъ человѣкомъ бы остался; но въ тебѣ даже откровенности ко мнѣ, искренности въ отношеніи меня не было.

Аматуровъ (нѣсколько оправившись). Позвольте, Софья Михайловна! Искренности и въ васъ въ отношеніи меня никогда не было.

Софья Михайловна. Гдѣ? въ чемъ? говори!

Аматуровъ. Да вотъ съ пустяковъ взять: вонъ на столѣ у васъ букетъ стоитъ. Я не ревную и не спрашиваю, кто вамъ его подарилъ.

Софья Михайловна. Напрасно!.. Я тебѣ сейчасъ скажу: букетъ этотъ подарилъ мнѣ молодой Блиновъ, страстно въ меня влюбленный.

Аматуровъ. Вотъ видите, что оказалось на повѣрку, да и въ другомъ, во многомъ...

Софья Михайловна. Въ чемъ еще другомъ? Говори!

Аматуровъ. Что жъ говорить?.. Я никогда не хотѣлъ напоминать вамъ объ этомъ.

Софья Михайловна. Нѣтъ, я требую, чтобы ты напомнилъ, если ужъ началъ.

Аматуровъ (какъ бы самъ съ собой). Хороша искренность! Въ то время, какъ Богъ знаетъ въ какой любви меня увѣряли, вы отличнѣйшимъ образомъ дѣйствовали въ пользу кармана своего супруга... Вы думали, что я не понялъ ничего этого; но я, къ несчастью, все это уразумѣлъ...

Софья Михайловна. Да, дѣйствовала въ пользу кармана

своего супруга!.. Но знаешь ли ты, жадный скупецъ, отчего и почему я это дѣлала? Я дѣлала это, чтобы спасти любовь нашу: еще наканунѣ мужъ хотѣлъ услать меня въ деревню и разлучить насъ, а я тогда жить безъ тебя не могла, да полагаю, что и ты тоже.

Аматуровъ. Если жить безъ меня не могли, то гораздо бы проще было прямо уѣхать отъ мужа.

Софья Михайловна. Конечно!.. Такъ бы вотъ онъ сейчасъ и пустилъ меня!.. Смиренькаго какого нашли!.. Онъ бы и черезъ полицію вытребовалъ меня къ себѣ. Впрочемъ, я все-таки сознаюсь, что я тутъ подло и безчестно поступила, но я не знала васъ: я думала, что я дороже для васъ тридцати тысячъ, въ чемъ прошу у васъ извиненія, а еще болѣе въ томъ, что и потомъ продолжала обременять васъ собою и жить на вашъ счетъ, чего ужъ, конечно, теперь ни одной минуты себѣ не позволю!.. Надя!

ЯВЛЕНІЕ X.

Надя, все время подслушивавшая у дверей, вбѣгаетъ.

Софья Михайловна. Поди, принеси мнѣ изъ спальни мою красненькую коробочку.

(Надя уходитъ).

Софья Михайловна (Аматурову). Ничего не беру изъ вашей квартиры, возьму только свои приданые брильянты и еще разъ прошу у васъ прощенья, что заставила васъ тратиться на себя.

(Надя возвращается и подаетъ Софьѣ Михайловнѣ ящичекъ).

Софья Михайловна (ей). Поди, найми мнѣ извозчика! Недалеко тутъ въ номера!.. Я сейчасъ туда переѣзжаю.

Аматуровъ (желая ее успокоить). Софья Михайловна, перестаньте же безумствовать и глупости дѣлать!.. Если дѣйствительно была съ моей стороны маленькая вѣтреность, то, завѣряю васъ, она ужъ болѣе не повторится!.. Помиримтесь!.. (Хочетъ было приблизиться къ ней).

Софья Михайловна (отстраняясь отъ него). Не подходи, или иначе я убью тебя!

Аматуровъ. Ну, убивайте, когда хотите! (Подходитъ было къ ней).

Софья Михайловна (кидая въ него портретъ). На, вотъ тебѣ портретъ твой отвратительный!

Аматуровъ (отскакивая отъ нея). Сумасшедшая женщина!

Софья Михайловна (съ окончательно раздувшимися ноздрями Надѣ). Найми извозчика и поѣдемъ со мной!

Аматуровъ (Надѣ, тоже взбѣшеннымъ голосомъ). Не ѣзди, Надя, оставайся здѣсь, и ужъ не служанкой, а барыней!.. Это все и вся квартира принадлежатъ тебѣ, и три тысячи годового дохода.

Софья Михайловна (строго Надѣ). Ѣдешь или нѣтъ?

Надя (со слезами въ голосѣ). Барыня, я въ номерахъ жить не могу.

Софья Михайловна. Ха-ха-ха, и тутъ ужъ есть!.. (Быстро поворачиваясь къ Аматурову) Человѣкъ ты или звѣрь?.. Ты исключенье изъ людей!.. Чудовище какое-то!.. Что же это такое,—Господи!.. (Поднимаетъ въ ужасѣ руки).

(Аматуровъ, обозленный, стоитъ на одной сторонѣ авансцены, а Надя, очень смущенная—на другой).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Общественный садъ съ отдѣльными столиками и плетеными стульями около нихъ. На заднемъ планѣ виднѣется довольно красивое въ русскомъ вкусѣ зданіе съ надписью: „Русская забава". Въ саду около кустовъ стоитъ нѣсколько лакеевъ въ вытертыхъ черныхъ фракахъ и съ металлическими номерами на груди. Лѣтній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Блинковъ, въ модномъ пиджакѣ, и Прихвосневъ, въ лѣтнемъ гарусномъ пальто и соломенной шляпѣ, сидятъ около столика, ближайшаго къ авансценѣ на правой сторонѣ.

Блинковъ (по обыкновенію, слегка пришепетывая). Сколько времени ужъ, братъ, прошло, а дѣло на аршинъ не подвинулось.

Прихвосневъ (поучительнымъ тономъ). Терпѣніе и терпѣніе!

Блинковъ. Пожалуй, терпи! Она вонъ все плачетъ!

Прихвосневъ. Непремѣнно-съ должна плакать.

Блинковъ. Стало-быть, она по этомъ Аматуровѣ плачетъ?

Прихвосневъ. Нисколько-съ, нисколько!

Блинковъ. О комъ же она плачетъ?

Прихвосневъ. О своемъ положеніи! Вы не знаете, а я ей послѣдніе бриллянтишки ея продалъ! и она сегодня пріѣдетъ сюда за деньгами.

Блинковъ (уже горячась). Кто жъ ее заставляетъ?.. Развѣ я не могу ей помочь и держать на всемъ готовомъ?

Прихвосневъ. Вона, какую маленькую штуку выдумалъ: «держать на готовомъ»!.. Она не простая дѣвушка, а женщина благороднаго званія, свой гоноръ и амбицію имѣетъ!

Блинковъ. А отчего она у Аматурова жила на его счетъ?

Прихвосневъ. То другое-съ было! По любви началось!.. А потомъ, когда случай такой вышелъ: мужъ бросилъ!.. Теперь же думаетъ: любила одного, но тутъ выходитъ, надо любить другого,—какъ этому вдругъ сдѣлаться! Съ какой-нибудь Надей, спросите-ка Аматурова, сколько онъ хлопоталъ: сначала ни квартиры, ни вещей Софьи Михайловны, ни даже жалованья въ три тысячи цѣлковыхъ брать не хотѣла, ушла отъ него, и только ужъ мѣсяца черезъ три, какъ ей очень невтерпежъ пришлось жить въ горничныхъ, мы разными ее катаньицами, гуляньицами и винцомъ сладкимъ сманили...

Блинковъ. Меня, значитъ, Софья Михайловна ужъ и не полюбитъ никогда?

Прихвосневъ. Да полюбитъ! Господи, погодите немножко!.. Она мнѣ сама говорила: «Я въ него еще всматриваюсь, серьезное ли онъ чувство ко мнѣ имѣетъ».

Блинковъ. Еще бы не серьезное, мнѣ ничего не жаль для нея.

Прихвосневъ. Знаю-съ! Но вотъ она увидитъ это, поймѣтъ и оцѣнитъ!.. Кто-то однако пріѣхалъ! (Глядитъ вдаль). Батюшки, Аматуровъ съ Наденькой своей!.. (Блинкову) Вы съ нимъ встрѣчались послѣ его разлуки съ Софьей Михайловной?

Блинковъ (не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ). Встрѣчались!

Прихвосневъ. И что же, ничего?

Блинковъ (тѣмъ же неспокойнымъ голосомъ). Ничего, кажется!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ Аматуровъ и Надя, франтовски одѣтая.

Аматуровъ (Прихвосневу, который его почти раболѣпно встрѣчаетъ). Вотъ и мы къ вамъ на гулянье пріѣхали!

Прихвосневъ. Очень-съ радъ, очень! (Кланяется Надѣ). Какая вы, Надежда Дмитріевна, прелесть стали!.. Чудо, что такое!..

Надя (перебивая его). Пожалуйста, безъ насмѣшекъ.

Прихвосневъ. Какія насмѣшки! (Аматурову) Я вотъ этта какъ-то встрѣтилъ васъ: ѣдете вы на вашихъ рысакахъ... сбруя горитъ... экипажъ отличнѣйшій... сами молодцомъ сидите... около васъ (показывая на Надю) этотъ ангелочекъ... Просто народъ ахаетъ и ротъ разѣваетъ, глядя!

Аматуровъ (самодовольно). Дѣйствительно, у меня эта пара недурная! (Проходитъ и вмѣстѣ съ Надей садится около столика на лѣвой сторонѣ авансцены).

Прихвосневъ (слѣдуя за нимъ). Чѣмъ прикажете потчевать?

Аматуровъ. Намъ пока ничего не надо, а объ лошадяхъ похлопочите: велите вашему кучеру ихъ отпрячь, чтобы повыстоялись онѣ немного, и овса имъ дайте.

Прихвостневъ. Сами, значитъ, правили; въ одноколкѣ пріѣхали?

Аматуровъ. Самъ. Но однако спѣшите, не раздабаривайте.

Прихвостневъ. Въ минуту все устроимъ. (Уходитъ).

Аматуровъ (надѣвъ пенснэ и осматривая садъ, говоритъ Надѣ). Это, кажется, господинъ Блиновъ?

Надя. Онъ... То-то, я думаю, у васъ какъ въ сердцѣ закипѣло!.. Такъ бы и съѣли его сейчасъ.

Аматуровъ (съ усмѣшкой). Напротивъ!..

Надя (перебивая его). Ужъ сдѣлайте милость, не запирайтесь!.. Досадно уже!

Аматуровъ (съ тою же усмѣшкой). Почему жъ досадно?

Надя. Да какъ же: прежде Софья Михайловна васъ любила, а теперь, говоритъ, его любитъ.

Аматуровъ. И на здоровье ей!.. Вотъ мы сейчасъ даже опривѣтствуемъ другъ друга! (Громкимъ голосомъ и кивая головой Блинкову) Здравствуйте, Блиновъ.

Блиновъ (вскакивая съ мѣста и нѣсколько трусливо). Ахъ, здравствуйте!.. Какъ ваше здоровье?

Аматуровъ. Ничего, живемъ... Не хотите ли въ слѣдующее воскресенье на бѣгахъ потягаться на рысакахъ?

Блиновъ (скаля отъ удовольствія ротъ). Извольте-съ. У насъ нынче новый каурый рысакъ есть.

Аматуровъ. А мы на старомъ еще поплетемся. Съ Софьей Михайловной Дарьяловой часто видаетесь?

Блиновъ (опять струсивъ). Нѣтъ-съ, не часто.

Аматуровъ. А какъ этакъ?

Блиновъ. Да такъ... иногда бываю-съ. А вы видаетесь?

Аматуровъ. Нѣтъ, мы не видаемся. Прежде ужъ часто видались, надоѣли другъ другу.

Блиновъ. Вотъ что-съ!.. До свиданья! (Встаетъ и хочетъ уйти).

Аматуровъ (ему). Куда жъ это вы?

Блиновъ. На бильярдѣ въ кофейную (показываетъ головой на заднее зданіе) иду поиграть! (Скрывается).

Аматуровъ (слегка усмѣхаясь). Убѣжалъ, каналья. Думаетъ, вѣрно, что я стану претендовать на него; а я радъ, очень даже, что онъ утѣшилъ безутѣшную...

Надя (щуря глаза). Ахъ, какъ вы злы на Софью Михайловну,—ужасно! Сейчасъ и насмѣшничать надъ ней!.. Что и надоѣли другъ другу, и что утѣшилъ безутѣшную.

Аматуровъ (уже серьезнымъ голосомъ и съ ударѐніемъ). Ну, я еще мало на нее злюсь!.. На нее слѣдовало бы больше злиться за всѣ ея дѣянья противъ меня.

Надя. Какія же дѣянья ея противъ васъ были?

Аматуровъ. Да вотъ хоть бы то, что меня ревновала, никуда отъ себя не пускала, только что не на цѣпочкѣ держала; а сама въ это время подъ сурдинкой любовника другого пріобрѣла себѣ.

Надя (съ удивленіемъ). Какого любовника? Что̀ вы выдумываете?

Аматуровъ. А Блинкова этого?

Надя. Да если она и полюбила его, такъ послѣ того, какъ вы ее кинули.

Аматуровъ (вспыливъ даже). Что̀ ты мнѣ говоришь: послѣ! У ней на именинахъ стоялъ букетъ отъ него. Они давно ужъ, я думаю, обожаютъ другъ друга!

Надя. Гдѣ жъ давно?.. Онъ всего два раза у ней и былъ тогда... На моихъ глазахъ все это происходило.

Аматуровъ. При тебѣ два раза, а вотъ, можетъ-быть, въ этомъ же саду, у этого мерзавца Прихвоснева, каждый день видались; но все это—люби она тамъ кого ей угодно, сколькихъ угодно; но, главное, какъ она смѣла бросить мнѣ портретъ въ лицо!.. Она прямо тутъ разсчитала, что она женщина, и что я ничѣмъ не могу отплатить ей за то... Не хлыстъ же взять и самоё ее отдуть,—мы не въ томъ вѣкѣ живемъ.

Надя (грозя ему пальчикомъ). Погодите, Аполлонъ Алексѣичъ, постойте!.. Отчего жъ вы на другую, которая у васъ была вмѣстѣ съ Софьей Михайловной, не сердитесь?.. Та тоже васъ оставила!

Аматуровъ. Та оставила меня благороднѣйшимъ образомъ; она возвратила мнѣ мой портретъ и написала мнѣ письмо, чтобъ я больше къ ней не ѣздилъ.

Надя. Нѣтъ, не потому!.. Не проведете меня.

Аматуровъ. А почему же?

Надя. А потому, что и теперь еще къ ней ѣздите.

Аматуровъ (замѣтно смущенный этими словами). Пустяки какіе!.. Когда же я ѣзжу?

Надя. Знаю я, знаю!.. И подстерегу даже васъ и тоже въ лицо вамъ брошу—помело даже!.. Я злая тоже.

Аматуровъ (продолжая оставаться нѣсколько смущеннымъ). Ты можешь кидать. Ты другое дѣло!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Препиратовъ, мрачный, сильно похудѣвшій.

Препиратовъ (одному изъ лакеевъ басомъ). Одолжите мнѣ, любезный, чаю!

Лакей. Сейчасъ-съ! (Уходитъ).

(Препиратовъ, обернувшись въ сторону къ Аматурову, начинаетъ всматриваться въ него. Тотъ на него тоже смотритъ).

Аматуровъ (про себя). Гдѣ я видѣлъ этого господина—не помню!

Препиратовъ (къ нему и, по обыкновенію, басомъ). Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами въ собраніяхъ компаніи «По выщипкѣ руна изъ овецъ».

Аматуровъ (припомнивъ). Ахъ, да!.. Тамъ!.. Дѣйствительно! Вы, кажется, адвокатъ... Господинъ Препиратовъ, если я не ошибаюсь.

Препиратовъ. Точно такъ! (Подумавъ немного) Что же, эта компанія такъ и лопнула?..

Аматуровъ. Совершенно.

Препиратовъ (нахмуривъ брови). А гдѣ же этотъ обманувшій всѣхъ господинъ директоръ?

Аматуровъ. На югѣ себѣ благоденствуетъ. Пароходствомъ своимъ управляетъ и еще, говорятъ, новое какое-то предпріятіе затѣваетъ!.. Въ двухстахъ тысячахъ считаютъ.

Препиратовъ (глубокомысленно качнувъ головою). Какая безнаказанность!

Аматуровъ. Да, нынче плутовать можно, кто умѣетъ прятать концы. Вонъ и по вашей адвокатурѣ есть вѣдь тоже это?

Препиратовъ (грустнымъ голосомъ). Есть!.. Къ великому сожалѣнію, долженъ сознаться, что есть.

Аматуровъ (всматриваясь въ него). Но вы что-то очень похудѣли... Страдаете чѣмъ-нибудь?

Препиратовъ (мрачно). Грудью! Въ молодости я учился въ семинаріи, и насъ тогда сильно тамъ истязали... Классы были почесть нетопленные; сами профессора сидѣли въ шубахъ, мы въ своихъ халатишкахъ,—простуда, значитъ! Потомъ дурное питаніе: я все время ученья ѣлъ только такъ называемыя куроносныя щи, то-есть изъ одной протухлой капусты, безъ всего!.. Наконецъ наказанія несоразмѣрныя: ежели маломальски въ урокѣ не твердъ, профессоръ подкликнетъ тебя къ себѣ: «дай-ка, говоритъ, твои аксіосы!»—и таскаетъ, таскаетъ тебя за волосы; а броситъ, его же поблагодари, что наказалъ.

Аматуровъ. Что за варварство такое!

Препиратовъ. Жестокое проходили воспитаніе...

Лакей (подходитъ къ нему). Чай готовъ.

Препиратовъ. Благодарю!.. (Идетъ къ столику, за который усѣвшись, начинаетъ съ мрачнымъ выраженіемъ пить чай).

Аматуровъ (снова относясь къ нему). А скажите: у той госпожи, съ которой я васъ видѣлъ, вы до сихъ поръ повѣреннымъ?

Препиратовъ (съ окончательно помрачившимся взоромъ). Нѣтъ-съ, она другого уже повѣреннаго имѣетъ! Мы съ ней болѣе года, какъ разошлись.

Аматуровъ. Вслѣдствіе чего же?

Препиратовъ. Вслѣдствіе того, что она женщина неблагодарная и развращенная.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Софья Михайловна. Она появляется изъ воротъ сада. За ней, едва поспѣвая, слѣдуетъ Блиновъ.

Блиновъ (ей негромко и торопливо). Я васъ все тутъ у воротъ дожидался... Аматуровъ здѣсь въ саду сидитъ.

Софья Михайловна. А мнѣ что за дѣло до того! Онъ можетъ сидѣть и бывать гдѣ ему угодно! (Подойдя къ столу направо и обращаясь къ Блинкову) Мужъ пріѣхалъ и былъ у меня.

Блиновъ (поблѣднѣвъ). У васъ даже былъ?

Софья Михайловна. Да, но не засталъ меня дома. Я нарочно уѣхала изъ дому... Позовите ко мнѣ поскорѣе Прихвоспева, чтобъ онъ отдалъ мнѣ мои деньги,—я сейчасъ же уѣду.

Блиновъ. Куда-съ?

Софья Михайловна. Не знаю еще и сама куда.

(Блиновъ хотѣлъ-было итти, но изъ кофейной вышли Прихвоспевъ и Дарьяловъ).

Прихвоспевъ (искреннимъ голосомъ). Ей-Богу, Ираклій Семенычъ, вашей супруги здѣсь нѣтъ.

Дарьяловъ (взбѣшеннымъ голосомъ). Что вы мнѣ говорите!.. Я по пятамъ почти ея ѣхалъ! (Увидавъ Софью Михайловну) А это что?

Прихвоспевъ. Сейчасъ только, вѣроятно, пріѣхала.

Дарьяловъ (передразнивая его). Пріѣхала сейчасъ! (Какъ бы нѣсколько въ сторону) Мошенники!

Прихвоспевъ. Вы не ругайтесь, а не то я велю васъ вывести.

Дарьяловъ. Какъ же, вывести тебѣ меня!

Прихвоспевъ. И выведу—да! (Самъ, впрочемъ, уходитъ въ кофейную).

Дарьяловъ (осматривая публику). А, и господинъ Аматуровъ

здѣсь! Вся компанія, значитъ, въ сборѣ. (Женѣ) Почему ты не приняла меня давеча?

Софья Михайловна (твердымъ и какъ бы спокойнымъ голосомъ). Давеча меня дома не было.

Дарьяловъ. Но я оставилъ тебѣ записку, гдѣ писалъ, что пріѣду въ восемь часовъ, отчего жъ ты меня не подождала?

Софья Михайловна. Я нарочно уѣхала, чтобы ты не засталъ меня.

Дарьяловъ (въ бѣшенствѣ повторяя). А, нарочно!.. Ну, погоди, я еще послѣ съ тобой поговорю. Прежде съ этимъ господиномъ! (Подходя къ Аматурову почти съ сжатыми кулаками) Послушайте, что за подлости вы дѣлаете противъ меня?

Аматуровъ (тоже вставшій на него, гордо и грозно выпрямившійся и какъ-то зловѣще поигрывая своимъ хлыстикомъ). Какія-съ?

(Надя не знаетъ, куда и глядѣть; она то опускаетъ глаза въ землю, то взмахиваетъ ихъ на Софью Михайловну, которая стоитъ неподвижно, какъ статуя. Препиратовъ мрачно прислушивается къ начинающейся ссорѣ).

Дарьяловъ. Такія, что... за какимъ-то тамъ дьяволомъ представляете векселя на меня!.. Я долженъ былъ для этого за семьсотъ верстъ прискакать.

Аматуровъ (насмѣшливо). За такимъ, чтобы деньги получить, которыхъ вы мнѣ не платите... Я вовсе не желаю, чтобы вексель мой пропадалъ!

(Софья Михайловна при этомъ презрительно улыбнулась).

Дарьяловъ (почти крича). Не на меня же вы должны представлять его ко взысканію, а должны обращаться къ моей поручительницѣ—къ женѣ моей!.. Вонъ она сидитъ тутъ съ вами—хоть съѣшьте ее!

Аматуровъ (опять усмѣхаясь). Мѣсяцъ ужъ давнымъ-давно истекъ послѣ срока, да и во всякомъ случаѣ я долженъ былъ бы первоначально обратиться къ вамъ.

Дарьяловъ. Нѣтъ-съ, не ко мнѣ,—извините!.. Я законы знаю!.. Я жену нарочно поручительницей и поставилъ, чтобъ она первая платила вамъ! Это вы съ ней дѣла дѣлали, съ ней и раздѣлывайтесь.

Аматуровъ (какъ бы даже въ удивленіи). Если вы такъ разсчитывали, то ошиблись!.. И всего лучше, я полагаю, нашъ споръ можетъ разрѣшить г. Препиратовъ, какъ юристъ! (Обращаясь къ Препиратову) Скажите, имѣю ли я право послѣ пропуска мѣсячнаго срока обращаться къ г-жѣ Дарьяловой, какъ къ поручительницѣ?

Препиратовъ (откашлянувшись и басомъ). Если мѣсячный срокъ истекъ, то никакого.

Дарьяловъ (опѣшенный и обращаясь къ Препиратову). То-есть

какъ же?.. Кто же теперь въ настоящую минуту долженъ платить г. Аматурову: я или жена?

Препаратовъ. Вы!

Дарьяловъ. А жена такъ-таки и ничего?

Препаратовъ. Ничего! Черезъ мѣсяцъ послѣ срока, если вексель не поданъ былъ ко взысканію, съ поручителей спадаетъ всякая отвѣтственность.

Дарьяловъ (въ бѣшенствѣ махая руками и покраснѣвъ, какъ ракъ). Это чортъ знаетъ что!.. Это грабежъ дневной!.. Тамъ устроили какія-то шушуканья между собой... пришли... сами предложили мнѣ денегъ подъ векселы!.. Я человѣкъ военный: всѣхъ тонкостей въ этихъ дѣлахъ не знаю!.. Просто, какъ на большой дорогѣ ограбили.

Аматуровъ (приподнимая немного хлыстъ и сильно возвысивъ голосъ). Кто васъ грабилъ? Вы всѣхъ грабили и тысячи людей обворовали, и я вытяну съ васъ свои деньги.

Дарьяловъ (передразнивая нѣсколько его). Вытяну!.. Вытяну!.. Да!.. Да!.. какъ вамъ не вытянуть! Развратитель этакій: вкрался въ честный домъ, разрушилъ семейное счастье да векселя тамъ какіе-то заставилъ подписать ему!

Аматуровъ (все болѣе и болѣе наступая на Дарьялова). Развѣ я васъ заставлялъ подписывать? Вы сами просили взять съ васъ векселя, и я чистыя деньги отдалъ вамъ подъ него.

Дарьяловъ (немного уже отступая). Не для меня же вы ихъ отдавали, а для жены... Пять лѣтъ его женщина любитъ, какъ дура какая-нибудь, а онъ грошами какими-то не хочетъ пожертвовать за то. Только одни жидоморы такъ дѣлаютъ.

(При послѣднихъ словахъ Софья Михайловна вздрогнула даже всѣмъ тѣломъ).

Дарьяловъ (женѣ). Извольте сейчасъ же заставить г-на Аматурова изорвать свой вексель на меня!

Софья Михайловна (насмѣшливымъ голосомъ). Не послушаетъ онъ, я думаю, теперь меня!

Дарьяловъ. А не послушаетъ, я въ деревню увезу тебя.

Софья Михайловна (попрежнему насмѣшливо). И то, полагаю, не поможетъ, да въ деревню я и сама съ тобой не поѣду.

Дарьяловъ. Нѣтъ, поѣдешь, будь покойна. Если я силой посажу въ вагонъ, такъ поѣдешь.

Софья Михайловна. Никогда ты не посмѣешь этого сдѣлать... Никогда... Я талисманъ противъ тебя имѣю могущественный... сильный...

Дарьяловъ (насмѣшливо). Талисманъ она тамъ имѣетъ.

Софья Михайловна. Да... Талисманъ... талисманъ... (Про-

тягивая въ сторону руки и какъ бы ища кого-то). Послушайте, эготъ... Блинковъ...

(Блинковъ приближается къ ней).

Софья Михайловна. Есть съ вами деньги и большія деньги? А если нѣтъ, то съѣздите сейчасъ за ними.

Блинковъ (обрадованнымъ голосомъ). Со мной-съ теперь чекъ... Сегодня ѣздилъ въ банкъ получать...

Софья Михайловна. Ну, и хорошо это... Потрудитесь вы теперь же заплатить (показываетъ на Аматурова) этому господину тридцать тысячъ и сдѣлайте такъ, чтобы вексель его на мужа принадлежалъ мнѣ. Можно это?

Блинковъ (сконфуженный и обрадованный). Я думаю, можно-съ.

Софья Михайловна (Препиратову). Дѣлается такъ?

Препиратовъ (попрежнему мрачно стоявшій около своего стула). Всегда такъ и дѣлается и совершенно законно будетъ.

Блинковъ (подойдя къ Аматурову). Угодно вамъ получить чекъ?

Аматуровъ (насмѣшливо). Сдѣлайте одолженіе.

(Блинковъ пишетъ чекъ, а Аматуровъ—расписку въ полученіи денегъ; тѣмъ и другимъ они обмѣниваются между собою; затѣмъ Блинковъ подаетъ расписку Софьѣ Михайловнѣ).

Софья Михайловна. Благодарю. (Мужу) Ты вотъ смѣялся надъ талисманомъ противъ тебя, а онъ у меня оказался. (Показываетъ ему расписку Аматурова). Съ нимъ ты меня, надѣюсь, не повезешь въ деревню, а иначе я деньги взыщу.

Дарьяловъ (не глядя на нее и притоптывая ногой). Очень ты мнѣ нужна!..

Софья Михайловна. Конечно. (Обращаясь къ Аматурову) Вамъ мнѣ слѣдуетъ еще заплатить тѣ деньги, которыя вы мнѣ послѣдній годъ передавали; я сочту, сколько ихъ, и заплачу вамъ.

Аматуровъ (попрежнему насмѣшливо, но внутри видимо терзаемый совѣстью). Слушаю-съ.

Софья Михайловна (какъ бы съ просвѣтлѣвшимъ на мгновеніе лицомъ). А мнѣ теперь одна фантазія пришла: мнѣ кутить хочется!.. (Блинкову) Прикажите Прихвосневу, чтобъ онъ далъ намъ ужинать и вина человѣкъ на шесть, на семь.

Блинковъ. Сію секунду-съ. (Убѣгаетъ).

Софья Михайловна (всѣмъ). Останьтесь со мной поужинать... Можетъ, въ жизни мы никогда ужъ и не встрѣтимся. (Аматурову) Согласны, Аматуровъ, хоть въ память того, какъ мы когда-то съ вами ужинали?

Аматуровъ (грустно улыбаясь). Если вы желаете того.

Софья Михайловна (Надѣ). Поужинай, Надя, и ты со мной.

Надя (совсѣмъ опуская глаза). Извольте-съ.

Софья Михайловна (мужу). А ты останешься?

Дарьяловъ (грубо и насмѣшливо). Можешь ужинать и безъ меня.

(Софья Михайловна садится за одинъ изъ столиковъ, за который также садится и Аматуровъ. Въ продолженіе всей послѣдующей сцены онъ замѣтно разстроенъ и все кусаетъ себѣ губы. Надѣ тоже, какъ видно, очень неловко сидѣть съ Софьей Михайловной).

Софья Михайловна (Препаратову). Присядьте и вы къ намъ.

Препаратовъ (басомъ). Благодарю васъ!.. Я не ужинаю. (Остается на своемъ мѣстѣ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Блинковъ съ Прихвосневымъ, а за ними лакеи вносятъ ужинъ и вино и ставятъ все это на столъ. Блинковъ садится рядомъ съ Софьей Михайловной, а Прихвосневъ около него.

Софья Михайловна (подвигая гостямъ своимъ блюда). Кушайте... А мнѣ дайте еще проплакаться... Слезъ ужъ много накопилось. (Закрываетъ себѣ лицо руками).

(Всѣ смотрятъ на нее съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ).

Софья Михайловна (вдругъ открывая лицо, хватая бокалъ и обращаясь къ Блинкову). Налейте мнѣ вина, и всѣмъ налейте!

(Блинковъ наливаетъ).

Софья Михайловна (поднимаетъ бокалъ). За здоровье всѣхъ лоретокъ, кокетокъ и камелій! (Гостямъ своимъ) Что жъ вы не пьете?.. Вы только ихъ и любите нынче... Онѣ вамъ милѣй всякой честной женщины, и не по чему другому, какъ потому, что менѣе затрагиваютъ вашъ эгоизмъ: ихъ можно бросить каждоминутно, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, хоть умри она отъ того, и сейчасъ же найти другую, лучше, моложе... красивѣе!.. Пейте! (Выпиваетъ залпомъ бокалъ свой).

(Вслѣдъ за ней и прочіе выпиваютъ вино свое, и при этомъ одинъ только Прихвосневъ негромко восклицаетъ: „ура“!).

Аматуровъ (грустно-насмѣшливымъ тономъ). Вы, можетъ-быть, не хотите ли, какъ Лукреція Борджіа, отравить насъ?

Софья Михайловна (устремляя на него проницательный взглядъ). А хорошо было бы... И съ васъ начать первато... Впрочемъ, гдѣ же всѣхъ перетравить... Всѣ вы такіе: и здѣсь всѣ сидящіе и тамъ вонъ!.. Но зачѣмъ же ужъ васъ такъ во всемъ винить? Вонъ онъ (показываетъ на мужа) билъ меня, когда я не хотѣла участвовать въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ его.

Дарьяловъ (ходившій въ глубинѣ сцены). Когда жъ это было?

Софья Михайловна. Было!.. Не запирайся!.. (Снова обращаясь къ Аматурову) Но вы... Вы, пожалуй, еще хуже его были противъ меня... Я васъ любила, какъ высшее какое то суще-

ство... Я думала, что вы увлечуете вашимъ участіемъ всѣ душевныя страданія мои, которыя у меня накопились отъ жизни съ этимъ человѣкомъ... (Показываетъ опять на мужа). Но вы... Я не говорю уже объ измѣнахъ, а когда вы, можетъ-быть, и вѣрны еще были мнѣ, вы всегда видѣли во мнѣ какую-то чувственную игрушку вашу... Помните, сколько разъ я плакала и говорила вамъ, что я женщина, а не животное, и хочу, чтобы меня любили не за одно красивое лицо. Вы мнѣ отвѣчали на это одними полусловами. Вамъ, кажется, смѣшно даже было слышать такое мое желаніе... А этотъ (показываетъ на Блинкова) совсѣмъ ужъ меня, какъ вещь какую простую, купить хочетъ! (Строго Блинкову) Но только я не дамся вамъ!.. Вы меня не купите! Я не хочу васъ обманывать: вы мнѣ гадки!.. Нате вамъ ваши деньги! (Бросаетъ ему расписку Аматурова).

(Блинковъ, совсѣмъ растерявшійся, беретъ эту расписку).

Софья Михайловна (вставая). Хотѣла-было съ добрымъ чувствомъ проститься съ вами, но и того не могу. (Идетъ къ выходу).

(Всѣ прочіе тоже встаютъ изъ-за стола).

Надя (слушавшая Софью Михайловну съ потупленнымъ лицомъ, вдругъ бѣжитъ за ней). Софья Михайловна, возьмите и меня съ собой, хоть опять въ горничныя.

Софья Михайловна (оборачиваясь къ ней и какимъ-то мрачнымъ голосомъ). Зачѣмъ?.. Развѣ ты спасешься куда-нибудь отъ этихъ людей?.. Отъ нихъ уйдешь, другихъ встрѣтишь, и, можетъ-быть, полгода, годъ какой-нибудь поборешься, но въ концѣ концовъ опять будетъ то же!.. Иначе жить нельзя—пойми ты это!.. Не порокъ!.. какъ вотъ онъ же выучилъ меня этой фразѣ. (Показываетъ на Аматурова). Не порокъ, а добродѣтель должна умолять, чтобъ ей позволили существовать! (Окончательно мрачнымъ голосомъ) Я иду на презрѣніе, на нищету и на что-нибудь еще худшее, а тебѣ развѣ хочется того?.. Да и зачѣмъ это дѣлать? Смотри: васъ тутъ уважаютъ, вамъ весело тутъ, привольно, нарядно!.. Оставайся!.. (Машетъ рукой и уходитъ).

(Надя остается въ глубинѣ сцены сильно смущенною).

Аматуровъ (на авансценѣ). Это Богъ знаетъ что такое!.. Бредъ какой-то.

Блинковъ (почти плачущимъ голосомъ). За что это на меня Софья Михайловна разсердилась, самъ не знаю.

Дарьяловъ (снова съ какимъ-то разсвирѣпѣлымъ лицомъ). Но кому же все-таки я долженъ теперь остаюсь? (Блинкову) Вамъ, что ли?

Блинковъ. Ничего не мнѣ-съ!.. Я вотъ сейчасъ разорву

расписку г-на Аматурова!.. (Рветъ расписку, которую ему подала Софья Михайловна).

Дарьяловъ (Аматурову). Вамъ, значитъ?.. Не доберусь,— какая путаница вышла!

Аматуровъ (ему съ досадой). Убирайтесь вы съ вашимъ долгомъ!.. Очень онъ мнѣ нуженъ!.. Я такъ тогда подалъ въ сердцахъ ко взысканію... Я завтра же напишу въ судъ, что вы мнѣ заплатили. (Блинкову, кидая ему чекъ его) Возьмите и вы вашъ чекъ назадъ.

Блинковъ (какимъ-то почти героическимъ тономъ). Нѣтъ, ужъ вы его взяли, и получите по нему. Это извините... Софья Михайловна хоть и говоритъ, что я хотѣлъ ее, какъ вещь, купить!.. Я не хотѣлъ того!.. Я только влюбленъ былъ въ нее, въ этомъ каюсь.

(Въ это время раздается выстрѣлъ).

Всѣ (въ одинъ голосъ). Что такое?

(Вбѣгаетъ лакей).

Лакей (перепуганнымъ голосомъ). Госпожа, что вышла сейчасъ, застрѣлилась на дорожкѣ.

Блинковъ и Надя (совсѣмъ онѣшенные). Господи!

Препиратовъ (значительно мотнувъ головой и въ сторону). Я ожидалъ этого!

Аматуровъ (поблѣднѣвшій, какъ полотно). Но гдѣ же и откуда она могла взять пистолетъ?

Блинковъ (отъ страха окончательно пришептывая, такъ что едва можно понять, что онъ говоритъ). Она давно его носила, говорила все, что васъ хочетъ застрѣлить!

(Всѣ бѣгутъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ).

Дарьяловъ (оставшійся еще на сценѣ и тоже, какъ видно, сильно пораженный). Какова соколиха?.. А?.. Какова?..

Прихвостневъ (совсѣмъ склоняя голову передъ публикой). Странная женщина,—особенно въ наше просвѣщенное время.

Занавѣсъ падаетъ.

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНІЙ.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сосипатовъ, Василій Петровичъ, коммерціи совѣтникъ, стоящій во главѣ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятій.
Сосипатова, Марья Александровна, жена его, молодая и красивая женщина.
Баронъ Кергофъ, Эдуардъ Карловичъ, товарищъ Сосипатова по дѣламъ.
Баронесса Кергофъ, Дарья Матвѣевна, толстая и румяная дама, лѣтъ ужъ 45-ти.
Журиленко, Савва Тарасовичъ, неуклюжій малороссійскій помѣщикъ.
Г-жа Журиленко, Ненила Петровна, родная сестра Сосипатова; сухопарая и желтая дама и тоже ужъ слишкомъ за 40.
Отставной генералъ-майоръ Прокудинъ, служившій прежде по комиссаріатской части.
Говорковъ, господинъ, неизвѣстно какія имѣющій занятія.
М-г Шемуа, французъ, тоже неизвѣстно зачѣмъ пріѣхавшій въ Россію.
Живодеровъ, Иванъ Иванычъ, разбогатѣвшій изъ мужиковъ подрядчикъ.
Персиковъ, фельетонистъ газетный.
Сэръ Тонель, глухонѣмой американецъ, спиритъ и медіумъ.
Г-нъ Демьянскій, учитель глухонѣмыхъ.
М-г Шулькинъ, молодой человѣкъ, исключительно ѣздящій по баламъ, вечерамъ и концертамъ.
Судебный слѣдователь.
Частный приставъ.
Квартальный.
Гости.
Лакеи.

Дѣйствіе происходитъ въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ на авансценѣ богатую гостиную, а вдали огромную залу. Обычный недѣльный вечеръ въ домѣ Сосипатовыхъ. Марья Александровна Сосипатова, расфранченная, сидитъ на диванѣ. Около нея размѣщаются нѣсколько дамъ, въ числѣ которыхъ находится и Ненила Петровна Журиленко. Всѣ онѣ тоже очень разряжены и сидятъ съ работами въ рукахъ. На другой сторонѣ сцены почти полулежитъ на кушеткѣ г-нъ Журиленко въ широкомъ, нескладномъ пальто, а невдалекѣ отъ него помѣщается на стулѣ немолодой уже, но очень еще молодцоватый французъ m-r Шемуа, съ ленточкой въ петлицѣ; на срединѣ сцены сидитъ баронъ Кергофъ, съ чисто-нѣмецкою физіономіей и замѣтно сохраняющій важность и серьезность. Въ залѣ виднѣются гости, изъ которыхъ одни играютъ въ карты, а другіе просто ходятъ.

Ненила Петровна (обращаясь къ барону). Баронъ, прочтите намъ эту статью!.. Намъ очень любопытно ее слышать.

Баронъ (съ нѣкоторой гримасой). Но она очень длинна и можетъ утомить слушателей.

Ненила Петровна. Ахъ, нѣтъ, напротивъ!.. Пожалуйста, прочтите.

Баронъ (какъ бы нехотя беретъ со стола газету и читаетъ вслухъ). «Сегодняшній день мы желаемъ побесѣдовать съ нашими читателями объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего финансоваго міра: Василій Петровичъ Сосипатовъ, сынъ простого цѣловальника, по неудержимому стремленію къ образованію, сначала поступилъ въ народное училище, откуда за блестящіе успѣхи переведенъ былъ въ гимназію и наконецъ вѣнчалъ свое воспитаніе тѣмъ, что получилъ степень магистра технологіи, и тутъ только почувствовалъ, что призваніе его—не тихая ученая дѣятельность, и что отечество ждетъ отъ Василія Петровича иныхъ заслугъ: онъ бросилъ науку и занялся финансами и торговлей. Кому неизвѣстенъ его первый проектъ, двинувшій вмѣстѣ съ другими реформами такъ быстро Россію на пути прогресса?»

Марья Александровна (насмѣшливо). Зачѣмъ же тутъ упомянуто, что онъ сынъ цѣловальника? Это небольшая ему честь.

Ненила Петровна (пожимая плечами). А по-моему, очень большая. Чѣмъ ниже было положеніе человѣка сравнительно съ тѣмъ, какое онъ потомъ занялъ, тѣмъ больше ему чести... Не правда ли, баронъ?

Баронъ (вялымъ голосомъ). Да, конечно!.. (Показывая рукой на газету) А тутъ далѣе описано, какъ Василій Петровичъ года три тому назадъ подарилъ вамъ триста тысячъ...

Ненила Петровна (съ радостнымъ одушевленіемъ). Ахъ, и это напечатано!.. Я очень рада тому: подобные великодушные поступки въ отношеніи своихъ родныхъ непремѣнно должны быть извѣстны всему обществу. (Журиленко при этомъ какъ-то мрачно взглядываетъ на жену).

Баронъ (снова начинаетъ читать). «Домъ Василія Петровича представляетъ собою образецъ изящества, роскоши и просвѣщеннаго гостепріимства: художники, писатели, иностранцы — всѣ находятъ себѣ въ немъ радушный и хлѣбосольный пріемъ!»

М-г Шемуа (восклицаетъ). C'est vrai... Это правда!

Журиленко (поворачивая къ нему голову). А вы развѣ все учухали, что тутъ читали?

М-г Шемуа. Qu'est ce que c'est: учухали?

Журиленко. То-есть поняли все?

М-г Шемуа (самодовольно). Все!.. Je comprends tout!

Баронъ (снова продолжаетъ читать). «Новое предпріятіе Василія Петровича, горно-колодезно-масляная промышленность вызвала одобреніе всей заграничной прессы: газеты французскія, англійскія, нѣмецкія и даже американскія помѣстили въ своихъ столбцахъ статьи, исполненныя добросовѣстнаго знанія предпринимаемаго дѣла и безусловныхъ одобреній и пожеланій успѣха предпринимателю. Желательно, чтобы русская публика раздѣлила въ этомъ случаѣ мнѣніе Европы и дала возможность г-ну Сосипатову осуществить свое колоссальное предпріятіе. Василій Петровичъ, въ чемъ, конечно, согласится всякій, имѣетъ слишкомъ много правъ на довѣріе, давши столько блистательныхъ доказательствъ какъ въ силѣ своихъ финансовыхъ способностей, такъ и въ своей высокой и безукоризненной честности!»

Ненила Петровна (опять съ чувствомъ). Я буду усерднѣйшимъ образомъ молить Бога, чтобы акціи этого дѣла скорѣй раскупились.

Марья Александровна (слушавшая все это чтеніе съ потупленнымъ лицомъ и явно недовольнымъ голосомъ). А я, напротивъ, желаю, чтобы оно совсѣмъ не состоялось.

Ненила Петровна (съ удивленіемъ). Это почему?

Марья Александровна (все тѣмъ же недовольнымъ голосомъ). Потому что Василій Петровичъ достаточно измученъ и безъ этого дѣла: у него больше двухъ лѣтъ нѣтъ ни сна ни аппетита, и всѣ мысли его постоянно направлены на эти только

дѣла... Ему самое лучшее бросить все и думать объ одномъ здоровьѣ своемъ.

Баронъ (тѣмъ же медленнымъ голосомъ). Я не полагаю, чтобы это могло поправить здоровье Василія Петровича... Оставивши дѣла, онъ непремѣнно будетъ скучать!

Марья Александровна (тѣмъ же недовольнымъ голосомъ). Скучать все-таки легче, чѣмъ такъ волноваться и тревожиться, какъ онъ тревожится... Наконецъ, для чего все это: нашихъ громадныхъ денегъ, я думаю, достаточно, чтобы существовать намъ совершенно обезпеченно.

Баронъ (съ небольшой гримасой). Тутъ вопросъ не въ деньгахъ!.. Деньги для Василія Петровича, конечно, всегда были послѣднею цѣлью; но эти волненія и труды составляютъ для него жизнь!.. Въ этомъ его нравственная пища.

Ненила Петровна (съ разгорѣвшимися глазами). Это такъ, совершенно вѣрно!.. Я по себѣ это чувствую!.. У насъ, видно, въ крови эта потребность кипучей дѣятельности!

Журиленко (женѣ). Ври больше—потребность!.. Кабы денегъ много не валило, не было бы потребности!.. Вонъ и ослъ за кормъ возитъ!

Баронъ (усмѣхаясь). Ослъ дѣйствительно, можетъ-быть, за кормъ возитъ; но для человѣка, вѣроятно, существуютъ и другія побудительныя причины!

Журиленко. А какія побудительныя причины? Либо палка, либо деньга!.. Всѣ изъ-за того работаютъ; а то бы всякъ на соломѣ лежалъ да сало илъ!

Ненила Петровна (съ ударѐніемъ на словахъ). Ты никакъ въ этомъ отношеніи не можешь по себѣ судить другихъ людей, особенно такихъ, какъ братъ... никакъ!

Журиленко. Почему же не могу? Я тоже человѣкъ, а не свинья: все-таки рыло кверху держу, а не книзу...

Ненила Петровна. Человѣкъ, но только ужъ совершенно матеріальный!.. Совершенно!..

Журиленко (поднимая передъ всѣми палокъ). Тс!.. Тише!.. Будетъ!.. Самъ батько идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ залѣ дѣйствительно показывается Сосипатовъ, господинъ гладко остриженный, выбритый, съ лицомъ истощеннымъ и съ сверкающими глазами. Проходя залу, онъ свысока кивнетъ головой своимъ гостямъ и только у двоихъ или троихъ изъ нихъ пожметъ руки. Въ концѣ явленія входитъ лакей.

Сосипатовъ (войдя въ гостиную и обращаясь къ первому барону Кергофу). Здравствуйте, баронъ! (Сестрѣ) Здравствуй, сестра! Давно ли возвратились изъ деревни?

Ненила Петровна. Вчера только.

Сосипатовъ (показывая на Журиленко). И зоилъ мой здѣсь! (Журиленко) Я васъ сейчасъ сильно огорчу!..

Журиленко (вставши уже на ноги и съ насмѣшкой кланяясь Сосипатову). Ясновельможному пану низко кланяюсь.

Сосипатовъ (шутливо). Кланяйтесь, кланяйтесь, такъ и слѣдуетъ, тѣмъ больше, что ваше злопророчество касательно послѣдняго дѣла нашего не сбылось: заявлено требованій почти на два милліона!

Журиленко. Да четвертушками жъ пока еще вносятъ, а не полной суммой!

Сосипатовъ. Четвертушками!.. Но что изъ этого?

Журиленко (лукаво). А то, что индюковъ надо считать не въ коноплѣ, а на базарѣ, когда они проданы и денежки за нихъ въ клѣтушку заперты.

Сосипатовъ (надменно). Богъ дастъ, и мы тутъ кое-что запремъ въ клѣтушку!.. (Оборачиваясь и увидавъ m-r Шемуа, радостно восклицаетъ) Боже мой, кого я вижу: m-r Шемуа!.. Откуда вы явились?

М-r Шемуа (восклицаетъ, какъ будто бы произнося Богъ знаетъ какую важную вещь). De la campagne... Я ѣхалъ... пріѣхалъ avec m-me Журиленко.

Ненила Петровна (нѣсколько покраснѣвши). М-r Шемуа гостилъ у меня въ деревнѣ.

Сосипатовъ. И долго?

М-r Шемуа (попрежнему восклицаетъ). Deux mois!.. Два мѣсяцъ!.. Et tout le monde... province... провинція говорятъ: «Василій Петровичъ Перейра, русскій... Лессепсъ!»

Сосипатовъ (съ видимымъ удовольствіемъ). Вотъ какъ!.. Что жъ, эти прозвища не дурныя.

М-r Шемуа. Oui, vous avez beaucoup... Вы много славъ имѣете на югъ... тамъ... дальше!

Сосипатовъ. Очень пріятно это слышать... Но какъ однако вы усовершенствовались въ русскомъ языкѣ!

М-r Шемуа. Да, я знаю теперь говорить!.. Знаю!..

Сосипатовъ. И что же, живя въ деревнѣ, вы присматривались нѣсколько къ нашей сельской жизни? Видѣли, вникали въ нее?

М-r Шемуа. Oui!.. видѣлъ!.. (Съ трудомъ выговаривая) Въ воскресенье... такъ?

Сосипатовъ. Такъ!..

М-r Шемуа. Въ воскресенье я ходилъ à l'église. (Опять съ затрудненіемъ произнося) Церковь.

Сосипатовъ. Въ церковь?

М-г Шемуа. Oui!.. Видѣлъ тамъ... попъ!.. золотой ризъ!.. Хорошо это!

Сосипатовъ. Понравилось вамъ?

М-г Шемуа. Понравилось! И этотъ какъ: диконъ?

Сосипатовъ (поправляя его). Дьяконъ.

М-г Шемуа (повторяя за Сосипатовымъ). Дьяконъ... Тожъ какъ царь... старый, русскій... золотой ризъ...

Сосипатовъ. Но у васъ попы тоже въ золотѣ.

М-г Шемуа. Меньше, меньше!.. Видѣлъ это... ваши свидьбы.

Сосипатовъ (опять поправляя его). Свадьбы!

М-г Шемуа. Вашъ этотъ... невѣста и мужъ пришли къ по-ше Журиленко... Ils lui présentèrent un krendel... полотенце... Après quoi ils se prosternèrent à ses pieds.

Ненила Петровна (Марьѣ Александровнѣ). Какъ удивило м-г Шемуа, когда мнѣ эти молодые поклонились въ ноги, невѣроятно.

М-г Шемуа. Ils sont serfs encore... Рабы и теперь.

Сосипатовъ. Нѣтъ, какое рабы! Обычай только еще этотъ старый и глупый остался!.. Во всякомъ случаѣ вы согласитесь, что народъ у насъ красивый и умный.

М-г Шемуа. Oui! le peuple est brave et bon!

(Входитъ лакей).

Лакей (Сосипатову). Какой-то сэръ Топель и господинъ Демьянскій...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ лакея.

Сосипатовъ. А, очень радъ! (Лакею) Проси! (Сосипатовъ, довольно громкимъ голосомъ обращаясь къ гостямъ своимъ, находящимся въ залѣ) Господа, не угодно ли вамъ на нѣсколько времени пожаловать сюда. (Большая часть гостей входитъ въ гостиную). Сейчасъ сюда придетъ знаменитый медіумъ и спиритъ—нѣкій сэръ Топель—американецъ, глухонѣмой отъ рожденія.

Ненила Петровна. Но какимъ же образомъ глухонѣмой ѣздитъ по Европѣ?

Сосипатовъ. Очень просто!.. Онъ останавливается только въ столицахъ, гдѣ обращается къ учителю глухонѣмыхъ, и тотъ служитъ ему толмачомъ, какъ и здѣсь вотъ этотъ Демьянскій.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и сэръ Топель во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и совершенно рыжій. Съ нимъ Демьянскій въ вицмундирномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами.

Сосипатовъ (привѣтливо протягивая руку Топелю). Здрав-

ствуйте, сэръ! (Демьянскій сейчасъ же переводитъ сэру Тонелю, что̀ сказалъ Сосипатовъ. Тотъ съ своей стороны дѣлаетъ знаки пальцами).

Демьянскій (Сосипатову). Сэръ Тонель благодаритъ за привѣтствіе. (Прочимъ лицамъ Тонель молча кланяется. Сосипатовъ движеніемъ руки приглашаетъ его садиться. Тонель садится, а рядомъ съ нимъ и Демьянскій).

Сосипатовъ (послѣ нѣкоторой запинки обращаясь къ Демьянскому). Можетъ-быть, сэръ Тонель будетъ такъ добръ, что покажетъ намъ хоть маленькій опытъ спиритизма... (Демьянскій на пальцахъ передаетъ эти слова Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему только кивкомъ головы).

Демьянскій (Сосипатову). Сэръ Тонель готовъ...

Сосипатовъ. Но когда же? (Демьянскій спрашиваетъ Тонеля на пальцахъ. Тотъ отвѣчаетъ ему тоже на пальцахъ).

Демьянскій (Сосипатову). Хоть сейчасъ же!.. Сэръ Тонель чувствуетъ себя въ удобномъ для того настроеніи... только проситъ нѣсколько уменьшить свѣтъ въ комнатѣ. (Сосипатовъ мигаетъ лакеямъ. Тѣ уносятъ большую часть лампъ, а на остальныя надѣваютъ колпаки. Сэръ Тонель, садясь посреди сцены, дѣлаетъ знаки пальцами вставшему около Демьянскому. Демьянскій, обращаясь ко всѣмъ). Сэръ Тонель проситъ задать какой-нибудь вопросъ.

Сосипатовъ. Позвольте ужъ мнѣ это право: я затѣваю громадное предпріятіе, благополученъ ли будетъ исходъ его? (Демьянскій передаетъ это Тонелю. Тотъ погружается какъ бы въ сонъ. Все общество находится въ нѣсколько устрашенномъ и ожидающемъ состояніи; проходитъ двѣ-три минуты глубочайшаго молчанія, среди котораго наконецъ раздаются три очень явственные удара. Всѣ почти въ одинъ голосъ:) «Слышали?»—«Слышали!...»—«Какъ не слышать, очень явственно слышали!» (Сосипатовъ, почти поблѣднѣвшій) Но что̀ же значитъ этотъ отвѣтъ?

Демьянскій. Сэръ Тонель нечетные удары объясняетъ обыкновенно тѣмъ, что они благопріятны.

Сосипатовъ. Удивительно!.. Невѣроятно!

Журиленко. Чего удивительнаго! Ногой стукнулъ... Я хоть десять разъ стукну. (Тонель спрашиваетъ Демьянскаго взглядомъ, что̀ такое говоритъ Журиленко. Тотъ ему передаетъ. Тонель съ видимо разгнѣваннымъ лицомъ дѣлаетъ нѣсколько знаковъ пальцами).

Демьянскій (обращаясь ко всему обществу). Такъ какъ выражено сомнѣніе, то сэръ Тонель предлагаетъ, не угодно ли держать его за ноги.

Журиленко (выдвигаясь впередъ). А, это дѣло другое! Я его подержу! (Подходитъ къ Тонелю, становится передъ нимъ на колѣни и беретъ его за ноги). Задавайте, кто хочетъ, вопросъ.

Ненила Петровна (подойдя къ Тонелю). Я желаю знать, вѣренъ ли мнѣ тотъ человѣкъ, котораго я люблю? (При этомъ она кидаетъ быстрый, но нѣжный взглядъ на m-r Шемуа. Демьянскій передаетъ ея слова Тонелю, который снова погружается какъ бы въ

сонъ. Журиленко держитъ его за ноги точно въ желѣзныхъ щипцахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія опять раздаются три очень явственные звука. Новое удивленіе со стороны всѣхъ).

Сосипатовъ (Журиленко). Что, батюшка!.. Что?

Журиленко (сердито поднимаясь на ноги). Да брюхомъ же щелкнулъ! Вотъ какъ и у насъ цыганъ-чревовѣщатель былъ: рта не разѣваетъ, а по-собачьи лаетъ, да и собака-то словно въ другой комнатѣ.

Сосипатовъ (съ сердцемъ). Что за глупости вы говорите!.. (Демьянскому) Вы, пожалуйста, и не передавайте этого сэру Тонелю.

Демьянскій. Нѣтъ, не передамъ. (Сэръ Тонель что-то такое говоритъ на пальцахъ Демьянскому. Демьянскій, обращаясь ко всѣмъ) Сэръ Тонель предлагаетъ, что не угодно ли обществу заняться столоверченіемъ.

Бо́льшая часть дамъ. Ахъ, пожалуйста!.. Мы очень рады. (Тонель и нѣсколько человѣкъ гостей становятся около круглаго, довольно большого стола, кладутъ на него руки, какъ дѣлается это обыкновенно при столоверченіи. Столъ вскорѣ начинаетъ двигаться кругомъ и все быстрѣе и быстрѣе. Окружающіе его бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ, и наконецъ столъ падаетъ и краемъ своимъ ударяетъ m-r Шулькина, который отъ того вскрикиваетъ и начинаетъ затѣмъ прыгать на одной ногѣ. Хозяева и нѣкоторые изъ гостей къ нему съ испугомъ:) Что съ вами! Что такое?

Шулькинъ (скрывая боль). Ничего-съ! Ничего! (Убѣгаетъ).

Журиленко (про себя и съ удовольствіемъ). Ловко, видно, его огрѣло!

Сосипатовъ. И это, какъ хотите, непонятно—этакій столище завертѣлся.

Марья Александровна (съ одушевленіемъ). Главное, знаешь, мнѣ казалось, что меня что-то влечетъ и тянетъ за столомъ.

Нелила Петровна. А меня, увѣряю васъ, я это ясно чувствовала, что чья-то, именно мужская рука хватала за спину, такъ что я нѣсколько разъ хотѣла вскрикнуть.

Сосипатовъ (Демьянскому). Сэръ Тонель, можетъ-быть, нѣсколько уже утомился отъ своихъ опытовъ. (Демьянскій передаетъ это Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему).

Демьянскій (Сосипатову). Да, онъ усталъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ, что духъ удалился довольно далеко, и ему трудно будетъ призывать его.

Сосипатовъ. Въ такомъ случаѣ не угодно ли сэру Тонелю въ залу, къ буфету, выпить тамъ стаканъ чаю, вина... (Женѣ) Маша, проводи подъ руку сэра. (Марья Александровна подаетъ Тонелю руку, который затѣмъ съ важностью идетъ съ нею въ залу. Демьянскій и бо́льшая часть гостей слѣдуютъ за ними).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сосипатовъ, баронъ и Журиленко.

Сосипатовъ (барону, молча стоявшему у колонны и весьма внимательно во все всматривавшемуся, но ни въ чемъ не принимавшему участія). Какъ, напримѣръ, объясните вы эти удары?

Баронъ (пожимая плечами). Я почти согласенъ съ г-мъ Журиленко. (Журиленко, съ насмѣшливой улыбкой ходившій сзади сцены, отзывается: Еще бы!).

Сосипатовъ. О, вздоръ какой, а потомъ столъ?

Баронъ. Столъ—очень обыкновенная вещь; на него дѣйствуетъ хоть и маленькихъ, но нѣсколько силъ, которыя и двигаютъ его.

Журиленко (обращаясь уже къ публикѣ). Якъ стилько народу ухватило, мельницу бы своротили, а не то что столъ.

Сосипатовъ (не слушая Журиленко). Прекрасно-съ; вы говорите, маленькихъ... но вотъ въ Англійскомъ клубѣ мнѣ очевидцы разсказывали, что при нихъ столъ постепенно склонялся, и стоявшія на немъ свѣчи и лежавшій карандашъ не падали.

Баронъ. Не вѣрю! Это значило бы, что переставъ дѣйствовать законъ тяжести; но тогда вся вселенная должна была бы разлетѣться въ прахъ.

Сосипатовъ. Э, батюшка, всѣ эти законы природы!.. Я въ этихъ случаяхъ идеалистъ! (Трепля барона по плечу) «Есть многое, другъ Горацію, что не снилось нашимъ мудрецамъ!» Однако этому сэру Тонелю надо будетъ заплатить, я думаю, рублей пятьсотъ...

Журиленко (почти въ ужасѣ восклицаетъ). Пятьсотъ?

Баронъ. Нѣтъ, пятьсотъ много!... Достаточно триста.

Журиленко. Триста же однако!.. Тьфу, дурни вы этакіе... И оставаться тутъ не хочу! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сосипатовъ и баронъ.

Сосипатовъ (вслѣдъ ему). Разсердился даже, хохолъ глупый!.. (Барону) Кстати, вотъ по поводу его: жена его, то-есть сестра моя, тотъ капиталъ, который я ей подарилъ, желаетъ отдать мнѣ въ дѣло, а потому вы потрудитесь завтра принять отъ нея деньги и выдайте ей безсрочный вексель, чтобы она всегда могла получить ихъ обратно.

Баронъ. Хорошо.

Сосипатовъ. А потомъ... статья обо мнѣ въ газетахъ ужъ напечатана?

Баронъ. Во вчерашнемъ еще номерѣ.

Сосипатовъ. Но кто ее писалъ?

Баронъ. Одинъ мой университетскій товарищъ, прежде свѣтскій господинъ былъ, а теперь фельетонистъ газетный...

Сосипатовъ. Перомъ довольно бойкимъ владѣетъ. А что, скажите, въ самой газетѣ взяли за то, чтобы напечатать эту статью?..

Баронъ. Еще бы!.. Шестьсотъ рублей.

Сосипатовъ. Но какъ это противъ иностранныхъ?.. Мы и въ иностранныхъ платили; дороже или дешевле?

Баронъ (съ тою же презрительной гримасой). Почти одна и та же цѣна!

Сосипатовъ. Но надобно также, чтобы и другія русскія газеты крикнули за меня.

Баронъ (съ тою же презрительной гримасой). Скажу этому господину, чтобы онъ напечаталъ и въ другихъ русскихъ газетахъ. Пусть перефразируетъ ту же самую статью и пошлетъ въ двѣ-три газеты!

Сосипатовъ (съ самодовольствомъ потирая руки). Да-съ, да! Въ вѣкъ громадныхъ предпріятій и мусспровки оныхъ мы живемъ!.. Хорошо это, ей-Богу! Все-таки это показываетъ, что человѣчество живетъ, стремится къ чему-то, надѣется чего-то!.. Нѣтъ этого поганаго восточнаго застоя! (Берясь за голову) Скверно вотъ только, что голова у меня все дуритъ: шумъ тамъ какой-то!.. Трескъ, мысли расплываются и перебиваютъ одна другую...

Баронъ. Можетъ-быть, вы сегодня много работали?

Сосипатовъ. Очень много!.. Но какъ же иначе и быть? Вотъ сейчасъ, при насъ, Шемуа разсказывалъ, что къ провинціи меня прямо называютъ Лессепсъ или тамъ Перейра русскій! Это ужъ не подкупленная какая-нибудь статья газетная, а приговоръ простыхъ, непосредственныхъ умовъ, въ которомъ ни лести ни корысти не можетъ быть—значитъ, дѣйствительно я кое-что сдѣлалъ для страны моей.

Баронъ. Кто жъ въ этомъ сомнѣвался.

Сосипатовъ. Ну-съ, а потому я долженъ работать, чтобы не уподобиться лѣнивому евангельскому рабу и не закапывать своего таланта. Однако до свиданія! Женѣ скажите, что я и къ ужину не выйду: усталъ очень!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ (оставшись одинъ и почти со скрежетомъ зубовъ). Несноснѣйшій хвастунишка, какого когда-либо міръ создавалъ!..

(Насмѣшливо) Боится закопать свой талантъ, тогда какъ весь его талантъ состоитъ въ дикой и безразсудной предпріимчивости и невѣроятномъ, дурацкомъ русскомъ счастьѣ въ дѣлахъ! Грустнѣй всего то, что жена, это прелестнѣйшее существо, тоже видитъ въ немъ какого-то великаго человѣка, такъ что когда я, въ своемъ безразсудномъ увлеченіи, имѣлъ неосторожность сказать ей о моемъ чувствѣ, она, гордо поднявъ голову, почти съ презрѣніемъ отвѣтила мнѣ, что, бывъ женой Сосипатова, женщина развѣ можетъ позволить себѣ полюбить кого бы то ни было... Значитъ, онъ лучше всѣхъ въ мірѣ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

При послѣднихъ словахъ барона входитъ Марья Александровна. Она сначала оглядывается кругомъ и потомъ стремительно подходитъ къ нему.

Марья Александровна (взволнованнымъ голосомъ). Баронъ, я желаю съ вами говорить.

Баронъ (вѣжливо, но холодно ей кланяясь). Вашъ слуга покорный!

Марья Александровна. Ежели вы вашими льстивыми газетными статьями будете еще болѣе развивать самолюбіе въ моемъ мужѣ, то клянусь вамъ, что я разскажу ему все, что̀ между нами произошло!.

Баронъ (нѣсколько смущеннымъ голосомъ). Статьи эти вовсе не мои, и онѣ заказаны и напечатаны, по желанію Василія Петровича... собственно для успѣха нашего предпріятія.

Марья Александровна (настойчиво). Я не хочу успѣха этому предпріятію, понимаете вы! Пусть оно лопнетъ и провалится! Я желаю одного, чтобы мужъ мой ликвидировалъ всѣ дѣла свои.

Баронъ (пожимая плечами). Это совершенно его дѣло; я не могу ни воспрепятствовать ему въ этомъ, ни заставить его это сдѣлать.

Марья Александровна. Нѣтъ, вы можете заставить его!

Баронъ. Чѣмъ?

Марья Александровна. Тѣмъ, что посовѣтуете ему! Къ несчастью, онъ до сихъ поръ вамъ вѣритъ...

Баронъ. Почему же къ несчастью?.. (Марья Александровна не отвѣчаетъ ему). Сказать же Василію Петровичу, чтобы онъ оставилъ всѣ дѣла свои, потому что неспособенъ вести ихъ, это разсмѣшитъ его только...

Марья Александровна. Въ такомъ случаѣ выходите сами изъ дѣлъ: безъ васъ онъ ихъ не поведетъ, а если поведетъ, такъ не долго, потому что скоро утомится!

Баронъ. Но, во-первыхъ, онъ поведетъ ихъ, за это я головою вамъ ручаюсь; а во-вторыхъ, Богъ знаетъ чего натворитъ безъ меня!.. Неужели вы этого не видите и не понимаете? Десять лѣтъ я съ нимъ въ товариществѣ и каждый день долженъ сдерживать его, какъ бѣшенаго коня, отъ запрывчивости и необдуманности: онъ вѣритъ всякому вздору, каждому нелѣпому плану, какой ему предлагаютъ, и, конечно, первое, что будетъ, когда я его оставлю, онъ подпадетъ подъ чье-нибудь весьма пагубное для него вліяніе.

Марья Александровна. Знаете что, баронъ, я ужъ буду съ вами говорить откровенно: я ничьего вліянія на мужа такъ не боюсь, какъ вашего, потому что совершенно убѣждена, что вы злѣйшій врагъ его и мой теперь, вѣроятно...

Баронъ. Изъ какихъ же данныхъ вы это видите?

Марья Александровна. Изъ такихъ, что вы... въ чемъ, конечно, вы и сами не запретесь... вы вовсе не изъ простенькихъ и добренькихъ людей, и думаю, что никому еще въ мірѣ не простили малѣйшей вамъ обиды, а я васъ обидѣла... очень обидѣла!

Баронъ (снова смущенный этими словами). То вы, а то вашъ мужъ, въ отношеніи котораго я, кажется, до сихъ поръ остался преданнымъ другомъ!

Марья Александровна (саркастически смѣясь). Ха-ха-ха! «преданнымъ другомъ»! Какъ у васъ духу хватаетъ говорить подобныя вещи, и кому же—мнѣ, женѣ Василія Петровича, за которой вы два года неотступно ухаживали и которую я ужъ не знаю чѣмъ не обольщали, обѣщаясь, если я отвѣчу на ваше чувство, сдѣлать меня чуть ли не обладательницей всей Индіи,—развѣ преданные друзья такъ поступаютъ? При этомъ не забывайте, что вы женаты, поэтому вы тутъ противъ двухъ человѣкъ дурно поступали, и все это, я полагаю, прямо показываетъ, какой вы въ душѣ дурной и развращенный человѣкъ.

Баронъ (побѣдѣвъ наконецъ отъ злости). Ненависть ко мнѣ васъ заставляетъ забывать всякое приличіе! Извольте-съ: я выйду изъ товарищества съ вашимъ мужемъ, что мнѣ принесетъ прямую выгоду въ смыслѣ денегъ и въ смыслѣ труда; но повторяю вамъ еще разъ, что это можетъ повлечь серьезнѣйшее потрясеніе, если не полное разореніе всего вашего состоянія!..

Марья Александровна (заносчиво). Хоть бы даже разореніе состоянія!.. Жизнь мужа для меня дороже всего!

Баронъ. Совершенно вѣрю тому-съ! Не замедлю исполнить ваше желаніе.

Марья Александровна. Буду съ нетерпѣніемъ ждать того!

(Баронъ кланяется ей въ спину и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Александровна (одна и всплескивая руками). Господи, дай мнѣ силы и умѣнье спасти моего Базиля отъ этого демона!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Рабочій кабинетъ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сосипатовъ и Говорковъ сидятъ въ креслахъ. Послѣдній изъ нихъ мужчина среднихъ лѣтъ, франтовато одѣтый, съ очень красивою и вмѣстѣ съ тѣмъ какою-то каменною наружностью. Онъ только-что пріѣхалъ и, видимо, сохраняетъ передъ Сосипатовымъ нѣсколько почтительную позу.

Сосипатовъ (гордо развалившись въ креслѣ). Мнѣ про васъ сказалъ въ клубѣ Илья Ѳомичъ и сказалъ въ совершенно случайномъ разговорѣ. Онъ говорилъ вамъ, въ чемъ дѣло?

Говорковъ (выпуская изо рта слова, какъ изъ дуба масло). Нѣтъ-съ, онъ мнѣ писалъ только, чтобы я побывалъ у барона или у васъ... Я сейчасъ заѣзжалъ къ барону; но онъ почему-то не принялъ меня и послалъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Это въ сущности все равно!.. Исторія вотъ въ чемъ-съ: о нашей послѣдней громадной затѣѣ вы, можетъ-быть, слышали?

Говорковъ (кивнувъ головой). Слышалъ.

Сосипатовъ. Подписка на нее идетъ болѣе чѣмъ удовлетворительно; но мы предположили скупить сосѣднія земли, чтобы не имѣть потомъ уже никакихъ конкурентовъ, такъ какъ самое дѣло—неизсякаемый источникъ богатства!.. неизсякаемый!.. Для всего этого, разумѣется, нужны очень большія деньги, и поэтому намъ необходимо какъ можно скорѣе реализировать наши акціи... Съ этою цѣлью онѣ разосланы по всевозможнымъ комиссіонерствамъ... печатаются статьи въ газетахъ о самомъ предпріятіи... даже біографія моя съ портретомъ моимъ, какъ лица, стоящаго во главѣ этого дѣла, напечатана; но, кромѣ этихъ средствъ, какъ шепнулъ мнѣ Илья Ѳомичъ, существуютъ... (съ нѣкоторой ужъ разстановкой) такъ называемыя благопріятныя телеграммы отъ иностранныхъ конторъ!

Говорковъ. Существуютъ.

Сосипатовъ. Такъ что, если бы даже подписка на какія бы-то

ни было акціи была за границей и не ахти какая, то все-таки телеграмма получится, что она превосходная!

Говорковъ. Получится, что превосходная!

Сосипатовъ. И вы можете это устроить для насъ?

Говорковъ. Могу.

Сосипатовъ. По какимъ же способомъ это дѣлается?

Говорковъ (улыбнувшись). Это ужъ я знаю-съ.

Сосипатовъ. Если это тайна ваша, то не смѣю ея касаться!.. Во всякомъ случаѣ мы съ одними только вами и должны будемъ входить въ сношенія?

Говорковъ. Только со мной...

Сосипатовъ. Съ платой, разумѣется, вамъ?

Говорковъ. Съ платой!

Сосипатовъ. А какъ велика таковая?

Говорковъ. Смотря по тому, отъ скольких иностранныхъ конторъ вы желаете получить...

Сосипатовъ. Отъ одной, напримѣръ?

Говорковъ. Десять тысячъ.

Сосипатовъ. Отъ двухъ?

Говорковъ. Двадцать.

Сосипатовъ. Ф-фа! Я, знаете, привыкъ къ большимъ денежнымъ тратамъ, но и то меня покоробило... За какія-нибудь двадцать словъ десять тысячъ!

Говорковъ. Тутъ дѣло не въ словахъ, а въ поступкѣ!.. Это уголовщина.

Сосипатовъ (недовольнымъ тономъ). Уголовщину еще тутъ какую-то нашли.

Говорковъ. Да какъ же-съ? Въ законѣ это называется мошенничествомъ!

Сосипатовъ (вспыхивая). Тогда послѣ этого все можно назвать мошенничествомъ: печатается въ газетахъ, что за отъѣздомъ продается карета, тогда какъ владѣлецъ ея и не думалъ уѣзжать,—и то мошенничество.

Говорковъ. Пожалуй, и то мошенничество!

Сосипатовъ. Вы ужъ очень строгій криминалистъ, но ваша собственно главная профессія въ чемъ состоитъ?

Говорковъ (замѣтно недовольный этимъ вопросомъ). Да такъ!.. Ни въ чемъ!.. Пишусь капиталистомъ.

Сосипатовъ. Если вы капиталистъ, то не можете ли по крайней мѣрѣ для насъ сдѣлать ту уступку, чтобы за вашъ трудъ получить не деньгами, а нашими акціями по номинальной ихъ стоимости?

Говорковъ. Нѣтъ-съ, я получаю обыкновенно чистыми деньгами.

Сосипатовъ. Деньгами это очень дорого; мнѣ поэтому необходимо прежде переговорить съ барономъ!.. На чемъ мы рѣшимъ, я васъ увѣдомлю.

Говорковъ. Хорошо-съ! (Вставая) До свиданія!

Сосипатовъ (ему холодно). До свиданія!

ЯВЛЕНІЕ II.

Сосипатовъ одинъ; потомъ лакей.

Сосипатовъ (одинъ). Чортъ знаетъ какъ все дорожаетъ!.. Впрочемъ, чему же и быть иначе! Денежныхъ знаковъ столько накопилось, что они стали, какъ щепки.

(Входитъ лакей).

Лакей. Отставной генералъ Прокудинъ!

Сосипатовъ. Какой-такой еще тамъ Прокудинъ?

Лакей. Они третій уже разъ приходятъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Проси!..

(Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Сосипатовъ. Сколько ко мнѣ этихъ отставныхъ генераловъ является—счету нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сосипатовъ и генералъ Прокудинъ съ палкою въ рукѣ и замѣтно разбитый нѣсколько на ноги.

Прокудинъ (расшаркиваясь передъ Сосипатовымъ). Позвольте мнѣ представиться земляку моему и генію всей Россіи.

Сосипатовъ. Слишкомъ много чести!.. Покорнѣйше прошу садиться.

Прокудинъ (усѣвшись). Вы ужъ, конечно, меня не помните, но я васъ мальчикомъ еще зналъ... гимназистикомъ... въ красномъ воротникѣ!

Сосипатовъ. Дѣйствительно тогда у насъ красные воротники были...

Прокудинъ. И теперь вотъ пришелъ у васъ просить хлѣба-съ, хлѣба!.. Въ наше время, когда пошло все на меркантильную ногу, что тутъ наши эполеты,—плохо съ ними!

Сосипатовъ. А вы давно изволили оставить службу?

Прокудинъ. Такъ себѣ, не очень!

Сосипатовъ. По болѣзни, вѣроятно?

Прокудинъ (протяжно). Д-да!.. Но больше по непріятности и потому, что имъ никогда не любилъ много гнуть! Вышелъ

тутъ одинъ глупый вопросъ—по этой усышкѣ и утечкѣ, такъ что я ляпнулъ на все и тогда, пріѣхавъ въ Петербургъ, говорю нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, что я желалъ бы посвятить себя администраціи!.. Сначала всѣ: «ахъ, мы очень рады, мы все готовы для васъ сдѣлать!»—руку даже мнѣ жмутъ, а какъ до дѣла-то дошло, слышу, мѣста открываются!.. Мальчишекъ отъ Дюссо, какъ справедливо тогда смѣялись въ Петербургѣ, опредѣляютъ на нихъ, а мнѣ, старѣйшему кандидату, только кукишъ показываютъ!.. Я вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и говорю женѣ: «Душа моя, ты видишь, что это такое!.. Это партія! Богъ съ ней, съ этой государственной службой!.. Я лучше пойду и поклонюсь до земли нашему знаменитому соотчичу Василію Петровичу!»—что и дѣлаю теперь! (Привстаетъ и протягиваетъ свою руку до полу).

Сосипатовъ (подхватывая его). Ахъ, пожалуйста, не безпокойте себя такъ!.. (Прокудинъ снова усаживается въ кресла). Но въ чемъ же я собственно могу быть вамъ полезенъ?

Прокудинъ (тяжело переводя дыханіе). Во многомъ-съ!.. Во многомъ!.. Прежде всего я вотъ принесъ вамъ послѣднія мои двадцать пять тысчонокъ. Располагайте ими, какъ вамъ угодно: вы лучше меня знаете, что съ деньгами дѣлать!.. (Вынимаетъ изъ кармана деньги и кладетъ ихъ на столъ). Потомъ-съ я желалъ бы получить мѣсто директора въ вашемъ новомъ предпріятіи.

Сосипатовъ. Но эти мѣста, вы сами знаете, зависятъ у насъ отъ выбора собранія.

Прокудинъ (откидываясь нѣсколько назадъ и разводя руками). Батюшка Василій Петровичъ!.. Я хоть и военная косточка, но тоже азбуку эту знаю: развѣ все собраніе не въ вашихъ рукахъ?

Сосипатовъ. Отчасти, можетъ-быть, это и такъ; но какимъ же образомъ я, не имѣя чести лично васъ знать, могу поручиться за васъ, тѣмъ болѣе, что товарищъ мой по дѣламъ, баронъ Кергофъ, очень не любитъ и всегда противъ того, чтобы брать людей не вполнѣ намъ извѣстныхъ!.. Чинъ вашъ, конечно, говоритъ въ вашу пользу, но и только...

Прокудинъ. Понимаю-съ!.. Это я хорошо понимаю и прошу объ одномъ: дать мнѣ испытаніе... Надѣюсь, что не посрамлю земли русской—могу быть и конторщикомъ, и надсмотрщикомъ, и бухгалтеромъ, и контролеромъ, ужъ по одному тому, что все это очень близко сходится съ нашей провіантской частью.

Сосипатовъ. Значитъ, вы собственно служили по провіантской части?

Прокудинъ. Все время по провіантской части!.. часть умная!..

Сосипатовъ (улыбаясь). Но и плутоватая, согласитесь!

Прокудинъ. Нѣтъ, нынче совсѣмъ нѣтъ, потому что бухгалтерія очень строгая ведется!.. Я самъ, въ маленькихъ чинахъ, лѣтъ пять былъ бухгалтеромъ и могъ бы съ успѣхомъ занять у васъ эту должность!.. Тысячъ по 12-ти жалованье, говорятъ, бухгалтерамъ платятъ.

Сосипатовъ. О, нѣтъ, меньше!.. Но и на эту должность надобно, чтобъ вакансія была.

Прокудинъ. Я жду-съ, жду!.. Вы вотъ пожалуйте мнѣ на мои деньги вашихъ акцій, что ли; а я жду!.. Вы человѣкъ геніальный: скоро можете понимать людей!

(Въ это время лакей вноситъ завтракъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и лакей.

Сосипатовъ (Прокудину). Хотите съѣсть чего-нибудь? Выпить рюмку водки, вина?

Прокудинъ. Благодарю!.. Ужъ года два ничего не пью!.. Сильнѣйшій катарръ желудочный имѣю.

Сосипатовъ (начиная ѣсть). Что такое катарръ!.. У кого нынче нѣтъ катарра?

Прокудинъ. Ужъ именно, у кого нѣтъ катарра. Доктора такъ объясняютъ, что болѣзнь эта главнымъ образомъ происходитъ отъ душевнаго разстройства, потому что нынче никто не можетъ быть спокоенъ духомъ, видя на каждомъ шагу несправедливость со стороны начальства и со стороны общества.

Сосипатовъ (кончая ѣсть и показывая лакею на завтракъ). Убирай все это!

Лакей (беря подносъ). Подрядчикъ Живодеровъ спрашиваетъ: уйти ему, или дожидаться васъ?

Сосипатовъ. О, я и забылъ о немъ совсѣмъ! (Лакею) Пускай онъ войдетъ сюда ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ. Вы позволите мнѣ переговорить при васъ съ однимъ бородачомъ?

Прокудинъ. Пожалуйста!.. Я самъ очень люблю и умѣю разговаривать съ русскими мужиками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Живодеровъ, толстобрюхій мужикъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, съ лицомъ умнымъ и плутоватымъ. Войдя, онъ поклонился сначала Сосипатову, а потомъ Прокудину и остановился у косяка.

Сосипатовъ (ему). Что скажешь хорошаго?

Живодеровъ. Да вотъ насчетъ того, Василій Петровичъ: не обидьте ужъ работкой-то!

Сосипатовъ. Зачѣмъ обижать?.. Старые знакомые!.. Что жъ, ты одну земляную работу хочешь взять?

Живодеровъ. Да я такъ бы желалъ... Чѣмъ вамъ безпокоиться и раскидывать работы въ разныя руки... всѣ ихъ принять на себя: и земляную, и каменную, и штукатурную, и малярную даже.

Сосипатовъ. Смотри, справишься ли ты съ народомъ-то?

Живодеровъ. Господи, николи, кажись, васъ въ этомъ не останавливалъ: слава Богу, промежъ народа знать имѣемъ большую.

Сосипатовъ. Ну, а цѣны какъ?

Живодеровъ. Цѣны нынѣ дать, Василій Петровичъ, надо подороже! Народъ безобразно дорогъ сталъ да и спился окончательно!

Сосипатовъ. Это такъ; но въ этомъ мы сойдемся; главное же условіе, чтобы ты плату принималъ отъ меня не деньгами, а акціями этого самаго дѣла, на которомъ будешь работать.

Живодеровъ (ужъ замѣтно смущеннымъ тономъ). По какой же цѣнѣ мнѣ ихъ брать?

Сосипатовъ. По номинальной, разумѣется.

Живодеровъ (отрицательно мотнувъ головой). Намъ это, Василій Петровичъ, совсѣмъ несподручно.

Сосипатовъ. Что жъ ты думаешь, что акціи упадутъ?.. Вотъ сейчасъ генералъ, котораго ты здѣсь видишь и который, надѣюсь, что не глупѣй тебя, купилъ ихъ у насъ на 25 тысячъ.

Прокудинъ. Купилъ-съ, купилъ съ полною вѣрою и надеждою.

Живодеровъ. Да это кому какъ угодно; но намъ тоже хоть съ какими бы ни на есть акціями гдѣ жъ тутъ возиться.

Сосипатовъ. Какая же возня?.. Пошелъ на биржу да продалъ ихъ!

Живодеровъ. Что еще дадутъ за нихъ, неизвѣстно... Я не то что по номинальной цѣнѣ, но даже по биржевой заклялся брать всякія акціи.

Сосипатовъ. Вотъ это умно!.. очень умно!.. (Прокудину) Онъ по биржевой цѣнѣ даже заклялся брать бумаги.

Прокудинъ (стараясь внушить Живодерову). Ты, любезный, какъ мужикъ, можетъ-быть, не понимаешь этого, что бумаги по биржевой цѣнѣ все равно, что деньги и золото!

Живодеровъ. Понимаю я, сударь, очень хорошо!.. Черезъ мои руки вороха разныхъ бумагъ прошли, и я досконально утверждать не сталъ бы, кабы меня самого по этой окаянной биржевой цѣнѣ тысячъ на тридцать не огрѣли!.. Я вотъ посѣдѣлъ съ той поры.

Сосипатовъ. Значитъ, ты продержалъ бумаги въ рукахъ; онѣ упали, это очень натурально.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ, я въ тотъ же часъ, какъ мнѣ ихъ дали, пошелъ на биржу продавать.

Сосипатовъ (пожимая плечами). Не понимаю я!

Прокудинъ. И я тоже.

Живодеровъ (уже съ азартомъ). Да такъ-съ! Цѣлая шайка была составлена! Одинъ продалъ, кладемъ такъ, другому акцій на тридцать тысячъ. Другой, тамъ, третьему тѣхъ же акцій на пятьдесятъ, четвертый опять этому третьему на сто; а на дѣлѣ-то, можетъ, и на грошъ никто никому не продалъ; а у маклера промежъ тѣмъ заявляютъ; тотъ, по ихнимъ сказкамъ, цѣну этимъ акціямъ биржевую выставляетъ, а потомъ насъ, подрядчиковъ, вызываютъ: «Принимайте, говорятъ, вонъ эти бумаги по биржевой цѣнѣ!..» Мы сдуру-то взяли, хвать на биржѣ-то продавать, а за нихъ, вмѣсто полутораста, настоящіе покупатели семьдесятъ пять только даютъ.

Сосипатовъ (у котораго въ продолженіе этого разсказа все болѣе подергивало лицо, обращая наконецъ къ Живодерову гордо голову). Что жъ ты, говоря это, полагаешь, что и я что-нибудь подобное устрою?

Живодеровъ (нѣсколько уже и струсивъ). Я, Василій Петровичъ, ничего того не полагаю; но вѣдь тоже акціи не въ однѣхъ вашихъ рукахъ будутъ.

Сосипатовъ (все болѣе и болѣе возвышаетъ свой голосъ). Нѣтъ, ты очень хорошо знаешь, что онѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, по преимуществу будутъ сосредоточены въ моихъ рукахъ, поэтому мнѣ всѣхъ выгоднѣй это сдѣлать. Такъ какъ же ты смѣешь говорить подобныя вещи въ глаза? Ты самъ весь замѣшанъ на плутняхъ, полагаешь, что и другіе тоже.

Живодеровъ. Никакихъ я, словно, плутенъ супротивъ васъ не дѣлалъ.

Сосипатовъ. Ты не противъ меня одного, а противъ цѣлаго міра ихъ дѣлалъ... Когда ты началъ дѣла, такъ у тебя

крѣпкихъ сапогъ не было, а теперь домъ въ пятьсотъ тысячъ,—сколько, значитъ, ты обобралъ и давальцевъ и работниковъ.

Живодеровъ. Да вѣдь, батюшка Василій Петровичъ, можетъ, какъ и вы за дѣла-то принялись, не богатенькіе были!.. Что жъ этимъ корить человѣка.

Сосипатовъ (колотя себя въ грудь). Я все, что имѣю, нажилъ моимъ умомъ, геніемъ, а не прижимами... Пошелъ вонъ, когда сталъ позволять себѣ такъ говорить!

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, гнѣваться и обижаться изволите неизвѣстно за что.

Сосипатовъ (обращаясь къ Прокудину). А? Онъ не понимаетъ, за что я обижаюсь!.. Онъ мнѣ въ глаза говоритъ, что я подлецъ, и я, по-его, не долженъ обижаться.

Прокудинъ (грозя Живодерову пальцемъ). Ты дѣйствительно, любезный, слишкомъ ужъ смѣло заговорилъ... слишкомъ.

Живодеровъ. Ваше превосходительство, я, можетъ, что и сказалъ по глупости.

Сосипатовъ (перебивая его). Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ! Чтобы твоя нога не смѣла больше здѣсь быть!

Живодеровъ (почти уже упрашивающимъ голосомъ). Позвольте по крайности къ барону зайти!.. Онъ все, словно, поразсудительнѣй...

Сосипатовъ. И къ барону не смѣй заходить! Ни одного гвоздя я тебѣ больше не дамъ вбить на моихъ работахъ.

Живодеровъ (въ свою очередь тоже уже разсердившись). Что жъ, Богъ съ вами!.. И безъ вашихъ гвоздей проживемъ.

(Поворачивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ (Прокудину). Это вотъ самая отвратительная сторона всякой торговой дѣятельности: постоянно приходится наталкиваться на разочарованіе!.. Десять лѣтъ я этого подрядчика знаю; всегда разумѣлъ за мужика хорошаго, умнаго, и вдругъ какимъ скотомъ и грубіяномъ оказывается: наплутовалъ и навымогалъ изъ народа до полумилліона и полагаетъ, что онъ всѣмъ ужъ равный и можетъ всѣмъ говорить, что ему угодно. Взбѣсилъ такъ, что дрожу даже весь, а это вреднѣй всего! (Садится, беретъ себя за голову, и у него все лицо даже начинаетъ подергивать).

Прокудинъ (ему съ участіемъ). Это нехорошо-съ, нехорошо такъ волноваться, и когда я буду служить у васъ, въ

этомъ отношеніи вы успокойтесь: я ужь съ этими господами стану разговаривать, и у меня на этотъ счетъ простая метода: какъ онъ заговорилъ очень, и если нѣтъ свидѣтелей, на которыхъ бы можно указать, что при семъ находились, я прямо въ зубы!

Сосипатовъ. Именно, въ зубы!

Прокудинъ. Больше ничего-съ!.. Я всегда и особенно съ жидами такъ и дѣлалъ: заведу его въ амбаръ, за кули съ мукою — и за пейсы: трахъ-трахъ изъ стороны въ сторону, — сразу присмиритъ!

Сосипатовъ (уже вставая). И этотъ негодяй струсилъ, когда я на него прикрикнулъ.

Прокудинъ. И очень даже!.. Не смѣю болѣе безпокоить васъ!.. (Раскланивается).

Сосипатовъ. Позвольте однако записку вамъ дать впередъ до полученія вами акцій. (Начинаетъ писать записку).

Прокудинъ (стоя у него за спиною). Слава Богу, можно вамъ вѣрить и безъ записки! Имѣете это реноме! А главная просьба моя—облагодѣтельствовать меня службою и не ради корысти какой-нибудь, а ради занятій: вѣкъ свой привыкъ умственно быть занятъ!

Сосипатовъ (подавая ему записку). Первая же открывшаяся вакансія будетъ ваша.

Прокудинъ. Несказанно благодарю! Желаю вамъ полнаго здоровья и успокоенія! (Еще разъ раскланивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сосипатовъ одинъ; потомъ лакей.

Сосипатовъ (одинъ). Генералъ, сейчасъ видно, что человѣкъ умный... Понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ прямо бросилъ на столъ 25 тысячъ. «Дѣлайте съ ними, что вамъ угодно: я Сосипатова знаю—онъ геній всей Россіи!» И почти правъ!.. правъ! По крайней мѣрѣ, я первый двинулъ въ русской жизни спекулятивный духъ!.. По-настоящему, биржа должна мнѣ памятникъ воздвигнуть, какъ начинателю великаго дѣла! Ломоносовъ справедливо писалъ, что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ россійская земля рождать! (Беретъ шляпу и перчатки). Карету мнѣ!

Лакей (вошедшій на этотъ зовъ). Ненила Петровна желаетъ васъ видѣть!

Сосипатовъ. Но я сейчасъ уѣзжаю.

Лакей. Имъ ненадолго-съ!

Сосипатовъ. Хорошо!.. (Начинаетъ-было надѣвать перчатки, но останавливается, увидя входящую Ненилу Петровну, которая идетъ, опираясь на руку m-r Шемуа и въ какомъ-то истерзанномъ видѣ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сосипатовъ, Ненила Петровна и m-r Шемуа.

Сосипатовъ (съ нѣкоторымъ уже испугомъ). Что, ты больна, что ли?

Ненила Петровна (трагическимъ голосомъ). Нѣтъ!.. Но я пришла къ тебѣ просить убѣжища и защиты: я расхожусь съ мужемъ!

Сосипатовъ. Отчего?

Ненила Петровна (опускаясь въ кресло и беря себя за голову). Я не въ состояніи тебѣ и передать!.. M-r Шемуа, разскажите брату.

Шемуа (пожимая плечами и, по обыкновенію, своимъ отрывистымъ голосомъ). C'est affreux!.. M-r Журиленко сегодня дѣлаетъ кулакъ... кричитъ: «Ненилъ Петровна, ты дура... гдѣ твои деньги?.. братъ укралъ твои деньги... я бью тебя!» Я всталъ... говорю: m-r, vous n'osez pas tuer votre femme!.. Il prend... беретъ мои плеча... толкаетъ дверь меня... даетъ мнѣ боксъ ici (показываетъ на шею). Après cela il fermait la porte... замокъ щелкаетъ... запираетъ... Ненилъ Петровна кричитъ... плачетъ... J'ai perdu mon raison, говорю: garçons, люди! Они боятся... дрожатъ, и тутъ бѣжитъ Ненилъ Петровна... изъ лица кровь!

Сосипатовъ (взглянувъ въ лицо сестры). Билъ, значитъ, онъ тебя?

Ненила Петровна. Билъ; я уже другими дверями отъ него убѣжала.

Сосипатовъ. За то, что ты отдала мнѣ деньги?

Ненила Петровна. Да; но тутъ было и другое. Я тебѣ сейчасъ скажу! M-r Шемуа, выйдите въ гостиную, я хочу остаться съ братомъ наединѣ.

M-r Шемуа (уходя). C'est affreux... C'est incroyable!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сосипатовъ и Ненила Петровна; потомъ Баронъ.

Сосипатовъ (нетерпѣливымъ тономъ). Говори, что такое?

Ненила Петровна (тяжело переводя дыханіе). Тутъ есть и ревность, и ревность совершенно справедливая!

Сосипатовъ. Къ кому ревность?

Ненила Петровна. Къ т-г Шемуа, котораго я люблю! (Стыдливо потупляетъ при этомъ глаза).

Сосипатовъ (возмущенный и удивленный). Ненила, въ твои годы?

Ненила Петровна. Постой, братъ, постой!.. Погоди укорять меня! Въ этомъ и ты отчасти виноватъ!.. Зачѣмъ же ты меня, дѣвушку съ умомъ, съ чувствомъ, отдалъ за Журиленко?.. Вѣдь онъ не человѣкъ!.. Онъ кабанъ дикій! Я десять лѣтъ его терпѣла, но теперь больше силъ моихъ ужъ не хватаетъ, и я тебя рѣшительно прошу позволить мнѣ съ нимъ разойтись и жить у тебя.

Сосипатовъ. Разумѣется, надобно разойтись! Нельзя же послѣ подобныхъ сценъ оставаться жить! Деньги твои я все-таки однако хочу возвратить тебѣ!.. (Подходитъ къ слуховой трубѣ и говоритъ въ нее) Просите ко мнѣ барона!

Ненила Петровна (съ чувствомъ). Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не возвращай мнѣ денегъ!.. Не оскорбляй меня этимъ.

Сосипатовъ. Я долженъ возвратить! Болтовню твоего супруга, что я обокралъ васъ, я могу уничтожить только фактомъ возврата.

Ненила Петровна (стремительно). Но клянусь тебѣ честью, что это было не столько за деньги, сколько за мой проступокъ, въ которомъ я почти не считаю себя виновною; я совершенно убѣждена, что очень немного въ мірѣ женщинъ, которыя въ состояніи были бы противостоять т-г Шемуа!.. Это человѣкъ самой возвышенной души! Сколько въ немъ поэзіи, благородства, этого рыцарства французскаго! Онъ очень въ этомъ отношеніи схожъ съ тобою. (Входитъ баронъ).

Сосипатовъ (ему). Извините, Эдуардъ Карлычъ, что я васъ безпокою! Какой глупый случай вышелъ: супругъ сестры моей взбѣсился, зачѣмъ я взялъ ея деньги, и кричитъ теперь, что я ихъ обокралъ, а потому я желаю возвратить имъ эти деньги назадъ.

Ненила Петровна. Но я, баронъ, не хочу этого и умоляю брата не возвращать мнѣ ихъ.

Сосипатовъ. Ты можешь умолять, но я тебя не послушаю! (Барону) Распорядитесь, пожалуйста, если можно, сегодня же передать ей всю сумму обратно.

Баронъ (съ нѣкоторой разстановкой). Деньги эти собственно теперь уже издержаны: ихъ нѣтъ въ кассѣ.

Сосипатовъ (немного удивляясь). На что же такъ быстро потребовалось издержать ихъ?

Баронъ (опять тѣмъ же потерпѣливымъ тономъ). Я взялъ ихъ на уплату себѣ по векселямъ моимъ.

Сосипатовъ (уже болѣе удивленный). Но почему же съ вашей стороны въ этомъ случаѣ была такая поспѣшность... и хоть деньги вами взяты, я все-таки просилъ бы васъ ссудить ими меня, пообождать нѣсколько уплатою по вашимъ векселямъ.

Баронъ. Нѣтъ-съ, я не могу этого сдѣлать.

Сосипатовъ. Баронъ, мнѣ даже странно слышать отъ васъ такой отвѣтъ.

Баронъ. Онъ вамъ будетъ не страненъ, если я вамъ объясню, что я совсѣмъ желаю выйти изъ вашего товарищества.

Сосипатовъ (поблѣднѣвъ уже). Вы?.. Выйти?

Баронъ. Да!

Сосипатовъ (почти испуганнымъ голосомъ). Что такое, баронъ?.. Я васъ начинаю совершенно не понимать: вы за что-нибудь разсердились на меня или потеряли ко мнѣ довѣріе?

Баронъ. Ни за что я на васъ не разсердился и нисколько не утратилъ къ вамъ довѣрія.

Сосипатовъ. Но что жъ васъ заставляетъ оставлять наши общія дѣла?

Баронъ. Заставляетъ меня это сдѣлать и требуетъ даже отъ меня этого жена ваша!

Сосипатовъ (окончательно пораженный удивленіемъ). Какъ жена требуетъ?

Ненила Петровна (съ любопытствомъ). Марья Александровна, вы говорите?

Баронъ. Она!

Ненила Петровна (пожимая плечами и въ сторону). Тутъ что-то такое новое открывается: подозрѣнія мои, значитъ, были справедливы.

Сосипатовъ (все еще не могшій прійти въ себя). Но съ какой же стати жена требовала отъ васъ этого?

Баронъ. Она говоритъ, что я врагъ всей вашей семьи.

Сосипатовъ. На какомъ же основаніи она это говоритъ?

Баронъ. Это уже вы ее спросите!

Сосипатовъ. Непремѣнно-съ!.. Сію же минуту! (Ненилѣ Петровнѣ) Попросите сюда Марью Александровну. (Та уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сосипатовъ и баронъ.

Сосипатовъ (подходя къ барону и протягивая ему руку). Но если бы и такъ это было, то неужели же ваша дружба ко мнѣ, которой вы дали столько доказательствъ, могла поколебаться отъ какихъ-то капризныхъ женскихъ требованій?

Баронъ (отвѣчая Сосипатову пожатіемъ руки и въ то же время не глядя на него). Марья Александровна, вѣроятно, не находитъ свое требованіе капризнымъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же. Входятъ Марья Александровна и Некнла Петровна. Послѣдняя становится въ сторонѣ и начинаетъ ко всему внимательно приматриваться.

Сосипатовъ (строго женѣ). Марья Александровна, вы поссорили меня съ барономъ!.. Отъ какихъ-то вздорныхъ словъ вашихъ онъ кидаетъ меня.

Марья Александровна (по наружности какъ бы спокойно). Ахъ, я очень рада, что баронъ такъ скоро исполнилъ свое обѣщаніе.

Сосипатовъ (почти уже выходя изъ себя). Но какъ же вы смѣли требовать отъ него этого обѣщанія?

Марья Александровна. Смѣла, потому что хочу этимъ спасти и тебя, и дѣтей, и самоё себя!

Сосипатовъ. Но откуда же и какимъ образомъ могло войти въ твою маленькую голову подобное подозрѣніе?.. Ты становишься поперекъ пути всей моей жизни!.. Парализируешь всю мою двадцатилѣтнюю дѣятельность!

Марья Александровна. Тебѣ не нужно никакой дѣятельности, и прежде всего надо успокоиться...

Сосипатовъ (топнувъ уже ногой). Не хочу я вашего успокоенія! Ты наконецъ врываешься въ мой нравственный міръ и хочешь тамъ хозяйничать, заставляя меня дѣлать то, что тебѣ угодно, а не мнѣ!.. Извольте сейчасъ же, на колѣняхъ, вымаливать у барона прощеніе!..

Марья Александровна (тоже уже со вспыхнувшимъ отъ гнѣва лицомъ). Ты, кажется, съ ума сошелъ!.. Я ни у кого въ мірѣ не стану вымаливать прощенія!.. Я во всѣхъ поступкахъ противъ каждаго права и чиста! Баронъ очень хорошо знаетъ, почему я считаю его врагомъ всего нашего семейства!

Сосипатовъ. Вы знаете это, баронъ?

Баронъ. Отчасти.

Сосипатовъ. И вы дѣйствительно врагъ моей семьи и мой врагъ?

Баронъ. Больше всѣхъ вашъ.

Сосипатовъ (пораженный). Но за что же?

Баронъ. За то, что вы слишкомъ долго злоупотребляли мной: я работалъ, а вы на этомъ богатѣли и славу себѣ при-

обрѣтали!.. Теперь ужъ я хочу позаботиться объ себѣ и больше этого никакого другого объясненія дать не могу. (Раскланивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, кромѣ барона.

Сосипатовъ (не могшій окончательно прійти въ себя). Что такое онъ тутъ наговорилъ?.. Онъ работалъ, а я этимъ только прославлялся!..

Марья Александровна. Конечно, онъ очень много дѣлалъ и трудился!..

Сосипатовъ. А я что же?.. Такъ уже?.. ничего?.. Пѣшкой, что ли, стоялъ у дѣлъ?

Марья Александровна. Не пѣшкой!.. Напротивъ! Я всегда очень хорошо знала и даже барону въ глаза говорила, что ты по своему уму неизмѣримо выше его; но ты человѣкъ непрактичный и фантазеръ; а кромѣ того, теперь ужъ и боленъ.

Сосипатовъ (взбѣшеннымъ голосомъ). Я еще разъ прошу васъ не анализировать меня!.. Не вашего ума, кажется, это дѣло!.. Коротокъ онъ для этого!..

Ненила Петровна. По-моему тоже: чтобы такъ судить рѣшительно, надо имѣть большую смѣлость.

Марья Александровна (со слезами уже на глазахъ). Я сужу мужа по моей любви къ нему, а не изъ пустого чехвальства, какъ дѣлаете это вы!

Сосипатовъ (женѣ). Извольте молчать и завтра же приготовьтесь уѣхать съ дѣтьми въ деревню... Вы не можете здѣсь оставаться!.. Вы мнѣ мѣшаете. Я теперь возьму себѣ другихъ помощниковъ, вы и съ тѣми, можетъ-быть, найдете нужнымъ разссориться... Сестра у меня въ настоящее время остается жить, вамъ и то будетъ непріятно, потому что вы всегда съ нею въ какой-то контрѣ.

Марья Александровна (глубоко оскорбленная). Мнѣ дѣйствительно лучше уѣхать, если ты такъ меня понимаешь; но Богъ видитъ мое сердце и знаетъ, какъ ты несправедливъ противъ меня! (Уходитъ, окончательно расплакавшись).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Сосипатовъ и Ненила Петровна.

Сосипатовъ. Она же плачетъ!.. Она же!.. Сама тутъ надурила, убила и умертвила, я все-таки скажу, лучшую половину нашего дѣла, разссоривъ меня съ барономъ.

Ненила Петровна (таинственно перебивая брата). Ну, ты этому радуйся скорѣе, Базиль.

Сосипатовъ. Никакъ ужъ я тому не могу радоваться... Никакъ...

Ненила Петровна (неистово). Радуйся!.. Неужели ты думаешь, что это такъ... безъ причинъ произошла между Марьей Александровной и барономъ ссора?

Сосипатовъ. Почемъ же я знаю эти причины?

Ненила Петровна (усмѣхаясь). Потому что ты мало знаешь женщинъ!.. Ясно, что тутъ прежде была любовь, а потомъ послѣдовалъ разрывъ.

Сосипатовъ. Можетъ-быть, и то; но тогда мнѣ новый поводъ удалить ее въ деревню... Теперь вотъ что. (Беретъ себя за голову). Скажи: этотъ Шемуа... Онъ какъ-то тутъ проговаривалъ, что пріѣхалъ въ Россію съ какими-то коммерческими цѣлями.

Ненила Петровна. Да, онъ желалъ бы занять какое-нибудь видное мѣсто по коммерческой части.

Сосипатовъ. Стало-быть, онъ знакомъ съ этого рода дѣятельностью?

Ненила Петровна. Всю жизнь сю занимался! И при томъ онъ очень уменъ!

Сосипатовъ. Онъ уменъ, и я хочу ему, вмѣсто барона, поручить весь иностранный отдѣлъ, а потомъ у меня сейчасъ былъ генералъ, тоже долженъ быть человѣкъ со смѣткой... Я составлю себѣ товарищество не хуже, чѣмъ съ барономъ...

Ненила Петровна. Конечно... Неужели то, что ты разошелся съ какимъ-то нѣмчурой — это можетъ поколебать твое положеніе.

Сосипатовъ. Никто и ничто не можетъ поколебать меня!.. Наперекоръ Марьѣ Александровнѣ и барону, я могу еще работать: голова моя полна замыслами! Я докажу и имъ и всему міру, что такое Сосипатовъ!

Ненила Петровна (совершенно искреннимъ тономъ). Разумѣется, докажешь!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Богатый кабинетъ барона Кергофа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ и баронесса, одѣтая въ бальное платье; потомъ лакей.

Баронесса (обращаясь къ мужу съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ). Что жъ, по-твоему, я одна должна ѣхать въ концертъ?

Баронъ. Почему жъ тебѣ и не ѣхать? Ты не молоденькая!

Баронесса (съ удареніемъ). Но и не старенькая! Не старенькая!.. Наконецъ, если ты такъ смотрѣлъ на семейную жизнь, зачѣмъ же ты женился?

Баронъ. Вы знаете причину, по которой я на васъ женился: я никакъ ужъ не искалъ счастья имѣть васъ моей супругой, а хотѣлъ только дать имя ребенку, котораго, вы говорили, что носите подъ сердцемъ, тогда какъ это была совершенная ложь.

Баронесса (вспыхнувъ отъ гнѣва). Нѣтъ, это была не ложь!.. Ты не смѣешь мнѣ это говорить! Мало ли женщинъ, которыя думаютъ, что онѣ будутъ матерями, и Богъ не даетъ имъ этого счастья; но какъ бы то ни было, ты теперь мнѣ мужъ, и я не содержанка твоя.

Баронъ. Все равно, была же ею прежде!

Баронесса. Мало ли кто чѣмъ былъ; но ты тѣмъ болѣе долженъ поднимать и возвышать меня въ обществѣ своимъ вниманіемъ и уваженіемъ!.. Вонъ, даже Непила Петровна, которой я очень мало разсказывала про свою семейную жизнь и которую ужъ тоже мужъ не баловалъ—билъ даже ее—и та говоритъ, что лучше быть женой подобнаго дикаго кабана, чѣмъ барона!

Баронъ. Я эту Непилу Петровну еще упрячу въ тюрьму за всѣ ея гнусности, которыя она творитъ въ послѣднее время.

Баронесса. И все это, безъ сомнѣнія, за m-me Сосипатову?

Баронъ (съ удареніемъ). Именно за Сосипатову.

Баронесса. Конечно!.. Конечно!.. Но, къ сожалѣнію, та нисколько не отвѣчала вамъ и выгнала даже васъ изъ своего дома; а если бы она хоть только улыбнулась вамъ, вы готовы были бы въ огонь и въ воду. Не знаю только, какія достоинства вы видѣли и видите въ ней.

Баронъ. Достоинство, какое не у многихъ женщинъ въ настоящее время есть.

Баронесса. Какое это такое, желала бы я знать?

Баронъ. Чистая, безупречная жизнь.

Баронесса. Ну да, такъ вотъ и увѣрите!.. Весь городъ знаетъ, что она съ вами была въ связи и только разгнѣвалась за то, что мало денегъ давали... Но, положимъ, она дѣйствительно, какъ вы изволите увѣрять, нравственна; но прежде еще надобно рѣшить вопросъ, что такое эта нравственность?.. Нынче совсѣмъ иначе на это смотрятъ: если какая-нибудь женщина холоднаго темперамента, та будетъ нравственна, а если пылкая, такъ нѣтъ, особенно, когда мужъ ея не любитъ! (Порывисто звонитъ. Входитъ лакей). Скажи молодому человѣку, который у насъ живетъ внизу, что если онъ одѣтъ и готовъ ѣхать въ концертъ, такъ пришелъ бы ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ и баронесса; потомъ m-r Шулькинъ.

Баронъ (взбѣсившись). По крайней мѣрѣ, принимай ты эту дрянь у себя, на своей половинѣ.

Баронесса. Извините, я нарочно при васъ даже стану съ нимъ кокетничать!.. Вамъ что до этого? Вы не любите меня.

Баронъ. Отвяжись ты отъ меня съ твоей любовью!.. Вспомни свои лѣта и взглянись въ зеркало: неужели можетъ кто любить тебя такъ, какъ ты того желаешь? Одна штукатурка твоя...

Баронесса. Полюбятъ еще, сдѣлайте одолженіе, полюбятъ! И потомъ: какъ ты смѣешь такъ выражаться: штукатурка! Я притираюсь, какъ и всѣ почти женщины нынче это дѣлаютъ, а не штукатурюсь. А, вотъ и m-r Шулькинъ. Такъ какъ мужъ мой не ѣдетъ со мной въ концертъ, то я васъ приглашаю быть моимъ кавалеромъ и ѣхать со мной въ каретѣ—угодно?

М-r Шулькинъ. Очень радъ.

Баронесса (вѣтренно помахивая своимъ вѣеромъ). А потомъ послѣ концерта... я не знаю еще, въ какомъ настроеніи я буду; но мы, можетъ-быть, поѣдемъ съ вами ужинать въ какой-нибудь отель.

М-r Шулькинъ. Если вамъ угодно!

Баронесса. А теперь дайте мнѣ вашу руку. (Шулькинъ подаетъ ей руку. Баронесса, опираясь на нее и обращаясь къ мужу) Мы ужъ уѣзжаемъ и надѣюсь, что весело проведемъ время!.. Желаю, чтобы и для тебя также оно пріятно прошло! (Уходитъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронъ одинъ; по временамъ входитъ лакей. Позже входитъ Персиковъ, видимо, человѣкъ свѣтскій и не очень ужъ молодыхъ лѣтъ.

Баронъ (съ бѣшенствомъ и насмѣшкою). Никакого терпѣнія

не хватаетъ жить съ этой женщиной!.. Всѣмъ этимъ безобразничаньемъ своимъ она ревность хочетъ возбудить во мнѣ, не зная того, что я озолотилъ бы всякаго, кто бы стяжалъ ея любовь и отвратилъ бы ея сердечный пламень отъ меня на себя! (Входитъ лакей).

Лакей (подавая барону письмо). Отъ г-жи Сосипатовой.

Баронъ (съ удивленіемъ и почти съ испугомъ). Какъ отъ Сосипатовой?.. Но почтѣ?

Лакей. Никакъ нѣтъ-съ!.. Человѣкъ его принесъ.

Баронъ. Откуда?

Лакей. Изъ дома г-на Сосипатова! Камердинеръ Василія Петровича!.. Онъ проситъ дать ему отвѣтъ.

Баронъ (торопливо прочитавъ письмо и взволнованнымъ голосомъ). Пусть онъ скажетъ Марьѣ Александровнѣ, что я дома и что очень радъ ее видѣть! (Лакей уходитъ. Баронъ тѣмъ же взволнованнымъ тономъ) Пріѣхать ко мнѣ зачѣмъ-то желаетъ! Ужъ не случилось ли тамъ бѣды какой! А Персикова до сихъ поръ нѣтъ: хоть бы отъ него узнать! (Громко звонитъ, вбѣгаетъ прежній лакей). Послать сейчасъ верхового за Персиковымъ къ нему на квартиру... въ театръ!..

Лакей. Г-нъ Персиковъ здѣсь и играютъ съ управляющимъ на бильярдѣ!

Баронъ. Фу, ты, Боже мой, что это за человѣкъ!.. Поди, зови, веди его сюда скорѣй. (Лакей уходитъ). Я его жду Богъ знаетъ съ какимъ нетерпѣніемъ третій день,—а онъ играетъ съ моими лакеями на бильярдѣ! (Баронъ вошедшему Персикову) Вамъ, Персиковъ, я думаю, прежде слѣдовало бы итти ко мнѣ, чѣмъ въ бильярдную.

Персиковъ (совершенно безпечнымъ тономъ). Pardon, mon cher! но я сыгралъ только партію съ твоимъ управителемъ! Смотрѣть, какъ этотъ господинъ дѣлаетъ шары—просто эстетическое наслажденіе!.. Запоздалъ же я собственно къ тебѣ потому, что княгиня Рымкова клятвой меня связала быть у ней сегодня въ шесть часовъ!.. Къ ней пріѣхалъ братецъ-посланникъ, а у ней рѣшительно некому занимать его, такъ что я обѣдалъ у нихъ и до сихъ поръ болталъ.

Баронъ (съ досадой). Богъ мнѣ съ ними, съ вашими посланниками!.. Скажите лучше, что дѣло Сосипатова?

Персиковъ (садясь въ кресло и разваливаясь въ немъ). Все, все сейчасъ по порядку разскажу! Я тогда прямо проѣхалъ въ одну кофейную, гдѣ, какъ водится, нашелъ Мишу... Я ему разсказалъ все, что ты мнѣ говорилъ... Милѣйшій этотъ человѣкъ въ то же утро оповѣстилъ другихъ, нужныхъ по закону членовъ, такъ что къ вечеру была окончательно органи-

зована вся комиссія и положено было немедля ѣхать къ Сосипатову на дачу...

Баронъ. Зачѣмъ на дачу? Развѣ онъ тамъ?

Персиковъ. Тамъ!.. Они его туда перевезли, чтобы посекретнѣе держать, а то въ городѣ, говорятъ, онъ у нихъ очень дурилъ, и дача эта чортъ знаетъ какъ далеко—версты три отъ города!.. Хорошо, что еще ночь мѣсячная случилась, и мы рѣшительно какой-то набѣгъ непріятельскій учинили. Впереди у насъ летѣлъ полицеймейстеръ съ бѣлымъ султаномъ... За нимъ доктора въ каретѣ и сзади ихъ въ четырехмѣстной коляскѣ мы, то-есть я, Миша и два судебные члена.

Баронъ. Но какъ же вы въ комиссіи очутились?

Персиковъ. Въ качествѣ репортера, какъ репортеръ газетный! Я вѣдь цензоръ и наблюдатель нравовъ и долженъ всюду и вездѣ бывать!.. Сценъ, я тебѣ скажу, мы насмотрѣлись восхитительныхъ. Imaginez: дача въ глухомъ, тѣнистомъ саду... собаки на дворѣ лаютъ... мы стучимся въ нѣсколько кулаковъ... наконецъ намъ отпираютъ; спрашиваютъ, что мы за люди... мы говоримъ: «Именемъ закона пропускайте насъ!..» Идемъ!.. первая встрѣчаетъ насъ Ненила. Щеки у нея дрожатъ, губы дрожатъ, пейсы ея, которые она, вѣроятно, считаетъ за букли, дрожатъ, и вообще выраженіе всей физіономіи таково, что если бы она въ эту минуту плюнула, то ея слюна, я убѣжденъ, по своей ядовитости, провертѣла бы паркетъ! «Чему мы, говоритъ, обязаны такимъ поздниимъ вашимъ посѣщеніемъ?» Миша ей на это очень спокойно объяснилъ, что до свѣдѣнія правительства дошло, что Василій Петровичъ Сосипатовъ находится въ такомъ сильномъ нервномъ разстройствѣ, по которому его необходимо освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ!.. Comprenez-vous: физіономія у Ненилы окончательно вытянулась. «Съ какого же повода, говоритъ она, это свидѣтельствованіе?.. Отъ родныхъ и людей, близкихъ Василію Петровичу, сколько ей извѣстно, ходатайства о томъ не было!» На это ей отвѣтили, что объ этомъ ходатайствуетъ одинъ изъ кредиторовъ Василія Петровича, баронъ Кергофъ... «Баронъ Кергофъ, говоритъ, злѣйшій врагъ Василія Петровича, и на это можетъ представить доказательства жена брата, за которой, говоритъ, я сейчасъ пошлю!» И дѣйствительно послала...

Баронъ. Стало-быть, Марья Александровна тамъ же, съ нимъ живетъ.

Персиковъ (восклицаетъ). Нѣту!.. У нихъ предъ тѣмъ только была цѣлая исторія: они сначала Марьи Александровны совсѣмъ не пустили къ мужу. Этотъ m-r Шемуа, любовникъ

Ненилы, когда Марья Александровна пріѣхала съ желѣзной дороги, вышелъ къ ней и прямо объявилъ, что Василій Петровичъ не желаетъ ея видѣть во всю свою жизнь, такъ что съ бѣдной женщиной стало дурно; она упала въ обморокъ.

Баронъ. Ахъ, негодяи какіе!

Персиковъ. Классическіе! Я тебѣ говорю... Но ты еще послушай, дальше интереснѣе будетъ. Когда мы, несмотря на всѣ преграды, воздвигаемыя намъ Ненилой, которая только что юбки предъ нами не растопыривала, все-таки проникли въ большой кабинетъ Василья Петровича, видимъ тамъ, что онъ, при единственной стеариновой свѣчкѣ, бесѣдуетъ съ этимъ глухонѣмымъ американцемъ-медіумомъ, который вызываетъ ему духовъ въ какомъ угодно количествѣ, а Сосипатовъ предлагаетъ имъ разные финансовые вопросы на разрѣшеніе.

Баронъ. Что за чепуха такая?

Персиковъ. Увѣряю тебя!.. Полицеймейстеръ, разумѣется, сейчасъ же попросилъ удалиться этого духовызывателя. Я сначала думалъ: хорошо было бы его задержать, такъ какъ онъ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ, что Сосипатовъ спятилъ съ ума... Я говорю объ этомъ доктору... «Чорта съ два, говоритъ, какое же это доказательство когда милліоны людей вѣрятъ этому!..»

Баронъ. А самъ Сосипатовъ удивился вашему посѣщенію?

Персиковъ. Нисколько! Даже когда Мина объявилъ ему, что онъ желалъ бы получить отъ него нѣсколько письменныхъ отвѣтовъ, Сосипатовъ весьма вѣжливо и покойно отвѣчалъ: «извольте, я готовъ!». И первоначально сталъ писать отвѣты совершенно умные, даже умнѣе самыхъ вопросовъ, и только ужъ, когда докторъ замѣтилъ ему, что такъ какъ у него сильное разстройство нервовъ, то, вѣроятно, ему трудно заниматься коммерціей!.. Батюшки мои, онъ и пошелъ, и пошелъ!.. «Я, говоритъ, геній коммерческій; только меня всюду окружаютъ мошенники!..» Правительству тоже порядкомъ досталось. Наконецъ, говоритъ, что онъ для спасенія своего финансоваго имени намѣренъ объявить себя банкротомъ, и что это повелѣлъ ему сдѣлать одинъ изъ вызванныхъ для него духовъ.

Баронъ. И что же, онъ все это написалъ?

Персиковъ. Отъ слова до слова, и комиссія тутъ же постановила свое заключеніе, что считаетъ его сумасшедшимъ.

Баронъ. Но надобно однако, чтобы сенатъ утвердилъ это.

Персиковъ. Да я тебѣ и это охлопочу очень скоро!.. Сенаторы мнѣ всѣ знакомы и отличнѣйшій народъ, а это дѣло чисто, какъ кристаллъ.

Баронъ. Благодарю васъ несказанно.

Персиковъ. О, mon cher, стоитъ благодарить за это! Я даже статью по этому поводу вчера ночью изготовилъ, гдѣ доказываю всю законность и непреложность твоего права требовать это свидѣтельство, потому что тѣ господа, конечно ужъ, съ своей стороны выдвинутъ цѣлую фалангу нашего брата, которые будутъ развивать, что это варварство домогаться освидѣтельствованія человѣка въ умственныхъ способностяхъ потому только, что онъ кому-нибудь денегъ не платитъ, о чемъ ужъ m-r Шемуа, какъ мнѣ разсказывали, и заявилъ въ клубѣ, что это, по французской гуманитэ — нельзя!.. Гуманёръ какой: пріѣхалъ изъ Парижа и прямо запустилъ лапу въ милліонное состояніе!..

Баронъ. Говорятъ, онъ Ненилу сильно обираетъ.

Персиковъ (почти съ азартомъ). Тысячи она на него переводитъ!.. Сотни тысячъ!.. Я тебѣ говорю: послѣднее время я рѣшительно начинаю вѣрить, что одни люди родятся подъ счастливою звѣздой, а другіе подъ несчастной!.. Возьму въ примѣръ себя: сколько женщинъ меня любило, и женщинъ богатыхъ, но ни одна изъ нихъ запонки брильянтовой мнѣ не подарила!

Баронъ. Но вы, вѣроятно, и не приняли бы такого подарка.

Персиковъ. Конечно, не принялъ бы, потому что мы люди все-таки не нынѣшняго, а прежняго, нѣсколько идеальнаго направленія; но что жъ изъ того выходитъ: и живешь нищимъ, ѣздящимъ въ каретѣ; а это тяжело!.. У меня вонъ печенка вся сгнила... Я высохъ, какъ лимонъ!.. Не отъ радости же, въ самомъ дѣлѣ, я пишу фельетоны: будь у меня хоть сколько-нибудь обезпеченное состояніе, я скорѣе бы руку себѣ отрубилъ, чѣмъ строчку печатную написалъ! Я все-таки человѣкъ порядочно воспитанный и очень ясно сознаю, что такое наша братья фельетонисты? Это тѣ же торговки, которыя бѣгали прежде по разнымъ богатымъ домамъ и разносили новости.

Баронъ (усмѣхаясь). Зачѣмъ же такое самоуниженіе! Вы все-таки проводите мысль какую-нибудь.

Персиковъ (снова съ азартомъ). Поди ты, — мысль проводимъ! Мы всѣ питаемся кой-какими фактишками и скандалами, да и тѣхъ иногда нѣтъ. Вотъ хорошо, что на нынѣшней недѣлѣ дѣло этого Сосипатова случилось, а то иногда цѣлый мѣсяцъ зарядить — ничего! А между тѣмъ въ передней у тебя каждую пятницу торчитъ эта грубая скотина, разсыльный изъ типографіи: «Давайте, ваше высокородіе, фельетонъ!» Просто, я тебѣ говорю, каторга и пытка, а не жизнь!

Баронъ. Но отчего же за границей фельетонисты, съ ко-

торыми я только былъ знакомъ, совершенно довольны своимъ положеніемъ?

Персиковъ. Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они такъ довольны! Преимущество ихъ, конечно, въ томъ, что каждый изъ нихъ всю жизнь можетъ говорить въ одномъ духѣ, то-есть быть публично честнымъ человѣкомъ: онъ торчитъ при какой-нибудь газетѣ, которая служитъ выраженіемъ извѣстной партіи, и, какъ кукушка, поетъ свою пѣсню. А у насъ и того нельзя. У насъ вдругъ г-нъ редакторъ призываетъ васъ къ себѣ и начинаетъ съ благороднымъ негодованіемъ распекать. «Такъ-съ писать нельзя: у васъ нѣтъ чутья къ общественному настроенію!» Что такое? — думаешь; начинаешь стороной узнавать... оказывается, что прежде субсидію онъ получалъ отъ одного господина, а теперь перебѣжалъ къ другому. Вотъ и угадывай это настроеніе.

Баронъ. Значитъ, вмѣстѣ съ нимъ и вамъ надо поворачивать въ другую сторону?

Персиковъ. Надо! И поворачиваемъ, потому что иначе кушать, жрать будетъ нечего. Но это еще ничего, продавалъ бы себя, какъ умная кокотка, за порядочную цѣну, а то за гроши какіе-то. Помнишь, вотъ по этому... по Сосипатовскому предпріятію, я у тебя тысячи четыре перебралъ, — цифра, кажется, порядочная; но надо знать, много ли мнѣ изъ нея попало? Вся львиная часть ушла по редакціямъ, гдѣ мнѣ прямо говорили, что онѣ вовсе не обязаны дѣлать другимъ услуги, не извлекая себѣ изъ того пользы.

Баронъ. По-моему, въ этомъ случаѣ они совершенно правы!

Персиковъ. Нѣтъ, не правы: потому что они такимъ образомъ должны хвалить всякаго мерзавца. Ну, и стяжали себѣ славное общественное мнѣніе, такъ что, по милости ихъ, совѣстно въ обществѣ показаться. Мнѣ на-дняхъ одинъ желѣзнодорожникъ встрѣтился въ театрѣ и чрезъ весь партеръ кричитъ: «Скажите, говоритъ, вашему принципалу, чтобъ онъ меня поддерживалъ: я ему за это деньги хорошія заплачу!»

(Входитъ лакей).

Лакей. Марья Александровна Сосипатова пріѣхала.

Баронъ (съ замѣтнымъ волненіемъ). Проси... или нѣтъ, погоди, постой.

Персиковъ. Вѣроятно, она пройдетъ къ баронессѣ въ гостиную.

Баронъ. Баронессы дома нѣтъ! Она на этомъ сегодняшнемъ знаменитомъ концертѣ.

Персиковъ (ударяя себя по лбу). Батюшки, я непремѣнно тоже долженъ быть тамъ, какъ лицо ходатайственное: третьяго-

дня я обѣдалъ у этой божественной примадонны, и она накормила меня макаронами à l'Italien и русскими рубцами съ чеснокомъ, — чудо что такое! Прощай! (Быстро уходитъ).

Баронъ (лакею). Проси сюда ко мнѣ Марью Александровну.

(Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Баронъ одинъ, потомъ Марья Александровна; позже баронесса.

Баронъ (беря себя за голову). И не вѣрится блаженству, что я еще ее увижу и буду съ ней разговаривать! (Входитъ Марья Александровна. Баронъ встрѣчаетъ ее и сначала-было радостнымъ голосомъ) Здравствуйте, Марья Александровна, какъ я радъ васъ видѣть!.. (Протягиваетъ ей руку; но Марья Александровна отвѣчаетъ ему однимъ только легкимъ поклономъ. Баронъ, видимо, сконфуженный этимъ, уже молча пододвигаетъ ей кресло. Она садится. Баронъ тоже садится. Проходитъ нѣсколько времени въ молчаніи).

Марья Александровна (трепещущимъ нѣсколько голосомъ). Я къ вамъ по порученію отъ родныхъ моего мужа и привезла пять тысячъ, которыя долженъ вамъ Василій Петровичъ. Прошу васъ уничтожить вашъ вексель.

Баронъ. Съ какой же цѣлью родные вашего мужа такъ желаютъ уничтожить мой вексель?

Марья Александровна. Это не они одни желаютъ, но и я тоже: вы, пользуясь этимъ векселемъ, требовали освидѣтельствованія мужа въ сумасшествіи, а это его убило окончательно. И мы поэтому хотимъ отнять у васъ это право.

Баронъ. Права этого нельзя у меня отнять: я уже имъ воспользовался!

Марья Александровна (саркастически усмѣхаясь). И вы до такой степени преслѣдовали вашего прежняго друга изъ единственнаго опасенія потерпѣть маленькій убытокъ въ вашемъ дѣлѣ!

Баронъ. Изъ какихъ опасеній я это дѣлалъ, вы узнаете потомъ.

Марья Александровна. Во всякомъ случаѣ они совершенно излишнія: мужъ мой объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а потому распоряжаться его состояніемъ будетъ не самъ онъ, а конкурсъ.

Баронъ. Уже объявилъ? И, какъ я слышалъ, онъ исполнилъ въ этомъ случаѣ приказаніе духа, котораго вызвалъ ему Тонель.

Марья Александровна. Не знаю, приказывалъ ли ему это духъ, но онъ сдѣлалъ это потому, что долги его превышаютъ состояніе.

Баронъ. Кто жъ вамъ это говорилъ? Самъ Василій Петровичъ?

Марья Александровна (сконфузившись). Нѣтъ, не онъ! Мужа я еще не видала; но мнѣ это говорили его главный управляющій генералъ Прокудинъ и Ненила Петровна. Она показывала даже цифру: на Васильѣ Петровичѣ около двухъ милліоновъ долгу.

Баронъ (усмѣхаясь). Немного насчитали! И весь этотъ долгъ, вѣроятно, раздѣленъ между Шемуа, Ненилой Петровной и ея супругомъ, который безпрестанно требуетъ ее къ себѣ, и она откупается отъ него векселями брата.

Марья Александровна. Не имъ однимъ, но и на мое имя есть вексель во сто тысячъ!

Баронъ (уже съ испугомъ). И вы взяли этотъ вексель, приняли его?

Марья Александровна. Взяла, желая сберечь для себя хоть маленькую частичку состоянія.

Баронъ (все болѣе и болѣе съ волненіемъ и уже вставая со своего стула). Ничего онъ вамъ не спасетъ и не можетъ спасти!.. Вотъ смотрите! (Беретъ со стола книжку законовъ, раскрываетъ ее и бьетъ по раскрытой страницѣ рукою) Существуетъ прямая статья закона, по которой, если кто объявилъ себя несостоятельнымъ, то все, что имъ за послѣднія десять лѣтъ передано женѣ, отбирается отъ нея!

Марья Александровна. Но это не отъ мужа ко мнѣ перешло! Это мои приданыя деньги, которыя были у него въ дѣлахъ.

Баронъ. Знаю-съ это я, но какъ и чѣмъ вы это докажете?.. Теперь другое надо дѣлать... Всѣ эти Шемуа и Прокудины нарочно васъ втягиваютъ, чтобы лишить меня возможности преслѣдовать ихъ уголовнымъ судомъ, и когда вы возьмете этотъ вексель, вы сами будете такой же преступницей, какъ и они, потому что всѣ векселя, выданные въ послѣднее время Василіемъ Петровичемъ, безденежные и взяты отъ сумасшедшаго человѣка.

Марья Александровна (поблѣднѣвъ и съ испугомъ). Сталобыть, послѣ этого я должна остаться нищей, безъ всякаго состоянія?

Баронъ. Я спасу вамъ все ваше состояніе! Только слушайтесь меня! Я нарочно сохранилъ мой пустой векселишко, чтобы не устраняться окончательно отъ дѣлъ Василія Петровича. Я заранѣе предчувствовалъ, что все это будетъ происходить!.. Прежде всего вы скажите отъ моего имени его главному управляющему, что я не беру уплаты по моему векселю,

и пусть онъ самъ объясняется со мной объ этомъ. Про вашъ же векселъ прямо объясните, что вы считаете его безденежнымъ и поэтому не принимаете.

Марья Александровна (смущеннымъ тономъ). Вашъ совѣтъ, баронъ, такъ рѣшителенъ, что мнѣ, согласитесь, трудно разомъ и не подумавъ послѣдовать ему, тѣмъ болѣе, что я не знаю еще, насколько онъ искрененъ.

Баронъ. Да, Господи, повѣрьте мнѣ хоть одинъ разъ въ жизни!.. Вы давно уже видите во мнѣ какого-то врага вашего, тогда какъ я питаю къ вамъ самую горячую и чистую любовь. Я не избалованъ женщинами!.. Вы знаете, на какомъ чудовищѣ я женатъ, а потому мудрено ли, что вы мнѣ представляетесь какимъ-то ангеломъ святымъ.

Марья Александровна (уже съ недовольнымъ лицомъ). Баронъ, въ такія минуты подобныя объясненія!

Баронъ. Это не объясненія, нѣтъ, это мольба, чтобы вы хоть въ то время, когда на волоскѣ все ваше состояніе, мнѣ довѣрились. Я бы желалъ теперь Богъ знаетъ обладать какимъ краснорѣчіемъ, чтобы убѣдить васъ въ себѣ!.. Неужели же мои глаза, полные, какъ вы видите, слезъ, мои дрожащія руки и умоляющій голосъ — все это притворство?.. И для чего оно? Мужа вашего окружаетъ цѣлая шайка негодяевъ, которые, разумѣется, боятся васъ и ненавидятъ!.. Одинъ вамъ преданный человѣкъ — я, но мнѣ-то именно вы и не вѣрите!..

Марья Александровна (вдругъ оборачивая къ нему голову). Нѣтъ, баронъ, я вамъ начинаю вѣрить! Если ужъ вы меня обманываете, что жъ послѣ того! (Протягиваетъ ему руку, которую баронъ почти страстно начинаетъ цѣловать: въ это время въ дверяхъ показывается баронесса, разсвирѣпѣлая, какъ тигрица).

Баронесса (почти задыхающимся голосомъ). Прекрасная сцена!.. Превосходная!.. Персиковъ не обманулъ меня! (Мужу) Впрочемъ, я и сама предчувствовала, почему ты не хотѣлъ со мной ѣхать въ концертъ!

Баронъ (тоже взбѣсившись). Какъ ты смѣешь входить въ кабинетъ, когда тебѣ только вздумается?

Баронесса (уже насмѣшливо). Скажите, я въ своемъ домѣ не могу входить, куда мнѣ угодно. Скорѣй ты уѣзжай, куда хочешь, и назначай тамъ себѣ свиданія! (Сосипатовой) А вамъ, сударыня, самимъ предоставляю назвать вашъ поступокъ.

Марья Александровна. Тутъ нѣтъ никакого поступка съ моей стороны... Вы ошибаетесь.

Баронесса. А что же это по-вашему: пріѣхать къ мужчинѣ, прежнему вашему поклоннику, ночью, когда онъ выпроводилъ жену свою?

Марья Александровна. Я пріѣхала къ барону по дѣламъ съ нимъ объясниться.

Баронесса. Да-съ, извольте видѣть, мы должны вамъ вѣрить во всемъ: вы женщина чистая, нравственная, мы только порочныя и безнравственныя!..

Марья Александровна. Не понимаю, что такое вы говорите!

Баронъ (ей). И не слушайте этой безумицы... Я завтра поутру пріѣду къ вамъ и подробно вамъ объясню, какъ вамъ дѣйствовать; послушаетесь ли вы только меня?

Марья Александровна. Да, послушаюсь.

Баронесса (ей). Я вамъ не позволю его слушаться и принимать его къ себѣ!.. Я требую отъ васъ этого, какъ жена его, какъ женщина, которую онъ все-таки обязанъ любить...

Марья Александровна. Успокойтесь, баронесса, пожалуйста, успокойтесь! Я совершенно для васъ безопасна, я слишкомъ немолода и слишкомъ несчастна, чтобы быть чьей-нибудь соперницей! До свиданія, баронъ! (Протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ и идетъ провожать Сосипатову).

Баронесса (на авансценѣ и въ бѣшенствѣ сжимаетъ кулаки). Я убью эту женщину!.. Что жъ дѣлать: я сознаюсь, что я ревнива!.. Это мой порокъ! Я завтра же пойду къ ней и изобью ее!

(Баронъ возвращается на авансцену).

ЯВЛЕНІЕ V.

Баронъ и баронесса.

Баронесса. Что жъ ты, уморить меня хочешь? Непремѣнно на это рѣшился?

Баронъ (хладнокровно садясь за столъ). Да, плакать бы много не сталъ, если бы умерла.

Баронесса (съ азартомъ). Такъ нарочно, на зло вамъ, не умру: буду жить и веселиться! Вотъ сейчасъ же позову Шулькина и поѣду съ нимъ на тройкѣ!

Баронъ (тѣмъ же хладнокровнымъ тономъ). Скатертью дорога!

Баронесса. Да, я знаю, вы счастливы даже отъ этого будете; но только вы и тутъ ошиблись: я вовсе не такая развратница, какъ ваша Сосипатова, и теперь дѣйствительно поѣду, только къ жандармскому полковнику... губернатору... Пусть они заставятъ васъ быть мнѣ мужемъ! Безнаказанно нельзя такъ кидать жену! (Уходитъ).

Баронъ (пожимая плечами). Бываютъ дуры, но все не такія!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зала въ домѣ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Около большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Говорковъ. По правую отъ него сторону Ненила Петровна и m-r Шемуа, а налѣво генералъ Прокудинъ и Живодеровъ.

Говорковъ (видимо, говорящій заранѣе приготовленную имъ рѣчь). Какъ предсѣдатель конкурса, учрежденнаго надъ г-мъ Сосипатовымъ, я долженъ изложить предъ вами нѣкоторыя обстоятельства нашего общаго дѣла: на-дняхъ г-нъ баронъ Кергофъ исходатайствовалъ, чтобы должникъ нашъ, г-нъ Сосипатовъ, былъ освидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ,—съ какой цѣлью онъ это дѣлалъ...

Ненила Петровна (перебивая его). Съ очень понятною: чтобы унизить человѣка, которому, какъ баронъ самъ признался, онъ всегда завидовалъ.

Говорковъ. Нѣтъ, я подозрѣваю, что цѣль эта была болѣе серьезная и чисто-юридическая.

Прокудинъ (подхватывая). Непремѣнно юридическая.

Говорковъ. Въ виду чего я и полагалъ бы пригласить сюда г-на Сосипатова и, перечисливъ ему его векселя, просить его дать вамъ отъ себя удостовѣреніе, что онъ признаётъ ихъ дѣйствительными, и что всѣ они даны имъ въ твердомъ умѣ и памяти.

Прокудинъ (опять подхватывая). Это будетъ полезно!

Шемуа (которому Ненила Петровна потихоньку переводила все, что говорилъ Говорковъ). Oui, cela sera bien!

Говорковъ (взглядывая на всѣхъ присутствующихъ). Но кто же пригласитъ г-на Сосипатова?

Ненила Петровна. Я!.. Онъ меня пока еще больше, чѣмъ другихъ, слушаетъ! (Встаетъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Ненилы Петровны.

Говорковъ (Прокудину). Вы справлялись въ сенатѣ, утверждено ли сумасшествіе г-на Сосипатова?

Прокудинъ. Справлялся!.. Утверждено!.. Но что жъ изъ того: все-таки векселя выданы имъ раньше этого утвержденія.

Говорковъ (протяжно). Да, но нынѣшній судъ признаётъ сумасшествіе и ранѣе утвержденія сената, если только обстоятельства подтверждаютъ это.

ЯВЛЕНІЕ III.

Говорковъ, m-r Шемуа, Прокудинъ, Живодеровъ, Марья Александровна и Баронъ Кергофъ.

Марья Александровна (подходя прямо къ столу и съ нѣсколько насильственною смѣлостью). Мнѣ доставили вексель отъ мужа, который я принять не могу, потому что вчера узнала, что мужъ мой въ то время, какъ я была въ деревнѣ, совершенно помѣшался.

Говорковъ. Не знаю-съ, мы не замѣчали этого! Впрочемъ, вы сейчасъ сами увидите вашего мужа, и надѣюсь, что не найдете его сумасшедшимъ.

Марья Александровна. Я очень рада тому: но и тогда векселя не возьму! (Кладетъ вексель на столъ, отходитъ въ сторону и садится).

Говорковъ (барону Кергофу, сѣвшему вмѣстѣ съ другими кураторами за столъ). Вы также не приняли уплаты по вашему векселю?

Баронъ (рѣзко). Не принялъ! И даже удивился, какъ конкурсъ позволилъ себѣ предложить мнѣ ее: претензія моя должна быть удовлетворена наравнѣ съ прочими, а не полной суммой, какъ мнѣ предлагали: такихъ милостей я никогда и ни отъ кого не принималъ!

Говорковъ. Но ваша претензія такая ничтожная!..

Баронъ. Какъ бы она ни была ничтожна, законъ ни для какихъ маленькихъ суммъ не дѣлаетъ исключеній. Намѣреніе ваше я очень хорошо понимаю: вамъ хочется, чтобы я не былъ кредиторомъ г-на Сосипатова, а я желаю имъ остаться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Ненила Петровна и Сосипатовъ. Онъ веселъ и бодръ, только съ окончательно уже пылающими глазами. Потомъ лакей.

Сосипатовъ (дружески со всѣми раскланиваясь). Очень радъ васъ, господа, видѣть у себя! (Увидавъ жену, онъ сейчасъ измѣняетъ выраженіе въ лицѣ и почти строгимъ голосомъ) Вы, я надѣюсь, посѣтили мой домъ, только какъ кредиторша моя?

Марья Александровна (дрожащимъ голосомъ). Я не желаю быть вашей кредиторшею: я возвратила вашъ вексель назадъ.

Сосипатовъ (кивнувъ головой на барона). Видно, съ той стороны хорошо обезпечены. (Садится и обращается къ Говоркову) Вы желали о чемъ-нибудь переговорить со мной?

(Ненила Петровна тоже садится около него и замѣтно начинаетъ наблюдать за нимъ).

Говорковъ (Сосипатову официальнымъ тономъ). Нѣкоторые злонамѣренные люди распустили слухъ, что будто вы находитесь не въ здравомъ состояніи вашего ума и даже были освидѣтельствованы...

Сосипатовъ (смѣясь). Былъ-съ! Былъ!.. Но кто тутъ одураченъ, еще не рѣшено: они хотѣли меня одурачить, а, кажется, я ихъ одурачилъ.

Говорковъ. Вамъ извѣстно, по требованію кого вы освидѣтельствованы?

Сосипатовъ. Извѣстно: этого желали баронъ Кергофъ и жена моя, которая находится съ нимъ въ любовной связи.

Марья Александровна (вспыхнувъ и закрывая лицо рукою). Василій Петровичъ, пощади меня хоть съ этой стороны: я все это время жила въ деревнѣ.

Сосипатовъ (съ озлобленіемъ). Да-съ, но и имѣнье барона тутъ недалеко, — вы забыли это. Впрочемъ, все это ничего не значитъ!.. Я даже счастливъ и блаженъ оттого! Это снимаетъ послѣднюю узду съ моихъ обязанностей къ вамъ! Женщина, которая нѣкогда позволила себѣ сказать мнѣ, что я болванъ, неспособный ничего дѣлать, не можетъ оставаться моей женой... Возвращаюсь однако къ моему сумасшествію: когда эта глупая комедія была сыграна со мною, я, признаюсь, на первыхъ порахъ впалъ въ нѣкоторое сомнѣніе, потому что, какъ ни свѣтелъ и ни ясенъ нашъ разумъ, но все-таки человѣкъ самъ за себя вполнѣ поручиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилъ докторъ Круповъ, мы всѣ сумасшедшіе, и разница только въ степени помѣшательства, такъ что я обратился наконецъ къ моему милѣйшему медіуму и вмѣстѣ моему другу, говорю ему: «Сэръ, вызовите мнѣ духа и спросите его, въ какомъ состояніи мой разсудокъ!». Тотъ, не далѣе какъ въ прошедшую ночь — вотъ сестра была свидѣтельницей тому—вызвалъ мнѣ духа, который далъ мнѣ даже письменный отвѣтъ, каковой и имѣю честь представить вамъ! (Вынимаетъ изъ жилетнаго кармана клочокъ бумаги и кидаетъ его на столъ). Тутъ, какъ вы видите, написано: «Разумъ вашъ находится въ прежнемъ здравомъ и геніальномъ состояніи!».

(Всѣ потупляются).

Баронъ (взявъ самый клочокъ бумаги и взглянувъ на него). Почеркъ этотъ очень похожъ на вашъ, Василій Петровичъ!

Сосипатовъ. Да, это я писалъ, но только подъ диктовку духа! Вы этимъ ядовитымъ замѣчаніемъ вашимъ, конечно, хотѣли меня срѣзать, уничтожить, но—увы!—какъ нѣмецъ, вы не знали великой нашей поговорки, что лбомъ стѣны не прошибешь!.. Спиритизмъ—фактъ-съ! Все равно, что бревно, дерево, его не уничтожишь!.. Но потомъ и путемъ аналогіи я разуму вашему докажу! Что всѣ мы состоимъ изъ духа и тѣла, въ этомъ и вы, несмотря на вашъ скептицизмъ, вѣроятно, не сомнѣвастесь; но духъ въ человѣкѣ, существѣ по преимуществу реальномъ, столь замкнутъ, что между нимъ и Богомъ, этимъ духомъ совершенно абстрактнымъ и безтѣлеснымъ, непремѣнно должны быть переходныя существа, все болѣе и болѣе теряющія свою реальность; это признаётся даже христіанствомъ! Отсюда вытекла вѣра въ ангеловъ, архангеловъ, и вотъ въ числѣ этихъ чистыхъ духовъ существуютъ, между прочимъ, и души умершихъ людей, которыхъ связь съ землей еще не кончилась совершенно, по которыхъ мы уже, по грубости нашихъ наблюдательныхъ органовъ, не имѣемъ средствъ ни видѣть и ни осязать, и только нѣкоторыя... вслушайтесь: нѣкоторыя избранныя натуры, вотъ эти самые медіумы, способные, по своей нервозности, почти совершенно освобождать свою душу отъ тѣла, могутъ, такъ сказать, соприкасаться съ этими тѣнями умершихъ людей!.. Ко мнѣ... это уже повѣрено мною даже портретомъ... является духъ Ло, извѣстнаго изобрѣтателя билетовъ на предъявителя, съ которымъ я поэтому и имѣю нѣкоторое сродство!.. Кажется, ясно?

Говорковъ. Да-съ, ясно!.. Значитъ, мы теперь можемъ перейти къ пересчю долговъ вашихъ.

Сосипатовъ. Сдѣлайте одолженіе.

Говорковъ (не совсѣмъ твердымъ голосомъ). Говоркову полтораста тысячъ.

Сосипатовъ (кивая головой). Вѣрно-съ!

Живодеровъ (поблѣднѣвъ). Сумма знатная!

Говорковъ (продолжаетъ). Г-ну Журиленко сто тысячъ!

Сосипатовъ (беря себя за голову). Не помню, за что же именно?.. За какія операціи?..

Нинила Петровна (краснѣя). За пажити, которыя въ послѣднее время куплены у мужа.

Сосипатовъ. Это которыя отъ Бердряги идутъ къ Сумлину?

Нинила Петровна. Да!

Сосипатовъ. Но это солончаки какіе-то, на которыхъ можно только скорпіоновъ разводить.

Нинила Петровна. Ахъ, нѣтъ!.. Пажити очень хорошія и огромныя.

Сосипатовъ. Ну, не помню!.. Не спорю!.. (Говоркову) Потрудитесь продолжать!

Говорковъ (читаетъ). Г-жѣ Журиленко восемьсотъ тысячъ!.. Г-ну Шемуа четыреста тысячъ!.. Генералъ-майору Прокудину полтораста тысячъ!.. Г-ну Живодерову двѣсти тысячъ!.. И потомъ по претензіямъ двухъ лицъ — всего на два милліона. Признаёте ли вы, Василій Петровичъ, всѣ эти долги ваши, и даны ли они вами въ полномъ и ясномъ сознаніи?

Сосипатовъ. Въ совершенномъ сознаніи.

Живодеровъ (уже вставая и обращаясь къ Говоркову). А какъ-съ теперь велико имущество Василія Петровича?

Говорковъ. По примѣрной оцѣнкѣ до пятисотъ тысячъ простирается.

Живодеровъ (опять поблѣднѣвъ). Вотъ тѣ разъ!.. Поэтому мы копеекъ по двадцати пяти на рубль получимъ?

Говорковъ. Да, не больше.

Живодеровъ (обращаясь къ Сосипатову). Вы, батюшка Василій Петровичъ, накиньте мнѣ тысчонокъ хоть двѣсти еще, чтобы мнѣ не совсѣмъ въ разоренье прійти.

Сосипатовъ (гордо поднимая передъ нимъ голову). Какъ же это и за что я стану тебѣ накидывать?

Живодеровъ. За долгъ мой, помилуйте! Другимъ давали же векселя и безъ всякихъ денегъ, рублевика за нихъ не получивши, а я за свои труды прошу.

Сосипатовъ (ударяя на слова). Кто это такіе другіе, кто?

Живодеровъ. Да вотъ тотъ же г-нъ Шемуа и Говорковъ. Я съ недѣлю тому назадъ въ конторѣ справлялся: никакого долга имъ не значилось, а теперь на-ка, какіе векселища выросли. Г-ну генералу тоже: онъ тогда на моихъ глазахъ принесъ вамъ всего двадцать пять тысячъ, да и на тѣ ему были акціи выданы, а онъ потомъ сунулъ ихъ назадъ и деньги на нихъ пріобрѣлъ!

Шемуа (обращаясь ко всѣмъ). Je ne comprends pas... что онъ говоритъ: Шемуа... что такое Шемуа?..

Прокудинъ (Живодерову). За это «сунулъ» — я посчитаюсь съ тобой послѣ съ глазу на глазъ, а теперь только спрошу: ты знаешь всѣ мои отношенія къ Василію Петровичу и всѣ мои денежныя дѣла, которыя я съ нимъ велъ?

Живодеровъ. Я, сударь, ничего не знаю!.. Знаю только про себя!.. Тогда Василій Петровичъ разгнѣваться на меня изволили, прогнали отъ себя, а вы вдругъ, сдѣлаючись его управляющимъ, шлете за мной: давай вамъ народу, бери какую хочешь цѣну!.. Я бы могъ притѣсненіе сдѣлать... Однакоче я вамъ все въ удовольствіе исполнилъ, и работали, сами

видѣли, все равно, что изъ огня рвали: я на тотъ случай работнику, можетъ, платилъ дороже, чѣмъ самъ получалъ, и за такія свои послуги, на-ка, получай по двадцати пяти копеекъ на рубль, — Бога тоже надо знать!.. Господа-то только обзываютъ насъ мошенниками, а сами, пожалуй, еще хуже насъ.

Сосипатовъ (при послѣднихъ словахъ приподнимаясь и мрачнымъ голосомъ). Чаша терпѣнія моего исполнилась!.. (Показывая рукой на Живодерова) Негодяй этотъ давно меня бѣсилъ, но прежде я ничего не могъ ему сдѣлать... Теперь же месть моя настала! Онъ не знаетъ еще, дерзкій дуракъ, что я верховный жрецъ и судья всего финансоваго міра!.. Я царь торговли! Мнѣ самъ Богъ вручилъ этотъ вѣнецъ! (Живодерову) Я устраиваю надъ тобою судъ! (Прочимъ лицамъ) Господа! Надѣвайте ваши судейскія тоги!.. (Снова Живодерову) Скажи, несчастный, давно ли ты запутался въ дѣлахъ твоихъ?

Живодеровъ. Ничего я, ни въ какихъ дѣлахъ моихъ не запутывался.

Сосипатовъ. Молчи! Раскаяніе — твое единственное спасеніе! Одно слово еще отъ тебя, и голова твоя слетитъ съ плечъ.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ, извините! Вамъ голова моя не подначальная! Нынѣ безъ суда никому головы не рубятъ!

Сосипатовъ. Но я-то могу тебя судить!.. Палачъ тутъ за дверьми. Позовите палача сюда!..

(Всѣ крайне смущены).

Непила Петровна (умоляющимъ голосомъ). Братъ, прошу тебя: успокойся! (Марья Александровна тоже не знаетъ, что и дѣлать; глаза ея полны слезъ).

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, Василій Петровичъ, смѣяться или шутить вы изволите!

Сосипатовъ (вдругъ съ плачемъ въ голосѣ). Нѣтъ, я плачу, жерновами плачу, какими ты, каналья, никогда не плакивалъ!.. (Выходя на авансцену и къ публикѣ) Господа публика, я вашего суда и защиты требую! Вы сами видите, я отовсюду окруженъ моими врагами и завистниками!.. Меня безстыднѣйшимъ образомъ хотятъ представить за сумасшедшаго!.. Меня, торговаго человѣка, засадили, какъ арестанта, почти въ тюрьму и приставили вотъ эту сентиментальную дуру (показываетъ на сестру) стражемъ ко мнѣ!.. Какъ я могу поправить дѣла мои, когда мнѣ шагу никуда не позволяютъ сдѣлать! И каждый день, видитъ Богъ, несу отъ того десятки тысячъ убытку!.. Я молчалъ бы, если бы личность моя была иная: я бы могъ тогда умереть, издохнуть, разориться: дюжинныхъ людей жалѣть много нечего!.. Но во мнѣ губятъ геній всей Россіи!..

Меня держать, какъ Прометея, прикованнымъ къ скалѣ, тогда какъ я, подобно ангелу, несущему въ рукахъ свѣточъ, долженъ былъ бы облетать весь міръ. (Говорковъ вдругъ звонитъ. Входитъ лакей).

Говорковъ (нмъ). Уведите г-на Сосипатова.

Сосипатовъ (снова гордо поднявъ голову). И ты, презрѣнный торгашъ фальшивыми телеграммами, смѣешь сказать, чтобы меня вывели! Но я брошусь къ народу, и тотъ будетъ за меня: тебя онъ растерзаетъ на части, а меня вознесетъ, какъ императора, на щитахъ!.. (Въ самомъ дѣлѣ кидается-было къ открытому окну, но лакеи схватываютъ его и уводятъ. Сосипатовъ, уходя съ поднятыми руками) Духа Ло давайте мнѣ! Я хочу съ нимъ бесѣдовать. Духа Ло!

Марья Александровна (совсѣмъ растерявшись, уходя за мужемъ). Господи, что это такое съ нимъ!

Ненила Петровна (также слѣдуя за ней) Сами всю жизнь его мучили, а теперь удивляетесь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Говорковъ, m-г Шемуа, Прокудинъ, Живодеровъ и баронъ Кергофъ; потомъ лакей.

Говорковъ (съ необычнымъ ему одушевленіемъ). Никогда съ нимъ этого не бывало, никогда!

Баронъ (простодушнымъ тономъ). Никогда?

Говорковъ. Никогда, ни разу!

Прокудинъ (показывая головой на Живодерова). А все вотъ этотъ грубіянъ! (Подходя къ нему и сжимая кулаки) Тебѣ бороду за это оподовинить стоитъ.

Живодеровъ. За что жъ мнѣ оподовинить-то, я и самъ вамъ усы-то подправить сумѣю.

Прокудинъ (Говоркову). Г-нъ предсѣдатель, я не могу болѣе это переносить!.. Прошу составить объ этомъ протоколъ и представить общему собранію объ удаленіи г-на Живодерова изъ кураторовъ.

Живодеровъ (насмѣшливо). Да, такъ вотъ сейчасъ общее собраніе васъ и послушается. Меня съ барономъ выбрали настоящіе кредиторы, которымъ Василій Петровичъ доподлинно долженъ былъ, а не дутые бронзовики...

Шемуа (вслушиваясь). A, бронзовикъ! A présent, je comprends: vous dites, que nous sommes des canailles, плуты. Такъ... Да!. Je vous ferai vous taire... Дайте мнѣ votre adresse! Я васъ зову en duel.

Живодеровъ. Зови!.. Благуй, сколько хочешь, и ленечи тамъ по-своему!..

(Тѣ же и лакей).

Лакей. Какой-то господинъ и полиція съ нимъ спрашиваютъ, гдѣ конкурсъ.

Баронъ. Это, вѣроятно, судебный слѣдователь.

Говорковъ. Слѣдователь, вы говорите?

Баронъ. Да!

(Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ лакея. Входитъ дѣйствительно судебный слѣдователь, а за нимъ частный приставъ и два квартальные надзирателя.

Судебный слѣдователь (нѣсколько взволнованнымъ голосомъ). Извините, господа, что я прервалъ ваши занятія: но, къ сожалѣнію, я долженъ подвергнуть аресту нѣкоторыхъ членовъ конкурса.

Говорковъ (ему). По какому именно обвиненію?

Судебный слѣдователь. Васъ, собственно, по обвиненію въ составленіи фальшивыхъ телеграммъ и въ написаніи безденежныхъ векселей отъ человѣка, завѣдомо вамъ сумасшедшаго.

Говорковъ. И это доказано дознаніемъ?

Судебный слѣдователь. Совершенно доказано.

(Говорковъ послѣ того отыскиваетъ свою шляпу. Частный приставъ между тѣмъ мигаетъ квартальному; тотъ приближается къ Говоркову).

Говорковъ (ему). Въ ту часть, что и прежде?

Квартальный. Въ ту же самую-съ! (Оба уходятъ).

Частный приставъ (показывая барону головою на ушедшаго Говоркова). Года два тому назадъ, какъ выпущенъ изъ острога: содержался тоже за предсѣдательство въ конкурсѣ.

Судебный слѣдователь (между тѣмъ подходитъ къ генералу Прокудину). Вы господинъ Прокудинъ?

Прокудинъ (весь вспыхнувъ). Точно такъ.

Судебный слѣдователь. Васъ тоже положено арестовать за составленіе безденежныхъ векселей.

Прокудинъ. Но кто жъ это положилъ и постановилъ?

Судебный слѣдователь. Я!

Прокудинъ. Но вы забываете нѣсколько мое званіе!.. Мнѣ, полагаю, могли бы на слово повѣрить, что я не убѣгу и буду являться къ слѣдствію.

Судебный слѣдователь. Постановлено впредь до окончанія изслѣдованія всѣхъ подвергнуть одиночному заключенію.

Прокудинъ. Вы, молодой человѣкъ, рискуете многимъ,

многимъ! Я буду жаловаться государю императору моему! (Уходитъ; за нимъ также уходитъ и квартальный).

Судебный слѣдователь (барону, показывая глазами на Шемуа). Это, если я не ошибаюсь, г-нъ Шемуа?

Баронъ. Онъ!

Судебный слѣдователь (Шемуа). Вы говорите по-русски?

Шемуа. Да, я немного... русски... говорю.

Судебный слѣдователь. Je dois vous arrêter aussi.

Шемуа. Mais c'est impossible!.. Я не вашъ подданный! Moi je suis citoyen de France, de la république!.. Мнѣ вашъ законъ не надо!

Судебный слѣдователь. Всякій, кто на какой территоріи совершилъ преступленіе, по законамъ той страны и судится.

Шемуа. Но вы давайте мой консулъ... Я пишу мой консулъ.

Судебный слѣдователь. Консула извѣстятъ о вашемъ арестѣ. Потрудитесь слѣдовать за г-мъ квартальнымъ.

Шемуа (уже замѣтно растерявшись). Но я долженъ, je veux dire adieu... хозяинъ!.. (Быстро уходитъ во внутреннія комнаты).

Судебный слѣдователь (частному приставу). Не позволяйте, пожалуйста, никому съ нимъ совѣщаться!

Частный приставъ. О, да-съ, непремѣнно!.. (Быстро уходитъ за Шемуа).

Судебный слѣдователь (Живодерову). А вы потрудитесь дать показаніе.

Живодеровъ (уже струсивши). Я, ваше высокородіе, ни въ чемъ тутъ не причастенъ, видитъ Богъ!

Судебный слѣдователь. Васъ и спрашиваютъ въ качествѣ свидѣтеля. Извольте говорить, а я буду записывать... (Садится и начинаетъ записывать то, что говоритъ Живодеровъ).

Живодеровъ (сначала нѣсколько запинаясь). Я, извините, такъ... зашелъ по своему дѣлу къ маклеру; вижу тамъ вотъ этого г-на генерала и г-на Шемуа; на столѣ цѣлая куча векселей... Я на глазъ-то востеръ, хоть и далеко стою, но различаю: суммы все на двѣсти, триста, пятьсотъ тысячъ, и все вездѣ подпись: «Сосипатовъ, Сосипатовъ»!.. Ахъ, ты, думаю, это бронзовики льютъ; а у меня тутъ, ваше высокородіе, чистыя деньги, кровныя труды мои засосаны!.. Я бросился къ барону: «ваше сіятельство, говорю, научите, какъ мнѣ тутъ быть: въявь, середь бѣлаго дня грабятъ человѣка!»— «Заявите, говоритъ, прокурору, и я съ своей стороны напишу!» Я тогда явился къ его высокопревосходительству, г-ну прокурору, и все имъ и доложилъ-съ!

Судебный слѣдователь. Но не извѣстно ли вамъ еще чего-нибудь по этому дѣлу?

Живодеровъ. Ничего больше того не знаю, боюсь, и за то въ отвѣтѣ будешь.

Судебный слѣдователь. Ни въ какомъ отвѣтѣ вы не будете. До свиданья, баронъ! (Живодерову) Вы потрудитесь зайти въ мою канцелярію и подписаться къ этому вашему показанію.

Живодеровъ. Слушаю-съ! И разоренье-то и безпокойство этакое! (Машетъ только рукой и уходитъ вслѣдъ за судебнымъ слѣдователемъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ одинъ, потомъ Марья Александровна, трепещущая и съ удивленнымъ лицомъ.

Баронъ (одинъ). Пойметъ ли хоть теперь меня и оцѣнитъ ли сколько-нибудь Марья Александровна?

Марья Александровна. Что такое тутъ происходитъ? Шемуа какіе-то солдаты увели... Нениляу Петровну заперли въ ея комнатѣ!

Баронъ. Слѣдствіе начинается по ихнимъ плутнямъ!

Марья Александровна. Но, можетъ-быть, и мужа моего найдутъ виновнымъ?

Баронъ. Нѣтъ, онъ въ положеніи невмѣняемости. Все состояніе ваше спасено, изъ двухъ милліоновъ долга милліонъ восемьсотъ тысячъ зачеркнуты, какъ фальшивые.

Марья Александровна. Баронъ, я такъ виновата передъ вами... Я была въ отношеніи васъ глупа, неблагодарна, дерзка; мнѣ совѣстно глядѣть на васъ.

Баронъ (съ удареніемъ). Не совѣститесь и убѣдитесь только, что финансовый геній не мужъ вашъ, а скорѣй я!

Занавѣсъ падаетъ.

ХИЩНИКИ *).

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лошадь волки съѣли,
да санями подавились!
Пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Зыровъ, главный начальникъ вѣдомства.
Андашевскій, Алексѣй Николаичъ, товарищъ его.
Вуландъ, Владиміръ Иванычъ, директоръ.
Мямлинъ, Дмитрій Дмитричъ, камергеръ.
Князь Янтарный, Георгій Иракліевичъ, камергеръ.
Генералъ-майоръ Варнуха.
Шуверскій, столоначальникъ.
Басаева, Ольга Петровна, дочь графа Зырова. Вдова.
Вуландъ, Вильгельмина Ѳедоровна, жена Владиміра Иваныча Вуланда.
Сонина, Марья Сергѣевна, вдова.
Горничныя, слуги и курьеръ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Утро. Большой кабинетъ. Предъ письменнымъ столомъ сидитъ Владиміръ Иванычъ Вуландъ, плотный, черноволосый, съ щетинистыми бакенбардами, мужчина. Онъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ бы просматриваетъ разложенныя предъ нимъ бумаги. Напротивъ его, на диванѣ, сидитъ Вильгельмина Ѳедоровна (жена его), высокая, худая, бѣлокурая нѣмка. Она, тоже съ недовольнымъ лицомъ, вяжетъ какое-то вязанье.

Вильгельмина Ѳедоровна. Я сегодня въ газетахъ прочла, что на мѣсто Янсона товарищемъ назначенъ Андашевскій.

Владиміръ Иванычъ (не поднимая глазъ отъ бумагъ и мрачнымъ голосомъ). Да!.. Съ недѣлю ужъ какъ рѣшено было это назначеніе.

*) Комедія эта въ первоначальномъ видѣ была напечатана подъ заглавіемъ: «Подкопы». *Прим. ред.*

Вильгельмина Ѳедоровна. Отчего жъ ты мнѣ не сказалъ объ этомъ?

Владиміръ Иванычъ. Забывалъ все какъ-то.

Вильгельмина Ѳедоровна. А на какомъ основаніи тебя тутъ обошли?

Владиміръ Иванычъ (какъ бы удивленный этимъ вопросомъ). Что же я тутъ такое!

Вильгельмина Ѳедоровна. А то, что ты гораздо старше Андашевскаго и раньше его получилъ тайнаго совѣтника.

Владиміръ Иванычъ. Это нынче ничего не значитъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Наконецъ ты, я думаю, лучше его знаешь дѣло... Опытнѣй его, и полагаю даже, что умнѣе!

Владиміръ Иванычъ. Ты такъ полагаешь; а другіе, видно, полагаютъ иначе!

Вильгельмина Ѳедоровна. Что жъ, ты и останешься на своемъ мѣстѣ?

Владиміръ Иванычъ. Куда жъ мнѣ дѣваться!

Вильгельмина Ѳедоровна. Очень просто: проси у графа какой-нибудь высшей себѣ должности!.. Скажи ему, что ты униженъ и оскорбленъ назначеніемъ Андашевскаго тебѣ въ начальники: это самолюбіе благородное, а не глупое!.. Графъ долженъ это понять.

Владиміръ Иванычъ. Какъ же, пойметъ!.. Очень нужно ему до моего самолюбія.

Вильгельмина Ѳедоровна. И ты поэтому съ докладомъ будешь ходить къ Андашевскому?

Владиміръ Иванычъ (покраснѣвъ въ лицѣ отъ досады). Конечно!

Вильгельмина Ѳедоровна (тоже вспыхнувъ отъ досады). Ну, я женщина, а потому должна была бы имѣть меньше самолюбія, чѣмъ мужчина,—но я лучше бы сквозь землю провалилась, чѣмъ вынесла подобное униженіе.

Владиміръ Иванычъ. Проваливайся, пожалуй!.. Какъ кого удивишь!.. Скажутъ только, что одной дурой на свѣтѣ меньше стало.

Вильгельмина Ѳедоровна (разсердясь). Дурой!.. Ты самъ послѣ этого дуракъ!.. За что ты бранишься?

Владиміръ Иванычъ. Какъ же не браниться? Говоритъ какой-то вздоръ, фантазіи какія-то!..

Вильгельмина Ѳедоровна. Нѣтъ, это вовсе не фантазіи, а мнѣ дѣйствительно очень досадна несправедливость графа. Неужели же Андашевскій былъ полезнѣе тебя на службѣ и больше твоего участвовалъ хоть бы въ тѣхъ же реформахъ?

Владимиръ Иванычъ (съ грустной усмѣшкой). Не думаю!.. По реформѣ бо́льшую часть работъ производилъ я, а личные доклады графа ужъ исключительно писаны мною.

Вильгельмина Ѳедоровна (стремительно). Вотъ поэтому-то мнѣ ужасно и хочется узнать, за что собственно сдѣланъ Андашевскій товарищемъ?

Владимиръ Иванычъ. За то, что льстилъ и подличалъ передъ графомъ до такой степени, что гадко было видѣть это!.. Только-что ноги не цѣловалъ у него!..

Вильгельмина Ѳедоровна. Ну, это пустяки: за одно подличанье онъ не сдѣлалъ бы его товарищемъ!.. Тутъ непремѣнно должно-быть чье-нибудь постороннее вліяніе, какая-нибудь особая причина, а то графу не было бы никакого основанія отдать Андашевскому предпочтеніе предъ тобой.

Владимиръ Иванычъ. Не было основанія, однако онъ все-таки предпочелъ его.

Вильгельмина Ѳедоровна. Предпочелъ, потому что на то была какая-нибудь особая причина; а потому ты тѣмъ больше имѣешь права обидѣться этимъ и требовать у графа, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ сенатора, напримѣръ...

Владимиръ Иванычъ. Бездѣлицу!.. Сенаторство!.. Нынче, матушка, въ сенаторство попасть не такъ легко, какъ въ прежнее время: сажаютъ все спеціалистовъ по судебной части...

Вильгельмина Ѳедоровна. Въ такомъ случаѣ проси, чтобы тебѣ оставили то же содержаніе, и выходи въ отставку.

Владимиръ Иванычъ. И того не сдѣлаютъ!.. На-дняхъ еще циркулярно по всѣмъ вѣдомствамъ объявлено, чтобы никакихъ представленій о пенсіонныхъ назначеніяхъ выше штатныхъ не дѣлать.

Вильгельмина Ѳедоровна. А если такъ, то плюнь на все!.. Пусть тебѣ дадутъ, что̀ слѣдуетъ по закону, и уѣдемъ за границу! Я лучше по міру, съ сумой готова итти, чѣмъ видѣть, что мужъ мой подъ начальствомъ у мальчишки, который прежде за счастье считалъ, когда я позволю ему поцѣловать мою руку или налью чашку чаю.

(Владимиръ Иванычъ что-то такое хочетъ возразить женѣ; но входитъ курьеръ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и курьеръ; потомъ Владимиръ Иванычъ одинъ.

Курьеръ. Камергеръ Мямлинъ и генералъ-майоръ Варнуха.

Вильгельмина Ѳедоровна. А я еще и не одѣта! Уйти скорѣе!..

Владимиръ Иванычъ (съ досадой). Уходи!.. Что тебѣ тутъ сидѣть!..

(Вильгельмина Ѳедоровна уходитъ).

Владимиръ Иванычъ (курьеру). Проси этихъ господъ!

(Курьеръ уходитъ).

Владимиръ Иванычъ (одинъ). Эти женщины хуже змѣй!.. У меня и безъ того адъ на душѣ, а она еще пилитъ своимъ милымъ язычкомъ! Справедливо сказалъ какой-то философъ, что человѣкъ не столько оттого страдаетъ, когда ему самому скверно, какъ оттого, когда онъ видитъ, что другому хорошо! Вчера при мнѣ г. Андашевскій пріѣхалъ въ театръ и проходитъ въ первый рядъ креселъ, слышу, со всѣхъ сторонъ говорятъ: «Это Андашевскій!.. Новый товарищъ!..» А онъ огложданной-то харей своей такъ всѣмъ и улыбается и ко мнѣ вдругъ чуть не съ распростертыми объятіями. «Какъ, говоритъ, я счастливъ, что вижу васъ!». Пытку бы легче вынесъ, чѣмъ эту милую сцену, а между тѣмъ сиди, самъ тоже улыбайся и дѣлай видъ, что кромѣ удовольствія ничего не чувствуешь!.. Будь кто хочетъ, кажется, назначенъ со стороны, хоть столоначальникомъ какой-нибудь изъ аристократовъ, я равнодушнѣй бы перенесъ, зная, что въ Россіи въ службѣ все дѣлается по протекціи; но тутъ предпочтенъ человѣкъ совершенно равный мнѣ, стоявшій рѣшительно въ однихъ условіяхъ со мной, — это ужъ прямо насмѣшка!.. Плевокъ въ лицо!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Владимиръ Иванычъ; входитъ Мямлинъ, плѣшивый господинъ, съ женской почти физіономіей и съ необыкновенно толстымъ задомъ, и генералъ-майоръ Варнуха, худенькій, мозглый малороссіянинъ, съ длиннѣйшими усами, съ неглупымъ, но совершенно необразованнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Мямлинъ. Вашему превосходительству имѣю честь представиться! (На этихъ словахъ онъ вдругъ останавливается и начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).

Владимиръ Иванычъ (протягиваетъ ему руку). А у васъ это подергиванье въ лицѣ еще не прекратилось!

Мямлинъ. Лучше нынче, лучше!.. (Продолжаетъ гримасничать).

Владимиръ Иванычъ (съ нѣкоторымъ участіемъ). Но, скажите, что такое собственно это за болѣзнь?

Мямлинъ. Нервная!.. То же самое, что и пляска святого Вита, какъ объясняли мнѣ врачи...

Владимиръ Иванычъ. И что же, вы боль при этомъ сильную чувствуете?

Мямлинъ. Нисколько!.. Ни малѣйшей!.. Непроизвольное только сокращеніе личныхъ мускуловъ.

Владимиръ Иванычъ. Но есть же противъ этого средства какія-нибудь?

Мямлинъ. Электричество больше всего тутъ помогаетъ, и мнѣ теперь гораздо лучше!.. Конечно, когда взволнуешься чѣмъ, такъ усиливаются припадки, а сегодня вотъ я являлся къ графу, потомъ къ нашему новому начальнику, Алексѣю Николаичу Андашевскому, и наконецъ къ вашему превосходительству... Все это очень пріятно, но не могло не подѣйствовать.

(Владимиръ Иванычъ перенесъ свой взглядъ на генералъ-майора Варнуху, который все время стоялъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ; но какъ только взоръ Владимира Иваныча коснулся до него, такъ онъ мгновенно и очень низко поклонился ему и затѣмъ опять сейчасъ же вытянулся въ струнку).

Владимиръ Иванычъ (къ Варнухѣ). Вы недавно причислены къ намъ?

Генералъ-майоръ Варнуха (бойко и отчетливо). Точно такъ, ваше превосходительство!

Владимиръ Иванычъ. Но по чьему собственно представленію?

Генералъ-майоръ Варнуха. Господина товарища!

Владимиръ Иванычъ. Стало-быть, вы лично извѣстны Алексѣю Николаичу?

Мямлинъ (у котораго лицо совершенно уже успокоилось). Дядя мой, князь Михайла Семенычъ, просилъ за него Алексѣя Николаича... Господинъ Варнуха завѣдывалъ нѣкоторое время имѣньемъ дяди.

Генералъ-майоръ Варнуха. Тогда, оставивши военную службу, я занимался частными дѣлами и почесть что всѣ имѣнья князя Михайлы Семеныча пущалъ на выкупъ, и такъ какъ онъ остался очень доволенъ мной, то и сдѣлалъ меня потомъ смотрителемъ Огюнскаго завода.

Владимиръ Иванычъ (какъ бы повторяя слова Варнухи). Смотрителемъ Огюнскаго завода вы были?.. Но заводъ этотъ, какъ мнѣ помнится, производится этими несчастными ссыльными?

Генералъ-майоръ Варнуха. Точно такъ, ваше превосходительство!.. Очень трудно было управляться!.. На собственной рукѣ даже имѣю нѣсколько шрамовъ!.. (Заворачиваетъ рукавъ мундира и показываетъ нѣсколько шрамовъ).

Владимиръ Иванычъ. Это отчего?

Генералъ-майоръ Варнуха. Билъ ихъ-съ изъ собствен-

ныхъ рукъ!.. Сѣчь не велѣно... по суду когда еще что будетъ, а между тѣмъ они буянствуютъ каждый день, только этимъ самымъ и усмирялъ ихъ!

Владимиръ Иванычъ. Вы тамъ и получили чинъ генералъ-майора?

Генералъ-майоръ Варнуха. Точно такъ, ваше превосходительство!.. Три года уже состою генералъ-майоромъ и теперичe бы желалъ получить болѣе высшую должность.

Владимиръ Иванычъ. Да... Но у насъ вѣдь, предварительно всякаго назначенія, даютъ обыкновенно порученія..

Генералъ-майоръ Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владимиръ Иванычъ. И смотря по тому, кто какъ исполнитъ ихъ...

Генералъ-майоръ Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владимиръ Иванычъ. Прошу садиться! (Движеніемъ руки своей приглашаетъ гостей своихъ садиться и самъ садится. Мямлинъ довольно свободно располагается на своемъ креслѣ, но генералъ-майоръ Варнуха только притыкается на кончикъ стула).

Мямлинъ (заискивающимъ голосомъ). А я, ваше превосходительство, только вчерашняго числа возвратился изъ моей скучной и длинной командировки...

Владимиръ Иванычъ (насильно улыбаясь). Знаю это я!

Мямлинъ. Въ три тома дѣло произвелъ!.. Вотъ какихъ три тома!.. (Показываетъ рукою на аршинъ отъ земли). Двѣсти пятьдесятъ деревень объѣхалъ; съ желѣзными дорогами семь тысячъ восемьсотъ верстъ сдѣлалъ, — надобно было на это употребить времени и труда! (На всѣ эти слова Владимиръ Иванычъ хоть бы малѣйшее выразилъ одобреніе). И какъ вотъ сейчасъ я Алексѣю Николаичу докладывалъ: въ самую нынѣшнюю Страстную недѣлю, когда всѣ истинно-русскіе желаютъ и ждутъ съ семействомъ разговѣться, я, одинъ-одинехонекъ, живу въ идолопоклонической, мордовской деревнюшкѣ: только одинъ разъ въ недѣлю и оживешь душой, когда услышишь благовѣстъ изъ сосѣдняго русскаго села или съѣздишь туда къ обѣднѣ; вдругъ я читаю въ газетахъ, что нашъ Алексѣй Николаичъ назначенъ товарищемъ; я всплакалъ даже отъ радости, потому что этотъ выборъ прямо показываетъ, что въ настоящее время въ Россіи можно служить, и что достоинства и заслуги не пропадаютъ даромъ! (Владимиръ Иванычъ, лицо котораго становилось все болѣе и болѣе сердитымъ и недовольнымъ, и на эти слова ничего не проговорилъ. Мямлинъ, обращаясь уже къ генералъ-майору Варнухѣ) Согласны вы съ этимъ?

Генералъ-майоръ Варнуха (потупляя глаза и какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ). Конечно-съ!..

Мямлинъ (совершенно не соображая, кому и что̀ говоритъ). Про Алексѣя Николаича всѣ, я думаю, даже враги его скажутъ, что онъ уменъ!.. просвѣщенъ!.. дѣятеленъ!.. знающъ! (Каждое слово Мямлина какъ бы булавкой кололо генерала Варнуху, такъ что онъ слегка даже вздрагивалъ. Мямлинъ въ окончательномъ паѳосѣ своего увлеченія и снова обращаясь къ нему) И наконецъ души ангельской! Чего жъ можно больше требовать отъ человѣка! (Генералъ-майоръ Варнуха при этомъ только уже выворотилъ бѣлки свои на Мямлина, какъ бы желая тѣмъ выразить ему свое удивленіе. Мямлинъ, ничего этого не замѣчавшій) Это назначеніе такъ меня ободрило, что. когда я радость мою по этому предмету передавалъ князю Михайлѣ Семеновичу, такъ онъ, сочувствуя, конечно. вполнѣ выбору Алексѣя Николаича, посмѣялся даже мнѣ: «Ахъ, ты. говоритъ, добрая русская душа; каждому малѣйшему успѣху Россіи ты радуешься!..» Я что̀ жъ? Признаюсь: патріотъ!.. Люблю мое отечество! И теперь вотъ прямо самому графу и вашему превосходительству осмѣлюсь сказать и просить разсмотрѣть мои труды, можетъ-быть, и въ нихъ найдется что-нибудь полезное! Никакой поблажки или снисхожденія не желаю себѣ; а прошу только разсмотрѣть ихъ и оцѣнить по достоинству.

Владиміръ Иванычъ (мрачнымъ голосомъ). Наша обязанность просматривать всѣ поступающія къ намъ дѣла.

Мямлинъ. А я только и желаю того! (Начинаетъ снова выдѣлывать изъ лица гримасы).

Владиміръ Иванычъ (съ нескрываемымъ отвращеніемъ). Какая однако у васъ болѣзнь эта несносная.

Мямлинъ. Очень несносная! (Встаетъ и начинаетъ раскланиваться) Поручаю себя вашему вниманію.

Владиміръ Иванычъ (тоже вставая и протягивая Мямлину руку). Весьма радъ, что видѣлъ васъ!

Мямлинъ (склоняя передъ нимъ голову). Супругѣ вашей прошу засвидѣтельствовать отъ меня глубочайшее уваженіе.

Владиміръ Иванычъ. Благодарю васъ! (Обращаясь къ генералъ-майору Варнухѣ, но не протягивая ему руки) Радъ, что съ вами познакомился! (Генералъ-майоръ Варнуха проворно и низко ему кланяется).

Мямлинъ (показывая ему рукою). Мы съ генераломъ только и просимъ васъ объ одномъ: воздать каждому изъ насъ по дѣло̀мъ нашимъ! (Оба затѣмъ еще разъ раскланиваются съ Владиміромъ Иванычемъ и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Владимиръ Иванычъ (оставшись одинъ и какимъ-то тигромъ разсвирѣпѣлымъ садясь на свое мѣсто). Погодите: я воздамъ вамъ по дѣломъ вашимъ!.. Этотъ дуралей-то прокаженный съ ключомъ воображаетъ, что я его три дурацкіе тома стану читать; да я, безъ всякаго чтенія, прямо доложу графу, что это чепуха великая, и напередъ увѣренъ, что не ошибусь!.. Въ Андашевскомъ какого-то ужъ ангела открылъ и говоритъ мнѣ это прямо въ глаза; одно это показываетъ, что онъ дуракъ набитый! Другой-то тоже хорошъ, спичка эта военная, воришка съ какого-то заводишка, высшей должности себѣ ожидаетъ! Что до меня касается, такъ я васъ обоихъ угощу: въ службѣ только еще и осталось одно это наслажденіе, что подобнымъ скотамъ можешь ногу подставить!

(Входитъ курьеръ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Владимиръ Иванычъ и курьеръ.

Курьеръ. Чиновникъ Шуберскій!

Владимиръ Иванычъ. О, чортъ его дери! (Сердито къ курьеру) Что ему надобно отъ меня?

Курьеръ. Онъ съ бумагами какими-то пришелъ-съ.

Владимиръ Иванычъ. Зови! (Курьеръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владимиръ Иванычъ. Я увѣренъ, что этотъ прощелыга пришелъ высмотрѣть, что у меня написано на лицѣ.

(Входитъ Шуберскій, молодой еще человѣкъ, въ вицмундирномъ фракѣ и съ дѣлами подъ мышкой).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Владимиръ Иванычъ и Шуберскій; потомъ на мгновеніе входитъ курьеръ.

Владимиръ Иванычъ (довольно сурово). Что у васъ за дѣла такія спѣшныя? (Шуберскій на это молча подаетъ ему бумаги. Владимиръ Иванычъ, подписывая эти бумаги) Это все пустяки какіе-то, подтвержденія!.. Развѣ они не могли полежать, пока я пріѣду? (Почти швыряетъ къ Шуберскому подписанныя бумаги).

Шуберскій (скромно подбирая эти бумаги). Я еще и собственное дѣло имѣю къ вамъ, Владимиръ Иванычъ!

Владимиръ Иванычъ. Что такое съ?

Шуберскій. Я пришелъ попросить у васъ позволенія подать мнѣ въ отставку.

Владимиръ Иванычъ (видимо удивленный этими словами). Это съ чего вамъ вздумалось?

Шуберскій (грустно пожимая плечами). Мнѣ при Алексѣѣ Николаичѣ невозможно оставаться служить. Онъ въ первый же разъ, какъ будетъ управлять за графа, начнетъ непремѣнно преслѣдовать меня.

Владимиръ Иванычъ (съ нѣкоторымъ вниманіемъ). Но что такое собственно у васъ съ нимъ вышло?.. Я до сихъ поръ не знаю хорошенько!...

Шуберскій (скромно потупляя глаза). Я въ одномъ фельетонѣ моемъ написалъ про Алексѣя Николаича!.. Тогда, можетъ-быть, вы изволите помнить дѣло это по Калишинскому акціонерному обществу.

Владимиръ Иванычъ (съ бо́льшимъ уже вниманіемъ). Ну-съ?

Шуберскій (съ тѣмъ же скромнымъ видомъ). А у меня въ этомъ обществѣ зять, мужъ сестры моей служилъ...

Владимиръ Иванычъ (еще съ бо́льшимъ вниманіемъ). Ну?

Шуберскій. Онъ какъ-то приходитъ къ намъ и разсказываетъ: «вашъ, говоритъ, Андашевскій взялъ съ нашей компаніи триста тысячъ акціями».

Владимиръ Иванычъ (покраснѣвъ даже въ лицѣ отъ удовольствія). Стало-быть, это не утка газетная была?

Шуберскій. Какая же газетная утка? Зять мой съ управляющимъ компаніей и возилъ къ нему эти акціи, и не на домъ, а на квартиру къ его любовницѣ.

Владимиръ Иванычъ. Это къ Марьѣ Сергѣевнѣ Сониной?

Шуберскій. Къ ней именно!.. Алексѣй Николаичъ у ней въ гостиной и принялъ эти акціи: сначала сосчиталъ ихъ очень аккуратно, а потомъ проспалъ Марью Сергѣевну положить ихъ на время въ свою шифоньерку.

Владимиръ Иванычъ. И вы все это описали?

Шуберскій. Почти; но главнымъ образомъ я провелъ въ статьѣ ту мысль, что какъ выгодно бываетъ иногда акціонернымъ обществамъ открывать безплатную подписку вліятельнымъ лицамъ, и въ примѣръ тому указалъ на Калишинское акціонерное общество и будто бы нѣкоего г. Подстегина...

Владимиръ Иванычъ. И что же, по поводу этого фельетона Андашевскій имѣлъ съ вами объясненіе?

Шуберскій. Очень большое!.. Именемъ графа призывалъ меня къ себѣ и спрашивалъ: кто это писалъ? Я сказалъ, что я. Онъ спросилъ: про кого это писано, и кто именно г. Подстегинъ? Я отвѣчалъ, что лицо это совершенно вымышленное.

Онъ однако не повѣрилъ тому и началъ меня тѣснить, такъ что если бы вы не взяли меня къ себѣ, то я службу долженъ былъ бы оставить.

Владиміръ Иванычъ. Я теперь припоминаю: онъ мнѣ тогда выговаривалъ, зачѣмъ я васъ взялъ къ себѣ!.. Да вы садитесь, пожалуйста!.. Что жъ вы стойте? (Шуберскій садится и принимаетъ не столь уже подобострастный видъ).

Владиміръ Иванычъ (продолжаетъ съ важностью). И разсказывалъ такъ, что когда вы сдѣлались фельетонистомъ газеты, то безпрестанно стали являться къ нему и просить себѣ наградъ и повышеній, но онъ, не находя васъ заслуживающимъ того, отказывалъ вамъ,—тогда вы написали на него этотъ пасквиль...

Шуберскій (съ нѣсколько вспыхнувшимъ лицомъ). Нѣтъ-съ, я не пасквиль на него писалъ, а передалъ дѣйствительно случившійся фактъ!

Владиміръ Иванычъ. А зять вашъ, скажите, можетъ подтвердить этотъ фактъ?.. Имѣетъ какое-нибудь юридическое доказательство на него?

Шуберскій. Зять мой не станетъ подтверждать этого факта, потому что онъ до сихъ поръ служитъ въ томъ же обществѣ, и отъ этой службы зависитъ весь его кусокъ хлѣба; но всего лучше фактъ этотъ можетъ подтвердить Марья Сергѣевна Сонина.

Владиміръ Иванычъ. Вона! Подниметъ Марья Сергѣевна руку на своего возлюбленнаго!..

Шуберскій. Подниметъ-съ теперь!.. Онъ, говорятъ, покинулъ ее!

Владиміръ Иванычъ (восклицая въ удивленіи). Какъ покинулъ?

Шуберскій. Совершенно покинулъ-съ и женится, говорятъ, на какой-то княжнѣ или графинѣ..

Владиміръ Иванычъ (какъ бы въ порывѣ благороднаго негодованія). Ахъ, негодяй какой!.. (Сильно звонитъ... Вбѣгаетъ прежній курьеръ).

Владиміръ Иванычъ (ему). Позови сюда поскорѣй Вильгельмину Ѳедоровну.

(Курьеръ уходитъ).

Шуберскій. Даже многіе изъ нашихъ чиновниковъ удивляются этому поступку Алексѣя Николаича, зная, сколько лѣтъ онъ любилъ Марью Сергѣевну.

Владиміръ Иванычъ. Никогда онъ ея не любилъ и никого въ мірѣ онъ не можетъ любить! Этотъ человѣкъ, до мозга костей своихъ, эгоистъ и лицемѣръ! Я началъ знать г. Анда-

шевскаго съ самаго его поступленія къ намъ. Онъ шагу въ жизни не сдѣлалъ безъ пользы для себя и два фортеля въ этомъ случаѣ употреблялъ: во-первыхъ, постоянно старался представить изъ себя чиновника высшаго образованія и возвышенныхъ убѣжденій, и для этого всегда накупалъ иностранныхъ книгъ и журналовъ и всѣмъ обыкновенно разсказывалъ, что онъ то, се, третье тамъ читалъ,—этимъ собственно вначалѣ онъ обратилъ на себя вниманіе графа; а потомъ сталъ льстить ему и возводилъ графа въ какіе-то боги, и тутъ же, будто къ слову, напѣвалъ ему, какъ онъ самъ цѣлыя ночи проводитъ за работой и какъ этимъ разстроилъ себѣ грудь и печень: ну, и разжалобитъ старика: тотъ ему почти каждый годъ то крестъ, то чинъ, то денежную награду дастъ, то повыситъ въ должности, и я убѣжденъ даже, что онъ Янсона подшибъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

Шуберскій. Слухи есть и объ этомъ.

Владиміръ Иванычъ. Непремѣнно-съ это было, потому что графъ очень любилъ Янсона и вдругъ ни съ того ни съ сего возненавидѣлъ его!.. Ту же самую маску г. Андашевскій, вѣроятно, носилъ и предъ Марьей Сергѣевной: пока та была молода, недурна собой,—женщина она съ обезпеченнымъ состояніемъ и поэтому денегъ отъ него не требовала,—онъ клялся ей въ своей любви и вѣрности, а теперь себѣ, вѣроятно, пріискалъ въ невѣсты какую-нибудь другую дуру съ огромнымъ состояніемъ или съ большими связями.

Шуберскій. Я на-дняхъ узнаю, кто это именно невѣста его.

Владиміръ Иванычъ. Узнайте, пожалуйста, и мнѣ передайте!

Шуберскій. Очень хорошо-съ! (Входитъ Вильгельмина Ѳедоровна).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Вильгельмина Ѳедоровна.

Владиміръ Иванычъ (обращаясь къ женѣ). Слышала: нашъ Алексѣй Николаичъ бросилъ свою Марью Сергѣевну!

Вильгельмина Ѳедоровна (отступая даже шагъ назадъ). Не можетъ быть!

Владиміръ Иванычъ. Бросилъ и женится на какой-то княжнѣ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Господи, чего ужъ ни выдумаютъ!

Шуберскій. Нѣтъ-съ, это не выдумка! Собственный лакей Алексѣя Николаича на-дняхъ въ трактирѣ хвасталъ и раз-

сказывалъ, что господинъ его женится на какой-то графинѣ или княжнѣ, богатой, красавицѣ изъ себя...

Вильгельмина Ѳедоровна (видимо заинтересованная этой новостью и садясь на диванъ). Но, можетъ-быть, это перемѣшали только, а онъ именно на Марьѣ Сергѣевнѣ и женится.

Шуберскій. Врядъ ли-съ, потому что лакей къ этому прибавлялъ, что прежнюю свою привязанность Алексѣй Николаичъ бросилъ: ни самъ къ ней не ѣздитъ ни ея къ себѣ не принимаетъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Бѣдная Марья Сергѣевна! Я воображаю, что̀ теперь съ ней происходитъ: она, я думаю, не перенесетъ этого и съ ума сойдетъ.

Владиміръ Иванычъ. Если только есть ей съ чего сходить! (Обращаясь къ Шуберскому) А вы не извольте оставлять службы: это вздоръ!.. При женѣ ничего, можно говорить все: г. Андашевскій безъ меня не можетъ сдѣлать вамъ никакого существеннаго зла; но если онъ отнесется ко мнѣ, то я прямо его спрошу, за что онъ васъ преслѣдуетъ? Онъ мнѣ, разумѣется, скажетъ, что въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ неудобно имѣть чиновникомъ газетнаго репортера, такъ какъ онъ можетъ разгласить какія-нибудь даже государственныя тайны. «Но гдѣ же, спрошу, статья закона, прямо воспрещающая газетнымъ репортерамъ быть чиновниками; потому что въ отношеніи нашихъ подчиненныхъ мы можемъ дѣйствовать только на основаніи существующихъ узаконеній; если же, скажу, вы желаете употребить какую-нибудь произвольную мѣру, то я не знаю, во-первыхъ, въ чемъ она можетъ состоять, а во-вторыхъ, пусть ужъ она будетъ безъ меня!» Тогда я и посмотрю, что̀ онъ вамъ сдѣлаетъ.

Шуберскій. Сдѣлаетъ то, что велитъ подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Иванычъ (восклицая во весь голосъ). Никогда!.. никогда!.. Какъ это вы, умный молодой человѣкъ, и не понимаете того!.. Если бы онъ дѣйствительно имѣлъ глупость вытѣснить васъ, такъ вы объ этомъ можете напечатать во всѣхъ газетахъ, потому что это явное пристрастіе и проведеніе въ службѣ личныхъ антипатій, и повѣрьте вы мнѣ-съ: г. Андашевскій не только не станетъ васъ преслѣдовать теперь, а, напротивъ, онъ будетъ возвышать васъ...

Шуберскій. Ну, ужъ этого, я думаю, никогда не можетъ быть.

Владиміръ Иванычъ. Очень возможно-съ! Мы обыкновенно смѣлы и деспотичны только противъ слабыхъ. У васъ есть, конечно, власть, чины, кресты, которые мы раздаемъ; а у васъ есть другая сила и врядъ ли не болѣе могучая, чѣмъ наша: это печать, и въ рукахъ вашихъ, нѣкоторымъ образомъ, общественное мнѣніе.

Шуберскій. Это совершенно справедливо, и если вы, Владимиръ Иванычъ, такъ на это смотрите... (при этихъ словахъ онъ встаетъ на ноги) то позвольте мнѣ за все, что̀ вы сдѣлали и дѣлаете для меня, этой печатью служить вамъ, въ чемъ только вы прикажете...

Владимиръ Иванычъ. Благодарю васъ! Но, можетъ-быть, вамъ несовсѣмъ будетъ удобно писать, напримѣръ, про наше вѣдомство, такъ какъ вы служите у насъ: опять, пожалуй, выйдетъ какая-нибудь глупая исторія!

Шуберскій. Я самъ ничего и не буду писать; но у меня есть очень много пріятелей-фельетонистовъ, которые напишутъ все, что̀ я ихъ попрошу.

Владимиръ Иванычъ. Отлично это, безподобно!.. И я, признаюсь, весьма былъ бы доволенъ, если бы, по поводу назначенія г. Андашевскаго, которое все-таки считаю величайшей ошибкой со стороны графа, въ газетахъ прошла такого рода инсинуація-статья, что отчего-де наше правительство такъ мало обращаетъ вниманія на общественное мнѣніе и на довольно важные посты выбираетъ людей, у которыхъ на совѣсти дѣла въ родѣ дѣлъ по Калишинскому акціонерному обществу и которые женщину, двадцать лѣтъ безкорыстно ихъ любившую, бросаютъ при первомъ своемъ возвышеніи. Понимаете, чтобы въ одно и то же время затушевано все было и прозрачно!

Шуберскій. Понимаю, и не прикажете ли еще прибавить, что общественное мнѣніе тѣмъ болѣе бываетъ удивлено, что въ подобныхъ случаяхъ иногда обходятъ людей, истинно призванныхъ на извѣстный постъ.

Владимиръ Иванычъ. Нѣтъ, это зачѣмъ же ужъ!.. Довольно и того!

Шуберскій. Слушаю-съ! (Кланяется сначала Владимиру Иванычу, а потомъ Вильгельминѣ Ѳедоровнѣ, и идетъ).

Владимиръ Иванычъ (вслѣдъ ему). Пожалуйста, когда будете имѣть какую-нибудь просьбу ко мнѣ, адресуйтесь безъ всякой церемоніи.

Шуберскій (еще разъ кланяясь въ дверяхъ). Не премину воспользоваться вашимъ добрымъ позволеніемъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Владимиръ Иванычъ и Вильгельмина Ѳедоровна.

Владимиръ Иванычъ. Съ этой стороны мы, значитъ, дадимъ г. Андашевскому щелчокъ порядочный... (Обращаясь къ женѣ) А потомъ ты съѣздишь къ Марьѣ Сергѣевнѣ.

Вильгельмина Ѳедоровна (невиннымъ голосомъ). Хорошо!.. Мнѣ самой очень хочется навѣстить ее.

Владимиръ Иванычъ. Во-первыхъ, навѣстить ее надобно; а потомъ... помнишь ты это Калишинское дѣло, по которому г. Андашевскій цапнулъ триста тысячъ?

Вильгельмина Ѳедоровна (въ удивленіи). Триста тысячъ, однако!

Владимиръ Иванычъ. Триста тысячъ — ни больше ни меньше, и пріемъ этихъ денегъ, какъ сказывалъ мнѣ сейчасъ Шуберскій, происходилъ на квартирѣ Марьи Сергѣевны и даже въ присутствіи ея; а потому она, Богъ знаетъ, можетъ-быть, какія доказательства имѣетъ къ уличенію г. Андашевскаго.

Вильгельмина Ѳедоровна. Но если и есть у ней такія доказательства, развѣ она скажетъ объ нихъ.

Владимиръ Иванычъ. Скажетъ, потому что она зла теперь на Андашевскаго за его измѣну; а наконецъ, она дура набитая: у ней всегда все можно выспросить и даже выманить; главное, нѣтъ ли у ней какого-нибудь документика обличающаго: письмеца его или записочки?

Вильгельмина Ѳедоровна. Положимъ, у ней найдется такой документъ, и она отдастъ его; но что жъ потомъ будетъ?

Владимиръ Иванычъ. Потомъ превосходно будетъ: я двадцать такихъ писачекъ, какъ Шуберскій, найду и заставлю ихъ называть въ газетахъ прямо уже по имени г. Андашевскаго; мало того, я документъ этотъ лично принесу къ графу и скажу, что получилъ его по городской почтѣ для доставленія ему.

Вильгельмина Ѳедоровна (недовѣрчиво пожимая плечами). И графъ, разумѣется, разсердится на тебя за это, потому что Андашевскій все-таки его созданіе, и потомъ они уже вмѣстѣ, вдвоемъ, начнутъ тебѣ мстить и преслѣдовать тебя!

Владимиръ Иванычъ. Да хоть бы они голову сняли съ меня за то, такъ я сдѣлаю это!.. Мнѣ легче умереть, чѣмъ видѣть, какъ этотъ плутъ и подлипала возвышается!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ квартирѣ Марьи Сергѣевны Сониной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Сергѣевна, нестарая еще женщина, но полная и не по лѣтамъ уже обрюзглая, съ земляным цвѣтомъ лица и съ немного распухшимъ отъ постояннаго насморка носомъ: когда говоритъ, то тянетъ слова. Она полулежитъ на диванѣ, кругомъ обложенная подушками. Какъ бы въ противоположность ей, невдалекѣ отъ дивана, бодро и прямо сидитъ въ креслѣ Вильгельмина Ѳедоровна, въ модной шляпѣ и дорогой шали.

Вильгельмина Ѳедоровна. Я бы непремѣнно давно у васъ была, но полагала, что вы на дачѣ, и только вчера спросила Владимира Иваныча: «Гдѣ, говорю, нынче на дачѣ живетъ Марья Сергѣевна?..»—«Какое, говоритъ, на дачѣ; она въ городѣ и больна!»—«Ахъ, говорю, какъ же тебѣ не грѣхъ не сказать мнѣ!» Сегодня ужъ нарочно отложила всѣ дѣла въ сторону и поѣхала.

Марья Сергѣевна. Я давно больна, третій мѣсяцъ больна и даже посѣтовала въ душѣ, что вы не побываете у меня!

Вильгельмина Ѳедоровна. Да вы бы написали мнѣ, я сейчасъ же бы и пріѣхала къ вамъ.

Марья Сергѣевна. А этого я и не сообразила, а потомъ тоже полагала, что вы также на дачу переѣхали.

Вильгельмина Ѳедоровна. Нѣтъ, мы другой годъ не живемъ на дачѣ,—Владимиру Иванычу рѣшительно некогда: онъ по горло завалснъ дѣлами!.. Наградъ никакихъ не даютъ, а дѣла прибавляютъ, такъ что я прошу его даже бросить лучше эту службу проклятую.

Марья Сергѣевна (махнувъ рукой). Охъ, эта ужъ нынче служба: она всѣхъ, кажется, отъ всего отвлекаетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Какъ же не отвлекаетъ!.. Но когда еще она вознаграждается, такъ это ничего; вотъ какъ нашему общему знакомому Алексѣю Николаичу Андашевскому, тому хорошо служить: въ сорокъ лѣтъ какихъ-нибудь сдѣланъ товарищемъ!

Марья Сергѣевна. А вы думаете — легко ему! Онъ тоже никуда теперь не ѣздитъ; у меня какихъ-нибудь раза два былъ въ продолженіе всей моей болѣзни; пишетъ, что все дѣлами занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна (какъ бы въ удивленіи). Неужели онъ у васъ всего только два раза былъ?

Марья Сергѣевна. Всего!.. Это меня больше и огорчаетъ; а вижу, что нельзя требовать: занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Что жъ такое занятъ! Это ужъ, видно, не одни занятія его останавливаютъ, а что-нибудь и другое.

Марья Сергѣевна (съ нѣкоторымъ испугомъ и удивленіемъ). Что же другое можетъ его останавливать?

Вильгельмина Ѳедоровна. Заважничалъ, можетъ-быть!.. Возгордился, что на такой важный постъ вышелъ.

Марья Сергѣевна. Но какъ же ему, душенька, противъ меня-то гордиться!.. Вы знаете, я думаю, мои отношенія съ нимъ!.. Что жъ, я, не скрываясь, говорю, что пятнадцать лѣтъ жила съ нимъ, какъ съ мужемъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Какъ же не знать!.. Всѣ очень хорошо знаемъ, и тѣмъ больше тому удивляемся! Въ газетахъ даже пишутъ объ этомъ.

Марья Сергѣевна (окончательно испугавшись). Въ газетахъ?

Вильгельмина Ѳедоровна. Да!.. Сегодня Владимиръ Иванычъ, какъ я поѣхала къ вамъ, подалъ мнѣ газету и говоритъ: «Покажи этотъ номеръ Марьѣ Сергѣевнѣ; врядъ ли не про нее тутъ написано!» Я и захватила ее съ собою (подаетъ Марьѣ Сергѣевнѣ газету). Въ этомъ вонъ столбцѣ напечатано это!.. (показываетъ ей на одно мѣсто въ газетѣ).

Марья Сергѣевна (начинаетъ неумѣло и вслухъ читать). «Мы сегодня лучъ нашего фонаря наведемъ во внутренность одного изъ петербургскихъ домовъ, въ небольшую, но мило убранную квартиру; въ ней сидитъ съ кроткими чертами лица женщина; противъ нея помѣщается уже знакомый нашему читателю г. Подстегинъ. Видно, что бѣдная женщина преисполнена любви и нѣжности къ нему, но г. Подстегинъ мраченъ и озабоченъ. Вдругъ раздается звонокъ. Г. Подстегинъ проворно встаетъ со своего стула и выходитъ въ залу. Тамъ стоятъ какихъ-то двое неизвѣстныхъ господъ; они сначала почтительно кланяются г. Подстегину, а потомъ начинаютъ съ нимъ шептаться. Въ результатѣ этого совѣщанія было то, что когда г. Подстегинъ проводилъ своихъ гостей и снова возвратился къ своей собесѣдницѣ, то подалъ ей на триста тысячъ акцій Калишинскаго акціонернаго общества. «Ангелъ мой,—говоритъ онъ ей:—побереги эти деньги до завтра въ своей шифоньеркѣ!» (Останавливаясь читать и качая головой). Да!.. Это такъ!.. Да! Правда!

Вильгельмина Ѳедоровна (стремительно). Правда это, значитъ?

Марья Сергѣевна. Совершенная правда!.. Два дня потомъ

лежали у меня эти деньги: вечеромъ онъ, по обыкновенію, поздно отъ меня уѣхавъ, побоялся ихъ взять съ собою; а на другой день ему что-то нельзя было заѣхать за ними, онъ и пишетъ мнѣ: «Мари, будь весь день дома, не выходи никуда и постереги мои триста тысячъ!» Такъ я и стерегла ихъ: цѣлый день все у шифоньерки сидѣла!

Вильгельмина Ѳедоровна (съ вспыхнувшимъ отъ радости лицомъ). А у васъ цѣла эта записочка?

Марья Сергѣевна. Цѣла!.. О, у меня каждая строчка его сохраняется!.. Интересно, кто это пишетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Тутъ дальше еще интереснѣе будетъ!.. Позвольте мнѣ вамъ прочесть: вамъ, кажется, трудно читать.

Марья Сергѣевна. Да, я не привыкла читать; по-французски мнѣ еще легче,—прочтите, пожалуйста!

Вильгельмина Ѳедоровна (беретъ газету и начинаетъ бойко и отчетливо читать). «Казалось бы, что одно это событіе могло связать навѣки г. Подстегина съ его подругой, но ничуть не бывало: онъ кидаетъ ее, какъ только нужно ему это стало. Напрасно бѣдная женщина пишетъ ему, онъ ей не отвѣчаетъ! Она посылаетъ къ нему свою горничную,—онъ обѣщаетъ къ ней пріѣхать и не ѣдетъ!»

Марья Сергѣевна (со слезами уже на глазахъ). И это совершенная правда!.. Но кто же, душа моя, могъ все это узнать и описать?

Вильгельмина Ѳедоровна (съ улыбкою). Это пишетъ чортъ, который, куда наведетъ лучъ волшебнаго фонаря своего, вездѣ все видитъ.

Марья Сергѣевна. Какъ чортъ? Господи помилуй!

Вильгельмина Ѳедоровна. Конечно, не чортъ, а человѣкъ, но у котораго вездѣ есть лазейки, шпіоны свои, чрезъ которыхъ онъ все знаетъ.

Марья Сергѣевна. Ужъ, дѣйствительно, настоящій чортъ: все описалъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Но вы послушайте еще дальше! (Читаетъ) «Перемѣнимъ направленіе нашего луча: предъ нами богато убранная гостиная. Г. Подстегинъ стоитъ уже на колѣнихъ предъ прелестнѣйшей собой дамой. Она вѣеромъ тихонько ударяетъ его по головѣ и говоритъ: — «Я никогда не выйду за васъ замужъ, пока вы такъ дурно будете произносить по-французски!»—«Божество мое!—восклицаетъ Подстегинъ:—я учусь у француза произносить слова. Какъ вы, напримѣръ, находите, я произношу слово: étudiant?.. хорошо?»—«Недурно»,—отвѣчаетъ дама и даетъ ему поцѣловать кончикъ своего мизинца.

Марья Сергѣевна. И это правда!.. Онъ очень дурно произноситъ по-французски.

Вильгельмина Ѳедоровна. Французъ, тоже говорятъ, какъ назначили его товарищемъ, каждый день ходитъ къ нему и учитъ его.

Марья Сергѣевна. Но кто же эта дама? не я же это?

Вильгельмина Ѳедоровна. Конечно, не вы!.. И я не знаю, правда ли это, но весь Петербургъ, говорятъ, понялъ такъ, что это Ольга Петровна Басаева.

Марья Сергѣевна (восклицаетъ). Дочь графа?

Вильгельмина Ѳедоровна. Да!.. Онъ дѣйствительно бываетъ у ней каждый вечеръ, по слухамъ, даже женится на ней; вотъ и вѣрьте нынче мужчинамъ!

Марья Сергѣевна (съ полными уже слезъ глазами). Славно, отлично со мной поступилъ!.. Но я не допущу этого; не позволю ему это сдѣлать!

Вильгельмина Ѳедоровна. Но какъ же вы не допустите? Чѣмъ? Какимъ способомъ?

Марья Сергѣевна. А я приду въ ту церковь, гдѣ ихъ вѣнчать будутъ, да и лягу поперекъ двери.

Вильгельмина Ѳедоровна. Развѣ возможно это? Вы и не узнаете, гдѣ они обвѣнчаются.

Марья Сергѣевна. Но не могу же, душа моя, я все это видѣть и переносить равнодушно.

Вильгельмина Ѳедоровна. Записочкой вотъ этой, гдѣ онъ пишетъ о трехстахъ тысячъ, которыя онъ въ вашемъ домѣ получилъ съ Калишинскихъ акціонеровъ, вы могли бы попугать его; но вы, конечно, никогда не рѣшитесь на это!

Марья Сергѣевна. Отчего же?.. Ничего!.. Если онъ самъ со мной такъ поступаетъ, то я рѣшусь на все!.. Я добра и кротка только до времени!.. Но чѣмъ же я именно напугаю его этимъ?

Вильгельмина Ѳедоровна. Тѣмъ, что вы записку эту можете напечатать.

Марья Сергѣевна. Гдѣ же это я напечатаю ее?

Вильгельмина Ѳедоровна. Въ газетахъ!.. Въ какой хотите газетѣ можете напечатать.

Марья Сергѣевна. Но, душенька, я рѣшительно не сумѣю это сдѣлать! Если я ему скажу это, онъ просто разсмѣется. «Гдѣ, скажетъ, тебѣ напечатать!» Онъ знаетъ, что я ни по какимъ бумагамъ ничего не умѣю сдѣлать... Вы научите ужъ меня, пожалуйста.

Вильгельмина Ѳедоровна. Да я сама хорошенько не знаю, какъ это дѣлается; но Владиміръ Иванычъ, если вы позволите, сегодня заѣдетъ къ вамъ и поучитъ васъ.

Марья Сергѣевна. Ахъ, пожалуйста!.. Я несказанно буду рада ему; но только я напередъ позову къ себѣ Алексѣя Николаича и выспрошу у него все!.. Можетъ-быть, на него тутъ и клевещутъ?

Вильгельмина Ѳедоровна. Только вы, Бога ради, не проговоритесь какъ-нибудь ему, что мы съ Владимиромъ Иванычемъ принимаемъ въ этомъ участіе!.. Вы можете вооружить его противъ насъ навѣки; а онъ все-таки теперь начальникъ мужа!

Марья Сергѣевна. Понимаю я это, милушка, будто этого я не понимаю! Скажу, что въ газетахъ прочла.

Вильгельмина Ѳедоровна. И что газету не я вамъ привезла, а что вы ее купили.

Марья Сергѣевна. Конечно!.. понимаю!

Вильгельмина Ѳедоровна. А потомъ, если насчетъ женитьбы Алексѣй Николаичъ станетъ запираться, то вы потребуйте отъ него, чтобы онъ на васъ женился; это будетъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, тѣмъ больше, что онъ долженъ же когда-нибудь это сдѣлать!

Марья Сергѣевна (обрадованная этимъ совѣтомъ). Какъ же не долженъ?.. Непремѣнно долженъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. А теперь пока adieu!.. Я поѣду сказать Владиміру Иванычу, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна. Да, да!.. Чтобъ пріѣхалъ!.. (Обѣ дамы цѣлуются, и Вильгельмина Ѳедоровна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Марья Сергѣевна (оставшись одна и беря себя за голову). Такъ разстроилась этимъ извѣстіемъ, что, пожалуй, не въ состояніи буду и сообразить, что̀ написать Алексѣю Николаичу. (Садится къ письменному столу и, начиная писать, произноситъ то, что̀ пишетъ) «Я прочла въ газетахъ, что вы женитесь на другой. Пріѣзжайте сейчасъ же ко мнѣ оправдаться въ томъ. Если вы не пріѣдете, то я напечатаю въ газетахъ всѣ ваши письма ко мнѣ, въ которыхъ вы клялись меня вѣчно любить и гдѣ просили меня хранить ваши триста тысячъ, которыя вы получили въ моемъ домѣ, и это показываетъ, до чего вы прежде были откровенны со мной». (Останавливаясь писать) Ну, вотъ и все, слава Богу; теперь только фамилію подпишу... (Макаетъ перо въ чернильницу и хочетъ продолжать писать, но дѣлаетъ огромное чернильное пятно на письмѣ и восклицаетъ испуганнымъ голосомъ) Вотъ тебѣ и разъ! (Слизываетъ чернильное пятно и вмѣстѣ съ тѣмъ смарываетъ самое письмо и маретъ себѣ носъ чернилами). Ну, все письмо испортила!... Господи, что̀ я за несчастное существо

въ мірѣ! Во всемъ-то мнѣ въ жизни неудачи! Больше писать не въ состояніи; отправлю какъ есть (Кое-какъ складываетъ письмо и кричитъ) Даша!

(Входитъ Даша).

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Сергѣевна и Даша.

Марья Сергѣевна. Отнеси поскорѣй это письмо Алексѣю Николаичу. (Отдаетъ Дашѣ письмо).

Даша. Слушаю-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марья Сергѣевна (одна и начиная плакать). Ужъ именно несчастное существо!.. Больше двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй Николаичъ заѣдетъ ко мнѣ на какіе-нибудь полчаса, никогда не посидитъ, ничего не разскажетъ; а теперь и совсѣмъ бросить хочетъ!.. Что я буду дѣлать съ собой? Мнѣ скоро жить даже не на что будетъ: все прожила съ нимъ!.. Не къ роднымъ же мнѣ итти на хлѣба. Меня никто изъ нихъ и знать не хочетъ, а все изъ-за него; долженъ онъ все это понять и хоть сколько-нибудь оцѣнить! Вильгельмина Ѳедоровна совершенно справедливо говоритъ, что ему надобно жениться на мнѣ!.. (Продолжаетъ плакать).

(Входитъ Даша).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Сергѣевна и Даша.

Даша. Алексѣй Николаичъ сейчасъ придутъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна (утирая слезы). Хорошо!

(Даша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марья Сергѣевна (повеселѣвши нѣсколько). Испугался, видно, немножко!.. Теперь я знаю, какъ держать себя съ нимъ!.. Спасибо Вильгельминѣ Ѳедоровнѣ, что она научила меня насчетъ газетъ!.. Я теперь все буду печатать въ газетахъ, что онъ противъ меня сдѣлаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Сергѣевна. Входитъ Андашевскій, господинъ съ рыжею, типическою чиновничьей физіономіей; глаза его горятъ гнѣвомъ, но ротъ его улыбается, и видно, что все его стараніе направлено на то, чтобы сохранить спокойный видъ и скрыть волнующую его эмоцію.

Андашевскій (подавая Марьѣ Сергѣевнѣ руку и садясь вблизи нея). Что это за странное письмо вы ко мнѣ написали?

Марья Сергѣевна. Какъ же мнѣ не написать было тебѣ письма!.. Ты посмотри, что про тебя самого пишутъ въ газетахъ. (Подаетъ ему газету).

Андашевскій (беря газету и тихо откладывая ее въ сторону). Знаю это я, читалъ, но почему жъ вы думаете, что это про меня писано?

Марья Сергѣевна. Потому что тутъ пишутъ, какъ къ тебѣ на квартиру ко мнѣ приходили акціонеры, какъ ты получилъ съ нихъ триста тысячъ и далъ мнѣ ихъ убрать.

Андашевскій (насильственно смѣясь). Но то же самое могло случиться съ тысячью другихъ людей; а потому я никакъ не могу принять это прямо на свой счетъ.

Марья Сергѣевна. А кто же, по-твоему, эта дама, передъ которой ты стоишь на колѣняхъ?

Андашевскій. Этого тоже я никакъ ужъ не знаю.

Марья Сергѣевна. А я знаю!.. Это дочь графа, Ольга Петровна Басаева, на которой ты женишься.

Андашевскій (замѣтно сконфуженный). Дѣлаетъ честь твоей прозорливости.

Марья Сергѣевна. Пора ужъ быть прозорливой! Не все оставаться слѣпой.

Андашевскій (пристально взглядывая ей въ лицо). Мнѣ интереснѣе всего знать, кто прислалъ тебѣ эту газету.

Марья Сергѣевна. Никто; я сама ее купила!

Андашевскій. Купить ты никакъ ея не могла; потому что какимъ же образомъ ты именно купила тотъ номеръ, гдѣ, по твоему мнѣнію, напечатано обо мнѣ, — стало быть, все-таки сказалъ же тебѣ кто-нибудь объ этомъ!.. Кто тебѣ это сказалъ?

Марья Сергѣевна (опѣшенная этимъ вопросомъ). Я не скажу тебѣ, кто мнѣ сказалъ.

Андашевскій. Все равно, я послѣ узнаю!

Марья Сергѣевна. Ни за что!.. Никогда ты этого не узнаешь!.. И, пожалуйста, не отклоняйся въ сторону отъ разговора и отвѣчай мнѣ на мой вопросъ: женишься ты на Ольгѣ Петровнѣ или нѣтъ? (Андашевскій на это только усмѣхается, но ничего не говоритъ. Марья Сергѣевна, не отставая отъ него) Женишься или нѣтъ?

Андашевскій (довольно протяжно и потупляя въ землю свои глаза). Нѣтъ, не женюсь.

Марья Сергѣевна. А ты думаешь, что я такъ сейчасъ твоимъ словамъ и повѣрила!.. Ты мнѣ долженъ доказать это!

Андашевскій. Но чѣмъ же я могу тебѣ это доказать?

Марья Сергѣевна. Тѣмъ, что женись на мнѣ!.. Ты давно бы долженъ былъ сдѣлать это.

Андашевскій (захохотавъ уже искреннимъ смѣхомъ). Что за безуміе выдумала!

Марья Сергѣевна. Отчего же безуміе?.. Тутъ ничего нѣтъ такого страннаго и смѣшнаго.

Андашевскій. Да какъ же не смѣшно! Сколько лѣтъ жили, и вдругъ ей пришло въ голову, чтобы я женился на ней.

Марья Сергѣевна. Мужъ мой только прошлаго года померъ; раньше и нельзя было; а теперь я непремѣнно требую, чтобы ты женился на мнѣ.

Андашевскій. Нѣтъ, я не могу на тебѣ жениться!

Марья Сергѣевна. Почему же не можешь?

Андашевскій. Потому, что ни моя служба, ни мое положеніе въ свѣтѣ, ничто мнѣ не позволяетъ того.

Марья Сергѣевна (очень оскорбленная послѣдними словами). А, такъ это, значитъ, я унижу васъ; но только вы ошибаетесь, кажется, въ этомъ случаѣ!.. Ты хоть и чиновенъ, но отецъ твой все-таки былъ пьяный приказный, а мой отецъ генералъ-лейтенантъ! братья мои тоже генералъ-майоры! Ты вотъ по-французски до сихъ поръ дурно произносишь и на старости лѣтъ долженъ учиться у француза; а я по-французски лучше говорю, чѣмъ по-русски, и потому воспитаніемъ моимъ тоже не унижу тебя!

Андашевскій (въ свою очередь тоже вспыхнувши отъ послѣднихъ словъ Марьи Сергѣевны). Тутъ не объ униженіи говорятъ, а то, что, женясь на тебѣ, я, при моемъ высокомъ постѣ, не буду имѣть жить на что! Я слишкомъ бѣденъ, чтобы вести жизнь женатаго человѣка.

Марья Сергѣевна (крайне удивленная этими словами). Какъ ты бѣденъ?.. Ты жалованье огромное получаешь и кромѣ того у меня въ домѣ получилъ триста тысячъ капитала—бѣдный какой!..

Андашевскій (еще болѣе покраснѣвъ). Послушай, ты наконецъ выведешь меня изъ терпѣнія этими тремястами тысячъ! Ты говоришь о нихъ на каждомъ шагу и сдѣлала то, что объ этомъ всѣ газеты трубятъ!.. Понимаешь ли ты, какое зло мнѣ можешь принести этимъ; а между тѣмъ это были казенныя деньги, которыя я случайно получилъ у тебя на квартирѣ.

Марья Сергѣевна. Ахъ, Боже мой, скажите, пожалуйста, какую дуру нашелъ, въ чемъ завѣрить хочетъ! Зачѣмъ же ты въ запискѣ своей, которую прислалъ мнѣ объ этихъ деньгахъ, прямо просилъ меня, чтобы я поберегла твои деньги?.. Казенныя деньги ты не сталъ бы называть твоими.

Андашевскій. Въ запискѣ къ тебѣ я и казенныя деньги

могъ назвать своими!.. Это не официальная бумага! Но гдѣ жъ у тебя эта записка?.. Развѣ цѣла еще она?

Марья Сергѣевна. Цѣла и спрятана!

Андашевскій. Отдай мнѣ ее сейчасъ же.

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, не отдамъ.

Андашевскій (удивленный и взбѣшенный). Какъ же не отдашь?.. Ты не имѣешь права не отдать мнѣ ея, потому что она у тебя можетъ быть украдена; ты можешь умереть одночасно, и ее опишутъ вмѣстѣ съ другими вещами, а я со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами и шпіонами, которые изо всего готовы сдѣлать на меня обвиненіе.

Марья Сергѣевна. Зачѣмъ же мнѣ умирать? Ты, вѣроятно, желаешь этого, а я нѣтъ!.. Украсть у меня этой записки тоже никто не украдетъ: я ее далеко берегу!

Андашевскій (показывая на шифоньерку). Въ этой шифоньеркѣ, конечно?

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, подальше!

Андашевскій. Никакъ ужъ не подальше!.. Гдѣ у васъ ключи отъ нея?

Марья Сергѣевна. Ключи потеряны! (При этомъ она поспѣшно закрываетъ руками одну изъ подушекъ своихъ).

Андашевскій. Вотъ они, видно, гдѣ! (Засовываетъ руку подъ ту же подушку).

Марья Сергѣевна (кричитъ). Не дамъ я вамъ ключей!

Андашевскій (весь красный). Нѣтъ, дадите!.. (Вытаскиваетъ изъ-подъ подушки руку Марьи Сергѣевны, въ которой она держитъ ключи, и начинаетъ отнимать ихъ у нея).

Марья Сергѣевна (кричитъ на всю квартиру). Не дамъ, — пустите!

Андашевскій (тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣшенымъ голосомъ). Если ты мнѣ сейчасъ же не отдашь ключей и не возвратишь записки, я убью тебя, — слышишь! (Въ это время раздается довольно сильный звонокъ. Андашевскій тотчасъ же оставляетъ руку Марьи Сергѣевны, которая, въ свою очередь, убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату и кричитъ оттуда) Я не отдамъ вашей записки!.. Я напечатаю ее!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Андашевскій (одинъ и замѣтно сконфуженнымъ тономъ). Какую величайшую неосторожность сдѣлалъ я тогда, что посвятилъ эту дуру въ мою тайну!.. Въ голову совершенно не пришло, что я долженъ съ ней непремѣнно буду поссориться; а между тѣмъ у себя на казенной квартирѣ неловко было принять этихъ господъ!.. Ее непремѣнно кто-нибудь тутъ учитъ и поддуваетъ, а то она, по своей безтолковости и безпамят-

ливости, давно бы все забыла... (Подумавъ немного) Дѣлать нечего, надобно ѣхать къ Ольгѣ Петровнѣ, признаться ей во всемъ и посовѣтоваться съ нею.

(Входитъ Даша).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Андашевскій и Даша.

Андашевскій (ей). Кто это звонилъ?

Даша. Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Андашевскій. Понимаю теперь, откуда все это идетъ!.. Проводи меня чернымъ ходомъ.

Даша. Пожалуйте-съ!

(Уводитъ Андашевскаго).

ЯВЛЕНІЕ X.

Изъ дверей въ залу входитъ Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Владиміръ Иванычъ. Господинъ Андашевскій, кажется, изволилъ здѣсь быть!.. Посмотримъ, посмотримъ, какая это записочка его!..

(Потираетъ съ удовольствіемъ руки).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ Иванычъ. Входитъ Марья Сергѣевна, сильно разстроенная.

Марья Сергѣевна. Здравствуйте, Владиміръ Иванычъ!

Владиміръ Иванычъ. Что это вы больны изволите быть и какъ будто бы чѣмъ-то разстроены?

Марья Сергѣевна. И больна и разстроена!.. У меня былъ сейчасъ Алексѣй Николаичъ.

Владиміръ Иванычъ (склоняя голову). Былъ; значитъ, пріѣзжалъ!

Марья Сергѣевна. Пріѣзжалъ, и то себѣ позволилъ, что я понять не могу: я спросила его, что правда ли, что онъ женится на Ольгѣ Петровнѣ Басаевой. Онъ запирается. Тогда я, какъ Вильгельмина Ѳедоровна мнѣ совѣтовала, сказала ему, чтобы онъ на мнѣ женился; Боже мой, взбѣсился, вышелъ изъ себя и сталъ мнѣ доказывать, что онъ не можетъ на мнѣ жениться, потому что бѣденъ, и что даже тѣ триста тысячъ, которыя онъ получилъ при мнѣ, не его будто бы деньги, а казенныя!

Владиміръ Иванычъ (восклицаетъ въ удивленіи). Какъ казенныя?

Марья Сергѣевна (насмѣшливо). Казенныя ужъ стали.

Владиміръ Иванычъ. Казенныя, такъ въ казну и должны были бы поступить. Какъ же онѣ у него могли очутиться?

Марья Сергѣевна. Ну вотъ, подите!.. Я говорю ему: «Ты самъ въ запискѣ своей ко мнѣ называлъ ихъ своими деньгами».

Владиміръ Иванычъ. Слышалъ я отъ жены объ этой запискѣ и собственно за тѣмъ пріѣхалъ, чтобы взглянуть на эту записку... Позвольте мнѣ ее видѣть!

Марья Сергѣевна. Сейчасъ, сію минуту! (Подходитъ къ шифоньеркѣ, отпираетъ ее и, вынувъ оттуда цѣлый пукъ писемъ и записочекъ, подаетъ его Владиміру Иванычу). Она тутъ должна быть гдѣ-нибудь!

Владиміръ Иванычъ (перебирая письма и просматривая ихъ). Вижу-съ!.. Найду! (Останавливается на одной запискѣ). Вотъ она, и записка очень важная.

Марья Сергѣевна. Должно-быть, очень важная: потому что, какъ только я напомнила ему о ней, онъ сейчасъ же сталъ требовать ее себѣ; но я не дура: прямо сказала, что не дамъ ему этой записки... Тогда онъ, вообразите, силой рѣшился взять ее.

Владиміръ Иванычъ (опять въ удивленіи). Силой?

Марья Сергѣевна. Да, бросился къ ключамъ отъ шифоньерки, такъ что я едва успѣла ихъ взять въ руку, тогда онъ схватилъ мою руку и началъ ломать ее.

Владиміръ Иванычъ (качая головой). Скажите, пожалуйста!

Марья Сергѣевна. Всю руку мнѣ изломалъ! Я не знаю, какъ у меня достало силы не выпустить ключей!.. Ломаетъ мнѣ руку, а самъ все шепчетъ: «я тебя убью, убью, если ты не отдашь мнѣ записки!..» И я теперь въ самомъ дѣлѣ боюсь, что онъ убьетъ меня.

Владиміръ Иванычъ. О, полноте, Господь съ вами!

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, вы его не знаете! Онъ злецъ ужасный: я всѣ ночи теперь не буду спать и ожидать, что онъ вернется ко мнѣ въ квартиру и убьетъ меня!

Владиміръ Иванычъ. Если вы его ужъ такъ боитесь, такъ уѣзжайте куда-нибудь на время изъ Петербурга, а записочку эту передайте мнѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ опишите все, что мнѣ теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представилъ графу, какъ единственному въ этомъ случаѣ защитнику вашему.

Марья Сергѣевна. Что жъ графъ сдѣлаетъ ему за это?

Владиміръ Иванычъ. О, графъ многое можетъ сдѣлать ему: во-первыхъ, видя изъ вашего письма, какъ безчестно этотъ человѣкъ поступилъ уже въ отношеніи одной женщины, онъ, конечно, не пожелаетъ выдать за него дочь; да и сама Ольга Петровна, вѣроятно, не рѣшится на это.

Марья Сергѣевна. Это такъ!.. Да!..

Владиміръ Иванычъ. А по случаю трехсотъ тысячъ и записки, которую онъ писалъ къ вамъ о нихъ, графъ, полагаю, посовѣтуетъ Алексѣю Николаичу жениться на васъ, такъ какъ вы владѣете весьма серьезною его тайною.

Марья Сергѣевна. Ахъ, я очень бы этого желала, потому что я до сихъ поръ ужасно еще люблю его, да и привыкла къ нему—сами посудите!

Владиміръ Иванычъ. Вѣроятно, такъ это и будетъ, и мы мѣсяца черезъ три назовемъ васъ «m-me Андашевскою».

Марья Сергѣевна. Благодарю васъ за ваше доброе желаніе.

Владиміръ Иванычъ. Записочку эту вы позволите, значитъ, мнѣ взять съ собою! (Кладетъ записку себѣ въ карманъ). А письмо отъ себя, какъ я вамъ говорилъ, вы потомъ пришлете!

Марья Сергѣевна. Непремѣнно пришлю! Только я хоть и больна теперь, но завтра же уѣду изъ Петербурга: я ужасно боюсь здѣсь оставаться.

Владиміръ Иванычъ. Это какъ вамъ угодно!.. Конечно, если ѣхать, такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Главное, не забудьте письмецо-то ко мнѣ написать и прислать!

Марья Сергѣевна. Никакъ не забуду!

(Владиміръ Иванычъ цѣлуетъ у нея руку, а она его въ лобъ, и затѣмъ Вуландъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Марья Сергѣевна (оставшись одна и, видимо, повѣрившая всѣмъ словамъ Вуланда). Какъ только я сдѣлаюсь женою Алексѣя Николаича, такъ непремѣнно стану покровительствовать Вуланду. Онъ и жена его такое участіе показали мнѣ въ теперешнемъ моемъ непріятномъ положеніи, что, ей-Богу, рѣдко встрѣтишь подобное отъ самыхъ близкихъ родныхъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Огромная и красивая дача, большая терраса которой, увитая плющомъ и задрапированная полотномъ, выходитъ въ садъ, простирающійся до самаго взморья. На горизонтѣ виднѣется заходящее солнце.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одномъ концѣ террасы сидитъ ГРАФЪ ЗЫРОВЪ, сѣдой уже старикъ, съ энергическимъ и выразительнымъ лицомъ, съ гордой осанкой и съ нѣсколько презрительной усмѣшкой: привычка повелѣвать какъ бы невольно выказывается въ каждомъ его движеніи. Одѣтъ онъ довольно моложаво, въ коротенькомъ пиджакѣ и съ однимъ только болтающимся солдатскимъ Георгіемъ въ петличкѣ. На другомъ концѣ террасы помѣстилась дочь графа, ОЛЬГА ПЕТРОВНА БАСАЕВА, молодая вдова, съ нѣсколько сухой, черствой красотою, но, какъ видно, очень умная и смѣлая. Костюмъ ея отличается безукоризненнымъ вкусомъ и самой послѣдней моды.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (замѣтно горячась). Этотъ князь Янтарный, папа, илѝ, какъ ты очень мѣтко его называешь, азіатскій князь, на вечерѣ у madame Бобриной, на всю гостиную à pleine voix кричалъ: «Какъ это возможно: графъ Зыровъ на такое мѣсто, которое всегда занимали люди нашего круга, посадилъ никому неизвѣстнаго чиновничка своего!» Я вышла наконецъ изъ себя и сказала: «Князь, пощадите!.. Вы забываете, что я дочь графа!..»—«Ахъ, pardon, madame, говоритъ, но я графа такъ люблю, такъ уважаю, что не могу не быть удивленнымъ послѣднимъ выборомъ его, который никакъ не могу ни понять ни оправдать чѣмъ-либо...»

ГРАФЪ (презрительно усмѣхаясь). Какъ же ему и понять мой выборъ, когда онъ самъ просился на это мѣсто.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я это предчувствовала и даже кольнула его этимъ: «Нельзя, говорю, князь, требовать, чтобы всѣ назначенія дѣлались по нашему вкусу. Мало ли чего человѣкъ желаетъ, но не всегда того достигаетъ!» Его немножко передернуло. «Англійская, говоритъ, аристократія никогда не позволяетъ себѣ открывать такой легкій доступъ новымъ людямъ въ свою среду!»—«Позвольте, говорю, а Робертъ Пиль и Д'Израэли?»—«Робертъ Пиль и Д'Израэли и г. Андашевскій двѣ вещи разныя: то люди геніальные!»

ГРАФЪ (съ прежней презрительной усмѣшкой). А можетъ-быть, и Андашевскій человѣкъ геніальный! Почемъ они знаютъ его? Они его совершенно не вѣдаютъ.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Они нисколько и не заботятся узнать

его; а говорятъ только, что это человѣкъ не ихъ общества, и этого для нихъ довольно.

Графъ (вспыливъ наконецъ). Что жъ мнѣ за дѣло до ихъ общества!.. Я его и знать не хочу — всякій дѣлаетъ, какъ ему самому лучше: у меня собственно два достойныхъ кандидата было на это мѣсто: Вуландъ и Андашевскій — первый безспорно очень умный, опытный, не грубый, упрямый и, по временамъ, пьяный нѣмецъ; а другой хоть и молодой еще почти человѣкъ, но уже знающій, работающій, съ прекраснымъ сердцемъ и наконецъ мнѣ лично преданный.

Ольга Петровна (съ нѣкоторой краской въ лицѣ). Тебѣ онъ, папа, преданъ и любитъ тебя больше, чѣмъ сынъ родной.

Графъ. Это я знаю и многія доказательства имѣю на то! Неужели же при всѣхъ этихъ условіяхъ не предпочесть мнѣ было его всѣмъ?

Ольга Петровна. Объ этомъ, папа, и рѣчи не можетъ быть!.. Иначе это было бы величайшей несправедливостью съ твоей стороны, что я и сказала князю Янтарному: «и если, говорю, графъ въ выборѣ себѣ хорошаго помощника проманкировалъ своими дружественными отношеніями, то это только дѣлаетъ честь его безпристрастію!»—«Да-съ, говоритъ, но если всѣ мы будемъ такимъ образомъ поступать, то явно покажемъ, что въ нашемъ кругу нѣтъ людей, способныхъ къ чему-либо болѣе серьезному».

Графъ. И дѣйствительно нѣтъ!.. Хоть бы взять съ той же молодежи: развѣ можно ее сравнить съ прежней молодежью?.. Между нами всегда было, кромѣ ужъ желанія трудиться, работать, нѣкотораго рода рыцарство и благородство въ характерахъ, а теперь вотъ они въ театрѣ накричатъ и набушуютъ, и вмѣсто того, чтобы за это бросить, заплатить тысячи двѣ-три,—они лучше хотятъ итти къ мировому судьѣ подъ судъ: это грошевики какіе-то и алтынники!

Ольга Петровна. Все это, можетъ-быть, справедливо; но тутъ досадно, папа, то, что, какъ видно, всѣ, старые и молодые, раздѣляютъ мнѣніе князя Янтарнаго, потому что я очень хорошо знаю Янтарнаго: онъ слишкомъ большой трусъ, чтобы позволить себѣ въ такомъ многолюдномъ обществѣ такъ рѣзко выражать свое мнѣніе, если бы онъ ожидалъ себѣ встрѣтить возраженіе, напротивъ: одни поддерживали его небольшими фразами, другіе ободряли взглядами; наконецъ, которые и молчали, то можно навѣрное поручиться, что они думали то же самое.

Графъ. И пусть себѣ думаютъ, что хотятъ! Я на болтовню этихъ господъ никогда не обращалъ никакого вниманія и обращать не буду.

Ольга Петровна. Ты этого не говори, папа!.. Крикъ этихъ господъ для людей такихъ значительныхъ, какъ ты и Андашевскій, гораздо опаснѣе, чѣмъ что-нибудь другое, а тѣмъ больше, что къ этому присоединилась опять какая-то статья въ газетахъ.

Графъ (нахмуривая брови). Опять статья?

Ольга Петровна. Опять!.. Очень рѣзкая, говорятъ, и прозрачная. Ты бы, папа, какія-нибудь мѣры принялъ противъ этого.

Графъ (пожимая плечами). Какія же я могу принять мѣры?.. (Насмѣшливо) Нынче у насъ свобода слова и печати. (Встаетъ и начинаетъ ходить по террасѣ). Нечего сказать,—славное время переживаемъ: всѣмъ негодяямъ даны всевозможныя льготы и права, а всѣ порядочные люди связаны по рукамъ и по ногамъ!.. (Прищуривается и смотритъ въ одну изъ боковыхъ аллей сада) Что это за человѣкъ ходитъ у насъ по парку?

Ольга Петровна. Это, вѣроятно, Мямлинъ!.. Я привезла его съ собою... Онъ одинъ на вечерѣ у madame Бобриной заступался за тебя и очень умно, по-моему, доказывалъ, что нынче всѣ службы сдѣлались такъ трудны, такъ требуютъ отъ служащихъ многаго, что на важныя мѣста возможно только сажать людей совершенно къ тому приготовленныхъ.

Графъ (съ презрительной усмѣшкой). Это, вѣроятно, онъ себя считаетъ совершенно приготовленнымъ на освободившееся мѣсто Андашевскаго.

Ольга Петровна (стремительно). И ты, папа, опредѣли его непремѣнно!

Графъ (съ удивленіемъ взглядывая на дочь). Что ты такое говоришь?.. шутишь, что ли?

Ольга Петровна. Нѣтъ, не шучу, и я тебѣ сейчасъ объясню, почему я такъ говорю: ты вспомни, что Мямлинъ—родной племянникъ князя Михайлы Семеныча, и когда ты опредѣлишь его къ себѣ, то самому князю и всему его антуражу будетъ это очень пріятно и дастъ тебѣ отличный противовѣсъ противъ всѣхъ сплетенъ и толковъ у madame Бобриной, которыми, опять я тебѣ повторяю, вовсе не слѣдуетъ пренебрегать. (Графъ грустно усмѣхается). Ты повѣрь, папа, женскому уму: онъ въ этихъ случаяхъ бываетъ иногда дальновидніе мужского.

Графъ. Но какимъ же образомъ дать Мямлину какое бы то ни было серьезное мѣсто, когда его корчитъ и кобенитъ почти каждоминутно?

Ольга Петровна. Это, папа, болѣзнь, а не порокъ; но что Мямлинъ уменъ, въ этомъ я убѣдилась въ послѣдній разъ,

когда онъ такъ логично и послѣдовательно отстаивалъ тебя. (Графъ отрицательно качаетъ головой). Ты, папа, не можешь судить объ его умѣ, потому что, какъ самъ мнѣ Мямлинъ признавался, онъ такъ боится твоего вида, что съ нимъ сейчасъ же дѣлается припадокъ его болѣзни, и онъ не въ состояніи высказать тебѣ ни одной своей мысли.

Графъ (усмѣхаясь). Какія у него мысли?.. У него никогда, я думаю, не бывало въ головѣ ни одной своей собственной мысли.

Ольга Петровна. Даже, папа, если бы и такъ это было, то я все-таки прошу тебя опредѣлить его; если не для него, такъ для меня это сдѣлай.

Графъ. Но почему жъ тебѣ такъ желается этого?

Ольга Петровна. Желается, папа, потому что это будетъ полезно для тебя и наконецъ для меня самой.

Графъ (пожимая плечами). Не понимаю, почему это тебѣ можетъ быть нужно!.. Во всякомъ случаѣ я долженъ объ этомъ прежде поговорить и посовѣтоваться съ Андашевскимъ.

Ольга Петровна. Съ Андашевскимъ я говорила; онъ самъ этого желаетъ и сію минуту, вѣроятно, пріѣдетъ просить тебя о томъ же.

Графъ (взглядывая пристально на дочь). Гдѣ жъ ты видѣла Андашевскаго?

Ольга Петровна. Онъ вчера вечеръ сидѣлъ у меня.

Графъ. Стало-быть, онъ бываетъ у тебя довольно часто?

Ольга Петровна. Бываетъ!.. Позволь мнѣ позвать къ тебѣ Мямлина и обѣщай ему это мѣсто! Soyez si bon, cher père, nommez le directeur! (Подходитъ и начинаетъ ласкаться къ отцу). Я позову его, папа?.. Да?

Графъ (пожимая плечами). Позови, пожалуй.

Ольга Петровна. Вотъ за это merci, papa! (Цѣлуетъ отца въ лобъ и сбѣгаетъ съ лѣстницы).

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ (смотря вслѣдъ дочери). Умная женщина — Ольга! Какъ она скоро и хорошо поняла всю эту нашу глупую служебную махинацію, и только мнѣ одно тутъ подозрительно, что она очень ужъ сблизилась послѣднее время съ Андашевскимъ, и что̀ это такое: дружба ли, или болѣе нѣжное чувство?.. Во всякомъ случаѣ я весьма бы не желалъ, чтобы изъ этого произошло что-нибудь серьезное, потому что какой бы по личнымъ качествамъ своимъ этотъ господинъ ни былъ, но все-таки онъ parvenu и хамъ по своему происхожденію! (Входитъ Ольга Петровна, ведя за собой Мямлина).

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинъ.

Ольга Петровна (Мямлину). Графъ здѣсь!.. Я просила его за васъ, сколько могла.

Графъ (довольно привѣтливо протягивая Мямлину руку). Здравствуйте!.. Вы, какъ я слышалъ, желаете получить бывшее мѣсто Алексѣя Николаича?

Мямлинъ (дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы не начать гримасничать). Очень желаю, ваше сіятельство.

Графъ. Но совладаете ли вы съ нимъ? Это мѣсто очень трудное и отвѣтственное.

Мямлинъ (рѣшительнымъ тономъ). Совладаю, ваше сіятельство. Я совершенно готовъ на это мѣсто.

Графъ. Ну, смотрите: я васъ назначу, только ужъ на себя послѣ пеняйте, если что̀ будетъ выходить между нами.

Мямлинъ (обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ). Благодарю васъ, ваше сіятельство!.. (Кидается къ графу и хватаетъ его руку, чтобы поцѣловать ее).

Графъ (не давая ему руки и съ презрѣніемъ). Перестаньте!.. какъ это можно!.. Вы сядьте лучше и успокойтесь! (Всѣ садятся. Лицо Мямлина начинаетъ мало-по-малу принимать болѣе спокойное выраженіе).

Ольга Петровна (обращаясь къ нему). А какой мы милый споръ съ вами выдержали на вечерѣ у madame Бобриной.

Мямлинъ (пожимая плечами). Это невѣроятно!.. Это непостижимо!.. Требуютъ, чтобы на всѣ высшія должности назначались ихъ знакомые, на томъ только основаніи, что они люди хорошихъ фамилій; но, Боже мой, я самъ ношу одну изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; однако помыслить никогда не смѣлъ получить то мѣсто, которое занялъ теперь Алексѣй Николаичъ, сознавая, что онъ ученѣй меня, способнѣе, и что однимъ только трудолюбіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей я могу равняться съ нимъ, и въ настоящее время за величайшую честь для себя и милость со стороны графа считаю то, что онъ предложилъ мнѣ прежнее мѣсто Алексѣя Николаича.

Ольга Петровна. Князь Янтарный, видно, не такъ добросовѣстенъ, какъ вы, и больше объ себѣ думаетъ.

Мямлинъ. Что человѣкъ думаетъ объ себѣ больше, чѣмъ онъ, можетъ-быть, заслуживаетъ, — это еще извинительно; но высказывать это такъ прямо и открыто, по-моему, дерзость!.. Въ этомъ случаѣ надобно вспомнить объ Европѣ и объ ея

общественномъ мнѣніи: не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, я, бывши въ Эмсѣ на водахъ, читалъ въ одной сатирической нѣмецкой газеткѣ, что въ Россіи государственныхъ людей чеканятъ, какъ талеры: если мальчика отдали въ пажескій корпусъ, то онъ непремѣнно дойдетъ до какихъ-нибудь высшихъ должностей по военной части, а если въ училище правовѣдѣнія или лицей, то до высшихъ должностей по гражданской части!.. Все это, можетъ-быть, очень зло, но, къ счастію для насъ, не совсѣмъ справедливо, а между тѣмъ что же бы заговорили подобныя газеты о Россіи, если бы еще устроился порядокъ, котораго желаютъ друзья madame Бобриной?

Ольга Петровна. Они, я думаю, очень мало заботятся о Россіи: было бы имъ хорошо.

Мямлинъ. Да-съ, но въ то же время это показываетъ, что они совершенно не понимаютъ духа времени: я, по моей болѣзни, изъѣздилъ всю Европу, сталкивался съ разными слоями общества и долженъ сказать, что весьма часто встрѣчалъ взгляды и понятія, которыя прежде были немыслимы; напримѣръ-съ: еще наши отцы и дѣды считали за величайшее несчастіе для себя, когда кто изъ членовъ семействъ женился на какой-нибудь актрисѣ, цыганкѣ и тѣмъ болѣе на своей крѣпостной; а нынче наоборотъ: одинъ англійскій врачъ, и очень ученый врачъ, меня пользовавшій, узнавъ мое общественное положеніе, съ первыхъ же словъ спросилъ меня, что нѣтъ ли у русской аристократіи обыкновенія жениться въ близкомъ родствѣ? Этотъ вопросъ точно молнія освѣтилъ мою голову! Я припомнилъ, что дѣйствительно отецъ мой былъ женатъ на троюродной сестрѣ, дѣдъ—врядъ ли не на двоюродной. и что еще при Іоаннѣ Грозномъ одинъ изъ моихъ прадѣдовъ женился на такой близкой роднѣ, что патріархъ даже разгнѣвался!.. Разсказываю я ему все это... «Вотъ, говоритъ, причина вашей болѣзни: въ вашемъ родѣ не обновлялась кровь никакими новыми элементами. Жениться-съ, говоритъ, непремѣнно надобно на женщинахъ другого общества, иныхъ занятій, чужеземкахъ», и въ доказательство тому привелъ довольно скабрезный примѣръ!..

Ольга Петровна. Какой же это?

Мямлинъ. О, при дамахъ неловко повторять!

Ольга Петровна. Ничего, извольте говорить.

Мямлинъ (конфузясь). Привелъ въ примѣръ... нашъ... орловскій лошадиный заводъ, котораго все достоинство произошло отъ смѣси двухъ породъ: арабской и степной.

Ольга Петровна. Сравненіе не совсѣмъ лестное, но, можетъ-быть и справедливое.

Мямлинъ. Очень справедливое-съ! Я передавалъ его князю Михайлѣ Семенычу; оно тоже ему очень понравилось.

Графъ (которому, видимо, наскучило слушать всѣ эти разсужденія Мямлина, обращаясь къ нему). А, скажите, вы разсказывали князю вашъ разговоръ и споръ на вечерѣ у madame Бобриной?

Мямлинъ. Отъ слова до слова-съ!

Графъ. Что же князь на это? Мнѣ очень любопытно это знать!

Мямлинъ. Князь въ ражъ пришелъ, въ гнѣвъ. «Какъ говоритъ, смѣютъ они судить такія вещи: я пошлю къ нимъ чиновника сказать, чтобы они замолчали!»

Графъ. Стало-быть, онъ нисколько не раздѣляетъ ихъ толковъ обо мнѣ?

Мямлинъ. Нисколько-съ! Онъ всегда съ этимъ кружкомъ былъ немножко въ контрѣ; но теперь вотъ вы меня выбрали, а они кричатъ противъ васъ, это еще больше его возстановитъ; и за мое назначеніе онъ, вѣроятно, самъ пріѣдетъ благодарить васъ.

Графъ. Очень радъ буду его видѣть у себя. (На этихъ словахъ Мямлинъ вдругъ понуриваетъ головой и начинаетъ гримасничать. Графъ, испугавшись даже нѣсколько) Что такое съ вами?

Мямлинъ. Припадокъ опять начался... говорилъ много... взволновался нѣсколько... Позвольте мнѣ уйти въ сторону.

Графъ. Пожалуйста! (Мямлинъ отходитъ въ сторону и принимается какъ бы съ величайшимъ наслажденіемъ выдѣлывать изъ лица разнообразнѣйшія гримасы, третъ у себя за ухомъ, третъ носъ свой. Графъ, смотря на него) Какой несчастный!

Ольга Петровна (вполголоса). Да; но согласись, папа, что онъ очень умный человѣкъ!

Графъ (тоже вполголоса). Ничего себѣ: благѣрствовать можетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Алексѣй Николаичъ.

Графъ. Говорилъ тебѣ, что принимать всегда безъ доклада.

Лакей. Алексѣй Николаичъ самъ приказалъ доложить объ себѣ. (Уходитъ. Мямлинъ между тѣмъ снова подходитъ къ графу).

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинъ.

Графъ (Мямлину). Что, вамъ лучше теперь?

Мямлинъ (продолжая немного гримасничать). Прошло нѣсколько!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Входитъ Андашевскій; видъ его совсѣмъ иной, чѣмъ былъ въ предыдущей сценѣ: онъ какъ будто бы даже ниже ростомъ показываетъ; выраженіе лица у него кроткое, покорное и какъ бы нѣсколько печальное. Онъ со всѣми раскланивается.

Графъ. Какъ вамъ не совѣстно, Алексѣй Николаичъ, велѣть о себѣ докладывать.

Андашевскій. Но я полагалъ, ваше сіятельство, что не заняты ли вы чѣмъ-нибудь.

Графъ. Вы никогда не можете помѣшать никакимъ моимъ занятіямъ!.. А теперь я дѣйствительно занятъ былъ и извиняюсь только, что предварительно не посовѣтовался съ вами: я на прежнее мѣсто ваше назначилъ Дмитрія Дмитрича Мямлина!.. Не имѣете ли вы чего-нибудь сказать противъ этого выбора?

Андашевскій (почтительно склоняя передъ графомъ голову). Ваше сіятельство, въ выборѣ людей вы показывали всегда такую прозорливость, что вамъ достаточно одинъ разъ взглянуть на человѣка, чтобы понять его, но Дмитрія Дмитрича вы такъ давно изволите знать, что въ немъ ужъ вы никакъ не могли ошибиться; я же съ своей стороны могу только душевно радоваться, что на мое мѣсто поступаетъ одинъ изъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Мямлинъ (со слезами на глазахъ). А мнѣ позвольте васъ, графъ, и васъ, Алексѣй Николаичъ, благодарить этими оросившими мои глаза слезами, которыя, смѣю завѣрить васъ, слезы благодарности, да стану еще я за васъ молиться Богу, потому что въ этомъ отношеніи я извиняюсь: я не петербуржецъ, а москвичъ!.. человѣкъ вѣрующій!.. христіанинъ есмь и православный!.. (Обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ) А вамъ, Ольга Петровна, могу высказать только одно: я считалъ васъ всегда ангеломъ земнымъ, а теперь вижу, что и не ошибся въ томъ; за васъ я и молиться не смѣю, потому что вы, вѣроятно, угоднѣе меня Богу.

Графъ (видимо опять соскучившійся слушать Мямлина и обращаясь къ Андашевскому). Вы завтра же потрудитесь сказать, чтобы о назначеніи господина Мямлина составили докладъ.

Андашевскій. Очень хорошо-съ!

Графъ. А теперь я желалъ бы остаться съ Алексѣемъ Николаичемъ наединѣ.

Мямлинъ (почти струсивъ). Слушаюсь!.. Слушаюсь!.. (Торопливо раскланивается со всѣми общимъ поклономъ и проворно уходитъ, виляя своимъ задомъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ, Ольга Петровна и Андашевскій.

Ольга Петровна. Я тоже пойду и похожу по саду!.. Вы позовите меня, когда кончите. (Уходитъ. Графъ и Андашевскій остаются на террасѣ, а Ольга Петровна начинаетъ ходить около, въ весьма недальнемъ разстояніи отъ террасы).

Графъ. Ольга мнѣ сказывала, что въ газетахъ опять появилась статья о Калишинскомъ акціонерномъ обществѣ.

Андашевскій. Даже двѣ-съ!.. Одна въ понедѣльничномъ номерѣ, а другая въ сегодняшнемъ.

Графъ. И что же онѣ въ общихъ чертахъ, намекахъ только говорятъ?

Андашевскій. Въ понедѣльничной только въ намекахъ сказано; а въ нынѣшней я прямо по имени названъ и опозоренъ, какъ только возможно.

Графъ. Это лучше наконецъ, что васъ назвали прямо по имени. Теперь вы можете начать судебное преслѣдованіе противъ автора этихъ статей; вы, конечно, знаете его?

Андашевскій. Полагаю, что это одинъ изъ нашихъ чиновниковъ, Шуберскій, который прежде писалъ объ этомъ и даже признался мнѣ въ томъ.

Графъ. Но отчего его тогда же не выгнали?

Андашевскій. Изъ моей экспедиціи онъ тотчасъ послѣ того вышелъ, но его взялъ къ себѣ на службу Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Графъ. Зачѣмъ же Вуландъ это сдѣлалъ?

Андашевскій. Вѣроятно, чтобы досадить и повредить мнѣ, и даже настоящія статьи, какъ извѣстно мнѣ писаны подъ диктовку господина Вуланда.

Графъ (удивленный). Вуланда?

Андашевскій. Самыя положительныя доказательства имѣю на это. Онъ и прежде всегда мнѣ завидовалъ, а теперь, по случаю назначенія моего, сдѣлался окончательно злѣйшимъ врагомъ моимъ.

Графъ (сильно разсердясь). О, въ такомъ случаѣ я поговорю съ г. Вуландомъ серьезно. Я не люблю, чтобы подъ мои дѣйствія вели подкопы!.. Шуберскому сказать, чтобы онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, а васъ я прошу начать судебное преслѣдованіе противъ него за клевету на васъ, потому что я желаю, чтобы вы публично и совершенно были оправданы въ общественномъ мнѣніи.

Андашевскій (смущеннымъ и робкимъ голосомъ). Нѣтъ, ваше

сіятельство, я не могу начать противъ г. Шуберскаго судебнаго преслѣдованія!

Графъ (удивленнымъ и недовольнымъ тономъ). Это почему?

Андашевскій. Потому, что онъ можетъ доказать справедливость своихъ обвиненій противъ меня!

Графъ (все болѣе и болѣе приходя въ удивленіе). Но какимъ же образомъ и чѣмъ онъ можетъ доказать это?

Андашевскій. Тѣмъ, что, вѣроятно, даже письменныя какія-нибудь доказательства имѣетъ на то; такъ какъ происшествіе, которое онъ описываетъ, въ самомъ дѣлѣ существовало.

Графъ (какъ бы пораженный громомъ). Какъ существовало?.. и вы дѣйствительно съ этихъ акціонеровъ взяли триста тысячъ?

Андашевскій (съ трепетомъ въ голосѣ). Взялъ-съ.

Графъ (все еще какъ бы не вѣрящій тому, что слышитъ). Алексѣй Николаичъ, что вы такое говорите? Вы или помѣшались, или шутите надо мной, то я напоминаю вамъ, что шутки такія неприличны!

Андашевскій. Я бы никогда, ваше сіятельство, не позволилъ себѣ шутить такимъ образомъ; но, къ несчастію, все, что я докладывалъ вамъ, совершенно справедливо.

Графъ. Но что же вамъ за охота такая пришла докладывать мнѣ? Отчего вы не хотѣли скрыть отъ меня этого?

Андашевскій. Оттого, ваше сіятельство, что я всегда и во всемъ привыкъ быть откровеннымъ съ вами.

Графъ. Но вы бы лучше пораньше были откровенны со мной, когда я васъ не выбиралъ еще въ товарищи себѣ, тогда я, можетъ-быть, и поостерегся бы это сдѣлать.

Андашевскій. Я полагалъ, ваше сіятельство, что дѣло это затухнетъ, и что уже о немъ никогда никакой огласки не будетъ!

Графъ. Расчетъ благородный и особенно въ отношеніи меня!.. Я ѣздилъ всюду, кричалъ, ссорился за васъ и говорилъ, что за вашу честность я такъ же ручаюсь, какъ за свою собственную, и вы оказались воръ!.. (Андашевскій вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ). И что я теперь долженъ по-вашему дѣлать? Я долженъ сейчасъ же ѣхать и просить, какъ величайшей справедливости, чтобы васъ вышвырнули изъ службы, а вмѣстѣ съ вами и меня, стараго дурака, чтобы не ротозѣйничалъ.

Андашевскій (совершенно сконфуженный). Ваше сіятельство, позвольте мнѣ хоть сколько-нибудь оправдаться передъ вами!..

Графъ (перебивая его). Чѣмъ-съ?.. Чѣмъ вы можете оправдаться, когда вы сами говорите, что пойманы почти съ поличнымъ?

Андашевскій. Я, ваше сіятельство, не смѣлъ бы и про-

сить васъ о томъ, если бы отъ этого зависѣла только одна моя участь, но тутъ замѣшаны имя и честь вашей дочери.

Графъ (поблѣднѣвъ). Какъ моей дочери?

Андашевскій. Вашей дочери, графъ! Вы, конечно, изволите помнить, что, по безконечной добротѣ вашей ко мнѣ, вы мало, что благодѣтельствовали мнѣ на службѣ, но ввели меня въ вашъ домъ, какъ гостя... Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу Петровну... Человѣкъ можетъ владѣть своими поступками, но не чувствами!.. Страсть безнадежная, но тѣмъ не менѣе пожирающая меня, зажглась въ моемъ сердцѣ къ Ольгѣ Петровнѣ.

Графъ. Врете-съ! Лжете!.. Весь Петербургъ, я думаю, знаетъ, что у васъ всегда была любовница.

Андашевскій. Любовь и любовница, ваше сіятельство, двѣ вещи разныя, и видитъ Богъ, что я десять лѣтъ уже люблю Ольгу Петровну, но, видя, что она была жена другого, понимая всю бездну, которая раздѣляла насъ по нашему общественному положенію, я, конечно, взглядомъ малѣйшимъ не позволялъ себѣ выразить чувства къ ней и только уже въ послѣднее время, когда Ольга Петровна сдѣлалась вдовою и намъ пришлось случайно встрѣтиться за границей на водахъ, то маленькое общество, посреди котораго мы жили, и отсутствіе свѣтскихъ развлеченій сблизили насъ, и здѣсь я, къ великому счастью своему, узналъ, что внушаю Ольгѣ Петровнѣ то же самое чувство, которое и самъ питалъ къ ней.

Графъ (насмѣшливо). Но почему же чувство это заставило васъ взять взятку, вотъ этого, признаюсь, не понимаю.

Андашевскій (трепещущимъ голосомъ). Вопросъ вашъ, ваше сіятельство, заставляетъ меня открыть вамъ то, что я думалъ унести въ могилу съ собою... Чувство мое заставило меня сдѣлать это, потому что, когда я возвратился въ Петербургъ, то черезъ два же мѣсяца получилъ отъ Ольги Петровны письмо, гдѣ она умоляла меня достать и выслать къ ней двѣсти тысячъ франковъ, которыми она могла бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной въ тюрьму!.. Я могъ все въ жизни вынести, но только не это!.. Своихъ денегъ у меня не было почти нисколько... Я первоначально бросился-было ко всѣмъ контористамъ, чтобы занять у нихъ, но они мнѣ безъ матеріальнаго обезпеченія не довѣряли такой значительной суммы... Въ это время рѣшалось дѣло по Калишинскому акціонерному обществу: оно безъ всякаго ущерба въ справедливости могло быть рѣшено такъ, какъ и рѣшили его; но я поѣхалъ къ учредителямъ, обманулъ ихъ, напугалъ, говоря, что дѣло ихъ тогда только будетъ выиграно, если они выдадутъ мнѣ пай, и они мнѣ выдали его въ триста тысячъ.

Графъ (насмѣшливо и пристально взглядывая въ лицо Андашевскому). Сумма, немного превышающая долгъ моей дочери.

Андашевскій. Я взялъ, сколько мнѣ дали, ожидая, что у Ольги Петровны могутъ открыться другіе долги!

Графъ (съ едва сдерживаемымъ бѣшенствомъ). Что жъ, они открылись?

Андашевскій (покраснѣвъ немного въ лицѣ). Открылись!

Графъ. Печный и предусмотрительный вы обожатель, и недостаетъ теперь только одного, чтобы вы еще лично меня впутали въ эту гнусную исторію!..

(Ольга Петровна, все время ходившая около, при послѣднихъ словахъ графа вошла на террасу).

Ольга Петровна. Вы, Алексѣй Николаичъ, въ разсказѣ отцу забыли ему напомнить, что прежде, чѣмъ я обратилась къ вамъ, я писала ему и со слезами просила его заплатить мой долгъ, а онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мои письма.

Графъ. Нечѣмъ мнѣ было платить твоихъ долговъ!

Ольга Петровна. Было бы чѣмъ, папа, если бы у тебя деньги на другое не ушли!.. (Снова обращаясь къ Андашевскому) Графу, я вижу, Алексѣй Николаичъ, непріятенъ вашъ великодушный поступокъ въ отношеніи меня; но я его очень дорого цѣню и завтрашній же день желаю сдѣлаться вашей женой, съ полною моей готовностью всюду слѣдовать за вами, какая бы васъ участь ни постигла. (Въ отвѣтъ на это Андашевскій молча ей кланяется, а графъ почти въ отчаяніи закидываетъ голову назадъ и произноситъ негромкимъ голосомъ: „O, mon Dieu, mon Dieu!“).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и лакей; потомъ безъ лакея.

Лакей. Владиміръ Иванычъ Вуландъ!

Андашевскій (потупляясь). Вѣроятно, съ доносомъ на меня.

Графъ (дочери и Андашевскому). Уйдите же... Не могу я съ нимъ при васъ объясняться. (Андашевскій и Ольга Петровна уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графъ. Входитъ Вуландъ. Онъ нѣсколько блѣденъ и смущенъ.

Графъ (ему строго). Очень кстати, что вы пріѣхали. Я хотѣлъ-было посылать за вами курьера.

Вуландъ (довольно грубымъ голосомъ). Радуюсь, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства.

Графъ. Я хотѣлъ съ вами поговорить по поводу глупыхъ

газетныхъ статей, которыя опять стали появляться о Калишинскомъ дѣлѣ.

Вуландъ. И я собственно ѣхалъ къ вашему сіятельству отчасти по тому же дѣлу.

Графъ. Прекрасно-съ!.. Мы сошлись поэтому въ нашихъ желаніяхъ!.. Статьи эти пишетъ одинъ изъ покровительствуемыхъ вами чиновниковъ, Шуберскій. Я желаю, чтобы онъ минуты у насъ не оставался на службѣ.

Вуландъ. Эти статьи пишетъ не Шуберскій!..

Графъ. Кто жъ ихъ пишетъ?

Вуландъ. Я не знаю, кто, но г. Шуберскій, когда я бралъ его къ себѣ, клятвенно мнѣ обѣщался никогда не писать о томъ, что совершалось или будетъ совершаться въ нашемъ вѣдомствѣ.

Графъ. Ну, клятвы своей онъ не сдержалъ!.. Мало того-съ: я знаю, что статьи эти вы ему диктуете; а я со шпіонами и клеветниками служить не желаю — извольте искать себѣ другого мѣста!

Вуландъ (поблѣднѣвъ). Это, вѣроятно, г. Андашевскій представилъ все вашему сіятельству въ превратномъ видѣ; но въ этихъ статьяхъ ни я ни г. Шуберскій нисколько не участвовали; а что онѣ являются, такъ потому, что дѣло это огласилось на весь Петербургъ, и что оно не выдумано, а фактъ, такъ я даже доказательство имѣю на то: г-жа Сонина, бывшая близкою особою господина Андашевскаго, прислала мнѣ письмо, удостовѣряющее, что все, напечатанное въ газетахъ, совершенно справедливо, и къ этому присоединила даже собственноручную записку г. Андашевскаго, подтверждающую этотъ фактъ, прося все это представить вашему сіятельству, что я и исполняю въ настоящемъ случаѣ!.. (Подаетъ графу письмо Сониной и записку Андашевскаго).

Графъ (бѣгло взглянувъ на то и на другое). Ничего этого знать я не хочу!.. Вотъ все это!.. Вотъ! (рветъ письмо и записку).

Вуландъ (окончательно поблѣднѣвъ). Ваше сіятельство, вы уничтожаете документъ!

Графъ (кричитъ). Никакого тутъ документа нѣтъ!.. Мало ли о какихъ деньгахъ онъ могъ писать ей!.. Вотъ всѣ ваши документы! (Рветъ письмо и записку еще на болѣе мелкіе куски и бросаетъ ихъ на полъ). А я вамъ повторяю, что съ доносчиками и клеветниками я служить не желаю!

Вуландъ. Не желать со мной служить вы можете, но уничтожать документы вы не имѣете права, — я жаловаться на то буду!

Графъ. Никакихъ документовъ тутъ не было! Идите вонъ, когда вы такъ позволяете себѣ говорить!

Вуландъ (грубо и мрачно). Уйти я уйду, а жаловаться все-таки буду! (Поворачивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Графъ одинъ; потомъ Андашевскій и Ольга Петровна.

Графъ (кидаясь въ кресло и начиная хохотать какимъ-то сумасшедшимъ смѣхомъ). Ха!-ха!-ха! Отлично, превосходно поступаю!.. (Входятъ Андашевскій и Ольга Петровна, подслушивавшіе въ сосѣдней комнатѣ предыдущую сцену. Графъ, злобно и насмѣшливо обращаясь къ нимъ) Надѣюсь, что вы довольны мною!.. И это дѣлаетъ, по милости вашей, шестидесятилѣтній человѣкъ, имя котораго никогда и ничѣмъ не было запятнано! Да будьте вы прокляты!.. Уходитъ, сильно хлопнувъ дверьми, въ комнаты).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Ольга Петровна (пожимая плечами). Сумасшедшій старикъ!

Андашевскій (какъ бы все еще не могшій прійти въ себя отъ предыдущей сцены съ графомъ). Я однако никакъ не ожидалъ, чтобы все это такъ благополучно кончилось! (Подбираетъ съ полу клочки разорванныхъ писемъ и показывая ихъ Ольгѣ Петровнѣ) Посмотри, пожалуйста, въ какіе мелкіе кусочки онъ разорвалъ письма!..

Ольга Петровна. Я тебѣ это предсказывала! Сказать ему откровенно самое лучшее было!.. Онъ очень хорошо чувствуетъ, что виноватъ тутъ! Онъ пять тысячъ душъ моей покойной матери прожилъ на разныхъ своихъ балетчицъ! Однако пойдемъ поскорѣе и сейчасъ же устроимъ, чтобы завтра намъ и обвѣнчаться! Надобно скорѣй его этимъ связать.

Андашевскій. О, да, необходимо! (Оба уходятъ озабоченной походкой).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Изящно убранная гостиная въ квартирѣ Андашевскихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Мямлинъ и князь Янтарный. Первый, по обыкновенію, съ своимъ немного подергивающимся, бабьимъ лицомъ, въ невычищенномъ вицмундирѣ, съ непричесанными клочковатыми волосами, съ грязными ногтями, но зато въ звѣздѣ и во всѣхъ крестикахъ и медаляхъ, какія когда-либо получалъ. Князь Янтарный, довольно нестарый еще и красивый изъ себя мужчина, съ большими черными и даже съ поволокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающими глазами, напротивъ, выстрижень почти подъ гребенку и подбородокъ имѣетъ тщательнѣйшимъ образомъ выбритый, который однако все-таки остается немного черноватымъ отъ необыкновенной густоты волосъ. Одѣтъ князь въ бѣлый галстукъ и въ новенькій, съ иголочки, вицмундирный фракъ; шляпа и лаковые сапоги его блестятъ почти до неприличія. Всѣ слова свои онъ произноситъ, замѣтно важничая и закрывая для этого немного глаза свои, и вообще рѣчь его должна быть нѣсколько похожа на журчанье ручья.

Мямлинъ (видимо стараясь втолковать что-то такое князю Янтарному). Я вамъ говорю, что Ольга Петровна все это устроила... У ней при мнѣ былъ разговоръ объ этомъ съ Алексѣемъ Николаичемъ.

Князь Янтарный. Странно!.. Встрѣчаясь въ обществѣ, я всегда съ ней немного пикировался и на ея маленькія стрѣлы отвѣчалъ довольно колко; но, можетъ-быть, этимъ самымъ я выигрывалъ въ ея глазахъ,—qui peut comprendre la femme!

Мямлинъ. Непремѣнно этимъ самымъ-съ! Она женщина большого ума! Насквозь понимаетъ людей! Хоть бы взять-съ меня! Вуландъ совершенно въ грязь меня втоптала передъ графомъ... Она меня спасла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Ольга Петровна, уже madame Андашевская.

Мямлинъ (быстро хватая князя Янтарнаго за руку и представляя его Ольгѣ Петровнѣ). Madame!.. permettez moi de vous présenter: князь Янтарный!

Ольга Петровна. Мы съ княземъ знакомы давно.

(Любезно протягиваетъ обоимъ гостямъ свою ручку и затѣмъ, легкимъ движеніемъ головы пригласивъ ихъ садиться, сама тоже садится. Князь Янтарный и Мямлинъ садятся въ нѣсколько церемонно-визитной позѣ).

Князь Янтарный (немного привставая съ своего кресла и прижимая вмѣстѣ съ наклоненіемъ головы руку къ сердцу). Pardon, ma-

dame, что я являюсь къ вамъ въ этой ливреѣ нашей,—но я пріѣхалъ къ вамъ почти официально, чтобы безконечно благодарить васъ за ваше доброе участіе, которое, какъ вотъ Дмитрій Дмитричъ (показываетъ на Мямлина) передавалъ мнѣ, вы принимали въ опредѣленіи моемъ на мѣсто г. Вуланда.

Ольга Петровна (съ живостью). А вы уже опредѣлены... Ахъ, я очень рада!

Князь Янтарный. Алексѣй Николаичъ еще недѣли двѣ тому назадъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ, что Владиміръ Иванычъ Вуландъ скоропостижно померъ. Это такъ меня фрапировало!.. Я передъ тѣмъ только еще обѣдалъ съ Вуландомъ въ Англійскомъ клубѣ, и онъ былъ совершенно здоровъ!.. Какъ, почему и отчего человѣкъ умеръ?

Ольга Петровна (немного сконфуженная этими словами). У него, кажется, аневризмъ былъ.

Мямлинъ. Да и жизни былъ невоздержной—это что̀ таить!

Князь Янтарный. И Алексѣй Николаичъ тутъ же предложилъ мнѣ занять мѣсто Владиміра Иваныча, но я уже имѣлъ подобную должность и оставилъ ее, что̀ я и высказалъ откровенно Алексѣю Николаичу; но онъ былъ такъ добръ, что въ довольно ясныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что это мѣсто для меня пока, но что со временемъ я могу занять и *большее*.

Ольга Петровна. О, конечно, если это хоть сколько-нибудь будетъ зависѣть отъ мужа, то вы получите и *большее*, и я надѣюсь теперь, что вы помирились съ нимъ въ душѣ нѣсколько...

Князь Янтарный. Я мало что помирился съ Алексѣемъ Николаичемъ, но я сталъ благоговѣть передъ нимъ, и въ этомъ случаѣ не беру ничего другого, какъ мой собственный примѣръ: я, какъ хотите это назовите, имѣлъ глупость, неосторожность, но я, не зная человѣка, позволялъ себѣ говорить противъ него, и Алексѣй Николаичъ слышалъ это, конечно, потому что я говорилъ это всюду, говорилъ не только что при васъ, но даже съ вами. Вы, вѣроятно, въ это время были уже невѣстой его, и полагаю, что должны были передавать ему это.

Ольга Петровна. Да, я ему передавала.

Князь Янтарный (поднимая указательный палецъ свой какъ бы затѣмъ, чтобы придать болѣе вѣсу словамъ своимъ). И Алексѣй Николаичъ, несмотря на все это, въ видахъ ужъ, конечно, одной только пользы служебной и находя меня, не знаю почему, заслуживающимъ настоящей моей должности, самъ первый пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ трудиться вмѣстѣ съ

нимъ; такъ поступать изъ милліоновъ людей можетъ только одинъ!

Мямлинъ (подхватывая). И который, прибавьте, любитъ Россію истинной любовью!

Князь Янтарный. Именно любитъ Россію истинной любовью! Кромѣ того-съ, послѣдніе два дня я имѣлъ счастье... иначе не могу этого назвать!.. имѣлъ счастье видѣть Алексѣя Николаича въ его служебной дѣятельности и убѣдился, что въ этомъ отношеніи онъ геніальный человѣкъ!

Ольга Петровна. Да, очень способный! Я хоть и жена его, но тоже могу сказать, что онъ, какъ всѣ люди, имѣетъ, конечно, много недостатковъ; но, какъ служебный дѣятель, онъ рѣшительно человѣкъ съ государственнымъ призваніемъ.

Князь Янтарный. Рѣшительно съ государственнымъ призваніемъ: эта быстрота соображенія!.. ударъ прямо въ цѣль!.. способность обобщить, на группы разбить тысячи фактовъ, собранныхъ со всей Россіи...

Мямлинъ (снова подхватывая). А даръ изложенія!..

Князь Янтарный. Да-съ!.. Изложенья даръ! Бумаги, имъ написанныя, усыпаны брильянтами, алмазами краснорѣчія, и я самъ видѣлъ, что онѣ ничего ему не стоятъ: онѣ такъ и льются, такъ и льются у него... Я теперь торжественно и всѣмъ говорю, что выборъ Алексѣя Николаича и предпочтеніе его другимъ кандидатамъ показываетъ въ графѣ Зыровѣ величайшую прозорливость и величайшую мудрость.

Мямлинъ. А я всегда это самое говорилъ!.. (Обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ) Но скажите, какъ здоровье графа нынче? Я нѣсколько разъ къ нему являлся, но ни разу не былъ принятъ.

Ольга Петровна. Папа былъ очень серьезно боленъ.

Мямлинъ (съ искреннимъ участіемъ). Но что было причиною его болѣзни?.. простудился ли онъ, не соблюлъ ли діэтки?.. Старички обыкновенно любятъ покушать.

Ольга Петровна. Нисколько!.. нимало!.. Причина—его душевныя потрясенія! (Оба директора дѣлаютъ удивленныя и какъ бы вопрошающія лица. Ольга Петровна продолжаетъ) Сначала его очень волновали эти крики по поводу назначенія Алексѣя Николаича... (Князь Янтарный при этомъ потупляетъ глаза. Ольга Петровна, показывая на него пальчикомъ) Ему совѣстно даже при этихъ словахъ моихъ смотрѣть на меня!..

Князь Янтарный (держа униженно голову). Совѣстно,—каюсь въ томъ.

Ольга Петровна (снова продолжаетъ). Потомъ эти гадкія газетныя статьи пошли, гдѣ такой грязью, такой низкой клеветой чернили человѣка, имъ выбраннаго и возвышеннаго; а

наконецъ и бракъ мой съ Алексѣемъ Николаичемъ добавилъ нѣсколько; въ обществѣ теперь прямо утверждаютъ, что папа выбралъ себѣ въ товарищи Андашевскаго, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевскій женился для той же цѣли на этой старой кокеткѣ!

Оба директора (хохочутъ и почти въ одно слово восклицаютъ). На старой кокеткѣ!.. Кто жъ можетъ говорить это?

Ольга Петровна (князю Янтарному). Да наша общая съ вами пріятельница, madame Бобрина, говоритъ это, и я нисколько въ этомъ случаѣ на нее не претендую; но желала бы, чтобъ ей растолковали одно: Алексѣй Николаичъ женился на мнѣ никакъ не для полученія настоящаго своего мѣста, потому что онъ имѣлъ его уже раньше, а что папа не для этой цѣли его возвышалъ, такъ это можно доказать тѣмъ, что графъ, напротивъ, очень недоволенъ моимъ замужествомъ за Алексѣя Николаича, и entre nous soit dit: онъ до сихъ поръ почти не принимаетъ насъ къ себѣ!

Князь Янтарный (съ удивленіемъ). Но почему же графъ можетъ быть недоволенъ вашимъ замужествомъ?

Ольга Петровна. Тутъ много причинъ!.. Прежде всего, разумѣется, то, что Алексѣй Николаичъ плебей; ну и потомъ: мы съ мужемъ, какъ молодые оба люди, женясь, ничего не помышляли о томъ, что̀ будетъ впереди, и все намъ представлялось въ розовомъ цвѣтѣ; но папа очень хорошо понималъ, что какимъ же образомъ тесть и зять будутъ стоять на службѣ такъ близко другъ къ другу, и теперь дѣйствительно въ обществѣ уже говорятъ объ этомъ.

Мямлинъ. Говорятъ-съ!.. Говорятъ! Я не рѣшался только докладывать вамъ объ этомъ, но толки есть.

Ольга Петровна. Очень большіе, знаю это я!.. До папа̀ тоже это доходитъ, и все это его волновало, безпокоило, тревожило, и семьдесятъ его лѣтъ невольно сказались въ этомъ случаѣ.

Князь Янтарный. Графу однако семьдесятъ лѣтъ?

Ольга Петровна. О, да, около того!.. Мнѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, а онъ очень, очень немолодымъ женился!.. И я даже боюсь теперь... Опять-таки прошу, чтобы между нами это осталось; я съ вами говорю совершенно какъ съ друзьями своими: я боюсь, что нѣтъ ли у него маленькаго размягченія мозга. (Оба директора вмѣстѣ и почти въ ужасѣ восклицаютъ).

Князь Янтарный. Скажите, какое несчастіе!

Мямлинъ. Господи помилуй! (крестится при этомъ).

Ольга Петровна (продолжаетъ). Потому что послѣднее время

онъ газетъ даже не читаетъ—не понимаетъ!.. Какая же причина тому?..

Князь Янтарный (глубокомысленно). Но, можетъ-быть, графъ озабоченъ чѣмъ-нибудь другимъ?

Ольга Петровна. Развѣ забота можетъ помѣшать понять газету?.. Тутъ непремѣнно должно быть что-нибудь болѣе серьезное, и вообразите мое положеніе теперь: съ одной стороны—отецъ въ такомъ нехорошемъ состояніи здоровья, а съ другой—мужъ, который тоже бѣсится, выходитъ изъ себя: «Разъ, говоритъ, можно перенести клевету, два, три: но переносить ее всю жизнь не хватитъ никакого человѣческаго терпѣнія!» И я ожидаю, что онъ въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ пойдетъ и подастъ въ отставку.

(Оба директора опять въ одинъ голосъ восклицаютъ:) Какъ это возможно?.. Мы не пустимъ его!.. Онъ погубитъ этимъ все наше вѣдомство.

Ольга Петровна. Я тоже не совѣтую ему это дѣлать; но въ то же время не могу не согласиться съ нимъ, что есть оскорбленія, которыя нельзя перенести ни для какихъ благихъ цѣлей. (На этихъ словахъ Мямлинъ вскакиваетъ вдругъ со своего мѣста, какъ бы уколотый чѣмъ-нибудь, и произноситъ почти испуганнымъ голосомъ) Алексѣй Николаичъ пріѣхалъ-съ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Андашевскій; лицо у него взволнованное, озабоченное, но не печальное.

Ольга Петровна (пристально взглянувъ на мужа). Ты откуда?

Андашевскій (притворно-небрежнымъ голосомъ). У князя Михайлы Семеныча былъ.

Ольга Петровна (измѣнившись нѣсколько въ лицѣ). И что же?

Андашевскій (тѣмъ же небрежнымъ тономъ). Послѣ разскажу!.. (Обращаясь къ директорамъ) Здравствуйте, господа. (Затѣмъ, дружески пожавъ имъ руки, садится въ кресло и въ замѣтномъ утомленіи опрокидывается на задокъ его).

Князь Янтарный. Я счелъ себя обязаннымъ лично поблагодарить Ольгу Петровну за участіе ея въ опредѣленіи меня.

Андашевскій. Да-съ, да!.. По крайней мѣрѣ починъ въ этомъ ей прямо принадлежитъ!.. Тогда этотъ несчастный Буландъ померъ; экспедицію его, я зналъ, что по многимъ обстоятельствамъ нельзя было оставить безъ начальника, а между тѣмъ графъ заболѣлъ, и такимъ образомъ обязанность выбора легла на мнѣ; но я рѣшительно не зналъ, кого назначить, такъ что говорю наконецъ объ этомъ женѣ... Она мнѣ и посовѣтовала. «Чего жъ, говоритъ, тебѣ лучше: попроси князя Янтарнаго принять это мѣсто!.. Можетъ-быть, онъ и согласится».

Князь Янтарный (склоняя передъ Андашевскимъ голову). Правиломъ князя Янтарнаго всегда было и будетъ исполнять все, что возлагаетъ на него правительство, хотя откровенно долженъ признаться, что въ экспедиціи Владимира Иваныча я нашелъ такой безпорядокъ, такой хаосъ...

Андашевскій (перебивая его). Я васъ предувѣдомлялъ о томъ!.. Вы не можете на меня сѣтовать.

Князь Янтарный. Очень помню-съ! Но я объясняю вамъ собственно затѣмъ, что Вуландъ слылъ трудолюбивымъ дѣльцомъ, и если теперь будутъ выходить какія-нибудь упущенія, то прямо скажутъ, что Янтарный запустилъ это; а между тѣмъ, чтобы привести дѣла хоть въ сколько-нибудь человѣческій порядокъ, я долженъ употреблять громадный трудъ!.. гигантскій трудъ!

Мямлинъ (давно уже желавшій вмѣшаться въ разговоръ). А я вотъ принялъ экспедицію Алексѣя Николаича, такъ ни одной бумаги не нашелъ неисполненной, а книги бухгалтерскія такимъ почеркомъ ведены, что я, право, думалъ—рисованныя. (Относясь къ Андашевскому) А между тѣмъ, какъ Владиміръ Иванычъ всегда завидовалъ вамъ и обижался вашимъ возвышеніемъ.

Андашевскій (какъ бы ничего не знавшій по этому предмету). Онъ говорилъ вамъ объ этомъ?

Мямлинъ. Больше чѣмъ говорилъ; я былъ жертвою этой его зависти!.. Тогда, какъ васъ назначили въ товарищи, я былъ въ командировкѣ и, конечно, прискакалъ сейчасъ же въ Петербургъ; являюсь, между прочимъ, къ Владиміру Иванычу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить васъ... Говорю, какъ вы умны, просвѣщенны, трудолюбивы, а, по болѣзни моей, надобно признаться, я не все и замѣчаю, что вокругъ меня происходитъ, только тутъ же со мной вмѣстѣ былъ бывшій управитель дяди Михаилы Семеныча, генералъ Варнуха, котораго вы на-дняхъ, кажется, изволили назначить смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни.

Андашевскій. Да, я его назначилъ.

Мямлинъ. Дядѣ очень это будетъ пріятно!.. Очень!.. Выходимъ мы съ нимъ тогда отъ Владимира Иваныча, онъ мнѣ и говоритъ: «Зачѣмъ вы такъ Алексѣя Николаича хвалили Владиміру Иванычу? Ему это очень было непріятно: онъ весь даже краснѣлъ со злости!» Я такъ себя по лбу и ударилъ: «Ну, думаю, будетъ мнѣ за это отплата!» И дѣйствительно: на другой же день насказалъ на меня графу...

Ольга Петровна. А сколько самому Алексѣю Николаичу онъ, по своей зависти, дѣлалъ непріятностей.

Князь Янтарный. Алексѣю Николаичу даже!

Ольга Петровна. Да, какъ же! Всѣ эти газетныя статьи противъ Алексѣя Николаича были писаны подъ диктовку г. Вуланда.

Князь Янтарный. О, какая низость это съ его стороны!

Ольга Петровна. Онъ и г-жа Сонина, бывшій предметъ страсти моего супруга,—творцы ихъ. (Князь Янтарный и Мямлинъ, какъ слѣдуетъ хорошимъ подчиненнымъ, потупляютъ при этомъ глаза свои).

Ольга Петровна. И можете себѣ представить, что могутъ изобрѣсть и какъ наклеветать завидующій другъ и ревнующая женщина!

Князь Янтарный (поднимая съ грустью глаза къ небу). Воображаю!

Мямлинъ. Дьяволъ это речетъ въ нихъ и говоритъ ихъ устами.

Ольга Петровна. Это, впрочемъ, послужитъ Алексѣю Николаичу прекраснымъ урокомъ не вѣрить впередъ въ доброту глупыхъ женщинъ и въ дружбу умныхъ мужчинъ!

Андашевскій (съ улыбкой). Очень вѣрное замѣчаніе! (Относясь къ Мямлину) Ахъ, кстати, по поводу газетныхъ статей: вы объявляли господину Шуберскому, чтобы онъ подалъ въ отставку?..

Мямлинъ. Какъ же-съ!.. Въ тотъ же день, какъ вы приказали... Онъ даже заплакалъ сначала и сталъ увѣрять меня, что можетъ представить удостовѣреніе, что эти статьи писаны не имъ... «А что если бы, говоритъ, я захотѣлъ писать, такъ могъ бы написать что-нибудь и посерьезнѣе».

Андашевскій. Что же такое посерьезнѣе онъ могъ бы написать?

Мямлинъ (робѣя, не договаривая и стараясь свою мысль довыразить болѣе жестами). Да тамъ-съ я, ей-Богу, и не знаю... но что будто бы, когда тамъ... Владимиръ Иванычъ... поссорился, что ли, съ графомъ... то прямо пріѣхалъ въ Нѣмецкій клубъ, и что г. Шуберскій тамъ тоже былъ... Владимиръ Иванычъ подозвалъ его къ себѣ и сталъ ему разсказывать, что тамъ... графъ кричалъ, что ли, тамъ на него, и что будто бы даже разорвалъ... я ужъ и не понялъ хорошенько, что это такое... разорвалъ письмо, что ли, какое-то...

Андашевскій (взглядывая на жену). Еще новую исторію сочинили.

Ольга Петровна (пожимая плечами). Ихъ, вѣроятно, и много еще будутъ сочинять.

Мямлинъ. И что будто бы, изволите видѣть, сталъ говорить г. Шуберскому: «Опиши все это!» Но что тотъ будто бы

отказался... «Что, говоритъ, мнѣ писать такія небылицы!» Тогда Владиміръ Иванычъ очень разсердился на него и принялся пить пуншъ и что будто бы выпилъ его стакановъ двадцать... такъ что Шуберскій принужденъ былъ уложить его въ карету и свезти домой, а на другой день Владиміръ Иванычъ померъ.

Андашевскій. Все это очень можетъ быть: Вуландъ, дѣйствительно, говорятъ, опился, въ пьяномъ видѣ могъ Богъ знаетъ чего наболтать; но къ дѣлу это нисколько нейдетъ.

Мямлинъ (глубокомысленно). Идетъ-съ, по-моему!.. Тамъ, какъ вамъ угодно: но, какъ я понимаю, г. Шуберскій этотъ хоть и плакалъ-съ передо мной, но онъ человѣкъ наглый!.. дерзкій!.. Какъ видитъ, что слезами ничего не взялъ, такъ сейчасъ же поднялъ носъ!.. «Если, говоритъ, меня заставятъ оставить службу, такъ я все, что мнѣ разсказывалъ Вуландъ, напечатаю, а если же оставятъ, такъ наоборотъ... напишу статью, опровергающую всѣ прежнія объ этомъ статьи».

Андашевскій (замѣтно обрадованный). А, это другое дѣло!.. Если онъ напишетъ такую статью, тогда его можно будетъ и оставить. (Обращаясь къ князю Янтарному) Какъ вы думаете?

Князь Янтарный. Разумѣется!.. Это такая мелочь! И вообще вся наша пресса такая грязь и сало, что отъ нея можно только отворачиваться, но никакъ не обращать на нее большого вниманія.

Андашевскій (Мямлину). На томъ условіи, чтобы г. Шуберскій напечаталъ статью, опровергающую всѣ прежнія статьи, я могу его оставить.

Мямлинъ. Я самъ тогда это тоже сообразилъ и думаю: чортъ его дери!.. все лучше доложить объ этомъ Алексѣю Николаичу, а теперь я такъ и передамъ ему ваше приказаніе.

Андашевскій. Такъ и передайте. (Входитъ торопливо лакей).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андашевскій, Ольга Петровна, князь Янтарный, Мямлинъ и лакей.

Лакей. Графъ прислалъ курьера и требуютъ къ себѣ съ дѣлами и съ бумагами князя Янтарнаго и господина Мямлина.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ лакея.

Мямлинъ (съ испугомъ). Вотъ тебѣ разъ! (Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы). А у меня ничего и не готово.

Князь Янтарный (также съ вспыхнувшимъ лицомъ). И у меня

тоже! (Относясь къ Андашевскому нѣсколько смущеннымъ голосомъ) Графъ, вѣроятно, вступилъ въ свою должность?

Андашевскій (насмѣшливо). Вѣроятно-съ!.. вѣроятно!.. «Часъ насталъ, и левъ просыпается».

Мямлинъ (Янтарному). Пойдемте скорѣе.

Князь Янтарный. Идемте! (Оба раскланиваются съ Андашевскими).

Ольга Петровна (смѣясь, имъ). Не завидую, господа, вашему положенію.

Князь Янтарный (тоже улыбаясь, но насильственно). Ужасное, и особенно мое, такъ какъ я никакъ не ожидаю, чтобы графъ встрѣтилъ меня пріязненно!

Мямлинъ. И мое положеніе не лучше вашего. (Продолжаетъ все болѣе и болѣе гримасничать).

Андашевскій (Мямлину). У васъ даже опять появился въ лицѣ припадокъ вашей болѣзни.

Мямлинъ. Это ужъ всегда, какъ только чѣмъ-нибудь встревожусь. (Еще разъ раскланиваются съ Андашевскими и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Андашевскій (плотно притворяя дверь). Ушли наконецъ, несносные.

Ольга Петровна (стремительно мужу). Скажи, какъ ты очутился сегодня у князя Михайлы Семеныча?

Андашевскій. Очень просто: ѣду я поутру мимо его дома... на сердцѣ у меня давно уже накипѣло: «ну, думаю, что будетъ, то будетъ!»—велѣлъ каретѣ остановиться и вошелъ въ пріемную; народу пропасть; адъютантъ, впрочемъ, какъ увидалъ меня, такъ сейчасъ же доложилъ, и князь сейчасъ пригласилъ меня въ кабинетъ къ себѣ. Вхожу. Князь очень любезно протянулъ мнѣ руку: «Здравствуйте, говоритъ, Алексѣй Николаичъ, что скажете хорошенькаго?» Я говорю: «Князь, я пріѣхалъ, во-первыхъ, доложить вамъ, что покровительствуемый вами генералъ-майоръ Варнуха опредѣленъ мною смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни!»—«Благодарю!» говоритъ.—«Это назначеніе, говорю, я чисто уже взялъ на свой страхъ, такъ какъ графъ теперь боленъ и, какъ я слышалъ, очень недоволенъ этимъ замѣщеніемъ!»—«Это почему?»—говоритъ. Я говорю: «Я не знаю, но ожидаю, что у меня по этому поводу будетъ съ графомъ весьма непріятное столкновеніе!»—«Какъ это, говоритъ, будетъ глупо со стороны графа!» Подготовилъ, понимаешь, почву немного!

Ольга Петровна (внимательнѣйшимъ образомъ слушавшая мужа). Понимаю!

Андашевскій (продолжая). «Кромѣ-съ того, говорю, князь, я пріѣхалъ и по собственному очень важному дѣлу, чтобы попросить у васъ совѣта и содѣйствія!»—«Радъ, говоритъ, вамъ всѣмъ служить, чѣмъ только могу!»—«Дѣло-съ, говорю, мое состоитъ въ томъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ я женился на madame Басаевой, дочери графа».—«Знаю, говоритъ, видѣлъ вашу супругу на балѣ у австрійскаго посла и поздравлялъ ее!»—«Бракъ этотъ, говорю, совершенно неожиданно для насъ возбудилъ большіе толки въ обществѣ; отовсюду къ намъ доходятъ слухи объ удивленіи и недоумѣніи общества, что какимъ образомъ на такихъ высокихъ постахъ тесть и зять будутъ такъ близко стоять другъ къ другу»... Остановился я на этихъ словахъ, жду, что онъ скажетъ... Онъ подумалъ немного, потеръ себѣ носъ и говоритъ: «Дѣйствительно, говоритъ, въ служебныхъ сферахъ это не принято, и въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всегда переводятъ кого-нибудь...»—«Не кого-нибудь, говорю, а ужъ, конечно, меня переведутъ; мною, какъ младшимъ, пожертвуютъ и принесутъ меня на закланіе!»—«Почему жъ, говоритъ, васъ на закланіе; вѣроятно, дадутъ назначеніе, равное теперешнему!» Ахъ, ты, думаю, старый волкъ!.. Ты, пожалуй, устроишь это!

Ольга Петровна. Воображаю, что ты долженъ былъ почувствовать въ эти минуты!

Андашевскій. Ужасъ! я тебѣ говорю, ужасъ!.. И я помню только одно, что я тутъ, какъ бѣшеный конь, закусилъ удила и рѣшился валить напроломъ: «Во всѣхъ моихъ служебныхъ объясненіяхъ, князь, говорю, я привыкъ быть всегда совершенно откровеннымъ; позвольте мнѣ и съ вами быть такимъ же!»—«Пожалуйста»,—говоритъ.—«Въ настоящемъ случаѣ, говорю, есть еще одно довольно важное обстоятельство: вѣдомство наше, какъ небезызвѣстно вашему сіятельству, преобразовано, устроено и организовано исключительно мною и господиномъ Вуландомъ, и если бы господинъ Вуландъ былъ живъ, то при теперешнихъ обстоятельствахъ и вопроса никакого не могло бы быть: мнѣ бы дали какое-нибудь назначеніе, а господинъ Вуландъ сѣлъ бы на мое мѣсто, и дѣла пошли бы точно такъ же, какъ и теперь идутъ; но господинъ Вуландъ умеръ, вновь назначенные директора—люди совершенно неопытные, я уйду, самъ графъ старъ и боленъ. Князь! при соединеніи всѣхъ этихъ случайностей, я почти положительно увѣренъ, что вѣдомство наше мало что потрясется въ своемъ основаніи, но оно совершенно рухнетъ!»

Ольга Петровна. Ты отлично, безподобно сдѣлалъ, что сказалъ ему это!

Андашевскій. Еще бы!.. Я очень хорошо зналъ, съ какимъ господиномъ я говорю и что на него можно только подобными вещами подѣйствовать; вотъ тебѣ доказательство тому: какъ объяснилъ я ему это, онъ весь сталъ вниманіе, и у него глаза даже какъ-то разгорѣлись!.. Видно было, что его собственное самолюбіе затронулось, что вотъ-де я все знаю, предусматриваю и предотвращаю. «Но чѣмъ же, говоритъ, графъ нездоровъ; супруга ваша мнѣ съ большимъ горемъ разсказывала, что у него даже маленькое мозговое разстройство начинается!» Я пожалъ плечами. «Болѣзнь эта, говорю, до нѣкоторой степени давно присуща графу, и я только, по своей глубокой преданности къ нему, тщательно скрывалъ это; но болѣе уже трехъ лѣтъ какъ на мнѣ лежитъ вся тяжесть его служебнаго труда, такъ что онъ не подписываетъ ни одной бумаги, предварительно мною не просмотрѣнной и ему не рекомендованной!»—«А теперь что же, говоритъ, болѣзнь эта усилилась въ немъ?»—«Какъ кажется!» говорю.—«Жаль, говоритъ, старика, очень жаль, и въ такомъ случаѣ ужъ лучше ему уйти на покой!»—«О, говорю, онъ объ этомъ вовсе и не помышляетъ, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ становится честолюбивѣй и властолюбивѣе!»—«Ну, положимъ, говоритъ, на это не очень посмотрятъ, только кѣмъ же замѣстятъ его!.. Одинъ только Карга-Короваевъ и могъ бы еще занять его мѣсто».

Ольга Петровна. Вотъ пріятный сюрпризъ будетъ, если назначатъ Каргу-Короваева!

Андашевскій. Сюрпризъ, при которомъ невозможно будетъ оставаться служить, потому что господинъ этотъ мало того, что деспотъ въ душѣ и упрямъ, какъ волъ; но онъ уменъ, каналья, и если что захочетъ, такъ его не обманешь, какъ другихъ, наружнымъ только видомъ, что повинуешься ему и дѣлаешь по-его: онъ дощупается до всего. Это я и высказалъ отчасти князю. «Если, говорю, ваше сіятельство, къ намъ будетъ назначенъ Карга-Короваевъ, то я минуты не останусь въ моей должности!»—«Это почему?» говоритъ.—«Потому что, говорю, господинъ Карга-Короваевъ, сколько я знаю его, привыкъ цѣнить и уважать только свои мысли и свой трудъ и, вступивъ къ намъ въ управленіе, онъ, безъ сомнѣнія, приметъ намъ созданное учрежденіе ломать и перестраивать по-своему, а мнѣ присутствовать при этомъ каждодневно будетъ слишкомъ ужъ тяжело, и я лучше обреку себя на нужду и бѣдность, но выйду въ отставку!» Онъ на эти слова мнѣ улыбнулся.

«Не пугайтесь, говоритъ, очень,—я сказалъ вамъ только одно мое предположеніе; но Каргу-Короваева, кажется, прочатъ на другое мѣсто, гдѣ онъ нужнѣе... Къ вамъ же, говоритъ, если графъ оставитъ службу, всего бы, конечно, справедливѣе было васъ назначить; но только вы молоды еще... Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?..»—«Сорокъ девять», говорю.

Ольга Петровна. Пять прибавилъ?

Андашевскій. Пять прибавилъ!.. «Но, говоритъ, говорили вы когда-нибудь съ самимъ графомъ о вашемъ желаніи занять его мѣсто?» Я говорю, что я никакъ не могъ съ нимъ говорить объ этомъ, потому что оба мы такъ близко заинтересованы въ этомъ случаѣ. «По крайней мѣрѣ, говоритъ, супруга ваша, дочь его, могла бы дать ему мысль!»—«И той, говорю, неловко сказать ему объ этомъ. Вотъ если бы вы, говорю, ваше сіятельство, были такъ добры, что объяснили графу сущность дѣла. Онъ васъ безконечно уважаетъ и каждое слово ваше приметъ за законъ для себя!.. И я опять осмѣлюсь повторить вамъ, что прошу васъ объ этомъ не столько въ видахъ личнаго интереса, сколько для спасенія самаго дѣла, потому что иначе оно должно погибнуть!..» Молчитъ онъ на это... минутъ пять молчалъ... Я убѣжденъ, что у меня въ это время прибавилось сѣдыхъ волосъ!.. Взгляни, пожалуйста, больше ихъ стало?

Ольга Петровна (взглядывая на волосы мужа). Кажется, немного больше.

Андашевскій. Наконецъ проронилъ: «Ну, хорошо, говоритъ, я повидаюсь со старикомъ, поговорю съ нимъ и посовѣтую ему; а потомъ, какъ онъ самъ хочетъ!..»—«Безъ сомнѣнія-съ, говорю, какъ самъ пожелаетъ потомъ...»

Ольга Петровна (лукаво). Пусть бы ужъ только онъ посовѣтовалъ!.. Отецъ очень хорошо пойметъ, что это равняется приказанію.

Андашевскій. Конечно!

Ольга Петровна. Онъ однако для этого самъ хотѣлъ пріѣхать къ отцу?

Андашевскій. Непремѣнно.

Ольга Петровна. Но когда же?

Андашевскій. Я не знаю!.. Можетъ-быть, даже сегодня.

Ольга Петровна (съ безпокойствомъ). Мнѣ поэтому сейчасъ же надо ѣхать къ папа.

Андашевскій. Ты думаешь?

Ольга Петровна (съ тѣмъ же безпокойствомъ). Непремѣнно, а то князь пріѣдетъ къ нему, прямо скажетъ о твоемъ желаніи, это ужасно озадачитъ отца: онъ взбѣсится, конечно, и,

пожалуй, чтобы повредить тебѣ, разскажетъ все про Калипинское дѣло и про Вуланда.

Андашевскій (въ свою очередь тоже съ безпокойствомъ). Но чѣмъ же ты его отъ этого остановишь?

Ольга Петровна. Знаю я, чѣмъ мнѣ его остановить... У меня многое есть, чѣмъ я могу на него дѣйствовать... Вели мнѣ поскорѣе подать карету. Mamzelle Эмилія, подайте мнѣ шляпу.

Андашевскій (подходитъ къ дверямъ и кричитъ). Карету подавать для Ольги Петровны!

(M-lle Эмилія, хорошенькая нѣмка-горничная, подаетъ Ольгѣ Петровнѣ шляпу и уходитъ).

Ольга Петровна (надѣвъ торопливо шляпу и подавая руку мужу). Прощай!

Андашевскій (почти умоляющимъ голосомъ). Возвращайся, Бога ради, скорѣе, не искушай моего терпѣнья!

Ольга Петровна. Прямо отъ отца и возвращусь сюда! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андашевскій (начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ). Говорятъ, въ Россіи служба очень пріятная и спокойная дѣятельность; но одинъ день такой, какъ сегодня для меня, пережить чего стоитъ, а иначе нельзя: не предусмотри и прозѣвай хоть одну минуту, изъ-подъ носу утащатъ лакомый кусокъ. Вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы раньше другихъ забѣжать!.. (Безпокойство и нетерпѣніе все болѣе и болѣе овладѣваетъ имъ). Жена, вѣроятно, долго еще не возвратится... Просто не знаю, что и дѣлать съ собою!.. Опіуму, кажется, съ удовольствіемъ бы принялъ, чтобы заснуть на это время и ничего не чувствовать! (Беря себя за лѣвый бокъ) Такое біеніе сердца началось, что аневризмъ, пожалуй, наживешь!.. (Входитъ лакей).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Андашевскій и лакей.

Лакей (нѣсколько мрачнымъ и таинственнымъ голосомъ). Госпожа Сонина опять пришла къ вамъ и желаетъ васъ видѣть.

Андашевскій. Только еще недоставало этого!.. (Обращаясь къ лакею) Я, кажется, сказалъ тебѣ одинъ разъ навсегда, чтобы ты не только что никогда не принималъ ея, но даже не смѣлъ бы и докладывать мнѣ объ ея посѣщеніяхъ.

Лакей. Да я не хотѣлъ-было докладывать, но она сѣла на

лѣстницѣ, на лавочку, и говоритъ, что будетъ дожидаться, пока вы пройдете.

Андашевскій (еще съ бо́льшимъ бѣшенствомъ). Ну, я тебѣ отъ мѣста откажу, если ты ея сейчасъ же не протуришь!

Лакей. Да мнѣ что!.. Я, пожалуй, протурю! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Андашевскій. Какова наглость этой женщины!.. Послѣ того, какъ сдѣлала противъ меня подлость и чуть-было не погубила меня, она ходитъ еще ко мнѣ! Чего надѣется и ожидаетъ?.. Что я испугаюсь ея или разнѣжусь и возвращу ей любовь мою?.. Глупость въ нѣкоторыхъ людяхъ доходитъ иногда до такихъ предѣловъ, что понять даже невозможно! (Звонитъ. Входитъ тотъ же лакей).

ЯВЛЕНІЕ X.

Андашевскій и лакей, потомъ Андашевскій одинъ.

Андашевскій (нетерпѣливо ему). Что, ты отказалъ?

Лакей. Отказалъ-съ, ушла!

Андашевскій. Какъ же ты это сдѣлалъ?

Лакей. Сказалъ-съ, что если она не уйдетъ, такъ я за городовымъ схожу и вмѣстѣ ее выведемъ; она заплакала и ушла.

Андашевскій. Ну и хорошо!.. спасибо! (Смотритъ съ нетерпѣніемъ на часы). А Ольги Петровны все еще нѣтъ! (Лакею) Поди, приведи мнѣ извозчика къ дому графа. (Лакей уходитъ). Поѣду къ подъѣзду графа и буду на крыльцѣ его дожидаться жены.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Служебный кабинетъ графа Зырова. Огромный столъ весь заваленъ бумагами и дѣлами. Графъ, попрежнему въ пиджакѣ, сидитъ передъ столомъ; лицо его имѣетъ почти грозное выраженіе. На правой отъ него сторонѣ стоятъ въ почтительныхъ позахъ и съ грустно наклоненными головами Мямлинъ и князь Янтарный, а налѣво генералъ-майоръ Варнуха въ замирающемъ и окаменѣломъ положеніи и чиновникъ Шуберскій, тоже грустный и задумчивый.

Графъ (строго Варнухѣ). Когда именно вы опредѣлены?

Генералъ-майоръ Варнуха. Приказомъ 17 августа, ваше сіятельство.

Графъ. Но Алексѣй Николаичъ, я думаю, долженъ былъ бы предувѣдомить меня о томъ и спросить моего согласія прежде, чѣмъ я буду имѣть честь прямо уже встрѣтиться съ вами на службѣ...

Генералъ-майоръ Варнуха (плачевнымъ тономъ). Я буду стараться, ваше сіятельство.

Графъ. Стараться вы будете!.. Гдѣ вы прежде служили?

Генералъ-майоръ Варнуха. Смотрителемъ Огюньскаго завода!

Графъ. Отчего же тамъ и не продолжать службы?.. На какомъ основаніи и на какихъ данныхъ пришла вамъ въ голову мысль искать настоящаго мѣста? Здѣсь надобно имѣть христіанскія чувства, христіанское направленіе.

Генералъ-майоръ Варнуха. Я христіанинъ, ваше сіятельство.

Графъ. То-есть почему вы христіанинъ? Что въ церковь ходите и творите земные поклоны передъ образами... Тутъ нужно-съ быть человѣку религіозному въ душѣ, сознательно и просвѣщенно вѣрующему.

Мямлинъ (вытягивая голову и произнося робкимъ голосомъ). Генералъ Варнуха, ваше сіятельство, назначенъ по ходатайству князя Михайлы Семеныча.

Графъ. Я не съ вами говорю, а потому прошу васъ не вмѣшиваться! (У Мямлина сейчасъ же при этомъ задергало лицо. Графъ, снова обращаясь къ генералу Варнухѣ) Я заранѣе васъ предувѣдомляю, что я каждый день буду заѣзжать въ богадѣльню, и горе вамъ, если хоть малѣйшія упущенія встрѣчать буду! Снисхожденія никакого не ждите!.. Мало, что отъ службы уволю, подъ судъ еще отдамъ, потому что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ: нечего было итти туда, куда вы не призваны ни по способностямъ вашимъ ни по чему другому!..

Генералъ-майоръ Варнуха. Семейство, ваше сіятельство, нужда заставляетъ.

Графъ. Семейство не даетъ же человѣку права на всякія мѣста, какія только открываются. Отправляйтесь!

(Генералъ-майоръ Варнуха повертывается и уходитъ на цыпочкахъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ Зуровъ, князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій.

Графъ (взглядывая на Шуберскаго). Вы, если я не ошибаюсь, г. Шуберскій?

Шуберскій. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Но на какомъ основаніи вы въ вицмундирѣ? Вы продолжаете еще служить у насъ?

Шуберскій. Продолжаю, ваше сіятельство.

Графъ. Но я Алексѣю Николаичу, кажется, довольно ясно сказалъ, чтобы онъ предложилъ вамъ подать въ отставку.

Шуберскій. Мнѣ передавалъ это ваше приказаніе Дмитрій Дмитричъ Мямлинъ, но я прежде желалъ доложить вашему сіятельству, что статьи, за которыя вамъ угодно было разгнѣваться на меня, писаны не мною: я имѣю удостовѣреніе въ томъ отъ редакціи газеты, гдѣ помѣщены эти статьи (подаетъ графу удостовѣреніе).

Графъ (почти не взглядывая на удостовѣреніе). И вы думаете, что я этому повѣрю: господа газетчики и фельетонисты, я не знаю, чего ни способны написать и въ чемъ ни готовы удостовѣрить.

Шуберскій. Можетъ-быть, дѣйствительно, ваше сіятельство, это и справедливо, но редакція газеты, изъ которой я имѣлъ честь представить вамъ удостовѣреніе, пользуется именемъ самой честной, самой добросовѣстной...

Графъ. Всѣ вы одинаковы! Всѣ!.. Правительству давно бы слѣдовало обратить на васъ вниманіе и позажать вамъ рты!.. Какъ же вы говорите, что не вы писали статьи, когда вы сами признавались въ томъ Андашевскому?

Шуберскій. Первая статья, ваше сіятельство, дѣйствительно написана мною: но я въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ обманъ господиномъ Вуландомъ.

Графъ. На господина Вуланда теперь сваливаете!.. Господинъ Вуландъ заставлялъ васъ писать?

Шуберскій. Господинъ Вуландъ-съ!.. И я на-дняхъ помѣщу статью, опровергающую мою прежнюю статью!.. Въ ней откровенно я признаюсь, какъ и кѣмъ былъ введенъ въ обманъ.

Графъ. Ну, я увѣренъ въ одномъ, что если бы господинъ Вуландъ былъ живъ, такъ вы бы не напечатали такой статьи.

Шуберскій. Напечаталъ бы, ваше сіятельство.

Графъ. Нѣтъ-съ, не напечатали бы! Во всякомъ случаѣ я съ фельетонистами служить не желаю.

Шуберскій. Но гдѣ же, ваше сіятельство, законъ, воспрещающій фельетонистамъ служить?

Графъ. Есть-съ!.. Я могу уволить васъ, когда мнѣ угодно и совершенно по своему усмотрѣнію.

Шуберскій. Ваше сіятельство, Алексѣй Николаичъ совершенно простилъ меня за мою статью.

Графъ (кричa). Но я васъ не прощаю, понимаете вы это!.. И если вы въ 24 часа не подадите въ отставку, то я велю

васъ уволить по 3-му пункту—другого рѣшенія вамъ отъ меня не будетъ!.. (Слегка киваетъ головой Шуберскому, который ему тоже слегка кланяется и уходитъ, блѣдный и окончательно сконфуженный).

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ Зыровъ, князь Янтарный и Мямлинъ.

Графъ (относясь къ князю Янтарному). Что у васъ приготовлено?

Князь Янтарный (очень модно и свободно подходя къ графу и вмѣстѣ съ тѣмъ играя брелоками своихъ часовъ). Я, ваше сіятельство, сегодня ничего приготовленнаго не имѣю, потому что все это время ревизовалъ мою экспедицію.

Графъ (съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглядывая на него). Но что же такое собственно вы ревизовали? Не мои же распоряженія, надѣюсь?

Князь Янтарный. О, конечно, нѣтъ!.. Но вообще весь этотъ ходъ и порядокъ дѣлъ.

Графъ. То-есть канцелярскій порядокъ, вы хотите сказать?

Князь Янтарный. Да-съ, я это именно и хотѣлъ сказать.

Графъ. Ну, это вы совершенно напрасно трудились: потому что вашъ предшественникъ такъ превосходно зналъ этотъ порядокъ, такъ добросовѣстно велъ его, что вамъ за прошедшее время можно быть вполнѣ покойному и заботиться о томъ, чтобы на будущее время порядокъ этотъ шелъ такъ же исправно, какъ шелъ онъ при Владимирѣ Иванычѣ.

Князь Янтарный. Я такъ и ожидалъ это найти, ваше сіятельство, но, къ великому моему удивленію, встрѣтилъ въ экспедиціи Владимира Иваныча крайній безпорядокъ, страшныя упущенія.

Графъ (смѣясь ему прямо въ лицо). Вотъ что вы встрѣтили!.. А что, если я вамъ скажу, что вы это говорите неправду!..

Князь Янтарный. Совершеннѣйшую правду, ваше сіятельство!.. Я уже докладывалъ объ этомъ и Алексѣю Николаичу.

Графъ. Алексѣю Николаичу вы можете докладывать, сколько вамъ угодно, но меня вамъ не убѣдить въ томъ; я старый воробей на службѣ — и цѣль всѣхъ вновь вступающихъ чернить дѣятельность своихъ предшественниковъ очень хорошо понимаю: если дѣло пойдетъ хорошо у нихъ, это возвыситъ ихъ собственный трудъ; а если оно пойдетъ дурно, то этимъ можетъ быть отчасти извиненъ допущенный ими безпорядокъ,— пріемъ весьма старый и весьма извѣстный въ служебномъ мірѣ!

Князь Янтарный (потупляя свои глаза). Мнѣ очень грустно, ваше сіятельство, что мои слова вы изволили такимъ образомъ

понять, и это мнѣ нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что я не имѣю счастья пользоваться вашимъ добрымъ мнѣніемъ о себѣ; но, смѣю васъ завѣрить, я настоящей моей должности не искалъ, и мнѣ ее Алексѣй Николаичъ самъ предложилъ.

Графъ. Алексѣй Николаичъ, вѣроятно, имѣлъ для этого какія-нибудь свои основанія; но я съ своей стороны буду требовать отъ васъ настоящей службы и дѣятельности неманкирующей и въ этомъ случаѣ не стѣсняюсь никакими свѣтскими соображеніями.

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, никогда ни на какія свѣтскія соображенія и не разсчитывалъ, а привыкъ заявлять себя своей дѣятельностью, которую Алексѣй Николаичъ отчасти уже видѣлъ и, какъ говорилъ мнѣ, остался ею очень доволенъ.

Графъ (выходя изъ себя). Онять Алексѣй Николаичъ! Скажите на милость: пока я сижу еще здѣсь, на этомъ стулѣ, кто вашъ начальникъ—я или Алексѣй Николаичъ?

Князь Янтарный. Конечно, вы, ваше сіятельство.

Графъ. Однако и вы, и какой-то генералъ Варнуха, и господинъ Мямлинъ безпрестанно напоминаете мнѣ то объ Алексѣѣ Николаичѣ, то о князѣ Михайлѣ Семенычѣ, недостаетъ только назвать еще мнѣ madame Бобрину; и я на это одинъ разъ навсегда говорю, что я стою уже одной ногой въ могилѣ, а потому ни въ какихъ покровителяхъ не нуждаюсь и никакихъ враговъ и соперниковъ не боюсь!

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, всегда васъ и разумѣлъ такимъ и всегда зналъ ваше высокое безпристрастіе.

Графъ. Да-съ, прошу васъ и на будущее время разумѣть меня такимъ, и если желаете служить со мной, то, во-первыхъ: не играйте вашими брелоками!.. Я люблю дисциплину и нахожу это неприличнымъ при разговорѣ съ начальникомъ... (Князь Янтарный мгновенно же перестаетъ играть брелоками). А во-вторыхъ, не надѣйтесь ни на сыны ни на князи человѣческіе, и вообще я желаю вамъ гораздо большаго усердія въ трудахъ вашихъ, чѣмъ я встрѣтилъ это сегодня! (Круто поворачивается къ Мямлину). У васъ хоть готово ли что-нибудь?

Мямлинъ. Имѣю-съ докладъ! (Князь Янтарный, съ надувшимся и оскорбленнымъ лицомъ, отходитъ и становится на прежнее мѣсто; а Мямлинъ подходитъ къ графу и развертываетъ передъ нимъ огромное дѣло, запинаясь на каждомъ почти словѣ и дѣлая изъ лица гримасы). Это-съ дѣло крестьянъ Коловоротинской волости съ казною!.. У нихъ во владѣніи были по лѣвую сторону Оки поемные луга!.. Это геологическій ужъ законъ, что горная сторона рѣки всегда направо по теченію, а налѣво низовая сторона-съ, —

это законъ геологическій... (Графъ молча, но мрачно его слушаетъ. Мямлинъ, все болѣе и болѣе конфузясь) А на горной этой сторонѣ, извольте видѣть, земли и владѣнія вѣдомства государственныхъ имуществъ... Оно взяло и примежевало себѣ луга... крестьяне говорятъ, что у нихъ десятилѣтняя давность владѣнія, а имъ на это возражаютъ, что для казны пѣтъ десятилѣтней давности.

Графъ (съ удивленіемъ взглядывая на Мямлина). Какъ нѣтъ для казны десятилѣтней давности?

Мямлинъ (утвердительно). Нѣтъ-съ!

Графъ. Перестаньте, что вы говорите! Десятилѣтняя давность для всего въ мірѣ существуетъ!

Мямлинъ (снова утвердительно). Нѣтъ, ваше сіятельство, прямая статья есть.

Графъ. Нѣтъ такой статьи-съ!

Мямлинъ. Есть, ваше сіятельство!

Графъ (показывая на шкапъ съ книгами). Вонъ сводъ законовъ,—отыщите! (Мямлинъ подходитъ къ этому шкапу, вынимаетъ изъ него сразу нѣсколько томовъ и начинаетъ дрожащими руками перелистывать ихъ, потѣетъ при этомъ, краснѣетъ, дѣлаетъ изъ лица маленькія гримасы и ничего не находитъ. Графъ между тѣмъ просматриваетъ докладываемое ему дѣло и при этомъ только слегка покачиваетъ головой и грустно усмѣхается).

Мямлинъ (съ сильною уже гримасою въ лицѣ). Не могу, ваше сіятельство, найти,—извините!.. Позвольте мнѣ дома пріискать!.. Въ подлинномъ дѣлѣ это очень ясно прописано.

Графъ (продолжая грустно улыбаться). А вы, скажите читали это подлинное дѣло все?

Мямлинъ. Читалъ, ваше сіятельство!

Графъ. Ну, я, признаюсь, гораздо бы лучше для васъ желалъ, чтобы вы вовсе его не читали. Въ чемъ же, по-вашему, суть дѣла тутъ?

Мямлинъ. Это тяжба крестьянъ Коловоротинской волости съ казною.

Графъ. То-есть была тяжба, и она уже рѣшена, и земля возвращена въ казну; такъ?

Мямлинъ. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Такъ къ чему же вы мнѣ говорите о какой-то геологіи, о какихъ-то статьяхъ закона не существующихъ! Въ чемъ тутъ наша обязанность?.. Чего собственно отъ насъ требуютъ? (Мямлинъ молчитъ и краснѣетъ въ лицѣ). Требуютъ, чтобы я далъ заключеніе, что слѣдуетъ ли крестьянъ подвергать уплатѣ въ казну за неправильное владѣніе, и, конечно мое мнѣніе должно состоять въ томъ, что слѣдуетъ!

Мямлинъ (снова оживленнымъ тономъ). Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу съ этимъ согласиться и остаюсь въ томъ

убѣжденіи, что если десятилѣтняя давность существуетъ для частныхъ лицъ, то почему же она не должна существовать для казны?.. Это прямое нарушеніе справедливости!..

Графъ (выходя изъ себя). Господи помилуй, вы помѣшались наконецъ на этой десятилѣтней давности?.. Къ чему она вамъ?.. Зачѣмъ?..

Мямлинъ (смущеннымъ уже голосомъ). Затѣмъ, что вотъ-съ въ этой бумагѣ прямо сказано, что для казны не должно существовать десятилѣтней давности (показывая на одну изъ бумагъ въ дѣлѣ).

Графъ. А вы дали себѣ трудъ подумать, что это за бумага?.. Это-съ единоличное мнѣніе министра государственныхъ имуществъ, который, когда былъ возбужденъ общій вопросъ по сему предмету, то полагалъ съ своей стороны, что на тѣ случаи, гдѣ нарушены границы генеральнаго межеванія, не должно распространяться десятилѣтней давности, и съ нимъ однако никто не согласился... Вѣдь это наконецъ несносно, Дмитрій Дмитричъ: вы мало того, что не вникли нисколько въ самое дѣло, но мнѣ приходится еще спорить съ вами, опровергать разныя смутныя мысли, которыя случайно приходятъ вамъ въ голову!.. На будущее время прикажите ужъ лучше докладывать мнѣ вашимъ начальникамъ отдѣленія, а сами пока посидите при этомъ и поучитесь!

Мямлинъ. Но мнѣ это будетъ очень обидно, ваше сіятельство!

Графъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Какъ же быть?.. Мнѣ самому читать за васъ всѣ дѣла и объяснять вамъ ихъ — я не имѣю на то ни времени ни желанія. (Входитъ лакей).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Ольга Петровна пріѣхала!

Графъ. Что?

Лакей. Ольга Петровна пріѣхала и говоритъ, что ей очень нужно васъ видѣть.

Графъ (подумавъ немного и обращаясь къ директорамъ). Дочь, господа, пріѣхала: прошу на время выйти! (Директора уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ и лакей, потомъ графъ одинъ

Графъ (лакею). Проси! (Лакей уходитъ). Нечего сказать — славный народъ!.. А отчего?.. Оттого, что ни одинъ изъ нихъ службы никогда настоящей не несъ! Я, бывало, адъютантомъ былъ, къ генералу своему идешь съ бумагою, дрожишь, что

занятой какой-нибудь не забылъ ли поставить, потому что у того нѣна у рта сейчасъ появится, и онъ мѣсяцъ за это съ гауптвахты не спуститъ, а имъ что! Онъ стоитъ передъ тобой да брелоками только погрызаетъ или несетъ чепуху въ родѣ этого непропеченаго калача московскаго—Мямлина.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ и Ольга Петровна.

Ольга Петровна (входя). Ты занятъ, папа?

Графъ. Да, пожинаю труды твоего супруга за время болѣзни моей и наслаждался ими.

Ольга Петровна. Что же такое мужъ мой сдѣлалъ за время твоей болѣзни?

Графъ. То, что насажалъ мнѣ такихъ умниковъ, съ которыми я не знаю, какъ и быть...

Ольга Петровна. Кого же это?

Графъ. Во-первыхъ, какого-то генерала Варнуху!

Ольга Петровна. Не какого-то, папа, а рекомендованнаго княземъ Михайлой Семенычемъ!.. Наконецъ, генералъ Варнуха получилъ такое ничтожное мѣсто, что объ этомъ, я полагаю, и говорить не стоитъ.

Графъ. Вмѣсто дѣльнаго и трудолюбиваго Вуланда выбралъ какого-то лѣнтяя восточнаго, князя Янтарнаго, и вдобавокъ еще злѣйшаго врага моего, который бранилъ меня на всѣхъ перекресткахъ.

Ольга Петровна. Ему затѣмъ, папа, и дали это мѣсто, чтобы онъ не кричалъ противъ тебя.

Графъ. А, такъ это вы обо мнѣ заботились!.. Какія, подумаешь, у меня добрыя и нѣжныя дѣти!

Ольга Петровна. Ты вотъ, папа, сердишься и разными пустяками тревожишь себя, а между тѣмъ я пріѣхала къ тебѣ по гораздо болѣе серьезному и непріятному дѣлу!

Графъ. У васъ съ супругомъ, кажется, только тѣ дѣла и серьезны, когда что до васъ касается.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, это и до тебя касается!.. Мужа призывалъ къ себѣ князь Михайла Семенычъ...

Графъ (насмѣшливо). Съ чемъ его и поздравляю.

Ольга Петровна. И говорилъ ему, что въ правительственныхъ сферахъ очень неблагопріятно смотрятъ, что ты и мужъ, то-есть тесть и зять, такъ близко служите другъ къ другу.

Графъ (тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ). Я говорилъ вамъ это еще прежде, предсказывалъ; а теперь и кушайте, что сами себѣ приготовили.

Ольга Петровна. Нельзя же, папа, чувствами владѣть и душить ихъ въ себѣ для сохраненія выгодъ по службѣ!.. Чувство дороже всего для человѣка!

Графъ. А когда дороже, такъ и наслаждайтесь имъ и уѣзжайте куда-нибудь въ Аркадію.

Ольга Петровна. Мы бы и уѣхали, но мужа не пускаютъ изъ службы.

Графъ. Кто жъ его можетъ не пустить?

Ольга Петровна. Не то что не пускаютъ прямо, а просятъ для спасенія самаго дѣла; потому что Вуландъ умеръ, новые директора неопытны, ты старъ и часто бываешь боленъ.

Графъ. Опять я!.. Но я просилъ бы васъ покорнѣйше оставить меня въ покоѣ: боленъ ли я, здоровъ ли, вамъ рѣшительно до этого нѣтъ никакого дѣла.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, мнѣ есть до этого дѣло и большое: твой докторъ прямо мнѣ сказалъ, что если ты такъ же усиленно будешь заниматься службой, какъ прежде занимался, такъ жизнь свою сократишь.

Графъ. Какой прозорливый докторъ, и какъ эти слова его должны тебѣ нравиться.

Ольга Петровна. Ты, папа, кажется, не хочешь понять ни чувства моего, изъ котораго я тебѣ это говорю, ни того, что я хочу тебѣ сказать.

Графъ. Къ несчастью, я все очень хорошо понимаю!.. Все!.. Тебѣ хочется спихнуть меня съ моего мѣста и посадить на него твоего мужа—вотъ что хочется тебѣ сдѣлать!

Ольга Петровна. Да, папа, я очень желаю, чтобы ты вышелъ въ отставку, и чтобы на твое мѣсто поступилъ мужъ.

Графъ (горько усмѣхнувшись). Откровенно сказано!

Ольга Петровна. Совершенно откровенно!.. Другая на моемъ мѣстѣ стала бы, можетъ-быть, хитрить, скрытничать.

Графъ. И знаешь: это гораздо было бы лучше!.. Гораздо!.. Есть такого рода откровенности, которыя требуютъ большой безсовѣстности, чтобы высказывать ихъ.

Ольга Петровна (нѣсколько смущенная этими словами). Только не передъ тобой, папа!.. Ты самъ добротой своей ко мнѣ пріучилъ меня быть совершенно откровенной съ тобою; и хоть тебѣ, можетъ-быть, и непріятно теперь выслушивать меня, но я все-таки хочу высказать еще нѣсколько моихъ резоновъ... (Графъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе). Я объясню все въ очень короткихъ словахъ: тебѣ и Алексѣю Николаичу нельзя вмѣстѣ служить, это уже рѣшено!.. Тебя, разумѣется, если ты самъ не пожелаешь того, не тронутъ: за тобой слишкомъ много заслугъ и ты слишкомъ много уважаемъ, чтобы тебя захотѣли

огорчить! Поэтому пострадаетъ тутъ бѣдный мужъ мой; ему дадутъ плохонькое мѣстечко или просто даже велятъ подать въ отставку, — словомъ, его карьера, такъ блистательно имъ начатая, будетъ подсѣчена въ корень. Мало того, мы будемъ обречены на бѣдность, потому что у Алексѣя Николаича ничего нѣтъ...

Графъ (перебивая дочь). А триста тысячъ, которыя онъ взялъ съ Калишинской компаніи?

Ольга Петровна. Алексѣй Николаичъ уже тебѣ говорилъ, куда ушли эти триста тысячъ, и если ты вздумаешь этими деньгами сдѣлать какой-нибудь вредъ мужу, то я буду требовать отъ тебя пять тысячъ душъ материнскаго состоянія, изъ котораго тебѣ слѣдовала только седьмая часть.

Графъ (въ ужасѣ и бѣшенствѣ). Какъ?.. седьмая часть?.. Какъ?.. Развѣ мать твоя дѣлила когда-нибудь свое состояніе со мной?.. Развѣ оно не принадлежало мнѣ такъ же, какъ и ей самой?.. Если я не взялъ у ней клочка бумаги, называемой духовнымъ завѣщаніемъ, такъ потому оно твое?..

Ольга Петровна. Да, потому оно и мое! Адвокаты прямо говорятъ, что если опекунъ растратилъ состояніе малолѣтней, такъ онъ долженъ возвратить его ей, а иначе его посадятъ въ тюрьму.

Графъ (въ окончательномъ бѣшенствѣ). Ольга, молчи!!! Дѣлай тамъ, что знаешь; но не смѣй мнѣ этого говорить въ глаза...

Ольга Петровна. И ты, папа, молчи о трехстахъ тысячъ!.. Если ты хочешь, чтобы я къ тебѣ была нѣжная и покорная дочь, будь и самъ ко мнѣ нѣжнымъ и нечнымъ отцомъ; служить тебѣ, я прямо теперь скажу, нѣтъ никакой цѣли: состоянія на службѣ ты уже не составишь, крестовъ и чиновъ получать не можешь, потому что они у тебя всѣ есть...

Графъ. Все высчитала! И забыла только одно, что я службѣ еще могу быть полезенъ; и пусть твой супругъ не думаетъ, что онъ тутъ нужнѣй меня: я его нужнѣй, и онъ пока еще выученикъ мой и щенокъ, котораго я выдрессировалъ!..

Ольга Петровна. Мужъ мой всегда это говорилъ и говоритъ, а ты посмотри, папа, что выходитъ изъ собственныхъ даже твоихъ словъ: положимъ, ты оттѣснишь мужа и прослужишь еще годъ, два, три, наконецъ утомишься и выйдешь въ отставку,—тогда на твое мѣсто выберутъ совершенно случайно человѣка, который тобою созданное дѣло сломаетъ и уничтожитъ, а съ дѣломъ твоимъ, папа, связано твое имя!.. Ты съ нимъ войдешь въ исторію, и одинъ только Алексѣй Николаичъ способенъ продолжать его въ томъ направленіи, въ какомъ ты ведешь его, потому что, какъ самъ ты говоришь, онъ человѣкъ твоихъ взглядовъ и убѣжденій.

Графъ. Ну, твой Алексѣй Николаичъ, я думаю, способенъ отказаться отъ всякаго рода взглядовъ и убѣжденій и сломать всякое дѣло, если это хоть на мизинецъ будетъ лично ему полезно!

Ольга Петровна. Гнѣвъ, папа, представляетъ тебѣ все въ иномъ видѣ! Впрочемъ, каковъ бы Алексѣй Николаичъ человѣкъ ни былъ, но онъ мужъ мой, а ты мнѣ, надѣюсь, не врагъ же совершенный! Наконецъ, если не для насъ обоихъ, то для твоего будущаго внука, котораго я ношу теперь подъ сердцемъ, ты долженъ желать устроить нашу участь.

Графъ (злобно усмѣхаясь). Даже тому, что ты будешь матерью, какъ говоришь теперь, я тебѣ не вѣрю: до того я въ васъ извѣрился!

Ольга Петровна. Я могу, папа, на эти оскорбленія твои отвѣчать только слезами!.. (Начинаетъ плакать).

Графъ. И не плачь, пожалуйста, при мнѣ!.. Слезамъ твоимъ я тоже не повѣрю и убѣжденъ, что онѣ притворныя.

Ольга Петровна. Говори, папа, все, что̀ хочешь! (Проходятъ нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Ольга Петровна тихо плачетъ, а графъ сидитъ, насупившись. Входитъ лакей).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Князь Михайла Семенычъ пріѣхалъ!

Графъ (взмахивая глазами на дочь). Это по вашему приглашенію, что ли?

Ольга Петровна (продолжая плакать). Нѣтъ, папа, я не могла приглашать его.

Графъ (лакею). Проси князя наверхъ. (Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графъ и Ольга Петровна.

Графъ (дочери). Я угадалъ, что у тебя слезы притворныя!.. Ты плакала, чтобы протянуть время и подождать, пока пріѣдетъ этотъ гость.

Ольга Петровна. Грѣхъ тебѣ, папа, такъ безжалостно оскорблять меня.

Графъ. Мнѣ же грѣхъ, ахъ, ты, негодяйка этакая! Они мнѣ съ супругомъ дѣлаютъ на каждомъ шагу козни и мерзости, а я и высказать того не смѣй — фу, ты, наглецы безстыжіе! (Порывисто встаетъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ольга Петровна одна; потомъ Янтарный и Мямлинъ; позже Шуберскій.

Ольга Петровна (сейчасъ же утираетъ слезы и, пріотворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, говоритъ директорамъ). Войдите сюда, господа!.. Графъ ушелъ наверхъ! (Входятъ князь Янтарный и Мямлинъ. Ольга Петровна, снова заглядывая въ двери) А вы, m-r Шуберскій, что же остались тамъ? (Шуберскій тоже входитъ. Ольга Петровна, обращаясь ко всѣмъ имъ) Вамъ, вѣроятно, графъ наговорилъ всѣмъ непріятностей?

Мямлинъ (поднимая значительно брови). Да еще какихъ-съ, надобно знать!

Князь Янтарный (гордо). Онъ себѣ позволилъ то мнѣ сказать, что я службу мою брошу, потому что я не привыкъ, чтобы начальники мои, кто бы они ни были, такъ обращались со мной.

Мямлинъ (кроткимъ голосомъ и разводя руками). А изъ меня такого дурака онъ представилъ, что я до сихъ поръ опомниться не могу!.. Еще одно такое объясненіе, и со мной ударъ нервный случится!.. (Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).

Ольга Петровна. Ужасно, какой старикъ невыносимый сталъ! На Алексѣя Николаича онъ тоже взбѣшенъ до послѣдней степени, и чѣмъ кончится эта ссора, я еще не знаю, тѣмъ больше, что къ папа теперь пріѣхалъ князь Михайла Семенычъ.

Оба директора (почти съ испугомъ). Пріѣхалъ!.. Зачѣмъ?..

Ольга Петровна. Не знаю собственно, зачѣмъ; но ожидаю, что отецъ, подъ вліяніемъ досады на Алексѣя Николаича, наскажетъ на него князю.

Мямлинъ (съ одушевленіемъ). А я князю наскажу на самого графа, вотъ что-съ!

Ольга Петровна. И объясните князю, что отецъ главнымъ образомъ за то сердится на мужа, что вотъ онъ и я тогда очень хлопотали, чтобы васъ опредѣлили на ваше теперешнее мѣсто!

Мямлинъ. И то скажу-съ, доложу ему.

Ольга Петровна (обращаясь къ Янтарному). За ваше назначеніе графъ тоже бѣсится на мужа. «Какимъ образомъ, говоритъ, опредѣлить ко мнѣ на службу злѣйшаго врага моего, который злословилъ меня на каждомъ шагу?».

Князь Янтарный. Я и теперь буду злословить графа, въ этомъ случаѣ, pardon, madame, но графъ своимъ обращеніемъ самъ вызываетъ это и дѣлаетъ себѣ изъ всѣхъ враговъ.

Ольга Петровна. Совершенно понимаю это и извиняю вполнѣ! (Обращаясь къ Шуберскому) А васъ, m-r Шуберскій, зачѣмъ собственно графъ призывалъ?

Шуберскій (съ горькой усмѣшкой). Чтобы велѣть подать въ отставку.

Ольга Петровна. Это ужасно!.. Вотъ теперь вы и видите, кто васъ преслѣдуетъ: мужъ или графъ.

Шуберскій. Теперь, конечно, вижу.

Ольга Петровна. То же самое и въ другихъ случаяхъ, и даже это Калишинское дѣло, какъ оно происходило, — я не знаю; но знаю только одно, что мужъ мой тутъ чистъ... какъ ангелъ, и что если страдаетъ за что, такъ за свою преданность къ лицамъ, которыя повыше его стояли, и вы ужъ, пожалуйста, заступитесь за него въ печати, если его очень опять тамъ злословить будутъ.

Шуберскій. Это будетъ священной обязанностью для меня, потому что я такъ въ этомъ отношеніи виноватъ предъ Алексѣемъ Николаичемъ, что, конечно, долженъ употребить все, чтобы загладить передъ нимъ вину свою.

Ольга Петровна. А вы давно занимаетесь литературой? Давно получили призваніе къ ней?

Шуберскій. Съ дѣтскихъ почти лѣтъ.

Ольга Петровна. Какъ это пріятно! Все-таки это творчество, поэзія, а не сухая служебная проза!.. Однако, я слышу, графъ идетъ! Уйдите, господа! (Князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій поспѣшно уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Ольга Петровна и графъ.

Графъ (съ прежней злобной усмѣшкой и низко кланяясь дочери). Поздравляю васъ: супругъ вашъ назначается на мое мѣсто...

Ольга Петровна (бросаясь-было къ отцу на шею). Мегсі, папа!

Графъ (отстраняясь). Не благодари!.. Не я вамъ устроилъ это, а вы сами!.. И я желалъ бы только спросить твоего мужа, что неужели въ его гадкой и черствой душонкѣ за все, что я сдѣлалъ для него, не накопилось настолько благодарности ко мнѣ, чтобы не ѣздить по городу и не сочинять, что будто бы онъ всегда все дѣлалъ за меня, и что теперь я сумасшедшій даже! Если ужъ ему такъ хотѣлось этого проклятаго мѣста моего, такъ лучше бы онъ пришелъ и поклонился мнѣ, я уступилъ бы ему его и по крайней мѣрѣ не считалъ бы его тогда подлецомъ совершеннымъ.

Ольга Петровна. Мы для тебя же, папа, желали, чтобы ты вышелъ въ отставку и успокоился.

Графъ. Ничего вы мнѣ не желали!.. Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!.. Что ты всегда была волчицей честолюбивой, это видѣлъ я съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; но его я любилъ и думалъ, что онъ меня любитъ! На прощанье я могу вамъ пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, похожая душою на тебя, а онъ отогрѣетъ за пазухой у себя такого же змѣеныша - чиновника, какого я въ немъ отогрѣлъ; тогда вы, можетъ-быть, поймете, что я теперь чувствую! (Быстро поворачивается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ольга Петровна одна, потомъ Андашевскій; позже князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій, и наконецъ графъ.

Ольга Петровна (одна и усмѣхаясь). Сердись теперь, пожалуй, сколько хочешь... Дѣло жъ сдѣлано!.. Ѣхать поскорѣе къ мужу и обрадовать его! (Идетъ, но въ дверяхъ встрѣчается съ Андашевскимъ). Ты пріѣхалъ?

Андашевскій. Да!.. Я тутъ у подъѣзда дожидался и сейчасъ встрѣтилъ князя Михайлу Семеныча: онъ говоритъ, что я буду назначенъ.

Ольга Петровна. Непремѣнно будешь назначенъ!

Андашевскій (беря себя за голову). Господи, что же это такое!.. Я заплачу!

Ольга Петровна. Заплачь!.. ничего!.. тебѣ легче послѣ того будетъ. (Андашевскій начинаетъ утирать выступившія у него на глазахъ слезы; у Ольги Петровны тоже глаза наполняются слезами).

Андашевскій (съ чувствомъ). Князь сказалъ, что старикъ самъ даже желалъ оставить это мѣсто и передать его мнѣ.

Ольга Петровна. Хорошо желалъ! Ты послушалъ бы, какими онъ именами насъ обоихъ тутъ называлъ, такъ что я солгала даже ему, что буду требовать у него материнскаго состоянія. Впрочемъ, Богъ съ нимъ... Скажи лучше, кого ты думаешь взять на твое мѣсто?

Андашевскій (нѣсколько задумавшись). Конечно, князя Янтарнаго!.. Во-первыхъ, у него связи огромныя, а во-вторыхъ, онъ самъ не опасенъ: не подшибетъ никогда!

Ольга Петровна. А на мѣсто Янтарнаго кого ты назначишь?

Андашевскій. Право, ужъ не знаю!

Ольга Петровна. Назначь Шуберскаго: онъ въ печати имѣетъ значеніе!.. Не мѣшаетъ и въ этой сферѣ имѣть преданнаго человѣка.

Андашевскій. Мысль недурная!

Ольга Петровна. А теперь позови ихъ скорѣе и объяви имъ о твоемъ назначеніи: они очень рады будутъ этому.

Андашевскій. Сейчасъ позову! (Пріотворяя дверь) Пожалуйте сюда, господа! (Къ вошедшимъ) Графъ оставляетъ службу...

Всѣ въ одинъ голосъ. Кто жъ на мѣсто его?

Андашевскій (съ нѣкоторымъ трепетомъ въ голосѣ). Я, кажется, назначаюсь!

Мямлинъ (благоговѣйно складывая руки и возводя глаза къ небу). Господи, благодарю Тебя за то!

Князь Янтарный (грустнымъ тономъ). Настоящее мѣсто ваше поэтому дѣлается вакантнымъ?

Андашевскій. Да; если это случится... и въ такомъ случаѣ я буду имѣть честь васъ пригласить на него, а теперь все-таки позвольте мнѣ, какъ будущаго моего помощника, обнять васъ...

Князь Янтарный. О, благодарю васъ! (Оба обнимаются и цѣлуются).

Андашевскій (Мямлину). А васъ, дастъ Богъ, въ новомъ году мы полѣчимъ отъ вашей болѣзни аннинской лентою!

Мямлинъ. Излѣчусь этимъ, совершенно излѣчусь!

Андашевскій (Шуберскому). Вамъ, господинъ Шуберскій, я тоже бы желалъ предложить мѣсто Георгія Ираклича, когда оно освободится, если только это не повредитъ вашимъ литературнымъ занятіямъ.

Шуберскій (задыхающимся отъ радости голосомъ). Нисколько-съ это не повредитъ!

Мямлинъ. Директоръ отличный онъ будетъ и похваливать насъ иногда въ газетахъ станетъ.

Шуберскій. Въ отношеніи товарищей я ужъ, конечно, ничего другого не могу написать.

Андашевскій. Кабинетъ такимъ образомъ составленъ! (Берется за свою пляну; тому же примѣру слѣдуютъ и всѣ прочіе; Андашевскій начинаетъ даже при этомъ насвистывать одну изъ арій; Ольга Петровна весело натягиваетъ свои перчатки; физіономіи директоровъ сіяютъ удовольствіемъ; вдругъ въ дверяхъ изъ заднихъ комнатъ показывается графъ Зыровъ).

Графъ (дѣлая довольно повелительный жестъ рукою). Прошу васъ, господа, пріостановиться на минуту и не расходиться! (Всѣ останавливаются, графъ выходитъ на авансцену; выраженіе лица его печальное и серьезное. Графъ начинаетъ медленно и довольно протяжно говорить) Я сейчасъ получилъ письмо отъ князя Михайлы Семеныча, которое и имѣю честь предъявить вамъ! (Подноситъ держимое имъ въ рукѣ письмо къ глазамъ своимъ и читаетъ его) «Любезный графъ! поздравляю васъ кавалеромъ ордена бриліантовыхъ знаковъ и съ пожалованіемъ вамъ аренды въ пять тысячъ рублей серебромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу васъ увѣдомить, что на ваше мѣсто назначенъ тайный совѣтникъ Яковъ Васильичъ Карга-Короваевъ!»

Занавѣсъ падаетъ.

ПТЕНЦЫ ПОСЛѢДНЯГО СЛЕТА.

Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

(Продолженіе трагедіи: „Бывые соколы“).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Борисъ Евграфовичъ Бакреевъ, директоръ нѣсколькихъ акціонерныхъ обществъ.
Елена Григорьевна, жена его, молодая дама.
Николай Петровичъ Сашанскій, попрежнему оберъ-секретарь сената, очень растолстѣлъ и совсѣмъ плѣшивый.
Софья Евграфовна, дама не первой молодости, съ лицомъ красивымъ, но нѣсколько сердитымъ.
Маша, ихъ дочь, 16 лѣтъ, учится въ пансіонѣ.
Мишель Крапивкинъ, пріемышъ Сашанскихъ, вольный слушатель университета.
Владиславъ Казимирычъ Панкревичъ, адъютантъ генеральскій.
Пехинъ, повѣренный Бакреева.
Михѣевъ, приказчикъ купца Колодкина.
Ерастъ Тимоѳеичъ Богомоловъ, бывшій студентъ московскаго университета, а теперь провинціальный актеръ, говоритъ больше тирадами изъ разныхъ пьесъ и изъ священнаго писанія; вообще немножко помѣшанный и сильный пьяница.
Ангелика, старица, совсѣмъ помѣшанная.
Анна Ѳаддеевна, содержательница подвальныхъ квартиръ.
Дѣвка Татьяна.
Квартальный.
Добросовѣстный.
Полицейскій унтеръ-офицеръ.
Горничная.

Дѣйствіе въ Москвѣ въ 1862 году.

ДѢЙСТВІЕ I.

Угольная комната въ домѣ Сашанскихъ; на одной сторонѣ рабочій столъ Софьи Евграфовны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья Евграфовна съ печальнымъ и недовольнымъ лицомъ сидитъ на диванѣ и работаетъ. Панкревичъ сидитъ, нѣсколько развалясь, на креслѣ.

Панкревичъ. Не понимаю я...

Софья Евграфовна. А я понимаю... Она женщина богатая, женщина свѣта, а я что же?.. Я могла дать вамъ одно чувство, а къ чему оно?

Панкревичъ. Чувство, я думаю, дороже всего!

Софья Евграфовна. Не для мужчинъ только, а тѣмъ болѣе не для васъ.

Панкревичъ (полунасмѣшливо). Какое разочарованіе во всѣхъ!

Софья Евграфовна (съ удареніемъ). Имѣю на него право,— имѣю! Разъ ошиблась въ человѣкѣ, которому всю жизнь отдала; ошиблась потомъ и другой разъ!.. Что жъ?.. ничего... проглочу и это новое разочарованіе.

Панкревичъ. Но изъ чего жъ вы видите это разочарованіе?

Софья Евграфовна. Изъ всего!.. Я не дура и не слѣпая... все онъ то занятъ своими важными дѣлами цѣлые дни, то постоянный посѣтитель баловъ, театровъ; словомъ, проводитъ время вездѣ, гдѣ бываетъ она и гдѣ не могу быть я

Панкревичъ. Я театръ всегда любилъ.

Софья Евграфовна. Было время, когда вы другое любили, другое доставляло вамъ блаженство! (Грустно, насмѣшливымъ голосомъ) Главное, что за мое чувство я стала какой-то позорной женщиной, которую не уважаютъ, презираютъ! (На глазахъ у ней показываются слезы).

Панкревичъ (вставая и выпрямляясь). Adieu, madame!

Софья Евграфовна (вся вспыхнувъ). Это лучше, милѣе всего—въ такую минуту уходить!

Панкревичъ. Я не люблю слушать напрасныхъ обвиненій.

Софья Евграфовна. Панкревичъ, если вы хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, вы не должны говорить, что это напрасныя обвиненія!.. Куда вы теперь идете? куда спѣшите?

Панкревичъ. Мало ли куда мнѣ нужно.

Софья Евграфовна. Ну и ступайте, если сказать не хотите!

Панкревичъ. Я то и дѣлаю!.. Мой низкій поклонъ, madame! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья Евграфовна (одна, съ отчаяніемъ опуская руки). Онъ, кажется, смѣется ужъ надо мною прямо въ глаза!.. Есть же предѣлъ человѣческому терпѣнію!.. Когда я узнала въ первый разъ про измѣну мужа, я въ минуту вырвала всякое чувство къ нему, а въ отношеніи этого господина до какого униженія я дошла!.. Но что ужаснѣе всего: подозрѣвать и не подозрѣвать, вѣрить и не вѣрить!.. Завтра же поѣду къ этой госпожѣ; змѣей войду къ ней въ душу и вывѣдаю у нея... (Прислушиваясь) Тамъ кто-то идетъ!.. О, несносность! Должна улыбаться, говорить, какъ и другіе говорятъ, когда тутъ вотъ тебя давитъ, душитъ! (Показываетъ на горло).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Мишель Крапивкинъ и идетъ на другую сторону сцены. Софья Евграфовна принимается за свою работу и нѣсколько овладѣваетъ собой.

Мишель (оставаясь попрежнему на другой сторонѣ сцены). Я сейчасъ въ пансіонъ къ Машѣ заходилъ; она просила прислать за ней.

Софья Евграфовна. Пошлю... Ты зачѣмъ же въ пансіонъ заходилъ?

Мишель. Нужно было... Товарищъ одинъ просилъ сестрѣ книгу занести.

Софья Евграфовна. Ты въ университетѣ, значитъ, былъ?

Мишель (потупляя глаза). Нѣтъ, я ужъ не хожу больше въ университетъ.

Софья Евграфовна (обращаясь къ нему съ удивленіемъ). Стало-быть, ты и экзаменъ не будешь держать?.. Еще на годъ вольнымъ слушателемъ останешься?

Мишель. Я изъ вольныхъ слушателей выхожу; мнѣ никогда не выдержать экзамена!

Софья Евграфовна (еще съ бо́льшимъ удивленіемъ). Что за вздоръ! Умный человѣкъ и не выдержать ему?.. не хочешь только.

Мишель. Не приготовленъ я очень!.. Въ гимназію, чортъ знаетъ, отдали 15 лѣтъ: собачонкой вѣдь я сначала у васъ въ домѣ росъ, а не человѣкомъ!

Софья Евграфовна (немного покраснѣвъ). Вовсе нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, ты въ этомъ долженъ винить Николая Петровича одного: сколько разъ я ему говорила, чтобы не держалъ тебя дома.

Мишель. Бумагъ моихъ онъ все не могъ выхлопотать,—

въ метрику я записанъ не былъ... Все одно ужъ къ одному собралось... Потомъ эта глупая исторія вышла—выгнали изъ гимназіи.

Софья Евграфовна. Но въ этомъ ты рѣшительно самъ ужъ виноватъ, потому что, какъ хочешь, нагрубить директору, толкнуть надзирателя, прибить солдата...

Мишель. Что же мнѣ дѣлать, если я не могу переносить, какъ другіе переносятъ! Я самъ знаю, что у меня характеръ скверный.

Софья Евграфовна. Надобно сдерживать себя.

Мишель. Да я и сдерживаю, сколько могу, но вспыльчивъ я очень; иногда отъ самыхъ пустяковъ такая злость одолѣваетъ, что убѣгу въ свою комнату, лягу, да себя головой объ кровать и колочу... Помните, какъ этотъ татаринъ у Лермонтова, когда украли у него лошадь: упалъ на землю и грызетъ ее.

Софья Евграфовна (съ улыбкой). Южный ты человѣкъ, значитъ!

Мишель. Должно-быть... (Взглянувъ на дверь) Дядя Николай, кажется, подъѣхалъ! Это онъ изъ акціонернаго собранія?

Софья Евграфовна (сухо). Вѣроятно!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Сашанскій.

Сашанскій (входя). Фу, усталъ! (Мишѣ) Здравствуй, Миша! (Пожимаетъ ему руку; къ женѣ) Ну-съ, и вы ручку...

Софья Евграфовна (нехотя давая ему руку). Э, перестань съ нѣжностями!

Сашанскій. И сегодня, значитъ, по-вчерашнему не въ духѣ?

Софья Евграфовна. Ну да, и сегодня... Кончилось собраніе?

Сашанскій. Кончилось.

Софья Евграфовна. Гдѣ оно было: у брата на квартирѣ, или въ правленіи?

Сашанскій. У него въ угловой залѣ. Только я схожу съ лѣсницы, Панкревичъ катитъ; заболталъ; сейчасъ отъ тебя поклонъ привезъ.

Софья Евграфовна (съ блеснувшей молніей въ глазахъ). Стало-быть, онъ будетъ обѣдать у Бакреевыхъ?

Сашанскій (простодушнымъ голосомъ). Должно-быть... Столъ ужъ у нихъ, я видѣлъ, накрытъ. Самъ Борисъ Евграфычъ не обѣдаетъ дома,—ѣдетъ съ другими директорами въ клубъ.

(У Софьи Евграфовны опять на глазахъ слезы навертываются).

Сашанскій (смотря на нее). Смотри, у тебя опять слезы на глазахъ; что это, твоя обыкновенная истерика, что ли, съ тобой?

Софья Евграфовна. Истерика... (Овладѣвъ собой) Чѣмъ же порѣшили?

Сашанскій. Да чѣмъ? Одинъ вѣдь у насъ ораторъ и распорядитель, — Борисъ Евграфычъ рѣшилъ ликвидировать дѣло... рублей по двадцати, можетъ-быть, достанется на акцію.

Софья Евграфовна. Славно!..

Сашанскій. Какое ужъ славно!.. До сихъ поръ я опомниться еще не могу.

Софья Евграфовна (смотря мужу въ глаза). Чѣмъ же мы жить теперь будемъ?

Сашанскій (пожимая плечами). Богъ знаетъ!.. Я тогда говорилъ—не брать; а ты: купи да купи акцій, братъ—геніальный человѣкъ.

Софья Евграфовна (съ вспыхнувшимъ и гнѣвнымъ взглядомъ). Кабы ты былъ настоящій мужчина, я бы не смѣла и пикнуть потребовать этого. Я женщина—и не могу всего этого понимать.

Сашанскій. Запретишь тебѣ что-нибудь требовать: бакреевскаго, матушка, рода—не переговоришь васъ!

Софья Евграфовна. Ну да, бакреевскаго!.. У каждаго Бакреева въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у всѣхъ Сашанскихъ.

Сашанскій. Это еще Богъ знаетъ,—неизвѣстно еще.

Софья Евграфовна. Нѣтъ, извѣстно!.. Вонъ братъ, я убѣждена, какой бы поворотъ въ его жизни ни былъ, онъ всегда поправится, и жена его всегда останется въ томъ кругу, къ которому принадлежала съ дѣтства.

Сашанскій (разводя руками). Ну и Богъ съ ней!.. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?

Софья Евграфовна. А тѣмъ, что я сама родилась и выросла, ѣздивши въ каретѣ... и умереть такъ была должна; а по милости твоей хожу пѣшкомъ. Двадцать лѣтъ оберъ-секретаремъ служитъ, хоть бы какое-нибудь повышеніе получилъ, а неглупымъ и образованнымъ человѣкомъ себя считаетъ.

Сашанскій. Какъ вы хотите, меня считайте: умнымъ или глупымъ,—мнѣ все равно!

Софья Евграфовна. Да мнѣ не все равно!.. Онъ думаетъ, какъ и онъ, никто не долженъ ничего ни думать ни чувствовать.

Сашанскій. Ну и не буду ни думать ни чувствовать, и вамъ меня не переучить!

Софья Евграфовна (вставая). Не учить я тебя буду,—надоѣло ужъ мнѣ это; а я завтра же пойду и возьму у брата деньги мои и пяти минутъ съ тобой не останусь,—пяти минутъ!..

Сашанскій (раскланиваясь передъ женой). На всѣ четыре стороны, на всѣ...

Софья Евграфовна. Въ голову даже ударило отъ этакихъ милыхъ разговоровъ. (Идетъ къ двери своей комнаты).

Мишель (вслѣдъ ей торопливо). Какъ же за Машей, когда прикажете послать?

Софья Евграфовна. Сейчасъ пошлю! (Уходя) Заѣлъ вѣкъ, молодость, растратилъ состояніе, и терпи все отъ него!

Сашанскій (сильно крикливымъ голосомъ въ тѣ двери, въ которыя ушла Софья Евграфовна). Не я растратилъ ваше состояніе, а братъ вашъ —вотъ что-съ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Сашанскій и Мишель.

Сашанскій (выходя на авансцену и нѣсколько успокоившись). Характерецъ, нечего сказать!

Мишель (насмѣшливо). Бобелина, греческая героиня!

Сашанскій. Удивительная, братецъ, вещь! Всегда въ ней этотъ бакреевскій душокъ былъ, а ужъ послѣднее время ни на что не похожа... какъ тигрица какая,—на всѣхъ такъ и мечется! Маша теперь у насъ единственная дочь, отдала ее въ пансіонъ,—зачѣмъ?..—чтобы не видѣли, какая у ней дочь взрослая. Теперь эта ея ненависть и зависть къ женѣ Бориса Евграфыча: какое у той платье, такое и ей надобно; гдѣ та бываетъ, тамъ и она быть должна.

Мишель (насмѣшливо). Да, соревнуютъ сильно!

Сашанскій. Но зачѣмъ и изъ чего это соревнованіе? Угоняемся ли за всѣми?

Мишель (тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ). Видно, есть причина. (Серьезно) Послушайте, я сегодня заходилъ къ Ангеликѣ...

Сашанскій. Это хорошо!.. Обрадовалась, я думаю!

Мишель. Ужасно!.. Обнимала, цѣловала, плакала о чемъ-то,—совершенно помѣшанная, скучно даже! Между прочимъ, она мнѣ сказала, что у меня деньги есть, тысячъ пятнадцать тамъ или больше, и что онѣ у васъ, что ли, на храненіи находятся.

Сашанскій. Онѣ вонъ тамъ же, въ этихъ акціяхъ, у Бориса Евграфыча!

Мишель. Кто же позволилъ деньги мои отдавать на чортъ знаетъ какія акціи?

Сашанскій. Сама Ангелика и потребовала того.

Мишель. Стало-быть, эти деньги ея?.. Какимъ же образомъ онѣ ко мнѣ идутъ?

Сашанскій (еще больше сконфузясь). А вотъ видишь, когда ты спротой былъ взятъ, она въ это время въ монастырь шла и предназначила всѣ деньги, которыя ей слѣдуютъ, тебѣ; а послѣ, по просьбѣ брата, и перевела ихъ всѣ на акціи его.

Мишель (мрачно и въ сторону). Я ихъ получу съ этого господина... деньги мнѣ теперь самому нужны. (Сашанскому) Теперь-съ второе: я давно хотѣлъ, и наконецъ нужно мнѣ васъ спросить—кто я такой, какого рода сирота?

Сашанскій (усмѣхаясь сконфуженнымъ смѣхомъ). Да такъ, просто сирота!

Мишель. Такъ на свѣтѣ ничего не бываетъ. Если бы я былъ просто какой-нибудь уличный сирота, съ какой стати вамъ меня брать, кормить, учить?

Сашанскій. А потому... (Смѣется и не договариваетъ).

Мишель. Что потому?

Сашанскій (разводя руками). Потому, что ты сынъ мой!

Мишель (отступая отъ него). Какъ же это васъ угораздило родить меня?

Сашанскій. Да такъ — грѣхъ молодости!..

Мишель (мрачно и потирая голову). Кто же мать моя была?

Сашанскій. Что, Богъ съ ней!.. Что тревожить ея память!

Мишель. Чѣмъ же тревожить?.. Я незаконность моего рожденія никакъ не поставлю ей въ обвиненіе, или наконецъ, если она изъ какого-нибудь простого званія — и того стыдиться не стану; а напротивъ, можетъ-быть, гордиться даже этимъ буду.

Сашанскій (отворачиваясь отъ него). Что, братецъ, нѣтъ, не скажу!

Мишель. А я такъ, знаете ли, что вамъ скажу, что вы говорите неправду: я не вашъ сынъ, я въ каждой фибрѣ моей чувствую, что не родня даже вамъ... я скорѣе похожъ на вашу жену! (Неспокойнымъ голосомъ) Можетъ-быть, я ея незаконнорожденный сынъ до брака?

Сашанскій. Ой, Господи, что это!.. Какъ возможно? Развѣ я женился бы на такой дѣвушкѣ?..

Мишель. Очень радъ, если это не такъ. Кто же мой отецъ?.. Съ вашей стороны наконецъ подло скрывать отъ человѣка его происхожденіе!

Сашанскій. Да вѣдь кабы отъ меня зависѣло!.. А ты дашь ли слово — никому не болтать и не сказывать?

Мишель. Зачѣмъ болтать!.. Кто же онъ?

Сашанскій. Старикъ Бакреевъ... Евграфъ Осипычъ... Вотъ, все тебѣ сказалъ!

Мишель (снова отступая отъ него и весь поблѣднѣвъ). Дѣдушка Маши, отецъ Софьи Евграфовны?..

Сашанскій. Онъ, да!

Мишель (совершенно растерявшимся голосомъ). Вотъ тебѣ разъ!.. Это чортъ знаетъ что такое!

Сашанскій. Да вѣдь что жъ!.. Мало ли на свѣтѣ незаконныхъ дѣтей!..

Мишель (попрежнему разстроеннымъ и уже озлобленнымъ тономъ). Мнѣ бы лучше было, если бы звѣрь какой-нибудь дикій былъ моимъ отцомъ, самый страшный каторжный преступникъ!

Сашанскій (успокаивая его). Что же ужъ противъ старика такое предубѣжденіе!.. Конечно, онъ человѣкъ былъ строптивый, но умный, ухъ какой!..

Мишель (не слушая его и тѣмъ же озлобленнымъ тономъ). А кто же мать моя?

Сашанскій. Ну, этого я не знаю рѣшительно!

Мишель. Нѣтъ—и то неправда; вы знаете и должны мнѣ сказать.

Сашанскій. Ни за что на свѣтѣ!.. Поди, отъ кого хочешь узнавай, только не отъ меня! (Идетъ къ дверямъ).

Мишель (слѣдуя за нимъ). Я опять вамъ повторяю, что это подло наконецъ, глупо.

Сашанскій. Ни за что! (Проворно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мишель (одинъ). Дуракъ!.. Ужасная вещь однако разыгралась! (Мрачно задумывается). Теперь Машу за меня законнымъ порядкомъ никакъ не выдадутъ — и думать нечего... узы крови, родство, церковь, совѣсть... Мало ли у нихъ этой дребедени въ головахъ набито!.. Значитъ, надо взять силой!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тотъ же и Маша, шестнадцатилѣтняя хорошенькая собой дѣвушка, но довольно блѣдная и худая.

Маша (проворно входя). Мать, вѣроятно, къ себѣ ушла въ комнату? (Къ Мишелю) Здравствуй еще! (Цѣлуются).

Мишель. Знаешь, какія двѣ новости?

Маша. Ну?

Мишель. Я заходилъ къ Анжеликѣ; денегъ она мнѣ не дала, — у ней нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ни копейки; но она другое мнѣ сказала: расплакалась и говоритъ, что у меня собственныхъ моихъ пятнадцать тысячъ серебромъ есть въ распоряженіи у твоего отца.

Маша. Пятнадцать!.. Но откуда же у тебя такія деньги?

Мишель. Анжелика, говорятъ, сама и подарила мнѣ ихъ когда меня взяли Сашанскіе.

Маша. Какая она славная!

Мишель. Отличнѣйшая женщина! Я ее ужасно люблю, хоть она и странная немножко. Теперь вторая новость: ты знаешь, кто я, чей сынъ?

(Маша отрицательно качаетъ головой).

Мишель. Старика Бакреева, отца Софьи Евграфовны, дѣда твоего; я дядя, значитъ, тебѣ.

Маша (испуганнымъ и удивленнымъ тономъ). Какъ же это?

Мишель. А такъ же!.. На бракъ, значитъ, нашъ съ тобой родители твои никакъ не согласятся.

Маша. Какой ужъ бракъ! Это и грѣхъ ужасный!

Мишель. Грѣха тутъ нѣтъ, — это вздоръ! Въ католической религіи дяди безпрестанно на племянницахъ женятся.

Маша. Ты думаешь, отецъ и мать такъ и взглянутъ на это?

Мишель. Ну, если не взглянутъ на это такъ, и чортъ ихъ дери!

Маша. Какъ же ты разсуждаешь такъ? Начальница, еще отпуская меня сюда, говорила: «Пусть родители ваши, если не хотятъ огласки, сейчасъ же возьмутъ васъ изъ пансіона».

Мишель. Все бы это ничего, если бы деньги были налицо, а то ими подлѣйшимъ образомъ распорядились: взяли и набрали на нихъ акцій Бориса Евграфыча.

Маша. Вотъ хорошо!.. Онъ, говорятъ, ужасно нечестенъ на деньги. Папаша съ мамашей часто объ этомъ разговариваютъ.

Мишель. Со мной, я думаю, онъ будетъ честенъ; я буду поступать съ нимъ рѣшительно, потому что въ этомъ поставлю вопросъ моей жизни и смерти, а потомъ ты скажешь матери: согласится она на нашъ бракъ — прекрасно, а нѣтъ, такъ уѣдемъ отъ нихъ.

Маша. Уѣхать, да... я чувствую, что у меня непремѣнно это есть, чего мы съ тобой опасались...

Мишель. Знаю я... и это больше всего приводитъ меня въ отчаяніе.

Горничная (входитъ къ Машѣ). Маменька проситъ васъ къ себѣ.

Маша. Сейчасъ! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мишель (одинъ и съ прежнимъ мрачнымъ выраженіемъ). Денегъ теперь, главное, денегъ надо добывать!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ домѣ Бакреевыхъ съ зеркалами, бронзой, съ мебелью палисандроваго дерева, съ штофной драпировкой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ: Пехринъ, полуплѣшивый, съ лукавымъ выраженіемъ въ лицѣ, весьма чисто одѣтый и говорящій тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, и Михѣевъ, въ длинноломъ сюртукѣ, съ примазанной головой и съ картузомъ въ рукахъ. Михѣевъ какъ бы преслѣдуетъ Пехрина.

Пехринъ (уклончиво). Борисъ Евграфычъ дѣлами занятъ и никакъ не можетъ васъ принять.

Михѣевъ (назойливо). Хозяинъ прислалъ, такъ какъ больше мѣсяца ужъ срокъ векселю вышелъ.

Пехринъ (еще болѣе уклончиво). Знаемъ это очень хорошо: но что жъ дѣлать? У насъ теперь эта ликвидація идетъ. Потрудитесь его продать на биржѣ.

Михѣевъ (растопыривая руки). Никакой ему цѣны тамъ нѣтъ... Хозяинъ говоритъ: «что жъ, говоритъ, неудовольствія же намъ изъ-за того имѣть... Ты поди, говоритъ, доложи».

Пехринъ. Зачѣмъ неудовольствія?.. Я передамъ все Борису Евграфычу.

Михѣевъ (продолжая свое). «Не кормовыя же, говоритъ, представлять мнѣ на него».

Пехринъ. Разумѣется, зачѣмъ это?.

Михѣевъ. У насъ воинъ у самихъ, Матерь Божія, завтра пятьдесятъ тысячъ впосу въ казну.

Пехринъ. Вѣримъ, — что мудренаго.

(Нѣсколько времени оба какъ-то глупо молчатъ и только смотрятъ другъ на друга).

Михѣевъ. Такая пынче маята съ деньгами — бѣда!

Пехринъ. Бѣда!.. Маята!..

Михѣевъ (какъ бы не солоно хлебалъ). Прощайте, значитъ!

Пехринъ. Прощайте, почтеннѣйшій! (Почти почтительно провожаетъ его до двери).

ЯВЛЕНІЕ II.

Пехринъ (одинъ, возвращаясь на авансцену). Ушелъ, прахъ его возьми!.. Дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла!.. Прошли, видно, наши блаженныя откупныя времена!.. Вспомнишь, Господи, съ одной Имбры и Сендобы я Борису Евграфычу этихъ кабацкихъ денегъ своими руками переносилъ въ три года до

шестисотъ тысячъ!.. Кажется, довольно бы человѣку остановиться на томъ!.. Нѣтъ, гордость наша велика... коммерческимъ человѣкомъ, геніемъ себя вообразилъ... давай новыя предпріятія заводить, — до пятка теперь однихъ акціонерныхъ компаній имѣемъ, и ни въ одной изъ нихъ въ кассѣ ни копейки, потому что не то, чтобы человѣкъ брался за какое-нибудь дѣло, въ которое самъ уже очень впалъ, а такъ: и то хорошо и другое... Услыхали, что въ Черкаскѣ коровы дешевы, — будемъ ихъ скупать, бить и за границу возить: но— слава Богу, всѣ дома подчинили!.. Пошло-было сахарное дѣло выгодно, — всѣ на него кинулись и подрѣзали другъ друга!.. Винные заводчики — теперь тоже: здоровъ бы, кажется, и любитъ русскій человѣкъ выпить, а и того одолѣли, — понадѣлали столько спирту, что хоть на землю выливай!.. Если бы теперь кто-нибудь на крылѣ птицы могъ подняться надъ одной Москвою и посмотрѣть бы, что въ ней насчетъ торговли дѣлается, — ничего бы настоящаго и хорошаго не увидалъ: купцы-милліонеры въ ростовщичество пустились; самому-то стыдно, такъ черезъ любовницъ; за два, за три процентика въ мѣсяцъ отдаютъ капиталецъ!.. про Гостиный дворъ и говорить нечего: онъ еще съ Іоанна Грознаго на одной плутнѣ велъ дѣла; а у дворянъ-коммерсантовъ одно только, такъ сказать, бахвальство... Моего, теперича, господина въ двухъ милліонахъ оборота считаютъ, а я вотъ теперь другую недѣлю бѣгаю и пяти тысячъ ищу, — никто гроша не вѣритъ. Про это новое взысканіе не знаю, какъ и докладывать ему,—чѣмъ станетъ платить?..

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ Бакреевъ съ Панкревичемъ.

Панкревичъ (съ нѣсколько подобострастной миной и позой). Я пріѣхалъ ранѣе... Думаю, можетъ-быть, все-таки вы пожелаете видѣться.

Бакреевъ. Это ничего... Всегда вамъ очень рады... Женѣ надобно сказать... (Пехрину) Сходите и попросите сюда Елену Григорьевну.

(Пехринъ уходитъ).

Бакреевъ. Признаюсь, меня покоробило это извѣстіе!.. Прежде, въ молодости, я былъ нѣжный, страстный братъ, преданный сынъ; но эта россійская помѣщичья семья, со всѣми своими прелестями, оттолкнула меня наконецъ; а теперь опять приходится испытывать подобныя радости.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Елена Григорьевна, разодѣтая, вся въ буклях, съ красивыми, но какъ бы нѣсколько помѣшанными глазами.

Елена Григорьевна. Здравствуй, Борисъ! (Цѣлуется съ мужемъ. Панкревичу) Bonjour, m-r Панкревичъ! (Подаетъ ему руку и жеманно приседаетъ, какъ приседаютъ обыкновенно балетчицы). Я надѣюсь, вы у насъ на цѣлый день?

Панкревичъ (жеманно тоже откланиваясь). Если позволите!..

Бакреевъ. Пріятную новость привезъ онъ намъ!..

Елена Григорьевна. Какую?.. Ты пугаешь меня твоимъ тономъ, Борисъ.

Бакреевъ (Панкревичу). Разсказывайте!.. Мнѣ повторять это немножко тяжело.

Панкревичъ. Vous savez, что начальница того пансіона, гдѣ воспитывается Маша, тетка мнѣ?

Елена Григорьевна (полунасмѣшливо). Дѣло, значитъ, въ Софьѣ Евграфовнѣ?! Сажусь и слушаю съ большимъ вниманіемъ... (Усаживается покойно на диванъ).

Панкревичъ. Послѣ васъ я заѣхалъ къ ней; вдругъ elle me dit que Marie est amoureuse de l'étudiant, qui demeure chez les Sachansky.

Елена Григорьевна (испуганнымъ голосомъ и взглянувъ на мужа). Мишеля?..

Панкревичъ. Oui! Ma tante me dit, что у нихъ перехвачена переписка, изъ которой можно видѣть que la demoise...

Бакреевъ (подхватывая). Находится съ симъ господиномъ въ извѣстныхъ близкихъ отношеніяхъ.

Елена Григорьевна (съ испуганнымъ и тупымъ лицомъ). Боже мой, что такое?! Но скажите, что же Софья Евграфовна?.. Что она слѣпая, сумасшедшая, наконецъ совершенно безчувственная мать?

Бакреевъ (показывая головой на Панкревича). Вотъ онъ, вѣроятно, лучше всѣхъ знаетъ, чѣмъ она послѣднее время была занята.

Елена Григорьевна (насмѣшливо). А! я и не знала этого!

Панкревичъ (видимо съ притворнымъ удивленіемъ). Я?.. Но почему же я?

Елена Григорьевна (внушительно ему). А потому,—видно... (Къ мужу) Я тебѣ не говорила, Борисъ: я отъ нея вчера получила довольно странное письмо,—во-первыхъ, увѣдомляетъ меня, что пріѣдетъ ко мнѣ,—къ чему это увѣдомленіе, не понимаю; во-вторыхъ—проситъ, чтобы ты приготовилъ деньги за акціи, потому что на будущей недѣлѣ онѣ ей очень нужны.

Бакреевъ. Какія деньги за акціи?.. Ликвидація еще не кончена... Я не знаю, по скольку имъ тамъ придется: по десяти, по двадцати, по сту рублей на акцію...

Елена Григорьевна. Я не знаю, но она пишетъ, по крайней мѣрѣ, такъ.

Бакреевъ. Стало-быть, она или дура, или сумасшедшая, и вдобавокъ еще мерзавка!.. Въ то время, когда и безъ того дѣло лопается, она приступаетъ: подай ей ея грошонки!

Елена Григорьевна. Я тебѣ всегда говорила, чтобы ты у родныхъ не бралъ денегъ,—занимай лучше ихъ у постороннихъ.

Бакреевъ (окончательно вспыхивая). Чортъ бы ихъ драл, родные или посторонніе!.. Я дѣлаю дѣла вѣковыя; я лопну: десять, двадцать новыхъ компаній составится, чтобы довести ихъ до конца!.. Когда вопросъ поставленъ о благосостояніи милліона людей, такъ думать о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ брать деньги у какой-нибудь Софьи Евграфовны или Елены Григорьевны, немножко не до того!.. Будетъ ужъ!.. Родители наши продержали свои капиталы въ банкахъ, остались мы послѣ нихъ безъ дорогъ, безъ приготовленной хоть сколько-нибудь почвы, съ дурацки-устроенными фабриками.

Елена Григорьевна. Однако изъ банка получали никакъ не меньше процентовъ, чѣмъ по всѣмъ этимъ вашимъ акціямъ!

Бакреевъ. Ты говоришь это потому, что всегда и во всемъ говоришь глупости... что такое значитъ держать деньги свои въ банкѣ? Когда ты прилагаешь къ нимъ трудъ, получай съ нихъ хоть сто рублей на рубль процентовъ,—это твоя способность и дарованіе, за которое ты имѣешь право получить столько, сколько тебѣ даютъ; но взваливать свой капиталъ на правительство и самому слизывать одинъ вѣрныя сливочки можетъ только подлецъ и дуракъ, точно такъ же, какъ глупо и подло восхищаться этимъ!

Елена Григорьевна. За что жъ ты на меня тутъ сердишься?

Бакреевъ. За то, что въ словахъ твоихъ слышу мнѣніе всего этого нашего милаго общества: «Ахъ, деньги заинтриговали въ невѣрныя предпріятія!», «Ахъ, лучше ихъ было держать въ банкѣ!». Дадутъ вамъ какую-нибудь тысячу рублей взаймы и только что не черезъ день хватаютъ васъ за шиворотъ: отдай имъ назадъ! (Къ Пехрину) Кто это такой отъ Колодкина былъ, кого онъ присылалъ?

Пехринъ (неторопливо). Приказчика своего...

Бакреевъ. Зачѣмъ собственно?

Пехринъ (потупляясь). Насчетъ векселя-съ...

Бакреевъ (безпокойно). Но вы говорили ему объ ликвидаціи?

Пехринъ. Онъ говоритъ, что у нихъ у самихъ на будущей недѣлѣ 50 тысячъ вносу въ казну.

Бакреевъ. Я самъ сейчасъ къ нему поѣду!.. А тутъ еще Софья Евграфовна меня бѣситъ — дрянь этакая! (Слышится звонокъ).

Елена Григорьевна. Тише, mon cher,—это она, должно-быть, пріѣхала.

Бакреевъ. Ну такъ и бесѣдуй съ ней!.. Я и встрѣчаться съ ней не желаю.

Елена Григорьевна. Но скажи, говорить ей, что Владиславъ Казимировичъ разсказывалъ?

Бакреевъ. Ни слова, ни звука!.. Не твое дѣло!..

Панкревичъ. Я не знаю, какъ и мнѣ: говорить ей, или нѣтъ?

Бакреевъ. Вамъ, какъ угодно; у васъ съ ней свои счеты; васъ не разберешь. (Пехрину) А вы—пойдемте со мной! (Уходятъ оба).

Елена Григорьевна (Панкревичу). Вотъ какъ! счеты у васъ съ ней, и какіе, я думаю, еще ужасные?..

Панкревичъ. Что же?.. Въ чемъ же счеты?..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Софья Евграфовна, въ щегольской шляпкѣ и дорогой шали. Увидавъ Панкревича, вся вспыхиваетъ, но потомъ, гордо и слегка кивнувъ ему головой, пожимаетъ руку у невѣстки.

Софья Евграфовна. Bonjour!

Елена Григорьевна. Bonjour!

(Обѣ усаживаются на диванъ. Панкревичъ остается на прежнемъ мѣстѣ).

Софья Евграфовна. А брата могу я видѣть?

Елена Григорьевна. Его нѣтъ дома, онъ уѣхалъ.

Софья Евграфовна. Я просила тебя предувѣдомить его... Мнѣ очень нужно его видѣть.

Елена Григорьевна. Онъ самъ куда-то по очень экстренному дѣлу поѣхалъ.

Софья Евграфовна. Когда же я его могу навѣрное застать?.. Я тогда бы и пріѣхала.

Елена Григорьевна. Ей-Богу, я не могу за него сказать!.. Онъ самъ можетъ къ тебѣ пріѣхать, если ты желаешь.

Софья Евграфовна. Пожалуйста!.. Я завтра его буду ожидать цѣлый день. Если онъ не пріѣдетъ, я послѣзавтра чѣмъ свѣтъ пріѣду, чтобы хоть въ постели захватить его. Мнѣ, главное, съ нимъ объ деньгахъ надобно переговорить... я за границу ѣду.

Елена Григорьевна (удивленнымъ голосомъ). За границу?

(Панкревичъ внимательно взглядываетъ на Софью Евграфовну).

Софья Евграфовна. Да, здоровье мое совершенно разстроилось!.. Такія прилитія крови къ головѣ, что я, какъ сумасшедшая, иногда кричу.

Елена Григорьевна (переглядываясь съ Панкревичемъ). Что же, ты ѣдешь одна?

Софья Евграфовна. Мишеля, я думаю, возьму: онъ въ дорогѣ будетъ моимъ cavalier servant.

Елена Григорьевна (снова переглядываясь съ Панкревичемъ). И Маша, значитъ, ѣдетъ съ тобой?

Софья Евграфовна. Нѣтъ, зачѣмъ же?.. Она будетъ учиться въ пансіонѣ.

(Панкревичъ и Елена Григорьевна потупляются; нѣсколько времени продолжается молчаніе).

Софья Евграфовна (обращаясь къ невѣсткѣ и, видимо, сама не помнящая, что говоритъ). Послѣднее время ты много выѣзжала?

Елена Григорьевна. Нѣтъ,—я была только на свадьбѣ у Коротова.

Панкревичъ. On dit que m-me Тернау передъ свадьбой благословила его даже образомъ.

Елена Григорьевна. Да, ужасно это смѣшно!

Софья Евграфовна (вся вспыхнувъ и съ удареніемъ). M-me Тернау для этого человѣка пожертвовала всѣмъ: мужемъ, состояніемъ, именемъ своимъ,—и она мнѣ не смѣшна.

Елена Григорьевна. Но, chère amie, согласись, можно любить человѣка; но зачѣмъ же эти сцены, скандалы, почти на глазахъ всего общества?

Софья Евграфовна. А ты думаешь, что дѣлать подобныя вещи втихомолку лучше?.. Любя другого, цѣловать съ нѣжностью и почтеніемъ у мужа руку,—это, по-твоему, лучше?

Елена Григорьевна (вспыхнувъ немного). И это нехорошо, если кто дѣлаетъ это!

Софья Евграфовна (съ удареніемъ). Дѣлаютъ нѣкоторыя!.. По-моему, ни одна женщина не можетъ и не должна говорить ни про какую другую женщину, потому что ни одна изъ насъ не можетъ поручиться, что завтра, послѣзавтра — сама не будетъ хуже той, которую осуждаетъ.

Елена Григорьевна (тоже съ удареніемъ). Точно такъ же, какъ нельзя въ этомъ случаѣ заключать по себѣ о всѣхъ другихъ!.. И что же, Коротовъ чѣмъ отплатилъ m-me Тернау за ея откровенную любовь?

Софья Евграфовна. Онъ, по-моему, поступилъ еще лучше другихъ... Онъ разлюбилъ женщину, что жъ дѣлать?.. Это не во власти мужчины; но у него, по крайней мѣрѣ, достало смѣлости и честности прійти и прямо ей сказать, что онъ ея не

любить больше... А есть господа получше его, которые двухъ-трехъ, можетъ-быть, разомъ хотятъ увѣрить, что они любятъ ихъ, отыскивая, вѣроятно, гдѣ болѣе вкусный обѣдъ; съ тою развѣ цѣлью,—другой я и не вижу.

Панкревичъ (покраснѣвъ и насмѣшливо). Вы женщинъ ужъ съ обѣдомъ сравниваете!

Софья Евграфовна. Нѣтъ, я здѣсь обѣдъ обѣдомъ и разумѣю.

(Панкревичъ надувается).

Софья Евграфовна (вставая, невѣсткѣ). До свиданія! (Подаетъ ей руку).

Панкревичъ (довольно небрежнымъ тономъ Софьѣ Евграфовнѣ). Я вчера вечеромъ заѣзжалъ къ вамъ, и васъ не было дома.

Софья Евграфовна. Я была больна и не могла васъ принять.

(Панкревичъ дѣлаетъ гримасу).

Софья Евграфовна (невѣсткѣ). Adieu! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Софьи Евграфовны.

Елена Григорьевна и Панкревичъ сидятъ нѣкоторое время въ молчаніи и какъ бы конфузятся другъ друга.

Елена Григорьевна (наконецъ начинаетъ, потупившись). Ахъ, кстати!.. За что на васъ такъ сердита m-me Сашанская?

Панкревичъ (какъ бы погруженный въ свои собственныя мысли). Сердита? А я и не замѣтилъ этого.

Елена Григорьевна (слегка усмѣхаясь). Странная незамѣтливость!

Панкревичъ (помолчавъ). Вовсе не странная! Вы очень хорошо знаете, что при васъ я обыкновенно никого и ничего не вижу и не замѣчаю.

Елена Григорьевна (слегка кланяясь ему и полунасмѣшливымъ тономъ). Merci!

Панкревичъ (грустнымъ голосомъ). Я не смѣха, а болѣе состраданія достоинъ въ своихъ чувствахъ къ вамъ, Елена Григорьевна!

Елена Григорьевна (тихо и съ чувствомъ). Послушайте, вы сегодня видѣли, какъ обращается со мной мужъ!.. Мнѣ иногда бываетъ грустно, тяжело, досадно, обидно съ нимъ жить! Я готова была бы разорвать его на части, но потомъ я ему все и прощаю, потому что все-таки убѣждена, что мнѣ никто не дастъ такого счастья, какое онъ мнѣ далъ.

Панкревичъ (пожимая плечами). Въ чемъ же это счастье? Въ раззолоченныхъ этихъ палатахъ развѣ?

Елена Григорьевна (устремляя на Панкревича взглядъ). Ну да, хоть въ раззолоченныхъ палатахъ этихъ!

Панкревичъ (снова пожимая плечами). Конечно, не всякій имѣетъ возможность имѣть такія.

Елена Григорьевна (грустно). То-то и есть!.. Ну, будемъ однако веселѣе, останемтесь друзьями; право, это надежнѣе... Мужъ, кажется, возвратился... Иду докончить мой туалетъ, а то я вышла совершенно какой-то замарашкой. (Весьма привѣтливо, но безъ нѣжности киваетъ Панкревичу головой и уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Панкревичъ (одинъ, передернувъ плечами). Не поймешь этой женщины!.. Каждый день зоветъ обѣдать, ревнуетъ ко всѣмъ другимъ женщинамъ, а тутъ холодна, какъ ледъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ Бакреевъ и Пехринъ.

Бакреевъ (кивнувъ головой Панкревичу). Здравствуйте еще. (Къ Пехрину) Не говорить надобно было, а привести его ко мнѣ. Теперь самъ Колодкинъ уѣхалъ чортъ его знаетъ куда. Извольте его сейчасъ же отыскать, хоть на днѣ морскомъ. Пусть онъ вексель мой продастъ, за что хочетъ, а въ недочетѣ я ему дамъ новое обязательство.

Пехринъ (тихимъ голосомъ). Онъ, кажется, не желаетъ брать на себя эти хлопоты.

Бакреевъ. Ну, такъ вотъ что-съ: скупите вы на ваши деньги этотъ вексель!.. Вы должны для меня это сдѣлать!.. Я далъ вамъ нажить состояніе.

Пехринъ. Я, ей-Богу, не только такихъ денегъ, но и нисколько не имѣю ихъ при себѣ въ наличности.

Бакреевъ. А, не имѣете вы!.. ну и только, довольно!.. Къ завтрашнему же дню, значитъ, извольте приготовить по всѣмъ вашимъ дѣламъ у меня отчеты, и, если я найду какія-нибудь неисправности, или плутни, я ихъ напечатаю, чтобы и другихъ предохранить отъ вашей, можетъ-быть, полезной для васъ, но никакъ ужъ не для вашихъ кліентовъ дѣятельности!

Пехринъ (неторопливо, уходя). Какъ вамъ угодно-съ, а я служилъ вамъ честно.

Бакреевъ (провожая его гнѣвнымъ взоромъ). Врете!.. нечестно!.. предоставьте мнѣ это ужъ знать! (Обращаясь къ Панкревичу и показывая рукой на ушедшаго Пехрина) Изъ грязи каналью, изъ цѣловальниковъ вывелъ! Сто тысячъ, по крайней мѣрѣ, далъ

ему возможность наворовать у меня, а вотъ теперь прошу скупить мой вексель за половинную, вѣроятно, цѣну, за который я отдамъ потомъ вполнѣ,—онъ не хочетъ этого.

(Панкревичъ пожимаетъ плечами).

Бакреевъ. Или этотъ Колодкинъ тоже, мой бывшій крѣпостной мужикъ-съ!.. Но сорока, по пятидесяти тысячъ давалъ ему, когда у меня оставались отъ откуповъ свободные залоги, безъ всякаго клочка бумаги, а я теперь задолжалъ ему за постройку завода пятнадцать тысячъ, слышу, хочетъ подавать ко взысканію.

Панкревичъ (еще больше пожимая плечами). Вообще эти русскіе купцы и подрядчики, они не люди, а какіе-то звѣри!

Бакреевъ. Хуже-съ, вреднѣе всякихъ звѣрей въ смыслѣ общественнаго устройства; они рѣшительно парализируютъ всякую предпріимчивость!.. Повѣрьте мнѣ, трагическая сторона нашего времени не въ этомъ имущественномъ переходѣ половины состоянія изъ одного сословія въ другое, но въ насъ, людяхъ дѣла и предпріятій! Я не аферистъ, я пришелъ на торговую арену съ двумя милліонами состоянія и не для барышей, а желалъ только пользы моей странѣ, и чтобы мое имя хоть сколько-нибудь сопричислено было къ сонму людей, содѣйствовавшихъ ея благосостоянію.

Панкревичъ (съ ласкающей улыбкой). Ваше имя, вѣроятно, и попадетъ въ исторію.

Бакреевъ. Не знаю, попадетъ оно, или нѣтъ; но знаю, что я для каждаго дѣла жертвовалъ всѣмъ: и личнымъ трудомъ и капиталомъ; но, какъ пословица говоритъ: «одинъ и у каши не споръ»,—ни по одному изъ моихъ предпріятій я не встрѣтилъ ни разу вполнѣ знающаго и опытнаго техника, ни разу честнаго подрядчика, ни одного усерднаго работника; а эти акціонеришки и разныя россійскія газетишки тебя еще обвиняютъ, уличаютъ въ чемъ-то!

Панкревичъ. Кто же?.. Васъ ни одинъ благоразумный человѣкъ ни въ чемъ не обвинитъ.

Бакреевъ. Мало того, насъ правительство должно защищать: мы ему дорогу прочищали среди всеобщаго этого мрака невѣжества и мелкаго плутовства. Теперь вотъ мужикъ этотъ въ самый разгаръ моей дѣятельности возьметъ и посадитъ меня въ тюрьму.

Панкревичъ. Какъ же это возможно!

Бакреевъ. Очень возможно-съ!.. Съѣздите, похлопочите, пожалуйста, отъ кого тамъ зависятъ эти взысканія; если вексель данъ, чтобы его задержали, или меня показали выбы-

вшимъ. Мнѣ самому и хлопотать объ этомъ совѣстно; а потомъ можете пріѣхать къ намъ обѣдать.

Панкревичъ. Мегсі! Непремѣнно, сейчасъ же всюду съѣзжу!.. au revoir. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бакреевъ (одинъ, опускаясь въ утомленіи на кресло). Пятнадцати тысячъ не могу заплатить!.. Приведи Богъ только съ честью выйти изъ всего этого, и это говоритъ во мнѣ не голосъ совѣсти: люди вообще такіе мерзавцы, что нѣтъ подлости, которую бы недостойно было сдѣлать противъ нихъ; но я не сдѣлаю по свойству натуры моей, какъ покойный отецъ говаривалъ: «Бакреевъ можетъ быть злодѣемъ, варваромъ, но подлецомъ и дуракомъ никогда не будетъ!» И я имъ не буду!

(Слышится шумъ. Бакреевъ обращаетъ сердитый взглядъ на дверь).

ЯВЛЕНІЕ X.

Бакреевъ, лакей и Мишель.

Лакей (входя впереди Мишеля). Позвольте, я доложу-съ!

Мишель. Я и такъ войду!

Бакреевъ (всмотрѣвшись). Это вы? Кстати, что вы пришли! (Лакею) Ступай!

(Лакей уходитъ).

Бакреевъ (Мишелю). Я сейчасъ только слышалъ... вы такія гадости надѣлали въ семействѣ моей сестры!..

Мишель (удивившись и сконфузясь). Я?

Бакреевъ. Да, вы!.. Я все знаю.

Мишель (потупляясь и мрачнымъ голосомъ). Не знаю, что вы про меня слышали, и я пришелъ не наставленія ваши слушать, а по дѣлу моему: тетка Ангелика отдала мнѣ всѣ акціи, которыя купила у васъ, и я прошу васъ выдать мнѣ за нихъ деньги.

Бакреевъ (бѣшенымъ, но сдержаннымъ голосомъ). Вотъ по какому дѣлу вы ко мнѣ пришли!.. Какую же сумму денегъ прикажете мнѣ выдать вамъ за акціи?

Мишель. Ту, которая за нихъ заплачена. Когда вы брали деньги, Ангеликѣ и Сашанскимъ клялись, что всегда имъ рубль за рубль заплатите.

Бакреевъ (захохотавъ). Нѣтъ, я никакъ не могъ клясться въ этомъ потому, если бы акціи стояли по своей цѣнѣ, такъ и разговаривать объ этомъ нечего: ихъ можно продать мнѣ, Сидору, Кузьмѣ; а если онѣ ниже, какъ это случилось теперь, такъ съ какой же стати мнѣ платить за нихъ полную сумму

и изъ какихъ денегъ наконецъ?.. Изъ денегъ моихъ прочихъ акціонеровъ?.. Тогда бы они меня отдали подъ судъ, потому что это значитъ обворовать ихъ въ пользу моихъ родныхъ, которымъ я могъ подарить своихъ собственныхъ денегъ, — что̀ я и дѣлалъ, когда у меня были лишнія, а теперь ихъ нѣтъ, — такъ пусть подождутъ. Такъ это и скажите и Анжеликѣ и Сашанскимъ, которые тоже мнѣ что-то въ этомъ родѣ пишутъ и требуютъ. А затѣмъ можете итти!

Мишель (не уходя и совсѣмъ мрачнымъ голосомъ). Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ счетъ этихъ денегъ хоть тысячу цѣлковыхъ.

Бакреевъ (насмѣшливо). Тысячу?.. Только?.. Не больше?..

Мишель. У васъ есть кредитъ — займите!.. Отъ этихъ денегъ зависитъ больше, чѣмъ жизнь моя!

Бакреевъ. Больше, чѣмъ жизнь?.. Скажите, какая серьезная вещь, а все-таки я думаю, что кредитъ мой мнѣ пригодится на что-нибудь болѣе нужное.

Мишель. Низкій вы послѣ этого человѣкъ и подлецъ!

Бакреевъ. Подлецъ!.. Ты смѣлъ прійти ко мнѣ говорить такія вещи!.. Ахъ, ты, холопская кровь! Въ плети тебя! Эй, люди!

Мишель. Прежде чѣмъ ты созовешь своихъ лакеевъ, я задушу тебя! (Схватываетъ Бакреева за галстукъ).

Бакреевъ. Нѣтъ, ты меня не задушишь! (Самъ схватываетъ его за руки и разводитъ ихъ). Эй, люди, говорятъ, скорѣй! (Вбѣгаютъ два лакея).

Бакреевъ (толкая къ нимъ Мишеля). Вытолкайте этого мерзавца! (Толкаетъ къ нимъ Мишеля; тѣ выталкиваютъ его).

Мишель (за дверьми). Ты мнѣ кровью заплатишь за это!

Бакреевъ. Заплачу я тебѣ, только другимъ!.. (Поправляя галстукъ и рубашку) Меня за воротъ ужъ наконецъ начинаютъ брать!.. Его сейчасъ же, каналью, надобно въ острогъ упрятать! (Порывисто звонитъ. Вбѣгаетъ лакей). Карету мнѣ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Та же угловая комната въ домѣ Сашанскихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сашанскій (ходя взадъ и впередъ по комнатѣ). Всѣ думаютъ, что я ничего не вижу и не знаю... Ахъ, Софья, Софья Евграфовна!.. Все я очень хорошо понимаю, отчего вы убиваетесь!.. Панкревичъ васъ покидаетъ, такъ и я виноватъ!.. Каково все это мужу переносить, а говорить начать — еще хуже будетъ!..

То-есть, я вамъ скажу: въ нашъ вѣкъ кто женится, тотъ дуракъ набитѣйшій... Я съ этимъ проклятымъ бакреевскимъ родомъ, ей-Богу, всю жизнь мою загубилъ! Они на другихъ людей какъ-то и не похожи совсѣмъ, — точно звѣри какіе, и злость эта у нихъ такъ отъ одного лица къ другому и переходитъ!.. Не говоря ужъ о Софьѣ Евграфовнѣ, кто въ гнѣвѣ видалъ ее—страхъ Господень; но Машурка моя, дѣвочка еще почти; а что захочетъ, такъ ласкай ее, рѣжь, все по-своему сдѣлаетъ!.. Слава Богу, что другія дѣти всѣ умирали, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ: имѣньишко капитализировали, получили полтину за рубль, и то пошло въ опекунскій совѣтъ! Деньжонки, какія были, ухнули на акціи; служба трещитъ: теперь реформы эти идутъ... пристроишься ли куда-нибудь... тоже не изъ молодыхъ, не изъ передовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сашанскій и Мишель въ встрепанными волосами и съ горящимъ взглядомъ.

Мишель. Вы, дядя Николай, дома?

Сашанскій. Дома! Гдѣ жъ мнѣ быть?

Мишель. У меня сейчасъ съ Бакреевымъ исторія вышла.

Сашанскій. Съ Борисомъ Евграфычемъ?.. Въ чемъ это?

Мишель. Я ходилъ къ нему денегъ требовать по акціямъ тетки Ангелики,—онъ не даетъ, я его за шиворотъ и взялъ.

Сашанскій. Какъ за шиворотъ?.. Что ты?..

Мишель. А такъ, какъ берутъ... Очень ужъ онъ надо мной подсмѣиваться началъ!.. А онъ послѣ того лакеямъ своимъ меня велѣлъ вытолкать.

Сашанскій. Господи помилуй!

Мишель. Это оскорбленіе, которое можетъ только обмыться кровью!.. Я сейчасъ посылалъ товарища моего къ г-ну Бакрееву вызывать на дуэль... того не приняли,—сказали, что дома нѣтъ; а потому сходите вы, дядя: васъ примутъ,—и скажите, чтобы онъ или просилъ у меня публично прощенія и выдалъ бы сейчасъ мнѣ по акціямъ двѣ тысячи цѣлковыхъ, или шелъ бы со мной драться, — я ужъ и оружіе приготовилъ, — ему и заботиться объ этомъ нечего! (Показываетъ на лежащіе въ карманахъ пистолеты).

Сашанскій. Пойдетъ ли онъ съ тобой на дуэль, помилуй?! Онъ и меня за это предложеніе разбранитъ только и велитъ такъ же, какъ и тебя, вытолкать въ шею.

Мишель. Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ. Вы явитесь къ нему въ качествѣ секунданта, и онъ настолько понимаетъ, что секундантовъ не бранятъ и не выгоняютъ.

Сашанскій. Какой же я секундантъ?.. Взгляни ты, пожалуйста, на мою наружность!..

Мишель (настойчиво). Дѣло вотъ въ чемъ, дядя: вы добрый человѣкъ и должны помочь мнѣ тутъ,—это единственно порядочный исходъ изъ моего положенія. Попроситъ онъ у меня прощенья и заплатитъ мнѣ деньги, прекрасно! Или же выйдетъ со мной на дуэль, какая въ ней кому судьба будетъ.

Сашанскій (перебивая его съ досадой). Да не станетъ онъ у тебя просить прощенія и не пойдетъ съ тобой на дуэль, — пойми ты это!

Мишель. Въ такомъ случаѣ я убью его гдѣ-нибудь изъ-за угла; вы такъ и скажите ему это.

Сашанскій. Ну, что, убью изъ-за угла! Что за вздоръ такой!

Мишель. Нѣтъ, не вздоръ!.. Съ толчками въ шею я жить не могу: я человѣкъ безъ званія, — я мѣщанинъ. Онъ полагаетъ, можетъ-быть, что меня можно бить безнаказанно! Такъ онъ ошибается: я или онъ умереть должны!

Сашанскій. Вотъ разскажи ты это Софьѣ Евграфовнѣ, — она женщина умная, и она тебѣ скажетъ, что ты дѣлаешь глупости.

Мишель. О подобныхъ вещахъ съ женщинами не говорятъ— отъ нихъ можно только заразиться трусостью!.. Сходите, дядя, пожалуйста.

Сашанскій. Да вѣдь я напередъ тебѣ говорю — никакого не будетъ толку!

Мишель. Все-таки... успокойте меня, что я принялъ всѣ мѣры, чтобы это хоть сколько-нибудь сносно разыгралось.

Сашанскій (пожимая плечами). Ахъ, ты, Господи, твоя воля! (Ищетъ палку и шапку).

Мишель. Поскорѣй, пожалуйста, дядя!

Сашанскій. Иду! Посмотрю, что будетъ говорить! Это любопытно даже! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мишель (одинъ, потирая руки). Никакого ощущенія въ душѣ— злость только... Передъ дуэлью, говорятъ, прежде всего надобно быть совершенно покойнымъ, чтобы нервы не были разстроены, потомъ осмотрѣть оружіе, чтобы оно было въ исправности. (Вынимаетъ одинъ пистолетъ и осматриваетъ его). Пистолеты, кажется, отличные! (Дуетъ въ дуло). Заряженъ даже! (Прицѣливается). Рука, кажется, не дрожитъ... не промахнется! (Перестаетъ цѣлиться и кладетъ пистолетъ на столъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тотъ же и Маша.

Маша (съ безпокойствомъ). Ну, что, возвратился, обдѣлалъ дѣло?

Мишель. Нѣтъ еще, скверно выходитъ; день или два надобно еще подождать. Теперь вотъ что: ты пока отправляйся въ пансіонъ, я пойду тебя провожать, вызову начальницу и отъ себя попрошу ее.

Маша. Не послушаетъ она тебя, — я на колѣняхъ, Богъ знаетъ съ какими слезами умоляла ее.

Мишель (съ усмѣшкой). Развѣ вотъ что: взять вотъ эту штуку (беретъ со стола пистолетъ), приставить ей къ горлу и сказать, что «если вы слово кому пикнете, я васъ убью!».

Маша. Какъ же это возможно?.. Она закричитъ.

Мишель. Предувѣдомлю, чтобы не кричала, а не то курокъ спущу.

Маша. Она послѣ скажетъ: тебя и схватятъ.

Мишель. Предувѣдомлю, чтобы и послѣ не говорила, а не то тоже убью.

Маша. Ты сумасшествіе говоришь... Зачѣмъ у тебя этотъ пистолетъ?

Мишель. Такъ,—воронъ много у насъ въ саду развелось,—пострѣлять ихъ хочу.

Маша. Что у тебя за страсть этихъ бѣдныхъ птицъ преслѣдовать?

Мишель. Съ дѣтства склоненъ къ тому!.. Ступай одѣваться!.. Вѣдь ты не струсишь, что бы ни вышло?

Маша. Чего же ужъ тутъ трусить,—нечего!

Мишель. Ну такъ и allez, значитъ, demoiselle!

(Маша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мишель (одинъ). Такъ вотъ и кишитъ тутъ, точно уголья какіе! Тѣмъ я теперь, по крайней мѣрѣ, доволенъ, что надъ этимъ гордецомъ, Бориской Бакреевымъ, натѣшусь!.. Стрѣлять онъ, разумѣется, первый будетъ... убьетъ меня, ну и чортъ его дери, а нѣтъ — вытяну его на барьеръ и полчаса стану въ него цѣлиться... Посмотрю, что тогда будетъ у него изображаться на физіономіи, которая мнѣ еще маленькому всегда была противна и ненавистна. Точно царь, бывало, пріѣдетъ къ Сашанскимъ, почти божескаго поклоненія себѣ требуетъ. Тетка, кажется, однако идетъ... будемъ скромны и благоразумны. (Прячетъ со стола пистолетъ въ карманъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тотъ же и Софья Евграфовна входитъ печальная, непричесанная, со слезами на лицѣ.

Софья Евграфовна (садясь на диванъ). Николая Петровича нѣтъ дома?

Мишель. Нѣтъ-съ... онъ ушелъ!

Софья Евграфовна. А Маша гдѣ?

Мишель. Одѣвается... мы сейчасъ идемъ съ ней въ пансіонъ.

Софья Евграфовна (разсѣянно). А развѣ пора?

Мишель (смотритъ насмѣшливо на Софью Евграфовну). Что вы, нездоровы, что ли?

Софья Евграфовна. Больна я!.. Ты знаешь, я ѣду за границу?

Мишель. Вотъ какъ!

Софья Евграфовна. И тебя хочу взять съ собой.

Мишель (съ удивленіемъ). Меня?.. Зачѣмъ?

Софья Евграфовна. Какъ же мнѣ, одной женщинѣ, ѣхать?.. Я боюсь!

Мишель. Дядю съ собой возьмите.

Софья Евграфовна. Какая же мнѣ польза отъ него будетъ?.. Онъ не говоритъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ,— вози его, какъ нѣмого!.. Ты поѣдешь со мной?

Мишель. Мнѣ невозможно-съ!.. Я теперь выйду изъ университета и долженъ хоть какую-нибудь частную службу найти.

Софья Евграфовна. Это ты всегда успѣешь сдѣлать!.. Тебѣ самому, я думаю, какъ молодому человѣку, любопытно было бы побывать за границей.

Мишель. Очень любопытно, но если невозможно!

Софья Евграфовна. Не невозможно, а ты не хочешь!.. Если бы даже это и маленькая жертва была съ твоей стороны, такъ и тутъ бы, кажется, кого любишь и для кого желаешь сдѣлать пріятное, всегда найдешь возможность.

Мишель (съ усмѣшкой). Кого любишь!..

Софья Евграфовна. А ты не допускаешь даже возможности этого чувства ко мнѣ!.. Грустно это слышать... Я всегда разумѣла тебя, какъ самаго близкаго мнѣ человѣка.

Мишель (все больше и больше нахмуриваясь). Я вамъ очень благодаренъ.

Софья Евграфовна (тоже нахмуриваясь). Незамѣтно! (Отворачивается и начинаетъ смотрѣть въ сторону. Нѣсколько времени продолжается молчаніе).

Мишель (видимо желая помириться съ Софьей Евграфовной). Вы скоро ѣдете за границу?

Софья Евграфовна. Скоро! (Подумавъ и закрывая руками лицо) Я тамъ кутить хочу... мнѣ надоѣла ужъ этакая жизнь, какую здѣсь я веду!

Мишель. Для этого не нужно ѣздить за границу,—кутить и здѣсь можно.

Софья Евграфовна. Здѣсь всѣ осудятъ.

Мишель. Кто жъ осудитъ?

Софья Евграфовна. Да ты первый!.. А что, скажи, стара я, или еще нѣтъ?... Какъ я тебѣ кажусь?

Мишель. Какое еще стары,—нѣтъ!

Софья Евграфовна. Любить меня еще можно?

Мишель. Отчего же!.. Панкревичъ же любитъ васъ!

Софья Евграфовна (снова вспыхнувъ). Да я-то его не люблю; вотъ что, къ сожалѣнію, надо сказать!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Маша.

Маша (входя, Мишелю). Что же ты тутъ сидишь, Мишель!.. Я давно ужъ собралась и жду тебя!

Мишель. Пойдемъ!

(Маша подходитъ и цѣлуетъ у матери руку).

Софья Евграфовна. Учись хорошенько!

(Маша, ни слова не отвѣчая, уходитъ. Мишель слѣдуетъ за ней).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья Евграфовна (одна). Говорю и дѣлаю, сама не знаю что!.. Общество, мужья, наконецъ люди, для которыхъ мы все-таки чистотой совѣсти своей жертвовали,—дѣлаютъ все, чтобы женщина падала ниже и ниже!.. Два чувства у меня были—къ мужу и къ Панкревичу—совершенно искреннія; оба они отвергнуты, осмѣяны, втоптаны въ грязь!.. Интереснѣе всего—вдругъ женщину кидаютъ на скуку и уединеніе, и воображаютъ, что она умереть должна!.. Ну, я не такова: я живуща; сердце мое не можетъ, да я и не хочу наконецъ, чтобы оно оставалось пусто!.. Одинъ любовникъ, два, три,—э, все равно!.. Разъ оступилась... и останавливаться нечего!.. Пускай меня тамъ называютъ, какъ угодно!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Лакей (входя). Борисъ Евграфовичъ пріѣхали!

Софья Евграфовна. Опомнился, видно!.. Совѣстно стало!.. Проси!

(Лакей уходитъ).

(Софья Евграфовна поправляется нѣсколько передъ зеркаломъ и садится въ довольно покойной позѣ на кресло).

ЯВЛЕНІЕ X.

Та же и Борисъ Евграфовичъ Бакреевъ.

Бакреевъ (довольно мрачнымъ голосомъ). Очень радъ, что ты дома! (Пожимаетъ у сестры руку, потомъ кладетъ шляпу и садится).

Софья Евграфовна. Я была у васъ...

Бакреевъ (перебивая ее). Знаю; но прежде о моемъ дѣлѣ, а потомъ ужъ и о твоемъ... Точно съ такимъ же требованіемъ денегъ, какъ и ты, сегодня поутру присылала ко мнѣ Ангелика этого мерзавца вашего, Крапивкина, съ тѣмъ, чтобы деньги я отдалъ ему.

Софья Евграфовна. Мишелю?

Бакреевъ. Да!.. И я пріѣхалъ спросить, что вы, вѣроятно, обѣ согласились въ то время, какъ я въ самомъ тяжеломъ переходномъ положеніи, мучить меня?

Софья Евграфовна. Я вовсе не думала и не желала тебя мучить; но мнѣ самой нужны деньги,—я ѣду за границу.

Бакреевъ. Ты за границу ѣдешь, а той зачѣмъ нужны?

Софья Евграфовна. Я не знаю!

Бакреевъ. Ты этого не знаешь, а извѣстно ли тебѣ, кто собственно такой этотъ вашъ Крапивкинъ?

Софья Евграфовна. Извѣстно!

Бакреевъ. Ты думаешь, что онъ сынъ твоего мужа?

Софья Евграфовна. Можетъ-быть!

Бакреевъ. Это не такъ... онъ сынъ твоего отца!

Софья Евграфовна (удивленнымъ и нѣсколько испуганнымъ голосомъ). Но съ какой же стати мужу моему было выдавать его за собственнаго своего сына?

Бакреевъ. Этого ужъ я не знаю... упросили его, подкупили... но такъ надобно было сдѣлать, такъ выходило удобнѣе, потому что онъ въ то же время и сынъ твоей сестры!

Софья Евграфовна (съ ужасомъ). Вѣры?!.. Борисъ, ты давно ужъ сталъ холоденъ къ своимъ роднымъ, презираешь ихъ; но не клевещи, по крайней мѣрѣ, на нихъ, не наноси хоть этимъ имъ оскорбленія.

Бакреевъ. Родные сами себя оскорбляютъ, когда поступаютъ такъ; но не въ этомъ дѣло,—то случай прошлый и забытый, и хоть я его положительно предугадывалъ, но и говорить бы объ немъ не сталъ, если бы нынѣ не затѣвалась новая уже исторія въ твоемъ собственномъ семействѣ.

Софья Евграфовна. Поди ты отъ меня, черный воронъ!.. Ты мнѣ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь накаркаешь!

Бакреевъ (поднимаясь во весь ростъ). Не я вамъ накаркиваю,

а сама судьба... Этотъ змѣенышъ, порожденіе гнуснѣйшаго преступленія, внесъ новое посрамленіе и въ твое семейство и развратилъ твою дочь!

Софья Евграфовна (совсѣмъ обезумѣвъ). Борисъ, поди отъ меня... уйди!.. Ты затѣмъ только, видно, пришелъ ко мнѣ, чтобы свести меня съ ума!

Бакреевъ. Я пришелъ затѣмъ, что начальница пансіона нарочно прислала ко мнѣ объявить объ томъ... Я былъ у ней сейчасъ и распорядился, чтобы этого мерзавца-мальчишку взяли, по крайней мѣрѣ, въ часть и произвели слѣдствіе, а ты дочку изволь брать къ себѣ, потому что она ужъ въ почтенномъ положеніи...

Софья Евграфовна (со стономъ). Не говори мнѣ, по крайней мѣрѣ, всего вдругъ... Я хоть, можетъ, и скверная, мерзкая мать, но я все-таки мать!

Бакреевъ. И мерзкая, скверная,—да!

Софья Евграфовна. Знаю я; но все-таки, Борисъ, убью мою дочь моими собственными руками. (Начинаетъ рыдать).

Бакреевъ. Поздно уже теперь убивать!.. Надобно было заниматься больше воспитаніемъ дочери, чѣмъ Панкревичами!.. Вотъ оно гдѣ зло, лежитъ въ собственныхъ вашихъ поступкахъ!.. и не пеняй, что дѣти тебѣ подражаютъ.

Софья Евграфовна. Борисъ, ты укорилъ меня тѣмъ, чего и самъ еще хорошенько не знаешь, въ такую страшную для меня минуту, и я тебѣ скажу на это только одно, что жена твоя—любовница Панкревича, а не я!.. А теперь уйди, оставь меня,—я не желаю тебя больше видѣть! (Начинаетъ рыдать).

Бакреевъ (насильственно усмѣхаясь). Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что за ударъ ударомъ умѣешь отвѣчать! Но, главное, теперь объ деньгахъ: до ликвидаціи дѣла не извольте ни писать мнѣ объ нихъ, ни присылать за ними вашихъ посланныхъ: первыя я буду, не читая, кидать въ каминъ, а вторыхъ—прогонять по шеѣ!.. Au revoir!.. (Надѣваетъ въ комнатѣ шляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья Евграфовна въ одну минуту перестаетъ рыдать и сильно звонитъ въ колокольчикъ.

Софья Евграфовна. Эй, люди!.. скорѣй! (Вбѣгаетъ лакей). Поди скорѣй, зови Машку, мою дочь, которую пошелъ провожать Мишель въ пансіонъ!.. Зови мужа моего, — сейчасъ чтобы онъ шелъ!.. Господи! поддержи въ сердцѣ моемъ гнѣвъ въ той же силѣ, какой онъ теперь!..

(Лакей идетъ и сталкивается въ дверяхъ съ Сашанскимъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Софья Евграфовна и Сашанскій.

Сашанскій. Чего ты такъ кричишь?.. Я дома... пришелъ...

Софья Евграфовна (беря его за руку и выводя на авансцену). Поди сюда!.. Когда ты присватался ко мнѣ, какъ ты смѣлъ этого мальчишку Крапивкина выдавать за своего сына?

Сашанскій. Да что жъ, вѣдь онъ...

Софья Евграфовна. Онъ сынъ моей сестры!.. Ты двадцать лѣтъ былъ моимъ мужемъ и хранилъ отъ меня тайну!..

Сашанскій. Зачѣмъ же было открывать?.. До тебя это нисколько не касалось!

Софья Евграфовна. А, не касалось!.. До жены не касалось! Хорошо! Ступай отъ меня!.. Я слышу, другія мои радости идутъ!.. Ступай сейчасъ же съ глазъ моихъ!

Сашанскій. Да, я уйду! (Пожимаетъ плечами и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мишель и Маша входятъ въ среднюю дверь.

Маша (сердитымъ голосомъ). Что это?.. Зачѣмъ вы меня звали опять къ себѣ?

Софья Евграфовна. Встань, поди, передо мной!..

(Маша подходитъ. Софья Евграфовна нѣсколько времени осматриваетъ ее).

Софья Евграфовна. Въ какомъ это ты положеніи?

Маша (почти смѣясь). Извѣстно, въ какомъ...

Софья Евграфовна (показывая на Мишеля). Отъ него?..

Маша. Отъ него!

Софья Евграфовна. И ты думаешь, что я не убью тебя?!..

Маша. Отчего же ты себя не убивала?.. Ты сама бывала въ такомъ же положеніи отъ Панкревича!

Софья Евграфовна (съ воплемъ и стономъ въ голосѣ). Маша, не уничтожай во мнѣ послѣднихъ чувствъ къ тебѣ, послѣдняго состраданія къ тебѣ!

Маша. Въ тебѣ никогда никакихъ чувствъ ко мнѣ не было!

Софья Евграфовна. Не было,—когда я посвятила тебѣ всю свою первую молодость, всѣ свои первыя радости!.. Пойдемъ со мной!.. (Беретъ ее за руку и быстро уводитъ съ собой).

Мишель (озираясь). Зачѣмъ это она увела ее?

(Голосъ Маши изъ комнаты: „Мать!..“).

Мишель (прислушиваясь и почти машинально вынимая изъ кармана пистолетъ). Что это она съ ней дѣлаетъ?

(Опять голосъ Маши: „Мать!..“).

Мишель (убѣгая къ нимъ въ комнаты). Пустите ее, или я васъ застрѣлю!

(Задыхающійся голосъ Софьи Евграфовны: „Нѣтъ!..“ Голосъ Мишеля: „Такъ вотъ же тебѣ!..“ Раздается пистолетный выстрѣлъ и страшный крикъ Софьи Евграфовны).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Сашанскій (выбѣгая изъ своей комнаты). Что это?.. Кто выстрѣлилъ?..

ЯВЛЕНІЕ XV.

Мишель (показываясь въ дверяхъ съ безчувственной на рукахъ Машей и грозя Сашанскому пистолетомъ). Не подходите и вы— застрѣлю и васъ: пистолетъ у меня двухствольный! (Уноситъ Машу въ среднюю дверь).

Сашанскій (отстраняясь отъ него). Да я ничего! (Совсѣмъ растерявшись) Куда это онъ ее унесъ?

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Подвальная квартира.

ЯВЛЕНІЕ I.

У конца стола, на которомъ видны остатки водки и закуски, сидитъ Ерастъ Богомоловъ, съ понуренной на руки, всклоченной головой, въ худенькомъ пальтишкѣ и дырявыхъ сапогахъ; на другомъ концѣ, у самовара, сидитъ Анна Ѳаддеевна, передъ ней стоитъ дѣвка Татьяна, обѣ онѣ во все горло бранятся.

Татьяна (моргая носомъ). Вы сундукъ мой отдайте!

Анна Ѳаддеевна (показывая ей кукишъ). Видѣла?

Татьяна. Нечего видѣла, я сама десять такихъ покажу... Вамъ тоже грабить не приказано.

Анна Ѳаддеевна. Не грабятъ тебя, а за долгъ остановили... коли сама по себѣ не имѣешь разсудку жить, такъ живи въ заведеніи!

Татьяна. Не учите ученую, пожалуйста,—только портите!

Анна Ѳаддеевна. Не мѣшайте мѣшать, это выходитъ! Ну, и будемъ такъ разговаривать!

Татьяна. Безпаспортныхъ Богъ знаетъ откуда держите же... теперь начальству объявить, такъ не похвалитъ за то...

или сундукъ мой отдайте, или я пойду скажу объ этомъ въ кварталѣ.

Анна Ѳаддеевна. Тьфу, тьфу!.. Вотъ тебѣ на эти слова... вздумала чѣмъ испугать: не у меня они живутъ, а у Ераста. (Показываетъ на Ераста). Поди спрашивай съ него, коли кулаковъ его еще не пробовала.

Ерастъ (открывая лицо и обращаясь мрачнымъ голосомъ къ обѣимъ женщинамъ). Какой тамъ сундукъ, и чего онъ стоитъ?

Анна Ѳаддеевна. Не знаю я, не считала въ немъ... За двѣнадцать рублей я задержала его... три мѣсяца она у меня жила, хоть бы рублемъ серебра мнѣ плюнула.

Ерастъ (вынимая изъ кармана двѣнадцать рублей и бросая ихъ Татьянѣ). На, отдай ихъ ей!

(Татьяна сначала смотритъ на него съ удивленіемъ, потомъ ловитъ его руку, чтобы поцѣловать ее, а потомъ беретъ и передаетъ деньги Аннѣ Ѳаддеевнѣ).

Анна Ѳаддеевна (принимая деньги съ нѣкоторымъ жеманствомъ, говоритъ укоризненнымъ голосомъ Ерасту). Смотрите, за другихъ платите, самому будетъ ли что послѣ кушать?

Ерастъ (откидываясь къ стѣнѣ и принимая трагическую позу). Люди вы бѣдные, люди вы скверные!.. Когда Петръ призвалъ Меншикова къ суду,—слушай,—тотъ подалъ отвѣты. Петръ взялъ и сталъ поправлять ихъ: «Ахъ, братъ Данилычъ, говоритъ, ты и отвѣтовъ порядкомъ написать не умѣлъ!..» Младшій асессоръ,—слушай,—встаетъ и говоритъ: «Господа, намъ дѣлать тутъ нечего: господинъ президентъ самъ поправляетъ отвѣты подсудимому».—«Хорошо,—говоритъ ему Петръ:—на, обвиняй его!..» Младшій асессоръ говоритъ: «Человѣкъ этотъ, возведенный на такую высокую степень почестей, списканный любовью и милостью монарха, уличается: въ захватѣ чужой собственности, въ лживыхъ доносахъ, въ казнокрадствѣ, въ превышеніи власти; а потому казнить его смертною казнью!..» «А если этотъ человѣкъ,—встаетъ ужъ, знаешь, самъ Петруша во весь свой трехъаршинный ростикъ:—человѣкъ этотъ спасъ жизнь вашему вѣнценосцу, то какія злодѣянія могутъ превышать одно сіе добродѣяніе его?..» Всѣ встали и говорятъ: «Никакія». Такъ Миша мнѣ жизнь спасъ тоже, когда я пьяный тонулъ въ Бакреевкѣ, и вы думаете, что и я не заслонію его моей грудью отъ вашихъ ядовитыхъ, какъ стрѣлы дикарей, языковъ, не вырву и не растопчу, чтобы не трещали они, какъ трещетки... Люди вы бѣдные, люди вы скверные!..

Анна Ѳаддеевна. Ну, пошелъ орать!

Ерастъ. Молчи, ростовщица, берущая человѣческимъ мя-

сомъ проценты... Лукъ натянутъ — бѣшенъ Лиръ: отдать ей сейчасъ сундукъ!

Анна Ѳаддеевна. Отдадутъ, не задержатъ! (Уходитъ).

Ерастъ (нѣсколько успокоившимся голосомъ). А ты, Магдалина, поди сюда!

Татьяна (подходя къ нему съ нѣкоторымъ кокетствомъ). Я, помилуйте, хоть бы и безъ этого—завсегда готова съ великимъ моимъ удовольствіемъ!..

Ерастъ. Не то, тварь этакая!.. Слушай! (Устремляя на нее мрачный взоръ) Много ты пріяла въ свои объятія народу русскаго: умнаго и глупаго, честнаго и добраго, воровъ и мошенниковъ!.. Найди ты мнѣ такого бѣглаго изъ Сибири, который бы такъ могъ спрятать и увести двухъ человѣкъ, чтобы самъ оберъ-полицеймейстеръ города Москвы и всѣхъ предмѣстій оной не нашелъ ихъ!

Татьяна. Гдѣ этакихъ, сударь,—я совсѣмъ не знаю.

Ерастъ. Пойми ты это—спасти преступника невиннаго и случайнаго: это алмазъ въ вѣнцѣ человѣческихъ дѣяній передъ Господомъ.

Татьяна. Все это я очень хорошо понимаю, но намъ всегда тоже очень желательно знакомство имѣть съ людьми хорошими!

Ерастъ. Ничего ты не поняла, ни слова изъ того, что я тебѣ говорилъ,—сердце твое камень: слеза раскаянія даже никогда не умилитъ его; извини, что я назвалъ тебя Магдалиной... Ты такъ-таки прямо съ поганаго одра твоего и свалишься въ геенну! Ступай, прощай!

Татьяна. Прощайте-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Ерастъ (одинъ). Ерастъ хочетъ послужить грубому чувству дикихъ звѣрей, — чувству благодарности и признательности... Люди давно уже забыли его; они, изволите видѣть, слишкомъ умны для него!.. Миша спасъ мнѣ жизнь... на берегу рѣки... во какіе мужичищи стояли, когда я шелъ ко дну!.. а онъ, ребенокъ 16-ти лѣтъ, бросился за мной... Семь лѣтъ послѣ того я живу еще, семь лѣтъ я не ничто; умъ мой единолично мыслитъ; чувства мои услаждаются и восходящимъ солнцемъ и потухающей зарей: а что я для него сдѣлалъ?.. Дуру Ѳаддеевну два раза поколотилъ; Таньку, какъ подлый трусъ, подкупаю деньгами... Ерастъ, Ерастъ! (Садится и закрываетъ лицо руками). Много ты въ жизни хорошаго хотѣлъ сдѣлать и ничего не сдѣлалъ! (Плачетъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Маша, очень похудѣвшая и съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ.

Маша. Что это, Ерастъ Тимоѳеевичъ, плачете,—объ чемъ?

Ерастъ. Съ водки, Маша! Чортъ ее знаетъ, какъ нынче выпьешь, такъ и плачешь обо всемъ... Гдѣ Миша?

Маша. Онъ ушелъ развѣдывать тамъ... вы знаете, его главный врагъ, Борисъ Бакреевъ, уничтоженъ!..

(Ерастъ вопросительно на нее взглядываетъ).

Маша. Его бывшій собственный мужикъ посадилъ его въ яму за долгъ, и онъ все состояніе отдалъ акціонерамъ своимъ и кредиторамъ, а самъ пошелъ въ тюрьму.

Ерастъ (подумавъ). Фраза! Слова, слова, слова.

Маша. Разумѣется, слова! Насъ вотъ, несчастныхъ, всѣ теперь преслѣдуютъ, а его сейчасъ же другіе кредиторы выкупили, и онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ мѣсто ему, кажется, готово!

Ерастъ (перекрививъ лицо). Нужный человѣкъ, значитъ,—для отечества полезный!

Маша. Но лучше всего жена его: во время этого несчастья съ нимъ она бѣжала съ Панкревичемъ, который оказался польскимъ агентомъ.

Ерастъ (съ остервенѣніемъ). Туда всѣхъ этихъ барынь, за поляковъ, и породятъ онѣ польскую націю. «Еще Польша не сгинула... наши женщины рожаютъ, имъ дѣвицы подражаютъ...» героевъ польскихъ производятъ на свѣтъ: Сабашинскихъ, и Дурницкихъ, и Панкревичей, и Шельминскихъ. Гейне писалъ это—зналъ ихъ въ корень!.. А что, матери лучше?

Маша. Не знаю. Мишель пошелъ разузнать объ этомъ... Она теперь, говорятъ, все плачетъ и говоритъ: если только не умретъ и насъ найдутъ, она все намъ проститъ; а отецъ, напротивъ, ужасно бѣсится!

Ерастъ. Обозлили ужъ человѣка очень... бываетъ это!

Маша. Но теперь то ужасно, какъ отцу и матери и проститъ насъ: Мишель оказывается сыномъ Ангелики.

Ерастъ (дѣлая удивленное и трагическое лицо). Уа!

Маша. Я ему, значитъ, въ одно время и племянница и сестра!

Ерастъ (не перемѣняя выраженія и судорожно потрясаясь всѣмъ

тѣломъ). Ба! Мерзавка, значитъ, она какая: любовницей отца своего быть—вкусно!

Маша. Не она мерзавка, а онъ злодѣй,—онъ насильно овладѣлъ ею... былъ самъ въ это время какой-то совершенно звѣрь,—убило-было кулакомъ человѣка, который сталъ его уговаривать не дѣлать этого; а потомъ всѣхъ людей, которые были свидѣтелями этому, сослалъ на поселеніе... Она писала все это для сына и, когда начала чувствовать, что мѣшается уже совершенно въ разсудкѣ, отдала ему...

Ерастъ (вдругъ вскакивая и хватая Машу за руку). Маша! И вы казнитесь за него! Гнѣвъ Божій не оскудѣлъ еще; карающая десница Его еще не опочила. Великій проповѣдникъ когда-то сказалъ: «на Голгоѳ не было проповѣди,—тамъ били себя въ перси и плакали!». Маша, будемъ и мы молиться и плакать! (Складываетъ въ благоговѣніи на груди руки).

Маша. Справедливъ ли твой Богъ послѣ этого, когда наказываетъ насъ, совершенно невинныхъ?

Ерастъ (зажимая уши). Маша, не говори ты этого,—не люблю я, когда вы съ Мишей такъ начнете говорить! Когда философъ Дидеротъ въ Петербургѣ пришелъ къ преосвященному Платону, знаешь, поговорить, тотъ, не зная его, вдругъ встрѣчаетъ его словами: «И безумный рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога»,—только.

Маша. Не понимаю я тебя!

Ерастъ. Не понимаешь?.. А глядывала ли ты, дерзкое разумомъ своимъ существо, въ ваше простое, маленькое, женское зеркало, и спрашивала ли ты себя, что ты такое, и дала ли себѣ на это отвѣтъ? Нѣтъ!.. Какъ же ты, не понимая себя, можешь понять непонятное, обнять необъятное?

Маша (пожимая плечами). Я и не хочу понимать непонятное, а говорю очень просто, что ничего не знаю этого!

Ерастъ. Маша, не терзай ты меня, умоляю тебя!.. Я пойду за тебя молиться, да исполнится сердце твое вѣрою и смиреніемъ! (Въ дверяхъ повторяетъ кроткимъ голосомъ) Я иду молиться за тебя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маша (одна, съ тоскливымъ выраженіемъ въ лицѣ). Въ самомъ дѣлѣ, я сама не знаю, что я такое... Никого мнѣ какъ-то не жаль: ни матери, ни ребенка вотъ этого, что ношу подъ сердцемъ, ни Мишеля, ни себя наконецъ. Такъ бы взяла да распустилась на маленькія частички, чтобы и слѣда отъ меня въ мірѣ не осталось!

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Мишель, блѣдный, изнуренный, въ одномъ жилетѣ и брюкахъ, а пальто уже нѣтъ на немъ.

Маша. Гдѣ же пальто твое?

Мишель. Въ кабакѣ заложилъ!.. Вотъ этотъ полштофъ купилъ,—хочу выпить. (Вынимаетъ изъ кармана брюкъ полштофъ и ставитъ его на столъ).

Маша. А что мать?

Мишель (смотря себѣ на руки). Умерла!.. О, чортъ проклятый, всякая грязь на рукахъ, какъ лэди Макбетъ, кровью человѣческой кажется,—совѣсть это, что ли? (Обмываетъ себѣ виномъ руки).

Маша (совсѣмъ блѣдная). Ты не нарочно ее убилъ,—не желалъ этого.

Мишель (глубоко вздохнувъ). Не знаю: желалъ я, или нѣтъ... ударило въ голову тогда, и самъ не помню, что дѣлалъ. (Пьетъ водку).

Маша (помолчавъ). А Ангелику видѣлъ?

Мишель. Совсѣмъ съ ума сошла! Со мной было-итти просилась,—едва ушелъ отъ нея... А тутъ на дорогѣ отца твоего встрѣтилъ; онъ закричалъ хожалому, чтобы схватить меня; три улицы они за мной гнались оба... я ужъ тутъ по сосѣдству въ огородъ перескочилъ, а они, кажется, въ часть побѣжали за квартальнымъ.

Маша. Такъ убѣжимъ куда-нибудь.

Мишель. Куда?.. На голодную развѣ смерть?.. (Пьетъ еще водку). Я рѣшился застрѣлить себя!.. Хочешь, застрѣлю и тебя, если ты желаешь умереть со мной?

Маша (съ ужасомъ). А какъ же, Мишель, ребенокъ мой?

Мишель. Онъ такой же проклятый несчастливецъ будетъ, какъ и я,—пусть лучше и не родится.

Маша. Мишель, нѣтъ!

Мишель. Что нѣтъ?

Маша. Да такъ! Лучше и тебѣ не дѣлать этого съ собой!

Мишель. Спасибо!.. Самое меньшее, если меня поймаютъ, такъ на площади будутъ драть плетьми; но всего скорѣе подъ военный судъ отдадутъ, тогда повѣсятъ! Я вотъ съ часъ только задумалъ убить себя, такъ изсохъ отъ страха и отчаянія; а тутъ сидѣть и ждать, можетъ-быть, годы, какъ тебя выведутъ передъ толпой и станутъ вздергивать.

Маша. Но, Мишель, вѣдь умирать, я думаю, больно, очень больно?..

Мишель. Одна минута.

Маша (все болѣе и болѣе принимая мрачное выраженіе). Ты убьешь меня, а самъ останешься живъ...

Мишель. Я въ себя напередъ выстрѣлю, а тамъ отдамъ пистолетъ тебѣ,—стрѣляй и ты въ себя. (Въ сѣняхъ слышится шумъ и говоръ нѣсколькихъ голосовъ). Слышишь?.. Это за мной идутъ. Нѣтъ, не успѣютъ! (Выхватываетъ изъ кармана пистолетъ, приставляетъ его къ груди своей и выстрѣливаетъ).

Маша (вскрикиваетъ). Мишель, что ты?!

Мишель (падая и передавая ей пистолетъ, хриплымъ голосомъ). На, стрѣляй и ты скорѣй въ себя!

Маша (беря пистолетъ и дрожа). Нѣтъ, Мишель, не могу!

Мишель (со скрежетомъ зубовъ). Стрѣляй скорѣй!

Маша. Не могу!.. Можетъ-быть, и тебѣ будетъ лучше... На, не могу!.. (Бросаетъ пистолетъ на полъ).

(Мишель приподнимается и хватаетъ пистолетъ).

Маша (съ волненіемъ). Нѣтъ, Мишель, не надо! (Бѣжитъ отъ него).

Мишель. Надо! (Выстрѣливаетъ, Маша падаетъ). Покончилъ все!.. Это лучше, что я убилъ ее. Въ глазахъ ужъ темнѣетъ... баста!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, квартальный, Анна Ѳаддеевна, Сашанскій и добросовѣстный.

Анна Ѳаддеевна (въ сильномъ волненіи). Не у меня, господинъ квартальный!.. совсѣмъ не у меня,—они жили у Ераста. Вы знаете, сколько грубостей дѣлалъ онъ и вамъ... Я бѣдная женщина.

Сашанскій (въ сильномъ волненіи). Опять этотъ ужасный выстрѣлъ. Кто у васъ выстрѣлилъ тутъ?

Квартальный (строго Аннѣ Ѳаддеевнѣ). Кто стрѣлялъ теперь, сейчасъ?

Анна Ѳаддеевна. Не знаю, господинъ квартальный! Гдѣ же мнѣ знать: я сама только сейчасъ съ рынку.

Квартальный (окинувъ глазами комнату). Два трупа!

Сашанскій. Это Маша, дочь моя!.. (Кидается къ ней). Машенька, Машенька, что съ тобой?.. Неужели ты умерла? (Трясетъ трупъ дочери и почти помѣшаннымъ голосомъ) Убиты жена и дочь!.. Это онъ же, змѣенышъ, ее застрѣлилъ! Смотрите, и пистолетъ около него валяется; а самъ, каналья, вѣроятно, живъ! (Подбѣгаетъ, начинаетъ толкать трупъ ногою). Живъ, живъ!

Квартальный (Сашанскому). Трупы нельзя шевелить-съ, покуда я не напишу имъ осмотра. (Садится и начинаетъ писать).

Сашанскій. Ну такъ возвратите мнѣ дочь мою, подайте мнѣ ее! (Хватаетъ Анну Ѳаддеевну за воротъ). Ты что съ ней сдѣлала?.. Я тебя въ острогъ посажу!..

Анна Ѳаддеевна. Ваше высокородіе, я не имѣю чести васъ знать, привелъ ихъ Ерастъ, и живутъ они у него.

Сашанскій. Кто такой Ерастъ? Давай мнѣ его сюда!

Анна Ѳаддеевна. Онъ, надо-быть, въ трактирѣ сидитъ.

Квартальный. Сейчасъ за нимъ пошлю-съ! (Солдату) Пошелъ, приведи его! Знаешь его?

Солдатъ. Знаю, ваше благородіе! (Уходитъ).

Анна Ѳаддеевна. Живутъ они безъ паспорта! Я стала ему говорить,—онъ меня прибилъ! Я говорю: пойду къ господину квартальному,—онъ меня избилъ еще разъ.

Квартальный (продолжая писать и укоризненнымъ тономъ). Какъ же онъ могъ бить васъ, если права на то не имѣлъ?.. Въ шестьдесятъ почти лѣтъ женщина, какъ молоденькая, не можетъ себя воздержать отъ этого... стыдитесь!

Анна Ѳаддеевна (покраснѣвъ). Ваше высокородіе, съ мѣста мнѣ не сойти, нѣтъ того теперь... давно ужъ онъ мнѣ не милъ сталъ своимъ пьянствомъ и буянствомъ!

Сашанскій. Я вамъ дамъ, пьяницы! Оба вы у меня посидите въ острогѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Ерастъ.

Ерастъ (полицейскому солдату, который хочетъ его ввести). Не смѣй прикасаться!

Анна Ѳаддеевна (Сашанскому). Вотъ онъ самый и есть!

Сашанскій (подходя къ Ерасту, съ азартомъ). Ты кто такой?

Ерастъ (спокойно). Человѣкъ.

Сашанскій. Ты что сдѣлалъ съ этимъ злодѣемъ и моей дочерью? (Показываетъ на умершихъ).

Ерастъ (мрачно). Знаю я, слышалъ! (Показывая на солдата) Вотъ этотъ подлый воинъ разсказалъ мнѣ все, и если грудь моя не разорвалась на части, такъ потому только, что враны Прометея давно уже истерзали ее до костей!

Квартальный (переставая писать, добросовѣстному). Осмотрите трупъ мужчины, нѣтъ ли у него чего въ карманахъ! (Солдату, показывая на Ераста) А ты за этимъ господиномъ пока присматривай, чтобы не ушелъ куда!

Ерастъ (складывая руки на груди и гордо квартальному). Смотрите, стерегите... убѣгу!

Добросовѣстный. Записка какая-то въ жилетѣ есть! (Подаетъ квартальному записку).

Квартальный (кидая на нее важный взглядъ). Кажется, тутъ объясняется причина смерти. (Читаетъ) «Я самъ себя застрѣлилъ изъ страха публичной казни! Машу тоже, вѣроятно, застрѣлю. Она надѣется на отца, но тотъ проклялъ ее въ минуту смерти матери и поклялся никогда не прощать ея: ей угрожаетъ—или голодная смерть, или быть публичной дѣвкой!.. Я не хочу этого!.. Когда меня будутъ вскрывать, пусть посмотрятъ на мозгъ мой: у меня, вѣроятно, развита очень шишка убійства... я съ дѣтства былъ очень кровожаденъ... Скверно умирать... не хочется еще!» (Кончивъ читать) Какой однако оригинальный господинъ!

(Сашанскій, слушая письмо, склоняется надъ трупомъ дочери и все больше и больше начинаетъ рыдать).

Ерастъ (обращаясь къ нему). Старикъ, не плачь! Пути Божіи неисповѣдимы! Припомни сказаніе объ ангелѣ, столкнувшемъ въ воду юношу! (Смотритъ на него нѣсколько времени внушительно и потомъ продолжаетъ напыщеннымъ голосомъ) И знаешь ли ты, что такое значитъ бѣдственная женитьба Эдипа на матери, ненависть Монтекковъ и Капулетовъ, — та минута, когда великій Лиръ раздѣлялъ королевство на части?.. Воля человѣка произвела событіе; оно отодвинулось отъ него и стало ему грознымъ фатумомъ: не вывернуться, не выкувырнуться изъ-подъ него ни ему ни его потомству!.. Въ то время, какъ глупая и любострастная Гертруда падала въ преступныя объятія своего вотчима, честному Гамлету уже изготовилась шпага, напитанная ядомъ.

Квартальный (строго ему). Перестаньте тутъ болтать!.. Вотъ мы васъ спросимъ, какъ вы смѣли держать этихъ молодыхъ людей и не предувѣдомили своевременно родителей и полицію о мѣстѣ ихъ пребыванія?

Ерастъ. Да, вотъ такъ сейчасъ и отдать ихъ было вамъ въ ваши когтистыя полицейскія лапки! Рано ли, поздно ли, вы все-таки бы ихъ придушили! (Обращаясь снова къ Сашанскому) Старикъ, я благоговѣю передъ твоимъ горемъ; но есть горе и побольше твоего: преклонись и передъ нимъ!.. (Квартальному) Господинъ квартальный, я сейчасъ былъ у монахини Ангелики, родственницы этого несчастнаго молодого человѣка, чтобы посовѣтоваться съ ней объ немъ!.. Она совсѣмъ безумная и выпросилась, чтобы я взялъ ее съ собой... Я ее введу сюда! (Подходитъ къ дверямъ). Прислужница, введи твою бѣдную госпожу, коронованную еще новымъ вѣнцомъ несчастія!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и прислужница вводитъ Ангелику, совсѣмъ сѣдую, съ дрожащей головой и съ огненными глазами.

Ерастъ (показывая на трупы). Вотъ твои дѣти!

Ангелика (нисколько не пораженная ихъ видомъ, подходитъ къ нимъ). Здравствуйте, мои миленькіе!.. Ну, вы въ дорогу, — пора, пора!

Сашанскій (отворачиваясь отъ нея). Сумасшествіе лишило ее всякихъ чувствъ!

Ангелика (прислушиваясь къ нему). Здравствуй, Сашанскій! Помнишь ли ты, какъ сватался ко мнѣ?.. А хороша я была... красота моя заставила сдѣлать преступленіе, которому подобнаго нѣтъ!.. Мое желѣзное тѣло въ тотъ страшный моментъ, вмѣсто того, чтобы умереть, понесло этого несчастнаго ребенка!.. Умная такая я была, что думала всѣхъ перехитрить, все скрыть, всѣхъ обмануть, ну и постарѣла!.. Не отворачивайся такъ отъ меня: въ этихъ слезливыхъ глазахъ, въ этомъ сморщенномъ лицѣ, въ этой пожелтѣвшей сѣдинѣ—вѣдь не я, а горе мое!.. (Смотритъ страстно на Сашанскаго).

Сашанскій (отворачиваясь отъ нея). Боже мой, какимъ непріятнымъ и ужаснымъ выраженіемъ блестятъ ея глаза!

Ерастъ (смотря мрачно на всю эту сцену). Врачъ въ Макбетѣ говоритъ: «дѣла неестественныя родятъ и разстройства неестественныя». Преступленіе другого обрекло ее на монашество и безуміе; но природа взяла свое: смотри, въ искаженныхъ чертахъ этой несчастливицы горитъ огонь страстной дѣвственницы... небо и земля, какъ вы слиты въ человѣкѣ!..

Сашанскій (приходя нѣсколько въ себя и обращаясь къ квартальному). Позвольте мнѣ взять тѣло моей несчастной дочери домой.

Квартальный (съ важностью пожимая плечами). Вѣдь, ей-Богу, не велѣно поднимать трупы до прихода врача!

Сашанскій. Причина смерти, кажется, ясна теперь! (Даетъ ему 25 цѣлковыхъ).

Квартальный (усмѣхаясь пріятной улыбкой). Ахъ, помилуйте, что вы изволите безпокоиться! Если ужъ вамъ такъ угодно, извольте. (Строго солдату и добросовѣстному) Поднимайте осторожнѣе и съ уваженіемъ тѣло дѣвицы!

(Тѣ начинаютъ поднимать).

Сашанскій (показывая на трупъ Мишеля). Ужъ и этого злодѣя я похороню!

Ерастъ. Нѣтъ, мы со старухой не дадимъ его вамъ: мы

все-таки немножко его любили, а вы всѣ его ненавидѣли! (Аннѣ Ѳаддеевнѣ) Поди, сходи, принеси бѣлую скатерть.

(Та уходитъ и сейчасъ же возвращается со скатертью. Солдатъ и добросовѣстный поднимаютъ трупъ Маши и несутъ. Квартальный и Сашанскій слѣдуютъ за ними).

Сашанскій (уходя, Ангеликѣ). Ты все это несчастіе внесла въ домъ мой! Проклятіе тебѣ въ сей жизни и будущей!

Ангелика. Добрый человѣкъ, не проклинай меня, — я за тобой же пойду! (Идетъ-было за нимъ).

Прислужница (останавливая ее). Вы куда же, сударыня?..

Ангелика. Ахъ, да, мнѣ еще рано... Я и забыла!

Ерастъ. Не ходи, старуха, погоди! (Береть у Анны Ѳаддеевны скатерть). Давай нашего покойника обряжать!

Ангелика (твердымъ голосомъ). Давай! (Прислужницѣ) Отпусти меня совершенно,—я не ребенокъ.

(Прислужница отпускаетъ ее. Ерастъ, Анна Ѳаддеевна и Ангелика кладутъ трупъ на столъ).

Ерастъ (покрывая трупъ простыней, кладя ему подъ голову подушку и обращая нѣсколько лукавый и насмѣшливый взглядъ къ Ангеликѣ). Эти люди, что ушли сейчасъ, полагаютъ, что мы съ тобой сумасшедшіе, того не зная, что при датскомъ дворѣ одинъ только умный человѣкъ и былъ: это сумасшедшій Гамлетъ! (Поднимая нѣсколько голову у трупа и поправляя скатерть) Вотъ, такъ хорошо! (Къ публикѣ) Господа, передъ величіемъ трупа нѣтъ мѣста ни гнѣву, ни любви, ни проклятіямъ, ни благословеніямъ, а есть одна только молитва! (Къ Ангеликѣ и Аннѣ Ѳаддеевнѣ) Помолимтесь!

Ангелика (тѣмъ же твердымъ голосомъ). Помолимся!

(Всѣ трое преклоняются).

Занавѣсъ падаетъ.

МИЛОСЛАВСКІЕ и НАРЫШКИНЫ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ — 16-ти лѣтъ *).
Царь Петръ Алексѣевичъ—10-ти лѣтъ.
Правительница царевна Софья Алексѣевна, сестра царей Іоанна и Петра, отъ одной матери съ царемъ Іоанномъ, изъ рода Милославскихъ—25-хъ лѣтъ.
Царица Наталья Кирилловна, вдова царя Алексѣя Михайловича, мать Петра, изъ рода Нарышкиныхъ — 30-ти лѣтъ.
Царевна Татьяна Михайловна, дочь Михаила Ѳедоровича, тетка царей Іоанна и Петра — 55-ти лѣтъ.
Царевна Марья Алексѣевна, дочь Алексѣя Михайловича, сестра царей Іоанна и Петра—22-хъ лѣтъ.
Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, начальникъ приказа большой казны, родственникъ царевны Софьи Алексѣевны—65-ти лѣтъ.
Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, сначала бояринъ, а потомъ царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель—49 лѣтъ.
Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, большой бояринъ и начальникъ стрѣлецкаго приказа—65-ти лѣтъ.
Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, сначала думный дьякъ, а потомъ начальникъ стрѣлецкаго приказа—38-ми лѣтъ.
Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ—23-хъ лѣтъ, и Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ—22-хъ лѣтъ, братья царицы Натальи Кирилловны.
Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, кравчій, двоюродный братъ Василія Васильевича Голицына—48-ми лѣтъ.
Князь Иванъ Никитичъ Одоевскій, бывшій воевода новгородскій — 60-ти лѣтъ.
Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, большой бояринъ — 50-ти лѣтъ.

---

*) Года всѣхъ дѣйствующихъ лицъ обозначены въ томъ возрастѣ, въ коемъ они являются въ первыхъ явленіяхъ своихъ на сцену.

Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, большой боярин — 52-хъ лѣтъ.
Гордонъ и Лефортъ, иностранные генералы.
Никита Пустосвятъ, разстриженный священникъ суздальскій, раскольникъ—48-ми лѣтъ.
Сергій, раскольничій нижегородскій чернецъ—53-хъ лѣтъ.
Пятисотникъ стрѣлецкаго полка Елизарьевъ—45-ти лѣтъ.
Боярыни, боярскія дочери, боярскія дѣти, дворяне, стрѣльцы, солдаты, боярскіе люди, монахиня, верховыя дѣвицы, служители, раскольники, народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ и въ Троицко-Сергіевой лаврѣ съ 17 мая 1682 года по 11 сентября 1689 года.

ДѢЙСТВІЕ I.

17-го мая 1682 года.

Третій день стрѣлецкаго бунта. Утро. Палата царицы. Стѣны и потолокъ ея обиты зеленымъ атласомъ. Окна слюдовыя, съ желѣзными, посеребренными переплетами и съ стаметными занавѣсами; двери тоже обиты сукномъ и убиты серебряными гвоздиками; по стѣнамъ лавки, покрытыя краснымъ сукномъ съ позументомъ, печи расписного изразца. На правой сторонѣ сцены столъ, покрытый серебрянымъ ковромъ; передъ нимъ кресло съ сафьянной подушкой и ременными подручками и подножками *).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ **). За нимъ идетъ постельница Клушина ***).

Клушина. Потише ли, батюшка, стало промежъ народа?

Князь Голицынъ (съ безпокойнымъ взоромъ). Потише!.. Съ утра ничего не слыхать; а гдѣ Кирила Полуектовичъ и Иванъ Кирилычъ?

Клушина. Спрятаны, батюшка! Не велѣно и сказывать куда, и тебѣ не скажу!.. Сама ихъ, голубчиковъ, укутала да ухоронила ****).

Князь Голицынъ (съ тѣмъ же безпокойнымъ взоромъ). А князь Иванъ Никитичъ Одоевскій не приходилъ къ царицѣ?

Клушина. Не видала, родимый, не могу того сказать,— надо-быть, не былъ; я все тутъ кругомъ да около ходила... Да вотъ онъ и самъ грядетъ! Господи, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

---

*) «Домашній бытъ русскихъ царей» Забѣлина, стр. 115, 116, 117, 133.
**) Костюмъ боярина см. «Собраніе рисунковъ къ путешествію Майерберга», стр. 38.
***) Костюмъ ея см. тамъ же, стр. 39.
****) Статья Щебальскаго: «Царевна Софья Алексѣевна», стр. 35.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и князь Иванъ Никитичъ Одоевскій *).

Князь Одоевскій (входя и кланяясь Голицыну). По добру по здорову!

Князь Голицынъ (съ неискренней улыбкой). Благодарствую... Видать такъ, Иванъ Никитичъ: ты не оставилъ твоего вчерашняго рѣшенья?

Князь Одоевскій. Али оставилъ?.. Нѣту, не такой я человѣкъ! (Къ Клушиной) Повѣсти царицѣ, что пришелъ-де къ ней князь Одоевскій и имѣетъ къ ней великую надобность сказать!

Клушина. Слушаю, батюшка, слушаю; отцы вы наши, благодѣтели и покровители, помилуйте вы насъ и заступитесь! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Князь Голицынъ и князь Одоевскій.

Князь Голицынъ (торопливо). Я, признаться, Иванъ Никитичъ, нарочно и упредилъ сюда прійти сказать тебѣ: промежъ царской семьи и безъ того смутно и несогласно, а ты еще пуще того хочешь подливать масла въ огонь.

Князь Одоевскій (съ удареніемъ). Князь Василій Васильичъ, я былъ, есмь и останусь слуга вѣрный моихъ государей!.. За отечество мое я раны ношу!.. Въ огонь мнѣ царь мой велитъ итти — пойду!.. Но ежели изъ-за угла меня на плаху тащатъ— извини: я и царской семьѣ тогда не слуга и не угодникъ!

Князь Голицынъ (убѣждая его). Что же царская семья тутъ? Что стрѣльцы бунтуютъ,—въ чемъ же цари тутъ могутъ быть причинны?..

Князь Одоевскій. Я опять тебѣ говорю, устъ моихъ про царей али бы ихъ сродичей отверзать не посмѣлъ, какъ бы не въ очію моемъ было: третьяго-дня-съ, въ эту сумятицу, три чорта стрѣльца съ балкона слѣзли, при мнѣ кричатъ народу: «сами, говорятъ, царевича Іоанна видѣли, живъ! и ни на кого изъ дворянъ не жалуется!..» Покойный свѣтъ Матвѣевъ тоже вышелъ къ бунтовщикамъ, сталъ имъ говорить: «братцы, говоритъ, прежде вы сами бунты замиряли, пошто же теперь дѣянья ваши помрачаете?» Какъ дѣвки красныя, злодѣи устыдились и стали бы отваливать **), а тутъ, гляжу: бочки съ виномъ черезъ Спасскія ворота катятъ. «Про кого

*) Костюмъ боярина см. «Собраніе рисунк. къ путеш. Майерберга», стр. 38.
**) «Исторія» Соловьева, т. XIII, стр. 347.

такія?» говорю.—«Про народъ, говорятъ, и про стрѣльцовъ отъ Милославскаго, чтобы посмирнѣли!» Съ вина по-его человѣкъ смирнѣе будетъ!

Князь Голицынъ. Не съ вина же этого, въ самомъ дѣлѣ, распалило ихъ такъ? Пивали прежде того и не по столику!

Князь Одоевскій. Пивали, да не къ случаю. Знаемъ стрѣльцовъ-то не съ сегодня: трезвый зайцемъ смотритъ, а пьяный чорту не братъ! Я еще, согрѣшилъ грѣшный, покойному царю Алексѣю Михайлычу говаривалъ: «нашъ стрѣлецъ, говорю, на печкѣ храбритъ, на войнѣ дрожитъ!..» Либо перстеньками торгуетъ, либо пьяный по улицѣ съ саблей ходитъ,—экій воинъ Христовъ, рать Божія!

Князь Голицынъ. И ихъ тоже обижали немало!

Князь Одоевскій. Чѣмъ?

Князь Голицынъ. Тѣмъ! Розыскъ на Грибоѣдова, чай, помнишь... и жалованья царскаго имъ не додавали, и платье праздничное полковники шить на себя заставляли, и сѣмена на ихъ сборныя деньги покупали и по огородамъ у нихъ сѣяли *).

Князь Одоевскій. Кажись, и удовольствованы за то были: всѣхъ полковниковъ безъ суда отъ команды отрѣшили, чины и деревни у нихъ обобрали... Чего жъ имъ, окаяннымъ, еще больше того надо **).

Князь Голицынъ (какъ бы не слушая его). Они не супротивъ полковниковъ теперь и идутъ, а супротивъ того, что присяга царю Петру неладно была сдѣлана.

Князь Одоевскій. Что же неладно? Присяга, какъ присяга: на соборѣ и съ выборными.

Князь Голицынъ (опять насильственно усмѣхаясь). Какіе жъ то выборные, помилуй. Развѣ они по тому дѣлу были согнаны въ Москву? Какую думу ихъ избиратели насчетъ избранія царей думали, развѣ они знали? А по Москвѣ здѣсь еще и хуже того шло: собрали всякой сволочи, и подавай голоса!.. Кто за кого кричалъ, въ этомъ омутѣ патріархъ развѣ могъ разобрать?.. Кричали, можетъ, больше на Іоанна, а сочли все за Петра ***).

Князь Одоевскій (распуская руки). Не знаю, князь Василій Васильевичъ, что ты про себя думаешь; но чтобы тебѣ не вѣдать того, что не въ царевичѣ Іоаннѣ дѣло,—этому я не вѣрю... Что царевичъ разумомъ слабъ и главою скорбенъ,

*) «Исторія» Соловьева, т. XIII, стр. 343.

**) Статья Щебальскаго: «Царевна Софья Алексѣевна», стр. 21.

***) Земскіе соборы Руси, ст. Бѣляева, «Москов. университ. извѣстія» 1866—67 года, № 4, стр. 395.

знаетъ про то всякъ, и не объ немъ радѣютъ, а объ Милославскомъ, и не объ Милославскомъ, а объ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

(Князь Голицынъ усмѣхается и качаетъ головой).

Князь Одоевскій (продолжаетъ). Нечего усмѣхаться-то! Ты у царевны частый гость; оба вы съ ней люди умные, поученные... тебѣ въ невѣдѣніи того нельзя быть!

Князь Голицынъ. Почему же нельзя мнѣ быть?

Князь Одоевскій. А потому...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и царевна Софья Алексѣевна *); она входитъ скромно и потупивъ свои жгучіе глаза.

Софья Алексѣевна (къ боярамъ). Царица, знать, въ опочивальнѣ своей?

Князь Одоевскій. Надо-быть, тамъ!

Софья Алексѣевна. Ты, князь Иванъ Никитичъ, по дѣлу какому-нибудь до царицы?..

Князь Одоевскій (потупляя глаза). По дѣлу.

Софья Алексѣевна. По какому такому?

Князь Одоевскій (сильно уже сконфузясь). По... не... хорошему!

Князь Голицынъ (вмѣшиваясь въ разговоръ). На князя Ивана Михайлыча Милославскаго съ извѣтомъ пришелъ.

Софья Алексѣевна (какъ бы совершенно равнодушнымъ тономъ). Это про что такое?

Князь Голицынъ. Что князь Иванъ въ третьягодняшній бунтъ выкачивалъ про стрѣльцовъ и про народъ бочки съ виномъ.

Софья Алексѣевна (тѣмъ же тономъ). По что же онъ дѣлалъ это такъ?

Князь Одоевскій (собравшись съ духомъ и съ нѣкоторымъ удареніемъ). Про то, надо-быть, чтобы стрѣльцы побольше извели Нарышкиныхъ!..

Софья Алексѣевна (строгимъ голосомъ). Не знаю, я родственница князя Ивана Михайлыча, а не слыхала про то его желаніе!.. При смутѣ народной, кажись бы, теперь не время наговаривать другъ на дружку!

Князь Одоевскій. Не наговорье то, государыня, а слезы наши: третій день вотъ сидимъ въ Кремлѣ, не пимши, не ѣмши, каждый часъ ожидаючи, что шкурой своей поплатимся! Про что и за что Матвѣевъ и Долгоруковы замучены?

---

*) Костюмъ ея см. въ «Собран. рисун. къ путеш. Майерберга», стр. 55, рис. 4, только безъ короны.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Наталья Кирилловна въ монашескомъ одѣяніи *). За ней входятъ двѣ боярыни и четыре боярскія дочери **).

Царица (входя и садясь въ утомленіи на стулъ). Что, бояре, съ какими вѣстями?.. Какую еще печаль и скорбь принесли на меня?

Софья Алексѣевна. Печали они тебѣ, государыня, не принесли, а пришли провѣдать о твоемъ здоровьѣ.

Царица. Истерзали да измучили, а теперь объ здоровьѣ гребтятъ...

Софья Алексѣевна. Богъ дастъ, поуспокоишься и поздравствуешь!.. Въ народѣ, слава Богу, все поусмирнѣло!

Князь Одоевскій (больше какъ бы про себя). Ненадолго эта смирнота.

(Съ улицы раздается шумъ и набатный колоколъ).

Царица (испуганно-насмѣшливымъ тономъ). Что же это, поусмирнѣло?

Князь Одоевскій (тоже съ насмѣшкой). Экіе смирные какіе—слышь?

Софья Алексѣевна (какъ бы встревоженнымъ тономъ). Не вѣдаю, что такое; пойду поглядѣть! (Уходитъ).

Князь Голицынъ. Чтобы царевнѣ чего не приключилось—итти за ней. (Тоже уходитъ за ней).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Царица со свитой своей и князь Одоевскій.

Князь Одоевскій (съ азартомъ показывая на ушедшую царевну и князя Голицына). Вѣдаютъ они, государыня царица, все!.. Все рукъ ихъ дѣянье!..

Царица. Знаю! (Разводя передъ княземъ Одоевскимъ руками) А что же вы, бояре вѣрные и преданные, на мученье и поруганье меня предали? Я ужъ теперь, не скрываючись, говорю: мнѣ отъ тетокъ и золовокъ еще при насынкѣ житья не было!.. Скончался онъ, государь милостивый... Я въ самый день похоронъ Петрушу... долгой похоронной службы онъ не выдержалъ... увела въ хоромы покормить,—какъ псицъ какихъ, Анна Михайловна и Татьяна Михайловна прислали ко мнѣ монахинь своихъ лаяться, зачѣмъ я не держала младенца до конца погребенія родича?.. А Софья Алексѣевна тѣмъ же днемъ, не скрываючись, выла на весь народъ, что осталась она безъ

*) Костюмъ см. въ «Собран. рисун. къ путеш. Майерберга», стр. 37.
**) Тамъ же, стр. 55.

отца и матери, и что коли братецъ ея Иванъ на царство не выбранъ, такъ отпустили бы ее въ земли иностранныя, къ королямъ христіанскимъ *)! Почто жь вы, бояре, все имъ это спущаете и поблажаете?..

Князь Одоевскій (еще болѣе расхрабрясь). Не поблажаю я имъ; я пришелъ нарѣкомъ къ тебѣ доложить на князя Ивана Милославскаго и на сродственницу твою, царевну Софью Алексѣевну...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и входитъ Софья Алексѣевна, въ сопровожденіи князя Голицына, князя Прозоровскаго, князя Троекурова и еще нѣсколько человѣкъ думныхъ бояръ **).

Софья Алексѣевна (потупляя глаза). Князь Хованскій, государыня царица, идетъ къ тебѣ...

Царица (поблѣднѣвъ). По что это? Что ему надо отъ мя?

Софья Алексѣевна (тѣмъ же покорнымъ, но въ то же время твердымъ голосомъ). Отъ стрѣльцовъ и народа онъ по что-то пришелъ къ тебѣ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ князь Хованскій ***).

Князь Хованскій (перекидывая изъ руки въ руку шапку и замѣтно трусливымъ голосомъ). Государыня царица, рабъ твой, князь Иванъ Хованскій... смѣетъ явить тебѣ... отъ стрѣльцовъ и народа прошеніе, чтобы выдала ты брата своего Ивана Нарышкина,—понеже садился онъ на великокняжескій тронъ и примѣрялъ на себя царскую корону ****).

Царица (восклицаетъ). Нѣтъ у меня брата Ивана!.. Кто имъ сказалъ, что онъ у меня; пусть ищутъ его, гдѣ знаютъ.

Князь Хованскій (покорно). И я имъ говорилъ то — не вѣрятъ! Розыскъ по всему дворцу хотятъ сдѣлать. Боюсь, чтобы они тебѣ, тетенькамъ твоимъ и сестрицамъ чего не прилучили.

Царица (съ воспламененнымъ взоромъ и насмѣшливо-злобнымъ тономъ). Очень я попасаюсь за сихъ старыхъ дѣвокъ. Я сама

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 339.
**) Костюмы такіе же, какъ и у князя Одоевскаго.
***) Костюмъ его тотъ же, что и у князя Одоевскаго.
****) Статья Щебальскаго: «Царевна Софья Алексѣевна», стр. 40.

живу, себя не оберегаючи. На, веди меня къ народу!.. Пусть онъ казнитъ и терзаетъ жену царя Алексѣя Михайлыча.

Князь Хованскій. Какъ я могу сдѣлать то?..

(Въ это время одна изъ боковыхъ потаенныхъ дверей отворяется, изъ нея выходитъ самъ Иванъ Кирилловичъ. Всѣ въ страхѣ на него взглядываютъ и отступаютъ отъ него).

Иванъ Кирилловичъ (царицѣ). Не безпокойствуй, сестрица, и не тревожься; благодарствую тебя за всѣ твои попеченія!.. Я самъ выйду къ народу. (Къ Хованскому) Веди меня, Иванъ Андрѣичъ, куда надо!

Царица (къ брату). Не смѣй этого дѣлать!.. Поди, уходи опять въ свои покои, а ты, князь Хованскій, и вы всѣ, бояре, ступайте къ стрѣльцамъ и скажите, что нѣтъ у меня моего брата.

(Бояре переглядываются между собою).

Князь Одоевскій (переминаясь). Намъ, государыня царица, сходить трудъ не великъ!

Князь Прозоровскій (отворачиваясь и смотря въ сторону). Что тутъ ходить: ходи не ходи, толку изъ того не будетъ!

Князь Одоевскій (обрадованнымъ голосомъ). Извѣстно, что не будетъ. (Обращаясь къ царицѣ) И мы, государыня, слезно и колѣнопреклонно тебя молимъ: побереги ты себя и царевичей. (Кланяется ей въ поясъ).

Софья Алексѣевна (вмѣшиваясь въ разговоръ). Всамотко, Наталья Кирилловна, не погибать же намъ всѣмъ изъ-за твоего брата, и тебѣ его ужъ никакъ не отбить отъ народа *).

Князь Одоевскій (подхватывая). Гдѣ тутъ отбить!.. Сколько тоже не жалѣй, а отдать придется, и тебѣ, Ивану, самому итти скорѣй надо **)!

Иванъ Кирилловичъ. Я иду!.. (Къ Хованскому) Веди!

Софья Алексѣевна. Возьми, Иванъ Кирилычъ, образъ Богоматери!.. Со святыней въ рукахъ злодѣи тебѣ ничего не сдѣлаютъ ***).

(Одна изъ ближнихъ боярынь подаетъ торопливо образъ. Иванъ Кирилловичъ беретъ его).

Царица (обращаясь къ Софьѣ Алексѣевнѣ). И ты, тигрица, говоришь о святынѣ!.. (Бросаясь къ брату на шею) Не въ пасть къ народу, а вотъ къ ней и къ этимъ крамольникамъ кидаю я тебя!.. (Показывая на Софью Алексѣевну и бояръ и продолжая рыдать) Однимъ я передъ вами, моими кровными, виновата,

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 351.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же.

что возвела я на эту высь къ царскому трону; но не сама я сюда шла, а красота моя, что̀ плѣнила царя, возвела меня въ этотъ адъ кромѣшный.

Софья Алексѣевна (перебивая ее). Пустыхъ и бранныхъ рѣчей ея не переслушаешь. (Къ Нарышкину) Спѣши, боярин!

Иванъ Нарышкинъ. Я готовъ!.. (Кланяясь общимъ поклономъ) Простите меня, Христа ради... да будетъ смерть моя послѣдняя! (Уходитъ въ сопровожденіи князя Хованскаго).

Царица (метаясь и рвя на груди у себя платье). Злодѣи, варвары, отняли у меня моего брата ненагляднаго!..

(Боярыни почти насильно усаживаютъ ее въ кресло. Невдолгѣ послѣ того раздается народный гулъ: „Ого-го-го-го!“. Царица только вздрагиваетъ. Князь Голицынъ, по знаку царевны Софьи Алексѣевны, подходитъ къ растворенному окну. Народный гулъ продолжается и все болѣе и болѣе усиливается).

Князь Голицынъ (вслушиваясь). Стрѣльцы требуютъ, чтобы дали присягу на Іоанна.

(Бояре опять нерѣшительно переглядываются между собой).

Царица (обращаясь къ нимъ горько-насмѣшливымъ тономъ). Рѣшайте!.. дума боярская здѣсь вся... Рѣшила же она послать брата моего на убіеніе.

Бояре (почти всѣ въ одинъ голосъ). Дать присягу надо!..

Князь Одоевскій. Царицѣ, али намъ, противъ рожна итти нечего, — не сопрешь его!..

Царица (съ тѣмъ же горькимъ тономъ обращаясь не нему). Не въ панцырѣ бы тебѣ, князь Иванъ Никитичъ, ходить надо, а въ сарафанѣ.

(Гулъ народный снова поднимается).

Князь Голицынъ (вслушиваясь въ него). Требуютъ, чтобъ Іоаннъ былъ избранъ и былъ первымъ.

Князь Прозоровскій. Первымъ и будетъ, когда старшій; такъ и по рожденію слѣдуетъ!

Прочіе бояре. Такъ! Такъ!..

(Гулъ народный еще больше возрастаетъ).

Князь Одоевскій (торопливымъ голосомъ Голицыну). Объявляй же скорѣй народу, а то онъ, пожалуй, и сюда привалитъ.

Князь Голицынъ (выставившись въ окно и звучнымъ голосомъ). Дадутъ присягу на Іоанна, и будетъ онъ первымъ!

(Народный гулъ: „Ого-го-го!..“ и затѣмъ какія-то слова.

Князь Голицынъ (вслушавшись въ нихъ, не совсѣмъ твердымъ голосомъ). Требуютъ, чтобы надъ царями правительницей стояла царевна Софья Алексѣевна *).

(Бояре нѣкоторое время молчатъ, и только нѣкоторые изъ нихъ робко взглядываютъ на царицу).

---

*) «Исторія Россіи» Соловьева, томъ XIII, стр. 354.

Царица (обращаясь къ нимъ). Что жъ, рѣшайте и то.

Князь Прозоровскій. Быть царевнѣ!

Всѣ за нимъ. Быть Софьѣ Алексѣевнѣ правительницей!

Князь Голицынъ (выставляясь въ окно и опять звучнымъ голосомъ). Будетъ правительницей Софья Алексѣевна!

(Народный гулъ: „Ого-го-го!“).

Царица (вставая и кланяясь боярамъ). Спасибо, бояре, что вы вашимъ судомъ и разумомъ родичей монхъ и брата на смерть приговорили, сыну моему въ данной ему присягѣ отговоръ учинили и самого его подъ началъ неродной и постылой сестры отдали! Остается теперь едино: выгнать меня, горькую, совсѣмъ изъ дворца, какъ и говорилъ ужъ вамъ о томъ князь Хованскій *). Благодарствую за все то!

(Кланяется еще разъ всѣмъ и, сопровождаемая ближними боярынями, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья Алексѣевна, князь Одоевскій, князь Голицынъ и прочіе бояре.

Князь Одоевскій. Гнѣваться изволитъ, а что мы тому причиной?

Софья Алексѣевна (обращаясь къ Голицыну). Постихъ ли народъ?

Князь Голицынъ. Стихъ!.. почти ужъ весь отвалилъ!..

Софья Алексѣевна (къ боярамъ). Ну, бояре, и вы расходитесь. Немало вы тутъ маяли!

Князь Одоевскій (со вздохомъ). Да! впервые сегодня пообѣдаю, соснуть лягу и въ баньку!..

(Кланяется царевнѣ и уходитъ).

Князь Прозоровскій (царевнѣ). Поправь, государыня-царевна, нами и поруководствуй насъ, рабовъ твоихъ!

(Всѣ бояре кланяются ей и уходятъ съ нимъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Софья Алексѣевна и князь Голицынъ.

Софья Алексѣевна (останавливается по серединѣ сцены и прижимая руку къ сердцу и возводя глаза къ небу). Свершилось!..

Князь Голицынъ (подошедшій уже отъ окна къ ней, радостнымъ голосомъ). Свершилось, государыня царевна!

---

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 350.

Софья Алексѣевна (какъ бы воспрянувъ, обращается къ нему и беря его за руку). Свершилось, родной мой, свѣтъ очей моихъ! Все твоими радѣньями, надежда моя!.. только объятьями моими и поцѣлуями могу заплатить тебѣ за то! *). (Бросается къ нему на шею и начинаетъ его цѣловать).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

5 іюля 1682 года.

Грановитая палата; окна и двери ея украшены каменною рѣзьбою, а стѣны живописью, изображающею Саваоѳа, сотвореніе ангеловъ и человѣковъ, раздѣленіе Владимиромъ своего княжества дѣтямъ; портреты великихъ князей Ярослава, Всеволода, Мономаха, Георгія Долгорукаго, Александра Невскаго, царей: Ѳеодора Іоанновича, Алексѣя Михайловича.

По правой сторонѣ сцены два трона, два кресла и скамейка **).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ князь Хованскій, Сергій ***) и Еремѣевъ ****).

Сергій (съ смиреннымъ видомъ). Къ тебѣ, царскій боярине, прибѣгохъ!.. Попекись о насъ грѣшныхъ, погибаемъ отъ повшествъ, не дай насъ, какъ и братію нашу, мучить и жечь °)! (Кланяется Хованскому въ ноги).

Князь Хованскій (съ важностью). Это что, кланяться тутъ не гляче: я самъ радѣю о старомъ благочестіи... Съ прошеніемъ къ царямъ °°)?

Сергій. Съ прошеніемъ на патріарха и весь синклитъ его: за что онъ насъ, не держащихъ ихъ латинства, отъ церкви отлучаетъ и еретиками называетъ?.. Не соблаговолишь ли самъ прочесть челобитную? (Подаетъ ему свитокъ).

Князь Хованскій (развертывая его и пробѣгая глазами). Складно написано!.. Ты писалъ?

Сергій (смиреннымъ тономъ). Я.

Князь Хованскій. А кто же по ней отвѣтъ будетъ держать?

Сергій. Я же, кому-то!..

Князь Хованскій (оглядывая его). А станетъ ли тебя на

---

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 336.

**) «Домашній бытъ русскихъ царей», стр. 127.

***) Костюмъ его см. въ «Собраніи рисунковъ къ путешествію Майерберга», стр. 39.

****) Костюмъ его тамъ же, стр. 37.

°) и °°) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 358.

сіе великое дѣло? Ты съ виду, иноче, смиренъ и словно бы нерадословенъ.

Сергій (смиренно). Не я буду глаголати, но Духъ Божій во мнѣ *), а еще паче того и отецъ Никита придетъ.

Князь Хованскій. Ну, того они не сопрутъ; всѣ падутъ предъ нимъ, яко листвіи древесныя!

Сергій. Только то намъ, бояринъ, опасно: въ палату мы взыдемъ одни, народу много не пустятъ; а что намъ безъ народу дѣлать **)?

Князь Хованскій. Отчего жъ не пустятъ?.. Пусть идетъ всякъ, и я при томъ буду: что вамъ будетъ, то и мнѣ,—довольно мнѣ того! (Нахмуривъ брови и подумавъ) А что, какъ промежъ стрѣльцовъ соглашенье шло?

Сергій. Я коли, бояринъ, имъ по слободамъ челобитную читалъ, поди какое плачъ и воздыханіе имѣли: «Николи, говорятъ, мы о такихъ ересяхъ въ новыхъ книгахъ не слыхивали и готовы умирать за старое благочестіе» ***).

Князь Хованскій. И мнѣ они то же баяли!.. Я ихъ прилежно и троекратно опрашивалъ о томъ ****).

Сергій. Девять приказовъ, бояринъ, и десятые пушкари, какъ самъ изволишь видѣть, зарукоприкладствовали къ прошенію °).

Князь Хованскій (еще болѣе нахмуривая брови). А достальные девять гдѣ же?

(Сергій молчитъ).

Князь Хованскій (строго обращаясь къ Еремѣеву). Что же достальные?

Еремѣевъ (глупымъ голосомъ). Сумнѣваются, бачка!.. «Коли, говорятъ, мы къ челобитной руку приложимъ, такъ съ насъ за нее и спросятъ, а намъ гдѣ то!.. Пусть, говорятъ, старцы сами за нее отвѣчаютъ, а то они тутъ накрутятъ да намутятъ, а сами послѣ и уйдутъ» °°)!

Князь Хованскій (нѣсколько уже сконфуженнымъ голосомъ). Рознь, что ли, они, лѣшіе, хотятъ держать!

Еремѣевъ (попрежнему глупо). Гдѣ рознь?.. нѣту: мутятся только и робѣютъ! «Мы, говорятъ, и безъ того за старой вѣрой и правдой смотримъ» °°°).

---

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIII, стр. 359.
**) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, т. I, стр. 58.
***) Тамъ же, стр. 367.
****) Тамъ же, стр. 362.
°) Тамъ же, стр. 361.
°°) Тамъ же.
°°°) Тамъ же.

Князь Хованскій. Коли за правдой смотрятъ, такъ и душу свою клади за нее!.. Пришли ли выборные-то?

Еремѣевъ. Согнаны отъ всѣхъ приказовъ.

Князь Хованскій. Пусть вотъ выйдутъ вмѣстѣ съ нимъ (показываетъ на Сергія).

Еремѣевъ. Слушаю-тко! (Неторопливо повертывается и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь Хованскій и чернецъ Сергій.

Сергій (таинственнымъ голосомъ). А какъ, осмѣлюсь спросить, государь боярин, будутъ царей на царство вѣнчать, по-старому, или по новой вѣрѣ?

Князь Хованскій (съ важностью). Надо-быть, по-старому...

Сергій. Подобаетъ, боярин, чтобы патріархъ и обѣдню служилъ на семи просфорахъ; чтобы крестъ на нихъ былъ истинный, а не крыжный *)!

Князь Хованскій (опять съ важностью). И то скажу. Велите напечь просфоръ съ простымъ крестомъ и принесите ко мнѣ; я самъ ихъ снесу къ патріарху, а теперь пока ступай: кто-то идетъ сюда!

(Сергій кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Изъ среднихъ дверей, ведущихъ во внутренніе покои дворца, выходитъ съ палкою боярин Иванъ Михайлычъ Милославскій **), совсѣмъ ужъ сѣдой и почти слѣпой старикъ; за нимъ входитъ и держится въ почтительномъ отдаленіи Шакловитый ***).

Милославскій (оглядѣвъ съ нахмуренными бровями и прищуренными глазами палату и увидавъ князя Хованскаго). Ты тутотка, а я тя на площади искалъ!

Князь Хованскій. Царевна сюда указала мнѣ прійти. (Видимо желая приласкаться къ Милославскому) Пообмогся, знать, Иванъ Михайлычъ, оздоровѣлъ!

Милославскій (съ удареніемъ). Да! Обмогся! Поспѣшилъ, чтобы прибыть на твои празднества!

Князь Хованскій (какъ бы не понимая). Какія жъ мои такія празднества?

Милославскій (съ прежнимъ удареніемъ). Празднества, что

*) Исторія Петра Великаго» Устрялова, т. XIII, стр. 360.

**) Костюмъ его см. «Собраніе рисунковъ къ путешествію Майерберга», стр. 38.

***) Тамъ же, стр. 39.

въ Кремлѣ себѣ затѣваешь!.. Мотри, чтобы плакать объ нихъ послѣ не пришлось. (Строгимъ голосомъ) Государыня правительница повелѣла мнѣ спросить тебя: почто и чего ради собрались въ Кремлѣ раскольники и стрѣльцы твои?

Князь Хованскій (официальнымъ голосомъ, усиливаясь придать ему твердость). Собрались подать прошеніе къ царямъ, чтобы старое благочестіе блюлось, и чтобы въ соборной церкви служили, какъ служили святѣйшіе чудотворцы *).

Милославскій. Патріархъ имъ ужъ давалъ отвѣтъ на то. Что жъ имъ больше того?

Князь Хованскій (окончательно уже овладѣвъ собою). Не вѣмъ, какой отвѣтъ имъ былъ отъ патріарха, я не былъ при томъ!

Милославскій. Не былъ—по пословицѣ: «чорта не было, да смрадъ его слышали!..» (Обращаясь къ Шакловитому) Подь, Ѳедоръ Леонтьичъ, доложи царевнѣ, что раскольники и стрѣльцы пришли подать ей прошеніе о старой вѣрѣ!..

(Шакловитый кланяется ему и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Милославскій и князь Хованскій.

Милославскій (опять обращаясь къ князю Хованскому). Правительница повелѣла еще тебѣ сказать, что ежели ей, али кому изъ присныхъ ея, будетъ что худо отъ стрѣльцовъ и раскольниковъ, такъ ты за то отвѣчать будешь; тебя на плаху взведутъ, и палачъ ужъ на то приготовленъ,—въ сѣняхъ вонъ стоитъ!

Князь Хованскій (важничая). За что жъ мнѣ такъ одному за весь народъ отвѣчать? Я и то неустанно по приказамъ говорю: «царь, говорю, Іоаннъ, по-вашему, на царство посаженъ, царевна Софья Алексѣевна правительничаетъ; помолитесь, говорю, и поблагодарите Бога за то!»—«Гдѣ, говорятъ, намъ молиться, коли вѣра наша поругана, храмы въ посрамленіи!»

Милославскій (почти съ ожесточеніемъ). То-то храмы въ посрамленіи, вѣра ихъ поругана, и не твоя ли тоже, паря? Не съ сегодня мы тебя знаемъ, *тарапуй* двуличный **).

Князь Хованскій. Что жъ ты прозвищемъ-то бранишься? Про что?..

Милославскій. А про то, что оно больно ужъ складно къ тебѣ пришлось!

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, часть I, стр. 67.

**) Статья Щебальскаго: «Царевна Софья Алексѣевна», стр. 40.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и входятъ: правительница Софья Алексѣевна, царевна Татьяна Михайловна (обѣ въ коронахъ), царица Наталья Кирилловна (она попрежнему въ монашескомъ одѣяніи) и царевна Марья Алексѣевна (она тоже въ коронѣ). За ними идутъ: князь Одоевскій, князь Голицынъ, нѣсколько думныхъ бояръ и боярскія дѣти *). Софья Алексѣевна и Татьяна Михайловна садятся на троны, ниже ихъ въ креслахъ Наталья Кирилловна и Марья Алексѣевна; потомъ боярынъ Милославскій, князь Одоевскій, князь Голицынъ и прочіе бояре. Боярскія дѣти становятся стражей около трона правительницы.

Софья Алексѣевна (твердымъ и нисколько не смущеннымъ голосомъ). Князь Хованскій, впусти сюда раскольниковъ и стрѣльцовъ твоихъ!

Князь Хованскій (кланяется ей, подходитъ къ дверямъ и, притворивъ ее и махнувъ шапкой, говоритъ). Входите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ двери шумно и безтолково врывается толпа раскольниковъ: они становятся по задней стѣнѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ книги, а у другихъ зажженныя свѣчи. Учители ихъ попъ Никита и чернецъ Сергій становятся впереди ихъ. За ними входятъ нѣсколько человѣкъ выборныхъ отъ стрѣльцовъ и становятся по другую сторону.

Софья Алексѣевна (обращаясь строгимъ голосомъ къ раскольникамъ). Каково вы смѣли на улицахъ и стогнахъ московскихъ смущать вашей ересью простой народъ? Каково вы смѣли такъ нагло и такъ дерзостно войти въ палаты царей вашихъ **)?

Попъ Никита (потрясая головой). Мы не дерзостно и не нагло пришли къ царямъ нашимъ, а пришли побить имъ челомъ, чтобы дали они намъ свое царское разсмотрѣніе съ новыми законодавцами; погибаетъ бо отъ сихъ плевелъ вся земля русская: въ храмахъ Божіихъ нѣтъ чистоты, и въ книгахъ Божіихъ ересь и слова дьявола ***).

Софья Алексѣевна (обращаясь къ Милославскому). Иванъ Михайлычъ, ты былъ на сборѣ ихъ съ патріархомъ, что имъ было отвѣтствовано?

*) Костюмы ихъ см. «Собраніе рисунковъ къ путешествію Майерберга», стр. 44, рис. 1.

**) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, стр. 72 и 73.

***) Тамъ же.

Милославскій (вставая и обращаясь къ раскольникамъ). Патріархъ уже вамъ рекъ, что у нашихъ законодавцевъ нѣтъ новой вѣры, а та же старая вѣра—греческая, и что архіереи наши никакихъ новшествъ не пріяли, а все отъ священнаго писанія взяли. Вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какая сила въ немъ содержится *).

Попъ Никита (злобно осклабляясь). Я не о грамотѣ съ нимъ говорилъ, а о догматѣ церковномъ, и просилъ на его мнѣ отвѣтствовать, и онъ мнѣ не отвѣтствовалъ.

Софья Алексѣевна. Какъ тебѣ было отвѣтствовать, дерзкій еретикъ, когда ты руку свою поднялъ на архіерея Холмогорскаго **)!

Попъ Никита. Я не поднималъ ея на архіерея, а только отвелъ его оною ***)! А вотъ ваши попы такъ били меня, за волосы таскали при всемъ народѣ!

Софья Алексѣевна. Не битья, а казни ты достоинъ! Забылъ ты, какъ отцу нашему и патріарху святѣйшему принесъ повинную, съ клятвою николи не подавать челобитныхъ о вѣрѣ, а коли подашь, такъ предавалъ себя проклятью всѣхъ седьми вселенскихъ соборовъ.

Попъ Никита (насмѣшливо). Нѣтъ, не забылъ! Пошто? За плахой да за срубомъ я заподлинно подавалъ отцу твоему прошеніе сіе. А помнишь ли ты сама, государыня, то, какъ я допрежде того подавалъ челобитную объ утвержденіи старой вѣры, и что мнѣ было за то? Тюрьма да плети, а спросить бы ихъ надо—за что, и не вѣдаютъ... Сложилъ еще на меня вашъ Семіонъ Полоцкій книгу, подъ названіемъ «Жезлъ», и я на ту книгу готовъ отвѣтъ держать, прикажи мнѣ только ты!

Софья Алексѣевна (не утерпѣвъ). Молчи ****)! (Къ раскольникамъ) Читайте прошеніе ваше!

Сергій (выступаетъ впередъ, вынимаетъ изъ-за пазухи прошеніе и начинаетъ читать его). «Подданнѣйшее прошеніе чернослободцевъ, всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ, пушкарей и солдатъ, — посла Богъ на русскую землю врага человѣчья во образѣ змія, и вселился той змій въ патріарха Никона, и коснулся онъ единымъ хвостомъ патріаршина престола, а другимъ жаломъ сталъ колебать душу царя Алексѣя Михайловича...»

Софья Алексѣевна (останавливая чтеца). Остановись, дерзновенный, и не читай далѣе! Мы не можемъ переносить такой

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, стр. 73.
**) Тамъ же, стр. 74.
***) Тамъ же.
****) Тамъ же.

хулы на отца нашего и благодѣтеля и патріарха нашего Никона. Ежели они были еретики, то опослѣ того и мы всѣ еретики; опослѣ того братія наши цари—не цари, и мы не правительница, и намъ остается одно: оставить наше царство. (Встаетъ и сходитъ съ трона *), прочія царевны тоже встаютъ).

Попъ Никита (попрежнему злобно осклабляясь). Давно бы, царевна, пора тебѣ то, чѣмъ мутить-то народъ!.. Намъ бы здоровы цари были, а безъ тебя, слава тѣ Господи, пусто мѣсто не будетъ **)!

Софья Алексѣевна (останавливается, задрожавъ вся отъ гнѣва, и обращается къ боярамъ и стрѣльцамъ). Вы слышали, что онъ изрыгнулъ, какую хулу на меня?

(Дѣлается смятеніе. Всѣ бояре и частью стрѣльцы окружаютъ царевну Софью Алексѣевну. Ближе всѣхъ къ ней становится князь Василій Васильевичъ Голицынъ и кладетъ руку на прицѣпленную подъ кафтаномъ саблю).

Милославскій (къ попу Никитѣ). Что ты, окаянный, съ ума, что ли, спятилъ совсѣмъ!

Князь Одоевскій (тоже горячась). Чертей, дураковъ, козловъ пустили въ палаты царскія, — понимаютъ они тоже!

Софья Алексѣевна (обращаясь къ Хованскому). Съ твоего повелѣнія онъ все это изрекъ?

Князь Хованскій (внутренно растерявшись, но усиливаясь сохранить важный видъ). Николи, государыня. Языкъ его — врагъ его: прежде ума рыщетъ.

Одинъ изъ стрѣльцовъ. На колъ бы его, кутейника, надо за то!

Софья Алексѣевна (къ раскольникамъ). Изыдьте вонъ изъ очей моихъ! Только помня милосердіе Божіе, мы не хотимъ теперь же предать всѣхъ васъ смерти. Но если вы будете слушаться не насъ и не пастырей нашихъ, а вашихъ ересе-учителей, то всѣ ваши дома, всѣ ваши селенія, васъ самихъ и женъ вашихъ отдадимъ огню и мечу, такъ и знайте то. Ступайте!

(Между раскольниками слышится шумъ).

Нѣсколько стрѣльцовъ (имъ). Уходите всамотко, сказано вѣдь!

Князь Хованскій (тоже махая шапкою). Уходите, ишь какъ распалили царевну!..

Раскольники (насмѣшливымъ тономъ). Мы уйдемъ! (Начинаютъ собираться и уходить).

---

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, стр. 75.

**) Тамъ же

Попъ Никита (выходя первый). Разсудила!

(Нѣсколько голосовъ раскольниковъ, уходящихъ вслѣдъ за нимъ: „Какъ размазала!“).

Софья Алексѣевна (продолжаетъ дрожать отъ гнѣва и обращаясь къ стрѣльцамъ, которые хотятъ тоже уходить). Вы постойте, стрѣльцы, не уходите, я всегда васъ разумѣла народомъ вѣрнымъ и преданнымъ мнѣ. Вы не промѣняете вашихъ царей и патріарха на сихъ бродягъ, и если они васъ наградами смущаютъ, такъ царская казна побогаче ихней, и ежели говорили вамъ, что черезъ ихъ лжеученіе вы скорѣе въ царство небесное войдете, то у нихъ не вѣра Божья, а враки ихнія... Наши пастыри въ ученьи и въ молитвѣ просвѣщенные, а ихніе изъ кабака и отъ косули пришедшіе!

Пятисотенный стремяннаго полка (нѣсколько выступая впередъ). Мы, Софья Алексѣевна, за старую вѣру особливо не стоимъ, не наше то дѣло, а патріаршее!

(Князь Хованскій въ удивленіи и съ строгостью взглядываетъ на него. Стрѣлецъ, въ свою очередь, тоже дерзко на него взглядываетъ).

Софья Алексѣевна. Умное ты слово, пятисотникъ, рекъ; ты-то такъ, но другіе-то какъ?

Прочіе стрѣльцы. Намъ, Софья Алексѣевна, тоже, что до того, какое дѣло!

Софья Алексѣевна. Спасибо вамъ всѣмъ за то! (Обращаясь къ Милославскому) Наградить пятисотника думнымъ дьякомъ, а выборнымъ раздать каждому на руки по пяти рублей и угостить всѣхъ нашимъ царскимъ погребомъ!

Пятисотникъ и всѣ стрѣльцы (кланяясь). Благодаримъ покорно!..

Князь Хованскій (про себя со скрежетомъ зубовъ). Сговорились, черти! (Незамѣтно для другихъ, показывая стрѣльцамъ на кинжалъ, заткнутый за кушакъ) Попробуете у меня ужотко всѣ этого!

Софья Алексѣевна (тоже обращаясь къ стрѣльцамъ). Первое ваше дѣло — подьте и схватите попа Никиту и отдайте его въ городовой судъ на казнь!.. Народъ съ собой возьмите понадежнѣй, хоть изъ солдатъ.

Пятисотникъ. Наши стремянные всѣ вѣрны, съ ними пойдемъ и захватимъ.

Софья Алексѣевна. Съ Богомъ!

(Стрѣльцы ей всѣ кланяются и уходятъ).

Софья Алексѣевна (обращаясь къ боярамъ). Послѣ всѣхъ сихъ смутъ и причиненныхъ намъ обидъ, намъ оставаться здѣсь опасно и горестно, а потому съ братьями нашими, царями, и со всѣми нашими тетками и сестрами-царевнами, переѣзжаемъ мы къ Троицѣ и укрѣпимся тамъ. Кто хо-

четъ изъ бояръ служить намъ, пусть идетъ съ нами, кто нѣтъ, пусть идетъ куда знаетъ. (Кланяется всѣмъ боярамъ, за исключеніемъ Хованскаго, и, сдѣлавъ знакъ прочимъ царевнамъ, уходитъ вмѣстѣ съ ними).

Князь Одоевскій (безпокойнымъ голосомъ и обращаясь къ прочимъ боярамъ). Пойдемте и явимте ей, что и мы всѣ съ царями ѣдемъ.

Прочіе бояре. Пойдемъ! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Милославскій и князь Хованскій.

Милославскій (обращаясь насмѣшливо къ нему). Что же ты не идешь — а?.. До чего, паря, нашутилъ и напроказилъ?

Князь Хованскій (потупляясь). Что же я тутъ напроказилъ?

Милославскій (почти вскрикиваетъ). Кто же?.. Кто?.. Лебези ты передъ кѣмъ другимъ, а не передо мной. Все, что ты въ своей подвальной молельной дѣлаешь, я все знаю, и часъ твой скоро придетъ. Спомнишь Милославскаго! (Грозитъ ему грозно пальцемъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Хованскій (одинъ, немного оправляясь и опять хвастливымъ тономъ). Какъ не вспомнить!.. Будемъ помнить, коли ты приказывалъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же и чернецъ Сергій, входитъ поспѣшно и съ испуганнымъ видомъ.

Сергій. Бояринъ, царевна повелѣла схватить отца Никиту. Стремянные прямо изъ погреба пьяные побѣжали и словили ужъ его.

Князь Хованскій. Знаю-тко это я!.. На вотъ тебѣ денегъ, кидай ихъ по всѣмъ слободамъ отъ моего имени въ народъ; скажи, что это имъ отъ батьки, и что ежели что со мной приключится, заступились бы!.. (Подаетъ ему кису съ деньгами).

Сергій (принимая ее). Слушаю!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь Хованскій (одинъ и окончательно самодовольнымъ голосомъ). Коли царевна али Милославскій что и задумаютъ супротивъ меня, шапкой только махну,—вся Москва у меня по колѣно въ крови ходить будетъ!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Троицко-Сергіевская лавра. Внутри монастырской ограды площадь передъ царскимъ дворцомъ. Солнце только еще взошло.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ князь Одоевскій съ отрядомъ ратниковъ, состоящимъ изъ дворянъ и боярскихъ слугъ.

Князь Одоевскій (ратникамъ). Стать вотъ тутъ около дворца и по стѣнѣ у воротъ!.. Не пущать никого изъ народа... Около тюрьмы тоже стать. (Ратники разстанавливаются). Заряжены ли лопатицы?

Нѣсколько голосовъ. Заряжены!

Князь Одоевскій. А есть ли мякоть въ запасѣ?

Опять нѣсколько голосовъ. Есть!

Князь Одоевскій. Ну, не сморкаться и не кашлять безъ пути! (Выходитъ на авансцену и говоритъ огорченнымъ голосомъ) Д-да, все князь Одоевскій баба въ панцырѣ, а какъ пришло худо—и князя Одоевскаго давай сюда! Ступай и собирай рать на защиту царей!.. Я ужъ тоже старенекъ съ городкомъ-то служить и изъ большихъ бояръ въ тюремные стражи попасть.

(Въ это время входитъ Шакловитый. Онъ только-что съ дороги, потому что входитъ и отряхиваетъ съ себя пыль).

Князь Одоевскій (замѣтивъ его, насмѣшливымъ голосомъ). А, новый воевода идетъ!

Шакловитый (подходитъ къ нему и начинаетъ заискивающимъ голосомъ). Сегодня казнь Хованскому?

Князь Одоевскій (попрежнему насмѣшливо). Сегодня!.. Ты изъ Москвы, знать?

Шакловитый. Изъ Москвы.

Князь Одоевскій. Что же, тамъ войско свое оглядывалъ?

Шакловитый (какъ бы не понявъ). Какое войско свое?

Князь Одоевскій. Стрѣлецкое!.. Въ приказоначальники имъ назначаешься. Слухомъ земля полнится. Скоренько изъ думныхъ-то дьяковъ перепрыгнулъ: въ пору степной лошади такъ скакать!

Шакловитый. Что жъ тѣ завидно, что ли, больно... Просись на то мѣсто; я поперечить не стану!

Князь Одоевскій. Гдѣ намъ, — помилуйте!.. Мы нарышкинцы,— милостями правительницы взысканы не будемъ... не за себя говорю, а что коли князь сидѣлъ, такъ князя и посадить надо было!..

Шакловитый (улыбаясь). Вона!.. Къ мѣстничеству опять воротить хочешь?

Князь Одоевскій. Что жъ къ мѣстничеству? И оно съ разуму, а не съ глупу было дѣло; кровные люди повѣрнѣе царямъ служили, чѣмъ новые.

Шакловитый (ядовито). Князь Хованскій примѣрно!

Князь Одоевскій. И князь Хованскій служилъ не хуже нашего съ тобой.

Шакловитый (восклицая). Какъ не хуже насъ съ тобой, что ты, Иванъ Никитичъ, опомнись!.. Про него прямотко въ подметномъ письмѣ писано было, какъ онъ призывалъ къ себѣ на домъ стрѣльцовъ, уговаривалъ ихъ большимъ собраніемъ и бунтомъ итти въ Кремль, перебить тамъ царей, правительницу, бояръ... Сына бы его женить на какой-нибудь царевнѣ, а прочихъ въ монастырь постричь. Ты развѣ такъ служилъ, а я нѣтути!..

Князь Одоевскій. Подметное письмо еще не дѣянья человѣка; нынѣ, пожалуй, на всякаго, на ангела Христова, напишутъ да подкинутъ!

Шакловитый. Да онъ и дѣяньями своими показывалъ то: по отъѣздѣ царей, по всѣмъ стрѣлецкимъ приказамъ велѣлъ себя именовать великимъ княземъ!.. Патріарха къ себѣ на домъ спрашивалъ!.. Еле ужъ Софья Алексѣевна письмомъ ласковымъ выманила его изъ Москвы, звала сюда какъ бы въ гости къ себѣ!.. Съ отрядомъ выѣхалъ, словно ханъ татарскій!.. Лагеремъ подъ Пушкинымъ сталъ!.. Лыковъ ужъ силой его взялъ, сраженіе у нихъ было, какъ промежъ войсками непріятельскими.

Князь Одоевскій. Такъ, таратуй и гордецъ глупый — больше ничего!..

Шакловитый. Какъ гордецъ глупый?.. Ты, Иванъ Никитичъ, такъ вѣдь только, изъ упрямства твоего это говоришь... Князь Василій Васильичъ и Иванъ Михайлычъ идутъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Съ крыльца дворца сходятъ Милославскій и князь Голицынъ, съ ними идетъ дьякъ со свитками въ рукѣ. Князь Одоевскій и Шакловитый имъ почтительно кланяются; Милославскій и князь Голицынъ молча отвѣчаютъ имъ на поклоны ихъ.

Милославскій (обводя, по обыкновенію, вокругъ себя своимъ подслѣповатымъ взоромъ и обращаясь къ князю Одоевскому). Вели вывесть заключеннаго.

Князь Одоевскій (кричитъ черезъ всю сцену ратнику, стоящему у дверей тюрьмы). Выведите!

(Ратникъ уходитъ въ двери тюрьмы и черезъ мгновеніе возвращается оттуда).

Ратникъ. Ведутъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Изъ тюрьмы пристава выводятъ князя Хованскаго, скованнаго по ногамъ. Онъ весь дрожитъ. За нимъ идетъ палачъ. Всѣ они подходятъ къ Милославскому.

Милославскій (въ поясъ кланяясь князю Хованскому). Здравствуйте, новый князь Московскій. Что мало изволили покняжить въ вашемъ княжествѣ и такъ скоро пожаловать сюда изволили?..

(Князь Голицынъ, видимо не могшій видѣть этой сцены, отворачивается и начинаетъ смотрѣть на публику).

Князь Хованскій (дрожащимъ голосомъ). Иванъ Михайлычъ, дьяволы въ аду, муча грѣшниковъ, и тѣ не надсмѣхаются надъ ними.

Милославскій. Дьяволы-то мучатъ все-таки человѣка, — а ты самъ хуже всякаго дьявола. (Обращаясь къ дьяку) Читай сказку на него!

Дьякъ (начинаетъ читать громогласно). «Ты, князь Хованскій, роздалъ много государевой казны безъ указа, дозволилъ всякихъ чиновъ людямъ ходить во дворецъ безъ страха, нагло и буйно; ратовалъ съ другими раскольниками на церковь; неоднократно говаривалъ, что государство стоитъ только тобой, по твою кончину, и что послѣ тебя всѣ по колѣно въ крови ходить будутъ: умышлялъ на жизнь государей, царицы и царевенъ; изъ дворянъ никого себѣ въ пору не ставилъ и грозилъ смертью; на надворную пѣхоту клеветалъ, что быть отъ нея великимъ дѣламъ, а надворной пѣхотѣ говорилъ многія смутныя рѣчи,—да на тебя же явилось въ Коломенскомъ селѣ обвинительное письмо: воровскія дѣла твои съ тѣмъ письмомъ сходны, злохитростный замыселъ твой на государское здоровье обличился. Государи повелѣли казнить тебя смертью» *).

Князь Хованскій (окончательно задрожавъ всѣмъ тѣломъ). Иванъ Михайлычъ! Исходатайствуй мнѣ хоша какое ни на есть помилованіе. Будь отецъ и благодѣтель!.. (Падаетъ Милославскому въ ноги).

Милославскій (насмѣшливо). У кого же это мнѣ просить тебѣ этого помилованія! Ты говорилъ, что ты самъ выше

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, ч. II, стр. 84 — 85.

всѣхъ, что супротивъ тебя никого нѣтъ въ Московскомъ государствѣ, значитъ, тебѣ у тебя же и прощенія просить надо! Помилуй себя, коли можешь то!

Князь Хованскій. Попроси у государыни правительницы, предъ ней я повиненъ, и ей я покорствую: и звѣрю умирать не желается, батюшка, милый ты человѣкъ! (Обнимаетъ колѣни Милославскому).

Милославскій (усмѣхаясь). Глупъ ты былъ, глупымъ и останешься: ему приговоръ совсѣмъ подписанъ, а я поди отпрашивай. (Къ приставамъ) Поднимайте его и ведите на мытный дворъ, нечего тутъ съ нимъ.

(Пристава поднимаютъ осужденнаго).

Князь Хованскій (обращаясь къ князю Голицыну). Государь, князь Василій Васильичъ, заступись хоть ты!.. Пусть на меня настоящій розыскъ сдѣлаютъ; не собака же я бѣшеная, что меня спѣшатъ такъ убить... Государыня царевна тебѣ паче, чѣмъ кому другому, повѣритъ.

Князь Голицынъ (потупляясь и еще болѣе отворачиваясь отъ Хованскаго). Не могу я, Иванъ Андреевичъ, ничего для тебя сдѣлать.

Милославскій (крича на приставовъ). Уводите поскорѣй — сказано вѣдь, черти экіе!

(Пристава насильно уводятъ подсудимаго. Палачъ слѣдуетъ за ними).

Князь Хованскій (продолжаетъ кричать). Князь Василій Васильевичъ, останови, не вели!

(Его наконецъ уводятъ).

Милославскій (Голицыну). И намъ надо итти присмотрѣть.

Князь Голицынъ. Пойдемъ.

(Печально склонивъ голову, уходитъ за Милославскимъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Одоевскій и Шакловитый.

Шакловитый (съ любопытствомъ въ голосѣ). И я погляжу... (Влѣзаетъ на одно дерево около стѣны).

Князь Одоевскій (тоже съ любопытствомъ). Что, видно развѣ?

Шакловитый. Все видно, у самой почесть стѣны... постой, не мѣшай!.. (Прислушивается). Все просить, чтобы сходили къ царевнѣ и попросили ему помилованія. Тсс, постой!.. Князь Василій Васильичъ хочетъ итти.

Князь Одоевскій. Ну, слава тѣ Господи, помилуетъ, значитъ.

Шакловитый. Милославскій не пускаетъ его, самъ хочетъ итти... идетъ!..

(На сцену входитъ Милославскій, проходитъ на крыльцо дворца и останавливается нѣсколько времени у дверей, потомъ уходитъ опять со сцены).

Князь Одоевскій (съ удивленіемъ къ Шакловитому). Что же онъ не вошелъ во дворецъ?..

Шакловитый (съ дерева, со смѣхомъ). Не надо, видно, было! (Оборачивается и опять начинаетъ смотрѣть за стѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ) Ну, братъ, потащили къ плахѣ... Какъ баранъ брыкается... Повалили!.. Трахъ — разъ — не у того, видно, мѣста, дрыгается еще!.. Трахъ—другой — шевелится!.. еще—трахъ—третій, отвалилася наконецъ башка-то!.. баста!.. кончено! (Соскакиваетъ съ дерева).

Князь Одоевскій (во все время этого разсказа дрожавшій, поднимая глаза къ небу). Помяни, Господи, душу усопшаго раба Ивана!..

Шакловитый. Душу еще!.. Собакѣ собачья и смерть!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, князь Милославскій и князь Голицынъ; первый проходитъ прямо во дворецъ; а князь Голицынъ выходитъ на авансцену.

Князь Голицынъ (князю Одоевскому и Шакловитому). Я давеча и поклониться съ вами путемъ не успѣлъ!

Князь Одоевскій. Ну, да гдѣ ужъ тутъ?.. На экое дѣло шелъ... Казнили?

Князь Голицынъ (глухимъ голосомъ). Казнили!.. Милославскій ходилъ-было къ царевнѣ просить о помилованіи — не простила!

Князь Одоевскій (простодушно восклицаетъ). Какъ ходилъ!.. Онъ постоялъ только у дверей дворца.

Князь Голицынъ (удивленнымъ и почти испуганнымъ голосомъ). Какъ у дверей?

Князь Одоевскій. Только тутъ на крыльцѣ постоялъ и пошелъ назадъ.

Князь Голицынъ (беря себя за голову). Господи, что же это такое?..

Шакловитый (вмѣшиваясь въ разговоръ, негромкимъ голосомъ). Гдѣ палача-то этого взяли? Неумѣлый какой-то: съ трехъ разъ еле успѣлъ отсѣчь голову.

Князь Голицынъ. Стрѣлецъ тутъ одинъ, окаянный, охотой выпскался. (Къ князю Одоевскому) Вели, Иванъ Никитичъ,

твоимъ ратникамъ убрать тамъ все это: съ глазъ бы долой поскорѣй.

Князь Одоевскій (строго къ ратникамъ). Разобрать и убрать все съ Мытнаго!.. живо, ну! Не зѣвать, деревенскія вороны,— и сами убирайтесь, ступайте по домамъ!

(Ратники уходятъ со сцены).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Голицынъ, Шакловитый и князь Одоевскій.

Князь Голицынъ (тѣмъ же невеселымъ голосомъ къ Шакловитому). А что же стрѣльцы твои въ Москвѣ, Ѳедоръ Леонтьичъ?..

Шакловитый (усмѣхаясь). Да они попервоначалу, какъ попа Никиту казнили и Хованскаго захватили, опять-было въ Кремль засѣли, съ пушечнаго двора порохъ, свинецъ, оружіе побрали, стали укрѣплять Земляной городъ.

Князь Голицынъ (грустно усмѣхаясь). Что же они отбить, что ли, совсѣмъ Москву у царей хотѣли?

Шакловитый (опять попрежнему усмѣхаясь). Гдѣ тутъ отбить? За себя очень испужались — думали, что вотъ батьку ихъ захватили и на нихъ придутъ съ войскомъ и разгромятъ ихъ; а тутъ какъ грамоты стали приходить отседова, видятъ, что не грозныя, патріархъ тоже сталъ имъ говорить: «цари, говоритъ, васъ не покинули, а на богомолье только къ Троицѣ ушли!». Стали молить его ужъ заступиться за нихъ, — и вотъ со мной отъ всѣхъ полковъ выборныхъ сюда прислали; пришли съ повинной и въ покаянномъ одѣяніи... Хотятъ, ихъ милуютъ, хотятъ, казнятъ.

Князь Голицынъ (съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ). Что жъ ты давно не скажешь того?.. Это извѣстіе радостно: надо скорѣй доложить Софьѣ Алексѣевнѣ.

Шакловитый. Я вотъ и докладываю тебѣ; они всѣ тутъ гурьбой стоятъ.

Князь Голицынъ. Она сама къ нимъ выйдетъ. (Проворно уходитъ во дворецъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Одоевскій и Шакловитый.

Князь Одоевскій. Добрый человѣкъ князь Василій Васильичъ!

Шакловитый (насмѣшливо). Больно ужъ добрый, пожалуй бы, и не надо такъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

На балконѣ дворца появляется Софья Алексѣевна. Князь Одоевскій и Шакловитый ей кланяются.

Софья Алексѣевна. Поди, Иванъ Никитичъ, готовь благодарственное шествіе въ соборъ.

Князь Одоевскій (съ великою радостью). Слушаю, матушка государыня царевна. (Идетъ во дворецъ и самодовольно самъ съ собою говоритъ) Одоевскій вездѣ надобенъ, нигдѣ безъ него нельзя.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья Алексѣевна и Шакловитый.

Софья Алексѣевна (обращаясь ласково къ Шакловитому). Ты, Ѳедоръ Леонтьичъ, стрѣльцовъ ко мнѣ повинныхъ изъ Москвы привелъ?

Шакловитый. Привелъ, государыня!

Софья Алексѣевна. Впусти ихъ!..

(Шакловитый отворяетъ монастырскія ворота и машетъ рукой).

ЯВЛЕНІЕ X.

Входятъ человѣкъ сорокъ стрѣльцовъ, они всѣ босикомъ и безъ кафтановъ; на шеѣ у каждаго изъ нихъ веревка, а въ рукахъ плаха.

Стрѣльцы (въ одинъ голосъ). Несемъ повинную государямъ нашимъ и тебѣ, государыня!

Софья Алексѣевна. Люди вы Божіи, какъ вы не побоялись Бога поднимать руку на государей вашихъ, царскій домъ ихъ и синклитъ?.. Развѣ не помните вы милостей дѣда, отца нашего и братьевъ?.. Для чего и съ чего ради вы возмутились?.. Безъ указа нашего разобрали съ пушечнаго двора наше казенное оружіе, завели по Москвѣ зловѣщіе круги, стали ходить съ кольями и ружьями?.. Войска у насъ довольно, чтобы наказать васъ за все ваше своевольство!

Стрѣльцы. Повели, государыня, и накажутъ насъ!

(Всѣ склоняютъ головы и кладутъ ихъ на плахи).

Шакловитый. Сказка есть къ тебѣ, государыня, отъ всѣхъ полковъ.

Софья Алексѣевна. Читай!

Шакловитый (читаетъ). «Радѣемъ мы, полковъ стрѣлецкихъ люди, по примѣру отцовъ и дѣдовъ нашихъ, служить тебѣ и государямъ, на царей и бояръ умысловъ не имѣть, а

кто станетъ говорить на государей и ближнихъ людей злоумышленныя слова, тѣхъ будемъ приводить на съѣзжія избы и держать до указа, побранныя пушки, порохъ и свинецъ возвращаемъ все до единаго» *).

Софья Алексѣевна. Отъ всѣхъ ли рядовыхъ написана сія сказка?

Стрѣльцы. Отъ всѣхъ, государыня.

Софья Алексѣевна. Вставайте! Мечъ не сѣчетъ повинныхъ головъ. Спасибо вамъ за усердіе ваше. Даю вамъ взамѣнъ прежняго вашего начальника — новаго, Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго, да творитъ онъ вамъ судъ въ правдѣ, а вы ему повиновеніе!

Стрѣльцы (вставая, но все еще оставаясь съ поникнувшими головами). Будемъ, государыня! (Кланяясь Шакловитому) Помилуй и ты насъ, боярине.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и боярскій сынъ.

Боярскій сынъ (звучнымъ голосомъ). Государыня! Въ охраненіе здравія царей, твоего и всего царскаго дома, пришли бояринъ князь Щенинъ съ Рязанскимъ полкомъ и бояринъ Урусовъ съ Владимирскимъ полкомъ **).

Софья Алексѣевна. Пусть придутъ всѣ на наши очи!

(Боярскій сынъ кланяется ей и уходитъ. Вслѣдъ затѣмъ начинаютъ входить полки, предводительствуемые своими воеводами).

Софья Алексѣевна (съ удовольствіемъ осматривая полки и показывая на нихъ стрѣльцамъ, попрежнему стоящимъ въ униженной позѣ). Смотрите, какова наша сила!.. И если вы хоть вмалѣ, что въ сказкѣ вашей говорится, не исполните, то всю ее обратимъ на васъ — и горе тогда будетъ вамъ!

Стрѣльцы. Исполнимъ, государыня!

Софья Алексѣевна (обращаясь къ войску). Сегодня двѣ для насъ радости: радость святого тезоименитства нашего и радость пришествія къ намъ сихъ заблудшихся подданныхъ нашихъ. Велико на небѣ ликованіе объ единомъ кающемся грѣшникѣ, то сколь же оно должно быть велико для насъ при видѣ столькихъ кающихся. (Показываетъ на стрѣльцовъ). И первымъ нашимъ дѣломъ будетъ итти и возблагодарить за то Живоначальную Троицу. (Кланяется и уходитъ).

(Вслѣдъ же затѣмъ изъ дворца выбѣгаютъ служители и начинаютъ разстилать красное сукно; во всѣхъ монастырскихъ церквахъ раздается

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, ч. V, стр. 92.
**) Тамъ же, стр. 93.

звонъ: потомъ изъ дворца, впереди всѣхъ, показывается совершенно довольный князь Одоевскій: за нимъ идутъ боярскія дѣти; потомъ шествуетъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ. Онъ идетъ съ понуренной головой. Рядомъ съ нимъ идетъ Милославскій. За царемъ Іоанномъ идетъ князь Борисъ Голицынъ; онъ ведетъ десятилѣтняго Петра подъ руку. Мальчикъ бойко на всѣхъ смотритъ и кланяется солдатамъ. За царями идетъ правительница: съ ней почти рядомъ идетъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, а за ними ужъ царица Наталья Кирилловна, попрежнему въ монашескомъ одѣяніи, и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна, боярыни, стольницы и постельницы. Колокольный звонъ продолжается).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Крестовая комната Софьи Алексѣевны. Въ первомъ двухстворчатомъ окнѣ, на одной половинѣ его изображенъ царь Давидъ, а на другой — царь Соломонъ. Во второмъ окнѣ на одной половинѣ царь Константинъ, а на другой — великій князь Владиміръ: стѣны покрыты киноварью, надъ входными стѣнами иппнарель, а по сторонамъ ихъ столбы, расписанные по золоту; на лѣвой сторонѣ по одну сторону печки нарисовано: „Возрасты человѣческаго живота“, а по другую притча: „Душа чиста“. „Чистая душа“ изображена въ видѣ молодой дѣвицы въ царскомъ одѣяніи и въ вѣнцѣ, въ одной рукѣ она держитъ цвѣты — эмблему своей красоты, а въ другой — чашу съ льющеюся водой, что значитъ слезы ея; изъ устъ ея исходитъ — молитва: въ сторонѣ отъ нея помѣщены левъ, змій и дьяволъ, и надъ ними написано: „Постомъ и молитвою льва связа! смиреніемъ змія укроти. Дьяволъ, позавидовавъ добротѣ ея, паде передъ ней!“ Отъ оконъ до лавокъ стѣны покрыты бархатомъ: на лавкахъ тоже бархатныя покрышки *).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ Софья Алексѣевна, видъ ея неспокоенъ; молодое лицо приняло уже выразительность тридцатилѣтней женщины, на лбу проходитъ нѣсколько морщинъ: складъ зубовъ почти гнѣвный. За нею слѣдуетъ Шакловитый, лицо его тоже очень озабочено.

Софья Алексѣевна. Я изныла всей душой, тебя дожидаючись, Ѳедоръ Леонтьевичъ! Ни тебя ни князя Василія Васильевича нѣтъ!

Шакловитый. Дѣловъ было много, государыня.

Софья Алексѣевна (нахмуривъ брови). Повѣстилъ ли ты по приказамъ, что царь Петръ хочетъ со своими конюхами нашествіе на Кремль и на всю Москву сдѣлать **)?

Шакловитый. Всѣмъ повѣщено, человѣкъ съ тысячу посусердствовали и прибѣжали сюда въ Кремль на твое и царя

*) «Домашній бытъ русскихъ царей» Забѣлина, стр. 136—137.

**) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, т. II, стр. 55.

Іоанна защищеніе, а Гладкій съ Чермнымъ ужъ и языкъ къ Спасскому колоколу привязали, чтобы въ какомъ случаѣ въ набатъ ударить *).

Софья Алексѣевна (еще болѣе нахмуривъ брови). А говорилъ ли ты стрѣльцамъ, что патріархъ намъ неугоденъ, и что замѣсто его мы хотимъ поставить отца Селивестра?

Шакловитый. Прямо не говорилъ, а наводилъ на то. «Отчего, говорю, намъ и другого патріарха не взять, кого ни на есть изъ властей: а коли не изъ властей, такъ можно и простому монаху сдѣлать эту честь!» **). Я, которые изъ стрѣльцовъ посумнительнѣе, привелъ къ тебѣ, государыня; не поговоришь ли ты сама имъ.

Софья Алексѣевна. Не разнесли бы они молвы большой о томъ!

Шакловитый. Не посмѣютъ, себя тоже оберегаючи!

Софья Алексѣевна. Ладно, веди!

Шакловитый. Веду! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья Алексѣевна (одна). Семь лѣтъ я правительствую, а николи не бывало того!.. Горе, словно полынь-трава, вокругъ меня растетъ и рдѣетъ!.. Сегодня съ утра еще князь Василій Васильичъ уѣхалъ въ Преображенское съ генералами къ цѣлованію руки царя Петра, и до сей поры нѣтъ! Гнѣвно, али бы милостиво, отпускалъ бы скорѣй, и награды-то за крымскій походъ еле уговорили его подписать,—какъ медвѣжонокъ какой упирается ***). (Садится и принимаетъ царственный видъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ Шакловитый, пятисотникъ Елизарьевъ и за нимъ сотники, пятидесятники и десятники.

Софья Алексѣевна (стрѣльцамъ). Станьте поближе! (Стрѣльцы приближаются). Скажите вы мнѣ напрежде всего: надобны ли мы вамъ съ братомъ Іоанномъ, али нѣтъ? (Небольшая пауза). Ежели не надобны, то мы лучше пойдемъ съ нимъ и станемъ гдѣ-нибудь себѣ колью искать!

Два-три стрѣльца. Коли намъ, государыня, цари наши не надобны!

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, т. II, стр. 58.
**) Тамъ же, стр. 33.
***) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIV, стр. 122.

Софья Алексѣевна. А коли такъ, такъ знайте, что мнѣ и всему нашему царскому дому отъ бояръ: князя Бориса Голицына и Льва Нарышкина житья нѣтъ. Царя Петра, юнца и неразумца, они спопли съ кругу; старшаго брата Іоанна и за царя себѣ не ставятъ: что ни есть комнату его, и ту завалили дровами; меня, дочь царя Алексѣя Михайловича, «дѣвкою» называютъ, князю Василію Васильевичу хотятъ голову отрубить, забывъ, что его промысломъ съ Польшей миръ заключенъ, и что съ Дону прежде николи бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ *).

Шакловитый. Про Льва Нарышкина, каковъ онъ есть, они сами знаютъ: къ ихнимъ карауламъ наѣзжалъ съ разбоемъ, выхватывалъ сторожевыхъ десятниковъ, билъ ихъ не на животъ, а на смерть, ажно народъ сбѣгался и молилъ ужъ за нихъ! **)

Елизарьевъ (незамѣтно улыбаясь). Это, Ѳедоръ Леонтьичъ, тоже какъ сказать; кто говоритъ, что то былъ самъ Левъ Кирилычъ, а кто указываетъ и на твоего подьячаго Шошина.

Шакловитый (покраснѣвъ). Почто же Шошину дѣлать то? какая ему сладость въ томъ?

Елизарьевъ. Не знаемъ...

Софья Алексѣевна (останавливая этотъ разговоръ и снова продолжая свой). А вы знаете то, что въ день Казанской Божіей Матери Наталья Кирилловна не велѣла мнѣ совсѣмъ въ крестный ходъ ходить, но я однакоже взяла образъ и пошла: они съ сынкомъ, какъ бы невѣсть что я сдѣлала, обозлились и уѣхали изъ Москвы ***). Нынѣ, по ихъ же, чаю, раднѣямъ, очутилось въ соборѣ подметное письмо, въ коемъ я обругана непристойными словами, и пишутъ кличку къ народу, чтобы убить всѣхъ бояръ, къ коимъ я милостива!

(Всѣ стрѣльцы молчатъ).

Софья Алексѣевна (продолжаетъ). Что мнѣ дѣлать супротивъ всего этого? Я одна тутъ ужъ и ума не приложу!

Шакловитый (къ стрѣльцамъ). Вамъ какъ ни на есть, а успокоить царевну надо!

Елизарьевъ. А какъ намъ, Ѳедоръ Леонтьичъ, ее успокоивать? Не знаемъ, съ великою бы радостію готовы то—приказывайте!

Шакловитый. Вамъ ужъ сказано: подайте челобитную, чтобы царевна вѣнчалась на царство царскимъ вѣнцомъ ****)!

---

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, часть II, стр. 123.
**) Тамъ же, стр. 49.
***) Тамъ же, стр. 50.
****) Тамъ же, стр. 39.

Одинъ изъ стрѣльцовъ (довольно глупымъ голосомъ). Намъ гдѣ писать челобитныя? Развѣ мы дьяки какіе?

Шакловитый. За челобитной дѣло не станетъ; написать—вамъ напишутъ ее!

Елизарьевъ. Это что! не къ дѣлу онъ говоритъ про челобитную! А то, что (съ усмѣшкой) кому подадимъ мы ее? Царь Іоаннъ все нездоровитъ, а царь Петръ еще приметъ ли ее!

Шакловитый. А коли не приметъ, такъ подьте на Верхъ, задержите Льва Кирилыча и Бориса Алексѣича. такъ и приметъ *)!

Елизарьевъ (усмѣхаясь). За что жъ мы ихъ задержимъ, и развѣ позволятъ намъ то сдѣлать?

Софья Алексѣевна. Кто жъ вамъ не позволитъ-то?

Елизарьевъ. Да бояре всѣ прочіе и патріархъ самый.

Софья Алексѣевна. Бояре—давно отпадшее зяблое дерево, окромя Василія Васильича; а патріарха мы сами смѣнить желаемъ—неугоденъ онъ намъ **)!

Елизарьевъ. Все то, государыня, не нашего разума дѣло: ежели доподлинно кому изъ царей сулитъ бѣда, пусть о томъ розыскъ чинятъ, и на кого думный дьякъ намъ скажетъ царскій указъ, того мы и вынемъ ***).

Шакловитый. Шли же безъ указа вынимать Ивана Нарышкина,—родъ-то одинъ и тотъ же!

Елизарьевъ. Тогда думали, что царю Іоанну отъ нихъ что худо будетъ!

Шакловитый. А теперь развѣ не то ли же самое?.. Да еще свои животы берегите!.. Меня хотятъ изъ приказа высадить. васъ всѣхъ по городамъ разослать ****).

Софья Алексѣевна. Братъ Петръ при мнѣ говорилъ, что онъ своихъ потѣшныхъ конюховъ нарочно и готовитъ на изводъ стрѣльцовъ!..

Елизарьевъ. Что же потѣшные?.. Мы не хуже ему его потѣшныхъ будемъ служить!

Шакловитый. Не поздно ли, ребята, стрѣльцамъ служить Нарышкинымъ?.. Наталья Кирилловна скорѣе забудетъ, что есть Богъ святъ на свѣтѣ, чѣмъ проститъ вамъ за Ивана Кирилыча. Вы-то ея не знаете, а мы знаемъ, каковъ ея нравъ, по пословицѣ: «изъ лантей да изъ поповы добра не бываетъ»; а она прямо оттуда шла °). Себя оберегаючи, и

*) «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, стр. 40.
**) Тамъ же, стр. 42.
***) Тамъ же.
****) Тамъ же.
°) Тамъ же.

чтобъ смутъ больше въ царской семьѣ не было, вамъ безпремѣнно надо ее *уходить* *)!

Елизарьевъ (опять усмѣхаясь и взглядывая на Шакловитаго). Что ты, Ѳедоръ Леонтьичъ! Царицу уходить! Царь Петръ развѣ не заступится за мать?

Шакловитый. А коли заступится, такъ и ему спускать нечего!

Софья Алексѣевна. Перестань! Нѣтъ, я этого не хочу! Обереги Богъ! (Къ стрѣльцамъ) Какъ же вы?

Елизарьевъ. Твоя воля, государыня, что изволишь, то и дѣлай.

Софья Алексѣевна. Я теперь ужъ за свою голову опасаюсь — будете ли вы стеречь, по крайней мѣрѣ, сегодняшнюю ночь, коли что будетъ?

Елизарьевъ. Стеречь намъ, — гляче не стеречь!

Софья Алексѣевна. Съ Богомъ!

(Стрѣльцы кланяются ей и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV

Софья Алексѣевна и Шакловитый

Софья Алексѣевна. Они какъ есть ни къ чему не годны!

Шакловитый. Сами мы, государыня, виноваты тому: то ли, испугаючись Хованскаго, весь народъ поазартнѣе и посмѣлѣе разослали, а теперь остались все одни семейные и смирные.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и верховая дѣвица.

Верховая дѣвица (выглядывая въ двери). Князь Василій Васильичъ пріѣхалъ!

Софья Алексѣевна (встаетъ). Ну, слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и князь Голицынъ.

Софья Алексѣевна (идя къ нему навстрѣчу и не стѣсняясь присутствіемъ Шакловитаго, говоритъ). Здравствуй, дружокъ мой, сердце мое, радость моя, что такъ долго загостился въ Преображенскомъ?

Князь Голицынъ (по наружности усмѣхаясь, но внутренно взволнованный). Все дожидался... съ десяти часовъ утра... Какъ пріѣхалъ туда со всѣми генералами, посадили меня въ сѣни,

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIV, стр. 121.

и почесть ужъ въ вечерни высылаютъ сказать, что царь Петръ не приметъ насъ къ цѣлованію руки, потому что онъ не хотѣлъ того.

(Софья Алексѣевна блѣднѣетъ).

Шакловитый (тоже сконфуженнымъ голосомъ). Мальчикъ разыгрывается, словно мельничное колесо по вѣтру.

Софья Алексѣевна (еще болѣе блѣдная и пожимая плечами). Я не могу долѣе переносить его обидъ мнѣ и поперечья. (Обращаясь къ Голицыну и Шакловитому) Что же мы сами ему учинимъ на то? (Голицынъ стонетъ, понуривъ голову, и ничего не отвѣчаетъ).

Шакловитый (нетороплирымъ. но не дрожащимъ голосомъ) Учинимъ, что... какъ и Чермный говоритъ, пробраться намъ человѣкамъ пяти въ Преображенское и покончить тамъ и *медвѣдицу* и *медвѣжонка* *).

(Софья Алексѣевна вздрагиваетъ).

Князь Голицынъ (почти съ ужасомъ взглянувъ на Шакловитаго). Что ты, дерзкій языкъ, изрекъ? Развѣ можно царе-убійство? Вспомни Годунова!

Шакловитый. А коли не можно, такъ царь Петръ самъ казнитъ и царевну, и тебя, и меня!

(Нѣсколько минутъ продолжается тяжелое молчаніе).

Шакловитый (снова обращаясь къ Софьѣ Алексѣевнѣ). А я такъ мню, государыня, что чѣмъ тебѣ не быть, *лучше ихъ известь* **)!

Софья Алексѣевна (дрожащимъ голосомъ). А какъ же ты изведешь ихъ?

Шакловитый (голосъ его тоже начинаетъ дрожать). Можно въ околоблизкости къ нему бросить ручную гранату... али поджечь избы въ Преображенскомъ... онъ всегда на пожаръ сгоряча одинъ выскакиваетъ ***).

Софья Алексѣевна (поднимая глаза къ небу и какъ бы про себя шепча молитву). Боже, Ты видишь сердце мое и помышленія!

Шакловитый. Коли итить, государыня, такъ откладывать нечего: теперь уже надо!

Софья Алексѣевна (послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія). Иди! (У ней едва достаетъ голоса выговорить это слово).

Князь Голицынъ. Государыня!

Софья Алексѣевна (не отвѣчаетъ ему и обращаясь къ Шакловитому). Но только помни, что я ничего этого не знала и не вѣдала, хоть бы на пыткѣ о томъ спрашивали, — не говорить.

Шакловитый. Почто говорить! (Уходитъ).

*) «Исторія Россіи». Соловьева. т. XIV, стр. 119.

**) Тамъ же.

***) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, ч. II. стр. 45.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья Алексѣевна и князь Голицынъ остаются нѣсколько времени въ молчаніи. Голицынъ стоитъ, даже отвернувшись отъ царевны.

Софья Алексѣевна (обращая къ нему почти умоляющій взоръ). Василій Васильичъ, ты разсердился на меня?

(Князь Голицынъ не отвѣчаетъ ей).

Софья Алексѣевна. Не отъ радости я дѣлаю то!.. Можетъ, не столько оберегаючи себя, сколь тебя!.. Я знаю ихъ умыслы супротивъ тебя!

Князь Голицынъ. Никакого обереганья я себѣ не желалъ бы такой цѣной взять! Коли надо была кровь ихъ, такъ ужъ лучше было убить ихъ заодно съ Иваномъ Кирилловичемъ, чтобы одинъ разъ совершать поганое дѣло, а не мучить имъ двукратно души своей *).

Софья Алексѣевна (укоризненнымъ голосомъ). Я женщина и сестра, а ты слабодушнѣй меня... Мнѣ нелегко было изречь приказаніе Шакловитому, а ты замѣсто того, чтобы успокоить мя, гнѣваешься и бранишься! Все это исходитъ отъ малой любви твоей ко мнѣ.

Князь Голицынъ (съ удареніемъ). Да, государыня, не скрою передъ тобой: недостаетъ во мнѣ больше долготерпѣнія переносить, что я вытерпѣлъ за послѣднее время. Крымскій походъ былъ для пользы государства измысленъ, а враги мои говорятъ, что я для славолюбія чинилъ то! Не искалъ я полководства, ты сама мнѣ дала его, и я, терзаючись разлукой съ тобой и нисколько не вѣдая въ себѣ вождя искуснаго — пошелъ! Ханъ и казаки степи зажгли, а говорятъ: меня татарскимъ золотомъ купили и воротили въ обратный путь!.. Съ Польшей я вѣчный миръ добылъ, чтобы братская кровь не проливалась, и то, говорятъ, я во вредъ государству сдѣлалъ!.. Къ тебѣ изъ похода пришелъ какъ къ единому убѣжищу своему, и близъ ангельскихъ свѣтлыхъ очей твоихъ, вижу, стоитъ Ѳедька Шакловитый — холопъ!.. смердъ!.. злодѣй!.. а межъ тѣмъ онъ твой довѣренный и единый тебѣ вѣрный стражъ. Каждую ночь онъ ночуетъ то въ Грановитой, то въ Золотой палатѣ!.. Одному и тому жъ живописцу велѣла списать портретъ съ себя и съ него, и еще во образѣ Ѳеодора Стратилата **).

Софья Алексѣевна. Василій Васильичъ, ты мнѣ не впервой

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, ч. II. стр. 49.

**) Тамъ же. Крымскій походъ 1-й и 2-й.

говоришь про Шакловитаго, — не вины его виноваты въ томъ, а твоя ревность его ко мнѣ!.. Не гнѣвомъ моимъ, а однѣми только слезами могу я отвѣчать тебѣ на то... Если бы ты хоть разъ заглянулъ мнѣ въ душу, ты увидѣлъ бы тамъ, что единъ твой образъ запечатлѣнъ и единъ навѣки запечатлѣннымъ останется; чѣмъ я страдаю и мучусь отъ тебя, ты не видишь того, а чего нѣтъ у меня на сердцѣ — ты думаешь!.. (Заливается слезами и закрываетъ лицо руками).

Князь Голицынъ (растерявшись и видимо никогда не могшій видѣть равнодушно женскія слезы). Не знаю, государыня, чѣмъ я повиненъ, что ты мучишься и страдаешь отъ меня...

Софья Алексѣевна (съ удареніемъ). А тѣмъ, что я, великая царица, могу повелѣть все, а не могу запретить тебѣ иттить домой къ женѣ твоей... Какъ помыслю, что ты входишь въ опочивальню не ко мнѣ, а къ другой, такъ измучило это меня паче всѣхъ невзгодъ моихъ царскихъ! (Опять закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать).

Князь Голицынъ (потупляя глаза). Не попрекай меня, государыня, женой моей: не о здѣшней жизни думаетъ, а о будущей, сама охотится покинуть семью и иттить въ монастырь, и я тогда съ превеликою моею радостію, если позволишь, поженюсь на тебѣ.

Софья Алексѣевна (съ горькой усмѣшкой). Да что же тебѣ за охота свѣтъ-жену твою мѣнять на меня, грѣшницу, окаянную, погрязшую въ крови и грѣхахъ.

Князь Голицынъ (обнимая ее). Не ты одна, государыня, а всѣ мы здѣсь захлебнулись отъ грѣховъ и крови. Какъ тигры, рыщемъ мы другъ за другомъ; ничего нѣтъ по добру и по разуму, а все по страстямъ и на злобѣ. Уѣдемъ отседова, куда ни на есть, въ иностранныя земли, нигдѣ нѣтъ того... (Слышится шумъ).

Софья Алексѣевна (освобождаясь изъ рукъ Голицына). Погоди, постой! Кто-то идетъ! Можетъ, за мной!.. Можетъ, рать небесная идетъ карать меня за брата.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Двери отворяются, и входятъ: князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ и князь Иванъ Никитичъ Одоевскій: выраженіе лицъ ихъ удивленное и испуганное.

Князь Прозоровскій. Я къ тебѣ, Софья Алексѣевна, отъ царя Іоанна Алексѣевича: сейчасъ пришло извѣстіе, что царь Петръ уѣхалъ наскоро изъ Преображенскаго къ Троицѣ, аки бы затѣмъ, что изъ Москвы были посланы убійцы на него!

Софья Алексѣевна (совсѣмъ растерявшись и не помня, что говоритъ). Какіе убійцы?.. отъ кого и зачѣмъ?..

Князь Прозоровскій. Нѣкіе стрѣльцы были у тебя!.. и аки бы ихъ подговаривала бунтъ учинить!.. Воръ, грабитель стрѣлецкій Гладкій тѣмъ временемъ стащилъ въ Кремлѣ съ лошади царскаго стольника Плещеева, присланнаго къ царю Іоанну, и учалъ его бить. Стрѣльцы, выйдя отъ тебя и видя такое буянство, прямо поскакали къ царю Петру съ доносомъ.

Князь Одоевскій (перебивая его). При мнѣ они прискакали... прямо-тко съ постели его разбудили; онъ испужался, въ одной сорочкѣ въ лѣсъ убѣжалъ, плачетъ тамъ; туда ему и лошадь привели: вскочилъ на нее и ускакалъ.

Софья Алексѣевна (вдругъ обращаясь къ князю Троекурову и какъ бы сама не помня, что говоритъ). А ты, князь Троекуровъ, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ?.. Тебѣ что отъ меня?

Князь Троекуровъ (склоняя передъ ней голову). Москва, государыня, въ смятеніи: по всѣмъ перекресткамъ стекается народъ!.. ко мнѣ, въ градоначальническую палату, тожъ безпрестанно лѣзутъ и спрашиваютъ: почто такимъ множествомъ собраны стрѣльцы въ Кремль?

Князь Одоевскій. На этого чорта, извини, государыня. Шакловитаго всѣ теперь говорятъ: онъ, говорятъ, съ Чермнымъ и Стрижевымъ и шли убить.

(Софья Алексѣевна стоитъ, какъ бы совсѣмъ растерявшись).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Шакловитый; лицо его нѣсколько блѣдно, но довольно спокойно. Всѣ отъ него, какъ бы въ ужасѣ, отступаютъ немного.

Софья Алексѣевна (первая стремительно обращаясь къ нему). Ты не былъ тамъ, Ѳедоръ Леонтьичъ, куда пошелъ?

Шакловитый. Не былъ.

Софья Алексѣевна (устремляя глаза къ небу и про себя). Благодарю Тебя, Царь милостивый, Отецъ нашъ!

Князь Прозоровскій (строго обращаясь къ Шакловитому) Гдѣ же ты былъ теперь?

Шакловитый (дерзко). Уставлялъ стрѣльцовъ для прохода государыни.

Князь Прозоровскій. Царь Петръ ускакалъ очень гнѣвный изъ Преображенскаго къ Троицѣ, получивъ доношенье, что изъ твоихъ стрѣльцовъ убійцы идутъ на него!

Шакловитый. Слышалъ это я!.. Вольно жъ ему было взбѣситься и уѣзжать!..

Софья Алексѣевна (пришедшая нѣсколько въ себя и остана-

вливая рукой Шакловитаго). Постойте, позамолчите немного и дайте мнѣ съ разумомъ собраться. (Къ Прозоровскому) Петръ Иванычъ, будь ко мнѣ добрый, возьми духовника царя Петра и поѣзжай съ нимъ къ Троицѣ, скажи ему, что доношенье— козни враговъ моихъ; возвращался бы онъ, Бога ради, ничего не опасаючись, обратно въ Москву, не терзалъ бы тѣмъ души моей. (Къ Троекурову) А ты, князь Иванъ Борисычъ, объяви всей черни и обывателямъ московскимъ, что стрѣльцы собраны для провода меня въ Донской монастырь, это я съ небольшимъ числомъ людей шла въ Дѣвичій монастырь, при моихъ глазахъ на полѣ двое грабили третьяго. (Къ Шакловитому) Въ Донской, по тревогѣ моей, мнѣ теперь иттить далече. Я схожу въ Казанскій прослушать акаѳистъ!

Шакловитый. А мнѣ, государыня, прикажешь итти за тобой?

Софья Алексѣевна. Иди!

(Князь Голицынъ при этомъ дѣлаетъ непріятное движеніе).

Софья Алексѣевна (замѣтивъ это и обращаясь къ нему). А ты, князь Василій Васильичъ, пойдешь со мной?

Князь Голицынъ. Нѣтъ, государыня, я пойду въ другой приходъ!

(Софья Алексѣевна еще разъ взглядываетъ на него и идетъ. Шакловитый слѣдуетъ за ней. Прозоровскій, Троекуровъ и Одоевскій остаются въ удивленіи).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

11 сентября 1689 года.

Розыскная палата въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, сдѣланная изъ монастырской трапезы.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одной сторонѣ сцены князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, а на другой Яковъ Ѳедорычъ Долгорукій, князь Прозоровскій и князь Троекуровъ; нѣсколько въ отдаленіи отъ нихъ и какъ бы предводительствуя ими, Левъ Кирилловичъ Нагишкинъ, со своимъ молодымъ, но уже холоднымъ и безстрастнымъ лицомъ *).

Князь Борисъ Голицынъ (весь красный и запальчиво). Что жъ вамъ надо чрезъ то?

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, часть II, стр. 76.

Князь Яковъ Долгорукій. Ты постой, не пали больно, я самъ въ розыскныхъ приказахъ сиживалъ: Шакловитый на воловьемъ двору все показалъ *).

Князь Борисъ Голицынъ. Что̀ все-то онъ показалъ?

Князь Яковъ Долгорукій. Все!.. Противъ сказки Сапоговыхъ—какъ онъ посягалъ на здоровье государя и царицы, противъ сказки Чермнаго—какъ они умышляли поджечь Преображенское и тамъ умертвить царя на пожарѣ, какъ съ Чететкой хотѣли патріарха низвергнуть; потомъ, слышимъ, тотъ же Шакловитый все ужъ сговорилъ: что царевну вѣнчаться на царство вѣнцомъ они никогда будто бы съ Васильемъ Васильичемъ не уговаривали... Что царицу убить бы, говорилъ токмо Чермный... На!.. все растаяло и распустилось, какъ снѣгъ вешній!.. Коли у него, у злодѣя, такое разнорѣчіе въ словахъ было, пошто жъ ему не дана была другой разъ пытка, пусть бы онъ своихъ сообщниковъ оговорилъ яснѣе **).

Князь Борисъ Голицынъ. То-то ты больно уменъ разглаживать свою бороду, а спросилъ бы, было ли когда дѣлать-то? рвали, можетъ, какъ изъ огня!.. У насъ до прихода Гордона все одинъ Сухаревъ полкъ былъ; а тамъ вся рать стрѣлецкая. Они то ли за Хованскаго одни, сами собой, весь было Кремль разгромили, а тутъ стояли съ правительницей во главѣ,—ей Шакловитаго, можетъ, жальче было, чѣмъ Василія Васильича...

Князь Яковъ Долгорукій. Ту, ту, ту!.. Не пугай чучеломъ, не малые ребята, не испугаемся!.. Я человѣкъ прямъ есмь, въ глаза тѣ скажу: либо царю служи, либо роднѣ своей!

Князь Борисъ Голицынъ (опять весь вспыхнувъ). Чѣмъ же я роднѣ своей служу?

Князь Яковъ Долгорукій. Тѣмъ, что князя Василія Васильича, знать, жаль стало; стыдно, что двоюроднаго брата на плаху поведутъ, и давай выгораживать.

Князь Борисъ Голицынъ (измѣняясь еще болѣе въ лицѣ). Я послѣ того всамотко по-твоему измѣнникъ государю моему?

Князь Яковъ Долгорукій. Не знаю, какъ ты есть, а что прадѣдъ твой былъ такимъ. У Яузскихъ воротъ при самозванцѣ всенародно измѣнничалъ ***).

Князь Борисъ Голицынъ. Pereas tu, diaBole! (Выхватываетъ саблю и кидается-было съ ней на Долгорукаго).

Князь Яковъ Долгорукій (въ свою очередь обнажая саблю). Лайся тутъ по-басурмански!

---

*) «Исторія Петра Великаго» Устрялова, часть II, стр. 76.

**) Тамъ же, стр. 77 и 82.

***) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIV, стр. 140.

Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ (разнимая ихъ и становясь между ними). Перестаньте, бояре, словно пьяные; инако, право, я пойду и донесу государю.

Князь Борисъ Голицынъ (вкладывая саблю въ ножны). Попадешься ты мнѣ коли-нибудь, свиное рыло!

Князь Яковъ Долгорукій. Самъ пьяный куда-нибудь башкой не попадись, а то гдѣ тѣ на другихъ лѣзти.

Левъ Кирилловичъ (къ Голицыну). Мы не браниться къ тебѣ пришли, Борисъ Алексѣевичъ, а явить наше сумнѣнье: намъ насчетъ царя гребтитъ. Шакловитый показывалъ мало; пусть по крайности на князя Василія Васильича сдѣлаютъ розыскъ настоящій.

Князь Борисъ Голицынъ. Еще вчера ко мнѣ отъ васъ посланцы приходили о томъ... Я докладывалъ царю, и онъ мнѣ собственноручную цыдулку далъ насчетъ того; на, читай ее про себя и про другихъ! (Подаетъ записку Нарышкину).

Левъ Кирилловичъ (читаетъ ее вслухъ). «Шакловитый намъ говорилъ хорошо, и боярамъ въ то дѣло мѣшаться непригоже» [*]).

(Бояре остаются нѣкоторое время въ недоумѣніи).

Левъ Кирилловичъ (обращаясь къ нимъ). Царская воля это!

Князь Прозоровскій. Извѣстно

Левъ Кирилловичъ (послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія). Прощай затѣмъ, бояринъ! (Кланяется Голицыну).

Прочіе бояре (тоже кланяясь ему). Прощай, Борисъ Алексѣичъ!

Князь Борисъ Голицынъ (насмѣшливо). Прощайте! (Къ Долгорукому) А я на тѣ сыщу твои безчестныя слова!

Князь Долгорукій. Ищи, сколь хошь!.. Ты самъ не меньше моего лаешься.

(Уходитъ вмѣстѣ съ другими боярами).

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь Борисъ Голицынъ (одинъ). Провалили, лѣшіе, наконецъ-то-тко!.. Подай имъ безпремѣнно Василія Васильича.. Ощька!

(Входитъ служитель).

Князь Борисъ Голицынъ (ему). Поди приведи сюда князя Василія Васильича!

(Служитель уходитъ).

Князь Борисъ Голицынъ (продолжаетъ). Хуже звѣрей всякихъ—эти бояре, ей-Богу-тко. Петръ Алексѣевичъ почесть

[*]) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIV, стр. 131.

совсѣмъ хотѣлъ простить и Шакловитаго и Чермнаго!.. Они, говоритъ, дѣлали это не по своей волѣ, а по повелѣнію сестры!» Такъ эти же черти, сальныя брюха, и патріархъ заволили. «Нѣтъ, говорятъ, казни. Мы за жизнь твою все печалиться и заботиться будемъ!» Печальники и заботники какіе!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Онъ уже не въ такой парадной одеждѣ; видъ его печаленъ, но не униженъ.

Князь Борисъ Голицынъ (подходя и плотнѣе притворяя дверь). Попало мнѣ, братикъ, изъ-за тебя въ зубы: вчера царь Петръ разгнѣвался, пошто я показанья Шакловитаго принесъ къ себѣ на домъ; я ужъ сказалъ, что спать мнѣ захотѣлось *); а сегодня бояре эти наперли на меня, какъ рожны какіе!..

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Царь Петръ поэтому не приметъ меня?

Князь Борисъ Голицынъ. Нѣтъ, не приметъ!

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Какія же вины мои обозначились противъ него?

Князь Борисъ Голицынъ. Ихъ было много бы, да маненько онѣ въ землю съ Ѳедькой ушли, а теперь явлено только то, что ты сестрѣ великихъ государей докладывалъ помимо царей...

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Они юны еще были и не правили.

Князь Борисъ Голицынъ. Второе-тко: въ крымскій походъ никакого промысла не чинилъ и тѣмъ сдѣлалъ казнѣ разореніе, а людямъ тяготу...

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Видитъ Богъ, что ежели и мало чего имѣлъ на то, такъ не усердія моего, а развѣ разуму...

Князь Борисъ Голицынъ (продолжаетъ). За всѣ сіи вины велѣно тебя лишить боярской чести, сослать на житье въ дальнія мѣста и имущество твое отписать на государя. Понялъ?

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Вижу, Борисъ Алексѣевичъ, и въ томъ, сколь велико твое раченье обо мнѣ!.. Благодарю и низко кланяюсь тебѣ за то!.. (Кланяется со слезами на глазахъ брату въ поясъ).

Князь Борисъ Голицынъ (тоже съ навернувшимися слезами на глазахъ, которыя старается смигнуть). Э, не вѣдаемъ, когда и кому придетъ чреда!.. Фортуна попеременно даетъ намъ пинки: единому вверхъ, другому внизъ!

*) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XIV, стр. 133.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Левъ Кирилловичъ (опять своимъ ровнымъ голосомъ). Сейчасъ прибудетъ царевна Софья Алексѣевна!.. Она пріѣхала для свиданія съ царемъ Петромъ, но государь приказалъ вести ее не во дворецъ, а сюда, и къ ней выйдетъ не онъ, а царица Наталья Кирилловна.

Князь Борисъ Голицынъ (нѣсколько удивленнымъ голосомъ). А мнѣ что до того?

Левъ Кирилловичъ. Ты ее стрѣтишь тутъ и скажешь ей волю государя.

Князь Борисъ Голицынъ. Вотъ что!..

Левъ Кирилловичъ (хочетъ-было уйти, но останавливается). А пошто здѣсь Василій Васильичъ?.. Ему не у чего тутъ быть!

Князь Борисъ Голицынъ. А вотъ по то, что угадай!.. Пряникъ за то тебѣ дамъ!..

Левъ Кирилловичъ. Ты все шутишь, а царь узнаетъ и гнѣваться будетъ!.. (Уходитъ).

Князь Борисъ Голицынъ (вслѣдъ ему). О-то, спица стальная!

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (торопливымъ голосомъ). Мнѣ бы желалось повидаться съ царевной!.. Можетъ, не приведетъ Богъ и встрѣтиться съ ней больше!..

Князь Борисъ Голицынъ (съ улыбкою). Cordes amatorum ante mortem occurrere volunt.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (тоже съ грустной улыбкой). Amor tam dulcis est, ut mors secum non horribilis sit.

Князь Борисъ Голицынъ. Sic!.. Оставайся тутъ,—ничего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Двери отворяются, и входитъ Софья Алексѣевна, очень гнѣвная, совершенно безъ свиты, въ сопровожденіи только двухъ верховыхъ дѣвицъ.

Софья Алексѣевна (прямо обращаясь къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну). Куда это меня привезли? Это сыскная палата какая-то?

Князь Борисъ Голицынъ (почтительно ей кланяясь). Здѣсь монастырская трапеза, государыня!

Софья Алексѣевна (гордо). Соправительницу свою царямъ подобаетъ принимать въ чертогахъ своихъ, а не по стряпильнямъ монастырскимъ!.. (Оборачивается и видитъ князя Василія Васильича Голицына; отъ удивленія вздрагиваетъ и блѣднѣетъ). Князь Василій Васильичъ, ты какъ это тутъ?.. Тебя-то ужъ я никакъ не чаяла здѣсь стрѣтить!

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (потупляясь и показывая головой на князя Бориса Алексѣевича). Я къ нему вотъ пріѣхалъ!

Князь Борисъ Голицынъ. Я звалъ его къ себѣ.

Софья Алексѣевна (твердымъ и какъ бы металлическимъ голосомъ). Почто жъ ты звалъ его къ себѣ?.. (Обращаясь къ князю Василію Голицыну) Почто онъ звалъ тебя?

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (тоже твердымъ голосомъ). По повелѣнію царя Петра!

Софья Алексѣевна (насмѣшливо повторяя). А, по повелѣнію Петра!.. (Обращаясь къ князю Борису Голицыну) Поди, скажи брату, что я нарочно пріѣхала видѣться: злые люди хотятъ промежъ насъ неудовольствіе установить; къ нему идутъ всѣ бояре; патріархъ уѣхалъ сюда и не ворочается въ Москву; войска тоже уходятъ отъ меня; мнѣ править царствомъ стало не съ кѣмъ. Я пріѣхала спросить его, что все это значитъ!..

Князь Борисъ Голицынъ (нѣсколько уже сконфуженнымъ голосомъ). Государь царь Петръ повелѣлъ тебѣ сказать, что тебя примета не онъ, а царица Наталья Кирилловна!

Софья Алексѣевна (отступая даже назадъ и устремляя на князя Бориса Алексѣевича гнѣвный взоръ). Князь Борисъ Алексѣичъ, что ты, али съ ума сошелъ, али насмѣхаешься надо мной? Царю Петру развѣ любо будетъ и весело спущать двухъ тигрицъ!.. И звѣрей грѣшно такъ травить другъ на дружку, не то, что людей.

Князь Борисъ Голицынъ (почтительно). Воля государя на то!.. Прикажешь итти доложить царицѣ?

Софья Алексѣевна (подумавъ немного и пожимая плечами). Поди, доложи!.. Послушаю, что она мнѣ скажетъ...

(Князь Борисъ Голицынъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья Алексѣевна и князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Софья Алексѣевна (обращаясь къ нему, гордымъ и гнѣвнымъ тономъ). Ты вотъ, князь Василій Васильичъ, все попрекалъ

меня, почто я Шакловитаго за вѣрнаго слугу себѣ почитаю: онъ не пошелъ къ царю Петру на поклонъ, а его привезли сюда скованнымъ, и то на плаху прямо!.. Люди-то отъ дѣяній своихъ и лучше познаются, чѣмъ отъ словъ...

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (тоже въ свою очередь гордымъ тономъ). Никогда я, государыня, не искалъ совершать такихъ дѣяній. Видитъ то Богъ, и пусть судятъ теперь меня всѣ люди русскіе, — николи я пожеланія собственной души моей не ставилъ превыше пользы государства моего. Я радѣлъ и желалъ паче всего, чтобы ты царствовала, когда цари были юны: но наущать тебя, какъ наущалъ твой вѣрный Шакловитый, и такъ тебѣ служить, какъ онъ хотѣлъ служить, скорѣй бы изсохла душа моя, чѣмъ бы я смогъ то, и теперь, не страшась твоего гнѣва, скажу тебѣ: отдай твое правленіе Петру—время твое прошло, а его приспѣло!

Софья Алексѣевна (насмѣшливо). Какія награды тебѣ обѣщаны, чтобы ты говорилъ мнѣ такія слова?

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Меня пока еще наказуютъ только: я лишенъ боярства... имѣнія... меня ссылаютъ въ ссылку—вотъ мои награды!.. (Хочетъ уйти).

Софья Алексѣевна (вдругъ перемѣняя тонъ и поблѣднѣвъ). Какъ ссылаютъ въ ссылку?!.. не можетъ быть то!.. Да постой же, куда ты уходишь!.. Я имъ не позволю того!.. У меня есть еще рать!.. Я государыня пока!.. Ты вѣдь моя радость!.. А развѣ я имъ отдамъ тою радость!.. (Подходитъ и обнимаетъ Голицына). Дай мнѣ только съ силой моей государской собраться, я тебѣ все сторицею возвращу: и богатства твои и почести!

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (склоняя голову въ объятія царевны). Не объ нихъ я, государыня, тужу, а что пресвѣтлаго лица твоего видѣть не буду!

Софья Алексѣевна (успокоивая и лаская его). И его будешь видѣть!.. Благодарствую, что горюешь о томъ, свѣтъ мой, радость моя!.. (Ласкаетъ его).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и князь Борисъ Голицынъ.

Князь Борисъ Голицынъ (входя, князю Василію Васильевичу Голицыну). Уходи скорѣй; царица идетъ!..

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Прощай, государыня! (Хочетъ уйти).

Софья Алексѣевна (не пуская его). Я не пущу тебя!.. Или нѣтъ,—ступай!.. Какъ я тебя не пущу!.. (Распуская руки)

Гдѣ и въ комъ моя помощь!.. Въ единомъ только Богѣ. (Останавливая опять вдругъ Голицына и обрадованнымъ голосомъ) Но, можетъ, Онъ мнѣ и поможетъ и дастъ мнѣ разуму обмануть ихъ. О, тогда они узнаютъ, каково отнимать у меня послѣдній свѣтъ отъ очей моихъ!.. А теперь ступай!

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Прощай еще разъ, государыня! (Слезы мгновенно орошаютъ его глаза; онъ закрываетъ лицо руками и поспѣшно уходитъ).

(Софья Алексѣевна дѣлаетъ надъ собой неимовѣрное усиліе, чтобы сохранить свой царственный и болѣе спокойный видъ).

Князь Борисъ Голицынъ (обращаясь къ публикѣ). Амуръ одинакими, видно, стрѣлами поражаетъ какъ простыхъ тетерянокъ, такъ и дочерей цезарей!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и царица Наталья Кирилловна: она уже въ царскомъ одѣяніи. За ней большая свита боярынь и боярскихъ дочерей, и кромѣ того входитъ князь Троекуровъ.

Наталья Кирилловна (гордо кланяясь Софьѣ Алексѣевнѣ). Здравствуй, Софья Алексѣевна.

Софья Алексѣевна (едва сдерживая себя). Здравствуй, Наталья Кирилловна!.. (Продолжаетъ, собравшись съ духомъ) Сколь ни велика для меня пріятность видѣть тебя, государыня, но я, признаюсь, желала бы больше видѣть брата Петра и спросить его, какія вины я противъ него сдѣлала?.. Если я и проступилась въ чемъ передъ нимъ неумышленно, такъ простилъ бы онъ меня Христа ради, а не гнѣвался бы на меня: мы люди кровные, близкіе, я не попущу никакъ, чтобы ссора промежъ насъ навѣки оставалась...

Наталья Кирилловна (тѣмъ же гордымъ тономъ). Вины твои всѣ написаны въ письмѣ къ царю Іоанну. Они всѣ у Троекурова. (Князю Троекурову) Прочти ей!

Троекуровъ (развертываетъ письмо и не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ читаетъ его). «Братецъ, государь царь Іоаннъ Алексѣичъ. Божіею милостію и соборнымъ дѣйствіемъ 190 году намъ, двумъ особамъ, врученъ скипетръ всероссійскій; а чтобы третья была съ нами въ равенственномъ правленіи,— того отнюдь не вспоминалось; сестра же наша царевна Софья Алексѣевна учала владѣть государствомъ своею волею, писаться собою безъ позволенія нашего въ титлахъ, и для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ; подусчики же ея, Ѳедька Шакловитый съ товарищами, замышляли убійства надъ нами и матери нашей здоровьемъ, ради чего, въ охраненіе престола россійскаго и въ обереже-

ніе себя мы положили сестру нашу Софью Алексѣевну въ Новодѣвичій монастырь заключить, о чемъ и просимъ васъ, братъ, не поперечить намъ. Писавый въ печаляхъ братъ вашъ Петръ».

Софья Алексѣевна (не поведя ни однимъ мускуломъ). Что же, меня ужъ больше и не отпустятъ отсюда, я останусь въ неволѣ?

Царица. Царь Петръ желаетъ, чтобы ты отсюда ушла монахиней! (Дѣлаетъ знакъ глазами монахинѣ, которая подноситъ Софьѣ Алексѣевнѣ черную одежду).

Царица (неторопливымъ голосомъ). Это мое монашеское одѣяніе; 13 лѣтъ я носила его, съ тѣхъ поръ, какъ воцарился братъ твой Ѳедоръ Алексѣевичъ; думала носить его до смерти, но царю Петру угодно, чтобы я одѣлась теперь въ царское платье.Ряска эта еще новенькая, ненадѣванная—не побрезгуй и прими ее отъ меня въ подарокъ! (Къ монахинѣ) Облачи ее по сану и по правилу!

(Софья Алексѣевна сначала взглядываетъ на Наталью Кирилловну; но потомъ, видя, что никакой отмѣны ея словамъ не будетъ, начинаетъ молча снимать съ себя царское одѣяніе и надѣвать монашеское).

Софья Алексѣевна (кончивши переодѣванье). Ну, Наталья Кирилловна, властна я и всесильна была, а въ монастырь тебя не постригла—пожалѣла твоей молодости!

Царица. Постригла бы, кабы смогла-то!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Левъ Кирилловичъ.

Левъ Кирилловичъ (входя быстро и отворяя настежь дверь). Царь Петръ!

(Всѣ невольно потупляются. Софья Алексѣевна еще болѣе блѣднѣетъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и царь Петръ; онъ 17 лѣтъ, 11 вершковъ росту, съ курчавыми волосами, совершенный красавецъ. Его сопровождаютъ Гордонъ и Лефортъ.

Царь Петръ (входя и прямо обращаясь къ матери). Ну, мя родшая, отправляйтесь въ свои покои и отдыхайте тамъ! (Потомъ вдругъ, съ нахмуреннымъ лицомъ, взглядывая на сестру и показывая на нее рукой князю Троекурову) Взять и свезть ее немедля въ Новодѣвичій монастырь!

Софья Алексѣевна. Не за себя я, братъ, прошу тебя, а за князя Василія Васильича! Онъ ни въ чемъ передъ тобой не виноватъ.

Царь Петръ (скороговоркой). Мы уже конфирмовали ему приговоръ нашъ. (Обращаясь къ Гордону и Лефорту) Пойдемте смотрѣть потѣшныхъ. (Уходитъ въ сопровожденіи ихъ).

(Софья Алексѣевна смотритъ ему вслѣдъ).

Царица Наталья Кирилловна (съ испугомъ). Что ты смотришь такъ на него, словно известь его твоимъ взглядомъ хочешь!

Софья Алексѣевна (насмѣшливо). Любуюсь на него!

Князь Борисъ Голицынъ (къ публикѣ). Какъ волчица своимъ Ромуломъ; кровь свою узнаётъ въ немъ!

Занавѣсъ падаетъ.

БОЙЦЫ И ВЫЖИДАТЕЛИ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Полташевъ — высокій, съ внушительной физіономіей сановникъ.

Графиня Евгенія Александровна Полташева—дочь, прелестная собой блондинка.

М-me Барышевская—grande dame; лѣтъ 45-ти; держитъ себя гордо; слегка подкрашивается.

Оскаръ Селивестрычъ Терхазинъ—худощавый петербургскій чиновникъ
Яковъ Петровичъ Оболонскій—очень красивый собой; похожъ болѣе на артиста, чѣмъ на чиновника
} оба они любимцы графа.

Князь Максата—совсѣмъ съ татарской физіономіей, дальній родственникъ графа.

М-me Делябель—актриса; красивая, но уже подержаная женщина.

Барсовъ—съ казначейской физіономіей.

Актеръ Хохлевскій—съ подлой физіономіей.

Кальчіо—молодцоватый, но глупый баритонъ.

Соріо—мозглявый музыкантикъ.

Докторъ Реймаръ.

Дежурный чиновникъ въ вицмундирномъ сюртукѣ.

Франтоватый чиновникъ въ вицмундирномъ фракѣ.

М-me Жанна—француженка, компаньонка графини.

Лакей.

ДѢЙСТВІЕ I.

Богатая гостиная въ домѣ графа. На каминѣ между прочими вещами стоитъ ваза.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Полташевъ, графиня Полташева, m-me Барышевская, князь Максата.

Графъ. Tout le mal provient de l'éducation!.. Когда къ одному изъ французскихъ дофиновъ приставленъ былъ въ воспитатели нѣкто аббатъ Прееси, или Фрееси—не помню!—онъ обратился въ Лондонъ къ извѣстному тогда педагогу и спрашиваетъ его: какая того система, и въ чемъ состоятъ его воспитательныя средства? Тотъ, въ отвѣтъ на это, беретъ его къ себѣ въ коляску, везетъ за городъ и между прочимъ привозитъ въ березовую рощу. «Вотъ, говоритъ, мои средства—розги!»

Барышевская. Но, Богъ мой! графъ, развѣ мало у насъ сѣкли? Что жъ вышло изъ того хорошаго?

Графъ. Видно, что мало!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Оскаръ Селивестрычъ прошелъ въ кабинетъ.

Графъ. Хорошо! Скажи, чтобы подождалъ.

Лакей (обращаясь къ графинѣ). Онъ просилъ позволенія быть и у васъ.

Графиня. Я очень рада видѣть его всегда.

Барышевская. Qui ça?

Графиня. Терхазинъ.

Барышевская (пожимая плечами). La vue de cet homme me donne des frissons!..

Графъ. Pourquoi?

Барышевская. Droit, pâle, maigre! Je crois que c'est un homme tout-à-fait sans coeur... Наконецъ, кто онъ, откуда, чье созданье?

(Графъ дѣлаетъ легкую гримасу).

Барышевская. Pardon, графъ! Можетъ-быть, я говорю вамъ непріятное; но что же дѣлать?.. Я привыкла не скрывать ни моихъ чувствъ ни моихъ мыслей.

Графъ (протяжно и съ удареніемъ). Терхазинъ рѣшительно

обязанъ своимъ возвышеніемъ самому себѣ. Это какой-то гигантъ работать... Когда я былъ во Владимирѣ губернаторомъ, онъ поступилъ ко мнѣ очень молоденькимъ чиновникомъ и черезъ годъ уже былъ правителемъ моей канцеляріи, завѣдывалъ всѣми моими частными дѣлами, приводилъ въ дѣйствіе вышедшія тогда новыя учрежденія губернскихъ правленій... Наконецъ онъ человѣкъ самой высокой, неподкупной честности!..

Барышевская (усмѣхаясь). Не знаю честности г-на Терхазина въ отношеніи денегъ; но въ отношеніи убѣжденій далеко не такъ. По крайней мѣрѣ, онъ, въ присутствіи моего мужа, который вовсе ужъ не выдумщикъ, и въ присутствіи очень многихъ молодыхъ людей, открыто говорилъ, que son desir le plus cher, c'est la constitution!

Графъ (усмѣхаясь). Ого! Какъ громко!.. Это они теперь всѣ говорятъ, чтобы помодничать.

Барышевская. Однако, позвольте же, графъ. Если г-нъ Терхазинъ, на его постѣ, въ его положеніи, говоритъ для того, чтобы помодничать — такъ это просто глупо; но если же онъ такъ думаетъ и въ то же время служитъ совсѣмъ другимъ началамъ, получаетъ за это чины, кресты, деньги — ce n'est pas noble!

Графъ (декламируя изъ Грибоѣдова).

А наши дамы—судьи всюду.
Надъ ними жъ нѣтъ судей.

Барышевская (съ вспыхнувшимъ лицомъ). Не могу я иначе! Это ужасно меня сердитъ: думаетъ одно, а поступаетъ другимъ образомъ.

Графиня (съ улыбкой). Какъ и всѣ чиновники!

Барышевская. Нѣтъ, не всѣ: вонъ Оболонскій... (При этомъ мелькомъ взглядываетъ на графиню, та замѣтно конфузится). Я убѣждена, что онъ, какъ чувствуетъ, такъ и дѣйствуетъ!

Графъ (съ удовольствіемъ закидывая голову назадъ). Оболонскій совсѣмъ другого рода человѣкъ. Вотъ это дѣйствительно мой выводокъ, не по количеству трудовъ своихъ, но потому, что въ самомъ дѣлѣ c'est un jeune homme de grands talents.

Барышевская. Превосходный человѣкъ! (Въ одно и то же время обращаясь къ графу и къ графинѣ) А скажите—правда, что его переводятъ, или онъ самъ переходитъ куда-то?

Графиня (сконфузясь). Не знаю

Графъ (неторопливо). То-есть, онъ собственно просится за границу; говоритъ, что здоровье его очень нехорошо, что ему нуженъ отдыхъ; но я не знаю, какъ это сдѣлать для него, мнѣ рѣшительно некѣмъ его замѣнить.

Графиня (оживленнымъ голосомъ). Папа и то работаетъ почти цѣлыя ночи, а распустить всѣхъ, ему еще болѣе будетъ дѣла.

Графъ. Тогда мнѣ князь Максата будетъ помогать. (Обращаясь съ насмѣшливымъ голосомъ къ князю) Будете?

Максата (съ ужимкою). Если вашему сіятельству угодно, то, конечно...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Яковъ Петровичъ Оболонскій!

Графъ. Легокъ на поминѣ!.. Проси!

(Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оболонскій входитъ, церемонно раскланивается съ дамами и съ графомъ, князю Максатѣ почти не отвѣчаетъ на поклонъ.

Графъ (дружески протягивая ему руки). Здравствуйте! Садитесь. (Оболонскій садится). Мы сейчасъ васъ бранили, то-есть не мы, а князь Максата.

Максата (удивленнымъ голосомъ). Какъ я?

Графъ. Онъ говоритъ, что вы человѣкъ неспособный, и что ежели бы у него, князя, было бы, напримѣръ, столько же прилежанья и терпѣнья, какъ у васъ, такъ онъ давно бы васъ за поясъ заткнулъ.

Максата (опять съ той же ужимкой). Я, кажется, нигдѣ еще не имѣлъ случая заявить ни моего прилежанія ни моего неприлежанія

Графъ. Вотъ онъ, говоритъ, просится теперь за границу; только бы, говоритъ, достался мнѣ его департаментъ, я бы тамъ перетасовалъ все.

Оболонскій (обращаясь къ Максатѣ, равнодушнымъ тономъ). Перетасовали?

Максата (пожимая плечами). Я этого никогда не говорилъ!

Графъ. Вонъ, говоритъ, насчетъ женщинъ, которыя очень любятъ Оболонскаго, и насъ, говоритъ, любятъ не меньше.

Максата (съ насильственною улыбкою). И этого тоже я не говорилъ!

Барышевская. Какія же женщины любятъ князя?

Графъ. Конечно, le demi-monde, женщины полусвѣта. Увы! въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ съ нимъ одну участь.

Барышевская (съ насмѣшкой и пренебреженіемъ). Стало-быть, и вы счастливы въ любви женщинъ подобнаго рода?

Графъ. Очень!.. Особенно одной изъ нихъ.

Графиня (съ улыбкой). Одной только?

Графъ. Одной, которая поэтому дороже мнѣ всѣхъ!.. Однако прощайте. Терхазинъ, вѣроятно, ужъ браннтъ меня. (Къ Оболонскому) Занимайте дамъ. (Идетъ).

(Князь Максата встаетъ, идетъ за графомъ и начинаетъ ему серьезно говорить. Графъ съ насмѣшливой улыбкой качаетъ ему въ отвѣтъ головой).

ЯВЛЕНІЕ V.

Графиня, Оболонскій и Барышевская.

Барышевская (пожимая плечами). Это онъ говоритъ про m-me Делябель.

Графиня (съ прежней улыбкой). Вѣроятно!

Барышевская. Это выше всякой мѣры! При дочери позволять себѣ такія банальныя шутки! Онъ, кажется, въ этомъ случаѣ совершенно стыдъ потеряль: я его на-дняхъ въ театрѣ, въ фойе, встрѣтила подъ ручку съ этой госпожой. Pardon, chère amie, я говорю при Яковѣ Петровичѣ такія вещи, которыя и онъ, вѣроятно, знаетъ.

Графиня. Яковъ Петровичъ знаетъ даже самую госпожу эту, и она къ нему неравнодушна.

Оболонскій (усмѣхаясь). Мы друзья съ нею—только!..

Барышевская. Скажите, что она за женщина?

Оболонскій. Да ничего: добрая, пустая, завистливая, великодушная!

Барышевская. Mais tout le monde dit, что она взятки беретъ.

Оболонскій. Возьметъ, если кто дастъ.

Барышевская. Фу, дрянь какая... Однако adieu, chère amie, adieu!..

(Цѣлуетъ графиню, Оболонскому подаетъ руку и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графиня и Оболонскій.

Графиня (торопливо). Послушайте, вы не оставляете вашего намѣренія уѣхать?

Оболонскій. Да!

Графиня. Мнѣ надобно съ вами объ этомъ поговорить. (Слышится голосъ графа: „Оболонскій!“).

Графиня. Идите къ нему; я оставлю вамъ записку въ вазѣ.

Оболонскій. Bien!.. (Уходитъ).

(Графиня подходитъ къ столу и пишетъ. Въ дверяхъ показывается князь Максата. Графиня, написавъ записку, кладетъ ее въ вазу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Максата (выходя на авансцену). Что это она тутъ положила? Подходитъ и заглядываетъ въ вазу) Записка какая-то! (Вынимаетъ и начинаетъ читать; въ лицѣ его выражается удивленіе и страхъ). Скажите, пожалуйста, (съ насмѣшливой улыбкой обращаясь къ публикѣ) un billet doux, явно, что къ Оболонскому. (Читаетъ вслухъ) «Je t'attends à minuit dans mon cabinet; le comte sera absent. Il passe la soirée chez sa belle. Je t'embrasse mille fois». (Повторяя) Je t'embrasse mille fois. Вотъ вамъ и смиренница. Главное, что мнѣ теперь дѣлать: говорить графу, или нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Максата и Терхазинъ.

Терхазинъ (входя и осматриваясь). Евгенія Александровна, видно, ужъ ушла на свою половину?

Максата. Ушла! (Терхазинъ хочетъ уйти). Два слова, Оскаръ Селивестровичъ! (Терхазинъ останавливается).

Максата (смущеннымъ голосомъ). Здѣсь чортъ знаетъ что такое происходитъ!

Терхазинъ. Гдѣ здѣсь?

Максата. У графа. Графъ здѣсь цѣлое утро былъ и потомъ пошелъ... я пошелъ за нимъ, чтобы попросить объ одной вещи... возвращаюсь сюда: графиня ужъ одна стоитъ и пишетъ у столика, и потомъ положила что-то такое вотъ въ эту вазу; я не удержался и заглянулъ... невѣроятное открытіе!

Терхазинъ (равнодушно повторяя). Открытіе?.. Какое же?

Максата. Да то, что mademoiselle la comtesse съ самозабвеніемъ страсти любитъ Оболонскаго.

Терхазинъ (удивленнымъ и строгимъ голосомъ). Что вы, съ ума, что ли, сошли?

Максата. Къ несчастью, говорю это въ совершенномъ разсудкѣ. Теперь вотъ и понятно его возвышеніе чисто по ея вліянію; надуваетъ старику въ уши, тотъ и тянетъ его. Я вотъ ихъ родственникъ, седьмой годъ торчу при министерствѣ; хоть бы какое-нибудь назначеніе получилъ. Во всякомъ случаѣ предувѣдомить графа необходимо. Вотъ прочтите, что она пишетъ. (Подаетъ записку).

Терхазинъ (отводя ее рукой). Нѣтъ, я чужихъ писемъ и не такого содержанія не читаю.

Максата. Кто жъ графу скажетъ? Я бы самъ готовъ, но не знаю, какъ онъ это приметъ.

Терхазинъ. Графу я вамъ не совѣтовалъ бы говорить: я не думаю, чтобы подобное извѣстіе могло быть ему пріятно. Оно можетъ порадовать одну развѣ только Делябель, которая ненавидитъ графиню.

Максата. Ей сказать, значитъ, надо...

Терхазинъ (какъ бы не слыхавъ его словъ). Главное, положите ея письмо на то мѣсто, на которомъ оно лежало. Оно должно дойти по своему назначенію; перехватывать чужія письма есть преступленіе!

Максата. Сейчасъ. (Кладетъ письмо въ вазу и въ раздумьѣ обращается къ Терхазину) До свиданья, Оскаръ Селивестрычъ!

Терхазинъ. До свиданія, почтеннѣйшій!

(Дружески пожимая ему руку, Максата уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Терхазинъ (одинъ). Непремѣнно, каналья, побѣжитъ къ Делябель... По всѣмъ соображеніямъ, другу моему любезному, Якову Петровичу, будетъ за это щелчокъ. (Сжимая кулакъ и стискивая зубы) Еще со школьной скамейки человѣкъ этотъ мучилъ и терзалъ меня завистью; наконецъ на послѣднемъ моемъ шагу стоитъ мнѣ поперекъ дороги... Онъ умнѣй, даровитѣй меня,—говорятъ мнѣ почти въ глаза; но на какую же мѣрку, желалъ бы я знать, мѣрены наши умы, и что̀ такое это — даровитость и недаровитость!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тотъ же и графъ, въ мундирномъ фракѣ и со шляпой въ рукахъ.

Графъ. Очень радъ, Оскаръ Селивестрычъ, что вы еще не ушли. Оболонскій, какъ галилеянинъ, побѣдилъ меня: прикажите, пожалуйста, заготовить сегодня же докладъ о командировкѣ его за границу, съ сохраненіемъ тамъ жалованья и прочаго.

Терхазинъ. А исправленіе его должности?

Графъ. Никому не поручать. Всякій другой безъ него напутаетъ только!

Терхазинъ. Стало-быть, Яковъ Петровичъ снова возвратится на это мѣсто?

Графъ. Вѣроятно... Если не получитъ только какого-нибудь другого, высшаго назначенія. Поспѣшите, пожалуйста, докладомъ.

Терхазинъ (повторяя про себя). Высшаго!.. (Вслухъ и съ нѣкоторою ядовитостью) Не имѣетъ ли Яковъ Петровичъ въ своей

поѣздкѣ за границу какой-нибудь особой цѣли; и чтобы командировкой его вамъ себя не скомпрометировать, ваше сіятельство.

Графъ. Меня!.. это какъ? (Присаживается на диванъ).

Терхазинъ (съ гримасою въ лицѣ). Отношенія мои къ Якову Петровичу, ваше сіятельство, вы сами хорошо знаете, онъ мнѣ другъ съ школьной скамейки; но есть вещи, которыя скрывать невозможно.

(Графъ начинаетъ смотрѣть со вниманіемъ прямо въ лицо Терхазину).

Терхазинъ (потупляя глаза). Вы изволите, я думаю, помнить тотъ скандалъ, который былъ напечатанъ про насъ въ «Колоколѣ» и который, видимо, вышелъ изъ моего департамента.

Графъ (нахмурясь). Помню!

Терхазинъ. Я дѣлалъ тогда строжайшій розыскъ, и одинъ даже молодой столоначальникъ былъ исключенъ; а теперь оказывается, что все это написалъ и послалъ въ Лондонъ Яковъ Петровичъ.

Графъ (откидываясь на задокъ кресла). Да ему-то съ какой стати это нужно было?

Терхазинъ (прежнимъ спокойнымъ голосомъ). Можетъ-быть, изъ желанія блага своей странѣ, а можетъ, чтобы сдѣлать вредъ мнѣ, вамъ... Я тогда имѣлъ неосторожность прочесть ему это дѣло и даже, какъ съ товарищемъ, посовѣтоваться съ нимъ. Тутъ, вѣроятно, онъ запомнилъ всѣ факты, которыми и воспользовался, какъ желалъ. Одинъ мой знакомый, возвратившись изъ Лондона, говорилъ, что самъ видѣлъ въ типографіи черновую рукопись этой статьи, написанную рукою Якова Петровича.

Графъ (огорченный и удивленный). Терхазинъ, понимаете ли вы, что вы говорите?

Терхазинъ. Я могу достать самую эту рукопись.

Графъ (съ бѣшенствомъ). Мальчишки вы, сударь, да и еще скверные мальчишки!

Терхазинъ (гордо поднимая голову). Я въ этомъ случаѣ, ваше сіятельство, нисколько не считаю себя виновнымъ.

Графъ (вставая и выходя изъ себя). Какъ вы не виновны, когда въ секретномъ дѣлѣ, которое мною лично было поручено вамъ, смѣли совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было?.. Только вѣдь и слышишь отовсюду о вашей болтовнѣ... Какъ же вѣдь, прогрессъ, свобода, конституція имъ нужны! (Ударяя себя въ грудь) Всѣхъ васъ въ дугу переверну!.. Вы — писаря мои, не больше! Извольте отправляться къ вашимъ занятіямъ!

Терхазинъ (совершенно спокойнымъ голосомъ). Докладъ Оболонскому прикажете готовить?

Графъ. Писать! (Надѣваетъ шляпу, застегиваетъ вицмундиръ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Терхазинъ (оставшись одинъ и съ нахмуреннымъ лицомъ). Не вышло, значитъ... Посмотримъ, что̀ будетъ, какъ тебя съ другой-то, болѣе чувствительной стороны тронутъ.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Роскошная гостиная m-me Делябель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Делябель, въ богатомъ платьѣ, полулежитъ на диванѣ; входитъ Оболонскій.

Делябель. Явился наконецъ... шесть разъ къ нему посылала...

Оболонскій (пожимая ей руку). Некогда было!

Делябель (передразнивая). Некогда ему было! Не нѣжничать съ вами звала васъ; гдѣ ужъ намъ эта честь! Садись и слушай.

(Оболонскій садится у ней въ головахъ).

Делябель. Что̀ ты такое начудесилъ?

Оболонскій. Я?

Делябель. Да, ты!.. Написалъ что-то такое въ Лондонъ...

Оболонскій (измѣнившись нѣсколько въ лицѣ). Тебѣ кто сказалъ?

Делябель. Графъ!.. Онъ часа три сидѣлъ у меня ужасно огорченный и разсерженный на тебя. Ты написалъ на него какой-то пасквиль, или доносъ? Писалъ или нѣтъ?

Оболонскій (насильно улыбаясь). А тебѣ что̀ за дѣло?

Делябель. Послушай, Оболонскій, ты ужасно дрянной человѣкъ въ отношеніи меня. Сколько лѣтъ я доказываю тебѣ мою преданность, безпокоюсь о тебѣ...

Оболонскій (полунасмѣшливо). Все оттого, что влюблена въ меня.

Делябель (сконфузившись). Ну, положимъ, что влюблена въ тебя; но съ тобою хотятъ говорить дѣло, а ты только отшучиваешься. За шпіонку, что ли, ты меня считаешь?

Оболонскій. Кто же тебѣ говорилъ про шпіонство!

Делябель. Да отчего же ты не хочешь сказать: писалъ ты, или нѣтъ?

Оболонскій. Ну, писалъ, если тебѣ такъ ужъ очень хочется.

Делябель. Для чего же ты это дѣлалъ?

Оболонскій. А вотъ для того, чтобы хоть ты не командо-

вала такъ, какъ ты у насъ командуешь... Есть господа, на которыхъ надо устроить хоть какой-нибудь страхъ.

Делябель. А ты думаешь, господа эти простятъ тебѣ это?

Оболонскій. Знаю, что не простятъ, потому-то я и хочу уѣхать за границу.

Делябель. Ну, теперь врядъ ли ужъ тебя и пустятъ.

Оболонскій. Хлопочи!

Делябель. Я и то хлопотала!.. Но онъ ужасно распѣтушился; хотѣлъ сейчасъ же тебя арестовать; я едва отговорила. «Разузнайте, говорю, по крайней мѣрѣ, хорошенько».

Оболонскій. Скверно, значитъ; надо принимать мѣры.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Князь Максата!

Делябель. О, дуракъ этотъ! (Оболонскому) Велѣть его прогнать?

Оболонскій. Нѣтъ, я сейчасъ уйду.

Делябель (лакею). Скажи, что дома.

(Лакей уходитъ).

Оболонскій (беря и пожимая руку Делябель). Прощай!

Делябель. Старикъ ужо придетъ ко мнѣ. Я ему прямо скажу, что если онъ пальцемъ тебя тронетъ, такъ я сейчасъ же брошу его.

Оболонскій (усмѣхаясь). Ну, въ такомъ случаѣ не тронетъ. (Идетъ).

Делябель (вслѣдъ ему). Приходи ужо ужинать... кое-кто изъ нашихъ будетъ.

Оболонскій. Не могу!

Делябель (передразнивая его). Не могу, не могу, медвѣжонокъ скверный!

(Оболонскій уходитъ и въ дверяхъ сталкивается съ Максатой).

Максата. Мое глубочайшее почтеніе, Яковъ Петровичъ.

(Оболонскій ничего не отвѣчаетъ и, едва протянувъ ему руку, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Делябель и князь Максата. Делябель закидываетъ назадъ голову на подушку и закрываетъ глаза.

Максата (робко приближаясь къ ней). Осмѣлюсь просить вашу ручку поцѣловать.

Делябель (не открывая глаза). Лѣнь поднимать руку.

Максата. Ну, ножку.

Делябель. Ножку можете.

(Максата склоняется и цѣлуетъ кончикъ выставившагося башмака Делябель).

Максата. Ножка эта произвела столько божественныхъ па, что ее стоитъ внести въ храмъ и тамъ обезсмертить!

(Делябель молчитъ).

Максата (нѣсколько въ неловкомъ положеніи и робкимъ голосомъ). Я еще давеча имѣлъ удовольствіе заходить къ вамъ, но не засталъ васъ дома.

(Делябель молчитъ. Максата въ очень неловкомъ положеніи).

Делябель (не открывая глазъ). Что вы—стоите или сидите?

Максата. Стою!

Делябель. Ну, такъ садитесь!

Максата (садится). Вы нездоровы, вѣроятно!

Делябель. Нѣтъ, зла... Встаньте! мнѣ лучше, когда вы стоите.

Максата (пожимая плечами). Странное желаніе... всталъ!

Делябель. Ахъ, Максата, какой вы дрянной; васъ, какъ собаку, можно заставить все дѣлать.

Максата (покраснѣвъ и съ притворной улыбкой). Я женщинамъ привыкъ повиноваться во всемъ.

Делябель. Извините, я для васъ не женщина, а начальникъ вашъ!.. Ну, разсказывайте какую-нибудь сплетню, новость, что хотите.

Максата. Не сплетню, а новость отличную имѣю для васъ.

Делябель. Ну, говорите!

Максата. Э, нѣтъ! даромъ не скажу.

Делябель. Можете за это еще разъ поцѣловать мою ножку.

Максата. Мало.

Делябель. Ну, ручку.

Максата. Мало.

Делябель. Ну, наконецъ, я васъ сама поцѣлую.

Максата. Мало.

Делябель. Ахъ, ты, противный! Мало ему этого! Что жъ тебѣ надобно?

Максата. То, что для васъ совершенно ничего не стоитъ: нѣсколько десятковъ словъ.

Делябель. Какихъ словъ?

Максата. Очень простыхъ: «душечка, миленькій, вотъ такой-то человѣкъ очень прекрасный, очень хорошій, сдѣлай для него это».

Делябель. А, вотъ что!.. Что же такое сдѣлать?

Максата. А сдѣлать... Оболонскій уѣзжаетъ за границу.

Делябель. Знаю!

Максата. Мѣсто его никѣмъ не занято—вотъ я бы и же-

лалъ его занять. Положимъ, Оболонскій и вернется; все-таки я уже былъ на его мѣстѣ, и въ другомъ вѣдомствѣ мнѣ просить будетъ легче: все уже занималъ эту должность.

Делябель. Графъ врядъ ли дастъ вамъ какое-нибудь мѣсто, онъ очень дурно васъ разумѣетъ. Говорятъ, вы и князь-то не настоящій, какой-то татарскій. Тамъ вѣдь у васъ всѣ князья.

Максата (покраснѣвъ). Нѣтъ, я князь настоящій.

Делябель. Ну, говорите новость.

Максата (таинственно). Вотъ видите ли...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей, а за нимъ актеръ Хохлевскій.

Лакей. Актеръ Хохлевскій.

Хохлевскій. Съ вашего позволенія, являюсь!

Делябель. Здравствуйте! (Рекомендуетъ) Князь Максата!.. Хохлевскій!..

(Князь и Хохлевскій церемонно кланяются другъ другу).

Делябель (покровительственнымъ тономъ). Что у васъ тамъ новаго?

Хохлевскій. Да ничего!.. Я вчера былъ у Николая Гавриловича насчетъ той роли, о которой вамъ говорилъ.

Делябель. Ну да.

Хохлевскій. И ужъ, извините, я сказалъ, что читалъ вамъ; это все равно,—я теперь вамъ прочту, если прикажете.

Делябель (Максатѣ). Ваша новость, вѣроятно, вздоръ какой-нибудь! (Хохлевскому) Читайте!

(Хохлевскій вынимаетъ изъ кармана книжку и осторожно кладетъ ее на столъ).

Делябель (снова ложась на диванъ и закрывъ глаза). Какая это пьеса?

Хохлевскій. Въ обличительномъ родѣ.

Делябель. Въ обличительномъ?

Хохлевскій (прижимая руку къ сердцу). Я, Эмма Николаевна, желаю играть отца Буркова, стараго взяточника и скупца. (Откашливается и начинаетъ читать) «Бурковъ входитъ съ Гавриловымъ. Бурковъ:—Славная, братецъ, вещь взятки, ха-ха-ха! этого хочешь, нюхай. (Подаетъ ему серебряную табакерку). Вотъ тоже, братецъ, инженерное вѣдомство — отличнѣйшая вещь! ха-ха-ха!» (Обращаясь къ Максатѣ) Понимаете тутъ намекъ?

Максата (кивая головой). Ну да, разумѣется.

Хохлевскій (читаетъ). «Гавриловъ:—Хорошо, Иванъ Герасимычъ, и въ консисторію. Бурковъ: — Отлично! ха-ха-ха!» На этомъ мѣстѣ, я вамъ говорю, взрывъ аплодисментовъ будетъ, потому что это не частное, а общественное зло.

Максата (съ глубокомысленнымъ видомъ). Не сильно ли только немножко!

Хохлевскій (съ грустью пожимая плечами). Всѣ вѣдь пьесы нынѣшнія такія, духъ времени такой. (Читаетъ) «Вбѣгаетъ дочь Буркова, Маша, за ней Мотыльковъ. Маша:—Папа, прогоните этого Мотылькова, онъ невѣжа!» Отецъ-то продаетъ дочь, понимаете?

(Максата опять съ важностью киваетъ головой).

Хохлевскій (читаетъ). «Бурковъ:—Какъ ты смѣешь не повиноваться отцу!.. Я тебя вспоилъ, вскормилъ, я на тебя столько денегъ употребилъ!—Мотыльковъ:—О, ради Бога, Иванъ Герасимычъ, не сердитесь. Марья Ивановна, будьте спокойны, я ухожу. (Уходитъ). Бурковъ, грозя дочери пальцемъ:—Да знаешь ли ты, тварь этакая, что я тебѣ сдѣлаю? Я обрѣжу тебѣ косу, надѣну на тебя поневу и запру на чердакъ». Тутъ, какъ самъ авторъ мнѣ высказался, опять протестъ противъ родительской тиранiи.

Делябель. Чѣмъ же кончилось: соблазнилъ Мотыльковъ Машу, или нѣтъ?

Хохлевскій. Да!.. Она, впрочемъ, узнавъ, что отецъ ее продалъ, сама пришла къ нему и такъ стала жить съ нимъ, безъ брака. Пьеса превосходная: все затронуто, и въ послѣднемъ актѣ представлено даже что-то въ родѣ общины.

Делябель. Скучна только, должно-быть.

Хохлевскій. Не скучна, Эмма Николаевна, ей-Богу, не скучна; если мнѣ дадутъ главную роль, я всю пьесу на своихъ плечахъ вывезу... Публика меня любитъ, всегда хлопаютъ. (Обращаясь къ Максатѣ) Ваше сіятельство, вы изволили меня видѣть въ «Ревизорѣ»—вѣдь хорошъ?

Максата. Хорошъ!

Хохлевскій (съ чувствомъ). Хорошъ!.. Я, ей-Богу, собственно только изъ любви къ искусству хлопочу! Хочется публикѣ себя показать... Вонъ разовые мои,—кто хочетъ ихъ получай, я распишусь въ нихъ, и не бравши ихъ. (Къ Делябель) Вы такъ Николаю Гавриловичу и скажете, что я читалъ вамъ, и что графу тоже понравилось.

Делябель. Хорошо!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Барсовъ ведетъ подъ руку Кальчіо. За ними идутъ Copio и Терхазинъ.

Барсовъ. Входимъ безъ доклада. Знаемъ, что примутъ. Честь имѣю представить: синьоръ Кальчіо.

Кальчіо. Buona sera, signora!

Делябель. Salve, mio caro! (Жметъ ему руку).

Кальчіо (хлопая слегка по головѣ Copio). А этого повѣсу, конечно, знаете?

Делябель (протягивая ему руку). Здравствуй, карандашъ! (Терхазину) Bonjour, Терхазинъ, очень рада васъ видѣть!

Терхазинъ. Вѣрный и несмѣнный гость вашей субботы.

Делябель. Да, довольно постоянный. Prenez place, messieurs, je vous prie! Кальчіо, я васъ буду сегодня просить спѣть. Рояль готовъ.

Кальчіо. Bene, signora! (Отходитъ съ Copio къ роялю и начинаетъ тамъ совѣщаться съ нимъ; къ нимъ же подходитъ и Терхазинъ).

Делябель (Барсову). Николай Герасимычъ, дайте Хохлевскому роль, которую онъ у васъ проситъ: онъ читалъ мнѣ ее очень хорошо.

Хохлевскій. Графъ тоже слышалъ, и имъ очень понравилось.

Барсовъ. Гдѣ же вамъ сыграть эту роль; кромѣ того, она уже назначена.

Делябель. Ну, что назначена... отдайте ему... подите столкуйтесь съ нимъ.

(Барсовъ отходитъ нѣсколько въ сторону, Хохлевскій идетъ за нимъ и что-то по пальцамъ ему разсчитываетъ).

Делябель (Максатѣ). Что вы на меня все смотрите, точно съѣсть меня хотите?

Максата. Все новость-то желаю вамъ сообщить.

Делябель. Ну, говорите.

Максата. А новость та, что сегодня, въ 12 часовъ, у Оболонскаго, въ домѣ графа, тайное свиданіе съ графиней. У нихъ, должно-быть, связь.

Делябель (съ удивленіемъ открываетъ глаза). Что вы за вздоръ несете?.. Вы-то почемъ знаете?

Максата. Я видѣлъ записку графини къ Оболонскому и могъ бы ее принести къ вамъ, но ее надобно было оставить на мѣстѣ, чтобы свиданіе состоялось.

Делябель. Послушайте, Максата, не врите, не шутите этимъ.

Максата. Для чего жъ мнѣ шутить! Повѣрьте моему слову: они и за границу, вѣроятно, вмѣстѣ уѣдутъ, убѣгутъ.

Делябель (хватая себя за голову). А! за границу! Послушайте, Максата, вѣдь я графу объ этомъ скажу.

Максата. Да говорите; я нарочно вамъ и сказалъ.

Делябель. Понимаете ли, что вы вѣдь мнѣ яду въ душу пустили!.. Поймите вы это!

Максата (уже съ испугомъ). Да что же вамъ-то отъ этого?

Делябель (отчаяннымъ голосомъ). Да, мнѣ ничего, мнѣ все ничего по-вашему... вы скверный, окаянный человѣкъ!.. Все ничего!..

Максата. Я если бъ одинъ видѣлъ, такъ не сталъ бы и говорить. Вонъ и Терхазинъ тоже видѣлъ!

Делябель. А, Терхазинъ!.. (Терхазину) Терхазинъ, подите сюда!

(Терхазинъ подходитъ).

Делябель (почти громко). Максата мнѣ сказывалъ, что вы съ нимъ вмѣстѣ видѣли любовную записку графини къ Оболонскому. Правда это?

Терхазинъ. Господи помилуй, что такое! Никогда никакой я записки не видалъ!

Делябель. Да вѣдь онъ показывалъ вамъ какую-нибудь записку!

Терхазинъ. Онъ показывалъ какой-то клочокъ бумаги, на который я не счелъ себя въ правѣ и взглянуть хорошенько.

Делябель. Ну, довольно съ меня. Вы давно змѣенышемъ были! Какъ мнѣ хочется веселиться и плакать вмѣстѣ! Кальчіо, спойте намъ что-нибудь изъ «Отелло». Мнѣ самой сегодня хочется кого-нибудь задушить.

Кальчіо. Tout de suite, madame.

(Соріо начинаетъ ему акомпанировать, Кальчіо запѣваетъ арію. Всѣ слушатели погружаются въ внимательную меланхолію, и каждый хочетъ представить, что онъ испытываетъ безконечное наслажденіе; одна только Делябель сидитъ, мрачно задумавшись).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и графъ. Пѣвецъ хотѣлъ-было остановиться; во всѣхъ гостяхъ замѣтно уважительное безпокойство. Графъ движеніемъ руки проситъ продолжать и садится около Делябель. Та не пошевелила при этомъ ни однимъ мускуломъ. Пѣвецъ кончилъ. Ему всѣ захлопали. Делябель попрежнему сидитъ въ неподвижной позѣ.

Графъ (съ участіемъ). Что съ тобой, Эмма?

Делябель. Васъ оплакиваю, вы здѣсь веселитесь, а дома у васъ тайное свиданіе происходитъ.

Графъ (съ удивленіемъ). Кого съ кѣмъ?

Делябель. Вашей дочери съ Оболонскимъ.

Графъ (отодвигаясь на стулѣ). Послушай, Эмма, всякой клеветѣ есть же мѣра!

Делябель (хладнокровно пожимая плечами). Какъ же, клевета! Ваша графская высокосіятельная дочь никогда не можетъ унизиться до этого!.. Можете убѣдиться въ совершенно противномъ, теперь еще не поздно. Свиданіе у нихъ назначено въ 12 часовъ.

Графъ (вставая). Я удостовѣрюсь... и ежели ты солгала, то дорого мнѣ заплатишь. (Порывисто уходитъ).

Делябель (слѣдуя за нимъ злобно глазами). Не понравилось... противъ шерсти тронуло... онъ теперь ужъ тамъ нагудитъ.

(Гости, кромѣ Терхазина и Максаты, подходятъ къ Делябель).

Гости. Что такое съ графомъ?

Делябель. Такъ, сумасшедшій старикъ! (Мрачно задумывается).

Максата (Терхазину). Она, должно-быть, сказала графу.

Терхазинъ (съ негодованіемъ). Пустой вы и вредный болтунъ! (Подходитъ къ Делябель). Adieu, Эмма Николаевна.

Делябель (не глядя, протягиваетъ ему руку). Прощайте!

Барсовъ (дѣлая знакъ пѣвцамъ). Такъ какъ хозяйка не въ духѣ, такъ и намъ пора!

(Всѣ берутся за шляпы и раскланиваются. Хохлевскій, съ своей подлой улыбкой, слѣдуетъ за Барсовымъ и опять ему что-то по пальцамъ высчитываетъ).

Максата (робко подходя къ Делябель). Когда жъ вы за меня попросите?

Делябель (не перемѣняя прежняго положенія). Послушайте, вы у графа дома знаете всѣ выходы и входы — проберитесь какъ-нибудь на половину графини и, если тамъ что-нибудь очень нехорошо, бѣгите сейчасъ же мнѣ сказать,—я вамъ за это все выхлопочу.

Максата. Извольте, съ удовольствіемъ!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Кабинетъ графини.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня и Жанна.

Жанна. Je vous assure, mademoiselle, онъ не уѣдетъ!

Графиня (съ серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ). Нѣтъ, уѣдетъ... это я слышу по тону его голоса. Вѣроятно, что-нибудь оскорбило его сдержанное и скрытное самолюбіе, а онъ въ этомъ

случай готовъ на все... (Подумавъ и какъ бы отъ-нечего-говорить) Скажите, какъ смотрятъ во Франціи на женщинъ нашего круга, которыя оставили свою родину?

Жанна. Oh, elles sont fort respectées chez nous... Что заставляетъ васъ оставить свою родину? C'est l'amour, n'est ce pas? dont les français rappellent...

Графиня (опять какъ бы отъ-нечего-говорить). А скажите, какая провинція во Франціи la plus poétique? Парижъ вашъ я не люблю: онъ олицетвореніе императорской власти и Наполеоновъ.

Жанна. La Champagne, mademoiselle! C'est un pays magnifique. Mais chut!.. Je crois, que j'entends ses pas.

Графиня. Идите, встрѣтьте его и введите сюда, а сами уйдите!

Жанна. Bien! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Графиня (одна). Какъ мнѣ и чѣмъ остановить его?

ЯВЛЕНІЕ III.

Графиня, Оболонскій и Жанна.

Жанна. Entrez, monsieur! (Скрывается за дверьми).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графиня и Оболонскій.

Оболонскій. Не опоздалъ?

Графиня. Нѣтъ, садитесь... вотъ тутъ, вы любите это мѣсто! (Показываетъ на диванъ).

(Оболонскій садится, графиня помѣщается рядомъ съ нимъ).

Графиня (послѣ короткаго молчанія). Вы не разлюбили меня, Оболонскій?

Оболонскій (прямо взглядывая ей въ лицо). Это почему вы думаете?

Графиня. Вы однако уѣзжаете?

Оболонскій. Непремѣнно.

Графиня. Что за причина тому?

Оболонскій (пожимая плечами). Причинъ очень много. Во-первыхъ, мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

Графиня. Мой Богъ, вы служите!

Оболонскій. Служу, но больше ужъ стыжусь это дѣлать; потому что дѣла полезнаго и нужнаго для общества я не умѣю дѣлать: половины изъ того, что я проектировалъ и пред-

принималъ, я не понимаю ясно. Служить же, какъ другіе служатъ, изъ личнаго только интереса, гоняться лишь за крестами, чинами и деньгами,—я себя считаю выше этого.

Графиня. Ну, пишите, сочиняйте!

Оболонскій (насмѣшливо). Не обличительныя ли статьи въ Лондонъ?

Графиня. Да, обличительныя!

Оболонскій. Нѣтъ ужъ, будетъ. Если я ошибался въ чемъ, такъ ужъ, конечно, въ этихъ людяхъ. Я думалъ, что вотъ открылся уголокъ, изъ котораго можетъ наконецъ раздаться честный и откровенный голосъ, и вмѣсто этого что увидѣлъ?— гаерство, мальчишеское намѣреніе провести свою доктрину посреди нашей дикой и пьяной массы народа.

Графиня. Ахъ, постойте, Оболонскій, дайте мнѣ поймать васъ на этомъ!.. Какъ вы народъ этотъ любили и восхищались имъ!

Оболонскій. Любилъ, но и въ немъ также ошибся: вотъ уже годъ, какъ его освободили, а онъ пока еще только и дѣлаетъ, что валяется около кабаковъ и мошенничаетъ въ своихъ самосудахъ. Поневолѣ разочаруешься, и глаза даже заболятъ смотрѣть на такую картину.

Графиня. Можно и не смотрѣть на нее,—пусть будетъ какая хочетъ!

Оболонскій. Я это и дѣлаю... ухожу, отряхаю даже прахъ отъ ногъ моихъ: пусть будетъ какая хочетъ!.. Рѣшаетесь раздѣлить со мной изгнаніе—ѣдемте, нѣтъ—поѣду одинъ.

Графиня (подвигаясь къ Оболонскому). Постойте, Жакъ!.. Извините меня, я уже прямо вамъ теперь скажу!.. Смотрите, какой вы эгоистъ противъ меня: изъ какихъ-то своихъ совершенно химерическихъ страданій и непріятностей вы хотите оторвать меня отъ отца, отъ родины, испортить навсегда мое положеніе въ обществѣ, лишить меня всего, чѣмъ живутъ и дышатъ женщины нашего круга.

Оболонскій (съ усмѣшкой). Ну, мои страданія не совсѣмъ химера; по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что если я останусь здѣсь, такъ меня, вѣроятно, на каторгу сошлютъ.

Графиня (поблѣднѣвъ). Васъ?.. На каторгу?.. За что?..

Оболонскій. За то, что я писалъ про вашего отца; онъ знаетъ объ этомъ и, конечно, не поблагодаритъ меня за то.

Графиня. Но кто жъ ему могъ сказать?

Оболонскій. Терхазинъ, вѣроятно; онъ одинъ могъ тутъ подозрѣвать и догадываться!

Графиня. Какой низкій человѣкъ!

Оболонскій. Да, на этотъ счетъ мы способны; имѣемъ въ этомъ родѣ превосходные экземпляры.

Графиня. Но что же отецъ можетъ сдѣлать вамъ?

Оболонскій. На первыхъ порахъ, я думаю, схлопочетъ, чтобы меня въ крѣпость посадить.

Графиня. Когда?

Оболонскій. Когда ему вздумается: чрезъ часъ, чрезъ два... обыскъ у меня ужъ былъ.

Графиня. Что жъ вы намѣрены дѣлать?

Оболонскій. По возможности не даваться имъ въ руки. Вотъ прощусь съ вами и пойду; есть добрые люди,—спрячутъ пока.

Графиня (порывисто). Нѣтъ, и я съ вами пойду; вы возьмете меня; я васъ не пущу одного, Жакъ! Вѣдь я васъ люблю! (Кидается ему въ объятія и замираетъ на его груди).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и графъ. Нѣсколько минутъ онъ молча стоитъ въ дверяхъ.

Оболонскій (замѣтивъ его и тихонько разводя руки графини). Графъ пришелъ!

Графиня. Боже!.. (Закрываетъ лицо руками и отходитъ отъ Оболонскаго).

Графъ (графинѣ). Выдьте!

(Графиня не трогается съ мѣста).

Графъ. Выдьте, или я велю васъ вывести!

(Графиня, не открывая лица, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ и Оболонскій.

Графъ. Скажите, приберите слова, которыми бы я могъ назвать всѣ ваши поступки противъ меня!

Оболонскій (гордо взглядывая на графа). Я въ своихъ поступкахъ ничего не вижу, что бы заслуживало какого-нибудь особаго названія.

Графъ. Вы не видите!.. Въ одномъ фрачишкѣ ворвавшись въ домъ, и какъ только положеніе ваше сдѣлалось нѣсколько сноснымъ въ обществѣ, вы соблазнили и влюбили въ себя неразумную дѣвицу и въ этихъ поступкахъ вы не видите ничего!?..

Оболонскій. Я вашей дочери не соблазнялъ, а, напротивъ, желалъ быть ея мужемъ.

Графъ. Между мужемъ моей дочери и вами, вы всегда знали, что лежитъ цѣлая пропасть: предки ея носили великокняжескія короны, а не перья чинили.

Оболонскій. Графъ!

Графъ. Да, графъ, а не подьячій!.. Соблазняя дочь, вы въ то же время писали пасквили на отца, сойдясь тамъ съ какой-то заграничной дрянью, и этотъ поступокъ, по-вашему, ничего?

Оболонскій (съ усмѣшкой). Наказать меня за этотъ поступокъ вы всегда имѣете средство!..

Графъ. И накажу, потому что вы не только мой пасквилистъ, но и измѣнникъ государства моего!.. (Порывисто звонитъ; вбѣгаетъ лакей). Тамъ дожидается полковникъ; проситe его сюда, и послать за Терхазинымъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и полковникъ.

Графъ. Прошу арестовать г. Оболонскаго. Онъ изобличенъ въ государственной измѣнѣ!..

(Полковникъ дѣлаетъ движеніе рукою къ Оболонскому; тотъ берется за шляпу).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графиня.

Графиня (взволнованная и съ заплаканными глазами). Г. полковникъ, прошу васъ выслушать меня: въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняется г. Оболонскій, участвовала и я.

(Графъ блѣднѣетъ и пятится нѣсколько въ сторону. Полковникъ остается въ недоумѣніи).

Графиня (продолжаетъ). Г. Оболонскій обвиняется въ сочиненіи статьи на моего отца: статью эту я въ прошлую мою поѣздку за границу сама свезла и отдала въ Лондонѣ.

Графъ (со стономъ, къ дочери). Eugénie, пощади меня!..

Полковникъ (совершенно сконфузясь). Но, можетъ-быть, вы не знали ея содержанія?

Графиня. Отъ слова до слова все знала. Собственное признаніе, кажется, больше всего должно обвинять.

Графъ. Для чего же вы все это дѣлали и теперь говорите?

Графиня. Дѣлала это я по убѣжденію; а теперь говорю, чтобы раздѣлить съ Оболонскимъ его участь и чтобы показать вамъ, что никакая пропасть никогда меня съ нимъ не раздѣлитъ.

Графъ (едва владѣя собой и обращаясь къ полковнику). Арестуйте вмѣстѣ съ Оболонскимъ и дочь мою.

(Полковникъ дѣлаетъ знакъ Оболонскому и графинѣ, и всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графъ (одинъ, закидывая въ отчаяніи голову назадъ). Боже! какъ будто все ниспало и рушилось на мою бѣдную, сѣдую голову. Какъ! въ моемъ собственномъ домѣ, у моей собственной дочери, въ моей плоти, таилась и скрывалась эта измѣна?.. Точно все государство, всѣ люди переродились передо мной!.. Ничтожные шмели, которые едва смѣли прежде чирикать въ своихъ лужахъ, теперь летаютъ на солнцѣ, въ общемъ почетѣ, слѣпятъ вамъ глаза, пугаютъ какой-то невѣдомой силой своей, и мы всего этого, какъ мальчишки, перепугались!.. (Порывисто звонитъ). Терхазина мнѣ скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Терхазинъ, показываясь въ дверяхъ.

Терхазинъ. Я здѣсь-съ!

Графъ (скороговоркой). Давеча вы сдѣлали мнѣ въ родѣ формальнаго доноса, что напечатанный на меня пасквиль писалъ Оболонскій... Извольте мнѣ доставить черновую рукопись, въ противномъ случаѣ я сочту васъ самихъ...

Терхазинъ (перебивая его). Рукопись эта ужъ у меня... вотъ она!.. (Вынимаетъ и подаетъ графу бумагу).

Графъ (мелькомъ взглянувъ на бумагу, кладетъ ее въ карманъ). Благодарю!.. вы предусмотрительны... Теперь всѣ бумаги Оболонскаго опечатаны... потрудитесь вмѣстѣ съ тѣми лицами, которымъ это поручено, и вы разсмотрѣть... Если найдена будетъ какая-нибудь компрометирующая переписка, замѣтка и записка своихъ собственныхъ мыслей—все это соберите. (Съ ядовитой улыбкой) Я въ этомъ случаѣ вашему вниманію довѣряю больше, чѣмъ чьему-нибудь.

(Терхазинъ молчитъ).

Графъ. Тамъ же, вѣроятно, вы найдете нѣсколько писемъ отъ моей дочери. Они, разумѣются, не имѣютъ въ себѣ ничего политическаго, а потому я прошу васъ, не читая ихъ, прямо доставить ко мнѣ!

(Слышится стукъ экипажа).

Графъ (вздрогнувъ). Это кто тутъ пріѣхалъ?

Лакей (входя). М-ше Делябель!..

Графъ (про себя). О, чортъ тутъ съ ней!.. (Торопливо Терхазину) До свиданья, значитъ, прощайте!

(Терхазинъ мгновенно стушевывается).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Графъ и Делябель.

Делябель (вбѣгая). Ты что это съ Оболонскимъ надѣлалъ?

Графъ. Что слѣдовало.

Делябель. Скажите!.. слѣдовало!.. Мужчина развѣ виноватъ, когда ему женщина вѣшается на шею! Спрашивай съ дочери своей!

Графъ. Оставь, пожалуйста, это не твое дѣло.

Делябель. Нѣтъ, мое дѣло!.. Я тебѣ сказала: шпіонку, что ли, ты изъ меня хочешь сдѣлать? Предала, что ли, я тебѣ его, какъ Іуда? За что ты его посадилъ въ крѣпость?

Графъ. За то, что онъ преступникъ.

Делябель. Скажите, пожалуйста, какой преступникъ! Что на тебя написалъ, такъ это все правда!

Графъ. Не тебѣ бы, Эмма, это говорить—для твоихъ капризовъ все и сдѣлано было.

Делябель. Ахъ, Боже мой! Не прикажете ли послѣ этого васъ изъ одной поэзіи чувства любить?

Графъ. Что ты бѣснуешься: любовникъ онъ, что ли, твой?

Делябель. Былъ бы, да дочь твоя отбила!.. Я вотъ не выйду отсюда, пока его не выпустишь.

Графъ. Онъ уже не въ моихъ рукахъ, а во власти закона!

Делябель. Хорошо же, коли такъ!.. Я теперь пойду и на всѣхъ площадяхъ прокричу, за что ты его преслѣдуешь... Мнѣ вашихъ графинь беречь нечего. Что засталъ съ дочерью, такъ давай человѣка упрятывать въ крѣпость. Хорошо! (Поспѣшно уходитъ).

Графъ (идя за ней). Эмма, что ты, сумасшедшая?.. Постой!.. Погоди!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Огромная пріемная въ домѣ графа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дежурный чиновникъ, скромной наружности, сидитъ передъ столомъ и разбираетъ бумаги, а другой франтоватый чиновникъ вольнодумно стоитъ передъ нимъ.

Франтоватый чиновникъ. Это рѣшительно вѣрно, что графъ подалъ въ отставку!.. Въ просьбѣ такъ вопросъ и поставленъ: что или онъ существуетъ, или Оболонскій.

Дежурный чиновникъ. Оболонскаго, разумѣется, и почеркнуть.

Франтоватый чиновникъ. Ну, Богъ знаетъ!.. духъ времени не таковъ.

Дежурный чиновникъ. Что духъ времени?.. Дубъ этакій свалитъ—куда его и дѣнуть потомъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и m-lle Барышевская; она входитъ вся раскраснѣвшаяся, глаза ея блестятъ, лицо озарено удовольствіемъ.

Барышевская (прямо обращаясь къ дежурному чиновнику). Могу я видѣть здѣсь г. Терхазина?

Дежурный чиновникъ. Онъ у графа и сейчасъ выйдетъ!.. Угодно вамъ подождать его нѣсколько минуть?

Барышевская. Да, я подожду. (Уходитъ и садится на довольно отдаленное кресло).

Франтоватый чиновникъ (дежурному чиновнику). Кто это такая?

Дежурный чиновникъ (пожимая плечами). Не знаю. (Помолчавъ немного) А что, будете ужо въ театрѣ?

Франтоватый чиновникъ. Всенепремѣнно! Буду даже имѣть счастіе сидѣть рядомъ съ Терхазинымъ. Вмѣстѣ изъ департамента посылали за билетами, рядомъ и принесли.

Дежурный чиновникъ (какъ-то особенно осклабляясь). Говорятъ, на мѣсто графа его мѣтятъ.

Франтоватый чиновникъ. Вѣроятно!.. Кого жъ, кромѣ его?.. И отлично это будетъ.

Дежурный чиновникъ (негромко). Оболонскій лучше бы былъ на этомъ мѣстѣ; тотъ точно, что человѣкъ даровитый.

Франтоватый чиновникъ (дѣлая гримасу). Какъ вамъ сказать? Оболонскій дѣйствительно даровитъ, но вѣтеръ. А Терхазинъ—человѣкъ серьезный: знаетъ, когда смолчать и гдѣ что сказать.

Дежурный чиновникъ (усмѣхаясь). Прежде вы другое говорили.

Франтоватый чиновникъ (конфузясь). Всегда одно говорилъ, всегда.

Дежурный чиновникъ. Ну, не всегда!.. Оскаръ Селивестрычъ однако выходитъ!

Франтоватый чиновникъ. Всегда одно... Сойдете курить?

Дежурный чиновникъ. Сойду.

(Франтоватый чиновникъ выходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Терхазинъ, блѣдный и съ серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

М-me Барышевская (быстро вставая и подходя къ нему). Pardon, monsieur Терхазинъ! Aujourd'hui j'ai été chez l'empereur!.. On m'a dit que pauvre Eugénie et m-r Obolonsquy seront mise à la liberté—вы получите объ этомъ бумагу!..

(Терхазинъ почтительно склоняетъ передъ ней голову).

М-me Барышевская (продолжаетъ). J'ai dit franchement, que le comte ne veut pas marier sa fille uniquement pour ne pas dotter, потому что онъ все свое состояніе, какъ кажется, прочитъ извѣстной вамъ особѣ—вы вѣдь это знаете.

(Терхазинъ слегка улыбается и опять молча склоняетъ голову).

М-me Барышевская. Quant à m-r Оболонскій, это личныя ихъ непріятности... графъ можетъ служить и не служить, но дѣлать изъ этого государственный криминалъ—странно, n'est ce pas?..

Терхазинъ (сквозь зубы). Oui! Угодно вамъ видѣть графа?

М-me Барышевская. Non!.. Я только заѣхала васъ предувѣдомить, чтобы не вышло какой путаницы!.. Adieu!.. (Киваетъ ему головой и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Терхазинъ (одинъ). Умная очень женщина! И въ большой силѣ. (Взглянувъ на часы) Немножко еще рано!.. Восторгъ какой-то и страхъ чувствую: ну, какъ проврусь какъ-нибудь. Какъ можно меньше стану говорить; но можетъ и это показаться непріятнымъ... Точно во всемъ тѣлѣ лихорадка... И вдругъ я теперь, сейчасъ же занемогу и проболѣю мѣсяцъ, два... составятся новыя комбинаціи, и вмѣсто меня назначатъ... Самъ Богъ, я думаю, не станетъ такъ шутить надъ человѣкомъ!.. Говорятъ, что у одного англійскаго министра въ то время, какъ проходилъ его билль и былъ отвергнутъ, высохъ въ одну минуту мозгъ... и со мной то же можетъ быть...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Максата.

Максата (входя впопыхахъ). Куда это вы? съ докладомъ?..

Терхазинъ. Да!

Максата. Въ первый разъ вѣдь? покорбливаетъ немножко?

Терхазинъ. Нисколько!

Максата. А слышали вы о громадной новости? Оболонскій и графиня выпущены и получили паспорты за границу, чтобы ѣхать туда и обвѣнчаться.

Терхазинъ. Какъ же? безъ согласія отца?

Максата (пожимая плечами). Вѣроятно! Оболонскій, говорятъ, далъ отъ себя этакое заявленіе, что отказывается навсегда отъ всякаго служебнаго поприща, потому что считаетъ себя неспособнымъ. Вотъ теперь и погибай безъ него вся Россія!..

Терхазинъ. Погибай—не погибай, а что дѣйствительно—онъ былъ человѣкъ весьма способный.

Максата (пожимая плечами). Въ чемъ особенно, ей-Богу, я не вижу! Должность его я самъ не хуже его исполнилъ бы. (Съ чувствомъ) И я вотъ по этому поводу хотѣлъ съ вами. Оскаръ Селивестрычъ, переговорить. Я очень желаю это мѣсто получить... Научите меня, какъ это сдѣлать?

Терхазинъ. Просите графа.

Максата. Графа просить безполезно. Всѣ положительно говорятъ, что онъ выходитъ въ отставку; даже преемника ему указываютъ, который одинъ, по всѣмъ правамъ, можетъ занять это мѣсто.

Терхазинъ (какъ бы не слыхавъ послѣднихъ словъ). Что вамъ-то за охота служить!

Максата. Честолюбивъ я очень. Вы знаете, для меня не существуетъ ни женщинъ, ни картъ, ни другихъ удовольствій. Я хочу только одного—трудиться и служить.

Терхазинъ. Чортъ знаетъ!.. 50 тысячъ годового доходу и трудиться!.. Я бы пальцъ о пальцъ не ударилъ!

Максата. А я вотъ, подите, напротивъ; я готовъ сейчасъ дать 50 тысячъ всякому, кто дастъ мнѣ какое-нибудь видное мѣсто!

Терхазинъ. Глупость какая! 50 тысячъ!

Максата. Совершенно готовъ.

Терхазинъ. Не понимаю васъ... Adieu! (Ласково пожимаетъ ему руку и уходитъ).

Максата (одинъ). Нѣтъ, врешь, ты понялъ очень хорошо, куда и на что я мѣтилъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Максата и докторъ.

Докторъ. Графъ у себя?

Максата. У себя!

Докторъ. Нельзя ли доложить: докторъ Реймаръ.

Максата. Мнѣ неловко. Дежурнаго чиновника надо по-

звать. (Подходитъ къ одной изъ дверей и кричитъ вполголоса въ слѣдующую комнату) Иванъ, позови дежурнаго! (Возвращается къ доктору).

Докторъ. Что, графъ боленъ?

Максата. Вѣроятно... я вотъ здѣсь почти безвыходно другой день и не вижу его.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и дежурный чиновникъ.

Максата (ему). Доложите графу о докторѣ.

Дежурный чиновникъ. Онъ не велѣлъ ни о комъ себѣ докладывать, кромѣ Оскара Селивестрыча.

Докторъ. Графъ за мной присылалъ. Онъ самъ желалъ меня видѣть!

Максата. Вамъ говорятъ, что это докторъ; графу, можетъ-быть, нужно ихъ сейчасъ же видѣть.

Дежурный чиновникъ. Ей-Богу, вся ваша воля, я не смѣю докладывать; онъ самъ, вѣроятно, скоро сюда выйдетъ. (Подходитъ къ дверямъ кабинета и прикладываетъ ухо). Ходитъ, кажется, по кабинету, а не сидитъ.

(Максата и докторъ выходятъ на авансцену).

Докторъ (полушопотомъ). Скажите, правда, что графъ подвергнулъ аресту графиню?

Максата (разводя руками и склоняя голову). Къ сожалѣнію.

Докторъ. Оболонскій также арестованъ?

Максата. Конечно!.. И какую же онъ пакость сдѣлалъ... На графа, своего благодѣтеля, писалъ пасквили; выше этой подлости я не знаю ничего! Если бы когда я что-нибудь подобное сдѣлалъ, такъ застрѣлился бы отъ стыда.

Докторъ (еще тише). Но, говорятъ, онъ еще болѣе... могущественною... волею освобожденъ...

Максата. Говорятъ. Каково старику будетъ все это разомъ перенести!

Докторъ. Особенно съ его характеромъ.

Дежурный чиновникъ (отскакивая отъ дверей). Графъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графъ, съ однимъ только георгіевскимъ крестомъ на шеѣ и въ плюшевомъ длинномъ сюртукѣ, мрачный, постарѣвшій и похудѣвшій.

Графъ (къ доктору). А, это вы?.. Очень радъ вамъ. (Къ Максатѣ и чиновнику) Я желаю съ докторомъ остаться наединѣ.

Максата (раболѣпно). Мы сейчасъ уходимъ. (Уходитъ съ чиновникомъ).

Графъ (садясь на одинъ изъ угловыхъ дивановъ, къ доктору). Присядьте!

Докторъ (садясь нѣсколько въ почтительной позѣ). Что вы, нездоровы?

Графъ. Не столько тѣломъ, сколько душой!.. О всѣмъ извѣстномъ моемъ несчастьѣ, касающемся моей дочери, вы, я думаю, слышали; но у меня есть еще секретное горе: я поссорился съ m-me Делябель.

Докторъ. За что?

Графъ (еще болѣе нахмуриваясь). О причинѣ я не желаю вамъ говорить: она слишкомъ для меня щекотлива; но дѣло въ томъ, что вотъ уже два дня я ѣзжу къ ней, звоню на холодѣ, на вѣтру, по часу, и мнѣ не отвѣчаютъ.

(Докторъ съ удивленіемъ и огорченіемъ усмѣхается и качаетъ головой).

Графъ. Я знаю, что я ужъ старъ, эгоистиченъ и виноватъ, можетъ-быть, противъ всего рода человѣческаго, но только не противъ нея; деньгамъ я не придавалъ никогда большого значенія, но все-таки это не щепки, а между тѣмъ она стоитъ по сей день мнѣ милліонъ!.. Въ службѣ моей, видитъ Богъ, я всегда, по крайнему своему разумѣнію, старался быть безпристрастенъ и справедливъ, и только одной ея просьбы — самыя несправедливыя, самыя капризныя—я, скрѣпя сердце, исполнялъ. Все это, полагаю, стоитъ чего-нибудь...

Докторъ (восклицаетъ). Какъ не стоитъ!

Графъ. Да!.. Дѣло въ томъ, что съѣздите, пожалуйста, къ ней и объясните, что если не по чувству любви, то изъ личнаго расчета она должна меня поцѣнить. Женщинъ съ такой петвердой добродѣтелью, какъ она, я найду въ Петербургѣ много; но такихъ дураковъ, какъ я, ей поискать!

Докторъ (смотря на двери, ведущія въ залу). M-me Делябель сама, кажется, къ вамъ пріѣхала!

Графъ (радостно вставая). Какъ? Гдѣ?..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и m-me Делябель подъ руку съ Терхазинымъ.

Графъ (Делябель). Ну, вотъ и прекрасно!.. Очень радъ, что положила гнѣвъ на милость.

(Делябель небрежно подаетъ ему руку, жметъ также и руку доктора).

Докторъ (вполголоса). Будьте со старикомъ понѣжнѣе.

Делябель. Рада бы всѣмъ сердцемъ, кабы не истерзана была сама душой. (Почти кидается въ кресло).

Докторъ (графу). Такъ я ухожу-съ!

Графъ (пожимая ему руку). До свиданья! (Къ Терхазину) Гдѣ и какъ это Господь васъ свелъ?

Терхазинъ. М-me Делябель входила на лѣстницу и была такъ слаба, что я предложилъ ей руку.

Графъ (ласково Делябель). Что это, моя прелестная, ты больна, или все еще гнѣваться изволишь?

Делябель (со злобою). Устала очень... дочь твою на желѣзную дорогу провожала... Она съ Оболонскимъ уѣхала за границу.

Графъ (поблѣднѣвъ). Какъ дочь съ Оболонскимъ? Развѣ они вынущены?

Терхазинъ (вынимая изъ портфеля бумагу и кладя ее на столъ). Да!..

Графъ (заглянувъ въ бумагу). Такъ, стало-быть... меня... семидесятилѣтняго старика... промѣняли совершенно на этого мальчишку? Нѣтъ, не можетъ быть!.. Я сорокъ лѣтъ служилъ моему отечеству, я этой израненной грудью спасъ жизнь моему вѣнценосцу... Меня нельзя промѣнять на мальчишку!

Делябель. Что жъ, изъ твоего каприза губить людей?

Графъ. Губить — да! Въ примѣръ и поученіе прочимъ... тутъ интрига враговъ моихъ. (Терхазину) Извольте сейчасъ же телеграфировать, чтобы остановили ихъ на первой же станціи и везли сюда прямо въ тюрьму!.. Кладу мою голову на плаху за то! Такъ съ человѣкомъ поступать нельзя: у меня, кромѣ служебнаго права, отняли наконецъ право отца наказать непокорную дочь... Эй!.. (Вбѣгаетъ лакей). Мундиръ мнѣ весь полный!..

(Лакей приноситъ ему мундиръ. Графъ торопливо и дрожащими руками надѣваетъ мундиръ и кресты).

Делябель. Полно бѣсноваться-то!.. Мундиръ ему полный!..

Графъ (не слушая ея и обращаясь къ Терхазину). Что же вы стоите? Вамъ приказано телеграфировать!

Терхазинъ (нѣсколько выпрямляясь грудью впередъ и съ нахмуренными бровями). Не знаю, удобно ли это будетъ: отставка вашего высокопревосходительства принята.

Графъ (отступая назадъ). А, принята... Поспѣшили же тамъ, не замедлили.

Делябель (насмѣшливо). А ты думалъ, что такъ вотъ и будутъ тебя дожидаться и въ ноги кланяться: не ходи да останься!

Графъ. Должны были, Эмма! Я постъ свой занималъ сорокъ лѣтъ. Я призванъ былъ на него моимъ рожденіемъ и моими способностями... Можетъ-быть, я былъ, есть и остался навсегда солдатомъ, но никогда не былъ низконоклонникомъ. (Къ Терхазину) На мое мѣсто, конечно, назначены вы?

Терхазинъ (выправляя грудь впередъ и какъ бы стараясь сдѣлаться повыше ростомъ). Я!..

Графъ. Ну, такъ вотъ вамъ на вашемъ новомъ пути мое маленькое предсказаніе, основанное на опытѣ. Когда вы прослужите долго и будете думать, что стяжали наконецъ вашими трудами нѣкоторую необходимость въ васъ, васъ въ это время вышвырнутъ, какъ негодную щепку, и на мѣсто ваше посадятъ дрянь, ничтожество, и вы готовы прокричать объ этомъ цѣлому міру, но вамъ ужъ не повѣрятъ: вы несовременны! (Гордо киваетъ головой и уходитъ).

Дельбель. На мѣсто Оболонскаго Максата, вѣроятно, назначенъ?

Терхазинъ. Максата.

Дельбель. Славно! (Встаетъ и идетъ и, уходя, говоритъ) Вмѣсто Полташевыхъ — Терхазины; вмѣсто Оболонскихъ — Максаты.

ЯВЛЕНІЕ X.

Терхазинъ (оставаясь одинъ и смотря ей вслѣдъ). Тигры съ обрѣзанными когтями! (Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, хватая себя за голову) Однако что-то будетъ и со мной... Сынъ ничтожнаго чиновника на моемъ посту,—голова даже кружится. (Набожно складывая руки) Господи, благодарю Тебя, что далъ мнѣ жизнь!

Занавѣсъ падаетъ.

МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ

съ эпилогомъ.

Изъ временъ великаго князя Іоанна Васильевича (III-го).

(Неоконченное произведеніе).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ—высокій, сутуловатый; черные волосы съ просѣдью.
Великая княгиня Софья Ѳоминична—жена его, изъ рода греческихъ императоровъ.
Великая княгиня Елена—вдова сына Іоаннова отъ первой жены, младшаго Іоанна, дочь господаря Молдавскаго Стефана, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ.
Великій князь Василій Іоанновичъ—сынъ великаго князя Іоанна III-го и Софіи, лѣтъ 23-хъ.
Великій князь Дмитрій Іоанновичъ—сынъ Елены, въ первыхъ дѣйствіяхъ—16-ти лѣтъ, въ эпилогѣ—20-ти съ лишкомъ.
Михайла Русалка—великій дворецкій.
Ѳедоръ Курицынъ—дьякъ по посольскимъ дѣламъ (сторонникъ Елены).
Владиміръ Елизаровъ Гусевъ—дьякъ по законовѣдѣнію (сторонникъ Софіи).
Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій—воевода большого полка.
Марѳа Борецкая—бывшая посадница новгородская.
Алегамъ — царь казанскій, жена его и татары, заключенные въ черной избѣ.
Аристотель Фіоравенти—зодчій.
Рыцарь Николай Поппель—посолъ отъ нѣмецкаго императора.
Схаріа—чернокнижникъ и астрологъ.
Небогатый—тюремный приставъ.
Постельничая великой княгини Софіи.
Суконникъ Золотой.
Даньяръ—царевичъ Касимовскій.
Привидѣніе.
Бояре, почетная стража при пріемѣ посла, свита посла.
Бояре, суконники и прочаго званія люди на сборищѣ Схаріа.
Стража изъ дѣтей боярскихъ въ черной избѣ, народъ за кулисами.

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Теремъ великой княгини Софьи Ѳоминичны, богато обставленный по тогдашнему времени.

ЯВЛЕНІЕ I.

Великая княгиня Софья Ѳоминична сидитъ въ креслахъ, обитыхъ бархатомъ. Постельничая ея боярыня поправляетъ на головѣ ея кику, убранную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и охорашиваетъ на ней парчевую ферязь. Въ глубинѣ сцены нѣсколько боярскихъ женъ и дѣвицъ.

В. к. Софья.

Боюсь я больше прогнѣвить его,
Не то бъ одежду эту сбросила съ себя
И вдовью побѣднѣй надѣла.

Постельничая.

Полно,
Сударыня княгиня, надъ собой
Ты не давай кручинѣ волю—брось
Подъ ноженьки. По-нашему,—какъ мужъ
Серчаетъ больно на тебя напрасно,
Такъ тугъ на зло ему и наряжусь
Наряднѣе: клинъ клиномъ выбиваю.
Ты посмотрись-ка въ фряжское стекло:
Какая нынѣ ты красавица!
Десятокъ лѣтъ свалилось съ плечъ.
Была ль такая, какъ въѣзжала къ намъ
Въ Москву великокняжеской невѣстой.

В. к. Софья.

Да, не забыть мнѣ дня, когда встрѣчали
Меня, пригожую и молодую,
Съ невиданнымъ дотолѣ торжествомъ;
Бояре, дьяки, войско, духовенство,
Владыка самъ съ хоругвями святыми,
И мой женихъ, красивый, величавый,
Впился въ меня любовными очами!..
О! какъ душа въ то время ликовала...
Казалось, я съ земли взята на небо.

(Немного погодя)

И были дни потомъ, недѣли, годы,
Когда на свѣтѣ семъ я никого
Себя счастливѣе не почитала.
Любовь супруга, дѣти, честь, величье,
Все это Господомъ дано мнѣ было.
А нынѣ...

(Постельничая даетъ знакъ рукою боярскимъ женамъ и дѣвицамъ, чтобы вышли).

Въ горѣ, въ тяжкомъ униженьи,
Заброшена и мужемъ и дворскими.

Постельничая.

За что жъ онъ на тебя такъ разсерчалъ?

В. к. Софья.

Ты помнишь, что, по моему желанью,
Ты знахарку ко мнѣ ввела...

Постельничая.

Такъ что жъ?
Бѣды вѣдь отъ того не приключилось
Ни съ кѣмъ. Ты сказала мнѣ, въ рѣкѣ
Тотъ корень приворотный утопила,
Что знахарка дала?

В. к. Софья.

Богъ видитъ, князю
Ни въ яствѣ ни въ питьѣ я не давала.
А вороги мои ему шепнули,
По наученію невѣстки злой,
Что зеліемъ его известь хотѣла.
А я, Господь свидѣтель, воротить
Единственно любовь его желала.

Постельничая.

Маленько потерпи, гроза пройдетъ,
И солнышко великій князь и самъ
Съ любовію къ тебѣ оборотится.
А наши дворскіе всѣ таковы,
Какъ парусъ: вѣтръ куда его потянетъ,
Туда они надувшися за нимъ.

В. к. Софья.

Пѣтъ, гнѣвъ его—не мимолетный гнѣвъ,
Не ссора, каковы у всѣхъ бываютъ

И никакихъ слѣдовъ не оставляютъ
Въ быту семейномъ. Нѣтъ, теперь кладетъ
Позоръ великій на меня, на жизнь мою,
На все мое семейство и—чего не въ силахъ
Я выдержать—вѣнцомъ обходитъ сына,
Законнаго наслѣдника, для внука,
Отродія Елены Волошанки.
А тамъ, помилуй Богъ, умретъ мой мужъ...
Вездѣ ей первый шагъ, почетъ ей первый...
Что жъ мнѣ тогда? предъ нею унижаться,
Иль въ келью заключить себя навѣкъ?

(Задумывается и потомъ, немного погодя, въ изступленіи показываетъ рукою)

Ты видишь тамъ, какъ говорю съ тобой,
За этими стѣнами...

Постельничая.

Нѣтъ, не вижу.

В. к. Софья.

А я, я вижу тамъ... сынка ея,
Мальчишку глупаго, вѣнцомъ вѣнчаетъ
Митрополитъ, мой врагъ, ея любимецъ,
Бояре ближніе съ земнымъ поклономъ
Его цѣлуютъ руку...

(Слышенъ колокольный звонъ, потомъ крики: „Да здравствуетъ многія лѣта великій князь Иванъ Васильевичъ, да здравствуетъ великій князь Дмитрій Ивановичъ!“)

В. к. Софья.

Слышишь?.. А?..
Свершилось!.. Громъ небесный на меня
Упалъ. Въ груди кипитъ смолой горючей...
Святыя силы, помогите мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и дворецкій Русалка.

В. к. Софья.

Зачѣмъ пожаловалъ ты съ торжества
Великаго, которое даетъ
Наслѣдникъ стола великой Руси,
И разумомъ высокаго и духомъ,
Надежнаго на богатырскихъ плечахъ

Снести все бремя управленья царствомъ?
Не для того ль пришелъ, чтобъ посмѣяться
Надъ женщиной, покинутою мужемъ
И опозоренной передъ народомъ?

Русалка.

Ты знаешь, господыня, неповинен
Въ царскихъ я козняхъ; шли онѣ помимо
Меня. Дьякъ Курицынъ всѣмъ дѣломъ правилъ
И клеветой съ Аленой Волошанкой
Тебя передъ великимъ княземъ обошли.
Я преданный тебѣ всегда былъ рабъ
И буду до тѣхъ поръ, пока Господь
Во мнѣ хоть искру жизни сохранитъ,
Хоть искорку... И нынѣ я пришелъ
Тебѣ великую повѣдать тайну...
Боярыня (указывая на постельничую) родная мнѣ сестра
И за тебя готова умереть,
Такъ я при ней могу повѣдать между нами,
Что тяжко на душѣ моей лежитъ.
Меня лишь не забудь, какъ будешь въ силѣ.

В. к. Софья.

Не знаю, довѣрять тебѣ ли можно;
Ты нынѣ изъ корысти льнешь ко мнѣ,
А завтра изъ того жъ во всѣ лопатки
Перебѣжишь къ другой.

Русалка.

Господь порукой,
Что я тебя не выдамъ, хоть пытай
Меня, глаза мои тогда пусть лопнутъ,
Пускай лихая немочь разнесетъ
Суставчики на пищу воронъямъ.

В. к. Софья.

Скажи.

Русалка.

Сюда пріѣхалъ Схаріа жидовинъ.
Знакомъ онъ былъ съ Аленой Волошанкой
Въ Молдавіи. Оттуда перенесъ
Свою онъ ересь въ Новгородъ и нынѣ
Ее въ престольномъ градѣ разсѣваетъ.

Бояре, смердь, суконники, попы
И самъ владыка заразились ею;
Народъ въ соблазнъ—ой-ой!—великій вводятъ!

В. к. Софья.

Да что же ихъ такъ сильно въ ересь тянетъ?

Русалка.

Вѣдь Схаріа великій чародѣй:
Онъ съ неба молнію Господню сводитъ;
Велитъ—и громъ при солнышкѣ гремитъ;
И вызываетъ мертвыхъ изъ гробовъ.
Умершихъ сродичей онъ показалъ
Боярамъ, а твоей невѣсткѣ князя
Великаго, младого Іоанна,
Сулилъ живого скоро показать.

В. к. Софья.

То, видно, дьявольская сила въ немъ.

Русалка.

Большущая есть книга у него—
Антихриста съ печатью кровяной;
Даетъ печать ту цѣловать тому,
Отступится коль кто отъ нашей вѣры.
Онъ ворожитъ по звѣздамъ и планидамъ,
Написана кому судьба какая;
Пророчитъ преставленья свѣта
И годъ и день.

В. к. Софья.

Ты не слыхалъ—когда?

Русалка.

Самъ не слыхалъ, а говорятъ въ народѣ,
Ужъ близится звѣриное число.
По-моему, лишь православный людъ
Мутятъ. А заправляетъ дѣломъ всѣмъ
Жида печальникъ главный—Курицынъ,
Да ручка сильная Алены скоро,
Пожалуй, въ ересь и сынка введетъ;
Ужъ подлинно, что преставленье свѣта!..

В. к. Софья.

Объ этомъ знаетъ ли великій князь?

Русалка.

Не думаю.

В. к. Софья.

Такъ доложи ему.

Русалка.

Хотѣлъ тебя спросить; тогда Алешѣ
Не сдобровать.

В. к. Софья.

Шепни ты, попытай:
А за услугу двадцать пять рублевъ...
(Слышенъ напѣвъ молдаванской пѣсни).

Постельничая.

Ишкни... Идетъ сама. Всегда поетъ
Родную пѣснь, коль весела бываетъ.
Ужъ вдовушкѣ пора бы перестать,
Да вѣтеръ больно въ головѣ гуляетъ.

В. к. Софья.

Зачѣмъ нелегкая ее несетъ!

Русалка.

Уйти бы мнѣ хоть съ задняго крыльца...
(Постельничая толкаетъ его въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ III.

Великая княгиня Софья, великая княгиня Елена, великій князь Дмитрій Іоанновичъ (послѣдній въ великокняжеской остроконечной шапкѣ и въ бармахъ). Постельничая отходитъ въ сторону.

В. к. Елена (показывая рукой на уходящаго дворецкаго).

Ха-ха! А хвостикъ все-таки поймала!

В. к. Софья.

Спросить мнѣ, не прикажешь ли, кого
Къ себѣ должна я въ теремъ принимать?

В. к. Елена.

Не ссориться съ тобой пришла, княгиня,
Изъ-за шута...

В. к. Софья.

Не путъ—великокняжескій дворецкій.

В. к. Елена.

Пожалуй, такъ. Не ссориться пришла,
А справить лишь поклонъ тебѣ, старѣйшей
Въ великокняжеской семейкѣ, вмѣстѣ
Съ наслѣдникомъ стола великой Руси.
Иванъ Васильевичъ самъ приказалъ.

В. к. Софья.

Наслѣдникъ?.. Что-то не дослышала...
Старенька стала, глухота нашла.

В. к. Елена (усиливая голосъ).

Владыкою вѣнчанный въ храмѣ Божьемъ!

В. к. Софья.

Такъ, такъ, наслѣдникъ, истый богатырь!

(В. к. Дмитрій Іоанновичъ подходитъ къ рукѣ в. к Софьи, она третъ то мѣсто, гдѣ онъ поцѣловалъ)

В. к. Елена.

Аль укусилъ?..

В. к. Софья.

Нѣтъ, ничего. Недавно,
Знать, рѣжутся у мальчика зубки!..

В. к. Дмитрій Іоанновичъ (обращаясь къ бабкѣ).

Жить многи лѣта, бабушка, тебѣ,
А мнѣ тебя на старости покоить.

В. к. Софья.

Спасибо, внукъ. (Оглядывая его и показывая на шапку)
Ахти, какія цацки!
Унизана вся жемчугомъ, горятъ каменья.
На палочкѣ теперь ужъ не поскачешь.

В. к. Дмитрій.

Зачѣмъ на палочкѣ? Я на конѣ
Лихомъ поѣду, на такомъ, чтобъ грызъ
Онъ удила и вихремъ бы леталъ!..
«Вотъ русскій молодецъ!»—народъ пусть скажетъ.

В. к. Софья (поправляя на головѣ внука шапку, такъ что она сдвинулась ему на глаза).

Кажися, на тебѣ не велика ли?

В. к. Елена.

Какъ будетъ царствовать, придется впору.

В. к. Софья.

Ужъ не желаешь ли, чтобъ поскорѣй
Иванъ Васильевичъ лежалъ въ гробу?

В. к. Елена.

У бабъ лихихъ кореньевъ набрала,
Чтобъ извести сего отравой лютой.

В. к. Софья.

У Схаріи жида ты попроси
Лихого зелья, чтобъ заснулъ навѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Крѣпись, великая княгиня Софья
Ѳоминична, Господь послалъ тебѣ
Великую, нежданную напасть.

В. к. Софья.

Отъ недруговъ своихъ не ожидаю
Извѣстія другого. Ко всему
Я приготовилась уже давно.

Курицынъ.

Твой сынъ Василій пойманъ государю
Въ измѣнѣ воровской. Дѣтей боярскихъ
Онъ шайку молодцовъ набралъ и съ ними
Бѣжалъ на Вологду; хотѣлъ казну
Ограбить тамъ и войско сталъ скликать,
Чтобъ на войну итти противъ Москвы.

В. к. Елена.

Противъ отца!

В. к. Софья.

О, Господи! за что
Меня, несчастную, караешь снова!
Лишь этого еще недоставало!..

Курицынъ.

Въ пути онъ царскими гонцами схваченъ.
Иванъ Васильевичъ, зѣло вскипѣвъ,
Велѣлъ подъ крѣпкой стражей содержать
Его, а молодцовъ, дѣтей боярскихъ,
Казнить. Да вотъ и самъ пришелъ проститься.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, великій князь Василій Іоанновичъ и стража.

В. к. Василій Іоанновичъ (бросается къ матери, падаетъ передъ нею на колѣни и цѣлуетъ у нея руку).

Родная, свѣтъ очей моихъ, прости!
Не могъ я перенесть обиды тяжкой
И незаслуженной; грудь разрывалась,
Кипѣла молодая кровь. Не въ мочь
Мнѣ былъ позоръ. Предъ кѣмъ меня унизилъ?
Предъ мальчикомъ, дрянным молокососомъ,
Злодѣй отецъ!..

В. к. Софья.

Опомнись... про кого ты говоришь!..
И здѣсь... Кругомъ все недруги стоятъ...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

СЕМЕЙНЫЙ ОМУТЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.
(Неоконченное произведеніе).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елизавета Сергѣевна Потасова—вдова, 40 лѣтъ.
Михаилъ Матвѣевичъ Потасовъ—старикъ, ея деверь.
Евгеній Петровичъ Потасовъ—сынъ Елизаветы Сергѣевны, молодой человѣкъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ.
Нина Петровна—дочь Потасовой. дѣвица-невѣста.
Викторъ Семеновичъ Зерцаловъ—35 лѣтъ.
Варвинъ—пріятель старика Потасова, пожилыхъ лѣтъ.
Дарья Михайловна—ключница и экономка въ домѣ Потасова.
Осипъ Захаровичъ Скирдовъ—провіантскій чиновникъ.
Ларисса Никаноровна—жена его.
Докторъ Иванъ Яковлевичъ Балда.
Лакей—въ домѣ Елизаветы Сергѣевны Потасовой.
Лакей—въ домѣ старика Потасова.

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостиная въ домѣ Потасовой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сидятъ на одной сторонѣ сцены Елизавета Сергѣевна Потасова—дама лѣтъ сорока, но довольно еще сохранившаяся и съ замѣтнымъ кокетствомъ одѣтая, а на другой — старикъ Потасовъ, съ гладко остриженными сѣдыми волосами, съ лицомъ желчнымъ и испещреннымъ бороздками.

Потасовъ (не глядя на Елизавету Сергѣевну). Я-съ не утѣшать васъ пріѣхалъ!.. Напротивъ,—браниться съ вами!

Елизавета Сергѣевна (грустно улыбаясь). И все это за любовь мою къ сыну?

Потасовъ (сохраняя прежнее положеніе). Какая-съ это лю-

бовь!.. Это не любовь, а величайшій эгоизмъ!.. Сиди сынъ все около васъ, а если выѣхалъ куда, такъ непремѣнно на своей лошади, чтобы кучеръ вамъ доложилъ, гдѣ молодой баринъ изволили быть.

Елизавета Сергѣевна. Все это, конечно, происходитъ изъ той же любви къ нему и изъ страха за него.

Потасовъ (насмѣшливо). Это страхъ не за него-съ, а за себя, какъ бы малый не закутился, не свихнулся, не промотался!.. Встрѣтятся хлопоты непріятныя!.. можетъ-быть, необходимость платить долги!.. Я сердце-то человѣческое знаю-съ: меня на кривомъ конѣ не объѣдешь.

Елизавета Сергѣевна. Я для сына моего, кажется, не жалѣю денегъ!

Потасовъ (тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ). Не знаю, жалѣете ли вы-съ, или нѣтъ, а то мнѣ извѣстно, что Евгенію теперь двадцать три года, а у него до сихъ поръ гроша въ карманѣ своего не бывало!.. Все ему натурой выставляютъ: и пищу, и платье, и билеты въ театръ...

Елизавета Сергѣевна. Но зачѣмъ же ему послѣ этого деньги, если ему все доставляется?

Потасовъ. А на то, что, можетъ-быть, и сказать ему неприлично вамъ,—какъ вы этого не понимаете!.. Будь я на его мѣстѣ, я бы всѣ эти подаренныя вами ильковыя шубы, брильянтовыя запонки, мозеровскіе часы — пошелъ и прокутилъ въ первомъ же трактирѣ, а васъ бы только записочкой увѣдомилъ: «поѣзжайте, маменька, выкупать!».

Елизавета Сергѣевна. Какой добрый совѣтъ и примѣръ для племянника!

Потасовъ (все болѣе и болѣе горячась). Добрый или дурной, какъ бы тамъ ни было, но я говорю такъ потому, что, кромѣ этихъ мелочей, вы въ болѣе важномъ дѣлѣ хотите стѣснить сына: онъ прекрасно кончилъ курсъ въ университетѣ и, чтобы докончить свое образованіе, желаетъ, что весьма естественно, ѣхать за границу, а вы отъ него требуете, чтобы онъ службу началъ!.. Мѣсто, изволите видѣть, вы, по вашимъ связямъ, можете найти ему прекрасное!

Елизавета Сергѣевна. Разумѣется, могу, и этотъ путь, я нахожу, будетъ для сына моего гораздо практичнѣе и вѣрнѣе.

Потасовъ (рѣзко перебивая ее). Да онъ-то не хочетъ этого вашего пути!.. Выбирайте его для кого вамъ угодно другого!.. Онъ нисколько не чувствуетъ себя способнымъ ни торчать въ канцеляріяхъ ни гнуть спину передъ начальствомъ, а желаетъ заниматься науками.

Елизавета Сергѣевна. Никогда онъ особенно не будетъ

заниматься науками, и всѣ эти надежды его на университетъ эфемерныя и пустыя.

Потасовъ. Почему же пустыя?

Елизавета Сергѣевна (съ нѣкоторымъ уже азартомъ). Оттого что, если бы университетъ цѣнилъ Евгенія и дорожилъ имъ, онъ бы на свой счетъ послалъ его за границу, какъ это дѣлается съ другими молодыми людьми.

Потасовъ (въ свою очередь тоже обозлясь). А, вонъ оно что!.. Денегъ-то пуще всего намъ жаль!.. Только слѣдуетъ ли Евгенію получать ихъ изъ казны, и не на другой ли источникъ слѣдуетъ обратить этотъ расходъ!.. Выходя за брата моего, сколько мнѣ помнится, вы принесли небольшое за собой приданое—ровно ничего!

Елизавета Сергѣевна (оскорбленная, но въ то же время съ гордымъ видомъ). Я принесла вашему брату, человѣку старому, хилому, больному, мою молодость, свободу и, не скрываю того, красоту.

Потасовъ. Совершенно вѣрно-съ!.. Но тутъ является еще такое обстоятельство... Я, конечно, съ самой женитьбы брата не видался съ нимъ, такъ какъ кому-то изъ добрыхъ людей (лукаво усмѣхаясь и взглядывая въ уголъ, на печку) пришла надобность непремѣнно поссорить насъ; стороной однако слыхалъ, что братъ мой передъ смертью былъ очень недоволенъ вами и ревновалъ васъ,—такъ это было?

Елизавета Сергѣевна. Такъ!

Потасовъ (какъ бы недоумѣвающимъ тономъ). А между тѣмъ-съ, когда братъ умеръ, то оказалось, что, обойдя родныхъ своихъ дѣтей, онъ сдѣлалъ васъ единственной наслѣдницей всего своего состоянія... Какія побудительныя причины заставили его поступить такъ—темна вода во облацѣхъ!

Елизавета Сергѣевна (по наружности остававшаяся совершенно спокойною). Его заставило сдѣлать это раскаяніе, когда онъ убѣдился наконецъ, что все это была выдумка и клевета на меня его прислуги, или, справедливѣе сказать, его прежнихъ наперсницъ, а потому желалъ, чтобы я хоть чѣмъ-нибудь была вознаграждена за все, что вытерпѣла. Я не знаю только, къ чему вы все это говорите и хотите мнѣ напомнить очень тяжелое время...

Потасовъ (перебивая ее). Сейчасъ докончу-съ, и вы увидите, къ чему я веду рѣчь!.. По какимъ бы тамъ ни было причинамъ, вы хоть сдѣлались единственной наслѣдницей мужа, но все-таки, полагаю, совѣсть ваша должна вамъ говорить, что въ этой громадинѣ наслѣдства есть частичка сына вашего, на которую онъ можетъ съѣздить за границу.

Елизавета Сергѣевна (грустно усмѣхаясь). Вамъ все хочется уличить меня въ жадности и въ какихъ-то корыстныхъ цѣляхъ, но, кажется, вся моя жизнь доказала противное тому: изъ состоянія мужа моего я ничего не прожила на себя, оставшись очень еще молодой вдовой, когда мнѣ многіе, можетъ-быть, нравились; и если я теперь опасаюсь отпустить въ Парижъ сына, почти еще мальчика, и мальчика впечатлительнаго, такъ это поймутъ всякая мать и всякій хорошій отецъ! Меня одна эта мысль приводитъ въ ужасъ, что, увлекшись парижскими удовольствіями, отъ которыхъ у стариковъ даже иногда кружится голова, Евгеній писать, пожалуй, ко мнѣ совсѣмъ не будетъ! Что же тогда остается мнѣ дѣлать?.. Лучше умереть!

Потасовъ. Вотъ въ этомъ-то-съ вся и штука, что у васъ всегда и во всемъ: *я* и *я*, *мнѣ* и *мнѣ*.

Елизавета Сергѣевна. Жестокій вы и безсердечный человѣкъ, если такъ перетолковываете всѣ мои чувствованія!

Потасовъ (глядя на печку). Еще бы не жестокій: правду говорю и черное не хочу называть бѣлымъ!

Елизавета Сергѣевна. Не того отъ васъ просятъ, а чтобы вы хоть бѣлое-то не называли чернымъ. (Порывисто звонитъ; входитъ лакей).

Елизавета Сергѣевна. Скажи Нинѣ Петровнѣ, чтобы она одѣвалась итти гулять.

Лакей. У нихъ сидитъ господинъ Зерцаловъ.

Елизавета Сергѣевна. Отчего жъ онъ нейдетъ сюда?.. Мнѣ нужно его видѣть.

Лакей (дурацкимъ голосомъ и показывая на Потасова). Они сказали-съ, что какъ Михайла Матвѣевичъ уѣдутъ, такъ они и придутъ.

Потасовъ (усмѣхаясь). Вотъ это откровенно!.. Не любитъ господинъ Зерцаловъ со мной встрѣчаться: противъ шерсти я его все глажу!

Елизавета Сергѣевна (сконфуженная словами лакея и строго относясь къ нему). Ступай и проси Виктора Семеновича прійти сюда.

(Лакей уходитъ)

Потасовъ (смотря уже на потолокъ). Говорятъ-съ, этотъ господинъ Зерцаловъ какое-то мѣсто очень видное получаетъ по благотворительнымъ учрежденіямъ.

Елизавета Сергѣевна. Можетъ-быть!.. Что жъ, онъ вполнѣ достоинъ того, потому что человѣкъ трудолюбивый.

Потасовъ. Да, въ извѣстномъ отношеніи онъ долженъ быть очень трудолюбивъ и старателенъ... Онъ у васъ только секретаремъ въ патронатствѣ, или и у другихъ дамъ?..

Елизавета Сергѣевна. Право, я не знаю!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Зерцаловъ—господинъ лѣтъ 35-ти, молодцоватый собою, съ лицомъ мало подвижнымъ, какія бываютъ у шулеровъ; одѣтъ онъ франтомъ, на обшлагѣ сюртука розетка, обозначающая, что господинъ Зерцаловъ имѣетъ Станислава, Анну и Владимира; манеры у него—отставного военнаго.

Елизавета Сергѣевна (протягивая ему руку и ласково-укоризненнымъ тономъ). Хорошъ, хорошъ!.. Сколько временн — и глазъ совсѣмъ не кажете.

Зерцаловъ (показывая себѣ на горло). Вотъ какъ завалень былъ разнаго рода дѣлами!.. (Кланяясь Потасову) Честь имѣю кланяться!

Потасовъ (не приветавая и не поворачивая даже головы). Здравствуйте-съ!

Зерцаловъ (садясь около Потасовой и обращаясь къ ней). Я сейчасъ встрѣтился и бесѣдовалъ съ вашимъ сыномъ.

Елизавета Сергѣевна. Съ Евгеніемъ?.. Гдѣ?

Зерцаловъ. Въ университетѣ.

Потасовъ (вдругъ поворачиваясь къ нему). А вы это какъ туда попали?

Зерцаловъ (Потасову). Я ѣхалъ мимо университета, а Евгеній Петровичъ шелъ туда и меня съ собою затащилъ. (Обращаясь опять къ Потасовой) Сегодня одинъ изъ его друзей диссертацію защищалъ.

Елизавета Сергѣевна. Я знаю, и господинъ, говорятъ, очень умный и ученый.

Зерцаловъ (съ маленькой гримасой въ лицѣ и пожимая плечами). Какъ вамъ сказать?.. Я вполнѣ съ этимъ согласиться не могу, по крайней мѣрѣ, судя по диспуту: я прослушалъ его почти весь, и какъ мнѣ показалось, то магистрантъ и оппоненты были крайне слабы.

Потасовъ (снова обращаясь къ Зерцалову съ замѣтнымъ озлобленіемъ). О чемъ же собственно эта диссертація была?

Зерцаловъ. Объ ипотечномъ, кажется, правѣ, — не помню хорошенько заглавія.

Потасовъ (съ дрожащими уже отъ гнѣва губами). Вы не помните хорошенько!.. Да и вообще, я полагаю, вы не можете судить, слабы ли были господинъ магистрантъ и его оппоненты, или нѣтъ!

Зерцаловъ (озадаченный, но, впрочемъ, довольно смѣло). Почему же не могу?

Потасовъ. Потому, чтобы судить объ этомъ, надобно знать общіе законы юриспруденціи, а вы ихъ не вѣдаете.

Зерцаловъ (уже разсмѣявшись). На какомъ же основаніи вы думаете, что я ихъ не вѣдаю?

Потасовъ. На томъ, что вамъ некогда и негдѣ-съ было узнать ихъ: образованіе ваше, сколько мнѣ извѣстно, вы получили въ корпусѣ, судебныхъ должностей потомъ никакихъ не проходили, и всѣ ваши службы скорѣе имѣли исполнительный, или, точнѣе сказать, адъютантскій характеръ, при дамахъ только.

Зерцаловъ. Но неужели же человѣкъ только то и можетъ знать, чему его въ школѣ учили, или чѣмъ онъ въ службѣ занимался? Я могъ дома чтеніемъ дополнить свое воспитаніе.

Потасовъ. Да-съ, вы чтеніемъ изволили дополнить ваше воспитаніе. Противъ этого, конечно, спорить нельзя; чтеніе дѣло темное: пожалуй, я даже могу сказать, что знаю китайскій языкъ, которому неизвѣстно гдѣ и у кого выучился. (Вставая и неуклюже раскланиваясь съ Елизаветой Сергѣевной) Ну-съ, сестрица, прощайте!

Елизавета Сергѣевна (холоднымъ тономъ). Вы завтра совсѣмъ уѣзжаете въ деревню?

Потасовъ. Совсѣмъ-съ!.. На все лѣто! Касательно же вашего сына и моего племянника вотъ мое рѣшеніе: если вы не заблагоразсудите дать ему денегъ на поѣздку за границу, то я пошлю его на свой счетъ и поставлю ему главнымъ условіемъ, чтобы онъ строчкой васъ не увѣдомлялъ, гдѣ онъ, что онъ, живъ ли?..

Елизавета Сергѣевна (грустно усмѣхаясь). Къ сожалѣнію, я вамъ не доставлю этого удовольствія: если сынъ мой поѣдетъ за границу, такъ ужь на мои деньги, а не на ваши.

Потасовъ. Тѣмъ лучше-съ для меня, по пословицѣ: кума съ воза, куму легче! (Кивнувъ затѣмъ Зерцалову небрежно головой, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Елизавета Сергѣевна и Зерцаловъ.

Зерцаловъ (вставая со своего стула и взбѣшеннымъ тономъ). Эта скотина чортъ знаетъ что позволяетъ себѣ говорить!.. Я наконецъ не мальчишка и не подчиненный ему! (Относясь къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ) Вамъ тоже онъ безпрестанно ставитъ шпильки... Ради чего вы все это переносите?

Елизавета Сергѣевна. Переношу для дѣтей моихъ, которыхъ онъ очень любитъ и для которыхъ я считаю себя обязанною все переносить.

Зерцаловъ. Вы хоть эту цѣль имѣете, но зачѣмъ же я-то

долженъ тому же подвергаться? Очень весело бывать у васъ: всякій разъ, какъ пріѣдешь, встрѣтишь этого слона, и онъ съ первыхъ же словъ осыплетъ меня дерзостями!.. Я сегодня не знаю, какъ удержался...

Елизавета Сергѣевна (гордо взмахивая глазами на Зерцалова). Что жъ, вы желаете и требуете, чтобы я отказала Потасову отъ дома?

Зерцаловъ (съ перекошеннымъ ртомъ и пожимая плечами). Я никакого права не имѣю ни желать ни требовать этого.

Елизавета Сергѣевна (съ удареніемъ). Нѣтъ, вы имѣете это право!

Зерцаловъ. Нисколько не имѣю!.. (Видимо, желая перемѣнить разговоръ) Значитъ, это ужъ рѣшено, что Евгеній Петровичъ ѣдетъ за границу?

Елизавета Сергѣевна. Кажется!

Зерцаловъ. Вѣроятно, господинъ Потасовъ, какъ великій философъ и ученый, поддулъ его на это?

Елизавета Сергѣевна (съ мрачнымъ взоромъ). Не думаю!.. Евгеній послѣднее время самъ очень тяготился жить съ нами.

Зерцаловъ. Что жъ тутъ такого тяжелаго для него было?

Елизавета Сергѣевна. Причина есть, конечно, къ тому.

Зерцаловъ. Никакой я другой причины не вижу, кромѣ той, что онъ избалованный барчонокъ и съ жиру бѣсится. (Смотритъ на часы).

Елизавета Сергѣевна (насмѣшливымъ голосомъ). Что вы все смотрите на часы?

Зерцаловъ. Пора мнѣ!.. Да и Нина Петровна мнѣ говорила, что вы тоже собираетесь итти гулять!.. Если позволите, то я буду вашимъ кавалеромъ до бульваровъ.

Елизавета Сергѣевна (тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ). О, какъ вы любезны сегодня!.. Только скажите, отчего послѣднее время вы всегда такъ рады бываете случаю и такъ старательно прѣискиваете его, чтобы какъ можно меньше оставаться со мной наединѣ?

Зерцаловъ (какъ бы удивленный). Я?

Елизавета Сергѣевна. Да, а вы не замѣчали этого въ себѣ?

Зерцаловъ. Нѣтъ, не замѣчалъ!

Елизавета Сергѣевна. Странно!.. Я всегда думала, что вы безъ причины ничего не говорите и не дѣлаете! (Съ досадой) Ну, будетъ вамъ вертѣть вашей шляпой; оставьте ее и присядьте!

(Зерцаловъ то и другое неохотно исполняетъ).

Елизавета Сергѣевна (облокачиваясь на столъ). Право, я

думаю, ни одна въ мірѣ женщина не была въ такомъ странномъ положеніи, какъ я!.. (Кидая нѣжный взглядъ на Зерцалова) Неужели вы и этого не замѣчаете?

Зерцаловъ. Нѣтъ, не замѣчаю!

Елизавета Сергѣевна (пожимаетъ при этомъ плечами). Помните ли вы, по крайней мѣрѣ, ту минуту, когда вы... я, какъ теперь, васъ вижу передъ собой... взволнованный и прерывающимся голосомъ сказали мнѣ, что влюблены въ меня, и что, зная, что умирающій мужъ мой дѣлаетъ духовное завѣщаніе, гдѣ лишаетъ меня всякаго наслѣдства послѣ себя, вы изъ преданности ко мнѣ желаете сдѣлать такъ, чтобы оно все мнѣ было оставлено... Я тогда не вдумалась и согласилась.

Зерцаловъ (съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ). Вы потому только и согласились, что не вдумались?..

Елизавета Сергѣевна. Видитъ Богъ, что потому только.

Зерцаловъ. Но почему же вы потомъ не отказались отъ духовной, когда узнали, что она подложная?

Елизавета Сергѣевна. Отказываться тогда было поздно и казалось мнѣ неблагодарнымъ противъ васъ. Въ вашемъ поступкѣ я видѣла такую безумную любовь ко мнѣ, и мнѣ теперь не вѣрится, что неужели же все это было притворство съ вашей стороны?..

Зерцаловъ. Какое же притворство? Нисколько.

Елизавета Сергѣевна (въ сильномъ волненіи). Но тогда какъ же объяснить, Викторъ, теперешнее твое поведеніе? Вотъ уже болѣе года, какъ ты совершенно меня оставилъ... я страдаю, мучусь ревностью, ищу во всѣхъ и всюду соперницъ себѣ и наконецъ, забывъ всякій стыдъ и самолюбіе, спрашиваю тебя, что это значитъ?

Зерцаловъ (всталъ и тоже въ волненіи началъ ходить по комнатѣ). Это значитъ, что чувство чести и самоуваженія заставляетъ меня такъ поступать: я прежде всего человѣкъ честолюбивый; влюбившись въ васъ, я былъ ничтожество и очень хорошо понималъ, что обыкновеннымъ ухаживаньемъ мнѣ не заслужить вашего вниманія—вы слишкомъ высоко стояли въ сравненіи со мной!.. Я сдѣлалъ для васъ преступленіе и связалъ васъ тѣмъ съ собою.

Елизавета Сергѣевна (понуривъ голову). Такъ вотъ вы для чего это сдѣлали?

Зерцаловъ. Но теперь, согласитесь, я достигнулъ такого положенія: я буду занимать одну изъ самыхъ видныхъ должностей, не нынче—завтра произведутъ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а потому продолжать прежнія наши отношенія для меня слишкомъ неудобно и неприлично.

Елизавета Сергѣевна (съ судорожнымъ рыданьемъ въ голосѣ). Конечно, конечно!.. Только я-то до этой минуты не думала, что унижаю васъ любовью моею!

Зерцаловъ. Не любовью... вы меня не поняли... а тѣмъ положеніемъ, которое я занимаю около васъ. Я человѣкъ бѣдный, вы женщина богатая, вы старше меня, и очень понятно, что въ обществѣ говорили и будутъ говорить, что я у васъ на содержаніи; но, я думаю, каждому порядочному человѣку носить такой титулъ не лестно!

Елизавета Сергѣевна. Титулъ этотъ сейчасъ же можно уничтожить, если вамъ угодно будетъ жениться на мнѣ.

Зерцаловъ. Напротивъ, я этимъ подтвердилъ бы только такой титулъ.

Елизавета Сергѣевна (ударяя себя въ грудь). Но вѣдь ты убиваешь меня, пойми ты это!.. Неужели твое сердце настолько зачерствѣло, что какіе-то титулы тебя больше пугаютъ, чѣмъ смерть моя?

Зерцаловъ (все съ болѣе и болѣе возрастающею ядовитостью). Къ чему вы тутъ говорите о смерти? Никакой смерти не будетъ, и вамъ лучше подумать, что у васъ теперь взрослыя дѣти, вамъ слишкомъ сорокъ лѣтъ,—пора же оставить всякую сентиментальность.

Елизавета Сергѣевна. Нѣтъ, Викторъ, это не сентиментальность!.. Это любовь безумная, слѣпая къ тебѣ!.. Забывая всякое уваженіе къ себѣ, я становлюсь на колѣни предъ тобой (становясь передъ Зерцаловымъ на колѣни и всплескивая руками) и умоляю тебя возвратить мнѣ твою привязанность! Сдѣлать это во власти человѣка, но если бы и нѣтъ, такъ обмани лучше меня—мнѣ все-таки легче будетъ.

Зерцаловъ (громко отстраняя Елизавету Сергѣевну). Это невыносимо наконецъ!.. Я васъ не люблю и не могу больше полюбить, потому что влюбленъ въ другую!

Елизавета Сергѣевна (какъ бы громомъ пораженная). Въ другую влюбленъ?.. (Медленно поднимаясь съ колѣнъ) Вы бы давно это сказали!.. Съ этого бы и начали.

(Зерцаловъ, начавшій нѣсколько дрожащими руками надѣвать перчатки, ей на это не отвѣчаетъ).

Елизавета Сергѣевна (сѣвъ на прежнее мѣсто и послѣ короткаго молчанія). А кто же эта другая,—интересно мнѣ знать? Вѣроятно, молодая, богатая невѣста?

Зерцаловъ (продолжая надѣвать перчатки). Молодая, богатая!

Елизавета Сергѣевна. Можете сказать ея имя?

Зерцаловъ. Могу!.. Дочь ваша! (На послѣднихъ словахъ у него голосъ оборвался).

Елизавета Сергѣевна (вскакивая со своего мѣста, какъ бы кто подстрѣлилъ ее). Дочь моя!.. какъ ты смѣлъ мнѣ это сказать!

Зерцаловъ (внутренно струсившій, но по наружности усмѣхаясь). Почему же мнѣ не смѣть?

Елизавета Сергѣевна. Какъ! тебѣ?.. Любовнику моему быть влюбленну въ дочь мою? Да гдѣ же у тебя послѣ этого Богъ и совѣсть?.. И если ты выкинулъ все это изъ души, такъ неужели ты думаешь, что я совсѣмъ ужъ такая дрянная женщина, что позволю дочери выйти за тебя?!?

Зерцаловъ (презрительнымъ тономъ). Не кричите, пожалуйста, такъ громко!.. Вы забываете, что прислуга можетъ слышать васъ!.. Непозволеніемъ вашимъ вы ничего не сдѣлаете: дочь ваша дала уже мнѣ слово.

Елизавета Сергѣевна. Вы лжете на дочь мою. Какъ она ни молода и ни неопытна, но она догадывалась, что вы такое для меня.

Зерцаловъ. Она догадывалась только, что вы несчастнымъ образомъ влюблены въ меня, и очень смѣялась надъ этимъ.

Елизавета Сергѣевна. А если я скажу и докажу ей, что я не несчастнымъ образомъ была въ васъ влюблена?

Зерцаловъ. Доказать вы этого ничего не можете: у васъ нѣтъ ни одного моего письма, гдѣ бы говорилось о любви,—они всѣ были дѣловыя, но у меня есть отъ васъ записочка, въ которой вы прямо говорите о подложности завѣщанія вашего мужа.

Елизавета Сергѣевна. А, ты сберегъ ее!.. предусмотрителенъ.

Зерцаловъ (усмѣхаясь). Еще бы не беречь такихъ документовъ!

Елизавета Сергѣевна. Что жъ ты думаешь сдѣлать съ этимъ письмомъ?

Зерцаловъ. Смотря по тому, какъ вы будете поступать: если выдадите за меня дочь и дадите ей въ приданое двѣсти тысячъ, я его изорву; а если нѣтъ —такъ представлю прокурору...

Елизавета Сергѣевна. И что жъ?.. А тебя за это похвалятъ?

Зерцаловъ (опять смѣясь). Да я-то тутъ при чемъ? Подложное духовное завѣщаніе не я писалъ, подпись фальшивую не я въ немъ дѣлалъ, а что если не доносилъ о томъ, такъ десятилѣтней давности еще не прошло: черезъ полгода она минетъ!

Елизавета Сергѣевна (съ плачемъ и гнѣвомъ). Да вѣдь ты, злодѣй, привезъ меня къ какому-то знакомому чиновнику!.. По твоему совѣту я продала мои брильянты и заплатила ему три тысячи!

Зерцаловъ (совсѣмъ ужъ спокойно). А чѣмъ вы все это докажете?

Елизавета Сергѣевна. Я докажу моими правдивыми, какъ солнце, словами!

Зерцаловъ. Правдивымъ словамъ вашимъ не повѣрятъ: вы слывете въ обществѣ женщиной, безспорно очень умной, но плутоватой.

Елизавета Сергѣевна. И у тебя достанетъ силы говорить, что все это неправда?

Зерцаловъ. Отчего жъ не достанетъ?

Елизавета Сергѣевна. Но вѣдь тебя громъ небесный поразитъ за твою ложь!

Зерцаловъ. Грома небеснаго я не боюсь, но если ему угодно будетъ сотворить это — его дѣло. Довольно однако, — все это пустыя рѣчи. Вы понимаете, конечно, что обстоятельства такъ сложились, что вы должны выдать вашу дочь за меня и наградить ее приданымъ въ двѣсти тысячъ. Сдѣлайте это тихо и спокойно. Для развлеченія вашего вы можете найти себѣ новаго обожателя; я претендовать на это не буду, и мы останемся друзьями! (Протягиваетъ ей руку).

Елизавета Сергѣевна (отстраняясь отъ него). Не смѣй прикасаться ко мнѣ!.. Что ужаснѣе всего: я за нѣсколько минутъ еще считала тебя за порядочнаго человѣка, а тутъ вдругъ вижу передъ собою дьявола обнаженнаго.

Зерцаловъ (насмѣшливо). Дьявола обнаженнаго какого-то еще выдумала... (Беретъ шляпу и идетъ въ ту дверь, въ которую вошелъ).

Елизавета Сергѣевна. Куда жъ вы идете?.. Это комната дочери моей,—я не позволю вамъ туда ходить.

Зерцаловъ. Такъ вотъ я сейчасъ и послушаюсь васъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Елизавета Сергѣевна (почти обезумѣвшая и беря себя за голову). Сонъ это, или дѣйствительность?.. Онъ смѣется, надругается надо мной, а я все еще люблю его!.. Я должна теперь отъ чувства этого отказаться и выдать—о, ужасъ!—дочь за него замужъ!.. Неужели же грѣхи мои столь велики, что мнѣ назначено такое не по силамъ наказаніе!.. Къ кому обратится и въ комъ искать спасенія?.. Пересказать все старику Потасову?.. Онъ одинъ могъ бы усмирить этого негодяя; но въ какомъ видѣ я сама явлюсь передъ Потасовымъ? Я знаю, какъ онъ всегда меня въ грязь топталъ и унижалъ!.. Онъ прямо мнѣ скажетъ: «что посѣяли, то и пожните!..» Зерцаловъ угрожаетъ, что если я не дамъ приданаго за дочерью,

такъ онъ отдастъ меня подъ судъ! Вретъ онъ, побоится за себя!.. Онъ трусъ!.. (Подумавъ) Нѣтъ, онъ не трусъ и очень золъ!.. И что жъ послѣ этого впереди у меня?.. Безчестіе, ссылка?.. Развѣ признаться во всемъ Нинѣ?.. Но пойметъ ли она? О, какъ мнѣ тяжело! (Падаетъ въ кресло и начинаетъ рыдать).

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Нина.

Нина (недовольнымъ голосомъ). Что это за рыданія такія, мамаша?.. О чемъ это?

Елизавета Сергѣевна (съ нѣжностью глядя на дочь). Такъ!.. Мнѣ очень нехорошо, Нина!

Нина (тѣмъ же недовольнымъ голосомъ). Отчего же тебѣ такъ вдругъ могло сдѣлаться нехорошо?..

Елизавета Сергѣевна. Зерцаловъ сейчасъ объяснялся со мной и разстроилъ меня.

Нина. Чѣмъ?

Елизавета Сергѣевна (тѣмъ же прерывающимся голосомъ). Тѣмъ, что онъ проситъ руки твоей.

Нина. Что жъ тебя тутъ такъ могло разстроить?.. Онъ мнѣ говорилъ объ этомъ.

Елизавета Сергѣевна (съ испугомъ). Развѣ онъ здѣсь еще?

Нина. Нѣтъ, уѣхалъ!.. Сказалъ и уѣхалъ!

Елизавета Сергѣевна (видимо свободнѣе вздохнувшая). Но неужели же ты, Нина, пойдешь за него?

Нина (съ нахмуреннымъ лицомъ). Почему жъ мнѣ нейти за него?

Елизавета Сергѣевна. Потому что ты дочь сенатора, дѣвушка богатая и можешь составить себѣ партію гораздо болѣе видную и выгодную.

Нина. Я не понимаю, что такое партія болѣе видная и выгодная!.. Если я, какъ вы говорите, дѣвушка богатая, значитъ, могу выходить замужъ, за кого хочу, а Зерцаловъ мнѣ нравится.

Елизавета Сергѣевна. Чѣмъ онъ могъ тебѣ понравиться?.. Во-первыхъ, онъ выскочка и большой проходимецъ!.. Кромѣ того, я знаю... (съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ) я знаю, что Зерцаловъ очень дурной и безнравственный человѣкъ!

Нина (разводя руками). Вотъ это милѣй всего!.. Но не сама ли ты, maman, всегда говорила, что это превосходный человѣкъ, безкорыстно преданный нашему семейству, и тутъ вдругъ... (Не договариваетъ своей мысли).

Елизавета Сергѣевна (сильно смущенная этими словами до-

чори). Да, я прежде думала такъ, но потомъ открыла, что онъ совершенно не такой.

Нина. Но ты вчера еще, maman, это говорила... Какъ тебѣ не совѣстно забывать твои слова.

Елизавета Сергѣевна (еще болѣе смущенная). Я не забываю своихъ словъ, ты ошибаешься!.. Я не открывала вамъ этого, потому что ты и Евгеній слишкомъ еще молоды, чтобы разочаровывать васъ въ людяхъ.

Нина. Тогда зачѣмъ же ты мнѣ теперь открываешь это?

Елизавета Сергѣевна (трепещущимъ голосомъ). Открываю оттого, что вопросъ объ этомъ сдѣлался очень серьезенъ и сталъ касаться счастья всей твоей жизни: я, какъ мать, должна тебѣ сказать правду.

Нина (снова съ нахмуреннымъ лицомъ). Хорошо, положимъ, это такъ; но какіе же факты имѣете вы, чтобы доказать, что Зерцаловъ дурной человѣкъ?

Елизавета Сергѣевна. Прежде всего, онъ ведетъ нечестныя дѣла... ведетъ дурную, безнравственную жизнь!.. Человѣкъ, которому ни въ одномъ словѣ нельзя вѣрить!

Нина. Опять-таки все это одни голословныя обвиненія. *Онъ ведетъ безчестныя дѣла!..* Но какое собственно безчестное дѣло было его? Какъ оно по имени называется?.. *Онъ ведетъ безнравственную жизнь!..* Въ чемъ же эта безнравственность его состоитъ?

Елизавета Сергѣевна. Не могу же я тебѣ, какъ дѣвочкѣ, разсказать все!

Нина. Отчего же не разсказать? Я не двѣнадцати лѣтъ, и тутъ совсѣмъ другая причина! Разсказать тебѣ, я увѣрена въ томъ, нечего, а нападаешь ты на Зерцалова потому, что, къ удивленію моему, сама, почти уже старуха, влюбилась въ него!

Елизавета Сергѣевна (едва владѣя собой). Я знаю, что онъ распространяетъ про меня этотъ слухъ.

Нина. Пожалуйста, не онъ одинъ, а всѣ это замѣчали... даже я, очень слѣпая въ этомъ отношеніи!.. Что въ твои года, какъ ни странно это, можно еще полюбить,—я допускаю; но чтобы изъ-за собственной неудавшейся любви, изъ мести къ этому человѣку, клеветать на него, отравлять тѣмъ счастье своей дочери, этого, maman, я, признаюсь, отъ тебя не ожидала и съ настоящей минуты начинаю меньше любить и уважать! (Уходитъ, сильно хлопнувъ дверями).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Елизавета Сергѣевна (потупляя голову). Я не въ состояніи была сказать ей все!.. Да и для чего бы я это сдѣлала?.. Она вѣритъ только ему, а мнѣ ни въ чемъ не повѣритъ!.. Несчастная, несчастная я женщина!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Просторный деревенскій кабинетъ Потасова съ старинною мебелью, съ семейными портретами на стѣнахъ и съ огромными книжными шкапами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Потасовъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ пальто и въ широкихъ бархатныхъ сапогахъ, сидитъ передъ письменнымъ столомъ. По другую сторону стола помѣщается Варвинъ, съ сильною уже просѣдью, но еще до приторности благообразный собою, съ чрезвычайно красивыми бѣлыми руками и съ множествомъ колецъ на нихъ; когда говоритъ, то умышленно старается картавить. Въ нѣкоторомъ разстояніи, но тоже въ креслахъ, сидитъ Дарья Михайловна, очень полная ключница и экономка Потасова, въ шерстяномъ платьѣ и въ шелковомъ платкѣ на головѣ.

Варвинъ (обращаясь къ Дарьѣ Михайловнѣ). Видно, припадокъ подагры у него очень силенъ былъ?

Дарья Михайловна. Такого, кажется, еще и не бывало: всѣ ночи не почивали; а къ этому еще гнѣваются и тревожатъ себя!..

Варвинъ. Къ чему тревожить себя и на что гнѣваться?

Дарья Михайловна. На невѣстку все теперь гнѣваются.

Варвинъ. За что?

Дарья Михайловна. Да вотъ сначала, что онѣ Евгенія Петровича не хотѣли отпускать за границу...

Потасовъ (перебивая его). За то только пуще всего гнѣваюсь на нее!.. Многое она и кромѣ того натворила.

Варвинъ. Что такое она натворила?.. Я не вижу ничего особеннаго: женщина, какъ женщина.

Потасовъ (злобно усмѣхаясь). Нѣтъ-съ, ошибаться изволите! она не изъ заурядныхъ женщинъ!.. Тебѣ извѣстно, какъ она вышла замужъ?

Варвинъ (пожимая плачами). Откуда жъ мнѣ могло быть извѣстно объ этомъ?

Потасовъ. Ну, такъ я тебѣ теперь скажу: она прежде была любовницей брата, а потомъ заставила жениться на себѣ.

Варвинъ. И тутъ я особенно дурного ничего не вижу: дѣло весьма обыкновенное и даже хорошее!

Потасовъ (выходя изъ себя). Даже ужъ хорошее!.. А по-моему — дѣло скверное!.. Коли сдѣлалась разъ любовницей, такъ и оставайся сю всю жизнь!

Варвинъ (снова пожимая плечами и улыбаясь). Да откуда ты выкопалъ такое правило? Очень ужъ оно странно!

Потасовъ. Чѣмъ?.. Чѣмъ оно странно?.. Что она—любила, что ли, въ самомъ дѣлѣ брата?.. Ей нужны были только титулъ его и состояніе. (Показывая на Дарью Михайловну) Вонъ она у меня ни въ барыни никогда, ни въ жены ко мнѣ не лѣзла!

Дарья Михайловна (покраснѣвъ). Ой, батюшка, какъ это вы меня съ Елизаветой Сергѣевной сравниваете?.. Она дама благородная, воспитанная, а я лыкомъ шитая простота!

Потасовъ. Дай Богъ, чтобы всѣ такія простоты были: напротивъ, ты женщина умная, но только честная, а Елизавета Сергѣевна негодяйка... іезуитка!.. Ей бы только декорумъ свой во всемъ соблюсти!.. Какъ же вѣдь, теперь grande dame... патронесса... благодѣтельница рода человѣческаго! А спросить надо, сдѣлала ли она хоть на грошъ истиннаго добра? И выйдетъ, что ничего!.. Все это дѣлается, чтобы прикрыть свои фигли-мигли!.. Почему и для чего передъ ней торчитъ Зерцаловъ? Что такое онъ для нея? Конечно, любовникъ ея, а тутъ такъ выходитъ, что аки бы секретарь ея! О, эти мнѣ притворщицы!.. Взялъ бы ихъ всѣхъ да своими руками и передушилъ!

Варвинъ. Ей-Богу, ты послѣднее время сдѣлался какимъ-то человѣконенавистникомъ!.. Всякій малѣйшій проступокъ тебѣ представляется ужъ Богъ знаетъ чѣмъ.

Потасовъ. Ничѣмъ онъ мнѣ не представляется!.. Я всегда ложь и фальшь считалъ мерзостью!.. Развѣ это не возмутительно, что Елизавета Сергѣевна каждый свой самый эгоистическій поступокъ стремилась прикрыть лакомъ благородныхъ чувствованій. (Подражая женскому голосу) Она, изволите видѣть, не можетъ отпустить сына за границу не оттого, что жалѣетъ денегъ для него, а по той причинѣ, что ей тяжело разстаться съ нимъ, что она не перенесетъ этой разлуки и умретъ!

Варвинъ. И мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ Елизавета Сергѣевна говорила правду, такъ какъ въ послѣднюю мою бытность въ городѣ я заѣзжалъ къ ней и нашелъ ее убитою горемъ именно потому, что въ этотъ день Евгеній Петровичъ уѣхалъ за границу.

Потасовъ (злобно улыбаясь). Ничего, пускай погорюетъ!.. Дѣти-то отъ нея тоже немного радостей видѣли! Вонъ, когда я пугнулъ ее, что отправлю Евгенія путешествовать на свой счетъ, и разсказалъ объ этомъ Нинѣ, то дѣвочка вдругъ разрыдалась и кидается мнѣ на шею. «Ахъ, дядя, говоритъ, какой ты добрый, что заступился за брата, заступись также и за меня: намъ очень тяжело жить у мамаши!» Значитъ, эта соколёна, кромѣ сына, и дочь тоже въ тискахъ держитъ, и я убѣжденъ, что на все на это ее науськиваетъ негодяй Зерцаловъ.

Варвинъ. Не можетъ быть!.. Елизавета Сергѣевна такъ любитъ дѣтей своихъ, что въ отношеніи ихъ не послушаетъ ничьего науськиванья.

Потасовъ. Э, полно, пожалуйста!.. Никого она не любитъ, кромѣ самой себя, а господинъ этотъ, вѣроятно, доставляетъ ей утѣхи великія, вотъ она и пляшетъ по его дудкѣ!.. Ты говоришь, что заѣзжалъ къ невѣсткѣ въ тотъ день, какъ уѣхалъ Евгеній, но когда это было?

Варвинъ. Недѣли три тому назадъ!

Потасовъ. А куда онъ собственно поѣхалъ?

Варвинъ. Елизавета Сергѣевна говорила, что въ Парижъ.

Потасовъ. Значитъ, кромѣ того, что здѣсь бы еще Евгеній долженъ былъ увѣдомить меня, что уѣзжаетъ, но ужъ изъ Парижа бы даже письмо успѣло отъ него прійти... Видимо, что онъ вооруженъ противъ меня, и ему запрещено писать ко мнѣ!..

Варвинъ. То-есть ты хочешь сказать, что Елизавета Сергѣевна ему запретила это; но съ какой цѣлью она стала бы запрещать?.. Всего скорѣй, что молодой человѣкъ земли, я думаю, подъ собой не слышитъ, что уѣхалъ за границу и теперь пріѣхалъ въ Парижъ.

Дарья Михайловна. Да онъ и напишетъ, непремѣнно напишетъ-съ!.. Не послушается въ этомъ онъ маменьки своей.

Потасовъ (передразнивая ее). «Напишетъ, напишетъ!..» Вѣдь вотъ все, но-ея, въ розовомъ цвѣтѣ, а нынче люди-то какіе? Ты къ нимъ съ добромъ, а они къ тебѣ съ коломъ! (Варвину) Ты тоже скоро ѣдешь за границу и въ Парижъ?

Варвинъ. Да, въ Парижъ!

Потасовъ. Зачѣмъ?

Варвинъ (нѣсколько смущеннымъ тономъ). Жену больную надобно лѣчить, да и поразвлечь ее хочется.

Потасовъ. Въ такомъ случаѣ разыщи ты тамъ племянника моего и внуши ему, что нельзя же къ любящему его дядѣ-старику относиться столь небрежно!.. Я, какъ ему, такъ и

Нипѣ, ничего не желалъ, кромѣ добра!.. (Утираетъ навернувшіяся на глазахъ слезы).

Дарья Михайловна (Варвину). Вотъ какъ это имъ легко! Никогда въ жизнь мою не видывала, чтобы они плакали.

Потасовъ. Врешь, я и теперь не плачу, не думалъ даже! (Варвину) Непремѣнно разыщи!

Варвинъ. Постараюсь, и вѣроятно, что мнѣ или въ посольствѣ скажутъ, или отъ кого-нибудь изъ русскихъ узнаю; я самъ очень люблю Евгенія Петровича и весьма радъ буду видѣть его: онъ такой бравый и энергичный молодой человѣкъ. (Въ это время раздается стукъ подъѣхавшаго экипажа).

Потасовъ (прислушиваясь). Кто это подъѣхалъ?

Дарья Михайловна. Въ садъ, должно-быть, песку привезли.

Потасовъ. Понала пальцемъ въ небо!.. Поди узнай хорошенько, кто подъѣхалъ? Бока-то толсты, промни ихъ хоть немного!

(Дарья Михайловна на это только ужъ машетъ рукой и уходитъ).

Варвинъ (пожимая плечами). Удивительный человѣкъ! Женщина предана ему всей душой своей, а онъ все бранитъ ее.

Потасовъ. Ну да, перебранена она очень!

Варвинъ. Перебранена не перебранена, а все-таки ей понало въ жизни порядочно.

Потасовъ (по обыкновенію, злобно усмѣхаясь). Гораздо меньше, чѣмъ инымъ женамъ: она, смотри, на старости лѣтъ какъ бухнетъ, а у другихъ супруги-то въ чахоткѣ умираютъ.

Варвинъ (слегка покрасивѣвъ). Это на мой счетъ повѣшено, благодарю покорно!

Потасовъ. Не стоитъ благодарности! (Топаетъ отъ нетерпѣнія ногой). Старая дура ушла и не возвращается!.. (Звонитъ въ колокольчикъ).

(Дарья Михайловна проворно входитъ).

Потасовъ (ей). Что ты тамъ провалилась!.. Кто пріѣхалъ?

Дарья Михайловна (робко). Это-съ Евгеній Петровичъ и Нина Петровна.

Потасовъ. Какъ Евгеній Петровичъ! Что ты такое мелешь? (Обращаясь къ Варвину) Что такое это значитъ?

Варвинъ (неувѣреннымъ тономъ). Я думаю, ничего... просто пріѣхали.

Потасовъ (относясь опять къ Дарьѣ Михайловнѣ). Зачѣмъ же Евгеній изъ-за границы вернулся?.. Для какой надобности?

Дарья Михайловна (потупляясь). Не знаю-съ!.. Сейчасъ они придутъ сюда и разскажутъ вамъ.

Потасовъ (снова Варвину). Тутъ непремѣнно что-нибудь случилось!.. Не умерла ли у нихъ мать?

Варвинъ. Тогда бы тебя туда пригласили, а никакъ не поѣхали бы сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Евгеній, — молодой человѣкъ, весьма джентльменской наружности и замѣтно сильно чѣмъ-то взволнованный.

Евгеній (стремительно и прямо подходя къ Потасову). Здравствуй, дядя!

Потасовъ (съ видимою нѣжностью обнимая и цѣлуя его). Зачѣмъ ты воротился?.. Съ матерью что-нибудь случилось?

Евгеній (раздраженнымъ тономъ). Ничего съ ней не случилось, съ сестрой случилось!

Потасовъ. Что такое?

Евгеній (злобно усмѣхаясь). Замужъ она вышла!

Потасовъ. Замужъ?.. За кого?

Евгеній. За Зерцалова!

(Всѣ поражены этимъ извѣстіемъ и глядятъ другъ на друга).

Потасовъ (послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, махая рукой Варвину и Дарьѣ Михайловнѣ). Вы уходите пока!

(Варвинъ и Дарья Михайловна уходятъ).

Потасовъ (не могшій еще прійти въ себя, Евгенію). Ты не шутишь, не врешь?.. Но гдѣ же сестра твоя?.. Отчего она сюда нейдетъ?

Евгеній. Она сейчасъ придетъ!.. Я прежде долженъ разсказать тебѣ... ей самой тяжело это будетъ сдѣлать. Я отличнѣйшимъ манеромъ началъ-было жить въ Парижѣ... только вдругъ получаю телеграмму отъ сестры. Вникни, дядя, отъ сестры, а не отъ матери! Она увѣдомляетъ меня, что выходитъ замужъ за Зерцалова и зоветъ меня пріѣхать къ ней на свадьбу... Я ей телеграфирую, чтобы она не смѣла этого дѣлать, и самъ скачу сюда, и вообрази,—пріѣзжаю къ намъ въ домъ, говорятъ: «Сейчасъ только уѣхали вѣнчаться!»

Потасовъ. Отчего жъ сестра не послушалась твоей телеграммы?

Евгеній. Скрыли ее отъ нея, перехватили!.. Я въ церковь... Вижу, что молодые сходятъ уже съ лѣстницы; но я тутъ же схватилъ сестру за руку, отвелъ въ сторону и разсказалъ все, что и ты, вѣроятно, знаешь.

(Старикъ Потасовъ нахмуривается).

Евгеній. Сестра, конечно, какъ только пріѣхала домой, объявила своему супругу, что никогда съ нимъ жить не будетъ! Господинъ Зерцаловъ тоже растерялся... Сестра послѣ того сейчасъ же сняла съ себя свое вѣнчальное платье, и мы поѣхали къ тебѣ.

Потасовъ (склоняя голову). Ничего тутъ не понимаю!.. Бѣдная, бѣдная Нина!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Нина.

Евгеній. Дядя, Нина пришла.

(Потасовъ взмахиваетъ на нее глазами).

Нина (бросаясь къ нему съ рыданіемъ въ объятія). Я погубила себя, дядя!

Потасовъ (съ полными слезъ глазами). Ничего, вздоръ!.. Нисколько не погубила... Сядь и успокойся!

(Нина садится и начинаетъ плакать. Дарья Михайловна, подслушивавшая у дверей, входитъ и подаетъ Нинѣ стаканъ воды).

Нина (глотнувъ воды). Какова мать у меня, дядя?

(Дарья Михайловна отходитъ въ сторону и со страхомъ начинаетъ смотрѣть на Потасова и Нину).

Евгеній (стоявшій на авансценѣ, съ бѣшенствомъ). Женщина казни достойная!

Потасовъ (мрачнымъ голосомъ). Перестаньте бранить ее такъ! Можетъ-быть, все это вздоръ, одни слухи... (Нинѣ) Но кто изъ васъ пожелалъ, чтобы ты вышла замужъ?

Нина. Я!.. Мать, напротивъ, очень не желала этого. Я заставила ее выдать себя замужъ.

Потасовъ. А приданое она тебѣ назначила?

Нина. Въ двѣсти тысячъ даже; но теперь, конечно, я у нея изъ нихъ не возьму ни копейки.

Потасовъ. Но почему же ты такъ пожелала выйти за этого господина?

Нина. Потому что онъ мнѣ нравился.

Потасовъ. Какими это такими достоинствами своими?

Нина. Умомъ своимъ!.. Что Зерцаловъ уменъ, этого никакъ нельзя отнять у него.

Потасовъ (вспыльчиво). Подите вы!.. Уменъ онъ!.. Не онъ уменъ, а вы съ маменькой вашей дуры!.. Какой-то выгнанный офицеришка, пустословъ, прощелыга по жизни, обѣихъ плѣнилъ!

Нина (вся вспыхнувъ). Я, конечно, въ этомъ случаѣ была неопытна и неблагоразумна, но мать моя нѣсколько похуже того. Отчего было ей не сказать и не признаться въ винѣ? Мало ли женщинъ очень хорошихъ и нравственныхъ падаетъ? Но она все это затаила изъ гордости, чтобы рисоваться постоянно передъ нами своими добродѣтелями... Каждый почти обѣдъ толковала намъ, что на ея имени нѣтъ никакого пятна...

Евгеній. Именно каждый обѣдъ!.. И каково же, дядя, было выслушивать мнѣ, когда я зналъ, что у нея ребенокъ даже

отъ этого господина былъ, только, къ счастью ихъ, умеръ! Я тебѣ откровенно говорю, что я нарочно хотѣлъ уѣхать за границу, чтобы только не видѣть того, что тутъ происходитъ. Мое положеніе было ужасное: сознавать, что мать не чиста, это—гамлетовскія мученія!

Потасовъ (строго). Не твое дѣло объ этомъ судить! Гамлетъ не судилъ матери, а только умолялъ ее быть иною.

Нина. Какія предразсудочныя понятія! Отчего же намъ нельзя судить мать, когда она насъ можетъ судить?

Потасовъ. Оттого, что вы еще не знаете, что изъ васъ самихъ будетъ.

Нина. Что изъ насъ будетъ, мы не знаемъ, но убѣждены, что хуже матери нашей мы не будемъ.

Потасовъ. Такъ вотъ тебѣ чортъ на берестѣ объ этомъ написалъ!.. Ты только вотъ рыльцемъ выглянула на свѣтъ Божій, такъ глупостей ужъ надѣлала.

Нина. Дѣйствительно, но что жъ изъ того? Я надѣлала, я и буду платиться за то.

Потасовъ. Это легко сказать: буду платиться. Неужели ты думаешь, что негодяй супругъ твой не будетъ тебя разыскивать?

Нина. Конечно, будетъ, только я нисколько не боюсь его.

Потасовъ. Ты тамъ бойся его, или нѣтъ, но онъ все-таки теперь тебѣ мужъ.

Нина. Опять, дядя, предразсудочныя понятія: мало ли подлецовъ мужей, нельзя же передъ ними склонять голову!

Потасовъ. Передъ однимъ можно не склонять, а другой, пожалуй, заставитъ склониться, и твой супругъ изъ послѣднихъ.

Нина (внутренно испуганная, но скрывая это). Интересно знать, какъ онъ можетъ заставить сдѣлать это?

Потасовъ. Разными способами!.. Я постарше тебя и лучше понимаю, при какихъ порядкахъ мы живемъ... Тебѣ необходимо спрятаться куда-нибудь, по крайней мѣрѣ на первое время.

Нина. Да спрячь, дядя, когда тебѣ этого такъ хочется, а мнѣ казалось, что я совершенно спокойно могла бы жить у тебя.

Евгеній (все время мрачно слѣдившій за разговоромъ дяди съ сестрою, подхватываетъ). Тѣмъ болѣе, что если Зорцаловъ что-нибудь предприметъ противъ сестры, такъ я вызову его на дуэль!

Потасовъ (у котораго на лицѣ изобразился почти ужасъ). Такъ вотъ онъ и пойдетъ съ тобой на дуэль!

Евгеній. Значитъ, онъ подлецъ.

Потасовъ. Его нимъ, я думаю, никто и никогда не считалъ. (Опять слышится стукъ подъѣхавшаго экипажа).

Нина (взглянувъ въ окно и поблѣднѣвъ, восклицаетъ). Это Зерцаловъ пріѣхалъ!

Потасовъ (ей). Вотъ какъ бы тебѣ спокойно было у меня! Эй! (Вошедшему лакею) Не пускать ко мнѣ этого пріѣхавшаго господина, держать его въ передней, сказать ему, что я сплю и не приказываю никогда будить меня.

(Лакей уходитъ).

Потасовъ (Евгенію и Нинѣ). Поѣдете ли вы на нѣсколько дней къ Варвину?

Нина. Отчего жъ не поѣхать? Я охотно поѣду.

Евгеній. А я, дядя, останусь у тебя, чтобы объясниться съ господиномъ Зерцаловымъ.

Потасовъ (стукнувъ рукой по ручкѣ кресла). Я тебѣ не позволю этого!.. Я тебя прокляну, брошу!.. и самъ умру отъ того!..

Евгеній. Изволь, дядя, я послушаюсь тебя и уѣду къ Варвину; но ты пойми, въ какое положеніе ставишь меня!

Потасовъ (почти кричитъ). Ни слова больше! Что я, изъ самодурства, что ли, отъ васъ этого требую?!

Нина. Да мы понимаемъ это, дядя!

Потасовъ (стихнувъ немного). Подите и позовите ко мнѣ Варвина!

(Нина и Евгеній уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Потасовъ (одинъ, самъ съ собой). Меня больше всего удивляетъ, почему невѣстка моя мало что позволила дочери выйти замужъ за Зерцалова, но еще и приданое ей назначила въ двѣсти тысячъ!.. Какая причина главнымъ образомъ побудила ее къ тому?

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Варвинъ.

Потасовъ (ему). Скажи ты мнѣ, любишь ты меня, или только такъ лебезишь передо мной?

Варвинъ (нѣсколько обидѣвшись). Я ни передъ вами и ни передъ кѣмъ въ мірѣ не лебезилъ!

Потасовъ. Дѣло въ томъ, что по случаю этого дурацкаго брака племянницы съ Зерцаловымъ вышелъ совершеннѣйшій кавардакъ. Евгеній разсказалъ сестрѣ про маменьку все, что слѣдуетъ, и Нина не хочетъ поэтому жить съ своимъ супругомъ.

Варвинъ. Да это и лучше, а то, какъ ты хочешь, въ об-

ществѣ всѣ подозрѣвали, что Зерцаловъ былъ въ связи съ матерью, а теперь женился на дочери!.. Что же это такое!..

Потасовъ. Э, въ обществѣ вашемъ! Нынѣ тамъ все извиняется и даже похваливается. Дѣло не въ томъ. Прежде всего я долженъ спрятать Нину, потому что этотъ архи-негодяй, супругъ ея, сидитъ ужъ въ моей передней. Возьми ты Нину и Евгенія и увези въ деревню къ себѣ.

Варвинъ. Съ великой радостью, и вообще хорошо, если бъ они за границу съ нами уѣхали хоть на короткое время, пока не замолкнутъ разные по этому поводу толки.

Потасовъ. Паспортовъ у нихъ заграничныхъ нѣтъ!

Варвинъ. Я это схлопочу; мы поѣдемъ въ Петербургъ и тамъ выправимъ.

Потасовъ. Валяй, спасибо!.. Пройди заднимъ крыльцомъ, чтобы не встрѣтиться съ этимъ мерзавцемъ!

(Цѣлуется съ Варвинымъ, тотъ уходитъ).

Потасовъ (кричитъ). Даша!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дарья Михайловна поспѣшно входитъ.

Потасовъ (ей). Нина и Евгеній уѣзжаютъ!

Дарья Михайловна. Видѣла-съ! Они ужъ садятся въ экипажъ.

Потасовъ. Чтобы Зерцаловъ какъ-нибудь не увидалъ ихъ.

Дарья Михайловна. Гдѣ жъ? Онъ сидитъ въ передней, а оттуда развѣ увидишь!

Потасовъ (подумавъ). Скажи мнѣ, — ты иногда судишь здраво,—какимъ это образомъ Елизавета Сергѣевна согласилась отдать дочь за своего любовника?

Дарья Михайловна. По жалости материнской. Вѣдь еще и допрежь того говорили, что Нина Петровна была оченно влюблена въ господина Зерцалова.

Потасовъ (обозлясь). «Господина, господина»! Нашла какого господина!.. Вздоръ, что это по жалости! Тутъ я нюхомъ чувствую, что ее съ Зерцаловымъ чортъ какой-нибудь веревочкой связалъ.

Дарья Михайловна (улыбаясь). Какой же, батюшка, веревочкой?

Потасовъ. Преступленіе какое-нибудь общее совершили. (Дарья Михайловна слушаетъ его съ недоумѣніемъ). Кого-нибудь сообща придушили или ограбили!

Дарья Михайловна (опять усмѣхаясь). Чтой-то, сударь, нѣтъ-съ! А я такъ думаю, что Нина Петровна не послуша-

лась маменьки. Развѣ дѣтей можно нынче остановить, не то что въ барскомъ роду, но и въ нашемъ, мужицкомъ? А Нина Петровна, кромѣ того, прехарактерная!

Потасовъ. Это такъ! Она вся въ мать,—самолюбивая дьявольски.

Дарья Михайловна. Да-съ, какъ ее можно сравнить съ Евгеніемъ Петровичемъ!

Потасовъ. Евгеній—малый добрый, задушевный!.. Горячка только.

Дарья Михайловна (усмѣхаясь). Въ васъ, видно.

Потасовъ. Въ меня, должно-быть. Скажи, чтобы этого Зерцалова пустили ко мнѣ!

Дарья Михайловна (упрашивающимъ голосомъ). Да вы, сударь, не очень гнѣвайтесь,—вамъ это вредно.

Потасовъ (съ сердцемъ). Что мнѣ тутъ вреднаго? По-твоему, мнѣ все вредно!

(Дарья Михайловна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Потасовъ. Интересно, что этотъ баринъ будетъ мнѣ разсказывать? (Къ зрителямъ) Послушайте и вы, почтеннѣйшая публика, внимательно! Конечно, каждый изъ васъ нынче на воровъ, на плутовъ и на мошенниковъ насмотрѣлся и наслушался ихъ; но этотъ, я вамъ скажу, пожалуй, почище всѣхъ будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Появляется Зерцаловъ, очень измѣнившійся въ лицѣ, но вошедшій довольно смѣлой походкой. Потасовъ, по обыкновенію, не привставая, мотнулъ ему головой, а Зерцаловъ, въ свою очередь, довольно небрежно поклонился Потасову и сѣлъ, не дожидаясь приглашенія.

Зерцаловъ. Вы изволили почивать?

Потасовъ. Почивалъ-съ!

Зерцаловъ. Меня ваши лакеи въ залу даже не пустили, а держали въ передней, гдѣ я продрогъ.

Потасовъ. Я приказываю моимъ лакеямъ, когда я сплю, не пускать во внутреннія комнаты незнакомыхъ людей: мало ли нынче шляется по губерніи разныхъ шатуновъ.

Зерцаловъ. Конечно-съ, но я пріѣхалъ къ вамъ не для шатанія.

(Потасовъ молчитъ на это).

Зерцаловъ (съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собой). Вамъ, можетъ-быть, уже небезызвѣстно, что я женился на племянницѣ вашей Нинѣ Петровнѣ.

Потасовъ (какъ бы въ удивленіи). Женились?.. Что жъ, это партія недурная для васъ. Не знаю, будетъ ли она таковою же для Нины.

Зерцаловъ. Собственно я женился только юридически, но фактически я не знаю, женатый ли я или холостой. Нина Петровна тотчасъ послѣ вѣнца бѣжала отъ меня и, какъ полагаютъ, скрылась у васъ въ домѣ.

Потасовъ. Что жъ, вамъ юридически сдѣлать обыскъ въ моемъ домѣ?..

Зерцаловъ. Конечно, нѣтъ; но я просилъ бы васъ, какъ человѣка высокой честности, сказать: Нина Петровна у васъ, или нѣтъ?

Потасовъ. Какъ человѣкъ высокой честности, говорю вамъ, что Нины нѣтъ у меня.

Зерцаловъ. Но гдѣ же она теперь?

Потасовъ. Угадайте!

Зерцаловъ. Угадать я, разумѣется, угадаю; но мнѣ хотѣлось бы устроить это какимъ-нибудь мирнымъ путемъ.

Потасовъ. Устраивайте! Что жъ я тутъ?.. Ни при чемъ!

Зерцаловъ. Болѣе, чѣмъ кто-либо, вы *при чемъ*, такъ какъ вы *глава* въ семействѣ, столь всѣми уважаемый...

Потасовъ (перебивая его). Но у Нины Петровны есть гораздо ближе меня *глава*—мать родная.

Зерцаловъ. Елизавета Сергѣевна, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ совершенно безполезна, потому что Нина Петровна никогда не довѣряла матери. Кромѣ того Елизавета Сергѣевна теперь сама въ такомъ ужасномъ положеніи, что врядъ ли перенесетъ его.

Потасовъ. Что мудренаго? Елизавета Сергѣевна была такая превосходная и нѣжная мать!..

Зерцаловъ. Именно превосходная и нѣжная мать, даже слишкомъ ужъ нѣжная. Впрочемъ, не знаю, какъ понимать ваши слова за шутку или за правду, но, какъ бы тамъ ни было, Елизавета Сергѣевна и я просимъ васъ растолковать Нинѣ Петровнѣ безумство ея поступка.

Потасовъ. Но я прежде долженъ знать, изъ какой причины вытекъ такой безумный поступокъ Нины.

Зерцаловъ (нѣсколько озадаченный). Когда поступокъ безуменъ, то это прямо указываетъ, что онъ не имѣетъ никакой основательной причины. Вѣроятно, какая-нибудь сплетня, которую передалъ Нинѣ Петровнѣ ея братъ.

Потасовъ. Какая же это такая сплетня? Вѣроятно, очень важная, что заставила Нину бросить васъ.

Зерцаловъ. Не знаю-съ! Вамъ, можетъ-быть, она извѣстна.

Потасовъ (съ удареніемъ). То, что мнѣ извѣстно, никакъ не сплетня, а чистѣйшая правда, за которую я къ присягѣ готовъ итти.

Зерцаловъ (употребившій большое усиліе совладать съ собой). Ваше дѣло! Я только заранѣе считаю нужнымъ предупредить васъ, что если Нинѣ Петровнѣ не угодно будетъ возвратиться ко мнѣ, то я путемъ закона заставлю ее это сдѣлать.

Потасовъ. А я васъ также предувѣдомляю, что мы тоже найдемъ законъ, по которому Нину освободятъ исполнять ваше желаніе, да еще и съ величайшимъ позоромъ для васъ и для Елизаветы Сергѣевны.

Зерцаловъ. Слова ваши очень страшныя и вѣскія, но которыхъ я не боюсь, потому что жена у меня убѣжала, когда я ничего еще дурного въ отношеніи ея не успѣлъ даже сдѣлать.

Потасовъ. Бываетъ такъ-съ, что и старые грѣшки отзываются. И тамъ бывастъ можно найти кой-какія пятнышки.

Зерцаловъ. Не понимаю вашихъ намековъ и скажу одно, что вамъ, какъ старому человѣку, грѣшно мутить и ссорить въ родственномъ семействѣ и губить тѣмъ молодыхъ людей.

Потасовъ (кланяясь ему, сидя въ полспины). Несказанно благодарю васъ за поученіе, постараюсь исправиться, а пока вотъ вамъ Богъ и вотъ вамъ порогъ!

Зерцаловъ. Нѣтъ-съ, вы скажите прежде, гдѣ жена моя, тогда я и уѣду, а до тѣхъ поръ я буду сидѣть здѣсь! (Еще плотнѣе усаживается на своемъ креслѣ).

Потасовъ. Сидѣть вамъ здѣсь я не позволю и въ шею васъ вытолкаю!

Зерцаловъ (злобно осклабляясь). Въ шею вытолкать вы меня не смѣете!.. Время кулачнаго права, слава Богу, прошло, и если вы хоть пальцемъ меня троните, васъ за это посадятъ въ тюрьму!

Потасовъ (весь побагровѣвъ). За тебя въ тюрьму? Ахъ, ты, ничтожество этакое! (Хватаетъ со стола палку и поднимается во весь свой громадный ростъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дарья Михайловна (быстро входя, Потасову). Батюшка, полноте, успокойтесь! (Зерцалову) Уѣзжайте, сударь, уѣзжайте,— нечего вамъ тутъ дѣлать!

Зерцаловъ (тоже поднимаясь). Теперь я уѣду. (Потасову) Но еще вернусь къ вамъ, и вернусь съ полиціей.

Потасовъ. Тогда я тебѣ со всей твоей полиціей переломаю ребра этой палкой. (Потрясаетъ палкой).

Зерцаловъ (уходя). Сумасшедшій и злой старикъ!

(Дарья Михайловна торопливо запираетъ за нимъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ X.

Потасовъ (тяжело опускаясь на свое кресло). Охъ!.. Охъ!.. Онъ уморилъ меня, каналья!.. (Хватаясь за сердце) Сердце забилось, какъ будто бы лопнуть хочетъ...

Дарья Михайловна (робко подходя къ нему). Батюшка, позвольте, я вамъ на головку компрессикъ положу.

Потасовъ (съ гнѣвомъ). Убирайся!.. или нѣтъ, постой!.. Помнишь, ты мнѣ послѣ смерти брата, когда я заболѣлъ отъ досады, что онъ лишилъ дѣтей своихъ наслѣдства, говорила, что приходилъ какой-то чиновничишка и хотѣлъ мнѣ что-то такое сказать про Елизавету Сергѣевну?

Дарья Михайловна. Приходилъ-съ, говорилъ!

Потасовъ. Кто онъ такой? Ты знаешь его?

Дарья Михайловна. Да, это дьячка нашего сынъ, Епаминондовъ по фамиліи.

Потасовъ. А онъ живъ еще?

Дарья Михайловна. Живъ-съ! Недавно у отца на побывкѣ былъ. Пьетъ только шибко.

Потасовъ. Это ничего! Поди сейчасъ узнай у дьячка адресъ его сына и собери къ утру себя и меня въ дорогу! Мы завтра ѣдемъ въ городъ.

Дарья Михайловна. Слушаю-съ. (Уходитъ).

Потасовъ (одинъ и снова хватаясь за грудь). Съ сердцемъ скверно!.. очень скверно!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Та же гостиная въ домѣ Потасовой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ ней сидятъ: Зерцаловъ, въ качествѣ уже хозяина, и пріѣхавшіе съ визитомъ Осипъ Захаровичъ Скирдовъ, провіантскій чиновникъ въ генеральскомъ чинѣ, съ облѣзлой головой, золотушными глазами и вообще наружности противной, и Лариссa Никаноровна, его жена, дама тоже не изъ красивыхъ, но умная и бойкая; когда разговариваетъ съ посторонними лицами, то постоянно имѣетъ заискивающій тонъ; но къ мужу своему иначе не относится, какъ съ азартомъ. Всѣ они должны имѣть печальныя лица.

Лариссa Никаноровна (съ участіемъ къ Зерцалову). Вы говорите, что Нина Петровна ни къ вамъ не возвращается ни матери ничего не пишетъ?

Зерцаловъ (съ горькой усмѣшкой). Не возвращается и не пишетъ.

Ларисса Никаноровна. Но гдѣ жъ она живетъ теперь?

Зерцаловъ. По слухамъ, въ Парижѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ.

Ларисса Никаноровна. А на какія же деньги они тамъ живутъ?.. Значитъ, ей Елизавета Сергѣевна посылаетъ?

Зерцаловъ. Ни копейки!.. Вѣроятно, ихъ обоихъ содержитъ Михайла Матвѣичъ на свой счетъ.

Ларисса Никаноровна. Зачѣмъ же старикъ это дѣлаетъ и съ какой цѣлью?

Зерцаловъ. На досаду Елизаветѣ Сергѣевнѣ!.. Вы, конечно, знаете, какъ онъ ее ненавидитъ?

Ларисса Никаноровна. Еще бы!.. Вражда эта у нихъ старинная... Однако вы поѣдете за Ниной Петровной, чтобы привезти ее сюда?

Зерцаловъ. Первоначально я попробую вызвать ее черезъ посольство.

Ларисса Никаноровна. Но развѣ посольство можетъ это сдѣлать?

Зерцаловъ. Отчего жъ не можетъ?.. Оно—власть наша за границею, а всякій мужъ, я полагаю, имѣетъ право просить правительство возвратить ему жену.

Ларисса Никаноровна (неодобрительно качнувъ головой). Ну, знаете, требовать къ себѣ силой жену — дѣло ужъ плохое, тѣмъ болѣе, что, какъ я слышала, Нина Петровна оставила васъ, не бывъ вамъ вполнѣ женой.

Зерцаловъ (съ той же горькой усмѣшкой). Тотчасъ послѣ вѣнца, не заѣзжая даже домой.

Ларисса Никаноровна (таинственно). Вотъ поэтому мнѣ и думается, что не испугала ли Нину мысль сдѣлаться женщиной.

Скирдовъ. Вздоръ какой, испугаться этого! (Глупо смѣется).

Ларисса Никаноровна. Нѣтъ, не вздоръ! Ты, какъ мужчина, не понимаешь этого: а это очень страшная минута для всякой женщины! Я это знаю по себѣ.

Скирдовъ (почесавъ у себя въ затылкѣ). Я не помню, чтобы тебѣ это было страшно!

Ларисса Никаноровна (съ азартомъ). Я знаю, что ты ничего не помнишь: ни того, какое я была поэтическое существо, какъ была дика и застѣнчива!.. (Съ гнѣвомъ отворачивается отъ него и обращается къ Зерцалову) Голубчикъ, я все-таки непремѣнно желаю видѣть Елизавету Сергѣевну!.. Какъ хотите, но вы пустите меня къ ней!

Зерцаловъ. Елизаветѣ Сергѣевнѣ вредно принимать постороннихъ лицъ!.. Ее это очень волнуетъ.

Лариса Никаноровна (укоризненнымъ тономъ). Я ей не посторонняя!.. какъ вы это говорите!.. Я ей другъ и наперсница съ самаго института.

Зерцаловъ. Хорошо-съ, я пойду и передамъ Елизаветѣ Сергѣевнѣ ваше желаніе видѣть ее. (Встаетъ).

Лариса Никаноровна (останавливая его). Те-те-те, — постойте, погодите! Вы, пожалуй, отговорите ее принять меня?.. Я лучше къ ней записочку напишу!

Зерцаловъ. Какъ вамъ угодно! Перо и бумага вонъ тамъ. (Показываетъ на арку въ сосѣднюю комнату).

Лариса Никаноровна. Вижу!.. (Уходитъ въ ту комнату и, усѣвшись тамъ за столъ, начинаетъ писать).

Скирдовъ (вполголоса и съ глазами, мгновенно принявшими какое-то звѣрское выраженіе). Что отъ васъ убѣжала жена, такъ вы за это Бога благодарите! И я вамъ совѣтую, — не ищите даже ея!.. Какъ бы меня моя благовѣрная супруга заблаговременно кинула, такъ я былъ бы блаженнѣйшимъ человѣкомъ и до сихъ поръ орломъ леталъ, а теперь вотъ тутъ—ничего нѣтъ!.. (показываетъ себѣ на голову) тутъ тоже!.. (показываетъ на ротъ) да и вообще нигдѣ ужъ ничего нѣтъ!..

Зерцаловъ. Но вы однако постоянно выѣзжаете съ супругою вашей и почти не разлучаетесь съ ней?

Скирдовъ (почти отчаяннымъ голосомъ). Требуетъ того!.. «Мало ли, говоритъ, что со мной можетъ случиться! Я дорогой могу заболѣть, умереть!..» Словомъ, я вамъ говорю, мнительности и раздражительности невѣроятной!.. Иногда ночью вдругъ закричитъ: «Воры, разбойники въ окно лѣзутъ!» Встанешь, обойдешь весь домъ,—никого нѣтъ... Или начнетъ бѣсноваться, что пожаръ: «Я, говоритъ, чувствую запахъ дыму!..» (Умолкаетъ, потому что въ это время входитъ Лариса Никаноровна).

Лариса Никаноровна (Зерцалову). Потрудитесь вручить это Елизаветѣ Сергѣевнѣ. (Подаетъ ему записку, взявъ которую, Зерцаловъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лариса Никаноровна (садясь въ кресло и съ досадой). Эта свадьба всѣ планы мои разстроила!.. (Обращаясь къ мужу) Тогда зачѣмъ же я послѣ этого хлопотала и требовала отъ тебя, чтобъ ты Зерцалова взялъ себѣ въ помощники?..

Скирдовъ (съ ядовитой улыбкой). Не знаю, это ужъ твое было дѣло.

Ларисса Никаноровна. Ну, а я знаю, — я думала выдать дочь мою за него.

Скирдовъ. То-то ты ужъ очень далеко загадываешь и предусматриваешь...

Ларисса Никаноровна. А какъ же, по-твоему: семейные люди не должны предусматривать? Ты понимаешь нашу дочь, или нѣтъ?.. Она хрома, рябa и не умна!.. Кто же ее возьметъ такую?

Скирдовъ. Э, было бы приданое, а нынче всякую возьмутъ.

Ларисса Никаноровна. Въ томъ-то и дѣло, что я думала безъ приданаго ее выдать... Зерцаловъ получилъ отъ тебя мѣсто, — долженъ онъ за это чувствовать къ тебѣ благодарность и вознаградить тебя чѣмъ-нибудь?.. Что свою Елизавету Сергѣевну онъ кидаетъ, или тамъ кинулъ — я видѣла это давно!.. Онъ нѣсколько разъ бранилъ мнѣ ее и смѣялся надъ ней, и вдругъ какую штуку Елизавета Сергѣевна устраиваетъ: если самой нельзя было, такъ дочкой его наградила!.. Какъ она, срамовщица, кровосмѣшенья-то не побоялась!.. Это вѣдь смертный грѣхъ!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Елизавета Сергѣевна въ сопровожденіи Зерцалова. Ларисса Никаноровна при этомъ взвизгиваетъ и кидается въ объятія Елизаветы Сергѣевны, которая тоже опускаетъ свою голову ей на плечо и рыдаетъ. Проходитъ нѣсколько мгновеній въ такомъ положеніи.

Ларисса Никаноровна (усаживая Елизавету Сергѣевну въ кресло). Да вы успокойтесь и призовите религію на помощь. Вы всегда были женщиною вѣрующей... Посѣщая несчастьями дѣтей нашихъ, Господь Богъ очищаетъ тѣмъ наши собственные грѣхи, и намъ это въ будущей жизни зачтется. Итакъ, покоритесь Его волѣ. Вы знаете: когда умеръ старшій мой сынъ, ко мнѣ пріѣхалъ преосвященный владыка и, видя, что я плачу, говоритъ мнѣ: «Что это вы ропщете на Бога?.. Нужно терпѣть со смиреніемъ, а не съ буйствомъ; какъ вы ни ропщите, а терпѣть все-таки придется; такъ ужъ лучше не брать новаго грѣха на душу и не роптать!»

Елизавета Сергѣевна (восклицаетъ). Ахъ, я не ропщу, а молю только Бога, чтобъ Онъ послалъ мнѣ скорѣе смерть!

Ларисса Никаноровна. И то грѣхъ, и того не слѣдуетъ дѣлать: развѣ вы сами себѣ дали жизнь? Вамъ далъ ее Богъ — Онъ и знаетъ, когда взять ее у васъ.

Елизавета Сергѣевна (со стономъ). Да ужъ жить-то очень тяжко. Для меня все погибло: мое доброе имя, мои дѣти, моя

пламенная любовь къ нимъ!.. Всего этого больше не должно существовать!

Лариса Никаноровна (съ участіемъ, но со строгостью). Какія ужасныя у васъ мысли!.. Это просто — согрѣшила я грѣшная! — новое на васъ дьявольское искушеніе... Что дочь, видимо, дѣвочка вѣтреная, сначала захотѣла выйти замужъ, а потомъ испугалась этого,—такъ вы и должны погибать совершенно? Да если бы изъ-за глупостей дѣтей гибнули ихъ родители, такъ этакъ никого бы изъ насъ не осталось въ живыхъ!

Елизавета Сергѣевна (беря себя за голову). Ахъ, тутъ не глупость!.. Это не одна глупость со стороны Нины.

Зерцаловъ (злымъ голосомъ). Что же другое, кромѣ глупости и дурного, избаловаинаго характера?

Елизавета Сергѣевна (вспыхнувъ въ лицѣ). Вамъ-то менѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдовало такъ говорить!

(Зерцаловъ что-то такое хочетъ возразить ей, но въ это время лакей подаетъ ему письмо, при чтеніи котораго на лицѣ Зерцалова замѣтно отразилось безпокойство).

Елизавета Сергѣевна (тоже, видимо, обезпокоенная письмомъ). Отъ кого это?

Зерцаловъ (неторопливо). Отъ Михайлы Матвѣича Потасова.

Елизавета Сергѣевна. Что же онъ можетъ вамъ писать?

Зерцаловъ. Пишетъ, что онъ боленъ, и требуетъ, чтобы вы или я явились къ нему для объясненія по какимъ-то важнымъ дѣламъ.

Елизавета Сергѣевна (съ грустной усмѣшкой). Какъ же я явлюсь къ нему, когда сама едва по комнатѣ хожу!

Лариса Никаноровна (указывая ей глазами на Зерцалова). Онъ поѣдетъ! Такого рода объясненія должны вести не женщины, а мужчины.

Зерцаловъ. Ну, это такой господинъ, что съ нимъ и мужчинѣ не сговорить; ѣхать къ нему все равно, что къ медвѣдю въ берлогу лѣзть.

Лариса Никаноровна (строго). Мало ли что: въ берлогу лѣзть!... Это вашъ долгъ... Я еще съ недѣлю тому назадъ слышала, что Михайла Матвѣичъ здѣсь и что боленъ, но мнѣ теперь очень интересно знать, — о какихъ именно важныхъ дѣлахъ онъ желаетъ объясняться съ вами?

Елизавета Сергѣевна. Вѣроятно, какую-нибудь новую каверзу придумалъ устроить мнѣ, чтобы добить меня окончательно. Я заранѣе предчувствовала, что теперь на меня посыплются каменья.

Лариса Никаноровна (съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ голосѣ). Но, можетъ-быть, это и не то!.. Весьма возможно, что Нина

возвратилась изъ Парижа, и Михайла Матвѣичъ устроитъ все это миромъ!

Зерцаловъ (насмѣшливо). Способенъ онъ что-нибудь устраивать миромъ! (Встаетъ и начинаетъ отыскивать свою шляпу).

Елизавета Сергѣевна. Вы однако думаете къ нему съѣздить?

Зерцаловъ. Съѣзжу, но только этимъ объясненіемъ постараюсь одинъ разъ навсегда все съ нимъ покончить.

Ларисса Никаноровна (мужу). И ты поѣзжай. Тебѣ пора въ присутствіе!

Скирдовъ (обрадованнымъ голосомъ). Давнымъ-давно пора! (Расшаркиваясь передъ Елизаветой Сергѣевной) Я заѣзжалъ собственно, чтобы выразить вамъ мое сожалѣніе и пожелать, чтобы это благополучно кончилось!

Елизавета Сергѣевна (склоняя слегка голову). Благодарю!

Скирдовъ (Зерцалову). Хотите, я васъ довезу?

Зерцаловъ. Сдѣлайте одолженіе!

Ларисса Никаноровна (мужу). И сейчасъ же присылай ко мнѣ лошадей; не пѣшкомъ же мнѣ итти отсюда!

Скирдовъ. Хорошо! (Уходя, Зерцалову) Вотъ видите — ни одинъ министръ такъ не распоряжается, какъ она.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Елизавета Сергѣевна и Ларисса Никаноровна.

Ларисса Никаноровна. Я нарочно услала мужа, чтобы откровенно съ вами поговорить. Вы, конечно, знаете истинную причину, почему Нина Петровна не захотѣла жить съ мужемъ, и не скросте этой причины отъ меня, потому что умъ — хорошо, а два — еще лучше: мы вмѣстѣ и обдумаемъ, какъ вамъ теперь поступить.

Елизавета Сергѣевна. Причина очень простая: этотъ мой деверь, злодѣй Потасовъ, насказалъ Евгенію, что будто бы я прежде была въ связи съ Зерцаловымъ, такъ какъ тотъ часто бывалъ у насъ въ домѣ, а Евгеній передалъ это сестрѣ; ту, разумѣется, это возмутило...

Ларисса Никаноровна (какъ бы аффрапированая). Боже мой, что же это такое!.. Я никогда не ожидала этого услышать. Этотъ Михайла Матвѣичъ дѣйствительно какой-то злодѣй—говорить такія ужасныя вещи дочери про мать! Допустимъ даже, что это дѣйствительно было, но когда дѣло сдѣлалось, — дочь вышла замужъ за этого человѣка,—такъ развѣ для Михайлы Матвѣича, какъ для добраго родственника, любящаго Нину, не было святой обязанностью скрыть это?.. И чего жъ онъ

достигнулъ этимъ?.. Погубилъ только дѣвочку, потому что жить ей съ мужемъ теперь нельзя; позорно и для васъ. Для всѣхъ одно спасеніе — это выхлопотать Нинѣ разводъ съ Зерцаловымъ.

Елизавета Сергѣевна (сильно сконфуженная этимъ монологомъ Ларисы Никаноровны и поникая головой). Я ужъ ничего и предпринять не въ силахъ. Что Нина погибла навѣки, — въ этомъ я окончательно убѣждена, и молю Бога уже объ одномъ: чтобы Онъ сохранилъ мнѣ по крайней мѣрѣ Евгенія; но если и съ тѣмъ что̀ случится, то я, кажется, руки на себя наложу!

(Входитъ лакей).

Лакей. Господинъ докторъ пріѣхалъ.

Елизавета Сергѣевна (съ досадой). О, что̀ это, зачѣмъ онъ ѣздитъ!

Лариса Никаноровна. Какой это докторъ?.. Кто васъ нынче лѣчитъ?

Елизавета Сергѣевна. Да все тотъ же — Иванъ Яковлевичъ Балда. (Лакею) Прими!

(Лакей уходитъ).

Лариса Никаноровна. Что̀ вамъ за охота лѣчиться у этого болтуна?.. Какой же онъ докторъ? Изъ самодурства сталъ учиться медицинѣ.

Елизавета Сергѣевна. Я и не лѣчусь у него, но онъ сосѣдъ намъ по деревнѣ и человѣкъ очень расположенный къ нашему семейству.

Лариса Никаноровна. Да, пожалуй, онъ и къ намъ расположенъ, но что̀ изъ того?.. Все его расположеніе состоитъ въ томъ, что онъ пріѣдетъ и хохочетъ цѣлый визитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ докторъ, растолстѣвшій сангвиникъ, съ очень умными, проницательными глазами и съ толстыми чувственными губами.

Докторъ. Вонъ онѣ гдѣ, барыни-то — ха-ха-ха!.. Отлично это, безподобно!.. (Усаживаясь) Какой случай я вамъ разскажу... Вчера въ нашемъ ученомъ медицинскомъ засѣданіи — ха-ха-ха! — одинъ изъ юныхъ геніевъ докладывалъ *о блуждающей почкѣ*, ха-ха-ха, увѣряю васъ — о почкѣ, блуждающей въ брюхѣ нашемъ... Что̀ такое, думаю, ха-ха-ха, никогда не слышалъ, чтобы у почекъ ноги были; слушаю однако внимательно; чортъ ихъ знаетъ, ха-ха-ха, можетъ-быть, и есть... Я только не замѣчалъ. Однако спросилъ господина референта: «Что̀, это вы изволили вычитать, или сами наблюдали эту болѣзнь?» — «Имѣлъ случай, говоритъ, и весьма недавно, самъ наблюдалъ

эту болѣзнь!»—«А имя вашего больного не тайна?»—«Нѣтъ, говоритъ, это нѣкто генералъ Михайла Матвѣичъ Потасовъ!» Ха-ха-ха! «Батюшки мои, думаю, у нашего ворчуна почка съ ногами оказалась!» Ѣду къ нему, встрѣчаетъ меня его толстая Аглая. «Что, говорю, у твоего барина, ха-ха-ха, почка въ брюхѣ ходитъ?» Не понимаетъ меня дура этакая, ха-ха-ха! «Нѣтъ-съ, говоритъ, у нихъ все эта подагра ихняя...» Вхожу къ старику, вижу, что подагра уже къ горлу поднялась, но сердитъ попрежнему, и сейчасъ же меня началъ бранить, зачѣмъ я все смѣюсь. Да развѣ я виноватъ!.. Ха-ха-ха... Это значитъ, я вздоръ несу всегда—а?.. Такъ! Но погодите, я вамъ болѣе интересную новость скажу. Только выѣхалъ я отъ Потасова, вдругъ встрѣчаю вашего супруга — ха-ха-ха!.. «Здравія желаю, г. Агамемнонъ»,—кричу... Я его иначе и не зову теперь, какъ Агамемнонъ—царь царей, начальникъ всѣхъ начальниковъ. (Елизаветѣ Сергѣевнѣ) А съ нимъ и вашъ Ахиллесъ — неуязвимый; неуязвимый, говорятъ, человѣкъ. Одно только и есть мѣстечко, — въ пяткѣ, что ли, — которое теперь Потасовъ все ищетъ...

Ларисса Никаноровна (все время отъ нетерпѣнія пожимая плечами, восклицаетъ наконецъ). Къ чему вы все это говорите, скажите, Бога ради!.. Вы бы лучше разспросили больную вашу (показывая на Елизавету Сергѣевну), что такое съ ней!

Докторъ. Да развѣ она больная? Нисколько!.. Ха-ха-ха! И какъ вы говорите, зачѣмъ я говорю... Можетъ-быть, Елизаветѣ Сергѣевнѣ интересно, что я разсказываю, ха-ха-ха!

Елизавета Сергѣевна (замѣтно вспыхнувшая въ лицѣ). Мнѣ тутъ интересно одно: какое еще уязвимое мѣсто отыскиваетъ Потасовъ у Зерцалова? Онъ и безъ того ужъ много ихъ находитъ у него.

Докторъ. Не знаю-съ, не знаю-съ,—ха-ха-ха!—но только старый ворчунъ ищетъ, ищетъ!.. Ха-ха-ха! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Письма къ И. С. Тургеневу *).

I.

Москва, 3-го января 1875 г.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Давнымъ-давно я собираюсь къ вамъ написать, но все это время былъ занятъ хлопотами съ моей новой пьесой, которую назвалъ «Просвѣщенное время». Сначала ее запретила театральная цензура, вслѣдствіе чего я былъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ выхлопоталъ ей пропускъ, и теперь она, вѣроятно, пойдетъ въ Москвѣ 30 января. Напечатана она будетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ январской книжкѣ, и какъ только получу изъ типографіи отдѣльные оттиски, такъ сейчасъ же пришлю вамъ экземпляръ-чикъ на вашъ судъ и приговоръ.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ январской книжкѣ начнется печататься романъ графа Толстого Льва, за который онъ взялъ съ нихъ 20-ть тысячъ **). Въ чемъ собственно состоитъ этотъ романъ—я не знаю, но хвалятъ.

Въ Обществѣ любителей русской словесности, какъ я ни отбояривался, какъ ни приводилъ тысячи резоновъ, однако положили въ нынѣшнемъ январѣ праздновать мой 25-ній юбилей. Все это, разумѣется, на бѣдную, сѣдую голову, не чаявшую никакихъ себѣ чествованій, со стороны петербургской журналистики вызвало цѣлое море брани и оскорбленій, но отказаться не было возможности, потому что это значило обидѣть.

---

*) А. О. Писемскій имѣлъ обыкновеніе (по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы жизни) писать свои письма сначала начерно. Для этого имѣлись у него особые брульоны. Помѣщенныя здѣсь письма напечатаны съ двухъ такихъ брульоновъ, обнимающихъ періодъ съ 1875 г. до самой смерти автора «Тысячи душъ».

**) Романъ «Анна Каренина».

Весною я думаю пріѣхать въ Парижъ къ сыну, пробыть тамъ недѣли двѣ и потомъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Италію, въ которой я еще не бывалъ.

Желая вамъ всего хорошаго и пуще всего здоровья и прося васъ не оставлять вашимъ вниманіемъ и расположеніемъ моего сына, остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

P. S. Черкните о себѣ хоть строчки двѣ, и не написали ли вы чего-нибудь, и нѣтъ ли И. В. Анненкова въ Парижѣ.

II.

Поварская, Борисоглѣбскій пер., свой домъ.
19 сентября 1875 г.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Вотъ уже полтора мѣсяца почти, какъ я въ Москвѣ. Въ Берлинѣ пробылъ всего только двѣ недѣли, и мы изъ онаго вмѣстѣ съ П. В. Анненковымъ тронулись въ Питеръ, изъ котораго я черезъ день отбылъ въ Москву. Павелъ Васильевичъ *) проѣзжалъ черезъ Москву въ деревню и вотъ уже болѣе недѣли какъ проѣхалъ обратно за границу. Все свое длинное путешествіе совершалъ вполнѣ здоровымъ. Какъ-то ваше здоровье? Напишите о себѣ!

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю вамъ стихотворенія Алмазова, вамъ преподнесенныя. Напишите мнѣ, какъ они вамъ понравятся. Павелъ Васильевичъ отъ нѣкоторыхъ въ восторгѣ.

Я, кажется, писалъ вамъ, что, по письму вашему, я былъ у Юліана Шмидта **), но, по подлѣйшему моему невѣдѣнію иностранныхъ языковъ, бесѣда наша не могла быть очень одушевленна и продолжительна. Онъ мнѣ показался истымъ и немножко даже грубоватымъ нѣмцемъ!

Видѣлся также и съ Кейслеромъ ***), который мнѣ между прочимъ сказалъ, что было переведено, подъ именемъ «Das ausgewühlte Meer», «Взбаламученное море» и напечатано года три тому назадъ въ газетѣ «Post», но этой газеты я нигдѣ, даже въ Берлинѣ, найти не могъ ****).

---

*) Анненковъ, извѣстный критикъ, авторъ очерка о Писемскомъ.

**) Извѣстный нѣмецкій критикъ, написавшій о Писемскомъ цѣлую статью, помѣщенную въ его «Zeitgenossensche Bilder».

***) Докторъ Кейслеръ—нѣмецкій писатель, критикъ и переводчикъ, очень сочувственно относившійся къ Писемскому. Онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ «Тысяча душъ», «Мѣщане» и др.

****) Переводъ этотъ вышелъ впослѣдствіи отдѣльнымъ изданіемъ въ Берлинѣ у Янке.

Сынъ мой остался въ Берлинѣ и несказанно меня утѣшаетъ и своими письмами, и тѣмъ, что много занимается и работаетъ надъ диссертаціей.

Да хранитъ васъ Богъ. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

душевно преданный вамъ
Писемскій.

III.

Четвергъ, 29 января 1876 г.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Давнымъ-давно я собираюсь вамъ писать, но то недуги, то хлопоты препятствовали тому.

Прежде всего скажу вамъ, что сынъ мой возвратился уже изъ-за границы и теперь доканчиваетъ диссертацію объ акціонерныхъ компаніяхъ, которую, можетъ-быть, нынѣшнимъ лѣтомъ и защититъ.

Я самъ, несмотря на различныя хвори и страшнѣйшую ипохондрію, написалъ пьесу «Финансовый геній», которую и препровождаю къ вамъ въ двухъ экземплярахъ, изъ каковыхъ одинъ убѣдительнѣйше прошу переслать П. В. Анненкову, чего самъ не дѣлаю, потому что не знаю, гдѣ онъ пребываетъ, и напишите ему, пожалуйста, чтобы онъ хоть двумя строчками увѣдомилъ меня о своемъ мѣстожительствѣ. Пьеса моя напечатана въ маленькой газеткѣ, потому что «Русскій Вѣстникъ» не принялъ ее по негодности, и такимъ образомъ у меня связь прервалась и съ послѣднимъ толстымъ журналомъ, который меня печаталъ, и я отнынѣ остаюсь безъ пріюта среди многолюдной площади, именуемой «русская литература».

Пьеса между тѣмъ была уже поставлена на сцену въ Москвѣ и имѣла и имѣетъ большой успѣхъ. Нелѣпости спиритизма, продажная и глупая печать, фальшивыя телеграммы, безденежные векселя—видно, слишкомъ уже намерзли въ глазахъ публики, такъ что меня неоднократно и съ громкими рукоплесканіями вызываютъ и затѣмъ словесно благодарятъ, что я всѣхъ сихъ гадинъ хоть на сценѣ по крайней мѣрѣ казню, такъ какъ, къ сожалѣнію, прокурорскій надзоръ и судъ не до многихъ еще изъ нихъ находитъ юридически возможность добраться.

Да хранитъ васъ Богъ. Напишите отъ себя хоть нѣсколько словъ.

Дружески жму вашу руку
Писемскій.

*) «Газета Гатцука», № 76.

IV.

Безъ помѣты *).

Мой почтеннѣйшій и добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! Зная ваше доброе расположеніе ко всему нашему семейству, я не замедляю васъ увѣдомить, что сынъ мой, пройдя всѣ мытарства и преграды, получилъ наконецъ каѳедру «гражданскаго процесса» и уже прочелъ три лекціи. Сколько за все это время мы прожили волненій—сказать того не могу.

Масловъ, какъ-то встрѣтившись со мной, сказывалъ мнѣ, что вы кончили вашъ большой романъ, назвавъ его, кажется, «Новь» **). Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать прочесть его. Печататься онъ, вѣроятно, начнется въ январѣ. Дай Богъ ему полнаго успѣха.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, какъ и во всей, я думаю, Россіи, сильное уныніе: во-первыхъ, въ ожиданіи войны, потомъ забота воспитать дѣтей, безденежье—одни . . . . . ***) разнаго рода лживыя телеграммы. Къ довершенію этой картины, въ стѣнахъ московскаго окружнаго суда судится и разсматривается банковское дѣло Струсберга. Чѣмъ оно кончится, до сего часу нельзя опредѣлить.

Что касается лично до меня, то физически я здоровъ, но никакъ нельзя этого сказать про мою умственную и нравственную сторону: ипохондрія мучитъ меня невыносимѣйшимъ образомъ; не только что не могу писать, но даже отъ всякаго хоть сколько-нибудь умственнаго занятія чувствую полнѣйшее отвращеніе, такъ что написать настоящее письмо для меня сильный трудъ, который одолѣть я могъ не ранѣе, какъ въ три дня. Слава Богу, что все болѣе и болѣе раскрывающееся во мнѣ религіозное чувство еще даетъ нѣкоторое успокоеніе и подкрѣпленіе моей страдающей душѣ.

Гдѣ Павелъ Васильевичъ Анненковъ? Я рѣшительно не вѣдаю, гдѣ онъ живетъ—въ Баденѣ или въ Швейцаріи. Когда вы будете писать ему, черкните, чтобы онъ меня увѣдомилъ о своемъ адресѣ.

Касательно новостей литературныхъ, вы, вѣроятно, сами видите, что ихъ совсѣмъ нѣтъ; въ театральномъ мірѣ тоже,

*) Судя по порядку писемъ въ черновыхъ, это письмо писано въ серединѣ октября 1876 г.

**) Слова: «назвавъ его, кажется, «Новь» — въ черновой, написанной краснымъ карандашомъ, зачеркнуты затѣмъ чернымъ карандашомъ, несомнѣнно самимъ Писемскимъ.

***) Написано неразборчиво.

кромѣ развѣ, что въ Артистическій кружокъ приглашенъ провинціальный драматическій актеръ Писаревъ, молодой еще человѣкъ, обладающій прекрасною наружностью и довольно сильнымъ внутреннимъ огнемъ.

Будьте здоровы. Не забывайте душевно вамъ преданнаго

А. Писемскаго.

V.

19 апрѣля 1877 г.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Письмо мое, можетъ-быть, и не застанетъ васъ въ Парижѣ, такъ какъ есть слухи, что вы думаете пріѣхать въ Россію, но все-таки пишу вамъ и хочу поблагодарить васъ, что вы познакомили меня съ m-r Дюраномъ: вы рѣшительно радѣтель въ Европѣ нашей бѣдной и заспанной беллетристической литературы. Дюранъ *) мнѣ между прочимъ сказалъ, что вы думаете, что романъ вашъ «Новь» не имѣетъ въ Россіи успѣха. Невѣрно: васъ ввели въ заблужденіе статейки разныхъ газетъ; въ серьезной части публики онъ имѣетъ успѣхъ и ужъ, конечно, со временемъ получитъ и историческое значеніе. Правда, что на васъ сердятся и консерваторы, за то, что вы мало побранили грядущихъ назадъ юношей, и радикалы, недовольные тѣмъ, что вы мало похвалили сихъ юношей, забывая одно, что художникъ прежде всего долженъ быть объективенъ и безпристрастенъ и не обязанъ писать для услады какихъ-либо партій.

Что касается до меня, то я сильно прихварываю и работаю и оканчиваю романъ «Мѣщане».

Что творится въ политикѣ—вы сами это лучше насъ знаете, но вотъ вамъ вопросъ: московскую публику приводитъ въ восторгъ итальянскій актеръ Росси, играющій здѣсь съ своей трупной и растолковывающій намъ, дикарямъ, Шекспира. По недугамъ моимъ, я не ѣздилъ его смотрѣть, но наконецъ собрался и видѣлъ его въ «Королѣ Лирѣ». Признаюсь, впечатлѣніе мое далеко было не въ пользу сего артиста: онъ мнѣ показался актеромъ неумѣлымъ, безъ всякаго внутренняго огня, но съ большимъ стремленіемъ къ эффектаціи, доходящимъ иногда до балетныхъ пріемовъ. Сынъ мой Павелъ, впрочемъ, говоритъ, что это послѣднее свойство вовсе не Росси, и

*) Эмиль Дюранъ, извѣстный французскій литераторъ, знатокъ русскаго языка, пріѣхавшій въ Россію по порученію редакціи «Revue des deux Mondes», съ цѣлью составленія монографіи о выдающихся представителяхъ русской словесности. Дюрана направилъ къ Писемскому Тургеневъ.

что итальянцы вообще очень сильно жестикулируютъ. Росси, вѣроятно, былъ уже въ Парижѣ: напишите, пожалуйста, мнѣ— имѣлъ ли онъ тамъ серьезный успѣхъ *).

Да хранитъ васъ Богъ. Мои вамъ кланяются.

Вашъ Писемскій.

VI.

23 марта 1878 г.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Давно я собираюсь написать вамъ, но недуги мои все останавливали меня отъ того. Не помню—поблагодарилъ ли я васъ за переданный мнѣ черезъ Салаева экземпляръ «Нови», и въ возблагодареніе посылаю вамъ отдѣльный экземпляръ моего романа «Мѣщане».

Подъ какими тягостями и скорбями живемъ мы—я выразить не могу. Каждодневно и на каждомъ шагу только и приходится слышать: умеръ, умеръ и умеръ. Одинъ московскій университетъ потерялъ четырехъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ находится, можетъ-быть, знакомый вамъ Мильгаузенъ, одинъ изъ даровитыхъ и истинно-ученыхъ русскихъ людей. Онъ принадлежалъ къ плеядѣ Грановскаго.

Актеры тоже мрутъ и между прочимъ Шумскій, но зато процвѣтаютъ газетчики, всякаго рода подрядчики и поставщики, контористы.

У меня къ вамъ, милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, просьба: добудьте мнѣ и пришлите карточку настольную Флобера. Я уже успѣлъ собрать дѣятелей этой школы, а Флобера никакъ не могу достать.

Про себя мы ничего многаго не можемъ сказать. Сынъ мой предполагаетъ ѣхать за границу, если только курсъ нашъ будетъ имѣть хоть малѣйшую сносную стоимость. Мы же, вѣроятно, останемся въ городѣ, потому что: во-первыхъ, въ Москвѣ все-таки поближе къ почтѣ, а во-вторыхъ, и домишко оставить не на кого. . . . . .

. . . . . (Рукопись трудно разобрать) а мнѣ, по моему душевному настроенію, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Упадокъ силъ у меня такой, что я едва совладѣлъ, чтобъ написать это, кажись, недлинное письмецо.

Въ ожиданіи хоть коротенькой вѣсточки отъ васъ, остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

*) Тургеневъ письмомъ отъ 17 (5) мая отвѣтилъ на это: «Вашъ художническій инстинктъ и тутъ оказался непогрѣшительнымъ: это не что иное, какъ итальянскій Каратыгинъ, съ еще большей рисовкой и эффектаціей;

VII.

9 мая 1878 г.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше доброе письмецо. Очень скорблю я о постигшей васъ болѣзни, о которой, впрочемъ, я уже слышалъ отъ Бларамберъ. Самъ я тоже уподобляюсь вамъ и вотъ уже четвертую недѣлю лежу въ постели. Со мной случились удивительные переходы; одинъ юный докторъ вздумалъ мнѣ дать карлсбадской соли. Тщетно я увѣрялъ его, что слабительныя вредны, но онъ настоялъ, и я имѣлъ глупость послушаться его. Но послѣ двухъ-трехъ пріемовъ у меня началося поносъ, доходившій до 40 и 50 разъ послабленій въ день. Можете себѣ представить, до чего я, и безъ того слабый, ослабѣлъ, и ужъ ради сожалѣнія себя я вынужденъ былъ юному другу человѣчества отказать и обратиться къ прежнему своему доктору, старику-профессору Басову, который успокоилъ мнѣ желудокъ, уничтожилъ начавшіяся страшныя геморроидальныя боли, но въ то же время, вслѣдствіе, вѣроятно, ослабленія и отвратительной весны, которая у насъ стоитъ, меня настигъ мышечный ревматизмъ, который очень возможно, что перейдетъ въ сочленовный.

Касательно романа вы совершенно справедливо сказали: я дѣйствительно усталъ писать *), а еще болѣе того—жить, тѣмъ болѣе, что хоть, конечно, старость—не радость для всѣхъ, но у меня она особенно ужъ нехороша и исполнена такихъ мрачныхъ страданій, какихъ не желалъ бы я и злѣйшему врагу своему.

Въ концѣ этого мѣсяца сынъ уѣзжаетъ въ Парижъ на выставку и будетъ, конечно, у васъ.

Вы хоть, можетъ-быть, переѣхали въ Буживаль, но я письмо это адресую все-таки въ Парижъ.

Да возстановитъ Господь Богъ ваше здоровье. Пріѣхавши въ Москву, вы сейчасъ же дайте знать въ мой домъ. Всего вѣрнѣй, я останусь на лѣто въ городѣ.

Вашъ Писемскій.

жалко и больно было читать про всѣ овація, рѣчи, обѣды, стихи, слезы.. Вѣдь, кажется, и слезы были!—За одно его недозволительное уродованіе шекспировскаго текста — его бы слѣдовало осыпать градомъ гнилыхъ яблокъ...» (См. «Тридцать писемъ И. С. Тургенева къ А. О. Писемскому»—«Новь» 1885 г. т. XII, № 23).

*) Тургеневъ писалъ, что на «Мѣщанахъ» лежитъ «печать мастера, хотя и усталаго».

VIII.

1879 г. марта 31.

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Итакъ, къ намъ вы болѣе не возвратитесь, а это грустно: мнѣ всегда какъ-то легче дышится, когда вы бываете въ Москвѣ. Очень ужъ мы, здѣсь проживающіе писатели, пооплеваны разными газетными и общественными гадинами, а вы пріѣдете—и словно пооботрете и пообчистите насъ.

Но вотъ дѣло въ чемъ, голубчикъ: видѣлись ли вы съ М. Дерели, переводчикомъ моихъ романовъ? Если нѣтъ, то умоляю васъ повидаться съ нимъ и разрѣшить ему тѣ вопросы, которые онъ поставилъ мнѣ въ письмѣ своемъ касательно нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ «Взбаламученномъ морѣ». Адресъ Дерели нижеслѣдующій: rue Vaugirard, 26. Вы ему напишите коротенькое приглашеніе, и онъ, конечно, немедленно же явится къ вамъ, и о чемъ произойдетъ ваша бесѣда съ нимъ—я бы убѣдительно просилъ васъ увѣдомить меня.

Да ниспошлетъ вамъ Богъ здоровье и все лучшее. Дружески пожимаю вашу руку.

Писемскій.

IX.

Безъ помѣты *).

Мой дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Посылаю вамъ письмо Дерели, изъ котораго вы усмотрите, чего онъ не понимаетъ, а также и выписку тѣхъ двадцати строкъ, кои онъ совершенно уже не уразумѣлъ. Я съ своей стороны полагаю всего лучше совсѣмъ выкинуть это мѣсто, такъ какъ оно намекаетъ на весьма маленькое событіе, а именно на тотъ адресъ, который нѣкогда былъ посланъ здѣшнею думою въ Питеръ, гдѣ и былъ прихлопнутъ **). Хлопотать о томъ, чтобы все это выяснить въ французскомъ переводѣ, по-моему—трудъ лишній и безполезный. Но всѣ предыдущія мѣста вы поберегите и, съ извѣстной вашей добротой, переведите, Бога ради, и каковы они должны быть—увѣдомите.

Дачный адресъ мой вамъ извѣстенъ. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

---

*) Это письмо писано между 24 и 30 мая 1880 г.

**) Дерели переводилъ въ то время «Мѣщанъ» и былъ въ затрудненіи относительно вѣрной передачи во французскомъ переводѣ нѣкоторыхъ выраженій.

Письма къ П. В. Анненкову.

I.

Безъ числа, 1875 г.

Мой дорогой Павелъ Васильевичъ! — Дѣйствительно, всѣ мои литературные труды прошли подъ наблюденіемъ вашего дружескаго и эстетическаго ока!.. Спасибо вамъ за это и за вашъ привѣтъ, онъ дорогъ и цѣненъ для меня. Посылаю вамъ на вашъ судъ и разумѣніе экземплярчикъ моей пьесы [*]). Напишите мнѣ откровенно, какъ она вамъ покажется. 30 января она шла здѣсь, въ Москвѣ, на Маломъ театрѣ и имѣла очень большой успѣхъ. Не дѣлаю на экземплярчикѣ надписи, потому что на почтѣ съ надписью подъ бандеролью не принимаютъ. Въ концѣ марта я самъ, съ женою, разумѣется, думаю пріѣхать къ сыну въ Парижъ. Можетъ-быть, тамъ и съѣдемся въ одно время. Супругѣ вашей отъ насъ поклонъ, дѣтей перецѣлуйте. Дружески обнимаю васъ и остаюсь преданный вамъ

Писемскій.

II.

15 (27) февраля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Васильевичъ!

Не знаю, какъ и благодарить васъ за вашъ добрый отзывъ о моей пьесѣ [**]), и по поводу его вотъ какая у меня къ вамъ покорнѣйшая и убѣдительная просьба. Алмазовъ пишетъ мой автобіографическій очеркъ, я ему прочелъ вашъ отзывъ, и онъ желалъ бы помѣстить въ примѣчаніи это ваше мнѣніе о моихъ пьесахъ, съ наименованіемъ вашей фамиліи. Разрѣшаете ли вы сіе или нѣтъ? Если разрѣшаете, то я буду безконечно вамъ благодаренъ; если же почему-либо найдете это неудобнымъ для себя, то не стѣсняйтесь и откажите. Очеркъ этотъ будетъ помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» у Бартенева, который тоже желалъ бы сохранить это ваше мнѣніе объ азъ грѣшномъ, и еще мольба въ томъ, поспѣшите немедленно увѣдомить меня о вашемъ рѣшеніи, отъ котораго будетъ зависѣть выходъ книжки. Буду ждать съ истерпѣніемъ вашего отвѣта, глубоко преданный вамъ

Писемскій.

P. S. Вашей супругѣ кланяюсь.

---

*) «Просвѣщенное время».

**) «Просвѣщенное время».

III.

26 августа 1875 г.

Почтеннѣйшій Павелъ Васильевичъ!

Несказанно васъ благодарю за увѣдомленіе ваше о моемъ сынѣ *), а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ души радуюсь и поздравляю васъ съ благополучнымъ прибытіемъ вашимъ въ Берлинъ, откуда добраться до Бадена ужъ не далеко. Что касается до насъ, то жена здорова, а я окончательно дѣлаюсь мученикомъ моей ипохондріи, которая еще тѣмъ болѣе увеличивается, что все время погода здѣсь стоитъ невѣроятно дурная. Да хранитъ васъ Богъ, и желаю вамъ паче всего здоровья и скораго свиданья съ семьей. Остаюсь душевно и нелицемѣрно вамъ преданный

Писемскій.

P. S. Супругѣ вашей отъ меня и отъ женки просимъ передать низкій поклонъ.

IV.

9 февраля 1876 г

Мой дорогой Павелъ Васильевичъ!

Пишу это письмо къ вамъ на авось, адресуя его въ Баденъ poste-restante, такъ какъ точнаго адреса вашего я не знаю, о каковомъ и прошу васъ убѣдительно меня увѣдомить. Черезъ Тургенева я вчера послалъ вамъ экземпляръ моей новой пьесы, именуемой «Финансовый геній», которую, какъ вы увидите, я напечаталъ въ маленькой газеткѣ Гатцука вслѣдствіе того, что съ этой пьесой произошелъ странный случай. Я отправилъ ее въ «Русскій Вѣстникъ», какъ въ единственный журналъ, съ которымъ у меня сохранились нѣкоторыя отношенія, но—увы!—и тамъ, изъ разныхъ, какъ мнѣ говорили, юныхъ сотрудниковъ, образовалась враждебная мнѣ партія, которая порѣшила мнѣ возвратить рукопись за негодностью къ напечатанію; но почти одновременно съ этимъ пьеса была поставлена на Маломъ театрѣ въ Москвѣ. Публика осыпаетъ и актеровъ и меня аплодисментами. Выведенные въ пьесѣ: глупость продажнаго газетчика, фельетоны, телеграммы безденежныя, ложные векселя, — явленія, видно, слишкомъ знакомыя публикѣ, которая помимо аплодисментовъ благодаритъ меня и словесно за то, что я хоть на сценѣ по крайней мѣрѣ казню этихъ негодяевъ, до которыхъ суду еще долго не до-

*) Рѣчь идетъ о сынѣ Писемскаго, который готовился въ Геттингенѣ, по порученію московскаго университета, къ занятію мѣста адъюнкта и посѣщалъ Анненкова въ Дрезденѣ.

браться. Да хранитъ васъ Богъ. Поклонитесь отъ меня и отъ жены вашей супругѣ и перецѣлуйте дѣтей вашихъ. Буду ждать вашего письма.

Писемскій.

V.

5 апрѣля 1878 г.

Любезный другъ, Павелъ Васильевичъ!

Посылаю вамъ при семъ экземплярчикъ моего отдѣльно вышедшаго романа «Мѣщане». Самъ же я вотъ уже мѣсяцъ какъ лежу въ постели, окончательно сломленный моими недугами. У меня лихорадочный мышечный ревматизмъ, по временамъ совершенно затихающій, а по временамъ терзающій меня невыносимо. Сынъ здоровъ; онъ ѣдетъ въ концѣ мая за границу на Парижскую выставку.—Что внутри и внѣ у насъ происходитъ — вы это пока знаете изъ газетъ. Думаете ли вы нынѣшнимъ лѣтомъ побывать въ Россіи и въ Москвѣ? Хорошо бы это было, для меня по крайней мѣрѣ. Поклонитесь вашей супругѣ и поцѣлуйте вашихъ дѣтей.

Алексѣй Писемскій.

Письма къ друзьямъ и другимъ лицамъ.

Къ С. Н. ШЕВЫРЕВУ.

13 марта 1847 г. Галичъ.

Почтенный вашимъ милостивымъ вниманіемъ, осмѣливаюсь я представить вамъ мой небольшой разсказъ: «Нина» *) и покорнѣйше просить васъ напечатать его въ какомъ-нибудь журналѣ. Имѣя въ виду фельетонъ, я стѣснилъ въ развитіи и, конечно, не исчерпалъ всей задачи, а только въ намекахъ выразилъ мою мысль. Повѣсть мою: «Виновата ли она?»—я, сообразно съ вашими замѣчаніями, значительно измѣнилъ, а именно: смягчилъ и облагородилъ, по возможности, многія сцены; а главное, обратилъ вниманіе на характеръ Ваньковскаго (мужа моей героини) и, если можно такъ выразиться, очеловѣчилъ его: Ваньковскому не удастся уже произвести надъ женою слѣдствія, повредить Шамилову; ему противодѣйствуетъ князь. Онъ бѣсится, страдаетъ, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства дѣлается боленъ, и онъ уже жалокъ, хоть и ужасенъ. Повѣсть эту я не посылаю, потому что боюсь обезпокоить васъ, но все-таки осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою, представить вамъ ее въ непо-

*) Первое, появившееся въ печати, произведеніе Писемскаго. Появилось въ «Сынѣ Отечества» 1848 г. (кн. 7). *Прим. ред.*

средственное ваше распоряженіе. Мнѣ желалось бы этотъ разсказъ напечатать въ какомъ-нибудь петербургскомъ журналѣ, т.-е. въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ» или «Библіотекѣ для Чтенія»; послать прямо въ редакцію,—но имя мое неизвѣстно, очень естественно, что его даже не прочтутъ. Примите, Степанъ Петровичъ, по добротѣ вашей, участіе почти въ судьбѣ моей, за это наградитъ васъ Богъ, потому что я прошу васъ объ этомъ не столько какъ авторъ, сколько какъ человѣкъ: я пишу давно, пишу, маникируя моими практическими обязанностями, но труды мои были келейные и ни разу не вѣнчались успѣхомъ, и потому я еще не знаю, есть ли это мое истинное призваніе, хоть почти всѣмъ для этого жертвую. Съ такимъ-то важнымъ вопросомъ обращаюсь я къ вамъ,— ваше покровительство нѣкоторымъ образомъ разрѣшитъ его и ободритъ меня въ дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ. Матвѣй Григорьевичъ, которому вмѣстѣ съ симъ я пишу письмо, не откажется, по своему расположенію, увѣдомить меня о вашемъ позволеніи, прислать къ вамъ мою: «Виновата ли она?».

За симъ имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, вашъ покорнѣйшій слуга

А. Писемскій.

Къ А. В. НИКИТЕНКО.

I.

5 іюля 1855 г.

Пользуясь вашимъ обязательнымъ дозволеніемъ, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою заступиться за мой разсказъ: «Плотничья артель», который сегодня долженъ быть представленъ отъ Волкова (цензоръ) министру при рапортѣ. Рапортъ этотъ написанъ совершенно въ мою пользу, только, Бога ради, не задержали бы его. Разсказъ долженъ печататься въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Смѣю увѣрить, что разсказъ мой цензуренъ, а только придирчивость г. Фрейганга видитъ въ немъ мѣста, которыя будто бы противорѣчатъ правиламъ цензуры.

II.

25 ноября 1855 г. (?)

Пользуясь вашей добротой, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моей покорнѣйшей просьбой. Я слышалъ, что открывается нѣсколько цензорскихъ мѣстъ, и потому не имѣю ли возможности поступить туда и я. Состоя въ настоящее время безъ жалованья по министерству удѣловъ и живя въ Петербургѣ

однимъ литературнымъ трудомъ, я крайне нуждаюсь въ службѣ и до сихъ поръ не имѣю въ виду никакого мѣста. Объ участіи вашемъ по этому дѣлу я хотѣлъ васъ просить еще въ прошлый разъ у Тургенева, но посовѣстился, и теперь рѣшаюсь обратиться письменно. Министерству очень удобно сдѣлать цензоровъ изъ литераторовъ, предоставя, такъ сказать, цензурный судъ объ нихъ изъ среды же ихъ самихъ.

Если есть надежда на полученіе мнѣ этой должности, то, Бога ради, не оставьте меня совѣтомъ, какъ и что мнѣ дѣлать: итти ли мнѣ прямо къ министру, или къ товарищу министра, или просить кого-нибудь прежде? За полученіемъ отвѣта я сегодня лично бы явился къ вамъ, на вашу пятницу, но читаю свой романъ у Абрама Сергѣевича (Порова). Не обяжете ли меня письменнымъ отвѣтомъ, или, когда назначите, я самъ явлюсь.

Еще разъ прося извиненія, что утруждаю моей просьбой, пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга

Алексѣй Писемскій.

Адресъ мой. На Итальянской, близъ Лиговки, въ домѣ Износлова, Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому.

Къ И. А. ГОНЧАРОВУ.

I.

Многоуважаемый Иванъ Александровичъ.

Посылаю вамъ при семъ экземплярчикъ моей новой пьесы «Просвѣщенное время», уже сыгранной въ Москвѣ 30-го января на Маломъ театрѣ и принятой публикой весьма благосклонно, и при этомъ еще разъ хочу васъ поблагодарить за ваше дружеское вниманіе и расположеніе, которое, повѣрьте, буду цѣнить всю жизнь. Не дѣлаю на экземплярчикѣ надписи, потому съ ней въ почтамтѣ подъ бандеролью не принимаютъ. Дружески пожимаю вашу руку, остаюсь навсегда вамъ преданный

Писемскій.

II.

20 января 1875 г.

Многоуважаемый Иванъ Александровичъ. Не могу выразить вамъ всей моей благодарности за ваши привѣтствія, которыми вы почтили меня по случаю моего юбилея. Вы знаете, какъ я высоко цѣню ваши литературныя мнѣнія и какъ часто и много пользовался вашими эстетическими совѣтами и замѣчаніями. Но помимо этого вы были для меня спаситель и хранитель цензурный: вы пропустили 4-ю часть «Тысячи душъ» и получили за это выговоръ. Вы «Горькой судьбинѣ» дали

возможность увидѣть свѣтъ Божій въ томъ видѣ, въ какомъ она написана. Все это я буду помнить до конца дней моихъ, и для меня было бы самой большой радостью отпраздновать вашу высокохудожественную дѣятельность. Дружески жму вашу руку и еще разъ приношу мою благодарность за ваше привѣтствіе. Душевно и искренно васъ уважающій

Писемскій.

Къ Л. Н. МАЙКОВУ.

26 іюня 1878 г.

Почтеннѣйшій Леонидъ Николаевичъ!

Обращаюсь къ тебѣ съ ходатайствомъ объ одномъ авторѣ г-нѣ Шпажинскомъ, котораго пьеса «Майорша» была доставлена тебѣ черезъ Розенгейма (Мих. Павл., поэта) для представленія въ вашъ литературный театральный комитетъ. Ходатайство это будетъ, разумѣется, состоять въ томъ, чтобы вы не оставили пропустить къ постановкѣ на сцену, чего она вполнѣ заслуживаетъ, и сверхъ того поскорѣй бы пропустили, такъ какъ ее въ началѣ сезона предполагаютъ ставить на здѣшнюю сцену. Какъ-то вы поживаете на дачѣ, а мы съ женой въ городѣ, сынъ же нашъ во Франціи, на западномъ берегу ея въ деревушкѣ Росковъ купается въ морѣ. Прошу отъ меня и отъ жены поклониться Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ твоимъ домочадцамъ, а также еще разъ повторяю мою просьбу объ г-нѣ Шпажинскомъ, остаюсь душевно преданный

Писемскій.

Къ М. О. МИКѢШИНУ.

5 мая 1878 г.

Почтенный Михаилъ Осиповичъ!

Пишу къ вамъ съ одра моей болѣзни, на который меня окончательно уложили мои недуги, желая поздравить васъ съ успѣхомъ по случаю создаваемаго вами памятника Богдану Хмельницкому. Дай Богъ вамъ стяжать еще многократно такіе успѣхи. Остаюсь съ душевнымъ пожеланіемъ вашъ

Писемскій.

Къ С. В. МАКСИМОВУ.

14 октября 1878 г.

Любезный другъ Сергѣй Васильевичъ!

Спасибо тебѣ за портретъ и за письмецо. Очень сожалѣю о постигшей тебя болѣзни. Желудки, кишки сдѣлались въ настоящее время несчастіемъ всего человѣчества. Избытокъ ли нервныхъ умственныхъ трудовъ, выпавшихъ на долю большей

части людей, или остатки разжиженнаго холернаго яду въ атмосферѣ, причины тому Богу извѣстны!

Сынъ мой благополучнѣйшимъ образомъ возвратился изъ-за границы и теперь читаетъ лекціи въ университетѣ и пишетъ диссертацію на доктора. Жена здорова, а я все еще вожусь съ желудочнымъ катарромъ. Видѣлся недѣли двѣ тому назадъ съ Костомаровымъ, онъ былъ у меня и я у него. Онъ сильно постарѣлъ послѣ того, какъ я его видѣлъ въ Петербургѣ, и сильно жалуется. Новостей здѣсь никакихъ, а потому писать болѣе нечего. Поклонъ отъ меня и отъ жены твоей супругѣ.

Остаюсь съ душевнымъ желаніемъ вамъ всего хорошаго

Писемскій.

Къ А. А. КРАЕВСКОМУ.

I.

19 августа 1880 г.

Почтеннѣйшій Андрей Александровичъ!

Пользуясь нашимъ старымъ знакомствомъ и вашимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ, я хочу у васъ попросить совѣта по одному цензурному дѣлу. Видимо, что наступила цензурная оттепель, о многомъ говорятъ, о чемъ прежде пикнуть не смѣли; между тѣмъ на моихъ двухъ пьесахъ, напечатанныхъ, и именно трагедіи изъ временъ Бирона «Поручикъ Гладковъ» и на современной комедіи «Подкопы» *), которыя я читалъ когда-то у васъ, лежитъ цензурный запретъ касательно представленія ихъ на сценѣ. Поразспросите и поразузнайте, къ кому бы мнѣ обратиться съ ходатайствомъ объ разрѣшеніи сихъ двухъ пьесъ моихъ къ представленію на сценѣ. Съ театральными цензорами я весьма мало знакомъ, съ предсѣдателемъ Абазою совершенно незнакомъ; обратиться же прямо къ Лорисъ-Меликову, полагаю, неудобно, ибо утруждать министра по такому маленькому и спеціальному дѣлу, какъ мое, по меньшей мѣрѣ странно. Словомъ, въ Петербургѣ все это видѣне и, можетъ-быть, даже въ практикѣ установили нѣкоторый обмѣнъ для ходатайствъ о вытаскиваніи на свѣтъ Божій прихлопнутыхъ цензурою вещей. Вашимъ отвѣтомъ на мое письмо и совѣтами вашими по просимому моему дѣлу вы несказанно меня обязали бы. Напоминаю вамъ адресъ мой въ Москвѣ на Поварской въ Борисоглѣбскомъ пер. соб. домѣ. Затѣмъ, принося мое искреннее уваженіе къ вамъ, пожимаю вашу руку и остаюсь преданный вамъ

Писемскій.

*) Позднѣе переименована въ «Хищники». *Прим. ред.*

II.

8 сентября 1880 г.

Почтеннѣйшій Андрей Александровичъ!

Несказанно вамъ благодаренъ за вашъ совѣтъ мнѣ—обратиться прямо къ Николаю Саввичу Абазѣ *), который дѣйствительно принялъ меня весьма любезно и обѣщался сдѣлать все въ пользу пропуска моихъ пьесъ на сцену. Если онѣ будутъ пропущены, то тутъ для меня возникаетъ другой вопросъ, будутъ онѣ или нѣтъ поставлены на петербургской Императорской сценѣ. Дѣло въ томъ, что покойный Федоровъ за послѣдніе годы воспылалъ за что-то ненавистью ко мнѣ и воспретилъ актерамъ двѣ мои пьесы, пропущенныя цензурою и театральнымъ комитетомъ, «Просвѣщенное время» и «Финансовый геній», брать на бенефисы. Но нынѣ другой начальникъ репертуара, къ которому я въ случаѣ пропуска моихъ пьесъ: «Поручикъ Гладковъ» и «Подкопы», хочу обратиться съ письмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣваю: стоитъ ли это дѣлать, и поможетъ ли это постановкѣ моихъ пьесъ на петербургской сценѣ. Разрѣшите, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, мои сомнѣнія касательно того, какъ мнѣ тутъ поступить: вамъ театральный мірокъ, вѣроятно, вѣдомъ, и какъ вы мнѣ посовѣтуете, такъ я и сдѣлаю. Извините, что безпокою васъ моими дѣлишками, но видитъ Богъ, что кромѣ васъ мнѣ въ Петербургѣ рѣшительно не къ кому отнестись.

Остаюсь дружески пожимающій вашу руку, искренно васъ уважающій

Писемскій.

Письма къ Виктору Дерели **).

I.

24 апрѣля 1878 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

12 октября 1878 года за № 4 я отправилъ къ вамъ по почтѣ мои сочиненія съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы они доставили вамъ развлеченіе и занятіе.

Въ посылаемыхъ вамъ книгахъ нѣтъ экземпляра «Тысяча душъ». Романа этого нѣтъ у меня, и я не могъ его достать въ Москвѣ и написалъ уже въ Петербургѣ, надо добыть его гдѣ-нибудь тамъ для меня, и какъ получу экземплярчикъ, то немедленно же отправлю его къ вамъ. Весьма бы обязали

*) Тогдашній начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

**) Переводчикъ произведеній Писемскаго на французскій языкъ.

меня присылкою вашего портрета, но только, если возможно это, то кабинетный, а не карточку, и я бы помѣстилъ его на стѣнѣ моей кельи, посреди портретовъ моихъ учителей, друзей и людей, съ добрымъ вниманіемъ ко мнѣ относящихся. Не теряю также надежды получить отъ васъ хоть бы даже и коротенькій отзывъ о моихъ трудахъ. Вы такой опытный и въ суть дѣла проникающій цѣнитель.

Письмо это я пишу рукой жены, потому что собственная моя длань, пораженная ревматизмомъ, рѣшительно отказывается писать четко и разборчиво. Сынъ мой усердно вамъ кланяется, онъ теперь очень занятъ чтеніемъ лекцій въ университетѣ и писаніемъ диссертаціи на степень доктора.

Между прочимъ, онъ мнѣ говорилъ, что вы предполагаете или перевести что-нибудь изъ моихъ трудовъ, или написать статейку о нихъ, но во всякомъ случаѣ я былъ бы несказанно обязанъ и благодаренъ вамъ за это.

Въ заключеніе прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи, остаюсь

искренно преданный
Алексѣй Писемскій.

II.

2 ноября 1878 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Несмотря на физическіе, одолѣвающіе меня недуги, я не замедляю отвѣтить вамъ на ваше любезное письмо и прежде всего спѣшу вамъ высказать мое почти удивленье къ тому, до какой степени вы уже хорошо владѣете русскимъ языкомъ. Честь великая вашимъ лингвистическимъ способностямъ и вашему, что̀ еще важнѣе, столь высоко поставленному эстетическому образованію и вкусу.

Для насъ, русскихъ писателей, это тѣмъ болѣе поразительно, что въ нашей критикѣ, почти исключительно захваченной за послѣднія пятнадцать лѣтъ газетами, царитъ хаосъ, или, точнѣе сказать, безобразіе, такъ что масса публики, далеко не разборчивая, не читаетъ критическихъ статей и не вѣритъ имъ, потому что всѣ мнѣнія ихъ авторовъ или пошлы, или тенденціозны, или невѣжественны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, и продажны.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я посылаю вамъ тотъ томъ моихъ сочиненій, гдѣ помѣщенъ романъ «Тысяча душъ». Томъ этотъ я наконецъ успѣлъ добыть изъ Петербурга, и въ немъ, можетъ-быть, найдется повтореніе нѣкоторыхъ статей, которыя уже отправлены мною вамъ, но это не бѣда, по пословицѣ:

«лучше передѣлать, чѣмъ недодѣлать»! Я несказанно обрадованъ вашимъ извѣстіемъ, что вы предполагаете перевести мой романъ «Въ водоворотѣ», и когда онъ будетъ изданъ вами, то весьма бы обязали меня, если бы выслали экземпляръ вашего перевода.

Затѣмъ, прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи, имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Писемскій.

III.

10 декабря 1878 г.

М-г Дерели!

Я уже давно собираюсь написать вамъ и повторить мою просьбу касательно присылки мнѣ вашего портрета, чѣмъ вы несказанно и много меня обяжете. Начавшаяся уже у насъ зима нѣсколько облегчила мои недуги, что и дало мнѣ возможность приняться за мое дѣло, которое я уже предначерталъ себѣ давно, но принялся за него въ послѣднее только время; а именно: написать большой романъ подъ названіемъ «Масоны». Въ настоящее время ихъ нѣтъ въ Россіи ни одного, но въ моемъ еще дѣтствѣ и даже отрочествѣ я лично зналъ ихъ многихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были весьма близкими намъ родственниками. Но этого знакомства, конечно, было недостаточно, чтобы приняться за романъ. И такъ какъ въ настоящее время въ разныхъ нашихъ книгохранилищахъ стеклось множество матеріаловъ о русскихъ масонахъ, бывшихъ по преимуществу мартинистами, объ ихъ ритуалахъ, рѣчахъ, работахъ, сочиненіяхъ—то всѣмъ этимъ я теперь напитываюсь и насасываюсь, а вмѣстѣ съ тѣмъ хоть и медленно, но подвигаю и самый романъ мой. Но когда я его кончу и какъ выполню—покуда ничего еще не могу вѣдать.

Крайне бы обязали меня, если бы увѣдомили, что продолжаете ли вы, по добротѣ вашей ко мнѣ, знакомиться съ моими слабыми трудами, и какъ вы ихъ находите. Касательно вашего намѣренія перевести какую-нибудь изъ небольшихъ повѣстей моихъ, я могу указать, что удобнѣе другихъ для этого повѣсть «Бракъ по страсти» или разсказъ «Старческій грѣхъ».

Въ ожиданіи отъ васъ хоть коротенькаго письмеца, остаюсь съ полнымъ моимъ уваженіемъ

Писемскій.

P. S. Адресъ мой: Москва, Поварская, Борисоглѣбскій пер., собственный домъ.

IV.

25 января 1879 г.

Многоуважаемый г. Дерели!

Я къ вамъ такъ долго не писалъ, потому что все это время я сидѣлъ погруженный въ монхъ «Масонахъ»: я читалъ объ нихъ, выписывалъ изъ разныхъ документовъ объ нихъ и, наконецъ, сочинялъ самый романъ, котораго у меня уже написано шесть главъ. Свѣдѣнія мои по этой части теперь таковы, что я готовъ хоть сейчасъ быть посвященнымъ въ великіе мастера любой ложи. За ваше доброе предложеніе выслать мнѣ французскія сочиненія о масонахъ я приношу искреннюю мою благодарность, но этого рода сочиненій у насъ здѣсь по библіотекамъ великое множество; сверхъ того, по моему слабому знанію французскаго языка, я предпочитаю ихъ читать въ русскихъ переводахъ, которыхъ у насъ тоже очень много. И не совсѣмъ понятное для меня явленіе представляется при этомъ. Наши, собственно, масоны были мартинисты, такъ они и назывались этимъ именемъ, но съ вашими мартинистами разнились; и вотъ, сколько я могъ извлечь изъ чтенія разныхъ переписокъ между масонами, посланій ихнихъ, рѣчей, то разница эта состоитъ въ томъ, что къ масонскому мистическому ученію послѣдователей С.-Мартена они присоединяли еще ученіе и правила нашихъ аскетовъ, основателей иноческаго пустынножительства, и зато менѣе вдавались въ мистическую сторону. Касательно романа моего «Взбаламученное море» я прежде всего, конечно, долженъ поблагодарить васъ за вашъ лестный отзывъ объ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свое крайнее удовольствіе, если бы вздумали перевесть его, потому что въ немъ, какъ вы справедливо замѣтили, обширнѣе, чѣмъ въ монхъ прочихъ романахъ, изображена Россія 60 годовъ.

Что касается до тѣхъ трудностей, о которыхъ вы говорите въ послѣднемъ письмѣ вашемъ сыну моему, то я полагалъ бы, что ихъ легко устранить такимъ способомъ, чтобы вы на всѣ слова, наименованія, термины, цѣлыя тирады и даже цѣлыя страницы, указали мнѣ въ письмѣ вашемъ, именовывая только числа страницъ, на которыхъ они напечатаны, и я, съ своего ужъ экземпляра, съ помощью жены и сына перевелъ бы на французскій языкъ, не совсѣмъ, можетъ-быть, правильно, но во всякомъ случаѣ совершенно понятно для васъ, и который вы, по вашему усмотрѣнію, могли бы исправить, а нѣкоторыя мѣста даже и выкинуть... Предоставляя

это вашему благоусмотрѣнію и исполняя просьбу моего сына передать вамъ отъ него привѣтъ, я спѣшу также послать вамъ сегодняшнюю, весьма успокоительнаго свойства, офиціальную телеграмму о чумѣ, изъ которой вы усмотрите, что послѣднее время не было уже случаевъ заболѣваній, что̀ даетъ надежду, что дальнѣйшее распространеніе этой ужасной болѣзни остановится, тѣмъ болѣе, что со стороны нашего правительства принимаются самыя энергичныя мѣры: въ Астрахань посланъ особый генералъ-губернаторъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, съ большими полномочіями, а станицу Ветлянку, въ которой болѣзнь началась и изъ которой распространилась, предположено всю сжечь.

Затѣмъ, прося васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности, остаюсь покорнѣйшимъ слугою

Писемскій.

P. S. Посылаю вамъ небольшой свой разсказецъ, на-дняхъ только-что отпечатанный въ «Газетѣ Гатцука», который, конечно, не имѣетъ серьезнаго значенія, тѣмъ не менѣе, не пригодится ли онъ для того, чтобы его перевести для «Фигаро»—онъ смѣшонъ.

Разсказы такіе, по мѣрѣ воспоминаній изъ моей прошлой и довольно уже длинной жизни, я буду продолжать и ради чего озаглавилъ ихъ: «Уже отцвѣтшіе цвѣты».

Писемскій.

V.

3 марта 1879 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше, я прежде всего долженъ васъ предувѣдомить, что вмѣстѣ съ этимъ письмомъ моимъ вы, вѣроятно, также получите письмо и отъ Тургенева, котораго вы, конечно, по слухамъ знаете и который, будучи теперь здѣсь, по дружбѣ своей ко мнѣ, взялся разъяснить вамъ всѣ трудно понимаемыя для васъ слова въ «Взбаламученномъ морѣ», и это онъ, конечно, сдѣлаетъ лучше, чѣмъ кто-либо могъ сдѣлать. Сверхъ того, онъ поручилъ мнѣ предложить вамъ: когда вы при дальнѣйшемъ вашемъ чтеніи или переводѣ моихъ сочиненій будете встрѣчать какія бы то ни было затрудненія, прямо обращаться къ нему, и онъ съ великою охотой будетъ вамъ пояснять ихъ. Живетъ же онъ, какъ вы, конечно, знаете, въ Парижѣ, и вотъ его адресъ: Paris, 50, rue de Donai. Заставать его дома вамъ всего лучше будетъ по утрамъ. Въ Парижъ онъ, полагаю, вернется дней черезъ двадцать. Жду съ нетерпѣніемъ получить вашъ переводъ «Капитана Рухнева»,—и Тургеневъ, когда я ему передавалъ

объ этомъ, сказалъ, что можетъ статься, что въ дружественной ему газетѣ помѣстятъ и болѣе длинные переводы моихъ сочиненій. Словомъ, обо всемъ этомъ вы переговорите съ нимъ при личномъ свиданіи. Что касается до вашихъ писемъ, то, Бога ради, не утруждайте себя писать непремѣнно по-русски. Напротивъ, пишите мнѣ по-французски. Если я въ вашихъ письмахъ встрѣчу что-либо непонятное, то мнѣ жена или сынъ переведутъ все это съ буквальною точностью. Но мнѣ вы, съ своей стороны, позвольте продолжать писать къ вамъ по-русски, ибо по-французски я двухъ словъ не сумѣю написать.

Затѣмъ, прося извиненія, что, по случаю чувствуемыхъ мною ревматическихъ припадковъ, пишу къ вамъ рукою жены моей, остаюсь съ искреннимъ моимъ уваженіемъ

Писемскій.

VI.

31 марта 1879 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Занятый своими «Масонами», я нѣсколько замедлилъ поблагодарить васъ за присылку портрета вашего, который теперь уже виситъ у меня на стѣнѣ. Не знаю, видѣлись ли вы съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, и написалъ ли онъ вамъ отвѣты на сдѣланные вами вопросы, касательно выраженій въ моемъ «Взбаламученномъ морѣ», и если не успѣлъ еще того, такъ единственно потому, что охваченъ былъ съ головы до ногъ оваціями, которыя дѣлались ему въ Москвѣ и Петербургѣ; я же его болѣе уже не видѣлъ, такъ какъ онъ въ Москву не возвращался и прямо изъ Петербурга уѣхалъ въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ, я просилъ бы васъ побывать у него и смѣю завѣрить васъ, что онъ будетъ очень радъ васъ видѣть и снабдитъ васъ всякаго рода совѣтами въ отношеніи русскаго языка. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пишу также къ Тургеневу и прошу его о томъ же, т.-е. чтобы онъ повидался съ вами.

Затѣмъ, принося мое усердное почтеніе, остаюсь вашимъ покорнымъ слугою

Писемскій.

P. S. Повторяю вамъ адресъ Тургенева: Rue de Donai, 50.

VII.

29 ноября 1879 г.

М-г Дерели!

Я несказанно обрадовался вашему письму и уже давно собирался самъ вамъ написать, но не знаю, возвратились ли

вы въ Парижѣ, изъ котораго, вѣроятно, уѣзжали куда-нибудь на лѣто,—или нѣтъ. Что до меня касается, то я двѣ вещи совершаю: или пишу мой романъ, или хвораю, а иногда то и другое вмѣстѣ дѣлаю. Романа моего въ настоящее время мною написано три части и часть четвертой. Помѣщать я его начну съ января будущаго 1880 года въ еженедѣльномъ журналѣ «Огонекъ», въ которомъ «Масоны» появятся иллюстрированными. Журналъ этотъ я буду доставлять по мѣрѣ выхода съ моимъ романомъ. Благодарю васъ отъ души за вашъ переводъ «Капитана Рухнева» и весьма доволенъ, что онъ печатался въ «Телеграфѣ», который и буду ожидать съ нетерпѣніемъ: не знаю, какъ получу его черезъ ваше министерство иностранныхъ дѣлъ; но если это полученіе почему бы либо замедлилось, то я просилъ бы васъ выслать мнѣ «Телеграфъ» просто подъ бандеролью, тогда этотъ журналъ процензируютъ и послѣ пришлютъ мнѣ его на домъ. Съ милѣйшимъ Иваномъ Сергѣевичемъ я дѣйствительно давно не переписывался, но причиною тому то, что я весь былъ, какъ и до сего времени это продолжается, погруженъ въ свой романъ, и при томъ я все ожидалъ пріѣзда Ивана Сергѣевича въ Москву на лѣто и всю осень, и даже жду теперь, потому что меня увѣряли, будто бы въ ноябрѣ онъ непремѣнно долженъ быть въ Москвѣ. Если вы увидите его, то попросите, чтобы онъ написалъ, когда же онъ наконецъ пріѣдетъ къ намъ?

За симъ, еще разъ благодаря васъ за переводъ «Рухнева», остаюсь, дружески пожимая вамъ руку,

Писемскій.

P. S. Сынъ мой вамъ кланяется.

VIII.

20 декабря 1879 г.

M-r Derely.

Спѣшу отвѣтить на ваше письмо и прежде всего благодарю за ваше теплое участіе къ моимъ недугамъ, которые меня дѣйствительно, на склонѣ дней моихъ, сильно мучатъ. Что касается до высылки вамъ журнала «Огонекъ», въ которомъ будутъ помѣщаться мои «Масоны», то я уже поручилъ одному изъ корреспондентовъ этого журнала, чтобы онъ написалъ въ редакцію о высылкѣ вамъ сего журнала, и независимо отъ того, я вмѣстѣ съ тѣмъ пишу туда о томъ же, и если вы въ январѣ не получите «Огонька», то увѣдомьте меня, и я еще разъ ихъ прихлестну. Отъ души признателенъ вамъ за пророчество, что романъ выйдетъ хорошъ. Обычные мои судьи

и критики, которымъ я всегда читаю мои сочиненія до напечатанія ихъ, также отзываются объ немъ благосклонно; но встрѣтилъ ли его успѣхъ въ нашей русской публикѣ—это еще вопросъ, ибо она послѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлалась, если гораздо обширнѣе по числу, то настолько же глупѣе по пониманію; но, какъ бы то ни было, все въ рукѣ Божьей... И затѣмъ, принося вамъ отъ себя и отъ сына моего усердное почтеніе, остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

IX.

4 февраля 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Я получилъ отъ васъ романъ г. Доде—«Les Rois en exile» и письмо, и за все сіе приношу мою великую благодарность, сожалѣя только, что съ романомъ г. Доде я, вѣроятно, еще не скоро познакомлюсь, такъ какъ заваленъ работой: въ одно и то же время оканчиваю четвертую главу романа и просматриваю корректуры для «Огонька», также и корректуру для отдѣльнаго изданія. На все это я долженъ употребить по крайней мѣрѣ 12 часовъ въ сутки, что по моимъ старческимъ недугамъ мнѣ крайне тяжело, такъ что это письмо я пишу къ вамъ рукою жены, а у самого на столѣ лежатъ корректурные листы для пересмотра.

За участь Маропна не бойтесь. Онъ кончитъ жизнь, какъ слѣдуетъ искреннему христіанину и честному гражданину. Но вмѣстѣ съ нимъ умретъ и масонство: онъ былъ послѣдній изъ могикань. Затѣмъ, желая успѣха всѣмъ вашимъ начинаніямъ и дружески пожимая вашу руку, остаюсь

душевно преданный вамъ

Писемскій.

X.

2 марта 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Сейчасъ я получилъ отъ васъ письмо ваше отъ $\frac{\text{8 марта}}{\text{26 февраля}}$; меня крайне удивляетъ, что вы не получили моего письма отъ 4/16 февраля, въ которомъ я съ великою благодарностью увѣдомлялъ васъ о полученіи мною романа Доде, а равно и о томъ, что письмо ваше отъ $\frac{\text{10 февраля}}{\text{29 января}}$ мною получено, и куда могло дѣваться это письмо—не вѣдаю. Что же касается до 3 номера журнала «Телеграфъ», то я его не получилъ. Это письмо я уже отправляю рекомендованнымъ. Спѣшу поблаго-

дарить васъ за вашъ переводъ моего романа «Въ водоворотѣ» и съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать его полученія. Исправно ли вамъ высылаютъ «Огонекъ», и пробѣгаете ли вы мои̊хъ «Масоновъ»? — Очень интересно бы узнать ваше мнѣніе о первой части этого романа. Касательно перемѣнъ и сокращеній «Въ водоворотѣ», то я это совершенно предоставляю въ ваше распоряженіе, что̀ вы найдете за лучшее, такъ и поступайте. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я вамъ писалъ, что завалень по горло работой, ибо продолжаю писать мой романъ, котораго осталась всего одна пятая часть, потомъ просматриваю корректуру для «Огонька» и для отдѣльнаго изданія, потому извиняюсь, что пишу короткое къ вамъ письмо, а затѣмъ, пожимая вамъ дружески руку, остаюсь

душевно преданный вамъ

Писемскій.

XI.

16 (28) марта 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Начинаю мое письмо съ того, что передаю вамъ сотню поклоновъ отъ моего сына, который, каждый разъ, какъ я вамъ пишу, проситъ вамъ поклониться, а я, по своей старческой разсѣянности, забываю. Что̀ касается до высылки ко мнѣ номеровъ «Телеграфа», котораго я до сихъ поръ не получилъ еще ни единаго номера, то я по поводу этого сегодня ѣздилъ въ здѣшній главный почтамтъ, въ которомъ мнѣ сказали, что̀ всего удобнѣе устроить эту высылку такимъ образомъ, что, отрѣзавъ фельетонъ, гдѣ печатается переводъ моего романа, и накопивъ этихъ вырѣзокъ штукъ по двадцати, высылать ихъ подъ рекомендованной бандеролью (sous bandeolle recommandée). Вырѣзки эти въ почтамтѣ же подвергнутъ цензурѣ и пришлютъ мнѣ безъ всякой ужъ, конечно, помарки, такъ какъ романъ мой появлялся въ Россіи въ печати нѣсколько разъ. О «Масонахъ» же моихъ я могу сказать, что я уже пишу пятую часть и, будучи весьма утомленъ такимъ быстрымъ и весьма утомительнымъ по моимъ лѣтамъ трудомъ, радуюсь, что достигаю берега, хотя въ то же время не могу скрыть, что, если только не умру, то, пожалуй, и еще что-нибудь затѣю.

За вашъ лестный отзывъ о моей способности перепоситься въ отдаленныя эпохи я приношу, конечно, мою великую благодарность, и затѣмъ, при желаніи вамъ всякихъ благъ, остаюсь

Писемскій.

XII

31 марта (12 апрѣля) 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Третьяго-дня я получилъ письмо ваше, а вчера наконецъ доставили мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ фельетоны «Телеграфа», и вчера же въ ночь я пробѣжалъ начало вашего перевода, и долженъ сказать, что онъ безукоризненъ и даже превосходенъ, какъ по правильности и точности языка, такъ и по близости къ подлиннику. Я сличалъ и убѣдился, что сдѣланъ онъ почти слово въ слово. Спасибо вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая хоть чѣмъ-нибудь выразить вамъ мою благодарность, прошу у васъ позволенія выслать вамъ фотографическій снимокъ съ моего портрета, который теперь писанъ съ меня однимъ изъ лучшихъ русскихъ художниковъ для галлереи нѣкоего господина Третьякова. Галлерея котораго составляетъ нашу національную гордость, потому что вся она исключительно изъ работъ русскихъ художниковъ, первоклассныхъ по достоинству кисти. Снимаемый съ меня портретъ выходитъ до того похожимъ, что какъ бы болѣе похожъ на меня, чѣмъ я самъ на себя, — до того удачно художникъ сумѣлъ выбрать болѣе свойственное мнѣ выраженіе. Что касается до вашего намѣренія пустить къ «Въ водоворотѣ» примѣчанія, то я съ своей стороны нахожу это полезнымъ и весьма буду благодаренъ вамъ за нихъ. Затѣмъ, дружески пожимаю вашу руку, остаюсь

глубоко васъ уважающій

Писемскій.

XIII.

20 апрѣля 1880 г.

Многоуважаемый г. Дерели!

Я позамедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо, потому что я поджидалъ получить «Телеграфъ», который вчера и принесли мнѣ, но прочесть изъ него ничего не успѣлъ, такъ какъ у меня сидѣлъ цѣлый вечеръ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, только-что пріѣхавшій изъ Петербурга въ Москву. Вѣроятно, переводъ вашъ и въ этихъ номерахъ такъ же безукоризненно хорошъ, какъ и въ предыдущихъ. «Масоновъ» можетъ мнѣ осталось написать немного, чему я искренно радуюсь, ибо работа эта, особенно при содѣйствіи нашей, ужасной по непостоянству, весны, меня сильно стала утомлять. Мы теперь готовимся къ великому торжеству: 26 мая будетъ открытъ въ

Москвѣ памятникъ нашему безсмертному Пушкину. Памятникъ этотъ хоть и не очень затѣйливъ и великолѣпенъ, но зато изъ-подъ рѣзца художника вышелъ весьма изященъ; особенно хорошо то, что во всей фигурѣ поэта, стоящаго на ногахъ, чувствуется какъ бы движеніе, онъ на пьедесталѣ своемъ не окаменѣлъ, а какъ бы двинуться хочетъ.

Къ великому огорченію моему, я, по моимъ недугамъ, не могу принять особенно энергичнаго участія въ смыслѣ внѣшнихъ распоряженій по торжеству, но во всякомъ случаѣ приду на оное торжество и съ сердцемъ исполненнымъ радости и благоговѣнія преклонюсь передъ статуей моего великаго учителя, произведеніями котораго я еще въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ питался какъ манной небесной.

Письмо это я пишу въ самый Христовъ день, который, вѣроятно, давно уже прошелъ у васъ, но съ которымъ я все-таки васъ поздравляю и остаюсь искренно уважающій и преданный вамъ

Писемскій.

P. S. Напишите, пожалуйста, мнѣ ваше откровенное мнѣніе о романѣ Золя «Нана». По случаю этого романа въ нашей публикѣ происходитъ что-то странное. Но большей части всѣ бранятъ его, но всѣ съ любопытствомъ читаютъ.

XIV.

3 (15) марта 1880 года

Отправивъ поутру къ вамъ письмо, почтеннѣйшій господинъ Дерепи, я вечеромъ прочелъ 3 номеръ «Телеграфа», и, касательно анализа романа моего «Взбаламученное море», долженъ сказать, что тутъ вкралась ошибка. Въ анализѣ этомъ говорится, что Сабакѣевъ изъ раскольниковъ, но это несправедливо: Сабакѣевъ происходитъ изъ семьи славянофиловъ, а сіи послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ раскольниками, которые всѣ состоятъ изъ простолюдиновъ, представляющихъ собой исключительно движеніе религіозное; славянофилы же всѣ преимущественно изъ дворянъ, еще зажиточныхъ, которые собственно народа нашего не знаютъ, равно и народъ тоже ихъ не знаетъ: славянофильство наше измышлено въ подражаніе стремленію нѣмцевъ къ объединенію Германіи. Славянофилы также мечтаютъ слить всѣ славянскія племена воедино, что по-моему утопія, такъ какъ это только ограничивается съ нашей стороны религіозно-лингвистическимъ сентиментальничаньемъ, а со стороны братьевъ славянъ—довольно

сомнительною любовью недостаточныхъ людей къ богатому родственнику. Благодарю васъ еще разъ за вашъ прекрасный, въ чемъ впередъ увѣренъ, переводъ моего романа.

Писемскій.

XV.

6 мая 1880 года.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Спѣшу отвѣчать на ваше любезное письмо и прежде всего приношу вамъ благодарность за ваше намѣреніе перевести моихъ «Мѣщанъ». Что̀ касается до встрѣчаемыхъ вами затрудненій при переводѣ, то не найдете ли вы возможнымъ прислать мнѣ краткую выписку не вполнѣ понятныхъ для васъ мѣстъ, и я, можетъ-быть, какъ-нибудь успѣлъ бы облегчить для васъ переводъ ихъ. О романѣ «Сфинксъ» я узналъ, что авторъ его—г-жа Дубровина, и напечатанъ онъ былъ въ 10, 11, 12 №№ журнала «Дѣло» за 1877 годъ. Отдѣльнаго же изданія этого романа, какъ говорятъ, не было. На открытіи памятника Пушкину я, при всѣхъ моихъ недугахъ, разумѣется, буду и даже прочту маленькую статейку объ немъ, какъ объ историческомъ романистѣ въ прозѣ, т.-е., собственно говоря—объ его «Капитанской дочкѣ».

Тургеневъ былъ въ Москвѣ, уѣхалъ теперь въ деревню и скоро опять къ намъ вернется. Онъ бодръ и свѣжъ, какимъ я давно его не видалъ.

Затѣмъ, съ искреннимъ уваженіемъ пожимая вашу руку, остаюсь вамъ преданный

Писемскій.

XVI.

12 мая 1880 года.

Почтеннѣйшій господинъ Дерели!

Въ дополненіе къ сегодняшнему письму моему пишу еще посланіе къ вамъ: сейчасъ только получилъ я извѣстіе, что къ вамъ послано отъ «Общества любителей русской словесности» письмо съ просьбою пріѣхать и участвовать въ нашемъ торжествѣ, что̀ во мнѣ еще болѣе укрѣпляетъ надежду на свиданіе съ вами, и если такое, къ великой радости моей, состоится, то я убѣдительно прошу васъ нигдѣ не останавливаться, какъ у меня, и хоть я, вѣроятно, буду уже на дачѣ, но это все равно. Я прошу васъ пожить и на дачѣ у меня въ совершенно особенномъ отдѣленіи моего сына, и вы въ этомъ случаѣ поступите такъ. Прибывъ въ Москву, навѣдайтесь первоначально въ моемъ домѣ на Поварской, въ Борисо-

глѣбскомъ переулкѣ, и если вамъ скажутъ, что я уже на дачѣ, то вы съ вашимъ багажомъ поѣзжайте ко мнѣ на дачу, которая находится въ весьма недалекомъ разстояніи отъ Москвы, а именно въ Петровскомъ паркѣ, на Старой Башиловкѣ, на дачѣ актера Садовскаго, гдѣ я и встрѣчу васъ съ распростертыми объятіями. Дача моя, какъ я сказалъ, находится весьма близко отъ Москвы и не болѣе какъ въ двадцати минутахъ ѣзды отъ города. Кромѣ того изъ парка безпрерывно ходятъ въ Москву дилижансы конно-желѣзной дороги. Итакъ, пока до свиданія, на которое я крѣпко разсчитываю.

Душевно вамъ преданный

Писемскій.

P. S. Письма ваши впредь до увѣдомленія отъ меня прошу васъ адрессовать попрежнему въ домъ мой.

XVII.

15 мая 1880 года.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Я переѣхалъ уже на дачу и потому прошу ваши письма и бандероль адрессовать мнѣ по нижеслѣдующему адресу: въ Москву, въ Петровскій паркъ, на Башиловку, на дачу артиста Садовскаго.

Затѣмъ, питая себя пріятной надеждой увидаться лично съ вами, остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

XVIII.

19 іюня 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Романъ Золя я получилъ, равно какъ и два нумера «Телеграфа», за что и приношу вамъ мою великую благодарность. Что касается до моего романа «Въ водоворотѣ», то мною получены ваши переводы до фельетона 10 іюня 1880 года, въ коемъ напечатаны 2 главы 3-й части, оканчивающихся фразой: mais suffisante pour aller attendre à Pétersbourg; буду съ нетерпѣніемъ ждать получить и остальное. На предложеніе г. Езерскаго доставлять ему корреспонденціи, я, къ сожалѣнію, долженъ объяснить нижеслѣдующее. Во-первыхъ, я прежде ни въ одну изъ газетъ не писалъ корреспонденцій, и всѣ, какія у меня были накоплены мысли политическаго, нравственнаго и умственнаго содержанія, всѣ ихъ я выражалъ исключительно въ моихъ романахъ. Кромѣ того въ на-

стоящее время я по образу моей жизни — которую я веду, благодаря моимъ недугамъ — не могу взяться за такого рода дѣло. Читаю я, по слабости моего здоровья, весьма мало, никакихъ общественныхъ и увеселительныхъ сборищъ не посѣщаю, потому что таковыя на меня производятъ одуряющее впечатлѣніе и доводятъ почти до обморока; видаюсь у себя дома тоже съ весьма малымъ числомъ друзей... Согласитесь, что при такихъ данныхъ я не могу быть подробнымъ, интереснымъ и добросовѣстнымъ корреспондентомъ, не говоря уже о томъ, что послѣ такого большого романа, какъ мои «Масоны», мнѣ необходимъ отдыхъ полный, совершенный.

Затѣмъ, искренно желая вамъ преодолѣть трудности «Мѣщанъ», въ чемъ—еще разъ повторяю—Тургеневъ готовъ оказать всевозможную помощь, остаюсь

искренно уважающій васъ

Писемскій.

XIX.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Я позамедлилъ вамъ писать, занятый хлопотами, которыя все-таки возникли для меня по случаю открытія памятника Пушкину, которое наконецъ совершилось 6-го іюня. Печатныя описанія всѣхъ нашихъ торжествъ я буду высылать вамъ подъ бандеролью, когда ихъ накопится порядочное количество. Теперь же пока перехожу къ нашему дѣлу касательно «Мѣщанъ». Фразу: *что желаете получить лавки*, можно перевести такъ: que vous desirez avoir les boutiques (magasins) qui lui appartiennent: фраза: *гнетъ дуги — не паритъ, сломаетъ — не тужитъ*, приблизительно значитъ слѣдующее: il ploie la poudre sans la cuire à la vapeur et s'il la brise, ne regrette pas; слова: *неотсталое—замѣть* mais non ce qui est arrière, faites attention. Для объясненія вамъ выраженія: *о, я тебѣ скажу, у насъ вездѣ матери Митрофаніи*, нужно вамъ сказать, что въ послѣднія двадцать лѣтъ правительствомъ нашимъ утверждено и разрѣшено множество общественныхъ учрежденій и управленій: такъ, напримѣръ, дозволено множество акціонерныхъ обществъ, дано самоуправленіе городскимъ думамъ и всѣмъ земскимъ управленіямъ; щедрой рукой также разрѣшались и благотворительныя заведенія, и, къ стыду нашему, мы должны сознаться, что всѣ эти вновь возникшія учрежденія обнаружили въ членахъ своихъ великую наклонность и способность мошенничать и воровать, чему яркимъ экземпляромъ явилась, между прочимъ, нѣкая

игуменья, мать Митрофанія, устроившая на сборъ пожертвованій общину для сестеръ милосердія; но такъ какъ этихъ пожертвованій на ея затѣи по устройству общины, а еще болѣе того на расходы по собственной жизни, оказалось недостаточно, то она первоначально стала прибѣгать къ займамъ, но и этого однако было мало, и мать игуменья принялась выпускать фальшивые векселя на имена разныхъ капиталистовъ, въ каковой дѣятельности своей она была наконецъ поймана, судима и сослана нынѣ. Почти одновременно съ этимъ и другія общественныя учрежденія начали продѣлывать штуки, пожалуй, почище матери Митрофаніи, а потому они и заслужили себѣ прозвище: *мать Митрофанія 2-го нумера, мать Митрофанія 3-го нумера*, и т. д.

Во всякомъ случаѣ, почтеннѣйшій г-нъ Дерели, обо всѣхъ этихъ переводахъ, а равно и объ исключеніи я просилъ бы васъ поговорить съ Тургеневымъ, который черезъ двѣ недѣли будетъ въ своемъ Буживалѣ и обѣщалъ мнѣ дать вамъ объясненіе по поводу всѣхъ недоразумѣній, какія бы вы ни встрѣчали въ романахъ, а затѣмъ прощайте — сейчасъ буду читать свою статейку въ «Обществѣ любителей русской словесности».

Искренно уважающій васъ Писемскій.

P. S. Сейчасъ только получилъ 3-ю серію вашихъ переводовъ моего романа «Въ водоворотѣ».

XX.

23 іюня 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Спѣшу вамъ хоть коротенько отвѣтить на ваше письмо отъ (26) 14 іюня. Очень радъ, что мои растолкованія оказались для васъ удовлетворительными, и покорнѣйше прошу васъ на будущее время спрашивать меня обо всемъ, что только вы найдете нужнымъ. Я черезъ день же буду отвѣчать на всѣ ваши запросы. Фельетоны съ переводомъ «Въ водоворотѣ» я аккуратно получилъ и ошибся, написавъ вамъ, что получилъ три серіи: оказывается, что я получилъ ихъ четыре.

Желая вамъ всего лучшаго, остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемскій.

XXI.

30 іюня 1880 г.

Почтеннѣйшій г. Дерели!

Посылаю вамъ отвѣты на ваши вопросы, и если бы они показались вамъ не полны, то потрудитесь еще разъ спро-

снять меня, и намъ удастся, можетъ-быть, еще подробнѣе разъяснить вамъ.

Затруднявшее васъ мѣсто совершенно правильно переведено, только для большаго разъясненія могу прибавить: до сихъ поръ еще у насъ жидовъ очень презираютъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ наши офицеры весьма часто ловили жидовъ за шиворотъ, вскакивали имъ на плечи и заставляли перевозить себя черезъ улицу.

Что касается 3-й части вопроса, то долженъ сказать, что намѣреніе Грохова состояло въ томъ, чтобы взыскать по дешево-купленнымъ векселямъ съ имѣнія Олуховыхъ, а потомъ, чтобы поживиться и на конкурсѣ, которые когда у насъ устраиваются, то отъ него пользы никакой не бываетъ ни кредиторамъ ни должнику, а только воруютъ себѣ въ карманъ члены конкурса.

Затѣмъ дружески жму вашу руку и остаюсь

уважающій васъ Писемскій.

ХУДОЖНИКЪ И ПРОСТОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ).

Очеркъ П. В. Анненкова.

I.

Зиму 1849—50 г. мнѣ пришлось прожить въ одномъ изъ губернскихъ городовъ нашего Поволжья. Время было довольно неопредѣленное. Только-что прогремѣла революція 1848 г. въ Парижѣ, подымая за собой народныя массы въ большей части европейскихъ столицъ — въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и друг. и неожиданно обнаруживая, какъ много существовало въ нихъ, подъ покровомъ обманчивой тишины и внѣшняго благочинія, недовольства порядками жизни и политическихъ страстей. Ничего подобнаго у насъ не встрѣчалось. Наша тишина была неподдѣльная, испытанная. Начиная съ богатѣйшаго земельнаго собственника и черезъ весь рядъ имущаго и зауряднаго чиновничества до послѣдняго торгаша на улицѣ, всѣ въ одинъ голосъ гордились и радовались тому, что политическія бури и ураганы никогда не досягаютъ и никогда не достигнутъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, нашихъ предѣловъ. Нашлись однакоже мудрецы, которымъ было мало этого. Относя спокойствіе государства и общества къ дѣйствію одного крѣпостного права, которое они поэтому и возвели въ непререкаемый догматъ русской жизни, мудрецы еще думали, что къ выраженіямъ народнаго патріотическаго настроенія должно относиться дружелюбно, но дѣйствовать такъ, какъ будто его вовсе и не оказывалось. Вѣдь нельзя же, говорили они, полагать, что волны европейскихъ событій никогда не докатятся до насъ и не подроютъ гдѣ-нибудь втихомолку основъ, на которыхъ основана наша жизнь. Правильно понятый патріотизмъ—искать такихъ опасныхъ подземныхъ теченій и благодарить тѣхъ, которые ихъ открываютъ.

Результаты теорій извѣстны. Кромѣ всего прочаго, явились подозрительныя отношенія къ наукѣ, враждебное настроеніе противъ утопи-

стовъ, идеалистовъ, ученыхъ, расплодившихся безъ мѣры и безъ вѣдома правительства подъ сѣнію университетовъ. Цензура печати наравнѣ съ цензурой нравовъ и убѣжденій отданы были на произволъ всѣмъ „вѣдомствамъ“ и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя обнаружили бы къ ней охоту и способности.

Такъ продолжалось до конца крымской кампаніи, когда возникло движеніе, возвѣстившее наступленіе новаго общественнаго періода. Въ этотъ грозный промежутокъ времени замолкли и такъ называемые дѣятели сороковыхъ годовъ. Почти всѣ они состояли еще налицо и находились въ цвѣтущей порѣ силъ: но у нихъ отобраны были, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, ихъ научныя основы, и предложено замѣнить ихъ покамѣстъ другими, исправленными согласно требованіямъ эпохи. Образовалась умственная пустота въ общественной жизни, прерываемая обычнымъ появленіемъ журналовъ, со страницъ которыхъ несся какой-то смутный говоръ, рядъ мнѣній и положеній, словно переряженныхъ или нарочно искалѣченныхъ для того, чтобы они не походили на дѣльныя мнѣнія и положенія и не могли ввести читателей въ искушеніе остановиться на нихъ и посвятить имъ свое вниманіе.

Въ эту нору перерыва умственной жизни общества послышались голоса изъ органа М. П. Погодина и славянофиловъ, „Москвитянина“, которые, при господствовавшемъ молчаніи, показались знаменіемъ времени, какъ бы указывавшимъ на скорое появленіе новыхъ силъ и литературныхъ задачъ. Вокругъ журнала, и, кажется, безъ особенныхъ стараній редактора, образовалась группа молодыхъ писателей, имѣвшая своихъ критиковъ, этнографовъ, философовъ, беллетристовъ и драматурговъ, которую петербургскіе ихъ собраты приняли сперва сначала за отрожденіе славянофильства, благодаря тому, что группа выказывала если не враждебность, то полное равнодушіе къ предшествующей публицистической дѣятельности западнаго кружка и искала другихъ основъ для развитія, чѣмъ онъ. Писатели, составлявшіе группу, обратились за источниками художественныхъ вдохновеній и за устроеніемъ своего созерцанія къ вѣрованіямъ и бытовымъ привычкамъ народныхъ массъ. Немудрено, что эти новые народолюбцы подали поводъ къ недоразумѣніямъ; дороги, ими открываемыя, близко или около тропинокъ, пробитыхъ прежде того славянофилами. Смѣшать ихъ съ послѣдними было очень легко по общности вопросовъ, затрагиваемыхъ обоими, но существовала большая разница въ ихъ способахъ понимать народную культуру и относиться къ ней. Члены новаго кружка, почти всѣ безъ исключенія, обладали значительнымъ критическимъ чутьемъ, и это помогло имъ различать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни, хотя бы и выросшихъ вѣками и носящихъ на себѣ печать самой почтенной древности. Исконные славянофилы постоянно избѣгали всѣхъ такихъ разоблаченій. Другое отличіе школы отъ ея первообразовъ заключалось въ убѣжденіи, что указанія западной науки должны еще способ-

ствовать къ очищенію и къ укрѣпленію русской народности на ея родной почвѣ,—положеніе, неохотно допускаемое коренными славянофилами, которые видѣли въ немъ признакъ скрытаго отщепенства. Объ партіи связывались только однимъ общимъ чувствомъ нерасположенія къ отрицанію важности народнаго быта, къ абстрактному философствованію въ области критики и публицистики, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, отличался весь прошлый петербургскій литературный періодъ. Но и тутъ существовали еще между ними значительные оттѣнки въ мнѣніяхъ. Тамъ озлобленныя выходки тогдашняго „Москвитянина“ противъ петербургскихъ либераловъ, которыхъ уже вовсе не было, далеко не выражали всѣхъ взглядовъ и убѣжденій молодыхъ сотрудниковъ журнала; но редакторъ, кажется, съ ними никогда и не справлялся для подобныхъ заявленій. Какъ бы то ни было, московскій кружокъ новыхъ дѣятелей составлялъ замѣчательное явленіе даже и по количеству весьма талантливыхъ людей, къ нему пристроившихся. Онъ числилъ въ своихъ рядахъ, между другими менѣе извѣстными именами, еще А. Григорьева, Т. Филиппова, Эдельсона*). Алмазова**), А. Потѣхина, наконецъ А. Н. Островскаго и А. Ѳ. Писемскаго. На послѣднемъ мы и остановимся.

Хорошо помню впечатлѣніе, произведенное на меня, въ глуши провинціальнаго города,—который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей, — первыми разсказами Писемскаго „Тюфякъ“ (1850) и „Бракъ по страсти“ (1851), въ „Москвитянинѣ“. Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и при томъ безъ претензіи на какой-либо скоропѣлый выводъ изъ уморительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выводимыхъ. Тутъ била прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ-либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали всѣ нелѣпые ихъ герои, въ средѣ безсмысліцъ и невѣроятной распущенности. Смѣхъ, вызываемый разсказами Писемскаго, не походилъ на смѣхъ, возбуждаемый произведеніями Гоголя, хотя, какъ видно изъ автобіографіи нашего автора, именно отъ Гоголя и отродился. Смѣхъ Писемскаго ни на что не намекалъ, кромѣ забавной нелѣпости выводимыхъ субъектовъ, и чувствовать въ немъ что-либо похожее на „затаенныя слезы“—не представлялось никакой возможности. Наоборотъ, это была веселость, такъ сказать, чисто-физіологическаго свойства, т.-е. самая рѣдкая у новѣйшихъ писателей, та, которой отли-

*) Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ, небезызвѣстный критикъ-эстетикъ (†).

**) Борисъ Николаевичъ Алмазовъ, даровитый поэтъ, авторъ сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній, подписанныхъ псевдонимомъ *Діамантовъ* (†). *Примѣч. ред.*

чаются, напримѣръ, древнія комедіи рявлянъ, средневѣковые фарсы и наши простонародныя передѣлки разныхъ площадныхъ шутокъ.

Нѣкоторые изъ мыслящихъ людей эпохи долго даже и не могли примириться съ этой веселостью; имъ все казалось, что восторги передъ голымъ комизмомъ изображеній однородны съ восторгами толпы на площади, когда ей показываютъ балаганнаго Петрушку, съ горбомъ на спинѣ и другими физическими уродливостями. Такъ, весьма требовательный и весьма зоркій литературный критикъ, В. П. Боткинъ, говорилъ еще нѣсколько позднѣе, что онъ не можетъ сочувствовать писателю, который, при несомнѣнномъ талантѣ, не обнаруживаетъ никакихъ принциповъ и не кладетъ никакой мысли въ основу своихъ произведеній. Вскорѣ однакожъ упреки эти умолкли и уступили мѣсто другимъ, противоположнаго характера. Писемскій нажилъ себѣ-таки въ Петербургѣ *тенденцію;* а строгій его цѣнитель пришелъ въ недоумѣніе, когда наступило у насъ полное господство *обличительной* литературы, породившее множество произведеній весьма грубаго облика, хотя и задуманныхъ иногда съ очень благонамѣренными цѣлями и задачами.

Когда я вернулся въ Петербургъ въ концѣ 1851 г., тамъ уже говорили о томъ, что Писемскій пріобрѣтенъ редакціями петербургскихъ журналовъ въ участники и сотрудники. Это было только наполовину правда, но все-таки составляло интересную новинку. Въ то время всеобщаго затишья и отсутствія общественныхъ интересовъ, всякая мелочь и рябь на поверхности литературы обращали на себя вниманіе. Писемскій давно уже питалъ намѣреніе бросить службу, на которой состоялъ въ Костромѣ—асессоромъ губернскаго правленія. Успѣхъ его разсказовъ заставилъ его подумать о болѣе широкой аренѣ дѣятельности и о переселеніи въ которую-либо изъ нашихъ столицъ. Всѣ симпатіи его были на сторонѣ Москвы, гдѣ началась его литературная карьера и гдѣ онъ имѣлъ много друзей, но практическій его умъ подсказалъ ему мысль, что въ Москвѣ пріобрѣтается почетное имя, но только въ Петербургѣ завоевывается твердое общественное положеніе. Писемскій завязалъ отношенія съ однимъ изъ редакторовъ „Современника“, И. И. Панаевымъ, и послалъ въ журналъ свой романъ „Богатый женихъ“ (1851). Можно пожалѣть, что письма этого новаго сотрудника журнала къ Панаеву остались не опубликованными: корреспондентъ, помнится, сообщалъ въ нихъ свѣдѣнія о вкусахъ провинціальной публики и о томъ, чего она искала въ то время и какія статьи останавливали ея вниманіе. Нынѣ это было бы любопытнымъ этнографическимъ документомъ.

Между прочимъ, въ Петербургѣ уже давно поджидали Писемскаго, но осторожный авторъ „Тюфяка“ явился на берегахъ Невы только въ 1853 г., и появленію этому еще предшествовало замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ „Современника“ къ новому московскому кружку, собравшемуся подъ знаменемъ „Москвитянина“.

Фактъ этотъ имѣетъ нѣкотораго рода значеніе, какъ въ біографіи

Писемскаго, такъ и въ біографіи другого дѣятеля, А. Н. Островскаго. Надо сказать, что оба главные органа петербургской журналистики, „Отечеств. Записки“ и „Современникъ“, старательно поддерживали, послѣ смерти Бѣлинскаго, полемику съ славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который нѣкогда освѣщалъ такъ ярко положеніе литературныхъ партій и помогалъ скрытному обмѣну политическихъ идей между ними. Извѣстно, что Бѣлинскій, къ концу своего поприща, склонялся признать разумность нѣкоторыхъ положеній своихъ противниковъ, но продолжатели его не хотѣли и слышать о какихъ-либо уступкахъ. По-своему они были правы. При томъ гнетѣ, который лежалъ на печати, единственная возможность заявить себя бодрымъ еще и дѣйствующимъ организмомъ заключалась для журналистики въ возобновленіи старой литературной полемики.

Къ подобному же заключенію приведена была и партія славянофиловъ. Борьба снова завязалась, но теперь она походила уже на струю той сказочной живой воды, которая имѣла силу воскрешать мертвецовъ, ею окропленныхъ; сражались уже не живые люди, а мертвецы, что доказывалось ихъ оружіемъ: повтореніемъ старыхъ, нѣкогда столь новыхъ и яркихъ темъ, подогрѣтыми останками прежней бойкой рѣчи, намеками на давнія смѣлыя и теперь обветшавшія положенія, и проч.

Наиболѣе свѣжимъ и живымъ бойцомъ, выставленнымъ Москвою, оказался Ап. Григорьевъ, замѣчательный критикъ эпохи, но это былъ славянофилъ не очень чистой крови. Артистическая его натура часто не выдерживала аскетической принужденности, налагаемой школою, и его видѣли не разъ въ рядахъ поклонниковъ передъ западными идеями и учрежденіями. Къ тому же дипломатическая сноровка, довольно сильно развитая въ обоихъ лагеряхъ, была совершенно чужда этому правдивому человѣку, и никогда посторонніе соображенія о выгодахъ или необходимостяхъ партіи не затемняли его убѣжденій и не вліяли на его приговоры. Одно изъ его смѣлыхъ положеній (и не самое важное), именно—пророчество о скоромъ появленіи на Руси *новаго слова*, которое выведетъ будто бы литературу и общество наше на настоящую дорогу, гдѣ они и найдутъ разрѣшеніе многихъ своихъ вопросовъ и недоумѣній—было поднято петербургскими оппонентами его и послужило зерномъ полемики, продолжавшейся довольно долгое время. Въ *новомъ словѣ* Ап. Григорьева западники Петербурга и Москвы усмотрѣли намекъ на дѣятельность кружка писателей, которые работали вмѣстѣ съ нимъ. Вся школа эта и преимущественно беллетристы ея заподозрѣны были въ обскурантизмѣ, задавшемся цѣлью найти въ народномъ и полународномъ бытѣ элементы не одного драматическаго и литературнаго творчества, но и философіи и правильнаго пониманія нравственныхъ началъ. Это было недоразумѣніе, за которое поломалось однакоже немало копій съ обѣихъ сторонъ. Конецъ этому недоразумѣнію положили на петербургской почвѣ два человѣка, именно: только-что вернувшійся

тогда изъ-за границы (1850) И. С. Тургеневъ и недавно еще появившійся на литературной аренѣ А. В. Дружининъ. Оба они, какъ люди, воспитанные на образцахъ искусства, тотчасъ же распознали, сколько мастерства выказываетъ Островскій въ созданіи своихъ типовъ и въ изложеніи драматической интриги, сколько произведенія Писемскаго обнаруживаютъ непосредственной силы таланта, и сколько критика Ап. Григорьева заключаетъ въ себѣ проблесковъ независимой мысли и страстной потребности всегда найти послѣднее слово и выраженіе для точнаго опредѣленія предмета критики. Закрывать глаза на качества и дѣятельность подобныхъ людей, руководясь одними побочными соображеніями, подозрѣніями и неблагожелательствомъ къ ихъ предполагаемымъ симпатіямъ—показалось обоимъ петербургскимъ критикамъ вопіющей неправдою. Дружининъ завязалъ отъ своего имени и не спросясь редакціи журнала, гдѣ участвовалъ („Современникъ“ — „Письма иногороднаго подписчика“), дружескія сношенія съ народившимся кружкомъ, за что и получилъ ранніе симпатіи его и прозвище честнаго рыцаря; Тургеневъ явился въ 1852 г. въ „Современникѣ“ со статьей о „Вѣдной невѣстѣ“ Островскаго, гдѣ еще осторожно, но уже достаточно ясно выразилъ свое сочувствіе къ автору пьесы, находя въ ней много драматической правды и поэзіи, на ряду съ ловкостью и искаженіемъ сценическаго эффекта. Можетъ-быть, симпатіи литераторовъ петербургской окраски къ ихъ московскимъ собратамъ получили бы еще большее развитіе, если бы имъ не мѣшали сами редакціи журналовъ по закоренѣлой ихъ привычкѣ къ полемикѣ съ партіей, въ которой теперь думали видѣть прислужницу наступившихъ тяжелыхъ порядковъ времени. „Отечественныя Записки“, напр., долѣе всѣхъ упорствовали въ мнѣніи, что А. Н. Островскій служитъ представителемъ ретроградныхъ направленій, прикрывающихся именемъ „народа“, а Ап. Григорьевъ исполняетъ незавидную роль панегириста византійскихъ созерцаній. Одинъ изъ редакторовъ самого „Современника“, Панаевъ, еще говорилъ по поводу направленія, принятаго Тургеневымъ: „Надо сдерживать Ивана Сергѣевича, а то его московскимъ прославленіямъ не будетъ мѣры и конца“, да онъ же, Панаевъ, принялъ на себя послѣ устраненнаго Дружинина (1851) и редакцію журнальнаго фельетона, снявъ съ него эклектическій характеръ, сообщенный ему прежнимъ составителемъ. Какъ бы то ни было, но ледъ былъ поломанъ; путь для сближенія между передовыми людьми эпохи найденъ, и Писемскій могъ въ слѣдующемъ 1853 г. переселиться въ Петербургъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ найдетъ тамъ друзей и искреннее благорасположеніе, въ чемъ и не ошибся.

Трудно себѣ и представить болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала, чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургъ, въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими наблюдательными гла-

зами и лѣнивой походкой. На всемъ его существѣ лежала печать какой-то усталости, пріобрѣтаемой въ провинціи отъ ея халатнаго, распущеннаго образа жизни и скораго удовлетворенія разныхъ органическихъ прихотей. Съ перваго взгляда на него рождалось убѣжденіе, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ обычной своей физіономіи, не прикрасилъ себя никакой болѣе или менѣе интересной и хорошо придуманной чертой, не припарядился морально, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, впервые являющіеся передъ незнакомыми лицами. Ясно дѣлалось, что онъ вышелъ на улицы Петербурга точно такимъ, какимъ сѣлъ въ экипажъ, отправляясь изъ своего родного гнѣзда. Онъ сохранилъ всего себя, начиная съ своего костромского акцента („Кабинетъ Напаева поражаетъ меня великолѣпіемъ“, — говорилъ онъ послѣ свиданья со щеголеватымъ редакторомъ „Современника“) и кончая насмѣшливыми выходками по поводу столичной утонченности жизни, языка и обращенія.

Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то *диковинки* посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Кругомъ Писемскаго въ ту пору существовало еще въ Петербургѣ много мыслей и моральныхъ идей, признанныхъ безспорными и которыя изъяты были навсегда изъ преній, какъ очевидныя истины. Писемскій оказался врагомъ большей части этихъ непререкаемыхъ догматовъ цивилизаціи. Такъ, ученіе, исповѣдуемое почти единогласно развитыми людьми всѣхъ оттѣнковъ Петербурга, о правахъ жены и женщины на полную свободу, въ которой имъ отказываетъ еще современное общество—нашло въ немъ очень оригинальнаго скептика. Помню изумленіе въ кругу петербургскихъ гуманистовъ, возбужденное его мнѣніемъ, что женщина составляетъ только подробность въ жизни мужчины и сама по себѣ, взятая единолично, не имѣетъ значенія, что обязанности мужа къ женѣ исчерпываются возможно лучшимъ матеріальнымъ содержаніемъ ея, и что серьезныя отношенія между ними наступаютъ только съ появленіемъ дѣтей, а совсѣмъ не съ появленія такъ-называемой любви, о которой такъ много говорятъ поэты и романисты. Но это мнѣніе было только началомъ тѣхъ сюрпризовъ, которые Писемскій готовилъ своимъ слушателямъ.

Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался имъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ. „Присутствіе иностранца, — говорилъ Писемскій:—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я липаюсь спо-

койствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его". Конечно, во всѣхъ афоризмахъ подобнаго рода многое должно быть отнесено и на обычное преувеличеніе дружескихъ разговоровъ, но все-таки присутствіе истиннаго чувства тутъ несомнѣнно. Кто же не узнаетъ въ такихъ и имъ подобныхъ словахъ Писемскаго дальніе отголоски старой русской культуры, напоминающіе строй мыслей прежняго боярства и думства людей московскаго царства? Вообще, порывшись немного въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которыя мы обзывали сплошь парадоксами — всегда отыскивались зерна и крохи какой-то давней, полуисчезнувшей культуры, сбереженной еще кой-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Самый юморъ его, насмѣшливый тонъ рѣчи, способность отыскивать быстро яркій эпитетъ для обозначенія существенной, нравственной черты въ характерѣ человѣка, которая за нимъ и останется навсегда, и наконецъ слово, часто окрашенное циническимъ оттѣнкомъ, сближало его съ деревней и умственными привычками народа, въ ней живущаго. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чащи, поднятаго на соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ „parfum de terroir" (запахомъ земли, почвы). При видѣ Писемскаго въ обществѣ и въ семьѣ, при разговорахъ съ нимъ и даже при чтеніи его произведеній, я думаю, невольно возникала мысль у каждаго, что передъ нимъ стоитъ историческій великорусскій мужикъ, прошедшій черезъ университетъ, усвоивній себѣ общечеловѣческую цивилизацію и сохранившій многое, что отличало его до этого посвященія въ европейскую науку. Можно легко представить себѣ, какой интересъ представлялъ подобный типъ въ Петербургѣ.

Несмотря на духовное родство съ народомъ, Писемскій не былъ, какъ и товарищи его, о чемъ мы уже сказали, славянофиломъ. Онъ вывезъ только и сберегъ въ Петербургѣ гордость своимъ происхожденіемъ, въ нравственномъ смыслѣ, отъ Москвы и затѣмъ чрезмѣрное хвастовство ею, что было ему обще со всѣми москвичами. Москву же онъ любилъ совсѣмъ не за ея святыни, не за историческія воспоминанія, съ нею связанныя, и громкое, всесвѣтное имя, ею носимое, о чемъ никогда и не упоминалъ, а скорѣе за то, что тамъ не принимали органическія проявленія страсти и жизненной энергіи за распутство, не обзывали преступленіемъ всякое уклоненіе отъ полицейскаго порядка, и что въ городѣ, гдѣ по временамъ скоплялась цѣлая многотысячная армія изъ однихъ мужиковъ и разночинцевъ со всѣхъ концовъ имперіи, труднѣе было блюсти за чистотой нравовъ, по уставамъ благочинія. Петербургъ казался Писемскому созданнымъ на то, чтобы показать, сколько можетъ быть безжизненности въ порядкѣ и возмутительныхъ явленій подъ покровомъ чинности и стройности. Прочитавъ въ запискахъ Берхгольца о пирахъ въ нѣсколько сутокъ безъ отдыха, даваемыхъ основателемъ

столицы, о курантахъ, заведенныхъ имъ на башняхъ и въ извѣстные часы дня игравшихъ на весь городъ свои мелодіи, Писемскій замѣтилъ: „Петру I-му это было совершенно необходимо для того, чтобы подданные его не померли всѣ со скуки въ новомъ городѣ“. Напрасно старались друзья Писемскаго растолковать ему значеніе Петербурга по-своему. Молча выслушивалъ онъ ихъ размышленія о томъ, что городъ этотъ предназначенъ исправлять народныя увлеченія, мѣшать развитію исключительнаго поклоненія своему племени, что останавливаетъ ходъ исторіи, провѣрять наукой и опытомъ смутные идеалы народныхъ массъ и проч., и проч. Писемскій отвѣчалъ большею частью на эти замѣтки шуточками, въ родѣ слѣдующей: „Можетъ-быть, и точно, — говорилъ онъ:—что Петербургъ хорошій педагогъ, но я всегда ненавидѣлъ своихъ педагоговъ, хотя и боялся ихъ смертельно“.

Вообще осторожность, съ какой Писемскій держался въ сторонѣ отъ теоретическихъ и философскихъ разговоровъ, когда они завязывались передъ нимъ, показывала, что отвлеченныя идеи не имѣли въ немъ ни своего ученика ни своего поклонника. Это подтверждалось и фактически многими проявленіями его анализирующаго ума. Писемскій удерживалъ, напримѣръ, легко замѣтки и мысли, способныя мирно уживаться съ насущнымъ умственнымъ содержаніемъ русскаго человѣка, и тотчасъ забывалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя служили, такъ сказать, свѣточами для общечеловѣческаго развитія. Вообще онъ никогда не могъ усвоить себѣ хорошенько представленія объ этомъ общечеловѣческомъ развитіи, — мало понятномъ, по его мнѣнію, безъ указанія на какой-либо народъ, цѣликомъ воплотившій его въ себя, безъ примѣси національныхъ пороковъ и особенностей, если такой народъ еще найдется на свѣтѣ! Сколько споровъ по одному этому вопросу происходило тогда!.. Людей сороковыхъ годовъ, такъ много говорившихъ объ общечеловѣческомъ развитіи, Писемскій весьма уважалъ, какъ двигателей общества, что и заявилъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и даже въ цѣломъ романѣ, но онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ идеализма. Да и какъ бы онъ принялъ ихъ ученіе о единой вселенской морали, обязательной для всѣхъ народовъ, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, когда, въ противность ихъ убѣжденіямъ, онъ любилъ слабости, недостатки, даже дурныя природныя наклонности своего племени, носилъ слѣды ихъ въ самомъ себѣ и, понимая ихъ вполнѣ, нисколько не раскаивался въ нихъ и всего менѣе думалъ объ ихъ исправленіи?

Прежде всего Писемскій былъ первымъ человѣкомъ въ высшей степени и состоялъ подъ деспотическимъ управленіемъ воображенія и фантазіи, которыя могли играть имъ (и играли) по своему произволу. Въ немъ не оказалось ни малѣйшихъ признаковъ дисциплины надъ собой. Онъ допустилъ развиваться въ себѣ одной психической чертѣ до болѣзненности, мы говоримъ о его первной трусливости передъ внѣшнимъ

міромъ. Онъ боялся толпы на улицѣ, недовѣрчиво смотрѣлъ на всякое новое явленіе, вносимое въ жизнь прикладными науками, и, напримѣръ, при открытіи желѣзныхъ дорогъ, никогда не ѣздилъ на курьерскихъ поѣздахъ, говоря, что они устроены для бѣшеныхъ людей, не знающихъ, куда дѣвать излишекъ животной своей жизни. Его тревожили явленія и событія, возникшія даже на очень дальнихъ пунктахъ отъ мѣста его пребыванія, хотя онъ и не могъ сказать самъ, въ чемъ состоитъ тутъ опасность для него. Спасительницей Писемскаго во всѣхъ этихъ проявленіяхъ фантазіи была его жена, Екатерина Павловна. Эта примѣрная женщина умѣла успокоить его болѣзненную мнительность и освободила его не только отъ заботъ по хозяйству и воспитанію дѣтей, но—что важнѣе — освободила его и отъ своего вмѣшательства въ его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризовъ и порывовъ; она же и переписала за свой вѣкъ по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ его сочиненій съ черновыхъ оригиналовъ, представлявшихъ всегда страшно замаранную макулатуру изъ кривыхъ строчекъ, крупныхъ каракуль и чернильныхъ пятенъ. Извѣстный нашъ разсказчикъ И. Ѳ. Горбуновъ напечаталъ очень живое описаніе *морского путешествія* (!), совершеннаго Писемскимъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ, по приглашенію генералъ-адмирала, желавшаго слышать нашего автора въ препрославленномъ чтеніи его своихъ произведеній *).

*) Кстати объ этихъ чтеніяхъ. Онъ дѣйствительно передавалъ мастерски собственныя сочиненія, находя чрезвычайно выразительныя интонаціи для всякаго лица, выводимаго имъ на сцену (въ драматическихъ его пьесахъ это выходило особенно эффектно). Такъ же мастерски разсказывалъ онъ множество уморительныхъ анекдотовъ изъ его встрѣчъ съ разными лицами своей молодости. Подобныхъ анекдотовъ были у него цѣлые короба, и въ каждомъ изъ нихъ выражался болѣе или менѣе законченный комическій типъ. Многіе изъ этихъ типовъ были имъ обработаны позднѣе и попали въ его сочиненія. Но репутація великаго актера, которая была ему составлена въ Москвѣ и которой онъ очень гордился, не выдержала окончательной пробы. Такъ, при исполненіи имъ роли городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя, данномъ на публичномъ спектаклѣ въ пользу Литературнаго фонда, который былъ тогда въ большой модѣ (1860), онъ оказался слабымъ и монотоннымъ, изображая живую фигуру. Дѣло въ томъ, что Писемскій всегда счастливо находилъ одну вѣрную ноту въ предоставленной ему роли и по ней создавалъ все лицо исключительно, пренебрегая всѣми другими оттѣнками его. Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ Писемскій, въ присутствіи покойнаго Мартынова, вздумалъ оправдывать эту грубую, упрощенную манеру пониманія изображенныхъ лицъ и утверждалъ, между прочимъ, что геніальный создатель «Ревизора», кажется, писалъ свою комедію не для сцены, потому что въ городничемъ его безпрестанно встрѣчаются вводныя мысли и отступленія, сбивающія съ толку актера и мѣшающія ему проводить роль въ надлежащемъ единствѣ. Великій нашъ комикъ, который былъ также и очень сильнымъ теоретикомъ своего искусства, горячо возражалъ на эту мысль, объясняя пространно и чрезвычайно ясно, что всѣ эти a parte, побочныя мысли и подробности совершенно необходимы автору и представляютъ благодарную задачу для истиннаго актера, помогая ему выказать въ пол-

Выборъ палъ на „Плотничью артель“ Писемскаго, только-что написанную (1855). Восточная война была тогда въ полномъ разгарѣ, и соединенный флотъ западныхъ державъ стоялъ у Кронштадта, гдѣ находился и генералъ-адмиралъ. Писемскій предварительно пожелалъ осмотрѣть на Невѣ казенный пароходъ, который долженъ былъ перевезти его черезъ *страшныя невскія пучины* и передать на адмиральскій фрегатъ. Во все время этого плаванія, лѣтомъ и при хорошей погодѣ, онъ постоянно ожидалъ бѣды съ какой-либо стороны, а на адмиральскомъ фрегатѣ съ ужасомъ смотрѣлъ на его батареи и не смѣлъ близко подойти къ нимъ, поглядывая только на нихъ издали, словно онѣ могли грянуть и сами собой. Помню, какъ я съ непривычки былъ озадаченъ, когда однажды, при началѣ нашего знакомства, возвращаясь съ Писемскимъ довольно поздно ночью съ вечера, проведеннаго у друзей, услыхалъ отъ него необычайный вопросъ: — „скажите, вамъ никогда не случалось думать, подъѣзжая къ своему дому, что безъ васъ тамъ могло произойти большое несчастье?“ Не знаю, что я отвѣчалъ ему, но Писемскій прибавилъ довѣрчиво:—„мнѣ часю случается стоять у порога моей двери съ замираніемъ сердца: что, если домъ ограбленъ, кто-нибудь умеръ, пожаръ сдѣлался — вѣдь все можетъ случиться“. По голосу его слышно было, что онъ говорилъ серьезно.

Тогдашняя жизнь Писемскаго въ Петербургѣ близко подходила къ жизни литературнаго пролетарія, который принужденъ безпрестанно считаться со своими средствами. Домъ его содержался въ большомъ порядкѣ благодаря хозяйкѣ, но выдающаяся простота обстановки показывала, что экономія была тутъ не дѣломъ вкуса, а необходимости. Писемскій переносилъ стѣсненія далеко не спокойно; онъ досадовалъ на свою бѣдность и искалъ средствъ выйти изъ нея, за чѣмъ собственно и явился въ Петербургъ. На первыхъ порахъ онъ даже опредѣлился на службу въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ (въ Удѣлы, кажется), и любопытно, что позднѣе, когда покинулъ его (а случилось это очень скоро), Писемскій указывалъ на одно чиновное лицо, покровительствовавшее ему, со словами: „никогда не прощу этому человѣку того, что я старался понравиться ему и выказать себя умницей“. Въ 1856 г. онъ принялъ порученіе отъ морского министерства ѣхать въ Астрахань, для собиранія этнографическихъ данныхъ и описанія края. Вернувшись изъ поѣздки, онъ принялся опять за чисто-литературныя работы и не могъ побѣдить жалобы на малые, сравнительно, матеріальные результаты, какіе онѣ приносили. Онъ выражалъ громко свое негодованіе на обстоятельства, которыя дѣлаютъ настоящаго производителя цѣнностей подчиненнымъ лицомъ собирателя ихъ и торговца

помъ блескѣ свое дарованіе и сліяніемъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ въ одинъ полный образъ создать характеръ, способный остаться надолго въ преданіяхъ театральнаго міра. Писемскій, кажется, остался при своемъ мнѣніи.

ими. Не стѣсняясь, онъ въ глаза говорилъ издателямъ журналовъ и сборниковъ, что ихъ благосостояніе зиждется на эксплоатаціи и бѣдности ихъ сотрудниковъ и вкладчиковъ.

Никто не сердился на него за эти слова, во-первыхъ, потому, что ихъ произносилъ весьма нужный человѣкъ, а во-вторыхъ, потому, что въ сущности это были безобидныя слова, неспособныя измѣнить обычаевъ литературнаго рынка. Но и для Писемскаго наступилъ день, когда онъ почувствовалъ, что жизненная его работа не пропала задаромъ. Въ 1861 г. одинъ изъ предпринимателей въ Петербургѣ (Стелловскій *) купилъ у него право на изданіе всѣхъ его, дотолѣ появившихся, сочиненій за 8 тыс. руб. — сумму немаловажную по тому времени. Съ этимъ обстоятельствомъ, давшимъ Писемскому возможность почувствовать себя самостоятельнымъ писателемъ, имѣющимъ свою цѣну на литературной биржѣ, связывается еще довольно характерный анекдотъ, разсказанный самимъ героемъ его. Послѣ долгихъ и серьезныхъ преній съ своимъ издателемъ, согласившись на его условія и получивъ крупный задатокъ, Писемскому вздумалось тотчасъ же и попробовать себя въ роли капиталиста. Онъ отправился въ одно изъ пышныхъ публичныхъ заведеній столицы, гдѣ богатые люди мотаютъ свою жизнь и состояніе и мимо котораго онъ обыкновенно проходилъ, съ любопытствомъ посматривая на его двери. Теперь онъ шумно раскрылъ ихъ и, какъ власть имущій, гордо вступилъ въ недоступные прежде чертоги, но, встрѣтивъ тамъ нечеловѣческое подобострастіе, звѣриную алчность къ деньгамъ, тотчасъ же и очнулся. Готовность служить всѣмъ его капризамъ отрезвила его лучше всякой проповѣди и, вмѣсто поощренія къ издержкамъ, погнала его вонъ, къ себѣ домой... Анекдотъ хорошо рисуетъ соединеніе сильнаго практическаго смысла съ дѣтской наивностью и фантастическими порывами, которые составляли сущность характера этого человѣка.

Въ Петербургѣ Писемскій близко сошелся съ другимъ замѣчательнымъ человѣкомъ этой переходной эпохи и своимъ антиподомъ по духу и внутреннему содержанію, съ А. В. Дружининымъ, который тогда же (1857 г.) принялъ на себя редакцію обезсоленнаго журнала „Библіотека для Чтенія“ и черезъ годъ пригласилъ къ себѣ въ соредакторы нашего автора, почувствовавъ, что злая болѣзнь (чахотка) одолѣваетъ его и низводитъ въ могилу.

А. В. Дружининъ тоже принадлежалъ къ фалангѣ нашихъ писателей, которая въ трудное время не выпускала изъ рукъ знамя литературы и отстояла ея право на голосъ и участіе въ развитіи общества, несмотря на опасности, непріятности и униженія, сопряженныя съ исполненіемъ

*) Осдоръ Тимоѳеевичъ Стелловскій, извѣстный владѣлецъ музыкальнаго магазина, издатель журналовъ «Якорь» и «Оса» и собраній сочиненій Достоевскаго, В. В. Крестовскаго, М. В. Авдѣева, Писемскаго и друг.
Примѣч. ред.

этой задачи. Позднѣйшій переводчикъ Шекспира, Дружининъ, рано показалъ себя знатокомъ европейскихъ литературъ и преимущественно англійской. Онъ близко подходилъ къ типу англійскихъ *эссеистовъ* и, подобно своимъ первообразамъ, обнаруживалъ въ статьяхъ большую степенность сужденій и отвращеніе отъ всякаго рѣзкаго приговора, а еще болѣе отъ всякаго своеволія въ творчествѣ со стороны авторовъ. Суровымъ моралистомъ онъ никогда не былъ, что доказывается и оставшимися послѣ него юмористическими произведеніями довольно нецеремоннаго характера; но *консервативный* оттѣнокъ, который носила его мысль, мѣшалъ ей, несмотря на всю ея обработку обширнымъ чтеніемъ иностранныхъ литературъ, узнавать иногда весьма жизненныя явленія современной эпохи. Писалъ онъ много, легко и скоро, думалъ, что пишетъ для высоко-культурной, развитой публики, на признательность которой уже можетъ разсчитывать. Можетъ-быть, въ этомъ и кроется именно причина постигшаго его несправедливаго забвенія: онъ былъ слишкомъ вельможенъ, такъ сказать, для массы русскихъ читателей, изъ брезгливости никогда не спускался до мелочныхъ явленій литературы и не обнаруживалъ никакой страсти въ защитѣ и пропагандѣ своихъ собственныхъ воззрѣній. Будучи по характеру и по воспитанію въ одномъ военно-учебномъ заведеніи (пажескомъ корпусѣ) свѣтскимъ писателемъ по преимуществу, Дружининъ относился также очень равнодушно и прямо-таки къ кабинетнымъ трудамъ русскихъ ученыхъ и къ задачамъ, которыя они ставятъ себѣ, въ чемъ и расходился на стараго своего пріятеля Сенковскаго, котораго, между прочимъ сказать, очень уважалъ. Все это пріобрѣло ему нерасположеніе многихъ московскихъ кружковъ, но не помѣшало кабинету Дружининна въ Петербургѣ сдѣлаться центромъ почти всего литературнаго персонала обѣихъ столицъ и видѣть въ числѣ своихъ посѣтителей: журналистовъ, критиковъ, писателей и драматурговъ самаго разнороднаго направленія. Кромѣ общей потребности у тогдашнихъ литераторовъ жить въ единеніи другъ съ другомъ, въ виду многочисленныхъ своихъ домашнихъ и постороннихъ враговъ, о чемъ сейчасъ будемъ говорить, существовала еще и другая причина для этого заявленія. Обширная начитанность Дружинина въ западной беллетристикѣ позволяла находить у него всѣ нужныя справки и давать вѣру аналогіямъ, которыя онъ любилъ проводить между произведеніями различныхъ странъ, а затѣмъ онъ обладалъ еще и другимъ неоцѣненнымъ качествомъ—убѣжденіемъ въ честности нашего общества и великаго труда, ему посвященнаго. Оно мирило съ нимъ и тѣхъ, которые не признавали служенія свѣтской публикѣ дѣломъ, заслуживающимъ особеннаго уваженія. Но мирное настроеніе людей, собиравшихся у Дружинина, приходило уже къ концу. Всѣ ихъ качества, а также и качества хозяина, вскорѣ осуждены были выдержать тяжелый искусъ и рѣшительную пробу. Съ половины 50-хъ годовъ начали появляться ясные признаки переворота въ мнѣніяхъ, возвѣщавшаго конецъ пере-

ходной эпохи и наступленіе новаго литературнаго періода. Первой посылкой этого новаго направленія съ идеями, накопившимися въ его нѣдрахъ, являлись новыя понятія, философско-общественныя; затѣмъ явилась постановка совсѣмъ иныхъ цѣлей и задачъ, какъ для творчества, такъ и для критики его, чѣмъ тѣ, которыя занимали умы доселѣ. Случилось такъ, что новыя требованія, для борьбы съ которыми не много было всѣхъ силъ опытнаго редактора, застали Дружинина на одрѣ болѣзни, изнемогающаго подъ ударами тяжелаго своего недуга. Журналъ „Библіотека для Чтенія", поднятый имъ изъ праха, въ которомъ онъ долго влачился послѣ Сенковскаго, былъ переданъ имъ своему товарищу, и Писемскій такимъ образомъ очутился на давно желанной публицистической аренѣ самостоятельнымъ редакторомъ журнала и при томъ въ самую критическую минуту для литературы и общества вообще. Что изъ этого вышло, — скажемъ сейчасъ.

Но прежде позволимъ себѣ бросить бѣглый взглядъ на самую сцену, гдѣ происходило дѣйствіе, и на публику, которая была его свидѣтельницей.

II.

До 1860 года литературная и журнальная арена наша представляла, въ полномъ смыслѣ слова, праздничное зрѣлище. Извѣстно, что съ 1856 года нѣкоторое ослабленіе цензуры, произведенное совсѣмъ не закономъ, который стоялъ еще во всемъ угрожающемъ положеніи своемъ, а смягченной практикой его уставовъ, открыло новую эру въ печати нашей. На литературной аренѣ явились не только всѣ писатели по профессіи, желавшіе воспользоваться умственнымъ просторомъ, который могъ столь же неожиданно кончиться, какъ неожиданно и наступилъ, но явились люди, дотолѣ сохранявшіе абсолютное молчаніе и которые торопились теперь тоже сказать свое слово, чтобы не отставать отъ другихъ. Само собою разумѣется, что возникъ большой говоръ, который принимался за знакъ развитія; но рѣчей, созидающихъ направленіе и управляющихъ умами, тогда еще не было слышно. Всѣ рѣчи походили одна на другую и велись на какую-то одну большую тему о будущемъ скоромъ возрожденіи нашемъ, но онѣ отличались развязностью своихъ пріемовъ и свободой выраженія, которыя придавали имъ видъ самостоятельности и смѣлости мысли. Журнальный міръ находился въ замиренномъ положеніи, за исключеніемъ, разумѣется, домашнихъ счетовъ одиѣхъ редакцій съ другими; но затѣмъ журналы не разнились ни по характеру ни по направленію между собою, стараясь одинаково слѣдовать за общимъ движеніемъ и не отставать отъ него въ либеральномъ, радостномъ и довѣрчивомъ настроеніи. Всякое заявленіе, изъ какого бы источника не выходило, могло надѣяться на благосклонное вниманіе, какъ только являлось подъ знаменіемъ прогрессивнаго направленія,

которое оказывалось потомъ у очень многихъ и фальшивымъ знаменемъ.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи нашего развитія за послѣднее время, которая была бы и преждевременна, а только сообщаемъ для нея факты, сохранившіеся въ нашей памяти, и то далеко не всѣ и безъ подробностей, на какія бы они имѣли право.

Лучшимъ доказательствомъ того, что никто въ это время не различалъ еще своихъ друзей отъ будущихъ противниковъ, служитъ смѣшеніе направленій, царствовавшее въ органахъ публицистики. Всѣ жили въ кучѣ. Люди, придерживавшіеся старыхъ, укоренившихся воззрѣній на искусство, нравственные вопросы и задачи общественнаго развитія, встрѣчались въ періодическихъ изданіяхъ съ людьми, искавшими уже другихъ точекъ зрѣнія на тѣ же самые предметы. Происходили споры, но всѣ мнѣнія казались нужными, и ни одно не ставились внѣ закона, hors loi, какъ было позднѣе. Послѣдній 1859 г. переходной эпохи предсталъ наглядный примѣръ близкаго сосѣдства разнородныхъ теченій мысли. Начало года украсилось, напримѣръ, въ „Современникѣ“ романовъ Тургенева: „Дворянское гнѣздо“ — этимъ патетическимъ гимномъ, посланнымъ вслѣдъ уходящему поколѣнію; а вторая половина года ознаменовалась въ томъ же журналѣ знаменитой статьей Добролюбова: „Темное царство“ (по поводу сочиненій А. Н. Островскаго), которая упразднила поклоненіе всѣмъ старымъ идеаламъ и съ которой собственно начинается у насъ пониманіе поэзіи и искусства, какъ непосредственныхъ политическихъ и общественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ и цѣнность произведеній. Мы уже говорили о пестротѣ общества, собиравшагося у Дружинина; но точно такая же пестрота убѣжденій и взглядовъ существовала и вездѣ, въ журналахъ, частныхъ домахъ и публичныхъ сходкахъ. Она не нарушала установившихся отношеній между людьми. Главный редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“, покойный Дудышкинъ, не прерывалъ старыхъ дружескихъ связей съ редакторами „Современника“ въ то время, какъ встрѣчалъ жесткимъ отпоромъ эстетико-философскіе взгляды журнала. Разница основъ не измѣнила привычекъ, нажитыхъ прежде. Тотъ же Дудышкинъ, бывшій, между прочимъ, постояннымъ противникомъ новыхъ теорій изящнаго и защищавшій чистоту эстетическаго догмата отъ примѣси къ нему идей утилитаризма, съ упорствомъ и выдержкой истаго янсениста, на котораго многими сторонами своего ума и характера отчасти и походилъ,—предоставлялъ страницы своего журнала далеко не фанатикамъ чистаго искусства и велъ полемику съ собратами всегда на основаніи политическихъ соображеній о нуждахъ общества и настоящей минуты. „Русскій Вѣстникъ“, явившійся въ 1856 г., принадлежалъ еще тогда въ наиболѣе яркимъ органамъ прогрессивной воинствующей журналистики и не усомнился напечатать романъ Тургенева, озаглавленный „Наканунѣ“ (1860), который противорѣчилъ, какъ скоро оказалось, настоящему образу мыслей редакціи всѣмъ

томъ и содержаніемъ своимъ. Первый досужій библіографъ, который вздумалъ бы заняться перечетомъ всѣхъ этихъ маленькихъ аномалій времени, вовсе и не замѣчаемыхъ имъ, могъ бы привести гораздо болѣе примѣровъ подобнаго смѣшенія языковъ тогдашней литературы, чѣмъ мы сдѣлали это. Достаточно упомянуть, что любой изъ нашихъ писателей могъ пройти тогда черезъ всю гамму журналовъ, побывать во всѣхъ редакціяхъ безъ вреда и ущерба для нравственной своей физіономіи. Съ 1860 г. все это кончилось, и если подобные примѣры еще являлись, то уже какъ исключенія, а не какъ общее правило. Сплоченные нѣкогда ряды дѣятелей разорвались. Между тѣми, которые приняли новое направленіе за программу своей жизни и дѣятельности, и другими, которые не хотѣли за нимъ слѣдовать, въ виду недоказанности его доктринъ, все болѣе и болѣе росъ разладъ, безъ возможности наполнить его какими-либо общими интересами, въ родѣ борьбы съ дурными условіями времени и проч. Оказалась полная невозможность существованія подъ однимъ знаменемъ такихъ стремленій и тенденцій, которыя расходились другъ съ другомъ, какъ только чуть-чуть удалялись отъ элементарныхъ основаній каждаго вопроса и ученія. Широкіе девизы въ родѣ служенія народному образованію, принципамъ разумнаго общежитія и такъ далѣе — потеряли свое обаяніе и не собирали болѣе толпы поклонниковъ. Требовалось теперь нѣчто другое. Каждый, вступающій на литературную арену, обязанъ былъ опредѣленно и точно изложить всю систему вѣрованій и защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ, какъ старые рыцари защищали нѣкогда излюбленные свои цвѣта. Наружная благовидность, добываемая съ помощью безразличнаго либерализма, уже не принималась въ расчетъ. Всякая примѣсь идей, захваченныхъ со стороны и по сосѣдству и затемняющихъ истинное настроеніе и настоящій образъ мыслей человѣка, преслѣдовалась новымъ направленіемъ, какъ обманъ. Особому негодованію его подвергались всѣ полуубѣжденія, все слабое и нетвердое въ мнѣніяхъ, все, что искало компромиссовъ и сдѣлокъ въ области идей и теорій. Оно добивалось или согласія на совмѣстную съ нимъ работу отысканія новыхъ началъ для жизни, или на рѣшительный переходъ къ ученіямъ, опутаннымъ сѣтью историческихъ преданій. Со стороны Писемскаго выборъ не представлялъ сомнѣнія и еще облегчался примѣрами, которые тогда же явились, какъ необходимое слѣдствіе вызова, брошеннаго прогрессивной доктриной. Литературное общество, а за нимъ и весь культурный людъ, раздѣлились у насъ на двѣ серьезныя партіи—консервативную и либеральную, получившія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и оттѣнки и особенности, которые уже не имѣютъ ничего общаго съ исторіей ихъ прошлаго, здѣсь разсказанной. Писемскій впервые открылъ серію чисто-охранительныхъ петербургскихъ органовъ, съ различными оттѣнками, начиная славянофильскимъ и кончая олигархическимъ („Время“, „Эпоха“, „Вѣсть“), которые не замедлили появиться вскорѣ послѣ того.

Жилось тогда вообще чрезвычайно тревожно и скоро. Каждый день приносилъ новыя впечатлѣнія; ждали важныхъ событій со всѣхъ сторонъ: слухи и толки о новыхъ мѣрахъ правительства перекрещивались съ ихъ поясненіями въ журналахъ, которыя были часто не менѣе замѣчательны, чѣмъ и самыя обсуждаемыя предначертанія. Литература и публицистика помянутно раздражали требованіями своими какъ вѣрующихъ въ силу ихъ слова, такъ и невѣрующихъ въ нее. Общественный пульсъ бился сильно. Ни одна изъ вѣстей, волновавшихъ людей того времени, не производила однако такого впечатлѣнія, какъ вѣсть объ эмансипаціи крестьянъ. Съ 1858 года вопросъ былъ уже офиціально поставленъ на очередь. Пониманіе его Писемскимъ заслуживаетъ вниманія, ибо онъ тогда уже угадывалъ, по практическому своему уму, многія стороны его, обнаружившіяся только впослѣдствіи.

Писемскій былъ издавна сторонникомъ разрѣшенія тѣхъ узъ, которыя нѣкогда наложены были на народъ съ цѣлью отдѣлаться отъ заботъ и попеченій о немъ. Иначе онъ и не могъ думать, будучи самъ хотя изъ стараго, но захудалаго съ теченіемъ времени дворянскаго рода, жившаго долгое время одной жизнью съ селомъ и деревней. Но въ своемъ сочувствіи къ освободительнымъ мѣрамъ правительства Писемскій сохранялъ еще, какъ и вездѣ, оригинальную и самостоятельную черту. Такъ, онъ не оказывалъ ни малѣйшаго признака сентиментальныхъ отношеній къ народу, какія окрашивали тогда всѣ бесѣды о предстоящей реформѣ. Писемскій былъ совершенно свободенъ отъ розовыхъ надеждъ, которыя возлагались на освобожденіе крестьянскаго населенія, не довѣрялъ обѣщаніямъ множества благъ, имѣющихъ произойти отъ одного „свободнаго“ труда, и не приходилъ въ восторгъ при мысли, что съ эмансипаціей прибываетъ на Руси нѣсколько милліоновъ полноправныхъ гражданъ и собственниковъ. На всѣ подобныя заявленія Писемскій смотрѣлъ, какъ на ораторскіе пріемы или какъ на изліянія благороднаго душевнаго настроенія, и признавалъ ихъ весьма полезными, въ виду воспитанія и приготовленія умовъ къ реформѣ; но самъ относился къ ней чрезвычайно просто. „Освобожденіе“ казалось ему необходимостью для страны потому собственно, что оно—освобожденіе и даетъ способъ каждому найти свой образъ и превратиться изъ старой, безформенной *души* въ опредѣленную личность. Но затѣмъ онъ отказывается вѣрить, что вмѣстѣ съ освобожденіемъ должна непремѣнно наступить и эра *обновленія* народа, что съ освобожденіемъ народъ покинетъ нѣкоторыя бытовыя привычки, возмущающія нравственное чувство, измѣнитъ прирожденныя свои наклонности и поправитъ свои представленія о порядкѣ и образѣ жизни согласно съ новыми условіями существованія, въ которыя поставленъ. Странно было слушать разрушеніе всѣхъ подобныхъ иллюзій со стороны человѣка, который, по своему характеру и своимъ симпатіямъ, самъ былъ изъ народа. Онъ представилъ нѣчто въ родѣ иллюстраціи къ своимъ положеніямъ въ

сценахъ изъ народнаго быта, изображенныхъ его романомъ „Взбаламученное море“, написаннымъ послѣ того, какъ великій актъ освобожденія уже сдѣлался закономъ страны (1863). Такъ же точно и при первыхъ слухахъ о реформѣ судебныхъ учрежденій и вводѣ въ нихъ института всесословныхъ присяжныхъ, практическій смыслъ, нажитый имъ въ провинціи, подсказывалъ ему опасенія и скептическія замѣтки. Писемскій пророчилъ, что присяжные изъ крестьянъ будутъ отличаться поразительной снисходительностью къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, потому что каждый изъ нихъ заранѣе будетъ состоять подъ гнетомъ убѣжденія, что онъ лично можетъ попасть завтра же, при стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ, на скамью обвиняемыхъ и по тому же самому преступленію, какое призванъ теперь судить. Взамѣнъ онъ утверждалъ, что нигдѣ не окажется столько жестокости и неумолимости, какъ при домашнихъ расправахъ крестьянъ, въ волостныхъ и сельскихъ трибуналахъ. Тутъ у русскаго мужика, по его мнѣнію, замѣшаются личные интересы и страсти, да наконецъ у себя дома онъ дозволитъ дѣлать съ собою и ближними гораздо болѣе того, чего такъ страшится отъ полиціи, паѣзжаго чиновника и посторонняго общинѣ лица. Многіе изъ тѣхъ, которые выслушивали подобныя мнѣнія отъ Писемскаго, принимали слова его за диффамацію народной сущности, за клевету скрытаго крѣпостника, но заподозрѣть Писемскаго въ привязанности къ крѣпостнымъ порядкамъ не было никакой возможности, и приходилось такимъ образомъ искать основъ для его замѣтокъ гдѣ-нибудь глубже.

Источники ихъ крылись въ органическомъ недовѣріи Писемскаго къ воспитательному характеру политико-экономическихъ, финансовыхъ, хозяйственныхъ и другихъ научно-государственныхъ мѣръ, безъ совмѣстнаго участія съ ними живого, нравственнаго авторитета. Онъ утверждалъ публично въ 1861 г., что новое выработанное положеніе о крестьянахъ предстанетъ передъ ними не въ видѣ нравственнаго дѣла по преимуществу, а въ видѣ фискальнаго, или на подобіе рѣшенія первой инстанціи суда по давней имущественной тяжбѣ ихъ съ помѣщиками. Тягаться можно будетъ и послѣ того, въ другихъ инстанціяхъ. Но для раскрытія морального смысла „Положенія“ необходимо, чтобы оно отразилось этой стороной своей на живыхъ примѣрахъ. Народъ вѣритъ только тому, что видитъ самъ или думаетъ видѣть передъ собою: если нѣтъ чудесъ, то необходимъ примѣръ. Писемскому казалось, что безъ сильныхъ „нравственныхъ авторитетовъ“ народъ не разстанется ни съ однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя получилъ въ періодъ рабства и чиновничьихъ притѣсненій, а только приноровится къ новымъ учрежденіямъ и въ нихъ рамкахъ разовьетъ еще съ большей энергіей дурное нравственное наслѣдство, полученное имъ отъ прошлаго. Онъ не придавалъ особеннаго значенія и будущему развитію благосостоянія освобожденныхъ, на которое многіе разсчитывали, какъ на сильный нравственный двигатель: жизненный опытъ привелъ его къ заключенію, что

богатство и нажива могутъ быть родоначальниками еще большихъ пороковъ и безобразій, чѣмъ сама скудость, которая считается ихъ матерью. Откуда явятся люди для предполагаемой имъ миссіи, Писемскій не зналъ. Онъ не могъ сказать, придутъ ли они со стороны самого народа, или вышлетъ ихъ наше духовенство; явятся ли они изъ земства, или создастъ ихъ та часть либеральной бюрократіи нашей, заслуги которой по борьбѣ съ сословными предразсудками и съ эгоизмомъ различныхъ классовъ общества онъ всегда признавалъ и высоко цѣнилъ. Писемскій пророчилъ только, что пройдутъ еще многіе и долгіе годы, прежде чѣмъ „освобожденіе“ дастъ всѣ тѣ результаты, какихъ ожидаютъ отъ него теперь же слишкомъ нетерпѣливые публицисты и патріоты. Съ такимъ-то багажомъ предвзятыхъ мыслей Писемскій и выступилъ въ качествѣ консерватора передъ литературой и публикой, настроенными совсѣмъ иначе.

Появленіе при „Современникѣ“ сатирическаго листка „Свистокъ“ (1860) произвело на возбужденное наше общество гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать отъ шутки. Листокъ показался побѣдой надъ цензурой и чопорнымъ обществомъ, жившимъ подъ ея прикрытіемъ; онъ отличался, между прочимъ, веселостью и большимъ остроуміемъ и довершалъ начавшійся ранѣе разборъ репутацій и авторитетовъ, но другими способами — насмѣшкой, пародіей, сарказмомъ, которыми владѣлъ чрезвычайно ловко. Примѣру „Свистка“ послѣдовали даже и большія газеты и серьезные журналы въ своихъ фельетонахъ, отчетахъ о книгахъ, библіографическихъ замѣткахъ,—завязалась игра именами, лицами, трудами ихъ, игра, хорошо знакомая западнымъ литературамъ, гдѣ она теряется въ цѣломъ движеніи, но еще рѣдкая у насъ и тогда производившая впечатлѣніе. Противъ этой своеобразной свободы слова, почерпающей въ самихъ излишествахъ своихъ право на безотвѣтственность, Писемскій только и возсталъ въ своемъ журналѣ. И понятно почему.

Для того, чтобы бороться съ основами новаго литературнаго направленія, съ его доктринами, которымъ журнальный памфлетъ служилъ только застрѣльщикомъ, требовалась уже большая подготовка, требовалась сила мышленія и знанія, какихъ журналу Писемскаго и его сотрудникамъ вовсе недоставало, какъ оказалось при первой же ихъ попыткѣ опредѣлить дѣятельность направленія. Оно пріобрѣло жаркихъ поклонниковъ, пустило бъ себя корни во всѣ стороны, укрѣпилось въ мысли и совѣсти людей. Писемскій остановился на второстепенныхъ, случайныхъ, эфемерныхъ его явленіяхъ и съ ними завязалъ дѣло, употребивъ и оружіе противниковъ. Онъ открылъ при своемъ журналѣ серію безцеремонныхъ фельетоновъ, которые самъ составлялъ, прикрываясь циническимъ псевдонимомъ „Никита Безрыловъ“, никого, впрочемъ, не обманывавшимъ и тогда.

Весь 1861 г. прошелъ въ единоборствѣ съ „Петербургскими Вѣдо-

мостями", „Сѣверной Пчелой", „Искрой". Говорить о большей или меньшей степени остроумія, полемической ловкости, мѣткости замѣтокъ тутъ не приходится. Дѣло сводилось объ'ими сторонами просто на количество обидъ и злобныхъ внушеній, какія каждая изъ нихъ могла выкинуть на свѣтъ. Достоинство и мастерство употребленія этихъ снарядовъ было равное здѣсь и тамъ. Никита Безрыловъ усмотрѣлъ въ противникахъ легкомысленныя претензіи овладѣть литературой съ помощью терроризаціи писателей; злобно смѣялся надъ неразборчивостью средствъ, употребляемыхъ ими для поддержки своего властолюбія, не оправдываемаго ни талантомъ ни познаніями, обличалъ комическую несостоятельность ихъ мнѣній и приговоровъ. Уже тогда можно было предусмотрѣть, однакоже, что борьба эта не кончится торжествомъ и побѣдой для Писемскаго, какъ дѣйствительно и случилось. Нельзя же было въ одно время думать о художественныхъ созданіяхъ и точить перо на ненавистную брань. Нуженъ былъ человѣкъ гораздо болѣе выносливаго, закаленнаго характера, чѣмъ Писемскій, для того, чтобы стоять хладнокровно подъ дождемъ изливаемаго на него каждодневно позора, мечтая объ отомщеніи, или во имя своихъ убѣжденій продолжать распрю, когда она перешла уже и за предѣлы литературы. Въ запискѣ, доставленной намъ уже послѣ смерти Писемскаго и составляющей какъ бы продолженіе его недописанной, коротенькой автобіографіи, говорится о побочныхъ средствахъ, къ какимъ прибѣгали враги его. Послѣднимъ ударомъ раздраженной партіи, возмущенной смѣлостью человѣка, впервые заговорившаго о ней, былъ вызовъ на дуэль, посланный Писемскому изъ редакціи одного юмористическаго листка. Не предвидя конца подобнымъ внѣлитературнымъ мѣрамъ, ошеломленный и преслѣдуемый въ одинъ голосъ тогдашними органами общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ, Писемскій впалъ въ то состояніе изнеможенія, нервнаго упадка силъ, какое находило на него при всякихъ крупныхъ неудачахъ жизни. Онъ отказался отъ редакціи „Библіотеки для Чтенія", а вслѣдъ затѣмъ принялъ и другое рѣшеніе: разорвавъ, за немногими исключеніями, всѣ связи съ Петербургомъ (тогда же онъ отказался и отъ участія въ дѣлахъ Литературнаго фонда), онъ со всей семьей переселился на постоянное житье въ Москву. Это было уже въ началѣ 1862 года.

Романъ „Взбаламученное море", о которомъ мы сейчасъ упоминали, начатый еще въ Петербургѣ, появился въ страницахъ „Русскаго Вѣстника" въ слѣдующемъ 1863 г., когда авторъ его уже совсѣмъ устроился на новомъ своемъ мѣстожительствѣ. Роману этому предшествовалъ другой романъ, гораздо болѣе замѣчательный и другого автора—именно „Отцы и дѣти" Тургенева, нашедшій себѣ мѣсто тоже въ „Русскомъ Вѣстникѣ" годомъ ранѣе (1862). Оба романа имѣли въ виду изображеніе одной и той же эпохи; но Тургеневъ подошелъ къ своей задачѣ во всеоружіи художника-психолога, много думавшаго о времени, которое выбралъ для картины, и позаботился раскрыть физіологическія и мо-

ральныя основы всѣхъ дѣйствующихъ на ней лицъ. Онъ пашелъ для нихъ типическія черты и снялъ съ физіономій ихъ всякое выраженіе чего-либо похожаго на легкомысліе, памѣтивъ только слѣды нравственныхъ болѣзней тѣхъ эпохъ, которымъ они служили представителями. Онъ сдѣлалъ еще болѣе, сообщивъ образцамъ безпощаднаго отрицанія, выведеннымъ имъ, оттѣнокъ мрачнаго величія, которое свойственно непоколебимымъ убѣжденіямъ и которое иногда заслоняетъ внутреннюю бѣдность ихъ содержанія. Онъ отнесся съ такимъ же безпристрастіемъ и къ растерявшемуся старому поколѣнію, которое донашивало свои прежніе идеалы, тщетно стараясь защитить ихъ отъ новыхъ людей. Такимъ образомъ создался извѣстный шедевръ русской и европейской литературы, принесшій автору множество упрековъ и обвиненій до тѣхъ поръ, пока, съ теченіемъ времени, не установился взглядъ на него, какъ на художественное изображеніе двухъ столкнувшихся на нашихъ глазахъ общественныхъ развитій съ ихъ героями, страстями и дѣлами.

Ничего подобнаго, конечно, не заключалъ въ себѣ романъ Писемскаго „Взбаламученное море“. Въ немъ было много юмористическаго таланта, но мало созданія. Довольно небрежно составленный романъ этотъ представилъ у насъ первый опытъ *полемическаго* романа, нашедшій потомъ множество подражателей. Обыкновенное свойство всѣхъ полемическихъ романовъ заключается въ томъ, что они не занимаются исторіей возмущающихъ общественныхъ явленій, берутъ ихъ безъ корней и почвы, по одному наружному виду, и переносятъ въ какое-то подобіе потѣшнаго сада, разведеннаго только на одинъ день праздника. Авторъ „Взбаламученнаго моря“, всего болѣе пораженный неурядицей, которую произвели въ нѣкоторыхъ слояхъ общества плохо понятыя ими литературныя направленія, отдалъ на публичный позоръ такія исключительныя явленія этого маленькаго и неразумнаго міра, что романъ его составилъ просто коллекцію уродливостей эпохи, имѣя въ виду передачи ея родныхъ отличій. Гораздо лучше удались автору изображенія типовъ, оставленныхъ крѣпостными порядками на полѣ проигранной ими недавней битвы. Эти умирающіе чрезвычайно ярко выражали, въ послѣднія минуты свои, весь длинный, безобразный путь, пройденный ими до того. Повторяемъ однакожъ, что ни въ одномъ изъ своихъ произведеній Писемскій не достигалъ такого пафоса, такого ядовитаго юмора, такой горькой насмѣшки и циничесной обрисовки характеровъ, какъ именно въ этомъ романѣ. Онъ писалъ подъ вліяніемъ гнѣва и раздраженія и остался памятникомъ полемической беллетристики, не превзойденнымъ его подражателями. Оба романа, и Тургенева и Писемскаго, несмотря на неизмѣримую разницу въ ихъ достоинствѣ и содержаніи, были одинаково знаменіями поворота литературы къ критическому пересмотру идей, господствовавшихъ въ обществѣ.

Вскорѣ послѣ появленія своего романа, Писемскій поступилъ въ редакцію журнала „Русскій Вѣстникъ“, въ качествѣ завѣдующаго бел-

летристическимъ его отдѣломъ. Петербургскій періодъ жизни закончился совершенно для нашего автора, что̀ и позволяетъ намъ оглянуться теперь назадъ и обозрѣть литературную его дѣятельность за это время. Она была въ высшей степени плодотворна.

Весь этотъ періодъ принадлежитъ къ самой блестящей эпохѣ его производительности и сплошь наполненъ совершеннѣйшими его созданіями, которыя доставили автору ихъ славу таланта, выходящаго по силѣ и мѣткости изображеній изъ ряда вонъ. Слава эта уже не умалилась впослѣдствіи ни отъ злыхъ критикъ, которымъ подверглась, ни отъ собственныхъ менѣе удачныхъ произведеній автора, появившихся во вторую половину его жизни. Послѣ первыхъ его опытовъ въ Москвѣ, Петербургъ видѣлъ полный расцвѣтъ его таланта. Достаточно вспомнить, что въ десятилѣтіе его пребыванія въ Петербургѣ были написаны самыя капитальныя изъ его произведеній: „Плотничья артель“, „Старая барыня“, „Батя“, романъ „Тысяча душъ“ и драма „Горькая судьбина“. Остановимся только на двухъ послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ есть данныя для подтвержденія нашихъ замѣтокъ о свойствѣ его настроенія и созерцанія вообще.

Романъ „Тысяча душъ“ принадлежитъ къ числу наиболѣе продуманныхъ и наиболѣе обработанныхъ созданій Писемскаго. Онъ поразилъ тщательностью своей постройки и иностранныхъ критиковъ, познакомившихся съ нимъ въ переводахъ. Развитіе интриги его и характера главнаго его героя, Калиновича, на которомъ вращается все дѣйствіе романа, обнаруживаетъ строгую художественную работу, чего такъ недостаетъ нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ его произведеній второго, московскаго періода. Писемскій не скрылъ недостатковъ Калиновича. Онъ показалъ въ немъ деспотическую натуру, съ привитыми къ ней сѣменами культурныхъ идей. Созрѣвшіе плоды этой прививки не замедлили отозваться свойствами дерева, на которомъ выросли. Калиновичъ на первыхъ же порахъ оказывается способнымъ распространять кругомъ себя, во имя прогресса, всеобщій плачъ и ужасъ, не заботясь, куда они приведутъ самое дѣло, предпринятое имъ въ видахъ правовъ и укорененія добрыхъ началъ. Чѣмъ далѣе идетъ повѣствованіе, тѣмъ яснѣе становится, что Калиновичъ—чиновникъ съ учебнымъ дипломомъ, пробивающійся сквозь табель о рангахъ въ своего рода Петры Великіе — для того, чтобы на послѣднихъ ступеняхъ карьеры кончить покаяніемъ въ заблужденіяхъ молодости. Русское общество видѣло множество типовъ этого рода въ своихъ нѣдрахъ. Писемскій не утаилъ и того обстоятельства, что людямъ этого характера необходимо для свободы дѣйствій обладать какимъ-либо видомъ *государственной* власти, чего они и добиваются всѣми силами души, не пренебрегая никакимъ оружіемъ, не отступая ни передъ какими средствами, выводящими людей на видныя мѣста. Калиновичъ не отказывается ни отъ одной, или плотской, или честолюбивой, похоти, преслѣдуетъ разныя цѣли, одновременно жи-

весть въ связи съ любящей его актрисой и задумываетъ сдѣлать богатую партію на сторонѣ. Это въ одно время сластолюбецъ, расчетливый карьеристъ и носитель просвѣщенія! Несмотря на всѣ эти черты, онъ сохраняетъ въ романѣ Писемскаго видъ непризнаннаго дѣльца и сильнаго характера, внушающаго уваженіе; одно качество смываетъ его недостатки: Калиновичъ высится въ средѣ драмы, какъ лицо, которое могло бы, при случаѣ, высоко держать знамя государственнаго авторитета, если бы послѣднему грозила опасность, и за одно это предполагаемое въ немъ качество возстановляются его права на званіе почетнаго героя романа и призываются къ нему симпатіи читателей. Такова мысль романа, близко передающая и убѣжденія его автора.

Не менѣе характерно и другое капитальное произведеніе Писемскаго—комедія „Горькая судьбина“, которая развивается уже въ деревнѣ и на почвѣ еще неупраздненнаго крѣпостного права. Скажемъ тотчасъ же, что по нашему мнѣнію, если когда-либо извѣстная Уваровская премія за драматическія сочиненія отвѣчала своей цѣли и падала на произведеніе, глубоко затрагивающее русскую жизнь, то именно въ тотъ разъ, когда премія дана была Писемскому за знаменитую его комедію, не потерявшую цѣны и отъ сравненія съ самыми удачными и тоже много разъ увѣнчанными произведеніями А. Н. Островскаго.

Крѣпостной міръ, въ которомъ вращается комедія Писемскаго, уже настолько потрясенъ и подрытъ въ основахъ, что помѣщикъ села, гдѣ происходитъ дѣйствіе, является намъ человѣкомъ, страдающимъ отсутствіемъ воли и признаками безпокойства совѣсти, при исполненіи функцій своего званія. Въ числѣ его подданныхъ находится богатый мужикъ, очень умный и охотно резонирующій, какъ обыкновенно бываетъ со смѣтливыми людьми, обязанными самимъ себѣ и относительнымъ развитіемъ и состояніемъ. Насколько ясенъ и доволенъ собой мужикъ, настолько спутанъ и неувѣренъ въ себѣ его помѣщикъ — и эта противоположность двухъ характеровъ очень мѣтко опредѣляетъ время возникновенія драмы, наканунѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса. Послѣ долгаго отсутствія изъ деревни, расторговавшійся въ столицѣ мужикъ возвращается домой съ подарками для любимой жены и съ коробомъ извѣстій о городскихъ чудесахъ, имъ видѣнныхъ. Онъ повѣствуетъ о нихъ степенно, безъ восторговъ и безъ нахальства. Онъ въ нихъ нашелся, онъ ими воспользовался и цѣнитъ ихъ особенно, какъ новые способы добывать для деревни и семьи, о которыхъ никогда не забывалъ, покой и благосостояніе. Можно себѣ представить, что съ нимъ происходитъ, когда послѣ своихъ разспросовъ онъ узнаетъ страшную вѣсть, что въ его отсутствіе любимая жена, при посредствѣ бурмистра, вступила въ добровольную любовную связь съ бариномъ и принесла къ нему въ домъ чужого, прижитаго ею ребенка. Этотъ степенный мужикъ оказывается совершенно безпомощнымъ въ минуты страсти, не способнымъ владѣть собою, не обладающимъ никакимъ нравственнымъ началомъ, которое

могло бы прійти на помощь его честной природѣ вообще. Съ первыхъ словъ исповѣди онъ превращается въ лютаго звѣря и расправляется съ виновной женой, какъ могъ бы сдѣлать первый кабачный проходимецъ, т.-е. избиваетъ ее до полусмерти. Но, совершивъ этотъ обычный актъ крестьянскаго суда, онъ скоро одумывается, что и даетъ автору случай создать высоко-драматическую и трогательную сцену, которая составляетъ дорогой перлъ самой комедіи. Свирѣпый палачъ жены чувствуетъ, послѣ перваго взрыва бѣшенства, потребность примиренія и прощенія взаимныхъ обидъ. Его, благородная въ сущности, натура, хотя и ничѣмъ не укрѣпленная для побѣды надъ животными инстинктами, одерживаетъ тутъ на мгновеніе верхъ и проявляется во всей своей правдѣ. Въ сдержанномъ тонѣ рѣчи, какой подобаетъ главѣ семейства, онъ приглашаетъ недавнюю жертву свою раздѣлить съ нимъ за самоваромъ супружескую бесѣду, забыть все случившееся, возстановить свое доброе имя раскаяніемъ и возвращеніемъ къ прежнимъ порядкамъ жизни. Въ словахъ его звучитъ мольба и надежда. Согласіе принять предложеніе составляетъ для него, видимо, залогъ возстановленія мира и возможности принять мѣры для будущаго образа жизни между людьми. Надо было слышать эту сцену въ чтеніи самого Писемскаго, чтобы понять, сколько въ прерывистыхъ фразахъ несчастнаго мужа заключается тайнаго сожалѣнія о преступницѣ и моленія объ отпущеніи вины ему самому. На этотъ призывъ обезумѣвшая женщина, еще подъ вліяніемъ испытанныхъ ею побоевъ, отвѣчаетъ признаніемъ въ любви къ барину и угрозой уйти къ нему вмѣстѣ съ ребенкомъ. Чаша была переполнена; сознаніе совсѣмъ покидаетъ бѣднаго мужа и отдаетъ его во власть слѣпому порыву злобы и мести. Онъ бросается къ женѣ, убиваетъ ея ребенка и убѣгаетъ за тѣмъ, чтобы снова явиться на мѣсто преступленія и отдать себя во власть сельской полиціи. Онъ мирится со своей участью, никого не обвиняетъ и прощаетъ жену. Извѣстно, что Писемскій вывелъ на сцену и самое слѣдствіе по этому дѣлу, въ которомъ принимаетъ участіе молодой губернаторскій чиновникъ. Разноголосица между членами этого ареопага еще показываетъ, что и старый судебный институтъ, какъ и крѣпостной бытъ, находились тогда въ полномъ разбродѣ и анархіи, ожидая своего обновленія. Между прочимъ, гуманный помѣщикъ деревни, который былъ первой причиной преступленія и возникшей драмы, негодуетъ у Писемскаго на общественные порядки, мѣшающіе ему раздѣлаться благороднымъ образомъ съ оскорбленнымъ мужемъ, предложить ему честную дуэль. Черта очень тонкая и характерная для времени, хотя она и брошена авторомъ вскользь. Такова эта превосходная комедія, которой суждено еще долго волновать со сцены зрителей, какъ это дѣлаетъ она теперь при всякомъ представленіи.

Здѣсь кстати помѣстить нѣкоторыя подробности, съ нею связанныя; основа ея не была выдумана художникомъ. Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 году, будучи еще чиновникомъ

особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ. Онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого же содержанія и, въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ. Комедія писалась имъ лѣтомъ на дачѣ, близъ Петербурга, и случилось, что однажды авторъ ея встрѣтился на прогулкѣ съ актеромъ Мартыновымъ. Онъ зазвалъ его къ себѣ въ домъ и прочелъ ему первыя три дѣйствія ея, тогда написанныя. Знаменитый артистъ пришелъ въ восторгъ отъ нихъ и изумился Писемскаго, выразивъ намѣреніе взять роль мужа, когда пьеса поступитъ на сцену. Тогда еще никто не могъ угадать въ Мартыновѣ призванія на драматическія роли, и Писемскій выразилъ свое сомнѣніе; но великій комикъ настоятельно требовалъ предоставленія ему роли Ананія. Кажется, этого не случилось, и Мартынову суждено было показать въ другихъ и менѣе значительныхъ роляхъ присутствіе въ себѣ патетическаго элемента, которымъ обладаетъ всякій истинный комикъ. Въ заключеніе Мартыновъ спросилъ: „а какъ ты намѣренъ окончить пьесу?“ Писемскій отвѣчалъ: „по моему плану Ананій долженъ сдѣлаться атаманомъ разбойничьей шайки и, явившись въ деревню, убить бурмистра“.—„Нѣтъ, это нехорошо, — возразилъ Мартыновъ: — ты заставь его лучше вернуться съ повинной головой и всѣхъ простить“. Писемскій былъ пораженъ вѣрностью этой мысли и буквально послѣдовалъ ей. Такъ хорошо угадалъ знаменитый артистъ сущность пьесы, прозрѣвъ законный, необходимый исходъ ея чутьемъ истины, присущимъ всякому истинному таланту.

III.

Переѣхавъ въ Москву, Писемскій скоро пріобрѣлъ качества, отличающія большинство ея обитателей, т.-е. наклонность къ домовитости — съ одной стороны, и къ скептицизму по отношенію къ петербургскимъ мнѣніямъ вообще—съ другой. Правда, скептицизмъ послѣдняго рода сказывался у Писемскаго и прежде, какъ мы видѣли, но журнальная буря, выдержанная имъ въ Петербургѣ, еще укрѣпила его. Петербургская неудача наложила печать на весь строй его мыслей, на добрую часть всей послѣдующей его дѣятельности. Съ нея именно начинается то *памфлетическое* направленіе, которое принялъ Писемскій въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Оно составило господствующую ноту его творчества, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ произведеній: романа „Люди сороковыхъ годовъ“ (1869) и другого, предемертнаго, такъ сказать, романа „Масоны“ (1880), которые отъ него совершенно свободны, благодаря близкому личному знакомству автора съ живыми типами, въ нихъ изображенными. Памфлетическое отношеніе къ сюжетамъ до того овладѣло Писемскимъ, что прокралось и въ картины отжившихъ порядковъ, имъ созданныя (трагедіи „Самоуправцы“, 1867, и „Бывые соколы“, 1868), также точно какъ въ изображенія изъ современныхъ

нравовъ. Цѣли и пріемы литературнаго памфлета всегда и вездѣ одинаковы. Они состоятъ въ томъ, чтобы довести лицо или событіе до высшей степени безобразія, какое для нихъ только мыслимо, а все недостающее имъ до этого позорнаго апооеоза изобрѣсти болѣе или менѣе искусно и правдоподобно. На это дѣло потрачено было Писемскимъ много таланта, юмора и энергіи. Комедія его, „Ваалъ“, напримѣръ,—шедевръ этого рода произведеній,—рисуетъ уже оргію современнаго хищничества на чистоту, почти безъ литературнаго прикрытія, съ грубостью народнаго фарса, называющаго всѣ предметы ихъ именами. Но памфлетическій образъ обработки сюжетовъ имѣетъ одинъ большой недостатокъ:—онъ устраняетъ трудъ созиданія характеровъ и довольствуется однимъ выпуклымъ изображеніемъ ихъ главнаго порока, предоставляя на основаніи этого документа дорисовывать самые типы воображенію читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увольняетъ автора и отъ обязанности раскрывать психическія побужденія лицъ и заботиться о логическомъ ходѣ пьесы: все это становится ненужнымъ, когда успѣхъ или вліяніе произведенія зависятъ только отъ яркости красокъ, употребленныхъ на обличеніе того или другого безобразія. Разъ памфлетическое созданіе вырвало у своихъ читателей слово негодованія и отвращенія къ изображаемому предмету, котораго добивалось и которое оно же имъ и подсказало, дѣло его кончено: оно устраняется, какъ вещь, выслужившая свой срокъ и получившая свою награду. Отъ него ничего не остается, какъ отъ обвинительной, прокурорской рѣчи послѣ судейскаго приговора. Не то бываетъ съ дѣльной художественной сатирой. Процессъ ея развитія всегда столь же важенъ, какъ и ея тема, потому что затрогиваетъ на пути своемъ основы и духовное настроеніе общества, а для этого требуется соединеніе въ однѣхъ рукахъ большого творческаго таланта, политическаго развитія и пониманія соціальныхъ нуждъ времени. Такая сатира рѣдко останавливается на очевидныхъ, зіяющихъ ранахъ общества, предоставляя цѣленіе ихъ докторамъ и совѣтчикамъ, которые стекутся къ паціенту со всѣхъ сторонъ, по первому призыву; она преимущественно подвергаетъ діагнозу своему скрытыя болѣзни вѣка, съ которыми люди до того сжились, что считаютъ ихъ даже необходимыми условіями своего существованія. Ссылки ея на живые примѣры и личности далеко не походятъ на фотографическія карточки съ подсудимыхъ, какія прилагаются къ важнымъ слѣдствіямъ, а имѣютъ въ виду представить наглядныя доказательства силы и объема тайнаго и общественнаго недуга. Художественная сатира, предостерегая отъ него своихъ современниковъ, готовитъ вмѣстѣ съ тѣмъ потомству драгоцѣнный историческій документъ для будущаго опредѣленія нравственнаго и физіологическаго положенія цѣлой эпохи.

Разрывъ Писемскаго съ Петербургомъ не коснулся старыхъ друзей его, тамъ оставленныхъ. При всякомъ проѣздѣ черезъ Москву они являлись къ нему въ тотъ уголокъ древней столицы, по сосѣдству съ Сивце-

вымъ-Вражкомъ, гдѣ Писемскій поселился. Съ 1866 года онъ уже находился на службѣ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія,— мѣсто, предоставленное ему министромъ-литераторомъ нашимъ П. А. Валуевымъ вслѣдствіе просьбы самого Писемскаго. Положеніе нашего автора было теперь упрочено. Каждое новое его сочиненіе тотчасъ же пріобрѣталось издателями журналовъ, особенно новыми, которымъ имя Писемскаго служило какъ бы рекомендаціей передъ публикой. Перечисливъ себя окончательно въ московскіе жильцы, онъ подумалъ и объ устройствѣ постояннаго дома. Маленькій купленный имъ клочокъ земли онъ обстроилъ чистыми наемными помѣщеніями, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ, и съ замѣчательнымъ расчетомъ пространства и воздуха отвелъ себѣ на дворѣ особый флигель съ садикомъ, отдѣлавъ его для спокойнаго жизненнаго труда очень тщательно. Въ этомъ домикѣ мнѣ и случалось проводить долгіе часы, которыхъ никакъ нельзя было назвать потерянными часами. Рѣдкое свойство Писемскаго— всегда походить на самого себя и класть особую печать своего духа и ума на всѣ предметы обсужденія—дѣлало бесѣды съ нимъ занимательными и оригинальными въ высшей степени. Онъ не потерялъ способности различать, за тонкой тканью мыслей и словъ, настоящее лицо людей и представлять ихъ себѣ, такъ сказать, въ натуральномъ состояніи, такими, какими они должны были являться самимъ себѣ, въ своей совѣсти и въ своемъ сознаніи. Анализъ этотъ, впрочемъ, нисколько не имѣлъ того остраго, упорнаго и надоѣдливаго характера, который не оставляетъ никакой мелочи безъ изслѣдованія и перевертываетъ ее на всѣ лады, добиваясь отъ нея, во что бы то ни стало, какого-либо слова. Онъ выражался у него обыкновенно однимъ мѣткимъ опредѣленіемъ, часто юмористической фразой, которыя почти всегда и затѣривались въ дальнѣйшемъ разговорѣ. Иной разъ, слушая Писемскаго, приходило на умъ, что въ немъ повторяется опять старый, московскій типъ ворчливаго туза, удалившагося на покой, но тутъ была и существенная разница. Тузы этого рода всѣ принадлежали къ вельможному чиновничеству нашему и приводились въ движеніе завистью, обманутымъ честолюбіемъ, злобой послѣ паденія ихъ властолюбивыхъ надеждъ, между тѣмъ какъ Писемскій, хотя и могъ назваться тузомъ литературнымъ, но жажды повелѣвать и кичиться передъ людьми никогда не испытывалъ, чувства зависти не зналъ вовсе и въ своихъ замѣткахъ покорялся единственно природному свойству своего ума.

Нерѣдко случалось и наѣзднымъ и мѣстнымъ гостямъ его находить хозяина въ состояніи апатіи, хандры и ипохондріи. Это нападало на него—на подобіе припадковъ падучей болѣзни—нежданно и безпричинно. Тогда высвобождалась у него самая безпокойная, мучительная— по своей неопредѣленности, грызущая тоска, не уступавшая никакимъ резонамъ. Много участвовала въ производствѣ болѣзни, надо сказать, и его широкая русская натура, не вполнѣ покоренная образованіемъ.

Будучи примѣрнымъ гражданиномъ и семьянином, онъ по отношенію къ самому себѣ, къ внутреннему своему міру, находился постоянно въ положеніи агитатора. Онъ скучалъ въ рамкахъ внѣшняго благосостоянія, имъ же и созданнаго для себя, и, окруженный любовью всѣхъ близкихъ ему людей и заслуженнымъ почетомъ со стороны общества къ своему характеру и дѣятельности — Писемскій чувствовалъ по временамъ вражду къ такому способу существованія и желалъ неизвѣстныхъ порядковъ, которые оторвали бы его отъ закоренѣлыхъ привычекъ жизни, отъ обычнаго строя и теченія ея. Но у Писемскаго были и вѣрные охранители въ минуты подобныхъ припадковъ. Никогда самая необузданная фантазія, завладѣвшая имъ, не могла потушить искры здраваго смысла, тлѣвшей въ его душѣ, никогда также не пропадало у него сознаніе достаточности своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ для того, чтобы найтись и устроиться въ какомъ-либо другомъ мірѣ, кромѣ того, который его окружалъ. Онъ возвращался снова къ условіямъ реальнаго существованія, сопровождаемый хандрой и изнеможеніемъ, какъ результатами прошлаго раздраженія своей мысли.

Въ позднѣйшихъ нашихъ встрѣчахъ я замѣчалъ годъ отъ году все большую перемѣну въ Писемскомъ. Онъ замѣтно тяжелѣлъ и осунулся, а красивое лицо, съ крупными умными чертами, его отличавшими, пріобрѣтало все болѣе и болѣе болѣзненное выраженіе. Онъ ничѣмъ не страдалъ, не жаловался на утрату силъ. Помню, что однажды онъ зашелъ ко мнѣ, по дорогѣ къ мѣсту служенія, въ форменномъ своемъ вицмундирѣ и на замѣчаніе, что привольная московская жизнь кончается обыкновенно протестомъ всего организма нашего,— отвѣчалъ печально: „это имѣетъ смыслъ, но крайней мѣрѣ; а вотъ я, вставая утромъ съ постели, уже чувствую безъ всякаго повода усталость во всемъ существѣ“. Нетрудно было угадать, что первый серьезный недугъ или первое серьезное несчастіе сломятъ этотъ организмъ, надорванный умственною и постоянными безпокойными состояніемъ духа, несмотря на внѣшній, крѣпкій составъ его, обманывавшій всѣхъ, кто видѣлъ Писемскаго.

Такъ именно и случилось. Надъ Писемскимъ разразилась — и совсѣмъ неожиданно — страшная катастрофа. Любимый сынъ его, Николай, замѣчательный по уму и благородству характера молодой человѣкъ, только-что блистательно кончившій университетскій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ у него было уже мѣсто и открывались большія надежды на будущее, внезапно покончилъ жизнь самоубійствомъ, причины котораго не разъяснены порядкомъ и доселѣ. Ударъ для Писемскаго-отца былъ сокрушительный въ полномъ смыслѣ слова. По свидѣтельству домашнихъ, онъ уже никогда до самой смерти и не поправлялся послѣ него. Со смертью сына наступила та полоса кажущейся, призрачной жизни, которая имѣетъ все подобіе дѣйствительной, настоящей, будучи въ сущности только свидѣтельствомъ ея отсутствія. Она тяну-

лась довольно долго для Писемскаго, благодаря попечительной рукѣ, находившейся возлѣ него. Рука эта потрудилась ввести опять Писемскаго въ колею вседневной, обыкновенной, будничной жизни, которая на душевно-больныхъ дѣйствуетъ болѣе спасительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По милости обязательныхъ распорядковъ такой жизни, Писемскій возвратился опять къ свѣту, къ своимъ знакомымъ, по временамъ къ юмористическому настроенію и даже къ мечтамъ и затѣямъ своей фантазіи, которыя составляли вторую природу его; но все это уже производилось безъ увлеченія, безъ пыла и страсти. Въ послѣднее время Писемскій походилъ на блѣдную копію съ эффектнаго, многосодержательнаго оригинала. Душевная рана со всѣми мыслями, которыя она пробуждала, никогда уже не закрывалась и медленно, но постоянно разливала отраву по всему существу его. Она и свела его въ могилу. Писемскій слегъ въ постель подъ дѣйствіемъ одного изъ тѣхъ мрачныхъ припадковъ недовольства и мнительности, которые стали находить на него все сильнѣе и чаще послѣ семейной катастрофы. По признанію жены покойнаго, она не ожидала близкаго конца и думала, что припадокъ минуется, какъ всѣ предшествовавшіе ему и разрѣшавшіеся обыкновенно молчаливой грустью и физическимъ изнеможеніемъ. Но это было уже послѣднимъ проявленіемъ изстрадавшагося организма, лишеннаго всѣхъ нужныхъ силъ сопротивленія, и перешло въ предсмертную агонію. Прибавимъ къ этому разсказу одну черту. За все время продолжительной психической своей болѣзни единственнымъ облегчающимъ средствомъ противъ нея, бальзамомъ, который утишалъ ея муки и давалъ Писемскому минуты истиннаго покоя, былъ его письменный столъ. Онъ прибѣгалъ къ нему за временнымъ исцѣленіемъ ежедневно. За нимъ онъ вступалъ въ обладаніе всѣми своими способностями и чувствовалъ себя полнымъ человѣкомъ—и былъ правъ, какъ доказывается послѣднимъ его романомъ „Масоны", 1880 г., изданнымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины автора и носящимъ на себѣ всѣ признаки больного и далеко не угасшаго таланта. Только подобному таланту было возможно превратить личныя воспоминанія объ одномъ живомъ и довольно странномъ лицѣ своей молодости—въ типъ представителя цѣлаго ученія, и въ этомъ качествѣ замѣшать его въ сложную интригу романа.

До послѣдней развязки этой жизни, я два лѣта сряду видѣлъ Писемскаго въ Баденѣ, гдѣ жилъ тогда (1874—75). Продолжительная разлука давала особенную цѣнность этимъ свиданіямъ. Съ перваго раза поразилъ меня видъ разрушенія, произведеннаго на моемъ посѣтителѣ горемъ и временемъ. Писемскій походилъ на руину. Покинувъ службу въ 1872 г., онъ являлся теперь за границу для свиданія, во-первыхъ, съ другимъ оставшимся сыномъ, который приготовлялся въ Гёттингенѣ, по порученію московскаго университета, къ занятію мѣстъ адъюнкта при немъ по каѳедрѣ права, а во-вторыхъ, и для поправленія своего здоровья, послѣ потрясеній семейной катастрофы. Прожитое Писемскимъ въ

Москвѣ десятилѣтіе (1863) завершалось преждевременною старостью. Грустно было видѣть, какъ все существо его приходило въ трепетъ отъ воображаемыхъ, близко грядущихъ бѣдствій, и искало спасенія вокругъ себя съ покорностью и безпомощностью ребенка. Міръ былъ уже населенъ для него одними страхами, предчувствіями бѣдствій, грозными событіями, которыя, при всякомъ случаѣ, возникали въ его умѣ, облекаясь плотью, и стояли, какъ живые, да еще и во всеоружіи, придуманномъ для нихъ болѣзненнымъ воображеніемъ страдальца. Помню, какъ однажды, ожидая прибытія въ Баденъ сына, замедлившаго почему-то свой отъѣздъ изъ Гёттингена, Писемскій пришелъ въ отчаяніе. Онъ создалъ полную картину крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда, на которомъ, по его соображеніямъ, долженъ былъ находиться несчастный молодой человѣкъ, и умолялъ всѣхъ встрѣчныхъ справиться о мѣстѣ катастрофы и о томъ, куда слѣдуетъ направиться, чтобы подобрать трупъ погибшаго. Никакія объясненія и представленія на него не дѣйствовали; онъ метался цѣлую ночь и весь день въ страшной тоскѣ до тѣхъ поръ, пока не явился налицо самъ оплакиваемый сынъ. Надо сказать, что какъ сынъ, такъ и жена Писемскаго знали, вообще, какъ обращаться съ фантазіями больного. Будущій адъюнктъ-профессоръ, напримѣръ, очень серьезно выслушивалъ предостереженія отца относительно осторожнаго перехода черезъ улицу, осмотрительности въ выборѣ лошадей и извозчичьяго экипажа и т. д., и безъ улыбки принималъ всѣ его совѣты подобнаго же рода. Когда цѣной такихъ уступокъ и попеченій покупались минуты душевнаго спокойствія для Писемскаго, онъ становился прежнимъ добродушнымъ и остроумнымъ юмористомъ; анекдоты стараго времени, воспоминанія молодости казались неизсякаемыми, жилка комика пробуждалась изъ летаргіи и сказывалась въ противопоставленіи характеровъ, имъ встрѣченныхъ, одного другому и т. д. Впрочемъ, оживленіе продолжалось обыкновенно недолго, а къ концу жизни—всѣ эти остатки бывалой веселости все болѣе и болѣе смолкали.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Писемскаго на московскихъ пушкинскихъ праздникахъ 1880 года. На одномъ засѣданіи этого замѣчательнаго, какъ по характеру, такъ и по сложности своей, юбилейнаго торжества, Писемскій, довольно вяло прочелъ свою рѣчь о поэтѣ, котораго обожалъ, какъ великаго реалиста, открывшаго въ душѣ и нравственныхъ сторонахъ русскаго человѣка еще не подозрѣваемыя сокровища чувства и своеобычнаго ума. Рѣчь его не имѣла успѣха, будучи лишена блестящей аргументаціи, какая требуется отъ публичнаго слова, но ее выслушали съ уваженіемъ къ лицу и авторитету оратора. Затѣмъ Писемскій уже не принималъ участія въ пиршествахъ и собраніяхъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкину. Я еще посѣтилъ его на дачѣ, около Петровскаго парка, гдѣ онъ поселился. Онъ имѣлъ усталый видъ, мало вдавался въ бесѣду и только съ видимымъ удовольствіемъ показывалъ мнѣ красивые рисунки, которые присоединилъ къ его роману

„Масоны“ издатель журнала „Огонекъ“, гдѣ романъ печатался. Впрочемъ, онъ избѣгалъ разговора о самомъ произведеніи, какъ будто опасаясь, что обширное его заглавіе вызоветъ вопросы, какихъ авторъ не имѣлъ въ виду при сочиненіи. Конечно, это было ошибочное предположеніе, такъ какъ всѣ задачи романа намѣчены были въ немъ самомъ; но оно еще разъ свидѣтельствуетъ о такого рода пугливости, которая стала его удѣломъ за послѣднее время. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ журналы принесли вѣсть о его кончинѣ, послѣдовавшей 21 января 1881 г.

Писемскій представляетъ собою лицо во многихъ отношеніяхъ трогательное. Слѣдуя примѣру чистосердечія и откровенности, который онъ далъ намъ всей своей жизнью, мы позволяли себѣ упоминать о его болѣзняхъ и слабостяхъ, но, можетъ-быть, біографическое разоблаченіе это еще укрѣпитъ сочувствіе читателя къ этому замѣчательному человѣку. Не въ видѣ принижения или оскорбленія нашего автора, а скорѣе въ видѣ посмертнаго вѣнка на его могилу, скажемъ, что Писемскій принадлежалъ многообразной, но цѣльной и единой по выраженію *русской толпы* и являлся въ литературѣ нашей ея представителемъ. Это своего рода гласный изъ народа, схожій со своими избирателями какъ по уму, таланту, такъ и по нравственному содержанію. Можно указывать его недостатки, не соглашаться съ его убѣжденіями, видѣть погрѣшности въ его представленіяхъ, но не узнать въ немъ выраженія народнаго способа—понимать лица и предметы, кажется, нѣтъ возможности. Самая, грубость тона въ его ѣдкихъ обличеніяхъ пороковъ и преступленій, выборъ темъ, большею частью бросающихся въ глаза своимъ позорнымъ содержаніемъ, и отвращеніе къ какого-либо рода идеализаціи существующаго быта, къ которой никогда во всю жизнь онъ и не прибѣгалъ, показывали въ немъ бывалаго человѣка, знакомаго со взглядами, чувствами и сужденіями толпы. Позволительно, конечно, усматривать несовершенства въ планахъ и самой постройкѣ нѣкоторыхъ его произведеній, но непозволительно было бы не признать силы творчества, проявляющейся въ нихъ на каждомъ шагу. Особенность его большого таланта заключалось, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ ясно носилъ на себѣ печать непосредственности и вдохновенія, отличающихъ народное мышленіе. Не ломая головы, не собирая предварительныхъ замѣтокъ и документовъ, Писемскій прямо, безъ подготовки, порождалъ любопытные, забавные и всегда выразительные типы, которые теперь и гуляютъ по лицу нашей земли, открывая ей собственную ея физіономію. Такими типами изобилуютъ всѣ его сочиненія безъ исключенія, даже и самыя слабыя. Въ лицѣ Писемскаго читающая народная масса нашла себѣ лѣтописца, а съ такими представителями ея необходимо считаться не въ одной политической, но и въ литературной сферѣ. Къ тому же Писемскій носилъ почетное званіе это весьма достойнымъ образомъ, потому что соединялъ въ себѣ качества, рѣдко встрѣчаемыя вмѣстѣ. Это былъ

замѣчательный художникъ и въ то же время *простой* человѣкъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова!

Сколько симпатій, неудержимаго влеченія къ человѣку, добрыхъ чувствъ и мыслей пробуждаетъ одинъ этотъ эпитетъ: „простой человѣкъ“, когда онъ прилагается къ дѣятелю, имѣвшему общественное значеніе. Писемскій заслужилъ его вполнѣ. Въ нашъ вѣкъ составленія огромныхъ состояній, какъ и огромныхъ репутацій, онъ оставался равнодушнымъ къ подстрекательствамъ честолюбія и тщеславія. Онъ, наоборотъ, мысленно участвовалъ въ энтузіазмѣ общественнаго мнѣнія, когда оно присуждало награды и апоѳеозы истинной заслугѣ и достоинству, не думая вовсе о своихъ правахъ на такое же отличіе. Мы уже сказали, что всякое подобіе зависти было чуждо душѣ его, какъ равно и всякое усиліе обратить на себя вниманіе публики, выступивъ кандидатомъ на ея исключительное благоволеніе. Свою долю таланта, изобрѣтательности, наблюденія онъ несъ чрезвычайно скромно, въ теченіе своей жизни, не имѣя и въ помыслѣ выдавать ее за вмѣстилище необычайныхъ открытій и довольствуясь той оцѣнкой ея, которую получалъ вседневно и обыкновеннымъ путемъ хладнокровной, трезвой критики. Обликъ его перейдетъ совершенно яснымъ и опредѣленнымъ къ потомству и не помрачится никакими послѣдующими разъясненіями и разоблаченіями, потому что всѣ разъясненія и разоблаченія онъ испыталъ и перенесъ уже при жизни лица, которое его носило. Несмотря на обычную ему рѣзкость выраженія въ мысляхъ и образахъ, Писемскій былъ еще добродушнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Особенно выдѣлилось одно его качество. Онъ считалъ великимъ бѣдствіемъ на землѣ—несправедливость, оказанную человѣку, и притомъ бѣдствіемъ столько же для потерпѣвшаго отъ нея, сколько и для того, кто въ ней провинился. Мы могли бы привести нѣсколько примѣровъ, когда наговоры какого-либо дружескаго кружка на намѣченную имъ жертву, какъ часто бываетъ съ ними, погружали его въ недоумѣніе, почти въ ужасъ, и заставляли его морально страдать, отыскивая ихъ причины и поводы... Если болѣзни, слабости, паденія Писемскаго приравнивали его къ толпѣ, то, съ другой стороны, онъ раздѣлялъ съ нею и ея гнѣвъ, и негодованіе на людскую несправедливость, ея презрѣніе и отвращеніе къ торжеству нравственнаго безобразія на свѣтѣ и ея любовь къ единственному оружію, находящемуся въ ея распоряженіи—пасмѣшкѣ, карикатурѣ, памфлету. Мы находимъ, что *простой* человѣкъ такого рода заслуживаетъ стоять рядомъ съ тѣми героическими фигурами, какія по справедливости воздвигло наше общество, въ своемъ умственномъ пантеонѣ, памяти людей, которыми оно гордится и заслугу которыхъ высоко цѣнитъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Стихотвореніе А. Ѳ. Писемскаго.

ВЪ „ALBUM DE M-me OLGA KOZLOW".

Когда Марлинскаго фрегатъ
Попалъ на мель, и въ бричкѣ скромной
Изволитъ Чичиковъ катать,
Что въ этотъ вѣкъ въ листокъ альбомный,
Скажите—можетъ написать
Нашъ братъ, въ сатирѣ закоснѣлый,
Какъ только развѣ восклицать,
Что геній вѣка—жуликъ смѣлый!

1879 г.
Москва.

Оглавленіе

VIII ТОМА.

	стр.
Ипохондрикъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	3
Раздѣлъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ	80
Ветеранъ и новобранецъ. Драматическій случай изъ 1854 года	127
Горькая судьбина. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	146
Самоуправцы. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ	197
Поручикъ Гладковъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ	242
Бывые соколы. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	294
Ваалъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	329
Просвѣщенное время. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	396
Финансовый геній. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	443
Хищники. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ	491
Птенцы послѣдняго слета. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	559
Милославскіе и Нарышкины. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ	598
Бойцы и выжидатели. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	644
Матери-соперницы. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. *(Не окончена)*	673
Семейный омутъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. *(Не окончена)*	683
Изъ переписки А. Ѳ. Писемскаго	716
Художникъ и простой человѣкъ. Очеркъ *П. В. Анненкова*	747
Въ Album de m-me Olga Kozlow. Стихотвореніе	779

Алфавитный указатель

сочиненій А. Ѳ. Писемскаго.

(Т. I—VIII)

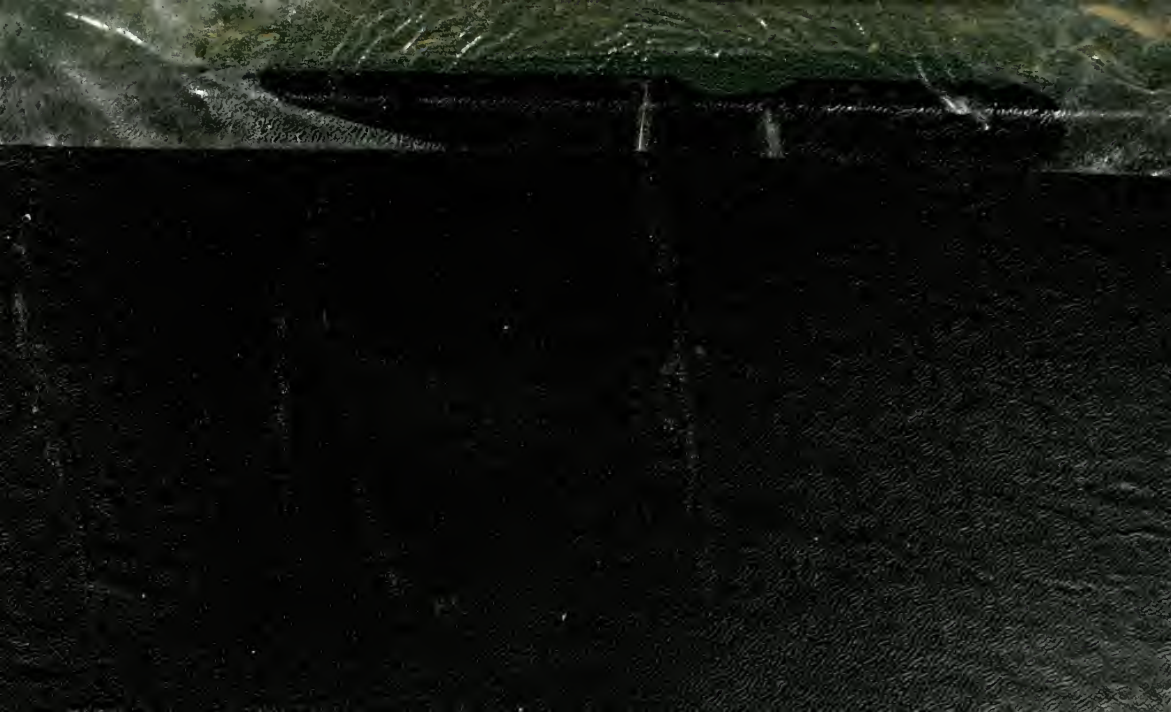
	Томы.	Стр.
Автобіографія	I.	3— 8
Астраханскіе армяне. Путевые очерки	VII.	485—498
Астрахань. Путевые очерки	VII.	459—474
Баку. Путевые очерки	VII.	534—542
Батька. Разсказъ	IV.	88—115
Бирючья коса. Путевые очерки	VII.	531—533
Богатый женихъ. Романъ въ 2 ч.	I.	75—264
Бойцы и выжидатели. Драма въ 4 д.	VIII.	644—672
Боярщина. Романъ въ 2 ч.	II.	54—205
Бывые соколы. Трагедія въ 4 д.	VIII.	294—328
Ваалъ. Драма въ 4 д.	VIII.	329—395
Ветеранъ и новобранецъ. Драматическій случай изъ 1854 года	VIII.	127—145
Взбаламученное море. Романъ въ 6 ч.	IV.	116—549
Виновата ли она? Записки	III.	213—287
Въ водоворотѣ. Романъ въ 3 ч.	VII.	3—422
Горькая судьбина. Драма въ 4 д.	VIII.	146—196
Завѣщаніе моимъ дѣтямъ Василію и Николаю. Юмористическая замѣтка	VII.	626—631
Записки Салатушки. Фельетонъ	VII.	586—604
Изъ переписки А. Ѳ. Писемскаго	VIII.	716—746
Ипохондрикъ. Комедія въ 4 д.	VIII.	3— 79
Калмыки. Путевые очерки	VII.	499—530
Комикъ. Разсказъ	III.	3— 72
Лѣшій. Очеркъ изъ крестьянскаго быта	I.	612—651
Люди сороковыхъ годовъ. Романъ въ 5 ч.	V.	3—736
Масоны. Романъ въ 5 ч.	VI.	3—721
Матери-соперницы. Трагедія въ 5 д.	VIII.	673—682
Милославскіе и Нарышкины. Трагедія въ 5 д.	VIII.	598—643
М-г Батмановъ.	III.	73—158
Мѣщане. Романъ въ 3 ч.	III.	320 631
Нина. Этюдъ	I.	265—286
Обличительное письмо изъ ада.	VII.	605—611
Очерки изъ крестьянскаго быта	I.	583—651
„ „ „ „	II.	3— 53

	Томы.	Стр.
Писемскій, А. Ѳ. Очеркъ В. В. Зелинскаго.	I.	9— 74
Питерщикъ. Очеркъ изъ крестьянскаго быта.	I.	583—611
Плотничья артель. Очеркъ изъ крестьянскаго быта . .	II.	3— 53
По поводу сочиненія Гоголя „Похожденія Чичикова". Критическая статья	VII.	436—458
Поручикъ Гладковъ. Трагедія въ 5 д.	VIII.	242—293
Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и Астрахани.	VII.	547—585
Просвѣщенное время. Трагедія въ 4 д.	VIII.	396—442
Птенцы послѣдняго слёта. Трагедія въ 4 д.	VIII.	559—597
Путевые очерки. I—VIII.	VII.	459—585
Раздѣлъ. Комедія въ 3 д.	VIII.	80—126
Русскіе лгуны. Очерки.	IV.	550—611
Самоуправцы. Трагедія въ 5 д.	VIII.	197—241
Семейный омутъ. Драма въ 5 д.	VIII.	683—715
Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступицына (Бракъ по страсти). Повѣсть	I.	287—414
Старая барыня.	III.	288—319
Старческій грѣхъ.	IV.	3— 87
Татары. Путевые очерки	VII.	475—484
Тысяча душъ. Романъ въ 4 ч.	II.	266—643
Тюкъ-Караганскій полуостровъ и Тюленьи острова .	VII.	543—546
Тюфякъ. Повѣсть.	I.	415—582
Уже отцвѣтшіе цвѣтки (Капитанъ Рухневъ).	VII.	423—435
Фанфаронъ. Разсказъ.	III.	159—212
Фельетоны Никиты Безрылова.	VII.	612—625
Финансовый геній. Комедія въ 4 д.	VIII.	443—490
Хищники. Комедія въ 5 д.	VIII.	491—558
Художникъ и простой человѣкъ. Изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ. Очеркъ П. В. Анненкова. .	VIII.	747—778
Въ „Album de m-me Olga Kozlow". Стихотвореніе. .	VIII.	779

PG
3337
P5
1910
t.3

Pisemskiĭ, Alekseĭ
Feofilaktovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
OCT 02 1987